

ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Материалы Ежегодной всероссийской научной
конференции с международным участием РАПН'2020*

Москва, Московский педагогический государственный университет
27-28 ноября 2020 г.

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
Московский педагогический государственный университет

65-летие РАПН
(Основана в 1955 г.)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
И ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ:
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции

с международным участием РАПН'2020

27-28 ноября 2020

Москва, МПГУ

Москва
2020

Оргкомитет конференции:

Сопредседатели: Гаман-Голутвина О.В., Лубков А.В.

Заместители председателя: Тимофеева Л.Н., Шаповалов В.Л.

Члены Оргкомитета:

Ананченко А.Б., Антюхова Е.А., Ильичева Л.Е., Казаринова Д.Б., Козлова Н.Н.,

Мчедлова М.М., Никитин А.И., Патрушев С.В., Помигуев И.А., Пырма Р.В.,

Рафалюк С.Ю., Рудницкая А.П., Савенков Р.В., Сунгуров А.Ю.

Шестакова М.Н. (ответственный секретарь).

Программный комитет конференции:

Председатель: Сморгунов Л.В.

Заместители председателя: Мирошниченко И.В., Попова О.В.

Члены Программного комитета:

Айвазова С.Г., Бродовская Е.В., Глухова А.В., Карадже Т.В., Комаровский В.С., Коньков А.Е.,

Кондратенко К.С., Лебедева М.М., Ледяев В.Г., Малинова О.Ю., Мирошниченко И.В.,

Морозова Е.В., Никовская Л.И., Овчарова О.Г., Римский В.Л., Семененко И.С., Смирнов В.В.,

Соколов А.В., Соловьев А.И., Фадеева Л.А., Чугров С.В., Шабров О.Ф., Шестопап Е.Б.

*Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ,
грант №20-011-22039\20*

Ежегодная научная конференция РАПН 2020 г. проводится при поддержке:
Московского педагогического государственного университета, МГИМО МИД России
научных журналов: «Политические исследования (Полис)», «Власть», «Политическая наука»,
«Сравнительная политика», «Политическая экспертиза. Политэкс», «Конфликтология»

Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27-28 ноября 2020 г. / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В., Сморгунова Л.В., Тимофеевой Л.Н. - М.:Изд. МПГУ, 2020. - 620 с.

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020 «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы». Для политологов, социологов, специалистов в области международных отношений и регионоведения, всех интересующихся современными политическими проблемами развития России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тематика ежегодной конференции РАПН в 2020 г. посвящена теме политического представительства и публичной власти. Эта тематика, конечно, связана с двумя политическими событиями. *Во-первых*, понятие «публичная власть» вошло в обновленную Конституцию Российской Федерации, поправки в которую были одобрены Общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. П. 1. Ст. 67 утверждает «Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. *Организация публичной власти* на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом» (выделено нами – ред.). Ст. 71 в п. г) говорит о том, что в ведении Российской Федерации находится «организация публичной власти». П. 2 ст. 80 отмечает, что Президент Российской Федерации «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в *единую систему публичной власти*» (выделено нами – ред.). Президент РФ формирует Государственный Совет Российской Федерации «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти» (пп. е. 5), ст. 83). Ст. 132 в п.3 устанавливает, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории», а ст. 131, п. 3 говорит о том, что «особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом». При этом появляется термин «публичные функции» в ст. 133, посвященной гарантиям местному самоуправлению. Таким образом перед политологами возникает задача политического определения и интерпретации внесенных в конституцию изменений, касающихся формирования, организации и функционирования единой системы публичной власти в стране. Важным является и понимание того, что вносит нового в политическую жизнь государства и общества в России термин «публичная власть» и прилагательное «публичный» применительно к ее функциям. *Во-вторых*, в 2021 г. пройдут выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Актуализация соответствующей проблематики выборов затрагивает не только политический процесс в целом (политические партии, выдвижение кандидатов, дискуссии и повестка дня, голосование и др.), но и влияние на этот процесс дополнительных функций представительных органов государственной власти в стране. При довольно низком доверии граждан к политическому представительству и деятельности соответствующих институтов публичной власти все же эта тема является значимой и политически острой. А при учете цифровизации, которая сегодня трансформирует политическую коммуникацию и мобилизационные механизмы участия, если не проблематизирует действенное существование политического представительства вообще, вопрос выборов имеет многообразные сюжетные линии, которые хотелось бы обрисовать на конференции. В этом отношении «трансформационные вызовы и перспективы» как задача конференции вполне охватывают перспективную тематику научных исследований.

Ежегодная конференция РАПН 2020 пройдет по следующим форматам:

1. ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ:

- ОТ-1. Публичная власть: структурные и функциональные вызовы в эпоху кризисов
- ОТ-2. Теория власти и господства
- ОТ-3. Преодолен ли кризис политической репрезентации?
- ОТ-4. Парламентаризм в современном мире
- ОТ-5. Конституция и публичная власть
- ОТ-6. Политические партии и политическое представительство
- ОТ- 7. Выборы и публичная власть

- ОТ-8. Выборы депутатов Государственной думы 2021 г.: вызовы и прогнозы
- ОТ-9. Разделение властей: право, политика, технология
- ОТ-10. Федерализм и публичная власть
- ОТ-11. Публичная власть и прямая демократия
- ОТ-12. Гражданское участие и публичная власть

2. ЗАСЕДАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМИТЕТОВ РАПН:

- ИК-1 по гендерной политологии
- ИК-2 по институциональным исследованиям
- ИК-3 по изучению мировой политики
- ИК-4 по политической психологии
- ИК-5 по политической социологии
- ИК-6 по политической элитологии
- ИК-7 по проблемам прав человека
- ИК-8 по сравнительной политологии
- ИК-9 по гражданскому обществу, конфликтам и публичной политике
- ИК-10 по публичной политике и управлению
- ИК-11 по изучению идей и идеологий в публичной сфере
- ИК-12 по политической регионалистике
- ИК-13 «Информационные технологии в политике»
- ИК-14 по политическому управлению
- ИК-15 по геополитике и безопасности
- ИК-16 по политической коммуникативистике
- ИК-17 по сравнительному изучению партийных и избирательных систем
- ИК-18 по политической идентичности
- ИК-19 по политической концептологии
- ИК-20 по государству, бизнесу и гражданскому обществу
- ИК-21 по политическому анализу
- ИК-22 по публичной дипломатии

3. ЗАСЕДАНИЯ КРУГЛЫХ СТОЛОВ

- КС-1. Актуальные проблемы политической философии
- КС-2. Закон и порядок: парламентаризм, федерализм и законотворчество в сравнительной перспективе
- КС-3. Обеспечение баланса традиционной (военной) и социетальной безопасности как условие развития РФ в период политической турбулентности (при поддержке Департамента политологии и массовых коммуникаций, а также Совета молодых ученых Финансового университета при Правительстве РФ)
- КС-4. Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах (презентация коллективной монографии «Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией»)
- КС-5. Город как политическая идея: пространство смыслов, репрезентации, коммуникации

- КС-6. Конфликтологический аудит в российских регионах: содержание, эффекты и проблемы
- КС-7. Политические ценности и установки современной российской молодежи
- КС-8. Политический PR: коммуникационные стратегии и политический язык в эпоху мировой пандемии
- КС-9. Внешнее информационное давление в социальных медиа: опыт изучения технологий деконструктивного воздействия на регионы-мишени в РФ
- КС-10. Местное самоуправление и государственная власть в современной России: эволюция взаимоотношений
- КС-11. Образ будущего России как проблема политической науки и политической практики
- КС-12. Развитие инструментов оценки деятельности государственных систем и структур публичной власти
- КС-13. Искусство в пространстве европейской политики
- КС-14. Политическая онтология цифровизации публичного управления
- КС-15. Трансформация мира и политики после Covid-19
- КС-16. Онлайн образование и его перспективы

4. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ:

- СЗ-1. Мобилизация и демобилизация в политическом протесте
- СЗ-2. Молодежь и публичная власть: направления, формы и механизмы взаимодействия
- СЗ-3. Молодые политологи: политический и научный потенциал
- СЗ-4. Заседание Президиума Академии политической науки: Ленинское теоретическое наследие и современная политическая наука (к 150-летию В.И.Ленина)

Цель конференции – способствовать разработке в российской политической науке проблематики представительства и публичной власти в условиях их трансформации, а также внедрению новых подходов к современной публичной политике и управлению путем сочетания институционального, сетевого, коммуникативного, конфликтологического и идейционистского подходов; укрепление единства теории и практики в преподавании общественных дисциплин в вузах.

Следует также отметить, что конференция проходит в год 65-летия вхождения РАПН в Международную ассоциацию политической науки, что является показателем большой истории развития политической науки в стране. Последние тридцать лет были ознаменованы не только освоением всего потенциала международного развития политической науки в стране, но и формированием заметных прорывов в направлении оригинальных исследований и постановки актуальных вопросов политики.

В связи с пандемией конференция будет проходить в смешанном формате при сочетании обычного пленарного формата (с частичным ограничением очного участия), оффлайн-форматов небольших заседаний части форматов в Москве и онлайн заседаний большинства секций, круглых столов и специальных заседаний. Надеемся, что и при этом смешанном процессе организации конференции нам удастся сохранить высокий научный уровень обсуждения ее проблематики.

*О.В.Гаман-Голутвина
Л.В.Сморгунов
Л.Н. Тимофеева*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Абгаджавя Д.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> РИСК, КОНФЛИКТ И УПРАВЛЯЕМОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА.....	38
<i>Абрамов И.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> КОМБИНИРОВАННЫЙ ТИП: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА	39
<i>Аветисян А.С. (Москва, МГИМО МИД России)</i> МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПРИ РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ КОРПОРАТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА	40
<i>Авзалова Э.И. (Казань, К(П)ФУ)</i> ЦЕНзуРА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	41
<i>Авксентьев В.А. (Ростов-на-Дону, ФИЦ ЮНЦ РАН)</i> РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЮГЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	42
<i>Авцинова Г.И. (Москва, РГСУ)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАЕКТОРИЙ КОММУНИЦИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ.....	44
<i>Агазаде М.М. (Москва, РУДН)</i> БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ БУДУЩЕГО НА ФОНЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ	45
<i>Азарнова А.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	46
<i>Азизова Д.К. (Волгоград, ВолГУ)</i> ЭЛЕМЕНТЫ «ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА» В РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?.....	47
<i>Акимочкина М.С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ РАННЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА	48
<i>Аксюмов Б.В. (Ставрополь, СКФУ)</i> ГРАЖДАНСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.....	50
<i>Алборова М.Б. (Москва, ЦМИБ и НТП МГИМО МИД России)</i> ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО - ИННОВАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ	51
<i>Алейников А.В., Пинкевич А.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> РИСК-РЕФЛЕКСИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	52
<i>Алексеев А.В. (Москва, ИНИОН РАН)</i> ПРАВА И СВОБОДЫ В ДИСКУРСЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВЫХ ПОПУЛИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В ПАРЛАМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА).....	53

<i>Алексеев Д.В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	54
<i>Амиантова И.С. (Москва, РУДН)</i> ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕР В СОВРЕМЕННОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	55
<i>Ананченко А.Б. (Москва, МПГУ)</i> РОССИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДВУХПОЛЮСНОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ.....	56
<i>Антонов Д.Е. (Москва, ГАУГН)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	57
<i>Антончева О.А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ),</i> <i>Апанасенко Т. Е. (Санкт-Петербург, независимый исследователь)</i> ШИРИНА СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА И ПРАВОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИЗМЕРЕНИЕ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ.....	59
<i>Апанович М.Ю. (Москва, МГИМО МИД России)</i> МИГРАЦИЯ VS ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОТ «ГЛОБАЛЬНОЙ ОТКРЫТОСТИ» К «ЛОКАЛЬНЫМ БАРЬЕРАМ».....	60
<i>Артеев С.П. (Москва, ИМЭМО РАН)</i> ПАНДЕМИЯ COVID-19: СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	61
<i>Артемук А.А. (Москва, ИВ РАН)</i> ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО САЛАФИЗМА НА ПРИМЕРЕ ЕГИПЕТСКОЙ ПАРТИИ «АН-НУР»	62
<i>Арутюнов А.Г. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ.....	63
<i>Асеев С.Ю. (Барнаул, АлтГУ)</i> ПРОГРАММЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СУБЪЕКТАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	64
<i>Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. (Барнаул, АлтГУ)</i> ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПАТРИОТИЗМА ШКОЛЬНИКАМИ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....	66
<i>Ачкасов В.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ФЕДЕРАЛИЗМ И ЭТНИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	67
<i>Ашмарина А.А. (Нижегород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)</i> МИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИЮ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	68
<i>Баландина Д.М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РПЦ И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	69
<i>Балаян А.А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ), Томин Л.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> «ЦИФРОВИЗАЦИЯ СВЕРХУ» КАК СТРАТЕГИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ И ВОСПРОИЗВОДСТВА АВТОКРАТИЙ	70
<i>Барандова Т.Л. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ),</i> <i>Шестакова Н.А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЬЮМЕРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖКИ И ПРОТЕСТА (НА ПРИМЕРЕ МОДЫ В РОССИИ 2007–2017).....	71

<i>Баранов А.В. (Краснодар, КубГУ)</i> ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ ИНСТИТУТАМ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ЭТНИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНИ И КРЫМА)	73
<i>Баранов Н.А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ПУБЛИЧНЫЙ ПРОТЕСТ В УСЛОВИЯХ «ЦИФРОВОГО ТОТАЛИТАРИЗМА»: ОПЫТ РОССИИ.....	74
<i>Башмаков И.С. (Краснодар, КубГУ)</i> МЕСТО ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ).....	75
<i>Бедерсон В.Д. (Пермь, ПГНИУ)</i> ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОСЕДСКИХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ МОСКВЕ.....	77
<i>Безбородов М.И. (Петрозаводск, ПетрГУ)</i> АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	78
<i>Безрукова Е.Ю. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОТЕСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ	79
<i>Бейдина Т.Е., Кухарский А.Н., Новикова А.В. (Чита, Забайкальский государственный университет)</i> ИССЛЕДОВАНИЕ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ КАК ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	80
<i>Белюсов Г.Ф. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	81
<i>Белугина Н.Б. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА.....	82
<i>Белый В.А. (Санкт-Петербург, Университет ИТМО)</i> ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ВЛАСТЬЮ: О РЕЗУЛЬТАТАХ ОПРОСА ГРАЖДАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.....	83
<i>Беляков А.А., Соколов А.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> ИНДЕКСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРОТЕСТНЫХ ПОВЕСТОК В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	85
<i>Берёзкина Е.Ю. (Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ОПЫТ ИТАЛИИ	86
<i>Березкина О.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ТЕОРИЯ ЛЕГИТИМНОГО ГОСПОДСТВА М. ВЕБЕРА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ XX-XXI ВВ.....	87
<i>Березняков Д.В. (Новосибирск, НГУ), Козлов С.В. (Новосибирск, СИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ВЕРХОВНАЯ РАДА УКРАИНЫ: «СИЛЬНЫЙ» ПАРЛАМЕНТ В УСЛОВИЯХ «СЛАБОГО» ГОСУДАРСТВА.....	88
<i>Беспалов С.В., Марача В.Г. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	89
<i>Бетмакаев А.М. (Барнаул, АлтГУ)</i> ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ВЕНГЕРСКИЙ ОПЫТ.....	90
<i>Бизина М.Ю. (Томск, ТГУ)</i> УЧАСТИЕ РАДИКАЛИЗИРОВАННОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ.....	91

<i>Бикбулатов Э. А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В США (XIX-XIX век).....	92
<i>Близнецкая Е.А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> КОРОНАВИРУС COVID-19 И ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ГЛОБАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТЬЮ	93
<i>Бовыкин К.А. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> ПОСТПРАВДА КАК ИНТЕРНЕТ-МИФОЛОГИЯ СОВРМЕНННОСТИ И ЕЕ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА	95
<i>Богатова О.А. (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарёва)</i> ПРОРАБОТКА ТРАВМАТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОИСК РЕЛЕВАНТНЫХ МОДЕЛЕЙ	96
<i>Бойко С.И. (Москва, РГГУ)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТЕНТОВ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	97
<i>Болгов Р.В., Чернов И.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ОНЛАЙН-ДИСКУРС МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ В TWITTER: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА.....	98
<i>Большаков А.Г. (Казань, К(П)ФУ)</i> КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ	99
<i>Борисов М.Е. (Москва, РГГУ)</i> ПАНДЕМИЯ КАК ДРАЙВЕР ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЯДЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН	100
<i>Борисова Н.В. (Пермь, ПГНИУ)</i> ПРАВО НА РОДНОЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРЕБОВАТЬ НЕЛЬЗЯ СОГЛАСИТЬСЯ?.....	101
<i>Боришполец К.П. (Москва, МГИМО МИД России)</i> РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ	102
<i>Брега А.А. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА.....	103
<i>Брега А.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, ФНИСЦ РАН)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: МЕЖДУ ИЕРАРХИЕЙ И СЕТЕВИЗАЦИЕЙ	105
<i>Брега Г.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ	106
<i>Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, МПГУ)</i> СТРУКТУРА МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ МИНОРИТАРНЫХ ОНЛАЙН СООБЩЕСТВ КРЫМСКОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА РУНЕТА.....	107
<i>Бронников И.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> САМООРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАН И ОНЛАЙН-МИТИНГИ	109
<i>Брянцев И.И. (Саратов, ПИУ им. П.А. Столыпина – РАНХиГС при Президенте РФ), Брянцева О.В. (Саратов, СГЮА)</i> РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ	110

<i>Буковская Н.В. (Томск, НИ ТГУ)</i> Ю. ХАБЕРМАС О НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ГОСПОДСТВА	112
<i>Булга В.И. (Москва, ЦМИБ и НТП МГИМО МИД России)</i> ТЕХНОЛОГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ – ВЫЗОВ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА....	113
<i>Бутенко В.А. (Москва, РУДН)</i> ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИЮ	114
<i>Быков И.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ГОСУДАРСТВЕННЫЙ PR И ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	115
<i>Вагина В.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	116
<i>Ваславский Я.И. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЫБОР: КОНТУРЫ ПОСТ-КОРОНАВИРУСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	117
<i>Васьков И.С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ГУМАНИЗАЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	118
<i>Веретевская А.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> СИСТЕМНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ С МИРОВЫМИ КРИЗИСАМИ: ЧТО МОГУТ И ЧЕГО НЕ МОГУТ СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА	120
<i>Ветренко И.А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАТА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ВЫБОРАХ В РЕГИОНАХ РОССИИ В 2020 ГОДУ	120
<i>Викулина С.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ VII СОЗЫВА	122
<i>Виноградова Н.С. (Москва, МГУТиУ)</i> ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ СТРАН.....	123
<i>Виноградова Т.И. (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики), Дмитриева А.Е. (НИУ ВШЭ)</i> ПРАКТИКА ПАРТИЦИПАТОРНОГО И ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В МИРЕ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	124
<i>Витковская Т.Б. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)</i> МОДЕЛИ СУБНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	125
<i>Водолазов Г.Г. (Москва, МГИМО МИД России)</i> «РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ» КАК ИДЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА	126
<i>Волков В.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНИНА	128
<i>Волкова А.В., Кулакова Т.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДИЗАЙНОВ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ	129
<i>Воржецов А.Г. (Казань, КНИТУ)</i> НУЖЕН ЛИ ВТОРОЙ ПАКЕТ ПОПРАВОК В КОНСТИТУЦИЮ РФ?	130

<i>Воробьев А.П., Константинова М.В. (Красноярск, КГПУ им. В.П.Астафьева)</i> ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ Г. КРАСНОЯРСКА.....	131
<i>Воронин А.Д. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ: «СИЛОВОЙ» И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	132
<i>Вяткин И.О. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> УКРЕПИТЬСЯ, ИГНОРИРОВАТЬ ИЛИ ПЕРЕНЯТЬ? РЕАКЦИЯ НЕМЕЦКИХ ПАРТИЙ ЛЕВОГО ТОЛКА НА ПОЯВЛЕНИЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНОЙ «АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ ГЕРМАНИИ» В БУНДЕСТАГЕ	133
<i>Габриелян О.А. (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского), Гаспарян Л.С. (Симферополь, КУКИиТ)</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ СОЦИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В СТРУКТУРЕ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	134
<i>Гаврилов С.Д. (Волгоград, ВолГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНА.....	135
<i>Гаврилова М.В. (Санкт-Петербург, СПбГИКиТ)</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «ГОСУДАРСТВО» В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ.....	137
<i>Гаджиев Х.А. (Москва, РУДН)</i> ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ОПЫТ РОССИИ.....	138
<i>Гайнутдинова Л.А. (Санкт-Петербург, РГПУ им.А.И.Герцена)</i> ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	139
<i>Гасанов М.А. (Калининград, БФУ им. Канта)</i> СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК «МЯГКАЯ СИЛА» ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА ЕАЭС	140
<i>Гераскин И.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ	141
<i>Гилев А.В. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ), Шевцова И.К. (Пермь, ЦСИПИ ПГНИУ)</i> БЕСКОНФЛИКТНАЯ АРЕНА: ЭФФЕКТЫ ВВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ КОНКУРСНОГО ОТБОРА ГЛАВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ.....	143
<i>Гладков А.К. (Москва, ИВИ РАН)</i> МОНАРХИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ	144
<i>Гладченко И. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ЦИФРОВИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ.....	145
<i>Глухова А.В. (Воронеж, ВГУ)</i> ГРАЖДАНСКАЯ ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ	146
<i>Гнедаш АА. (Краснодар, КубГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОССИЙСКИХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ: ГЕНДЕРНЫЙ И СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ВК-СООБЩЕСТВ «МАМА» И «РЕАЛЬНЫЙ ФУТБОЛ»	148

<i>Головин М.С. (Челябинск, ЧелГУ)</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ГОСУДАРСТВ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ).....	149
<i>Головин Ю.А. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	150
<i>Горлов К.Н. (Москва, ИСПИ РАН, Мичуринск, МичГАУ)</i> ПОВЫШЕНИЕ ДОВЕРИЯ БИЗНЕСА К ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	151
<i>Градосельская Г.В. (Москва, ИСА)</i> МЕТОД ЗЕРНОВОЙ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ДЛЯ КАРТИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ РЕГИОНА	152
<i>Грачиков Е.Н. (Москва, РУДН)</i> НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1949-2019 ГГ.)	154
<i>Гребенникова Е.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗРАСТАНИЯ РИСКОВЕННОСТИ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 8 СОЗЫВА	155
<i>Григоренко И.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН).....	156
<i>Гриценко Г.Д. (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)</i> ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В СТАБИЛИЗАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.....	157
<i>Гришин Н.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> МЕХАНИЗМЫ И ФОРМЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА НА ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ВЫБОРОВ.....	158
<i>Громова Т.В. (Самара, ИАЦ), Малаканова О.А., Толтыгина О.А. (Самара, СамГУ)</i> ЦИФРОВОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КЕЙСА).....	159
<i>Гундарь Е.С. (Ставрополь, СКФУ)</i> РОЛЬ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ.....	161
<i>Гусев К.А. (Санкт-Петербург, СПбГУПТД)</i> ОНТОЛОГИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РУССКОМ СОЦИАЛЬНОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ.....	162
<i>Гутова Е.А., Кошевой А.С. (Томск, НИ ТГУ)</i> ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	163
<i>Данилова А.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ «НОВЫХ ЛИЦ» ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	164
<i>Данилова Е.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет)</i> КОМПЕТЕНЦИИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РФ В РАМКАХ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ	165
<i>Датукишвили Е.З. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...	167

<i>Дегтярёв А.А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> «ДУАЛЬНОСТЬ ОПТИКИ» ПОЛИТИКО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ: ПРОБЛЕМА КОНВЕРСИИ МАКРО-МИКРО-АНАЛИЗА В ЦИКЛЕ GR-МЕНЕДЖМЕНТА	168
<i>Дейкун М.М. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> РОССИЙСКИЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ.....	169
<i>Денисов С.А. (Екатеринбург, Гуманитарный университет г. Екатеринбург)</i> КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕВИАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	170
<i>Дергачева В.Е. (Барнаул, АлтГУ)</i> ПОЛИТИКА ПАМЯТИ США В ОТНОШЕНИИ СОБЫТИЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (МЕМОРИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ).....	171
<i>Дергунова Н.В. (Ульяновск, УлГПУ)</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОРМ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ).....	172
<i>Дерендяева А.Д. (Барнаул, АлтГУ)</i> РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИНЕМАТОГРАФА КАК ИНСТРУМЕНТА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	174
<i>Деткина В.О. (Москва, АНО «АЦ при Правительстве Российской Федерации»)</i> ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ И МОЛОДЁЖНЫЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ КАК РЕСУРСНАЯ БАЗА ДЛЯ ПРИРАЩЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТА-ПОЛИТОЛОГА.....	175
<i>Джантеева Д.С. (Черкесск, КЧИГИ)</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭТНИЧНОСТИ.....	176
<i>Динь Т.Т.З., (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ПЕРИОД ПРОТИВОСТОЯНИЯ COVID-19	177
<i>Дмитриев С.С. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> «ОНЛАЙН-МИТИНГИ» КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	178
<i>Дмитриева В.Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> КОНЦЕПЦИЯ ВСЕМИРНОЙ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СОВРЕМЕННОГО КАТОЛИЦИЗМА	179
<i>Донцев С.П. (Москва, РГГУ)</i> РЕЛИГИОЗНОЕ ЛИДЕРСТВО И МЕЖЭЛИТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	181
<i>Дудаева М.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В ИТАЛИИ: ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ.....	182
<i>Дука А.В. (Санкт-Петербург, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)</i> РЕКРУТИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА	183
<i>Дун Чжэньвэй (Москва, РУДН)</i> ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ COVID – 19.....	184
<i>Дусеев А.Д. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК НА СИСТЕМУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	185

<i>Дьякова Е.Г. (Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)</i> ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ POLICY ADVICE.....	186
<i>Евгеньева Т.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	187
<i>Евдокимов Н.А. (Уфа, БАГСУ)</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ ОСЕНИ 2018 ГОДА.....	188
<i>Евстифеев Р.В. (Владимир, Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i> «СПОРНЫЕ ВЫБОРЫ» ИЛИ «СУМЕРКИ ДЕМОКРАТИИ»? НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ	189
<i>Егоров Д.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> ПРИСУТСТВИЕ И САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.....	191
<i>Елагин Д.П. (Москва, МГИМО МИД России)</i> КАК ВОЗНИКАЮТ «НЕУСТОЙЧИВЫЕ ГОСУДАРСТВА»? ПОИСК МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ.....	192
<i>Еременко Ю.А. (Санкт-Петербург, ФНИСЦ РАН),</i> <i>Филимонов К.Г. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА И ЕГО РОЛЬ В ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ГОРОДА ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ БАМБЕРГА	193
<i>Ермолаев Т.С. (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)</i> О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВНЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ.....	194
<i>Ефанова Е.В. (Волгоград, ВолГУ)</i> НОВЫЙ РЕСУРС ВЫБОРОВ: КАК ВОЛОНТЕРЫ ИЗМЕНЯТ РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ	195
<i>Жаде З.А. (Майкоп, АГУ)</i> ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО РИСКА НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СОЦИУМЕ	196
<i>Живодёрова Ю.В. (Тула, ТулГУ)</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ И НЕПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ.....	198
<i>Жуков И.К. (Омск, ОмГУ)</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ 2020 Г. КАК ПИЛОТНЫЕ ВЕРСИИ ВЫБОРОВ В ГОСДУМУ В 2021 Г.: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СМЕНЫ СТРАТЕГИИ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)	199
<i>Завершинский К.Ф. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОДОВ И НАРРАТИВОВ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	200
<i>Зазнаев О.И., Сидоров В.В. (Казань, К(П)ФУ)</i> ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	202
<i>Зайцев С.Ю. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)</i> ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	203

<i>Заляев Р.И. (Казань, К(П)ФУ)</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОЗДАНИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА	204
<i>Замараева А.С. (Санкт-Петербург, СПбУТиЭ)</i> ВЫБОРЫ 2021: КАКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БУДУТ ПРЕДСТАВЛЕНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В 2021 ГОДУ?	205
<i>Заславский С.Е. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ	206
<i>Захарова А.Е. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> ПОЛИТИКА И ПРАВО: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ И УСТАВНЫХ СУДОВ В СУБЪЕКТАХ РФ	208
<i>Захарова Е.А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В РЕГИОНАХ ФРАНЦИИ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2017 Г.: ОПЫТ МНОГОФАКТОРНОГО РАЙОНИРОВАНИЯ	209
<i>Зверев А.Л. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ)</i> КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА КАК ФОН ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	210
<i>Зверева А.Д. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ ДЕЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	211
<i>Зиневич О.В., Комарова К.А. (Новосибирск, НГТУ)</i> РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ КОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА И УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ	212
<i>Зиненко В.Е. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	214
<i>Зиновьев А.О. (Санкт-Петербург, ПГУПС)</i> ОСНОВАНИЯ И ОБОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПРИНУЖДЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ: ПРОБЛЕМЫ РЕЖИМА «САМОИЗОЛЯЦИИ» КАК ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	215
<i>Зиновьева Е.С. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ	216
<i>Зинченко А.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ	217
<i>Зорин В.А. (Челябинск, Челябинский государственный университет)</i> НОРМАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И ТРАЕКТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	218
<i>Зубов В.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ОСОБЕННОСТИ АГАЛИЗА ВЛИЯНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА	219
<i>Зуляр Ю.А. (Иркутск, ИГУ)</i> ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРА В РЕГИОНЕ: ОЧЕРЕДНЫЕ ОТСТАВКИ В СИБИРИ	220

<i>Иванов А.В. (Казань, К(П)ФУ)</i> КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ СЕТЕВЫХ ИСЛАМИСТСКИХ И ЭТНОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: О НЕКОТОРЫХ НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЯХ.....	222
<i>Иванов П.В. (Москва, РУДН)</i> РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ ЮАР ДЛЯ АФРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	223
<i>Иванова М.Г. (Москва, Фонд «Содействие развитию образования и культуры в России»)</i> ГРУППОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: ОПЫТ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	224
<i>Иванько Н.А. (Москва, РАНХИГС при Президенте РФ)</i> ПРИНЦИП ФЕДЕРАЛИЗМА КАК СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОСТИ	225
<i>Игнатъева И.Ф. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)</i> ГЕОПОЛИТИКА ТУРИЗМА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	226
<i>Игнатъева О.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПТОВ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПЛАТФОРМЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.....	227
<i>Идиатуллина К.С. (Казань, КНИТУ)</i> МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).....	228
<i>Ильичев М.В. (Москва, ВАВТ)</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ «МАГИСТРАЛЬНЫХ» КОМПАНИЙ В ПОЛИТИКЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ	230
<i>Ильичева Л.Е. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ),</i> <i>Ильичева М.В. (Москва, ИСПИ РАН)</i> «ДОВЕРИЕ» КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ	231
<i>Исаев Б.А. (Санкт-Петербург, ГУАП)</i> РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК УЧАСТНИКИ РАСКОЛОВ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЛИПСЕТА-РОККАНА	232
<i>Исобчук М.В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)</i> НЕУСПЕШНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: КАК И ПОЧЕМУ РЕГИОНАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СТАНОВИТСЯ НЕВОСТРЕБОВАННЫМ?	234
<i>Казаков А.А. (Саратов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского)</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ	235
<i>Казанцев Д.А. (Барнаул, АлтГУ)</i> МОЛОДЕЖНЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СУБЪЕКТАХ СФО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	236
<i>Казанцева Е.С. (Москва, РГГУ), Киричек А.А. (Москва, РГГУ),</i> <i>Переведенцев А.А. (Москва, МГИМО МИД России), Чиж В.А. (Москва, РГГУ)</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН ВЫШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЕРКИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ.....	237
<i>Казаринова Д.Б. (Москва, РУДН)</i> НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР ДЛЯ ПОСТКОРОНАКРИЗИСНОГО МИРА В ГЛОБАЛЬНОМ, МАКРОРЕГИОНАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	238
<i>Калачева Е.С. (Москва, МГИМО МИД России)</i> РОЛЬ СПИЧРАЙТЕРОВ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США	239

<i>Кандыба Р.А. (Пятигорск, ПГУ)</i> ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2021: БОРЬБА НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ.....	240
<i>Капицын В.М. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПАТРИОТИЗМ В СВЕТЕ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ (ИДЕНТИФИКАЦИОННО-СИМВОЛЬНЫЙ АНАЛИЗ).....	242
<i>Кардава Н.В. (Москва, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН)</i> НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ СРЕДИ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	243
<i>Качусов Д.А. (Барнаул, АлтГУ)</i> РОЛЬ ДВИЖЕНИЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	244
<i>Кашин Е.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ОБ ОСОБОМ ПУТИ РОССИИ.....	245
<i>Керимов А.А. (Екатеринбург, УрФУ)</i> ШВЕДСКИЙ ПАРЛАМЕНТ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....	246
<i>Кленова М.А. (Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	247
<i>Клеценко Л.Л. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)</i> «ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ» КАК МЕХАНИЗМ ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ МЕДИА	248
<i>Кныжова З.З. (Саратов, СГЮА)</i> КОММУНИКАЦИОННАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ ЧИНОВНИКОВ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ СТРАНЫ.....	249
<i>Ковалёв В.А. (Сыктывкар, Сыктывкарский госуниверситет)</i> BAD GOVERNANCE ПРОТИВ GOOD SOCIETY: ФАКТОР «НЕДОСТОЙНОГО ПРАВЛЕНИЯ» КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ	250
<i>Козинцев А.С. (Москва, МГИМО МИД России)</i> РОЛЬ ИСЛАМСКИХ ПАРТИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	251
<i>Козлов Н.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ), Переведенцев А.А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ДЕМОКРАТИЯ УЧАСТИЯ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ПАРТИИ В ЕВРОПЕ: ТЕХНОПОПУЛИЗМ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ.....	253
<i>Козлова Н.Н. (Тверь, ТГУ), Рассадин С.В. (Тверь, ТвГТУ)</i> ПОЛИТИЗАЦИЯ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РФ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ	254
<i>Кольба А.И. (Краснодар, КубГУ)</i> ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА В КОНФЛИКТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. КРАСНОДАРА).....	255
<i>Комаров О.Е. (Ярославль, ЯрГУ им.П.Г. Демидова)</i> ПЕРСПЕКТИВЫ КРАУДСОРСИНГА В ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ.....	256
<i>Комишуква О.В. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ	257

<i>Комягин Д.Д., Шилов С.В. (Волгоград, ВГУ)</i> КОНТУРЫ «НОВОЙ» ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ РАСШИРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ВЫБОРАХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2021 ГОДА?.....	259
<i>Кондратенко К.С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА МОТИВАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ С НАСЕЛЕНИЕМ.....	260
<i>Кондратенко К.С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> СТРАТЕГИИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ КАНАЛОВ УЧАСТИЯ В РЕГИОНАХ РФ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	261
<i>Кононенко О. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МЕДИА-АКТИВИЗМА: ОТ «БИТВЫ В СИЭТТЛЕ» ДО ОНЛАЙН-МИТИНГОВ В «ЯНДЕКС.НАВИГАТОРЕ».....	262
<i>Константинов М.С. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> ИНТЕРНЕТ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ: К ТЕОРИИ КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТРИЦ.....	264
<i>Коньков А.Е. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ	265
<i>Коргунок Ю.Г. (Москва, ИНИОН РАН)</i> РЕКОМЕНДАЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ МИССИЙ ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И ВЫРАБОТКА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ.....	266
<i>Корнеева Е. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> БАЛАНС УСТОЙЧИВОСТИ И ВОЛАТИЛЬНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: МЕНЯЕТСЯ ЛИ ГЕОГРАФИЯ ГОЛОСОВАНИЯ.....	267
<i>Корюшкин А.И. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ.....	268
<i>Кочетков А.П. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ЦИФРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	269
<i>Кошкин А.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> РОЛЬ ПАРЛАМЕНТСКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ VII СОЗЫВА В ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ.....	270
<i>Крайнова К.А. (Ярославль, Правительство Ярославской области)</i> ВЛИЯНИЕ СЕТЕВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ.....	272
<i>Краснопёров А.Ю. (Томск, НИ ТГУ)</i> ИМИДЖ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА В ВИРТУАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОМСКА).....	273
<i>Краэмер П. (Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)</i> ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ.....	274
<i>Кротков В.О. (Москва, ГАУГН)</i> ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ НА ФОНЕ КРИЗИСА РЕЖИМНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ	275
<i>Кругляков Д.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ СТРУКТУР.....	277

<i>Крылова М.А. (Санкт-Петербург, СПбГУП)</i> ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ПАНДЕМИИ	278
<i>Кудряшова И.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РАЗНОРОДНОСТЬЮ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	279
<i>Кузина С.И. (Ростов-на-Дону, ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, ДГТУ)</i> НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ФОРМАТЕ «ФОРМУЛЫ АРРИИ»	280
<i>Кузнецов А.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	282
<i>Кузнецов Д.А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	283
<i>Кузнецов Д.А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ В РАЗВИТИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ: НОВАЯ СТУПЕНЬ ИЛИ НОВЫЕ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ?.....	284
<i>Кузнецова А.В. (Казань, КНИТУ)</i> ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ЛЕВЫХ РАДИКАЛОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА (СИРИЗА И «ПОДЕМОС»)	285
<i>Кузьмина А.М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	286
<i>Куква Е.С. (Майкоп, АГУ)</i> ИНДИКАТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ	287
<i>Кулакова Н.Н. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> РОЛЬ АРМИИ В ПЕРИОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ	288
<i>Кулакова Т.А., Волкова А.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> «ВЫНУЖДЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ 2020»: ВЫЗОВЫ И УРОКИ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	289
<i>Кулинченко А.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭЛИТЫ КАК УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ВЛАСТИ	290
<i>Курков В.Н. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ПРОТЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГРУПП СТОРОННИКОВ А. НАВАЛЬНОГО В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)	292
<i>Курюкин А.Н. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ПАНДЕМИИ COVID-19	293
<i>Кутырев Г.И. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	294
<i>Кучинов А.М. (Москва, НИУ МЭИ)</i> КРИЗИС ОБЩЕГО БЛАГА И КРИЗИС ВОВЛЕЧЁННОСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	296

<i>Лавров И.Р. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СЕГМЕНТОВ МНОГОСОСТАВНОГО ОБЩЕСТВА. СЛУЧАЙ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА СИНГАПУР	297
<i>Лагутин О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	298
<i>Лавин А.В., (Москва, ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В РАКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И ПРИОРИТЕТОВ	299
<i>Лапшаков Г.С. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ СПб)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ	300
<i>Лебедева Е.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА ДОНАЛЬДА ТРАМПА	302
<i>Лебедева М.М. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕ-ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА.....	303
<i>Лебедева М.М. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ВЛИЯНИЕ БИОГЕННЫХ УГРОЗ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ	304
<i>Леонтьева О.В. (Тирасполь, ПГУ им. Т. Шевченко)</i> РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПРИДНЕСТРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ОЧЕРЕДНОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА	305
<i>Линде А.Н. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	306
<i>Линдерс А.М.Р. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ИНСТИТУТЫ ЦИФРОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ПРИМЕР НОВЫЙ ОТРАСЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЦИФРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	307
<i>Литвинова Т.И. (Тверь, ТвГТУ)</i> СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ	308
<i>Лопез Яньес Р.А. (Москва, РУДН)</i> СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЛЕВЫХ СИЛ В ИСПАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	309
<i>Лукьянова Г.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ВИНА ИЛИ СТЫД: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКОВ В ПЕРИОД КРИЗИСА	310
<i>Луцина Т.Ю. (Ижевск, Удмуртский государственный университет)</i> ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	311
<i>Майорова М.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	313
<i>Макаренко К.М. (Волгоград, ВолГУ)</i> ПОЯВИТСЯ ЛИ ФЕНОМЕН «TELEGRAM-РЕВОЛЮЦИИ»?.....	314
<i>Маковский А.А. (Псков, ПсковГУ)</i> ТЕХНОЛОГИИ МОНИТОРИНГА И АНАЛИЗА ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	315

<i>Максимович М.К. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАНДИДАТА НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США ДЖ. БАЙДЕНА	316
<i>Малашенкова А.А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ ПОПУЛИСТОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ	317
<i>Мальшиева О.П. (Краснодар, КубГУ)</i> ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ	318
<i>Малькевич А.А. (Санкт-Петербург, ЛГОУ им А.С. Пушкина)</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, РАЗЖИГАНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ И СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО	319
<i>Мальцева Д.А., Сафонова О.Д., Дедуль А.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ	321
<i>Мамаева Ю.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ПРИМЕНЕНИЕ PR-ТЕХНОЛОГИЙ КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	322
<i>Маник А.С. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УСПЕХА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	323
<i>Мансуров Т.З. (Казань, К(П)ФУ)</i> РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ С РЕСПУБЛИКОЙ АБХАЗИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА	325
<i>Марков Е.А. (Череповец, Череповецкий государственный университет)</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИБОРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА	326
<i>Маркушина Н.Ю. (Санкт-Петербург, СПбГУ), Межевич Н.М. (Москва, Институт Европы РАН)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН В ПЕРИОД КОРОНОВИРУСА	327
<i>Мартьянов В.С. (Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)</i> COVID-19 КАК КАТАЛИЗАТОР ЦЕННОСТНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ	328
<i>Матюсова А.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ «СТАРОЖИЛОВ» ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	330
<i>Медина Гонзалес Винисио Ксавьер (Москва, РУДН)</i> КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-2019: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	331
<i>Мелконян Л.А. (Москва, РУДН)</i> ТРАДИЦИИ В ОСНОВЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОПЫТ ЯПОНИИ	332
<i>Мельник О.Н. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ОСОБЕННОСТИ МЕЖФРАКЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	333

<i>Мещеряков Д.Ю. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВОК ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» ПОД ВЛИЯНИЕМ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ	334
<i>Мизулин М.Ю. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ» В УСЛОВИЯХ ПОСТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА	335
<i>Минаева Э.Ю. (Пермь, ПГНИУ)</i> ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В РЕГИОНАХ КАК ФАКТОР КРОСС-РЕГИОНАЛЬНОЙ ВАРИАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ «ЕДИНОЙ РОССИИ»	337
<i>Мирзаджанов Т.Э. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ВЫЗОВЫ НОВЫМ ДЕМОКРАТИЯМ: ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ, ПАРТИЙНОЙ ВОЛАТИЛЬНОСТИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ. ПОЛЬСКИЙ КЕЙС	338
<i>Мирошниченко И.В. (Краснодар, КубГУ)</i> СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИКИ: СУБЪЕКТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РЕСУРСЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ	339
<i>Мирясова О.А. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ	340
<i>Митрахович С.П. (Москва, Финансовый университет при правительстве РФ)</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «СЕВЕРНОГО ПОТОКА – 2»	341
<i>Митрофанова А.В. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ В РОССИИ	343
<i>Митрохина Т.Н. (Саратов, СЭИ СГТУ им. Гагарина Ю.А.)</i> ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	344
<i>Михайлова К.И. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЕЙ НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ	345
<i>Михалев А.В. (Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)</i> ТРАНСАЗИАТСКАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ, АКТОРЫ, СЕТИ.....	346
<i>Михеев В.А. (Москва, РАНХ и ГС при Президенте РФ)</i> ГРАЖДАНИН И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ	347
<i>Морозикова И.В. (Смоленск, СмолГУ)</i> ОБРАЗ СТРАНЫ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	349
<i>Морозов С.И. (Волгоград, ВолГУ)</i> ЗАКРЫВАЯ ОТКРЫТЫЙ МИР: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНОЙ «НОРМАЛЬНОСТИ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА	350
<i>Морозова Е.В. (Краснодар, КубГУ)</i> ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ВЫЗОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	351
<i>Морозова О.С. (Рязань, РГУ имени С.А. Есенина)</i> «КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ ПРИ COVID-19 ДЛЯ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ»: РЕКОМЕНДАЦИИ ANFREL В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	352
<i>Мусина Р.И. (Москва, МПГУ)</i> ВЕНГЕРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 2012 ГОДА: ТРАДИЦИОННЫЙ ПУТЬ «НОВЫХ» ДЕМОКРАТИЙ?	353

<i>Мутаев У.К. (Иваново, Ивановский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова)</i> РУССКИЙ МЕДВЕДЬ, СВОЙ ИЛИ ЧУДОЙ В ДАГЕСТАНЕ? (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ).....	354
<i>Мухаметов Р.С. (Екатеринбург, УРФУ)</i> ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ГЛАВ РЕГИОНОВ В КОРПУСЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?	355
<i>Мэн Юйфэн (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В КИТАИЗИРОВАННОМ МАРКСИЗМЕ	357
<i>Мясников С.А. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОБОСНОВАНИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА И РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В СИРИИ С 2014 ПО 2019 ГГ.	358
<i>Назукина М.В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)</i> РЕГИОНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС В ПОСЛАНИЯХ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РФ	359
<i>Настявин И.М. (Казань, КНИТУ-КХТИ)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ И НЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	360
<i>Небродовская-Мазур Е.Ю. (Москва, НАНО ВО «ИМЦ»)</i> КАТЕГОРИЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	362
<i>Неверов К.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРОПЕРАБЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФЕДЕРАЦИЯХ	363
<i>Невзоров М.В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)</i> ВЛИЯНИЕ ВМЕШИВАЮЩИХСЯ И КОНКУРИРУЮЩИХ ПРОЕКТОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ НА ИСХОД РЕГИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА	364
<i>Негров Е.О. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ОСОБЕННОСТИ ОНЛАЙН-МОБИЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ МЕГАПОЛИСОВ НА ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ В РОССИИ: ИВЕНТ-АНАЛИЗ ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ 2019–2020 ГГ.....	366
<i>Недяк И.Л. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> ИЗМЕРЕНИЕ ВЛАСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ ГОСПОДСТВА.....	367
<i>Нестерчук О.А. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, РУДН), Зогранян Е.В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕТЕВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ В TELEGRAM В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	368
<i>Нечаев Д.Н. (Воронеж, Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова)</i> ПРОБЛЕМАТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГУБЕРНАТОРОВ-ВАРЯГОВ И ГЛАВ РЕГИОНОВ ИЗ «МЕСТНЫХ» В РАКУРСЕ МИМЕТИЧЕСКОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТЕЙ ЦФО)	369
<i>Николаев И.В. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУ ГЕОПОЛИТИКОЙ И ДУХОВНОСТЬЮ	370
<i>Николаева М.В. (Краснодар, КубГУ)</i> КОММУНИКАЦИОННЫЕ, ВИЗУАЛЬНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ	372

<i>Никоненко С.А. (Тамбов, ТГУ)</i> ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА В РОССИИ: ПРОБЛЕМА АГРЕГИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ.....	374
<i>Овчарова О.Г. (Москва, РГСАИ)</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	375
<i>Окара А.Н. (Москва, Центр восточноевропейских исследований)</i> МОЖЕТ ЛИ НЕОСОЛИДАРИЗМ СТАТЬ «ПОЛНОЙ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ	376
<i>Онищенко А.Д. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> ИДЕАЦИОННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК СПОСОБ ОБЪЯСНЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРИОД КРИЗИСА	377
<i>Онопко О.В. (Донецк, Украина, ДонНУ)</i> ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭКСПЕРТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УКРАИНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДОКЛАДОВ К ПОСЛАНИЯМ ПРЕЗИДЕНТА ВЕРХОВНОЙ РАДЕ).....	379
<i>Орлова И.В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> РЕСУРСЫ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	380
<i>Осипов В.А. (Москва, РУДН)</i> ВИРТУАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СУВЕРЕНИТЕТА.....	381
<i>Осиповская Е.А., Загребина В.В. (Москва, РУДН)</i> ЭКОАКТИВИЗМ В АСПЕКТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ: МЕДИАОБРАЗ ГРЕТЫ ТУНБЕРГ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ.....	382
<i>Остапенко Г.И. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ФРАГМЕНТИРОВАННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В МОНГОЛИИ	384
<i>Островская Ю.Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> КРИЗИС ПРИЗНАНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАБАСТОВКУ В КАЧЕСТВЕ СПОСОБА УЧАСТИЯ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ	385
<i>Отюцкий Г.П. (Москва, РГСУ)</i> ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ?.....	386
<i>Ошевнева Е.С. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ, ВОСТРЕБОВАННЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США	387
<i>Павлова Т.В. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАКТИК СОУЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ В ЗАПАДНОМ И РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТАХ.....	389
<i>Палагичева А.В., Соколов А.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> ТЕХНОЛОГИИ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ	390
<i>Палачева Ю.А. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ.....	391

<i>Палитай И.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	393
<i>Панин В.Н., Шидуков А.Х. (Пятигорск, ПГУ)</i> БУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ.....	394
<i>Панкевич Н.В. (Екатеринбург, ИФиП УРО РАН)</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ ЮСТИЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР: СУДЕБНЫЙ АКТИВИЗМ, НОВЫЕ ФОРМАТЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ	396
<i>Панкратов С.А. (Волгоград, ВолГУ)</i> ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ РФ	397
<i>Панов П.В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)</i> ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И ОТНОШЕНИЕ К РЕГИОНАЛЬНЫМ ОРГАНАМ ВЛАСТИ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	398
<i>Папашвили Г.З. (Барнаул, АлтГУ)</i> ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОНКОНГА И КНР В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ «ОДНА СТРАНА – ДВЕ СИСТЕМЫ»	399
<i>Пасс П.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	400
<i>Патрушев С.В. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ.....	402
<i>Пашковский Е.А. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i> БОРЬБА ЗА МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПРАВОЙ ПРЕССЫ	403
<i>Пеньков В.Ф. (Тамбов, ТГТУ)</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	404
<i>Петрова Е.В. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> «СОВЕТСКИЙ ТЕЛЕЗРИТЕЛЬ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ СРЕДЕ: РАКУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ	405
<i>Петрова Р.И. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН), Филиппова Е.Ю. (Санкт-Петербург, Европейский Университет)</i> ЭТНИЧНОСТЬ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК	406
<i>Пилкина М.В. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> РЕФОРМА ПО ОБРАЩЕНИЮ С ОТХОДАМИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ СТОРОН НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ.....	407
<i>Плюгина К.П. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> РОЛЬ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	408
<i>Пинкевич А.Г., Алейников А.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ГЕНДЕРНЫЕ ЛИНЗЫ «ПОЛИТИЧЕСКИ ОТРЕФЛЕКСИРОВАННЫХ» РИСКОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	409

<i>Пинюгина Е.В. (Москва, ИНИОН РАН)</i> РЕЧЬ ТРАМПА КАК МАНИФЕСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ «BLACK LIVES MATTER»	410
<i>Пищева Т.Н. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> СИМВОЛЫ И АРХЕТИПЫ В ОБРАЗАХ СТРАНЫ.....	412
<i>Плетнев А.В. (Санкт-Петербург, СПб университет МВД России)</i> ЛОКАЛЬНОЕ ПРОТИВ ГЛОБАЛЬНОГО: ПОПУЛИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОРЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИКОВ	412
<i>Плотников Д.И. (Москва, РУДН)</i> РОЛЬ РЕЛИГИИ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.....	413
<i>Подшибякина Т.А. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> КРИЗИС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ: ИЗМЕНЕНИЕ ДИФFUЗНЫХ УСТАНОВОК В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ	415
<i>Полещук Ю.А. (Минск, Беларусь, БГПУ)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	416
<i>Поливаева Н.П. (Воронеж, ВИ ФСИН России)</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООЗАЩИТНЫХ СТРУКТУР ПО СОБЛЮДЕНИЮ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ	417
<i>Полякова Н.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ «КОВИДНОГО» ФАКТОРА В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ-2020 В БЕЛОРУССИИ.....	419
<i>Помигуев И.А. (Москва, НИУ ВШЭ, Финансовый университет при Правительстве РФ, ИНИОН РАН)</i> СКОРОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ «ЭФФЕКТИВНОСТИ» ПАРЛАМЕНТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСДУМЫ II-VII СОЗЫВОВ	420
<i>Попова О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ С ВЫСОКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ПОТЕНЦИАЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....	421
<i>Попова О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-МОБИЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ	423
<i>Попова С.Ю. (Москва, МГППУ)</i> СИСТЕМА ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ.....	424
<i>Постол В.И. (Томск, НИ ТГУ)</i> ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ АУДИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ	426
<i>Поцелуев С.П. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> ОЦЕНКА УГРОЗ ДЛЯ БУДУЩЕГО СТРАНЫ КАК ПРОЕКЦИЯ КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ)	427
<i>Почта Ю.М. (Москва, РУДН)</i> ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И СИМУЛЯКРОМ	428
<i>Прокопенко Л.Я. (Москва, Институт Африки РАН)</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА «ПЕРВОЙ ЛЕДИ» В СТРАНАХ АФРИКИ.....	429

<i>Пронина Е.В., Антипина Е.А. (Владимир, ВлГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	430
<i>Пустовойт Ю.А. (Новосибирск, СИУ-филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ (ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ).....	432
<i>Пушкарева Г.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ОТ НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ КОНСТРУКТУ	433
<i>Пиштий А.М. (Краснодар, КубГУ)</i> ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЁЖИ СОЧИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ)	435
<i>Пырма Р.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ.....	436
<i>Ракитянский Н.М. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОГМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	437
<i>Рандах Мадинге (Москва, РУДН)</i> НЕОДНОРОДНОСТЬ СОЦИУМА КАК ФАКТОР РОСТА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ.....	438
<i>Расторгуев С.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА БИЗНЕСА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	439
<i>Расходчиков А.Н. (Москва, Фонд «Московский центр урбанистики «Город»)</i> ГОРОДСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ С ГОРОДСКИМИ СООБЩЕСТВАМИ.....	440
<i>Рахманов С.П. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> УСТАНОВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПОСТКАРАНТИННЫЙ ПЕРИОД.....	441
<i>Римский В.Л. (Москва, МПСУ)</i> ПУБЛИЧНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ В РОССИИ	442
<i>Рогач Н.Н. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН	443
<i>Рогожина К.А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> КЛАНОВЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КЫРГЫЗСТАНА.....	444
<i>Рожнева С.С. (Петрозаводск, ПетрГУ)</i> ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ЭПОХУ КРИЗИСОВ	445
<i>Розина В.А. (Москва, МГОУ)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ	447

<i>Руденкин Д.В. (Екатеринбург, УрФУ)</i> СТЕРЕОТИПЫ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ И ИХ УЧАСТНИКАХ	448
<i>Рудницкая А.П. (Москва, МУИВ)</i> ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	449
<i>Русаков А.П. (Тверь, ТвГУ)</i> КОНСЕРВАТИВНЫЕ «ФАБРИКИ МЫСЛИ» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕСТКИ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ	451
<i>Русакова О.Ф. (Екатеринбург, ИФиП УрО РАН), Русаков В.М. (Екатеринбург, УрФУ)</i> ИНВЕРСИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ	452
<i>Русских М.С. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)</i> ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, ИНИЦИАТИВЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА РФ	453
<i>Рустамова Л.Р. (Москва, МГИМО МИД России)</i> РОЛЬ СПОРТА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ	454
<i>Рыбалко М.Л. (Иркутск, ИГУ)</i> ВСТРЕЧИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	455
<i>Рябов О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ), Рябова Т.Б. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена), Мутаев У.К. (Иваново, Ивановский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова)</i> МЕДВЕДЬ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ: ВЗГЛЯД РОССИЯН (НА МАТЕРИАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА)	457
<i>Рябова Т.Б. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена), Рябов О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> «ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ» В ЛЕГИТИМАЦИИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	458
<i>Рябовский Г.В., Лактюшина О.В. (Брянск, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ПРАВОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	459
<i>Рябченко Н.А. (Краснодар, КубГУ)</i> «ГОВОРЯЩИЙ – СЛУШАЮЩИЙ»: АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	460
<i>Рязанова Л.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	462
<i>Савельев А.А. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> МОДЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В СТРАНАХ БАЛТИИ	463
<i>Савенков Р.В. (Воронеж, ВГУ)</i> КОНЦЕПТ ПУБЛИЧНОГО ОСПАРИВАНИЯ: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ	464
<i>Сакаев В.Т. (Казань, К(П)ФУ)</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ РАДИКАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАН В РОССИИ, СТРАНАХ ЕС И США	465

<i>Салаватова А.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> РАМКИ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ: ТРАНЗИТ БЕЗ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОГОРИИ.....	466
<i>Самарин Я. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> КУЛЬТУРНЫЕ ВОЙНЫ В ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ США (НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «ХРАНИТЕЛИ»).....	468
<i>Самаркина И.В. (Краснодар, КубГУ)</i> ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КРУПНОГО ГОРОДА: СОДЕРЖАНИЕ, ТИПЫ И ПОТЕНЦИАЛ КОНВЕРТАЦИИ В КОНСТРУКТИВНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ	469
<i>Самойлов Н.Ю. (Барнаул, АлтГУ)</i> ОТРАЖЕНИЕ СТРЕМЛЕНИЙ К ПЕРЕМЕНАМ В СРЕДЕ БРИТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ 1960–70-Х ГГ. В БРИТАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ	470
<i>Сапрыка В.А., Пастюк А.В. (Белгород, НИУ БелГУ)</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕАЭС	471
<i>Саркисян О.Л. (Ереван, Армения, РАУ)</i> НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В ГОСУДАРСТВАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ).....	472
<i>Сафина А.Р. (Москва, МГИМО МИД России)</i> КУРДСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В МНОГОСОСТАВНОМ ОБЩЕСТВЕ	474
<i>Сащенко Н.П. (Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)</i> РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ.....	475
<i>Севостьянов А.В. (Томск, НИ ТГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД	476
<i>Селезнева А.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОБРАЗЦОВЫЙ ГРАЖДАНИН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	477
<i>Сельцер Д.Г., Жуков Д.С. (Тамбов, ТамбГУ)</i> ЧТО БЫЛО БЫ, ОТКАЖИСЬ М.С. ГОРБАЧЕВ ОТ ПРОВЕДЕНИЯ В СССР ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЬЮТЕРНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ С СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛЬЮ)?	479
<i>Семенов И.С. (Москва, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН)</i> ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ	480
<i>Семёнов А.В. (Пермь, ПГНИУ)</i> МАССОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОДОТЧЕТНОСТЬ В АВТОКРАТИЯХ.....	481
<i>Сергеев С.А. (Казань, К(П)ФУ)</i> НОВЫЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ЛЕВЫЕ ПАРТИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ РАДИКАЛИЗМА И ЛЕВИЗНЫ?.....	483
<i>Серебряков К.Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> СЕТЕВАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: КТО И КАК ВЛИЯЕТ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ?	484

<i>Сигачёв М.И. (Москва, ИМЭМО РАН)</i> ИДЕНТАРИЗМ КАК ПАНЪЕВРОПЕЙСКАЯ ВЕРСИЯ НОВОГО ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА	485
<i>Сиденко О.А. (Воронеж, ВГУ)</i> УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	487
<i>Силаева З.В. (Казань, К(П)ФУ)</i> ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	488
<i>Симонова С.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ УМНОГО ГОРОДА: КРИЗИС ЦИФРОВИЗАЦИИ ИЛИ «ТОЧКА РОСТА»?	489
<i>Слатинов В.Б. (Курск, КГУ)</i> СТАВКА НА «МОЛОДЫХ ТЕХНОКРАТОВ» И «НОВУЮ ИСКРЕННОСТЬ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ КАДРОВОЙ СТРАТЕГИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ И НАРАСТАЮЩИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	490
<i>Слобожникова В.С. (Саратов, СГЮА)</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ.....	491
<i>Смаль С.В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА.....	493
<i>Смирнов Д.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ, Иваново, Ивановский государственный университет)</i> МЕДВЕЖЬЯ СЕМИОТИКА В ДИСКУРСЕ НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.....	494
<i>Смольникова К.А. (Краснодар, КубГУ)</i> СЕТЕВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	495
<i>Сморгунов Л.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ И СЕЛЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАЦИЙ НА ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТФОРМАХ	496
<i>Смулькина Н.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	498
<i>Соловьев А.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> «СИСТЕМНЫЕ» ПОСЛЕДСТВИЯ СЕТЕВОГО ПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	499
<i>Солосина М.И., Гребеникова Ю.А., Завалин В.Г., Андреев А.В. (Воронеж, ВГУ)</i> ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	500
<i>Сонина Е.О. (Екатеринбург, Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ.....	502
<i>Сосунов Д.В. (Воронеж, ВГУ)</i> ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	503
<i>Станкович Я.И. (Москва, МГИМО МИД России)</i> РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГОСКОМПАНИЙ В РФ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА ПРОДВИЖЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТАХ РЖД.....	504

<i>Степанов А.И. (Пермь, ПГНИУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФЕМИНИСТИЧЕСКОГО УРБАНИЗМА КАК ТЕОРИИ И ДВИЖЕНИЯ.....	506
<i>Стрелец И.Э. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)</i> ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ РИТОРИКИ ЛИДЕРОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ В ПРЕДВЫБОРНОМ КОНТЕКСТЕ	507
<i>Сулимов К.А. (Пермь, ПГНИУ)</i> СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗА РОССИИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ).....	508
<i>Сунгуров А.Ю. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.	509
<i>Суслов Е.В. (Йошкар-Ола, МарГУ)</i> ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПСЕВДОПРЕДСТАВИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕЗАРТИКУЛЯЦИИ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН.....	511
<i>Суслов И.В. (Саратов, СГЮА)</i> СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ И УРОВЕНЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТОСТИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	512
<i>Сухарев А.В., Сухарева М.В (Москва, ООО НПП ВакЭТО)</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	513
<i>Сухомлинова Т.П. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> «КРОЛИК ИЗ ШЛЯПЫ» ИЛИ «ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ»: КТО КОГО?	514
<i>Ташиева В.В. (Москва, РУДН)</i> ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В СОЗНАНИИ ИНОСТРАННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	515
<i>Тезадова Д.А. (Нальчик, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России)</i> СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА КАК АКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ.....	516
<i>Терешина Е.А. (Казань, К(П)ФУ)</i> КОНСАЛТИНГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	517
<i>Тетерюк А.С. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ПОЛИТИЧЕСКИХ И НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ ЛОББИСТСКИХ СТРАТЕГИЙ ТНК НА ЗАРУБЕЖНЫХ РЫНКАХ	518
<i>Тимофеева А.П. (Москва, ГУУ)</i> МЕДИАКРАТИЯ КАК СУБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	520
<i>Тимофеева Л.Н. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ	521
<i>Тимошенко В. И. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	522

<i>Титова Л.Г. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> ЗАПРОС НА ПРАВДУ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	523
<i>Трапезников В.П. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ФЕНОМЕН КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ КЛЮЧЕВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНИЦИАТИВ	524
<i>Трахтенберг А.Д. (Екатеринбург, Институт философии и права Уро РАН)</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ТЕХНООПТИМИЗМА К ТЕХНОПЕССИМИЗМУ	525
<i>Трекин М.В. (Краснодар, КубГУ)</i> ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ	526
<i>Тропинова Е.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПРИОРИТЕТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ	527
<i>Трохинова О. И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> РАБОТА НАД ОШИБКАМИ: ЧТО ПОКАЗАЛИ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРИОД КОРОНАКРИЗИСА	529
<i>Трудолобов А.С. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РОЛЕЙ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 2014 ГОДА	530
<i>Тураев А.В. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> РОЛЬ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА И ГРАЖДАНСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЦЕССЕ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ	531
<i>Турков Е.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» АЛЕКСАНДРА ГАУЛАНДА	532
<i>Туровский Р.Ф., Лютикова А.П. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТНАЯ ЭЛИТА В РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИФТЫ И КАДРОВЫЙ ВЗАИМООБМЕН	534
<i>Ульянов П.В. (Барнаул, АлтГУ)</i> ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИГРОВОМ КИНО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ	535
<i>Усенко Р.С. (Москва, МГИМО МИД России)</i> РОЛЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО МЕТОДА КЕЙС-СТАДИ В АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ ДЕЛОВЫХ АССОЦИАЦИЙ	536
<i>Усманова З.Р. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	537
<i>Уткина В.В. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ ПО ВОЗРАСТУ (ГЕНДЕРНЫЙ ЭЙДЖИЗМ) НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ	538
<i>Уткина М.Ф., (Москва, МГИМО МИД России)</i> ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	539
<i>Фан И.Б. (Екатеринбург, ИФиП Уро РАН)</i> ДИСКУРС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	540

<i>Фартышев А.Н. (Иркутск, ИГУ, ИГ СО РАН)</i> ПАДЕНИЕ КРАСНОГО РЕГИОНА: РЕЗУЛЬТАТЫ ГУБЕРНАТОРСКИХ ВЫБОРОВ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ 2020 г.	542
<i>Федотова Н.Г. (Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого)</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СИМВОЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ГОРОДА.....	543
<i>Филатова О.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПУБЛИЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РФ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ	544
<i>Филиппов С.И. (Новосибирск, НГУ)</i> ПРИЧИНЫ ПЕРЕХОДА СОВЕТСКИХ ЭЛИТ В РЯДЫ ОППОЗИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х. – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.	546
<i>Филиппова Е.Ю. (Санкт-Петербург, ЕУСПб)</i> СОДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ МЕНЬШИНСТВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РФ: КРОССРЕГИОНАЛЬНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	547
<i>Филиппова Л.Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> ПОЛИТИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА	548
<i>Фокин И.А. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОВЫШЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ (ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ)	549
<i>Фролов А.А., Барский Я.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ.....	550
<i>Фролов А.А., Миронова С.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)</i> ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РЕАЛЬНОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОТЕСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТОВ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	551
<i>Фролова Ю.Н. (Санкт-Петербург, РГПУ им.А.И.Герцена)</i> ОБРАЗЫ МОЛОДОСТИ И СТАРОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ИСПАНСКИХ ПАРТИЙ.....	553
<i>Харитонова О.Г. (Москва, МГИМО МИД России)</i> «АРАБСКАЯ ВЕСНА» В СВЕТЕ ТЕОРИЙ РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КСА	554
<i>Харкевич М.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> АПРОПРИАЦИЯ КОРОНАВИРУСА КОНКУРИРУЮЩИМИ ДИСКУРСАМИ МАКРОСЕКЪЮРИТИЗАЦИИ: «КОНКУРЕНЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» ИЛИ «ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА»?	555
<i>Харкевич М.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СТИМУЛИРУЕТ, НО НЕ ДЕМОКРАТИЗИРУЕТ ГЛОБАЛИЗАЦИЮ	556
<i>Хахалкина Е.В. (Томск, НИ ТГУ)</i> «УНИВЕРСИТЕТСКИЙ» VERSUS «УМНЫЙ» ГОРОД В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА И ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА.....	557
<i>Храмова Е.В. (Казань, К(П)ФУ)</i> КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: СОДЕРЖАНИЕ, ЭФФЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ	558

<i>Царенко А.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ ГИБРИДНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ГОСУДАРСТВО — ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО — ГРАЖДАНЕ»	560
<i>Цыганков П.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТМО	561
<i>Цымбал И.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОБРАЗЫ НАРОДА И ВЛАСТИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ ТУРЦИИ И КИТАЯ).....	562
<i>Чадаева З.Т. (Краснодар, КубГУ)</i> ТИПЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ.....	563
<i>Черникова В.В. (Воронеж, ВГУ)</i> ПЕРВЫЕ ТРЕНДЫ КОРОНАКРИЗИСА.....	565
<i>Чернышов Ю.Г. (Барнаул, АлтГУ)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	566
<i>Чмирис Е.С. (Москва, ИРИП ВАВТ, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ	567
<i>Чирикова А.Е. (ФНИСЦ РАН), Ледяев В.Г. (НИУ ВШЭ)</i> ВЛАСТЬ В МОНОГОРОДЕ: ДИНАМИКА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ	569
<i>Чистякова Н.Г. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА	570
<i>Чугров С.В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> 75 ЛЕТ СПУСТЯ: «НОВЫЙ ВЗГЛЯД» ЯПОНСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	571
<i>Чугунов А.В. (Санкт-Петербург, Университет ИТМО)</i> МОНИТОРИНГ РЕСУРСОВ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ В РОССИИ: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ.....	572
<i>Чумиков А.Н. (Москва, МГЛУ)</i> РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЗАХВАТЕ И УДЕРЖАНИИ ВЛАСТИ: ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА	573
<i>Шабров О.Ф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ЛЕНИНСКОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	575
<i>Шадже А.Ю. (Майкоп, АГУ)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ.....	576
<i>Шатино Н.И. (Москва, ИМЭМО РАН)</i> ДЕГРАДАЦИЯ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ.....	577
<i>Шаповалов В.Л., Тюков Н.А. (Москва, МПГУ)</i> ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: МЕХАНИЗМЫ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССАХ	578

<i>Шарахина Л. В. (Санкт-Петербург, СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)</i> СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ ВЕСНОЙ 2020 г.	580
<i>Шатилов А.Б. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> НОВЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЕПАРАТИЗМ КАК ВЫЗОВ «ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	581
<i>Шашикова Я.Ю., Асеева Т.А. (Барнаул, АлтГУ)</i> ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ СФО И ДФО	582
<i>Шаяхметов А.М. (Уфа, БАГСУ)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН РАДИА ХАБИРОВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.....	583
<i>Шведова Н.А. (Москва, ИСКРАН)</i> О 19-ОЙ ПОПРАВКЕ К КОНСТИТУЦИИ США, ИЗМЕНИВШЕЙ ЛИЦО АМЕРИКАНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА.....	584
<i>Шендик Т.А. (Минск, Беларусь, БИСИ)</i> ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	586
<i>Шентякова А.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННЫХ МЕГАПОЛИСОВ (ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ КАРТ ПРОТЕСТНЫХ ЛИДЕРОВ)	587
<i>Шестакова А.А. (Краснодар, КубГУ)</i> ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ СУБЪЕКТАМИ СЕТЕВОГО ОБЩЕНИЯ	588
<i>Шестакова М.Н. (Москва, МГИМО МИД России)</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	589
<i>Шестопал Е.Б. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СВОЕЙ СТРАНЫ СОВРЕМЕННЫМИ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ.....	590
<i>Шкель С.Н. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> ПОЧЕМУ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАШИНЫ ЛОМАЮТСЯ: АНАЛИЗ СЛУЧАЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	592
<i>Шпагин С.А. (Томск, НИ ТГУ)</i> ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ЦИКЛ И 2017 – 2021 ГГ. И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В РЕГИОНАХ РОССИИ.....	593
<i>Штиро Л.А. (Краснодар, КубГУ)</i> ЦИФРОВАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ).....	594
<i>Шургалин И.А. (Урбино, Италия, Урбинский университет им. К.Бо)</i> РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СТАГНИРУЮЩЕЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В РОССИИ.....	596
<i>Щенина О.Г. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН)</i> СЕТЕВОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	597

<i>Щербинин А.И. (Томск, НИ ТГУ)</i> ГОРОД КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ СМЫСЛА.....	598
<i>Щербинина Н.Г. (Томск, НИ ТГУ)</i> УПРАВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ БРЕНДА ГОРОДА КАК ПОЛИТИКА ЕГО КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ.....	599
<i>Юдина А.М., Пронина А.В. (Владимир, ВлГУ)</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	600
<i>Юрченко В.М. (Краснодар, КубГУ)</i> ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ И УКРЕПЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБСУЖДЕНИЯ ПОПРАВК В КОНСТИТУЦИЮ РФ.....	601
<i>Юрченко И.В. (Краснодар, КубГУ, Ростов н/Д, ЮНЦ РАН)</i> ЭТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	602
<i>Юрченко Н.Н. (Краснодар, КубГУ)</i> ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА» И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	604
<i>Ягодка Н.Н. (Москва, РУДН)</i> ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В СИСТЕМЕ ПРИНЯТИЯ АНТИКРИЗИСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ	605
<i>Якимец В.Н. (Москва, ИППИ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ), Никовская Л.И. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> О ПОЛНОТЕ ФУНКЦИОНАЛА И РОЛЕВОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АКТОРОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ	606
<i>Яковлева Е.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕАЛЬНЫХ И РЕАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ГУБЕРНАТОРОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН	607
<i>Ямалова Э.Н. (Уфа, БашГУ)</i> ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ.....	608
<i>Януш О.Б. (Казань, КГЭУ)</i> ЯЗЫКИ МЕНЬШИНСТВ В ОТОБРАЖЕНИИ СМИ (НА ПРИМЕРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	610
<i>Ярина М.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫМ ОЛИМПЕЙСКИМ КОМИТЕТОМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА	611
<i>Ячменник К.В. (Краснодар, КубГУ)</i> РАЗВИТИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ БОЛЬШОГО ГОРОДА: ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ).....	612

Тезисы на английском языке

<i>Aleksanyan A. S. (Yerevan, Armenia, YSU)</i> NEW PARLIAMENTARISM IN THE LEGITIMIZATION OF CIVILIARCHIC POWER IN POST-REVOLUTIONARY ARMENIA: VELVET POPULISM AND ILIBERALISM	613
--	-----

Gabriele De Luca (RUDN University, Moscow, Russia)
WHY IS THE ADOPTION OF SMART GOVERNMENT TECHNOLOGY CONDUCTIVE
TO LARGE-SCALE COGNITIVE DISSONANCE IN SOCIETY 614

Shahanaz Parven (RUDN University, Moscow)
POLITICAL MANAGEMENT OF MIGRATION THROUGH TECHNOLOGY 616

Mirmohammad Sadeghi, Elham (RUDN University, Moscow)
NEW PUBLIC DIPLOMACY AND NEW INFLUENCES
IN AIMED SOCIETIES 616

Абгаджавва Д.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

РИСК, КОНФЛИКТ И УПРАВЛЯЕМОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Проблема социального порядка – одна из важнейших тем социального дискурса. Обусловлено это необходимостью объяснить условия, при которых эгоистические, по своей сути, индивидуумы сотрудничают друг с другом и создают определенный порядок. В контраверсии с весьма распространенным понимаем порядка, как системы действий, основанной на ценностном консенсусе или интероризированных легко распознаваемых и внутренне согласованных культурных паттернах, конфликтная парадигма акцентирует внимание на негативных формах взаимодействия, и в частности, на конфликтах, как определяющих становление и конфигурацию порядка. Утверждение, что в основании любого порядка лежит конфликт, указывает на то, что структура этого порядка, по сути, выражает и фиксирует результаты этого конфликта. Таким образом, любой порядок зарождается и становится на основе альтернативных возможностей, находящихся друг по отношению к другу в состоянии постоянной взаимной корректировки. Одновременно, порядок выступает тем социальным контекстом, внутри которого складываются факторы и условия возникновения альтернативных возможностей, в свою очередь, подвергающихся попыткам выдавливания из политического дискурса со стороны бенефициаров порядка. В этом отношении особую актуальность приобретает проблема артикуляции недовольства и политического конфликта, под которым мы понимаем противоборство социальных групп, детерминированное их интересами и структурными позициями в сложившейся системе отношений, противоборство, направленное на изменение этих позиций, а также на изменение или трансформацию соответствующих групп.

Существующий сегодня в России политический порядок крайне осторожно, с опаской относится к конфликтным проявлениям. В частности, мы наблюдаем ситуацию, когда в политический дискурс не вовлекаются некоторые темы, например, возможной смены власти. Отсутствие серьезной рефлексии конфликта ведет к тому, что все общественные и политические процессы и явления начинают рассматриваться в терминах консенсуса. Не умаляя значимости согласия и консенсуса в жизни общества, хотим обратить внимание на то, что подобное положение вещей закрывает возможность для власти своевременного обнаружения проблем в той или иной сфере, ибо именно конфликт, как это убедительно доказывали многие исследователи (Г. Зиммель, Л. Козер, Р. Дарендорф, М. Дойч и др.) является феноменом, сигнализирующем об изменившейся социальной реальности.

Когда государство в целях сохранения существующей системы отношений и расширения своего влияния, начинает ужесточать меры контроля, оно одновременно сокращает поле артикуляции недовольства и тем самым запускает процесс амплификации политического конфликта, увеличивающего риски отрицания существующего порядка. Соответственно, политический конфликт становится рискогенным фактором для существующего порядка. Конфликт и риск тесно связаны друг с другом. Связь эта обусловлена тем, что конфликт всегда есть рисковый вид деятельности, т.е. такой тип деятельности, который не гарантирует достижения поставленной цели, будь то модификация или принципиальное изменение существующего социально-политического порядка.

Многие исследователи отмечают связь риска с опасностью. Вместе с тем, риск и катастрофа не идентичны. Риск нужно понимать и рассматривать с точки зрения предвосхищения в настоящем катастрофы, которая может случиться в будущем. Иначе говоря, риск сомнителен и смутен, ибо он одновременно как-бы существует и не существует. Именно подобная двусмысленность риска порождает его настоящие основания — политику страха и политику предупреждения опасности. Именно, эта амбивалентность риска вынуждает акторов быть осторожными и рефлексивными.

Любое общество и любой порядок не есть образование раз и навсегда данное и закрепленное. Современное общество — суть вариативность, обусловленная решениями и действиями индивидов и групп в условиях плюральности и антагонистичности интересов. Отправной точкой индивидуальных и коллективных решений, в контексте конфликтных интересов, выступает рефлексивность, понимаемая как постановка вопросов и комплексное осмысление ситуации, в которой находятся

взаимодействующие индивиды и группы. Отказ от риска в таких условиях означает отказ от рациональности, поскольку риск-рефлексия необходима не только с точки зрения решения рутинных вопросов, но и выступает важнейшим условием управления конфликтами. Осмысление рисков — один из первых шагов на пути конструктивного управления социальными процессами и конфликтами. В контексте наших размышлений о риске и социальном порядке, можно сказать, что риск и конфликт будучи в связке характеризуют стремление к переменам и согласованию принципов порядка в соответствии с новыми потребностями и интересами социальных акторов.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ) (№19-18-00115).

Абрамов И.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

КОМБИНИРОВАННЫЙ ТИП: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА

Понимание личности политического лидера позволяет сравнивать ее с предъявляемым политиком имиджем, оказывать рефлексивное управление, предсказывать его поведение во время международных встреч, прогнозировать степень и эффективность сотрудничества с другими руководителями государств.

В рамках настоящего исследования анализируется личность Президента США Д. Трампа. По итогам исследования будет предпринята попытка ответить на вопрос о том, что следует ожидать от Д. Трампа на политико-психологическом уровне.

Методология, использованная в данной работе, включает в себя метод диагностических критериев Т. Миллона и его адаптированной О. Иммельманом к политической сфере дистатной версии анализа личности. Используемый метод заимствован из психологии, но он сочетает клиническую психологическую оценку с анализом СМИ, биографических и архивных материалов. Инструментарий состоит из 170 четко определенных описательных терминов, которые относятся к комбинации 12 шкал личности и 5 атрибутов (экспрессивное поведение, межличностное поведение, когнитивный стиль, настроение/темперамент, Я-образ). Высокие значения по одной из шкал свидетельствуют о присутствии определенного образца, причем баллы начисляются только в том случае, если два независимых источника указывают на его наличие.

Процедура исследования состоит из четырех этапов:

1. Во-первых, диагностически значимые материалы собираются из публичной сферы посредством мониторинга СМИ;
2. Во-вторых, материалы кодируются на основе инвентаря диагностических критериев Т. Миллона;
3. В-третьих, осуществляется целостное кодирование с использованием таблицы, представленной в инвентаре диагностических критериев Т. Миллона;

Наконец, профиль личности анализируется при помощи вспомогательных материалов по интерпретации, представленных в руководствах MIDC и Millon Index of Personality Styles.

Основой эмпирической части проведенного исследования стали 109 источников. Согласно результатам, Д. Трамп получает баллы в 78 пунктах из возможных 170 дескрипторов. Ни один из двенадцати типов личности у него ярко не выражен. Наибольшее число баллов Д. Трамп получает в четырех шкалах: «Амбициозный» тип (2; 22 пункта); «Доминирующий» тип (1А; 22 пункта); «Общительный» тип (3; 20 пунктов); «Бесстрашный» тип (1В; 14 пунктов).

В результате, проведенный метаанализ показывает, что согласно типологии Т. Миллона Д. Трамп соответствует «Комбинированный» тип личности. Кардинальная черта преимущественно амбициозных людей, которые также обладают ярко выраженными доминантными характеристиками, — это самоуверенность и дерзкая агрессивность. Эти личности склонны презирать обычных людей, они жаждут признания, активно участвуют в саморекламе и часто хвалятся своими достижениями. Более

того, для этих личностей завышенное представление о себе — это их внутренняя сущность, они не способны распознавать или признавать в себе какие-либо недостатки. Это создает разрыв между их реальным «Я» и самопрезентацией. Личности такого типа постоянно сравнивают себя с другими, превращая личные отношения в публичные соревнования. Политические лидеры такого типа производят хорошее первое впечатление и выглядят общительными и искренними, демонстрируя такую непосредственность и обаяние, что другие быстро снижают свою защиту. Однако взаимодействие между этими более адаптивными социальными навыками, коренящимися в «Общительном» паттерне, и способностью «Бесстрашной» личности считывать мотивы и желания других, может привести к скрытому межличностному управлению, в котором манипуляции используются для достижения целей, достигающих высшей точки в готовности нарушать социальные правила и обещания, а также игнорировать права других, что может приводить к частым личным и правовым затруднениям. Синергия «Общительного» и «Бесстрашного» порождает тенденцию к отсутствию саморефлексии, проявляющейся в бездумных или импульсивных действиях. Кроме того, данный тип личности характеризуется сильной потребностью в возбуждении и, соответственно, низкой терпимостью к скуке и рутинным действиям или задачам, требующим постоянного внимания.

Аветисян А.С. (Москва, МГИМО МИД России)

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПРИ РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ КОРПОРАТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Корпоративный политический менеджмент (КПМ) является новой политологической категорией.

Элементами корпоративного политического менеджмента являются:

- корпоративный менеджмент (КМ);
- политический менеджмент (ПМ);
- взаимосвязи между корпоративным и политическим менеджментом;
- наличие корпоративной стратегии (корпоративного целеполагания).

Базовым элементом корпоративного политического менеджмента является наличие потребности в защите интересов бенефициаров и увеличении прибыльности корпорации. По общему правилу, политическая методология рассматривается корпорациями как вспомогательный инструмент, способствующий, в конечном счете, увеличению маржинальности вложенного капитала.

В целом, трансформация классических политологических дефиниций является результатом эволюции общественных отношений. В России после осуществления капиталистических преобразований корпоративный политический менеджмент явился эмпирически очевидным фактором политической жизни, при этом, не нашел достаточного отражения в политологической доктринальной системе.

Корпоративный политический менеджмент можно определить как стратегическую управленческую деятельность корпорации, направленную на защиту интересов её бенефициаров и (или) на получение экономической выгоды посредством реализации политической стратегии.

Терминами, аналогичными КПМ являются «стратегический менеджмент»; «антикризисный менеджмент»; «политический менеджмент».

КПМ тесно связан с корпоративной политической активностью (КПА). Корпоративная политическая активность является разновидностью политического менеджмента, и фактически, представляет собой инструмент измерения эффективности применения политологической методологии.

Представление и продвижение интересов являются функциями, которая могут выполняться внутренним подразделением организации или находиться на аутсорсинге.

Ключевое отличие политического продвижения интересов от политического представления интересов заключается в наличии цели преобразования политического ландшафта с выгодой для продвигаемого субъекта.

Методология анализа продвижения интересов (ПИ(1)) и представления интересов (ПИ(2)) базируется на систематизации ПИ (1) и ПИ (2), которые можно классифицировать:

1) по степени вовлеченности в политический процесс:

а) конъюнктурные ПИ(1) и ПИ(2);

б) проактивные ПИ(1) и ПИ(2);

2) по масштабу:

а) по территориальному признаку:

- в глобальном масштабе,
- в рамках конфедеративного объединения (Европейский Союз, союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь),
- в рамках объединений государств (к примеру, АСЕАН, БРИКС),
- на территории государства;
- на отдельной территории государства (к примеру, субъект Российской Федерации, на территории которого сосредоточены большие запасы минеральных ресурсов);

б) по группам населения:

- ПИ (1) и ПИ (2), направленные на лиц, принимающих решения;
- ПИ (1) и ПИ (2), направленные на формирование общественного мнения;
- ПИ (1) и ПИ (2) с сугубо маркетинговыми целями, направленные на потребителей определённых товаров и (или) услуг в органах власти и (или) подведомственных им учреждениях.

3) по стратегическому воздействию:

а) долгосрочные

б) краткосрочные.

Примеры ПИ (1) и ПИ (2) можно найти в разных сферах, в том числе, в энергетической сфере, в телекоммуникационной сфере.

Так, в Российской Федерации установлено, что в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты внутреннего рынка Российской Федерации, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации устанавливаются запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, и ограничения допуска указанных товаров, работ, услуг, включая минимальную обязательную долю закупок российских товаров, в том числе товаров, поставляемых при выполнении закупаемых работ, оказании закупаемых услуг, и перечень таких товаров, для целей осуществления закупок (часть 3 статьи 14 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

Вышеописанный пример национального режима осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд открывает большие возможности для применения ПИ (1) и ПИ (2) с целью:

а) устранения конкуренции;

б) предоставления косвенных преференций дружественным организациям путем оказания влияния на лиц, принимающих решения, в администрации Президента Российской Федерации, Правительстве Российской Федерации с целью исключения соответствующих организаций из сферы применения мер, направленных на импортозамещение товаров и услуг на российском рынке.

Авзалова Э.И. (Казань, К(П)ФУ)

ЦЕНЗУРА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Интернет предоставляет широкие возможности для доступа к информации и коммуникации. Долгое время Всемирная сеть оставалась пространством, свободным от государственного вмешательства. Однако рост числа интернет-пользователей и превращение сети Интернет в арену политической борьбы

привели к тому, что государства стали искать оптимальные механизмы регулирования новой коммуникационной среды. Вследствие этого между странами стали возводиться электронные барьеры, которые преграждают гражданам доступ к отдельным частям мировых сетей.

Цензура – это контроль власти за содержанием информации с целью ограничения распространения идей, которые признаются данной властью вредными или нежелательными. Интернет-цензура – контроль за распространением информации и возможность ограничения доступа к ней в сети Интернет.

С появлением интернет-цензуры возникла необходимость системного исследования вопросов государственного регулирования Всемирной сети. Особый интерес представляет доклад, подготовленный российским Фондом развития гражданского общества в мае 2013 года¹. Согласно мнению авторов доклада, мировая практика позволяет выделить две большие группы методов интернет-цензуры: технические методы (блокирование интернет-ресурсов по IP-адресу, блокирование сайтов по URL и т.д.) и нетехнические методы (законодательное регулирование)². Технические и нетехнические методы фильтрации могут использоваться вместе: «Правительство Вьетнама правовыми и техническими методами осуществляет довольно жёсткий контроль над киберпространством и ограничивает доступ к Интернету. Этим занимаются структуры разного уровня: от Национального Собрания Вьетнама до ведомств, таких как: Министерство финансов, Министерство почты и связи, Министерство культуры и информации и т.д.»³.

Блокируемый интернет-контент также может быть различным. К категории интернет-материалов, которые чаще всего становятся объектом фильтрации, эксперты относят информацию, нарушающую социальные нормы (сайты о наркотиках, разжигающие межнациональную и религиозную рознь и т.д.); интернет-ресурсы, нарушающие экономические интересы (сайты, нарушающие интеллектуальную собственность, файлообменные сайты и т.д.); материалы, блокируемые по соображениям безопасности (сайты экстремистских, сепаратистских и террористических движений, военных противников, онлайн-мошенников и финансовых пирамид и т.д.); информацию и сайты, содержащие данные о деятельности оппозиции, критику действующей власти⁴.

Политический контент – одна из самых часто подвергаемых цензуре категорий фильтруемой информации. Во Вьетнаме суд признал троих блогеров виновными по статье «антигосударственная пропаганда» и приговорил их к лишению свободы (от 4 до 12 лет)⁵.

Таким образом, интернет-коммуникации предоставляют широкие возможности для ведения активных дискуссий и поддержки активности в Интернете участников протестных сообществ. Обратной стороной широкого использования сети Интернет в политике стало использование государствами механизмов регулирования сети Интернет.

Авксентьев В.А. (Ростов-на-Дону, ФИЦ ЮНЦ РАН)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЮГЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Принятие в 2019 г. «Стратегии пространственного развития России до 2025 г.» в очередной раз изменило конфигурацию политико-экономического пространства на юге страны. Документом введено понятие «макрорегион» и окончательно закреплён раздел «Большого Юга» на собственно Юг России и Северный Кавказ (Южный и Северо-Кавказский макрорегионы). Завершились продолжавшиеся с 2010-го г. дискуссии о необходимости пересмотра границ Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, о возможности их объединения, о целесообразности нахождения Ставропольского края

1. Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики. URL:http://civilfund.ru/Filtraciya_Kontenta_V_Internete_Analiz_Mirovoy_Praktiki.pdf, проверено: 3.09.2020.

2. Там же.

3. Чан Зуи. Государственный контроль над интернет-средствами массовой коммуникации во Вьетнаме // Грамота. 2016. №5 (59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 27.

4. Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики. URL:http://civilfund.ru/Filtraciya_Kontenta_V_Internete_Analiz_Mirovoy_Praktiki.pdf, проверено: 3.09.2020.

5. Во Вьетнаме троих блогеров приговорили к тюремным срокам. URL: <https://korrespondent.net/world/1399010-vo-vetname-troih-blogerov-prigovorili-ktuemnym-srokam>, проверено: 3.09.2020.

в составе СКФО. Возобладала концепция «конструируемых регионов», когда последние создаются (конструируются) не столько на географических принципах, сколько на основе экономических и социально-политических задач. Новые пространственные образы еще не укоренились в общественном сознании, в научной и общественно-политической литературе названия регионов используются для обозначения различных пространств; появились новые и параллельные обозначения пространства на Юге: «большой Юг», «Азово-Черноморско-Каспийский регион» и др.

Новая конфигурация Юга страны означает окончательное завершение идеи созданного в 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа как округа нового типа. В первые годы его существования СКФО был фактически единственным полноценно работающим округом. Была апробирована идея объединения двух должностей: полпреда и вице-преьера российского правительства. Это было критически важным для реализации главной цели, ставившейся при формировании СКФО: радикально изменить жизнь в регионе путем реорганизации его экономического базиса. Хотя экономические результаты деятельности округа нельзя считать удовлетворительными (в области экономических преобразований наблюдалась определенная позитивная динамика, прежде всего в снижении безработицы, однако это не изменило в корне экономику региона), сама идея была работоспособной. Отход от принципов «округа нового типа» начался уже в 2014 г., когда было образовано Министерство РФ по делам Северного Кавказа и полпредство лишилось экономических функций. Министерство было упразднено в январе 2020 г., что свидетельствует об изменении приоритетов регионального развития Российской Федерации к концу второго десятилетия XXI века: акценты смещаются в сторону Дальнего Востока, Арктики и Сибири. Созданное в 2012 г. Министерство по развитию Дальнего Востока (с 2019 г. – Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики) сохранилось, полпред Президента РФ в ДФО продолжает совмещать эту должность с должностью вице-преьера правительства. Заметные изменения в региональных приоритетах происходят и на уровне доктринальных документов. В действовавшей до декабря 2018 г. редакции «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» Северный Кавказ отнесен к регионам, требующим особого внимания государственных и муниципальных органов. Была признана необходимость дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе. В новой редакции «Стратегии...» декабре 2018 г., Северный Кавказ упоминается наряду с другими регионами – Сибирью и Дальним Востоком – в совершенно ином контексте, связанным оттоком русского и русскоязычного населения.

Представляется, что исключение Северного Кавказа из числа регионов, требующих приоритетного внимания, является преждевременным. Переоценена достигнутая стабилизация региональной этнополитической ситуации. Позитивные тенденции имеют неустойчивый и обратимый характер. Частично «выведение за скобки» северокавказского региона как политического приоритета государства компенсируется определением «геостратегической территории» в границах СКФО.

Выделение Северо-Кавказского макрорегиона в границах СКФО содержит риски закрепления раздела между модернизацией и традиционализмом на Юге, сложившегося в постсоветский период и усиленного созданием СКФО в 2010 г. Задачи экономической модернизации и индустриальной реконструкции постепенно заменяются в официальных документах более «приземленными» задачами развития с опорой на специфику региона и повышения мобильности трудовых ресурсов, т.е. трудоустройства за пределами региона. Эти направления деятельности необходимы, но вряд ли смогут существенно повлиять на социально-политическую жизнь региона и его социокультурную модернизацию. Но в любом случае развитие Северо-Кавказского макрорегиона должно быть важнейшим приоритетом региональной политики российского государства. Экономическая и технологическая модернизация должна рассматривать как важнейший инструмент социально-политической и культурной модернизации и в этом контексте важно сохранение единого образовательного и гуманитарного пространства «Большого Юга», как и осуществление межрегиональных экономических проектов, охватывающих оба макрорегиона.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, гр. проекта ААА-А-А19-119011190170-5.

Авцинова Г.И. (Москва, РГСУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАЕКТОРИЙ КОММУНИЦИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

Размах протестного движения во многих странах внес существенные коррективы в процесс коммуницирования государства и гражданского общества. Способность власти не только общаться, но и взаимодействовать с оппозицией, нейтрализовать ее наиболее радикальных представителей, противодействовать давлению извне, мобилизовать позитивно ориентированных граждан демонстрируют готовность институтов государства и структур гражданского общества адекватно реагировать на новые риски и вызовы.

Траектории коммуницирования государства и гражданского общества целесообразно анализировать в двух контекстах: методологическом и технологическом. Современная политическая ситуация разрушения государства, которая наблюдается во многих странах через стимулирование протестного движения с помощью технологий гражданского неповиновения, диктует востребованность в интеллектуальном и политическом пространстве трансляции гражданского общества не в качестве противостоящего и противодействующего государству актора политики, а в его тесном взаимодействии с ним. Состояние турбулентности в мировой политике демонстрирует несостоятельность концепции «меньше государства», ибо только этот политический институт способен обеспечить более стабильное и безопасное миросуществование. Теоретическая и политическая позиция, при которой государственная и гражданская сферы транслируются учеными, общественностью, политиками-практиками как перманентно противодействующие и даже антагонистические, неадекватна современной повестке дня. Конечно, нельзя отрицать, что между двумя ведущими акторами политического взаимодействия существуют объективные противоречия, обусловленные их ролью и функциями, но неспособность взаимодействовать неизбежно приведет к взаимному уничтожению. Напротив, политика сотрудничества, перманентного поиска компромиссов, не снижая критического потенциала гражданских организаций, заставит власть принимать взвешенные решения с учетом интересов и государства, и общества. Конструктивный диалог, социальная экспертиза, учет мнения граждан по общественно значимым вопросам, а не острота противостояния и противодействия, не размах протестных акций являются критериями суверенности и зрелости гражданского общества в том или ином государстве. Ориентация всех заинтересованных групп и акторов на сотрудничество адекватна требованиям сбалансированной, устойчивой политической системы, способствует пролонгации теоретических установок в практическую плоскость реализации политики сплочения, солидаризма, консолидации для поиска оптимальных моделей стабильного и безопасного существования.

Технологический контекст коммуницирования ориентирован на создание условий, при которых формат взаимодействия власти и позитивно ориентированных граждан будет работать на обеспечение политической стабильности. Для реализации этой задачи необходимо изменение векторов движения со стороны власти и граждан в направлении максимального учета интересов и ресурсов каждой из сторон. Сегодня наиболее эффективные технологии выстраивания диалогового взаимодействия сфокусированы в интернет пространстве, которое должно стать надежным инструментом анализа среза реакции граждан на решения и действия власти и своевременной их корректировки при необходимости. Создание диалоговых площадок по инициативе государства и в рамках инициативных проектов, надежная верификация субъекта в сети интернет расширяют формат и качество коммуницирования государства и общества.

Право на мирные, согласованные протесты является конституционным правом граждан. Однако недопустимы дезориентация власти и общественности по поводу реального или сфабрикованного

уровня протестности, распространение наиболее радикальных форм гражданского неповиновения, беспрепятственное действие сил, способных дестабилизировать политическую ситуацию, усилить уязвимость политических режимов. Организация онлайн-маршей, митингов, телемарафонов исключительно критической направленности, распространение фейковой информации и другие технологии не только разрушают государство, но и дискредитируют гражданское общество, блокируют способность и государственных институтов, и граждан наращивать социальный потенциал, мобилизовать коллективные усилия, выстраивать консенсусное взаимодействие. На повестке дня усиление роли государства в информационном противоборстве. Востребованы активизация участия граждан в развитии инициативных проектов, ассоциированных группах общественных интересов, сочетающих и учитывающих государственные интересы и региональную специфику, разработка консолидированной идеологии, ориентированной на воспитание ответственного гражданина, обладающего дееспособным мироощущением, несущего ответственность за сделанный выбор, развитие института гражданского контроля и др.

Агазаде М.М. (Москва, РУДН)

БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ БУДУЩЕГО НА ФОНЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ

До начала XVI века пространство Средиземноморья являлось центром тогдашней мировой торговли, однако после великих географических открытий этот статус был утрачен. Если в средневековье причины столкновения в основном заключались в контроле над торговыми путями и получении новых земель, то в XXI веке ресурсы углеводородов, обнаруженные в восточном Средиземноморье, особенно запасы природного газа, указывают на то, что в этом столетии регион станет свидетелем важной борьбы за разделение акватории между прибрежными странами, а также за сохранение интересов внерегиональных сил.

С другой стороны, после «Арабской весны» в регионе образовался вакуум сбалансированной силы. Воспользовавшись исторической возможностью, Турция начала проводить экспансионистскую политику, для успешной реализации которой требовалось изменение баланса политических сил в регионе. Проведение данной политики Анкарой, в частности, стало возможным после 2016 г., с началом изменения внешнеполитического курса США в отношении стран Ближнего Востока и взаимосближения с Россией. Сотрудничество в Сирии с Россией, в Ливии с США, также «осторожное» сближение с Китаем усиливает роль Турции и превращает ее в главную силу в регионе.

Хотя на первый взгляд в восточном Средиземноморье Турция и Греция привлекают больше внимания как «горячие» стороны данного конфликта, но на самом деле в нем заняты свои места также США, Израиль, Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия, Франция, Италия и Европейский Союз, и сформировалось фактически 2 блока: турецкий и антитурецкий. Франция отличается особой активностью в антитурецком блоке, что связано с присутствием Турции в Сирии и Ливии, где интересы обеих стран сталкиваются. Следует отметить, что Средиземное море не только богато газом и нефтью, но и является воротами Африки в Европу, в которых Ливия занимает уникальное место.

Что касается позиции НАТО в отношении споров по водным территориям между странами-членами, она продолжает оставаться сдержанной, что связано с опасением углубления внутренних противоречий, т.к. в последние годы проблемы существования данного военного блока возрастают, особенно после того, как в 2019 г. Э. Макрон, Президент Франции, заявил о «смерти мозга» НАТО. Процессы, происходящие в Средиземноморье, усугубляют данные проблемы и создают благоприятные условия для активизации России в регионе.

Стоит также отметить, что в случае реализации проекта EastMed, а также нахождения новых месторождений газа на востоке Средиземного моря изменится энергетическая политика в Европе, что в среднесрочной перспективе может создать новый газовый блок (Греция-Израиль-Египет / Турция-

Израиль-Египет или маловероятно, но все-таки возможно Греция-Турция-Израиль-Египет) против интересов России. Поэтому Москва должна четко определять свою позицию на данном этапе в отношении проблем между странами Средиземноморского региона.

Таким образом, Средиземное море находится в процессе формирования нового пространства военно-политического характера и регионального мироустройства, и, несмотря на то, что некоторые ведущие страны региона в данном процессе сотрудничают с игроками вне региона, однако в долгосрочной перспективе они будут пытаться вытеснить внерегиональных игроков. Впоследствии, помимо тех международных систем, которые США и Китай пытаются сформировать исходя из своих интересов, появится еще новая альтернативная система – Большая Средиземноморская система, ядром которой станет победившая в данной борьбе страна/страны региона.

Азарнова А.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Современное информационное общество диктует изменения практически во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе, в образовательном и воспитательном процессах. Одной из основных ценностей современности является информация, что, безусловно, влияет на переосмысление механизмов и методов работы с большими объемами данных, являющиеся неотъемлемой составляющей образовательной системы сегодня. При этом социальная реальность и виртуальное пространство плохо «смыкаются» между собой, что создает проблемы в деле воспитания подрастающих поколений, формирования гражданственности молодежи.

Развитие гражданственности как интегративной характеристики личности, определяющейся ее когнитивными, ценностно-мотивационными, эмоциональными и поведенческими компонентами, выражающимися в ее взаимоотношении с государством и обществом (Селезнева, 2020), требует особого внимания в эпоху информационного общества.

В формировании гражданственности подрастающего поколения особую роль играет школа как значимый институт социализации, в котором осуществляется целенаправленная образовательно-воспитательная работа. Наши недавние исследования показывают, что в системе российского образования есть ряд проблем и сложностей, которые препятствуют полноценному и эффективному выполнению ею задачи формирования национального и гражданского самосознания молодежи (Селезнева, 2014).

Для выявления актуальных особенностей системы образования и воспитания школьников в нашей стране, влияющих на формирование их гражданственности и патриотизма, мы провели опрос 15 экспертов – ученых исследователей, педагогов общеобразовательных учреждений и преподавателей вузов, сотрудников общественных организаций и специалистов сферы ГМП. В результате анализа материалов экспертных интервью мы выявили следующее.

Во-первых, к таким особенностям эксперты относят продолжающийся кризис традиционной системы образования в России. Поскольку современная российская система образования и воспитания отчасти является продолжением советской образовательной системы, то первоосновы, на которых она существует, идут вразрез с тенденциями информационного общества в эпоху глобализации. Эксперты отмечают, что сегодня у школьников отсутствуют основы функциональной грамотности (на которой, например, выстроен международный экзамен формата PISA), т.е. полученные навыки неприменимы на практике. Государственная итоговая аттестация, не оценивает навыки и умения школьников, касающиеся оценки и анализа окружающей его действительности, роли и места школьника как гражданина в рамках своей страны, и места страны в международном пространстве. Фактически, уровень развития гражданственности и патриотизма не оказывается востребованным. По словам эксперта: «Демократизация образования,

при котором государство и общество являются равными партнерами, способствуют развитию гражданской ответственности, однако, кризис традиционной системы образования препятствует этому».

Во-вторых, эксперты отмечают гиперформализованный формат преподавания таких предметов как история и обществознание, которые непосредственно влияют на формирование гражданской ответственности школьников. Государственный историко-культурный стандарт диктует четкие рамки изложения материала. Учитель не имеет возможности выразить альтернативную точку зрения, основанную на иных данных (в том числе и на первоисточниках), если она противоречит упомянутому выше стандарту. Приведем мнение эксперта: «Человек с гражданской позицией в школе может не задержаться – система негибкая».

В-третьих, нередко отмечают клиентоориентированность образования. Как отмечают эксперты, обязательное общее образование превратилось в услугу, воспитательная и социализирующая функции школы отошли на второй план: «Она [российская система образования] формализована, бюрократизирована, то есть результат деятельности школы оценивается по формальным показателям. Чем дальше, тем в большей степени».

Таким образом, система образования и воспитания в современной России и эпоху информационного общества еще находятся на стадии становления. Происходят попытки определения путей, по которым необходимо достигнуть не всегда четко сформулированных целей. Все это, безусловно, влияет на развитие гражданской ответственности и патриотизма в процессе образовательно-воспитательной работы в школе, которая сейчас претерпевает значительные изменения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ РФ в рамках научного проекта № МД-1966.2020.6 «Национальное и гражданское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ» (соглашение № 075-15-2020-220).

Азизова Д.К. (Волгоград, ВолГУ)

ЭЛЕМЕНТЫ «ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА» В РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Жизнь современного человека невозможно представить без новейших информационно-коммуникационных технологий. Использование цифровых технологий стало индикатором уровня качества оказания различного рода услуг. Особенно актуальным использование передовых технологий представляется в социальной сфере жизни общества. Именно организация быстрого доступа к социальным благам является первоочередной целью цифровой трансформации основных отраслей социальной сферы. Сегодня Волгоградская область уверенно стремится к тому, чтобы практика использования цифровых технологий стала ежедневной.

Важнейшим шагом в данном направлении стало утверждение постановлением Губернатора Волгоградской области от 23 апреля 2019 года №204 программы «Цифровое развитие Волгоградской области». Программа включает 16 региональных проектов, 6 из которых направлены на правовое регулирование и государственное управление региональной экономики, а 10 – это проекты цифровой трансформации социальной сферы.

Основными целями программы названы: 1) повышение уровня жизни населения и инвестиционной привлекательности Волгоградской области; 2) создание IT-инфраструктуры, использование преимущественно отечественного программного обеспечения; 3) обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок.

Несмотря на короткий срок реализации данной программы в Волгоградской области уже есть ощутимые результаты. В частности, открылись инновационные площадки под названием «Точка кипения»

на базе Волгоградского государственного технического и Волгоградского государственного университетов. «Точка кипения» — совместный проект Волгоградской области и Агентства стратегических инициатив, позволяющий объединить представителей органов власти, бизнеса, студенческую молодежь и инициативных людей для создания проектов по технологической трансформации экономической и социальной сфер общества.

Кроме «Точки кипения» в Волгоградском государственном университете начал свою работу «Дом научной коллаборации». Свою деятельность этот центр начал в рамках национального проекта «Образование» и теперь дает возможность школьникам развиваться в естественнонаучных направлениях.

Еще одним интересным проектом развития территории города Волгограда стал IT-парк. Созданный прототип IT-парка в реальности должен стать бизнес-пространством для создания и продвижения инновационных проектов. В волгоградском технопарке могут располагаться центр IT-разработок, лаборатории, коворкинг-центр, центр обработки данных, IT-академия, бизнес-инкубатор, конференц-зал и инфраструктурные площадки - все, что нужно для развития творческого потенциала талантливой волгоградской молодежи.

С сентября 2020 года активно функционируют передвижные лаборатории, в частности мобильный технопарк «Кванториум». Важно, что лаборатория посещает районы Волгоградской области, тем самым обеспечивая школьникам из отдаленных городов и сёл возможность обучиться современным технологиям. Мобильная лаборатория оснащена последними техническими разработками в данной сфере. Это стало возможным благодаря федеральному проекту по созданию «кванториумов». Волгоградская область стала победителем конкурса Минпросвещения РФ и стала одним из первых регионов, вошедшим в данный проект.

Безусловно, в процессе внедрения Интернет-технологий в Волгоградской области всё еще существует ряд проблем. Во-первых, остается проблема цифрового неравенства – определенные группы населения не имеют постоянного доступа к цифровым технологиям; недостаточная осведомленность в вопросе использования новейших технологий. Во-вторых, процесс адаптации передовых мировых технологий занимает большее количество времени, чем это необходимо для роста масштабов собственной деятельности. В-третьих, недостаточно высокий уровень заинтересованности самого населения в использовании информационных технологий.

Несмотря на определенные сложности, Волгоградская область активно создает и разрабатывает проекты, направленные на технологическое совершенствование оказания услуг социальной сферы в соответствии с принципами адресности и нуждаемости, что существенно повышает уровень информированности граждан о правах на социальное обеспечение.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 p_a «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

Акимова М.С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ РАННЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА

Проблематика власти и господства в эпоху раннего Нового времени базировалась на классическом соотношении светской и духовной властей, которое сформировалось в политической мысли Средневековья. Основанные на положениях политического августинизма, философские концепции средних веков воспроизводили дихотомию церковной и государственной (мирской) властей с очевидным акцентом на нерелевантности последней в деле спасения души. При этом афоризм Христа «Кесарю кесарево, а Богу богово» означал для верующих обязанность повиноваться мирской власти, существующей для поддержания порядка в земной жизни.

Политическая действительность, связанная с закреплением принципа назначения императором на духовные должности и активизацией политической деятельности католической церкви (например, «папская революция» Григория VII), также претендовавшей на власть над подданными, привели к открытому антагонизму между государством и церковью. И хотя государственная власть в то время не могла считаться легитимной без духовного признания, светские правители не принимали политические амбиции папства. Таким образом, с одной стороны, нарастает недовольство властными претензиями католицизма, с другой стороны, происходит рационализация политического дискурса, в рамках которого апологеты церкви и государства вынуждены были пересмотреть свои взгляды на политическое правление.

Уже в политической философии Фомы Аквинского, который осуществил рецепцию Аристотеля, разделяется социальная природа человека и аспект власти, без которой добродетельное человеческое общежитие невозможно. И хотя государство, по Аквинату, не может заменить церковь в достижении сверхъестественных добродетелей, послушание его власти является необходимым условием для приближения спасения. Отрицание полярности светской и духовной властей стало характерной чертой политической философии позднего Средневековья. В этих условиях артикулируется критика идеологии и политической практики католицизма в части его властных притязаний (Данте Алигьери, Марсилиус Падуанский, Уильям Оккам, Джон Уиклиф, французские легисты Гийом де Ногаре и Пьер Дюбуа).

Попытка католической церкви посредством примирительного движения XIV века решить внутрисистемный кризис не позволила ей избежать раскола, произошедшего в результате Реформации. В первое десятилетие XVI века все направления критики католицизма слились в мощный всплеск религиозной, социальной и политической агитации, для которой «реформа» (церкви и общества) была кодовым словом. При этом вопрос о соотношении властей оставался ключевым в реформаторских идеологических парадигмах.

Американский историк Ронни По-Чиа Ся отмечает, что мир Реформации существовал одновременно в разных временных и пространственных измерениях: опираясь на положения из Евангелия, возвращаясь к идеям «золотого века» чистого христианства, реформаторы одновременно положили начало раннему модерну. Это важно в том смысле, что идеологи Реформации черпали идеи из классического христианства, но адаптировали их к современному контексту. Так, Мартин Лютер, в соответствии с канонами политического августицизма, видел функцию государственной власти в поддержании мира, защите от нехристиан. То есть мирская власть является внешней по отношению к истинному предназначению человека и касается исключительно этого мира. Семантически власть в концепции Лютера связана именно со светской жизнью, а политика, соответственно, секулярна, автономна от церкви.

Швейцарский реформатор Ульрих Цвингли отмечал, что единственный источник истины – это Евангелие, и спасены будут лишь те, кто следуют ему. Духовная власть (в политическом смысле) не имеет никаких оснований, подтвержденных Писанием, тогда как подтверждение светской власти в тексте есть, поэтому все христиане должны ей подчиняться. Более того, именно через Христа Бог прощает людям грехи, поэтому, по Цвингли, отсутствует необходимость церковной иерархии в деле общения с Богом.

В концепции другого представителя реформаторского движения Жана Кальвина власть церкви связана со служением людям в деле проповеди Евангелия. Человеческое управление, по Кальвину, бывает двух порядков, первый из которых связан с внутренним миром и касается Спасения – вечной жизни, второй – с гражданским миром и соблюдением внешнего порядка. Кальвин критикует как радикальные анархические идеи об устранении любой гражданской власти, так и полное отступление светских правителей от Бога в делах государственного правления.

Таким образом, в политико-идеологических концепциях реформаторов церковь лишается какой бы то ни было политической власти. Ее авторитет конституирован исключительно на моральном управлении через слово Божье. В условиях трансформации практик политической легитимации пересмотр реформаторами публичных функций духовной власти способствовал фактическому упразднению влияния церкви во главе с папством на светскую сферу, результатом чего стала секуляризация политического пространства и дискурса.

Аксюмов Б.В. (Ставрополь, СКФУ)

ГРАЖДАНСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

На Северном Кавказе, как и во многих других регионах России, процессы нациестроительства вскрывают дихотомию гражданского и этнического векторов, обусловленную спецификой сложившейся в стране политической и этнокультурной ситуации. Весь постсоветский период в России выстраивается государственная модель, предполагающая политическое единство при одновременном сохранении и даже укреплении этнокультурного разнообразия. По сути, такая модель является почти точной копией советской модели, в которой политический централизм сочетался с выраженной и культивируемой этнокультурной спецификой союзных республик. Гражданская идентичность советских людей формировалась как нечто среднее между надэтнической общесоветской идентичностью и этническими идентичностями многочисленных народов Советского Союза. Только у русских, фактически утративших этническую идентичность в результате борьбы большевиков с «великорусским шовинизмом», гражданская идентичность почти точно укладывалась в форму советской идентичности. Именно поэтому русские и в РСФСР, и в других союзных республиках составляли оплот сопротивления центробежным процессам, были наиболее последовательными сторонниками сохранения советского государства. С другой стороны, развиваемый всю советскую эпоху этноцентризм в союзных республиках способствовал стремлению (прежде всего со стороны элит) к созданию собственных национальных государств, трансформации этничности из культурного в политический режим функционирования.

В современной России, которая с этой точки зрения напоминает СССР в уменьшенном варианте, вновь наблюдается конкуренция гражданского и этнического. Начавшийся еще в последние годы советской эпохи этнорелигиозный ренессанс способствовал резкому росту этнической и конфессиональной идентичностей в «национальных» регионах постсоветской России, в том числе, и наиболее выпукло, на Северном Кавказе. Следствием этих процессов, проходящих под знаком политизации этничности, стали мощные сепаратистские тенденции в ряде регионов, преодолеть которые с большим трудом удалось только к середине 2000-х гг. Выстраивание централистской модели федерации, фиксируемое в новых поправках в Конституцию, усиление гражданской общероссийской идентичности закрепляют на данный момент перевод этнического и конфессионального в культурную плоскость. Прямым следствием этого стал, например, почти полный уход из этнорегионального северокавказского дискурса идеи этнонации, столь популярной и распространенной в 1990-е гг.

Место идеи этнонации в республиках Северного Кавказа по умолчанию занимает идея российской гражданской нации. Гражданские траектории нациестроительства с точки зрения организации этнокультурного многообразия объективно направлены на выстраивание конструкции, которую можно обозначить как «одна нация (гражданская) – много народов (этносов)». Данная конструкция предполагает деполитизацию этничности, поскольку понятия народа или этноса, в отличие от «нации», гораздо в большей степени культурные, чем политические. Модель российской гражданской нации, предлагаемая многими исследователями, решает (по крайней мере в теории) обе главные задачи государственной национальной политики – укрепление гражданского самосознания (гражданской идентичности) и сохранение этнокультурного разнообразия. В рамках данной модели функции этничности сводятся к воспроизводству культурной региональной специфики и не предполагают никаких политических альтернатив в структуре вертикального (в политическом плане) федерализма.

С другой стороны, этнический вектор строительства российской нации на Северном Кавказе важен и необходим, но не как фактор построения региональных этнонаций с перспективой сепаратистских устремлений, а как условие культурного развития северокавказских этносов. В то же время продолжающаяся и выявляемая социологически конкуренция гражданской и этнической идентичностей,

наличие негативных традиций политизации этничности и конфессиональности в северокавказском регионе сохраняют серьезные риски дестабилизации общественно-политической ситуации на Северном Кавказе, особенно в случае внешних влияний и нестабильности российской государственной системы.

Доклад и публикация подготовлены в рамках проекта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе».

Алборова М.Б. (Москва, ЦМИБ и НТП МГИМО МИД России)

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО - ИННОВАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Развитие цифрового общества несомненно потребовало кардинального изменения в информационной сфере. Уже сегодня мы понимаем, что для повышения качества и уровня жизни, обеспечения конкурентоспособности России, расширения возможностей в социальной, политической, экономической и духовной сфере необходимо совершенствовать систему государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. На современном этапе уже более 170 стран в том или ином виде применяют систему электронного правительства, предоставляя широкий спектр цифровых услуг для своих граждан.

Вместе с тем современные вызовы и угрозы в информационном пространстве требуют все большего внимания для обеспечения безопасности в информационной сфере, как на уровне государственного управления, так и на уровне частного бизнеса и каждого пользователя. При этом, глобальное интернет-пространство невозможно ограничить рамками одной конкретной страны и поэтому нормы и правила деятельности в этом новом информационном мире необходимо регулировать на международном уровне, создавая согласованную нормативно-правовую базу, которая будет естественна для всех и выполняться будет всеми. Именно поэтому данная тема является актуальной, так как она затрагивает многие проблемы информационного общества, а также риски и угрозы, которые касаются всех и каждого.

Анализируя вопросы значения развития современной системы международной информационной безопасности невозможно не отметить факта активного применения кибернападений в том или ином виде, при этом все больше риски проявляются в сфере критически важных инфраструктур. Развитие системы электронного управления цифрового общества, несомненно, требует и защиты от этих рисков.

Современные эксперты в области обеспечения информационной безопасности отмечают увеличение численности киберугроз в условиях развития информационного общества и требуют повышения безопасности деятельности электронного управления государством.

Становление системы электронного гражданства, цифровизация всех сфер общества, слабая защищенность мобильных устройств и IoT, низкий уровень социальной инженерии, увеличение численности мошенничества и вымогательства, при недостатке квалифицированных кадров может привести к тяжелым последствиям. В этих условиях необходимо поднимать вопрос о совершенствовании государственной политики Российской Федерации в области информационной безопасности и подготовке квалифицированных кадров.

Сегодня активно реализуется мировой тренд на развитие цифрового общества. При этом важно осознавать риски, которые связаны с технологиями искусственного интеллекта, машинного обучения, расширения сетей 5G, а также растущего количества подключенных сетей и повышения скорости обмена информацией.

Важно отметить, что в современном мире создание электронного документооборота, несомненно, одна из наиболее удобных форм, применяемая сегодня во всех ведущих и развивающихся странах мира. Вместе с тем обеспечение безопасности баз данных, в том числе облачных хранилищ, остается

ключевым вопросом цифрового века. Анализируя вопросы создания цифрового гражданства и информационного правительства, актуализируется вопрос и борьбы с утечкой информации.

Активно развивающаяся цифровая система в России требует как развития инструментов превентивной защиты, так и совершенствования методологий по расследованию инцидентов, а также вариантов выхода компаний из кризисных ситуаций, напрямую связанных с утечкой информации и киберрисками.

Современное становление цифровой системы управления в России идет быстрыми темпами. В жизни российских граждан наиболее эффективно реализуются цифровые проекты: «Информационное общество (2011–2020)», «Мои документы», «Цифровая образовательная среда» и многие другие. В повседневной жизни граждан широко используются программы «Гос.услуги», «Электронная медицинская карта», «Электронная трудовая книжка» и т.д. При столь масштабном распространении электронного документооборота без стремительного развития киберграмотности обойтись невозможно.

Система электронного правительства в мире начала развиваться еще в конце XX века в Сингапуре и Корее. Сегодня это наиболее распространенная форма управления в мировом сообществе. Формирование и активное продвижение информационного пространства создало условия для упрощения многих функциональных операций в государственном механизме и в жизни граждан.

В России еще в 2010 году была запущена государственная программа «Информационное общество». Она формировалась в соответствии с инновационным сценарием социально-экономического развития Российской Федерации, определенным Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. На современном этапе мы можем проанализировать основные итоги выполнения этой программы.

Несомненно, что ключевой целью информационного правительства сегодня становится, повышение качества жизни и работы граждан, улучшение условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. Отсюда актуальность и значимость эффективной реализации этой структуры, деятельность которой должна быть обеспечена гарантией безопасности.

Финансирование по Гранту РФФИ, (номер: 20-011-31493, ОПН)

Алейников А.В., Пинкевич А.Г. (Санкт–Петербург, СПбГУ)

РИСК–РЕФЛЕКСИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Ключевой проблемой общества риска является политика распределения и компенсации риска, а рефлексии рисков, по У. Беку, изменяет восприятие социального бытия и способы реализации политики.

Эффективность управления угрозами и опасностями, адекватная оценка готовности к принятию риска относятся к одним из базовых характеристик «достойного» и «недостойного» правления. Риск–рефлексии, являясь инструментом определения социальной приемлемости риска (, лежат в основе разработки стратегии и тактики управления политическими конфликтами.

Поскольку риски иерархичны и им в большей степени подвергаются слои общества, наименее всего способные к их минимизации, они являются механизмом усиления социального неравенства и несправедливости.

Трансформация экономического и политического порядков, потеря рациональных оснований понимания социальной реальности изменяет привычную иерархию повседневных рисков и «риск–катастроф», конструирует новую структуру и альтернативные версии и интерпретации угроз и опасностей, создает новую картину взаимодействия производителей, потребителей и носителей риска.

Дискуссии о природе различных рисков и способах управления ими, споры о виновных за их создание, являются базой для выработки политических сценариев и стратегий политических действий.

В «поле риска» и рефлексий о рискогенности преломляются проблемы политического устройства, реализации власти и борьбы за власть — в наступлении неблагоприятных событий всегда виноваты: сами жертвы, нарушившие некие правила или запреты, политические соперники и внешние враги, причастность которых «доказывается» фактом обладания политическим или социальным статусом, который уже сам по себе воспринимается как угроза, а обвинение в создании риска — это «дубинка для битья авторитетов».

С другой стороны, ситуация риска предоставляет дополнительный шанс для узурпации власти, опорной точкой ликвидации основных демократических принципов, модификации политического поведения социальных субъектов, являясь мотиватором политического активизма и существенным фактором политической мобилизации.

Риск–рефлексивные практики оказывают существенное влияние на принятие и реализацию политических решений в условиях неопределенности. С одной стороны, оценивается опасность потерь или возможностей выигрыша, степень готовности действовать на грани фола. С другой, они могут порождать или «рискофобию», иррациональные чувства постоянной социальной тревоги и страха или, напротив, создают упрощенное пространство презентаций о реальных рисках и опасностях, иногда трансформирующееся в «рискофильство».

Прогнозирование рисков и опасностей в таком случае оказывается не только важным индикатором сохранения стабильности бытия даже в чрезвычайной ситуации, но и вариативной переменной в процессе принятия и легитимации технологически понятных и “прозрачных” управленческих решений и практик в условиях неопределенности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115)

Алексеев А.В. (Москва, ИНИОН РАН)

ПРАВА И СВОБОДЫ В ДИСКУРСЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВЫХ ПОПУЛИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В ПАРЛАМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)

Хотя праворадикальный популизм зачастую рассматривается исследователями как несовместимый с самим понятием прав человека, тема защиты прав и свобод занимает всё более значимое место в политическом дискурсе праворадикальных популистов в странах Европейского союза. При этом, несмотря на то, что аксиологическая и институциональная рамка ЕС вынудила праворадикальных популистов взять на вооружение дискурс прав человека, они существенно пересмотрели наполнение этого понятия, по сути бросив вызов его мейнстримным интерпретациям, которые по-прежнему доминируют в публичном поле Европейского союза.

В данном исследовании рассматривается, как праворадикальные популисты сегодня используют понятие прав и свобод при конструировании идентичностей в электоральном контексте Европейского союза. В основу исследования лёг сравнительный анализ кейсов польского «Права и справедливости», возглавляющего правящую коалицию, и французского «Национального объединения», находящегося в глубокой оппозиции к правящей в стране коалиции. Идеология и политический дискурс «права и справедливости» и «Национального объединения» насыщены элементами нативизма, авторитаризма и популизма, что позволяет отнести их к праворадикальным популистским партиям.⁶

Проведённый анализ текстов выступлений лидеров обеих партий – Марин Ле Пен и Ярослава Качиньского – в ходе предвыборной кампании в парламент Европейского союза 2019 года сочетает в себе элементы морфологического анализа идеологии с методами и инструментами дискурс-исторического подхода и дискурс-концептуального подхода к критическому дискурс-анализу.

Разбор дискурсивных стратегий, используемых в этих текстах, позволил эмпирически подкрепить и детализировать некоторые существующие теории по поводу ключевых идеологических и дискурсивных

6. Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. – Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; São Paulo: Cambridge University Press, 2007. – 406 p.

черт праворадикального популизма и его позиций в отношении прав и свобод. Вместе с тем, анализ также продемонстрировал, что в целом ряде аспектов существующие модели праворадикального популизма могут быть детализированы или скорректированы.

Проведённое исследование согласуется с существующими концепциями в том плане, что одним из центральных элементов праворадикального популистского дискурса оказывается противопоставление «своих» и «чужих». И в дискурсе Ярослава Качиньского, и в дискурсе Марин Ле Пен, когда речь идёт о разнообразных правах и свободах, идентичность французского, польского и других европейских народов конструируется через соотнесение со значимыми негативными Другими по двум осям: по вертикали – через популистское противостояние элитам, по горизонтали – через нативистское противостояние с разнообразными чужаками. При этом, народу предидируется обладание разнообразными правами, «Праву и справедливости» и «Национальному объединению» — защита прав народа, а элиты и чужаки репрезентируются в качестве источника угрозы для этих прав.

Вместе с тем, это разделение артикулируется в каждом из случаев по-разному: «Право и справедливость» чётко отделяет народ от элит и чужаков, а «Национальное объединение» систематически создаёт многочисленные «серые зоны», в рамках которых валентность целого ряда акторов изменяется в зависимости от контекста.

Амбивалентной представляется и конструируемая праворадикальными популистами европейская идентичность, от которой они не желают отказываться, даже отвергнув существующий проект европейской интеграции в рамках ЕС как попирающий права и свободы.

В целом, проведённый анализ позволяет заключить, что праворадикальные популисты в странах ЕС не столько являются противниками прав и свобод, сколько выступают одним из активных участников интерпретативных битв за переосмысление этого понятия.

Алексеев Д.В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В отечественной политической науке законодательный процесс исследовался с нескольких ракурсов. Ряд ученых подробно работали с темой парламентаризма (В.Л. Шейнис, А.М. Салмин), некоторые исследовали законодательные органы сквозь призму партий, партийных систем и выборов (Ю.Г. Коргунок, Б.И. Макаренко, Р.Ф. Туровский). Также процесс и результаты принятия политического решения часто оказывались в центре внимания политологов (А.А. Дегтярев, Д.В. Сосунов). При этом, политическая роль собственно законодательного процесса и закона как будто постоянно ускользает из поля зрения российской политической науки. В тоже время, юриспруденция уделяет этой теме гораздо больше внимания, концентрируясь скорее на процедурах, юридической технике и прочих технических нюансах.

Представляется, что политическая сущность законодательного процесса в настоящий момент недооценена. Ведь именно Парламент и процесс прохождения закона от стадии к стадии являются ареной противостояния различных политических сил и институтов. На законодательный процесс могут влиять правительство, президент, региональные legislatures, бизнес объединения и крупные компании и, конечно же, сами депутаты и сенаторы. Не стоит забывать и о том, что процедуры в законодательном процессе имеют большое значение. Например, законопроект в Государственной Думе может быть принят только в трех чтениях, его обязательно должен рассмотреть Комитет, необходимо заключение Правового управления. С одной стороны, они служат ограничителями и налагают рамку на принятие решений, с другой, политические субъекты могут использовать процедуры в своих интересах.

При этом важно не только кто воздействует на законодательный процесс, но и какими средствами. В этой связи необходимо обратить внимание на те технологии, которые используют политические субъекты, чтобы продвигать свои интересы.

Технология в широком смысле слова – это возможность применения научного знания к практическим целям человеческой жизни или способы по изменению окружающей реальности человеком (Technology. – Encyclopedia Britannica. 1998. URL: <https://www.britannica.com/technology>). Применительно к политике речь идет прежде всего о тех приемах, которые используются для завоевания или сохранения власти или иного ресурса. О.Ф. Шабров определяет политические технологии, как «целенаправленно сконструированная совокупность приемов и способов достижения результата, использование которых затрагивает государство и несовпадающие интересы значимых социальных групп» (Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 328-330). Таким образом, законодательный процесс можно назвать объектом воздействия политических технологий.

Вместе с тем, политические технологии в контексте законодательного процесса и принятия решений в Парламенте имеют свою специфику. Речь идет прежде всего о жестком регулировании процедурами всех процессов, происходящих в парламенте. Это и некоторые другие основания делают возможным выделение законодательных технологий в качестве отдельного понятия. Тем не менее, они остаются составной частью политических технологий, так как направлены на достижение необходимого результата и обеспечение принятия решений в интересах того или иного политического субъекта, пусть и в строгих процессуальных рамках.

Законодательные технологии могут быть направлены на ускорение принятия той или иной инициативы, её блокирование или замедление прохождения того или иного законопроекта. Кроме того, разные политические субъекты применяют свои специфические технологии. Например, депутаты могут внести поправку “с голоса”, предварительно не ознакомив с ней других парламентариев. В этом случае обеспечивается эффект неожиданности и появляются возможности осуществить “законодательный блицкриг”, быстрое принятие нужного решения (Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Законодательный процесс и законодательные технологии как предмет исследования в российском политическом дискурсе // Власть. 2020. №3. Т. 28. С. 190 - 195). Правительство же может вносить законодательные инициативы через депутатов, чтобы избежать прохождения некоторых процедур, которые могут замедлить продвижение инициативы (например, оценку регулирующего воздействия).

Таким образом, технологии и законодательный процесс сильно связаны. Изучение этого предмета в рамках политической науки требует специальной подготовки, досконального знания процедур законодательного процесса. Политической сущности законодательного процесса в отечественной науке уделяется недостаточно внимания, в то время как тема определенно достойна глубокого исследования.

Амиантова И.С. (Москва, РУДН)

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕР В СОВРЕМЕННОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Политическая коррупция- явление повсеместное, масштабы проявления которого связаны с тремя составляющими из известной формулы, предложенной Р. Клитгардом: монополией, свободой действий и отсутствием ответственности.⁷ Опасность преступлений против избирательных прав очевидна. Выборы- важнейший институт демократического общества, искажаются под влиянием коррупциогенных факторов. Во все времена определенные лица «нечистые на руку» стремились исказить реальную политическую волю граждан, оказать влияние на различные стороны жизни государства путем вмешательства в избирательный процесс, исходя из корыстных интересов. Под видом легального избирательного процесса происходит приватизация государственной власти.

Распространенными коррупциогенными деяниями, сопровождающими современный избирательный процесс, являются подкуп участников, а также злоупотребление административным ресурсом, незаконное финансирование избирательной кампании. Согласно определению, предложенным

7. Klitgard R., MacLean-Abaroa R. Corrupt cities: practical guide and prevention. California, Oakland: Institute for Contemporary Studies, 2004. P.8.

неправительственной организацией Transparency International, коррупция есть «злоупотребление доверенной властью для личной выгоды»⁸.

Электоральная коррупция, согласно мнению российского исследователя П.А. Кабанова, есть «особая разновидность политической коррупции, которая проявляется и выражается как в массовом подкупе избирателей, так и подкупе избираемых лиц на выборные государственные или муниципальные должности либо иных участников избирательных процессов во время поведения избирательных кампаний различного уровня»⁹.

Согласно позиции Ю.А. Нисневича, электоральная коррупция – «противоправное использование в ходе избирательного процесса властных полномочий и прав, положения и статуса должностных лиц публичной власти для предоставления посредством подавления политической конкуренции и искажения свободного волеизъявления граждан неправомерного преимущества представителям аффилированных политических сил и групп с целью извлечения в их пользу политической выгоды в виде результатов несвободных и нечестных выборов»¹⁰.

Политико-правовой анализ совокупности коррупционных преступлений в избирательном процессе Российской Федерации включает в себя дифференциацию на специальные коррупционные преступления в избирательном процессе, общие коррупционные преступления в избирательном процессе, а также преступления коррупционной направленности в избирательном процессе.

Своеобразными особенностями политической коррупции в избирательном процессе являются цикличность и устойчивость проявления, системно-структурный характер.

Электоральная коррупция «стала нормой политических процессов во всех странах СНГ. За нею стоят как «серые» схемы вливания денежных средств крупного бизнеса в предвыборные кампании, так и использование «административного ресурса» для манипулирования электоральными процессами»¹¹ (В современном постиндустриальном мире главным орудием предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе становится гласность. Эффективно также применение социально-профилактических мер упредительного воздействия. В их основе – распространение базовых антикоррупционных знаний среди участников электорального процесса. Основу антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе составляют антикоррупционные обязанности, запреты и ограничения (стандарты поведения), содержание которых варьируется в зависимости от статуса и положения субъектов избирательных отношений.¹²

Ананченко А.Б. (Москва, МПГУ)

РОССИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДВУХПОЛЮСНОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

В последнее время политически и духовно актуальной стала выглядеть проблема определения историко-политического места современной России. Иногда это осознается понятийно, аналитически и исторически определяется, а чаще всего задается набором косвенных «вопросаний». Одна из наиболее ясных и недвусмысленных характеристик и оценок современного нового военно-политического места России в мире дается в 2019-2020 гг. министром обороны РФ С.К. Шойгу: он говорит о том, что Россия вернула себе статус потерянного после распада СССР второго полюса в мире.

Характеристика России как второго (одного из двух) военно-политического полюса в мире – это важное стратегическое политическое заявление, потенциально оказывающее существенное влияние

8. Основные концепции антикоррупционной деятельности: учеб. пособие. Совет Европы, ноябрь 2014. С.10

9. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. С.62

10. Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003-2012 годах: монография. М: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. С.4.

11. Лазарев Е.А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций//ПолиС. Политические исследования.2010. N2. С.108.

12. Акунченко Е.А. Коррупционная преступность в избирательном процессе Российской Федерации.-М: Проспект, 2020. С.186.

как на все сферы жизнедеятельности российского общества, так и на его самоопределение в истории, духовную жизнь, мировоззрение, и являющееся возможным ядром формирования будущей идеологии России.

Характеристика России как второго военно-политического полюса в мире означает и одновременную констатацию несостоявшегося проекта однополюсной мировой системы, и несостоятельность историческую, и стратегическую архаичность, переходный характер многополюсной системы.

Оценка миссии России как второго полюса новой мировой системы сопровождается не только политическими заявлениями, но и целым рядом действий России на мировой арене, её обновленным и сохраненным местом в системе военно-стратегического паритета с другим мировым полюсом – США, гарантиями со стороны России относительно возможности альтернативы развития в мире для других стран.

Оценка Россией возвращения себе места «второго полюса» означает одновременно необходимость коренного пересмотра всего нашего взгляда на стратегию и траекторию развития России в постсоветский период, содержания внешней и внутренней политики.

Превращение России во второй полюс, восстановление новой двухполюсности мирового порядка требует объявления сформулированных и заявленных ценностей и принципов мирового российского полюса, её образа будущего, смыслов и целей социального направления нашего движения. Базой формирования российского полюса и его стратегической миссии являются ценности нашего многонационального, многоконфессионального общества. Развитая русофобия – это один из признаков сложившегося идеологического и ценностного самоопределения другого полюса мировой системы.

Возвращение России в число сверхгосударств предполагает выдвижение ею альтернативных Западу трендов мирового развития, смыслов исторической жизни. В основу политики и идеологии России должна быть положена современная концепция истории, которая задаст сразу весь спектр необходимых для самостоятельного субъекта истории элементов самопознания, целей, моделей, смыслов и ценностей. А такое духовное оформление государственности и исторической субъектности России не может строиться только на прагматизме текущих экономических, политических или других межгосударственных отношений.

Важным элементом понимания новой миссии России в современном мире, формирования её национальной программы будущего является понимание того, что такое двухполюсность, как она соотносится с государством и в чем состоит формирующийся новый двухполюсный мировой порядок. Оказалось, что двухполюсность – это не только ситуативность, связанная с коммунистическим движением. Двухполюсность – это закономерный этап глобализации, наступающий после и преодолевающий многополярность. Существование в качестве полюса – это и возможность сохранения исторической и сверхгосударственной субъектности.

Формирование двухполюсной системы означает как закрепление её в системе международных договоренностей, институтов, так и выстраивание каждого полюса политически, идеологически, экономически, финансово, культурно, – как сверхгосударственной системы.

Антонов Д.Е. (Москва, ГАУГН)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Изучение политической культуры как отдельного феномена, также выявление факторов, влияющих на формирование в обществе определенного типа политической культуры, сегодня представляется крайне важным. Экстенсивное развитие цифровых коммуникационных технологий привело к тому, что начал формироваться новый тип общественных отношений – сетевое общество. Благодаря технологическим принципам работы социальных медиа в интернет-пространстве стали появляться замкнутые

сообществам по интересам, обладающие собственным типом коммуникативной структуры. Сетевые сообщества представляют собой особое коммуникативное пространство чью структуру сложно описать, руководствуясь лишь метафорой социальных сетей. Структура такого рода сетевых сообществ, согласно О. Яррену, с одной стороны, действительно децентрализована, а с другой – имеет в сетевой структуре узлы-хабы, лидеров мнений, обладающих наибольшим социальным капиталом. Такого рода лидеры мнений, как считает Тойн ван Дейк, определяют «сетевую идеологию» сообщества, и оправляют сообщения, которые потом самовоспроизводятся по модели «эхо-камер». Другими словами, накапливая социальный капитал лидеры мнений в сетевом сообществе создают иерархии внутри сетевого взаимодействия.

В условиях медиатизации и информатизации политического процесса современной России все чаще виртуальные сообщества, даже сформированные на базе неполитических интересов, становятся участниками политических отношений. Используя технологии, различные маркетинговые и политкоммуникационные технологии субъекты политического процесса воздействуют на участников виртуальных сообществ, побуждая их к определенному типу политических действий. Высокий уровень вовлечения членов такого сообщества в активную коммуникацию, осознанная мотивация к взаимодействию друг с другом, общность и публичность разделяемых ценностей, и в целом проактивность – важные характеристики, позволяющие определить сообщество, например, как один из сегментов электората. С другой стороны, в интернет-пространстве современной России достаточно и политизированных сообществ, члены которых уже являются активными сторонниками той или иной политической силы.

В этом контексте наиболее важным представляется вопрос о готовности членов виртуального сообщества, к политическим действиям в пространстве реальном. Можно ли быть уверенным в том, что манипулятивное или прямое коммуникативное воздействие политического субъекта приведет к выходу членов сообщества из онлайн-пространства?

Согласно концепции Р. Патнема о доминирующей роли социального капитала в процессе формирования гражданского общества (и гражданского типа политической культуры), определяющими в данном случае можно считать два фактора.

Во-первых, необходимо определить, насколько само виртуальное сообщество является референтным для его участников – то есть представляется ли сеть из членов сообщества ценностью для человека настолько, чтобы определять его политическое поведение. Виртуальные сообщества малознакомых людей, весь социальный капитал внутри которых представляет собой возможности приобретать некие товары со скидкой, скорее всего не будет столь же значимым, как группы этнорелигиозных сообществ для выходцев из диаспор.

Во-вторых, необходимо выявить уровень сплоченности виртуального сообщества вокруг узлов-хабов, коммуникаторов, обладающих наибольшим социальным капиталом. Лидеры мнений, или «сетевые феодалы»¹³ во многом являются источниками сетевой идеологии внутри сообщества. Они создают, транслируют и воспроизводят приемлемые коммуникативные поведенческие практики, определяют дискурс сообщества, формируют внутригрупповую иерархию ценностей. Соответственно готовность лидеров мнений к реальным политическим действиям, конвенционным или нет, будет передаваться и членам виртуального сообщества.

Таким образом изучение политической культуры виртуальных сообществ современной России на основе концепции социального капитала позволит определить степень вовлеченности человека в сетевую группу и то, в какой мере сетевая идеология этой группы будет способствовать политической деятельности ее участников.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31558опн «Политическая культура студенческой молодежи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики».

13. Мирошниченко И.В. Сетевые механизмы формирования социальных и политических идентичностей современной молодежи. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 17 (1), 92-97.

*Антончева О.А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ),
Апанасенко Т. Е. (Санкт-Петербург, независимый исследователь)*

ШИРИНА СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА И ПРАВОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИЗМЕРЕНИЕ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Активистский тип политической культуры в теории Г. Алмонда и С. Вербы, концепция превращения подданных государства в его граждан отечественных мыслителей Б. А. Кистяковского и В. М. Гессена предполагают, с одной стороны, что потребность людей в политическом участии в рамках такой политической культуры, реализована, а их интересы отражены в публичной политике, т. е., социальная база политического режима широка. С другой стороны, такой тип политической культуры основан на правовой государственности и закреплении либеральных принципов в конституционных нормах. Также, предполагается прямая связь между широкой социальной базой политического режима и отсутствием признаков авторитаризма в его конституционных нормах.

Однако теоретическое и эмпирическое исследование этой связи позволяет сделать прямо противоположный вывод: эта связь – обратная. Чем шире социальная база политического режима, тем авторитарнее выглядит конституция.

Выделим парадигму, согласно которой между шириной социальной базы политического режима и степенью его либеральности существует прямая связь. Основу этой парадигмы будут составлять все концепции активистского типа политической культуры и их модификации.

Противоположная парадигма строится даже не вокруг идеи обратной связи между шириной социальной базы политического режима и степенью его либерализации, а скорее вокруг предположения о том, что характеристики политического режима не имеют смысла, если их рассматривать в отрыве от ответа на вопрос, в чьих же интересах существует данный политический режим.

Политический режим с сильным репрессивным аппаратом может работать на более гуманные цели, чем либеральный политический режим, если он приносит облегчение жизненных условий более широкому кругу людей. К данной парадигме принадлежит теоретическая традиция, идущая от работ Т. Моммзена. Моммзен отождествлял республиканскую конституцию с олигархическим строем и считал, что в интересах широких народных масс требовалось установить монархию. Сюда же можно отнести концепции социальной демократии, противопоставляемой демократии юридической.

Следует отметить, что первая парадигма совпадает с границами политологии. Политическая наука большей частью игнорирует идею о том, что характеристики политического режима необходимо рассматривать не абстрактно, а в связи с интересами отдельных социальных групп. Причина здесь кроется, скорее, в том, что вся политическая наука является социальным заказом. Она призвана оправдывать социальный порядок или, по выражению Р. Хайлбронера, маскировать социальный порядок социальной системой.

Политическая наука должна идентифицировать себя с первой парадигмой, поскольку это – основа её научной автономии. Тем не менее концепции, принадлежащие ко второй парадигме, сильны даже в рамках политической науки.

Таким образом, анализ теоретических традиций не дает, по большому счету, ничего для решения указанной проблемы: теории на столь высоком уровне обобщения, по выражению Р. Арона, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Следовательно, для решения заявленной проблемы необходимо сузить теоретический анализ, рассмотреть на конкретном примере связь признаков авторитарности политического режима и признаков социального государства в конституционных нормах.

Поправки в Российскую Конституцию, принятые в 2020 г., иллюстрируют эту связь достаточно ярко. При этом можно доказать, что наличие в них таких признаков авторитаризма, как ограничение

автономии регионов, нарушение классического принципа независимости местного самоуправления от государственной власти с помощью введения категории «публичная власть», ряд нарушений классического принципа разделения властей, - представляют собой необходимость для гарантии социальных норм.

Если же актуализировать тему эмпирического исследования, то следует признать, что современные государства не позволяют применять достаточно тонкие инструменты анализа. При этом существует абсолютно ясное понимание, что все коммунистические режимы (которые априори предполагают более широкую социальную базу), авторитарны. Поэтому для эмпирического исследования авторы обратились к античности. Эмпирическую базу исследования составили греческие полисы 300-130 гг. до н. э. Если степень авторитарности политического режима принять за x , ширину социальной базы за y , то корреляция между этими переменными достигает 0,82, что свидетельствует об устойчивой положительной связи между ними.

В античных полисах либеральный режим существовал, как правило, в интересах узких социальных групп. В интересах широких социальных групп он мог быть установлен только в том случае, когда сила узких социальных групп уже была сломлена. Данное положение верно и по отношению к современности. Так, А. Меркель, добившись принятия ряда законов в интересах иммигрантов, т. е. в пользу расширения социальной базы, вынуждена была уйти, поскольку ей не хватило свободы действий, которую обычно дает государственному лидеру авторитарная конституция.

Апанович М.Ю. (Москва, МГИМО МИД России)

МИГРАЦИЯ VS ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОТ «ГЛОБАЛЬНОЙ ОТКРЫТОСТИ» К «ЛОКАЛЬНЫМ БАРЬЕРАМ»

Глобальная проблема продовольственной безопасности и доступа к качественным продуктам не только населения стран, но и мигрантов имеет важное значение. В фокусе исследования пример сельскохозяйственной и продовольственной политики Европейского Союза, которая стремится стать более «зеленой» и исключить обилие нитратов и пестицидов, вредных для здоровья человека. Одновременно с этим возникает вопрос взаимодействия и проникновения пищевых пристрастий мигрантов и «кухни мигрантов» в общества принимающих стран, что носит локальный характер. Они далеко не всегда обладают исключительной «полезностью», но с течением развития кооперации между странами и притока мигрантов из разных культур и уголков мира становятся частью «нормы» или «традиции». Характеристикой современного мира можно считать высокую долю взаимного проникновения процессов и переплетения различных сфер.

В основе исследования данные последнего опубликованного отчета международной организации по миграции¹⁴, а также публикации ВОЗ и ФАО относительно вопросов продовольственной безопасности, уровня жизни среди населения и приезжающих мигрантов (на примере Европейского Союза)¹⁵.

Целью данного исследования стал сравнительный анализ глобального тренда открытости с локальными трендами проецирования «заградительных барьеров», в частности для миграционного сообщества. Европейский регион представляет особенный интерес по причине последствий миграционного кризиса 2015 года, когда значительно вырос поток лиц, претендующих на статус беженца. Прошло уже пять лет, но тем не менее кризис нельзя считать пройденным. Поток мигрантов снизился за последнее время, что в том числе было связано с ограничениями 2020 года на передвижение иностранцев по всему миру, однако остался вопрос адаптации, интеграции и содержания тех мигрантов, которые

14. World Migration Report (2020) available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed: 10.08.2020)

15. Global Nutrition Report (2018). available at: <https://globalnutritionreport.org/reports/global-nutrition-report-2018/> (accessed: 10.08.2020); Report on the health of refugees and migrants in the WHO European Region. No public health without refugee and migrant health available at: <https://www.euro.who.int/en/publications/abstracts/report-on-the-health-of-refugees-and-migrants-in-the-who-european-region-no-public-health-without-refugee-and-migrant-health-2018> (accessed: 12.08.2020)

въехали ранее. В последние годы в европейской политике наблюдается «когнитивный диссонанс», поскольку ее целью является сдерживание миграционных потоков, а не использование их потенциала¹⁶. Исследование показало важность анализа динамики, характеризующей взаимосвязь между миграцией и развитием, начиная с конкретного случая продовольственной безопасности и безопасности питания. Проблема продовольственной безопасности и доступа людей к качественным и «не опасным» (т.е. не зараженным вирусами, паразитами, токсинами и химическими веществами) продуктам является глобальной проблемой, однако подходы к ее решению носят локальный и региональный аспект. Сохранение в Европейском Союзе большого числа мигрантов накладывает на страны также обязательства по обеспечению продовольствием и данную категорию лиц, что позволяет соотнести вопросы продовольственной политики и миграционных потоков в рамках настоящего исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31168.

Артеев С.П. (Москва, ИМЭМО РАН)

ПАНДЕМИЯ COVID-19: СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Пандемия COVID-19 привела к самому масштабному глобальному кризису в XXI в. Помимо других сфер, коронакризис оказал существенное влияние и на мировую политику. Выявились множество проблем, связанных с несовершенством механизмов межгосударственного взаимодействия в сложных ситуациях. Жесткой критике подверглись авторитетные международные институты. Особенно примечательна история с выходом США из ВОЗ. Также оказалось, что и интеграционные объединения слабо подготовлены к быстрому реагированию на внезапно возникающие угрозы. В данном случае показателен пример ЕС, хотя и участники других интеграционных группировок не проявили ожидаемой солидарности. Всё это позволяет говорить о деструктивных тенденциях в международном взаимодействии под влиянием пандемии.

При этом экспертное сообщество пока не уделяет субнациональному измерению коронакризиса достаточного внимания, хотя актуальность наблюдаемых процессов выходит за рамки ситуации с текущей глобальной биогенной угрозой. Коронакризис способствует усилению позиций внутригосударственных регионов во внутривнутриполитических и международных делах. Связано это с тем, что центр делегирует чрезвычайные полномочия на региональный уровень. Между тем, за весь период существования Вестфальской модели мира, да и ранее, в случае экстремальной опасности (а COVID-19, конечно, относится к этой категории) государства традиционно концентрировали максимум властных полномочий в центре. В результате процесс принятия политических решений сужался до узкого круга лиц в столице.

Характерно, что форма государственного устройства и тип политического режима не имеют особого значения для наделения полномочиями регионов в условиях коронакризиса. Власти региональных административно-территориальных единиц таких разных государств как Китай, США, России получили примерно равные полномочия по введению и снятию ограничительных мер вплоть до регулирования перемещения людей. Региональная идентичность выступает в качестве основы коммуникации между властью и обществом в такой ситуации и это позволяет избегать более тяжелых последствий. Впрочем, не стоит думать, что это необратимо. Полномочия по введению и отмене ограничительных мер в условиях чрезвычайных обстоятельств могут уйти обратно – в центр. В середине августа 2020 г. в Италии на волне роста показателей заболеваемости COVID-19 были введены повторные ограничительные меры, которые не могут быть отменены на уровне провинций. Очевидно, что у Рима как центра возникли претензии к действиям властям итальянских областей в ходе отмены предыдущих ограничений.

Следует отметить, что деятельность в сложных условиях коронакризиса способствует консолидации региональных элит и усилению их роли в политических процессах на общенациональном уровне.

16. Потемкина О.Ю. После кризиса: «новый старт» миграционной политики ЕС // Современная Европа. 2019. № 6 (92). С. 18-29.

Общество также может быть заинтересовано в передаче больших полномочий на региональный и локальный уровни, так как это усиливает обратные связи и позволяет лучше контролировать органы власти. Вполне возможно, после пандемии COVID-19 начнутся процессы нормативно-правового оформления новой конфигурации взаимодействия между центром и регионами в ряде государств. Конечно, разумно, чтобы это было сделано и в России. Двадцать лет централизации показали несостоятельность тех идей, под которыми она проводилась. Показатели коррупции, качества управления, социально-экономического развития регионов РФ выглядят удручающе и негативный тренд очень устойчив. Коронакризис дает шанс на перезапуск российского федерализма. Однако для этого уже сейчас необходима активность структур гражданского общества, региональных элит и экспертно-аналитических кругов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109 «Воздействие глобальных биогенных угроз на мировую политику».

Артему А.А. (Москва, ИВ РАН)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО САЛАФИЗМА НА ПРИМЕРЕ ЕГИПЕТСКОЙ ПАРТИИ «АН-НУР»

Одной из сенсаций «Арабской весны» стало появление т.н. «политического салафизма», который ярче всего заявил о себе в Египте. На базе ранее аполитичных салафитских движений были созданы политические партии, наиболее успешная из которых «Ан-Нур» в рамках коалиции получила в 2012 г. более четверти мест в парламенте и стала второй по популярности партией после пришедших к власти «Братьев-мусульман».

При этом политическое поведение «Ан-Нур» заметно отличалось от общепринятого представления о салафизме. Это явление в западной аналитике объясняется гипотезой «к умеренности через политическое участие» (*moderation through inclusion*), которая подразумевает, что в процессе институционализации деятельности салафитов в современной демократической системе произойдет адаптация их поведения под правила электорального процесса, пересмотр взглядов в пользу менее провокационных, более умеренных и компромиссных.

С одной стороны, гипотеза подтверждается определенными метаморфозами политической платформы «Ан-Нур», рядом уступок по чувствительным вопросам (напр. включения женщин и коптов в партийные списки), попытками создать современный прогрессивный имидж партии, взаимодействием салафитов со светскими акторами и др. Сам факт, что салафиты, осуждавшие «Братьев-мусульман» за участие в демократической системе, решили принять ее правила, уже считается прорывом.

С другой стороны, как в случае с салафитами, так и с исламистами, в целом, вопрос мотивов интеграции в политический процесс не может оставаться за скобками. Что первично для партии: завоевание власти с использованием религиозного нарратива или идеологическое изменение общества с использованием политического инструментария?

Пример «Ан-Нур» ярко иллюстрирует борьбу политического и религиозного начал, нераздельных в исламе, через конкуренцию двух подходов: 1. «политиков» под руководством Имада Абдель Гаффура, желающих видеть партию самостоятельной политической инклюзивной структурой 2. «идеологов» из движения «Да'ва салафийа», породившего партию, под руководством шейха Ясира Бурхами, который воспринимал «Ан-Нур» исключительно как политическое лобби движения, настаивал на ограниченном членстве и недопустимости каких-либо доктринальных уступок.

Благодаря консерватизму электоральной базы партии, критикующей политические маневры и уступки «политиков», верх одержал блок «идеологов». «Политики» были вынуждены покинуть партию, и «Ан-Нур» осталась в парламенте в роли политического крыла социально-религиозного салафитского движения, для которого борьба за власть является «расширением миссионерской деятельности («да'ва»), но на другой платформе», по выражению нидерландского исследователя салафизма Й.Вагемакерса.

Среди целей, которые преследовало движение, используя партийную деятельность – диверсификация каналов миссионерской деятельности, консолидация салафитского движения под руководством «Да‘ва салафийа», усиление исламской идентичности Египта, дискредитация джихадистских группировок и др. (Интервью автора со спикером партии «Ан-Нур» Надиром Баккаром от 02.11.2019.)

В то же время кажущаяся непоследовательность поведения «Да‘ва салафийа» объясняется, по выражению французского ученого С.Лакруа, «особым салафитским прагматизмом», в основе которого лежит инструментальное отношение к политике. Осознавая риски преследований, при Мубараке движение занималось исключительно социальным активизмом, исламским образованием и работой в СМИ, отчего смогло избежать репрессий и получить популярность у населения. Следуя той же логике, оно осудило демонстрации в первые месяцы «Арабской весны». Однако, осознав открывшиеся в результате революции возможности и опасность усиления секуляристов и «Братьев-мусульман», движение решило активизировать политические методы. Вновь оценив риски в условиях государственного переворота и прихода к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси, движение поддержало переворот против, казалось бы, идеологически близких им «Братьев-мусульман» и вернулось к гражданскому активизму и проповеди как основным видам деятельности, номинально оставаясь в парламенте.

Таким образом, анализ исламских религиозных партий как политического феномена может быть малоинформативным для понимания тенденций развития партии, его нелинейности, а также перспектив идеологической трансформации партии. Политическое участие может носить инструментальный характер, а ситуативные уступки могут быть прагматичным ответом на изменяющийся контекст в духе классических исламских концепций чрезвычайной необходимости («дарӯра») и общественного интереса («маслаха»).

Арутюнов А.Г. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Политические партии и партийные системы как таковые представляют собой один из важнейших феноменов политической жизни общества. Более того, политические партии представляют собой полноценный и даже во многом основополагающий политический институт. В свою очередь политическая наука начала рассматривать политические партии практически с момента своего возникновения, те вопросы изучения этого общественного феномена является широко разработанным и затрагивался практически всеми школами и направлениями политологии, в том числе и в России.

В качестве рабочего определения политической партии мы будем рассматривать такое определение политической партии как общественно-политическое объединение людей, имеющих целью получение, удержание власти, расширение политического влияния и победу на выборах разного уровня.

Среди отечественных специалистов многие весьма авторитетные политологи занимались проблемой партий и партийных систем. Среди наиболее значимых стоит выделить работы Ю.Г. Каргунюка, С.Е. Заславского и некоторых других авторов. Среди представителей научной школы РАНХиГС при Президенте РФ стоит упомянуть В. И. Тимошенко, одного из самых ярких исследователей в области политических партий, а также О.А. Нестерчук, Б.Ю. Кагарлицкого и Р.В. Евстифеева.

Согласно представлениям, выдвигаемым в том числе Каргунюком и Тимошенко, современные политические партии проистекают из протопартийных образований Нового времени. В процессе развития первые политические партии и их предшественники начали формироваться во Франции и Англии. В России история политических партий традиционно начинают отчитывать с конца XIX – начало XX века, когда протопартийные объединения начинают формализоваться, а после Манифеста 1905 года и оформляться официально.

Политические партии выполняют различные функции в современном обществе. Прежде всего стоит сказать о политической партии как институте, обеспечивающим борьбу за политическую власть и конкурентность этой борьбы. Также эти партии выполняют информационную и информирующую функции. Особо стоит отметить социализирующую функцию партии, где политические партии выступают как агенты социализации для людей, пытающихся войти в политическую сферу как активные акторы.

В рамках новых политологических концепций выдвигаются версии о так называемой деинституционализации политических партий, то есть концепция уменьшения их роли и перетекания политической активности граждан в менее формальные институты. Однако ряд экспертов настаивает на стабильности роли партий для общества.

Определённые тенденции намечаются и в процессе трансформаций партийных систем, кроме старых форм таких как однопартийная, многопартийная и двухпартийная, возникают смешанные форматы и трансформируются старые, к примеру, так называемый двух с половиной партийный формат (ранее для иллюстрации часто использовался пример ФРГ). Дополнительно отметим, что часто можно слышать критику в адрес однопартийного формата, т.к. он чаще всего соответствует не демократическим режимам, в качестве почти единственного примера успешности однопартийной системы выдвигается короткий период Турецкой республики в XX веке.

Можно найти два подхода к оценке современной партийной системы в России, так существует подход, описывающий Российскую систему как мультипартийную, он основан на факте большого количества зарегистрированных партий. Кроме этого, существует подход, напротив утверждающий близость данной системы к полупартийной системе, когда существует одна доминирующая партия и более мелкие партии, иногда вступающие в альянс с главной партией.

Рассматривая российскую практику работы политических партий, можно сказать о некоторых особенностях. Так на протяжении 2019-2020 годов мы наблюдаем сокращения числа зарегистрированных политических партий от 73 к 42 в списке минюста. Одновременно с этим возникают новые политические партии претендующие на широкую аудиторию – «За правду», «Новые люди» и др. Тем не менее, на данный момент достаточно большое количество политических партий вообще не представлены в законодательных органах РФ, так в Государственной Думе представлено только 4 партии (ещё 2 по одномандатным округам), в региональных парламентах около 10 политических партий, тем большинство партий не учувствуют в реальной борьбе за власть. Дополнительно эти партии условно делятся на три категории – «Единая Россия» как партия парламентского большинства, партии парламентской оппозиции (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), средние и малые партии. Наконец стоит отметить, что существует большое количество незарегистрированных политических партий – оппозиционных, левых, ультраконсервативных и иных.

Таким образом, рассмотрев вопрос развития партий и партийных систем на современном этапе можно с уверенностью сказать, что политические партии продолжают играть значительную роль выполняя одну из важных ролей в политических системах современного общества.

Асеев С.Ю. (Барнаул, АлтГУ)

ПРОГРАММЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СУБЪЕКТАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В условиях современного российского общества для преодоления негативных тенденций социальной разобщенности государство стремится использовать идею патриотизма для сохранения и укрепления национальной идентичности. Однако на сегодняшний день в РФ все еще не приняты законы о государственной молодежной политике и патриотическом воспитании, их отсутствие приводит

к низкой эффективности взаимодействия органов власти в данной сфере. Ряд субъектов СФО РФ на своем уровне приняли соответствующие Законы о патриотическом воспитании, но в них отсутствует единое определение основных понятий, целей, задач и направлений патриотического воспитания. Так, формирование гражданской идентичности может быть отнесено как к целям (Республика Тыва, Алтайский край), так и к задачам (Республика Алтай) патриотического воспитания, либо не упоминаться вовсе (Республика Хакасия, Новосибирская область). Там, где выделяется структура субъектов патриотического воспитания, в ней могут быть отмечены как трудовые коллективы (Хакасия), так и религиозные организации (Алтайский край). Как следствие, в ряде субъектов СФО сами названия региональных программ демонстрируют стремление властей преодолеть тенденции дальнейшего разнонаправленного толкования целей и содержания патриотического воспитания, для чего принимаются «Межведомственные планы мероприятий...» (Алтай, Омская область, Кемерово) или соответствующие «Государственные программы...» (Алтайский край, Тыва, Новосибирская область). При этом, независимо от названия программ, масштаб их мероприятий и эффективность достижения поставленных целей и задач, во многом предопределяется наличием ресурсов. В регионах СФО со схожей численностью населения объем планируемого финансирования рассматриваемых программ может отличаться многократно.

В проекте ФЗ «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» выделены три взаимосвязанных направления патриотического воспитания: духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и военно-патриотическое, которые в своей совокупности и формируют основы национально-государственной идентичности. Последовательно реализуемые с 2001 года государственные программы по патриотическому воспитанию граждан РФ в своем содержании не имеют столь системного видения вопроса и явный приоритет отдают военно-патриотическому направлению, что характерно и для рассматриваемого регионального уровня. В соответствии с закрепляемыми в программах показателями, годовые отчеты территорий отражают процентный охват граждан мероприятиями патриотической направленности, во многом основываясь на показателях работы действующих военно-патриотических клубов, юнармейских объединений, центров военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки граждан, наличия кадетских классов, итогах выполнения нормативов «ГТО» и т.д. Во всех рассматриваемых программах большая часть праздничных мероприятий и конкурсов также привязана к военно-исторической тематике, на их основе наполняются разделы гражданско/историко/культурно-патриотической работы. В этом же направлении планируется развитие деятельности волонтерского движения и добровольчества – грантовую поддержку получают проекты «Волонтеры Победы», «Снежный десант» и др. Как следствие, акцент смещен на количество мероприятий, а не на их качество и перспективы развития существующих организаций.

Проблемы системного наполнения духовно-нравственного и гражданско-патриотического направления патриотического воспитания в регионах СФО объективно обусловлены отсутствием в современной России коллективного образа будущего, создаваемого на основе общих ценностей. При этом действительность не всегда демонстрирует молодежи правильные примеры и образцы поведения – успешность и известность отдельных представителей бизнеса и власти зачастую основаны на их девиантном поведении по отношению к обществу и его интересам. Во многих своих вариантах (идеологический, религиозный, национальный, персонифицированный и др.) патриотизм призывает к иррациональному послушанию и подчинению догмам, что не соответствует мировоззрению подавляющего большинства современной молодежи, готовой поддерживать цели и действия элиты только через рациональное обоснование их пользы для себя и общества в целом. Учитывая это, в реализуемых программах патриотического воспитания необходимо усиление роли духовно-нравственного и гражданско-патриотического направления, без чего невозможно сформировать основы общероссийского национального самосознания.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 20-011-00346А «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. (Барнаул, АлтГУ)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПАТРИОТИЗМА ШКОЛЬНИКАМИ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В современной России взаимодействие государства с молодежью преимущественно осуществляется в рамках патриотического воспитания. С 2006 г. концепции гражданского образования молодежи были заменены на государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации...». В рамках данного направления реализуется масса проектов, программ как федерального, так и регионального уровня. Ключевым объектом патриотического воспитания выступают школьники, как в силу своего возраста, так и особенностей организации процесса школьного образования. Анализ существующей нормативной и методологической базы реализации патриотических проектов показывает отсутствие консолидации в понимании ключевых дефиниций: патриот, патриотизм. В практике реализации патриотического воспитания доминируют формы и методы, которые использовались еще в советское время и не всегда отвечают ценностям и установкам современной молодежи.

Установка федеральной власти на комплексность системы патриотического воспитания, реализующейся в трех направлениях: духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и военно-патриотическое, на региональном уровне, в силу ряда факторов дает крен в военно-патриотический вектор, дополняемый элементами гражданско-патриотического. В связи с этим в сознании старших школьников наблюдается рассогласованность представлений о патриотизме, его проявлениях и допустимых моделях поведения в соответствии с ценностями патриотизма.

Проведенное исследование показывает, что среди школьников 8-11 классов патриотизм понимается как любовь к Родине, уважение и гордость за историю и военное прошлое; ориентация на готовность к защите своей страны, самопожертвование. При этом в национальных субъектах СФО (Республики Алтай, Хакасия, Тыва) в программах патриотического воспитания существенное внимание уделяется сохранению семейных ценностей, национальных традиций и культуры, что находит свое отражение и в ответах школьников об их понимании содержания патриотизма.

Субъективное восприятие условий собственной жизни у многих респондентов коррелирует с желанием переехать в другой регион либо уехать из страны временно или навсегда. Данное желание совмещается в сознании молодых людей с пониманием того, что это не патриотично, в связи с чем школьники в ответах отмечают, что они скорее не являются или точно не являются патриотами.

В своих ответах и комментариях респонденты указывают на перенасыщенность воспитательной работы мероприятиями патриотической направленности, что вызывает у школьников потерю к ним интереса и стремление уклониться от формального участия в них. Школьники регионов СФО отмечают, что патриотизм – это глубоко личное чувство и его не следует навязывать.

В настоящее время традиционные агенты политической социализации во многом утрачивают свой авторитет и влияние, происходит формирование нового поколения молодежи, чьи ценности и интересы формируются под воздействием цифрового и глобального пространства. Локализация ценностей и отрыв от объективных реалий ведет к конфликту провоцирующему девиации. В связи с этим, необходим поиск новых эффективных форм коммуникаций при реализации проектов по патриотическому воспитанию с целью формированию сознания молодежи в духе общественно-значимых ценностей.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 20-011-00346А «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Ачкасов В.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ФЕДЕРАЛИЗМ И ЭТНИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Не без оснований ряд исследователей считают, что при определенных обстоятельствах этнофедерализм может служить инструментом сохранения баланса, урегулирования межэтнических конфликтов и средством достижения стабильной демократии в условиях мультиэтничного и мультикультурного общества.

Однако международный опыт свидетельствует:

- случаи успешно работающих этнофедераций единичны, а большинство попыток их создания оказались неудачными;
- при решении “этнической проблемы” наиболее успешные мультиэтничные западные демократии чаще идут по пути “распредмечивания” и деполитизации этнического фактора, демонтажа институтов, связывающих этничность и власть, этничность и государство, что достигается за счет подчеркивания процессуального характера этнической идентичности и актуализации идеи “гражданской нации”.

Это не позволяет признать этнофедерализм самым оптимальным способом решения этнических проблем России. Сохранение этнической принадлежности – это выбор и неотъемлемое право каждого человека, право быть непохожим на других. Но при этом люди разной этнической принадлежности должны подчиняться общим законам, крепить гражданскую солидарность во имя сохранения и процветания общего национального государства.

Конечно же, межэтнические отношения следует выстраивать, не исходя из некоей идеальной модели, а отталкиваясь существующей этнополитической реальности и используя имеющийся потенциал уже существующих несовершенных институтов этнофедерации. Речь идет о необходимости дифференцированного подхода к анализу и оценке соотношения федерализма и этничности и основанных на этом выводах, в каких случаях учет этнического фактора в структуре федерации крайне необходим, а в каких случаях он способен сыграть разрушительную роль. При этом важен учет и других влияющих на него факторов: прежде всего, степень демократичности государства, уровень его экономического и социального развития, этнический состав общества и характер исторически сложившихся межэтнических отношений.

Практически все этнофедерации создают предпосылки для «структурного замыкания» этнических общностей. Под структурным, или социальным замыканием в социальных науках имеется в виду ситуация, при которой представители одной группы монополизируют определенные ресурсы или возможности, либо путем прямой узурпации, либо путем неявных дискриминационных практик (в том числе практики позитивной дискриминации). Применительно к межэтническим отношениям, обычно выделяют три типа таких ресурсов: властный (политический), экономический и социальный.¹⁷ Особым типом структурного замыкания через неравное распределение властного ресурса считается совпадение границ этнических групп с административно-территориальным делением государства, то есть этнофедерализм.

Однако следует признать, что, в отличие от русского большинства, для значительной части российских «национальностей» роль институтов этнофедерализма в производстве и воспроизводстве этнической реальности столь же высока и значима, как и индивидуальное приписывание к этническим категориям (не случайно, именно в национальных республиках в начале 1990-х гг. так активно протестовали против отмены пятой графы паспорта, фиксировавшей «национальность» индивида). Этническая идентичность уже почти сто лет, помимо средства классификации и разделения населения страны на особые и наделяемые различным правовым статусом категории служила и служит также средством классификации и структурирования административно-политического пространства. Поэтому уже не раз сформулированные предложения: создать равноправные в правовом и экономическом плане

17. Szayna T.S. Identifying Potential Ethnic Conflict: Application of a Process Model. – Santa Monica: RAND, 2000 и др.

новые субъекты федерации, развивающиеся в едином темпе для постепенного преодоления асимметрии федеративной структуры, или полностью отказаться в принципе от федерализма (В.В.Жириновский), могут рассматриваться в качестве наименее вероятной для современной России перспективы. «Ликвидацию или радикальную реформу российских республик практически невозможно осуществить, - резонно отмечает В.А.Тишков. История северокавказских этнотерриториальных образований (и не только них – В.А.) уже породила целую систему институтов второго уровня, которые существуют в сфере правовой и хозяйственной практики, образовательно-культурного производства, местного самосознания и патриотизма».¹⁸ Поэтому необходима не смена институтов этнофедерализма, а совершенствования системы правления в сторону ее большей представительности, демократизма, эффективности и открытости.

Ашмарина А.А. (Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

МИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИЮ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Европейский Союз, будучи уникальным интеграционным объединением, постоянно сталкивается с многочисленными вызовами стабильности и безопасности его государств-членов и всего региона. Немаловажное влияние на уровень безопасности оказал миграционный вопрос. ЕС ежегодно принимает на свою территорию большие потоки мигрантов из третьих стран. Пять лет назад государства Европы пережили волну кризиса, связанного с наплывом иностранных граждан из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Произошедшие события способствовали изменению социально-политического климата в регионе и отдельных странах, которые взяли на себя основное бремя по приему мигрантов.

Одной из таких стран, принимающих мигрантов на постоянной основе, является Франция. На протяжении пяти лет в стране нарастало напряжение, связанное, прежде всего, с результатами несогласованных действий Брюсселя, пытавшегося равномерно распределить приезжих по европейским странам, а также с непродуманной политикой правительства страны. Пробелы в законодательстве, отсутствие ресурсов для приема большого количества потенциальных беженцев, которые намеревались остаться в республике, несовершенство модели интеграции – все это спровоцировало рост общественного недовольства и активизацию проблем, коснувшихся разных сфер жизни французского общества.

Одновременно во Франции растет напряжение, связанное с началом предвыборной кампании на пост президента республики. Миграционный фактор в очередной раз стал одним из краеугольных камней, на которых строится программа правых французских партий. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления лидера консервативной националистической партии «Национальное объединение» (до 1 июня 2018 года «Национальный Фронт») Марин Ле Пен перед своими сторонниками. Еще летом, комментируя беспорядки, охватившие Париж и Дижон, политик заявила о волне расовой ненависти, направленной на граждан Франции со стороны «туземцев и крайне левых антимонопольщиков»¹⁹. При этом больше всего страдают представители малого бизнеса, когда «разбойники и рантеры» свободно собираются на улицах Парижа и угрожают безопасности порядочных французов²⁰.

Программа предлагаемых Ле Пен мер предполагает жесткий контроль приезжих, что частично перекликается с доктриной национальной безопасности, а также выпущенными в течение прошедших двух лет программ по иммиграции, пригородам и правосудию: мораторий на иммиграцию, проект возвращения миграционных кварталов, включая фискальное следствие по подозрительному образу жизни, развертывание агентов спецслужб и выдворение иностранных правонарушителей. Касаемо последних, после совершения преступления, у мигранта должно быть отозвано право на убежище,

18. Тишков В.А. Введение // Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.:ФГНУ «Росинформагротех», 2010, с.9.

19. Marine Le Pen // Twitter. URL: https://twitter.com/MLP_officiel/status/1271843664894050308

20. Marine Le Pen // Twitter. URL: https://twitter.com/MLP_officiel/status/1271852027291852801?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Cwterm%5E1271852027291852801%7Ctwgr%5Eshare_3&ref_url=https%3A%2F%2Fru.sm.news%2Fle-pen-obvinila-vlasti-v-trusosti-na-fone-protestov-v-parizhe-56509%2F

разрешение на проживание, а также должно быть принято решение о запрете пребывания с последующим выдворением с территории страны.

Тема миграции также включена в повестку правительства Франции. Безусловно, Эмманюэль Макрон обратил пристальное внимание на миграционный фактор, который активно продвигается популистами и правыми силами. Еще в ноябре 2019 года премьер Эдуард Филипп внес на обсуждение во французский парламент поправки к закону, включающие в себя 20 мер по борьбе со злоупотреблениями и мошенничеством при получении социальных льгот, совершаемыми мигрантами. При этом правительство заявило о стремлении балансировать между ужесточением курса миграционной политики и созданием атмосферы максимальной открытости, что представляется достаточно сложным в существующей социально-политической обстановке. Параллельно с этим обостряются дискуссии о легальной миграции, которая должна осуществляться под контролем властей по квотам, с ориентацией на потребности рынка труда.

В целом, политика Франции продемонстрировала общую тенденцию европейских стран: постепенное ужесточение мер в сфере миграции на фоне недовольства населения политикой, проводимой правительством, а также активизация деятельности правых и популистских партий и движений, умело использующих миграционный фактор в целях обеспечения поддержки на выборах президента страны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666.

Баландина Д.М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РПЦ И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В любом государстве, которое прошло длинный путь своего становления и развития, возникает трудный вопрос о его взаимодействии с различными религиозными организациями. Анализируя эту проблему, возникает понимание, что государственно-религиозные отношения не в достаточной степени сформулированы с правовой точки зрения, область их взаимовлияния размыта, не определены взаимные рычаги воздействия, что является актуальной проблемой для властных институтов.

Вопрос о положении Русской православной церкви в политической сфере общества России является также спорным. Изменение политического статуса, появление демократических тенденций в политической системе нашего государства, в частности формирование гражданского общества, привели к трансформации государственно-конфессиональных отношений. Исследования в данной области необходимы для определения культурных, политических, нравственных аспектов формирования российского общества, а также определения степени политического влияния на него РПЦ.

Претендуя на статус политического института, Русская православная церковь активно внедряет все возможные механизмы воздействия в свою деятельность, которые предоставляются законодательством Российской Федерации, эффективно принимает участие в общественной и государственной жизни страны, отстаивает собственное мнение и продвигает свои интересы. Так как православие является религией большинства, оно пронизывает государственную жизнь и её структуры. Вместе с этим Церковь проявляет лояльность государству, акцентирует внимание на образовании детей и юношества, нравственности. При этом РПЦ добивается равновесия, не позволяющего государственным органам проникать в церковные дела, одновременно с этим оставаясь важнейшим институтом публичной сферы.

Интерес представляет и сам процесс становления РПЦ в качестве политического института как такового — её «политизация» в 80-90 годы XX века. РПЦ в позднесоветский период налаживала взаимодействие с правительственными структурами, а также добивалась прав на нормальное существование и деятельность. В постсоветское время Церковь стала актором сохранения стабильности в обществе в условиях тотального кризиса политической, экономической, духовной и социальной систем в России, тем самым заручившись поддержкой населения. В итоге РПЦ вошла в следующее тысячелетие

сильной организацией, имеющей и развивающей правовую и политическую базу, которая заслуживает отдельного внимания.

В этой области написаны работы доктором политических наук Н.А. Барановым, протоиреем Вигилянским, религиоведом Е.С. Элбокян и другими специалистами различных научных областей. Проблема требует комплексного подхода для формирования единого конкретного мнения по данному вопросу, которое стало бы не только теоретической платформой для построения дальнейших отношений государства и церкви, но и позволило бы оценивать их с объективных позиций.

*Балаян А.А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ),
Томин Л.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)*

«ЦИФРОВИЗАЦИЯ СВЕРХУ» КАК СТРАТЕГИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ И ВОСПРОИЗВОДСТВА АВТОКРАТИЙ

Одним из эффектов политики правительств по контролю над перемещением населения в условиях пандемии коронавируса явилось - осознание многими гражданами масштабов влияния и механизмов контроля повседневной жизни со стороны цифровой инфраструктуры²¹. Одной из центральных тем исследований в ближайшие годы может стать – цифровизация государственного управления и экономики в автократиях, поскольку ряд уже имеющихся работ демонстрирует, что цифровизация дает автократическим режимам новые механизмы управления и социального контроля. В последние годы появляются исследования различных моделей цифровых автократий и их механизмов функционирования²². Авторы для именования этих новых моделей используют различные названия: «цифровой авторитаризм», «сетевой авторитаризм».

В последние годы между основными центрами силы в мире происходит борьба за контроль над цифровой инфраструктурой. Конфликты возникали и раньше, можно вспомнить блокировку в КНР после 2010 года: Google, Facebook, Youtube, Twitter и отключения интернета в разных странах в периоды политических выступлений. Эта политизация носит разный характер, нижеперечисленные факторы не существуют в чистом и отдельном виде, в большинстве случаев это гетерогенная комбинация:

Во-первых, существует желание ряда стран, договорится с иностранными, особенно американскими IT-компаниями о новых правилах защиты и хранения данных пользователей, которые в последние годы стали стратегически важным политическим и экономическим ресурсом.

Во-вторых, политизация вопроса о контроле над цифровой инфраструктурой обострилась в последние годы в результате политики администрации президента США Д. Трампа в отношении китайских IT-компаний (Huawei). И с другой стороны борьбой вокруг вопроса поставки, установки и налаживания работы сети мобильной связи пятого поколения (5G).

В-третьих, автократические режимы для контроля над информацией, населением и легитимации своей власти формируют, отчасти кооперируясь друг с другом, модель «суверенного интернета». Цифровая инфраструктура – технология двойного назначения, даже в демократиях, где существует реальная политическая оппозиция, свобода слова, инструменты контроля над спецслужбами и независимые суды, эксперты и активисты опасаются того, что контролируемая государством и крупными корпорациями приведет к эрозии демократии и гражданских свобод²³.

Протесты, в Гонконге начавшиеся в 2019 году продемонстрировали, как функционируют новые инструменты социального контроля автократий, которые используют интегрированную цифровую инфраструктуру и как формируются новые формы сопротивления. Протестующие в Гонконге понимали - уличные камеры с функцией распознавания лиц, объединенные в общую систему – это репрессивный

21. Rule J.B., Cheng H. Coronavirus and the Surveillance State. Dissent Magazine. Summer 2020

22. Burgers T., Robinson D. Networked Authoritarianism Is on the Rise. Sicherheit Und Frieden (SF) / Security and Peace, vol. 34, no. 4, 2016, pp. 248-252. (Accessed 24.08.2020)., Meissner M., Wübbecke J. IT-backed authoritarianism: Information technology enhances central authority and control capacity under Xi Jinping, MERICS Papers on China, 2016., URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/MPOC/MPOC_ChinasCoreExecutive.pdf (Accessed 10.08.2020).

23. Pasquale F. The Black Box Society. The Secret Algorithms That Control Money and Information. Harvard University Press. 2015. p. 214-218

инструмент используемый полицией. В этом контексте рождаются новые практики сопротивления от простых (разрушение «умных столбов» оснащенных камерами и датчиками), до более сложных (очки с LED-лампами или арт-метод CV Dazzle).

События последних лет демонстрируют, что одним из механизмов стабилизации и легитимация режима правящие элиты автократий выбрали управляемую и контролируруемую сверху цифровизацию. С их точки зрения успешными моделями и примерами цифровизации сверху являются: Китай и Сингапур. В качестве, основных характеристик модели цифровизации сверху можно назвать:

Во-первых, создание контролируемой государством и аффилированными с ним компаниями цифровой инфраструктуры двойного назначения. Она необходима для контроля и анализа трафика. Правительство обязывает компании операторы связи устанавливать специальное государственное оборудование на точках обмена трафиком для анализа и фильтрации трафика на основе программно-аппаратного комплекса - Deep Packet Inspection. Во-вторых, принятие ряда законов, прежде всего т.н. закона «о суверенном интернете», создающих технологические и юридические предпосылки для автономного функционирования национального сегмента интернета. В-третьих, создание в крупных городах интегрированной системы камер наружного наблюдения с функцией распознавания лиц. В-четвертых, цифровизация государственных сервисов и услуг и создание объединенной системы сбора и хранения данных граждан. В условиях автократического политического режима это создает еще большую информационную асимметрию между государством и гражданами. В-пятых, использование контроля над цифровой инфраструктурой для политически мотивированного отключения интернета во время протестных акций оппозиции. В-шестых, принятие новых и дополнение существующих законов контролирующих высказывания граждан в интернете и социальных сетях.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210

Текст подготовлен в рамках проекта «Общественно-консультативные советы как институты влияния экспертного сообщества и гражданских организаций на принятия политико-управленческих решений в г. Санкт-Петербурге» № 20-04-007 по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (НУГ).

*Барандова Т.Л. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ),
Шестакова Н.А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЬЮМЕРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖКИ И ПРОТЕСТА (НА ПРИМЕРЕ МОДЫ В РОССИИ 2007–2017)

Значимую роль в социально-политических коммуникациях, в т.ч. для гражданского активизма, играют перформативные и визуально-символические формы, которые наиболее ярко проявлены, например, в моде, в фильмах, в фото и веб-сайтах, в карикатуре и комиксах, в мемах. Следуя логике жанра или создавая образы, складываются визуальные коды для изображения реальности и представления социальных групп. Из их набора, часто стереотипных, складывается ткань общественно-политических отношений, которые встраиваются в или выстраивают иерархии, отражающие или конструирующие символическое доминирование одних групп над другими, отражая или создавая отношения власти и противодействия (сопротивления).

Глобализационные процессы разрушают сложившийся легитимный миропорядок, формируя глобальный процесс персонализации, разрастание индивидуализма, что формирует символическую и экономическую значимость потребления, а политическое потребление становится инструментом поддержки или протеста политических курсов и действий властей. И индивиды, и социальные движения используют рыночно-ориентированные практики политического участия вместо традиционных,

рыночные отношения начинают использоваться в качестве «арены для коллективного действия». Но потребление происходит не в вакууме, а в контексте социальных сетей и культурных кодов, выстраивающих потребительские паттерны, в т.ч. через модные практики.

Репертуар политического участия – это «способы [воздействия], которые люди используют, действуя вместе во имя общих интересов» (Tarrow S.) и его трудно разделить на поддерживающий и/или протестный из-за необходимости учета контекста. Теория «ящика с инструментами» (Harris F., Gillion D.), предполагает, что индивид выбирает практики политического участия согласно целям и возможностям. Нами рассматриваются в качестве «протестных» практики, в которых участие выражается в акциях, вовлекающих и «неинституционализованные практики с высокими рисками» (Katz M. A.), а в качестве «поддерживающих», ориентируемые на подтверждение лидерства и осуществляемой политики. Депривационная теория, постулирующая «восприятие деятелем (актором) расхождения между его ценностными ожиданиями и возможностями» (Garr T.P.), является основой для анализа протеста, включающая сочетания принятия и непринятия определяемых доминирующей культурой целей и способов их достижения как основы для участия (Мертон Р.). Мы опирались и на теории рационального действия, согласно которым участие обусловлено рациональными мотивами индивида, который стремится максимизировать выгоды и минимизировать издержки, и теорию коллективного действия, которая особое внимание уделяет общественным благам: «в каких условиях индивиды готовы внести свой вклад в обеспечение общественных благ» (Opp K.).

Политический консьюмеризм – это «преднамеренное использование потребительского выбора продуктов и производителей на рынке как средство выражения политических предпочтений и достижения политических целей» (Katz, с. 1) и содержит формы действия: Бойкот; Байкот; Дискурсивные практики (коммуникативные); Образ жизни. Распространён «Culture jamming», как протест с использованием логотипа компании, бренда, партии, чтобы обратить внимание на существующие проблемы. Один из каналов коммуникации – мода.

Исследовательский вопрос: Как символический репертуар использован в моде для выражения протеста и поддержки?

Методология – семиотический анализ визуального текста, опирающийся на изучение ДНК брендов. Ограничения: 1) многие (в т.ч. выразившие открытую поддержку) бренды прекратили существование; 2) вербальное описание коллекций для структурно-семиотического анализа вестиментарного кода слабо распространено.

Критерии анализа снимков:

1. Модели: пол, возраст, черты лица, макияж, причёска, телосложение, положение в съёмочном пространстве;
2. Одежда и обувь: цвет, фасон, украшения, смысловое содержание;
3. Характеристики аксессуаров;
4. Наличие и содержание явной политической символики;
5. Наличие и содержание иной активизм-символики.

Выявлены и проанализированы модные бренды, включавшие политическую «повестку»: ANYAVANYA (аннексия Крыма – коллекция «Всё путём!»), также были выпущены другие коллекции, но во всех центральная фигура – В.В. Путин в различных образах; KravtsovaShop (создан в 2014 году, основная дизайнерская мысль также заключается в принтах, но здесь они представлены шире и задействуют ряд символов, ассоциируемых с Россией – как, например, храм Василия Блаженного или матрёшки); Часть проекта авангардной моды CONTRFASHION (прекратил существование в 2019 году) «неославянский спортивный шик о русской душе, водке и медведях» – стереотипные символы России; Simachev (прекратил своё существование) основная линия в творчестве дизайнера – ирония над российским наследием (хохлома), но линия продолжается в бренде Hooligan, где иронии подвергается криминальная культура; SHAPOVALOVA – дизайнер являлась комиссаром движения «Наши», корпоративным дизайнером движения, визитная карточка — сексуализация образов (например, Великой отечественной войны) и использование принтов с политическим значением (чаще – надписи), но в настоящее время бренд прекратил свое существование.

Выводы: визуальные символы событий с 2007 года — белые цветы, оранжевый цвет, милитари-стиль, балаклавы, но активно — только милитари. Политическая поддержка в моде выражена ярче, чем протест, но не может считаться полноценной, если применены стимулы от «поддерживаемого». Выражение политического протеста задействовало символику, которая ассоциируется со стереотипной Россией.

Баранов А.В. (Краснодар, КубГУ)

ДОВЕРИЕ МОЛОДЁЖИ ИНСТИТУТАМ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ЭТНИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНИ И КРЫМА)

Доверие граждан, в том числе – молодёжи, институтам власти является важным фактором легитимности политической системы России. Уровень доверия и его основания постоянно изменяются. Они различаются в сравнении регионов нашей страны. Как показывают работы В.А. Тишкова, Л.М. Дробижевой и др., доверие власти во многом зависит от проблем межэтнических отношений, от специфической повестки дня политических процессов в том или ином регионе (Тишков В.А. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М., 2013. С. 345495; Дробижева Л.М. *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации*. М., 2013. С. 260284). Поэтому актуальны прикладные исследования доверия молодёжи на материалах Краснодарского края (относительно стабильного в этнополитическом аспекте), а также Республики Крым и г. Севастополя, где молодёжь переживает сложную интеграцию в российское общество.

Цель тезисов – выявить уровень доверия молодёжи Кубани и Крыма институтам публичной власти, определить факторы различий поддержки федеральных, региональных и местных институтов власти в зависимости от этнической самоидентификации респондентов.

Работа основана на итогах анкетного и экспертного опросов в Краснодарском крае, Республике Крым и г. Севастополе (2017/2019 гг.) по проекту РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов». Выборка анкетного опроса – 1030 чел. в возрасте от 16 до 35 лет, пропорциональная по полу, возрасту и этническому составу. Респондентам предлагалось оценить по 100-балльной шкале уровень своего доверия Президенту Российской Федерации, Федеральному Собранию РФ и его палатам, Правительству РФ, органам власти субъекта федерации, органам местного самоуправления, Вооружённым Силам, политическим партиям, этническим и конфессиональным общественным организациям, СМИ.

Различия уровня доверия институтам среди молодёжи Краснодарского края близки распределением во всероссийских опросах. Вверху рейтинга – Вооружённые Силы РФ – 63%, Президент России – 57%, органы государственной безопасности – 53%, губернатор края – 43%, Правительство РФ и Совет Федерации РФ – по 40%. Отмечено слабое доверие молодёжи политическим партиям, администрации края, религиозным объединениям, СМИ, судебной системе – менее 40%.

Доверие институтам со стороны молодёжи Крыма иное. Уровень доверия Вооружённым Силам 71%, Президенту России и органам государственной безопасности – свыше 60%. Снижен уровень доверия региональным и муниципальным институтам, кроме Главы Республики Крым и Правительства РК. Наиболее низко доверие СМИ и политическим партиям. Респонденты в Республике Крым проявляют больший уровень доверия институтам власти, чем в г. Севастополе (Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. *Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодежью Кубани и Крыма // Историческая и социально-образовательная мысль*. Краснодар, 2018. Т. 10, № 5, ч. 2. С. 41–51).

Установлены различия русской, украинской, крымскотатарской и армянской молодёжи в уровне доверия институтам власти. В Краснодарском крае наибольший уровень доверия власти проявляют русские и украинцы (по самоидентификации), относительно сниженный – армяне. В Республике Крым

наиболее высок уровень доверия институтам власти со стороны русских, далее по убывающей – украинцев, армян и крымских татар. Наиболее моноэтничная подвыборка севастопольцев не показывает выраженных этнических различий степени доверия. Различия объясняются как особенностями самоидентификации опрошенных (склонность к инновациям, предпринимательству, толерантность), так и исторически сложившимися стереотипами восприятия политики.

Анкетный опрос определил территориальные различия в уровне доверия федеральным и региональным институтам власти по оси «центр – периферия» и «моноэтничные – полиэтничные местности». Более низкое доверие институтам отмечено в экономически депрессивных сельских районах степного Крыма, предгорных районах Кубани, пригородах административных центров. География данных «ареалов риска» совпадает с местностями, имеющими наибольший индекс этнической мозаичности (сравн.: Швец А.Б. Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2019. Т. 5 (15). Вып. 4. С. 2946).

Выявлены различия в ранжировании проблем, влияющих на уровень доверия Президенту РФ, Правительству РФ, Федеральному Собранию РФ, партиям, региональным и местным институтам власти в сравниваемых регионах. На Кубани невнимание власти межэтническим отношениям занимает 2-е место в рейтинге, в РК – 4-е; рост миграции – 4-е место в крае и 8-е в РК; высокая коррупция – 9-е место в крае и 2-е в РК; усиление радикального ислама – 7-е место на Кубани и 5-е в РК.

Баранов Н.А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ПУБЛИЧНЫЙ ПРОТЕСТ В УСЛОВИЯХ «ЦИФРОВОГО ТОТАЛИТАРИЗМА»: ОПЫТ РОССИИ

Публичный протест, выражающийся в проявлении отрицательного отношения к проводимой властями политике, а также к нормам и ценностям в открытой, демонстративной форме, является распространенным явлением в современном мире. Для политики важна массовость – только в этом случае может идти речь о реализации интересов широких слоев населения, а не тех группировок, которые находятся у власти. Именно массовая политика оказывает решающее влияние на государство в интересах общества. Политической мобилизации способствуют новые формы социального контроля, получившие название «цифровой паноптикум», на которые граждане отвечают онлайн-мобилизацией и другими технологиями, предлагаемыми лидерами общественного мнения. Применение цифровых технологий и программ искусственного интеллекта для контроля за поведением и действиями человека, получившее название «цифрового тоталитаризма», способствует смене восприятия политической повестки некоторыми социально-демографическими группами, прежде всего, молодежью.

Цифровое политическое участие можно рассматривать как технологичный ответ нового поколения на возникающие политические проблемы. В экстраординарных случаях следствием цифрового политического участия является мобилизация граждан для решения назревших проблем, которые не решаются должным образом государственными институтами. Традиционные формы мобилизации, связанные с деятельностью политических партий, профсоюзов, находятся в непростых отношениях с новыми формами мобилизации. В последнее время в России публичные протесты происходят не по призыву политических организаций, а благодаря онлайн-коммуникации. Например, массовые митинги протеста жителей Хабаровска против ареста губернатора края или движение жителей Архангельской области против строительства полигона для московских отходов на станции Шиес происходили не по призыву политических организаций.

В России становятся актуальными новые формы коммуникации в онлайн-среде, влияющие на общую картину публичного протеста. В современной массовой коммуникации становится востребованным хэштег-активизм, который может быть интерпретирован как быстрое перенесение

в политическую сферу эмоций и чувств людей, равнодушных к определенной ситуации. Интернет-ресурсы обладают большим потенциалом для быстрого обмена мнениями, мгновенной реакцией на события, использование изображений и символов, подчеркивающих идеологическую значимость ситуации. По мнению бельгийского социолингвиста Яна Бломмерта, таких реакций может быть достаточно, чтобы вывести на улицу людей, объединенных чувством несправедливости (Blommaert Jan. Ludic membership and orthopractic mobilization: On slacktivism and all that // Tilburg Papers in Culture Studies. Paper 193. 2017).

Среди наиболее предпочтительных форм современного политического участия исследователи называют социальные сети и микроблоги, подписание петиций на цифровых платформах, подкастинг - процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов в интернете в стиле радио- и телепередач с определённой тематикой и периодичностью издания. За последний год резко вырос интерес к подкастам: в исследовании «Подкасты в России 2019» говорится о буме данного жанра в российском сегменте интернета.

В цифровом медийном пространстве высокую популярность приобретают авторские платформы с рекомендательным контентом, среди которых выделяются глобальные и федеральные новости, распространяемые информационными агентствами и крупными средствами массовой информации, тематические и авторские каналы, включающие в себя ленты соцсетей, Telegram, TikTok и др., а также специализированные и локальные ресурсы по интересам, ориентирующиеся на городские и локальные проблемы. Своеобразной формой политического участия в последнее десятилетие стали мобильные приложения на блокчейн-платформах, основанных на сетевых технологиях распределенных данных.

Среди тенденций последнего времени эксперты отмечают сокращение публичности в социальных сетях и появление у людей стремления извлечь из своей «социальности» практическую пользу. Общение становится все более деловым, а сообщества объединяются по интересам.

Широко распространены пассивные формы цифрового политического участия, к которым относят слактивизм (slacktivism) - практику поддержки политической или социальной цели с помощью средств цифровой активности и характеризующуюся тем, что она требует очень мало усилий или обязательств. Слактивизм рассматривается как новый цифровой инструмент, расширяющий возможности политического участия и выступающий в роли мотивационного компонента политической активности.

Возросшая активность российского государства в условиях пандемии COVID-19, ставшая причиной ограничения прав и свобод человека, способствует повышению активности граждан, которые используют цифровые технологии для влияния на политику.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-70001; грант №20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Башмаков И.С. (Краснодар, КубГУ)

МЕСТО ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Локальная идентичность представляет собой компонент субъективного пространства политики, входящий в систему социальных идентичностей и выступающий основанием для формирования иных уровней и видов территориальных идентичностей (региональной, гражданско-государственной, этно-территориальной). Содержание локальной идентичности составляют представления, ценности и смыслы, связывающие личность со значимым для самоопределения человека местом, его социальными, географическими, природными, историко-культурными особенностями. Локальная идентичность

может являться важным ресурсом вовлечения граждан в конструктивные социально-политические практики, такие как участие в общественной и волонтерской деятельности на благо города, района или поселения, либо работа в местных общественно-политических организациях и движениях.

Результаты исследования (опрос по методике иерархии идентичности) показывают, что территориальная принадлежность (гражданско-государственная, региональная, локальная) не является одной из самых значимых для молодежи таких крупных и средних городов Краснодарского края как Краснодар, Сочи, Новороссийск, Армавир, если речь идет о всех социальных ролях и идентичностях. Молодежь прежде всего ассоциирует себя с другими социальными категориями (семья, профессия, хобби и пр.). Для ответов школьников, студентов и представителей работающей молодежи перечисленных городов характерна редкая встречаемость географического места, в том числе муниципального образования, в качестве основы для идентификации. Территория как идентификационный символ становится важной лишь в случае возникновения дополнительных ассоциаций (например, встречались ответы респондентов, связанные с любовью к родине («я патриот своей страны»), гражданской ответственностью («я ответственный гражданин»), общественной активностью с указанием конкретной территории или без него («активист родного города»)).

В ходе исследования мы выяснили, что чем меньше город, тем более значимым он является для проживающих в нем молодых людей. Так, в столице Кубани молодежь реже всего упоминает город в качестве основы для идентификации, как в общей иерархии идентичности, так и в иерархии собственно территориальных принадлежностей. Напротив, в менее крупных Новороссийске и Армавире, локальная принадлежность часто встречается в ответах респондентов, либо даже опережает по количеству упоминаний другие формы территориальной идентичности (особенно это характерно для ответов школьников обоих городов).

В целом для школьников (за исключением Краснодара, в котором упоминалась только принадлежность к стране) непосредственное место проживания (город или его район), в качестве идентификационного ориентира является более распространенным, чем для других категорий молодежи. Напротив, большой космополитизм (идентификация со страной, гипотетическим местом или миром в целом) характерен для студенчества во всех городах, как самой мобильной группы респондентов, в связи с предыдущим переездом на новое место учебы или будущими карьерными устремлениями в других городах и странах.

Проведенные исследовательским коллективом фокус-групповые интервью выявили, что составляющими локальной идентичности молодежи крупного и среднего города могут являться такие когнитивные, аффирмативные (эмоциональные) и поведенческие компоненты как осведомленность о городе и его социально-политической жизни, отношение к представителям других сообществ, ощущение своей причастности к жизни в городе, стремление остаться и жить в городе, желание работать на благо города, участвовать в его общественно-политической жизни.

Наиболее позитивной и выраженной локальной идентичностью обладают те представители молодежи, которые задействованы в общественной и политической активности на благо города и региона, участвуют в деятельности общественных и политических организаций. У таких молодых людей в ходе проведенных исследований был выявлен большой уровень знаний о том, что происходит в городе, позитивная ориентация на деятельность на благо города и стремление остаться или вернуться жить в город даже после обучения или карьерного роста в других городах. Таким образом, общественный активизм не только помогает социализации молодых людей в городском пространстве, но и влияет на позитивное отношение к городу, формирует чувство своей принадлежности к нему.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)».

Бедерсон В.Д. (Пермь, ПГНИУ)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОСЕДСКИХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ МОСКВЕ

Мобилизация на уровне сообществ в литературе объясняется теорией социального капитала, аргументирующая в качестве предикторов коллективных действий доверие, близость и интенсивность социальных контактов сообщества²⁴, а также институциональным подходом, который объясняет характеристики коллективных действий организационными структурами²⁵. Организационные условия не заменяют собой чувство принадлежности к группе или уровень доверия, но структурируют взаимодействия людей, помогают решать проблему «безбилетника»²⁶.

Вопрос моего исследования: какие факторы влияют на коллективные действия разных типов на уровне соседских сообществ? Москва выбрана в качестве эмпирического материала, потому что представляет собой 125 районов, которые на протяжении всего постсоветского периода характеризуются пространственной дифференциацией и сегрегацией²⁷. Мы обращаемся к соседской гражданской активности, потому что исследования указывают на устойчивую ассоциацию уровня активизма и владением собственной недвижимостью в постсоветском контексте, а также на наличие связи между политическим поведением москвичей и программой преобразования территорий и строительных фондов. Данные о протестной активности в России в региональном сравнении отдают Москве первое место по количеству акций в год²⁸, что, определенно, связано и с размерами населения города, и со столичным статусом, и с уровнем жизни, и со стоимостью земли и вытекающими из этого коммерческими интересами.

Москва и ее гражданская активность достаточно плотно изучаются, но исследования основываются на отдельных или нескольких кейсах²⁹. Эти исследования показывают: в условиях Москвы как крупного города с дорогой землей и недвижимостью вопросы защиты зеленых территорий от застройки, защиты памятников архитектуры, несогласованные крупные инфраструктурные проекты провоцируют граждан на мобилизацию³⁰. Исследования показывают потенциал москвичей вовлекаться в коллективные действия и локальные социальные движения, равно как и то, что гражданские активисты в последние несколько лет политизируются и активнее участвуют не только в неполитических гражданских действиях, но и манифестируют политические амбиции³¹.

В качестве зависимой переменной мы принимаем участие горожан в публичных массовых мероприятиях разных форматов. Для ответа на исследовательский вопрос необходимо разделить зависимую переменную на два типа:

- (1) гражданско-политические коллективные действия
- (2) социально-благотворительные коллективные действия

Мы ожидаем, что на количество коллективных действий внутри соседских сообществ связано с социально-организационными факторами. Таким образом, мы имеем следующие независимые переменные.

(А) Факторы социальных взаимодействий:

- плотность соседских взаимодействий
- уровень доверия к соседям

24. Патнэм, Р. (1996). Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии/Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Ad Marginem».

25. Shorter, E., & Tilly, C. (1971). The shape of strikes in France, 1830-1960. *Comparative Studies in Society and History*, 13(1), 60-86. Tilly, C. (1978). *Studying social movements/studying collective action*.

26. McCarthy, J. D., & Zald, M. N. (1977). Resource mobilization and social movements: A partial theory. *American journal of sociology*, 82(6), 1212-1241

27. Kashnitsky, I., & Gunko, M. (2016). Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market. *Cities*, 59, 30-39

28. Семенов, А. В. (2019). Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России. *Социологические исследования*, (12), 29-37

29. Greene, S. A. (2014). *Moscow in movement: power and opposition in Putin's Russia*. Stanford University Press

30. Клеман, К., Мирясова, О., & Демидов, А. (2010). От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. Три квадрата

31. Zhelkina, A. (2019). National and Urban Politics Converge in Moscow: Will Local Activism Prevail?. In *Metropolitiques*

Более тесные и регулярные взаимодействия с соседями в т.ч. с помощью онлайн-сервисов, внутри сообщества должны способствовать большей мобилизации. Здесь мы исходим из теоретического ожидания, уже обоснованного в научной литературе, что межличностные взаимодействия и доверие соседей складываются на базе коллективных структур жильцов по управлению общим имуществом домов. *Более плотное взаимодействие с соседями по дому и району будут положительно ассоциировано с участием горожанина в коллективных действиях всех типов. А также вовлеченность в деятельности ТСЖ или совета дома будет положительно ассоциировано с участием горожанина в коллективных действиях всех типов.*

(В) Организационные факторы:

- участие/членство в некоммерческих организациях
- плотность некоммерческих организаций

Участие в деятельности НКО и их плотность должны быть положительно связаны с гражданским участием. Правозащитные, экологические и иные НКО широкого гражданского профиля, равно как и членство в таких организациях будет больше связано с мобилизацией горожан для участия в гражданско-политических массовых публичных акциях, чем в социально-благотворительных. Это может объясняться наличием политического раскола внутри сообщества гражданских ассоциаций и радикализацией НКО.

Исследование выполнено благодаря гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук (Конкурс - МК-2020: 075-15-2020-154).

Безбородов М.И. (Петрозаводск, ПетрГУ)

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Сегодня Арктика привлекает к себе внимание всего мира и часто рассматривается как место обострения геополитических интересов между «западными» арктическими государствами и Россией, возрастает значение природно-ресурсного, транспортного и экономического потенциала Арктического региона в мировой политике.

Интересы России в Арктике обусловлены исторически и являются неотъемлемой частью ее политики по освоению полярных территорий. В период СССР началось активное использование Северного морского пути, а в 1987 г. СССР выдвигает «мурманские инициативы» и предлагает объявить Арктику безъядерной зоной. Иными словами, Арктика исторически является регионом интересов России.

В 1997 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву от 1982 г., закрепляющую на международном уровне разделение морского пространства с различным правовым регулированием разных морских зон.

Стратегические цели и задачи российской арктической политики отражены в ключевых программных документах: 1) Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу от 18 сентября 2008 г.; 2) Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года от 20 февраля 2013 г.; 3) Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г.; 4) Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 г.; 5) Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года от 05 марта 2020 г.

В программных документах подчеркивается, что нарастает конкуренция между государствами в мире, заключающаяся в стремлении приобретения лидерства в освоении ресурсов Мирового океана и Арктики, где Россия является одним из ключевых игроков. В отношении Арктики закладывается политика, направленная на «сохранение мира, стабильности и конструктивного международного сотрудничества в Арктике» и противодействия «любым попыткам принести в Арктику элементы политики конфронтации и военного противостояния, политизировать международное взаимодействие в регионе в целом».

Новые стратегические приоритеты и основные задачи государственной политики в Арктическом регионе сформированы в 2020 г. в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Впервые прямо обозначены национальные интересы России в Арктике: обеспечение суверенитета и территориальной целостности; сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства; обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения Арктической зоны России; развитие Арктической зоны в качестве стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование в целях ускорения экономического роста страны; развитие Северного морского пути в качестве конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации государства; охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны России.

Политика и действия России по развитию региона свидетельствует о том, что Арктическая политика нашей страны многосторонняя и не может сводиться исключительно к военной или экономической составляющей развития. Политика России в Арктике в целом ориентирована на стратегическое партнерство в международных отношениях, но при этом четко обозначаются национальные интересы и приоритеты национальной безопасности в Арктике, определенные на долгосрочную перспективу в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. Немаловажная роль в арктической политике России отводится участию в международных проектах по освоению региона. Однако не стоит забывать о том, что другие государства стремятся нарастить своё присутствие в Арктике, интернационализировать северный-морской путь и шельф, тем самым вытеснить из этого региона Россию. Политика же России направлена на сохранение своих национальных интересов, она основана на историческом присутствии в арктическом регионе и обеспечении безопасности арктического региона от проявления «жесткой» силы в мировой политике.

Безрукова Е.Ю. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОТЕСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Сегодня, на фоне непрекращающихся протестных акций в Хабаровске и событий в соседней Республике Беларусь, изучение причин и факторов протестной мобилизации является особенно актуальным. Одним из таких факторов, который часто заводит в тупик внешнего наблюдателя, является мобилизация сетей солидарности на основе общих взглядов и ценностей.

Подобный тип мобилизации носит стихийный характер и включает в себя множество самоорганизованных инициатив, порой даже не связанных между собой, но представляющих единый вектор политической борьбы, в силу чего может сложиться впечатление о наличии некоего закулисного сценария общих действий и продуманного плана. Однако, сам механизм ценностной мобилизации устроен таким образом, что включает в себя политически активных граждан, готовых отстаивать и продвигать свою систему ценностей в случае возникновения в обществе соответствующей конфликтной ситуации. Лучше всего этот механизм виден на примере различных кампаний солидарности, которые проводятся не только в отдельно взятой стране, но могут иметь и общемировой охват.

Свежим примером стали организованные через Facebook акции солидарности с белорусскими протестующими, к которым мог присоединиться любой желающий просто приходя к Посольству. Интересной особенностью такого рода активностей является то, что их участники, кроме белорусов, оказавшихся сегодня по тем или иным причинам на территории России, не имеют непосредственного отношения к событиям в другой стране, и не являются частью непосредственного конфликта интересов. Однако, часть россиян продолжает выражать поддержку протестующим белорусам, транслируя, в первую очередь, ценностной протест против злоупотребления властью, политического насилия и отсутствия диалога.

Другим примером мобилизации определенного сообщества, разделяющего общие профессиональные ценности стали массовые протесты в поддержку журналиста Ивана Голунова летом 2019 года. Они были поддержаны различными СМИ, однако их участники не составляли единого движения и не имели единого координационного центра действий. Однако, лозунг «Я/Мы Иван Голунов», объединил под собой граждан различной степени политизации, главным для которых стало убеждение о нарушенном праве на свободу слова и справедливое судебное разбирательство.

Инклюзивный характер кампаний ценностной консолидации на сегодняшний день интересен именно тем, что на почве одного проблемного поля может быстро организовываться целый слой разнообразных активностей. Подобный тип мобилизации можно было бы определить через термин «социальные движения», но он выходит за его рамки, так как имеет слишком расплывчатые контуры и структуры. Например, его непосредственные участники могут разделять лишь какую-то одну определенную ценность, а в остальном иметь противоположные взгляды; они могут причислять себя к какому-либо движению или же, наоборот, считать себя одиночным активистом. Несмотря на широкий социальный состав подобных кампаний, их организация не исключает наличие определенных центров, но основной их отличительной чертой является децентрализация.

Этой децентрализации сегодня способствует ряд факторов, и в первую очередь это характер современного распространения информации. Социальные сети и их инструменты устроены таким образом, чтобы автоматически объединять людей со схожими интересами, именно по такому принципу работает крупнейшая сеть Facebook. Агрегаторы предлагают пользователям ту информацию, и тех друзей, которые разделяют с ними увлечения и взгляды. В свою очередь, это позволяет человеку быстро набирать аудиторию и распространять там определенную информацию. Сегодня любой пользователь сети интернет может стать инициатором офлайн или онлайн кампании, привлекающей к себе его потенциальных сторонников.

С одной стороны, такой тип мобилизации все сложнее контролировать, это определенный вызов для государства, а с другой стороны, он показывает совершенно новые механизмы общения людей и выработки решений. В условиях падения доверия традиционным государственным институтам и органам представительства, граждане все чаще высказываются напрямую и кооперируются вместе со своими сторонниками. Так или иначе, современный человек имеет сложную систему ценностей и представлений о справедливости, какие-то из них могут даже идти в разрез с общепринятыми. Тем не менее, в условиях нарастающей сложности, современное государство обязано реагировать на эти вызовы и создавать площадки для кооперации с гражданским обществом. Ведь одной из основополагающих ценностей демократии является уважение к чужому мнению и диалог.

*Бейдина Т.Е., Кухарский А.Н., Новикова А.В.
(Чита, Забайкальский государственный университет)*

ИССЛЕДОВАНИЕ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ КАК ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Муниципальная власть является формой публичной власти, так как наиболее приближена к народу и на ее уровне решаются жизненно-важные интересы населения. Понятие публичной власти прочно закрепилось в политологическом лексиконе. Однако, публичная власть, находясь в тени понятия власти, значительно реже подвергается анализу, но в данный момент повсеместно актуализируется. Публичная власть (от лат. *publicus* - общественный, государственный, официальный) – термин многообразный.³² По справедливому замечанию А.А Вилкова и других авторов: «В России явление «закрытости» власти проявляется на протяжении всей истории. Менялись политические режимы и формы правления, происходили революции, но неизменным оставалось состояние замкнутости, обособленности и связанное с ним непонимание действий власти обществом».³³

32. Гусев, В. Е. Власть и публичная власть: конвергенция идей / В. Е. Гусев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2009. – № 12 (12). – С. 324-326. – URL: <https://moluch.ru/archive/12/901/> (дата обращения: 12.05.2020).

33. Вилков, А.А., Некрасов, С.Ф., Россошанский, А.В. Политическая функциональность современных российских СМИ. Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. – 268с.

Муниципальное самоуправление играет особую роль в системе политических отношений. С одной стороны, местное самоуправление - это элемент гражданского общества. Эти два феномена не тождественны, но тесно взаимосвязаны. Муниципалитет - это не только элемент гражданского общества, но один из важнейших факторов развития данного общества. Это лишний раз подчеркивает публичность власти. Местное самоуправление, в отличие от других институтов гражданского общества, не может существовать вне рамок государства. Это именно тот институт, который тесно связан с государством и его органами и, будучи автономным от государственной власти, осуществляет часть функций государства, являясь носителем публичной власти. Можно сделать вывод, что местное самоуправление выступает связующим звеном между гражданским обществом и государством. Именно этим определяется его значимость в системе политических отношений. Местное самоуправление предоставляет широкий спектр возможностей для участия населения в политическом процессе.

Отметим авторов, изучающих муниципальную власть, публичность, информационную безопасность в системе муниципального и государственного управления, среди которых: А.В. Баскаков, С.Е. Зайцев, А.Н. Ищенко, А.В. Нестеров, Г.Л. Роговский, Y. Cherdantseva, С. Gray, А. McCullagh, А. J. Ramirez, S. Samonas (Samonas, S. *The CIA Strikes Back : Redefining Confidentiality, Integrity and Availability in Security* : [англ.] / Samonas, S., Coss, D. // *Journal of Information System Security*. – Washington DC, USA : Information Institute Publishing, 2014. – Vol. 10, no. 3).

Ситуация, сложившаяся в муниципалитетах Забайкалья, характерна для многих муниципальных образований, так как неосвещенность в информационных источниках делает ее неразвитой для функционирования. Существуют несколько путей совершенствования информационной безопасности муниципалитетов Забайкальского края. Административный путь предполагает улучшение нормативно-правовой базы информационной безопасности. Организационный уровень ориентирован на улучшение защиты информации путем технизации управления (введение паролей пользователей; ограничение доступа к серверам; плановое сканирование систем и обновление антивирусных программ; установка на компьютер-сервер сетевого экрана «Agnitum Outpost FireWall; анализ защищенности объектов вычислительной сети). Так же существует правовой путь. Все принятые в организациях технологии обработки информации основываются на федеральной нормативно-правовой базе в области информационной безопасности. И хотя вопросы информационной безопасности относятся к полномочиям федерального уровня, существует их региональное и муниципальное разнообразие.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы связаны с достижением эффективности системы обеспечения информационной безопасности, с созданием вариантов развития как государственной, так и муниципальной системы защиты информации. Непрерывная коммуникация и взаимодействие между людьми в интересах как населения общественных пространств, так и органов государственной, муниципальной власти предполагают реализацию программ «Электронное правительство», «Электронный муниципалитет». Социально-политическую значимость перспективных исследований усиливает программа «Электронный муниципалитет» и деятельность негосударственных организаций, связанная с обработкой персональных данных, подлежащих государственному лицензированию.

Белоусов Г.Ф. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России экологическая повестка обретает всё большую актуальность. Этому способствуют не столько успехи европейских «зелёных» партий и артикуляция экологических проблем на уровне ООН, сколько неблагоприятная экологическая обстановка в регионах с крупными промышленными предприятиями (к примеру, регулярное введение «режима чёрного неба» в городах Красноярского и Алтайского края), громкие экологические катастрофы (к примеру, разливы нефтепродуктов в ХМАО и Красноярском крае), проблемный характер реформы обращения с ТКО и высокие тарифы на вывоз ТКО для населения.

Поводом для формирования экологических протестных движений на региональном уровне часто становится строительство инфраструктурных объектов для переработки ТКО. Участники движений активно используют социальные сети для координации своих действий, артикуляции общей позиции, освещения своей деятельности и обмена опытом с протестующими в других регионах. Фактически, такие сообщества можно рассматривать как небольшие СМИ, выстроенные вокруг нескольких лидеров общественного мнения.

Сообщества в социальных сетях, создаваемые протестующими, функционируют как эхо-камеры, вследствие чего размещение любой позитивной информации с упоминанием реформы ТКО воспринимается протестующими негативно. При отсутствии офлайн-диалога с представителями региональной власти такие сообщества становятся устойчивыми источниками протестной активности в регионе.

Немаловажным фактором поддержания уровня протестной активности с помощью профильных протестных сообществ является их чёткая локализация. Протестующие выступают не против реализации реформы обращения с ТКО на федеральном уровне, а против строительства инфраструктурных объектов около конкретных населённых пунктов. Во время протестов в Шиесе (Архангельская область) и Александрове (Владимирская область) протестующие сознательно называли ввозимый мусор «московским», подчёркивая локальный характер экологических проблем.

Кроме того, большинство участников таких сообществ вступают в них потому, что разделяют взгляды протестующих. Вследствие этого публикуемые в этих сообществах посты имеют особенно высокий ER (коэффициент вовлеченности). Это позволяет лидерам протестных движений, о которых говорится в постах, быстро обрести политический капитал и использовать его в офлайн-среде.

К примеру, эоактивистка Вера Керпель, одна из лидеров протестов против строительства мусоросжигательного завода в Осиново (Республика Татарстан), в 2019 году стала кандидатом в депутаты Госсовета Республики от партии «Яблоко». Ещё 13 активистов в 2020 году становились кандидатами в депутаты совета Осинковского сельского поселения, позиционируя себя как представителей проекта «Объединенные демократы» (впоследствии они были сняты судом с выборов, и в квартирах некоторых участников проекта прошли обыски).

Тезисы доклада подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и АНО ЭИСИ для выполнения проекта № 20-011-31387 «Риски и угрозы политизации низовых и гибридных гражданских инициатив в условиях трансформации политической системы современной России».

Белугина Н.Б. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИБОБОРСТВА

Межгосударственные конфликты на современном этапе характеризуются распространением разноплановых инструментов трансформации существующей политической реальности и развитием информационно-коммуникативных технологий. В связи с этим, расширяется пространство межгосударственной конкуренции, все более важным элементом которого становится противоборство стран в информационной сфере. Более того, актуализируется «асимметричность» информационных ресурсов политических акторов и соответствующих статусов в медиасфере.

Сегодня значительная доля политических коммуникаций переместилась в виртуальное измерение, которое играет большую роль в формировании коммуникационной среды современного общества. В России продолжается общий сдвиг медиапотребления в сторону digital. Согласно аналитическому докладу «Люди в цифре: эпоха «постправды», представленному ВЦИОМ в конце 2019 года, 46% россиян получают информацию из социальных сетей и блогов. А 79% респондентов, часто обращающихся к социальным сетям за информацией, составляет молодежь 18-24 лет (Люди в цифре: эпоха «постправды». URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-12-13_mediaforum.pdf (дата обращения: 06.06.2020)).

Сетевое пространство становится средой реализации дискурсивных практик с целью воздействия на объективную реальность. Как отмечает С.В. Володенков, с развитием технологий меняется характер процесса получения индивидом знаний о политических процессах (Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 242). Тенденция развития медиапространства заключается в возрастающей дискурсивности информационных потоков, что находит отражение на принципах функционирования механизмов взаимодействия. Одним из механизмов воздействия в информационном противоборстве является манипулирование, которое ориентировано, в первую очередь, на изменение ценностных и поведенческих установок социальных групп. Основными характеристиками политического дискурса в условиях информационного противоборства являются его эмотивный характер и манипулятивность. С помощью технологий манипулирования в сознание внедряются идеи, образы, стереотипы, которые могут изменить отношение индивида к определенному предмету, событию, группе явлений, изменить картину мира представителей определенного социума или подкрепить существующие убеждения. В сетевом пространстве это становится более акцентированным, поскольку оно предполагает более интенсивные социальные интеракции, чем традиционные СМИ.

Политический дискурс конституируется, с одной стороны, контекстом, с другой стороны, дискурс определяется принятыми коммуникативными способами репрезентации этих тем, или дискурсивными практиками. Совокупность тем, которые выносятся на повестку дня и становятся предметом обсуждения позволяют выявить актуальные проблемы международных отношений в условиях информационного противоборства. В рамках информационно-психологического воздействия субъект может применить следующие стратегии языкового манипулирования в политическом дискурсе: стратегию дискредитации, стратегию героизации и стратегию аргументирования.

Социально-конструктивистская традиция подразумевает, что дискурс конструируется в соответствии с паттернами, которые обуславливают речевые практики в различных сферах, то есть дискурс любого политического актора социально обусловлен (Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. М.: "Медиум", 1995. 323 с.). Дискурс формирует определенную модель мира, которая в процессе коммуникации выражается через текст. Понимание смысла текста основано на восприятии смысловых единиц, вместе конституирующих тезаурус, которые приобретают значение в контексте на основе коммуникативных практик.

Лингвистические и инфраструктурные технологии формирования различных дискурсов как инструментов достижения коммуникативных целей в условиях информационного противоборства в условиях сетевого пространства применяются, как правило, комплексно. Однако стоит обратить внимание на то, что дискурсивные практики направлены не только на установление доминирования «своей» картины мира, но и применяются для конвенциональных целей, предполагающих возможность взаимодействия субъектов с отличающимися дискурсами. Тем самым в ходе дискурсивных практик создается потенциальная возможность доопределения дискурса, его коррекции в зависимости от развития социальной реальности и целей коммуникации.

Белый В.А. (Санкт-Петербург, Университет ИТМО)

ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ВЛАСТЬЮ: О РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА ГРАЖДАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Инструменты электронной коммуникации становятся неотъемлемой частью нашей жизни и возникают новые механизмы взаимодействия власти и общества. В России активно развиваются системы электронного правительства и государственных услуг, которые представляют собой высокотехнологичные каналы, альтернативные традиционным: очному приему, обращениям по почте или по

телефону. Развитие пандемии коронавируса вынудило страны всего мира и крупнейшие кампании двигаться в направлении дистанционной работы и удаленного взаимодействия.

Данное эмпирическое исследование продолжает серию исследований, осуществленных в 2018–2019 гг. Центром технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО, выполненных с целью определения восприятия концепции «умного города», уровня востребованности городских сетевых сервисов и специфики электронного взаимодействия граждан с органами власти. Вопросы анкеты исследования были сформулированы таким образом, чтобы определить востребованность, актуальность и доверие населения по отношению к Интернет-взаимодействию с властью. Исследование проведено в рамках экспертно-аналитического компонента деятельности Проектного офиса «Умный Санкт-Петербург» в сотрудничестве с Комитетом по информатизации и связи Санкт-Петербурга и системой Многофункциональных центров оказания государственных и муниципальных услуг (МФЦ) в Санкт-Петербурге методом анкетного опроса граждан, обратившихся за услугами в МФЦ. В ходе исследования был определен размер выборочной репрезентативной совокупности населения Санкт-Петербурга. При расчете характеристик простой случайной выборки был определен ее размер в 600 респондентов (при уровне достоверности в 95%, ошибка выборки – 4%). Выборка репрезентирует население Санкт-Петербурга по полу и возрасту: из опрошенных 43,6% составляют мужчины, а 56,4% – женщины. Возрастная структура была следующей: 18-30 лет – 21,8%, 31-45 лет – 31%, 46-59 лет – 27,5%, 60 и старше лет – 19,7%.

В ходе исследования были выявлены экономико-демографические аспекты развития электронных сервисов взаимодействия власти и граждан. Например, было установлено, что 14,18% опрошенных не используют Интернет для взаимодействия с органами власти. Из них граждан в возрасте от 18 до 30 лет – 16,25 %, в возрасте от 31 до 45 – 20%, в возрасте от 46 до 59 – 18,75 %, в возрасте от 60 лет – 45%. Отдельно был исследован экономический аспект реализации электронных сервисов для населения: 41% опрошенных согласились с высказыванием «При взаимодействии с органами власти через Интернет, по сравнению с личными контактами, я экономлю свои деньги». В ходе анализа полученных данных было решено произвести микроанализ таблиц сопряженности по отдельным параметрам. Так, была установлена взаимозависимость между указанным выше высказыванием и возрастом опрошенных. Приведем пример выявления данной зависимости. Результаты представлены в табл. 1.

Анализ показал, что респонденты, в возрасте 60 лет и старше, в большей степени, чем респонденты в возрасте от 18 до 45 лет, не согласны с высказыванием, что «При взаимодействии с органами власти через Интернет, по сравнению с личными контактами, я экономлю свои деньги». У первых по альтернативе «в целом, не согласен» имеется значимый положительный стандартизованный остаток (+3,7), а у вторых – значимый отрицательный стандартизованный остаток (-1,9). Отметим, что значимым при анализе таблиц сопряженности может быть названа зависимость, у которой значение стандартизованного остатка превышает значение $|1,64|$.

Таблица. Зависимость степени согласия с утверждением об актуальности и полезности развития электронных сервисов безопасного города от уровня доверия Интернет-взаимодействию с органами власти (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО, 2020 г.)

При взаимодействии с органами власти через Интернет, по сравнению с личными контактами, я экономлю свои деньги		Возраст		
		18-45 лет	46-59 лет	60 лет и старше
В целом, не согласен	% опрошенных из возрастной группы	21,8	25,8	45,9
	Стандартиз. остаток	-1,9	-0,4	3,7
Среднее значение	% опрошенных из возрастной группы	32,6	29,7	27,9
	Стандартиз. остаток	0,5	-0,3	-0,6
В целом, согласен	% опрошенных из возрастной группы	45,6	44,5	26,1
	Стандартиз. остаток	1,1	0,6	-2,5
Итого	% опрошенных из возрастной группы	100,0	100,0	100,0

В ходе исследования была установлена зависимость между возрастом населения и теми преимуществами, которыми, по мнению граждан, электронные сервисы обеспечивают их. Уверенность опрошенных старшего возраста в том, что электронные сервисы, по сравнению с очным взаимодействием с органами власти, не экономят деньги, может быть объяснена тем, что у старших поколений могут отсутствовать необходимые современные технические средства, которые стоят значительных денежных средств.

Исследование экономического аспекта внедрения электронных сервисов взаимодействия власти и общества особенно актуально в условиях сокращения доходов населения и экономического кризиса, связанного с разразившейся пандемией в мире в 2020 году.

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00360.

Беляков А.А., Соколов А.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ИНДЕКСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРОТЕСТНЫХ ПОВЕСТОК В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Социальные сети представляют из себя не только удобную площадку для коммуникации и распространения информации, но и достаточно информативный источник данных для политического анализа. Это, в первую очередь, связано с тем, что современная общественно-политическая активность переходит в онлайн-форматы. Появляются новые способы политической коммуникации, манипулирования, агитации, мобилизации. Все чаще они формируются в интернет-среде в виде постов в социальных сетях. Помимо этого, за последние несколько лет вовлеченность интернет-пользователей в различные формы гражданской активности (электронные петиции, онлайн-митинги и демонстрации, флэшмобы) значительно увеличилась. Данные формы активности, в связи со спецификой виртуального пространства, в котором они реализуются, обладают рядом уникальных черт, отличающихся от традиционных форм активности.

В частности, интерес представляют формы выражения активности: посты, лайки, репосты, комментарии, публикации с тематическими хэштегами и т.д. Их анализ позволяет определить вовлеченность пользователей в протест — показатель, характеризующий степень участия пользователей социальных сетей в протестной активности на протяжении времени в соотношении с возможностями участия, которые выражаются в отражении возможного количества действий, которые может совершить пользователь в рамках всего периода акции. Этот показатель позволяет говорить о том, насколько активно пользователи принимают участие в обсуждении и распространении той или иной информации, выявить, с определенной точностью, степень поддержки и заинтересованности пользователей в тематике протестных повесток. Этот показатель может быть измерен благодаря индексному подходу, позволяющему выразить качественные характеристики онлайн-протеста в простой количественной форме.

Данный подход может быть применен к протестной активности в социальных сетях более широко. В частности, интерес представляет анализ протестных повесток в социальных сетях. Протестная повестка — совокупность тем, идей, проблем, которые составляют информационную сущность протестной кампании. На различных этапах кампании повестки могут подвергаться значительным изменениям под влиянием внешнего и внутреннего воздействия, в результате чего происходит трансформация их содержания. Индексный подход позволяет определить рамки данной трансформации. Под трансформацией повестки, в данном случае, можно понимать изменение числа упоминаний основной проблематики протеста путем добавления в нее новых проблемных тем, отличных от декларируемых изначально. Благодаря определению степени трансформации протестной повестки можно сделать вывод об однородности протеста, об его основных тематических этапах.

Индексный анализ трансформации протестных повесток может быть осуществлен за счет анализа активности каждой темы, которая состоит из количества публикаций, содержащих ее, учитываемых за определенный промежуток времени. Разница между суммами всех тем и декларируемой, т.е. заранее

заявленной темой, позволит сделать вывод о том, следовали ли инициаторы и участники протеста единой цели, а также то, как изменялась риторика протестующих под влиянием различных внешних факторов.

Помимо этого, индексный подход позволяет оценить степень заинтересованности пользователей социальных сетей в той или иной проблеме, теме. Посредством подсчета реакций пользователей под постами, отражающими определенную повестку, возможно сделать вывод об эффективности акцентирования информационной работы на те или иные проблемы с точки зрения привлечения внимания пользователей.

Таким образом, индексный подход позволяет глубже изучить общественно-политические процессы, проходящие в онлайн-среде. За счет комбинации качественных текстовых данных и количественных показателей активности пользователей, протестная активность в социальных сетях удобна для применения методов политического анализа. Ее изучение оправдано и необходимостью выделения специфик и тенденций гражданской активности в сети Интернет, что является одной из приоритетных целей многих современных исследователей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346 «Специфика формирования и динамика трансформации повесток сетевых протестных сообществ в современной России».

Берёзкина Е.Ю. (Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ОПЫТ ИТАЛИИ

Идеи об идеальном режиме правления занимали лучшие умы человечества со времен рассвета греческих городов-полисов. За это время отношение к демократии как к форме правления кардинально поменялось с негативного аристотельского на диаметрально противоположное. Сегодня демократия представляется наиболее приемлемой формой правления, хотя представления об основных чертах такой формы не являются гомогенными. Д. Хелд выделяет 8 сформировавшихся моделей демократии, а также сейчас происходит оформление новой модели – делиберативной демократии, появление которой спровоцировано недостатками представительной демократии. Зарождение и оформление новой модели демократии можно наблюдать в европейских странах, в частности, в Италии.

В ходе эволюции политических взглядов, к концу XVIII века был найден способ преодолеть недостатки и крайности «чистых» демократий.

Долгий путь переосмысления формата сотрудничества между активными гражданами и государством привел к тому, что народ постепенно стал признаваться источником власти, а реальное управление государством стало делегироваться различным представительным органам. Коллективная воля начала выражаться с помощью избранных представителей, и именно выборы становятся временем и местом для разъяснения важных для общества вопросов. Такой политический режим – представительная демократия, сегодня практикуется во многих странах.

Однако в XX веке наметился кризис представительной демократии, причиной которого стала оторванность элит от большинства граждан, а также экспансия элит в управлении и отстранении граждан от участия в дискурсе. Р. Михель отмечает «олигархические тенденции» в современных обществах, которые приводят к объединению крупных политических партий с экономическими элитами. История Италии и падение ее так называемой «Первой республики» служат ярким подтверждением этой идеи.

Свержение старых элит не привело к формированию новых смыслов и не создало принципиально новых подходов, но разрушило дульную систему противостояния политических сил.

Традиционное противопоставление «левых» партий «правым» больше не актуально, на выборах побеждают партии популистов – «Лига Севера» и «Движение 5 Звезд». Такие партии апеллируют в

своей коммуникации с избирателями к всеобщим проблемам, решение которых лежит вне какой-либо идеологии, а являются чисто функциональными. При этом под функциональными является не реальная возможность решить проблемы, а возможность привлечь на свою сторону больше сторонников.

При этом возрастает роль коммуникативных технологий и инструментов на службе партий. Гражданское общество наделяется правом вести дискуссии о политических решениях и влиять на представительную власть.

Такая тенденция говорит о том, что в Италии происходит переход к делиберативной демократии. Однако диалог гражданского общества и политических лет не происходит в обсуждении исследований и не приводит к улучшению качества знания, а является скорее номинальным. Такая черта итальянской политической жизни идет вразрез с представлениями Дж. Дьюи о делиберативной демократии и ее функционировании в обществе. Существование такой проблемы может относиться как свидетельству о том, что Италия находится лишь в начале перехода, либо о том, что изменения носят лишь внешний характер.

Березкина О.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ТЕОРИЯ ЛЕГИТИМНОГО ГОСПОДСТВА М. ВЕБЕРА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ XX-XXI ВВ

Термин «легитимность» ввел в социологию и политологию М. Вебер, указав, что любая власть нуждается в самооправдании и поддержке, что основу легитимности составляет вера в справедливый характер власти, ее общественное признание. Легитимация означает не правовой процесс, а процедуру признания со стороны общества, предполагает апелляцию к чувствам, представлениям, ценностям, а также практической полезности, эффективности политики и другим факторам.

Очевидно, что легитимность можно трактовать субъективистски, ибо доверие к власти неразрывно связано с политическими представлениями, эмоциями, господствующими идеологиями. Однако все эти параметры в огромной степени зависят от силы внушения «извне», от характера социализации индивида в обществе и, безусловно, от тех ценностей, которые вырабатывает и тиражирует политическая элита. Идеологическая легитимация присуща любому режиму, различаются лишь степень, формы, принципы выработки, распространения, усвоения тех или иных ценностных систем.

Революционное взятие власти, обязательство построить новое общество, провал мировой революции обусловили остроту проблемы легитимации коммунистического режима в СССР. Главными источниками легитимности на протяжении всей советской истории являлись идеология и харизма, несмотря на попытки укрепить легально-рациональные основания власти с помощью Советов, введения в Конституции статей о руководящей роли партии и, главное, огромных усилий по улучшению жизни народа и построению общества, с которым люди могли бы связать свои рационально понятые интересы. Процесс делегитимации начался задолго до «перестройки», был связан с рутинизацией харизмы, ослаблением влияния партийной идеологии, замедлением развития экономики, не удовлетворявшей растущие потребительские интересы людей.

Особенностью харизматической легитимации был феномен харизматизации самой партии – коллективного вождя, дополнявший, а после смерти И. Сталина – полностью заменявший харизматический авторитет лидера. Партия состояла из «несгибаемых» большевиков и стремилась к глобальной цели освобождения всего человечества. С другой стороны, легально-рациональная легитимация имела ту особенность, что она была фактически общественным признанием режима «диктатуры партии», верховной роли руководящих парторганов и их решений. Это было достигнуто вследствие ряда факторов, решающее значение из которых имела радикальная трансформация советского общества в 1930-е годы, успехи индустриализации, развитие социальных программ, возвращение государству высокого статуса в международных отношениях. Во главе всех этих преобразований стояла партия и ее аппарат.

Несмотря на осуществленный к концу 1930-х годов процесс самолегитимации, легально-рациональный ее компонент оставался слабым вследствие дефицита свободы, отсутствия у общества возможности реализовать право выбора и упоминавшейся выше неспособности плановой экономики обеспечить растущие потребности людей. С течением времени девальвировались харизматическая легитимация (ослабление подтверждения харизмы в виде эпохальных свершений) и легитимация идеологическая (распространение двоемыслия и скептицизма, прежде всего, в среде интеллигенции). В этих условиях партийное руководство не сумело должным образом поддержать те ценности и положительные стороны жизни, которые были в СССР.

Исторический опыт утверждения коммунистического режима и его падения вследствие глубокого кризиса легитимности заслуживает серьезного изучения, показывая поверхностный характер индоктринации, легкость манипулирования сознанием даже высокообразованной части населения, глубинное влияние материальных интересов, которое вся мощь партийной пропаганды, направленной на воспитание «нового человека», не смогла перебороть. Одним из уроков отечественной истории является относительная легкость, с которой были взяты барьеры легитимности в 1917 году и на рубеже 1980-1990-х годов. Ни глубокая многовековая традиция, ни многие десятилетия коммунистической пропаганды и реальные усилия по строительству нового общества не обеспечили сколько-нибудь значимую устойчивость режимов в кризисный период.

Современная российская власть стремится, прежде всего, опереться на выборные процедуры, одновременно предпринимая усилия по удовлетворению материальных запросов населения: несмотря на острое социальное неравенство, в стране построено «общество потребления» с присущими ему атрибутами. Власть пытается сделать легально-рациональную легитимацию основной, не отказываясь при этом от элементов харизматизации и от идеологической работы, в которой на вооружение взяты в том числе глубинные традиционалистские установки граждан. В целом вопросы легитимности применительно к конкретному обществу должны изучаться в контексте приоритетов власти, а также культурно-исторических, психологических, социально-психологических проблем, связанных с особенностями менталитета и эмоционального склада народа.

Березняков Д.В. (Новосибирск, НГУ),

Козлов С.В. (Новосибирск, СИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ВЕРХОВНАЯ РАДА УКРАИНЫ: «СИЛЬНЫЙ» ПАРЛАМЕНТ В УСЛОВИЯХ «СЛАБОГО» ГОСУДАРСТВА

Прошедшие с момента распада Советского Союза четверть века политического развития отчетливо демонстрируют стабилизацию устойчивых траекторий развития постсоветских политических режимов. В этой связи можно выделить определённые институциональные факторы, которые задают эту устойчивость в каждом конкретном случае. В этой связи роль парламента в динамике постсоветских режимов является важным маркером, позволяющей не только осуществлять межстрановые сравнения, но и прогнозировать логику дальнейшего развития в кратко- и среднесрочной перспективе.

Если в большинстве постсоветских государств парламенты, как правило, являются подчинёнными и находятся в сильной зависимости от президентской власти, то украинский вариант конкурентной олигархии демонстрирует нам пример иного рода, когда Верховная Рада является пространством институализированного торга различных олигархических групп, которые не заинтересованы в наличии сильной президентской власти.

Эти группы, представлявшие собой конгломераты бизнесменов, чиновников и публичных политиков, связанных между собой патрон-клиентскими отношениями, сформировались на Украине к концу 1990-х гг. на региональном уровне. Усилившись, они начали распространять своё влияние на всю территорию страны, прежде всего через получение доступа к рычагам принятия решений, основными среди которых являются институт президентства и парламент. В сложившейся конфигурации сил

политические партии стали выступать в качестве политических машин, выстроенных вокруг бизнес-структур или лидеров. В начале нулевых олигархические кланы вступили в борьбу за «захват государства», поскольку сложившийся к кон. 90-х гг. консолидированный неопатримониальный режим Л. Кучмы рассматривался ими как ключевой сдерживающий фактор реализации их групповых интересов.

В этой перспективе «оранжевая революция» 2004 г. может быть рассмотрена как победа коалиции ряда олигархических групп второго порядка, изменившая модель неопатримониального господства, что привело к значительному ослаблению института государства, выразившемуся в серьезной утрате им *автономности и дееспособности*. Именно «сильный президент» был, по сути, единственным гарантом соблюдения существующих «правил игры», которые навязывались всем акторам. В его отсутствие ведущие игроки сделали ставку на максимизацию собственного присутствия на политическом и экономическом полях с использованием в числе прочего и неконвенциональных стратегий.

Поскольку условием разрешения кризиса 2004 г. была конституционная реформа, перераспределявшая властные полномочия от президента к парламенту, возможности главы государства по регулированию отношений между крупнейшими бизнес-группами существенно сократились. В результате эти группы ушли в «автономное плавание», делая ставку не столько на доступ к президенту, сколько на доступ к законодательной власти через поддержку и «раскручивание» собственных партий и фракций в парламенте.

Сложившаяся после 2004 г. в период президентства В. Ющенко ситуация может быть охарактеризована как «олигархический консенсус», при котором различные олигархические группы использовали собственные и чужие партийные проекты для получения доступа к рычагам законодательной власти, а фракции в Верховной Раде – для лоббирования своих бизнес-интересов.

Предпринятая В. Януковичем попытка пересмотреть этот консенсус вызвала недовольство украинских ФПГ, которые оказались солидарны в нежелании восстановить позицию президента как доминирующего актора и ключевого вето-игрока, поскольку видели в этом угрозу собственной безопасности. События рубежа 2013-2014 гг. стали олигархическим ответом на попытку одной из бизнес-групп восстановить систему доминирования президента. Уже 22 февраля 2014 г. – на следующий день после бегства Януковича – специальным постановлением Рады была возвращена редакция Конституции 2004 г. – полномочия президента были вновь перераспределены в пользу парламента.

В период президентства П. Порошенко кланам удавалось создавать ситуативные коалиции, способные блокировать не устраивающие их действия президента. Ситуация повторяется и при пришедшем к власти на волне контрэлитного голосования президенте В. Зеленском: депутаты пропрезидентской фракции партии «Слуга народа» попали в группы влияния различных кланов, что значительно ослабило потенциал связи Президент-доминирующая фракция в парламенте.

Беспалов С.В., Марача В.Г. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Система координат для описания трансформации моделей государственного управления высокоразвитых стран задаётся тремя моделями государственного управления: классической веберианской моделью рациональной бюрократии, проектно-целевой и общественно-сетевой. Однако попытки применить эти подходы для описания процессов во многих странах догоняющего развития, тем более положить их в основу преобразований государственного аппарата нередко приводят к весьма специфическим результатам: идеальные модели у нас работают совсем по-другому, и вместо линейного движения, как бы наслаивающегося модели друг на друга, получается спираль реформ и контрреформ. Сказанное в полной мере относится к России. Представляется, что институциональная модель неопатримониализма, включающая неформальное ядро и формальную периферию системы государственных институтов, обладает

серьёзным потенциалом как для интерпретации уже состоявшихся попыток преобразований, так и для проектирования реформ государственного управления. В особенности это касается аспектов реформ, связанных с адаптацией их институционального дизайна к уже существующим неформальным институтам, прогнозированием последствий реформ и снижением рисков контрреформ.

Концепция патримониализма восходит к теоретическим построениям М.Вебера, который рассматривал его как способ господства, в основе которого лежит присвоение публичной власти (как политической, так и экономической) в частных целях; иначе говоря, управление государством как патримониумом — частным владением. Под неопатримониализмом обычно понимается осуществление такой формы властвования (по сути своей традиционного) в современных условиях, причём вслед за Вебером это противопоставляется рациональному (легальному) господству. При этом важно подчеркнуть, что категория неопатримониализма не может быть сведена лишь к характеру политического режима, поскольку, по мнению Н. Робинсона, В.Я. Гельмана и др., она охватывает и механизмы т.н. governance — политико-экономического управления государством. Исключительно значимым является исследование соотношения формальных и неформальных институтов, а также иерархии и сетей в системах неопатримониального типа. Неопатримониализм может рассматриваться в качестве одного из вариантов системы ограниченного доступа в терминологии Д. Норта и его соавторов.

Институциональная модель неопатримониализма включает неформальное ядро и формальную периферию системы государственных институтов. В классических «нормативистских» институтах ситуация обратная: ядро формальное, а периферия — неформальная. Исследовательская гипотеза, основанная на предлагаемой сбалансированной модели институтов, заключается в том, что баланс формальной и неформальной составляющих институтов государственного управления (или «перекос» в ту или иную сторону) в существенной мере определяется внешним контекстом: сферой общественной жизни, в которую входит данный институт, и институциональным порядком в целом.

Ценностно-нейтральная трактовка неопатримониализма как контура управления в рамках государственности открывает более широкий взгляд на такие проблемы, как роль государства в экономике, соотношение власти и собственности, национальная модель демократии, позволяя адекватно выделять и разумно использовать успешный опыт стран БРИКС и некоторых стран АТР (Япония, Южная Корея, Сингапур, Малайзия и др.). При этом ясное понимание механизма устойчивости системы позволяет прогнозировать факторы ее неустойчивости и снижать риски разбалансировки.

Бетмакаев А.М. (Барнаул, АлтГУ)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ВЕНГЕРСКИЙ ОПЫТ

Более 20 лет у власти в Венгрии находится коалиция партии Фидес и Христианско-демократической народной партии, которая трижды победила на парламентских выборах в 2010, 2014 и 2018 гг. Бессменный премьер-министр Виктор Орбан стал олицетворением особого типа политического режима — нелиберальной демократии (по выражению американского политолога Ф. Закарии). За короткое время орбановскому правительству удалось расширить контроль государства над многими сферами общественной жизни. Конституционное большинство в парламенте изменило институциональные структуры и приняло новые конституцию, законы о выборах, СМИ и религиозных организациях. Был также изменен мандат и состав Конституционного суда.

В Основном законе 2011 г. установлен новый порядок, названный «системой национального сотрудничества» (Nemzeti Együttműködés Rendszere). Единственным критерием национального самосознания считается «национальная общность», основанная на этнических и кровных узах и реализующая себя в политических идеалах.

В основе орбановской политики памяти лежит идея, что Венгрия часто страдала от внешнего притеснения, при этом османы, Габсбурги, нацисты, Советы и даже Европейский Союз фигурируют в качестве врагов независимости венгров.

Неоисторизм стал государственной идеологией и ядром официальной пропаганды. Одно из важных мест в неоисторической политике памяти занимает оценка последствий мирного договора 1920 г. как «травмы Трианона»: почти три четверти территории и две трети населения довоенной Венгрии оказались в составе Румынии, Чехословакии и Югославии, в которых венгры образовали национальные меньшинства, лишившись общего будущего. И хотя «культ Трианона» складывался еще до становления нелиберальной демократии, являясь делом крайне правых партий, Фидес использовал его в качестве заметного инструмента в своем политическом дискурсе.

Из нарратива о «трианонской травме» проистекает ревизия исторической оценки режима Миклоша Хорти, который был регентом Венгрии в 1920–1944 гг. Возрождение положительной оценки «эпохи Хорти» имеет длинную историю, включающую перенос останков Хорти из Португалии в Венгрию в 1993 г., установку статуй регента и деятелей его эпохи и т.д.

Однако апология Хорти обернулась проблемой для Фидес, учитывая откровенно антисемитскую политику венгерских правительств в конце 1930-х гг. Поэтому была предпринята попытка уменьшить роль Хорти в преследовании евреев утверждением, что его правительства не играли активной роли в реализации Холокоста, а большинство венгерского населения не сотрудничало с нацистами. Чтобы закрепить эту интерпретацию нацистской оккупации Венгрии, в июле 2014 г. в Будапеште был установлен новый памятник: орел, который олицетворяет нацистскую Германию, нападает на архангела Гавриила, символ невинной Венгрии.

В 2010-е гг. венгерское государство продвигало орбановский нарратив не только с помощью новых учреждений (Институт изучения истории смены режима, Институт исследования коммунизма, Исторический научно-исследовательский институт VERITAS, Комитет национальной памяти, Институт национального наследия), но и в сфере образования.

Политизация истории Венгрии помогла Орбану перехватить повестку у конкурентов справа, делегитимизировать оппозицию, поскольку оппозиционеры воспринимаются как предатели венгерской нации, и представить Орбана и его партию в качестве исключительных представителей «истинных» венгров. Так нелиберальная демократия использовала историческую память для собственной легитимизации и консолидации власти.

Бизина М.Ю. (Томск, ТГУ)

УЧАСТИЕ РАДИКАЛИЗИРОВАННОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

В настоящее время активность молодежи в политической жизни города можно условно описать двумя терминами: апатия или радикализм. Современные молодые люди либо не участвуют в политических процессах города или страны, либо увлекаются экстремистскими направлениями – терроризм, исламизм, нацизм, в силу отсутствия опыта критического мышления. Формирование картины мира у молодого поколения сейчас происходит почти полностью онлайн, и, чаще всего, оно искажено броскими видео и яркими короткими фразами, не имеющими глубинного смысла. Нынешняя молодежь мало читает, чаще смотрит видео в социальных сетях, и, таким образом, обедняет свое воображение и способность мыслить пространно.

Проблема заключается в правильном подходе к тому, как вовлечь молодежь в мыслительный процесс, при котором необходимо читать, осознавать необходимость установления подлинности фактов, сопоставлять разные точки зрения, для видения картины мира в целом. Как заинтересовать и научить молодежь быть активными в политической жизни города, без использования насильственного идеологического экстремизма. В настоящее время, молодые люди легко становятся жертвами сетевого маркетинга экстремистов, они зачастую получают неправдоподобную информацию в социальных сетях, и верят видеороликам в Ютуб, которые подталкивают их к радикализации онлайн.

Молодежь, соответственно, энергично участвует в гражданских и нетрадиционных видах активности – марши, протесты, онлайн сбор пожертвований, петиции, радикализация, терроризм, в частности, выезд на территорию вооруженных конфликтов, так как считает, что традиционный политический процесс не влияет на сложившуюся ситуацию. Многим молодым людям кажется, что их голос игнорируется, и, например, как писал в 2017 году Мартин Барретт в своей статье «Гражданская и политическая вовлеченность молодежи и глобальная гражданственность» на сайте ООН, в западных демократиях видно падение процента молодежной явки на выборы. Таким образом, молодые люди выпадают из гармоничного процесса коммуникации политических идей. Наблюдается определенная дихотомия: полная апатия к политическому процессу, или радикальное изъяснение своих идей и намерений.

При подобных тенденциях необходимо пересмотреть процесс подачи учебного материала в школах. Привитие интереса к вопросам политики, гражданского долга, этики, социального сознания, могло бы научить молодых людей вступать в дебаты, учитывать разные точки зрения, и использовать критическое мышление в процессе обработки получаемой информации.

Не менее важно общение взрослых, родителей, со своими детьми на политические, гражданские темы. Необходимо выслушивать своего ребенка, уважать мнение молодежи, и поддерживать с ней диалог, дабы предотвратить пагубное влияние радикальных идей. Особенно важно, чтобы молодежь доверяла социальным работникам, полиции, религиозным лидерам общин, и своим близким. Такое общение даст молодым людям возможность правильно оценить негативную сторону радикализации, а кроме того, возможность проявить себя без насилия, вовлечься в политический процесс управления городом.

В сложившейся ситуации критичным становится вопрос, каким образом можно вовлечь молодежь в политический процесс так, чтобы ей это было интересно, и чтобы она не предпочитала радикальный, насильственный путь решения конфликта. Как выстроить процесс коммуникации, чтобы молодые люди чувствовали себя значимыми в принятии решений.

Бикбулатов Э.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В США (XIX-XXI ВЕК)

Развитие средств массовой информации внесло значительные коррективы в дипломатию и в отношения между странами. Они формируют новую систему международных связей и проникают во все сферы межгосударственной жизнедеятельности.

Под влиянием СМИ конструируются образы государств, политических лидеров и соответствующее к ним отношение. В XXI веке роль общественного мнения значительно возросла, именно поэтому государства выделяют значительные средства на PR и продвигают свои СМИ в международном медиа пространстве.

Изучение образа России в зарубежных странах, в особенности в США, особенно актуально ввиду достаточно сложных и противоречивых отношений между двумя странами, которые в течении длительного периода времени поочередно сменялись с конфронтации на теплые отношения.

Несмотря на то, что США длительное время являются соперником России на международной арене, в отечественной литературе образ России в США изучен достаточно слабо.

В данной работе предпринимается попытка провести анализ образа России в США начиная с конца XIX по XXI век.

В качестве источников работы послужили статьи известных СМИ: The Washington Post, The New York Times, USA Today, Wall Street Journal.

В образе России в США в XIX веке, несмотря на разные политические режимы и социокультурные противоречия, прослеживается тенденция в стремлении выявить черты сходства в развитии двух стран. По нашему мнению, столь дружественное отношение, базировалось прежде всего из-за отсутствия геополитических конфликтов, торгово-экономического соперничества и наличия общих врагов, таких как Великобритания, которая, однако, в различные периоды была партнером двух стран. США для России в этот период была источником технологических инноваций.

В конце XIX века в образе России постепенно начинают происходить изменения. Цельный образ России становится дифференцированным. В образе России появляются метафоры «Империя Тьмы», «царство деспотизма и произвола». Теперь за размышлениями о природе русской цивилизации проследживается четкая мысль осознания своего превосходства и праве на наставничество. В США намечается тенденция эксплуатировать образ России, характерная для европейцев, использовавших его с целью подчеркнуть преимущества собственных представлений о европейской идентичности.

Второе объяснение изменению образа России в Соединенных Штатах сводится к росту экономической конкуренции и столкновению экспансионистских амбиций на Дальнем Востоке.

Одно из объяснений трансформации образа России в негативную сторону сводится к тому, что после 1881 года в России сменился либеральный политический курс на консервативный и произошел отказ от политики реформ, а в США стали более реалистично и критически оценивать «заокеанского друга».

Основная причина трансформации образа России — это изменение самого американского общества. Бурный подъем американской экономики, коммуникационная революция, индустриализация и урбанизация сделали Америку лидером мирового прогресса. Именно в этот период начинают зарождаться представления о превосходстве Америки над другими странами. Кроме того, викторианская культура, ранжирование рас и идея об особом предназначении Америки оказались главными причинами трансформации образа России.

С 1917 года в образе России начинают преобладать следующие метафоры: страна скитальцев, революционные настроения, завеса, туман. При этом подчеркивается патриотизм народа и безнадежность царизма.

В советское время образ России дополняется следующими конструктами: туманная, непроницаемая страна, инструмент в руках коммунистической партии.

После Второй мировой войны в прессе, отмечается, что стремление к мировому господству России практически полностью остановлено. Однако, признается образ СССР как конкурента США, который подстегивает государство к развитию.

Во время «холодной войны» в прессе появляется образ советского человека: «a powerful human striving to grow». При этом отмечаются отрицательные черты – враждебность, стремление к экспансии, амбиции и т.д.

В период развала СССР, политический истеблишмент, руководящий распадом государства, представлен в образе рыцарей, которые спасают Россию.

В настоящее время, основные СМИ создают достаточно враждебный образ России. Особенно делая упор на демонизации образа Президента России представляя его деспотичным, авторитарным лидером с имперскими амбициями.

Таким образом, можно сделать вывод, что в различные периоды времени образ России в США меняется под влиянием различных факторов: начиная от внутренних изменений в американском обществе и заканчивая противоречивыми интересами двух государств на международной арене.

Близнецкая Е.А. (Москва, МГИМО МИД России)

КОРОНАВИРУС COVID-19 И ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ГЛОБАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТЬЮ

В науке пока не найдено достоверных доказательств прямого влияния современного изменения климата на возникновение пандемий вообще и на пандемию COVID-19 в частности. Существовавшее предположение, что коронавирус в меньшей степени распространяется во влажном и теплом климате, не подтверждаются (Baker R. E. et al., 2020.). В последнем отчете МГЭИК (IPCC Special Report, 2018) делается достаточно общий вывод, что повышение глобальной температуры изменяет вероятность и распространение локальных, региональных и глобальных вспышек болезней. Это связано с рядом

факторов, включая расширение географического диапазона некоторых переносчиков болезней и изменение сезонности и интенсивности передачи некоторых инфекционных заболеваний.

Однако касательно глобальной стратегии реагирования у климатической проблематики и коронакризиса есть ряд общих черт. Первая – неподготовленность и слабость систем реагирования на масштабные чрезвычайные ситуации в подавляющем большинстве государств. Вторая – оба кризиса предсказаны наукой, но проблема взаимодействия науки и политики, в сочетании со сложившейся системой принятия решений на основе фактов, а не принципа предосторожности («эффект запаздывания»), в условиях кризиса приводят к необратимому ущербу и жертвам, которых можно было бы избежать. Третья – в отсутствии ставших традиционными для дипломатии форматов публичного и очного взаимодействия государств задача выработки согласованного плана действий становится еще более трудной.

Отсутствие консенсуса по ключевым вопросам стимулирует государства, особенно обладающих необходимым потенциалом, придерживаться эгоистичных стратегий. Наиболее ярко приверженность эгоистичной стратегии отражается в политике вокруг разработки вакцины от COVID-19 и создания должной системы ее распределения, которая бы упреждала новые вспышки заболевания. Для смягчения климатического кризиса, то есть немедленного и быстрого сокращения выбросов парниковых газов, также не хватает приверженности коллективно согласованным целям и справедливого распределения бремени цены сокращений.

Роль площадок многосторонней дипломатии в этих условиях смещается от координации усилий государств-членов к организации публично-частных форматов взаимодействия и агрегации научных знаний и опыта, а также выстраивания параллельной коммуникации с международным сообществом. Таким образом, и ВОЗ, и Секретариат РКИК пытаются преодолеть политические противоречия.

Всемирная организация здравоохранения разработала Глобальный механизм по обеспечению доступности вакцин против COVID-19 – Фонд глобального доступа к вакцинам COVID-19 (COVAX). Идея COVAX состоит в том, чтобы коллективно инвестировать в наиболее перспективные вакцины и обеспечить ранний доступ, когда они станут доступны. Кроме того, через механизм расширенного рыночного обязательства по вакцинам планируется собрать пожертвования от наиболее развитых стран в размере 2 миллиардов долларов для оплаты производства достаточных доз вакцины.

Европейский союз частично присоединился к COVAX, однако другие государства, имеющие потенциал, пока не спешат использовать предложенные механизмы и делают ставку на самостоятельную разработку вакцины и/исключительные условия с фармацевтическими компаниями для того, чтобы обеспечить вакцинами, прежде всего, собственное население.

В научной литературе только началось серьезное изучение того, что может позволить государствам выработать коллективную стратегию борьбы с коронавирусом, которая ляжет в основу будущей глобальной политики. В отличие от климатического кризиса, для реагирования на кризис пандемии пока не создано ни одного правового инструмента. Одни видят решение в создании соглашения о принципах управления, которое подразумевало бы финансовые обязательства государств. По иронии затягивание разработки и распространения вакцины держит на паузе активный дипломатический диалог, необходимый для согласования такого соглашения. С другой стороны устоявшиеся форматы переговоров, как показывает пример климатической дипломатии, могут препятствовать столь необходимым инновациям во взаимодействии заинтересованных сторон. Дальнейшее вынужденное использование онлайн-платформ может коренным образом изменить понимание многосторонней дипломатии как средства достижения консенсуса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109.

Литература:

1. Baker R. E. et al. Susceptible supply limits the role of climate in the early SARS-CoV-2 pandemic // Science. – 2020.
2. Global Warming of 1.5°C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5°C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty

Бовыкин К.А. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ПОСТПРАВДА КАК ИНТЕРНЕТ-МИФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ И ЕЕ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Прежде всего следует определиться с понятием мифа. Можно сказать, что «Миф – это первая форма рационального постижения мира, его образно-символического воспроизведения, выливающаяся в предписание действий. Миф превращает хаос в космос, создает возможность постижения мира как некоего организованного целого, выражает его в простой и доступной схеме, которая может претвориться в магическое действие как средство покорения непостижимого».

Говоря же про постправду, следует отметить, что постправда — это «некая особая квазиреальная среда, которая возникает, «если люди игнорируют факты, а правда уже не играет существенной роли, уступая место популистской риторике, будь то обсуждение изменения климата, проблем миграции или военных расходов. При этом постправду порождают не факты, а их переживание». К тому же возникновение постправды во многом обусловлено переизбытком фактов, плюралистичностью, наблюдающейся в Интернет-пространстве. Исходя из этого утверждения, мы видим, что возникновение и существование постправды во многом определяется именно Интернет-средой и умонастроениями людей, готовностью их отказаться от фактов и объективной истины в пользу субъективности и эмоционально переживаемых фактоидов, не проверяющихся логически. Исходя из этого, мы можем предположить, что постправда родственна мифу потому, что выступает некоей попыткой создать космос субъективного из хаоса разрозненных и слабо связанных друг с другом объективных фактов. Фактоиды в данном случае так легко принимаются людьми на веру потому, что они являются вымыслом и имеют своё происхождение именно в воображении человека, а не в строго объективной реальности. Такое предположение подтверждается цитатой Голосовкера, утверждающего, что «Потребность в выдумывании, само желание выполнения невыполнимого в конце концов есть выражение деятельности нашего высшего инстинкта – имагинативного абсолюта» (Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. С. 140). При этом Лосев подчёркивает ещё и что «...с точки зрения самого мифического сознания ни в коем случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии», «но – наиболее яркая и самая подлинная действительность» (Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 9.). Согласимся с выражением Лосева, потому что именно благодаря фактоидам среднестатистический человек, не осведомлённый о множестве процессах, происходящих в окружающей реальности, может построить себе относительно удовлетворяющую его картину реальности, в которой будет прослеживаться некий порядок, смысл, который можно создать лишь при обращении к субъективному.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что постправда существует потому, что отражает потребность людей иметь перед собой некую субъективную картины происходящего, которые бы пусть и ценой потери объективности, но удовлетворяли потребность в ощущении гармоничной и непротиворечивой картины мира. Притом эта потребность только усиливается в условиях информационного хаоса, существующего в Интернет-пространстве.

Опасность для демократии и реального политического представительства этот социальный факт представляет тем, что люди становятся крайне уязвимы к манипулированию. Если учесть, что среднестатистический гражданин никоим образом не может проконтролировать работу выбранного им представителя своих интересов, информацию черпает исключительно из СМИ, представленных в Интернете, телевидении и т.д., а также имеет нужду в понятной, структурированной картине мира, перевешивающую потребность в достоверности сведений, то можно предположить, что такой индивид будет жить согласно тем представлениям, которые навяжут ему автократы нового, «псевдodemократического», тоталитарного информационного общества. Соответственно, любое народное правление, пусть и формально существующее при подобном режиме, не будет иметь возможностей для выбора курса, не соответствующего внушённому образу правильного.

Богатова О.А. (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарёва)

ПРОРАБОТКА ТРАВМАТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОИСК РЕЛЕВАНТНЫХ МОДЕЛЕЙ

Предметом доклада является возможность использования в отечественной практике качества опыта «проработки прошлого» страны, испытавшей, как и страны, входившие в состав бывшего СССР, последствия масштабных насильственных трансформаций меньшинством уклада жизни большинства – Южной Африки. Методической основой исследования послужил сравнительный анализ научной литературы и музейных выставок, посвященных социальным травмам прошлого.

Содержание этих источников вызывает серьезные сомнения в возможности заимствования национальных моделей преодоления исторических травм и национального примирения. С одной стороны, система апартеида вызывает ассоциации со сходными формами социальной сегрегации, составляющих элемент систем социального неравенства в советском обществе (внутренняя паспортизация, «национальные школы», национально-территориальные образования), а также в постсоветском (поощрение внутренней сезонной трудовой миграции, профилирование среднего образования и т.п.).

Очевидная аналогия заключается в том, что в обоих случаях ставилась задача возвращения лояльных местных элит и превращения групп с низким социальным статусом (сельского населения в СССР, коренных африканцев в ЮАР) в территориально мобильную рабочую силу низкой и средней квалификации. С другой стороны, очевидно, что советские формы сегрегации были менее жесткими и смягчались со временем (паспорта становились долгосрочными, со временем этнические меньшинства получили возможность выбирать между «национальной» и «русской» школой и т.п.).

Важно также отметить, что в структуре процесса социальной травматизации в форме неинституционального насилия и в составе его агентов аналогий не прослеживается. В Южной Африке присутствует четкая поляризация агентов неинституционального насилия в соответствии с распределением власти в расово сегрегированном обществе, максимум такого насилия относится к периоду «на выходе» из режима апартеида, носившему революционный характер. При этом именно на революционной вооруженной борьбе и героических жертвах ее участников делается основной акцент в музейфикации борьбы против апартеида в «местах памяти» ЮАР. В этой ситуации в период демонтажа апартеида в ЮАР была избрана адекватная масштабам еще не закончившегося на тот момент гражданского конфликта модель национального примирения, основанная на публичном обсуждении травматических событий в государственной Комиссии правды и примирения, исходя из приоритета возмещения перед наказанием и убунту (человечности) перед виктимизацией.

Процесс формирования социальной структуры советского общества, напротив, включает максимум незаконного насилия «на входе», в период гражданской войны и коллективизации осуществлявшегося низовыми звеньями возникшей в результате революционного насилия советской системы – председателями сельсоветов и другими активистами, которые действовали методами «красного террора», систематически нарушали собственные партийные директивы и затем сами подвергались репрессиям. В этот период советское общество не было жестко сегрегированно на представителей власти и основную массу населения. Советский аппарат управления регулярно обновлялся за счет населения и поэтому мог позволить себе регулярно жертвовать частью своих представителей.

В более поздний же период его социальная кристаллизация в нескольких поколениях сопровождается широкой детравматизацией – восстановлением в правах жертв политических репрессий или их потомков – семей раскулаченных, вернувшихся из ссылки и интегрировавшимся в советское общество задолго до официального признания жертвами политических репрессий в 1991 г., наряду с навязываемым сверху институциональным забвением травмирующих событий. Мемориальный компонент этой политики детравматизации включал возложение вины на узкий круг ответственных в сочетании

с героической коммеморацией жертв сталинского террора среди партийного аппарата, что в комплексе и составило содержание советской модели «проработки прошлого». Поэтому риторика «примирения», использовавшаяся в характеристике революции 1917 г. и советского периода в целом российской элитой в 1990-е гг., уже в тот период представлялась в значительной степени безадресной, так как общество не ощущало себя расколотым на значимые по размеру группы потомков жертв и виновников репрессий.

Хотя нельзя исключить возможности вторичной травматизации каких-либо социальных категорий российского общества в настоящее время, в процессе избирательной и добровольной самоидентификации с пострадавшими в советский период группами, она может быть обусловлена не столько наличием не преодоленных на данный момент причин социальных травм прошлого, сколько борьбой с политическими оппонентами за символический капитал либо обесценивание такого капитала.

Исследование осуществлено при поддержке гранта № 19-511-60005 ЮАР_т Российского фонда фундаментальных исследований, научно-исследовательский проект «Наследие расчеловечивания: транснациональная перспектива».

Бойко С.И. (Москва, РГГУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТЕНТОВ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В процессе социализации каждый индивидуум приобретает ценностные ориентации определенного содержания, сумму контентов, влияющих на его мировосприятие и поведение, в том числе и в сфере политического. Ценностные контенты достаточно эластичны и трансформируются с возрастом, с изменением уровня образования, жизненным и профессиональным опытом каждой личности.

Достаточно очевидно, что формирование политического контента – процесс полисубъектного общения индивидуума с окружающим миром и окружающей среды с индивидуумом. Проявляется взаимное влияние и взаимодействие человека с социумом, следовательно, с государством и политическим режимом. В настоящее время трудно отрицать воспитательную, идеологическую функцию государства во взаимодействии государственных институтов с гражданами и организациями гражданского общества.

В Союзном государстве России и Беларуси проявилась проблема сосуществования квазисоциалистической системы, настроенной на социальную справедливость с элементами государственного регулирования и ограничения как личных доходов граждан, так и бизнеса в Беларуси, и либеральными подходами к организации экономики и финансов, к дифференциации доходов в России. Многие исследователи утверждают, что такие социально-экономические различия не дают динамично сосуществовать белорусско-российскому политическому организму, по мнению автора доклада преждевременно названному государством, и это смысловой контент также оставляет отрицательное амбивалентное впечатление. Выросшие за тридцать постсоветских лет новые поколения как в России, так и в Беларуси, не осознают необходимости объединения в одно конфедеративное, федеративное, тем более, в унитарное государство. Внятных политических предложений пока нет.

Времена, когда обучающимся говорили: «Старательно работайте, и вас заметят и оценят», – давно прошли. Теперь все понимают необходимость самостоятельного пиара, ценность информационного контента и важность учета своих личных интересов в предлагаемых проектах как в бизнесе, так и на государственной службе. Ценностью стала личная конкурентоспособность.

В РГГУ в Москве и в БГПУ им. Максима Танка в Минске в течении пяти лет проводятся эмпирические исследования профессиональных типов личности и ценностных контентов у студентов, обучающихся социальными профессиям с целью прогноза личных ценностных приоритетов и их возможной корректировки, с участием белорусских ученых-психологов из БГПУ. Для диагностики личности были использованы тесты с вопросами Дж. Голланда и К. Томаса. Результаты в России и Беларуси у студентов оказались почти тождественными, несмотря на различие политических систем.

Диагностика показывает, что у респондентов исследуемой выборки выражены следующие профессиональные типы: артистический (24%), предприимчивый (19%), реалистический (17%), конвенциональный (14%), социальный (13%), интеллектуальный (13%). Исследование иерархии стилей поведения в конфликтной ситуации у студентов у 98 респондентов, обучающихся по направлениям: «Государственное и муниципальное управление», «Государственная политика и управление; политический менеджмент», «Международные отношения и зарубежная регионалистика». В исследуемой выборке доминирующим выступает «приспособление», которую отметили 25% опрошенных. Затем следуют «уклонение» (22%) и «сотрудничество» (21%). Равномерно выражены поведение «компромисс» (16%) и «соперничество» (16%)³⁴. Молодые люди ориентированы на поиск поведения, которое больше приспособлено к достижению личного успеха в карьере как главной ценности. Проблемным вопросом является преодоление приспособленческих тенденций и тенденций уклонения от принятия решений и занятие позиции конформизма, боязни ответственности, неуверенности в собственном профессионализме. После выборов 9 августа в Беларуси очевидно, что даже наличие идеологических отделов и управлений официальной власти и традиционные методы во взаимодействии со значительной частью общества, где трансформация ценностей оказывается более мобильной, чем в институтах государственного управления, не обеспечивают позитивных для действующего политического руководства положительных результатов.

Болгов Р.В., Чернов И.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОНЛАЙН-ДИСКУРС МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ В TWITTER: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Социальные сети играют всё большую роль в современном мире. В Twitter зарегистрировано более 330 миллионов пользователей во всём мире, и поэтому неудивительно, что информационными возможностями этой платформы пользуются такие ведущие мировые политики как президент США Д. Трамп, президент России В. Путин и президент Франции Э. Макрон. В условиях бурного развития информационно-коммуникационных технологий и вызываемых ими социально-политических изменений невозможно эффективно реализовывать свои политические цели без использования данных инструментов.

Цель представленного исследования состоит в том, чтобы определить, как термины реализма/идеализма и глобализма представлены в Twitter-дискурсе лидеров стран, претендующих на статус мировых держав. В исследовании задействованы данные официальных страниц в Twitter президента США Дональда Трампа, президента Франции Эммануэля Макрона, президента России Владимира Путина и премьер-министра России Дмитрия Медведева.

Выбор Twitter как социально-сетевой платформы дискурса обусловлен его открытостью для всех участников, лаконичностью сообщений, а также простотой обмена и тегирования информации. Кроме того, участники часто повторяют информацию во всех социальных медиа, чтобы увеличить охват аудитории. Следовательно, анализ только этой платформы представляется достаточным для анализа дискурса в социальных медиа.

Предлагается разработанный авторами метод исследования, который состоит из 5 этапов. Основным методом исследования является традиционный контент-анализ. Мы не только выделяем термины, характерные для реалистов/идеалистов, но и изучаем весь контент. В данном случае нас интересует исключительно та тематика (ключевая, наиболее частотная лексика), которая доминирует в рассматриваемых текстах. Выделяются одинаковые объемы текста (по 33000 слов) в содержании страниц Трампа, Макрона, Путина и Медведева в Twitter. Затем мы подсчитываем упоминания слов/выражений и выделяем ключевые концепты, которые являются характерными для политического реализма,

34. Полещук Ю.А. Профессиональная направленность российских и белорусских студентов социэкономических профессий / Полещук Ю.А., Бойко С.И. // Психология и жизнь: актуальные проблемы психологии образования : материалы V Международной научно-практической конференции 14-15 ноября 2019 г. - Минск : БГПУ, 2019. - С. 173-180.

политического идеализма и глобализма. Проводим «фронтальный» общий анализ самых употребляемых понятий и даем количественную оценку характера использования ключевых концептов политических лидеров. Вслед за Н. Трегубовым (Трегубов, 2010), данный этап анализа разбит на несколько подэтапов: 1) экспертная числовая оценка характера употребления политическими лидерами единиц анализа; 2) определение средних значений оценок каждого из случаев употребления единиц анализа; 3) проверка релевантности полученных средних значений с помощью методов описательной статистики и корреляционного анализа, корректировка нерелевантных данных; 4) изменение знаков шкальной оценки на противоположные (инвертирование) с учётом контекста употребления некоторых единиц анализа; 5) построение единого списка шкальных оценок всех случаев употребления понятий реализма с диапазоном значений от 1 (максимально негативное отношение актора к реализму) до 9 (максимально позитивное отношение); 6) содержательный анализ полученных количественных результатов.

На завершающей стадии мы сравниваем частоту их использования у лидеров Запада и России.

У пары «Путин-Медведев» присутствуют очевидные совпадения с Трампом на внешнем уровне, но качественное расхождение на базовом, т.е. другая картина мира, другой выбор тематики, в отличие от пары Трамп-Макрон. Внимание российских лидеров сконцентрировано на внутренних проблемах страны и не встроено в глобальную повестку. Трамп и Макрон обсуждают общие темы, хотя имеют различные идеологические пристрастия.

Большаков А.Г. (Казань, К(П)ФУ)

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ

Концепт конфликтологического аудита стал популярным в политических науках в последние несколько лет. Конфликтологический аудит – целостное, системное исследование структуры и динамики конфликта, а в политических науках – политического конфликт и его разновидностей (международного конфликта, этнополитического конфликта, внутривнутриполитического конфликта, административно-государственного конфликта и др.).

Дизайн конфликтологического аудита обычно включает: исследовательские вопросы, теоретические модели, процедуры сбора данных, процедуры анализа данных, проверку валидности получаемых результатов. Конфликтологический аудит применялся первоначально в исследованиях моббинга и буллинга в школьных организациях, молодежной политики, однако, широта и адаптивность методологии дают возможность использовать его и в этнополитических исследованиях.

Концептуальной основой исследований являются структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона, неофункционализм (Дж. Александра и П. Коломи), функциональная теория конфликта Л. Козера, этнополитические концепты конфликтной модернизации У. Коннора, Э. Геллнера, Э. Смита, неомарксистские концепции внутреннего колониализма Т. Нейрна, М. Хетчера, концепция этнополитической стратификации Дж. Ротшильда, социально-психологическая теория этноконфликта Д. Горовица, теория стратегического взаимодействия в этническом конфликте Д. Ротшильда, Д. Лэйка, Б. Позена и др.), теория конструктивизма (Р. Барт, Р. Брубейкер и др.). Адаптацию этих концептов к российским реалиям осуществляют ряд известных современных российских ученых (В. Авксентьев, Л. Дробижина, В. Зорин, В. Михайлов, Э. Паин, Г. Солдатова, В. Тишков и др.).

Для российских регионов, в рамках проводимой национальной политики в стране, на одном из первых мест по значимости стоит ее языковой сегмент. Именно языковая политика актуализирована все последние годы в российских национальных республиках. Фактически до конца 2017 года принцип добровольности при выборе языка обучения для детей в средних школах не соблюдался в ряде национальных республик, что нанесло большой урон русскому языку и гражданам, которые настаивали на добровольном изучении других государственных языков. Постепенно сопротивление республики было сломлено. Последним добровольный выбор языков ввел Татарстан.

Но на этом проблема полностью не была решена, хотя социологические исследования Л. Дробижевой показывают, что недовольство постепенно снижается в тех группах населения, где оно присутствовало в 2017-2018 гг. Однако нельзя не увидеть, что подобное решение проблемы не смогло удовлетворить всех граждан республик. Национальная интеллигенция, часть нерусских представителей политической и экономической элиты продолжают настаивать на обязательном изучении национальных языков в школе. Их не удовлетворяют современные компромиссные решения языковой проблемы через преподавание титульных государственных языков на факультативной основе. Проблема нуждается в полноценном решении, а пока выступает в качестве конфликтогенного фактора, который может перейти в реальный конфликт.

На системное управление языковой проблемой направлен проект шести казанских ученых по теме: «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов».

Осуществление данного проекта ориентировано на получение следующих результатов: выявление конфликтогенных факторов, негативно влияющих на регулирование языковой ситуации в республиках в составе РФ; определение причин и способов предупреждения и нейтрализации конфликтогенных факторов в сфере языков и языковой политики; разработка технологии прогнозирования конфликтов в языковой среде; описание реальной картины языковой ситуации в республиках в составе РФ и предложение рекомендаций по ее совершенствованию; раскрытие связи языковой ситуации с проблемой этнической и общегражданской идентичности; представление итогов сравнительного анализа ситуации в сфере языков в республиках Поволжья и Приуралья и выводов для языковой политики в условиях культурного многообразия.

Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН по проблематике «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020–2022 гг. по государственному заданию на тему «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов».

Борисов М.Е. (Москва, РГГУ)

ПАНДЕМИЯ КАК ДРАЙВЕР ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЯДЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Пандемия оказала серьезное влияние на экономику и общество, а также на политическую динамику в некоторых постсоветских странах. В большинство постсоветских стран COVID-19 пришел позднее, чем в западные страны в связи с низкой трансграничной мобильностью, что дало позволило властям отреагировать на вирус раньше. В России первые случаи были зарегистрированы 15 февраля, в Беларуси – 28 февраля, в Украине – 3 марта. Объективным показателем воздействия COVID-19 в странах является уровень смертности. По состоянию на 8 сентября в России зарегистрировано 123 случая смерти на 1 миллион человек, в Беларуси – 76, а в Украине – 67. Все эти уровни очень низкие: Россия занимает 52-е место в мире, Беларусь – 67, Украина – 71, и в целом официальные данные о влиянии COVID-19 в постсоветских странах не выглядят драматично, даже для России, занимающей 4-е место в мире по количеству заболевших. Количество погибших, как правило, занижается; это часть статистических манипуляций, что характерно для официальных данных о жертвах пандемии в России и Беларуси (Anders Åslund. Responses to the COVID-19 crisis in Russia, Ukraine, and Belarus, Eurasian Geography and Economics. June 16, 2020). Официальная статистика говорит, что общий уровень смертности в России в июле вырос на 19,7% в годовом исчислении и составил почти 181,5 тысячи человек, что является худшим показателем с 2010 года, когда смертность выросла от аномальной жары и смога лесных пожаров.

Активизация массовых политических протестов в ряде постсоветских стран и территорий (в России, Беларуси, а также в непризнанных республиках – Южной Осетии и Абхазии, в зоне Нагорно-

Карабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном) в последние месяцы может рассматриваться как результат воздействия пандемии.

Ограничение передвижения, рост безработицы, серьезное снижение доходов населения и частного бизнеса при недостаточной государственной финансовой помощи, привели к росту общественного недовольства. На экономику России и Казахстана (как и зависимой от РФ Беларуси), основанной на экспорте полезных ископаемых, серьезно повлияло снижение спроса в европейских странах более чем на 30%. Конфликт России с ОПЕК в марте 2020 г. снизил цены на нефть, формирующие основной резервные фонды. Все это привело страны к росту политической напряженности.

Так, после президентских выборов 9 августа Беларусь столкнулась с самой серьезной угрозой власти Лукашенко с 1995 г., массовые антипрезидентские выступления продолжаются более месяца. В России возникли региональные массовые и продолжительные общественно-политические (Хабаровск, против ареста губернатора края Сергея Фургала) и экологические (Башкортостан, против добычи полезных ископаемых в природном парке) протесты.

Неспособность вырожденных политических институтов (парламент, политические партии, суды) реагировать на возникающие вызовы пандемии, приводит к росту внутренней напряженности в обществе. Пандемия сделала политические процессы более быстрыми и заметными.

1. Избирательные циклы обычно являются зоной высокого риска в автократических государствах. Это единственная ситуация, когда альтернативные лидеры или политические партии могут вступить в борьбу за власть, а фальсификация итогов голосования может вызвать массовые протесты. Напряженность на выборах в Беларуси продемонстрировала синергетический эффект от неэффективной антипандемической политики, слабой экономической помощи, деградации политических институтов и, вероятно, значительных фальсификаций на президентских выборах. В России выборы в Федеральный Парламент в 2021 г. потенциально могут привести к росту политической напряженности.
2. Риск экономического кризиса из-за снижения доходов населения, объемов налоговых поступлений (как от бизнеса, так и рентных доходов в связи с падением цен и объемов спроса на нефть и газ) в конце 2020 – начале 2021 года. По прогнозам экспертов, если государство не увеличивает поддержку экономики, ВВП России снизится до 10% в 2020 г. Экономический спад из-за пандемии глубже, чем в 2008-2009 годах, в 1998 г. Это сильнейший экономический спад со времен распада Советского Союза в 1991 г. Это также является потенциальным драйвером роста политической напряженности.
3. Передача полномочий губернаторам регионов по борьбе с пандемией, усилила их власть в регионах. Потенциально это может вызвать внутреннюю напряженность в элитах и стать угрозой сильным региональным лидерам, таким как, например, как Сергей Собянин.
4. Есть риск столкнуться с геополитическим обновлением в Восточной Европе. Ослабленный протестами белорусский президент, вероятно, более гибко будет участвовать в интеграционных процессах под контролем России. Однако в этом случае белорусский протест может получить антироссийский характер, а также международную реакцию в виде новых санкций.

Борисова Н.В. (Пермь, ПГНИУ)

ПРАВО НА РОДНОЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРЕБОВАТЬ НЕЛЬЗЯ СОГЛАСИТЬСЯ?

Наиболее распространенным в современной исследовательской литературе способом обнаружения феномена борьбы за право на родной язык является обращение к анализу этнополитических конфликтов. Этот феномен в подобном контексте есть и существует почти всегда как борьба за права носителей миноритарных языков. Но такая борьба может быть и спором о статусе и позициях не только

миноритарных, но и мажоритарных языков. Это допущение важно, поскольку понятие этноязыкового меньшинства и большинства в территориальном отношении относительно. Например, русские в Российской Федерации, безусловно являются большинством, составляя 77,71 %³⁵. В свою очередь, татары составляют только 3,72%. При этом, в Татарстане они являются титульной и доминирующей группой, составляя 53,15%, в то время как доля русских – 39,65%. Еще больший разрыв между размером титульной для субъекта РФ группой и русскими, а также другими этноязыковыми группами, характерен для республик Северного Кавказа, например, Северной Осетии – Алании, Чечни. Такое изменение позиций языка в территориально-пространственном измерении позволяет рассматривать ситуации борьбы за родной язык еще и как взаимодействия, сопряженные с задачами сохранения территориальной целостности государства. Участниками этих взаимодействий являются акторы федерального, регионального и даже локального уровней, интересы, ресурсные возможности и стратегии которых обуславливают сложные альянсы и конфликтные ситуации, разрешение которых далеко не всегда означает выигрыш хотя бы одной из сторон.

Анализ эмпирических данных (интервью, федеральные и региональные нормативно-правовые акты и госпрограммы, примерные образовательные программы и учебные планы, судебные акты) позволяет утверждать, что принятие решений в сфере языковой политики и ее реализация в современной России обусловлены сложным пересечением общероссийских тенденций и региональных особенностей. Федеральный центр задает рамки в логике унификации посредством реализации, например, политики в сфере образования, а его политико-институциональные и ресурсные возможности значительно превышают позиции и потенциал иных игроков. Но именно на региональном и локальном уровнях, где реализуется языковая политика, формальные рамки «насыщаются» региональным содержанием. И федеральные решения, и имплементация их на региональном уровне представляют собой устоявшиеся административные практики, имеющие рутинизированный характер. Но в случае политического вмешательства федерального центра в дела регионов происходит политизация языковой ситуации. Примером тому является выступление Президента РФ на совещании Совета по межнациональным отношениям в июле 2017 г., за которым последовали предписания Рособнадзора и Прокуратуры в адрес региональных и некоторых локальных властей, администраций школ. В таком контексте актуализируются, как подтверждают эмпирические данные, ситуации борьбы за язык. Стратегии поведения регионов (региональных элит и/или сообществ, лидеров общественного мнения) различны, в т.ч. в силу вариативности восприятия ими эффектов федерального вмешательства, с одной стороны, а, с другой, паттернами взаимоотношений регионов с федеральным центром по иным, выходящим за рамки языковой политики, вопросам.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00763 А «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах».

Боришполец К.П. (Москва, МГИМО МИД России)

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

С начала XXI века в мире активно развивается широкое международное сотрудничество в области молодежной политики, которое к настоящему моменту стало важным направлением деятельности мирового сообщества. В то же время, несмотря на значительное внимание, которое уделяется в российском дискурсе молодежной тематике, ряд важных вопросов участия представителей молодого поколения в международном взаимодействии не получил достаточного освещения. В этой связи необходимо обратить дополнительное внимание на два аспекта молодежной проблематики, во-первых, растущую роль молодежного сотрудничества по линии СНГ и СГРБ, рост внимания к молодежи, в частности к

35. Здесь и далее данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Официальный сайт ВПН-2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

скоординированному развитию сферы образования, со стороны структур ЕАЭС, а, во-вторых, характеристики молодежного участия как ресурса «мягкой силы» интеграционных форматов России и стран ее ближайшего регионального окружения.

Анализ профильных материалов показывает, что вовлеченность молодого поколения в современные общественные процессы на пространстве СНГ является значительной. Одновременно роль молодежи как активного участника гуманитарного сотрудничества России со странами ее ближайшего регионального окружения значительно возросла. На этапе 2010-2020 гг. это подтверждается, как с точки зрения количества молодежных инициатив, так и диверсификации их спектра, повышения адресности и одновременно расширения вовлеченности заинтересованных представителей молодого поколения; причем, учитывая обеспечение адресного представительства молодежных интересов на уровне парламентских структур СНГ и СГРБ, сложившаяся тенденция является стабильной и долгосрочной. Также, в контексте развития молодежной политики на многосторонней основе возрастает роль молодежных организаций стран СНГ в международном сотрудничестве. Однако двусторонние и многосторонние форматы этого сотрудничества не всегда имеют достаточную информационную поддержку, в том числе и на уровне социальных сетей. Кроме того, хотя вовлеченности молодежи в общественные процессы на пространстве СНГ присуща значительная опора на государственные структуры, отмечается большое разнообразие национальных моделей молодежной политики и, как следствие, участия представителей молодого поколения разных стран в международном сотрудничестве, неравномерность их вклада в развитие ресурсов «мягкой силы» на многосторонней основе. Тем не менее, существует ряд факторов, обеспечивающих рост консолидированного участия молодого поколения в укреплении авторитета интеграционных процессов на пространстве СНГ: уважение к традициям интернациональной дружбы и общей исторической памяти, приверженность непреходящим духовным, культурным и семейным ценностям, заинтересованность в реализации своих способностей и личностном росте, участие в академической мобильности.

Благодаря этим качествам молодежное участие и молодежная политика являются необходимым условием развития интеграционного взаимодействия России и стран ее ближайшего регионального окружения. Важнейшей задачей ближайшего будущего представляется расширение спектра многосторонних молодежных контактов с участием учащейся и работающей молодежи, использования информационных технологий для организации совместных образовательных проектов для школьников и студентов, конкурсов молодых профессионалов, занятых в отраслях реальной экономики, проведения мастер-классов авторитетных специалистов из стран СНГ для молодежной российской аудитории и соответственно встреч российских деятелей с молодежью в странах СНГ.

Содержание и формы практической работы с молодежью должны постоянно обновляться и получать актуальные смысловые импульсы.

Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 19-014-00004.

Брега А.А. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Возросшая роль масс-медиа в обеспечении легитимности власти позволяет некоторым исследователям говорить о том, что медиалегитимация («комплекс реализуемых органами власти во взаимодействии со СМИ пропагандистских кампаний для укрепления собственной легитимности») представляет собой одну из главных стратегий легитимации.

В результате медиатизации политики трансформируются и сами технологии.

Стереотипы массово используются для формирования общественного мнения (в том числе, для повышения легитимности), комбинируясь с различными видами других политтехнологий. Так, например, укоренившимся в сознании населения стереотипом, который используется для легитимации

власти в современной России является образ «добротого царя» («царь хороший – бояре плохие»). Базисом этого стереотипа являются протяженные во времени монархические, а затем – тоталитарные традиции в управлении государством. Этот стереотип активно используется и сейчас несмотря на то, что его действительность заметно падает. При этом формирование данных стереотипов проводится не только через традиционные СМИ (телевидение, в первую очередь), но и через дискуссии в социальных сетях.

На Западе, в свою очередь, пользуясь взаимопроникновением и взаимосвязью средств коммуникации по всему миру, формируют и распространяют стереотипы, направленные на очернение (и подрыв легитимности) российской власти. Широкий резонанс вызвал вышедший сразу после президентских выборов в России выпуск журнала Time с заголовком *Rising Tsar* и В. Путиным в царской короне. Уже на следующий день после выборов Time опубликовал статью российского либерального журналиста Михаила Зыгаря относительно того, что Путин собирается остаться во власти после окончания президентского срока в 2024 году одним из нескольких возможных путей – изменив Конституцию, либо изменив модель управления государством так, чтобы это можно было это делать «из-за кулис». Благодаря социальным сетям и СМИ обложка журнала Time, на которой был изображен В. Путин с короной на голове³⁶. При этом обложка журнала распространялась без сопровождения перевода статей из него, таким образом создавая «стереотип в квадрате» – о том, что «на Западе» считают Путина царем, без объяснения подобной позиции.

Технология мифодизайна продолжает активно использоваться для конструирования политического дискурса, обретая в современных условиях специфические черты. Интернет как коммуникационное пространство создал широкий простор для мифодизайнеров – если раньше создавался определенный целостный миф, который поддерживался через СМИ и мог быть подвергнут «демонтажу» посредством его критического разбора и опровержения отдельных его элементов, то в нынешних условиях эта задача кардинально усложнилась.

Навязывание повестки дня (*agenda-setting*) также заметно трансформировалось. Если использование традиционных СМИ позволяло освещать одни инфоповоды, полностью игнорируя другие, тем самым формируя представления о важности либо незначительности тех или иных событий, то в рамках сетевого взаимодействия такой подход невозможен. В этом свете на смену замалчиванию фактов приходит их освещение в благоприятном свете. Другой вариант навязывания повестки дня – создание инфоповодов, способных отвлечь от «ненужной» повестки.

Технология политического перформанса – и так достаточно новая для политического поприща. Однако стоит отметить, что и она становится все более тесно связанной с Интернет-пространством: политический перформанс это, по сути, материал для вирусного контента, который позднее распространяется по Сети многократно увеличивая аудиторию перформанса. Обозревая характер изменения технологий легитимации в целом, следует отметить, что развитие горизонтальных связей может ослаблять или усиливать те или иные технологии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. новые условия привели к трансформации политических отношений: появились принципиально новые каналы политической коммуникации, появилась новая площадка для взаимодействия общественных движения, возник феномен политических сетей;
2. поскольку власть базируется на контроле за коммуникацией и информацией, то она вынуждена использовать Интернет-пространство, в т.ч. для своей легитимации; от степени контроля над тем, что происходит в Интернете в значительной степени зависит стабильность власти;
3. технологии легитимации власти, такие как создание стереотипов, мифодизайн, навязывание повестки дня, в условиях сетевого общества в основном сохраняют свое содержание и продолжают использоваться, однако заметно изменяют свою форму, адаптируясь к современным реалиям.

36. Бондаренко М. Time поместил на обложку апрельского номера Путина с короной на голове [online]. РБК, 24.04.2018 [дата обращения: 15.09.2020]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2018/5ab68cc29a7947384d88b559>

Брега А.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, ФНИСЦ РАН)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: МЕЖДУ ИЕРАРХИЕЙ И СЕТЕВИЗАЦИЕЙ

Сетевые отношения в общественных отношениях и политике существовали всегда. Однако, ещё недавно сетевая организация только дополняла властную вертикаль. Ныне процессы сетевизации начинают активно менять иерархические основы политического регулирования, что актуализирует потребность осмысления соотношения принципов иерархичности и новых сетевых форм в политике. Другими словами, данную проблему можно обозначить следующим образом – политические отношения между иерархией и сетевизацией.

Общеизвестно, что одним из центральных вопросов политики является вопрос власти, проявляющийся в господстве одних социальных сил над другими. Их основу составляют, прежде всего, иерархические отношения, поддерживаемые силой государства. На протяжении столетий этот порядок принимал различные формы организации политических отношений в виде кастового, сословного, классового (и далее индустриально-стратификационного) общества. Под влиянием современных процессов сетевизации происходит рестратификация социального порядка, принципиально отличающаяся от классового деления индустриального модерна. В результате утрачивается значимость институтов государственного контроля и снижается внутренний уровень социально-политической интеграции.

За последние десятилетия лет в обществе и социальном управлении возникли организационные схемы, основанные преимущественно на сетевых отношениях, а не на иерархических. Сети чаще определяются через понятие «отношения», но не «институты». Они состоят из акторов, действий и зависимостей между ними, а также определенных ресурсов. Высокая мобильность и сравнительно низкая формализованность сетевой организации, в отличие от иерархической зачастую позволяет исключать государство как посредника в удовлетворении потребностей населения. В основе рестратификации сетевого общества лежит не принадлежность к какому-либо классу, а высокий уровень образованности и способность к самоорганизации, гибкость и мобильность. Это выводит сетевые принципы организации на первый план, ведь в современном мире, по известному выражению М. Кастельса, «власть потоков информации преобладает над потоками власти». По его мнению, несмотря на то, что институты играют существенную роль в формировании политических сетей, не они, а связи и отношения выступают ведущим конструктом политического пространства. Вместе с тем, не все так однозначно. Считать, что сетевая организация подменит иерархическое содержание политических отношений преждевременно.

Безусловно, неизбежны противоречия и конфликты между имеющейся иерархически выстроенной архитектурой государственного управления и горизонтальными связями сетевого взаимодействия между людьми, где государственный контроль и интерпретация политических смыслов значительно снижаются. Разрешение зреющих противоречий, скорее всего, лежит в конвергенции иерархических и сетевых форм политического взаимодействия и управления. Такое взаимопроникновение приведёт к новой конфигурации институтов и сетевых практик в политике.

Сосуществование и соперничество иерархичности и сетевого принципа в политике естественным образом подвигает к вопросу о методологических основаниях исследования этих процессов. Дело в том, что сегодня политическая наука в основном базируется на методологии системного, институционального, социокультурного, сравнительных подходов. Данные методологии давно апробированы в исследовательской практике, их эвристические возможности известны. В то же время, бурное развитие сетевой реальности в политике привело к появлению одноимённого подхода. Исследовательский потенциал данного подхода пока еще в полной мере не проявился. Хотя о данном подходе громко заявлено, но он не получил широкого использования в политических исследованиях.

Думается, что сетевой подход в силу объективных причин имеет существенные гносеологические и процедурные ограничения, например, при исследовании политических институтов, политической культуры или политического лидерства. К тому же перечисленные области политического уже

сложились как элементы иерархического порядка. Вместе с тем, под влиянием сетевизации они меняются, приобретают иную конфигурацию, вбирая новые качества и проявления. Соответственно, и возможности сетевого подхода будут расширяться. Однако, пока сетевой подход является дополняющим, поскольку иерархия в политике, несмотря на все современные тенденции, остается и продолжит оставаться базисом политических отношений.

Брега Г.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Классическая модель информационного влияния власти на общество определяет место средств массовой информации как привратников, транслирующих политические вопросы в интересах определённых политических акторов для привлечения внимания общественности. Современное коммуникационное изобилие привело к большому разнообразию идей, циркулирующих в общественном пространстве, порождая множественное содержание смыслов, исходящих от большого количества источников информации. Другими словами, сама природа создания новостей, где первостепенное значение играют оперативность и разнообразие информации, ведёт к потере монополии традиционных СМИ. Поскольку стремительно растёт число информационных акторов, непосредственно общающихся с избирателями.

С быстрым ростом производства информации в блогах и социальных сетях все чаще возникают предложения в увеличении количества фильтров, контролирующих потоки информации. Источники информации становятся более рассеянными и сетевыми, соответственно методологические аспекты понимания «сетевого феномена» не могут не быть актуальными. Важно найти не только баланс между информационными агентствами, социальными сетями, алгоритмами и рядовыми гражданами, но и иначе изучать изменения политических смыслов в нарастающих потоках информации.

В этой связи необходимо совершенствование методического аппарата познания общественных коммуникаций. Сегодня большая часть эмпирических исследований общественных коммуникаций осуществляется посредством контент-анализа, универсальных категорий и кейсов, выбранных из традиционных источников СМИ. Вместе с тем, требуется более широкий аналитический контекст, включая культуру, политику и ответную реакцию аудитории. Кроме того, возникают проблемы с анализом интересов стремительно растущего числа граждан, выбирающих иные источники, а не традиционные СМИ.

Современная политическая коммуникация все больше происходит в контекстах, связанных уменьшенным вниманием гражданина, гибридными системами СМИ, повышением недемократических движений и сторон, часто поляризуемые потоки политической информации. Эти обстоятельства бросают вызов привычным методам исследования смысла в информационных потоках. Полагаем, что работа должна идти по следующим направлениям:

Во-первых, важно критически переоценить понятия, которыми оперируют исследователи при характеристике коммуникаций власти и общественных сфер, а также СМИ. Новые понятия должны быть методологически выверены и непротиворечивы, поскольку процессы, происходящие в цифровых информационных сетях, без соответствующего понятийного аппарата деформирует и разрушает общественный диалог и транспарентную политическую коммуникацию. Гибридная терминология в СМИ, как правило, негативно влияет на принятие решений в политических учреждениях, общественном политическом дискурсе и в прессе.

Во-вторых, важно понять, стали ли традиционные понятия овеществленными до такой степени, что мы изучаем сами понятия больше, чем использование их, чтобы разъяснить политические факты. Например, понятия, традиционно используемые в сообщениях, прежде были относительно хорошо определены на национальном уровне, но они могут иметь иное толкование в международных потоках коммуникации и политических сетях.

В-третьих, пора вновь обратиться к методам работы с информацией. Обычные методы выборки и контент-анализа несовместимы с формами и объемами «больших данных». Особенно в гибридных информационных сетях, где идет традиционное информирование с устоявшимся порядком взаимодействия прессы совместно с сетевыми коммуникационными процессами.

Таким образом, исследование политических коммуникаций требует использование сетевого анализа, извлечения больших данных и вычислительных методов. Возможно в обозримом будущем анализ информации с использованием традиционных методов, будет дополнением, но не правилом. В любом случае исследование новостей, альтернативных информационных сайтов и социальных сетей в настоящее время изменяют характер информационно-аналитической работы во многих ключевых вопросах.

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, МПГУ)

СТРУКТУРА МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ МИНОРИТАРНЫХ ОНЛАЙН СООБЩЕСТВ КРЫМСКОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА РУНЕТА

Внешнее информационное давление на этнические региональные сегменты Рунета стало неотъемлемой частью политической реальности сегодняшнего дня. Особой «мишенью» для внешних сил служит Крымский сектор новых медиа. В целях оказания дестабилизирующего, деконсолидирующего и деконструктивного влияния на переходное общество данные онлайн акторы эксплуатируют триггеры межнациональной напряженности, разжигания межэтнической розни, снижения доверия действующему политическому режиму. Площадками данных информационных воздействий являются онлайн сообщества, объединяющие пользователей полуострова Крым по этническому признаку и идейным убеждениям. Цель настоящего исследования – проанализировать механизм функционирования миноритарных этнически ориентированных онлайн-сетевых групп деконсолидирующей направленности.

Методологически исследование базируется на положениях социального конструктивизма (дискурсивная психология (Д.Поттер, М. Ветерелл) [Potter, 1987]; сетевого подхода (концепция «сетевой культуры» (К.Мерсер [Mercer C., 2011]); нового институционализма (теория неполной рациональности (Г. Саймон [Simon, 1978])); психологическом направлении в пост-бихевиорализме (Р. Инглхарт [Инглхарт, 2018]).

Базовый метод исследования - анализ социальных графов с применением авторского программного обеспечения (приложения к сети «ВКонтакте»). На рисунках 1 и 2 представлены наиболее показательные графы.

В таблице 1 представлены метрики этнически ориентированного онлайн сообщества, обладающего наиболее явно выраженной в сопоставлении с остальными кейсами анализа работой микролидеров.

Таблица 1. Метрики сообщества «Крымские татары – Къырымтатарлар»

Количество пользователей в группе	8827
Количество пользователей со связями от 100	220

На рисунке 1 показан граф данной группы, свидетельствующей о функционировании огромного числа уплотнений – связей, формируемых микролидерами, топикстартерами, воздействующими на свою часть аудитории.

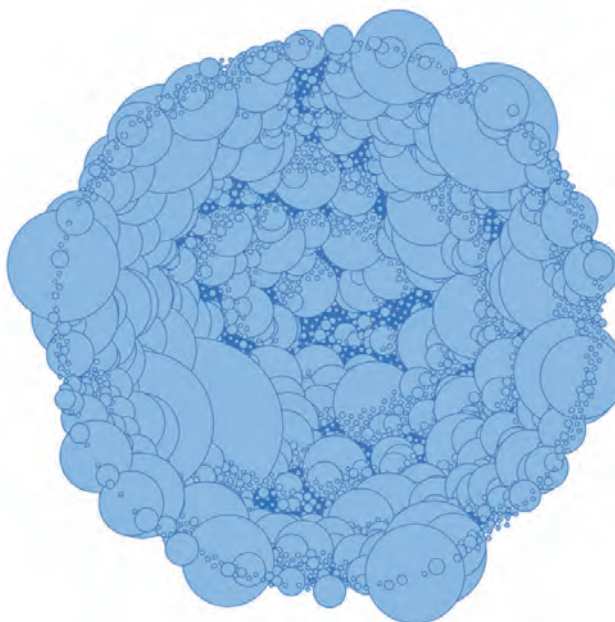

Рис. 1. – Социальный граф сообщества «Крымские татары Къырымтатарлар».

В таблице 2 приведены метрики группы «КрІм – ЦЕ Україна». Данное сообщество нацелено главным образом на этнических украинцев в Крыму и подает информацию с позиций «временной оккупации полуострова».

Таблица 2. – Метрики группы «КрІм – ЦЕ Україна».

Количество пользователей в группе	7105
Количество пользователей со связями от 100	0

В сопоставлении с предыдущей группой это сообщество обладает наименьшим потенциалом мобилизации и не содержит микролидеров, имеющих зону влияния более 100 человек.

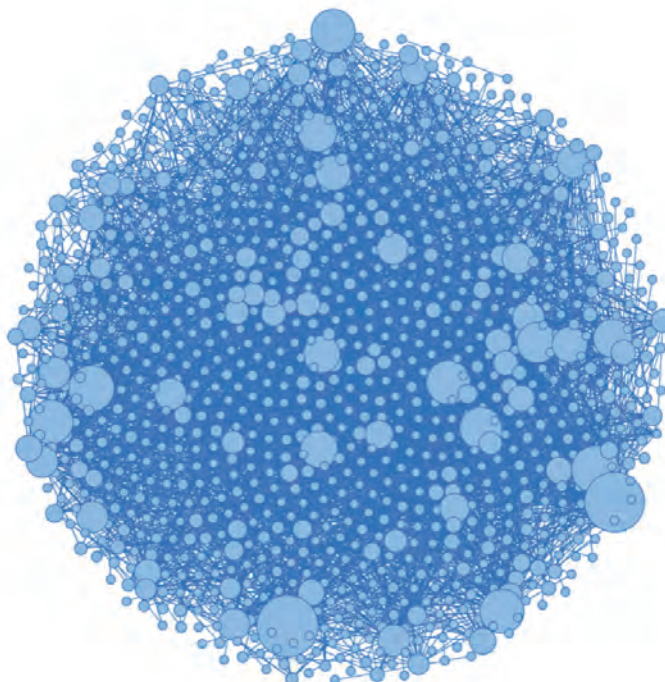

Рис. 2 – Социальный граф группы «КрІм – ЦЕ Україна».

На рисунке 2 видны небольшие уплотнения, свидетельствующие о довольно малых размерах микрогрупп «по общим интересам и близким связям».

Анализ социальных графов онлайн сообществ, таргетированных на этнические группы пользователей Крыма, показал, что в социальных медиа Рунета остаются очаги деконструктивного информационного влияния, использующие фактор социально-экономических трудностей современного периода развития российского общества и работающих на снижение доверия пользователей действующей власти. Как правило, применяется техника деления онлайн сообщества на микрогруппы с отдельными топик-стартерами и регуляторами общественного резонанса, социальной мобилизации. Задачи сохранения социальной стабильности и преодоления негативных эффектов затрудненной ресоциализации представителей этнических групп полуострова требуют формирования альтернативных потоков, онлайн сообществ в ответ на систематическое внешнее информационное давление, имеющее целью деконсолидировать Крымский социум.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта Севастопольского государственного университета «Украинские информационные потоки в крымском сегменте социальных медиа: риски и технологии преодоления негативных эффектов антироссийской риторики в онлайн-среде» (№ 18-011-00937 на 2018-2020 годы).

Литература:

1. *Инглхарт, Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Костенко, А. А. Широкановой, научн. ред. Э. Д. Понарин. М.: Мысль, 2018. 347 с.
2. *Mercer C.* Culturelinks: Cultural Networks and Cultural Policy in the Digital Age. Networks: The Evolving Aspects of Culture in the 21st Century. — Institute for International Relations
3. Culturelink Network Zagreb, 2011. P. 31 – 45.
4. *Potter, J. and Wetherell, M.* Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. London, U.K.: Sage Publications Ltd., 1987
5. *Simon H.A.* Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T.Ely Lecture // American Economic Review, May 1978. Vol.68. №.2. P.1–16.

Бронников И.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

САМООРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАН И ОНЛАЙН-МИТИНГИ

Самоорганизация граждан в ответ на вызовы политического, экологического и социального характера стала повсеместной, по большей части, благодаря уникальным ресурсам социальных медиа. Примером протестного мобилизационного потенциала социальных сетей является успешная агитация и координация широких слоёв российского населения оппозиционными политическими силами в 2010-2012 гг. С этим, в частности, связана провокационная политизация аудитории сетевых сообществ в новых медиа, ранее не принимавшей активного участия в политической жизни страны.

Следует также отметить возрастающий дуализм онлайн-сообществ: с одной стороны, социальные медиа демонстрируют возросший потенциал гражданской мобилизации; с другой стороны, возможности информационно-коммуникационных технологий способствуют отчуждению граждан от реальных проблем, укоренению виртуальной имитации гражданского участия, формируя очаги фейкового активизма. Опираясь на теорию нетократии А. Барда и Я. Зодерквиста необходимо иметь в виду, что потенциальные лидеры протестной активности постоянно поглощаются правящей элитой и становятся ее рупором, что сильно затрудняет и без того хаотические коллективные онлайн-действия.

Между тем, несмотря на те или иные сдвиги, сетевые сообщества открывают широкие возможности для манипулирования общественным мнением, генерации и модерации протестных настроений. Трансформация онлайн-недовольства «сердитых граждан» в пространство политического протеста,

организованного при помощи цифровых платформ, создает опасности дестабилизации политической ситуации и разрушения существующих институтов власти. Реальные эффекты от вовлечения граждан в сетевые коммуникации, зачастую, проявляются в офлайн-действиях, в том числе политической направленности. В последнее время подобная самоорганизация граждан носит не иллюзорный характер (т.н. slacktivism), а вполне конкретные несимволические формы гражданского активизма (гражданское участие, протестное участие, институционализированное участие, цифровое участие).

Ярким примером такого активизма являются онлайн-митинги. В конце апреля 2020 г. российские интернет-пользователи, выступая против режима самоизоляции, спонтанно организовали новую форму активности – онлайн-митинги с использованием сервиса «Разговорчики» 37 популярного автомобильного навигатора от Яндекс. Любой гражданин, у которого установлено приложение «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Навигатор» смог оставить виртуальный след в виде комментария на определенном объекте карты с требованием дополнительных и незамедлительных мер поддержки со стороны государства в период пандемии коронавирусной инфекции. Стихийные онлайн-митинги прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Саратове, Красноярске и Нижнем Новгороде³⁸.

Первым местом онлайн-митинга стал Ростов-на-Дону (20 апреля 2020 г.). В связи с пропускным режимом перемещения по городу в условиях предупреждения распространения коронавирусной инфекции, пользователи оставляли гневные комментарии у зданий Законодательного Собрания Ростовской области и правительства Ростовской области. Буквально спустя два часа аналогичные акции начались в других городах России, в ходе которых граждане требовали прямой помощи от государства, введения режима ЧС, заморозки платежей по ЖКХ, поддержки малого предпринимательства и пр. Инженеры «Яндекса» достаточно быстро удаляли метки онлайн-комментаторов в соответствии с правилами модерации, но информационный повод привлек внимание как широкой общественности, так и органов власти.

Опираясь на теорию социума Н. Лумана, при рассмотрении онлайн-митингов особое значение приобретает коммуникация между пользователями с их желанием быть услышанными и создать достаточно продолжительный информационный повод в сети. Успешность протестной акции в медиа, во многом, определяется своевременным созданием и последующей оперативной трансляцией сообщений и визуальных символов.

Именно поэтому онлайн-митинги могут служить сигналом неэффективности деятельности конкретных политических институтов. Эффективность же самих проводимых онлайн-митингов повышаются при участии и стимулировании участия со стороны основных субъектов влияния, которыми чаще всего являются конвергентные журналисты, топовые блогеры и активные создатели сетевого контента.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31387 «Риски и угрозы политизации низовых и гибридных гражданских инициатив в условиях трансформации политической системы современной России»

*Брянцев И.И. (Саратов, ПИУ им. П.А. Столыпина – РАНХиГС при Президенте РФ),
Брянцева О.В. (Саратов, СГЮА)*

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

В современных условиях важным фактором, способствующим реализации технологий открытости и прозрачности власти, являются информационно-коммуникационные технологии и создание цифровой среды функционирования различных ветвей власти с возможностью выстраивания активных коммуникаций с обществом. Принципиально важным для нынешнего российского общества является

37. Стоит заметить, что как только сервис «Разговорчики» появился в 2011 г., он сразу стал для водителей площадкой для выражения своего недовольства.
38. В Новосибирске пользователи также использовали навигатор «2ГИС»

вопрос о доверии к судебной власти. Формирование механизмов повышения доверия граждан к судебной власти в России, является важным фактором демократического развития государства. Реализация принципа открытости и гласности – это путь к достижению доверия к судам. Современными технологическими возможностями решения этой проблемы являются информационно-коммуникационные технологии.

Проблематика укрепления доверия к судебной власти является актуальным направлением исследования в России и за рубежом уже не одно десятилетие. Понимание специфики функционирования судебной вертикали власти и её роли в системе разделения властей является важным компонентом для разработки и реализации практических мер по совершенствованию политической системы государства в направлении её демократизации.

В рамках исследования проведен обзор зарубежных систем электронного правосудия и сделан вывод, что форма судебного производства меняется, расширяется доступ к правосудию, но во всех странах есть своя специфика, зависящая от государственного устройства, устройства судебной системы, общего уровня информатизации. Эффективно электронное правосудие в странах, где вся информация по судебному делу существует в цифровом виде. Защита информации, безопасность передаваемых данных стоит на первом месте.

В Российской Федерации в Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы отмечается необходимость создания единого информационного пространства. Внедрение в судопроизводство современных информационных технологий, дальнейшее совершенствование автоматизированных информационных систем и их бесперебойное функционирование, как и контентное наполнение сайтов судов способствуют открытости, доступности и гласности правосудия. Но для этого необходимо технологическое переоснащение судов, обучение судей, донесение информации до населения.

В качестве основных факторов, негативно влиявших на становление электронного правосудия, эксперты и практики отмечают недостаточную развитость законодательства. Законодательное регулирование порой не успевает за технологическими инновациями, уже используемыми, но не закрепленными. Актуальной является и защита информации, хранимой в системах электронного правосудия или передаваемой с их помощью.

Большой проблемой является также цифровое неравенство. Для тех, кто обладает знаниями и возможностями воспользоваться информационными технологиями для получения доступа к соответствующим ресурсам, открытость и гласность повышается, а для тех, у кого их нет, наоборот.

Одним из направлений решения этой проблемы является участие организованного экспертного сообщества в оказании технической поддержки и обучении граждан, через создание и функционирование соответствующих институций в виде общественных приемных, бесплатных юридических консультаций, а также научно-консультативных советов при органах власти³⁹.

Особую роль и значение в современных российских реалиях, связанных с правовым просвещением граждан и оказанием им юридической поддержки имеет институт Уполномоченного по правам человека, как на федеральном, так и на региональном уровне, который при активном участии экспертного сообщества и других субъектов гражданского общества активно участвует в обеспечении системы сдержек и противовесов между различными ветвями власти.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

39. Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. №3. 2015. С.53-70.

Буковская Н.В. (Томск, НИ ТГУ)

Ю. ХАБЕРМАС О НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ГОСПОДСТВА

В современном мире все более актуализируются (тем более в связи с пандемическим опытом), проблемы, с одной стороны, взаимодействия науки и политики, интеллектуальной поддержки власти, а с другой, политики в сфере науки, управления наукой. В этой связи большой интерес представляет понятие научной рационализации господства, которое вводит Ю. Хабермас, его методологическое значение для теории власти и политическое содержание. Проблема научной рационализации господства решается им в контексте более широкого вопроса об «онаучивании политики» и преодолении репрессивности господства. Для этого он заново формулирует понятия рациональности и рационализации, в основу которых кладет коммуникативное действие, в противовес подходу М. Вебера, основанному на целерациональной деятельности. При этом Хабермас отталкивается от убеждения Маркузе, что технизация не есть истинная рациональность, так как она скрывает политическое содержание господства.

Если рационализация господства в контексте целерациональной деятельности только усиливает его репрессивность и легитимирует его, заставляя науку и технику исполнять идеологическую, апологетическую роль, то коммуникативная рациональность предполагает критическую позицию по отношению к господству и помещает науку в контекст диалога с общественностью. Таким образом задача интеллектуальной и технической поддержки власти решается Хабермасом не через непосредственный контакт ученых и специалистов с политиками, а опосредованно, через дискуссию, в которую вовлекается общественность. Рационализация господства таким образом может быть двух типов: негативной (расширение репрессивности) и позитивной (расширение свободной коммуникации). Позитивная рационализация в свою очередь направлена на преодоление господства как такового, на разрушение его субстанции. Хабермас выделяет два вида господства: иррациональное и рациональное. Иррациональную модель он соотносит с бюрократической практикой господства, с технократической рациональностью, рациональную – с коммуникативной практикой принятия политических решений. Последнее соотносится с коммуникативной рациональностью, со свободной неограниченной публичной дискуссией, а это предполагает реполитизацию общественности. Хабермас настаивает, на том, что должен превалировать дискурс публичной дискуссии, а не научная рефлексия. И здесь, на наш взгляд, необходимо учесть роль гражданского общества в обсуждении политических решений, через самоорганизацию которого могут активно действовать в том числе и ученые.

Фактически речь идет о необходимости соотнесения рационализации не только и не столько с технизацией – технологизацией политики, а прежде всего с двумя процессами, во-первых, с гуманизацией, а во-вторых, с демократизацией. Это требование демократизации должно распространяться и на экспертизу политических решений, на расширение круга экспертов и тех сфер, которые они представляют.

Проблема онаученной политики у Хабермаса возникает вместе с исследованием новой формы легитимации господства, в виде науки и техники, которые, по его мнению, потеснили традиционные формы (язык, миф, религию), но не устранили их вовсе. Мы видим, что политика получает легитимацию от научно-технического прогресса в целом или от каких-то отдельных научных дисциплин и проектов. Например, сегодня многие политические режимы считают очень важным в контексте своей легитимации (как внешней, так и внутренней) развитие космонавтики, изобретение и освоение атомного оружия, альтернативных источников энергии, или даже (на фоне пандемии) изобретение вакцины от опасного вируса. Последний фактор начинает выступать одним из решающих в предвыборной борьбе современных политических лидеров, которые научные исследования и изобретения, их регламент ставят в зависимость от факта политической воли. Многие политики в условиях сложной ситуации, связанной с пандемией, стараются подкрепить свои порой непопулярные решения мнением экспертов (известных ученых или научных центров). В то время как эти же решения подвергаются критике со стороны независимых специалистов и представителей гражданского общества. Следует отметить,

что современные политики научились ловко жонглировать различными формами легитимации в зависимости от ситуации, сохраняя при этом видимость приоритета науки. Когда им выгодно они обращаются к науке, когда нет – к религии или мифу, или же используют комплексный подход. На смешанный характер легитимации современного господства, когда власть использует как новые, так и традиционные формы, обращает внимание Хабермас, рассуждая о неоднозначности научной рационализации господства.

Булва В.И. (Москва, ЦМИБ и НТП МГИМО МИД России)

ТЕХНОЛОГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ – ВЫЗОВ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Информационно-коммуникационные технологии – драйвер развития общества. В то же время, они стимулируют появление новых инструментов воздействия на сознание граждан и общество. Какие методы коммуникативного воздействия, используемые в политике, носят деструктивный характер? Какие шаги необходимо предпринять на индивидуальном уровне и на уровне государства для защиты от опасных инноваций?

На современном этапе развития информационного общества такие приёмы, как фальсификации (фильтрация информации, фрейминг, созданий псевдособытий и псевдопроблем, утечки сведений из анонимных источников, дезинформация), создание фейков, манипулирование общественным сознанием, психологическое насилие, технологии социально индукции и суггестивные технологии⁴⁰ приводят к созданию искусственной реальности, в которой индивид – всего лишь марионетка, управляемая «авторитетными лидерами».

Тактика психологической войны имеет глубокие исторические корни. Методику звукового воздействия (приём социальной индукции) использовал Адольф Гитлер: его речи сопровождалась оперой Вагнера для создания нагнетающей обстановки⁴¹. На современном этапе возможности научно-технологической революции позволили создать условия для более активного манипуляционного воздействия на сознание человека:

1. Происходят количественные и качественные изменения в информационной среде: объём информации становится несоизмеримо большим; в Интернет-сети пользователь может получить не только набор информации, но и сжатые анализы и схемы по интересующей проблематике;
2. Развиваются различные форматы коммуникационного взаимодействия – пользователи Интернета не только получают неограниченный доступ к информации, но и сами могут принимать участие в разработке контента (эволюция от Web 1.0 к Web 3.0);
3. С огромной скоростью происходит виртуализация пространства распространения информации, что приводит к смешиванию реальности с вымышленными образами;
4. Растёт число контактов, развивается межкультурная коммуникация.

Угроза коммуникативного воздействия в современном обществе заключается в том, что оно основано на принципе внушения, а не убеждения, то есть не на логике, а на способности индивида воспринимать слова авторитетных политических деятелей и политтехнологов как должное. Различные факторы повышают уязвимость человека к внушению: его личные характеристики (отсутствие критического мышления, конформизм, низкая самооценка и т.д.). Избыточный поток информации, время и среда, выбранные для передачи информации, технические средства, которые при это используются, играют дополнительную роль в усилении влияния на сознание человека. Помимо этого, сегодня человеку практически невозможно выйти из «пузыря фильтров». Создаётся иллюзия активного пользователя Интернета, на самом деле, даже при попытке самостоятельного поиска информации, Интернет-сайты выдают запрос на основе анализа данных о пользователе (его месторасположении и истории поиска, определяющей его основные предпочтения).

40. И.М. Дзялошинский. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии//М.: НИУ ВШЭ, 2012 – 572 с.

41. Брайант, Дженнингз, Томпсон, Сузан. Основы воздействия СМИ. Пер. с англ. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. — 432 с.

В связи с вышесказанным неоспорима актуальность формирования механизмов защиты общества от угроз мира постправды. Ведь современный человек живёт в условиях «обстоятельств, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям»⁴². Формирование безопасной информационно-кибернетической среды возможно только при активной роли государства. Специализированные структуры должны отвечать за формирование контента, который бы отражал основные ценностные ориентиры и устои общества. Контроль социальных сетей, недопущение распространения пропаганды (в том числе экстремистского и террористического содержания) также находятся в ведении государственных органов. Особое внимание необходимо уделять контролю за деятельностью СМИ, поскольку именно они являются основным источником информации для современного человека.

Особенно важным представляется формирование информационной культуры общества на основе высоких гуманитарных технологий. Следует обращать пристальное внимание на соблюдение этики в информационной среде, поскольку необдуманные радикальные публикации могут привести к обострению ситуации. Необходимо развивать у граждан способность к активному противодействию опасным технологиям коммуникативного воздействия. Фактчекинг, формирование собственного мнения, критическое мышление – неотъемлемые условия для обеспечения безопасности индивида в условиях цифрового общества.

Финансирование по Гранту РФФИ: (номер: 20-011-31493, ОПН)

Бутенко В.А. (Москва, РУДН)

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИЮ

Теме миграции отводится одно из центральных мест в публичном дискурсе. Связано это в первую очередь с ростом миграционных потоков после Второй мировой войны. По данным ООН, миграционные потоки увеличились с 2,6 млн (в 1950–1955 гг.) до 20,6 млн (в 2005–2010 гг.)⁴³. В настоящий момент каждый седьмой человек на планете является мигрантом. Однако пандемия COVID-19 привела к ограничению свободы передвижения.

Во время пандемии уровень безработицы во многих странах существенно вырос. Учитывая, что корпоративные займы достигли исторического максимума, многие фирмы в настоящее время испытывают недостаток в доходах, в связи с чем вынуждены закрываться либо сокращать персонал. Высокий уровень безработицы приведет в краткосрочной перспективе к падению спроса на труд иммигрантов. А фирмам откроется доступ к значительному числу местных трудовых ресурсов. Однако стоит отметить, что рынки одних стран в большей степени ориентированы на высококвалифицированных мигрантов, в то время как рынки других – на низкоквалифицированных. Это будет также влиять на необходимость привлечения иностранной рабочей силы.

Процессы глобализации привели к большей открытости границ, что способствовало образовательной миграции. В период с 2001 г. по 2017 г. общее число иностранных студентов в мире увеличилось с 2,1 млн до 5,3 млн⁴⁴. Согласно имеющимся данным, доход от образовательной миграции оценивается в 300 млрд долларов США, что включает как прямые дивиденды (оплату образовательных услуг и расходы на проживание), так и косвенные (трудоустройство в стране обучения и последующую уплату налогов). Однако пандемия коронавируса разрушает такую бизнес-модель, ставя под вопрос существование вузов, не способных иметь значительные финансовые доходы. Например, к концу апреля 2020 г. число американских колледжей, подверженных риску закрытия, выросло с 10% до 20%⁴⁵. В Великобритании прогнозируются сокращение числа иностранных студентов на 47% в 2020–2021 учебном

42. Как выжить в эпоху постправды // 20.06.2017 [электронный ресурс] – URL: <https://34mag.net/ru/post/kak-vyzhit-v-ehpokhu-postpravdy> (дата обращения: 18.09.2020)

43. International Migration 2019: Report (ST/ESA/SER.A/438) // United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf (дата обращения: 25.08.2020).

44. Education // The UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/#> (дата обращения: 25.08.2020).

45. Fies A., Hill J. Coronavirus Pandemic Brings Staggering Losses to Colleges and Universities // ABC News. 28.04.2020. URL: <https://abcnews.go.com/Business/coronavirus-pandemic-brings-staggering-losses-colleges-universities/story?id=70359686> (дата обращения: 26.08.2020).

году и потеря образовательным сектором 1,5 млрд фунтов стерлингов⁴⁶. Следовательно, восстановление потенциала образовательной миграции в большей степени будет зависеть от того, когда закончится пандемия COVID-19 и насколько сильное она окажет влияние на благосостояние населения.

Пандемия коронавируса используется различными политическими силами и правительствами для усиления своих позиций. В частности, отменяются публичные мероприятия, ограничиваются свобода передвижения, свобода слова, право на мирные собрания. Сталкиваются с подобного рода ограничениями и последующей дискриминацией и мигранты.

Предполагаем, что именно временная трудовая миграция в будущем будет поощряться государствами. Показательно, что программы по привлечению гастарбайтеров, активно использовавшиеся в 1970-е гг. странами Западной Европы, вновь приобретают свою актуальность. Такие программы позволяют трудовым мигрантам работать в первую очередь в сфере услуг, ограничивая при этом их права и способствуя их возвращению в страны исхода. Другой практикой в реализации миграционной политики может стать система иммиграционных баллов. К примеру, система иммиграционных баллов в Великобритании предусматривает начисление баллов для иммигрантов с целью снижения их общей численности и подбора наиболее квалифицированных трудовых ресурсов в той или иной сфере⁴⁷.

Быков И.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ PR И ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Глобальная эпидемия коронавирусной инфекции COVID-19, более известная как пандемия, вызвала большие изменения в государственном PR и механизмах государственного управления во всём мире. Россия не могла остаться в стороне от этой ситуации. Пандемия – это глобальный кризис, который требует четкой антикризисной коммуникации, которая, в свою очередь, осуществляется развитой системой государственного PR. Государственный PR как часть системы государственного управления обычно направлен на создание благоприятного коммуникационного пространства вокруг государственных институтов и обеспечение общественной поддержки принимаемым управленческим решениям. В последние годы в России принимались попытки внедрения системы KPI для оценки эффективности деятельности государственных органов. Среди главных показателей эффективности работы госорганов выделялись такие социальные показатели, как уровень доверия к деятельности институтов власти, одобрение деятельности президента, поддержка принимаемых решений и т. п. Очевидно, что в этой системе координат деятельность по связям с общественностью и освещению государственной политики в СМИ обретает важнейшее значение.

В начале 2020 года состоялось известное Послание президента Российской Федерации, в котором была поставлена задача внесения поправок в Конституцию и реформирования системы высшего управления государственного аппарата, что также повлекло за собой кадровые перестановки и формирование нового правительства. Также предполагалось, что 2020 год станет пространством патриотического объединения вокруг празднования 75-летней годовщины окончания Второй мировой войны. Однако, пандемия оказалась неожиданным и влиятельнейшим фактором, вызвавшим необходимость отмены массовых мероприятий весной 2020 года.

Реакция государственных структур на пандемию зачастую носила ситуативный характер и содержала целый ряд классических для кризисных ситуаций коммуникационных ошибок. Во-первых, неправильной является ситуация наличия двух штабов федерального уровня по борьбе с коронавирусом. Во-вторых, большой проблемой стала ситуация с оценкой числа заболевших и умерших от коронавируса. В-третьих, существовала и продолжает существовать ситуация противоречивых сигналов со стороны государственных лиц, порождающая ситуацию «когнитивного диссонанса» у граждан.

46. Pandemic to Redistribute International Student Flows // Consultancy.uk. 29.06.2020. URL: <https://www.consultancy.uk/news/24965/pandemic-to-redistribute-international-student-flows> (дата обращения: 26.08.2020).

47. Aranda C.R. New UK Migrant Control System is Priti-Good, But Trump's is Better // The Manila Times. 25.05.2020. URL: <https://www.manilatimes.net/2020/05/25/opinion/columnists/new-uk-migrant-control-system-is-priti-good-but-trumps-isbetter/726999> (дата обращения: 26.08.2020).

Как известно, Россия предпринимала значительные усилия по внедрению и развитию системы цифрового государственного управления. В нее входят такие комплексы, как сайт Госуслуг, сеть многофункциональных центров, городские коммуникационные платформы, порталы дистанционного образования и т. п. Пандемия сделала использование цифровых и дистанционных форм управления крайне актуальной и жизненно необходимой задачей. К сожалению, и здесь система оказалась неподготовленной к решению столь масштабных задач. Многочисленные сбои цифровых сервисов государственного управления добавили свою долю в общий бассейн негатива, что привело к падению уровня доверия к деятельности ключевых политических институтов во втором квартале 2020 г.

Однако, летом были предприняты некоторые усилия для выправления ситуации. Это и знаменитые выплаты на детей, и разработка вакцины, и поддержка внутреннего туризма, и ряд других мер. Как известно, Россия тратит значительные ресурсы на управление общественно-политическим информационным пространством, включая поддержку государственных СМИ и работу государственных пресс-служб. Некоторые исследователи (С. Гуриев и Д. Трейсман) указывают на то, что финансирование информационной элиты становится ключевым фактором стабильности режима. На наш взгляд, потребность в качественных государственных PR-коммуникациях в условиях существующего экономического кризиса будет только увеличиваться.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31361 «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации».

Вагина В.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Понятие «политический образ» является одним из ключевых в рамках политической психологии и формируется в результате восприятия массовым и индивидуальным сознанием политических объектов. Поскольку процесс политического восприятия происходит под влиянием ряда факторов, а сам образ включает в себя не только реальные характеристики политического объекта, но и не осознаваемые воспринимающим субъектом компоненты (Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. 2011. №2. С. 47-52), исследование категории «политический образ» нуждается в комплексном политико-психологическом анализе.

Необходимость формирования доверительных отношений и построения эффективной коммуникации в системе «власть-общество» (Жестков М.И. Политико-психологический анализ власти в современном политическом процессе Российской Федерации // Бизнес. Общество. Власть. 2011. №7. С.188-203) в современной России порождают потребность в изучении образов политических институтов, сформированных в массовом сознании граждан. Анализ этих образов дает нам возможность оценить сложившийся формат взаимоотношений между общественностью и властными институтами, оценить их эффективность и наметить ориентиры для совершенствования текущего коммуникационного процесса.

При исследовании образов властных институтов важно разграничивать такие понятия, как «образ» и «имидж», отличающимися друг от друга характером формирования: имидж специально конструируется и внедряется в массовое сознание, а образ складывается в массовом сознании спонтанно и, как правило, неосознанно. Подобный подход к анализу двух смежных категорий широко представлен в рамках отечественной научной политико-психологической мысли (Шестопап Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций, лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопап. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 8–24) и позволяет определить оптимальную модель для исследования образа государственного органа власти, позволяющую всесторонне рассмотреть представления граждан относительно данного политического института.

Правительство РФ является высшим органом исполнительной власти в нашей стране, эффективность и результативность его деятельности зависит не только от функциональной составляющей, но и во многом определяется степенью поддержки властного института со стороны граждан. За последние несколько состав Правительства РФ неоднократно менялся, что было связано не только с президентскими выборами 2018 года и ротационными процессами, но и коррупционными скандалами вокруг фигур федеральных министров. Помимо названных ранее событий, вторым правительством Д.А. Медведева (2018–2020 гг.) был проведен комплекс непопулярных реформ, которые не только не получили поддержки со стороны общественности, но и спровоцировали ряд протестных акций, а 15 января 2020 года Президент отправил правительство Д.А. Медведева в отставку в полном составе. Поскольку политические образы являются не статичными по своей природе, а динамичными структурами, актуальным представляется вопрос исследования образа Правительства РФ, учитывая событийный контекст и темпоральный фактор.

Следует отметить, что уровень доверия ко второму правительству Д.А. Медведева (2018–2020 гг.) в целом был выше, чем уровень доверия к премьер-министру. Однако, начиная с июня 2020 года, российские социологические центры фиксируют обратную тенденцию: уровень доверия со стороны граждан к действующему председателю правительства М.В. Мишустину выше, чем уровень доверия к возглавляемому им правительству⁴⁸. Данное наблюдение подчеркивает важность учета личностного фактора при анализе образа Председателя Правительства РФ и Правительства РФ в целом, сложившиеся в массовом сознании российских граждан.

Можно заключить, что в настоящее время граждане ожидают от Правительства РФ, как властного института, успешной реализации реформ, направленных на улучшение жизни народа, при этом важным моментом является соответствие проводимых реформ ожиданиям и потребностям граждан, а также последовательность, планомерность и непротиворечивость в реализации высшим органом исполнительной власти решений.

Ваславский Я.И. (Москва, МГИМО МИД России)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЫБОР: КОНТУРЫ ПОСТ-КОРОНАВИРУСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

1. Пандемия коронавируса вызвала серьезный социетальный кризис в странах мира, сопровождаемой глубокой экономической рецессией. Национальные государства оказались неспособными купировать экспоненциальный рост распространения инфекции. Политическим ноу-хау стало введение режима локдаунов, которые фактически остановили экономику и разорвали непосредственные социальные контакты граждан. Такие действия правительств стран мира оказались беспрецедентными за всю историю человечества. Экспертное сообщество столкнулось с необходимостью задуматься о посткоронавирусном будущем. Важнейшим вопросом, требующим глубокого переосмысления, становится роль государства в структурировании реальности «пост-COVID-19».

2. Теоретическое понимание функций государства в неопределенном будущем не может обойтись без возврата к проблеме неэффективности («провалов» – failures) государства в «доковидном» периоде. Речь идет о неадекватном, по Р. Масгрейву, распределении ресурсов между важнейшими функциями государства. Пандемия свела их к двум приоритетным, которые эксперты Boston Consulting Group охарактеризовали как «эпиномика»: 1) улучшение эпидемиологической обстановки в странах и 2) «запуск» (reopening) национальных экономик. Фискальная проблема роста бюджетных дефицитов практически всех стран мира в 2020 г. осталась важнейшей при сокращающемся ВВП, но была замещена проблемой негативной социальной реакции граждан на действия своих правительств. Причина неэффективности государства и до COVID-19, и в период усиления волны его распространения

48. ВЦИОМ. Деятельность государственных институтов: сайт.[2019]. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov (дата последнего обращения 27.08.2020 г.)

перевела проблему функций государства из плоскости экономики в социальную плоскость. Разрушенная социетальная целостность, как результат чрезвычайных режимов локдаунов, не позволит никакому государству поднять экономику и построить благоприятное «постковидное» будущее.

3. Главным вопросом являются действия государства по восстановлению социетальной целостности национальных сообществ. Фискальные инструменты теряют эффективность, они не в состоянии вернуть многим гражданам социальный статус, сократить поляризацию общества и безработицу, увеличить долю среднего класса. Эта ситуация привела к попыткам переосмысления основ доминирующей в мире экономической системы с капиталом в качестве ее драйвера.

4. Выкристаллизовался общественный запрос на государство и его функции, которые не позволили предотвратить многочисленные кризисы, вызванные пандемией. Несколько лет назад ООН озвучила модель «human-first», которая должна предопределять реализацию 17 целей устойчивого развития (Sustainable Development Goals) к 2030 г. В 2019 г. К. Шваб связал 4-ю технологическую революцию с возвратом «человеческого человеку». В 2020 г. эксперты Boston Consulting Group, МВФ, McKinsey Global Institute, World Economic Forum и др. стали обсуждать качество инклюзивности и формирования “trust economy” в связи со структурированием неопределенного будущего. Во всех этих терминах содержится рациональное зерно, поскольку общество с капиталоцентризмом выпестовало государство, которое вряд ли в сложившемся виде сможет справиться с формированием постковидного будущего, предотвратить последствия возможной второй волны коронавирусной, другой опасной для человека инфекции с помощью тех инструментов, которыми оно активно пользовалось еще в 2019 г.

5. Важна для восстановления социетальной целостности нацеленность на механизм адекватной институционализации социальных взаимосвязей, а не экономического обмена и приоритетного использования механизма наказания.

6. Неадекватное агрегирование общественного выбора государством происходит по причине расхождения индивидуальных ценностей граждан, общества и государства. В чрезвычайной ситуации государство достаточно быстро потеряло доверие граждан, которые стали негативно оценивать его способность справиться с кризисами, вызванными коронавирусной инфекцией. Еще в 2005 г. Для Д. Норта все экономические изменения связаны с модификацией формальных институтов. События 2020 г. подтверждают это, поскольку именно формальные институты в руках государства предопределяют социетальную целостность и качество агрегирования общественного выбора.

7. Экспериментальной базой, позволяющей государству апробировать формальные институты, приемлемые для структурирования новой реальности после COVID-19, является практика расширения организационных форм государственно-частного партнерства. ГЧП представляет значимый уровень социально-экономической системы; объединяет ценности и приоритеты государства и общества в лице частных компаний и занятых в них граждан; реализуется в капиталоемких общественно-значимых проектах, строится на взаимной выгоде и увеличивает общественное благосостояние. Специфицируя отношения партнеров по ГЧП, формальные институты сближают предпочтения участников и восстанавливают социетальную целостность. Кроме того, ГЧП позволяет государству более адекватно агрегировать общественный выбор в социуме.

Васьков И.С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГУМАНИЗАЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Современные условия технического развития оказывают существенное давление на публичную политику, создавая принципиально новые вызовы для государственного управления. Данный тезис прежде всего касается тех аспектов политического процесса, которые находились и находятся за границами прямого взаимодействия правительства и граждан, поскольку в местах соприкосновения

публичного и частного уже созданы устойчивые аналого-цифровые системы. В частности, одними из таких «удаленных» сфер являются национальная и, в меньшей степени, гражданская безопасности.

Гуманизация безопасности в международном праве начала обеспечиваться теорией Human security, разработанной в 1960х для более детального разграничения понятия безопасности и выделения целевых групп, как то политика, военное дело, экология, культура и социальное обеспечение. Последующее переосмысление и корректировка подхода в период постмодерна сделало возможным убрать государство из категории защищаемого объекта, заместив его человеком, а сама безопасность стала пониматься в категориях развития потенциала. Однако, до сих пор остается вопрос о реальной роли индивида и общества в процессе детерминации повестки безопасности.

Частично этот вопрос снимается Копенгагенской школой Бузана и Вивера (1990-е гг.), согласно которой определение угроз, а следовательно, и сама повестка безопасности, является прерогативой отдельных лиц или организаций/сообществ. Иными словами, безопасность становится инструментом приобретения власти и легитимности. Собственно процесс легитимации принимаемых решений, которые требуют экстремальных затрат ресурсов и усилий авторами и называется секьюритизацией. Бузан и Вивер подразумевали здесь политические элиты, однако, мною предлагается расширить круг инициаторов секьюритизации до соразмерного всем участникам политического действия. Исходя из наиболее широкой трактовки политического участия как вовлеченности в политический процесс, данное ван Детом (van Deth) в 2017 г., а так же ссылаясь на теории, описывающие процесс принятия решений (policy lifecycle и policy window), можно утверждать, что помимо элит право на секьюритизирующий акт принадлежит экспертам, гражданскому обществу и публичным (медийным, как принято говорить) личностям. Иными словами, безопасность концептуально может и должна быть обсуждаема. В частности, этому способствует текущий уровень развития ИКТ, создающий мультипоточный информационный фон, предоставляющий детальные и всесторонние данные, требующие минимальных квалификационных навыков анализа.

Не смотря на перспективы секьюритизации как практики, вопрос о вовлечении граждан в безопасность в современной политологии остается не до конца раскрытым. Главной причиной этому является отсутствие понимания целей и причин вовлечения граждан. Потенциальный ответ на этот вопрос может дать теория (цифровой) гражданской бдительности в толковании Тротье (Trottier, 2019) и команды Университета Эразма в Роттердаме. Согласно автору, гражданская бдительность, являясь изначально предметом криминологии, в политическом измерении становится проявлением возмущения социальной несправедливостью и стремится актуализироваться вне правового поля, движимое преимущественно ценностными установками. Особое место здесь занимают спонтанные сетевые структуры, формирующиеся вокруг информационного повода лавинообразными темпами (травля публичного лица, местный эко-протест, цифровой самосуд и т.п.). Будучи подвержены в последующем координации, такие сети становятся источником и опорой гражданской секьюритизации.

Важно еще отметить обратную сторону секьюритизации, которая суть противоположный по вектору движения процесс (десекуритизация). Беря в расчёт противоречивость выдвигаемых инициатив в публичной политике и особенности гражданской бдительности, стоит заметить, что, при образовании в данной конфигурации противоречия, возникает серьезный конфликтогенез, обостряющийся с ростом чувства несправедливости в обществе.

Принимая во внимание вышесказанное, а также спад насилия как в международной сфере, так и в протестной активности внутри стран, можно предполагать, что политика безопасности станет таким же предметом обсуждения, как публичная политика, покинув зону «табу» на дискуссии.

Веретевская А.В. (Москва, МГИМО МИД России)

СИСТЕМНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ С МИРОВЫМИ КРИЗИСАМИ: ЧТО МОГУТ И ЧЕГО НЕ МОГУТ СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА

С точки зрения политической эволюции, современное государство (также именуемое модерным государством, национальным государством или государством-нацией) — наиболее развитая из крупных политических систем.

Национализм (понимаемый в данном случае как государственная идеология) оказался крайне эффективен в качестве основания для экономической, политической, социальной мобилизации общества. Опираясь на идеи теории общественного договора, эта идеология оказывается способной эффективно «связывать» государство и общество: при необходимости государство быстро «закрывается» вокруг тех, кто имеет с ним «договор», то есть своих граждан, быстро максимизирует их потенциал и другие ресурсы. Благодаря своей «договорной» природе, современное государство пользуется недостижимым, как для более ранних форм политических систем, так и для современных «наднациональных» конструкций, уровнем легитимности. Способность к мобилизации – производная от этой легитимности и, по совместительству — главная составляющая любой стратегии ответа на внешний вызов со стороны современных государств.

Обратная сторона национализма – обязательное разделение людей на тех, кто имеет значение (потому что они сторона в общественном договоре) и всех остальных (которым данное конкретное государство особенно ничего не должно). Долгое время этот национализм задавал символические политические рамки для мировой капиталистической экономики, однако, по иронии судьбы, он мало что может предложить в условиях глобализированного мира, который эта экономика создала. «Частные» экономические, политические, социальные, экологические и все остальные проблемы отдельных государств в таком мире все чаще становятся общими... Однако современное государство, какой бы ни был вызов, дает на него всегда только один ответ: мобилизацию и попытки разобраться с проблемой в частном порядке. Это системный недостаток этой политической формы. Современные проблемы очевидно требуют другого подхода.

Понятно, что решение следует искать на наднациональном уровне. Однако так называемые институты мирового правительства (такие как всемирный банк, большая восьмерка и даже ООН) его предложить не могут. Из-за национальной природы представительства, которое к тому же не всегда справедливо в глазах многих людей, эти институты не могут конкурировать в легитимности с современными государствами. Похоже, что мы находимся очень близко к возникновению принципиально иного мирового порядка, которому придется быть более справедливым, более инклюзивным и, по всей видимости, менее материалистическим, чем предыдущий. Если еще пять лет назад он кому-то казался идеалистической мечтой, а кому-то утопическим кошмаром, то сегодня он приобрел черты неизбежности.

Ветренко И.А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАТА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ВЫБОРАХ В РЕГИОНАХ РОССИИ В 2020 ГОДУ

13 сентября 2020 г. в единый день голосования прошли региональные и муниципальные выборы в 83 субъектах России. Более 170 тысяч кандидатов боролись за 78 тысяч мандатов. Электоральный цикл 2020 г. подтвердил намерения Кремля изменить партийный ландшафт нашей страны. В прошедшей

кампании было много самовыдвиженцев. Например, на выборах губернаторов в 18 регионах таковых насчитывалось 30 человек. Далеко не все из них прошли регистрацию, но возможность участвовать в выборах глав регионов не от партии, а в качестве самовыдвиженцев оказалась востребованной. Во всех выборах 13 сентября участвовало около 40 тыс. самовыдвиженцев и 130 тыс. представителей партий.

«Единая Россия» в силу различных обстоятельств постаралась «уйти в тень»: от «партии власти» на важные позиции в основном пошли самовыдвиженцы. Доминирующая партия не смогла на этих выборах предложить новую повестку дня. После возвращения Крыма в состав России эксперты несколько лет отмечали влияние «крымского консенсуса» на результаты голосования, что было особенно заметно на выборах федерального уровня и аффилировано это было с «Единой Россией». В настоящее время влияние этого фактора сошло практически на нет; оно проявляется явно лишь в Крыму и Севастополе при голосованиях, связанных прямо или косвенно с президентом или его инициативами.

Первый важный рубеж, которой должны были преодолеть непарламентские и новые партии, это процесс регистрации; последние для участия на выборах всех уровней шли через процедуру сбора подписей. Результаты этого этапа следующие: у «Новых людей» зарегистрировано всего 275 человек из 422 заявленных, у партии «За правду» 389 из 423-х, у партии «Яблоко» из 163 заявленных только 22. Неплохой показатель у партии «Роста» (зарегистрировано 207 из 218). От «Коммунистов России» выдвинуто 626 кандидатов, зарегистрировали 192, у партии «Родина» соответствующие показатели 435 и 344. Совсем немного кандидатов зарегистрировали от КПСС (143 кандидата), «Зеленой Альтернативы» (79), партии «Прямой демократии» (169 кандидатов). Кандидаты от 9 партий получили отказ по всей стране.

У старых парламентских партий результаты лучше: «Справедливая Россия» — 683 зарегистрированных кандидатов, у КПРФ — 645, у ЛДПР — 628, у «Единой России» — 793 зарегистрированных кандидатов из 795 заявленных.

Среди новых участвовавших в выборах новых партий выделяются «технологические» проекты («Партия прямой демократии» во главе с одним из создателей World of Tanks Вячеславом Макаровым), «Новые люди» бизнесмена Алексея Нечаева и «Зеленая альтернатива» Руслана Хвостова). Но были и партии, претендующие на идеологичность и идейность, к таким можно отнести Политическую партию «За правду» Захара Прилепина.

Лучший результат среди новых политических организаций показала партия «Новые люди». Ее основатель Алексей Нечаев на пресс-конференции в Москве 14 сентября сообщил, что партия прошла во все региональные заксобранья, в которых были выставлены ее кандидаты: в Новосибирской, Калужской, Рязанской и Костромской областях. Блестящий результат, по мнению Нечаева, был достигнут в кампании по выборам гордумы Томска, где удалось набрать более 15% голосов. Еще одна новая партия этой избирательной кампании, «За правду», смогла преодолеть 5%-й барьер в родной для ее лидера писателя Захара Прилепина Рязанской области. Партия набрала на выборах в областную Думу 7,03% голосов. Третья новая партия, которая получила региональных представителей, это «Зеленая альтернатива». Партия, созданная выходцем из движения «Местные» Русланом Хвостовым, участвовала в кампаниях в двух регионах: в Республике Коми и Челябинской области. В обоих регионах «Зеленая альтернатива» получила по одному мандату. Эти три партии получили льготу: им не нужно будет собирать подписи для участия в выборах в Госдуму в следующем году. Председатель ЦИК Элла Памфилова сообщила 14 сентября, что по итогам прошедших выборов список партий, которые смогут участвовать в выборах в Госдуму без сбора подписей избирателей, расширился благодаря новым партиям с 13 до 16.

Итак, что новым «технологическим» партиям удалось пройти в региональные парламенты за счет всеохватного маркетингового продвижения и больших финансовых затрат, а идеологическим партиям таким, как «За правду» сделать это оказалось гораздо сложнее, поскольку донести свою идеологию, как стройную систему политических взглядов, за один электоральный цикл просто невозможно. Однако социологический срез полученных результатов демонстрирует, что партии с идеологией точно определили свои ключевые электоральные группы, из которого можно формировать ядро электората, что недоступно технологическим партиям.

Викулина С.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ VII СОЗЫВА

На сегодняшний день мы наблюдаем тенденцию омоложения российских политических лидеров: на управленческие посты приходит все больше молодежи в возрасте до 35-40 лет, среди которых есть уже зарекомендовавшие себя губернаторы, министры и депутаты. Парламентария в силу особого набора ролевых обязательств и функций в политической системе отличают повышенные требования к взаимодействию с населением и высокая степень публичности. Для того, чтобы управление государством происходило особенно эффективно в законодательной ее части, необходимо понимать, что из себя представляют те, кто входят в эту ветвь власти.

В ходе исследования при использовании методов биографического анализа, кейс-стадис, контент-анализа и наблюдения нами были проанализированы личности 31 молодого депутата Государственной Думы VII созыва в возрасте до 35 лет на предмет соответствия их личностно-профессиональных особенностей выполняемой ими политической роли. Полученные сведения позволили нам прийти к следующим выводам.

1. Преимущество молодого поколения депутатов Государственной Думы перед более старшим поколением – это, в первую очередь, возраст. В современном мире, отличающемся высокой динамикой изменений, молодое поколение депутатов проявляет большую гибкость ума, они способны быстрее ориентироваться в изменяющемся пространстве и их подход к государственному управлению соответствует современным тенденциям. Однако, в силу их возраста, их отличает также недостаточный жизненный опыт, что порой мешает им по причине отсутствия определенных жизненных знаний.

2. У молодых лидеров-законодателей в их деятельности преобладают мотивы достижений и власти, при этом наименее всего развит мотив аффилиации. Превалирующие мотивы указывают на целеустремленность молодых депутатов в выбранных приоритетах, подчеркивают высокие амбиции и лидерские качества. В то же время недостаток мотива аффилиации затрудняет выстраивание эффективных командных отношений, что может приводить к конфликтным ситуациям, поскольку чрезмерная ориентация на самого себя и выраженный индивидуализм способны привести к провалу всю политическую систему, если не будут выстроены здоровые партнерские отношения между самими депутатами, а также депутатами и населением.

3. Большинство проанализированных нами молодых депутатов являются «прагматиками с заниженной самооценкой и высокой сложностью Я-концепции» – это самый эффективный тип Я-концепции по Зиллеру. Такие люди способны корректировать свое поведение и менять векторы, основываясь на получении обратной связи от старших менторов и народа, избравшего их. Такое «подстраивание», желание соответствовать ожиданиям и доказать свою эффективность позитивно сказывается на карьере молодых парламентариев. Недовольство собой является у них движущей силой для взятия новых вершин – они берутся за дело с большой самоотдачей и стремлением привнести в общество что-то полезное.

4. Среди молодого поколения депутатского корпуса по типу политического лидера преобладают «агитаторы» и «администраторы». Они способны произносить воодушевляющие речи и вести за собой, ответственно подходят к выполнению своих обязанностей, что является крайне важными чертами для депутата. При этом в неопределенной ситуации ввиду нехватки теоретических знаний они не способны действовать самостоятельно, и нуждаются в крепкой путеводной руке высшего руководителя. Возможно, для такого государства как Россия, в котором роль Президента первостепенна, такое положение дел в депутатском корпусе является приемлемым и соответствует необходимым тенденциям.

Таким образом, по результатам проведенного исследования стали понятны основные проблемные места в процессе рекрутирования молодых политических лидеров. Молодым и амбициозным парламентариям для эффективного управления государством не хватает жизненного опыта, а значит, необходимо усилить менторство – работу старших с представителями молодого поколения для передачи опыта. Следует отметить, что менторами могут быть не только старшие и более опытные депутаты, но и специально обученные специалисты – политические психологи и консультанты. Они могут помочь профессиональному становлению молодых депутатов с учетом их личностных характеристик, что позволит развить их лидерский потенциал и поможет достичь успехов в сфере управления государством и принятия эффективных управленческих и законодательных решений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

Виноградова Н.С. (Москва, МГУТУ)

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ СТРАН

Образ страны, формируемый в сознании граждан, напрямую зависит от действий политических акторов и публикаций о них в СМИ, которые информируют население. Действия политических акторов как внутри страны, так и за рубежом дают возможность формировать образ страны в сознании граждан. Сообщения СМИ, которые описывают событийный ряд, интерпретируя происходящее, оказывают влияние на восприятие как самой страны, так и других стран. Современное восприятие гражданами образа страны во многом зависит от способов, методов подачи и интерпретации сообщений СМИ. При этом, хотя СМИ не являются единственным каналом формирования политических представлений у граждан, динамика развития политических представлений напрямую связана со СМИ.

Коммуникативный фактор играет одну из ключевых ролей в процессе формирования образа страны в сознании граждан. СМИ, наравне с другими агентами и факторами, например, такими как политическая социализация, являются посредниками в процессе формирования у граждан представлений о происходящих политических процессах. Коммуникационный фактор восприятия – это элемент факторной модели политического восприятия наравне с объектным, субъектным, темпоральным и пространственным факторами.

Коммуникативный фактор связан с объектным фактором, так как политический контекст является фоном, на котором происходит восприятие и информационное отражение политического поля. Основными акторами объектного фактора являются власть, партии, государство.

Политическая культура и событийный контекст оказывают влияние на восприятие гражданами образа России. Политическая культура выступает, как устойчивый фактор, а событийный контекст – как изменчивый фактор. При формировании сообщения используются как события, так и культура.

Пространственный фактор восприятия находит отражение в коммуникационном факторе через образ территорий, в том числе через брендинг. Брендинг территорий рассматривается как на локальном, так и на глобальном уровне. Существует большое количество моделей и подходов к анализу брендинга на уровне государства, в данном исследовании рассмотрим два подхода: модель «капитала бренда государства» К. Динни (Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / Под ред. Кейта Динни; пер. с англ. В. Сечной. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.) и концепция бренда на основе конкурентной идентичности С. Анхольта (Анхольт С. Брендинг: дорога к мировому рынку / Симон Анхольт; пер. с англ. Ю. В. Алабина. - М. : КУДИЦ-ОБРАЗ, 2004. 270 с.).

Прямое воздействие коммуникативного фактора ориентировано на субъектный фактор, то есть на граждан РФ. При рассмотрении роли коммуникационного фактора в процессе формирования образа России в сознании граждан, становится ясно, что СМИ реализуют функцию наблюдателя и участника

политического процесса через *установление повестки дня*, то есть через создание и поддержание представления о том, что в данный момент является важным и чему следует уделять особое внимание, в результате выделяя важное, формируется тот или иной образ страны.

С развитием сети Интернет и системы анализа больших данных (Big Data)⁴⁹ возникла новая система коммуникации между обществом и политической сферой, основанная на выстраивании индивидуальной новостной картины (повестки дня) для каждого пользователя индивидуально.

В результате, восприятие страны гражданами зависит от действий политических акторов, интерпретации этих действий СМИ, уровня политической культуры, политической социализации, стереотипов и др. аспектов. Важно отметить роль коммуникативный фактора, который наравне с такими факторами как объектным, субъектным, темпоральным и пространственным факторами оказывает влияние на восприятие. Коммуникационный фактор взаимосвязан со всеми факторами.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-011-01138А «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».

*Виноградова Т.И. (Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики),
Дмитриева А.Е. (НИУ ВШЭ)*

ПРАКТИКА ПАРТИСИПАТОРНОГО И ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В МИРЕ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В конце XX века ряд демократических стран столкнулся с «кризисом репрезентативности». Государства более не могли удовлетворять все нужды граждан, а потому были вынуждены искать новые механизмы управления, включая инструменты работы с бюджетом. Как следствие, появлялись демократические инновации, например, партисипаторное бюджетирование, партисипаторное планирование городского пространства и пр. В настоящее время партисипаторное бюджетирование (ПБ) и иные механизмы гражданского вовлечения широко применяются в мире, включая Россию. Настоящий доклад посвящен анализу практик гражданского вовлечения в бюджетные процессы в России и в мире.

Цель доклада - определение идеи партисипаторного бюджетирования, с позиции зарубежных и российских исследователей и практиков, а также нахождение схожих черт и различий в их понимании. Для анализа выполнены следующие задачи:

1. рассмотрен исторический контекст, повлекший за собой появление ПБ, а именно зарождение идеи делиберативной демократии;
2. проанализирован первый опыт внедрения ПБ в городское управление и опыт стран, вскоре принявших этот инструмент;
3. прослежено появление интереса к мировой делиберативной тенденции у СССР времен «перестройки» и в первое десятилетие после развала СССР;
4. рассмотрен современный международный опыт использования ПБ при работе с городским бюджетом;
5. оценена степень схожести понимания ключевых идей ПБ у российских и иностранных экспертов;
6. выявлены особенности развития ПБ в современной России.

Актуальность этого доклада заключается в видимых и перманентных экспериментах Российской Федерации с механизмами гражданского вовлечения в различных своих субъектах. Эти попытки предпринимаются больше 20 лет. Некоторые прерываются, не успев принести результат, а некоторые вырастают в крупные проекты. Так, например, в Санкт-Петербурге с 2016 года набирает популярность

49. Более подробно о больших данных см. , напр.: McKinsey «Big data» refers to datasets whose size is beyond the ability of typical database software tools to capture, store, manage, and analyze, 2011 ; Черняк Л. Большие данные - новая теория и практика//Открытые системы, 2011, №10 URL: <https://www.osp.ru/os/2011/10/13010990> (дата обращения 12.04.20)

проект “Твой Бюджет”, в Тульской области на муниципальном уровне действует проект “Народный бюджет” и т.д. Таким образом, объектом доклада является инструмент ПБ с нарастающей популярностью.

В докладе проводится анализ точек соприкосновения и различий в реализуемых проектах, в целях применения ПБ в России и других странах. Например, большинство европейских стран использует гражданское вовлечение в бюджетный процесс для обеспечения эффективной работы городских администраций. В то же время субъекты РФ, судя по многочисленным протоколам слушаний, ставят своей целью повышение финансовой грамотности среди населения. Несмотря на разные цели, российские и международные проекты использует один механизм, что, по нашему мнению, говорит о внимательном изучении зарубежного опыта Россией. Отдельное внимание уделяется истории партисипаторного бюджетирования в мире, а также истории формирования этих механизмов в России. Оценивается эффективность работы этих механизмов, и выявляются актуальные проблемы в реализации.

В рамках исследования был проанализирован массив научных статей и аналитических отчетов, где обнаружилась проблема разграничения понятий партисипаторного и инициативного бюджетирования (ИБ). Исследования партисипаторных практик разделяются на две категории. Статьи первой категории называют ПБ и ИБ двумя разными механизмами, в то время как исследования второй категории (подавляющее число статей на эту тему) применяют ПБ и ИБ как синонимы друг другу. Это открывает путь для дальнейших исследований и анализа необходимости разграничения двух данных делиберативных практик.

Из всего вышеперечисленного можно сделать следующие *выводы*:

1. По данным Атласа партисипаторного бюджетирования в 2019 году в мире насчитывалось около 11000 практик этого механизма. В России с 2018 года более 50 субъектов регулярно используют ИБ. Однако обе эти практики сталкиваются с рядом проблем: неготовность городских администраций выделять на согласование с гражданами крупные суммы из бюджета (чаще всего на ИБ и ПБ выделяется 1% и меньше), недостаточная репрезентативность и инклюзивность процессов, пр.
2. В России отсутствует конкретная законодательная база, что приводит к нехватке рычагов контроля и распространения практики по регионам. При этом Россия продолжает перенимать механизмы гражданского вовлечения, например, партисипаторное планирование городской среды, которым также грозит столкнуться с трудностями контроля и популяризации.
3. Основными условиями для эффективного функционирования института являются: популяризация этого процесса как среди жителей, так и среди органов местной власти; инклюзивность бюджетного процесса или открытость к участию всех групп населения; активное взаимодействие с независимыми экспертными сообществами, их задействованность в образовательных секциях для жителей; отсутствие фальсификаций на голосовании по бюджетному плану; отсутствие давления и контроля со стороны органов власти, нацеленного на выбор жителями определенных проектов.

Витковская Т.Б. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)

МОДЕЛИ СУБНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В Российской Федерации в современный период процессы регионализации шли наиболее активно в 1990-е годы, когда в ряде регионов формировалась и кристаллизовалась региональная субъектность. В настоящее время регионализм проявляет себя не в каждом российском регионе, и не так четко и ярко, как два десятилетия назад. При этом проявления регионализма варьируются по регионам, что позволило на основе проведенного исследования выделить три современные модели субнационального регионализма.

Модель регионализма, которая складывается в регионе, определяется основными характеристиками как символического пространства (прежде всего, силой региональной идентичности), так и политического пространства (в первую очередь, политическим курсом действующей региональной власти).

Первая модель – т.н. «низовой регионализм», или «регионализм снизу». Низовой регионализм формируется без участия и без поддержки (и в отдельных случаях – при противодействии) региональной власти. Данная модель регионализма складывается в условиях, когда действующая региональная власть не видит возможностей инструментально использовать регионалистский дискурс, либо опасается обращаться к тематике регионализма, которая может быть ассоциирована с темами сепаратизма или национализма. Необходимым условием складывания регионализма «снизу» является спонтанная активность на низовом уровне, такая как творчество местных интеллектуалов, деятельность общественных активистов или самоорганизация локальных сообществ, которая формирует и культивирует регионалистский дискурс. Регионализм «снизу» отталкивается от идеи специфики (определяющей региональную идентичность) или инаковости (противопоставляющей регион центру) и укоренен в региональном сообществе.

Вторая модель – «властный регионализм». В рамках данной модели региональная власть артикулирует региональные интересы (которые носители власти могут дополнять или подменять персональными или корпоративными интересами) и отстаивает их внутри и за пределами региона. Условием складывания данной модели является относительная самостоятельность и ресурсная обеспеченность региональной власти, которая позволяет ей исполнять роль не только транслятора, но и защитника региональных интересов. Региональная идентичность, которая выступает прочной основой регионализма, не может быть создана политической волей действующей региональной власти. Модель властного регионализма предполагает, что региональная власть поддержала и усилила регионалистские импульсы «снизу».

Третья модель – «имитационный регионализм». Данная модель складывается в условиях, когда регионализм не укоренен в местном сообществе (или в современное время не значим для самоопределения местного сообщества), но культивируется действующей региональной властью. Без поддержки «снизу» регионализм остается искусственным конструктом, однако может быть использован инструментально и показывает себя как достаточно эффективный инструмент. Например, регионалистская риторика может быть задействована в предвыборной кампании при переизбрании губернатора-инкумбента, или в пиар-кампании для легитимации назначенного губернатора-«варяга». Модель имитационного регионализма возможна, когда регионалистская риторика звучит «сверху», но находит отклик на низовом уровне, резонируя с отдельными ценностями и текущими интересами регионального сообщества.

В докладе на различных примерах будет продемонстрирована специфика каждой модели и указаны факторы, обуславливающие ее формирование.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Водолазов Г.Г. (Москва, МГИМО МИД России)

«РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ» КАК ИДЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА

1. Мировая и российская ситуации сегодня – на грани. У черты перехода от в значительной степени исчерпанных прежних форм социальной и политической жизни к ее новым формам (что требует нового осмысления и новых теоретических решений).

2. Если говорить о мировой ситуации – то здесь человечество у черты перехода: от прежних форм социальной жизни к ее новым формам, от прежних форм мышления и идеологических парадигм к новым.

Сегодня человечество у черты перехода:

- от истории локального развития стран и цивилизаций к их сложно-противоречивому взаимодействию в рамках глобализации; у черты превращения мировой истории из суммы историй отдельных стран к подлинно всемирной истории; когда во многом по-новому ставится проблема о соотношении национальных государственных суверенитетов и глобальных общечеловеческих императивов;
- от ситуации миро-человеческого бессмертия к ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало смертным (т.е. способным уничтожить самое себя);
- от исчерпавшего свой потенциал развития классического капитализма (на Западе) к некоему новому обществу, сущность которого и название которого пока довольно туманно именуют «информационным» или «постиндустриальным» обществом;
- от общественной системы, именованной в СССР «реальным социализмом» (с подлинным социализмом не имевшей, впрочем, ничего общего и бывшей на деле государственно-бюрократической формацией, трансформировавшейся затем в некую разновидность олигархического капитализма), к новому типу общественных отношений, в возможной (и желательной) перспективе – к Новому, гуманному, демократическому обществу, Обществу «реального гуманизма»;
- от ограниченного «узко-социального» мышления к «ноосферному» мышлению;
- от антагонизма либеральной и социалистической идеологий к их сближению и конвергенции;
- от понимания прогресса как «развития материальных, производительных сил» человечества к пониманию прогресса как процесса снятия «отчуждения», как процесса «очеловечивания» мира и человека, как процесса освоения («присвоения») каждым индивидом всего богатства человеческой сущности.

3. Речь, по сути, идет о рождении принципиально нового субъекта мировой истории и о возникновении нового мира, в котором этому субъекту предстоит действовать. Действовать, естественно, по-новому, формулируя новые цели и новые идеалы, определяя новые средства их достижения. И в силу этого на место прежних мировоззренческих установок должно прийти новое мировоззрение, основным императив которого можно сформулировать так: «Очеловечивание Человека и Среды его обитания». «Очеловечивание» — что, в переводе на латинизированную терминологию современной мировой социально-политической теории, означает не что иное, как «гуманизация». И, стало быть, мировоззрение, провозглашающее в качестве главной задачи «очеловечивание» (читай – «гуманизацию») должно быть по праву названо Гуманизмом. Добавим только – новым гуманизмом (дабы отличить его от гуманизма «старого», традиционного). А основанная на этом мировоззрении стратегия преобразовательных действий, формулирующая цели деятельности современного Человека (что составляет содержание такого явления, как Идеология), может быть названа идеологией реального гуманизма.

Этим мировоззренческо-идеологическим принципам суждено поглотить и растворить в себе все великие идеологические концепции прошлого, и среди них, что особенно важно подчеркнуть, - идеологии, под знаком которых, в противоборстве которых прошли несколько последних столетий, - идеологии либерализма и социализма. Процесс этот пойдет, по-видимому, через сближение, сопряжение, взаимопроникновение, конвергенцию этих великих (в прошлом) идеологий и завершится их преодолением, их «снятием» (употребим этот, богатый содержанием, гегелевско-марксовский термин) в лоне идеологии нового (реального) гуманизма.

4. И в этом контексте – и переходный, переломный характер российского социального бытия, которое, вобрав в себя всю проблематику мирового развития, дополнило ее своей национальной спецификой: Россия – на переходе от прежних социальных и политических структур XX столетия, структур социалистической направленности, а с 90-х годов – либерального типа, к структурам принципиально нового типа, требующим своего уяснения, нового понимания взаимоотношения социалистических и либеральных ценностей;

5. Осмысление всего этого требует новых идеологических подходов, совокупность которых я бы назвал идеологией «реального гуманизма».

Волков В.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНИНА

Современный период развития политической системы России характеризуется направленностью на политическую стабильность. Стабильность выступает главной ценностью начала двадцать первого столетия после хаоса предшествующих девяностых годов. Совместить стабильность и развитие в политической жизни является сверхсложной задачей для многих государств и политических систем. Сложность здесь заключается в нахождении баланса в отношениях государства и гражданского общества. И первое, и второе имеют свою сложную уникальную конфигурацию в конкретной политической системе и в определенный период времени. Государственная политическая власть формируется посредством институтов представительства, начиная от главы государства и заканчивая парламентами регионального уровня. Гражданское общество в качестве политического института актуализирует себя через активное политическое участие самых разных политических субъектов от отдельных граждан до разнообразных ассоциаций.

Институты политической репрезентации среди своих многочисленных целей и функций имеют цель деполитизации гражданского общества. Граждане делегируют решение важных политических вопросов лицам, претендующим на политическую компетентность. Достижение стабильности и политического развития тем успешнее, чем более результативнее осуществляется этот процесс. С другой стороны, легитимация политического режима требует как можно более широкого участия граждан в политических кампаниях по выборам в органы власти. Следствием этого вовлечения граждан в избирательные процессы является их политизация и участие в политических процессах, выходящих за рамки избирательных кампаний. Развитие разного рода инициатив становятся угрозой политической стабильности. Таким образом возникает замкнутый круг. Политическое участие и политическая репрезентация в практике и теоретически отрицают друг друга.

Политическая репрезентация является продуктом либеральной идеологии. Парламент является институтом, защищающим интересы гражданина-индивида-собственника. В XX в. парламент превращается в постоянно действующий национальный клуб, реагирующий на потребности общества в законодательном регулировании и контроле над исполнительной властью. Депутаты представляют интересы политических партий, но не всего народа. Понятие гражданина в этом контексте фиксирует данность принадлежности человека к нации, обладание гражданством. Понятие гражданина соотносится с данностью в юридической сфере. С другой стороны, всеобщее избирательное право рождает массовую демократию, и народ становится носителем суверенитета. Демократия опирается на гомогенность воли народа. Демократия, стремящаяся к идентичности управляющих и управляемых, сталкивается с парламентом, порождая кризис того и другого. Народ состоит из равных граждан. И здесь гражданин выступает как «человек демократический». Гражданское общество как политический институт и гражданин по самому контексту выступают как противоположность и оппозиция государству, тем самым порождая угрозу стабильности и развитию. В основе такого парадокса лежит стремление развести практики стабильности и политической борьбы. Политической стабильности в государстве можно добиться если сделать гражданина имманентной целью государственности, которая заключается в культивировании гражданственности гражданина. В основании проблемы лежит дуализм понятия гражданина в государстве: гражданина юридического и политического. Гражданин есть данность и заданность. Граждане обретают реальность их общих интересов через репрезентацию их особенных интересов в институтах власти. Исходя из этого, политическая борьба через политическое участие является необходимым атрибутом репрезентации. Только гражданская позиция в политической борьбе обеспечивает стабильность и развитие. Отечественная государственность в республиканскую эпоху призвана репрезентовать гражданина в качестве своего собственного основания.

Волкова А.В., Кулакова Т.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДИЗАЙНОВ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ

История создания рамочных условий цифровизации Германии, на первый взгляд, представляется как планомерная и поэтапная реализация ряда программ, цифровых стратегий и насчитывает уже более пятнадцати лет. Но на протяжении вот уже нескольких лет европейские рейтинги фиксируют значительное отставание ФРГ по ряду параметров, являющихся принципиальными для качества цифровой трансформации (участие и вовлечение бизнеса, уровень цифровых технологий, качество электронного правительства, цифровая квалификация граждан, их доверие политике цифровизации).

Сравнение Германии и России представляет значительный интерес, поскольку в обоих случаях процессы цифровизации сдерживались бесконечным планированием и, как ни странно, схожими проблемами обеспечения технических условий и дефицитом доверия. Кроме того, разрыв в процессах институционализации цифровых технологий в бизнесе и государственной администрации становится еще очевидной проблемой немецкого общества.

Современные немецкие исследователи Ж.Хофман, К. Каценбах, К. Голац, анализируя проблемы управление Интернетом, полагают, что это управление основывается на социальной координации и акцент делается на процессах (а не на структурах), а его границы устанавливаются и постоянно обсуждаются участниками⁵⁰. Разницу между регулированием и управлением они видят в том, что регулирование подразумевает преднамеренные процедуры (официально согласованные ресурсы, средства и цели), которые могут быть достигнуты или пропущены, а управление связано с условиями, в которых осуществляется такая деятельность. Управление фактически выступает как режим, способ функционирования конкретных институциональных структур.

Цифровизация порождает множество новых связей и смыслов и, концептуально, основывается на таких принципах как разнообразие, полемика, конфликт⁵¹. В полной мере это проявилось в условиях пандемии, которая рассматривается как триггер цифровизации. В публичном пространстве Германии сформировался термин «вынужденная цифровизация» (*Zwangsdigitalisierung*). Это вызов и для системы государственного управления, и для гражданского общества. Вынужденная цифровизация обладает мобилизационным эффектом, но основана в каждом государстве на устойчивых (стереотипных) практиках взаимодействия.

Успех реализации политики цифровизации зависит от выстраивания системы государственных и негосударственных образований, использующих общие нормы и ценности, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной взаимозависимости с целью достижения общего согласия, публичного блага. Такие сети сегодня признаются наиболее эффективным видом связи государства и гражданского общества, они стимулируют перманентное развитие инновационных решений, поиск новых коммуникационных каналов и социальное научение.

Платформа «Граждане создают знание» (*Die Plattform für Citizen Science Buerger schaffen Wissen*), проект Технического университета Мюнхена, направленный на привлечение обычных людей в науку (<https://www.mcts.tum.de/research/evidenz-in-der-citizen-science>) или сайт, где преподаватели собирают подсказки друг другу о том, как вести занятия во времена дистанционного обучения и «принужденной» цифровизации (<https://hochschuldidaktik-online.de/>) стимулируют повышения гражданской активности, гражданского сотрудничества и ответственности. Они способствуют развитию «цифрового таланта» и «цифровых способностей». Просветительская миссия, ориентация на межсекторное сотрудничество и инклюзивное развитие, технология «мозгового штурма» и обмен знаниями, улучшение социального

50. Hofmann J., Katzenbach C., Gollatz K. Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance // *New media*, 2017, Vol. 19 (9), P.1406-1423

51. Сморгунув Л.В. Онтологические повороты в современной политической науке // *Социальные и гуманитарные знания*, 2020, Том 6, № 2, С.122-133

климата, гражданское участие и солидаризация — вот далеко не полный перечень характеристик и функций, позволяющих рассматривать «гражданскую науку» гораздо шире, чем просто способ получения эмпирических данных или механизм приращения научного знания. Активное развитие и поддержка данного направления в современной Германии связано со стремлением правительства, бизнеса, общества добиться социального прогресса. В процессе институционализации цифровых инноваций, когда обмен знаниями и технологиями становится жизненно важным для развития каждой фирмы, отрасли и национальных экономик, пришло понимание необходимости управления знаниями и социально-информационными процессами, а в центре внимания оказываются процессы координации. По мере того, как формы сотрудничества углубляются, долгосрочное обязательство становится основным требованием.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Воржецов А.Г. (Казань, КНИТУ)

НУЖЕН ЛИ ВТОРОЙ ПАКЕТ ПОПРАВOK В КОНСТИТУЦИЮ РФ?

Стратегия трансформации конституции РФ, предложенная в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 15 января 2020 года и внесённом в Государственную Думу законопроекте «О совершенствовании регулирования отдельных поросов организации публичной власти» (одобрен Советом Федерации 11 марта 2020 года) включает корректировку действующего Основного закона по следующим направлениям. К ним следует отнести: пересмотр соотношения международного и национального права в пользу последнего; изменения, касающиеся реализации принципа социального государства; существенный пересмотр структуры власти и включение в неё нового института Государственного Совета РФ.

Изменения в структуре власти представляются особенно важными как по количеству затронутых норм, так и по масштабу изменений. В новой модификации Государственная Дума по представлению Президента РФ утверждает председателя правительства. Также Дума утверждает предложенные премьер-министром кандидатуры заместителей и части федеральных министров (за исключением министров силового блока – обороны, безопасности, внутренних дел, чрезвычайных ситуаций, а также иностранных дел и юстиции). И при этом президент «не в праве отказать» в их назначении на должность в новой редакции.

И «в то же время прерогативы Президента РФ по-прежнему явно перевешивают прерогативы парламента: во-первых, за ним остаётся полномочие назначать на должности и отправлять в отставку премьера, его заместителей и министров...». А «во-вторых, ключевые министры силового блока определяются самим Президентом (по согласованию с Советом Федерации), а не Думой...». Однако «ключевой вопрос об ответственности правительства и разграничении его компетенций с президентскими не получает чёткого разрешения». Поэтому сохраняется «в этом вопросе неопределённость, свойственная действующей конструкции» (Медушевский А.Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 57).

По мнению С.М. Шахрая, в новой редакции Конституции РФ «ни на одной вопрос о транзите президентской власти по-прежнему нет ответа, я полагаю, что будет второй пакет поправок» (Цит. по: Аргументы недели. – 2020. – 4-10 марта). На наш взгляд, такой ход событий в нашей стране не исключён. Думается, что во втором пакете поправок в Конституцию РФ должны быть ответы не только на вопросы о транзите президентской власти, но и на вопросы о реализации в полном объёме принципа разделения государственной власти в стране.

Однако это целесообразнее предпринимать тогда, когда будет проведена комплексная судебно-правовая реформа, включая реформирование всех правоохранительных органов с целью создания независимой судебной системы, а также реформа партийной системы, сердцевиной которой будет формирование крупных центристских партий (консервативной и социал-демократической) с целью создания политической конкуренции в России.

*Воробьев А.П., Константинова М.В.
(Красноярск, КГПУ им. В.П.Астафьева)*

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ Г. КРАСНОЯРСКА

За последние несколько лет молодежь в России прошла путь от деполитизированной социальной группы к формированию своей особой политической субъектности. Хотя рост социального активизма и интереса к политическим изменениям в стране происходит у молодежи непоследовательно и во многом фрагментарно, а участие в политике у большинства носит ситуативный характер, очевидно, что в новейшей истории России мы наблюдаем вхождение в политику нового поколения, прошедшего социализацию в постсоветскую эпоху.

В центре внимания исследования находится политический протест как форма политического участия молодых граждан г. Красноярска. Большинство авторов под политическим протестом понимают, прежде всего, коллективный вид внесистемного политического участия (Дж. Дженкинс, Б. Кландерманс, С. Тэрроу). Индивидуальный протест (сознательное неучастие, организация и проведение одиночного пикета и др.) в основном не признаются политическим протестом. С чем мы не согласны и в своей работе будем рассматривать и названные типы протеста у молодежи Красноярска.

Для проведения исследования в 2019 гг. научным коллективом кафедры политологии и права КГПУ им. В.П. Астафьева был проведен социологический опрос. Основная цель - выявление причин и форм протестных настроений в политическом поведении молодежи Красноярска. Выборка составила 1000 человек, возраст респондентов от 14 до 29 лет.

Более 60% респондентов заявили о своей аполитичности. Отвечая на вопрос об интересе к развитию политических событий в стране, респонденты выбирали варианты ответов «политика меня не интересует» и «иногда проявляю интерес к отдельным политическим событиям». При этом мужчины практически в 2 раза чаще говорили о своей заинтересованности политической ситуацией в стране, тогда как женщины чаще представителей мужского пола отвечали, что иногда проявляют интерес к отдельным политическим событиям.

Относительно форм участия в политике, чуть менее 40% вовсе не имеют опыта участия в политических мероприятиях. Наиболее популярные формы политической деятельности у представителей молодежи Красноярска - выборы, митинги, пикеты, сбор подписей в период избирательной кампании. Стоит отметить, что мужчины чаще, чем женщины принимали участие в митингах и пикетах, распространении информации о политическом событии и проведении избирательной кампании.

Самыми эффективными формами влияния на власть, по мнению респондентов, являются обращение в СМИ, акции протеста, политические выборы, обращение в прокуратуру. Мужчины отметили большую эффективность акций протеста (47,5%), чем женщины (39,2%). Для женщин более эффективными являются обращение в СМИ (51,5%) и обращение в прокуратуру, суд (39,4%).

Более трети респондентов поддерживают проведение политических митингов и акций протеста (36,9 %). Вторая треть респондентов равнодушна к данным мероприятиям. Остальные респонденты не видят в них смысла (26,1%).

Готовность участвовать в санкционированных акциях протеста обозначили 33,3 % респондентов, еще 18 % ответивших указали, что готовы участвовать в любых акциях протеста. Для сравнения обратимся к данным исследования «Мониторинг развития молодежных объединений в Российской

Федерации» (декабрь 2014 г.)⁵². Так 22,2 % респондентов жителей Красноярского края готовы участвовать в санкционированных акциях протеста, 16,7 % готовы участвовать в любых акциях протеста. Можно сделать вывод о достаточно высоком уровне протестной активности среди молодежи г. Красноярска. 40 % респондентов допускают возможность проведения массовых выступлений в г. Красноярск. 30,7 % считают их маловероятными.

Главными мотивами участия в митингах и акциях протеста респонденты отмечали отсутствие другого способа защиты своих прав (51,4%), неэффективность иных способов взаимодействия с властью (40,6%), привлекательность протестного формата (36,5 %).

Результаты исследования показали высокий уровень аполитичности среди молодежи г. Красноярска, что соответствует общероссийским тенденциям. Вместе с тем значительная доля опрошенных молодых жителей Красноярска уже принимала участие в митингах и акциях протеста, что можно объяснить актуализацией проблемы экологии в городе. Более трети респондентов поддерживают митинги и протесты и отмечают готовность участвовать в них, что свидетельствует о высоком уровне протестной активности молодежи Красноярска.

Воронин А.Д. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ: «СИЛОВОЙ» И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Демонтаж советской власти и демократический транзит в современной России обострил вопрос построения отношений между государством и гражданским обществом (ГО). В качестве базовых критериев для построения модели их взаимодействия может послужить «сила» и «слабость» субъектов коммуникации и принцип функционирования, предложенные Г. Косовым и О. Паслером⁵³.

Представляя институты ГО и государство как полярно противопоставленные источники силы, мы можем соотнести полномочия участников этой коммуникации. Сила государства проявляется через способность концентрировать политическую волю и степень монополизации процесса принятия властных решений, тогда как сила ГО фиксируется через способность его институтов оказывать воздействие на органы государственной власти. Согласно этому критерию следует обозначить следующие практики взаимодействия ГО и государства:

1) Паритетная ситуация — характеризуется равенством участников коммуникации (сильное государство при широких возможностях ГО) остается идеальной моделью, нежели реальной практикой.

2) Умеренно деэтикетская модель (сильное ГО при умеренно слабом государстве) на практике становится перераспределением государственных функций в пользу институтов ГО, ростом активности негосударственных организаций, расширенным контролем государства гражданским обществом, в том числе посредством партий, групп интересов и гражданских организаций. Наиболее полно этой модели соответствуют страны англо-саксонского мира, с развитыми либеральными традициями управления⁵⁴.

3) Умеренно этикетская модель (слабое ГО при сильном государстве) — проявляется при построении правового государства и главенства общественного порядка над интересами личности. Деятельность ГО ограничено культурной сферой. Наиболее крайнее проявление — этикетская модель — подразумевает фактическое подчинение институтов ГО функционированию в рамках государственного аппарата.

Критерий функционирования в рамках моделирования коммуникации государства и ГО возможно свести к механизму активизации деятельности:

52. Попова О. В. Политическое поведение российской молодежи: репертуар тактик и реальные действия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология, международные отношения. 2016. Вып. 1. С. 15-27.

53. Паслер О.В. Гражданское общество и государство: дис...к-та полит. наук: 23.00.02 / О. В. Паслер. - Ставрополь, 2011. С. - 115.

54. Цветкова О.В. Политическое пространство в региональном измерении: центр и периферия / О.В. Цветкова // Власть. 2014. №12.

1) «Маятниковый» тип — основан на сохранении паритета путем перераспределения полномочий в рамках реакции на избыточный рост «силы» одной из сторон коммуникации. Модель направлена на долгосрочное сохранение действенного механизма сдержек и противовесов.

2) «Тайфунный» тип — характеризуется разовыми акциями роста гражданской активности как реакций на кризисные явления в политической системе, часто приводящих к неконвенциональным изменениям в практиках политического управления. Модель наиболее ярко фиксирует мобилизационный потенциал политической системы.

Таким образом, «маятниковая модель» формирует политическую систему динамической стабильности, позволяющей конвенциализировать изменения в политических практиках за счет постоянного диалога государства и институтов ГО. Мобилизационный потенциал «тайфунной модели» значительно расширяет инструментальный арсенал политической системы, но ограничивая его экстремальными ситуациями, что способно привести к кризису власти⁵⁵. В то же время рядовое функционирование политической системы с такой моделью связано с ограниченностью политико-гражданской инициативы. Сопоставление моделей по данным критериям позволит выстроить наиболее приемлемую политическую коммуникацию институтов ГО и государства в России.

Вяткин И.О. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

УКРЕПИТЬСЯ, ИГНОРИРОВАТЬ ИЛИ ПЕРЕНЯТЬ? РЕАКЦИЯ НЕМЕЦКИХ ПАРТИЙ ЛЕВОГО ТОЛКА НА ПОЯВЛЕНИЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНОЙ «АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ ГЕРМАНИИ» В БУНДЕСТАГЕ

Цель данного доклада – определить, как мейнстримные левые партии Германии отреагировали на вступление в 2017 году в Бундестаг популистской праворадикальной партии “Альтернатива для Германии” (*Alternative für Deutschland* или АдГ). Актуальность данного исследовательского вопроса базируется на исследованиях, доказывающих наличие казуальной связи между появлением радикальной правой партии на политической арене и последующим идеологическим репозиционированием левоцентристских партий, во многом обусловленным совпадением их нишевого электората (из числа т.н. “проигравших от глобализации” – *losers of globalization*) (Abou-Chadi T., Krause W. The causal effect of radical right success on mainstream parties’ policy positions: A regression discontinuity approach // *British Journal of Political Science*. 2018. Vol 50. № 3. P. 1–19). Этот пункт не применим к зеленым партиям, которые в силу принадлежности к семейству “Новых левых” партий, поддерживают выходцы из других социальных слоев. Случай Германии интересен в этом контексте, поскольку немецкая партийная система включает в себя три ключевых элемента современной левой политики: социал-демократическую партию (*SPD*), квази-социалистическую (ранее антиправительственную) партию “Левые” (*Die Linke*), и леволиберальных “Зеленых” (*Bündnis 90/ Die Grünen*).

Бэйл et al. предложили модель реакции мейнстримных партий на электоральный успех праворадикальной партии, подразумевающую наличие у них трех поведенческих стратегий: (1) так называемая опция “по умолчанию” – удерживать и укрепить свои исходные позиции по всем вопросам повестки, вступив в открытое противостояние с праворадикалами (*hold*); (2) нивелировать значимость (*salience*) вопросов, эксплуатируемых праворадикальными силами, игнорируя их в публичной сфере (*defuse*); (3) перенять ксенофобскую риторику и позиции последних (*adopt*) (Bale T. et al. If you can’t beat them, join them? Explaining social democratic responses to the challenge from the populist radical right in Western Europe // *Political studies*. 2010. Vol. 58. №. 3. P. 410–426). Однако, данная концептуализация не в полной мере учитывает двухмерность современной межпартийной конкуренции, в которой идеологические позиции партий лежат, с одной стороны, в традиционном “право-левом” социально-экономическом измерении, а с другой в социокультурной плоскости (т.н. авторитарно-ли-

55. Орлова В.А. Особенности становления гражданского общества в России / В.А. Орлова // *PolitBook*. 2012. №2.

бертарианский раскол) (Kitschelt H., McGann A. J. The radical right in Western Europe: A comparative analysis. University of Michigan Press, 1997. P. 47–91).

Поэтому, мы рассматривали попытки партий смещать свои идеологические позиции вдоль обеих осей партийной конкуренции, а также их шаги по снижению значимости конкретной проблемы в своей повестке. В качестве источника данных использовались публичные заявления официальных лиц партий, декларации партийных собраний, и программные документы в период с парламентских выборов сентября 2017 года до марта 2020 года (начало пандемии), включая манифесты к Европейским выборам 2019 года.

Проведенный эмпирический анализ показал, что все мейнстримные левые партии Германии отреагировали на появление АдГ стратегией “держаться”. Более того, паттерны их репозиционирования вдоль двух идеологических осей отличались незначительно. Примечательно, что все они укрепляли свои исходные позиции в социокультурном измерении, особенно в отношении миграционной политики, хотя “Левым” пришлось сопротивляться попыткам своего радикального крыла привнести ксенофобские элементы в партийную платформу, а социал-демократы существенно сковали своё пространство для маневра вступлением в очередную “большую” коалицию с ХДС/ХСС. В свою очередь, “Зеленые”, сохраняя свою приверженность политике “открытых дверей”, повысили значимость этой части партийной повестки, позиционируя себя в качестве основного прогрессивного противовеса АдГ. В свою очередь, в социально-экономическом измерении отчетливо наблюдался тренд на смещение партийных позиций влево (прежде всего, предложения по расширению системы социального обеспечения). Последнее в меньшей степени относится к “Левым”, чья идеологическая база изначально строилась вокруг радикально-эгалитарной экономической повестки.

В целом, анализ случая Германии продемонстрировал, что левые партии реагировали на успех популистской праворадикальной партии, занимая более левые экономические позиции, при этом придерживаясь своих (как правило космополитичных) социокультурных позиций. Также мы выявили, что важными детерминантами, задающими возможности выбора стратегии реагирования и её успешности, являются внутрипартийный консенсус, а также устоявшийся в сознании избирателей образ партии и зона её компетенции. Естественным развитием данного тезиса является проверка наших выводов на примере партийных систем других европейских демократий.

*Габриелян О.А. (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского),
Гаспарян Л.С. (Симферополь, КУКИиТ)*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ СОЦИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В СТРУКТУРЕ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современное состояние развития ИТ позволяет нам говорить о формировании нового типа общества не только информационного, но и цифрового. Центральную роль в его становлении сыграли виртуальные коммуникации. Сеть этих коммуникаций создает новое пространство существования человека – виртуальное. Говоря о виртуальном пространстве, мы, в первую очередь, имеем в виду Интернет.

По словам М. Кастельса, Интернет – это особый коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей, со многими другими, в любой момент времени и в глобальном масштабе. Интернет поступательно «теснит» традиционные СМИ в процессах формирования массового сознания, общественного мнения, информирования общества о текущих событиях, деятельности публичной власти и ее институтов, отражения реакции общества на решения и действия власти, распространения политических, социально-экономических, правовых и культурных идей и знаний. Одним из важных феноменов, воплощающим особенности информационных, виртуальных процессов XXI-го века, являются интернет-мемы и, в частности, политические.

Количество интернет-мемов активно растет, они представляют собой слабоструктурированный набор данных. Существует реальная проблема не только их распознавания, но и классификации для автоматизированной обработки даже внутри тематического кластера. По сути, мы имеем дело с открытой, постоянно пополняющейся системой не только по содержанию, но и по жанровому многообразию (слоганы и «фотожабы», вирусные видеоролики и пародийные иллюстрации, мелодии и гифы, комиксы и демотиваторы), и семиотическому (знаковому) признаку (вербальные (текстовые), аудиальные, визуальные и смешанные сообщения).

Интернет-мем в виртуальном пространстве приобретает серьезный потенциал воздействия на формирование общественного мнения, причем речь идет о потоковом характере данных, т. е. «Big Data». В этой связи, актуальным является разработка алгоритмов (с выходом на создание программного продукта), которые позволят в автоматизированном режиме осуществлять мониторинг процессов зарождения, структуры и глубины его распространения.

Теоретико-методологическое описание интеллектуализированной системы мониторинга интернет-мемов в виртуальной коммуникации может выглядеть, на наш взгляд, следующим образом. Наряду с традиционными для социальных наук подходами (системным, социологическим) можно использовать теоретические наработки по искусственному интеллекту – Machine Learning (ML), Deep Learning (DL), Data Mining (DM), Text Mining (TM), самообучающейся сверточной нейросети. Основой для построения оригинальной мониторинговой системы служит разрабатываемый исследовательской группой программный продукт «Мемометрии».

Набор возможностей программного продукта «Мемометрии» включает:

1. Сохранение технических характеристик изображения-файла: ширина, высота, разрешение, пропорции, цветовая модель, источник, дата создания и т.п.
2. Маркирование изображения или отдельных его частей ключевыми словами (тегами). Процедура маркирования осуществляется по определенным правилам: задается направление (последовательность) и границы; формируется набор ключевых слов (должны быть простыми, не сложными существительными); устанавливается соответствие между элементом изображения и ключевым словом.
3. Формирование первичной базы интернет-мемов – сохранение изображений, их технических характеристик и ключевых слов.
4. Создание простых (применение операций булевой логики к двум множествам) и сложных (с применением сложных выражений булевой алгебры к большому количеству множеств) экспертных запросов к первичной базе интернет-мемов.

Для исследования будет использоваться поисковая машина Google, так как по ряду объективных характеристик этот поисковик обращается к наиболее полной базе изображений, а логика формирования запросов простая с позиции их формализации.

Разработка и имплементация интеллектуализированной системы мониторинга интернет-мемов в виртуальной коммуникации следует рассматривать как один из инструментов противодействия социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31460.

Гаврилов С.Д. (Волгоград, ВолГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНА

Формирование новой системы коммуникативного взаимодействия власти и общества в условиях возникающих вызовов современности, изменений характера и формы публичной политики определяют необходимость политологического анализа приоритетов развития системы массовой

коммуникации в публичном пространстве Волгоградской области. Вместе с тем система массовой коммуникации может рассматриваться как перспективный инструмент политических технологий, используемый акторами как для агрегации интересов и общественного мнения, так и для привлечения населения к деструктивным формам «нового протеста» в публичном пространстве регионов РФ.

Региональная система публичной политики в России обусловлена рядом взаимосвязанных факторов: во-первых, необходимостью коллективного общественно-политического дискурса путем формирования коммуникации по линии «личность–общество–государство»; во-вторых, развитием механизмов гражданского (общественного) контроля с целью активизации гражданского участия. Средства массовой коммуникации выступают как средством транслирования общей «повестки дня» в региональном пространстве, так и способом «мобилизации общественного потенциала» с целью совершенствования эффективности и результативности управления регионом.

Публичное пространство Волгоградской области в какой мере выступает в качестве проективной площадки для коммуникации власти и институтов гражданского общества, позволяет формировать и даже институализировать креативные коммуникационные структуры. Формирование общественного запроса, а также информирование населения о принятых решениях в органах власти реализуется через инструменты СМК (социальные сети, мессенджеры и интернет-СМИ). Так, среди ресурсов СМК для трансляции позиции власти можно назвать аккаунт Волгоградской области в социальной сети Instagram (@region_34), официальный портал Волгоградской области (<http://www.volgograd.ru/>), а также телеканал Волгоград 24 (ВГТРК). Особое внимание следует уделить активизации работы органов региональной власти в контексте новой коронавирусной инфекции посредством аккаунта в Telegram – «COVID-19.Оперштаб Волгограда» (<https://t.me/covidvlg>), который стал наиболее быстрым способом доведения информации и ситуации с пандемией в регионе.

Стоит также отметить, что средства системы массовой коммуникации также используются и для формирования «скандальной повестки дня» в регионе различными общественными группами. Так, на протяжении нескольких лет в интернет-СМИ и Telegram-каналах активно освещаются наиболее проблемные точки региона (например, экологическая проблема в Светлоярском районе и ситуация с промышленным комплексом в области). При этом данные публикации обычно не приносят предложений по решению проблемы, а множат информацию с позиции отсутствия общественного контроля. С одной стороны данный факт свидетельствует о «сбое в системе» публичной политики региона, с другой – наличие данных публикаций и есть факт общественного диалога.

Два приведенных кейса показывают, что в регионе до сих пор имеется ситуация, при которой «информационно-аналитические структуры администраций по-прежнему действуют в рамках императивной стратегии, используют монологические формы общения с аудиторией» (Лысенко Г. В. Средства массовой коммуникации в контексте избирательной кампании в регионе (на примере Волгоградской области) // Социология власти. 2004. № 4). Данное обстоятельство требует осмысления в стратегическом плане, учитывая переформатирование политических приоритетов развития системы массовой коммуникации с ориентацией на сегмент социальных сетей. Таким образом, считаем необходимым порекомендовать органам региональной власти в контексте реализации положений «Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года» (<http://docs.cntd.ru/document/819076044>) акцентировать внимание на формировании «коммуникационных площадок» различных институтов публичной власти и гражданского общества с целью вовлечения все большего количества участников общественной дискуссии (в т.ч. и местное самоуправление).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31676.

Гаврилова М.В. (Санкт-Петербург, СПбГИКиТ)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «ГОСУДАРСТВО» В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Актуальность лингвокогнитивного изучения процессов дискурсивного конструирования концепта «государство» обусловлена его значимостью в концептуальной системе русского политического дискурса, а также его социальной ценностью. В качестве материала исследования используются инаугурационные речи российских президентов.

Анализ лексикографических данных XX – начала XXI вв. позволил выявить устойчивые компоненты значения слова, вербализующего концепт в русском языке: 1) государство – это политическая форма организации общества; 2) государство выполняет охранительную функцию.

Мы определили, что концепт разворачивается при помощи восьми тематических категорий, описывающих государство: цель государственной деятельности, состояние государства в настоящее время, качества, присущие государству, источник развития государства, взаимоотношения государства и общества, фундамент государства, задачи в области государственного управления, деятельность государственного аппарата.

В ходе изучения особенностей экспликации концепта «государство» в инаугурационных речах российских президентов мы установили его прототипическую структуру: 1) граждане образуют государство, которым руководит его глава; 2) президент обязан защищать и беречь государство; 3) Россия – демократическое государство.

Президенты с каждым новым сроком исполнения должности актуализируют различные переменные в семантической структуре концепта «государство»: определенная территория, на которую распространяется юрисдикция данного государства (1991 г.) - (новые) властные отношения между государством и обществом, государственный аппарат (президент и новое правительство) и действия государства по реализации своих функций (помочь нуждающимся, реформирование экономики) (1996 г.) - властные отношения между государством и обществом (2000 г.) - право, закрепляющее определенную систему норм, санкционированных государством (2008 г.) - действия государства по реализации своих функций (2012 г.) - властные отношения между государством и обществом, действия государства по реализации своих функций (2018 г.).

При вторичной номинации государства с помощью метафорических значений актуализируется охранительная функция государства. При этом государство образно (пере)осмысливается при помощи концептуально разнонаправленных метафорических моделей: «государство – это человек», «государство – это здание» и «государство – материальный объект».

Сочетательные возможности слова *государство* расширяются, что приводит к возникновению его новых (со)значений. Отметим, что сигнификативные значения концепта различны. Примечательно, что Б.Н. Ельцин наделяет государство идеальными признаками, относящимися к плану будущего времени, что можно объяснить начальным периодом становления нового государства, когда важно воодушевить аудиторию, определив желаемый образ будущего страны. Признаки государства, используемые В.В. Путиным, описывают преимущественно настоящее состояние государства, а также признаки, характеризующие успехи государственного развития в прошлом. Д.А. Медведев представляет искомые атрибуты государства.

Для Б.Н. Ельцина идеальные признаки государства таковы: *процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое, суверенное*. Д.А. Медведев считает, что государство должно быть *справедливым и заботливым*. В.В. Путин утверждает, что Россия будет *сильным* государством.

Использованные в речах В.В. Путина такие признаки постсоветского государства, как *российский демократический дееспособный сильный / мощный* приобретают устойчивый характер в текстовом пространстве торжественной речи.

В первой инаугурационной речи, с которой выступает каждый российский президент, концепт «государство» входит в ядро концептуальной структуры речи.

Наиболее полно концепт «государство» тематически разворачивается в первой речи Б.Н. Ельцина и в выступлении Д.А. Медведева. Добавим, что эти президенты наделяют государство активной ролью в синтаксической структуре предложения.

Сопоставительный анализ торжественных политических речей позволил установить динамические тенденции в экспликации концепта «государство». С течением времени наблюдается уменьшение количества вербальных репрезентантов концепта «государство», сокращение денотативного компонента значения концепта и увеличение сингификативных признаков концепта. Иными словами, наблюдается явление лексической эластичности в дискурсивном конструировании концепта «государство». В этой связи можно предположить, что в русском политическом дискурсе продолжается процесс (пере)осмысления и политического понятия, и концепта «государство».

Анализ инаугурационных речей показал, что концепт «государство» является динамическим образованием, которое постоянно преобразуется в соответствии с политическими задачами нового президента и/или нового срока исполнения должности и потребностями общества.

Гаджиев Х.А. (Москва, РУДН)

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ОПЫТ РОССИИ

Пандемия, ставшая тяжелым бременем для государств и обществ, внесла серьезные коррективы в содержание информационного пространства. Не стала исключением в этом плане и Россия.

Из-за введенного режима самоизоляции гражданам пришлось интенсивнее использовать цифровые устройства и инструменты видеокommunikаций для связи с близкими, работы, учебы и т.п. Такая переориентация многих общественных сфер на дистанционный формат не только изменила привычный образ жизни людей, но и имела несколько важных последствий для коммуникационных процессов в социально-политической плоскости.

Во-первых, граждане стали все чаще и в большем объеме черпать информацию (в том числе ту, которая формирует социально-политическую повестку дня) из интернет-ресурсов, а не из традиционных СМИ и в частности телевидения (хотя оговоримся, что телевидение, в этом смысле, в меньшей степени потеряло аудиторию). И появившийся ориентир на онлайн-ресурсы, понятно, изменил управляемость и предсказуемость формирования общественного мнения и информационной картины. Связано это с тремя основными факторами: 1) наличие большого количества альтернативных каналов интерпретаций социально-политической реальности, которые чаще всего разительно отличаются от официальных государственных трактовок, а нередко входят в жесткое противоречие с последними; 2) сложность «фильтрации» и выбора наиболее качественных и достоверных источников информации для пользователей, что порождает немало рисков искажения социально-политической реальности в информационном пространстве, в том числе целенаправленно со стороны групп, преследующих конкретные политические цели (нередко деструктивного характера); 3) низкая популярность официальных государственных интернет-площадок и провластных онлайн-СМИ.

Во-вторых, был изменен привычный формат трансляции официальной социально-политической информации, прежде всего за счет внедрения в практику трансляций работы ключевых органов государственной власти. Так, с начала периода самоизоляции на постоянной основе стали показываться онлайн-совещания и встречи Президента в полном объеме. До пандемии такого формата информация выглядела как новостные сюжеты, длящиеся лишь по несколько минут.

В-третьих, появилось два наиболее востребованных сегмента информационной повестки дня: первая была связана с пандемической ситуацией и динамикой распространения болезни, а вторая – с возникшими вследствие введенного режима самоизоляции социально-экономическими проблемами. Оба сегмента условно можно обозначить как «проигрышные» для власти, поскольку как бы ни интерпретировалось происходящее и как бы ни «смягчалась» информационная картина, это не сглаживало ни

негативную основу сообщений, ни фактическое тяжелое положение дел. И именно этим, в первую очередь, можно объяснить вектор на беспрецедентную открытость в информационном поле процесса работы высших властных органов. Ведь основная задача в этом направлении, вероятно, состояла в том, чтобы проиллюстрировать активную работу политических институтов на пути преодоления сложившихся обстоятельств и их последствий. А принцип скорее заключался в том, чтобы показать то, как власть делает все возможное для решения данных проблем. Расчет, как может показаться, был на то, что, с одной стороны, достигалось бы некоторое «социальное спокойствие» в период решения сложившихся проблем, а с другой – частично «сглаживалась» бы негативная реакция на довольно предсказуемое кризисное развитие ситуации.

В-четвертых, весь период самоизоляции, с точки зрения восприятия гражданами формируемой официальной информационной картины, условно можно разделить на два этапа. На первом этапе граждане были в большей степени сфокусированы на динамике распространения вируса и не так остро реагировали на действия власти. На втором этапе, начиная с новых решений по продлению периода самоизоляции, «пандемическая паника» в информационном пространстве стала постепенно вытесняться бурной реакцией людей на возникшие материальные сложности. Это серьезно отразилось на восприятии формируемой повестки дня. И здесь, как бы, образовался некий «информационный тупик» для власти: с одной стороны необходимость борьбы с пандемией, требующая максимального аккумуляирования государственных усилий, а с другой – возникающие вследствие этой борьбы и предпринимаемых ограничительных мер объективные сложности в социально-экономической сфере.

Гайнутдинова Л.А. (Санкт-Петербург, РГПУ им.А.И.Герцена)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Полномасштабный кризис представительного правления приводит к деформации политических систем и уменьшению роли институтов демократии. Уже в начале XXI в. футуролог Э.Тоффлер предрек туманные перспективы парламентам в информационном обществе, утверждая, что в таком обществе «постепенно происходит отказ от принципов представительной демократии. Фактически парламентарии исходят из собственных взглядов, в лучшем случае выслушивая экспертов. Повышение образовательного уровня и современная техника дают возможность гражданам самостоятельно вырабатывать многие политические решения»⁵⁶.

Дискредитация сути представительного правления привела к тому, что все чаще используются формы прямой демократии, базирующиеся на возможностях сетевых технологий. Подобная трансформация репрезентации ведет к существенному расширению и усилению роли гражданского общества в политическом процессе. Однако широкое применение форм прямой демократии предполагает не просто участия, а проявления гражданских навыков и гражданских добродетелей, необходимых для эффективной партиципаторной делиберации и принятия решений⁵⁷.

Конечно, уже накоплен большой опыт включения гражданского общества в процесс принятия решений в качества политического и общественного участия, которое становится более целенаправленным, предметным, затрагивающим конкретный круг социальных проблем. Но современная практика реализации принципов прямой демократии часто показывает, что новым трендом развития гражданского общества является деятельность «цветных революционеров», которая заставляет говорить о гражданском обществе как о социальном движении через призму политической перспективы: «трансформационное воздействие гражданского общества, направляющего свой энергетический потенциал на избирательные кампании, является опасной тенденцией для него самого, так как демократия большинства постепенно может трансформироваться во власть множества конкурирующих и конфликтующих между собой активных меньшинств»⁵⁸.

56. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 435-436.

57. Павлова Т.В. Политическое представительство и массовая политика: теоретические проблемы и российская специфика // Политическая наука. 2014. №4. С.58.

58. Гаджиев К.С. Кризис или закат либерализма. Власть. 2017. №3. С.7-17.

Поэтому сегодня развитие гражданского общества невозможно без формирования целенаправленного процесса образования и воспитания, которые дают знания, умения и навыки жизни в обществе. Образование дает желание и возможность развивать и расширять процесс взаимодействия людей, прививать вкус к построению гражданского общества и передавать гражданам необходимые для этого знания, умения и навыки. Гражданское образование, по сравнению с другими направлениями образования, обладает значительным потенциалом, определяющим мотивы социального поведения, деятельности, ценностные ориентации и мировоззренческие установки личности. Представление человека о свободе должно вырваться и вырасти изнутри личности, а его отношение к обществу и государству сформировано на основе лично значимых действий в процессе специально организованной практики.

Потребность в высоком уровне гражданственности сегодня как никогда актуальна: частое негражданское отношение к политике и участие в ней на основе принципов «прямого действия» и «уличной демократии» свидетельствуют о недостаточной гражданской компетентности и несистемном характере складывания социально-политических установок и ориентаций граждан. Для того чтобы справиться с этой задачей важно проведение серьезных изменений, связанных с формированием социально-политических установок и ориентаций посредством обучения в школе, в организациях среднего и высшего образования для углубленного понимания путей развития современного российского общества и повышения качества социального прогнозирования. Содержание гражданского образования не может быть нейтральным к процессу восприятия, усвоения его гражданами, так как призвано активно и целенаправленно воздействовать на их сознание, на их умение критически мыслить, творить, оценивать с определенных идеологических позиций окружающую действительность.

В целом новая идеологема системы гражданского образования должна базироваться на понимании, что нормативные принципы демократической легитимности являются лишь ценностной базой и моральной отправной точкой для критики системы государственной власти и невозможны в абсолютном измерении. Граждане должны знать, что любая форма демократии, оформленная в реальную организационно-правовую структуру, имеет свои недостатки и свои достоинства, и никогда никакая комбинация теоретических и идеологических принципов не сможет полностью исключить перекосы и противоречия на практике. Поэтому абсолютно сбалансированное сочетание множественности демократических форм в практическом измерении навсегда останется лишь идеалом институционального устройства социума.

Гасанов М.А. (Калининград, БФУ им. Канта)

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК «МЯГКАЯ СИЛА» ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА ЕАЭС

В условиях, когда все страны мира борются за создание привлекательного имидж-бренда для Евразийского экономического союза, жизненно важным является формирование собственного имиджа, что прежде всего будет способствовать более тесной интеграции стран участниц ЕАЭС. В качестве одного из таких «имидж-образующих» факторов может стать возможность использования потенциала студенческой молодежи в качестве мягкой силы интеграционного объединения. Почему именно студенческая молодежь? Во-первых, студенческая молодежь – это наиболее мобильная часть общества. Во-вторых, потому что от студенческой молодежи в будущем зависит судьба самого ЕАЭС. В-третьих, студенческая молодежь — это та сила, которая в будущем займет управляющие позиции как в самой организации, так и во входящих в нее странах.

На 2017 год в странах ЕАЭС по программе высшего профессионального образования обучались более 5,2 миллиона студентов, что составляла почти 3,5% от населения интеграционного объединения. Безусловно, студенческая молодежь не является основной массой населения, однако это наиболее мобильная часть общества, выступающая за открытость границ и сотрудничества между странами.

В контексте ЕАЭС студенческая молодежь выступает в качестве мягкой силы, используемой группой стран для обоснования необходимости дальнейшей интеграции в единое социально-экономическое, политическое, культурное и правовое пространства.

В частности, со стороны Евразийской экономической комиссии предпринимаются меры по содействию укреплению идей дальнейшей интеграции ЕАЭС в молодежной среде.

Несмотря на то, что проводится множество различных мероприятий с участием студенческой молодежи из стран участниц ЕАЭС, говорить об институционализации этого процесса в контексте мягкой силы не приходится. Прежде всего, это связано с тем, что не сформирована социальная база поддержки интеграционного объединения со стороны молодежной студенческой среды. Так, согласно проведенному в 2016 году исследованию,⁵⁹ доля российских студентов, считающих, что ЕАЭС представляет собой новый формат сотрудничества, составляет только 52 %, а 22 % респондентов придерживаются мнения, что интеграционное объединение является всего лишь попыткой воссоздания СССР. Приводимые социологические данные свидетельствуют о том, что среди студентов (по крайней мере, российских) не сформировано окончательное мнение относительно судьбы интеграционного процесса на постсоветском пространстве. Прежде всего, это объясняется тем, что на уровне Евразийского экономического союза не создана единая стратегия сотрудничества между студенческой молодежью стран-участниц. Во-вторых, само это сотрудничество между странами ЕАЭС находится на невысоком уровне и преимущественно сосредоточено на двусторонних отношениях с Россией.

На сегодняшний день студенческая молодежь как наиболее мобильная часть общества может оказывать огромное влияние на интеграционные процессы в постсоветском пространстве, в частности на развитие ЕАЭС⁶⁰. Прежде всего, для этого необходимо выработать единую евразийскую стратегию развития студенческого сообщества, который станет нормативно-процессуальным актом для всех стран-участниц. Большим стимулом для развития связей между студенческой молодежью ЕАЭС станет создание евразийской научно-исследовательской базы, которая станет пространством открытых идей, творчества и прогресса. Одним из механизмов развития мягкой силы может стать проведение евразийских форумов студенческой молодежи, которые непосредственно должны быть организованы страной, председательствующей в ЕАЭС с участием первых лиц интеграционного объединения и глав государств. Данное мероприятие может стать одним из инструментов мягкой силы в вопросе ознакомления с историей, культурой, традициями страны организатора, а также хорошей возможностью для привлечения туризма. Создание евразийского фонда финансирования студенческих стартапов, возможность получения грантов и т.д. Сверх того, более тесное сотрудничество между университетами предполагало бы проведение совместных конференции, стажировок, особенно между нестоличными ВУЗами.

Возможности использования потенциала студенческой молодежи в качестве мягкой силы находятся на недостаточно высоком уровне, что обусловлено отсутствием стратегии развития студенческого сообщества ЕАЭС. Но при этом потенциал студенческой молодежи наряду с образованием, туризмом может стать одним из ключевых факторов способствующих росту авторитета как на международном уровне, так и внутри самой Евразийского экономического союза.

Гераскин И.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

В последнее десятилетие мы стали свидетелями новой волны цифровизации, которую некоторые ученые называют «глубокой цифровизацией», характеризующейся такими явлениями, как большие данные, машинное обучение, интеллектуальные алгоритмы, искусственный интеллект и передовые

59. Абаева А.М. Молодые видят в ЕАЭС хорошую платформу для осуществления своих инициатив // Российский институт стратегических исследований. 24 июня 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/analytics/31927/> (дата обращения: 14.07.2020)

60. По мере развития ЕАЭС со стороны молодежи растет интерес к интеграционному проекту // Евразийская экономическая комиссия. 22.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/22-02-2019-1.aspx> (дата обращения: 14.07.2020)

сетевые решения. «Полуавтономным» цифровым инфраструктурам делегируется все больше задач, возможностей и ответственности в обществе. Это влияет на социальную жизнь в широком диапазоне областей: например, как мы общаемся и создаем социальные сети, как мы воспринимаем наше рабочее место и ведем нашу работу, как мы получаем доступ к средствам массовой информации и культуре, а также как выстраиваем отношения с государственными институтами.

Граждане стали все больше интересоваться расширением использования цифровых технологий в информационных кампаниях по самым насущным проблемам (Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 2. С. 269-285). Информационно-коммуникационные технологии изменили способ социально-политического взаимодействия: различные медиа-платформы в наши дни представляют собой места личной, социальной, политической, а также коммуникационной взаимосвязанности. Медиакapитал начинает рассматриваться как значительный политический ресурс, которым обладают не только традиционные политические силы. Граждане, низведенные до положения пассивных реципиентов электоральной и правительственной политической коммуникации, используют онлайн-социальные пространства для построения сетей, бросающих вызов сложившимся политическим элитам и процессам. Отсюда следует разрыв между онлайн- и офлайн-средами, который может иметь потенциал для пересмотра условий цифрового активизма.

Некоторые авторы в цифровом активизме больше видят т.н. слактивизм, фейковую активность и имитацию реальной деятельности. Другие ученые придерживаются позиции, согласно которой политическое участие представляет собой многомерный, охватывающий целый ряд особенностей процесс, что доказывают, например, деятельность правозащитников, собравших 37 тысяч подписей против постановления Министерства образования, обязывавшего школы и университеты отслеживать поведение школьников и студентов в сети; проект Владимира Ашуркова «Санация права», вызвавший широкий общественный резонанс и впоследствии волну митингов в разных регионах страны. Безусловно, этот аргумент не ставит цифровую среду выше офлайн-акций или процедуры прямых демократических выборов; он лишь подчеркивает, что новые пути вовлечения и новые формы политического участия становятся вполне реалистичными.

Такое интенсивное применение технологий цифровизации как средства политической мобилизации масс во многом обусловлено незначительными финансовыми затратами на работу с ними, что позволяет сделать практически любую платформу доступной для субъекта медиaprостранства, что в свою очередь при значительном сетевом потенциале и невозможности тотального контроля со стороны госорганов может способствовать дестабилизации политической системы.

В результате проведенного исследования удалось установить некоторые закономерности. Во-первых, онлайн-мобилизация положительно влияет на склонность к политической активности независимо от других факторов, причем особенно сильно это сказывается на политически пассивных гражданах. Во-вторых, изучение вопроса мобилизационного потенциала цифровизации политического пространства в России позволило концептуализировать три различных способа участия, которые могут иметь место в цифровой политической среде. Итак, граждане могут участвовать как аудитория: самая большая, но самая пассивная группа, которая просто получает информацию, не обязательно являясь частью какого-либо сообщества. Вторая группа — граждане-активисты, которые, вступая в сообщество и участвуя в действиях, поддерживают общую организацию (например, симпатия и участие). Наконец, есть меньшинство цифровых активистов: высоко вовлеченная группа, выполняющая роль сопродюсеров политической коммуникации в медиaprостранстве. Интересно, что цифровые активисты обычно отличаются своей неудовлетворенностью функционированием демократии, образуя группу критически настроенных граждан, сохраняющих высокий уровень самоэффективности и недоверия к действующим политикам.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Риски и угрозы политизации низовых и гибридных гражданских инициатив в условиях трансформации политической системы современной России» № 20-011-31387.

Гилев А.В. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ),
Шевцова И.К. (Пермь, ЦСИПИ ПГНИУ)

БЕСКОНФЛИКТНАЯ АРЕНА: ЭФФЕКТЫ ВВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ КОНКУРСНОГО ОТБОРА ГЛАВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

После 2014 года в результате очередного шага реформы МСУ российские регионы получили возможность самостоятельно выбирать форму организации местного самоуправления на своей территории. Прямые выборы глав местной власти были почти повсеместно заменены конкурсами - отбором кандидатов на пост главы конкурсной комиссией с последующим голосованием за кандидатов в местном совете. Ключевая идея конкурсной процедуры состояла в повышении управляемости местных элит. Мы можем наблюдать, что в результате реформы процесс назначения глав городов в действительности перестал быть ареной открытой конкуренции.

Цель исследования – показать эффекты введения конкурсных процедур отбора и назначения глав местной власти. Наше исследование отвечает на следующие вопросы. Является ли проведение конкурса ареной, где муниципалитеты все еще демонстрируют автономию? Или введение конкурсной процедуры достигло цели и является управляемым механизмом назначения? В каких случаях мы находим примеры конкурентной борьбы?

Для проведения сравнительного анализа мы опираемся на авторскую базу данных голосований за кандидатов по итогам 81 конкурсов глав МСУ в городах России с населением более 200 тысяч человек, которые состоялись в 2015-2020 гг. Выбор средних и крупных городов обусловлен тем, что в отличие от небольших муниципалитетов, здесь есть предпосылки для возникновения политической конкуренции в связи с большим разнообразием элитных групп⁶¹. В рамках анализа мы рассматриваем результаты голосования в местных парламентах за кандидатов на пост главы, которые позволяют более точно оценить проявления политических расколов среди городских элит.

Исследователи локальной политики в России показали, что к 2010-м местные элиты оказались встроены в «вертикаль власти»⁶². Почти повсеместно мэры стали избираться не на прямых выборах, а местными ассамблеями. Постольку поскольку внутри ассамблей по-прежнему наблюдалось соперничество разных элитных групп, вошедших в «Единую Россию»⁶³, можно было бы ожидать, что избрание мэра станет одним из направлений соперничества. Представление конкурсными комиссиями нескольких кандидатов даёт возможность альтернативного голосования.

Вместе с тем, наш анализ показывает, что местные советы выбирают очевидного кандидата-фаворита, как правило подавляющим большинством голосов (в среднем 83% от общего числа депутатов).

Мы также протестировали две гипотезы о значении численности населения (rosstat.gov.ru) и электро-профиля города (vybory.izbirkom.ru). Итоги анализа таковы:

- В более крупных городах есть тенденция более консолидированного депутатского голосования за будущих мэров.
- Также депутатское голосование за мэров более консолидировано в городах с большей долей голосов за «Единую Россию».

Возможное объяснение этих тенденций состоит в том, что в городах с более лоялистским электро-профилем и элиты более консолидированы, а самые крупные города находятся под более пристальным вниманием федерального центра.

61. Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. №2. С. 73-82.

62. Gel'man V., Ryzhenkov S. 'Local Regimes, Sub-national Governance and the 'Power Vertical' in Contemporary Russia' // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63, №3. P. 449-465; Reuter O.J. et al. Local Elections in Authoritarian Regimes: An Elite-Based Theory with Evidence from Russian Mayoral Elections // Comparative Political Studies. 2011. Vol. 49, №5. P. 662-697.

63. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017; Росс К. Партии в российских регионах: вымирающий вид? // Неприкосновенный запас. 2012. №1.

Обе тенденции, однако, не имеют статистической значимости из-за того, что для средних по численности городов и городов с более «оппозиционным» голосованием избирателей высока вариативность депутатской поддержки будущего мэра - она может быть как относительно сдержанной (60-70%), так и почти единодушной.

Мы не обнаруживаем явных трендов к большему или меньшему единодушию в голосовании за мэров, анализируя средние показатели за год. Более единодушное голосование депутатов наблюдается в городах Южного, Северо-Кавказского и, как ни странно, Уральского федерального округов. Менее единодушное - в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00600.

Гладков А.К. (Москва, ИВИ РАН)

МОНАРХИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Монархическая идеология как комплекс политико-правовых и этико-философских представлений о природе, назначении, функциях и лимитах государя, облеченного высшей светской властью, на протяжении Средневековья претерпевала глубокие трансформации. Корпус произведений, написанных каролингскими книжниками в жанре т.н. «королевского зеркала» (*speculum regis*), представлял собой наставление правителю в том, как нужно руководить своими подданными для достижения «общего блага», каких опасностей и рисков избегать, каких людей сторониться, чтобы не стать тираном (*tyrannus*), наконец, какие добродетели стяжать для обретения подлинного образа божественного величия (*imago Dei, imago Domini*). Дидактический характер политических сочинений X в. с очевидными символическими отсылками к Священному Писанию и наиболее авторитетным и доступным на тот момент античным авторами приобрел спустя некоторое время, а именно уже в XII столетии, принципиально новый оттенок – в заменитом сочинении английского мыслителя Иоанна Солсберийского, трактате «Поликратик» («Поликратик», 1159), речь идет уже не только и даже не столько о поучении/«воспитании» идеального государя, хотя перечень королевских добродетелей и пороков был прописан предельно ясно, сколько о наставлении и подданных, народа в самом широком значении. Иными словами, благоденствие в стране рассматривается уже не как исключительно дело рук одного правителя как защитника закона (*defensor legis*) и справедливости (*defensor justitiae*), но и как некий итог «гармоничного союза» власти и общества. Данное положение формулируется в терминах классической греко-римской социально-политической мысли, и вслед за каролингскими авторами, воспринявшими позднеантичные наставительные традиции, Иоанном проводится разделение власти на «благую» и «злую», «законную» и «узурпированную»/«тираническую». Однако причину возникновения тирании как «болезни государства» он усматривает не столько в личности самого властителя, сколько в его подданных, которые своим образом жизни и поведением разгневали Бога, за что и получили «дурного короля». Фактически же речь идет о том, что подлинным носителем власти как «политико-правовой стихии» (выражение О. Гирке) является именно народ, который вместе с церковью уступил ее государю во *временное пользование*.

В рассуждениях Иоанна Солсберийского только намечается концепция т.н. «народного суверенитета», позднее нашедшая более основательное развитие в труде Марсилия Падунского («Защитник мира», ок. 1324) и сочинения знатока римского права и политического теоретика Бартоло да Сассоферрато («Об управлении государством», «О тирании»). Последний, как и многие его предшественники, детально рассмотрел специфические черты монархической и тиранической форм правления, отдавая предпочтение «единоличной власти благочестивого государя». Именно Бартоло (с опорой на

имевшиеся переводы античных политических трактатов и правовых памятников, а равно и средневековых текстов на латыни, прежде всего принадлежавших Фоме Аквинскому и авторам его круга) прямо утверждал, что король – верховный судья в мирских делах, страж закона, гарант справедливости и собственности, непосредственно *зависит* от всей совокупности подданных, содействовавших его возвышению и уступивших ему Богом данную власть. Бартоло да Сассоферрато отстаивает тезис: «государство народа» (речь не идет, конечно, о демократии в современном смысле слова), т.е. то, в котором налажен диалог между властью и обществом, в своем гармоничном устройении подобно божественному граду; все в нем сообразуется воле Творца. Иными словами – власть большинства делегируется монарху, который правит не по своему хотению (*voluntas*), а по установлению свыше (*lex Dei*), в согласии с естественным и человеческим законами.

Подобная логика рассуждений, во многом продиктованная не только теоретической подготовкой европейских интеллектуалов, превозносивших Аристотеля и его «Политику», но и жестокой реальностью – войнами, восстаниями, столкновениями империи и папства. Идейная линия, проложенная Иоанном Солсберийским, была развита многими учеными мужами, включая Марсилия Падуанского и Бартоло да Сассоферрато, а от них эстафету переняли гуманисты и интеллектуалы XVI в.; наиболее яркими фигурами указанного столетия уместно назвать Жана Бодена, автора сочинения «О государстве» (1576), и Франсуа Отмана («Франкогаллия», латинский текст – 1573). Боден и Отман – идейные противники, транслировавшие принципиально разные взгляды на идею «диалога» власти и социума, т.н. «общественный договор», а равно и природу суверенитета. Если для Отмана было очевидно, что верховная власть сосредоточена в руках большинства – народа, который по доброй воле передает ее подконтрольному ему же королю, то для Бодена подобное толкование было совершенно неприемлемо. Для него «монархическая идеология» замыкалась не на мистическом «диалоге» или «договоре», а на персоне носителя высшей и не подчиненной закону фигуре короля – *воплощения и гаранта суверенитета* (в его абсолютном значении).

Гладченко И. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ЦИФРОВИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ

В условиях развития современных технологий политика исторически столкнулась с процессом цифровизации общественных отношений, сохранив при этом традиционные подходы. В таких условиях возник неявный конфликт процессов, протекающих отдельно в реальности и в виртуальности, то есть традиционного (прошлого) и виртуального (настоящего) подходов к управлению общественными отношениями. Ситуация, сложившаяся в результате мировой пандемии, вынудила политиков определенным образом ограничить прежний образ жизни общества, введя режим изоляции, то есть отказаться на время от традиционного подхода, и организовать новый образ жизни, завязанный на виртуальное взаимодействие. Так, пандемия, связанная с необходимостью изоляции участников политического дискурса, усилила роль виртуальных медиа. Виртуальные ресурсы играют всё большую роль в восприятии новостей, в том числе политических, что влечёт и изменения политической сфере.

В связи с этим актуальность ранее изложенных тезисов о роли символов в политической коммуникации выросла, стала более злободневной. Многие свойства политического символа, распространяемого в виртуальной среде, идентичны ему, так же, как и некоторые его характеристики: это единица информации, существующая в виртуальной среде, она имеет способность к репликации, порождает ассоциации, перенимается членами общества как объект культуры, утверждает прочную связь иконических и означающих их вербальных знаков. Символы являются сложным комплексом знаков, однако они должны быть максимально просты для восприятия и при этом нести максимально возможный объём ассоциативной информации. Символ – это вызывающий одинаковые ассоциации у реципиентов комплекс визуальных знаков, означаемый вербально.

Автором было проведено исследование в рамках кейса предвыборной кампании В. Зеленского на Украине в 2019 году на материалах социальной сети Инстаграм. Был проведён анализ хештегов в ряде аккаунтов, посвящённых кандидату. Хештеги выделяются как составная часть социально-политического символа. Проведённое исследование дало возможность утверждать, что социально-политические символы оказывают существенное влияние на регулирование социальных процессов. Как показал анализ предвыборной кампании В. Зеленского, символы, получающие ряд ассоциаций, связанных с ними (так называемую метафорическую диффузность), формируют дискурс, транслируемый аудитории. В случае предвыборной кампании В. Зеленского символом выступил образ «слуги народа», вокруг которого формировалась метафорическая диффузность. Диффузность формировалась за счёт сопутствующих социально-политических символов, укреплявших основную. Эти микро-символы должны были формировать ассоциативный с образом «слуги народа» ряд. Выявленные ассоциативные ряды в аккаунтах были похожи и выглядели примерно так: «зепрезидент-ЗеПрезидент-зеленськийпрезидент-зеленськийпрезидент-зепрезидент2019-зепрезидентзеленський». Диффузность призвана отвечать за единообразный ассоциативный ряд, который должен формироваться у каждого актора, воспринимающего символ. В случае предвыборной кампании одинаковая реакция всех членов общества на символ позволила штабу В. Зеленского показать высокие результаты по итогам голосования.

Отталкиваясь от сделанных ранее публикаций о роли символа в политическом дискурсе, стоит отметить, что пандемия породила новые символы и дала возможность проверить на практике эти новые символы и их характеристики.

Социально-политический символ подразумевает обязательное включение эмоциональной оценки. Однако для того, чтобы символ сформировался и обрёл устойчивый ассоциативный ряд в общественном сознании, необходим временной промежуток. Так как символы подразумевают также определённую реакцию актора на них, было предложено опереться на теорию социального обучения и предположить, что социально-политические символы служат обучению общества определённой реакции на них. Согласно приведённой теории, на усвоение определённых паттернов поведения требуется время. С начала пандемии прошло несколько месяцев, поэтому на данный момент уже можно говорить о ряде устоявшихся в российском общественном дискурсе символов (то есть о конструктах, имеющих устойчивую метафорическую диффузность). Например, такими социально-политическими символами выступили: «COVID-19», «вирус», «корона», «пандемия», «изоляция», «маска», «QR-код». Наиболее весомым символом, предположительно, является фактическое название самого вируса «COVID-19», так как именно вокруг него формировалось наиболее устойчивое ассоциативное поле. Реакция общества на данные символы может быть неоднозначна, так как ещё одним символом в общественном поле являются сокращение заработной платы и увольнение в результате закрытия предприятий, однако этот аспект требует дополнительного исследования.

Глухова А.В. (Воронеж, ВГУ)

ГРАЖДАНСКАЯ ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Разработка и внесение поправок в Конституцию РФ посредством всенародного голосования и законодательная деятельность Госдумы по имплементации этих поправок в действующее законодательство создали новый политико-правовой контекст для деятельности несистемной оппозиции, гражданских активистов, поставив последние перед необходимостью выработки новой повестки. Содержание поправок, резко меняющее не столько объем полномочий различных ветвей власти, сколько правовую ситуацию в целом, включая базовые конституционные принципы, наносит ущерб гражданскому обществу и деятельности его наиболее активного сегмента. Встраивание местного

самоуправления в структуру «публичной власти» (понятие, отсутствующее в Конституции); тренд в сторону «осажденной крепости», произвольно трактующей международно-правовые нормы; приоритет интересов государства перед правами человека и гражданина – все эти новации служат цели укрепления верховной власти, в какую бы институциональную форму она ни облекалась.

Отношение партий системной оппозиции к конституционным изменениям выразилось в единогласной поддержке в первом чтении внесенных в Госдуму президентских поправок. Несистемная оппозиция, напротив, оказалась перед трудным выбором: бороться против вносимых изменений означало противоречить собственным требованиям о необходимости перемен; поддерживать новации – значило укреплять самодержавный характер режима и политику самоизоляции.

В конечном итоге оппозиционные силы согласовали между собой ответную тактику, форматы противодействия поправкам в Основной закон. «Открытая Россия» анонсировала обществу проект «Народной Конституции», вела переговоры с другими политическими силами о массовых акциях протеста. Депутаты от партии «Яблоко» планировали проведение массовой политической мобилизации при голосовании в региональных заксобраниях. Партия подготовила альтернативный комплекс поправок к Конституции РФ, целью которого являлась защита Основного закона страны от изменения конституционного строя. В основном все лидеры несистемной оппозиции высказали свое неприятие возможному пожизненному нахождению у власти президента В. Путина.

Инициатива всенародно обсудить поправки породила два разных публичных процесса: официальный («путинский») и оппозиционный (демократический). Несмотря на серьезные различия между ними, сам по себе дискурс полезен уже тем, что в нем проговариваются общие проблемы, затрудняющие произвольные «вбрасывания» в публичную сферу спорных решений о будущем страны, налаживается связь между экспертами (на уровне текстов) и массами граждан (на уровне их обсуждения). Очевидно, что ближайшие годы станут непростыми для гражданских активистов и непарламентских политических партий. В складывающихся условиях любое альтернативное политическое действие будет рассматриваться властными инстанциями в качестве подрывного и антипатриотического, влекущего за собой не только административные санкции, но и уголовные дела. В таких условиях главным ресурсом оппозиции остается интеллектуальный и организационный: она должна предлагать обществу реальные альтернативы и сама выглядеть убедительной альтернативой: получить политическое представительство в ходе региональных и муниципальных выборов, поддерживать общий процесс активизации общества, особенно в преддверие масштабных федеральных избирательных кампаний. В региональных электоральных процессах успехи оппозиции также очень значимы: победа даже двух – трех несистемных кандидатов в депутаты изменяет атмосферу в законодательных собраниях, особенно при обсуждении таких важных вопросов, как принятие регионального бюджета.

По данным социологов, в российском обществе возник запрос на объединение, самоуправление и решение собственной судьбы, перерастающий в устойчивый тренд. Это чувство сегодня объединяет практически всех, кто хочет осмысленного разговора о будущем, о желаемом завтра. Вместе с тем жесткое, фронтальное противостояние гражданской инициативы с государством малопродуктивно для обеих сторон. Общество вынуждено самоопределяться, четко обозначая границы компромисса. Отправной позицией не только для либерально настроенных кругов во власти и вне ее, но и для трезвомыслящих этактистов правого и левого толка мог бы стать постсовременный прагматизм (А.Рубцов). В основании последнего должны лежать идеи социальной справедливости, приоритета права и подлинной державности, т.е. сильного государства, обеспечивающего рост и развитие экономики и благосостояния граждан. Такая повестка актуальна для гражданского общества, обязанностью которого становится участие в решении стратегической задачи: выведение страны из тупика на путь современного развития.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-011-31097 «Риски деформации политической системы РФ в условиях конституционных изменений (конфликтологическая экспертиза)».

Гнедаш АА. (Краснодар, КубГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОССИЙСКИХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ: ГЕНДЕРНЫЙ И СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ВК-СООБЩЕСТВ «МАМА» И «РЕАЛЬНЫЙ ФУТБОЛ»

В докладе представлены результаты эмпирического исследования политической культуры и идеологического дискурса сетевых сообществ в пространстве Рунета. Объектом эмпирического исследования стали активно-деятельностные сообщества пользователей «ВКонтакте» (самая популярная социальная платформа среди россиян), которые были определены методом сетевого реляционного анализа: «Мама» (2 738 742 подписчиков, более 28 858 сообщений) и «Реальный футбол» (246 968 подписчиков, более 31 860 сообщений).

Активно-деятельностное сообщество «МАМА», одно из крупнейших сообществ в ВК, имеет порядка 2 738 742 подписчиков, более 28 858 сообщений (дата-сет) с момента создания. Сами организаторы позиционируют слово мама как «самое важное слово в нашей жизни», при этом акцентируют внимание, что сообщество создано для «молодых родителей», для решения «проблем, связанных с воспитанием детей, уходом за ними, советами врачей и прочим». Особенность политической повестки дня, формируемой данным сообществом, заключается в том, что она «не читается» в тексте, мы видим ее только с визуальным сопровождением – важен дискурсивный контекст всего поста.

Активно-деятельностное сообщество «Реальный Футбол» в ВК имеет порядка 246 968 подписчиков с момента создания; на 1 июня 2019 г. количество записей в сообществе составило 31 860 сообщений (дата-сет). Организаторы сообщества позиционирует его как «На нас подписаны твои друзья». Сообщество было создано накануне «Чемпионата мира по футболу – 2018» и является зеркальным отражением событий, происходящих в футбольной сфере offline.

Участники активно-деятельностного сообщества «Мама» солидарно разделяют ценности сформированного стандарта «современной счастливой семьи» и «публичного материнства», что отражается в тематическом ядре, формируемой ими общественной повестки дня (стабильная тема и проектируемая тематика). Стилль деятельности проявляется в желании соответствовать указанным коллективным стандартам и нормам, т.о. почти все акторы сообщества (и постоянные, и случайные, и потенциальные) регулярно воспроизводят эту норму и подкрепляют ее визуальным материалом из своей жизни, особенно в части «нарциссического материнства» и модели детоцентричной семьи. Фактически единственным протуберанцем в повестке дня является религиозный вопрос, но связан он не с вопросами веры, а с публичными выражениями признательности матерей. Декларируемые сообществом ценности «публичного материнства» в контексте идеологии «нарциссизма и детоцентризма» размывают границы частного в жизни человека и его детей. Все фототексты публикуются в открытом онлайн-сообществе и остаются в нем «навсегда». Иначе говоря, годы спустя выросший ребенок или любой другой человек сможет найти все обнаженные сэлфи-образы своей матери в процессе семейной жизнедеятельности с тысячами любых комментариев.

Участники сообщества «Реальный Футбол» формируют моногендерное сообщество, разделяя ценности в отношении футбола как истинно мужского мира – богатых, победителей, сильных и успешных; мира «футбол как война», в которой никто не гибнет, но есть первые и есть проигравшие. Поэтому организаторы сообщества и формируют повестку дня через привлечение внимания к победителям и к известным персонам. «Болеем за первых» становится базовой фреймовой рамкой в таком сообществе, и так как эти первые – «другие», зарубежные клубы и футболисты, то тема патриотизма и сплоченности на основе любви к «своим» фактически нивелируется в сообществе. Идеологический дискурс в данном сообществе определяется нами как «футбол – это мужская война» по фактологическим основаниям.

Исследования дискурсивных практик сетевых сообществ и фреймирования ими общественной проблематики позволяет определить паттерны поведения индивидов, сообществ и целых систем.

Структурное многообразие сетевых сообществ в публичном онлайн-пространстве обретает четкие политико-культурные установки конкретных субъектов, которые посредством дискурсивных практик формируют когнитивные схемы и модели, обуславливающих эмоциональное и ценностное восприятие политики и политическое поведение не только отдельных граждан, но и сообществ национального масштаба

Предложенные авторами аналитический инструментарий и методика эмпирического исследования открывают новые возможности для исследования связи институциональных практик с субъективным пространством политики (политической идентичности, политической картины мира, идеологии).

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в ходе проведения исследования «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества» (проект № 18-011-00975, 2018-2020, рук. И.В. Мирошниченко).

Головин М.С. (Челябинск, ЧелГУ)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ГОСУДАРСТВ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Проблема электорального роста крайне правых политических партий в современной Европе по праву считается одной из центральных в контексте тех политических, культурных и социально-экономических процессов, которые происходят в Европе в последние десятилетия. Высокие результаты на выборах различных уровней – от местных до выборов в Европейский парламент – партий данной идейной ориентации наводят исследователей на размышления о причинах подобного успеха, а также о том, возможно ли в ближайшее время снижение популярности этих акторов политического процесса. И в этой связи особо актуальным можно считать подробное рассмотрение специфики конструирования дискурса праворадикальных политических партий, выявление фундаментальных принципов, на которых строится их идеология. В отличие от некоторых государств континентальной Европы, в которых праворадикальные политические партии участвуют в формировании правительств и каждый электоральный цикл набирают существенный процент голосов, в случае Великобритании можно говорить о ряде особенностей. Идеологический дискурс праворадикальных партий, а точнее специфика его конструирования в различных исторических условиях, является относительно малоисследованным вопросом: зачастую, исследователями отдается предпочтение изучению электоральной истории и политического пути данных организаций, но не тому, каким образом был сформирован, сконструирован их дискурс. В этом отношении, британский праворадикальный кейс особо интересен, ибо та риторика, которая первоначально присутствовала у евроскептиков и крайне правых этой страны, постепенно стала общенациональным трендом, перехваченным политиками более умеренного идейного направления (Консервативная партия) и в результате чего мир стал свидетелем такого явления как Брексит. Новые социальные, политические, экономические и культурные вызовы, возникающие перед обществом, становятся и новым объектом для идеологической рефлексии праворадикальных организаций. В первую очередь, речь идет о той реакции, которая последовала в различных странах на американскую историю с активизацией движения Black Lives Matter после смерти Джорджа Флойда в мае 2020 года. Протесты, связанные с вновь актуализировавшейся расовой проблематикой, вызвали естественную реакцию со стороны различных как праворадикальных, так и правоэкстремистских групп. В рамках настоящего исследования нас интересовало то, каким образом выстраивался праворадикальный дискурс ряда политических организаций и политиков данного государства в связи с упомянутой историей и насколько эта риторика пользуется популярностью у жителей Соединенного Королевства.

Необходимо отметить, что на протяжении 2010-х годов главной праворадикальной партией Британии была Партия независимости Соединенного Королевства. Однако в последнее время, несмотря на довольно яркий программный текст о Британии после Брексита, ПНСК переживает кризис

идентификации. В частности, заявления её лидера Фредди Вача о том, что после периода главенства в партии Дж. Баттена, партия «возвращается к свободолюбивым либертарианским принципам» (UKIP's new leader - who lists Nazi Germany as interest - says party is 'back on track'. URL: <https://www.theneweuropean.co.uk/top-stories/freddy-vachha-becomes-ukip-leader-1-6711978>), наводят на мысли об окончательном отходе партии от крайне правой, праворадикальной повестки, характерной для организаций данной идейной направленности в странах континентальной Европы. На этом фоне в традиции дискурса одной из крупнейших некогда праворадикальных партий Европы – Британской национальной партии – действует относительно новая организация – Britain First (BF). По данным крупнейшей исследовательской группы Hope not Hate, Britain First в сегодняшней Великобритании является самой «эффективной организацией уличных протестов» (Britain First – Hope not Hate – URL: <https://www.hopenothate.org.uk/research/britain-first/>), критикующей исламский фундаментализм, иммиграцию и проявления культурного марксизма.

Таким образом, пример Великобритании является, скорее, исключением из общего ряда, поскольку особенности избирательной системы этой страны делают практически невозможным широкое представительство радикальных политических сил в парламенте. С другой стороны, внепарламентская и медийная активность британских праворадикальных партий, движений и групп ничем не уступает аналогичным процессам в крупнейших государствах Европы. Следовательно, практически не имея представительства в органах власти, политические силы этой идеологической направленности способны задавать общенациональные тренды и актуализировать те темы и болевые вопросы, которые многие крупные партии – в силу своих интересов – стараются увести в сторону продвижения идей политической корректности и продолжения мультикультурных практик. Поэтому, изучение специфики дискурса праворадикальных политических организаций в современной Британии представляется крайне перспективным вектором научных исследований в контексте тех процессов, которые происходят как в Соединенном Королевстве, так и во всей Европе.

Головин Ю.А. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

COVID19 внес свои изменения в процессы, происходящие в мире и России. Особенностью настоящего периода стало возрастание роли информационно-коммуникативных технологий во всех основных сферах жизни людей. В феврале-марте 2020 года среди представителей общественных и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории Ярославской области, был проведен экспертный опрос. Цель – выявить характер взаимоотношений общественных объединений и некоммерческих организаций с элементами гражданского общества. Всего в опросе приняли участие 72 эксперта (руководители и сотрудники общественных и некоммерческих организаций Ярославской области).

В исследование были включены сотрудники некоммерческих организаций с различным опытом работы (от одного года до 10 и более лет) и осуществляющие свою деятельность в различных населенных пунктах региона. Полученные данные подтверждали, в целом, полученные в прошлом (2019-м) году результаты исследования.

Все эксперты используют Интернет. Как и год назад, их активность в сети чаще всего ограничивается рабочей необходимостью и социальным общением: поиск справочной информации (85,3%) и материалов для работы (75,0%), работа по эл.почтой (94,1%), просмотр новостей (57,4%) и общение в социальных сетях (63,2%).

Роль Интернета в процедуре участия общественников в принятии решений органами власти не столь однозначна. По данным на начало 2020 года, согласны с утверждением «взаимодействие с государством посредством сети Интернет повышает эффективность процедур контроля за принятием решений

органами власти» 58,5% экспертов (год назад их было 61%). Отдают решающую роль традиционным процедурам контроле за принятием решений государством 7,7% (+4 п.п. к значению 2018 года).

Третий год подряд в некоммерческой сфере растет число убежденных в том, что «эффективность взаимодействия с государством не зависит от способа коммуникации». В 2018 году данную точку зрения разделяли 14,5%, в 2019 – 17,1%, в 2020 их стало уже 24,6%.

В сознании общественников и активистов Ярославской области снижается ценность Интернета в процессе взаимодействия некоммерческих организаций и органов государственной/муниципальной власти. Снижение степени согласия зафиксированы практически по всем утверждениям об Интернете в коммуникации (НКО-власть), предложенным экспертам в анкете:

- развитие сети Интернет делает более доступными государственные и муниципальные услуги для граждан и юридических лиц, в том числе НКО (-0,20 п. с 8,05 баллов в 2018 году до 7,85 в 2019 году);
- развитие сети Интернет способствует развитию кооперации в некоммерческом секторе при решении проблемных вопросов (-0,83 п. с 7,54 баллов в 2018 году до 6,71 в 2019 году);
- развитие сети Интернет повышает эффективность информирования граждан о работе НКО, помогает привлекать новых волонтеров и членов объединений (-0,50 п. с 8,68 баллов в 2018 году до 8,18 в 2019 году);
- развитие сети Интернет позволяет НКО популяризировать культуру гражданского участия, прививать ценности гражданской активности (-0,66 п. с 8,00 баллов в 2018 году до 7,44 в 2019 году).

Исключение из общей тенденции мнение о том, что развитие Интернет требует от органов власти новых подходов в работе с некоммерческим сектором, понимания которых у государства пока нет. Степень согласия экспертов по данному пункту осталась практически неизменной - на уровне 6,85 баллов (+0,04 п.)

В 2019 году представители третьего сектора Ярославской области стали чаще видеть в Интернете угрозу для общества и государства, реже – возможности для людей. Уровень согласия экспертов с утверждением «интернет – угроза семейным ценностям» в 2020 году составила 5,02 балла (1 – минимальная степень согласия, 10 – максимальная), когда в 2019 году фиксировалась на уровне 4,42 балла.

Примерно такая же ситуация с высказываниями «Интернет – угроза политической стабильности в стране» (степень согласия 4,66 балла, +0,48 п.) и «увеличивает количество самоубийств» (степень согласия 4,56 балла, +0,21 п.).

В то же время отмечается снижение степени согласия экспертов с утверждениями о положительном влиянии Интернет на возможности людей при самореализации, участии граждан в делах государства, благосостояние граждан. Однако оценки по этим позициям продолжают варьироваться в диапазоне 4 – 8 баллов.

Представляется, что в настоящее время оценки, высказанные ещё полгода назад, кардинально изменились. Режимные ограничения вынуждают граждан активно использовать возможности Интернета на работе, в учебе и общественной жизни.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №19-011-00268 «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

Горлов К.Н. (Москва, ИСПИ РАН, Мичуринск, МичГАУ)

ПОВЫШЕНИЕ ДОВЕРИЯ БИЗНЕСА К ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В связи с тем, что цифровизация охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека и задает высокие темпы развития современного общества, управление уровнем доверия людей к цифровым технологиям и электронным сервисам, к стоящим за ними стейкхолдерам, в том числе к

органам власти приобретает необходимость в качестве конструктивной реакции на попутные социально-политические риски. Доверие превращается в механизм обеспечения стабильности и поддержки социально-экономического развития, становится ключевым фактором конкурентоспособности цифровой экономики. Вся современная цифровая коммуникация принципиально основана на прозрачности, событийной информации и доверии.

Укрепляя доверие к цифровой среде, поддерживая темпы инновационного развития, власть обеспечивает и обратный эффект – укрепляет доверие к самой власти. Ценности цифрового общества (равенство, справедливость, прозрачность, конфиденциальность, безопасность), реализующие доверие, едины для бизнеса, властных структур и институтов гражданского общества.

Для повышения доверия бизнеса к власти в условиях формирования цифровой экономики необходима реализация ряда мер. Во-первых, установление степени вмешательства власти в деятельность субъектов предпринимательства, в рамках приемлемого общественного консенсуса. Во-вторых, проведение эффективной инвестиционной политики, базирующейся на обеспечении равных возможностей участников, гарантии верховенства закона, макроэкономической стабилизации. В-третьих, обеспечение потенциальной и реальной инклюзии представителей предпринимательского сообщества в процессы подготовки, принятия и реализации политических решений на различных уровнях. В-четвертых, обеспечение преемственности программ цифрового развития и скоординированности их целей с общей стратегией развития регионов и страны (Ильичева, 2019, 81).

Все это реально осуществить с опорой на современные цифровые технологии. При этом, чтобы управление доверием к власти не превратилось в некую абстракцию, необходима реальная цифровизация и самоцифровизация органов власти, представляющая из себя не только перевод государственных и муниципальных услуг в цифровой формат, но и создание институтов, замену неэффективных управленческих процессов и коммуникационных сервисов новыми управленческими практиками, своевременную разработку правовых процедур и норм цифрового общества. Технологии должны перестать быть лишь дизайнерским украшением официальных сайтов, превратившись в индикаторы и механизмы решения социально-экономических и политических проблем.

Формирование доверия к власти – длительный процесс, имеющий важнейшее значение в условиях построения цифрового общества, как потенциально подверженного многим социально-политическим рискам, и, в то же время, конструктивная реакция общества на риски. Высокий уровень доверия к власти инициирует общественный активизм, выводит экономику из состояния стагнации, создает благоприятные условия для формирования цифрового общества.

Список литературы:

Ильичева Л.Е., Лапин А.В. Разработка региональной стратегии: новые подходы и критерии // Власть. 2019. N5. С. 80-89.

Градосельская Г.В. (Москва, ИСА)

МЕТОД ЗЕРНОВОЙ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ДЛЯ КАРТИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ РЕГИОНА

Картирование социальных сетей (mapping networks), его методологические проблемы находятся в фокусе современного сетевого анализа. В докладе пойдет речь прежде всего о социальных сетях в Интернете («online» – сетях). При этом сетевыми исследователями упускается важность теоретического уровня и прикладного применения разрабатываемых процедур. В данном докладе мы хотели бы обсудить взаимовлияние теоретического уровня научной области и методологии, разрабатываемой в рамках сетевого анализа.

Сложность картирования политических «on-line» сетей заключается в их содержательной многомерности. Разные виды активности пользователей в социальных сетях тесно переплетаются. Социальная активность может перетекать в политическую, экономическую и наоборот.

Можно также выделить пространственные уровни картирования: мировые, федеральные, региональные. Картирование политических акторов, коллективных и индивидуальных – это основа дальнейшего политического консультирования, принятия прикладных решений и т.п.

Особое значение имеет картирование регионов, как базовой совокупности акторов, а так же объекта управления. При этом на уровень региона могут заходить сетевые структуры федерального и мирового уровня.

Подобная сложность социальных сетей недооценивается ЛПР на региональном уровне, что становится очевидным при постановки ими задачи исследования. Как показывают данные, социально-политическая активность в on-line сетях на уровне региона оказывается значительно больше, чем представлял себе заказчик до исследования.

Осложняет картирование социальных сетей технические особенности картирования социальных сетей – по платформам. Одни и те же акторы могут быть представлены и в сетях (Vkontakte, Facebook, Instagram, Twitter и прочие) и в мессенджерах (Telegram).

Таким образом, для картирования политических сетей имеют значение: постановка задачи, методология исследования и программно-технологическое сопровождение. При этом методология имеет приоритетную значимость для понимания реальных социально-политических процессов, происходящих в социальных сетях.

Ключевой методологический вопрос при картировании политических социальных сетей сводится к тому, на что лучше опираться – на теорию, или наблюдаемые реалии. Можно условно обозначить два конкурирующих подхода картирования социальных сетей: «номинация» и «обсервация». Подход «номинация», предполагает, что исследование исходит из характеристик объектов, которые «нужны» согласно постановке задачи. Подход «обсервация» исходит из объективно наблюдаемого множества объектов, их связей и атрибутов: сеть как объект.

Методологически, переходя к измеряемым объектам, это противоречие можно выразить таким образом: «переменные» VS «объекты».

Данные реальных исследований и апробация методологии снимают многие вопросы, которые на теоретическом уровне кажутся неразрешимыми. *Фундаментальное предположение: сетевые кластеры являются реально наблюдаемыми и первичными для анализа. Объекты первичны по отношению к переменным.* Исходя из реально наблюдаемых кластеров объектов можно картировать и характеризовать политические сети. На этом принципе основан *метод зерновой кластеризации*, который несколько лет используется для практических исследований.

Метод зерновой кластеризации был предложен автором в 2013 году при решении исследовательской проблемы структурирования политически активных групп России. Существующие на тот момент стандартные математические и лингвистические подходы не принесли практической пользы и/или оказались слишком затратными с точки зрения времени и финансов.

Основной посыл в разработке метода зерновой кластеризации состоит в том, что *кластеры в социальных сетях имеют не формальную, а социальную природу.* С 2013 года было проведено более 30 исследований научного и коммерческого характера по картированию социальных сетей на разном уровне: федеральном, региональных, (разных регионов России), городских и районных. Это были исследования политической активности, социальной, националистической, криминальной, профессиональные сети и т.п. Во всех случаях были получены интересные содержательные результаты. Одновременно решались технические, методологические и содержательные проблемы.

Практические примеры картирования политических on-line сетей будут показаны в докладе с иллюстрацией методологически вопросов. В качестве примеров будут приведены результаты картирования:

1. Динамика федеральных политических сетей России (20013-2018 г.). Сеть Facebook.
2. Картирование социальных сетей Карачаево-Черкесской республики (2017 г.). Сеть Facebook.
3. Картирование молодежных сетей Томского региона (2019 г.). Сеть Vkontakte.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России», № 20-011-31664.

Грачиков Е.Н. (Москва, РУДН)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1949-2019 ГГ.)

Большое влияние на процесс формирования национальных интересов и внешней политики Китая оказывает историческая память народа, связанная с периодом «ста лет унижений» (1840 – 1949 гг.), нарушением суверенитета и целостности Поднебесной, когда Китай находился в полукOLONиальной зависимости от стран Запада. Долгие годы уже при Мао Цзэдуэ (1949-1976 гг.) национальные интересы рассматривались исключительно как часть внутренней политики страны и любые коннотации в отношении других стран в этом контексте воспринимались как вмешательство во внутренние дела независимого государства.

70-летняя история развития КНР свидетельствует, что она прошла большой и сложный путь изменения государственной идентичности от пролетарского государства до национального. Такой же процесс наблюдался при формировании понятия и практического содержания интересов страны от интересов пролетариата к национальным интересам, которые впервые были официально закреплены в конце 1990-х годов в Белой книге по внешней политике КНР.

Политика Дэн Сяопина «реформ и открытости» и проведение дипломатической стратегии «приглашения к себе» («请进来” 战略) способствовали притоку в Китай иностранного капитала, технологий и знаний, что при низкой себестоимости труда и затрат на производство привело к взрывному росту экономической мощи, накоплению золото-валютных резервов страны и, главное, поставило проблему вывоза китайского капитала за рубеж.

Директор Института современных международных отношений Университета Цинхай Янь Сюетун одним из первых в китайском академическом сообществе исследовал проблему национальных интересов Китая (中国国家利益分析/阎学通著。-天津人民出版社, 1996年版第328页 [Yan Xuetong. Analysis of Chinese National Interests. Tianjin People's Publishing House, 1996. 328 p.]). Последовавшая вскоре дискуссия закрепила «право» на существование термина «национальные интересы», хотя, как пишет Сюй Цзя, еще и в 2000-е годы было немало ученых, которые считали, что у Китая не может быть других интересов кроме пролетарских (中国国家利益与影响/许嘉 主编。-北京: 时事出版社, 2006年版第464页 [China's National Interests and Influence. Xu Jia ed. Beijing: Current Affairs Press, 2006. 464 p.]).

Принятие КНР во Всемирную Торговую Организацию создало благоприятные условия для стремительно роста экспорта Китая и его превращения в главного торгового партнера для 140 стран мира, в том числе для США (с 2015 г.). Именно во втором десятилетии XXI века границы национальных интересов КНР выходят за пределы государственных границ. Приход к власти Си Цзиньпина и его инициативы строительства «пояса и пути», формирования «сообщества единой судьбы человечества», явно носящие геополитическое содержание, придают национальным интересам Китая глобальное звучание. Постоянные упреки Запада в отношении прав человека и естественная реакция Пекина приводят к появлению «коренных национальных интересов» КНР, которые касаются проблем Тайваня, Тибета, Синьцзяна и в последнее время Гонконга. Для дифференциации стран-партнеров на *опорные* (*zhidian* – 支点), которые поддерживают коренные национальные интересы КНР, и *узловые* (*jiedian* – 结点), используемые КНР для расширения своих внешнеполитических ресурсов, Китай взял в качестве критерия степень их поддержки своих коренных национальных интересов⁶⁴. Россия в этой системе координат является единственным глобальным стратегическим партнером Китая, США – стратегическим конкурентом.

Тезисы подготовлены в рамках гранта РФФИ 20-514-93003, совместного проекта с Китайской академией общественных наук, «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

64. 中国国家利益门洪华, 刘笑阳: “中国伙伴关系战略评估与展望” 载 “世界经济与政治” 2015年第2期第65-95 [Men Honghua, Liu Xiaoyang. Chinese Partnership Strategy: Assessment and Perspective. World Economics and Politics, 2015, no. 2, pp. 65-95].

Гребенникова Е.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗРАСТАНИЯ РИСКОВ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 8 СОЗЫВА

Современный избирательный процесс сопряжен с совокупностью политических рисков, обусловленных повышением неопределенности в ходе подготовки и проведении выборов. На сегодняшний день протестная активность поствыборного периода становится серьезным риском турбулентности политических систем государств.

Российский политический опыт последних лет показывает, как в связи с рядом политических решений, за президентскими и парламентскими выборами 2011 года, а также выборами в Московскую городскую Думу 2019 года последовали крупные акции протеста.

В широком смысле, факторами возрастания рисков в период выборов являются конфликтность политической среды, внутриэлитная борьба, низкая легитимность власти и низкое качество политического управления. При этом, различие факторов политических рисков продуцируется особенностями политических систем государств, текущими процессами и тенденциями политических практик.

Основные факторы политических рисков на предстоящих выборах депутатов Государственной Думы исходят из сложившихся в течение последних 20-ти лет политических практик и текущих политических решений.

Во-первых, неэффективность проводимой государственной политики в социально-экономической сфере, характеризующаяся высокой степенью дифференциации в получении общественных благ социальными группами, уровнем жизни населения и уровнем бедности, в совокупности с общей усталостью населения от несменяемости власти формируют пессимистичное отношение к политическим процессам в России. Подобные характеристики формируют негативный фон для проведения выборов депутатов Государственной Думы.

Во-вторых, рейтинги восприятия россиянами политических институтов показывают, что неодобрение деятельности Государственной Думы является достаточно высоким – его выражают 43,5% населения (ВЦИОМ: Деятельность государственных институтов. 13. 09. 2020). Для сравнения, деятельность Президента не одобряют 28,4% россиян (Там же). Так, негативный имидж «нижней» палаты парламента способствует формированию отрицательных стереотипов и установок.

В-третьих, отсутствие динамики внутри парламентских партий и реальной политической конкуренции в российской партийной системе приводят к спросу на изменения. Вместе с тем, корректировка избирательного ландшафта (появление электронного голосования, увеличение количества дней для голосования) способствует снижению легитимности выборов.

Помимо этого, рейтинг доминирующей на сегодняшний день партии остается невысоким: согласно опросам, за «Единую Россию» готовы проголосовать 31,5% населения (ВЦИОМ: Рейтинг политических партий. 13. 09. 2020), что вызывает потребность в проведении серьезных политико-технологических партийных решений, которые в свою очередь, в случае неэффективности, могут вызвать активизацию протестных настроений в обществе.

Таким образом, выборы депутатов Государственной Думы являются значительным фактором возрастания турбулентности политической системы в России. Это означает, что потребность в грамотном информационно-коммуникативном сопровождении будет играть ключевую роль в политической практике 2021 года.

Григоренко И.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Некогда мало популярные региональные и муниципальные политические выборы начинают привлекать все больший и больший интерес не только научного сообщества, но и российского общества. В связи с этим возрастает привлекательность слабо изученной в российской политической науке темы «региональных политических режимов», которые улучшают анализ региональных политических процессов и факторов, влияющих на них.

Региональный политический режим (далее РПР) – совокупность политических институтов, акторов и процессов в рамках ограниченной административной территории определенного государства. В начале 90-ых гг. РПР стал одним из направлений проводимых политических исследований, что было вызвано разнообразным политическим дизайном российских регионов. Пионерами изучением региональных политических режимов являются А. Кузьмин, Н. Мельвин, В. Нечаев (Кузьмин А., Мелвин Н., Нечаев В. Региональные политические режимы постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 142-155), Гельман (Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис: Политические исследования. 1998. № 1. С. 105-106). Научные разработки Р. Туровского (Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. № 2), Ю. Гайворонского (Гайворонский Ю.О. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // Полития. 2015. №2 (77)) стали *теоретической базой* для данной работы.

Целью данной работы являлось определение возможности и эффективности изучения региональных политических режимов, определение проблем и перспектив дальнейших исследований в данном направлении.

Региональные политические режимы определялись с помощью индексного метода. Использовались три независимых индекса (выделены полужирным начертанием, см. таблицу), каждый из которых содержит ряд элементарных показателей (выделены курсивом, см. таблицу), определенных с помощью изучения аналитических материалов и информации СМИ.

Таблица. Сравнительная таблица политических режимов Ставропольского края и Республики Дагестан

Показатели	Ставропольский край	Республика Дагестан
Распределение власти в регионе, в т.ч.	0,25	1
количество акторов первого порядка	один (1)	один (1)
отношения законодательной и исполнительной властей	подчинение законодательной власти исполнительной (1)	подчинение законодательной власти исполнительной (1)
отношения местной и исполнительной властей	подчинение местной власти главе региона (1)	подчинение местной власти главе региона (1)
отношения между исполнительной властью и представителями федерального центра в регионе	противостояние (-1)	подчинение (1)
отношения между исполнительной властью и региональными представителями	независимость (0)	подчинение (1)

Использование политической власти в регионе и обратная связь, в т.ч.	2/3	-2/3
политическое насилие	отсутствие (1)	регулярное использование (-1)
политическое участие	использование административного ресурса во время голосования и теоретическое возможное проявление протеста (0)	использование административного ресурса во время голосования и теоретическое возможное проявление протеста (0)
реакция власти на запросы общества и обратная связь	большая часть запросов учитывается, власть идет на контакт с населением (1)	власть не идет на контакт с обществом и не учитывает запросы населения (-1)
Степень независимости региона от федерального центра, в т.ч.	0	1
зависимость губернатора от федерального центра	неполная зависимость (0)	зависимость от федеральной власти (1)
дотационная зависимость	более 10% расходов покрываются федеральными средствами (1)	более 10% расходов покрываются федеральными средствами (1)
независимость силовых структур от губернатора	независимы (1)	губернатор-«варяг» (1)

Результаты анализа частично подтвердили первоначальную гипотезу. Ставропольский край оказался менее моноцентричным, более демократичным и менее зависимым от федерального центра. Такие результаты вызваны культурными и религиозными, социальными и экономическими различиями.

Данная работа доказала принципиальную возможность изучения региональных политических режимов. Среди проблем наиболее серьезными являлись следующие:

- Слабая теоретическая разработанность;
- Сложностью сбора эмпирических данных и критериев их отбора;
- Большое влияние субъективного фактора в понимании регионального политического режима.

Среди перспектив дальнейших исследований можно определить:

- Возможность увеличения выборки;
- Разработки концепций, связывающих региональный политический режим с другими политическими понятиями и теориями;
- Выработка более проработанного подхода к изучению регионального политического режима, основанного на сборе уже имеющегося опыта.

Таким образом, изучение региональных политических режимов – перспективное направление изучения в рамках современной политологии.

Гриценко Г.Д. (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В СТАБИЛИЗАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

С последнее время тревожная информация из северокавказского региона появляется достаточно редко. Более того, коронавирусная ситуация временно приглушила региональные проблемы и трудности. Но это не означает, что этнополитическая ситуация в республиках Северного Кавказа перестала быть нестабильной, конфликтной. Для ответа на вопрос, что же в настоящее время происходит в данном макрорегионе, был проведен контент-анализ основных республиканских СМИ в рамках реализации проекта Южного научного центра РАН «Конфликтологический анализ региональной ситуации на Юге России». Одним из вопросов было изучение публикаций в ведущих республиканских СМИ о роли субъектов гражданского общества в стабилизации этнополитической ситуации. Были изучены СМИ

(март 2020 г.) Чеченской Республики и Республики Ингушетия, отношения между которыми осложнились после подписания соглашения об установлении административных границ между ЧР и РИ.

Так, в публикациях республиканской общественно-политической газеты «Ингушетия» говорится о том, что в Ингушетии продолжают задержания лиц, участвующих в несанкционированных выступлениях, в связи с тем, что они применяли насилие в отношении представителей власти, а также призывали к массовым беспорядкам и насилию.

Иная точка зрения на эти выступления и задержания лидеров протестного движения представлена на интернет-страницах оппозиционного ингушского издания «Фортанга». В частности, здесь публикуются открытые письма известных ингушских тейпов Президенту Российской Федерации В.В. Путину, в которых указывается на непрекращающиеся репрессии в отношении ингушского народа, нарушения его прав и интересов, раздаются также призывы бойкотировать участие в общероссийском голосовании по поправкам к Конституции РФ. Всё это ведет к активизации протестного настроения.

Политизированность этничности на Северном Кавказе достигла такого высокого уровня, что даже незначительное, не совсем продуманное действие со стороны того или иного субъекта превращается в рискогенный, а нередко и конфликтогенный фактор межэтнических столкновений. Ярким примером может служить факт установления дорожного знака чеченской стороной с надписью «ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА. Шелковской район», который обозначал, что дорога, ведущая из г. Кизляр в сторону Чеченской республики, проходит через Шелковской район Чеченской республики. Не полыхнуло пламя межнационального конфликта только благодаря оперативному подключению к его разрешению руководства республик.

На страницах республиканских газет в Чеченской республике территориальная проблема не затрагивается. В то же время много места на страницах местной прессы отводится деятельности духовенства по организации диалога с представителями муфтий других республик в рамках исламских культурных программ. Примером может служить встреча в Духовном управлении мусульман Чеченской Республики муфтия ЧР Салаха-хаджи Межиева с муфтием Северной Осетии-Алании Хаджимурадом Гацаловым, на которой они обсудили работу комиссий по примирению кровников в ЧР и Северной Осетии-Алании.

Итак, как показывает этнополитическая практика, вопрос о территориальных границах сохраняет свою актуальность. Проблемы, обусловленные территориальными спорами, трудно решить «сверху», что подтверждают массовые протесты в Ингушетии после подписания соглашения 26 сентября 2018 г. Видимо, решение может быть найдено на уровне гражданских инициатив, где будут приниматься во внимание интересы разных сторон и делаться обоюдные уступки. И наиболее успешными переговорщиками в сложившейся ситуации могут быть духовные лидеры.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта № гр. АААА-А19-119011190170-5.

Гришин Н.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

МЕХАНИЗМЫ И ФОРМЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА НА ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ВЫБОРОВ

Активизация международного сообщества в вопросах регулирования избирательного процесса сопровождается развитием соответствующих институциональных форм.

Влияние международного сообщества мы отделяем от иностранного влияния, которое может исходить от других национальных государств (подобно участию США в разработке избирательной системы ФРГ в 1949 г.). Субъектами международного влияния выступают международные организации (межправительственные и неправительственные). С конца XX века развиваются международные организации, специализирующиеся на электоральных вопросах. Рассмотрение активной роли международного сообщества в электоральной политике предполагает ориентацию на конструктивизм как методологический подход к изучению международных отношений.

Механизмы и формы влияния международного сообщества на электоральную политику развиваются в рамках следующих основных направлений:

- нормативное (разработка конкретных стандартов и рекомендаций, прежде всего – Венецианской комиссией, ОБСЕ и т.д.);
- ценностное (развитие и распространение представлений о качестве и ценности конкретных электоральных институтов и практик электорального менеджмента);
- экспертное (проведение исследований и получение знаний о свойствах и эффектах определенных электоральных институтов, например, экспертный доклад Международного фонда избирательных систем о делимитации избирательных округов и т.д.)
- контролирующее (наблюдение на выборах как одна из важнейших форм международного воздействия на проведение выборов);
- кадровое (подготовка специалистов по электоральному менеджменту в международных организациях).

Практика международного участия в публичном управлении в сфере выборов предполагает использование, прежде всего, неимперативных форм воздействия, а в части международных норм и стандартов – диспозитивных норм, признающих за национальными государствами большую свободу выбора относительно обязательности их соблюдения. Неимперативными формами воздействия являются: рекомендации, инициативы, оценки (мнения), поддержка электоральных практик. Среди императивных форм присутствуют требования со стороны международных организаций к национальным государствам относительно соблюдения базовых принципов проведения выборов. Современные механизмы и формы влияния международного сообщества на публичное управление в сфере выборов в целом описываются в категориях теории глобального управления.

Не смотря на преобладание технологий мягкого влияния (путем транслирования ценностей) следует отметить происходящее с начала XXI века возрастание роли жестких технологий (конкретизация международных избирательных стандартов; участие международных акторов в легитимизации отдельных электоральных институтов и результатов выборов; введение Африканским Союзом для стран-участниц требования принимать миссии по наблюдению за выборами без приглашения, и т.д.).

Можно предположить, что существующая в настоящее время преобладающая практика использования диспозитивных норм, может смениться за счет распространения норм императивного характера (прежде всего, в форме запрета отдельных электоральных институтов, препятствующих демократии). Негативное обязывание со стороны международных организаций получает распространение уже на современном этапе; проявляется в отношении ценза оседлости и т.д.

Институты международного участия в публичном управлении в сфере выборов могут получить развитие в иных отраслях глобального управления.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484

Громова Т.В. (Самара, ИАЦ),

Малаканова О.А., Толыгина О.А. (Самара, СамГУ)

ЦИФРОВОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КЕЙСА)

Основным предметом анализа в нашем исследовании выступает цифровое волонтерство как социально-политический феномен и формы его реализации в современной России – на примере Самарской области.

История цифрового волонтерства начинается в 70-х годах XX в., однако его активное развитие происходит в 2010-х годах, что было спровоцировано появлением смартфонов. В этот же период начинается история его изучения.

Цифровое волонтерство мы понимаем как тип волонтерской деятельности (не оплачиваемая деятельность, выполняемая свободно и сознательно в пользу других людей), которая осуществляется дистанционно с помощью Интернета и гаджетов.

Цифровое волонтерство выступает не столько новой социальной практикой, кардинальной трансформацией «традиционного» волонтерства, сколько расширяет его границы, свойства и возможности.

Как и для «традиционного» волонтерства, для цифрового характерны три ключевых свойства: добровольность деятельности, ее безвозмездность и стремление к достижению общественного блага.

Границы цифрового волонтерства как социальной практики и как научного понятия в настоящее время предельно широки и включают в себя многообразные формы деятельности – цифровую благотворительность (любые пожертвования, разовые или регулярные, лайки и репосты «благотворительной» информации и т.д.), краудсорсинг и краудфандинг, Big Data, Open Data, гражданскую журналистику, «гражданскую науку» и многое другое. Однако такое расширение пространства цифрового волонтерства кажется нам оправданным, т.к. оно соответствует логике концепции конвергенции – медиа, технологий, социальных практик, культур в целом.

Цифровое волонтерство рассматривается нами в рамках концепция культуры (со)участия Г. Дженкинса, которую авторы понимают как «расширение демократических ценностей многообразия и плюрализма, распространяемых посредством интенсивных сетей социальной интеракции» (Jenkins H., Ito M., Boyd D. *Participatory Culture in a Networked Era. A Conversation on Youth, Learning, Commerce and Politics.* – Cambridge: Polity Press, 2016. P. 26).

Культура (со)участия предполагает высокую степень субъектности и гражданской вовлеченности участников интеракции, осознание социальной значимости своей активности, индивидуальной или коллективной. Новые медиа в рамках этой концепции предстают, с одной стороны, как пространство, культивирующее культуру (со)участия, а с другой – как эффективный инструмент сетевой коммуникации. Все чаще в исследовательском плане выделяется аксиологический аспект волонтерства для самих волонтеров, когда личные интересы человека пересекаются с желанием помогать другим (формирование так называемой «убежденной активности») (Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании. М., 1999. С. 19).

В современном российском обществе участие в волонтерской деятельности становится общественно одобряемой формой гражданской активности. Государство поддерживает, стимулирует, развивает различные формы «традиционной» и цифровой волонтерской деятельности.

Социологические исследования фиксируют исключительно положительное восприятие волонтерства, особенно в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Так, по данным ВЦИОМ, 74% россиян считают, что волонтеры оказывают существенную помощь в условиях распространения коронавируса, еще 64% декларируют готовность включиться в такую деятельность (опрос «ВЦИОМ-Спутник», 23 апреля 2020 г., опрошено 1600 россиян, телефонное интервью).

Однако, показатели распространенности реального участия граждан в волонтерской деятельности гораздо ниже, особенно это проявляется в провинции.

По данным опроса, проведенного в Самарской области, лишь 2,5% жителей региона отметили, что имели опыт волонтерской деятельности (на постоянной основе или время от времени). Из них только 6,7% применяют дистанционные технологии с помощью Интернета, гаджетов. Еще 10,6% жителей Самарской области не имеют подобного опыта, но высказали желание попробовать себя в качестве волонтера (июль 2020 г., опрошено 2400 жителей области, уличный опрос по репрезентативной выборке).

Эксперты, опрошенные в рамках исследования, анализируют разные причины разрыва между декларируемой готовностью участвовать в волонтерстве и низкими показателями вовлеченности в реальную помощь нуждающимся. Особый интерес представляют для исследователей факторы, влияющие на мотивацию и включенность в волонтерскую деятельность (социально-демографические, социокультурные, территориальные и др.). В рамках экспертного опроса была предпринята попытка создать портрет современного «цифрового» волонтера.

Гундарь Е.С. (Ставрополь, СКФУ)

РОЛЬ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Публичная политика выступает той формой, которая позволяет системе стать более гибкой, а значит конкурентоспособной. Возникает актуальный вопрос соотношения обеспечения безопасности и развития демократии.

Современное исследование роли публичной политики в обеспечении безопасности государства обусловлено современными рисками и угрозами. Неравновесное, неустойчивое состояние наблюдается в современной политической системе РФ, равно как и многих государств. Сложившееся состояние можно описать следующим образом: политическая элита, политические институты, планировали политическую деятельность в привычных, хорошо им известных переменных на определенный срок в определенных параметрах. Однако резкое появление заранее непрогнозируемых угроз актуализировали вопрос приспособления системы к новым условиям. Гибкие системы имеют больше возможностей для открытия новых, еще не регламентированных форм нового функционирования, чем жесткие системы, стремящиеся приспособить «новые условия под старые формы».

Угрозы, с которыми внезапно РФ столкнулась в 2020 г. пандемия COVID-19, системный кризис РФ на фоне общего мирового кризиса падения мировых цен на энергоресурсы носят глобальный характер.

Автор теории катастроф как бифуркаций систем, математик Р. Том, как и Э.Лоуренц математическими моделями описали формирование неустойчивого мира, зависящего от малейших случайных изменений, показав, что в интервалах между изменениями линейное поведение системы предсказуемо и определяется закономерными факторами. Но «в точке бифуркации бесконечно малая величина на «входе» может стать «огромной» на выходе».

Задача публичной политики в информационном пространстве формировать патриотические ценности, несмотря на то, что лидеры западных и прозападных государств обвиняют правительство России в массовых нарушениях прав и свобод граждан. В условиях плюрализма и нарастающей самодостаточности гражданского общества диалог с государством приобретает характер всё более сложной и нелинейной коммуникации.

И найти баланс между властью и обществом - сложная задача для современной российской политической элиты, поскольку угрозы извне и политические противоречия внутри системы требуют гибкости. Но политические реалии свидетельствуют, что поддержка институтов гражданского общества обеспечивает стабильность и поддержку власти.

Современный мир стремительно меняется – и государства с инертным бюрократизированными элитами и радикальным населением займут в нем, в конечном счете, соответствующее место». Российская публичная политика актуализируется в самых разных направлениях: во-первых, в сегменте информационной безопасности (работа с фейк-новостями, информирование и политическая социализация граждан); во-вторых, активная работа с молодежью; в третьих - реализация масштабных национальных проектов; в-четвертых развитие отечественной дипломатии, развитие евразийских интеграционных процессов, и разработка отечественного инновационного оружия. Политическая элита федерального уровня РФ активно участвует в информационном освещении вопросов обеспечения безопасности.

Гусев К.А. (Санкт-Петербург, СПбГУПТД)

ОНТОЛОГИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РУССКОМ СОЦИАЛЬНОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ

При всей противоречивости оценок, даваемых двум политико-правовым и социально-экономическим реформам, между которыми более ста лет, невозможно отрицать либеральную направленность преобразований. На мировоззренческом уровне либерализм проявляется в духовно-религиозной интенции свободы. На философском уровне либеральная парадигма определяется как совокупность рационально-философских концепций, ставящих и решающих ряд теоретических проблем, способ решения которых и позволяет идентифицировать ту или иную философскую теорию как либеральную.

Важнейшей в либерализме является философия субъективного и объективного права, что отличает его как от социализма, не учитывающего субъективные права личности, так и от анархизма, отрицающего правоограниченность действий человека. Выделив из многообразных определений либерализма политическую составляющую, подчеркнем, что либерализм – это теоретическое обоснование сочетания для каждого лица комплекса прав и свобод со всей полнотой этической и правовой ответственности, а также концепция эволюционного превращения государства в правомерно действующий институт, стоящий – в идеале – на страже прав и интересов каждого гражданина.

Социальный либерализм выделяется из всего многообразия либеральных концепций через противопоставление с крайним экономическим либерализмом, принимающим во второй половине XX в. форму либертаризма. Предшественником и социального, и христианского либерализма является, на наш взгляд, политико-правовая концепция великого русского философа Вл. Соловьева. В социально-христианской этико-правовой доктрине Вл. Соловьева мы выделим принцип права каждого лица на достойное существование, т.е. право не только иметь минимум средств для физического выживания, но и пользоваться досугом для своего духовного совершенствования.

Итак, идею сочетания несомненной ценности права и свободы с неотрицанием равенства сформулировал Вл. Соловьев, рассматривавший право как синтез равенства и свободы. Человек, по его словам, должен иметь не только средства к существованию, достаточный физический отдых, но и возможность пользоваться досугом для своего духовного совершенствования⁶⁵, т.е. комплекс не только политических и гражданских, но и социальных прав, который П.И. Новгородцев и И.А. Покровский в предреволюционную эпоху назовут правом на достойное человека существование.

Еще накануне революции С.А. Котляревский признал, что либеральная теория в своих философских основаниях, т.е., идеях народного суверенитета, разделения властей, прав человека и гражданина, а также логической стройности их изложения не всегда убедительна. Но, по словам Котляревского, «возрождается опасная иллюзия», которая заключается в убежденности, что «достаточно разоблачить логические слабости и несовершенства теорий и систем», исходящих из либеральных начал, и «потребность, создавшая последние, перестанет существовать для людей». Постановка вопроса о неотъемлемых правах каждого лица, вопреки многократно отмечаемым в истории кризисам либеральной идеологии, неколебимо возрождает убеждение: государство должно стать правовым⁶⁶.

«Русские либералы-интеллектуалы», по словам известного отечественного историка В.В. Шелохаева, «создали *открытую* (курсив автора – К.Г.) теоретическую модель для будущего открытого гражданского общества», позволяющего личности реализовать свои потенциальные возможности. Целостная либеральная модель рационалистического переустройства России «сводилась к созданию правового государства и гражданского общества, формированию системы рыночных отношений, разработке механизмов социального партнерства, цивилизованных методов разрешения международных конфликтов»⁶⁷.

65. См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия / В.С. Соловьев. – М.: Республика, 1996. – 479 С. – С. 308

66. См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства / С.А. Котляревский. – М.: Мысль, 1915. – 420 С. – СС. 2-4

67. См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России / В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1996. – 330 С. – С. 32

По словам профессора Л.В. Селезневой, русский либерализм рубежа XIX-XX вв. располагал *теорией заимствования*. Это позволяет решительно опровергнуть утверждение о слепом копировании русскими либеральными авторами западного опыта. А взгляды русских новых либералов, преодолевающие доктрину «позволять действовать», концепцию минимального государства, государства-«ночного сторожа», стали общепризнанным достоянием современного западного социального либерализма⁶⁸.

Сохраняет актуальность безусловно логичная и безупречно корректная критика идеологами кадетизма марксистских, анархических, равно как и праворадикальных течений. Методологии критической оценки Новгородцевым, Е. Трубецким, Б. Кистяковским, С.Л. Франком антилиберальных доктрин не мешало бы поучиться некоторым сегодняшним «записным либералам». И, разумеется, вполне современна критика Новгородцевым, Кистяковским, Е. Трубецким, С.И. Гессеном утилитаристских, релятивистских примитивно-либеральных концепций, также, нередко, провозглашаемых нынешними «большевиками от либерализма».

Гутова Е.А., Кошевой А.С. (Томск, НИ ТГУ)

ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

К основной характерной черте российского социума, как на региональном, так и на муниципальном уровне относится, к большому сожалению, извращение сущности публичной власти, искажение ее целевых основ формирования. Проблему конструктивной коммуникации власти и общества уже даже не стремятся завуалировать, она на поверхности. Имидж представителей власти фантомный и неуловимый, и не попадающий в целевую аудиторию не своим имиджем, не лидерскими качествами. Отсюда и собственно отсутствие должного доверия к власти, а там, где нет доверия, о качестве диалога можно только мечтать.

Реальная картина уровня доверия к власти достаточно низкая. Из сознания большинства представителей гражданского общества практически стерт ассоциация власти как инструмента, призванного служить интересам общества. Власть в регионах давно трансформировалась в бюрократическую систему с корпоративными установками, имеющую в своем арсенале действий на случай коммуникации с представителями гражданского общества некий стандартный набор поведения, который исключает возможность и необходимость конструктивного диалога с последними. Граждане и организации не имеют по сути собственного эффективного набора инструментов и ресурсов, позволяющих им повлиять на изменение складывающейся картины по взаимодействию с представителями властных институтов.

В рамках подготовки материала были использованы материалы экспериментального опыта представителей института гражданского общества - категории юридических лиц, субъектов малого и среднего предпринимательства, в вопросе реального взаимодействия с органами местного самоуправления, в части отдельных вопросов по реализации Указов Президента РФ и федеральных законов на местах, при реализации инициативных начал по инвестиционным проектам.

В части экспериментального опыта организаций был выбран федеральный закон № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Реальное положение дел в данном направлении в отдельно взятых территориальных единицах субъектов РФ: Кемеровская область (Новокузнецкий муниципальный район, Прокопьевский городской округ, Юргинский муниципальный район, Тамбовская область (Татановский сельский совет).

В качестве основного инструмента по реализации права на самоорганизацию деятельности юридическими лицами были использованы процедуры, предусмотренные федеральным законом № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

68. См.: Селезнёва Л.В. Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы / Л.В. Селезнёва // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы международной научной конференции. – М.: РОССПЭН, 1999. – 567 С. – СС. 121-129. – СС. 123, 128; курсив Л.В. Селезневой

Рассматриваемый период 2018-2019 гг. Результатом взаимодействия организаций и представителей органов власти в итоге явилось обращение в суд за защитой нарушенных права и интересов юридических лиц.

Практика показала, что с момента утверждения закона № 115-ФЗ до настоящего времени в рассматриваемых публично-правовых образованиях отсутствует четкий алгоритм действия уполномоченных органов по реализации федерального закона № 115-ФЗ. Ответы на обращения организаций от уполномоченных органов носят формальный характер, не согласующийся с нормами, прямо указанными в федеральном законе «О концессионных соглашениях» и прямо указывают на наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства РФ, фактически реализация федерального закона № 115-ФЗ на указанных территориальных единицах парализована. Законотворческая инициатива Федерации по внедрению инвестиций в объекты коммунального назначения так и остается лишь желанием Правительства РФ улучшить ситуацию на местах в сфере ЖКХ.

По опыту взаимодействия реализации федерального закона № 115-ФЗ, фактически заблокирована. Так, по факту «несложившегося» конструктивного диалога организаций с представителями власти на местах нарушается ряд федеральных законов: 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», 190-ФЗ «О теплоснабжении», 135-ФЗ «О защите конкуренции», 131-ФЗ «Об организации местного самоуправления в РФ».

При таких обстоятельствах, говорить о развитии правового общества, реализации законотворческих инициатив Правительства РФ, соблюдении конституционных прав граждан и организаций не представляется возможным.

На вышеуказанных примерах организации считают необходимым создать судебный прецедент по применению дисквалификаций должностных лиц, уполномоченных органов за принятие нормативных и ненормативных актов противоречащих нормам действующего законодательства.

Вот, видимо, мы и подошли к тем возможным инструментам и ресурсам представителей гражданского общества, с помощью которых, в некотором смысле можно говорить о конструкции диалога, однако эти инструменты весьма затратные по своей сути и со стороны финансового обеспечения и временными периодами, зачастую такой путь к реализации диалога с властью доступен не каждому. Тем не менее, решение спорных вопросов в правовом поле видится как основное направление взаимодействия власти и институтов гражданского общества по ограничению исполнительной власти.

Данилова А.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ «НОВЫХ ЛИЦ» ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Итоги электоральных циклов 2016-2020 гг. продемонстрировали качественное и количественное обновление в составе региональных политических элит. Существенные изменения коснулись губернаторского корпуса, который ранее не отличался наличием единой кадровой политики в отношении кандидатур на должность главы региона.

В 2016 г. ситуация несколько изменилась: интенсивно и быстро идет процесс по обновлению и омоложению губернаторского состава. Появившиеся в политическом поле новые главы регионов не только отличались своим молодым, по меркам большой политики, возрастом, но и специфическими чертами личности. Журналисты таких губернаторов окрестили «технократами», то есть деполитизированными специалистами по применению управленческих технологий. Они не были похожи на своих предшественников ни своей биографией, ни профессиональным опытом работы, который сводился к государственной службе на разных уровнях власти, ни образованием и специфической управленческой подготовкой в основанной на базе РАНХиГС Высшей школе государственного управления.

Систематические отставки региональных руководителей и назначение новых временно исполняющих обязанности глав регионов со сходными социально-демографическими характеристиками

показывают, что проект по введению в политику губернаторов нового поколения, начавшийся в 2016 г., продолжается и не теряет темпа. При этом личностно-психологические особенности «новых лиц» губернаторского корпуса еще не изучены должным образом.

На текущий момент на нашем политическом Олимпе расположились 56 действующих губернаторов, которые заняли свои посты в период массовой ротации. Новое поколение региональных лидеров представлено мужчинами, средний возраст которых — 49 лет. Они имеют одно или два высших образования, проходили курсы повышения квалификации в области управления, обладают разнообразным управленческим опытом, являются членами «Единой России» или располагают поддержкой со стороны партии.

В результате составления психологических профилей и политико-психологического анализа трех представителей губернаторского корпуса мы пришли к следующим выводам относительно их личностных особенностей.

1. Установлен ряд личностно-психологических качеств, которые являются сходными как для нового, так и для предыдущего поколения губернаторов. Все главы субъектов строго выдерживают заданный федеральной властью политический стиль «администратор», а в межличностных отношениях преимущественно характеризуются экстраверсией. В их ценностных профилях преобладают традиционные политические ценности, среди которых наиболее выраженными являются патернализм и установка на сотрудничество.
2. Выявлены типовые психологические особенности, отличающие новое поколение региональных руководителей от предыдущего. Новым губернаторам свойственны высокие показатели по мотивам достижения и власти, а также заниженные по мотиву аффилиации. В их ценностных профилях появляются такие политические ценности, как инновационность и ориентация на запад. Для обновленного губернаторского корпуса характерно появление людей с высокой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции, свойственной типам «аполитичный политик» и «показательный политик».
3. Анализ полученных в результате исследования психологических профилей глав регионов продемонстрировал, что в целом психологические качества губернаторов совпадают, но степень их выраженности в конкретных случаях различается. В основном это касается когнитивных и аффективных компонентов в структуре личности.

Результаты политико-психологического анализа «новых лиц» губернаторского корпуса могут позволить определить личностный и профессиональный потенциал современных региональных управленцев, а также наметить тенденции в управлении регионами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

Данилова Е.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет)

КОМПЕТЕНЦИИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РФ В РАМКАХ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

В стремительно меняющихся условиях современного миропорядка с перманентными выраженными вызовами и угрозами актуальна задача формирования национального бренда страны в целях ее отстройки от геополитических конкурентов и установления собственной глобальной субъектности. Принимая во внимание усиливающиеся глобальные противоречия, геополитические амбиции западных стран по уменьшению роли России в международных отношениях, сохраняющиеся военные

конфликты в непосредственной близости от государственных границ РФ, рост угрозы международного терроризма остро актуальна задача поддержания национальной безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Наблюдается укрепление символических основ традиционных политико-культурных ценностей национальной безопасности и обороноспособности в общественном сознании, которые требуют дополнительного исследования на предмет их потенциального использования в концептуальной модели и политической стратегии национального брендинга.

Проблематика отраслевого брендинга инноваций и его методологического включения в концепцию национального брендинга является актуальным направлением исследования. Сосредоточение фокуса стратегии национального брендинга на позиционировании и репрезентации инноваций в оборонно-промышленном комплексе, наряду с обеспечением достойного уровня жизни и роста благосостояния населения, соответствует российской державной ментальности и способствует консолидации российской нации. Конкретизация русской идеи в русле инновационного развития ОПК соответствует историческому и перспективному развитию российской государственности, так как тема военной мощи, национальной безопасности прочно вписана в национальный архетипический код, а оборонная отрасль традиционно занимает ключевое место в развитии и позиционировании страны. Тема инновационного развития российской оборонной промышленности имеет большую актуальность и в связи с ее ролью катализатора инновационных преобразований в других отраслях экономики за счет развития технологий двойного назначения. Диффузия инноваций из ОПК в различные отрасли экономики и промышленности способствует укреплению державности в массовом сознании населения, гордости за свою страну, в том числе за счет усиления ее положения на мировой арене.

Научный анализ и оценка роли и компетенций субъектов ОПК в развитии оборонной отрасли, изучение основных принципов формирования инновационной политики в оборонно-промышленном комплексе, обоснование значения оборонной отрасли для развития российской экономики, внутриполитической стабилизации и поддержания высокого геополитического статуса позволяет установить диалектическую связь между инновационным развитием российского ОПК и стратегией национального брендинга. Реализация стратегии национального брендинга через выработку системной коммуникационной стратегии, включающей символические смысловые послания в адрес ключевых аудиторий на основе базовых фундаментальных ценностей является актуальной задачей, стоящей перед российским экспертным сообществом политологов.

Практические шаги в реализации стратегии национального брендинга должны включать следующие этапы: принятие государственной Концепции национального брендинга РФ; создание единого государственного межведомственного органа, организующего коммуникации между министерствами, курирующими обеспечение обороны и безопасности государства, субъектами ОПК, СМИ; формирование отдельной информационно-аналитической государственной структуры, ответственной за создание концепции и последующее проведение политики национального брендинга с опорой на российский ОПК; ревизия и выделение опорных отраслевых акторов – предприятий, вузов и научных учреждений ОПК, которые могут выступать субъектами территориального и национального брендинга.

Политика национального брендинга в фокусе внимания и с опорой на оборонно-промышленный комплекс государства обеспечит эффективное государственное позиционирование в качестве одного из сильных полюсов в рамках развития концепции многополярного миропорядка в противовес однополярному. Реализация стратегии национального брендинга, основанной на разделяемых ценностях национальной безопасности и обороноспособности, на практике обеспечиваемой инновациями в ОПК и транслируемой по каналам коммуникаций гражданам страны, ее политическим союзникам и оппонентам, станет основой высокого статуса и политического влияния России как во внутренней, так и во внешней политике.

Датукишвили Е.З. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.

Государственно-гражданская идентичность представляет собой сложный идеологический конструкт, являющийся предметом осуществления целенаправленной государственной политики. В рамках ее реализации используются различные политические технологии, ведущей из которых является формирование позитивных идейно-политических конструктов на основании выборочного использования исторических фактов, связывающих государства и народы-соседи. Принципиальное значение при этом приобретает детерминация содержания реализуемой политической технологии тем или иным идеологическим концептом (консервативным, либеральным и др.). Эффективность процесса формирования государственно-гражданской идентичности определяется совместными однонаправленными усилиями преимущественно двух субъектов – властной политической элиты и СМИ, транслирующих позитивный официальный дискурс с помощью медиа-технологий влияния на общественное сознание.

Понятие «идентичность» представляет собой одно из самых сложных и многоаспектных понятий современной общественной науки, прежде всего, социологической. Данный факт объясняется, во-первых, отсутствием у этого понятия собственного предметного содержания; во-вторых, различиями в правилах порождения различных *дискурсов идентичности* в зависимости от того, кто, кого, с чем и ради кого / чего идентифицирует (отождествляет); в-третьих, существующими различиями в прагматике порождаемых дискурсов идентичности.

Следует выделять политические технологии, позволяющие манипулировать поведением общественных масс, которые могут подразделяться на разные по своему характеру и численности целевые группы, и обеспечивающие такое манипулирование. Такие технологии имеют «оперативно-вспомогательный» характер и могут оказывать как конструктивное, так и деструктивное воздействие на процесс конструирования государственно-гражданской идентичности. Содержательно технологии указанной группы в условиях современного постиндустриального общества определяются спецификой регулированием информационных потоков.

С точки зрения воздействия на институциональные составляющие политического процесса политические технологии могут быть разделены на:

- политические технологии, связанные с формированием и развитием организационного потенциала политического процесса;
- политические технологии, ориентированные на создания лидерского потенциала в качестве фундаментальной составляющей политической элиты;
- политические технологии, ориентированные на формирование финансового потенциала, необходимого для обеспечения функционирования тех или иных политических структур, выступающих в качестве ведущих акторов политического процесса;
- политические технологии, способствующие созданию и развитию позитивного информационного обеспечения деятельности акторов политического процесса.

В качестве ведущей политической технологии в рамках осуществления «генерализованной» политической социализации следует рассматривать конструирование «надэтнической» национальной общности.

Содержание политических технологий, используемых для формирования этнической и государственной идентичностей, во многом совпадает, поскольку конструирование устойчивой национальной идентичности целесообразно рассматривать в качестве фундаментальной основы для образования государственной.

Дегтярёв А.А. (Москва, МГИМО МИД России)

«ДУАЛЬНОСТЬ ОПТИКИ» ПОЛИТИКО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ: ПРОБЛЕМА КОНВЕРСИИ МАКРО-МИКРО-АНАЛИЗА В ЦИКЛЕ GR-МЕНЕДЖМЕНТА

Комплексные проблемы учета и использования «дуальной оптики» в современной политико-аналитической работе связаны с двумя базовыми исследовательскими концептами – «конверсией» и «инверсией». К примеру, практикующий GR-аналитик бизнес-корпорации, который делает сетевой анализ и мониторинг отраслевой государственной политики, вынужден оперировать не «холистскими» макро-подходами (где аналитические единицы слишком крупные и абстрактные – функционирование государства, политических институтов, и др.), а использует такие «активистские» микро-единицы анализа, как линии поведения конкретных государственных организаций и подразделений, способы деятельности малых групп и сетевых клик, а также отдельных политиков, чиновников и функционеров.

В отечественной политологии до сих пор недостаточно обосновано разведение концепта «лоббизма» (или лоббистской системы) как макро-политической подсистемы функционального представительства интересов (используемый наряду с концептом «партийно-политической системы» прямого представительства интересов), и концепта «лоббирования» как микро-политической деятельности и поведения негосударственных акторов по оказанию влияния и давления на центры принятия и осуществления государственных решений. Кроме того, из всего этого вытекает и слабое понимание различий между традиционным концептом лоббирования и более современной моделью GR-менеджмента. В специальной литературе пока что практически не имеется удовлетворительных концептуальных моделей для четкого и ясного разграничения структурной иерархии агентов (стейкхолдеров) в рамках «представительства» интересов в *Макро-системе «лоббизма»*, со структурой агентов «представления» интересов уже в *Микро-системе «лоббирования»*.

В современной политической науке концептуально доминируют исследования процессов на макро-социальном уровне, и пока что господствует т.н. «редуктивный» подход, сводящий комплексную структуру политического представительства интересов к весьма упрощённым моделям. И здесь, далеко не всегда ясно и понятно – Кто? Кого (от чьего имени)? С кем? Перед кем и для кого? Что именно? Зачем (ему/им)? Для чего (всем/некоторым)? Где и Когда? и, наконец, Каким образом - Представляет? В то же время, в анализе ряда современных процессов политического участия и поведения нередко требуется описание и объяснение перехода и «конверсии» в исследовательской оптике – образно говоря, от «крупной клетки», результатов и последствий воздействия *макро-факторов* - к «клетке мелкой», стратегии и тактики действия *микро-акторов* (на основе групповых ценностей и интересов), и т.о. моделирование логического перехода с Макро-уровня на Микро-уровень.

И поэтому, во-первых, требуется учет «аналитической конверсии». Существует особая группа политологических, социологических и управленческих трудов по комплексным вопросам микро-макро-политических переходов, т.е. «пространственной (спатальной) конверсии», которая связана с проблемой трансформации индивидуально-группового поведения в деятельность микро-организаций, и «транзитируется» затем функционирование макро-политических институтов (см.: Дегтярёв А.А. Основы политической теории. М., 1998; Мусиенко Т.В. Микрополитика в современном мире. М., 2003; Eulau H. Micro-Macro Dilemmas in Political Science: Personal Pathways through Complexity. Norman-London, 1996; Morgan G. Reflections on the Macro-Politics of Micro-Politics // Politics and Power in the Multinational Corporation / Ed. H. Dorrenbacher. Cambridge, 2011, и др.).

Во-вторых, к этой же проблематике по теории «микро-макро-конверсии» тесно примыкает группа разработок по проблематике т.н. «взаимооборачивания», т.е. по процессам «сферной инверсии» политической и экономической сред и факторов деятельности современных бизнес-организаций (см.: Павроз А.В. Соискание ренты как категория политического анализа // Вестник Московского

университета. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 2; Дегтярёв А.А., Бондарев М.Д., Тетерюк А.С. Учет взаимосвязи циклической динамики «внешней» и «внутренней» среды работы бизнес-организаций в современном GR-менеджменте // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1; Baron D. Business and its Environment. Boston, 2013, и др.).

В дальнейших научных разработках потребуется и концептуальное, и эмпирическое изучение поставленного вопроса о спатиально-уровневом (пространственном макро-микро механизме конверсии) и «сферно-средовом» аспектах подобного дуализма (т.е. социальном механизме взаимной инверсии политической и экономической сред работы бизнес-организации), и вытекающей из этого комплексной амбивалентности социальных ролей, уровней и сфер крупной корпорации как современного субъекта финансово-экономической и социально-политической активности в условиях разветвления взаимосвязанных процессов государственного регулирования и рыночного саморегулирования в России.

Дейкун М.М. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

РОССИЙСКИЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Российский оборонно-промышленный комплекс традиционно играет одну из ключевых ролей в экономическом развитии страны. Предприятия оборонно-промышленного комплекса уже давно стали локомотивами научно-технического прогресса. Именно на предприятия ОПК ориентируется большинство промышленных производителей гражданского сектора, что связано с целым рядом причин.

Во-первых, российский ОПК существенно поддерживается государством. Даже во времена кризисов из российского бюджета выделяются колоссальные средства, которые позволяют спасти предприятия от банкротства и поддерживать их экономическую активность. Во-вторых, ОПК имеет особую значимость для России в связи с ее уникальным геополитическим положением, которое обуславливает необходимость поддержания функционирования мощной, современной и высокотехнологичной армии. В-третьих, ОПК всегда имеет доступ к различного рода передовым промышленным разработкам.

Предприятия ОПК играют важную роль как акторы инновационного развития, не только в данной отрасли, но и во всей экономике страны. В развитии ОПК заложен огромный инновационный потенциал, который используются лишь частично. По мнению Н.М. Абижанова и А.В. Лабудина, инновационному развитию отрасли мешает сразу несколько негативных факторов: перенасыщение рынка импортными товарами, которые более дешевые, чем российские; наличие в секторе недобросовестной конкуренции; высокий уровень коррумпированности в сфере государственных закупок; жесткий лоббизм в пользу тех или иных предприятий со стороны чиновников⁶⁹.

Кроме того, российский ОПК за последние пять лет попал под влияние целого ряда негативных тенденций, таких, как международные санкции, снижение уровня экономического роста в стране и т.д. Однако ему удалось проделать колоссальную работу и добиться значительных результатов, особенно в области импортозамещения. На сегодняшний день остается слабо развитым уровень диверсификации производства, замедленны темпы переориентации на выпуск гражданской продукции.

О данной проблеме многократно говорили первые лица российского государства. Так, президент В.В. Путин в ходе рабочего совещания г. Ижевске, отметил, что доля гражданской продукции в ОПК составила за последний год около 21%, что все еще недостаточно, и этот показатель нужно наращивать⁷⁰. Президент также подчеркнул, что предприятия ОПК должны использовать и те возможности, которые появляются в ходе реализации инновационных проектов.

69. Абижанова Н.М., Лабудин А.В. Инновационные направления развития военно-промышленного комплекса Российской Федерации // Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики. Материалы XI Международной научно-практической конференции. – 2019. – с. 203.

70. Путин говорит о необходимости участия предприятий ОПК в реализации нацпроектов гражданской продукцией // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=517751&lang=RU> (дата обращения: 15.09.2020).

Говоря об инновациях в ОПК, нельзя не отметить существующие сегодня теоретические разработки в данном направлении. На наш взгляд, оптимальная классификация инновационных проектов в ОПК была разработана В.Г. Бревновым и Л.В. Ерыгиной⁷¹. Особенностью классификации является то, что она дает максимально полную и детальную характеристику для любого инновационного проекта на предприятиях ОПК, позволяет осуществлять более гибкое и качественное управление ими. С ее помощью можно более тщательно анализировать результаты уже реализованных проектов, а также планировать управление проектами, которые находятся в стадии разработки.

Важным документом для инновационного развития является государственная программа Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса», которая была принята в 2016 г.⁷². В ней отмечается, что одним из целевых показателей является «доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной промышленной продукции», одним из ожидаемых результатов реализации Программы является «увеличение доли инновационной продукции в общем объеме отгруженной промышленной продукции с 35,1% в 2018 году до 39,2% в 2027 году» и т.д. Важно отметить, что в 2019 г. существенно увеличили объем финансирования программы, если раньше он составлял от 5,9 млрд руб.

Денисов С.А. (Екатеринбург, Гуманитарный университет г. Екатеринбурга)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕВИАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В России зарождается новое направление научной мысли, которое называется «конституционная девиантология». Предметом исследования этой науки являются (а) отступления от конституционных норм и ценностей, (б) факторы, их порождающие и (в) меры, которые можно предложить для исправления ситуации. Это междисциплинарное направление научных исследований, которое должно объединить не только юристов и политологов. К исследованиям в этом направлении следует подключить философов, социологов, культурологов, экономистов, психологов и даже психиатров.

Значительная часть отступлений от конституционных норм и ценностей связана с публичной властью. Под конституционными девиациями следует понимать не только действия органов власти и должностных лиц, но и сознание властных субъектов, а так же, сложившиеся институты публичной власти, которые не соответствуют нормам и ценностям конституционализма (например, авторитарный режим).

В рамках науки «конституционная девиантология» неизбежно возникает несколько направлений исследований, связанных с разным понятием права, конституционного права и конституционализма. В современном конституционном праве выделяются три основных направления понимания права: позитивистское, аксиологическое и социологическое. Автор исходит из аксиологического понимания конституционного права, как системы норм и ценностей определенного содержания. К основным конституционным ценностям он относит социократию и верховенство прав и свобод человека и гражданина. С этой точки зрения девиантным может быть нормативный акт, называемый конституцией. В формировании ценностей конституционного права должна принять активное участие политическая философия. Она так же может формулировать свои представления об отклонениях от конституционного идеала.

Юристы и политологи сегодня совместно изучают такие виды отклонений от конституционного права, как авторитарный и тоталитарный режим. В их исследованиях описываются основные технологии нарушения норм избирательного права. Политологам легче разобраться в этих вопросах, поскольку их коллеги политтехнологи участвуют в разработке технологий нарушения конституционных норм в интересах своих клиентов. Политтехнологи создают имидж публичной власти, занимаясь фактически обманом населения. Политологи участвуют в создании антиконституционных идеологий.

71. Бревнов В.Г., Ерыгина Л.В. Инновационные проекты предприятий оборонно-промышленного комплекса: содержание понятия, типология // Менеджмент социальных и экономических систем. – 2016. – с. 31.

72. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2016 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. - № 22. – ст. 3207.

Все реже властные субъекты для сохранения своей власти прибегают к насилию. Все чаще они используют мошеннические технологии. Одной из них является имитация перехода страны конституционному строю⁷³.

Политология сегодня перешла к эмпирическим исследованиям отдельных конституционных девиаций. Делаются попытки измерения степени отклонения отдельных стран от демократии и свободы слова. Длительные наблюдения за странами мира позволяют выявлять динамику отклонений от общепризнанных в мире конституционных норм. Сравнительные исследования публичной власти разных стран на разных этапах развития позволяет сделать вывод о типичности конституционных девиаций, их универсальности. Стремление к власти – является общечеловеческим свойством.

В рамках конституционной девиантологии политологи совместно с социологами, экономистами и культурологами должны задуматься над факторами конституционных девиаций. Здесь присутствуют традиционные для науки увлечения каким-то одним фактором. Материалисты преувеличивают значение экономических факторов. Идеалисты делают акцент на духовном развитии общества, его традициях. Естественно, возникает вопрос о том, кто больше виноват в том, что страна не может перейти к демократии и республике: элита или население?

Перед конституционной девиантологией стоит задача выработки возможных путей движения мира к конституционализации публичной власти, т.е. подчинению ее обществу и человеку. Как известно, часть представителей гуманитарных наук считают, что некоторые общества неспособны воспринять конституционные идеи и ввести конституционные нормы в своих странах. Другая часть исследователей убеждена, что все страны, рано или поздно, придут к конституционным отношениям. Следует обобщить опыт движения к конституционализму разных стран мира и на этой основе предложить заинтересованным в этом политикам различные варианты движения к конституционному строю (стратегию, тактику, приемы, использование разных сил и средств).

Сегодня, автор данных строк закончил работу над первым томом общей теории конституционных девиаций⁷⁴. На будущий год он намерен издать второй том этого исследования, касающийся основных факторов конституционных девиаций.

Итак, в России рождается новое направление научных исследований. Необходимо объединение усилий политологов и юристов, работающих в этом направлении.

Дергачева В.Е. (Барнаул, АлтГУ)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ США В ОТНОШЕНИИ СОБЫТИЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (МЕМОРИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ)

Термины «политика памяти», «историческая политика» (или в оригинале «Geschichtspolitik») первоначально стали активно распространяться и широко применяться в ФРГ и странах Восточной Европы.⁷⁵ Сейчас данный концепт репрезентации прошлого актуализируется в социальных, политологических и исторических исследованиях, а также активно используется в конкурентной борьбе различных политических акторов.

Исследованием различных аспектов политики памяти, места данного феномена в современной политической науке и политической повестке занимаются как зарубежные, так и отечественные исследователи: А. Миллер, М. Липман, Г.А. Бордюгов, О.Ю. Малинова, И.С. Семенов, В.В. Титов, Е.Ж. Hobsbawm, А. Assmann, J. Coakley, Е.Т. Linenthal, Т. Engelhardt и др.

Для закрепления в коллективной памяти необходимой интерпретации ключевых исторических событий используются различные виды коммеморации, в том числе мемориальные: восстановление и охрана памятных мест и сооружений, открытие памятников, проведение мемориальных мероприятий, учреждение памятных наград, установление государственных праздников.

73. Денисов С.А. Имитация конституционного строя: в 4 кн. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018-2019.

74. Конституционная девиантология (общая теория). Кн. 1. Наука конституционной девиантологии. Конституционные девиации. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020.

75. Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. №3-3. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf

В данной статье рассматривается вариант политики памяти США в отношении событий «холодной войны» на примере мемориальных мероприятий.

В январе 2009 года Сенат США поддержал законопроект, направленный на инвентаризацию и увековечивание памятных мест периода «холодной войны». МВД США было выделено 500 тысяч долларов на создание комиссии и «Совещательного комитета по «холодной войне». В перечень инвентаризируемых объектов вносятся, например, шахты и площадки для запуска межконтинентальных баллистических ракет, центры подготовки военных, центры управления и командования. К таким объектам относится, например, комплекс NORAD в горе Шайенн.⁷⁶

Наряду с увековечиванием памятных объектов в арсенал американской политики памяти входит создание целых мемориальных комплексов и национальных парков, посвящённых периоду «холодной войны». К таким объектам относится, например, Национальный парк Виджиленс (National Vigilance Park). Данный мемориальный комплекс посвящён американским военным лётчикам, которые проводили разведывательные вылеты во время «холодной войны». В экспозиции комплекса представлено три самолёта-разведчика, которые принимали участие в различных конфликтах периода идеологического противостояния.⁷⁷

Большое количество памятников и мемориальных комплексов посвящено отдельным конфликтам «холодной войны». Например, недалеко от монумента Вашингтона находится мемориал, посвящённый ветеранам Корейской войны, и кенотаф, на котором высечены имена всех солдат, погибших во Вьетнамской войне. Размещение этих мемориальных комплексов в сердце столицы США показательно. Память о ветеранах, жертвах и потрясениях периода конфликтов «холодной войны» является одним из важных факторов консолидации американского общества вокруг исторического прошлого США, которое, в свою очередь, вносит значительный вклад в формирование основ американской политической идентичности.

Несмотря на отсутствие факта прямого вооружённого столкновения между державами во время «холодной войны» и того, что в данном конфликте скорее нет ни победителей, ни проигравших, в США была выпущена медаль «За победу в Холодной войне» (Cold War Victory Medal). Демократической партии США, однако, так и не удалось добиться присвоения данной медали статуса официальной награды. Но военные, проходившие службу во время «холодной войны» и имеющие соответствующий подтверждающий сертификат, могут приобрести медаль и носить её с другими наградами.

Так как США являются одной из ведущих держав на международной арене уже более полувека, американская политика памяти очень многогранна, имеет обширный инструментарий и является неотъемлемой составляющей проводимой политической линии. Увековечивание памяти о важных для истории США событиях является мощным консолидирующим фактором для американского общества. Холодная война является важным периодом истории США в контексте формирования нарративов коллективной исторической памяти, что в свою очередь вносит свой вклад в формирование американской политической идентичности. Правящая элита США приобщает американское общество к коллективной «исторической памяти», укореняя «нужные» односторонние представления о прошлом, заключающиеся в том, что «холодная война» закончилась «победоносно».

Дергунова Н.В. (Ульяновск, УлГПУ)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОРМ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Инновационное развитие региона зависит от разных факторов: состояния науки, наличия инфраструктуры, обеспечивающей развитие инновационных процессов, степени разработанности соответствующего законодательства, привлекательности инвестиционного климата, состояния венчурного

76. Сенат США поддержал создание памятников истории «холодной войны» // РИА новости. 2009. URL: <https://ria.ru/20090115/159338940.html> (дата обращения: 09.09.20).

77. National Vigilance Park // NSA/CSS. URL: https://www.nsa.gov/about/cryptologic_heritage/vigilance_park/ (дата обращения: 01.09.20)

бизнеса и т.д. Инновационный тип развития требует также, по мнению Никовской Л.И., соединения государственного правления с общественным самоуправлением и самоорганизацией (Никовская Л.И. Гражданское участие и государство: рост запроса на публичность и диалог // Отечественные традиции государственного управления и современность: материалы научно-общественного Новгородского форума / Государственный университет управления. М.: ГУУ, 2017. 83с. С. 33–39).

Имеющийся культурный потенциал населения Ульяновской области, основу которого составляет образование взрослого населения, используется далеко не достаточно. Доля населения с основным средним и начальным профессиональным образованием на начало 2010-х гг. – выше среднего, а с высшим образованием – ниже среднего; но профессиональное среднее и полное среднее (10-11 классов) образование – на среднероссийском уровне. Меньше, чем во многих регионах, доля населения, которое использует компьютер и интернет. Что свидетельствует о более глубокой, даже на общероссийском фоне, пассивности жителей в развитии себя как личностей, традиционной локально-поселенческой замкнутости и гражданской пассивности (Н.В.Дергунова и др. Ульяновская область // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общеоссийском контексте. Н.И.Лапин [и др.]. М.: Academia, 2009. С. 379.).

Способность органов власти, бизнеса и институтов гражданского общества к партнерству и солидарности во имя преодоления различных региональных проблем – один из важнейших критериев антикризисного развития, важнейший ресурс преодоления социально-технологической отсталости. Публичная политика акцентирует внимание на характере, процедурах процесса совместной разработки и реализации программ деятельности власти различного уровня. Понимаемая таким образом публичная политика оказывается тесно связанной с понятием общественного участия в принятии властных решений.

Важным критерием в рамках проведенного нами выборочного исследования (2018 г.) явилось знание форм общественного контроля и организаций, которые его обеспечивают. Большинство респондентов (58,6%) слышали о том, что существует общественный мониторинг, слышали также о существовании общественных экспертиз (50%), о том, что есть общественные проверки (56%), 51,6% респондентов знают о такой форме общественного контроля, как общественное обсуждение законопроектов. Меньше всего жители знают об общественных слушаниях (48%).

Среди основных причин вовлечения населения в гражданскую активность можно выделить большое количество нерешенных проблем (в социальной, экономической, культурной, образовательной и иных сферах общественной жизнедеятельности), а также необходимость самореализации и осуществления общественно-полезной деятельности, направленной на достижение как индивидуальных, так и общих целей.

Результаты эмпирических исследований показали (три соцопроса: выборочный 384 респондентов г. Ульяновск, пилотный опрос о дискуссионных формах и экспертный – руководители региональных НКО, 2017-2019 гг.), что для современного общественного и гражданского участия более характерны эпизодические практики участия населения, весьма редко участие приобретает форму длительной деятельности, формализованного или неформализованного типа. Наиболее эффективной формой проявления активности остается обращение во властные структуры (46,3%), участие в выборах (40,2%). Исследование дискуссионных форм участия показало, что около 30% респондентов принимало участие в различных дискуссионных формах, но пассивно. Только 2% ответило, что принимало участие в прениях и имеет опыт публичного выступления. Наименьшую популярность имеют неконвенциональные формы участия.

Еще одна важная особенность структуры современного гражданского участия – его проектно-сетевой характер. В этом отношении оно стремительно осваивает новые пространства за счет подключения сетевых сообществ и новых коммуникативных технологий - 13,2% респондентов активно используют данные формы участия.

Особенностью современного состояния гражданской активности можно назвать несовершенство институциональных практик (советы, палаты, комиссии), административное давление и слабое развитие диалоговых механизмов и практик взаимодействия с государством. Чиновники всех уровней, официально признавая необходимость развития общественного диалога и укрепления институтов

гражданского общества, часто реально использует коммуникации, основанные на традиции монолога, пропаганды, манипуляции общественным мнением.

Формирование государственной региональной политики чиновничество по-прежнему рассматривает как составную часть своих прерогатив. Участие общественных сил воспринимается как покушение на суверенную сферу исполнительной власти.

Дерендяева А.Д. (Барнаул, АлтГУ)

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИНЕМАТОГРАФА КАК ИНСТРУМЕНТА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В XX веке после распада СССР постсоветское пространство стало средой для институциональных трансформаций. Главным вопросом в политической повестке дня для бывших союзных республик оказался процесс формирования собственной государственности и идентичности среди граждан. Особенно актуальной явилась деятельность по проведению символической политики.

Символическая политика рассматривается нами как публичная деятельность акторов, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности. Исследователь О.Ю. Малинова подчеркивает, что в ходе такой деятельности происходит навязывание определенной трактовки окружающей действительности⁷⁸. С.П. Поцелуев характеризует феномен символической политики как особого рода политическую коммуникацию, нацеленную не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов⁷⁹.

Актуальным вопросом остается изучение символической политики как инструмента формирования общественных реалий на постсоветском пространстве - в частности, например, в такой стране как Республика Казахстан. В этом государстве проблеме формирования идентичности придается очень большое значение, о чем можно судить по выступлениям, посланиям бывшего президента Нурсултана Назарбаева и нынешнего - Касым-Жомарта Токаева.

Важную роль в контексте изучения символической политики играет кинематограф. Об этом в своей работе «Злой демон образов» писал французский философ и социолог Жан Бодрийяр⁸⁰. Он отмечал пагубную природу образов, которые передаются обществу через экранную культуру.

В настоящее время кинематограф в Республике Казахстан регулируется Министерством культуры и спорта. Одной из главных киностудий страны является АО «Казахфильм» им. Ш. Айманова - киноплощадка, созданная в 1934 г. в городе Алма-Ата. Её деятельность полностью регулируется государством, о чем прописано в Положении организации. В 2019 г. президентом Н. Назарбаевым был подписан закон «О кинематографии», в котором акцентируется внимание на финансировании Государственного центра поддержки национального кино, созданного 15 марта 2019 г. в связи с Постановлением Правительства Республики Казахстан⁸¹.

В исследовании нами были проанализирована основная тематика фильмов, которые выпускаются в стране и непосредственно оказывают влияние на символическую политику. Рассматривая списки приоритетных направлений киноиндустрии, можно выделить несколько тематических блоков, которые повторяются из года в года. Прежде всего это фильмы, связанные с исторической тематикой, которые посвящены идеям сильного государства и его культа. В таких лентах отражается специфика национальной культуры через различные символы - казахская национальная одежда, быт, архитектура, традиции народа, что позволяет формировать историческую память (фильмы - «Туркестан – вчера, сегодня, завтра», «Крылатая душа джигита», «Преодолевающая барьеры», «Томирис», «Казахское ханство.

78. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М., 2013. С.13.

79. Поцелуев С.П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация / Полис. 1999. №5. С. 68-72

80. Baudrillard J. The Evil Demon of Images / Published by: The power Institute of Fine Arts. 2017. P. 13-34.

81. Закон Республики Казахстан - О кинематографии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=39029378.html.

Золотой трон», «Культегин», «Наследие предков», «Алмазный меч», «Жажжүрек Мың», «Бала», «Кочевник», «Абай»).

Во-вторых, это фильмы о национальных героях, которые подают пример обществу и выступают в качестве символа нации. Такие ленты носят историко-биографический характер, позволяют интегрировать народ вокруг власти (фильмы - «Кажымукан», «Акын», «Калибек Куанышбаев. Главная роль», «Жаксылык», «Балуан Шолак», «Путь Лидера. Астана»).

Особая роль отведена фильмам, в которых прослеживается идея героизма, патриотизма и служения Республике Казахстан. Эти ленты направлены на поддержание порядка в стране, стабильность политической системы и легитимность действующей власти (фильмы - «Время патриотов», «Нартай» «Жизнь специального назначения»).

Также в Республике Казахстан есть мультипликационная студия «Azia Animation», которая в 2013 г. получила Президентскую стипендию за вклад в развитие культуры Казахстана. Основным направлением организации является создание детских мультфильмов, которые отражают важные события страны, показывают уникальность казахского народа (мультфильмы – «Юрта и кошка», «Бритый шайтан», «Тотамбай», «Ермагамбет», «Кайсар и Карим»).

На основе изученного материала можно говорить о том, что в Республике Казахстан основным источником символической политики, передаваемой посредством кинематографа, является политическая повестка дня, сам курс, идеология страны. Символы, которые продвигает политическая власть, транслируются «сверху» в общество, они направлены на формирование единой нации.

Деткина В.О. (Москва, АНО «АЦ при Правительстве Российской Федерации»)

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ И МОЛОДЁЖНЫЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ КАК РЕСУРСНАЯ БАЗА ДЛЯ ПРИРАЩЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТА-ПОЛИТОЛОГА

Молодёжные политологические структуры и высшие учебные заведения тесно связаны между собой, при том, деятельность первых во многом зависит от вуза, который зачастую используется как площадка для проведения мероприятий и источник кадрового ресурса для организации мероприятий, проведения экспертизы и т.д. (Помигуев И.А. Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей // Политическая наука. 2020. № 1. С. 105-144. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/>). Вместе с тем молодёжные политологические структуры самостоятельно играют большую роль в процессе формирования профессионального сообщества, границы которого выходят за пределы вуза, города и даже страны.

Высшие учебные заведения можно рассматривать как внешнюю среду существования и развития молодёжных политологических организаций, формирования профессионального и научного сетевого сообщества. Для студента вуз – это ресурс для приобретения социального и культурного капитала. Но только при условии не формального подхода к получению высшего образования, а реальной ориентированностью на развитие компетенций и получение знаний, что предполагает необходимость дополнительного участия студента в научных, образовательных и иных мероприятиях.

В вузы поступают студенты из семей с разным уровнем дохода и социального капитала. Благодаря обучению в вузе различия между студентами в некоторой степени нивелируются. Именно такое «активное» обучение в вузе способно обеспечить качественное приращение социального и культурного капитала у студента, а не просто обеспечить его символическим – дипломом.

Как отмечает П. Бурдье, «работа по приобретению свойств культурного капитала – это работа над собой (самосовершенствование), предполагающая собственные усилия. Это инвестирование – прежде всего времени, но также и социально выстроенной формы влечения» (Бурдье П. Формы капитала /

П. Бурдые // Экономическая социология. Электронный журнал. Том 3, № 5. Ноябрь 2002. С. 60-74 (URL: <http://www.ecsoc.msses.ru/Transl.html>. (дата обращения: 26.05.2020)). Вузы должны создавать условия и инструменты для обогащения студента культурным и социальным капиталом на протяжении всего периода обучения, но только сам студент способен принять решение, воспользоваться предоставленными возможностями и ресурсами вуза, или отнестись к обучению в вузе формально.

Вузы являются основной площадкой получения политологического знания и приращения культурного капитала студента-политолога. Каждый вуз использует свою особенную институциональную базу и набор практик, направленных на вовлечение студентов в профессиональное сообщество, научную и исследовательскую деятельность. Вузы в наибольшей степени заинтересованы в развитии своих студентов и целенаправленно стимулируют активность в студенческой среде при взаимодействии с внешними партнёрскими организациями, в том числе и с МПО. В некоторой степени, капитал студента и выпускника вуза – это конкурентное преимущество самого вуза, что объясняет прямой интерес университетов в его развитии. И, чем выше конкуренция на рынке высшего образования, тем больше вузы готовы вкладывать в развитие конкурентных параметров. А это значит, что внеаудиторной работе со студентами вуз, претендующий на высокий статус и место в рейтинге, всегда будет уделять значительное внимание.

Образование и его уровень – институционализированное состояние культурного капитала. Посредством участия студента во внеаудиторных мероприятиях происходит приращение социального капитала (знакомства с представителями профессионального сообщества, коллегами, а также широким кругом лиц, так или иначе влияющим на профессиональное становление) и культурного капитала (знания, формальные вознаграждения, например, дипломы, гранты, иные знаки отличия). Расширение присутствия представителей университета в мероприятиях, проводимых структурами профессионального сообщества, в том числе повышает и авторитет вуза внутри этого сообщества, а также обеспечивает обмен опытом и знаниями между его представителями. Таким образом молодежные политологические структуры обладают потенциалом для сглаживания неравенства в возможностях получения качественного политологического образования в вузах.

Джантеева Д.С. (Черкесск, КЧИГИ)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭТНИЧНОСТИ

Политика нациестроительства современных государств и актуализация этничности в СМИ позволяют наблюдать интерпретации наиболее очевидных изменений в этнополитической сфере, характеризующейся активным использованием новейших информационно-коммуникационных технологий в публичной деятельности акторов этнополитики. Это способствуют изменению форм и способов репрезентации политики нациестроительства с учетом ее роли в интеграции полиэтничного сообщества и формировании единой гражданской нации в условиях конкурирующих этнополитических дискурсов. Следствием медиатизации этнополитики является трансформация феномена восприятия, что порождает изменения, связанные с этнополитическим поведением, включая участие в дискурсе этничности.

Применительно к России отметим, что медийные структуры органов государственной власти и другие акторы этнополитики, участвующие в реализации политики нациестроительства, формируют контент исходя из положений официальных документов федерального, регионального и субрегионального уровней. При этом наряду с традиционными методами пропаганды идей межэтнического и межконфессионального согласия в дискурсах власти применяются маркетинговые стратегии и PR-технологии, направленные на утверждение идеологии гражданской нации. В особенности эти технологии практикуются в контексте репрезентации официальных общественно-политических или культурно-массовых мероприятий этнической и патриотической направленности с использованием объединяющих символов и нарративов, т.к. государству важно создать образ единой российской нации.

Доминирующая роль государства в формировании, интерпретации и реализации политики национально-государственного строительства позволяет навязывать обществу государственную концепцию репрезентации этносоциальной реальности. Поэтому публичные выступления официальных лиц и акторов, оказывающих влияние на принятие политических решений, имеют выраженное символическое значение и часто являются объектами сопоставления для других участников дискурса⁸², уверенных в полноте и адекватности своей информированности об обсуждаемых этнических проблемах в рамках политики национально-государственного строительства. Иллюзия осведомленности, формируемая под воздействием СМИ, вызывает эффект предпонимания смыслов и создает проблему достоверности репрезентации, что, несомненно, отражается на выборе дискурсивной стратегии этничности.

В практической плоскости акторы этнополитики осуществляют выбор дискурсивной стратегии исходя из: тематики и значимости дискурса в актуальной политической ситуации; этнической идентичности, политического статуса и позиции других участников дискурса; социокультурного контекста и эмоционального фона дискурса. Различные комбинации этих и иных сопутствующих факторов объективного и субъективного характера воздействуют на содержание и направленность дискурсивных стратегий этничности, среди которых можно выделить стратегии: игнорирования, поддержки, солидаризации с иноэтническими акторами политики, этномобилизации, разжигания межэтнической розни и т.д.

Тем самым публичный характер политики национально-государственного строительства и опосредованность ее презентации/репрезентации СМИ следует рассматривать как факторы актуализации противоречивых и конкурирующих дискурсивных практик этничности. Содержание и направленность дискурсивных стратегий этничности могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер, отражаясь на состоянии межэтнической стабильности. С этой точки зрения рассматриваемая проблема требует особого внимания власти и общества.

День Т.Т.З., (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ПЕРИОД ПРОТИВОСТОЯНИЯ COVID-19

Феномен политического лидерства всегда остается актуальным объектом исследования, поскольку по своей природе непосредственно связан с личностью во власти и ее влиянием на политические процессы. С ростом общей и нестабильности прямопропорционально растут вопросы к практическому осуществлению политического лидерства.

2020 год современникам запомнится как насыщенный. Это волны протестных движений разного уровня и причин, это техногенные и/или экологические сбои - в отдаленных друг от друга частях света одновременно или с небольшим интервалом вспышек. Сами события усугублены протеканием на фоне противостояния пандемическому распространению COVID-19. Последствия защитных мер также требуют решения, помимо эпидемиологического корня проблемы. Совокупность экономической и социальной дестабилизаций могут привести к политической. А могут и мобилизовать политическую сферу для поисков выхода из комплексной ситуации.

Теперь руководства государств работают на успех в борьбе с коронавирусом и его последствиями. По внутренней стабильности, также устойчивости оценивается эффективность политического лидерства и доверие к нему, которые затем обналичиваются в выборах. Это прослеживается по странам Восточной и Юго-Восточной Азии, особенно на примерах Южной Кореи или Вьетнама⁸³. Дело не только в специфике региона. Он, зачастую являясь очагом инфекционных заболеваний и принимая на себя удар

82. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. - М., 2013. - С.210.

83. 15 апреля 2020 г. на парламентских выборах в Южной Корее выиграла Демократическая партия, к которой относится президент Мун Чже Ин. Предполагается, что это вызвано его рейтингом, по предвыборным данным агентства Realmeter, поднявшимся до 53,7%, что связано с успешными мерами против распространения COVID-19.

Коммунистическая партия Вьетнама, чья гибкость и приспособление к вызовам времени и мира дают ей оставаться у власти, уже в январе 2020 г. предприняла ограничительные меры на общей границе с КНР. Благодаря этому до конца июля 2020 г. Вьетнам находился в низу глобального рейтинга по зараженным COVID-19 с отсутствием умерших.

первой волны заражения, привык быстро и действенно им противостоять через координированные совместные действия правящей власти и граждан.

Начались и продолжаются во всех частях света, в большей мере европейской, протесты против карантина из-за несоответствия строгости мер, которые сводятся протестующими к нарушению личных прав, и фактического роста заражения. Коронавирусный фактор, будучи проблемой по себе, стал катализатором для других конфликтов. Так, среди протестов после президентских выборов в Белоруссии 9 августа, оппозиционной стороной, помимо главного объявления о фальсификации подсчета голосов, были выдвинуты обвинения в халатном пренебрежении действующей властью к пандемической угрозе. Также фактор COVID-19 наряду с осложнениями Black lives matter движения и другими проблемами разыгрываются в предстоящих президентских выборах в США в ноябре.

Особенность нового пандемического состояния в том, что оно в прямом смысле закрыло границы государств и заставило лидеров государств отрабатывать свой кредит доверия на внутреннем национальном уровне. В каком-то смысле это возвращает от научных классификаций политического лидерства, начиная с Ж. Блонделя⁸⁴, к его непосредственной функции защиты и обеспечения физического выживания своих последователей, как это требовалось от вождей первобытных общин. То, что в современных реалиях к требованиям эффективности политического лидерства уже вошел и закрепился жесткий критерий социальной и медицинской поддержки населения в кризисных эпидемиологических ситуациях, сомневаться не приходится.

В связи с этим встает логичное предположение, что политическое лидерство современной действительности пойдет по пути не столько лидерства развития и перемен, сколько по пути лидерства стабильности, устойчивости, баланса от угроз. И от этого будут формироваться ожидания от него как в теоретическом, так и практическом восприятии.

Дмитриев С.С. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

«ОНЛАЙН-МИТИНГИ» КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Информационные технологии ввиду доступности сети «Интернет» оказывают все более значительное влияние на политический процесс. Одним из ярких примеров данного явления является проведение «онлайн-митингов» на территории Российской Федерации.

С апреля 2020г. на территории всей страны из-за пандемии коронавируса и возможности распространения опасной болезни были введены ограничительные меры, в том числе и запрет на проведение массовых мероприятий.

Фактически общественно-политические акторы были лишены возможности проведения митингов, пикетов, демонстраций и публично выражать свою позицию по острым социальным вопросам.

В связи с чем ряд оппозиционных сил провели несколько «онлайн-митингов» на территории РФ. «Онлайн-митинг» – форма протестной активности, при которой граждане, используя мобильные телефоны и автомобильные навигаторы, ставят метку в приложении «Яндекс Карты», сопровождая ее коротким сообщением протестного характера.

Проведение «онлайн-митингов» стало возможным благодаря встроенной в «Яндекс Карты» функции «Разговорчики». Она позволяет пользователям оставлять свои высказывания прямо на карте.

Сервис представляет собой точку, похожую на облачко. Внутри облачка - высказывание пользователя, который эту точку поставил. Все высказывания видны остальным пользователям.

Изначально сервис создавался для обсуждения дорожной ситуации. Но в 2012-2013 гг. на фоне роста протестной активности в «Разговорчиках» стали появляться сообщения политического характера. С помощью сервиса пользователи призывали выходить на митинги или критиковали действующую власть.

84. Блондель Ж. Политическое лидерство: путь ко всеобъемлющему политическому анализу. - М, 1992.

«Яндекс» модерировал и удалял все политические сообщения и со временем популярность такой формы гражданской активности снизилась.

В 2020 г., в условиях запрета на проведение публичных мероприятий и ухудшения социально-экономической обстановки проведение «онлайн-митингов» вновь стало популярным.

Первый большой онлайн-митинг прошел в Ростове-на-Дону 20.04.2020. Чуть позже аналогичные акции состоялись в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Саратове, Красноярске.

Главным требованием участников «онлайн-митингов» стало введение режима ЧС, который позволил бы требовать от государства возмещения ущерба в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Приведем пример сообщений: «Накормите моих детей, и я останусь дома», «Дайте людям денег!», «Введите ЧС и выплаты каждому гражданину» (Митинги протеста охватили Россию // URL: <https://www.rosbalt.ru/like/2020/04/20/1839391.html>).

Как и в 2012-2013 гг. сообщения в «Разговорчиках», которые не относились к ситуации на дороге или содержали мат, модерировались и удалялись компанией «Яндекс».

При этом в Екатеринбурге принудительное удаление сообщений вызвало всплеск сетевой активности и привело к появлению в «Разговорчиках» еще большего количества негативных комментариев.

Проведение онлайн-митингов в настоящее время характерно только для крупных городов. В малых городах проявлений гражданского протеста в такой форме не зафиксировано.

При этом публикация сообщений в «Яндекс картах» - не единственная форма сетевого протеста. Общественная кампания «Нет!» против поправок в Конституцию РФ проходила 28.04.2020 на YouTube-канале оппозиции.

Проведение онлайн-митингов на YouTube-каналах представляет собой онлайн-трансляцию выступлений различных спикеров, а также агитационных видеороликов.

Анализ скриншотов приложения «Яндекс», количество просмотров на YouTube-каналах в момент проведения онлайн-митинга показывает, что данная форма может быть эффективным политическим инструментом.

«Онлайн-митинги» в приложении «Яндекс» проходят, как правило, в вечернее время и были видны всем пользователям приложения, которое особо актуально в час-пик в больших городах.

«Онлайн-митинги» нацелены не только на привлечение граждан, но и на демонстрацию протестной позиции и выдвижение радикальных лозунгов.

Таким образом, «онлайн-митинг» — это новый элемент политической культуры российского общества, который характеризуется остросоциальными лозунгами и массовостью. При этом цель организаторов митинга – вовлечение народных масс в онлайн-трансляцию, знакомство населения с протестной повесткой, критика государственного режима, политическое давление.

Дмитриева В.Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНЦЕПЦИЯ ВСЕМИРНОЙ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СОВРЕМЕННОГО КАТОЛИЦИЗМА

Приспособление католицизма к изменяющейся действительности – результат многовековой истории борьбы за политическую власть, происходившей в условиях европейского институционального дуализма церкви и государства (Кондратенко С.Е. Католицизм и государство: истоки двухполюсной модели общества // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2010. № 1. С. 121-127). В настоящее время апелляция к общечеловеческим ценностям позволяет Святому престолу инициировать публичные обсуждения по вопросам политического характера, к числу которых можно отнести идею создания всемирной власти, предложенную Иоанном XXIII и изначально нашедшую свое отражение в документах II Ватиканского собора (1962–1965).

В папской конституции *Gaudium et spes* выстроена параллель между реализацией божественного замысла объединения индивидов в христианскую семью и развертыванием процесса глобализации (Murphy F.A. *Globalization from Benedict XV to Benedict XVI: The “Astonishing Optimism” of Gaudium et Spes in a Missionary Context* // *Nova et Vetera, English Edition*. 2010. Vol. 8. №2. P. 397-399). В центре внимания оказывается проблема сохранения мира, включая осуждение ведения боевых действий и гонки вооружений, необходимость соблюдения договоров и совершенствования системы международного права. Согласно документу, полный запрет войны может входить лишь в полномочия общепризнанной и обладающей достаточными силами всемирной власти, отсутствие которой требует сохранения за правительствами права на законную оборону в случае исчерпания мирных средств урегулирования конфликтов (Документы II Ватиканского Собора / Пер. с лат. А.Н. Ковалю. 3-е изд. М.: «Паолине», 2004. С. 538-543).

Наиболее полно концепция всемирной власти была проработана в энциклике Бенедикта XVI *Caritas in veritate* 2009 г., в рамках которой наместник Святого престола остановился на проблематике развития. В данном вопросе понтифик отвел ключевую роль глобализации, выражающейся в динамичном росте общемировой взаимозависимости (*Бенедикт XVI. Энциклика Caritas in Veritate*. М.: НО Издательство Францисканцев, 2009. С. 43). При этом политические сообщества неизбежно сталкиваются с ограничением собственного суверенитета – новый международный контекст модифицирует понятие власти. Согласно позиции Ратцингера, пересмотр полномочий политических институтов должен быть произведен в пользу гражданского общества, стимулирующего участие людей в «общем деле» (*res publica*) (Там же. С. 29-30).

Ограничения, которые накладывает глобализация на функции государства актуализирует потребность в создании всемирной политической власти, руководствующейся правом и базовыми принципами католической доктрины. Понтифик подчеркнул, что глобальное развитие не должно зависеть от баланса сил в международных отношениях. Необходим общественный строй, соответствующий моральному порядку и единству различных сфер жизни, которое «уже предусмотрено в Уставе ООН». Всемирная власть должна иметь реальные полномочия, позволяющие вырабатывать и утверждать принятие конкретных мер, осуществлять контроль за их реализацией, а также гарантировать соблюдение прав личности (Бенедикт XVI. Энциклика *Caritas in Veritate*. С. 95–96).

В качестве механизма легитимации рассмотренной идеи наместником Святого престола было выбрано не применение христианской формулы «всякая власть от Бога», а характерная скорее для либеральной традиции процедура «всеобщего признания» (Кондратенко С.Е. Католицизм в условиях глобального кризиса // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2014. Т. 10. № 3. С. 272). Так, в 2011 г. Папским советом справедливости и мира была опубликована нота, посвященная реформированию международной финансово-экономической системы в контексте глобальной власти. Согласно документу, всемирная власть должна формироваться постепенно и обладать «реалистичной структурой», опирающейся на многосторонние дипломатические отношения государств. Предполагалось, что после консультаций каждая страна выразит готовность подчиниться решениям рассматриваемого органа. В результате возникнет легитимный институт (Sekerák M. *Towards a worldwide (deliberative) democracy? Catholic social teaching and the idea of global governance* // *Italian Political Science Review / Rivista Italiana di Scienza Politica*. 2016. Vol. 46. № 3. P. 297-298).

Таким образом, преодоление глобальных проблем современности во многом связывается католической церковью с реализацией концепции всемирной власти. Это требует наличия не только глобального консенсуса, но и политической воли как инструмента действенного контроля за исполнением принятых мер, способного применять негативные санкции к их нарушителям. Однако обозначенный подход не снимает ответственность с национальной политики, которая должна быть ориентирована не на сиюминутный (электоральный) успех, а на перспективу долгосрочного развития.

Донцев С.П. (Москва, РГГУ)

РЕЛИГИОЗНОЕ ЛИДЕРСТВО И МЕЖЭЛИТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Термин «религиозный лидер» может употребляется для обозначения авторитетного члена религиозного сообщества (организации или группы), личностное влияние которого позволяет ему играть существенную роль в процессах и ситуациях, связанных с религиозной сферой, в регулировании взаимоотношений в религиозном сообществе; это лицо, способное воздействовать на других в целях интеграции совместной деятельности, направленной на удовлетворение интересов религиозного сообщества. Главное и принципиальное отличие религиозного лидерства от иных его форм – наличие сакральных оснований у руководителей религиозных организаций для оправдания их лидерства. Специфика религиозного лидерства может рассматриваться в контексте харизматического лидерства по М. Веберу.

Религиозные лидеры являются частью конфессиональной (религиозной) элиты, которая, в свою очередь, является частью элитарных страт современного общества. Религиозную элиту можно определить как группу лиц, профессионально занимающаяся деятельностью в сфере управления религиозным сообществом, определяющем религиозную идентичность значительного числа граждан государства. Государство, в свою очередь определяет, какие религиозные сообщества для него имеют значение, что и предопределяет возможности для коммуникации, т.е. для государственно-конфессиональных взаимодействий. В рамках созданных государством институтов, обеспечивающих государственно-конфессиональные взаимодействия, может осуществляться межэлитная коммуникация, в ходе которой религиозные лидеры взаимодействуют с представителями политической элиты государства. Особую роль в контексте указанной проблематики играет Президент России. Его конституционные полномочия по формированию государственной политики (в том числе и в религиозной сфере), наличие специализированных институтов коммуникации с религиозными организациями, возможности неформального взаимодействия с их лидерами превращают его в ключевого актора межэлитной коммуникации в системе государственно-конфессиональных отношений. Среди площадок межэлитной коммуникации в рамках института президентства особое значение имеет Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации — консультативный орган, осуществляющий предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений для президента, касающихся его взаимодействия с религиозными объединениями. С его помощью религиозные лидеры России имеют возможность донести до президента и его администрации свою позицию по вопросам государственно-конфессиональных отношений. Персональный состав членов Совета, демонстрирует, с кем из религиозных лидеров государство готово взаимодействовать, собственно их и можно одновременно отнести и к российской религиозной элите. Соответственно и определяется круг наиболее значимых для государства религиозных организаций (тех, которые эти лидеры представляют).

В структурах исполнительной и законодательной власти также созданы площадки межэлитной коммуникации. В структуре исполнительной власти – это Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ (создана 6 мая 1994 г.) – координационный орган, образованный для рассмотрения вопросов, возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений. Религиозные лидеры имеют возможность влиять на решения Комиссии, так как представители религиозных организаций хотя и не являются ее членами, но приглашаются на заседания и участвуют в обсуждении стоящих на повестке дня вопросов. Также в большинстве органов исполнительной власти, федеральных министерств и ведомств созданы самостоятельные подразделения или выделены специальные штатные единицы для взаимодействия с религиозными объединениями. В Федеральном собрании РФ основная коммуникация ведется с Государственной Думой. Специализированной площадкой здесь является Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений. Межэлитная коммуникация возможна также в рамках работы Межфракционной

группы по защите христианских ценностей и сотрудничества парламентариев с Межпарламентской ассамблеей православия.

Из негосударственных площадок коммуникации особое значение Межрелигиозный совет России, в задачи которого входит, в том числе, и взаимодействие с органами государственного управления. На заседания Совета нередко приглашаются главы различных государственных органов - федеральных служб, министерств и ведомств, а персональный состав совета представлен лидерами крупнейших и наиболее влиятельных религиозных организаций России.

В целом, можно говорить о том, что в современной России выстроены каналы коммуникации между политической и религиозной элитами, а религиозные лидеры имеют институционализированные возможности диалога с высшими стратами политической элиты.

Дудаева М.В. (Москва, МГИМО МИД России)

ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В ИТАЛИИ: ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

В условиях глобализации, транснационализации и региональной интеграции изменяется сущность и роль национального государства. С одной стороны, на фоне ускоренной регионализации, усиливается миграционная активность, которая трансформирует национальную идентичность и формирует её макрорегиональный тип. С другой стороны, усиливаются процессы самоидентификации и самосознания, которые выступают в качестве объективной защитной реакции на стремительные темпы интеграции.

Выбор Италии для исследования указанной проблематики не случаен. На фоне других европейских государств Италия отличается высоким уровнем межрегиональных различий, которые обусловлены историческими, политическими, социально-экономическими и этнокультурными причинами. Стимулом к ускорению процесса децентрализации в Италии является интенция к утверждению в Италии центробежных тенденций, итогом которых может стать децентрализованное государство переходного типа, находящееся на пути от унитаризма к федерализму. Такой статус наделяет регионы значительными законодательными и административными полномочиями, что, в свою очередь, приводит к развитию юпартикуляристских тенденций.

Проанализировав научные труды Гаман-Голутвиной О.В., Зоновой Т.В., Сардаряна Г.Т., Попова Д.И., Барабанова О.Н., Осколкова П.В., Хенкина С.М. и др., автор выдвигает следующие тезисы:

1) сложившаяся унитарная модель Италии регионалистского типа не вполне отвечает современным вызовам – существующий порядок способствует усилению противоречий между Севером и Югом.

Оптимальным способом решения данной проблемы представляется трансформация данной модели в кооперативный вид бюджетного федерализма, нацеленного на побуждение регионов, институтов федеральных и местных органов власти к сотрудничеству с учетом сохранения достаточной степени асимметрии.

2) ускоренное развитие процесса децентрализации – возрастание политической и административной автономии регионов – приводит к усилению партикуляристских тенденций. Северные регионы рассматривают отделение в качестве способа решения экономических проблем. Южане, в свою очередь, видят в нем инструмент сохранения своей исторической и культурной идентичности.

Возможным решением является «превращение» Сената в Палату регионов, создание макрорегионов, изменение объема полномочий административно-территориальных единиц.

3) кризис 2020 г., вызванный новым типом коронавирусной инфекции COVID-19, привел к обострению региональных разногласий в связи с отсутствием консолидации в действиях наднационального, национального и регионального уровней власти.

Подобная тенденция способствует реализации одного из возможных сценариев политического курса: а) усиление централизации исполнительной власти в связи с де-легитимацией парламента и так называемой «политической касты»; б) политическая «перетасовка» – партиям истеблишмента

придется столкнуться с радикально иным политическим ландшафтом, возможно появление новых политических акторов; в) «италексит» – обострение взаимоотношений между Италией и Европейским союзом.

Автор делает вывод, что западная либеральная модель с трудом справляется с возникающими угрозами современности. В такой ситуации активное развитие процесса децентрализации и, как следствие, усиление партикуляристских движений не позволит разрешить масштабные проблемы, которые стоят перед современной Италией.

Дука А.В. (Санкт-Петербург, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

РЕКРУТИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Особенности рекрутирования элит и бассейн рекрутирования отражают важные характеристики политической системы общества и политического режима. Среди них степень институционализации элит, системы и режима; социологическое и политическое представительство сегментов общества в публичной сфере и возможности репрезентации групповых и общих интересов; проницаемость социальных границ; функционирование социальных лифтов.

Эмпирической основой исследования стали биографические данные депутатов legislatures десяти российских регионов (Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Костромская, Ростовская и Новосибирская области, Ставропольский и Хабаровский края, Республика Дагестан) и членов Федерального Собрания от этих субъектов федерации, собранные в 2019 году. База данных включала 660 персон. Помимо этого, для диахронного анализа привлекались данные 2010 года (651 политик из 6 регионов) и 2015 года (606 человек 10 регионов). Исследования выполнялись коллективом сотрудников сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН ФНИСЦ РАН. Использовался структурно-биографический метод анализа. Исследовались карьерные пути региональных политиков, бассейн рекрутирования, социально-демографические характеристики.

Анализ рекрутирования региональных политических элит выявил несколько важных трендов. Формируется достаточно устойчивый бассейн рекрутирования. Во-первых, выявлена значительная территориальная укорененность депутатов. У 86% региональных политиков место предшествующей работы (до избрания) совпадает с местом элитной позиции в настоящее время. Во-вторых, 49% от общей выборки перед выборами в действующий созыв, уже были депутатами. Это свидетельствует о значительной профессионализации избранных. Однако, по регионам картина разнится. Вместе с тем, выражены тенденции бюрократизации, плутократизации и олигархизации региональных элит. Приход в legislatures чиновников не такой большой (каждый десятый), но среди руководства региональными парламентами их доля заметно возрастает до 17%. Надо отметить, что в части регионов данный показатель возрастает до более, чем пятой части.

Значимую долю бассейна рекрутирования региональной элиты составляет хозяйственно-экономическая и финансовая деятельность. Непосредственно перед избранием у 29% депутатов активность была связана с экономической сферой. Если же посмотреть на предпредшествующую деятельность, то уже у 40% политиков работа была в этой области. Причем, плутократизация региональных legislatures растет, о чем свидетельствуют диахронные данные. Этому способствует и значительная часть неосвобожденных депутатов в региональных законодательных собраниях. Больше возможностей совмещать работу в представительном органе с основной деятельностью имеют граждане с хорошей ресурсобеспеченностью. Помимо этого, интересы бизнеса часто стимулируют вхождение в органы, принимающие решения по перераспределению ресурсов (включая бюджет) и по регулированию хозяйственной и экономической деятельности в субъекте федерации.

С отмеченными выше тенденциями естественно связано и сужение социального пространства, из которого рекрутируются региональные политики. Политики становятся все более гомогенной

группой. Все это снижает структурную представленность региональных legislatures. Как показано в литературе, «правлящие группы всегда «представляют» секции или слои общества, из которых они происходят» (Дж. Сартори). Здесь происходит «встреча» социологической и политической репрезентации. Юридическая репрезентация обеспечивается конституционными и иными нормативными документами, регулирующими представительство в публичной сфере, и способствующими легитимации политической элиты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31310 «Институционализация региональной политической элиты: рекрутирование и профессиональные карьеры».

Дун Чжэньвэй (Москва, РУДН)

ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ COVID – 19

С момента начала эпидемии, чтобы ограничить распространение случаев заболевания на международном уровне, большинство стран ввели ограничения по передвижению населения: закрытие портов и международных авиарейсов. Это привело к тому, что многие люди в мире не могут вернуться на свою родину. Из миллионов китайцев, задержавшихся за границей из-за эпидемии, около 160 000 находятся в России. Такое большое количество людей, оказавшихся в затруднительном положении, естественно, привлекло внимание китайского правительства. В отношении китайских граждан, оказавшихся в России, со стороны Китая реализуется политика поддержки, в рамках которой был принят ряд мер.

Во-первых, в связи с позволением гражданам возвращаться в страну организовано усилилась профилактика и контроль завозных инфекционных случаев. Для полетов из России в Китай управление гражданской авиации Китая установило определенные правила.

Правило «Пять один» - каждая авиакомпания в Китае обязана иметь только один маршрут в любую страну, и каждый маршрут не может выполнять более одного рейса в неделю, иностранная авиакомпания может иметь только один рейс в Китай. Большое количество китайцев за рубежом выразило своё недовольство этим правилом и высокой ценой на билеты.

Поэтому с 8 июня 2020 года для авиакомпаний введены премиальные рейсы и правило «перегорания» для международных полетов. Премиальные рейсы вводятся, если в течение трех недель по одному маршруту авиакомпании не было ни одного завозного случая COVID - 19, и она может добавить один рейс по этому маршруту. Правило «перегорание», когда в одном полете количество зараженных пассажиров превысило пять, то на следующей неделе по этому маршруту не будет ни одного рейса.

Многие из китайских граждан, вынужденно находящихся в России, сталкиваются с серьезными проблемами. Например, после завершения учебы, при истечении срока визы им срочно нужно вернуться на родину, а количества авиарейсов из России в Китай было недостаточным, в итоге в июне и июле добавилось 25 временных вывозных рейсов.

После прибытия в страну пассажиры должны пройти 14-дневный карантин в установленном месте (обычно в гостиницах, арендованных правительством). Каждый день три раза приносят питание (в некоторых городах бесплатно, в большинстве случаев платно).

Во-вторых, для китайских мигрантов, которым не так срочно нужно вылететь домой, были подготовлены и отправлены посылки с медицинскими масками, лекарствами от гриппа и салфетки для дезинфекции. Проводится ежемесячный подсчет нуждающихся в поддержке китайских граждан, находящихся вне границ государства.

В-третьих, китайские мигранты тоже получили поддержку от правительства России. Так миграционные отделы работают для продления виз и постановки на миграционный учёт с 24 мая 2020 года. Если регистрации нет или не было, а была только миграционная карта на 90 дней, то продления и специального выезда за российские границы не требуется. Все визовые сроки продлеваются автоматически до 15 сентября.

Следует отметить, что политика поддержки Китаем соотечественников достаточно активна и эффективна. Результативность такой политики зависит от содействия российского правительства, а именно в оказании помощи китайским гражданам миграционными службами. Поэтому политику поддержки можно назвать двусторонней, и есть надежда, что китайские трудовые мигранты, студенты в России смогут преодолеть трудности периода пандемии с помощью правительств двух стран.

Дусеев А.Д. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК НА СИСТЕМУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Поправки в Конституцию Российской Федерации затронули все сферы жизнедеятельности общества и государства. В частности, поправки коснулись довольно важного вопроса – вопроса совершенствования системы взаимоотношений гражданского общества и публичной власти.

Решение уточнить принципы взаимодействия гражданского общества и публичной власти было принято не случайно. Вопрос повышения эффективности участия гражданского общества в политических процессах России рассматривается многими современными российскими исследователями⁸⁵. Именно феномен публичной власти позволяет качественно налаживать каналы взаимодействия государства и общества. Гражданское общество и публичная власть находятся в оппозиции по отношению к друг другу, что позволяет достигать конструктивных решений по всем важным для общества проблемам.

В России развит патерналистский подход к взаимодействию власти и общества. Он заключается в формировании специальных институтов: общественных палат и общественных советов. Данные институты позволяют аккумулировать все важные проблемы общества и качественно доносить их до органов государственной власти. Таким образом, в российской практике взаимодействия публичной власти и гражданского общества доминирует принцип «сверху-вниз», при котором власть берет на себя ответственность за формирование эффективных методов взаимодействия власти и общества.

Развитие взаимодействия гражданского общества и публичной власти требует активных изменений в нормативно-правовых документах государства. Поправки в Конституцию РФ преследуют такую же цель. Главные поправки, касающиеся взаимодействия общества и власти затронут статьи 71, 114 и 132⁸⁶. Данные поправки затронут укрепление доминирующей позиции государственных институтов в организации взаимодействия общества и власти.

Во-первых, поправки значительно укрепляют роль правительства в формировании публичной власти. Теперь правительство будет обладать полномочиями организации публичной власти, что значительно повышает значение исполнительной власти в данном аспекте. Во-вторых, поправки также вносят коррективы в отношении власти и институтов гражданского общества. В новой редакции статьи 114 правительство будет обязано осуществлять меры по поддержке институтов гражданского общества, что может повысить зависимость гражданского общества от органов исполнительной власти. В-третьих, поправки изменяют саму структуру органов местного самоуправления. Теперь органы местного самоуправления и органы государственной власти будут входить единую систему публичной власти, что говорит о серьезном укреплении вертикали власти.

Таким образом, поправки в Конституцию РФ определяют принципиально новый вектор развития взаимодействия гражданского общества и публичной власти. Кроме того, принятие поправок приведет к ряду серьезных изменений нормативно-правовых актов России, касающихся публичной власти и гражданского общества.

85. Вагапова Ф. Г., Вагапов Р. Н., Устинкин С. В. Некоммерческая организация (НКО) в социально-политических процессах современной России: теоретический аспект // *Власть*. 2020. Том. 28. № 1. С. 170-177.

86. Полный текст поправок в Конституцию: что меняется? // Официальный сайт Госдумы РФ. [Электронный ресурс]: <http://duma.gov.ru/news/48045/>

Дьякова Е.Г. (Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ POLICY ADVICE

Функционирование совещательно-консультативных органов при органах исполнительной власти является общемировой тенденцией. Они начали активно формироваться в ведущих странах мира в первой половине XX века в связи с переходом к социальному государству и расширением и усложнением функций исполнительных органов власти. С самого начала такие органы были поставлены вне сферы политики в смысле politics, то есть конкурентной борьбы за власть. Ко второй половине XX века сформировалась нормативная модель совещательно-консультативных органов при органах исполнительной власти как инструментов policy advice, то есть внешней экспертизы деятельности органов власти. В формулировке американского Акта о совещательных комиссиях 1972 года совещательные органы – это «полезные и благодетельные средства обеспечения федерального правительства экспертными рекомендациями, идеями и разнообразными мнениями» [The Federal Advisory Committee Act, 1972: sec. 2a]. Постепенно состав экспертов расширился, и наряду с экспертами-профессионалами, являющимися носителями специализированного научного знания, появились эксперты-миряне, носители повседневного опыта существования в сфере полномочий органов власти. Как правило, эксперты-миряне представляют заинтересованные сообщества, и вопрос о том, насколько такое представительство репрезентативно, регулярно задается, когда в заинтересованном сообществе отсутствует единство или оно не успело полностью консолидироваться.

Нормативная модель совещательных органов как инструментов policy advice господствует и в академической литературе, и в управленческой практике и носит универсальный характер. Однако ее адаптация на национальном уровне требует реконтекстуализации и включения в уже существующую административную традицию.

В постсоветской России система совещательно-консультативных органов стала формироваться в 2000-е годы. Эти органы получили название «общественные советы». Основная функция общественных советов была определена законодателем в федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»: в п. 1 ст. 9 федерального закона общественные советы названы субъектами общественного контроля, а не общественной экспертизы (как следовало бы в соответствии с нормативной моделью).

Модель была преобразована в соответствии с отечественной административной традицией. Отечественная система государственного управления предполагает множество надзорных структур с пересекающимися полномочиями, контролирующими деятельность органов исполнительной власти. В советское время появляется новая форма надзора – народный контроль, предполагавшая охват всех социальных слоев, без выделения заинтересованных сообществ, поскольку предполагалось, что в эффективной деятельности общенародного государства заинтересованы все члены общества.

Современные общественные советы могут рассматриваться как преемники данной традиции. Однако, поскольку постсоветская система государственного управления кардинально отличается от советской, интеграция в эту систему надзора с самого начала выглядела весьма проблематичной.

Как показало проведенное нами исследование (серия фокусированных интервью с членами общественных советов при исполнительных органах власти Свердловской области) существующая нормативно-правовая база дает членам общественных советов в возможности значительной мере самостоятельно конструировать объект своей деятельности. Точнее, они самостоятельно решают, с кем себя идентифицировать – с экспертами, [общественными] контролерами, лоббистами, либо еще с какими-либо ролями внутри системы государственного управления. Оказалось, что идентификация с экспертами не слишком характерна для членов общественных советов. Они скорее видят себя как

представителей заинтересованных сообществ, чья основная функция – не экспертиза, а доведение до власти потребностей и запросов сообщества (особенно это касается общественных советов при органах власти «социального блока»). Как правило, члены общественных советов не воспринимают себя в качестве субъектов общественного контроля и не слишком понимают, в чем этот контроль должен состоять.

В целом система общественных советов на региональном уровне выполняет функцию policy advice, однако не столько путем независимой внешней экспертизы, сколько путем учета мнений заинтересованных сообществ при принятии административных решений.

Евгеньева Т.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В ситуации поиска российским обществом оснований для формирования российской политической культуры молодого поколения особое значение приобретает историческая политика, связанная с целенаправленной деятельностью по «возвращению» в сознание молодежи исторических образов и символов, позволяющих формировать представление о национальной истории как о целостном, неразрывном процессе, в котором современный человек может найти обоснование и оправдание собственному существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина.

Политико-психологический анализ системы политико-культурных представлений об истории предполагает выделение в их структуре трех взаимосвязанных компонентов: образов, ценностей и символов. В докладе будет сосредоточено внимание на символах, поскольку они обладают значительным потенциалом для осуществления целенаправленной политики по конструированию нации и служат одним из ее инструментов.

Роль символов и символической политики в формировании политической культуры современной молодежи долгое время недооценивалась на государственном уровне. Процесс ее формирования долгое время носил крайне противоречивый характер и был связан не столько с целенаправленной политикой государства, сколько с поиском ценностно-идеологических концептов и символических образов для решения сиюминутных задач.

Наличие социального запроса общества на консолидацию и идентификацию, возникающего на фоне серьезных социальных политических и культурных трансформаций, актуализировало поиск новых инструментов консолидации, одним из которых стали образы и символы исторической памяти. Одним из важнейших факторов формирования и поддержания адекватных политико-культурных представлений становятся государственные праздники, которые являются неотъемлемой частью государственной символической политики.

В этом контексте одними из центральных символов российской политической культуры стали символы, связанные с празднованием Дня Победы. Этот праздник стал основным, и практически единственным государственным праздником, воспринимаемым большинством граждан в качестве личного.

Символическое пространство парада Победы как символа-действия наполнено двумя различными смыслами. С одной стороны, это память о подвиге российских солдат, скорбь по погибшим. С другой – вера в величие и непобедимость России.

Менее противоречивый характер имеет символика ставшего популярным у граждан акция «Бессмертный полк». Если сравнивать символическое воздействие шествия с парадом Победы, воздействие этой акции на граждан дополнительно связано с собственным участием в ней (парад Победы рядовые граждане могут лишь наблюдать).

Символом, существующим и в пространстве акции «Бессмертный полк», и в качестве самостоятельного символа-объекта является Георгиевская лента. Если оценивать место этого символа в государственной символической политике, следует подчеркнуть отсутствие связи данного символа с общим контекстом советской символики, которая может вызвать неприятие части граждан.

Одновременно следует отметить, что чрезмерное использование символа может вызывать своеобразное привыкание, когда Георгиевская ленточка на одежде или автомобиле становится чисто ритуальным предметом, не ассоциирующимся у человека с памятью о войне и не вызывающим никаких эмоций.

Определенную роль в системе символов Великой победы играют символы-объекты, символы-персоны и символы-звуки.

Следует обратить внимание и на тот факт, что два других государственных праздника День народного единства и особенно День России до сих пор не содержат в своем образе привлекательных и активно принимаемых массовым сознанием символов, которые могли бы стать основанием для идентификации с Россией. В результате образ Праздника победы остается практически единственным праздником, объединяющих представителей разных территорий и разных поколений россиян.

Говоря об особой роли в политической культуре такого элемента как символы, можно выделить такую тенденцию в развитии современного массового сознания (особенно сознания молодежи) как склонность массового сознания к более «простым» культурным моделям, часто ассоциирующимся с образами «понятного» прошлого.

При разработке исторической политики и особенно той ее части, которая ориентирована на молодое поколение, следует учитывать набирающую силу тенденцию к фрагментированному, эмоциональному восприятию информации, обратить внимание на образно-символическое измерение политического дискурса и от ситуативного подхода к созданию и актуализации политических символов, нацеленного на решение конкретных задач, перейти к системной символической политике, формирующей у молодого поколения целостный политический образ мира.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31558опн «Политическая культура студенческой молодежи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики».

Евдокимов Н.А. (Уфа, БАГСУ)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ ОСЕНИ 2018 ГОДА.

9 сентября 2018 года в России прошёл Единый день голосования в ходе которого состоялись выборы Глав регионов в 22 субъектах, а также были выбраны депутаты 16 региональных legislатур. Выборы отличались более высоким, чем обычно уровнем конкуренции, что было обусловлено совокупностью социально-экономических и политических факторов.

По причине победы оппозиции в ряде субъектов, региональные выборы губернаторов в 2018 году привлекли значительное внимание общественности, в том числе на федеральном уровне. Общий ход избирательных кампаний по выборам глав субъектов Российской Федерации демонстрирует, что включённость политических партий является относительно слабой. Большинство кандидатов от «Единой России» не стремятся к ассоциациям с партией, используя её как формальный политический институт, необходимый для выдвижения. Учитывая снижение показателей «партии власти» большинство кандидатов стремилось проводить избирательные кампании опираясь на собственный политический опыт и/или потенциал.

Частично данная тенденция присуща и для оппозиционных кандидатов. Их связь с региональными отделениями не всегда была прочной, часто кандидаты использовали свой собственный финансовый и организационный потенциал. Тем не менее, у представителей оппозиции связь с партийными структурами всё же прослеживается более отчётливо. Следует отметить и то, что во многих регионах непарламентские политические партии выступали как трамплин для реализации политических амбиций со стороны ряда бизнесменов или региональных политиков. Впрочем, даже в случае, когда им удавалось проходить муниципальный фильтр избирательная кампания не приводила к достижению искомых результатов.

Традиционно к выборам в региональные legislatures было приковано существенно меньшее внимание, чем к губернаторским. Однако именно здесь (всего состоялись выборы в шестнадцати субъектах) региональные отделения партий были в наибольшей степени включены в избирательный процесс и смогли направить усилия на мобилизацию избирателей исходя из партийной, а не индивидуальной повестки.

В отличие от губернаторских выборов, включённость партий в организационную и информационную работу на выборах в legislatures была полной. При этом, по-прежнему следует разделять избирательные кампании при голосовании за единый региональный список и кампании в одномандатных округах.

Общий анализ работы региональных отделений политических партий позволяет сделать следующие основные выводы:

1. В ходе выборов в региональные legislatures партии в большей степени ощущают свою субъектность, чем в период губернаторских выборов, когда ход избирательной кампании в большей степени определяется штабами кандидатов, зачастую имеющими номинальное отношение к партиям. В большей степени это касается «Единой России», в несколько меньшей степени - оппозиционных политических партий.

2. Ключевым фактором избирательной кампании осенью 2018 года стала «пенсионная реформа» во многом определившая тактику избирательных кампаний партийных субъектов, а также спровоцировавшая массовый рост недовольства населения, что напрямую отразилось на итогах выборов. В наибольшей степени аккумулировать протест удалось КПРФ. Попытки аккумуляции предпринимались и другими партиями, в том числе «Справедливой Россией» и, в несколько меньшей степени, ЛДПР. Однако, возглавить протест региональным отделениям данных партий практически нигде не удалось. Наибольшие потери были понесены «Единой Россией», несмотря на попытки минимизировать их путём ряда технологических приёмов.

3. Региональные отделения оппозиционных политических партий сталкиваются с серьёзными проблемами при проведении выборов в одномандатных округах. Это связано с тем, что значительная часть региональных отделений сегодня не готова работать в рамках пропорциональной избирательной системы. В период избирательной кампании партии, за исключением «Единой России», столкнулись с проблемой эффективной организации собственной работы, что связано с отсутствием чёткой структуры и узнаваемых политических фигур в партийных организациях городов и районов. Политические партии не пользуются большой популярностью и в большинстве своем они не проросли на низовой уровень.

4. Информационная работа региональных отделений политических партий бессистемна, зачастую носит ситуативный характер. В ходе избирательных кампаний партии часто транслируют федеральную повестку, слабо включены в региональные проблемы, либо опасаются озвучивать свою позицию, боясь потерять часть электората. Слабая включённость в региональную повестку характерна даже для «Единой России». Это приводит к тому, что информационную повестку перехватывают внесистемные субъекты, либо общественно-политические структуры, не участвующие в выборах. Как следствие, выборы перестают восприниматься значительной частью общества как способ решения острых вопросов регионального развития, их легитимность падает.

Евстифеев Р.В. (Владимир, Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

«СПОРНЫЕ ВЫБОРЫ» И/ЛИ «СУМЕРКИ ДЕМОКРАТИИ»? НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ

Исследователи политических процессов отмечают рост количества национальных выборов, вызывающих конфликты. «Спорные выборы» порождают сомнения в легитимности выборов, создают предпосылки политической нестабильности и в целом меняют отношение к демократическим процедурам, когда отрицаются не только итоги конкретных выборов, но и демократия в целом.

Феномен «спорных выборов» сегодня наблюдается не только в странах, только начинающих осваивать и внедрять демократические механизмы. Проблемы в сфере выборов можно наблюдать и в странах с сильными демократическими традициями, включая США и страны Евросоюза.

В связи с этим проблема изучения и развития международного уровня управления политическими выборами становится актуальной субдисциплиной современной политической науки, изучающей международные стандарты выборов, возможности международного сообщества, государственных и негосударственных акторов влиять на проведение выборов, обеспечивая демократическую смену политических элит.

В последнее время казавшийся очевидным вектор международного влияния на выборы, который осознавался как влияние «старых» демократий, стран Запада на молодые демократии или полуавторитарные режимы, встречает определенные трудности и переживает трансформации. Международные избирательные стандарты становятся серьезным вызовом для национального суверенитета, при этом результаты международного влияния на выборы нельзя назвать однозначно позитивными.

Долгое время считалось, что хорошие отношения с западными странами в целом способствуют демократизации гибридных режимов, затрудняя проведение нечестных выборов. Другими словами, интенсивные связи с Западом способствуют демократизации, меняют неравные условия игры на электоральном поле (Левицкий и Вэй).

Однако, последние данные, собранные рядом исследователей говорят о том, что глубокие и долгосрочные отношения с западными странами оказывают лишь минимальное и статистически незначимое влияние на применение насилия во время выборов и манипуляции с голосованием (Билек).

Статистический анализ 147 выборных кампаний в конкурентных авторитарных режимах в период с 1990 по 2010 год, проведенный Билеком показал, что взаимодействие с западными странами не создает ситуации свободных и честных выборов, не снижает уровня репрессий и манипуляций во время выборов.

Одним из ключевых мировых акторов в оказании помощи в проведении выборов является Организация Объединенных Наций (ООН), начиная с 1991 года помощь в организации и проведении выборов от ООН получили более 100 стран. Выделяется три направления помощи: помощь в разработке или совершенствовании выборного законодательства; наблюдение за выборами; контроль за проведением выборов.

Исследователи приходят к выводу, что помощь ООН, действительно, может быть полезной, но только в небольших странах, таких как Косово, Намибия или Восточный Тимор, в то время как в более крупных и сложных странах, таких как Афганистан, Конго и Ирак, достижения демократизации сомнительны (Ньюман и Рич). Кроме того, электоральная помощь ООН играет «роль усиления» уже идущих процессов демократизации. При этом на действенность этой помощи определяющее влияние оказывает местная политическая элита.

Политолог Анна Лурман после изучения электоральной помощи ООН на выборах в Ливии (2011 г.), Нигерии (2011 и 2015 г.) и Судане (2010 г.), пришла к выводу, что правящие элиты контролируют как результаты, так и степень влияния помощи в проведении выборов, так как вынуждены выбирать между доверием к выборам и риском проиграть выборы. В результате электоральная помощь ООН может способствовать повышению качества выборов, если элиты в этом заинтересованы; однако, если правящие элиты ради победы на выборах идут на нарушения, то положительное влияние электоральной помощи минимально. Причем зачастую международное участие и помощь используются для легитимации авторитарных практик.

Таким образом, рост количества «спорных выборов», можно считать индикатором потери доверия со стороны граждан к этой демократической процедуре и к демократии, как форме политической организации общества. Международный уровень наблюдения и управления выборами переживает определенный кризис, связанный, во-первых, с неоднозначным влиянием ведущих западных стран на процессы демократизации в мире, и, во-вторых, с тем, что электоральная помощь международных организаций и, прежде всего, ООН, не вносит серьезных изменений в уже существующие тенденции демократизации и, более того, иногда может использоваться полуавторитарными режимами для собственной легитимации в условиях продолжающихся электоральных манипуляций и фальсификаций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484 по теме «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса».

Егоров Д.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ПРИСУТВИЕ И САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Одним из современных вызовов для публичной власти является вопрос присутствия и саморепрезентации в сети интернет и социальных сетях. Социальные сети сегодня можно рассматривать как новую полноценную публичную сферу. Юрген Хабермас, говоря о публичной сфере рассматривал её как пространство рациональной дискуссии, основанное на принципах открытости и равенстве сторон, а также на совместно разработанных и общепринятых критериях и стандартах⁸⁷. Хабермас указывая на агентов формирующих публичную сферу и влияющих на дискурс называл традиционные масс-медиа, однако сегодня на формирование публичной сферы гораздо большее влияние оказывают новые социальные медиа и прежде всего социальные сети. Если в традиционных медиа, существует устоявшиеся практики того как представителю власти необходимо присутствовать и саморепрезентовать себя, то в новых социальных медиа таковых пока ещё не сложилось. Главной сложностью для представителей власти здесь является то, что новые социальные медиа предполагают отношения производителя сообщений с потребителями этих сообщений, которые тем самым сами вовлекаются в его дальнейшее производство, когда каждый читатель/подписчик блога может выполнять функции автора, действуя в качестве комментатора, репортёра, фотокорреспондента и/или редактора данного сообщения посредством инструментов лайка, репостов, комментариев.⁸⁸

То каким образом представитель власти будет присутствовать и саморепрезентовать себя в социальных сетях зависит от конкретного представителя власти. В данный момент можно выделить четыре модели такого присутствия:

1. Проактивная
2. Активная
3. Формалистская (или пассивная)
4. Модель неприсутствия

Проактивная модель означает, что представитель власти присутствует в социальной сети, активно ведёт свою страницу в социальной сети публикуя различные сообщения и вступает в отношения с потребителями этих сообщений, а т.е с гражданами посредством комментариев и сообщений. Активная модель отличается от проактивной тем, что представитель власти активно ведёт свою страницу, но не пользуется возможностью вступать в отношения с гражданами посредством комментариев и сообщений. Формалистская модель отличается тем, что представитель власти создаёт страничку в социальной сети, но при этом не публикует на ней сообщений и соответственно не вступает в отношения с потребителями. Модель неприсутствия означает отказ представителя власти создавать страницу в социальных сетях.

Три из четырёх моделей отличаются отказом использовать функционал социальных сетей для того чтобы вступать в отношения с потребителем сообщений это может быть прежде всего связано с тем что многие представители власти боятся быть непонятыми, поскольку отношения в социальной сети во многом носят стихийный характер к ним сложно подготовиться как например к интервью или выступлению на мероприятии. Помимо этого, интернет - это среда в которой ничего не проходит бесследно, любой комментарий лайк или репост представителя власти может быть замечен и моментально распространён между пользователями. Таким образом каждое действие представителя власти в сети интернет обладает большим влиянием на общественное мнение. Поэтому большинство представителей власти выбирают стратегию избегания и предпочитают традиционные медиа для формирования общественного мнения. Однако это накладывает определённые поскольку по данным

87. Казаков М.Ю. «Публичная сфера» Ю. Хабермаса: реализация в интернет-дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. №3 (31). С.2

88. Шестёркина Л.П., Борченко И.Д. Основные характеристики новых социальных медиа // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. С.3

исследовательского центра Левада Интернет и социальные сети как источники новостей и информации по значимости сегодня опережают все остальные источники информации, кроме ТВ. В двух возрастных группах потребление новостей из социальных сетей превышает долю ТВ: 64 против 42% у молодежи (18–24 лет) и 56 против 49% у респондентов от 25 до 34 лет.⁸⁹ И отказ представителей власти использовать все возможности социальных сетей для саморепрезентации фактически означает отказ от возможностей влияния на дискурс в новой публичной сфере.

Елагин Д.П. (Москва, МГИМО МИД России)

КАК ВОЗНИКАЮТ «НЕУСТОЙЧИВЫЕ ГОСУДАРСТВА»? ПОИСК МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ

В докладе рассматривается проблема «государственной неустойчивости» (*state fragility*) и предпринимается попытка выделить факторы, которые являются причиной возникновения «неустойчивых государств» (*fragile states*), характеризующихся уязвимостью к рискам и кризисам и неспособностью аккумулировать ресурсы для самостоятельного противостояния им. В поисках ответа автор рассматривает концепт «неустойчивых государств» и литературу, посвященную различным аспектам «государственной неустойчивости».

Анализ исследовательской литературы указывает на то, что потенциально большое количество факторов может становиться причиной возникновения «неустойчивых» и «нестабильных государств», в то же время в большинстве исследований не отражены макроисторические факторы «государственной неустойчивости». В этой связи автором выдвигается предположение, что динамика и особенности процессов их государственного формирования отличны от характерных для государств, где институты функционируют эффективно и справляются с выполнением основных функций государства.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что ученые и эксперты добились значительных успехов в концептуализации феномена «государственной неустойчивости» и осветили его многомерный характер. В частности, в результате детализации концепта возникли такие подходы к причинам «государственной неустойчивости», как «ALC» и подход ОЭСР. Однако эти подходы (и основанные на них практики помощи развитию) исходят из оценки функционирования «неустойчивых государств» как отклонения от нормативной модели национального государства европейского происхождения.

Критический обзор исследовательской литературы позволяет выделить несколько подходов к анализу причин государственной неустойчивости. Первый состоит преимущественно из эконометрических исследований, в которых устанавливаются взаимосвязи между степенью государственной неустойчивости и различными переменными (среди них рассматриваются вооруженные конфликты, зависимость от ресурсов, уровень бедности, этнической гетерогенности и др.). Однако можно допустить вероятность обратной причинно-следственной связи в отношении этих переменных и «государственной неустойчивости». Институциональный подход фокусируется на взаимодействии государства и общества и возникновении государств как порядков ограниченного доступа. Такие государства оказываются менее устойчивыми к вызовам и рискам в результате того, что для обеспечения контроля они опираются на эксплуатацию ресурсов и неформальные (в том числе коррупционные) связи. Функционалистский подход указывает на структурные проблемы (*structural gaps*) в выполнении основных функций государства, выделяя их на основе веберовской типологии функций государства (авторитет-легитимность-способность к эффективному управлению). Неспособность выполнять эти функции может привести к возникновению «порочного круга», в результате чего государство будет становиться все более нестабильным и менее эффективным. Наконец, последний подход рассматривает экзогенные факторы «государственной неустойчивости», к числу которых исследователи относят распространение в государствах террористических и организованных преступных групп, а также экологические и экономические шоки, способные спровоцировать масштабные социальные, экономические и политические кризисы.

89. Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет. — Текст: электронный// РБК [электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d41c03a9a79472355ee2cca> (дата обращения: 23.09.2020).

Отметим, что, хотя эти подходы могут объяснить увеличение степени уязвимости государств, они не дают полноценного представления о первопричинах «государственной неустойчивости». По мнению автора, в современных условиях необходимо учитывать и траектории формирования этой группы стран, т.е. анализировать «государственную неустойчивость» в макроисторической перспективе. Использование макроисторического подхода позволяет обратить внимание на такие структурные факторы «неустойчивости», как сохранение границ колониального периода и гетерогенность населения и его предпочтений (что ограничивает способность индивидов к коллективному действию) и малый размер экономики, в результате чего «неустойчивые государства» часто не обладают достаточной налоговой базой для эффективного предоставления общественных благ. Не менее важными являются и агентивные факторы: слабость политических институтов способствует формированию клептократий, которые отстраняются от интересов населения и ограничивают доступ к общественным благам для его определенных групп. По мнению автора, учет рассмотренных в докладе факторов позволит лучше учитывать степень «государственной неустойчивости», которая демонстрирует высокую зависимость от контекстуальных характеристик, и разрабатывать более эффективные меры в сфере содействия развитию.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, грант №20-011-00922 «Арабское государство после «арабской весны»: траектории и динамика политических трансформаций»

Еременко Ю.А. (Санкт-Петербург, ФНИСЦ РАН),

Филимонов К.Г. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА И ЕГО РОЛЬ В ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ГОРОДА ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ БАМБЕРГА

Формирование экспертных сообществ и систем экспертной поддержки принятия решений на государственном, региональном или локальном (городском) уровне — сложный и нелинейный процесс. В условиях развития полицентричных форм управления и координации политики работа экспертных сообществ становится более демократичной, а структуры экспертных систем — менее иерархичными; в экспертизу включается всё большее число участников, влияющих на этот процесс, определяющих содержание рекомендаций; отмечается, что экспертиза приобретает более делиберативный характер (Edwards A. Being an Expert Professional Practitioner. The Relational Turn in Expertise, 2010. London: Springer, 172 p.).

Как следствие, структура экспертных систем становится более фрагментированной за счёт активного вовлечения в неё субъектов, которые по своему социально-профессиональному статусу, не являются экспертами, но обладают значительным опытом и социальным влиянием, особенно в локальных сообществах (Schofield J. Who Needs Experts? Counter-mapping Cultural Heritage, 2016. London and New York: Routledge, 259 p.).

Показательным примером является культурная политика локальных (городских) сообществ в области Всемирного культурного наследия, где наблюдаются тенденции, которые пока мало описаны в научной литературе, но требуют внимания и теоретического осмысления, поскольку влияют на реализацию политики и публичной власти в городских сообществах, на согласование интересов агентов, формирующих политику. Речь в нашем случае идёт об активном вовлечении жителей локального сообщества (города) в процессы экспертизы: когда на принятие решений влияют обоснованные позиции граждан (горожан), обладающих знаниями и авторитетом в определённых вопросах городской политики.

В теоретической перспективе возникает вопрос о том, как оценивать эту форму гражданского участия: с одной стороны, вовлечённость граждан в экспертную работу позитивно отражается на легитимности городской политики; с другой стороны, необходимость увеличения числа участников

экспертного процесса ставится под сомнение, и позиция «мы все эксперты в области наследия» (как в нашем примере) рассматривается критически. Исследователи здесь настаивают на необходимости анализа большого числа случаев (Hølleland H., Skrede J. What's wrong with heritage experts? An interdisciplinary discussion of experts and expertise in heritage studies // International Journal of Heritage Studies. 2018. P.1–12, p. 9).

В предлагаемом исследовании мы анализируем работу и демократизацию экспертных систем городского сообщества через предложенное нами понятие «распределённой экспертизы» (shared expertise), которую понимаем как форму экспертизы, возникающую в условиях полицентричного управления, многоуровневого управления, подразумевающего совместную работу местного (городского) сообщества и администрации, транснациональных корпораций и международных организаций, международных экспертов и местных жителей, чей опыт может быть более ценным для решения проблем сохранения культурного наследия и более конгруэнтным по отношению к интересам местного сообщества.

Наши выводы базируются на case-study: анализе данных полуструктурированных экспертных интервью, проведённых с октября 2018 г. по май 2020 г. в г. Бамберге (Германия). Результаты показывают, что в городской политике относительно вопросов Всемирного культурного наследия существует своеобразное многоуровневое и полицентричное «распределение обязанностей» («распределённая экспертиза»): ситуация, когда, например, в вопросах реставрации городских зданий привлекаются местные жители, которые хорошо знают город, его архитектуру и само городское сообщество; и в случае строительства новых зданий, когда привлекаются международные эксперты, если зона строительства находится в статусе Всемирного культурного наследия.

В части результирующих выводов отметим, что в ходе исследования выявились сложности в работе экспертной системы, связанные с информированием горожан о строительных работах и возможностях участия, а также с согласованием интересов заинтересованных сторон. Здесь мы обращаем внимание на двойственность экспертизы и на то, что у каждой экспертизы есть свой «потребитель»: несмотря на то, что решения по вопросам строительства, реконструкции и реставрации принимаются на городском уровне, тем не менее (1) экспертиза в отношении строительства новых зданий в Бамберге направлена вовне городского сообщества (готовится для международной «аудитории» и ЮНЕСКО), (2) в отношении же реконструкции и реставрации проводится местная экспертиза, в том числе с привлечением местных жителей и транслируется она для городского сообщества. Представляется, что в данной ситуации существует значительный конфликтный потенциал, в перспективе требующий разрешения и дальнейших исследований.

Ермолаев Т.С. (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВНЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

1. Анализ материалов социологических исследований выявил следующие факторы этносоциальных рисков в регионе: фактическое отсутствие механизмов учета и контроля миграционных потоков на муниципальном уровне; депрессивное состояние большей части населения в связи с отсутствием четких ориентиров социально-экономического развития населенных пунктов; недостаточный уровень толерантности и культуры межнационального общения, связанный с более низким образовательным потенциалом населения промышленных районов по сравнению с общереспубликанскими показателями; отсутствие системной национальной политики на региональном и федеральном уровне.

2. Прежде всего, следует сказать о необходимости создания механизма мониторинга межэтнических отношений, начиная с муниципального уровня с конкретным набором этноиндикаторов, позволяющих точно определить состояние межэтнических отношений и разработать соответствующие превентивные действия. Разработка инструментария и организации мониторинга – процесс весьма трудоемкий,

но это жизненно необходимая вещь в национальной сфере. Очень важен в системе мониторинга выбор индикаторов и их агрегация в систему показателей, объективно отражающих состояние дел в сфере межэтнических отношений. Создание элементов этномониторинга на муниципальном уровне способствовало бы оперативному решению накопившихся этносоциальных проблем и профилактики межэтнической напряженности.

3. Эпицентр реализации национальной политики должен переместиться на муниципальный уровень. Органы самоуправления – самое слабое звено в реализации национальной, миграционной, этноконфессиональной политики. В данном контексте весьма познавателен опыт территориальных органов самоуправления (ТОС). По данным 2018 г. в Республике Саха (Якутия) функционировало 1384 ТОСов – туэлбэ. Опыт работы якутских ТОСов показывает, что они способны решать разные социально значимые для населения вопросы, в том числе и в сфере национальной политики. Представляется важным инициировать вопросы возрождения органов местного самоуправления по месту жительства не только в сельских, но и в городских поселениях.

4. Исторический опыт многовекового проживания различных народов в экстремальных условиях поистине уникален и мы обязаны бережно и разумно использовать его во благо будущих поколений. Для этого необходим непрерывный конструктивный диалог между властью и общественными формированиями. Ключевым агрегатором, способным решать эту задачу, является Ассамблея народов Якутии, созданная в 1994 г. За прошедший период накоплен бесценный опыт работы данной общественной организации по реализации государственной национальной политики, который может послужить примером для других российских регионов. Территория самого крупного субъекта РФ разделена на 35 административных муниципальных образований, но только в 14 из них функционируют отделения Ассамблеи, т.е. есть пространство для развития и усиления своего влияния. Сегодня Ассамблея народов Якутии является одним из эффективных ключевых институтов гражданского общества, играющих важнейшую роль регулятора этносоциальных процессов в регионе.

5. В современных условиях наблюдается серьезное возрастание значимости феномена «этнического ренессанса». И это закономерная реакция этнокультурных сообществ на унифицирующее воздействие глобализационных процессов. Поэтому важной задачей является выделение региональных моделей национальной политики в их обусловленности характером объективных этносоциальных процессов, протекающих в локальных межэтнических сообществах, а также определение регионально обусловленных ориентиров национальной политики наряду с общестратегическими ориентирами. К сожалению, такая возможность даже не оговаривается и не предусматривается, а следовательно, и не допускается. На самом деле, проведение продуманной, целенаправленной, ответственной национальной политики предполагает ее адаптацию к конкретным условиям и должно осуществляться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации, а также муниципалитетов. Без учета региональных особенностей государственная национальная политика не может быть эффективной.

Ефанова Е.В. (Волгоград, ВолГУ)

НОВЫЙ РЕСУРС ВЫБОРОВ: КАК ВОЛОНТЕРЫ ИЗМЕНЯТ РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ

Все добровольческие начинания и организации в России пользуются поддержкой государства, они соответствуют государственной политике, которая в свою очередь направлена на реализацию демократических идей, соблюдение прав и свобод человека. В отличие от Запада, где виды добровольческой деятельности характеризуются по их институциональной организации, в РФ добровольчество делится на традиционные и «новые» направления с точки зрения целевой группы и миссии. Современные волонтеры представляют собой инициативный ресурс, который может влиять на политическую ситуацию внутри государства и во внешней политике.

В целом, волонтерство - общность добровольцев, которые взаимодействуя между собой, могут реализовывать определенный вид деятельности, направленный на достижение конкретных целей и задач. Добровольческая деятельность для государства играет значимую роль, она сочетает в себе моральные и этические компоненты. Деятельность волонтеров может быть направлена на решение стратегически значимых вопросов государства, к числу которых можно отнести выборный процесс и легитимация политических решений.

Традиционно избирательный штаб кандидата реализует агитацию за политического актора, в свою очередь, участие волонтеров в выборах – это информационно–просветительская деятельность. Волонтерский корпус, как правило, включает амбициозных молодых людей, которые видят своей целью конструирование политического будущего страны и активное участие в деятельности политических институтов. Создание волонтерских проектов в качестве инструмента стабильного развития государства формулирует благоприятные условия для национальных инициатив. Так, на начало 2016 года общее число молодых людей в волонтерских движениях составляло 2,7 млн. человек, на начало 2017 года – 4,1 млн. человек. Это 14,9% всей молодежи, проживающей в России⁹⁰. А всего, на конец 2019 года, в стране более 15 млн. человек, занимающихся волонтерской деятельностью⁹¹.

Волонтерство является частью российского выборного процесса, ибо постсоветская Россия стала другой в экономическом, технологическом и в идейном смыслах. На этом фоне появилось поколение людей, ориентированных на новые практики гражданского участия в политике посредством информационных технологий и идейный плюрализм. Исходя из данных тенденций, можно предположить, что современная российская молодежь станет локомотивом мобилизации электората на выборах посредством разъяснительных бесед и информационных постов.

В результате, волонтерские организации, участвуя в выборной кампании конкретного кандидата или партии, снижают административное давление на электорат. Также мобилизация молодых добровольцев, когда есть понятная и достижимая цель, станет одним из инструментов эффективной молодежной политики, ибо политическая активность без участия в выборах неизбежно ведет к маргинализации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

Жаде З.А. (Майкоп, АГУ)

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО РИСКА НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СОЦИУМЕ

В текущий исторический момент осознание современных угроз и рисков, касающихся роста социально-экономического неравенства, экологических противоречий, демографических проблем, активизации вызовов экстремизма, международного терроризма, обеспечения безопасности информационного пространства обозначились как угрозы «второго порядка». Это стало возможным в условиях глобальной угрозы – пандемии коронавируса COVID-19, перед которой все человечество оказалось бессильно.

Российское общество претерпевает динамичное развитие, при этом в условиях глобального риска возникают дополнительные импульсы к различным изменениям, чем предопределяется активизация как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов. Глобальная пандемия вызвала огромное число очевидных последствий различного порядка, а также несколько менее очевидных, но потенциально весьма деструктивных последствий.

90. Роспатриотцентр: число волонтеров среди молодежи в России за год выросло на 52% // <https://news.rambler.ru/politics/37311294-ros-patriottsentr-chislo-volonterov-sredi-molodezhi-v-rossii-za-god-vyroslo-na-52/>

91. Путин назвал число волонтеров в России // <https://ria.ru/20191205/1562010214.html>

В условиях непосредственного глобального риска преобладание интеграционных тенденций становится значимой ценностью для общества, постоянно испытывающего необходимость находить ответы на обозначенные вызовы. Дезинтеграционные процессы, детерминируемые многообразием последних, требуют расширения привычных теоретических рамок, так как сложность и динамичность социальной системы приобретают беспрецедентные масштабы. Как свидетельствует исторический опыт, именно в моменты кризисов происходит консолидация общества и власти, растет запрос на защиту со стороны власти, но далее очень многое будет зависеть от продолжительности пандемии и от его последствий.

Под (дез)интеграцией мы понимаем меру сцепления разнородных действующих элементов в обществе (институтов, групп, индивидов) в единую целостность, системность, которая возникает на основе совпадения целей и интересов и способствует развитию общества.

Анализируя влияние нового глобального риска на функционирование полиэтничного общества, обозначим три основных блока (дез)интеграционных процессов, формирующих их течение в условиях непосредственного риска: «Информационно-коммуникационный», «Компетентность» и «Доверие». Проанализируем их на примере Республики Адыгея.

«Информационно-коммуникационный» блок. Одной из характеристик современности стало более тесное общение представителей власти с гражданами. В процессе коммуникации Глава Адыгеи М.К. Кумпилов активно использует интернет-среду, постоянно информирует граждан о социальных антикризисных мерах и мерах по недопущению распространения коронавирусной инфекции, принимаемых в республике.

Выстраивание эффективного взаимодействия общества и государственной власти предусматривает формирование действенной системы информирования и защиты интересов граждан. Прозрачность функционирования государственной власти, ее информационная открытость позволяют гражданам получить адекватное представление о функционировании органов управления, обеспечить доступность информации о принимаемых представителями политической элиты решениях, характере их текущей управленческой деятельности.

Блок «Компетентность». Данный глобальный риск наглядно продемонстрировал компетентность различных органов власти. Региональные политические лидеры, отвечая на этот чрезвычайный вызов, поэтапно доказывают гражданам свою способность преодолеть последствия кризиса COVID-19. Органы власти республики приняли системные меры, позволяющие оперативно справиться с распространением вируса, сохранить жизнь и здоровье людей, также предложили сбалансированный план действий по нормализации кризисной ситуации.

От эффективности и оперативности антикризисных мер органов власти сейчас зависит не только экономические показатели, но и жизнь абсолютного большинства российских граждан. Пандемия, естественно, является испытанием для всех уровней власти, поскольку она демонстрирует, насколько те или иные политические решения являются правомерными или неправомерными, насколько политические элиты справляются с вызовами и отвечают тем запросам, которые существуют у населения.

Блок «Доверие». Непосредственный глобальный риск актуализировал вопрос о доверии к власти, представляющее собой необходимое условие стабильности мироощущения людей, без которой оно деформируется и становится подверженным стрессу.

За короткое время система взаимоотношений власти и общества в регионе подверглась реструктурированию из-за многократного увеличения уровня ожиданий, адресованных властным структурам. Между тем, решительные действия региональной власти повысили доверие к властным структурам. Ожидания населения, будучи оправданными, обеспечили достаточно высокий уровень доверия, в свою очередь детерминирующий интеграционные процессы в обществе. Как известно, чем выше степень интеграции в обществе, тем более высокой будет эффективность органов государственной власти.

Возросший уровень доверия к власти и качество оказания адресной помощи гражданам в период пандемии являются результатом комплексной и тщательной работы органов власти Республики Адыгея. Кризисная ситуация привела к консолидации общества вокруг власти, однако дальнейший уровень доверия будет зависеть от экономических последствий эпидемии коронавируса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31523.

Живодёрова Ю.В. (Тула, ТулГУ)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ И НЕПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

При анализе политического сознания российских граждан обратим первоначальное внимание на их отношение к действующим политическим акторам. Политика во многих ее сферах оказывает наибольшее влияние на общество, как и наоборот.

Общество в демократическом государстве формирует актуальные запросы, и влияет на модернизацию политики. Особое внимание в данном исследовании стоит уделить политическим партиям, так как именно они формируют свою повестку так, чтобы их образ базировался в сознании как положительный и единственно справедливый.

Из данного утверждения следует вопрос – какие запросы актуальны и как партии на них отвечают? Разделим запросы на 2 типа – юношески-опосредованные и когнитивно-взрослые. Первый тип выделяется эмоционально-окрашенной реакцией на некоторые действия государства (отсюда опосредованность – запрос формируется не напрямую, а «вызывается» действиями извне). Второй – более структурный, подразумевающий перед собой базис опыта и знаний и их формирование в требования. Исходя из этого, мы можем проследить трендовые запросы, которые встречаются в обоих типах – базовые, например, сохранение и защита прав, свободные, честные выборы и сбалансированная система планирования, которая бы следила за реализацией 1-ых двух запросов и показывала свою эффективность во всех сферах политики. Следует упомянуть об абсолютно трендовых запросах – повестка благоприятной среды (урбанизация городов России и экоактивизм) и вовлечение в политику поколения Z (различные молодёжные объединения, парламенты, избирательные комиссии и т.д.).

Исходя из данной проблематики, мы можем отметить, что единственным вариантом для того, чтобы партиям остаться «у руля» - адаптация. Любая политическая партия преследует ряд целей, но главенствующими остаются сохранение своего влияния и увеличение числа последователей. Соответственно, партии используют различные «точки движения», которые превращаются в тенденции их развития. Данные точки имеет общий практический аппарат и различаются только некоторыми оптическими изменениями.

Вопрос адаптации в том, что каждая партия имеет ограниченное количество ресурсов и центральный подтекст, который существует в условиях данного политического контекста. И если парламентские партии в разной степени успешности могут распределять их, используя свой административный и информационный ресурс, то непарламентским приходится мириться с тем, что их повестка может быть не только проигнорирована аудиторией, но также будет несоразмерима с проектным бюджетом. Но проследив общий базис трендовых запросов, можно вне зависимости от данных внешних факторов отметить некоторые тенденции:

1. Стремление к центризму.

Несмотря на то, что парламентские партии носят разные повестки и идеологии, наблюдается тенденция отказа от радикальных форм борьбы за власть, решений политических проблем и агитации. В основу деятельности вкладываются базовые центристские установки – баланс общественных интересов и их равновесие. Единственная партия, которая пока что не подключилась к данному явлению – КПРФ. Остальные парламентские указывают центризм в различных его формах в качестве идеологической составляющей. Что касается непарламентских партий, то данную тенденцию использовали только «Зеленые» (из числа наиболее популярных партий). Данный феномен можно объяснить только с той точки зрения, согласно которой, новые партии не согласны сотрудничать с парламентскими, так как на их взгляд среди них отсутствует оппозиция. Именно поэтому они исключают любой лоялизм и центризм.

2. Обратная зависимость от социальных сетей.

Данная тенденция выводит правило, которое одинаково как для парламентских, так и для непарламентских партий: «чем больше и качественнее «посты», тем больше аудитории. Особый упор

составляется на внимание молодежного электората, считающийся наименее политически активным. Современная агитационная программа невозможна без «отчетности» в социальных сетях. Контентным центром считается «ВКонтакте», как самая используемая на территории СНГ.

3. Энвайронментализм.

У данного понятия есть несколько определений, но тенденция включает теорию управления социально-экологическим развитием и окружающей средой. Экологической повесткой пользуются также оба вида партий. Например, это предвыборная программа Якова Сидорова (КПРФ) 2019 года в Кургановской области, за которой последовал партийный «антиурановый» митинг и политическая повестка новых эко-партий.

Таким образом, прослеживая общественные политические запросы, политические партии парламентского и непарламентского типа адаптируются под них, создавая определенную политическую повестку, отвечающую актуальным проблемам и тенденциям. Как политические исследователи, мы должны проследить несколько базовых вопросов, а именно – насколько сильно внешние запросы влияют на общую структуру партий и их деятельность, а также как от данных трансформаций меняется общая политическая ситуация в стране.

Жуков И.К. (Омск, ОмГУ)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ 2020 Г. КАК ПИЛОТНЫЕ ВЕРСИИ ВЫБОРОВ В ГОСДУМУ В 2021 Г.: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СМЕНЫ СТРАТЕГИИ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сложная экономическая ситуация, пандемия, исчерпание эффекта «крымского консенсуса» говорят о том, что грядущие выборы в Госдуму будут сложными. Тем выше внимание к результатам последнего ЕДГ. По ним и АП, и политические партии будут формировать стратегии думской избирательной кампании. В этом плане в качестве модельной можно использовать кампанию в Новосибирской области. Регион репрезентативен, на его основе можно прогнозировать развитие кампании в России в целом: в нём есть мегаполис с высокой протестной активностью, малые и средние города, моногорода, а также разнообразная сельская местность.

Прошедшие выборы в Новосибирской области стали самыми масштабными в стране: избирали депутатов Законодательного Собрания, Совета депутатов Новосибирска, райсоветов и сельсоветов, а также мэра города Обь. Всего разыграно более 4500 тыс. мандатов.

В США есть штаты, на основе голосования которых прогнозируются результаты по всей стране – считается, что они голосуют как вся страна. Здесь – аналогичный случай. Полагаем, что именно Новосибирский кейс, его успехи и провалы стратеги АП будут анализировать особенно внимательно.

Кампания была крайне напряжённой: участвовало 10 партий (как старые, так и новые), административный ресурс в региональном центре – на стороне КПРФ (мэр третьего по населению города страны – коммунист). Протестные настроения в регионе очень сильны (население на митингах отстояло прямые выборы мэра, протестовало против пенсионной реформы, поддержало Хабаровск и т.д.). Штаб Навального активно использовал сразу два масштабных проекта: «Умное голосование» и «Коалицию – 2020».

Алексей Навальный посетил Новосибирск незадолго до отравления. «Коалиция» располагала медийным ресурсом, даже превышающим возможности ЕР. Он выражался в полной поддержке топовых региональных («Тайга», ГС) и федеральных («МБХ Медиа», «Новая газета», РБК, «Дождь», все медиа ФБК и Навального) ресурсов. В Новосибирск несколько раз приезжали иностранные журналисты.

КПРФ и штаб Навального не скрывали, что планируют сделать Новосибирскую область «плацдармом» для выборов в Госдуму. Обе силы обладали тут достаточным потенциалом и видели возможности для дальнейшего усиления.

В этой ситуации многое определялось тем, какую стратегию выберет правящая партия «Единая Россия». Использование прежней стратегии было бы априори проигрышным вариантом.

Основные стратегические новации ЕР:

1. Уход от негатива в адрес конкурентов. Остальные же партии сконцентрировались на критике ЕР, что лишь стёрло различия между ними.

2. Масштабная кампания по сбору предложений жителей, которые в итоге включались в программу. Серьёзным преимуществом стал закон о наказаниях избирателей. Никто из оппонентов ЕР эту тему не использовал.

3. «Сшивка» избирательной кампании партии с темой Города трудовой доблести. Это стало объединяющим месседжем. Региональный патриотизм был воспринят в целом благоприятно и жителями в целом, и трудовыми коллективами в частности.

4. Одно из ключевых решений – главным лицом партии в регионе стал губернатор. Об этом стоит сказать подробнее. Очень часто при снижении рейтинга ЕР её представители начинают избегать ассоциации с партией. Губернаторы стремятся пойти самовыдвиженцами. В Новосибирской области, напротив, губернатор принял пост секретаря регионального отделения и вместо избегания начал активно мобилизовывать партию.

5. Намного более активное, чем раньше, использование в кампании социальных сетей, где в т.ч. впервые активно противодействовали информационным атакам несистемной оппозиции. Также были задействованы дистанционные формы агитации, в т.ч. партийные онлайн-форумы. Можно также отметить особенность последней избирательной кампании: медийное пространство заметно уплотнилось, интенсивность информационных потоков выросла. Это повлияло в т.ч. на работу избирательных штабов. Если на прошлой думской кампании работа штабных райтеров и медиаблога сворачивалась за одну-две недели до дня голосования, то сейчас она продолжается в т.ч. и после дня голосования.

6. Активная работа партии в период пандемии. Это позволило впервые за долгий срок увеличить её рейтинг.

Итогом стало удержание позиций ЕР в Законодательном Собрании Новосибирской области и большинстве муниципальных легислатур (за исключением Совета депутатов Новосибирска, где представительство оппозиции увеличилось).

Не во всех регионах стратегия правящей партии была обновлена. Об этом свидетельствуют результаты выборов в Томске и Тамбове, где оппозиция, располагая существенно меньшим ресурсом, разгромила партию власти.

Сопоставление подобных кампаний даёт возможность для всех партий обновить свои стратегии перед думской кампанией 2021 г.

Завершинский К.Ф. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОДОВ И НАРРАТИВОВ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Успешная реализация современным российским государством политики суверенитета невозможна без действенной координации социокультурных структур публичной власти и публичного пространства. Их политическое позиционирование опосредовано социокультурной динамикой символических структур, которые в реалиях растущей фрагментации и автономии акторов политических коммуникаций, амбивалентно влияют на институциональную динамику и устойчивость национальных политических систем. В этих реалиях актуализируется исследование процесса социального конструирования символических кодов и базовых нарративов национальной идентичности, обеспечивающих эффект

солидарного взаимодействия при многообразии мотивов и интересов участников политических взаимодействий.

Солидарность в этом случае проявляется не только в виде конкретных форм социальной интеграции, но и как специфическая коммуникативная среда, которая превращает политическое взаимодействие в политическое событие и в коммуникативный триггер возникновения сильных эмоций и действий, выводящих людей за рамки их индивидуальных и групповых социальных предпочтений. Солидарность становится своего рода «сополагаемым смыслом», сопутствующим основной мотивации взаимодействия, который при многообразии и ослаблении первоначальных мотивов, замещает их, порождая желание «действовать вместе», «быть вместе», «чувствовать вместе» и воспринимать как самоценность возникающие сообщества (А.Ф.Филиппов). Специфика политической солидарности в том, что она так или иначе связана отношениями доминирования и принуждения, которые солидарность мотивирует наиболее очевидно в случае реального насилия, готовности к самоотдаче и жертвенности. При этом важно учитывать, что современная политическая солидарность и способы ее коммуникативного воспроизводства качественно отличны от социального конструирования более традиционных форм солидарности. Возникновение современных сложных и весьма динамичных коммуникативных структур публичного пространства стимулирует поиск новых способов описания взаимосвязи публичной власти и публичного пространства. Солидарные формы, возникающие в публичном пространстве, так или иначе должны сопрягаться с активностью государственных институтов, так как конструктивная «гражданская власть - солидарность, воплощенная в государственном контроле» (J.C. Alexander).

Эффективный характер взаимосвязи институтов публичной власти и акторов публичного пространства предполагает коммуникативный контроль институтов публичной власти за пространственно-временным кодированием коммуникативных границ национальных сообществ. Характерная для политологического дискурса последних десятилетий апелляция к специфике глобализации политических коммуникаций, к обнаружению тенденций к возрастанию роли наднациональных сетевых структур, новых форм политической солидарности «космополитической гражданственности» на практике не подтверждается возникновением «наднациональных» государств. Отчетливо прослеживаются националистические и партикуляристские тенденции в современном этногенезе.

Как полагает автор тезисов, базовым символическим кодом идентификации национальных сообществ и социального конструирования политической солидарности продолжает оставаться «гражданский код», репрезентируемый в патриотическом кодексе поведения, обеспечивающий более высокую по сравнению с предшествующими политическими кодами и нарративами политическую форму солидарности, преодолевающий этнические, религиозные и региональные различия, которые обладают семантическим потенциалом трансформации индивидуальных мотивов и чувственности в прагматику «жертвенности» и «героического» при безусловном признании самоценности национальной общности. Вместе с тем очевидна насущная потребность в новых способах описания социокультурной динамики символических кодов и нарративов патриотизма, не редуцируемых к классификациям в русле идеологической семантики прошлого века.

В современной России, после деконструкции политико-коммуникативного пространства Советского Союза прослеживается очевидная поляризация в социокультурной динамике символических кодов политической солидарности и политических нарративов «героического» и «жертвенного». Существенную роль в описании и прогнозировании становления нарратива гражданской солидарности, необходимого для оформления устойчивой национальной солидарности, на наш взгляд, играет исследование смены «профилей легитимации» (J. K.Olick) политической памяти современной России, реконструкция конфликтной динамики ее символических контуров, включающих разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), которые определяют характер возникновения и разрушения символических кодов и нарративов патриотизма.

Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-31690 «Символические коды и нарративы патриотизма в национальной памяти современной России и США».

Зазнаев О.И., Сидоров В.В. (Казань, К(П)ФУ)

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Для урегулирования конфликтов используются институциональные и неинституциональные приемы и способы. К институциональным механизмам, способствующим «затуханию» конфликтов на этнической почве, можно отнести форму политико-территориального устройства, форму правления и избирательную систему. «Институты важны», поскольку оказывают воздействие на появление, протекание и «сглаживание» конфликтов. Институты могут привести как к эскалации конфликтов, так и к их разрешению. Правильно подобранные и оптимальные институты создают благоприятные условия для урегулирования этнических конфликтов. Безусловно, роль институтов в урегулировании этнических конфликтов не нужно преувеличивать, так как этнические конфликты возникают и протекают в историческом и социально-культурном контексте общества.

В политической науке сегодня доминирует мнение о том, что для полиэтнических обществ больше годится парламентская, а не президентская система, так как в парламентской системе действует коллегиальный механизм принятия решений, в то время как президентская система опирается на принцип «победитель получает все», оставляя проигравшие этнические группы вне власти, что ведет к противостоянию и конфликтам. Вместе с тем, следует отметить, что президентская система в условиях полиэтнического общества может способствовать достижению группового согласия и примирения благодаря деятельности сильного президента. В такой системе президент принимает решения по преодолению кризиса во взаимоотношениях между противоборствующими группами, выступая в качестве «рефери». Прямые выборы президента дают ему возможность выступить в качестве «объединителя» расколота на этнические группы нации, поскольку он избирается от всего населения, а не от отдельной территории или группы. Благодаря системе сдержек и противовесов этнические группы имеют возможность оппонировать проводимой политике путем использования инструментов конгресса или исполнительной власти.

Одна из проблем разделенного общества - доминирование одной этнической группы, что может привести к этнократии. Возможна ситуация, когда в условиях парламентской системы одна партия, представляющая интересы одной этнической группы, получает доступ к кабинету, опираясь на большинство парламента. В этом отношении и президентская система не идеальна: не исключен сценарий, при котором и президент, и большинство в конгрессе принадлежат к одной этнической группе. При этом президентская система «предлагает» вариант разделенного правления (президент и большинство в конгрессе принадлежат к разным группам), что препятствует этнократии.

Мировой практике известны случаи снижения рисков этнических конфликтов путем создания необычных институциональных элементов. В частности, коллективное президентство (Швейцария; Босния и Герцеговина) может нивелировать такие проблемы президентской системы как нулевой (*zero-sum*) характер президентских выборов и неколлегиальная природа исполнительной власти. Сильное президентство в условиях парламентской системы (Ливан) позволяет сочетать плюсы президентской (принятие президентом решений, направленных на смягчение конфликтов) и парламентской систем (интересы разных этнических групп и конфессий отражаются в парламенте).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00102 «Роль формы правления в предотвращении и урегулировании этнических конфликтов: сравнительное исследование».

Зайцев С.Ю. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Современная российская система образования и педагогическая среда занимает одно из ведущих мест в формировании у обучающихся социально-политических установок и гражданских компетенций. Проанализировав большой пласт научной литературы, мы выделили наиболее всеохватывающее определение гражданской компетентности – это «интегративное качество личности, заключающееся в понимании основ правового устройства страны и её истории, способности личности реализовывать гражданские права и обязанности, в активном и ответственном участии в общественно-политической деятельности, демократических процедурах, а также понимании гражданских ценностей и институтов и осознания своей принадлежности к конкретному государству» (Кузнецова В. С. Сравнительный анализ содержания доминантных понятий по проблеме формирования гражданской компетентности студента университета // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4. С. 173–174). Под социально-политическими установками мы будем понимать ориентации индивида, обусловленные внешними и внутренними факторами, определяющие его отношение к различным явлениям социально-политической сферы, формирующие гражданскую позицию и стимулирующие к различного вида политическим действиям.

Несмотря на развитие и изменение таких базисных институтов социализации как семья, средства массовой информации и электронной коммуникации, учреждения школьного и высшего образования обладают эффективными инструментами по вовлечению школьников и студентов в политическую сферу, способными повысить их уровень гражданского участия и ответственности.

На наш взгляд, можно выделить как минимум два фактора, оказывающих влияние на повышение качества формирования социально-политических установок обучающихся. Первый из них в большей степени проявляется в адаптации и реализации требований Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) в учреждениях школьного и высшего образования. На формирование социально-политических установок и гражданских компетенций в этом разрезе влияют усвоенные в процессе обучения универсальные и профессиональные компетенции. Мы предполагаем, что освоение УК-1, УК-2, УК-3 ФГОС 3++ влияют на формирование установок в частях: формирования навыков критического анализа социально-политической действительности и обработки информации для адекватного реагирования на её позитивные и негативные характеристики; выбора индивидом оптимальных и законных способов выражения своего мнения по отношению к явлениям социально-политической реальности; способности индивида выстраивать взаимодействие с единомышленниками для публичных действий по отстаиванию своих позиций.

Вторым инструментом формирования необходимых социально-политических установок и гражданских компетенций является трансляция взглядов и позиции школьных учителей и преподавателей учреждений высшего образования, специализирующихся на преподавании истории, обществознания и социальных наук. Для подтверждения данного тезиса нами было запланировано проведение эмпирического исследования, включающего себя анкетирование обучающихся и педагогов с целью определения социально-политических установок представленных групп, а также выявления общих и особенных характеристик. В рамках исследования планируется провести опрос среди следующих категорий: ученики 11 классов, студенты 1 курса и студенты 4 курса, обучающиеся по специальности «учитель истории и обществознания», а также учителей истории и обществознания, чей выпуск пришелся на период с 2009 года по настоящее время. Исследование носит кроссрегиональный характер (в выборку вошли учащиеся и педагоги образовательных учреждений регионов Северо-Западного Федерального округа).

Заляев Р.И. (Казань, К(П)ФУ)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОЗДАНИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Политические партии в демократических государствах являются важнейшим субъектом коллективного представительства интересов граждан, и от организационно-правовых форм их создания и деятельности во многом зависит качество реализации демократического политического представительства.

Федеральный закон России «О политических партиях» содержит требования к созданию и деятельности политических партий. В первоначальной редакции закона были установлены требования о том, что «политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов РФ», и «в политической партии должно состоять не менее десяти тысяч членов политической партии» (П. 2 ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 14.07.2001) // СПС «КонсультантПлюс»).

Требования закона к созданию и деятельности политических партий неоднократно были предметом оживленных дискуссий. Некоторая часть общества считала, что они являются слишком высокими и ограничивают право индивида на объединение, а также возможность реализации демократического политического представительства.

В 2005, 2007 годах были также обращения в Конституционный Суд РФ о проверке ряда положений закона России «О политических партиях» на соответствие Конституции РФ, в том числе положений, содержащих требования к созданию и деятельности политических партий. По мнению Конституционного Суда РФ, законодатель при введении требований к созданию и деятельности политических партий в России, прежде всего, исходил из необходимости структуризации партийной системы, формирования крупных общенациональных политических партий, способных вытеснить из избирательного процесса мелкие партии, объединения неполитического характера, не имеющих сколько-нибудь серьезной социальной опоры в обществе (См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2005 года № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491).

Что касается требования к численности членов политической партии, действительно, его введение способствовало формированию крупных общенациональных партий, которые выражают интересы значительной части граждан России и вытеснению из избирательного процесса множества малочисленных партий, не имеющих достаточной поддержки и которые дезориентировали избирателя, что, в свою очередь, обеспечило лучшее представительство интересов граждан при выборах.

В 2012 году законодателем требование к численности членов партий было резко снижено, и сегодня «в политической партии должно состоять не менее 500 членов». Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 02.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс». На наш взгляд, данное количественное требование нуждается в научном анализе и оценке целесообразности сохранения с точки зрения его соответствия партийному развитию страны, в том числе и реализации политического представительства интересов граждан.

Дискуссии и споры проходили и по вопросу требования к численности региональных отделений политической партии, которое косвенно запрещает создание и деятельность межрегиональных,

региональных и местных политических партий. Сторонники запрета создания и деятельности в России региональных политических партий считают, что создание региональных политических партий будет вести к развитию сепаратистских тенденций и угрожать стабильности и целостности государства. См. об этом, например: Зорькин В.Д. Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 5.

Действительно, в России существует связь между региональным уровнем деятельности политических партий и вероятностью создания и деятельности сепаратистских и националистических политических партий, и создание региональных политических партий, на наш взгляд, преждевременно. Однако, для стабильности политической системы региональные интересы должны эффективно поступать в политическую систему, и важно развивать другие возможности регионального представительства. С этой целью, с одной стороны, важно развивать эффективные каналы партийного представительства региональных интересов на федеральном уровне, путем расширения возможности представительства региональных интересов общенациональными политическими партиями. В то же время, с другой стороны, необходимо развивать представительство интересов на региональном и местном уровнях, например, путем расширения допуска к участию в выборах на региональном и местном уровнях региональных и местных субъектов коллективного представительства интересов.

Замараева А.С. (Санкт-Петербург, СПбУТЭ)

ВЫБОРЫ 2021: КАКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БУДУТ ПРЕДСТАВЛЕНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В 2021 ГОДУ?

Определенный запрос на непарламентские партии, как показывают результаты социологических опросов, у населения имеется: 13% респондентов готовы проголосовать за них; 14% не могут определиться с политическими предпочтениями или им не нравится ни одна из парламентских политических сил (ВЦИОМ, <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10548>).

В соответствии с выбранной нами классификацией было выделено три типа партий. При классификации учитывались следующие параметры: название партии, программа, лидеры, происхождение, сайт и социальные сети, участие в выборах. Первая группа: «Справедливая Россия», «Яблоко», «Партия Роста», «Родина», «Пенсионеры России» имеют возможность преодоления 5% барьера и вхождения в Госдуму при условии ведения кампании и защите ее результатов. Вторая группа — это новые проекты «За правду», Партия прямой демократии, «Зеленая Альтернатива» и «Новые люди», а также привычные спойлеры вроде «Коммунистов России», КПСС, «Патриоты России», «Зеленые». Третья группа: партии-спойлеры, «Против всех», «Партия Великое Отечество», «Партия Садоводов».

Во главе идеологических партий стоят в основном известные политики. Корпоративно-лоббистские и политтехнологические проекты чаще всего возглавляются людьми, которые прежде политикой не занимались и своих кандидатур на выборах не выдвигали. Политтехнологические партии, как правило, не представлены в социальных сетях и не имеют сайта, что свидетельствует об отсутствии у них потребности в массовом привлечении сторонников.

Кризис партийной системы, многолетняя несменяемость руководства парламентских партий в условиях сохранения протестных настроений способствуют появлению новых партий, представляющих интересы тех или иных групп населения, что может обеспечить контроль над политическим процессом. Так, например, бренд «Новые люди» выражает запрос населения на перемены и новые лица в политике. В программе партии: регулярное кадровое обновление системы, снижение контроля государства над экономикой, гуманистические идеалы, постиндустриальное общество, отказ от превалирования международной политики над внутренней, контроль за чиновниками, гражданское общество, свобода слова и независимость, снижение расходов на военные нужды, новые технологии, развитие

патриотизма «с человеческим лицом». Целевая группа партии — представители интеллигенции, преподаватели, инженеры и медицинские работники. Новая партия может перехватить ядерный электорат у партии «Справедливая Россия» на выборах в 2021 году. На региональных выборах в сентябре 2020 года партия «Новые люди» смогла пройти в региональные парламенты трех регионов. В Рязанской области она набрала 5,72%, в Новосибирской — 6,92%, в Костромской — 7,46%, в Калужской — 8,08% голосов (Центральная избирательная комиссия, <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>).

Самая востребованная группа – патриотические проекты. В этой нише конкурируют три основные партии, донорами голосов для которых выступают ЛДПР и «Единая Россия». Шансы на прохождение 5-процентного барьера есть у двух партий из данного блока – новый проект писателя Захара Прилепина «За правду» и партия «Родина». Партия «За Правду» набрала больше всего голосов на региональных выборах 2020 года среди новых партий: на этом уровне ее поддержало 105 тыс. человек. А преодолев пятипроцентный барьер в Рязанской области, где партия набрала 6,92% голосов, она получила «парламентскую квоту».

Шансы на прохождение 5-процентного барьера в Госдуму есть у экологического проекта «Зеленая Альтернатива». Поддержку экологическая повестка может получить в проблемных регионах, связанных с полигонами ТБО (Архангельская и Московская области) или добычей известняка на шихане Куштау в Республике Башкортостан. Партия «Зеленая Альтернатива» набрала 10,01% в Республике Коми и 5,36% в Челябинской области, таким образом, преодолела пятипроцентный барьер. (Центральная избирательная комиссия, <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>)

«Партия прямой демократии» (ПДД или «партия танчиков») не преодолела необходимый пятипроцентный барьер на региональных выборах 2020 года, но планирует участвовать в федеральных выборах в 2021 году. В программе партии — идея прямой демократии, цифровизация институтов и процедур, применяемых как в избирательном процессе, так и при организации и проведении референдума (Партия прямой демократии, <https://digitaldem.ru/dokumenty/>). Игра World of Tanks объединяет широкий возрастной круг, от школьников до пенсионеров, от вузовской профессуры до курьеров. Новая партия сможет аккумулировать протестный электорат блогера Алексея Навального.

Яркая технологическая работа была проведена партией «Зеленая альтернатива» с брендом, так как они всю предвыборную кампанию были заметными, например, организовывали экопрогулки с котом Ложкиным (наша технология с котом Васькой в 2016 году на Васильевском острове в Санкт-Петербурге). Кампания партии «За правду» свелась к сольной кампании ее лидера Захара Прилепина, партия позиционировала себя со сторонниками В.В. Путина, поэтому повестка партии «За правду» для избирателя плохо отличима от «Единой России». Партия «Новые люди» вела эффективную агитационную работу в социальных сетях, позиционировала себя как оппозиционная и правоцентристская партия и получила голоса на выборах традиционного оппозиционного электората.

Три из четырех зарегистрированных новых партий преодолели необходимый барьер и могут выдвигать своих кандидатов от партии без сбора подписей.

Заславский С.Е. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ

Состояние партийно-политической конкуренции и характер динамики изменений в партийно-политической системе могут быть оценены в объективных статистических показателях, демонстрирующих изменения как в электоральной активности политических партий, их участия в выборах, так и в результативности такого участия. Одновременное проведение значительного числа избирательных кампаний регионального и местного уровня позволяет отслеживать динамику в соотнесении с предыдущим годом (выборы того же уровня в иных регионах) и с предыдущим электоральным циклом.

Важным показателем выступает число политических партий, участвующих в выборах, в соотношении его с общей численностью политических партий, имеющих право такого участия. Существенен и момент фиксации участия политических партий в выборах. Выдвижение кандидатов (списка кандидатов) — лишь заявка на участие; прохождение партией либо ее представителем всей дистанции избирательной кампании, выполнение всех требуемых условий, необходимых для регистрации, уже свидетельствует об определенном качестве ее политико-организационного становления.

Хотя общая численность политических партий в течение последних лет снижается (с 74 в 2015 г. до 41 в 2020 г.), одновременно существенно возрастает процент активных партий, выдвинувших и зарегистрировавших кандидатов списки и списки кандидатов на выборах регионального уровня (с 66% до 74%). Из 41 партии 30 приняли участие на выборах в единый день голосования, из них 15 участвовали в выборах глав регионов и 19 — в выборах региональных парламентов. В 2020 г. доля участия партий в региональных и местных выборах выросла с $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ от общего числа партий, имеющих право участия в выборах.

Классическим показателем партийно-политической конкуренции на одновременно выборах на выборах одного уровня, проводимых по единому округу, является среднее число политических партий в избирательном бюллетене. Выборы 2020 г. демонстрируют позитивную динамику в сравнении с 2019 г. (в среднем по 6,4 партии) и 2015 г. (в среднем по 7,8 партий). Участие четырех партий, имеющих фракции в Государственной Думе («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), практически повсеместно; рост уровня конкуренции в регионах возможен за счет большей активности непарламентских партий: уровень конкуренции среди последних в 2019 г. в среднем составил 4,3 партии на единый округ по сравнению с 2,41 в 2019 г.

Важно качество партийно-политической палитры региональных выборов. Выборы 2020 г. отличаются ростом активности непарламентских партий. На выборах в парламенты 11 субъектов федерации из 92 зарегистрированных списков кандидатов, выдвинутых политическими партиями по единому округу, 44 (48%) были выдвинуты парламентскими партиями, а 48 (52%) непарламентскими. В 2019 г. соотношение было иным: из 77 выдвинутых партиями по единому округу в 12 субъектах Российской Федерации (без учета выборов в Московскую городскую думу, где выборы проводились по мажоритарной системе) и зарегистрированных списков кандидатов 48 (62%) выдвинуты парламентскими партиями, а 29 (38%) — непарламентскими.

Важен и суммарный процент результативности участия (процент списков, преодолевших заградительный 5-процентный барьер и допущенных к распределению мандатов). Хотя конкуренция среди непарламентских партий при голосовании по партийным спискам фактически выросла в два раза, процент результативного участия в 2020 г. составил 31,3% по сравнению с 27,6 % в 2019 г. Если в 2019 г. в региональные парламенты прошли 8 списков в 6 регионах, то в 2020 г. к распределению мандатов по общефедеральному округу допущены 15 списков в 8 регионах. На выборах прошлого цикла в 2015 г. непарламентские партии на выборах по единому округу не прошли ни в один региональный парламент. Результативность прохождения в парламент по единому округу парламентских партий в 11 субъектах Российской Федерации была стопроцентной, в отличие от выборов 2019 г., когда в 4 субъектах Федерации в региональные парламенты не прошли 6 списков парламентских партий («Справедливая Россия» в Татарстане, Тыве, Крыму и Хабаровском крае, ЛДПР в Татарстане и КПРФ в Тыве). Если по итогам выборов 2019 г. к распределению мандатов по единому округу в зависимости от региона были допущены от 2 до 6 партий, то в 2020 г. численность партий, представленных в парламенте, составила от 4 (Воронежская обл., Магаданская обл., ЯНАО) до 7 (Рязанская обл.).

Важный показатель конкурентности партийной системы — появление новых партий. В 2020 г. в качестве дебютантов выступили четыре партии, три из которых получили представительство в региональных парламентах (партии «Зеленая альтернатива» в Коми и Челябинской обл., «Новые люди» в Калужской, Костромской, Новосибирской и Рязанской обл., «За правду!» в Рязанской обл.); последние получили право участия в выборах Госдумы 2021 г. без сбора подписей. Итак, накануне новых федеральных парламентских выборов партийно-политическая система демонстрирует открытость для новых партийных проектов и позитивную конкурентную динамику.

Захарова А.Е. (Москва, НИУ ВШЭ)

ПОЛИТИКА И ПРАВО: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ И УСТАВНЫХ СУДОВ В СУБЪЕКТАХ РФ

Реализация идей защиты прав и свобод человека находит свое выражение в том числе в реформировании политических институтов. Прежде чем реализовывать идеи, государство закрепляет основные положения в тексте своего основного закона, как правило, Конституции. При этом включения в текст закона положений о правах человека как высшей ценности недостаточно, степень гарантированности прав человека зависит прежде всего от характера реализации закрепленных в тексте закона гарантий. Для обеспечения надлежащего воплощения конституционных положений государства создают специальные контрольные органы – органы конституционного нормоконтроля, деятельность которых направлена прежде всего на обеспечение соблюдения положений Конституции. Однако зачастую реализация Конституции на практике существенно отличается от её текста. Различия в писаной и реальной Конституциях связаны прежде всего с уровнем эффективности органов конституционного нормоконтроля, которые исходя из характера своей деятельности, нацелены прежде всего на нивелирование отличий между ценностями, зафиксированными в тексте Конституции, и их практической реализацией.

На первый взгляд можно предположить, что поскольку Конституция – правовой документ, то вопросы её реализации находятся исключительно в правовой плоскости. Однако, в силу того что Конституция является правовым документом высшей юридической силы в государстве, она не ограничивается правовыми вопросами, а закрепляет основы построения всех систем в государстве, в том числе политической. Определяя баланс действия конституционных принципов применительно к конкретным ситуациям, органы конституционного нормоконтроля учитывают в том числе и политическую конъюнктуру.

В РФ органы конституционного нормоконтроля имеют судебную форму: на федеральном уровне органом конституционного нормоконтроля является Конституционный Суд РФ, в субъектах РФ – конституционные и уставные суды. Суды как органы конституционного нормоконтроля в РФ не являются классическими судебными органами, а отличаются наличием правотворческих полномочий, получающих выражение в формировании правовых позиций – толковании и оценке конституционных принципов, определении степени применимости конституционных принципов в конкретной рассматриваемой ситуации. Очевидно, что такие правовые позиции отличаются гибкостью и изменчивостью в зависимости от состояния правовой и политической конъюнктур. Помимо правотворческих характеристик деятельности, важным с точки зрения выявления политологических аспектов выступает характер споров, которые рассматривают органы конституционного нормоконтроля, а именно разрешение конфликтов между законодательной и исполнительной ветвями власти.

Наряду с особым положением в системе разделения властей, обусловленным смешением судебных и правотворческих функций, в контексте политологии перспективным для изучения является функционирование органов конституционного нормоконтроля при реализации федерализма. Так, текущая структура органов конституционного нормоконтроля в РФ не является системообразующей. Между Конституционным судом РФ и конституционными, уставными судами в субъектах РФ отсутствует иерархия. При этом конституционные и уставные суды функционируют не во всех регионах РФ, создание таких судов является правом субъекта РФ. При создании конституционных и уставных судов в субъектах РФ сам субъект РФ определяет порядок работы таких судов, обеспечивает правовую основу их деятельности и финансирование. Статус конституционных и уставных судов, их функционал являются одинаковыми, различия состоят лишь в том, что конституционные суды могут создаваться исключительно в Республиках Российской Федерации, уставные суды – в остальных субъектах Российской Федерации.

Открытым на текущий момент и перспективным для междисциплинарного изучения в рамках политологии и права является вопрос дальнейшего существования в регионах РФ конституционных и уставных судов, которые по неизвестным причинам были не включены в перечень судов, входящих в состав судебной системы РФ согласно новой редакции статьи 118 Конституции РФ.

Захарова Е.А. (Москва, МГИМО МИД России)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В РЕГИОНАХ ФРАНЦИИ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2017 Г.: ОПЫТ МНОГОФАКТОРНОГО РАЙОНИРОВАНИЯ

В 2015 году Франция была третьей страной ЕС по количеству поданных заявлений о предоставлении убежища (80075 заявлений). В связи с этим, партия «Национальное Объединение» пыталась привлечь на свою сторону электорат, выступая против приема мигрантов и за борьбу с мигрантами-мусульманами. Отметим, что после ребрендинга партии, ислам и джихадизм стали разводиться, что отмечалось и в обновленной программе партии. Возникает вопрос, какое сочетание экономических (уровень безработицы, уровень бедности), демографических (уровень миграции и ее состав) и ценностных (количество преступлений против мигрантов-мусульман) показателей приводит к голосованию за того или иного кандидата в регионах Франции на примере президентских выборов 2017 г. и как можно кластеризовать регионы Франции согласно электоральным предпочтениям. Многофакторное районирование на основе диаграммы параллельных координат позволяет рассмотреть сочетание указанных показателей для каждого региона и провести кластеризацию регионов для выявления тенденций голосования. При таком анализе не рассматривается связь между переменными. Важным здесь является сочетание факторов в пространстве.

Для голосования за Эмманюэля Макрона в первом туре выделился один кластер регионов, включивший в себя Новую Аквитанию, Нормандию и Центр – Земли Луары. В этих регионах голосование за Макрона было на уровне среднего, при этом в них наблюдалось низкое количество нападений на мигрантов-мусульман, низкий уровень бедности, относительно низкий уровень безработицы и миграции. Единственным нетипичным примером является голосование в Иль-де-Франс, поскольку его показатели заметно отличаются от параллельных координат остальных регионов. Так, в нем наблюдался высокий уровень голосования за Макрона, при этом здесь же было зафиксировано самое большое количество преступлений против мигрантов-мусульман и самое большое количество мигрантов, при этом уровень безработицы – один из самых низких показателей среди остальных регионов.

При многофакторном анализе голосования за Марин Ле Пен также можно выделить одну группу регионов, которая объединяет Корсику, О-де-Франс, Гранд-Эст и Прованс-Альпы-Лазурный берег, то есть те регионы, куда сначала прибывали беженцы, а также где основными странами происхождения мигрантов являются Алжир и Марокко. Эти регионы характеризуются высоким процентом голосования за Марин Ле Пен в первом туре президентской гонки, высоким уровнем безработицы, миграции, бедности и преступлений против мигрантов-мусульман. Из общей тенденции снова выделяется Иль-де-Франс, где наблюдался низкий уровень голосования за Ле Пен, низкий уровень безработицы и бедности, при этом высокий уровень миграции при высоком уровне преступлений против мигрантов-мусульман.

Что касается тенденций голосования за Жана-Люка Меланшона, то выделилась группа регионов (Корсика, Центр – Земли Луары, Гранд-Эст и Бургундия – Франш-Конте), в которых граждане отдавали малое количество голосов данному кандидату, при этом в этих регионах наблюдались низкое количество преступлений против мигрантов-мусульман, средний уровень безработицы и бедности и высокий уровень миграции. При многофакторном анализе голосования за Франсуа Фийона автор не выявил кластеров регионов с похожими характеристиками.

Таким образом, из приведенного анализа можно сделать вывод о том, что при голосовании за Марин Ле Пен в 2017 году миграционная повестка находила отклик у электората (за исключением региона Иль-де-Франс). Регионы Франции можно условно разделить на два больших кластера, на фоне которых выделяется только регион Иль-де-Франс. Первый кластер объединяет западные регионы, для которых характерны голосование как за Э. Макрона, так и Ж.-Л. Меланшона, а также где наблюдался низкий уровень безработицы, бедности, миграции и небольшое количество преступлений против мигрантов-мусульман. При этом основная часть мигрантов в этих регионах является выходцами из европейских стран. Второй кластер объединяет восточные регионы, в которых граждане в первом туре отдавали предпочтение М. Ле Пен, при этом для него характерны высокие уровни всех рассматриваемых показателей.

Тезисы подготовлены в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 19-311-90035 Аспиранты «Политическая культура как фактор влияния на электоральное поведение граждан на субнациональном уровне политики во Франции и Германии».

Зверев А.Л. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ)

КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА КАК ФОН ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Коммуникативная среда в современных условиях бурного развития медиатизации массового восприятия текущих политических процессов во многом становится основой для формирования общих представлений у людей об окружающей их социально-политической реальности, в т.ч. и своей собственной стране.

Пространственный образ России в отечественных СМИ – сложный и четкий и связан с территориально-географическими параметрами и мировой повесткой. Во внутривнутриполитическом медийном пространстве образ России демонстрируется со сложным институциональным дизайном действующих региональных акторов, с особым акцентом на территории регионов с опережающим развитием (Дальний Восток, республики Северного Кавказа, Краснодарский край, Крым и т.д.), что должно сформировать представление о приоритетных регионах страны и показать современное территориальное социально-экономическое своеобразие России как многонационального государства в духе слогана: “Россия – страна возможностей”. Вместе с тем, при такой демонстрации потенциала страны как могущественного государства, сама новостная картина реальных будней страны показывает ее как экономически слабую. Иной эмоциональный знак реалий современной России связан с отдельными успехами страны в области военного перевооружения и символическим его отображением в ежегодных парадах Победы, успехов на международных выставках, конкурсах наших проектов (перспективных разработок), успехи молодых талантов и удачное проведение в 2018 г. в России чемпионата мира по футболу, на котором сборная страны неплохо выступила.

Темпоральное измерение медийного отображения внутреннего образа России в отечественных СМИ осуществляется в логике мифологического мышления, в рамках циклической модели времени, ориентированной на сакрализацию прошлого нашей страны с доминантой на отображении “советского образа жизни”, который в значительной мере идеализируется в художественных фильмах той эпохи, вызывающих у старшего и среднего поколения современных российских граждан ностальгию по своей молодости, а у младшего поколения соотечественников ощущение, что у их родителей были более-менее четкие жизненные ориентиры и упорядоченная картина мира, чего так не хватает современной молодежи, формирующейся в основном в социальных сетях Интернета. Другим столпом темпорального измерения внутреннего образа России в СМИ является акцент на преемственности современной Россией всех тех успехов, которые достигнуты нашей страной в предыдущие исторические периоды своего развития (Российской империи и СССР) с идентификационным воспроизводством модели, смысл которой сводится, что “современная Россия – продолжатель традиций страны победителей”.

Властный срез образа страны демонстрировался в последние 20 лет российскими СМИ как монолитный центр принятия важных для страны решений, при этом в последние два года даже в информационном плане транслируемые образы власти и населения стали сильно дистанцироваться друг от друга, особенно ярко это стало видно по политическим ток-шоу, которые в большей мере обсуждали текущую политическую повестку в соседней Украине, а не волнующую граждан текущую внутреннюю социально-политическую повестку, связанную с проведением властью непопулярных для населения реформ.

Образ лидера страны отделен в современной российской коммуникативной среде от образа власти и формируется как один из важных символов современной России, прежде всего, в рамках внешне-политического образа страны. В СМИ, как и в социальных сетях, образ В.В. Путина презентуется как достаточно привлекательный, сильный и активный. Правда, в оппозиционном сегменте пользователей интернета образ президента, напротив, не очень привлекателен и главным, что ставится ему в вину, это “узурпация власти”, путем внесения поправок в Конституцию РФ, позволяющих президенту вновь легитимировать свой властный статус на очередных президентских выборах в 2024 г.

Образ народа нашей страны в коммуникативной отечественной среде представлен как цельный с поликонфессиональным (полиэтническим) своеобразием отдельных его частей. Доминантой выступает ориентация нации на патриотизм и традиционные ценности (уважение истории своей страны) в условиях стирания идентификационных границ в парадигме информационной политики толерантности, проводимой странами Запада.

В целом, проанализированный информационный образ России в отечественных СМИ и российском сегменте интернета представлен как динамичный и сильный мировой политике.

Тезисы подготовлены на материалах исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-01138А – «Образ страны в Российском обществе: политико-психологический анализ».

Зверева А.Д. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ ДЕЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Потребность во взаимодействии общества и государства продиктовано естественной необходимостью человека в свободе самовыражения, как об этом пишут исследователи модернизации, культурных изменений и демократии Р.Инглхарт и К.Вельцель, возможностями современного Интернета, где разворачивается сегодня политическая коммуникация, в которой активную роль должны играть политические партии, представляющие интересы различных социальных групп.

Однако несмотря на то, что Россия занимает лидирующую позицию в списке десяти стран Европы по количеству интернет-пользователей – 116,3 млн и одновременно низкий показатель уровня доверия к политическим партиям, интернет-коммуникации не используются ими по назначению, для открытого и действенного общения с россиянами. «Старые» парламентские партии не считают это необходимым – слишком давно они находятся на политической арене, их «бренд» узнаваем, а значит имидж не нуждается в обновлении и поддержании «обратной связью». Однако среднее поколение и современная молодежь – пользователи Интернета хотят видеть «реальные» дела «реальных» политических партий и вступать с ними во взаимодействие и диалог.

Сегодня в интернет-сообществе нашла позитивный отклик идея перемен, что свидетельствует о грядущих изменениях мира российской политики в целом. В Министерстве юстиции весной 2020 г. было зарегистрировано четыре новые партии («Новые люди», «За правду», «Зелёная альтернатива» и Партия прямой демократии) и они сразу получили интерес электората. Избирателей привлекает открытость и честность в политической коммуникации этих новых политических институтов и политика конкретных дел, о которых они рассказывают людям.

Например, партия «Новые люди» принимает в свои ряды только людей, уже что-то реально сделавших для местного сообщества. Кроме того, она регулярно отчитывается в сетях перед россиянами о проделанной работе. Например, «Новые люди» проводят спортивные мероприятия и субботники по всей России. После затворничества, вызванного пандемией, людям необходима физическая нагрузка для тела, а для души – красота своих дворов и улиц, которые требуют заботливых рук цветоводов и уборщиков мусора. В Липецке партия пригласила горожан на массовую «экологическую пробежку», которую назвали плоггингом. Когда взвесили результаты своей работы, то выяснилось, что собрали более 2,5 тонн мусора, который тщательно рассортировали. Город стал чище и прекраснее. Благодаря партии такой вид полезного досуга как плоггинг набирает популярность. После этих акций в сети появились простые призывы: ««Новые люди» - новое отношение к своим родным городам и к своей стране! Присоединяйтесь к нашей партии в своём регионе и вместе с нами наводите порядок там, где живёте!». Кроме этого, партия «Новые люди» проводит и другие важные мероприятия.

На прошедших региональных выборах партия выдвинула 600 своих кандидатов и была охарактеризована российскими экспертами как подающая надежды и имеющая все шансы на прохождение в нижнюю палату парламента в сентябре 2021 года. Основатель партии «Новые люди» Алексей Нечаев считает, что для молодёжи нынешняя политика представляется коррумпированной, пустословной, неискренней и устаревшей. Тем самым, как следствие, на выборы молодые люди идут неохотно или не идут вовсе. Партия Нечаева, с триумфом вышедшая за 5% барьер на выборах в регионах и ставшая теперь пятой партией в списке на выборы Государственной Думы в 2021 году, налаживала коммуникацию во время предвыборного периода со своими избирателями с помощью волонтеров-активистов, наружной рекламы, газет и активной рекламы в социальных сетях (основной среды обитания населения от 20 до 30 лет), в то время как парламентские партии не уделили своим кампаниям должного внимания положившись на свой многолетний авторитет и узнаваемость. К слову, результат оказался налицо: «Новые люди» успешно набрали более 5% во все, без исключения, легислатуры, где баллотировались (например, самые высокие показатели в Томске – 15,02% и Калуге -10,1%, а вот в Краснодарском крае 4,99% - что основатель партии посчитал не критичным).

Это именно то, чего хочет современный избиратель – чтобы партия и её представители были на расстоянии вытянутой «интернет»-руки. Избиратель приветствует, что перед ним такой же «реальный» человек, как и он сам, контактирующий в мессенджерах и социальных сетях, что даёт возможность обращаться к политику и даже быть услышанным, тем самым налаживая диалог с представителями власти.

Использование в качестве площадки для осуществления политической коммуникации Сети Интернет для организации конкретных дел и общения как никогда представляется актуальным, вовлекающая молодежь, наиболее активных граждан в процесс управления государством, что является необходимым условием перехода к делиберативной демократии и служит фундаментом для развития современного гражданского общества, и, прежде всего, свободе самовыражения граждан в диалоге с властью.

Зиневич О.В., Комарова К.А. (Новосибирск, НГТУ)

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ КОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА И УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ

После разрушительной войны Севера и Юга Республика Корея за короткий срок сумела преодолеть технологический и экономический разрыв со странами-лидерами Запада и пройти путь модернизации политической жизни: от легитимации авторитарного государства до либерализации политической культуры. Важная роль в достижении политических прав и свобод принадлежит общественно-политическому движению женщин за гендерное равенство – обретение «большого количества шансов». До 50-х гг. XX в. положение женщины в корейском обществе регулировалось неоконфуцианской

патриархальной традицией и только во второй половине двадцатого столетия правовой статус женщины был урегулирован в Семейном (1958 г.) и Гражданском (1960 г.) кодексах, а равенство избирательных прав – в Конституции 1948 г.

Активное вовлечение женщины – результат многолетней деятельности корейских активисток, работа которых берет своё начало ещё в период японской оккупации (1910-1945 гг.). В эпоху колониализма «женская элита» смогла сформулировать основные проблемы борьбы за гендерное равенство. Примером может служить женское общество «Кынухвэ», лозунг которого звучал следующим образом: «Мы стремимся улучшить положение корейских женщин!». С одной стороны, принимая во внимание специфику женского движения в годы аннексии, можно представить женскую программу рассматриваемой организации как вклад в борьбу против гнёта Японии, с другой, выдвигаемые требования (такие, как ликвидация в разнице доходов между мужчинами и женщинами, устранение дискриминации полов в сфере образования, запрет на опасный ночной труд для женщин и молодежи, запрет «сексуального рабства» и пр.) могли послужить базисом для модернизации корейского общества уже после освобождения. В эпоху колониализма активистки смогли сформулировать основные проблемы, решение которых необходимо для дальнейшего развития демократических социальных институтов.

Женщины Южной Кореи фактически не имели доступа к активному представительству в органах власти до 1987 г., когда были внесены основные изменения в Конституцию. В Конституции 1987 г сохранился запрет на дискриминацию человека в связи с его (половой, религиозной или социальной) принадлежностью и были либерализованы условия политической вовлеченности граждан: ст. 34 «Социальное обеспечение», п.3: «Государство делает все возможное для улучшения социального обеспечения и соблюдения прав женщин», а также ст. 36 «Институт брака и семьи», п.1: «Брак и семья основываются на достоинстве человека и равенстве полов...» (Конституция Республики Корея, 1987, <https://worldconstitutions.ru/?p=35>). Возможность избираться в органы власти открыла для корейских женщин путь к участию в принятии важных политических решений, однако процент женщин, избираемых в органы государственной власти, оставался невысоким.

За два прошедших десятилетия XXI века в сфере общественно-политической вовлеченности женщин сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, заметно слабое представительство женщин в органах власти, с другой, имеет место широкое общественно-политическое женское движение, женщина становится президентом, распространяется феминистский/ гендерный дискурс, происходят реальные сдвиги в сторону либерализации гендерного порядка и правовой защищённости женщин. Противоречивость «гендерной революции» отображает сложность общественно-политических процессов, порожденных стремительными темпами модернизации Южной Кореи, а также спецификой южнокорейского варианта модернизации. На протяжении всей истории развития женского движения в корейской культуре с сильными конфуцианскими традициями сохраняются ценности патернализма, а идеи западного феминизма внедряются в жизнь постепенно и с трудом. Правовое обеспечение и формы организации общественно-политических движений аналогичны западным, но реальные жизненные практики далеко не всегда являются прямым воплощением демократических ценностей западного образца. С самого детства воспитанные на конфуцианском принципе «сыновьей» почтительности хё, корейским девушкам трудно отступить от образа «почтительной дочери» хёнё. Несмотря на это, все больше девушек приравнивают себя к поколению *сампхо*, отказываясь от семейной жизни в пользу карьеры.

В настоящее время ряд женских общественных и политических организаций заняты активным вовлечением женщин во все сферы жизни общества через преодоление традиционной роли «почтительной дочери и жены» (не только к собственным родителям и старшим родственникам, но и к родственникам мужа). В подобном ключе проводятся конференции, как например «Беседа со специалистами в области женской политики», посвященная всеобщим выборам в Республике Корея от 15.04.2020, где представительницы различных женских организаций обсуждали проблемы участия женщин в политической жизни Республики Корея. Подобные мероприятия призваны способствовать укреплению самосознания и самооценки корейских женщин, преодолению недоверия к женщинам в вопросах принятия важных политических решений и усилению вовлеченности женщин в общественно-политическую деятельность.

Зиненко В.Е. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В современной России за последние два десятилетия произошли существенные изменения сложившихся форм взаимодействия власти и молодежи. Создаются условия и предоставляются возможности для молодых людей, позволяющие им проявить свою политическую активность в различных формах и направлениях. Степень политической активности молодых граждан является одним из показателей развитости гражданской культуры в обществе. В модели Г. Алмонда и С. Вербы гражданская культура представляет собой «смешанную» культуру, в которой политические ориентации участия «сочетаются с патриархальными и подданническими ориентациями, никак не заменяя их» (См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. С. 52).

Для гражданской культуры как типа политической культуры характерно следующее: достаточно высокий интерес части граждан к политике, наличие политической зрелости, содержательное наполнение политических ценностей, сознательная политическая активность.

В данной статье под политической активностью мы понимаем «интенсивность участия субъекта в политическом процессе в целом, а также в рамках отдельных форм политической деятельности» (Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2001. С. 155).

Наиболее традиционной и массовой формой политической активности молодежи является ее электоральное участие. Участие в выборах отражает гражданскую позицию молодых людей, приобщает их к политической сфере общества. Электоральные предпочтения современной молодежи во многом обусловлены персонифицированным характером восприятия власти, то есть ее отождествлением с конкретными представителями, политическими деятелями.

Помимо участия в выборах молодежь реализует свою политическую активность в различных общественно-политических организациях и движениях молодежи. Участие в их деятельности способствует самореализации и саморазвитию молодых людей.

Одной из оптимальных моделей взаимодействия и выстраивания эффективного диалога между представителями органов государственной власти и молодежью является система молодежного парламентаризма. В Российской Федерации в настоящее время существуют следующие формы представительства молодежи: *молодежные парламенты* при органах законодательной власти (созданы в 82 регионах); *молодежные правительства* (созданы в 72 субъектах Российской Федерации).

Наименее массовой, но очень значимой формой проявления политической активности молодежи является профессиональная политическая (или общественно-политическая) деятельность ее представителей в качестве кандидатов и/или уже избранных депутатов законодательных органов власти всех уровней. Со второй половины 2000-х годов был взят официальный курс на вовлечение молодежи в политику, и эта тенденция вплоть до настоящего времени только усиливалась.

С помощью протестных выступлений (митингов, демонстраций, шествий, забастовок, пикетирования) молодые люди выражают свое мнение и недовольство. 2010-е годы показали, что молодежь и общество в целом перешло из «глухой самообороны» (выражение В.В. Петухова) к участию в реальных политических действиях, что свидетельствует о наличии у них *протестного потенциала*.

Выражать свою политическую активность современная молодежь может посредством участия в волонтерской (добровольческой) деятельности. Ее активизация в настоящее время обусловлена тем, что молодые люди воспринимают добровольчество как наиболее доступную, масштабную и эффективную форму активности. Волонтеры стремятся содействовать развитию родных территорий, заниматься благотворительной и общественно-политической деятельностью.

Современное форумное движение, кроме развития творческого потенциала молодежи, постепенно приобретает функцию политической социализации молодого поколения. К концу 2000-х форумы стали проводиться в разных регионах страны, и их было не так много. А к середине 2010-х окончательно сформировалась система форумов под эгидой Росмолодежи.

Таким образом, можно выделить следующие современные тенденции политической активности студенческой молодежи: политическая активность молодежи в большей степени проявляется в неполитических формах и практиках; актуальными для молодежи становятся такие формы политической активности, как форумная и волонтерская деятельность; молодежь перешла из «глухой самообороны» (выражение В.В. Петухова) к участию в реальных действиях в социально-политической сфере, что свидетельствует о развитии субъект-субъектных отношений между молодым поколением и государством.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31558 опн «Политическая культура студенческой молодежи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики».

Зиновьев А.О. (Санкт-Петербург, ПГУПС)

ОСНОВАНИЯ И ОБОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПРИНУЖДЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ: ПРОБЛЕМЫ РЕЖИМА «САМОИЗОЛЯЦИИ» КАК ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Пандемию COVID-19 можно воспринимать как объективный когнитивный вызов для государственного управления во всех странах современного мира. В каждой стране существует специфика ответа государственного управления на данный когнитивный вызов, при очевидном наличии универсальных элементов, которые вытекают из объективного характера эпидемии и социального характера медицинского знания. Для понимания специфики ответов государственного управления в различных странах (особенно в России) полезно использовать различие трех миров значимости Поппера-Хабермаса – объективного мира, социального мира и субъективного мира. Хотя сам вирус COVID-19 и вызванная им пандемия относятся к объективному миру, указанный когнитивный вызов и поиски ответа на него, относятся к социальному миру и влияют на субъективные миры представителей государства, общества и научной экспертизы, между которыми происходит постоянный диалог (в том числе в публичной сфере) по поводу выработки ответа государственного управления на когнитивный вызов эпидемии. В современной России таким ответом государственного управления стал режим «самоизоляции», который можно понимать как идею и идеологию российского ответа на вызов пандемии COVID-19.

Проблематичность режима «самоизоляции» вытекает из проблем диалога между государством, обществом и научной экспертизой. В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне была попытка описать деятельность государства как войну с вирусом COVID-19. Но данная метафора входила в резонанс с мировыми трендами в противодействии пандемии COVID-19 и была постепенно удалена. Вместо введения режима «Чрезвычайного положения», который был бы логичным описанием правовых ограничений, был введен режим «самоизоляции», с достаточно туманным правовым обоснованием. Обоснованием режима «самоизоляции» служила апелляция к опыту демократических стран и к мировой научной экспертизе, к мировому опыту диалога между государством, обществом и научной экспертизой. Но правовая туманность режима «самоизоляции» указывает на проблематичность диалога между государством и обществом в современной России. Для государства в России характерна высокая степень «деспотической власти» по Майклу Манну, то есть высокая способность навязывать бюрократические управленческие решения обществу, и слабая «инфраструктурная власть» - способность бюрократии данные решения реализовывать в обществе. Для демократических стран характерна

обратная ситуация. Диалог с научной экспертизой был сильно осложнен ее высокой зависимостью от государственной бюрократии. Поскольку научная экспертиза формируется в социальном мире (хотя и по поводу объективного мира), подобная зависимость негативно отражалась на ее диалоге с обществом. Проблема научной экспертизы в России в дефиците мировых ученых в данной сфере, что не позволяет научной экспертизе в данной сфере быть автономным участником диалога с государством и обществом. Это приравнивает легитимность научной экспертизы к легитимности государства в современной России.

Таким образом, пандемия COVID-19 и ответ на нее в виде режима «самоизоляции» еще более ослабили легитимность государственного управления в современной России.

Зиновьева Е.С. (Москва, МГИМО МИД России)

ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глобальное информационное общество представляет собой сложную систему, характеристики которой находятся в сложной взаимозависимости с международной политикой, особенностями международных отношений внутри отдельных стран и регионов, а также на них оказывают значительное влияние технологические характеристики, заложенные в основу глобальной сети интернет и иных сетей, формирующих глобальное информационное пространство. При этом политические и технологические характеристики глобального информационного пространства находятся в сложной взаимозависимости, будучи объектом международно-политических противоречий и согласований. Современная международная политика характеризуется разнонаправленными тенденциями – с одной стороны, продолжается процесс глобализации, который наталкивается на стремление многих стран укрепить свой суверенитет, «оградив» себя от негативного влияния глобализации, что в исследовательской литературе получило название деглобализации (изоляционизма) (Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке // Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019). Схожие процессы идут и в цифровом пространстве.

В последние годы исследователи отмечают тенденцию к «балканизации» интернета, его локализации (См. напр.: Cavelti M. The Resurgence of the State: Trends and Processes in Cyberspace Governance / M.Cavelti, M.Dunn, S.Krishna-Hensel, V.Mauer. - Asghate: Ashgate Publishing, Ltd., 2007. 165 p.) вследствие выделения суверенных сегментов глобальной сети отдельными государствами, как правило, по соображениям обеспечения информационной безопасности. Актуальные тенденции технологического развития, такие как развитие сетей связи 5G китайской компанией Huawei, лишь усиливают этот тренд. Так, например, ряд стран Запада, прежде всего США, Канада и Австралия, рассматривают деятельность Huawei как вторжение в национальную ИКТ инфраструктуру. Поэтому на политическом уровне США и Канада блокируют вхождение Huawei на свои рынки (Can Huawei Survive an Onslaught of Bans and Restrictions Abroad? // Economist. 13.12.2018. URL: <https://www.economist.com/business/2018/12/15/can-huawei-survive-an-onslaught-of-bans-and-restrictions-abroad>). Реакция Запада на Хуайвей подтверждает тренд на инфраструктурную суверенизацию Интернета. Этим путем идет и Россия, так, в нашей стране в 2019 году были приняты поправки в Федеральный закон «О связи», получившие название в прессе «Закона о суверенном рунете».

Деглобализация интернета является следствием наметившегося в последние годы усиления влияния государств в информационной сфере и укрепления «цифрового суверенитета». На современном этапе международная политика, характеризующаяся борьбой за власть между старыми и новыми центрами силы и, как следствие, нарастающей конфликтностью, становится определяющим фактором развития информационного пространства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31168.

Зинченко А.В. (Москва, МГИМО МИД России)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Стремительное международное внедрение на рубеже тысячелетия цифровых информационно-цифровых технологий (ИКТ) непосредственно повлияло на экономический и технологический, социальный и культурный ландшафт мировой цивилизации, формируя инновационную социально-политическую структуру «информационного общества», мегатрендом которой, является взаимозависимость и взаимопроникновение в глобальном масштабе. Гигантские по объему и скорости передачи информационные потоки, беспрепятственно пересекающие государственные границы по всему миру, в условиях легкого доступа к ним людей, обладающих гаджетами и элементарными навыками применения ИКТ, обусловили как прогресс социально-экономического развития стран, так и появление новых вызовов и угроз в сфере международной информационной безопасности (МИБ).

В докладе РФ Генеральному секретарю ООН еще в 1999 г. российская дипломатия впервые предложила предотвратить совместными усилиями государств–членов универсальной международной организации целый комплекс ключевых угроз в сфере МИБ, которые актуальны и сегодня:

- создание и использование средств воздействия и нанесение ущерба информационным ресурсам и системам другого государства;
- целенаправленное информационное воздействие на критически важные структуры другого государства;
- информационное воздействие с целью подрыва политической и социальной системы государства, психологическая обработка населения с целью дестабилизации общества;
- действия государств, ведущие к их доминированию и контролю в информационном пространстве, противодействие доступу к новейшим информационным технологиям, создание условий технологической зависимости в сфере информатизации в ущерб другим государствам;
- действия международных террористических, экстремистских и преступных сообществ, организаций, групп и отдельных правонарушителей, представляющие угрозу информационным ресурсам и критически важным структурам государств;
- разработка и принятие государствами планов, доктрин, предусматривающих возможность ведения информационных войн, а также вызвать напряженность в отношениях между государствами и собственно возникновение информационных войн;
- использование информационных технологий и средств в ущерб основным правам и свободам человека, реализуемым в информационной сфере;
- неконтролируемое трансграничное распространение информации, противоречащее принципам и нормам международного права, а также внутреннему законодательству конкретных стран;
- манипулирование информационными потоками, дезинформация и сокрытие информации с целью искажения психологической и духовной среды общества, эрозии традиционных культурных, нравственных, этнических и эстетических ценностей.

Динамика российской дипломатии по проблеме МИБ, комплексно отражена в учебнике Международная информационная безопасность: Теория и практика.⁹² Особый интерес для сравнительного анализа позиций отдельных стран по проблеме МИБ представляют документы представленные во втором томе учебника: резолюции ГА ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (с декабря 1999 г. по декабрь 2018 г.), а также соответствующие «вклады государств по проблеме информационной безопасности», содержащиеся в докладах Генерального секретаря ООН.

92. Международная информационная безопасность: Теория и практика: В трех томах. Учебник для вузов/ Под общ. ред. Крутских А.В. - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019.

Необходимо подчеркнуть, что российская дипломатия в рамках партнерских отношений БРИКС, АТЭС, ШОС, СНГ во многом способствовала успешному принятию ряда резолюций ГА ООН, которые, с одной стороны, относятся к фундаментальным основам развития информационного общества, а с другой — сохраняют стратегические направления формирования МИБ по мерам доверия и безопасности использования ИКТ как в гражданской, так и военной сфере.

Однако за 20 лет дипломатических усилий так и не удалось добиться международного консенсуса при разработке норм и правил ответственного поведения государств в информационно-коммуникационной среде, а правовое регулирование применения ИКТ в международном праве практически отсутствует.

В ходе видеообращения на пленарном заседании юбилейной, 75 й сессии ГА ООН Президент России В. Путин акцентировал внимание, чтобы международное обсуждение вопросов применения передовых цифровых технологий, кибербезопасности, учитывало опасения людей по защите их права частную жизнь, собственность, безопасность. На площадках ООН необходимо найти правильный баланс между стимулами к развитию и оправданными ограничительными мерами, чтобы совместными международными усилиями прийти к согласию в сфере регулирования ИКТ, исключая потенциальные угрозы не только военной, технологической безопасности, но и традиций, права, морали человеческого общения.

Зорин В.А. (Челябинск, Челябинский государственный университет)

НОРМАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И ТРАЕКТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическое лидерство представляет собой многомерный феномен, который демонстрирует, как политические акторы (лидеры) выходят за рамки своих формальных полномочий и трансформируют институциональные рамки властных структур. Лидерство как политический феномен раскрывается нами в рамках теоретической модели, основанной на сочетании двух уровней: институционального и психологического. Институты рассматриваются как рамки возможностей, сообщающие актору границы и прескрипции индивидуальных стратегий политического поведения. Их жесткость определяется на институционально-нормативном уровне и является продуктом социально-политической инженерии. В целом же, институциональные ограничения политического лидерства варьируются на разных уровнях и зависят от множества внешних факторов (социально-экономического и историко-культурного контекстов, характеристик последователей, специфики используемых каналов коммуникации и т.п.).

Психологический уровень лидерства позволяет показать, как внутри институциональных рамок происходит поиск уникальных траекторий политического поведения. Исполнитель той или иной всегда роли вносит в нее собственную внутреннюю мотивацию и приспособливает формальные требования к собственному видению политического пространства, пониманию своей миссии, политическим идеалам, ориентирам и ценностям.

Становление нормативной модели политического лидерства в России в 2020-е годы зависит не только от личностных особенностей представителей элиты, вовлеченных в процесс «трансфера» власти, но и от политического контекста, который может быть описан с помощью категории «сценарий». Это понятие в политической науке используется с учетом двух важных обстоятельств. Во-первых, сценарирование, как правило, рассматривается как один из инструментов такой технологии современного менеджмента как «форсайт», под которым в самом общем виде понимается методика долгосрочного прогнозирования различных процессов на основе экспертных опросов. Во-вторых, принято различать такие исследовательские стратегии изучения политического будущего как «сценарирование» и

«прогнозирование». Прогнозирование - это тактика, основанная на экстраполяции существующих тенденций на будущее и построение прогноза на основе главного (доминирующего) фактора. Сценарирование, в свою очередь, основано на идее поливариативности развития, и предполагает, что в будущем реализуется некое предположение (собственно «сценарий»), разработанное ключевыми политическим акторами и обретающее актуальность в контексте политической конкуренции.

Сценарии политического развития России в контексте «трансфера» власти формулируются нами на основании двух принципов:

- разделение «входа» и «выхода» как ключевых элементов политической системы, из которых первый связан с поведением общества, а второй – элиты;
- принятие гипотезы об актуальности центробежных или центростремительных тенденций на каждом из анализируемых параметров политической системы.

Центробежные тенденции на «входе» предполагают запрос на обновление власти, антиэлитные настроения, актуализацию «новых» каналов и технологий политической мобилизации. На «выходе» этот тренд может привести к децентрализации элиты на федеральном уровне, вариативности стратегий ее поведения и, в целом, к перераспределению властного ресурса.

Центростремительные процессы среди субъектов «входа» могут обеспечить относительно высокий уровень массовой поддержки, ее зависимость от медиа-манипуляций и деполитизацию повестки. На «выходе» в данном случае предполагается сохранение властной корпорации, ориентация на национальное лидерство, сохранение статус-кво на всех институциональных уровнях.

Таким образом, можно обозначить четыре базовые теоретические модели для сценарирования политического развития России в 2020-е годы:

- «инерция» (консервативный сценарий, воспроизводство текущей ситуации);
- «спасательная операция» (развитие проекта «новой искренности», изменение стиля, «переворачивание власти»);
- «консолидация демократии» (прорыв к плюралистической демократии, прогресс институтов, обеспечивающих конкурентность политического процесса);
- «война всех против всех» (вероятно, силовой передел сфер политического влияния).

Каждая из этих моделей не только формирует специфический институциональный контекст, но и предполагает актуализацию запроса на те или иные индивидуально-психологические особенности представителей элиты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

Зубов В.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

В Концепции внешней политики Российской Федерации указывается, что «существующие военно-политические союзы не способны обеспечить противодействие всему спектру современных вызовов и угроз». При этом задача «углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» считается ключевой. Наряду с этим Российская Федерация планирует «расширять стратегическое взаимодействие с Республикой Беларусь в рамках Союзного государства» и развивать ОДКБ, рассматривая ее «в качестве одного из важнейших элементов современной системы обеспечения безопасности на постсоветском пространстве».

Схожий вектор развития заложен в «Военной доктрине Российской Федерации» и в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в которой отмечается, что «формирование Евразийского экономического союза открыло новый этап интеграции на евразийском пространстве». Стоит отметить, что грамотное выстраивание военно-политических блоков (альянсов, союзов), при котором учитывается весь спектр особенностей внутри-и внешнеполитической конъюнктуры как России, так и потенциального союзника, позволит не только успешно защитить российские национальные интересы в различных регионах мира, но и обеспечить должный уровень национальной безопасности, от которого зависит суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации.

Изучение исторического опыта России (как позитивного, так и негативного), а именно ее участие в военно-политических блоках на всех этапах их существования, позволит эффективнее реагировать на потенциальные вызовы и проблемы, что в условиях меняющихся геополитических реалий и активном участии России в конструировании и развитии новых военно-политических блоков обосновывает актуальность научной проработки данного направления.

В связи с этим видится возможным предпринять ряд шагов в рамках партнерства публичных институтов государственной власти, научного сообщества и общественных объединений по углублению деятельности, направленной на проведение анализа влияния военно-политических блоков на политическую стабильность современной России через призму исторического опыта:

- в целях повышения эффективного участия России в формируемых и развивающихся военно-политических блоках следует комплексно исследовать историю взаимоотношений с другими действующими и потенциальными участниками данных объединений, уделяя при этом особое внимание их геополитическому положению, национальным особенностям и потенциальным инструментам влияния на внутреннюю политику России;
- опираясь на исторический опыт и действующие законодательные акты в области национальной безопасности, обороны и внешней политики, сформировать комплексную методологию оценки потенциала сотрудничества России и других стран в рамках различных военно-политических блоков, на основании которой возможно осуществлять прогнозирование перспективности того или иного пути развития для межгосударственной интеграции;
- разработать частную методологию историко-политического анализа эффективности участия РФ в военно-политических блоках в контексте геополитического положения участников блока, их национальных особенностей, инструментов влияния на российскую внутреннюю политику со стороны других участников блока, последствий распада военно-политического блока и его влияния на политическую ситуацию в России;
- создать методические материалы историко-политического характера для их использования в подготовке управленческой элиты России;
- осуществить конструирование прикладной политической методики оценки потенциала сотрудничества России и других стран в рамках различных военно-политических блоков при помощи комплементации методологии историко-политического анализа и практических приемов, разработанных современной политической наукой.

Зуляр Ю.А. (Иркутск, ИГУ)

ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРА В РЕГИОНЕ: ОЧЕРЕДНЫЕ ОТСТАВКИ В СИБИРИ

12 декабря 2019 г. Президент РФ В.В. Путин принял отставку губернатора Иркутской области коммуниста С.Г. Левченко. Сенсация? Для Иркутской области – норма. В течение всего постсоветского и современного периодов институт губернатора в Иркутской области преимущественно функционирует нестабильно в основной позиции – в институте выборов. Из восьми губернаторов и врио губернаторов, только один занимал эту должность от начала до конца. Главной причиной данной нестабильности

первых должностных лиц региона, являлись их неэффективность, конфликтность и оппозиционность или совокупность этих качеств.

Вместе с тем просьба Левченко об отставке стала неожиданной для населения и аналитиков. До сентябрьских выборов 2020 г. оставалось немного, и думалось, что все будет красиво – пойдет на выборы и проиграет (раз все так плохо в губернии, а народ стонет и требует отставки). Но, федеральная власть решила не искушать судьбу, а может быть дать время показать себя своему назначенцу.

Несмотря на постоянную критику в центральных СМИ, цифры экономического развития области свидетельствуют об ином: Левченко сделал немало и работал эффективно, в частности, увеличил в два раза бюджет, и темпы развития региона при нем превысили общемировые (6%). Формальная причина недовольства президента - неудачная работа губернатора в Тулуне при наводнении летом. Но, все понимают, что это только повод.

А, в чем же причина? И просматривается ли аналогия с отставкой хабаровского губернатора? Кажется бы, все лежит на поверхности – их объединяет только одно, принадлежность к оппозиционным партиям. Но, один попросился в отставку сам, а другого брала спецгруппа. Значит все-таки причины потери должности разные. Опять же, разница в реакции – иркутяне «проглотили» новость молча, а хабаровчане ответили активными массовыми протестами. Второе отличие: лидер ЛДПР В.В. Жириновский, угрожал «мятежом» в Думе и до сих пор «бузит», а глава КПрФ что-то пробормотал по этому поводу. С одной стороны обвинение в тяжком преступлении и активный протест в регионе и партии, а с другой – недостаточно эффективная работа, но отсутствие возражений со стороны родной партии и ноль протестов в регионе.

Все эти нелогичности требуют анализа. Как ни странно в прессе и на просторах Интернета нет даже попытки осмысления и сопоставления этих событий, вернее сказать – процессов. Прошло слишком мало времени, или наша политическая наука является по преимуществу политической публицистикой и работает только на «злобу дня»? Думается, что это не так, но тем не менее. Возможно, эти процессы со стороны столичных политологов представляются малозначительными или мало значащими.

Что значит политическая жизнь региона на фоне 85 субъектов Федерации. Практически ничего, если только это не столичные регионы и не национальные республики. Политическая жизнь рядовых русских регионов малозначительна и не интересна. Что это, реалии многонациональной империи? Но, именно национальные территории погубили СССР и чуть не развалили Российскую Федерацию, спасли которую именно русские регионы, образующие настоящий русский мир и обеспечивающие непотопляемость России.

Конечно, нельзя не учитывать и психологический контекст отставок – один ушел добровольно и малодушно, отрекшись от своей клятвы о борьбе до конца за выданный населением области мандат. А второго арестовали, да еще с антуражем, похожем на антитеррористическую операцию. В Иркутске однопартийцы губернатора не призвали народ к протесту, а в Хабаровске призвали, хотя не очень это афишировали.

Другой вопрос, почему с хабаровским губернатором нельзя было поступить (или не поступили) как с иркутским? Нет сомнения, что федералы владеют компрометирующими материалами на Левченко, но возможно они сочли допустимой сделку: добровольная отставка взамен открытия дел. Очевидно серьезность преступлений Фургала, как мне представляется, по мнению руководства страны, исключает их прощение.

Мог ли использовать президент институт недоверия по отношению к Левченко, мог, но не стал. А зачем, если был уверен, что сможет его и Зюганова уговорить на добровольную отставку, ни к чему беспокоить мятежный регион без нужды. Мог ли использовать его президент против Хабаровского губернатора? Мог, но не стал, ибо не хотел обострять ситуацию, делать себя ответственным за этот явно непопулярный ход. Опять же и преступления иного характера, и Жириновский не Зюганов, а главное Фургал – не Левченко. В Хабаровске главный удар на себя приняли силовые структуры, а уже затем, на основании собранных доказательств, президент отстранил губернатора. Правда, жители края не оценили этот ход, но это уже другой сюжет.

Отчего такая разница в сходных сюжетах? Выскажу гипотезу. Роль лидера (личности) в политике не только не перестала быть определяющим фактором, но и проявляет себя новыми гранями, что подтвердили события в Белоруссии.

Иванов А.В. (Казань, К(П)ФУ)

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ СЕТЕВЫХ ИСЛАМИСТСКИХ И ЭТНОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: О НЕКОТОРЫХ НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЯХ

В ряде исламистских групп появилась тенденция сращивания идей фундаментализма, улично-криминальной темы (А.У.Е) и колумбайновской риторики в постах и иллюстративных материалах. Такая эклектика в материалах в исламистских сообществах не должна казаться безрезультатной. «Уличный пацан» потенциально может стать «сидельцем» и попасть под влияние тюремных исламистских групп, а «колумбайн»-материалы его потенциально могут подготовить к массовым насильственным действиям.

Такой группой, как пример, может послужить сообщество *يضاام لاطب* «Последний герой» в социальной сети «ВКонтакте». (См.: <https://vk.com/yoregyindelsop>). В самом названии сообщества есть отсылка к одноименной песне Виктора Цоя. Изображение скорпиона после названия сообщества является маскулинным символом и обозначает позицию владельца паблика: «Будь осторожен, тронешь – нападу».

Улично-пацановская тема аналогична постам сообществ А.У.Е - это культ оружия, дорогие машины, мужское братство и прочее.

Данный фотоконтент перемежается иллюстрациями с образом «правоверного мусульманина» в стиле милитари, который не должен забывать о молитвах. Отдельным концептом выступает фотоконтент с уличным насилием и ассоциациями с «колумбайн»-технологиями.

С другой стороны, политизируется и радикализуется проблема изучения родного языка в данных сообществах в контексте полного отрицания общефедеральной языковой политики, которая рассматривается как разъединяющая агрессивная политика. Но в тоже время выдвигается положение: кто владеет «правильным» языком (татарским, в данном случае), имеет возможность доступа к власти и публичным выступлениям. Это служит инструментом проведения границ как внутренних, так и внешних от тех, кто не является носителем местных языков.

Как видим, сохраняют свои позиции фундаменталистские сообщества, но прежде всего для нетюрокской молодежи разработаны сообщества с узнаваемыми маскулинными профилями А.У.Е. и хейтерской направленностью. Данная ненависть направлена против современного социального порядка, который воспринимается негативно.

В фундаменталистских сообществах явно выраженный «экстремистский текст» является не типичным феноменом. Прежде всего акцент делается на религиозных ритуалах — пятикратный намаз, проповедь ислама, осуждение «светских удовольствий» (празднование Нового Года, негативное отношение к алкоголю, телевизору, посещение кладбищ и т.д.)

Контент можно классифицировать следующим образом:

1. Религиозные тексты и их догматическое обсуждение в группах с акцентуацией на положения, которые подтверждают ультраконсервативные позиции исламистского толка. Этот религиозный контент направлен на мужчин и женщин возрастной группы 30-55 лет, которые уже достаточно долго придерживаются положений выходящих за рамки традиционного ислама.
2. Контент, направленный на молодежь, который носит более популярный, игровой характер. Здесь отсутствуют объемные цитаты из религиозных текстов и их обсуждение. Акцент делается на визуальный яркий ряд. Прежде всего он предназначен для нетюрокской молодежи школьно-студенческого возраста.

Исламистские группы достаточно распространены в социальных сетях в ряде субъектов Российской Федерации. Не является исключением и современный Татарстан, несмотря на принимаемые руководством республики и федеральным центром системные усилия для подавления данной экстремистской

идеологии. Она является формой протеста, которая характерна для ряда территорий Российской Федерации, где проживают большие группы этнических мусульман. В настоящее время радикализм этих групп несколько поубавился, сказывается государственная пропаганда и общественная профилактика экстремизма. Однако влияния радикальных религиозных идей еще велико и это по-прежнему является проблемой для такого светского государства как Российская Федерация.

Статья выполнена в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по проблематике «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020–2022 гг. по государственному заданию на тему «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов».

Иванов П.В. (Москва, РУДН)

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ ЮАР ДЛЯ АФРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Текущая общемировая эпидемиологическая ситуация с COVID 19, помимо фактического воздействия на физическое состояние человека, выступает в качестве дополнительного маркера, иллюстрирующего внутрисистемные проблемы государств, находящихся или в транзитном состоянии, или комплексную нестабильность, или рудиментарность отдельных институтов. В вопросе обострившихся экономических, социально-политических флуктуаций в ЮАР на фоне пандемии, ключевым аспектом становится политический даунгрейд, распространившийся практически на все государственные отрасли с начала 90х годов XX столетия. Одной из многочисленных причин данного явления становится вопрос о фактической репрезентативности государствообразующей этнической группы-африканеров, а именно раскол Национальной Партии (НП) с последующей реструктуризацией отдельных составных политических элементов, вроде трансфера части элит из НП в АНК, попытки Альберта Хертцога сохранить НП в новом формате, а также появление дополнительных акторов-дублеров, вроде Национальной Консервативной Партии ЮАР и Фронта Свободы Плюс (Vryheidsfront Plus).

Учитывая особенности нахождения африканеров внутри агрессивной среды, протекционистская роль именно Национальной Партии обретает особый статус в рамках фрагментарного социума при наличии интегративной, но частично авторитарной технократической концепции государственного администрирования.

Будучи ключевым актором в вопросе агрегирования интересов африканеров внутри южноафриканской политической системы, Национальная Партия становится главным катализатором сохранения африканерской эклектики на фоне создания сбалансированной полиэтнической федеративной модели при видимом отсутствии гомогенности в гражданском обществе.

Несмотря на влияние Вестминстерской системы на управленческую парадигму, ввиду отсутствия иерарха как объекта метасоциального порядка, данную функцию осуществляет симбиоз Голландской Реформистской Церкви и Национальной Партии. Так как именно конфессиональная подоплека отражает культурный код африканера, тем самым оказывая влияние на его габитус, роль НП видится не только в качестве электорального партисипанта, но и фундаментального актора с точки зрения идеологической консолидации.

Таким образом, можно выделить тождественную взаимосвязь между НП как персонализацией африканерской цивилизации (обладающей полным спектром необходимых составных элементов для идентификации именно как цивилизация) и суверенностью ЮАР, где НП выполняет функцию ретранслятора волеизъявления африканеров, ряда надэтнических групп имеющих отношения к африканерам (Гриква), а так же осуществляющую мониторинг за федеральным паритетом между группами банту и представителями иных этнических образований азиатского или европейского происхождения. Именно Национальная Партия выступает стабилизационным образованием внутри разделенного социума,

попутно гарантируя изоляционизм и защиту африканерской эклектики от деструктивного воздействия извне, а ее роль для ЮАР в целом была необходима для функционирования как старой политической системы (до 1994 года), так и современной, вкуче с легитимацией НПА федерального уровня.

Анализируя опыт НП в рамках полиэтнического федеративного государства, следует сделать следующие выводы:

1. В условиях демографической диспропорции для доминирующего и/или государствообразующего этноса необходим унифицированный политический маршрутизатор в виде легального партийного представительства.
2. Классический мажоритарный элекционный формат при партийном плюрализме уступает системе относительного большинства по эффективности.
3. Южноафриканский партогенез демонстрирует исключительную зависимость от исторических, социокультурных и религиозных аспектов.

Иванова М.Г. (Москва, Фонд «Содействие развитию образования и культуры в России»)

ГРУППОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: ОПЫТ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Использование проективных методик широко зарекомендовало себя, в том числе при исследовании политических явлений и феноменов. Например, можно назвать такие методы, как метод свободных ассоциаций, метод неоконченных предложений, рисуночные тесты, ТАТ, ЦТО, интерпретация (текстов, изображений) и др. Проективные методики особенно зарекомендовали себя в рамках анализа бессознательных компонентов психики, а, в частности, в политологии применяются для исследования области коллективного бессознательного.

В рамках прикладной психологии известно направление «политической сказкотерапии», где сказка выступает как модель политической реальности, ряд исследований посвящено анализу народных образов власти в сказке. Метод сказкотерапии, как одна из проективных методик, чаще всего используется в индивидуальной работе, однако для анализа коллективного бессознательного в области политической жизни также применяется метод коллективного и группового конструирования сказочных сюжетов. Вместе с тем, в рамках данного подхода проведено не так много исследований, что, на наш взгляд, связано с большими временными затратами, необходимостью глубинного анализа ответов большого числа респондентов и методологическими сложностями. С другой стороны, метод индивидуального и группового конструирования сказочных сюжетов выполняет ряд важных функций: например, снижает сопротивление респондентов при ответе на вопросы; отражает подсознательные отношения человека к тем или иным политическим феноменам; позволяет выявить скрытую модель поведения в ситуации выбора политического поведения; благодаря образному мышлению позволяет вызвать в сознании респондента переживания, ведущие за пределы формального аналитического мышления и др.

В данной статье мы бы хотели остановиться на описании нашего опыта применения проективных методик (в том числе, метода группового конструирования сказочных сюжетов) для исследования политической реальности. Так, разработанный нами авторский опросник, включающий в себя тест и ряд проективных методик, применялся для исследования образа политического лидера. Респондентами выступали студенты старших курсов (политологи, юристы, экономисты) таких ВУЗов как РУДН и ОГУ. Исследование проводилось с 2017 года и в настоящее время собранный обширный материал позволяет сформулировать основные сделанные нами выводы, которые будут подробно описаны и опубликованы в отдельной работе.

Здесь мы хотим показать, что одно из заданий опросника, которое связано с составлением сказки, не только коррелировалось по своим результатам с другими методиками, но и позволило приблизиться к

понимаю скрытых в коллективном сознании явлений и феноменов.

В данной части опросника студентам предлагалось следующее: «Сочините небольшую сказку о том, как простой человек вдруг стал главой государства. Пожалуйста, опишите главного героя, его мысли, образ жизни, а также сюжет и придуманные Вами события. Укажите, что происходит с главным героем после того, как он стал главой государства, и чем всё закончилось в конце сказки».

Данное задание изначально было сформулировано широко, с тем, чтобы не ограничивать респондентов временными или пространственными рамками. Далее, на другом бланке предлагалось ответить на ряд уточняющих вопросов по уже написанной сказке. Например: «Сформулируйте своими словами основную тему вашей сказки»; «Выделите положительные черты героя вашей сказки»; «Опишите отрицательные стороны персонажей, которые противостоят герою (если таковые имеются)»; «Какова главная трудность, с которой сталкивается герой сказки?» и др.

Данный материал, анализ которого проводился наряду с другими методиками, позволил отметить наиболее острые вопросы, которые возникают в жизни студентов, а также проанализировать их бессознательное отношение к власти, образу политического лидера и пр.

Несмотря на то, что исследование проводилось более 4-х лет подряд с участием 322 респондентов, в котором были задействованы студенты не только знакомые друг с другом, но и не знакомые, несмотря на изменение политической ситуации в стране и в мире за эти годы, сказочные сюжеты и характеристики главного героя обнаруживают сходство, которое отличается от сознательно сформулированной студентами аналитической позиции по отношению к власти и её политическим лидерам. Это наблюдение свидетельствует о различиях в сфере сознательного и бессознательного, которое, отметим, не меньше, а иногда и более весомо участвует в политическом выборе и поведении. С другой стороны, некоторые наши предварительные гипотезы, наоборот, не получили своего подтверждения.

Иванько Н.А. (Москва, РАНХИГС при Президенте РФ)

ПРИНЦИП ФЕДЕРАЛИЗМА КАК СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОСТИ

Современное экспертное сообщество ещё в начале XXI века признало федерализм эффективным способом регулирования отношений между центром и регионами стран. Федерализм как принцип государственного устройства доказал свою состоятельность в становлении российской государственности в 90-е годы прошлого столетия, когда риск усиления асимметричности государственного устройства и появление сепаратистских настроений в регионах вынесли управленческую повестку регионов на федеральный уровень. Итогом стало укрепление властной вертикали и усиление позиций федеральной власти в регионах посредством института уполномоченных по делам региона, что привело к ограничению власти губернаторов и укреплению российского государства. В результате подобных ограничений региональной власти, процедура введения в должность в регионах стала ещё менее прозрачной. Дефицит публичности региональной политики разрушается в условиях развития цифрового мира, с реалиями которого столкнулось российское общество XXI века. Необходимость подготовки кадров для цифровой экономики вынуждает региональные структуры власти менять параметры публичности. Цифровая трансформация как задача региональных властей, призвана обеспечить всю структуру государственного управления высокотехнологичным инструментарием определения измеримых целей и показателей, принятия решений, оценки их альтернативных вариантов, мониторинга хода их исполнения. Сущность цифровизации власти проявляется в стремлении к максимизации принципов «гибкого управления», что означает развитие институтов демократии и совершенствование федеративных отношений, построенные на идее полезности власти для граждан. Перевод в цифровой формат системы государственного партнёрства в виде создаваемых и эффективно функционирующих платформ, призвано снизить риски, а рост взаимодействия потребителей и поставщиков услуг цифровой

экономики способствует активизации гражданского общества, которое осознанно вовлекается в решение социально значимых проблем. Трансляция на федеральном уровне целей перехода государственного управления на цифровые технологии усиливает востребованность повышения квалификации представителей власти, обеспечивающих успех внедрения технологий на местах. Так, на новый федеральный проект «Цифровые технологии» (2019-2021 гг) затраты федерального бюджета составят 88 млрд.руб. Успешное решение задачи подготовки кадров для цифровой экономики посредством стимулирования компаний, граждан на участие в масштабной подготовке специалистов для цифровой экономики возможно только при заинтересованности федеральных, региональных структур власти, бизнеса организаций, запускающих и реализующих проект обучения на федеральном уровне⁹³. Инициированный на федеральном уровне проект цифровизации открывает властям субъектов Российской Федерации возможности для наращивания экономического потенциала региона, а в перспективе обеспечит решение проблемы неравномерного экономического развития регионов.

Меры федеральных структур по цифровизации экономики России призваны в корне изменить модель экономической деятельности и социальной жизни, однако успех технологической трансформации во всех структурах общества зависит от слаженной работы федерального центра и регионов, основным принципом выстраивания отношений которых остаётся федерализм, посредством рассредоточения и публичности власти направляющий страну в демократическое русло.

Игнатъева И.Ф. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ГЕОПОЛИТИКА ТУРИЗМА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сегодня туризм выступает одним из важнейших способов освоения географического, культурного, социального и политического пространства. Поэтому имеет смысл говорить о геополитике туризма как одном из разделов геополитической науки (Игнатъева И.Ф. Пространства потоков: экономический и геополитический анализ туризма //Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1 (26). С. 111-115).

Геополитика туризма изучает следующие проблемы.

- Воздействие международных туристских потоков на политику государств.
- Влияние современных геополитических факторов на развитие туристской индустрии.
- Воздействие политики санкций на формирование туристских потоков.
- Влияние геополитики на функционирование туристских дестинаций.
- Воздействие международного туризма на социокультурные и политические процессы в мире.
- Влияние международных туристских потоков на устойчивое развитие общества.

Перемещение людей в тех размерах, как это происходит сегодня, превращает туризм в явление глобального масштаба, имеющего явный геополитический контекст. Согласно последним исследованиям специализированного учреждения ООН Всемирной туристской организации (UNWTO), Рост международных туристических прибытий опережал рост экономики в целом. Международные туристические потоки по всему миру выросли на 4% в 2019 году и достигли 1,5 млрд. человек по всему миру. 2019 год был еще одним годом сильного роста, хотя и более медленного по сравнению с исключительными темпами 2017 года (+6%) и 2018 года (+6%). Соединенные Штаты возглавили рост в абсолютном выражении. Основываясь на текущих тенденциях, экономических перспективах и индексе доверия, UNWTO прогнозировала рост от 3% до 4% международных туристических прибытий по всему миру в 2020 году (World Tourism Barometer №18 January 2020. <https://www.unwto.org/world-tourism-barometer-n18-january-2020> (Дата обращения 28.02.2020).

Геополитическое влияние туризма проявляется, прежде всего, через экономический вклад туризма. Проблемы в туристской отрасли влияют на уровень безработицы, уровень жизни, особенно в странах, где туризм является ведущей отраслью. Сумма экономических, социальных и культурных

93. РАНХИГС, НИУ ВШЭ, Университет НТИ 2035 и др.

влияний туризма складывается в единое геополитическое влияние. В 2020 году мир столкнулся с беспрецедентной глобальной проблемой в области социальной и экономической безопасности, связанной с пандемией COVID-19. В мире сложилась чрезвычайная экономическая ситуация. Путешествия и туризм оказались в числе наиболее пострадавших секторов экономики. Катастрофические процессы в туристской отрасли будут иметь несомненные геополитические последствия.

Связь туризма с геополитическими процессами в мире прослеживается в экономической аналитике Всемирной туристской организации. Названные ниже три сценария выхода из кризиса, связанного с COVID-19 показывают связь туризма с политикой государств на международной арене и возможностями их геополитического влияния. По последним данным Всемирной туристской организации в течение всего 2020 года по сравнению с показателями 2019 года международный туризм может сократиться на 60-80%. Азиатско-Тихоокеанский регион демонстрирует наибольший отскок назад в относительном и абсолютном выражении (-33 миллиона прибывших), отскок в Европе, хотя и ниже в процентном отношении, довольно высок по объему (-22 миллиона). Это ставит под угрозу миллионы источников средств к существованию по всему миру и угрожает ростом недовольства людей политикой своих государств. Намечено три возможных будущих сценария развития мирового туризма в зависимости от того, как будет развиваться кризис. Сценарии на 2020 год основаны на трех возможных сроках постепенного открытия международных границ.

- Сценарий 1 (-58%) - основан на постепенном открытии международных границ и ослаблении ограничений на поездки в начале июля.
- Сценарий 2 (-70%) - основан на постепенном открытии международных границ и ослаблении ограничений на поездки в начале сентября.
- Сценарий 3 (-78%) - основан на постепенном открытии международных границ и ослаблении ограничений на поездки только в начале декабря (International tourist numbers could fall 60-80% in 2020, UNWTO Reports // World's Tourism Organization. Madrid, 07 May 2020. News Release. URL: <https://www.unwto.org/news/covid-19-international-tourist-numbers-could-fall-60-80-in-2020> (Дата обращения 09.08.20 20)

Это, безусловно, самый тяжелый кризис, с которым столкнулся международный туризм с начала глобальных кризисов (1950). Его воздействие будет ощущаться в разной степени во всех регионах. Согласно опросу группы экспертов UNWTO, изменение ситуации начнется в 2021 году, ожидается, что внутренний спрос восстановится быстрее, чем международный. По мере восстановления международных туристских потоков, будет продолжаться рост геополитического влияния туризма.

Игнатьева О.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПТОВ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПЛАТФОРМЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Понятие «управленческой ментальности» было разработано Мишелем Фуко в серии лекций «Безопасность, теория, население и рождение биополитики», прочитанных им в 1978 г. и 1979 г. в College de France. Суть работы заключалась в том, чтобы вскрыть механизмы осуществления современной дисциплинарной власти, которая не ограничивается только применением контроля и насилия как в прежние времена, но также использует более изощренные техники манипуляций и управления с привлечением научных знаний (Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.). После заявления Фуко о необходимости анализа власти вне дискурсивно-правовых моделей, понятие власти использовалось в исследованиях множественных властных отношениях в конкретных практиках и технологиях управления, а также для понимания децентрализованных управленческих рациональностей либерализма и неолиберализма. Этот объект исследования был впоследствии назван управленческой ментальностью (Dean M. Governmentality: Power and Rule in Modern Society. 2nd ed. London: SAGE, 2010. 304 p.).

Необходимо отметить, что понятие управленческой ментальности у Фуко неоднозначно. Оно может использоваться как в более конкретном смысле, связанным с государственной властью в эпоху неолиберализма (Donzelot J. and Gordon C. *Governing liberal societies: the Foucault effect in the English-speaking world // Foucault Studies*, 2008. No 5. P. 48-62), так и в более общем смысле (Dean M. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. 2nd ed. London: SAGE, 2010. 304 p.). Для установления связи между понятием управленческой ментальности и влиянием коммуникационных платформ на пользователей мы будем использовать данное понятие в более широком смысле, как осуществление власти с точки зрения поведения (Foucault M. *The birth of biopolitics. Lectures at the College de France, 1978-79*. Palgrave MacMillan, 2008. 368 p.). С этой точки зрения управление является распространенным явлением, которое не ограничивается сферой государства, а происходит всякий раз, когда отдельные лица или группы стремятся изменить свое поведение или поведение других людей. Эта позиция позволяет утверждать, что алгоритмы, заложенные в коммуникационные платформы, также осуществляют определенные формы управленческой ментальности, меняя поведение их пользователей в нужном для заказчика и разработчика программного продукта русле. В качестве примера такой формы управления можно привести организацию платформенной системы социального кредитования в Китае, которая, с одной стороны, сводит воедино все данные о потенциальном кредиторе воедино, выясняя степень его благонадежности, а, с другой стороны, использует балльно-рейтинговую систему, стимулируя заемщика вести себя определенным образом⁹⁴. Также геолокационные платформы в сочетании с элементами маркетинговых программ руководят и направляют повседневный трафик в городах⁹⁵. Необходимо отметить, что организация работы платформ, делает возможным осуществление контроля за поведением пользователя снизу и по горизонтали (*sousveillance*) посредством самонаблюдения, социального контроля и самоцензуры.

Таким образом, платформы, как интерфейс, через который операционализируются определенные формы управленческой ментальности, позволяют утонченно руководить поведением пользователей, внушая им желание, вести себя нужным для системы образом. Концепт управленческой ментальности, созданный для описания особенностей государственного управления в эпоху неолиберализма, в своем широком смысле подходит для описания и интерпретации поведения населения под влиянием коммуникационных платформ.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-31361 «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации».

Идиатуллина К.С. (Казань, КНИТУ)

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Сотрудничество государственных институтов с гражданским обществом имеет важное значение для поддержания стабильности, снижения социальной напряженности, успешного проведения государственной политики. Выявление характеристик и последствий такого взаимодействия в регионах России определяют актуальность научного исследования.

Механизм взаимодействия государства и гражданского общества на региональном уровне представляет собой коммуникации органов государственной власти и институтов гражданского общества в целях создания благоприятной внешней среды для социально-экономического, политического и культурного развития.

94. Capotti F., Dong L. *Emerging platform urbanism in China: Reconfiguration of data citizenship and materialities // Technological Forecasting & Social Change*, 2020. Vol. 151. February

95. Barrenche C. *Governing the geocoded world: Environmentality and the politics of location platform // International Journal of Research into New Media Technologies*, 2012. Vol. 18. No 3. P. 331-351.

В научной литературе представлены различные варианты и модели взаимодействия: от патерналистской до диалоговой модели, от сотрудничества до конфронтации. Считаем, что в республике прошла институциональная трансформация коммуникативных отношений государства и общества и процесс институционализации в основном завершился. Эти отношения регламентированы, структурированы, имеют устойчивый характер. Организационно-правовой механизм функционирует. Государственной властью созданы структуры, непосредственно отвечающие за взаимодействие с гражданами, их объединениями, обеспечивающие систему обратной связи. Это – Уполномоченный по правам человека в РТ, уполномоченный по правам ребенка в РТ, уполномоченный по правам предпринимателей при президенте РТ, принят закон о работе с обращениями граждан (причем раньше федерального), отлажена процедура действий по обращениям, реализуется концепция Открытого правительства и т.д.

В республике сформировались институты гражданского общества, такие как Общественная палата РТ, региональные отделения политических партий, НКО, общественные советы при структурах власти, СМИ, складывается институт общественной экспертизы, общественного контроля. Общественная палата РТ (ОПРТ) позиционирует себя как площадка общественно-государственного диалога. В деятельность Палаты вовлечены более 150 социально ориентированных некоммерческих организаций. Члены ОПРТ участвует в реализации Национальных проектов, включаясь в составе комиссий, рабочих групп в общественное обсуждение проблем, опросы граждан, разработку рекомендаций в адрес органов государственной и муниципальной власти. В рамках «нулевых чтений» ОП фактически дается независимая общественная оценка предлагаемых решений госорганов и обеспечивается диалог и согласование общественно значимых интересов различных сообществ, органов власти и бизнеса.

Власть всячески демонстрирует свою готовность к диалогу с обществом. В 2018 г. начат пилотный проект по публичному формированию целей и задач исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан и общественному контролю за их исполнением. Участвуют в проекте 6 министерств, срок определен до 2024 г. На сайте проекта публикуются отчеты, новости, в каждом министерстве создан общественный совет, группа экспертов.

Время от времени в РТ наблюдаются неструктурированные взаимодействия власти и общества. Это – протесты обманутых дольщиков и клиентов разорившихся банков, против места строительства мусоросжигательного завода, строительства большого казанского кольца и т.д. В таких случаях власть идет на контакт, проводятся встречи, где разъясняют свою позицию, выясняют суть претензий, заслушивают предложения. В результате, как правило, побеждает принцип целесообразности: завод строят там, где запланировали, система транспортных развязок построена, хотя и ценой сноса улицы домов и дачного массива, но отказались от планов строительства на берегах Казанки ради сохранения уникальной экологии береговой зоны, несмотря на коммерческую выгоду и т.п.

Государственная власть поддерживает местные сообщества, особенно самообложение для решения общественных проблем, выделяются гранты для ТОСов. Учреждена премия Президента РТ за вклад в развитие институтов гражданского общества в Республике Татарстан для организаций и отдельных граждан. Проектирование общественных пространств в населенных пунктах, проекты реконструкции дворов осуществляется с участием жителей. Недавно президент РТ публично признал ошибку власти, что при реализации программы по ликвидации ветхого жилья погибли памятники историко-культурного наследия и историко-архитектурная среда. Новый порядок реконструкции и строительства предполагает обязательную историко-культурную экспертизу и общественное обсуждение проекта. У президента РТ есть общественный советник по вопросам историко-культурного наследия.

Анализ материалов показывает, что в Татарстане сформировалась модель сотрудничества, в то же время ее можно характеризовать как гибридную или смешанную модель, т.е. это в основе патерналистская модель с элементами диалога. Все формальные институты взаимодействия созданы. Но власть более организована и контролирует общественные процессы. Тем не менее, уже есть опорные точки, консолидирующие вокруг себя гражданские структуры, активных граждан. Этому способствует расширение применения ИКТ, социальные сети. Осенние выборы представительных органов МСУ показали это, расширился их партийный состав.

Ильичев М.В. (Москва, ВАВТ)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ «МАГИСТРАЛЬНЫХ» КОМПАНИЙ В ПОЛИТИКЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Реализация политики импортозамещения в стране затрудняется несовершенной нормативно-правовой и нормативно-программной поддержкой, отсутствием соответствующих институтов, несовершенстве организации системы государственного регулирования и комплексного влияния на сдерживание зависимости от импорта, развитии внутреннего производства, позиции товаров и услуг, производимых на территории России на внутреннем рынке, слабые экономические стимулы для реального сектора экономики, поддержки отечественного производителя.

Основной причиной, по которой компании выбирают импортные товары, технологии и услуги, является отсутствие российских альтернатив на рынке. Вопросы, связанные с ценами, условиями доставки и оплаты, уровнем обслуживания и поддержки, как правило, играют менее важную роль в выборе российскими компаниями импорта по сравнению с отечественными аналогами.

Текущая степень зависимости от импорта вызывает беспокойство у большинства компаний, потребляющих иностранные продукты, технологии и услуги, и побуждает их принять меры по ее снижению. «Самая распространенная стратегия - это изменение структуры закупок - чаще всего в пользу российских поставщиков „, оставляющая меньше возможностей для диверсификации импорта».

В целом российские компании наиболее активно приобретают (и, следовательно, наиболее сильно зависят от) импортные машины и оборудование. Это связано, с одной стороны, со многими устаревшими в физическом и моральном отношении капитальными активами многих компаний, а с другой с часто встречающимся отсутствием российских аналогов на рынке, их низким качеством или неспособностью полностью соответствовать современным технологическим требованиям в сочетании с определенной степенью инерции в предпочтениях системных интеграторов (которые привыкли работать с импортным оборудованием).

Выявлена высокая степень зависимости от импорта для членов интегрированных бизнес-структур, что может быть связано с несколькими факторами:

Во-первых, переход на альтернативных поставщиков по желанию может быть просто невозможен из-за «звеньев» вертикально интегрированных производственных цепочек, поскольку это может привести к несоответствиям технологий с соответствующими производствами. Возможно, это объясняет, почему члены таких структур назвали неспособность российских аналогов соответствовать технологическим требованиям в качестве основной причины, по которой они используют импорт в первую очередь.

Во-вторых, довольно многие российские компании являются членами транснациональных корпораций, которые в качестве активных игроков на мировом рынке широко применяют международное разделение труда, при этом трансграничные операции являются неотъемлемой частью их бизнеса. Странно, что интегрированные бизнес - структуры, особенно крупные, имеют тенденцию проявлять определенную степень инерции в выборе продуктов, технологий и услуг, а также их поставщиков.

Однако в сложившейся экономической ситуации именно члены интегрированных бизнес-структур демонстрируют тенденцию к увеличению закупок у российских поставщиков. Компании с долгой историей деятельности зависят от импортных технологий и услуг в меньшей степени, чем другие, из-за их устоявшихся связей с российскими научно-исследовательскими организациями.

Относительно низкий, на общем фоне, уровень потребления импорта и степень зависимости от импорта демонстрируют компании с участием общественности. «Они наращивают закупки российских продуктов, технологий и услуг, вероятно, не в последнюю очередь из-за соответствующих «стимулов», которые они получают от государства через своих представителей в

руководстве этих компаний. Компании, которые в первую очередь продают свою продукцию индивидуальным потребителям, более активно используют импорт, в первую очередь импортируемое сырье. Это важно, потому что потребительский спрос выступает в качестве основной движущей силы предложения новых и улучшенных продуктов российскими компаниями, что, в свою очередь, вероятно, влияет на спрос последних на импорт. Существенным стимулом для производителей потребительских товаров использовать импорт являются высокие цены на российские аналоги, которые, вероятно, усугубляются снижением покупательной способности населения России. Отметим также, что вышеупомянутые компании относительно самостоятельно создают свое импортозамещающее производство.

Высокотехнологичные компании сталкиваются с особенно сильной конкуренцией со стороны импорта. Это заставляет российских производителей предъявлять жесткие требования к продуктам, технологиям и услугам, которые они используют в своих производственных процессах, что иностранные поставщики с большей вероятностью встретят. В качестве альтернативы компании заимствуют успешный международный опыт. Таким образом, выявлены определенные проблемы с процессом реализации политики импортозамещения в Российской Федерации, и это связано с недостаточным регулированием в этой области, в частности с точки зрения создания и реализации организационно-экономического механизма.

Ильичева Л.Е. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ),

Ильичева М.В. (Москва, ИСПИ РАН)

«ДОВЕРИЕ» КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Критерий «Уровень доверия к власти» введен в правовое пространство Президентом Российской Федерации в Указе от 5 апреля 2019 года №193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

Документ, описывающий соответствующую методику расчета показателя доверия к власти, пока еще не представлен региональным властям. Поэтому, в отсутствие утвержденной методики расчета показателя доверия к власти федеральным органам приходится ориентироваться на использование разнообразных методик выявления уровней институционального доверия региональной власти, каждая из которых имеет свой специфический ракурс и идеологизированное целеполагание:

- через мониторинг индексов социального самочувствия населения, которые ориентированы на выявление электоральных предпочтений, но не учитывают уровень развития региональных экономических процессов (ВЦИОМ, ФОМ);
- через мониторинг индексов социального настроения населения путем проведения опросов на основе репрезентативной всероссийской выборки городского и сельского населения методом личного интервью (Аналитический центр «Левада-Центр»), которые нацелены на оценку доверия только ведущих общественных деятелей федерального уровня; через создание рейтингов политической устойчивости глав регионов (Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг»), в рамках которых экспертами в основном оценивается доверие региональной власти с позиции федеральной власти, а не стороны населения;
- через рейтинг губернаторов на основании заочного анкетирования, заочных и очных опросов представителей экспертного сообщества (Центр информационных коммуникаций «Рейтинг»), в рамках которых оценивается не столько уровень доверия региональной власти, сколько определяется место глав субъектов Российской Федерации в национальном рейтинге. Рейтинг формируют специально отобранные эксперты федерального и регионального уровней,

обладающие разными компетенциями, исходя из собственных субъективных суждений о позитивном/негативном влиянии тех или иных событий в регионах на позицию губернатора в национальном рейтинге.

Все указанные методы, которые сегодня федеральная власть в практическом плане использует при оценке эффективности деятельности высших руководителей субъектов Российской Федерации, фокусируются, как правило, на главах регионов, тем самым из оценки исключаются чиновники низшего уровня, от которых в значительной степени зависит способность региональной власти проводить в жизнь политические решения.

Кроме того, указанные методы фиксируют исключительно текущий уровень доверия к власти, при этом не раскрываются причинно-следственные связи между содержанием и эффективностью реализации тех или иных региональных мероприятий и соответствующим изменением уровня доверия к власти.

Исходя из феномена доверия, которое можно определить, как специфическую власть, определяющую характер взаимоотношений между государством и обществом, «политический» показатель «Уровень доверия к власти» нецелесообразно, на наш взгляд, рассматривать как интегральный показатель только с точки зрения социального самочувствия населения,

В основе понятия «доверие к власти» заложен ценностный базис. Сверяясь с этим базисом через свое субъективное восприятие, гражданское общество оценивает качество жизни в регионе и затем через электоральные процессы выставляет свою оценку региональной власти. Оценка деятельности региональной власти порой может существенно отличаться от «неценностной» социально-экономической первоосновы доверия, базирующейся на фиксации количества населения, проживающего выше черты бедности.

Исключение мнения регионального гражданского общества из процесса оценивания уровня доверия к власти серьезно искажает объективную реальность и может привести к критическим ошибкам при принятии того или иного политического решения, и, как следствие, к снижению эффективности регионального социально-экономического развития. Поэтому крайне важным представляется с целью повышения эффективности деятельности региональной власти, разработка и внедрение механизмов, овладев которыми власть, с одной стороны, могла бы в позитивном ключе участвовать в формировании общественного мнения, с другой стороны, чутко реагировать на изменения уровня доверия к себе.

Авторы видят формирование и внедрение программы «Доверия» как составную часть перспективной региональной системы государственного управления, что позволит прогнозировать и предупреждать возможные социально-политические риски.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31357 «Технологии управления доверием к власти, упреждения угроз и вызовов региональной социально-политической стабильности»

Исаев Б.А. (Санкт-Петербург, ГУАП)

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК УЧАСТНИКИ РАСКОЛОВ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЛИПСЕТА-РОККАНА

Для применения теории расколов Липсета – Роккана к современным российским реалиям следует добавить еще два конфликта: а) между демократами и коммунистами 1990-2010 гг.; б) патриотами и либералами 2010-2020 гг. В этом случае партии России 1990-х – 2020-х гг. можно встроить в модель Липсета – Роккана.

Следует отметить несколько линий раскола:

1) раскол по линии «центр – периферия», учитывая трудности создания этнических партий, тем не менее, генерировал партии: ЛДПР, ДВР, НДР, ЕР, СР, СПС, ДПР, ПРЕС, ЯБЛ, Родина, противостоящие думской депутатской группе «Российские регионы»;

2) раскол по линии «государство – церковь», учитывая традиционное православное и мусульманское стремление к единству государства и церкви, существенно не влияет на партийный генезис;

3) раскол по линии «город – село», в котором «городские партии» ЛДПР, ДВР, НДР, ЕР, СР, СПС, ДПР, ПРЕС, ЯБЛ, Родина противостоят «сельским»: КПРФ и АПР;

4) раскол по линии «собственники – рабочие», который образовали партии, выступавшие за частную собственность ЛДПР, ДВР, НДР, ЕР, СР, СПС, ДПР, ПРЕС, ЯБЛ, соперничавшие с КПРФ, явно идет на спад;

5) новый раскол по линии «демократы – коммунисты» (который составили все российские партии против КПРФ) в 1990-х гг. достиг своего максимума, а после появления зримых результатов успешности реформ, то есть с 2000 года пошел на спад. С 2010 г. его сменил другой новый раскол «патриоты – либералы», не имеющий четкой партийной идентификации.

На пути трансляции социальных расколов в политическую систему современной России, согласно теории Липсета-Роккана, имеются четыре порога:

1. порог легитимации, который по сравнению с партийной системой царской России стал существенно ниже за счет того, что современная власть хоть и не признает уличные протесты, но признает думскую оппозицию и не ограничивает свободу слова. По шкале Липсета-Роккана этот порог для России может быть определен как *низкий*;
2. порог включения следует признать *средним*, так как, несмотря на то, что в Конституции РФ и провозглашен принцип плюрализма и равенства всех партий, но не всегда (например, в избирательных кампаниях, при уличных мероприятиях) партии оппозиции могут реально воспользоваться этим правом;
3. порог представительства следует признать *высоким*, ибо вновь образуемые партии уже на протяжении трех избирательных циклов ни единолично, ни в союзе с другими партиями не могут пройти в Думу. Этот порог усугубляется запретом на создание партийных коалиций и запретом партиям, образуемым на этнической и конфессиональной основе, участвовать во всеобщих (федеральных) выборах.
4. порог мажоритарного правления также *высокий*, ибо преодолели только для единственной партии власти; другие партии даже не пытались его преодолеть, ибо в современной России власть передается по линии партии власти: ДВР – НДР – ЕР и еще не было смены партии во власти. Российская партиома в этом смысле не является оборотной.

Общий результат анализа порогов российской партиомы – НСВВ. Такое сочетание порогов означает «начальную стадию зарождения открытой партийной системы» и был характерен для европейских партиом начала XX века (Lipset, Rokkan. 1967, p.26-30).

К этим порогам, характерным для партийных систем западно-европейских стран, следует добавить пороги, характерные для современной России, а именно:

5. порог регистрации, подчеркивающий все трудности государственной регистрации партий и требования Закона о партиях;
6. порог отстраненности партий от управления страной. В России даже победившая на парламентских выборах партия фактически не получает рычагов управления, кроме поста председателя Думы.
7. порог недоверия к демократии. Большинство населения, учитывая условия жизни, думает, в первую очередь, не о своих правах и участии в выборах, а о своем заработке и семейном бюджете.

Задачей российского государства и гражданского общества на ближайшее время должна стать трансформация партийной системы в следующую стадию развития, в более состязательную партиому, путь в которую не закрыт ни одной, даже совсем молодой партии, в которой не предрешен заранее исход партийной борьбы, на равных борются партии власти и партии оппозиции, действует активная коалиционная политика партий, упрощен процесс их государственной регистрации и победившая партия реально управляет страной.

Исобчук М.В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)

НЕУСПЕШНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: КАК И ПОЧЕМУ РЕГИОНАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СТАНОВИТСЯ НЕВОСТРЕБОВАННЫМ?

Регионалистские партии представляют собой наиболее эффективный инструмент интеграции территориальных сообществ в политический процесс, в особенности в европейских политиях. Развитие регионалистских движений является трендом мировых политических процессов с 1970-х г.г., а наиболее яркие случаи регионализма (Каталония, Шотландия) глубоко укоренились в политической повестке. Однако многообразие регионализма отнюдь не исчерпывается общеизвестными его проявлениями. В современной Европе существует немало примеров неуспешных (failed) регионализмов, некогда имевших электоральную поддержку и репрезентацию в парламентах, но затем таковую утративших. Каковы факторы и модели разрушения/ослабления регионалистского движения, потери регионалистской партией репрезентативных функций? На материале трех наиболее типичных случаев нисходящей электоральной динамики регионалистского движения (регионы: Моравия, Шомодь, Южная Словакия) данные факторы и модели были определены.

В ходе исследования было выявлено три основных фактора разрушения регионалистского движения: отсутствие стимула к развитию региональной идентичности (и как следствие, потеря регионалистским движением собственной электоральной базы), институциональные барьеры для осуществления репрезентации регионализма, а также организационная несостоятельность регионалистского движения. Каждый из кейсов, безусловно, отличается констелляцией, по крайней мере, двух таковых факторов. Так, в случае Южной Словакии (макрорегион), где регионалистское движение было представлено Партией венгерского сообщества, реформы административно-территориального управления, нацеленные на снижение концентрации регионализма в регионах (таким образом, чтоб венгерское меньшинство в них не превышало 20%), вкуче с организационными конфликтами внутри партии привели к потере ею электоральной конкурентоспособности. В случае Моравии, где регионалистское движение в начале 1990-х развивалось вполне успешно, регионалистская партия «Мораване» (единственная на данный момент) почти потеряла свое представительство входе ослабления региональной идентичности, а также утраты организационных ресурсов (достаточного финансирования, сплоченности и пр.). Наконец, регионалистское движение в венгерском регионе Шомодь потерпело поражение в ходе реформ централизации АД, инициированных В. Орбаном и малой электоральной востребованности репрезентации регионализма.

На основании данных случаев выявлены также три модели трансформации регионалистского движения как следствия потери ими репрезентативного потенциала. Первая модель предполагает трансформацию регионалистской партии в некоммерческую организацию или стремление к таковой (Моравия). Другой случай – трансформация регионалистского движения в другое движение (к примеру, дрейф в сторону этнической репрезентации в Южной Словакии). Наконец, наиболее очевидный вариант – фактическое исчезновение регионалистского движения (Шомодь). Безусловно, сценарии утраты репрезентативности регионализмом многообразны и контекстуально зависимы, однако следует заметить, что выявленные сценарии являются наиболее типичными на европейском пространстве.

Казаков А.А. (Саратов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского)

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ

Постоянно возрастающее влияние массмедиа на политическое сознание аудитории обуславливает необходимость разработки алгоритмов оценки качества медийных сообщений. Существует целый ряд общедоступных компьютерных программ и сервисов, с помощью которых можно определить конкретные характеристики медиатекстов и тем самым расширить спектр способов выявления манипулятивных интенций их авторов.

Одним из таких инструментов является алгоритм определения степени удобочитаемости текстов. Рассчитываться он может по нескольким формулам:

$$\text{FRES: } 206,835 - 1,015 (tW / tS) - 84,6 (tSyl / tW),$$

где tW – общее количество слов (total words); tS – общее количество предложений (total sentences); $tSyl$ – общее количество слогов (total syllables);

$$\text{SMOG: } (1,0430 \sqrt{pSyl (30 / S)}) + 3,1291,$$

где $pSyl$ – количество слов, состоящих из трех и более слогов (polysyllables); S – количество предложений (sentences);

$$\text{ARI: } 4,71 (Ch / W) + 0,5 (W / S) - 21,42,$$

где Ch – количество символов (characters); W – количество слов (words); S – количество предложений (sentences);

$$\text{индекс М. Колеман и Т.Л. Лиану: } 0,0588 L - 0,296 S - 15,8,$$

где L – среднее число букв на сто слов (letters); S – среднее число предложений на сто слов (sentences);

формула читабельности Э. Дэйла и Дж. Чол:

$$0,1579 (dW / W) + 0,0496 (W / S),$$

где dW – количество сложных слов, то есть не попавших в число трех тысяч понятных (difficult words); W – количество всех слов (words); S – количество предложений (sentences).

Получаемые по этим формулам численные значения чаще всего ранжируются по шкале с диапазоном от очень легкого для восприятия текста (доступного для понимания даже ребенком 10-11 лет) до очень сложного (уровня выпускников вузов и выше).

Кроме этого, весьма показательным представляется анализ классической и академической «тошноты», а также «водности» текста. «Тошнота» определяется по самому частотному слову и рассчитывается как квадратный корень из общего числа случаев его использования. Считается, что показатели «тошноты» являются индикаторами натуральности текста и мерой их соответствия требованиям поисковых запросов: высокие параметры «тошноты» для поисковиков являются плохим знаком.

Схожим по механике расчета и одновременно противоположным по смыслу показателем является «водность» текста. Процент «воды» высчитывается как отношение незначимых слов (чаще всего к их числу относят широко распространенные фразы, термины, вводные слова – такие, например, как «однако», «так сказать», «всем известно», «тем не менее» и т.п.) к общему количеству слов. Иначе говоря, чем больше в статье значимых слов, тем меньше в нем «воды». Приемлемой в данном случае считается «водность» в диапазоне от 55 до 75%.

Наконец, весьма продуктивным также может быть использование закона Ципфа (эмпирической закономерности распределения частоты слов естественного языка, согласно которой слова первого ранга – наиболее часто используемые в речи – в два раза популярнее, чем второго, в три раза популярнее, чем третьего, и т.д.) и возможностей политической медиаметрии (оценка интенсивности освещения какой-либо темы и степени агрессивности информационной среды).

Применение названных выше аналитических инструментов способно наглядно продемонстрировать то, как (на языке какого уровня сложности, с использованием каких наиболее частотных слов и т.д.) в различных медийных источниках сообщается о тех или иных политических событиях или проблемах. Отчасти это снижает уровень субъективизма при оценке манипулятивного содержания медиатекстов и тем самым косвенно содействует повышению уровня медийной грамотности граждан.

Аналитический потенциал таких программ еще более увеличивается при условии параллельного использования качественных методов: в таком случае программное обеспечение становится действенным инструментом верификации результатов, получаемых по итогам качественной обработки информационных сообщений. При этом как качественные, так и количественные способы оценки медиасообщений, скорее, можно признать уделом профессионального сообщества. Однако в контексте распространения принципов медийной грамотности в этом также заключается определенная ценность: чем больше эффективных инструментов анализа материалов массмедиа будет находиться в распоряжении специалистов, тем легче в итоге будет проводить соответствующие исследования, а значит, тем более успешной будет и борьба против недобросовестного манипулирования общественным сознанием.

Казанцев Д.А. (Барнаул, АлтГУ)

МОЛОДЕЖНЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СУБЪЕКТАХ СФО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Во второй четверти XX в. оформляется теория и практика анализа социальных сетей, выделение этой сферы знания в отдельное научное направление связано, в первую очередь, с прогрессом в развитии социальных и математических наук. Концепция анализа социальных сетей изучает социальные связи между членами общества. Первопроходцами в этой теме стали Э. Дюркгейм, Я. Морено, С. Милгрэм, М. Кастельс, Э. Гидденс и другие. Позднее Б. Хоган, М. Ньюмен, Д. Фишер, С. Бауш, Д. Бойд и другие обогатили подход, рассматривая интернет в качестве фактора, влияющего на социальные связи.

Перспективным направлением для исследования становятся социальные связи патриотических сообществ молодежи, представленных в популярных онлайн социальных сетях, в том числе на примере субъектов Сибирского федерального округа (далее СФО).

В этой связи, осенью 2020 года состоялся кроссрегиональный массовый опрос учащихся 8–11 классов (объем выборки – 2050 человек, выборка квотная, гнездовая). Далее осуществлен отбор онлайн-групп, в которые входят школьники регионов СФО, в социальной сети «ВКонтакте», и проведен их эксплораторный статистический анализ. В качестве программы-помощника использовался парсер «ТаргетХантер», собирающий данные с открытых интернет-ресурсов и анализирующий информацию по ним на основе заданных характеристик.

Первые данные по исследованной с помощью парсера выборке в размере более 2 млн. человек позволяют сделать определенные выводы. Во-первых, после изучения целевых социальных групп и их подписчиков, были определены приоритетные для изучаемой группы сообщества. Так оказалось, что среди 200 групп, на которых были подписаны респонденты, большинство сообществ носят развлекательный характер, а сообществ, создающих контент патриотической или околопатриотической тематики, не наблюдается. Во-вторых, с помощью соответствующих инструментов парсера – «Популярные репосты» и «Активности» – были проанализированы два самых частотных действия респондентов. Их анализ позволил сделать вывод о приоритетах школьников в типах контента и действий в изучаемых сетевых группах. Чаще всего респонденты выполняют действия «Лайк» (отметка понравившегося материала в социальных сетях) и «Репост» (публикуют материалы на свою страницу в соцсети). При этом в основном отмечают и копируются материалы с аудио- и видеовложениями (музыка, видеоролики), а также многочисленные посты с конкурсами и розыгрышами.

На заключительном этапе исследования необходимо: 1) исследовать самые популярные сетевые сообщества социальной сети «ВКонтакте», работающие по патриотической тематике, 2) отфильтровать и проранжировать их по популярности (с помощью инструментов парсера), 3) провести параллельный анализу соцсетей фокус-группы исследуемых возрастно-социальных групп, 4) сопоставить ответы респондентов с данными программы.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

*Казанцева Е.С. (Москва, РГГУ), Киричек А.А. (Москва, РГГУ),
Переведенцев А.А. (Москва, МГИМО МИД России),
Чиж В.А. (Москва, РГГУ)*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН ВЫШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЕРКИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

На рубеже XX-XXI столетий мир претерпел множество кардинальных изменений. Произошел переход от биполярной к многополярной системе международных отношений, распространился интернет, а также весь мир охватил процесс глобализации. Институт дипломатии также изменился. В частности, сильно возросла роль публичной дипломатии. Сегодня она представляет собой деятельность государства и неправительственных акторов, осуществляемую посредством широкой коммуникации с общественностью других государств через публичные каналы взаимодействия с целью реализации своих национальных интересов. Ее наиболее популярными формами являются цифровая дипломатия, экспертная дипломатия, гуманитарная поддержка, а также образовательные программы.

Современных исследователей интересуют, в первую очередь, стратегии и реализация публичной дипломатии крупных государств, например, США или России. Процессы публичной дипломатии в небольших государствах остаются лишь частично исследованными.

Поэтому целью нашей работы является изучение форм и направлений осуществления публичной дипломатии стран Вышеградской четверки, интересных нам, поскольку в недалеком прошлом ее участники – Венгрия, Польша, Словакия и Чехия – являлись преимущественно объектами публичной политики глобальных акторов, а сегодня они фактически образуют альтернативный государствам «старой» Европы центр влияния в Европейском союзе.

Так как публичная дипломатия стран Восточной Европы фундаментально не исследована, наша работа может внести весомый вклад в решение этой проблемы. В ходе работы мы опирались на данные официальных сайтов государственных ведомств, которые занимаются реализацией публичной дипломатии Чехии, Польши, Словакии и Венгрии.

В результате исследования мы пришли к ряду важных выводов. Во-первых, зарождение институтов публичной дипломатии в рассматриваемых государствах знаменуется разным целеполаганием. В Польше и Венгрии публичная дипломатия послужила инструментом для вступления в Европейский союз, то есть, она осуществлялась с целью создать благоприятный имидж своего государства в глазах стран Западной Европы. В Чехии и Словакии публичная дипломатия, наоборот, получила развитие только после вступления в Европейский союз.

Во-вторых, в XXI веке, с развитием государств Вышеградской четверки, вектор осуществления ими своих методов публичной дипломатии смещается со стран Европейского Союза и становится более специфичным, а охват географических направлений расширяется. Так, Венгрия и Польша, в первую очередь, ориентированы на поддержку своих национальных меньшинств за рубежом, однако, как и Чехия со Словакией, они выделяют средства на различные программы на Западных Балканах, Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и некоторых странах Африки. Все страны в той или иной степени заинтересованы в продвижении своего имиджа и в США.

В-третьих, все четыре страны содержат целую сеть государственных институтов, занимающихся публичной дипломатией по вышеперечисленным направлениям (Министерства иностранных дел, посольства, культурные центры при посольствах и консульствах, культурные институты и т.д.). Особенностью польской дипломатии является государственный заказ на осуществление публичной дипломатии и присутствия государства с этой целью за рубежом, реализуемый через механизм тендеров, разыгрываемых департаментом публичной дипломатии Польши.

В-четвертых, наиболее распространенными формами публичной дипломатии стран Вышеградской четверки являются гуманитарное сотрудничество, образовательные программы и культурная дипломатия. Каждое из государств имеет сеть своих культурных центров в разных уголках света.

Перспективой дальнейших исследований может стать изучение публичной дипломатии и ее географических направлений стран Западных Балкан, поскольку они по-прежнему остаются на перепутье между Европейским союзом и восточным миром.

Казаринова Д.Б. (Москва, РУДН)

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР ДЛЯ ПОСТКОРОНАКРИЗИСНОГО МИРА В ГЛОБАЛЬНОМ, МАКРОРЕГИОНАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ⁹⁶

Глобальный экономический, социальный и политико-управленческий кризис 2008 г. не был преодолен, решение его было лишь отсрочено финансовыми вливаниями. Противоречия не были разрешены: глобальное неравенство росло, как и неравенство доходов внутри национальных государств. К 2020 г. кризисные явления накопились, проявляясь в популистских, антиистеблишментских трендах, что позволило говорить о закате либерального миропорядка. Коронакризис обнажил накопившиеся противоречия и выявил потребность в новом общественном договоре по аналогии с New Deal.

Поскольку коронавирус не покончил с глобализацией, как об этом поспешили заявить некоторые аналитики, а наглядно продемонстрировал ее оборотную сторону, в нынешнем глобализованном мире поиски нового общественного договора неизбежно будут вестись на глобальном уровне в поисках механизмов ответственного развития, на макрорегиональном уровне – солидарности, а на национальном уровне – стратегий антирискового управления.

На глобальном уровне коронавирус не только испробовал на прочность интеграционные группировки, но и выступил мощной «скрепой». В целом, согласно идее ИМЭМО РАН, коронакризис приведет к пониманию нового «ответственного развития» как ориентации на нематериальное производство и потребление, с опорой на нравственную мотивацию и политико-институциональное обеспечение вовлеченности граждан в реализацию важных для сообщества решений.

И до пандемии коронавируса было понятно, что большие социально-экономические сдвиги определяют необходимость нового общественного договора. По словам Ю.Н.Харари, прорывное развитие ИТ в сочетании с биотехнологиями до такой степени изменит человеческое общество (одним из эффектов этого изменения будет экономика пост-труда, универсальный базовый доход и массы низкоквалифицированных безработных, невостребованных экономикой и обществом), что обусловит необходимость переформулирования социального контракта.

Близкую по содержанию идею перспективного развития на глобальном и региональном уровне в пост-ковидном мире последовательно озвучивает директор Европейского регионального бюро ВОЗ Х. Ключе, говоря о культуре здоровья и экономике благополучия.

Идеи экономики благополучия берут свое начало в философии утилитаризма И. Бентама, а реальное развитие получили в последние годы в рамках подхода ОЭСР. Концепция экономики благополучия и соответствующих ей управленческих практик – условной «политики благополучия» – опирается на

96. Исследование подготовлено в рамках гранта РФФИ 20-011-31777 «Религиозные институты у эпоху общественных потрясений: стратегии, трансформация легитимации, ожидания общества»

более сложно измеряемые показатели, чем повсеместно распространенный ВВП. Если в предшествующие эпохи место страны в международном сообществе определялось исключительно военными победами, затем соревнованием по показателям ВВП, то теперь эти подходы пересматриваются в пользу различных индексов благополучия: Prosperity Index, разработанный Legatum Institute; Индекс человеческого развития ООН.

Комиссия Стиглица-Сен-Фитусси (СМЕРСП) предлагает учитывать при выработке политических и экономических решений в качестве переменных благополучия не только материальный уровень жизни (доход, потребление и благосостояние), но и здоровье, образование, социальную активность, включая работу, возможности политического влияния в управлении обществом, социальные связи и отношения, окружающую среду (настоящие и будущие условия); вызовы безопасности.

Происходит трансформация подходов к управлению социальным развитием, основанных исключительно на экономических показателях. Х.Рослинг на больших статистических данных убедительно показал, что для динамики национального благополучия большую роль играет здоровье населения, чем рост доходов. На глобальном уровне политико-управленческий дискурс постепенно концентрируется на факторах человеческого развития, образовании и здоровье населения, важность которых высветил коронакризис.

На региональном уровне важнейшей темой нового общественного договора после пандемии COVID-19 становится проблема региональной солидарности. Налицо противоречивые тенденции: европейская солидарность не прошла проверку на прочность, и национальный суверенитет укрепил свои позиции, с другой стороны – пандемия еще раз со всей очевидностью продемонстрировала жизненную необходимость в транснациональной кооперации в условиях глобальных вызовов. Соответственно, наиболее перспективными региональными политическими инициативами станут проекты по созданию взаимопомощи в области здравоохранения.

Исследование подготовлено в рамках гранта РФФИ 20-011-31777 «Религиозные институты у эпоху общественных потрясений: стратегии, трансформация легитимации, ожидания общества»

Калачева Е.С. (Москва, МГИМО МИД России)

РОЛЬ СПИЧРАЙТЕРОВ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США

В публичном пространстве США именно категорию спичрайтеров из целого ряда специализаций в политической коммуникации принято выделять и рассматривать как представителей политического класса, чья деятельность во власти настолько важна, что наряду с работой политиков находится в зоне общественного интереса.

Спичрайтеры являются героями многочисленных публикаций в ведущих общественно-политических СМИ США. Опция поиска по ключевому слову «спичрайтер» за 13 лет с 2006 по 2020 на сайте издания «Politico» предлагает 1800 публикаций (в среднем более 130 в год), «Washington Post» - 1400 (в среднем более 100 в год), «The New York Times» – 1700 (в среднем более 130 в год). На спичрайтеров в XXI в. возлагают ответственность не только за презентацию политического курса президента, но и за политические решения, принятые под их влиянием; появляются научные исследования о роли спичрайтеров в политике и администрации президентов США.

С XIX в. задокументированы свидетельства, позволяющие проанализировать практики их взаимодействия с президентами и факты об использовании ими возможностей участвовать в разработке и принятии политических решений. Первым неофициальным составителем речей для президента, чье влияние на публичную политику вызвало широкий общественный резонанс, стал А.Кендалл (1789 – 1869), которого называли «мыслительной машиной президента Джексона». Равных ему фигур со схожими функциями на политической сцене впоследствии долго не возникало, а институционализация спичрайтеров в штате Белого дома состоялась лишь в 20-х гг. XX в. Важно, что рекрутирование

в спичрайтеры происходило преимущественно не на основе профессионализма, а на основе единомыслия составителя речей с президентом, или приверженности идейно-ценностной платформе партии, которую он представляет. Многие повлиявшие на политику спичрайтеры начинали карьеру сразу с работы на президента (часто, но необязательно, в бытность его кандидатом, или политиком меньшего уровня), с идейной вовлеченностью связан и переход в спичрайтеры представителей иных профессий.

Определяющее влияние спичрайтера на президента и на всю государственную политику является крайним случаем, и казус А.Кендалла можно считать уникальным. Такой формат деятельности спичрайтеров как политическая инициатива (выдвижение для обсуждения различных проблем) более распространен. Среди причин его появления выделяются: а) право политической инициативы, делегированное спичрайтерам самим президентом (казус Л.Джонсона); б) проявление личной политической инициативы спичрайтера (казус Р.Рейгана и К.Хачикяна с легитимацией темы геноцида армян), в т.ч. по ужесточению проводимого президентом внутри- или внешнеполитического курса (берлинская речь П.Робинсона для Р.Рейгана «Разружьте эту стену!»); в) заполнение спичрайтером «вакуума», возникшего вследствие дефицита инициативы других чиновников (П.Робинсон и разработка образовательной политики США для второго срока Рейгана).

Также распространенным форматом деятельности спичрайтеров является участие в разработке и принятии решений, включая урегулирование кризисов - внутренних (Великая депрессия, «Новый договор» С.Розенмана и Ф.Рузвельта) и международных («Карибский кризис», Т.Соренсен и Д.Кеннеди); контроль за реализацией и поддержкой внешнеполитического курса президента (отказ от вмешательства в гражданскую войну в Сирии и «ядерная сделка» с Ираном – Б.Обама и Б.Родс, получение одобрения общества и конгресса на ведение войны в Ираке – Дж. Буш и М.Герсон); изменение политических принципов (публичная кампания С.Миллера и Д.Трампа, противоречащая ценностям США как иммигрантского государства).

Этот формат, как правило, зависит от выполнения как минимум одного из трех следующих условий: а) высокая оценка президентом профессионализма спичрайтера не только как составителя текстов, но и как политического советника, сопровождавшаяся его назначением на дополнительные должности (казусы президента Ф.Рузвельта и С.Розенмана, президента Дж. Кеннеди и Т.Соренсена, президента Р.Рейгана и К.Хачикяна, президента Б.Обамы и Б.Родса; б) спичрайтер разделяет идеи президента (так, М. Герсон разделял мессианство, присущее Д. Бушу, Б.Родс – критическую оценку Обамой прежней политики США на Ближнем Востоке, а С.Миллер – взгляды Д.Трампа на нелегальную иммиграцию); в) между спичрайтером и президентом складываются уникальные отношения взаимопонимания и доверия, о которых президент и его окружение оставляют личные свидетельства (Ф.Рузвельт и С.Розенман, Д.Кеннеди и Т.Соренсен, Д.Буш и М.Герсон, Б.Обама и Б.Родс).

Спичрайтерам принадлежит особая роль в политической коммуникации США, выстраивающейся в значительной мере вокруг публичных речей президента. Одновременно институционализация спичрайтеров в национальной администрации позволяет им, разделяя программу партии, выигравшей президентские выборы, явно и неявно участвовать в политике - как минимум в одном из трех установленных форматов такого участия: *влияние на президентов, политическая инициатива, участие в разработке и принятии решений.*

Кандыба Р.А. (Пятигорск, ПГУ)

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2021: БОРЬБА НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

До выборов в Государственную Думу остается менее года. Журналисты, обозреватели, политологи начинают активно строить прогнозы и озвучивать различные сценарии избирательной кампании. Прогнозы разнятся от сохранения статус-кво до ощутимого изменения расстановки политических сил. Анализ возможных сценариев развития политической ситуации порой напоминает мозговой штурм,

в котором вполне реалистичные варианты соседствуют с довольно фантастичными, причем вероятность их воплощения указывается далеко не всегда. Попробуем выделить особенности политической борьбы в предстоящей избирательной кампании.

В настоящее время в России социально-экономическая нестабильность, вызванная последствиями пандемии коронавируса, сочетается с политической стабильностью, обусловленной высоким уровнем поддержки населением правящей элиты, прежде всего президента В. Путина. Это связано с активной позицией действующего президента, его быстрой и действенной реакцией на возникающие угрозы, эффективным взаимодействием с правительством и парламентом. Как парламентская, так и непарламентская оппозиция практически не предлагали альтернативных мер по выходу из сложившейся ситуации. После внесения поправок в конституцию исключения фактора гарантированной смены президента в 2024 г. резко снизился уровень ожиданий политических перемен как среди политиков, так и рядовых избирателей, что, соответственно, уменьшает вероятность заметных перемен в результате выборов в Государственную Думу 2021 г.

Возможность прохождения в парламент одной или двух новых партий мы расцениваем как маловероятную, поскольку с 2003 г., несмотря на перемены в политической жизни, 5-процентный барьер преодолевали лишь 4 партии, причем с 2007 г. их перечень не менялся.

Для «Единой России» принципиальной целью остается сохранение конституционного большинства, то есть более 66% депутатских мест. Партия власти в нынешней Государственной Думе располагает фракцией в 338 депутатов, что составляет чуть более 75% депутатского корпуса (URL: <http://duma.gov.ru/duma/factions/>. Дата обращения: 3.09.2020). Следовательно, «Единая Россия» даже при потере до 9% численности фракции сохраняет полный контроль над Государственной Думой. В то время как небольшая вероятность снижения результатов «Единой России» по пропорциональной системе все же существует, партия сохраняет возможность повторить свой успех в одномандатных округах по системе относительного большинства, привлекая на свою сторону наиболее влиятельных региональных политиков и общественных деятелей. В тех округах, где у кандидатов от «Единой России» не будет однозначной уверенности в высоком электоральном рейтинге партии, они могут избрать стратегию собственного позиционирования в качестве самовыдвиженцев, пользующихся негласной поддержкой партии.

При восприятии итогов выборов в России с применением смешанной избирательной системы, как для представителей СМИ, так и для рядовых граждан характерно большее внимание к результатам по пропорциональной части. Так, в СМИ неоднократно можно было встретить утверждение о том, что выборы в Государственную Думу 1993 г. выиграла партия ЛДПР, получившая наибольший процент голосов по пропорциональной части избирательной системы, несмотря на то, что численность наиболее крупной фракции «Выбор России» была на 2 депутата больше, чем у ЛДПР (Аналитика и статистика. URL: <http://duma2.garant.ru/analit/1996/vs96/part1/ch01.htm>. Дата обращения: 2.09.2020). Следствием этого, по нашему мнению, будет продолжение острого соперничества между КПРФ и ЛДПР, прежде всего, по пропорциональной части избирательной системы, борьбы за символическое звание второй по значимости партии в стране после «Единой России». В этом соперничестве парадоксальным образом может возрасти значение электоральной поддержки «Коммунистической партии коммунисты России», которая способна отнять у КПРФ некоторое количество голосов, что с учетом почти равных результатов КПРФ и ЛДПР на выборах 2016 г. может иметь решающее значение.

В рядах партий второго эшелона, имеющих минимальные шансы прохождения в парламент, борьба развернется с главной целью – заручиться поддержкой не менее 3% избирателей, что позволит получить государственное финансирование. Партии, которые получают менее 1% голосов, вряд ли можно будет считать сколь-нибудь значимыми субъектами российской политики.

Итак, в условиях политической стабильности заметное изменение расстановки политических сил в Государственной Думе маловероятно. Основной целью для «Единой России» будет сохранение конституционного большинства, для КПРФ и ЛДПР – опережение ближайшего соперника по пропорциональной части избирательной системы, для наиболее влиятельных партий второго эшелона – получение не менее 3% голосов для обеспечения государственного финансирования.

Капицын В.М. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПАТРИОТИЗМ В СВЕТЕ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ (ИДЕНТИФИКАЦИОННО-СИМВОЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Один из путей выработки взвешенного научного подхода к исследованию патриотизма – идентификационно-символьный анализ.

Символ включает: а) знаки, соединяющиеся с образом, что придает последним усиление, в том числе, благодаря повторению действий (обряд, церемония, ритуал, тиражирование) и благодаря метафорам; б) идею (миф) о смысле, ценностной основе, что дает образу «духоподъемную силу». Здесь играют свою роль социокультурный контекст и институты-трансляторы символов.

Символы происходят от знаков и образов неординарных действий и событий, их воспроизводящих, и являются материалом для конструирования объединяющих исторических идентичностей. Последние в качестве основных символов включают подвиги героизма, в том числе, ратные подвиги. Многие государства возникали как результат войн. Ф. Бродель пишет, что современное государство зарождалось из потребностей войны. Артиллерия, военный флот, растущая численность сухопутной армии требовали всё новых средств на их содержание. Современное государственное устройство было создано войной («матерью всего»). Поэтому историческая идентичность многих государств выражает влияние войн, особенно войн за объединение или независимость, национальную свободу, веру.

В России также особую роль в формировании патриотизма и исторической идентичности играли институты ратной деятельности: служба в армии в разных её видах (стрелецкая, рекрутская, всеобщая воинская обязанность, профессиональная), реестровое казачество и офицерство. А также такие символы коллективной идентичности как народные ополчения – «гражданские» ратные дружины из дворян, крестьян, мещан, в частности первое и второе ополчения 1612–1613 гг. (в честь последнего учреждён государственный праздник 4 ноября), ополченцы в Крымской войне 1853–1854 гг., Отечественной войне 1812 г., Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Историческая идентичность предполагает наличие *устойчивого ценностного «ядра»*, содержание которого передаётся, прежде всего, понятием «патриотизм». Есть удачное определение у Гегеля о патриотизме как умонастроении, готовности отдать свое достояние и жизнь ради целого в народе тем более, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по собственной воле и самостоятельно, и чем больше доверия он испытывает к государству. Гегель отмечает две составляющие патриотизма – политическую («доверие к государству») и социальную («ради целого в народе» – любовь к своей культуре, земле, родине), что подводит исследователя к выделению патриотизма как ценностного «ядра» исторической идентичности.

Для анализа объединяющей исторической идентичности создается модель, показывающая конструирование «частичных» идентичностей, группировку их в двух конфигурациях: а) социальной – восприятия повседневности, например, языка, религии, культуры; б) политической – конструирование идентичностей гражданства, государственности, а затем соединение этих конфигураций в исторической идентичности. Для понимания «частичных» идентичностей используем образы «горизонтального» и «вертикального». «Горизонтальная» конфигурация (социальная идентичность) включает знаки (факты), отражаемые в повседневном сознании людей и локальных сообществ, а «вертикальные» – способы представление прав, участия в политике.

Кардава Н.В. (Москва, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН)

НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ СРЕДИ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Для характеристики политики национального государства в области обеспечения кибербезопасности целесообразно рассмотреть опыт Германии как крупнейшей по политическому влиянию и экономическому развитию страны ЕС. Следует отметить, что в Германии создана целая сеть государственных ведомств и компаний, которые занимаются вопросами обеспечения кибербезопасности и регулирования киберпространства. При этом подход Германии к политике обеспечения кибербезопасности носит фундаментальный и комплексный характер при активном участии спецслужб. В частности, ФРГ так же, как США и Великобритания, использует комбинирование киберопераций с радиоэлектронной разведкой.

В 2009 г. Германия утвердила Закон об укреплении безопасности в сфере информационных технологий Федерации. В начале 2011 г. была принята «Стратегия кибербезопасности для Германии». В связи с появлением новых угроз для киберпространства ФРГ в 2016 г. была утверждена новая «Стратегия кибербезопасности для Германии 2016». Власти ФРГ в качестве приоритетных в своей политике в сфере киберпространства считают следующие сферы: 1) безопасная и автономная работа в цифровом пространстве; 2) совместные потребности кибернетической безопасности государства и экономики; 3) мощная и устойчивая общегосударственная архитектура кибербезопасности; 4) активное позиционирование Германии в европейской и международной политике кибербезопасности.

Однако даже в такой передовой и развитой стране Европейского союза, как ФРГ, существует целый ряд проблем, которые преимущественно связаны с политическими вопросами и вопросами безопасности. Первая проблема, это вопросы обеспечения кибербезопасности в политической сфере. Так, 29 марта 2017 г. неизвестные хакеры попытались проникнуть во внутреннюю компьютерную сеть немецкого парламента Бундестага. Одной из целей атаки стала депутат от партии «Зеленые» Марилуизе Бек. Как затем выяснилось, среди серверных подключений эксперты по кибербезопасности наткнулись на израильский новостной веб-сайт. Вторая, не менее важная проблема – это вопросы кибербезопасности в военной сфере. Только за первые 9 недель 2017 г. было совершено почти 300 тысяч кибератак на компьютеры бундесвера. Для того, чтобы Германия могла обеспечить собственную кибербезопасность, ей необходимо вложить в эту сферу 50 млн. евро на 2019-2020 гг. Это решение связано с тем, что правительство Германии приступило к созданию нового национального агентства по регулированию киберпространства. Данное ведомство носит название «Агентство по инновациям и кибербезопасности». Третий вызов – проблемы кибербезопасности для критически важной инфраструктуры Германии. Неслучайно в марте 2017 г. канцлер Германии А. Меркель во время встречи с членами Ассоциации региональных коммунальных предприятий предупредила их об угрозе кибератак на критическую инфраструктуру Германии.

Стоит, также сказать несколько слов о взаимных обвинениях между РФ и ФРГ в связи с кибератаками, которые иногда приводят к политическому и дипломатическому кризису в двухсторонних отношениях. В августе 2020 г. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил, в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел ФРГ Хайко Маасом, что Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ), уже довольно давно действующий в России и имеющий ряд партнеров, в том числе, и в ФРГ, зафиксировал 75 хакерских атак, которые были сделаны за период всего 2019 г. и первые пять месяцев текущего 2020 г. Все эти атаки были инициированы в германском сегменте Интернета, а их целью служили различные российские ресурсы, преимущественно государственные.

Качусов Д.А. (Барнаул, АлтГУ)

РОЛЬ ДВИЖЕНИЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Патриотизм – сложный и многокомпонентный феномен общественной жизни, служащий одной из основ целостности общества, способствующий формированию активной гражданской позиции человека, пониманию причастности к судьбе страны, ответственности за ее будущее. На локальном уровне патриотизм тесно переплетается с идеей привязанности к «малой родине», определенному региону или населенному пункту, ощущению себя не только россиянином, но и жителем вполне определенной территории. Местные патриотические движения, в данном случае, занимаются поиском и конструированием «точек притяжения» (памятных мест, событий, известных людей и т.д.), делающих привлекательным для граждан ассоциирование себя с местом проживания.

Региональные патриотические организации – направление массовых форм гражданской активности, в значительной мере основанное на традициях советской патриотики и, как правило, активно поддерживаемое государством. Нередко подобные движения региона или конкретного города являются частью общероссийской системы, входят в общефедеральные организационные структуры или действуют в рамках утвержденных федеральным правительством программ.

Одним из наиболее многочисленных и институционализированных видов патриотических движений являются ветеранские организации участников боевых действий, служащих вооруженных сил и правоохранительных органов, а также некоторых промышленных предприятий. Как правило, городские организации ветеранов входят в состав региональных и даже всероссийских объединений, имеют фиксированное членство, определенную организационную структуру и руководящие органы. Кроме основной своей функции, они нередко возлагают на себя задачи сохранения страниц местной истории и патриотического воспитания подрастающего поколения.

Очень распространенная и давняя форма участия граждан в патриотическом движении – местные краеведческие музеи или отдельные экспозиции, созданные и сохраняемые самими жителями. Как правило, они существуют в большинстве школ и других образовательных учреждений региональных центров. Данные музеи могут быть посвящены разным локальным темам, таким как история города или его части, биография выдающихся уроженцев и выпускников, военная история и боевая слава определенных подразделений и т.д.

Также исторические сообщества могут иметь формат краеведческих объединений, клубов по изучению локальной культуры, народного искусства и промыслов, военно-исторического наследия и др., объединяющих активных граждан по интересам на основе региональной или местной идентичности, и направленные на привлечение не только детей и подростков, но и взрослых участников.

Неотъемлемой частью историко-патриотического движения являются поисковые отряды, ставящие целью увековечивание памяти земляков-участников Великой Отечественной войны. В регионах они функционируют в рамках региональных подразделений общероссийской организации «Поисковые отряды России» и пользуются поддержкой федеральных структур, в том числе Министерства обороны РФ.

Нельзя не упомянуть такую форму участия граждан в движении, как объединения военно-спортивной направленности, направленные, прежде всего, на вовлечение подростков в процесс патриотического воспитания, и тесно связанную с учреждениями системы образования. В данном ключе школы и ССУЗы активно сотрудничают с общероссийскими организациями данного профиля, в частности, с отделениями ДОСААФ и Юнармии. Совместными силами проводятся военно-спортивные игры, стрельбы, знакомство с основами армейской жизни, организация выставок и демонстраций вооружения, проведение вахт памяти и т.д. Военно-спортивные и военно-патриотические клубы

и объединения, как правило, обладают фиксированным членством и четкой (военизированной) структурой. В то же время, несмотря на преобладание целом общенациональной повестки в их деятельности, активно эксплуатируется и местный символический ресурс.

В целом, рассматривая весь спектр общественных движений патриотической направленности, можно выделить два основных вектора их деятельности. Первый – решение всероссийских задач по патриотическому воспитанию молодежи и пропаганде патриотизма среди взрослого населения. Эти вопросы решают военно-спортивные, поисковые и ветеранские организации, находящиеся в рамках общенациональных структур и использующие элементы локальной идентичности как дополнительный ресурс мобилизации. Второй – это сохранение и раскрытие собственно локального исторического наследия и формирование местной идентичности. Этим занимаются всевозможные местные музеи и историко-краеведческие объединения, как правило, существующие благодаря усилиям местных активистов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31061 ОПН.

Кашин Е.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ОБ ОСОБОМ ПУТИ РОССИИ

В нынешнее время появляются очень много теорий об «особенности» России и все они имеют собственную аргументационную базу и позицию по поводу развития страны. Многие идеи не покидают научную сферу, но есть и примеры, завоевавшие популярность в широких кругах. С XVII века в России, по мнению западных историков, происходило множество неудачных попыток вестернизации и модернизации страны. Руководствуясь критериями прогрессивности в эпоху Просвещения, Европа становилась мировым центром развития человеческой цивилизации и поэтому становилась всеобщим примером для подражания. Как показывают многие европейские исследования, мощь «Запада» формировалась за счёт неразвитой и дикой периферии.

Образ отчуждённой и отстающей России не редко выступал тоже как некая концепция «особого пути», например, у западников XIX века и некоторых современников. Подавляющее большинство не соглашалось с западными критериями развития. Выдвигали, что они не подходят для нашего государства и настаивали на «особенности» России (славянофилы, панслависты, приверженцы аграрного социализма, евразийцы и тд.). Исследуя их труды, можно сказать, что данное представление переросло в собственное превосходство. Произошло формирование собственного русского (евразийского, славянского) образа, который противостоит «культуре Западу».

У всех авторов концепций «особого пути» России имеются общие черты. Первая черта, отказ от гегемонии Запада, признание многовариантности исторического развития. Вторая черта, положительный взгляд на культурный разрыв России и Европы, именно в этом виделась «самобытность» нашей страны и наделялась положительными характеристиками.

Так в развитии концепций «особого пути» России можно выделить 3 этапа. Первый этап состоит из позиционирования «чистого» мессианства России, при котором идёт доминирование религиозных догматом на позиционирование страны и её идеал развития. Второй этап - это доминирование светских начал при опоре на абстрактные понятия, которые формировали политику власти и общественное мнение о процессах в стране. Третий этап – это поиск причин такого положения государства, разработка теорий «особой» модернизации. При этом концепции авторов всех этих этапов имеют своих последователей в современной России. Это подтверждается распространённость идей о «Третьем Риме», «евразийства» и «стабильного отставания». Так же они говорят об отсутствии единого взгляда на вопрос развития. Но стоит сказать, что идеологическая концепция цивилизации оказалась очень близкой к российской власти. В XIX веке, как правило, консерваторы, прежде всего философы Николай Данилевский и Константин Леонтьев, говорили об особой русской цивилизации. Покойный Сэмюэл Хантингтон думал в аналогичных терминах. Александр Дугин уже давно утверждает, что Россия — это не страна, а цивилизация.

Идея цивилизаций не очень совместима с либеральными концепциями глобализации и универсальности демократических ценностей, но соответствует деглобализационным трендам.

В своих работах российские и западные исследователи рассказывают, как в российском обществе развивалась идея о «своеобразии». Его истоки поэтому лежат в ортодоксальной идее пути к искуплению. Чтобы попасть на небеса и обрести вечное блаженство, русский верующий должен был идти по определенному пути: жить благочестивой жизнью и совершать добрые дела. Эта идея была поднята в середине XIX-го века в споре между славянофилами и западниками. А в XX веке русская «особенность» была в поисках идеального социализма. Сегодня теория превратилась в «основной механизм самоидентификации» для русских людей.

Керимов А.А. (Екатеринбург, УрФУ)

ШВЕДСКИЙ ПАРЛАМЕНТ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Достигнутый уровень социально-экономического развития и стабильности политической системы современной Швеции вызывает огромный интерес. Своими достижениями страна обязана, в частности, парламентскому институту, занимающему определяющее положение в политической системе государства и общества.

Парламент в Швеции появился в 1435 г. в городе Арбуге в результате народного восстания против короля Эрика Померанского. Первоначально он был однопалатным и в нем были представлены представители четырех сословий – крестьян, горожан, духовенства и знати. Дальнейшее развитие этого института совпало с буржуазно-демократическими преобразованиями шведского общества в начале XIX в. Буржуазия, укрепив свои экономические позиции, требовала и политических права через создание полноценного парламентского института с широкими полномочиями. Важной вехой в становлении шведского парламента стали реформы 1866 г., когда сословно-представительный Риксдаг был заменен двухпалатным парламентом, вследствие чего «политическая жизнь в Швеции превратилась в своего рода окопную войну между палатами риксдага, все законопроекты проваливались, не найдя поддержки первой палаты» (Вейбуль И. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1994. С. 97).

После Первой мировой войны в 1921 г. парламент Швеции приобрел реальный демократический характер, т.к. женщины также получили право избираться в Риксдаг. В 1971 г. парламент вновь стал однопалатным с общим количеством депутатов в 349 человек, а впоследствии срок полномочий парламента был увеличен с трех лет до четырех.

В шведский парламент кандидаты в депутаты баллотируются от политических партий. При этом институт «независимого кандидата» в Швеции отсутствует. Избирательный порог установлен в 4%. Законодательная инициатива, хотя и формально принадлежит правительству, тем не менее, депутаты этим правом располагают. Как во всех парламентах, законопроект направляется в соответствующий комитет Риксдага, который определяет ее дальнейшую судьбу.

В целом отметим, что шведский парламент обладает значительными полномочиями не только в области законодательного процесса, но и во многих других областях, таких как финансовые, контрольные полномочия и т.д. Например, парламент обладает весьма широкими полномочиями в вопросах взаимодействия с правительством: премьер-министр избирается Риксдагом по предложению его председателя, согласованному с руководителями партийных групп в парламенте; Риксдаг утверждает состав правительства, предложенный премьер-министром; правительству запрещается осуществлять внешние займы без разрешения парламента. Конституционная ответственность правительства выступает в виде юридической или политической ответственности: правительство целиком и министры по отдельности несут политическую ответственность за свою деятельность перед парламентом. Смена правительства возможна в случае выражения недоверия правительству со стороны парламента и в случае утраты правительством доверия парламента.

Таким образом, следует отметить, что парламент в Швеции является институтом, пользующимся уважением в обществе, обеспечивающим и поддерживающим эффективную систему сотрудничества между высшими органами власти, основанную на реализации принципа разделения властей, и осуществляющим контроль за деятельностью исполнительной власти. Этот институт прошел долгий путь в своем развитии и окончательно сформировался во второй половине XX в. благодаря демократизации политической системы и общества в Швеции.

Кленова М.А. (Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование политической активности молодежи в современном обществе приобретает особое значение не только для политологии, но и для всей социогуманитарной науки, включая социальную психологию. Транзитивность современного мира, информационные потоки, динамические изменения социальной среды – все это ставит перед молодым поколением новую задачу – активно включаться в социально-политические процессы. При этом, одним из факторов влияния на характер этой включенности является политическая культура.

Политическая активность молодежи является формой проявления социальной активности личности. При этом, социальная активность в социальной психологии рассматривается в двух аспектах: широком и узком. В первом подходе социальная активность определяет качество личности, связанное с ее социальностью, другими словами, это то качество личности, которое отражает ее готовность действовать в интересах социума. При втором подходе социальная активность понимается как интегративное качество личности, отражающее ее внутреннюю установку на взаимодействие с конкретной социальной общностью. Для всестороннего изучения феномена социальной активности необходимо комплексно изучать ее с этих двух указанных позиций. Социальная активность понимается нами как интегративное качество и самостоятельная, инициативная, целенаправленная деятельность личности, направленная на осознанное взаимодействие с социальной средой, осуществляющееся в процессе внутренней (психической) и внешней (практической) деятельности по преобразованию себя и социокультурной среды в соответствии с интересами общества.

Рассматривая политическую активность как форму проявления социальной активности, необходимо остановиться на специфических личностных особенностях человека, включающего себя в ситуацию взаимодействия с социумом. Проведенные ранее исследования показали, что политическая активность может также рассматриваться в двух основных аспектах⁹⁷. Первый аспект отражает негативное содержание политической активности, сосредоточенное в основном на связи политической и протестной активности. Во втором аспекте политическая активность молодежи рассматривается с точки зрения включенности личности в различные общественно-политические организации. Таким образом, структура исследования политической активности должна представлять собой системное изучение всех компонентов, где первое звено – это непосредственно прикладной аспект проявления политической активности в негативном (протестная политическая активность) или позитивном (участие в деятельности общественно-политических организаций) контексте. Второе звено – исследование политической активности как социально-психологического компонента личности. Завершающим этапом изучения политической активности выступает ее исследование как компонента политической культуры в целом, где представления о политической активности выступают интегративным показателем, создающим научное представление об одной из составляющих политической культуры.

В рамках проекта «Политическая культура студенческой молодежи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики» с опорой на обозначенные выше концептуальные основания предполагается провести исследование

97. Кленова М.А. Протестная активность и ее психологическое содержание в контексте социально-политической активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 4. С. 362-367.

форм социальной и политической активности студенческой молодежи в 10 регионах РФ, включая Саратовскую область, и выявить ее психологические детерминанты. Это позволит определить общее состояние политической культуры и разработать рекомендации по ее развитию в контексте актуальных тенденций вовлечения молодежи в социально-политические процессы, в том числе и в рамках мероприятий Государственной молодежной политики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31558опн «Политическая культура студенческой молодежи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики».

Клещенко Л.Л. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

«ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ» КАК МЕХАНИЗМ ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ МЕДИА

«Поколенческий разрыв» может проявляться в политике в электоральном поведении, протестном поведении, приверженности тем или иным политическим ценностям или идеологиям различными поколениями. Однако, не только сами поколенческие различия, но и их восприятие способно стать влиятельным фактором политического процесса. Стереотипные представления о молодости и старости включают в себя целый комплекс как позитивных, так и негативных смыслов, по этой причине, объективно существующие возрастные и поколенческие различия могут использоваться различными политическими акторами как метод политической борьбы: так, например, акцентирование внимания на негативных смыслах старения может стать аргументом в пользу ограничения продолжительности должностных полномочий носителя власти.

В настоящее время политизация поколенческих различий и использование метафоры возраста становится характерной чертой либерального политического дискурса, будь то противопоставление поколений («Молодежь против стареющих элит», «Эхо Москвы», 07.09.2020), героизация молодого поколения (Ольга Мисик – «девочка с Конституцией» – «лицо и голос» протестов лета 2019 г. «Эхо Москвы», 22.08.2019), или делегитимация власти «стариков», которым атрибутируются негативные «возрастные» качества: умственная и физическая неполноценность, недееспособность. Примечательно, что образы «старения» власти используются как при описании российской, так и зарубежной политики («Лукашенко – чумной дед» «Эхо Москвы», 14.08.2020), «Споры о деменции. Гонка кандидатов преклонного возраста» «Радио свобода», 11.03.2020; «Геронтократы Америки: возрастные кандидаты вступают в схватку за Белый дом» «Новая газета», 15.01.2020). Репрезентации власти как устаревшей, морально или физически, являются дополнительным аргументом в поддержку протестных движений, которые, напротив, олицетворяют молодость и стремление к переменам. В данном контексте освещаются в либеральном медиадискурсе СМИ протесты в Беларуси лета 2020 года: физическое старение носителей власти увязывается с ее несменяемостью, надежды на демократический транзит – с молодежью, родившейся на закате советского времени. Символическую сенилизацию власти используют не только СМИ, но и сами протестующие: один из лозунгов на демонстрации в Минске 16 августа: «Дед, прими таблетки!» («Esquire», 16.08.2020). Материалы либеральных медиа о событиях в Беларуси, использующие негативные смыслы старости, нередко прибегают и к аналогии с российской действительностью: «Вот что значит — жить четверть века отдельно от людей и совершенно не знать свою страну. И это урок не только для Лукашенко, между прочим» («Эхо Москвы», 14.08.2020).

Противопоставляя поколения, либеральные СМИ апеллируют к таким смыслам молодости, как обостренное чувство справедливости, чистота и непорочность, благодаря которым молодежь способна сыграть особую роль в политике («Студенты и молодежь – это же люди, которые острее всего реагируют на фальшь, на несправедливость» «Радио свобода», 07.09.2020). Дискурс оппозиции нередко использует представления о молодом поколении как воплощении чистоты и неиспорченности (Рябова, 2019)

Источником исследования являются материалы российских либеральных СМИ, печатных («Новая газета», федеральное издание) и электронных (блог А. Навального, интернет-сайт «Радио свобода», интернет-сайт «Эхо Москвы»). В качестве либерального дискурса в настоящем исследовании маркированы материалы, для которых характерна апелляция к таким ценностям, как частная собственность, правовое государство, права и свободы человека, свободный рынок, индивидуализм, политический плюрализм, демократия (Клещенко, 2019). Неотъемлемым атрибутом либерального дискурса в современной России становится оппозиция существующему политическому режиму. Целью исследования является выявление специфики использования метафор возраста российскими либеральными СМИ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта 20-011-31716 «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение.

Кныжова З.З. (Саратов, СГЮА)

КОММУНИКАЦИОННАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ ЧИНОВНИКОВ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ СТРАНЫ

Российских и зарубежных исследователей последнее десятилетие активно интересуют возможности коммуникационных площадок Интернета создавать политическую оппозицию, транслируя неподцензурные новости, сообщения, мысли. Феномен публичного хамства в очередной раз подтвердил важность Интернет-ресурсов в формировании информационной повестки российского общества.

Видео беседы министра занятости, труда и миграции Саратовской области Натальи Соколовой с саратовским коммунистом Николаем Бондаренко, записанное на камеру мобильного телефона вечером 10 октября 2018 г. отправилось в путешествие по Интернет-пространству, набирая на You-Tube-платформе сотни тысяч просмотров и тысячи комментариев. Оказалось, что при определенных условиях Интернет коммуникации способны вторгнуться в политическую повестку даже традиционных федеральных СМИ, а также задать тему журналистских запросов к власти.

На уровень федеральных СМИ скандал перешел 12 октября, когда вечером на Первом канале этот сюжет стал одной из тем программы «Время покажет». Российское общество приобрело интересный опыт обсуждения действий региональных чиновников. 6 декабря 2018 г. Медведев во время интервью пяти российским телеканалам отметил, что заявление Н. Соколовой и ей подобных – это проявления глупости. И собственно глупость заключается в недооценке влияния интернета. («Сейчас все это ментально попадает в сеть», отметил премьер-министр и добавил, что нужно думать, «прежде чем что-то изречь»).

Коммуникационная некомпетентность многих представителей региональной власти, не являясь секретом для власти федеральной⁹⁸, набирает актуальность пропорционально материализации возможностей информационного общества. Некомпетентность и диалектичность нравственной природы политической элиты сложно рассматривать как феномены исключительно постсоветской России, но целая волна связанных с ними скандалов – это, безусловно, влияние возрастающего уровня интерне-тизации страны.

Осенью 2018 года с помощью наглядного и жесткого урока (для региональных властей, поскольку многие герои скандалов лишились своих должностей) была продемонстрирована сила (модифицированной) четвертой власти – электронных СМИ (и сопутствующих им приложений и гаджетов). Однако,

98. Например, среди причин досрочной отставки и.о. губернатора Калининградской области Е. Зиничева в октябре 2016 года указывается некомфортность статуса «публичного политика». Умение чиновников поддерживать диалог с населением, работать с возражениями уже не первый год стоит в качестве ключевого показателя эффективности губернатора. Это не помешало А. Тулееву еще в статусе главы Кемеровской области в период протестов, связанных с пожаром в ТЦ «Зимняя вишня» в начале 2018 г., определить, что митингующие «это не родственники, а бузотеры».

казусы Соколовой, Глацких и др., как будто бы лишь подстегнули новых региональных чиновников (и журналистов) на участие в эстафете «спирали» хамства в следующем 2019 году⁹⁹.

Председатель Правительства РФ Д. Медведев в статье, опубликованной в «Известиях» 1 июля 2019 года, отметил, что в «Единой России» есть немало профессиональных политиков, проявляющих трудолюбие и внимательное отношение к людям. *«Но чаще на слуху совсем другие представители партии, те, кто не стесняется демонстрировать чванство и хамство вопреки всем принятым в нашем уставе этическим нормам».*

Отчужденность элиты от массы явление традиционное для российской (и не только) политики, но возникает вопрос, почему именно в данный момент проявилось и актуализировалось нерациональное поведение региональных политиков в пространстве публичной сферы?

Рациональное поведение представителей власти в ситуации тотальной цифровизации публичной политики предполагает осторожность и учет репутационных издержек скандальных замечаний, активно обсуждающихся в сетевом пространстве. Очевидная в исследуемых случаях нерациональность действий государственной элиты в условиях социального напряжения и повышения общественного контроля власти с помощью цифровых технологий заставляет задуматься о причинах и последствиях скандальных заявлений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Нарушение этических норм в региональных масс-элитных коммуникациях в период цифровизации публичной политики» № 20-011-32253

Ковалёв В.А. (Сыктывкар, Сыктывкарский госуниверситет)

BAD GOVERNANCE ПРОТИВ GOOD SOCIETY: ФАКТОР «НЕДОСТОЙНОГО ПРАВЛЕНИЯ» КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Термин «недостойное правление» применительно к характеристике политического режима уже был использован Владимиром Гельманом в одноименной работе (автор таким образом переводит словосочетание *bad governance*, однако можно перевести и как «плохое»). Нам это определение представляется и интересным и его можно использовать и несколько в ином ключе. Сам В.Я.Гельман определяет «недостойное правление», отталкиваясь от того, что понимается под этим аналитиками всемирного банка, как антипод правления «достойного». И в книге «Недостойное правление»: под ним понимается:

- отсутствие и/или извращение верховенства права;
- коррупция;
- низкое качество регулирования;
- неэффективность правительства. (Гельман 2019, с .88).

На наш взгляд, анализ *bad governance* будет весьма полезна для всех, кто занимается изучением постсоветской политики, но нам бы здесь хотелось, продолжая тему «недостойного правления», не ограничиваться просто рецензированием этой важной книги и кратко рассмотреть концепт «недостойного правления» в несколько иных аспектах.

Концепт «хорошего общества» выглядит, на первый взгляд довольно неопределенным и расплывчатым. Однако в отечественной литературе к нему уже обращались, например, В.Г.Федотова выпустила целую книгу, посвященную социально-философскому анализу «хорошего общества» в самых разных его аспектах. Дискурс о «хорошем обществе выходит» далеко за рамки какой-то одной обществоведческой дисциплины. Как пишет сама В.Федотова: «дискурс – это обсуждение проблемы в философии, науке и одновременно за их пределами» (Федотова, 2005, с.5).

99. Данная метафора отсылает к «спирали невежества», под которой понимается одна из моделей конфликтов в менеджменте (Anderson, L. M., Pearson, C. M. Tit for tat? The spiraling effect of incivility in the workplace // The Academy of Management Review. 1999. № 3. Pp. 452-471.), и к известной «спирали молчания» общественного мнения (Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996).

Дискурс о «недостойном правлении» в наших текущих обстоятельствах выглядит весьма злободневным, а при неизбежном усугублении кризиса его актуальность будет только возрастать. Вряд ли обществоведов – представителей «академического сообщества» стоит оставаться в стороне от обсуждения и анализа подобных проблем, продолжая работать в «парадигме освоения» достижений западной политической и социальной науки и/или мечтать о каких-то чудодейственных теоретико-методологических средствах анализа политики и общества, которые вдруг поднимут их понимание на небывалую высоту. В целом, а особенно в кризисных ситуациях, об обществах и странах в целом все же можно сказать, насколько хорошо или плохо они живут, а различные методики и индексы, используемые при этом (их анализ остается за пределами данного текста), при всех их недостатках и противоречиях, все же, в основном, согласуются со здравым смыслом и оценкой ситуации, свободной от пропаганды и идеологии.

В соответствии с подходом, который лежит в основе программы Всемирного банка... суть «достойного правления» составляет шесть главных параметров:

1. выборность и подотчетность властей;
2. политическая стабильность и отсутствие насилия;
3. эффективность правительства;
4. (высокое) качество регулирования;
5. Верховенство права;
6. Контроль коррупции. (Гельман, 2019, с. 86).

Эти (и подобные) параметры вполне измеримы и на этом основании можно выстраивать относительно объективные рейтинги и пр. Но вместе с пониманием того, что «достойное» и «хорошее» можно измерять, никуда не деться от того, что в русском языке слова «достойный/недостойный» имеют ярко выраженную этическую окраску.

При разговоре о политике следует, конечно, избегать пустого морализаторства, но в данном случае напрашивается другая аналогия – знаменитая «протестантская этика» Макса Вебера. Это огромная и очень спорная тема, к тому же, используемая для многочисленных спекуляций. Но веберовская идея о том, что сдвиг в религии и морали порождает важные экономические последствия остаётся крайне плодотворной. По аналогии можно сказать, что *bad governance* всегда действует против идеала *Good Society* и недостойное правление приводит к неизбежной «порче» политики, права, экономики, управления и культуры – значительно ухудшает жизнь большинства людей. Поэтому концепт «недостойного правления» представляется весьма полезным; он может способствовать «этизации» политической науки, развороту ее в сторону интересов гражданского общества (ущемленных в условиях *bad governance*) и отказу от позиции псевдоакадемической «объективности», оправдывающий на деле «недостойный» статус кво.

Литература:

1. Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге – 2019. – 254 с.
2. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция – 2005 – 544 с.

Козинцев А.С. (Москва, МГИМО МИД России)

РОЛЬ ИСЛАМСКИХ ПАРТИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Дискуссия о путях политического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки во многом связана с незавершённостью формирования нации-государства в незападных обществах. Исламская доктрина признает мусульманскую *умму* в качестве земного носителя верховного суверенитета. Отсюда следует, что органической формой религиозно-политической жизни для мусульман является

община/халифат. Заимствовав в ходе модернизации национально-государственную рамку политического развития, арабские правящие элиты столкнулись с необходимостью адаптации носителей и отчасти самих традиционных исламских ценностей и норм к современности. Одним из решений в ряде случаев оказалась легализация (полная или частичная) исламских движений и группировок, часть которых трансформировалась в политические партии. При этом их взаимодействие с обществом и государством не раз принимало форму открытого конфликта.

Исследование институционализации¹⁰⁰ исламских партий в контексте национально-государственного строительства в арабских политиях значимо для политической науки в нескольких аспектах. Во-первых, оно позволяет определить имеющиеся и возможные формы взаимодействия государства и исламских партий на Арабском Востоке. Во-вторых, оказывается возможным определить степень влияния исламских партий на формирование государства и национальную консолидацию. В-третьих, выявленные паттерны могут быть использованы в качестве аналитической линзы для оценки функций религиозных партий в других незападных обществах.

В ходе исследования предпринята попытка ответить на вопрос, каким образом институционализация исламских партий влияет на национально-государственное строительство в арабских странах. Его можно подразделить на несколько частей: (1) Как зависит уровень национально-государственной консолидации от включения/участия/исключения исламских партий?; (2) Почему в некоторых арабских политиях происходит включение исламских партий в публичный политический процесс, тогда как в других исламские партии превращаются в имитационные институты или исключаются?

Мы предполагаем, что национально-государственное строительство в арабских странах зависит от уровня институционализации исламских партий и способно принимать следующие формы:

- **Кооперативная:** Если исламская партия обретает (1) *внутреннюю устойчивость* (т.е. рутинизацию организационных процедур и поведения её членов) и (2) *способность идентифицировать себя* в восприятии граждан с исламскими нормами и ценностями, а также *транслировать их* в национально-политическую повестку, то наблюдается усиление национально-государственной консолидации, заключающееся в росте легитимности и открытости политических институтов. Высокий уровень институционализации исламских партий ведёт к формированию политической нации, где ислам оказывается вписан в цели национального развития. Таким образом, основная функция этих партий выражается в интеграции верующих в единое гражданское общество - «гражданскую умму».
- **Конкурирующая:** Если исламская партия не обладает внутренней устойчивостью (остаётся общественно-политическим движением или группой), но способна идентифицировать себя с исламскими нормами и ценностями, а также транслировать их в национальную политическую повестку, то фиксируется вызов стабильности государства и национальной консолидации, выражающийся в падении легитимности власти, исключении отдельных групп населения и росте давления на политическую систему в целом вплоть до возникновения внеинституционального насилия. Параллельно с государственным национальным проектом возникает конкурирующий, выражающийся в распространении традиционных норм и практик исламской доктрины (шариатизация).

Таким образом, представляется возможным типологизировать исламские партии по двум критериям: уровню институционализации (низкий/высокий) и функции (кооперативная/конкурирующая) в национально-государственном строительстве и ранжировать кейсы в двухмерном пространстве. Низкий – высокий уровень институционализации (x); шариатизация (исламский проект) – интегральная функция (y).

В качестве примеров кооперативной формы взаимодействия рассмотрены Партия справедливости и развития в Турции, Партия справедливости и развития в Марокко, партия «ан-Нахда» в Тунисе. В качестве конкурирующей – Партия свободы и справедливости («Братья-мусульмане») в Египте, организация «Справедливость и благочестие» под руководством А. Ясина в Марокко.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922.

100. Под термином «партийная институционализация» подразумевается постепенное обретение политической организацией устойчивых паттернов поведения в ходе легального участия в политическом процессе.

*Козлов Н.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ),
Переведенцев А.А. (Москва, МГИМО МИД России)*

ДЕМОКРАТИЯ УЧАСТИЯ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ПАРТИИ В ЕВРОПЕ: ТЕХНОПОПУЛИЗМ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Внедрение все новых цифровых технологий качественно преобразует социальный мир. Современные исследователи находят эмпирические подтверждения тому, что расширяющиеся с помощью Интернета сети коммуникации способствуют развитию гражданского активизма и в политической сфере: расширяется контроль за органами государства, люди объединяются в группы по политическим предпочтениям, дебатировать, подписывают петиции, создают политические движения.

Такие антиистеблишментские движения, возникшие в период мирового финансового кризиса 2008 года и последовавших мер жесткой экономии со стороны правительств государств Европы, особенно группы стран, получившей название «PIIGS» (Португалия, Ирландия, Италия, Греция и Испания), в некоторых из них стали основами весьма успешных политических партий нового электронного типа. К ним в первую очередь относятся «Движение 5 звезд» (Италия) и «Podemos» (Испания), а также ряд Пиратских партий в Чехии, Исландии, Швеции, Германии.

Отличительной чертой этих партий является не только декларация расширения народного участия в политике, но и включение своих сторонников в формы внутрипартийной демократии, напрямую влияющие на общий курс и тактическую деятельность организации. В связи с этим интересно, насколько такой дискурс соответствует реальному участию рядовых членов в партийном строительстве, а насколько является лишь проявлением технопопулизма.

Отвечая на этот вопрос, мы разработали и опробовали индекс внутрипартийной демократии участия, состоящий из 14 критериев, соответствие которым свидетельствует о максимуме возможностей для участия сторонников во внутрипартийной политике. Также с помощью контент-анализа партийных программ мы сопоставили декларируемый уровень демократии участия как цели политики и ее реальный уровень во внутренней организации, поскольку последний во многом определяет те курс и решения, реализуемые партией на уровне государственных институтов.

В исследованных нами кейсах наиболее успешных по доле занимаемых мандатов в парламентах электронных партий Италии, Испании и Чехии были выделены действующие инструменты внутрипартийной прямой демократии. В «Движении 5 звезд» и «Podemos» как партиях, функционирующих на основе цифровой платформы для решения всех вопросов внутренней и внешней повестки, действуют в целом идентичные механизмы демократии участия: свободная онлайн-регистрация в качестве члена, законодательная инициатива, которая в случае поддержки на внутрипартийном голосовании, направляется на разработку представителя партии в 3/д органе власти, голосование за позицию партии по вопросам государственной политики, подотчетность и обратная связь депутатов от партии и др. Несмотря на некоторые отличия, в целом внутрипартийный менеджмент в данных партиях схож, как и уровень демократии участия.

В «Пиратской партии» Чехии, согласно подсчитанному индексу, демократия участия оказалась на значительно более низком уровне, что объясняется совсем иной внутренней структурой: партия не отказалась от оффлайн съездов, на котором принимаются все ключевые решения, членство остается платным, а процесс вступления не таким быстрым. Тем не менее, через онлайн-ресурсы партии любой человек может обратиться со своей законодательной инициативной, на доступном всем зарегистрированным сторонникам онлайн-форуме регулярно обсуждаются вопросы партийной повестки и изменения в ее руководящем составе, что в той или иной степени компенсирует издержки традиционной структуры.

Сравнивая целеполагание партий по вопросу расширения возможностей участия граждан в политике, мы выявили, что наибольшая доля программного текста, посвященная развитию партисипаторной и электронной демократии, гражданскому контролю, содержится у пиратов, а у «Podemos» – самый низкий результат (менее 1%).

Все рассмотренные нами партии изначально являлись социальными движениями, возникшими после 2008 года и схожими своим антиэлитным дискурсом. А потому, по классификации С.Б. Волинецца, все они могут быть отнесены к партиям, стремящимся к реализации своего курса. При этом институт внутривнутрипартийной демократии участия «Движения 5 звезд» и «Podemos» также склоняет их к цели получения максимального количества голосов на выборах. Достаточно высокий уровень внутренней демократии, с одной стороны, не позволяет говорить о присутствии технопопулистских мотивов, но с другой – испытываемый ими кризис участия, часто объясняемый феноменом демократической усталости, не приводит к эффективной политике и реализации предвыборных обещаний. А «Пиратская партия», как не парадоксально, минуя проблемы демократической усталости за счет значительно более вертикальной структуры, может более продуктивно добиваться реализации своих программных целей. Неисследованным по-прежнему остается будущее таких партий в случае прихода к власти, с чем столкнулось итальянское «Движение 5 звезд» в 2019 году.

Козлова Н.Н. (Тверь, ТГУ), Рассадин С.В. (Тверь, ТвГТУ)

ПОЛИТИЗАЦИЯ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РФ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

В современном мире вопросы семьи и демографии рассматриваются как в рамках публичной, так и приватной сфер. Стратегии политизации и деполитизации проблем напрямую связаны с конструированием политического поля, практиками политической (де)мобилизации. Согласно Л.Е. Филипповой, «политизация означает возникновение возможностей артикуляции социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания, а деполитизация – отрицание конфликтности, упразднение возможности выбора и разрушение правил политического взаимодействия» (Филиппова, 2018). Исследователи выделяют три типа деполитизации: 1) «делегирование» – процесс, связанный с «технократизацией» политики, предполагающей значительную роль экспертов, 2) приватизация – переход проблемы из публичной в частную сферу, 3) отрицание – отрицание любого наличия выбора (там же). Проанализируем в этом контексте документы федерального и регионального уровня, формирующие официальный публичный дискурс государственной семейной политики в современной России.

Необходимость разработки и реализации Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 (2014 г.) (далее – Концепции) объясняется законодателями «стоящими перед обществом задачами социально-экономического и демографического развития» (URL: <http://government.ru/docs/14494/>). По словам Е.Б. Мизулиной, принятию Концепции предшествовала многолетняя работа экспертного сообщества Госдумы, а сам проект обсуждался на различных научных и общественных площадках (Государственная семейная политика в РФ, 2014). Заявление депутата, видимо, надо интерпретировать в контексте легитимации Концепции демократическими, т. е. политическими способами.

Для определения тенденции (де)политизации важно определить не только количество субъектов разработки и реализации Концепции, но и наличие альтернативы/конкуренции проектов на стадии разработки. На наш взгляд, альтернативных программ, артикулирующих проблемы семейной политики, не было. Близким по направлению являлся законопроект ФЗ РФ «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации», снятый с повестки Госдумы в 2018 г. В случае принятия данного закона права женщин, в том числе женщин-матерей, получили бы более четкие гарантии. Однако обсуждение указанного законопроекта продемонстрировало процесс политизации гендерной проблематики. По нашему мнению, принятие Концепции необходимо рассматривать как один из способов деполитизировать гендерный вопрос. «Сохранение традиционных семейных ценностей», заявленное в Концепции, представляется разработчиками деидеологизированным конструктом, отражающим только здравый смысл. С нашей точки зрения, такая позиция маски-

рует «идеологию традиционных ценностей». В Паспорте госпрограммы Тверской области «Развитие демографической и семейной политики Тверской области» на 2020–2025 годы в пункте 28 указано, что «одной из основных причин низкой рождаемости населения демографами называется “расшатывание” традиционных семейных устоев, разрушение традиционного института брака как договора, в котором муж обязывается содержать семью, а жена рожать детей и вести хозяйство» (<http://docs.cntd.ru/document/561773090>). Кроме того, указанный документ изобилует различного рода статистической, технической и др. информацией, но ссылки на конкретные исследования или экспертов отсутствуют, что также свидетельствует о деполитизации, выраженной в «технократизации» политики, при которой принятие решений делегируется от выборных органов «экспертам» по демографии, социологии и т.д.

Итак, деполитизация государственной семейной политики осуществляется в РФ по первому и третьему типу: проблемы материнства квалифицируются как неполитические, решения по которым могут быть делегированы экспертам, объявляются безальтернативными, поскольку базируются на идеологии традиционных ценностей. При этом деполитизация подразумевает вытеснение политических субъектов «неполитическими», в данном случае «женщин» – «матерями». «Матери» создаются официальным дискурсом как деполитизированные публичные акторы. В целом, проблема заключается в том, что деполитизация позволяет замаскировать противоречия, но не разрешить их, а потому ожидать от реализации государственной семейной политики значительных результатов не стоит.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31701 «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (2020).

Литература:

1. Филиппова Л.Е. «Политизация» vs «деполитизация»: поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля // Политическая наука, 2018, № 2. С.95–115
2. Государственная семейная политика в РФ. Сборник материалов. М., 2014. С. 5

Кольба А.И. (Краснодар, КубГУ)

ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА В КОНФЛИКТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. КРАСНОДАРА)

Эмпирические данные, представленные в докладе, получены в ходе экспертного опроса, проведённого в августе 2020 г. Исследование охватывает три крупных региональных центра - Воронеж, Краснодар и Ярославль. В качестве экспертов выступили городские активисты, руководители подразделений муниципальных органов власти, представители академического сообщества. В публикации представлены данные, полученные по Краснодару.

Основой формирования городских сообществ, по мнению большинства экспертов, является наличие в крупных городах конкретных проблем требующих решения. Были также отмечены важность таких факторов, как соседские отношения, наличие личных контактов членов сообщества и потребность горожан в самореализации, организации досуга. Рост численности членов сообществ возможен при наличии целенаправленной деятельности их лидеров, наличия ресурсов для удовлетворения потребностей, а также необходимости защиты самих сообществ. Конфликты, в которые вступают городские сообщества, как правило, способствуют их развитию, качественному и количественному росту. При этом на сообщества со слабой структурой они могут повлиять отрицательно, привести к их дезинтеграции.

Характеризуя внешние коммуникации городских сообществ в условиях конфликта, эксперты отмечают наибольшую значимость публичных интернет-каналов (открытых групп в социальных сетях, интернет-СМИ). Определённую роль играют и оффлайн-каналы (собрания, встречи, совещания). С точки зрения внутренних коммуникаций публичные каналы в интернет-среде также важны, но на первый план выходят непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры).

Возможности лидеров и активистов сообществ оказывать влияние на урегулирование конфликтов прежде всего связываются с их общественным статусом (известность, популярность в городе, членство/лидерство в общественной организации). Значение также имеют наличие широкой поддержки со стороны сообщества, большого количества сторонников и личные качества лидера (умение вести переговоры, создавать коалиции, привлекать сторонников, убеждать оппонентов, наличие харизмы, уникальных личностных свойств и характеристик). Роль лидеров в сообществе отмечается как существенная, а устойчивость их структуры чаще всего обеспечивается наличием двух-трёх лидеров, которые могут успешно подменять друг друга. Возможны также варианты с одним лидером или наличием «ядра» активистов из нескольких человек. Сообщества без ярко выраженных лидеров - редкость.

Определение целей сообществ как субъектов конфликтов даёт широкий разброс мнений. Среди таковых выделяются и решение проблем в рамках конкретной городской территории, и решение общегородских проблем, и продвижение лидеров и активистов в муниципальные структуры власти, дающее возможность влиять на городскую политику. Таким образом, сообщества предстают как группы с многовекторной деятельностью. При этом эксперты, как правило, считают, что для достижения целей в конфликте наиболее эффективны «двухуровневые» сообщества, объединяющие территориальные сообщества и общегородских гражданских лидеров.

Единодушно опрошенные в отношении того, что за последнее десятилетие влияние городских сообществ на разрешение городских проблем усилилось, приобретя более конструктивный характер. Но также консолидирована и оценка, согласно которой городские сообщества могут оказывать существенное влияние на конфликты, но у них недостаточно ресурсов, чтобы реализовывать свои цели на постоянной основе. Сферой наибольшего влияния сообществ считается развитие общественных пространств города. Также часто фигурируют в ответах упорядочивание градостроения, борьба с хаотичной застройкой, развитие городской инфраструктуры, транспорта. Отмечается борьба с нехваткой мест в школах, детских садах. Характерно, что никто из экспертов не указал их роль в формировании представительных и исполнительных органов муниципальной власти. Исходя из этого, можно утверждать, что несмотря на рост субъектности сообществ, она ещё недостаточно развита, чтобы получить доступ к некоторым видам ресурсов, значимым для ведения публичной деятельности (в частности, к политическим ресурсам).

Ограничения, вводимые в связи с пандемией, замедлили как развитие городских конфликтов, так и интенсивность деятельности сообществ. Экспертами отмечаются некоторые новые формы их активности, развивающиеся с помощью интернет-коммуникаций, и формирование новых точек конфликтности, связанной с выдачей пропусков для передвижения по муниципалитету и региону, закрытием детских садов и ограничением доступа к некоторым государственным и муниципальным услугам.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00571 А «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

Комаров О.Е. (Ярославль, ЯрГУ им.П.Г. Демидова)

ПЕРСПЕКТИВЫ КРАУДСОРСИНГА В ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ

Вызовы и возможности, которые стоят перед современным обществом, во многом обусловлены тем, что объём и масштаб задач, стоящих перед различными акторами политической и общественной жизни, не позволяют им опираться только на собственные силы и решать существующие проблемы самостоятельно. Ведущей тенденцией является усиление политического дискурса посредством его виртуализации и использования новых информационно-коммуникационных технологий, благодаря чему особую значимость обретает внедрение краудсорсинга в деятельность органов управления.

Краудсорсинг представляет собой безвозмездное или за небольшую плату привлечение большого круга лиц для решения конкретных задач. Ключевыми условиями и факторами формирования данной

технологии и последующего внедрения в деятельность органов управления следует отметить следующие: высокий уровень гражданской активности и ответственности населения, наличие гражданского общества, культура открытости, высокий уровень доверия и легитимности, наличие информационного и сетевого обществ, развитие Интернета и информационно-коммуникационных технологий, оперативная горизонтальная коммуникация, мотивация.

Данная технология является потенциально эффективным и результативным механизмом генерации идей и решений, при этом её потенциал максимально ещё не раскрыт. Среди возможностей в процессе реализации данной технологии органами управления особо можно выделить следующие: поиск и генерация новых идей и решений, контроль качества ранее принятых решений, возможность получения эффективного варианта решения существующей проблемы, снижение затрат на ресурсы, поиск талантливых людей со всего мира, повышение узнаваемости бренда, повышение уровня доверия и другие. К типам барьеров следует отнести следующие: барьер финансирования, неэффективная реклама проектов, отсутствие мотивации участников, неравноценная конкуренция, технологический барьер, психологический барьер, коммуникативный барьер, отсутствие самокритики органов управления, административный барьер.

В ближайшем будущем для увеличения эффективности реализации данной технологии необходима целенаправленная трансформация инструментария краудсорсинга с сохранением базовых принципов, что позволит максимально результативно применять данную технологию при значительном снижении влияния существующих недостатков. Следует предположить, что краудсорсинг из сообщества заинтересованных любителей трансформируется в экспертное сообщество с обязательной ужесточённой системой регистрации. Реализация краудсорсинговых проектов станет обязательным требованием для региональных и местных органов управления с непосредственной ресурсной поддержкой государства и размещением информации о данных проектах на официальных порталах органов власти. Будет внедрена многосторонняя система контроля, которая предполагает многоуровневую фильтрацию предложений и идей со стороны органов управления и возможность открытой проверки данных всех процессуальных этапов для участников краудсорсинговой платформы. Доступ к возможностям краудсорсингового проекта будет открыт в зависимости от места проживания потенциальных участников. Меры поддержки и вознаграждения участников не будут ограниченными только лишь социальными мотивами, они приобретут материальный характер. Обязательным инструментом краудсорсинга станет независимое и открытое рейтингование участников и исполнителей. Внедрение системы санкций для исполнителей, которая сформирована на основе рейтинга и качества реализации представленных предложений, позволит увеличить степень персональной ответственности за решение поставленных задач.

Новая форма краудсорсинга выступит в качестве инструмента для сотрудничества и кооперации власти и общества для решения общих задач, что является прекрасным шагом на пути к формированию доверительных, партнёрских отношений в государстве, исключающих социальное напряжение.

Доклад подготовлен в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности»

Комшукова О.В. (Москва, НИУ ВШЭ)

СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ

Являясь институтом смешанной, политико-правовой природы, Конституционный суд РФ неизбежно связан не только правовыми, но и политическими мотивами при постановке своих решений. Решения этой судебной инстанции могут обладать свойством легитимности не только с правовой позиции, понимающей легитимность в узком смысле (с точки зрения юридического позитивизма) как легальность, т.е. законность, но и с политологической точки зрения, предполагающей более широкую трактовку

понятия легитимности и включающей в себя наряду с легальностью дополнительные качества, такие как признание решения в качестве справедливого (подкрепление решения авторитетом, традициями, поддержкой общественного мнения и т.д.). Изучение вопроса легитимности решений органов конституционного правосудия и роли таких судов в политической системе и режимной трансформации является одним из передовых направлений зарубежной политической науки. Однако в отечественной правовой и политической науке легитимность решений Конституционного суда РФ практически не исследуется, хотя о необходимости такого исследования свидетельствуют многочисленные научные споры о качестве судебных решений и неправовых мотивах принятия некоторых постановлений Конституционного суда РФ, а также отдельные научные работы, изучающие роль этого института в политической системе России.

Легитимность является неотъемлемым свойством судебного решения и определяется как производная оснований легитимности двух типов – легитимности деятельности Конституционного Суда РФ как института, и легитимности непосредственно судебного решения. Формирование первого свойства зависит от полномочий Суда и роли в политической системе России, определенной действующим законодательством, текущим историческим моментом и социально-политическим контекстом. Второе же свойство зависит непосредственно от Суда и его целенаправленной деятельности по формированию и обоснованию решения по конкретному правовому вопросу - аргументации. Следует также выделять виды легитимности в зависимости от ее источника, а именно правую и отличную от правовой – культурную, религиозную, традиционную, историческую, идеологическую и пр. Легитимация решений Суда представляет собой процесс наделения решения свойством легитимности, которая может осуществляться Судом с помощью различных стратегий – правовой, политической, смешанной.

Стратегии, используемые Судом для легитимации своих решений, объективируются непосредственно в тексте решений и могут быть установлены путем анализа их содержания и отражаются в аргументации Суда. Методологический подход, условно разделяющий признаки правовой и политической аргументации, позволяет выявить в текстах знаковых (резонансных) решений Суда конкретные стратегии легитимации.

В результате проведенного анализа установлены черты, характерные для Суда как института, функционирующего во взаимосвязи с другими элементами политической системы. В связи со спецификой своих полномочий, наибольшее взаимодействие осуществляется между Конституционным Судом РФ и законодательным органом власти, представленным Государственной Думой и Советом Федерации. Суд оценивает принятые законодательством акты на соответствие Конституции, а также частично выполняет правотворческие функции, непосредственно – занимаясь толкованием Конституции и создавая новое нормативное понимание конкретного правового вопроса, а также косвенно - адресуя рекомендации по совершенствованию законодательства. Характерной чертой ряда решений, принятых Судом после 2009 года, является принятие решений о соответствии проверяемых правовых актов Конституции, но только в выявленном судом конституционно-правовом смысле. Такой подход свидетельствует о лояльном подходе Суда к законодателю и формальное отсутствие конфликта в их позициях. Он также корреспондирует публично декларируемым намерениям Председателя Конституционного Суда по осуществлению органами государственной власти «единой политики». Исполнительный орган власти и непосредственно Президент РФ играет важную роль в формировании Суда, которая усилилась после изменений, внесенных в Конституцию РФ в июле 2020 года. Учитывая значительную роль исполнительной власти в законотворчестве, выражающуюся в большом количестве законодательных инициатив, взаимное существование органов власти на сегодняшний день действительно представляет собой единый и гармонично функционирующий механизм.

Конституционный Суд РФ представляет собой легитимирующий институт, определяющий соотношение принимаемых власти решений и Конституции, выполняющий функции медиатора между обществом и государством в политической системе, и использующий конкретные стратегии для легитимации своих решений в рамках собственной политики права.

Комягин Д.Д., Шилов С.В. (Волгоград, ВГУ)

КОНТУРЫ «НОВОЙ» ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ РАСШИРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ВЫБОРАХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2021 ГОДА?

Ключевой особенностью партийной системы РФ, прошедшей активные метаморфозы после событий 2011–2013 года, является наличие одной ведущей «партии власти», деятельность которой проходит на фоне отсутствия реальной оппозиции с «согласия» прочих политических партий. Несмотря на произошедшие изменения, политическая система РФ в короткие сроки приобрела консервативный характер, начав стагнировать. Подобная стагнация выражается, в первую очередь, в «сглаживании острых углов» политической борьбы, и, как следствие, невозможности построения качественно новой многопартийной системы в РФ. Из этого следует вывод, что для возможности дальнейшего развития партийной системы необходимы изменения всей современной российской политической системы.

В последние годы прослеживается тенденция к постепенному изменению партийной системы РФ, что выражается в появлении целого ряда новых партий: «Зеленая альтернатива», «Новые люди», «За правду», «Партия прямой демократии», ставящих своей целью участие в выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 2021. Подобное явление отражает не только необходимость перемен в существующей партийной системе, но и наличие желания у населения и их политических представителей ее менять. Если итогом их проведения станет установление контуров новой партийной системы, то для нее будет характерен ряд новых принципов.

Во-первых, это наличие реальной оппозиции и политической конкуренции, как естественное удовлетворение желания граждан выразить протест против действующей власти.

Кроме того, одним из основных процессов новой партийной системы может стать обновление политического спектра и реконструирование политического пространства страны. Появление большего количества партий правого толка.

И наконец, в рамках новой партийной системы экологические партии смогут обладать большим политическим весом. Во многом это связано с проведением «мусорной реформы», неоднозначно принятой населением РФ.

В составе седьмого созыва Государственной думы РФ партия власти «Единая Россия» занимает 341 мест, то есть 75,95%. Несмотря на обозначенную тенденцию к обновлению партийной системы РФ, партия «Единая Россия», как самая многочисленная партия в РФ располагает значительными ресурсами, финансами, системой штабов федеральных масштабов и т.д. Кроме того, рейтинг партии «Единая Россия», за которую по данным ВЦИОМ, готовы проголосовать 31,5% опрошенных. Например, у ближайших конкурентов «КПРФ», «ЛДПР», «Справедливой России» и других непарламентских партий такой показатель составляет 12,8%, 11,7%, 6,4% и 12,7% соответственно. А широкая аффилированность партии власти с бюджетными заведениями также позволяет «Единой России» задействовать административный ресурс и привлекать «бюджетников» к электоральной деятельности, при чем не только в качестве избирателей.

Учитывая все эти факты, на данный момент кардинальное изменение представительства в Государственной Думе РФ кажется маловероятным, однако до выборов остается еще год, за который положение в рейтинге может значительно измениться, так как в «Единая Россия» терпит репутационный ущерб в следствии не самых популярных у населения решений, таких как внесение изменений в пенсионное законодательство РФ, внесение поправок в Конституцию РФ и некоторых других.

Таким образом, в данный момент партийная система РФ оказывается в положении шаткости, когда каждое спорное решение и закон могут негативно сказаться на рейтинге партии власти, а как следствие повышение одобрения деятельности оппозиционных партий. Однако до выборов еще год, поэтому у политологов достаточно времени, чтобы выработать свои прогнозы на этот счет.

Кондратенко К.С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА МОТИВАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ С НАСЕЛЕНИЕМ

Механизмы мотивации пользователей, содержащиеся на сервисах обратной связи с населением, целесообразно трактовать через понятие М. Фуко «управленческая ментальность» (фр. *gouvernementalité*), поскольку технологии управления поведением граждан посредством платформ соответствуют «духу времени», синоптической (в терминологии З. Баумана) модели власти. Надо полагать, что когнитивная структура поведения граждан более сложная и не исчерпывается согласием или несогласием с управленческой ментальностью платформ, что не мешает рассматривать согласие или несогласие с различными компонентами мотивации цифровых каналов участия в качестве базового элемента поведения.

В первую очередь стоит отметить, что управленческая ментальность новых цифровых сервисов обратной связи основана на искусственном разрыве между настоящим и будущим, выраженном в конструировании образа лучшего или худшего по сравнению с настоящим будущего. Названия порталов или отдельных проектов могут включать в себя фразы «уютный город», «комфортная среда», «открытый регион» и пр. Такие фразы являются мотивирующими не сами по себе, а в сочетании с призывами, содержащимися на платформах – «предложить», «сообщить», «действуй!» и т.д.

Другой искусственный разрыв (уже между прошлым и настоящим) можно обнаружить в другой мотивационной конструкции, а именно в отсылке к идентичности, активно навязываемой на сайтах, носящих характерные названия и слоганы: «Наш город» (г. Москва), «Наш Санкт-Петербург» (г. Санкт-Петербург), «Живем на Севере» (г. Салехард), «Твоя Тюмень» и «Тюмень – наш дом» (г. Тюмень), «Мой Дагестан» (Республика Дагестан) и пр. Отсылка к идентичности – достаточно мощный мотивационный фактор, обосновывающий потребность пользователей в деятельности в указанном административном направлении.

Третий аспект управленческой ментальности новых цифровых ресурсов обратной связи – конструирование правил, или институтов взаимодействия граждан и государства. Институты взаимодействия также декларируются на различных сайтах регионального публичного управления; надо полагать, эти институты также являются сконструированными и слабо соотносятся с действительностью – скорее, это институты, провозглашающие взаимодействие граждан и государства, которое должно быть с точки зрения заказчиков и разработчиков: институт вовлеченности, институт интеграции, институт взаимодействия и сотрудничества, институт участия, институт общественного контроля, институт открытости и пр.

Также стоит упомянуть конкретные технологии управления мотивацией пользователей региональных сайтов. Речь идет о различных бонусах, скидках, льготах, а также геймификации процесса взаимодействия граждан и государства. По всей видимости, бонусы и скидки встречаются на сайтах, наиболее агрессивно использующих рекламную риторику в адрес пользователей на своих интерфейсах. При этом система поощрений пользователей может быть выстроена как материально, так и виртуально. На сайтах «Открытый Липецк» и «Открытый Магадан» после того, как пользователь набрал 300 баллов за участие в опросах и оценке инициатив, он получает статус «Активист» и может обменять накопленные баллы на сувенирную продукцию и товары из магазина партнеров. В «чистом» виде система виртуальных поощрений представлена на ряде сервисов обратной связи в качестве рейтингования пользователей. Так, например, на сайте «Наш Санкт-Петербург» все пользователи в зависимости от количества «отработанных» решений по заявленным проблемам подразделены на пять категорий: «Новичок», «Активист», «Профессионал», «Эксперт», «Народный контроллер».

Согласие или несогласие с мотивацией платформ является базовым когнитивным компонентом поведения пользователей. Более важным компонентом является согласие с тематикой сайта, представленной преимущественно различными аспектами экоурбанистики. Согласие с компонентами мотивации

платформ и тематикой, в свою очередь, составляют базовое доверие к технологии. Более высокий уровень доверия к технологии зависит от доверия к институтам и акторам публичной власти, как к высшим органам, так и непосредственно тем, которые вовлечены в процесс создания, управления и поддержки региональных платформ. Таким образом, «эпистемическая матрица» поведения пользователей является более сложной по сравнению с мотивационными механизмами платформ и заслуживает отдельного исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-31361 «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации»)

Кондратенко К.С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СТРАТЕГИИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ КАНАЛОВ УЧАСТИЯ В РЕГИОНАХ РФ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Тезисы содержат основные результаты исследования, проведенного в мае-июне 2020 г. Более подробно с ними можно ознакомиться в статье: Кондратенко К.С. Институциональные стратегии внедрения цифровых ресурсов обратной связи с населением в регионах РФ // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 4. – СПб: Университет ИТМО, 2020.

Регионы РФ на данном этапе реализуют различные положения госпрограммы «Информационное общество». Одним из важных компонентов программы выступают цифровые каналы участия, или ресурсы обратной связи с населением – сайты, посвященные взаимодействию государства и граждан в различных аспектах муниципального и регионального управления, в частности, по вопросам благоустройства территории, ЖКХ, переименования географических объектов и пр. При этом было замечено, что разные регионы используют специфические стратегии внедрения новых цифровых ресурсов в систему управления. Далее кратко будет представлено, в чем именно заключается эта специфика.

1. Доминирующими институциональными стратегиями внедрения цифровых каналов участия в регионах РФ являются стратегия выращивания и стратегия трансплантации институтов. Ряд регионов, таких, как ХМАО, ЯНАО, Республика Карелия, Новгородская область и др. выбрали стратегию создания уникального сервиса, сочетающего в себе передовые цифровые технологии и самобытность социокультурного пространства региона. Однако подавляющее большинство регионов выбрали иную стратегию – переноса и внедрения успешно зарекомендовавших себя сервисов в других регионах. Этим объясняется «популярность» сайта «Активный гражданин» в городах и регионах РФ, существующего, в частности, в Нальчике, Калуге, Липецке, Уфе, Тюмени и др., а также компаний-разработчиков, таких, как «Infolabs», «Metropolis Studio», «White-Soft», «B1Team» и др.

2. Данный этап внедрения ресурсов обратной связи с населением в сфере государственного управления характеризуется активным строительством институтов управления и начальным этапом формирования формальных институтов. Об этом говорит повсеместное внедрение самих цифровых каналов участия (в 58 % регионов РФ уже внедрены такие каналы), регулируемое госпрограммами и нацпрограммами. Сложившейся системы регионального законодательства в регионах РФ на данный момент не существует.

3. Строительство институтов управления имеет в себе первичные характеристики алгоритмического управления. На это указывает, в частности, слабая корреляционная связь между переменными «результаты аудита открытости сайтов высших ИОГВ субъектов РФ» и «наличие/отсутствие цифровых каналов участия в регионе» ($r=0,217$; $N=85$; $p=0,046$), что свидетельствует о слабой тенденции субъектов РФ к стратегии внедрения цифровых каналов участия, ориентированных на технологии и алгоритмизацию управления. Чем выше показатель открытости и содержания официальных сайтов региональных администраций, тем выше вероятность наличия новых цифровых сервисов, предназначенных для взаимодействия граждан и государства.

4. Центральный ФО – исключение из правила «сплошной цифровизации», поскольку только в нем была замечена корреляционная связь между показателями «население, взаимодействующее с органами государственной власти и местного самоуправления через сеть Интернет» и «наличие/отсутствие цифровых каналов участия в регионе» в Центральном ФО ($r=0,492$; $N=18$; $p=0,038$). Это говорит о технократических тенденциях внедрения цифровых каналов участия и ориентацию на потребности самих пользователей: чем выше количество граждан, обратившихся о ОГВ посредством сети Интернет, тем выше вероятность наличия цифровых ресурсов обратной связи с населением, что свидетельствует о характере принятия решений в ЦФО – перед принятием решения о создании цифрового сервиса в том или ином субъекте ЦФО губернаторы и региональные департаменты ориентируются на статистику и, вероятно, на нужды и потребности самих граждан.

5. Основная тенденция внедрения цифровых ресурсов обратной связи с населением – цифровизация «сверху». Внедрение новых технологий в регионах регулируется не только посредством госпрограмм и нацпрограмм, но также посредством федерального бюджета. Среди поставщиков информационных услуг явным монополистом является «Ростелеком», «захвативший» в 2019 году треть бюджета крупнейших госзакупок в сфере ИКТ (22,63 млрд. руб. из 65,97 млрд. руб.). В 2018 году «Ростелеком» получил почти четверть всего бюджета госзакупок в данной сфере.

Описанные выше тенденции обладают некоторым объяснительным потенциалом ближайшей перспективы развития российской системы цифрового публичного управления. С одной стороны, к 2025 году все или подавляющее большинство регионов будут обладать новыми сервисами обратной связи с населением, просто потому, что это требование содержится в госпрограмме «Информационное общество» и нацпрограмме «Цифровая экономика» и выделены соответствующие средства в федеральном бюджете. С другой стороны, механизмы управления и спад доверия к государству будут лишь усиливать тенденцию низкой эффективности внедрения цифровых каналов участия (так, например, Россия, согласно отчету ООН, в 2018 году занимала 32 место в мире по Индексу развития электронного правительства и 23 место в мире по Индексу электронного участия, но в 2019 году опустилась на 4 позиции по каждому индексу). Возможно, низкая заинтересованность граждан во взаимодействии с государством посредством новых цифровых сервисов – временная тенденция, вызванная ростом социальной и технологической неопределенности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»

Кононенко О. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МЕДИА-АКТИВИЗМА: ОТ «БИТВЫ В СИЭТТЛЕ» ДО ОНЛАЙН-МИТИНГОВ В «ЯНДЕКС.НАВИГАТОРЕ»

Широкое распространение информационно-коммуникационных технологий изменило деятельность активистов, представителей социальных и политических движений и низовых гражданских инициатив. Главная тенденция последних лет – снижение издержек коллективных действий и становление логики коннективности (термин предложен Л. Беннетом и А. Сегербергом)¹⁰¹, при которой делиться идеями, планами, контентом, ресурсами и связями становится легче и быстрее, что, в свою очередь, упрощает взаимодействие и достижение общих целей.

В связи с этим возникло множество терминов: «цифровой активизм», «интернет-активизм», «онлайн-активизм», «хактивизм», «кибер-активизм» и даже информационный активизм. Нам интересен медиа-активизм – практика использования новых медиа – интернета, сервисов мгновенного обмена сообщениями, социальных сетей – для нужд социальных движений и гражданских инициатив.

101. Bennett L., Segerberg A. The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15:5. P. 739-768.

Первыми случаями успешного использования новых медиа активистами считают интернет-кампанию движения Сапатиста в Мексике в середине 1990-х годов, благодаря которым коренные жители штата Чьяпас смогли получить от центральных властей гарантии улучшения условий жизни, и так называемую «Битву в Сиэттле» 1999 г., когда сторонники антиглобалистов использовали интернет для информирования протестующих и координации акций во время саммита Всемирной торговой организации.

В первое время медиа-активизм развивался в субкультурных и контркультурных социальных и политических движениях в Сети: анархисты, антиглобалисты, пацифисты и многие другие – все создавали сайты, а затем, когда появились платформы для блоггинга, заметно снизившие требования к уровню владения компьютером для активистов, и блоги, со временем сложившиеся в целую блогосферу – альтернативную медиа-экосистему.

Качественный новый шаг в истории медиа-активизма – появление массовых социальных сетей¹⁰²: самыми частыми местами кампаний медиа-активистов становились MySpace (2003), Facebook (2004) и Twitter (2006) в мире, а также «ВКонтакте» (2006) и «Одноклассники» (2007) в России – в этих соц-сетях создавались группы, назначались онлайн и офлайн-встречи, распространялись вирусные видео и изображения.

Нельзя не отметить и особое положение платформы LiveJournal в России: появившись в США в 1999 г. как платформа для блогов и став для американских пользователей местом, где можно поделиться бытовыми проблемами, в России «Живой журнал» стал настоящей не только активных дискуссий на актуальные темы, но и способом координации деятельности активистов (например, через «Живой журнал» собирали добровольцев на тушение пожаров в Центральной России в 2010 году). Особая роль ЖЖ в России была отмечена премией Рунета – LiveJournal был признан одним из лучших проектов в номинации «Государство и общество».

Переломный момент в истории медиа-активизма – волна протестов и восстаний на Ближнем Востоке и в странах Магриба в 2011 г., известные как Арабская весна. Массовое использование протестующими социальных сетей, интернет-сервисов и даже простых SMS-сообщений, особенно в Тунисе и Египте, привело к тому, что некоторые исследователи характеризуют события того времени как Twitter-революции. В дальнейшем социальные сети и мессенджеры будут использоваться для координации деятельности активистов, в том числе выступающих на акциях протеста, по всему миру, в том числе в России (2011-2012) и Украине (2013-2014).

Новая реальность главных площадок медиа-активистов с середины 2010-х – изменение политики со стороны руководства площадок и пристальное внимание к ним со стороны государства. Будучи свободной и автономной альтернативой традиционным СМИ с их жестким государственным и/или корпоративным контролем, новые медиа представлялись оазисом свободы. С середины 2010-х государства начинают активно регулировать интернет и социальные сети, в результате чего некоторые инициативы лишаются площадки для работы (например, в 2015 г. в России по решению суда заблокировали сообщество «ВКонтакте» и сайт проекта журналистки и ЛГБТ-активистки Елены Климовой «Дети-404. ЛГБТ-подростки»: организаторов признали виновными в «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»).

Тем не менее, медиа-активизм продолжает развиваться, а деятельность медиа-активистов достигает все большей аудитории и все более весомых результатов. В России особенно успешны в этом плане эко-активисты: из громких кейсов, когда медиа-кампания активистов принесла результаты, можно вспомнить кампанию против строительства мусорного полигона на станции Шиес в Архангельской области.

Перспективы развития медиа-активизма видятся крайне многообещающими и интересными. Во-первых, количество пользователей интернета и технологичных девайсов растет. Во-вторых, активисты осваивают все новые медиа-площадки: в апреле 2020 г. в России прошли митинги на платформах, прямо не предназначенных для коммуникации («Яндекс.Навигатор», «Яндекс.Карты», «2ГИС»). В-третьих, низкие издержки коллективных действий продолжают привлекать людей и открывать им перспективы влияния на решение социальных и политических проблем.

102. Бронников И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 1. С. 7-18.

Константинов М.С. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ИНТЕРНЕТ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ: К ТЕОРИИ КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТРИЦ

Работа представляет некоторые результаты, полученные в процессе реализации двух социологических исследований сознания студентов Юга России, проведённых научным коллективом Южного федерального университета в 2014-2016 гг. и в 2018-2019 гг. В методическом плане оба исследования включали серию свободных групповых интервью, анкетированные опросы и фокус-группы. В 2015 г. выборка для опроса составила 718 человек (350 юношей, 368 девушек; стандартное отклонение в целом по выборке: $\pm 3,7$ %); в 2019 г. – 816 респондентов (435 – юноши и 381 – девушки; стандартное отклонение: $\pm 3,4$ %).

Анализ полученных данных показывает существенный сдвиг в настроениях студенческой молодёжи в сторону большей оппозиционности в отношении действующей власти: если в 2015 г. около двух третей опрошенных (60,6 %) полагали, что радикальные изменения в России невозможны, то в 2019 г. более двух третей респондентов ожидают серьёзных потрясений (72,4 %). В числе ключевых причин растущего в российском обществе напряжения студенты называют социально-экономические (42,2 %) и внутривластные (50,0 %). Эти факторы, согласно представлениям респондентов, повышают вероятность политического кризиса и массовых выступлений.

Однако это не означает готовность самой молодёжи участвовать в этих протестах. Это фиксирует только нарастающее у молодых людей общее ощущение кризиса и ожидание негативных последствий от реакции общества на этот кризис. Объясняется это тем, что обычно вызывающие недовольство властью социально-экономические факторы оказывают на студенческое сознание влияние, существенно опосредованное оценками их социального окружения, поэтому воспринимаются как важные, но отдалённые индикаторы кризиса. В частности, в 2019 г. групповые интервью выявили одну интересную особенность: студентов мало занимала взбудоражившая российское общество информация о повышении возраста выхода на пенсию (в силу отдалённости этой перспективы), но их очень тревожила стагнация на рынке труда, а также коррупция, пронизавшая (в представлении студентов) всё российское общество снизу доверху. То есть, интервьюируемых волновало именно то, с чем они сталкивались непосредственно, здесь и сейчас. Многие реальные проблемы российского общества до сих пор существуют на периферии студенческого сознания. А в центре могут находиться как раз те проблемы, которые с точки зрения старшего поколения являются «выдумками хипстеров».

К одной из таких проблем относится череда законов о контроле над Интернетом. Так, по данным проведённого в 2019 г. опроса 37,4 % респондентов считают Интернет важнейшим источником информации, а ещё треть (29,5 %) указывают на антиконституционный характер этих законов. Поэтому ограничения Интернета вполне могут стать раздражающим фактором: 39,7 % опрошенных заявило о своей готовности принять участие в протестах, если таковые возникнут.

На этом фоне несколько парадоксальным выглядит тот факт, что отмеченный рост раздражения сопровождается явным снижением интереса к политике (так, количество респондентов, полностью или частично не интересующихся политикой выросло с 20,7 % в 2015 г. до 38,1 % в 2019 г.). Однако этот парадокс возникает лишь в том случае, если принять, что студенческая молодёжь обеспокоена наступлением властей на конкретные ценности, непосредственно связанные со студенческим «здесь и сейчас», и при этом воспринимаемые самими студентами как ценности именно политические. В отношении же большинства исследованных ценностей не верно либо первое условие, либо второе. Это справедливо и в отношении ценности свободы Интернета.

Анализ связей этой ценности с другими показывает, что степень политизации респондентов, озабоченных стремлением властей контролировать Интернет, практически не отличается от таковой степени у тех, кто пытается так или иначе легитимировать принятые законы. Это означает, что корреляция

между интересом к политике и беспокойством по поводу посягательств на *политическую* ценность свободы Интернета если и имеет место, то она нестабильна. Поэтому считать свободу Интернета политической ценностью навряд ли оправданно. В представлении респондентов это скорее коммуникативная технология, чем ценность. Однако это не означает, что посягательства на неё останутся без ответа.

Напротив, коммуникативная ценность Интернета находится на гораздо более глубинном уровне когнитивных структур студенческого сознания, чем традиционные политические ценности. Ценность свободы Интернета оказывается одной из наиболее базовых для современной молодёжи, сопоставимых с такими основополагающими ценностями, как социальные связи, признание, идентичность и т. д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00906а «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

Коньков А.Е. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Солидарность представляет собой одну из немногих форм отношений, которая в равной мере может быть представлена на разных уровнях политики – как национальном, так и глобальном. И если внутри государства всегда есть место для проявления вариативных свойств как коллективного, так и индивидуального сознания и солидарности в том числе под воздействием чувств и эмоций, то на международной арене всё же доминируют максимально агрегированные интересы, имеющие принципиально другую природу, и более конкретные, не обусловленные неинституциональными формами связи. И, тем не менее, если представления о дружбе, неприязни, гордости в международных отношениях в большей степени носят философский характер, то союзничество среди акторов мировой политики, их способность интегрировать усилия перед угрозами или вокруг представляющих взаимную выгоду инициатив, даже если речь идёт о реалистической парадигме, – вполне утилитарные алгоритмы прагматичного сосуществования в едином планетарном пространстве, доказывавшие свою эффективность в разные эпохи.

Публичная дипломатия как одновременно и механизм международного сотрудничества, и форма политической активности социума в значительной мере опирается на инструменты солидарности, сплочения и единения. Общим местом в политико-технологическом дискурсе является эффект конструирования образа внешнего врага, позволяющего мобилизовать общество (электорат) даже в самых непростых политических условиях, – примеры такого рода явлений известны и в истории, встречаются и в современных практиках. Однако не только негативная повестка обладает солидаризирующим потенциалом – в условиях глобализации сохранение идентичности за счёт повышения конкурентоспособности её проявлений на международном уровне (культурных образцов, национальных форм хозяйствования и ремёсел, природных и этнических артефактов, социальных и политических нарративов) становится важным фактором объединения и консолидации сообществ посредством их позиционирования в публичной дипломатии.

Возвращение к практике солидарности вокруг национального государства, которое проявляется и в усилении протекционизма, и в росте популярности «правых» партий, и в развитии субъектности на международной арене, обернулось вполне общемировой тенденцией, затмевающей до этого безусловный глобализм. Все страны так или иначе движутся в русле смены этих волн. Российский опыт освежения национальной солидарности случился в 2014 году при воссоединении с Крымом и Севастополем. То, что крымский консенсус оказался не просто геополитическим броском укрепившейся России, но и беспрецедентным механизмом интеграции её внутренне разрозненного социума, позволившим перезапустить и пересобрать давно забытую общегражданскую солидарность, произвело эффект весьма впечатляющего разрыва шаблона относительно грядущего потенциала государства – как конкретного, так

и в целом. Мир, в котором частное возвысилось над общим, иерархичные структуры были обречены на размывание источников своего акторства. Показательно, что последовавшие попытки выстроить на глобальном уровне альтернативную модель солидарности вокруг призыва изолировать Россию, оказались работающими лишь в виртуальных пространствах распространения соответствующего хештега.

Любое межгосударственное объединение, международная организация строится на объединении усилий, стремлении к реализации общих интересов. Солидарность лежит в основе большинства современных наднациональных объединений. Издержки сохраняющей своё доминирование блоковости в равной мере релевантны для разных флангов геополитического спектра – всё же не только для западного, у которого они оказываются более рельефны в силу изначальной проработанности точек обзора, но и для всех прочих, где пожелания расцвета ста цветов также не всегда достаточны, чтобы мотивировать к солидарной синергии – проявлениям реальных действий, полезных для всех.

Негативная повестка в большей степени привлекает внимание и проникает в общественное мнение, обладает большим мобилизационным потенциалом и, как следствие, чётче формирует основу для солидарности. Сегодня она имеет довольно широкую источниковую базу и проявляться может как традиционно в неких демонстративных действиях (уличные протесты, пикеты, забастовки), так и во всё более популярных сегодня формах сетевой активности (онлайн петиции или хештеги: #MeToo, #BlackLivesMatter и т.д.). Все эти механизмы не только разделяют социум, но и интегрируют его, расширяя пространство для всё более интенсивных социальных связей, выделяя новые конфликтные лакуны, формируя зоны общественного «разделения труда», задействуются и в различных проектах публичной дипломатии многих стран. Однако солидарность как более целостный ожидаемый результат себя не оправдывает и в данном случае становится зависимой переменной, определяемой другими, более «ликвидными» приоритетами корпоративной или групповой динамики, но, в первую очередь, вероятно, государственной политики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31040

Коргунюк Ю.Г. (Москва, ИНИОН РАН)

РЕКОМЕНДАЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ МИССИЙ ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И ВЫРАБОТКА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

К началу XXI столетия институт выборов стал неотъемлемой частью политической системы почти всех стран мира. Далеко не везде он гарантирует реальный контроль общества над формированием и деятельностью власти. Необходимость наполнения этого института реальным содержанием неизбежно ставит вопрос о выработке стандартов, позволяющих отличать реальные, «честные», выборы от выборов имитационных.

Разработка этих стандартов в принципе опирается на два столпа. С одной стороны, представления разработчиков о том, как должны проводиться выборы, базируются на неких привнесенных извне принципах и идеалах. Образ должного обращается к определенным базовым ценностям и опыту стран, достигших наибольших успехов в данной сфере. С другой стороны, эти представления не могут не вступать в определенный конфликт с действительностью. Нормы, работающие в странах развитой демократии, зачастую перестают работать там, где переход к демократии не только не завершился, но, по сути, еще толком и не начался, а попытка внедрить в электоральную практику самые прогрессивные принципы увязает в массе технических сложностей. Отсюда возникает необходимость в тщательной проработке процедуры их внедрения и заполнении лакун, обойденных вниманием более развитых стран.

Чтобы ответить на вопрос: что в большей степени влияет на формирование избирательных стандартов – априорные установки или практика, полезно обратиться к опыту международных организаций, занимающихся наблюдением за выборами и выработкой рекомендаций по их итогам. Одна из

них – Организация Американских Государств (ОАГ), точнее, действующий в ее составе с начала 1960-х гг. Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов (DECO – Department of Electoral Cooperation and Observation).

С середины 2000-х Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ начал также выпускать подробные руководства, касающиеся различных аспектов избирательных кампаний: система электоральной юстиции, методология наблюдения за выборами, использование на выборах цифровых технологий, работа средств массовой информации, финансирование выборов, внедрение гендерных принципов, участие в выборах коренного и афроамериканского населения. Кроме того, в феврале 2014 г. был утвержден разработанный при участии ОАГ Международный избирательный стандарт TS 17582, посвященный главным образом организации избирательного процесса.

Возникает вопрос, как соотносятся рекомендации наблюдательных миссий ОАГ, с одной стороны, и издаваемые Департаментом руководства, а также Международный избирательный стандарт TS 17582, с другой. Что больше влияло на разработку мануалов DECO – наблюдения за выборами или некие «готовые» установки?

По итогам проведенного исследования можно констатировать, что выработанные наблюдательными миссиями ОАГ рекомендации легли в основу целого ряда руководств – в первую очередь по методам наблюдения за выборами (2007), по методологии обзора материалов СМИ (2011) и наблюдению за финансированием избирательных кампаний (2012), а также Международного избирательного стандарта TS 17582 (2014).

С другой стороны, руководства по внедрению в деятельность наблюдательных миссий ОАГ гендерных принципов (2013) и по обзору участия в выборах коренного населения и афроамериканцев (2015) мало связаны с собственно латиноамериканским опытом: они скорее формулируют установки, опираясь на которые следует давать рекомендации. Во многом это касается и руководства по использованию цифровых технологий в избирательном процессе (2010), которое, однако, носит скорее технический, чем организационный характер.

Особое место в данном ряду занимает руководство по обзору систем избирательного права (2006), которое также скорее дает установки, нежели опирается на опыт американских государств, однако мало влияет на рекомендации в сфере электоральной юстиции.

В целом опыт латиноамериканских стран по разработке избирательных стандартов помогает осознать, что положительный ответ на фундаментальный вопрос «Должно ли общество контролировать власть?» знаменует собой отнюдь не конец, а лишь начало долгого пути по отработке процедур и стандартов, гарантирующих демократический характер выборов.

Корнеева Е. (Москва, НИУ ВШЭ)

БАЛАНС УСТОЙЧИВОСТИ И ВОЛАТИЛЬНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: МЕНЯЕТСЯ ЛИ ГЕОГРАФИЯ ГОЛОСОВАНИЯ

Исследования, посвященные электоральному пространству России, не всегда учитывают различия между уникальными моделями электорального поведения в разных регионах и причины их появления. Существующее региональное разнообразие страны выражается в различиях политических предпочтений и электоральной активности, благодаря чему можно наблюдать регионы с пониженной явкой избирателей и высокой долей протестного голосования, а также лояльные регионы с высокой электоральной активностью. Под электоральными региональными культурами в данном исследовании понимаются устойчивые территориальные паттерны поведения избирателей.

Теоретическая рамка исследования опирается на работы А. Ахременко, Р. Туровского, Н. Петрова и А. Титкова, которые предпринимали теоретические и эмпирические предпосылки изучения электорального пространства и электоральных различий в регионах России.

Исследование основано на изучении федеральных парламентских выборов, которые прошли в период с 1993 по 2019 гг. В центре внимания находятся электоральные предпочтения избирателей, что позволяет выявить особенности голосования в регионах России.

Цель исследования – выявить соотношение баланса устойчивости и волатильности электоральных предпочтений на современном этапе проведения парламентских выборов. Новизна исследования состоит в разработке подхода к изучению электорального пространства России на основе выявления устойчивых и изменчивых характеристик электорального поведения.

Исследование основано на показателях электоральной статистики, включающих данные результатов голосования партии на федеральных парламентских выборах.

Основным методом исследования выступает кластерный анализ. Выбор кластер-анализа связан с возможностью упорядочивания в группы объектов, обладающих множеством электоральных характеристик.

В исследовании используется кластерный анализ методом К-средних. Данная методика предполагает, что после определения количества кластеров, в каждом из них от центра до каждого объекта рассчитывается евклидово расстояние, на основе которого и происходит распределение объектов по кластерам. Каждый объект (в настоящем исследовании объектами выступают явка избирателей и политические предпочтения избирателей в каждом конкретном регионе) относится к тому кластеру ближе к которому он находится. Выделение групп регионов на основе электоральных предпочтений в случае устойчивого повторения данных конфигураций в нескольких избирательных циклах позволяет сделать выводы об их сложившейся электоральной культуре.

Корюшкин А.И. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Политический нарратив, будучи лингвокультурным феноменом и сложным дискурсивным образованием, объединяющим политический дискурс и дискурс всего многообразия средств массовой коммуникации, раскрывает свое содержание в речах политических лидеров, в выпусках новостей и комментариях к ним, в общественных и частных беседах и дискуссиях, то есть во всем многообразии дискурсивных практик, результатом которых является возникновение огромного числа «текстов» такого политического нарратива, представляющего собой «сырой материал» для историков, антропологов, психологов, социологов и политологов и являющегося междисциплинарным по сути «окном» в дискурсивные процессы жизни общества. Такой, многоуровневый анализ политического нарратива, возникая и развиваясь в результате последовательного перехода от анализа текстов индивидуальных, персональных дискурсивных практик личностного осмысления политических явлений к анализу групповых и далее все более широких социально-политических дискурсивных практик в рамках политического мета-нарратива в его применении к все более крупным социальным группам или даже к корпусу граждан национального государства в целом, становится важнейшим индикатором качественного состояния политической репрезентации в стране.

Вместе с тем, в политической практике представительных демократий нередко возникают ситуации неполноты, недостаточной адекватности представленности интересов избирателей в политической деятельности их представителей в представительных органах власти, в результате возникает относительная монополизация такими представителями властных полномочий, делегированных им их избирателями, что может быть интерпретировано как локальный кризис политической репрезентации. Такую ситуацию политической репрезентации Ханна Питкин называет попыткой представить «присутствующим то, что отсутствует»¹⁰³, в то время как Самюэль Хаят определяет ее в качестве эксклюзивной

103. Pitkin, Hanna Fenichel. 1972. The Concept of Representation. Berkeley: University of California Press – pp.8-9

(в значении исключаящей, ограничивающей) политической репрезентации, которой противопоставляет предложенную им инклюзивную форму политической репрезентации, призванную восполнить очевидные в этом случае недостатки такой, эксклюзивной политической репрезентации¹⁰⁴.

Инклюзивная политическая репрезентация, возникая в результате углубления процесса демократизации, означает усвоение активными группами электората политического языка политиков-профессионалов, выступающих в роли представителей своих избирателей, и, в силу этого, способность таких групп, встраиваясь в средства массовой политической коммуникации в политический дискурс, сделать свой голос услышанным, публично реагирующим на те или иные политические суждения своих представителей в представительных органах власти и тем самым участвующим в процессе принятия политических решений. Такую форму репрезентации, основанную на реальных механизмах представительного правления, Хаят называет внутренней инклюзивной политической репрезентацией. В этом случае процесс репрезентации дополняется партиципацией, то есть участием граждан в процессе принятия решений, которая не противостоит репрезентации, а сущностно дополняет ее. Альтернативная ей форма репрезентации определяется здесь как внешняя инклюзивная политическая репрезентация, ориентированная на создание внешних по отношению к механизмам представительного правления независимых представительных институтов, таких, например, как неправительственные организации, через публичные коммуникативные каналы которых активные группы электората участвуют в политическом дискурсе со своими представителями в представительных органах власти, так или иначе воздействуя на их решения. А это означает, что специфические дискурсивные практики обеих форм инклюзивной политической репрезентации, образуя целостную картину политического нарратива этого процесса, дают возможность его политического анализа.

Предложенная здесь интерпретация концепта инклюзивной политической репрезентации позволяет прийти к выводу, что политический нарратив процесса такой репрезентации является важным индикатором наличия и качественного состояния обеих форм инклюзивной политической репрезентации, и его анализ дает возможность выявить его содержание и политическую динамику.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Символические коды и нарративы патриотизма в национальной памяти современной России и США» № 20-011-31690

Кочетков А.П. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ЦИФРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С началом глобально-информационной эпохи в различных странах мира идет процесс становления цифрового правительства, как следующий этап развития электронного правительства. Сегодня по данным ООН Россия входит в число стран с высоким показателем по индексу развития электронного правительства – 32 место. Так, например, по стратегическим планам московских властей к 2030 году Москва станет городом цифрового управления, где решения будут приниматься на основе автоматической обработки и анализа собранного огромного банка данных. Вся деятельность органов государственной власти и государственных учреждений Москвы по оказанию услуг гражданам и бизнесу будет проходить в цифровом виде на основе технологии распределенного реестра и смарт-контрактов.

В целом, внедрение в практику концепции цифрового правительства привело к более тесным контактам граждан с властью, способствовало более быстрому и удобному их обслуживанию государственными чиновниками.

Однако в этой практике остаются серьезные проблемы и риски. Прежде всего, цифровое правительство – это сложная система, которая нуждается в высоком уровне технологической устойчивости, гарантирующей от частых сбоев, в удобных для пользователей требованиях доступа к электронным услугам, чего в России, в целом, еще нет.

104. Hayat, Samuel (2019) Chapter 6. Varieties of Inclusive Representation. In: Castiglione, Dario and Johannes Pollack (eds.) Creating Political Presence: The New Politics of Democratic Representation. London: The University of Chicago Press – pp.141-161

Необходима также корректировка нормативно-правовой базы работы цифрового правительства, например, четкое определение юридической значимости находящихся в обороте цифровых документов и обращений, которые могут заменить бумажные носители.

Цифровая демократия, которая развивается по мере расширения деятельности цифрового правительства, достаточно уязвима к воздействию извне с целью противоправного получения информации. Такая опасность возникает из-за отсутствия достаточной защиты данных. Каким образом будет обеспечена кибербезопасность, о которой говорится, например, в планах московских властей, пока не ясно.

Анализ пользовательской активности в социальных сетях показывает, что в большинстве случаев интернет-пользователи предпочитают продукты таких гигантов как Google, Facebook, YouTube, что указывает на доминирование монополистов на рынке информационных услуг. А гегемония крупных компаний — прямое свидетельство авторитаризма, царящего в поле информационной политики. Кроме того, в информационном пространстве сегодня очень значительно влияние блогеров,

Все это ставит серьезную проблему формирования элитной цифровой демократии, в которой элита будет носить особый характер. Ее высокий статус станет определяться не прежними критериями — достатком, образованностью, близостью к власти, а доступом к технологиям и наличием опыта пользования ими. Эта нетократическая элита выходит из-под контроля граждан, т.к. ей никто не делегирует полномочия управлять на основе признаваемых в обществе процедур.

Важно также отметить, что при широком доступе граждан к сетевым электоральным системам более активными могут оказаться пользователи, имеющие антигосударственные или антиконституционные мнения.

Деятельность цифрового правительства потенциально может привести к появлению новых форм «злоупотребления» властью, например, использованию цифровых средств для навязывания «сверху» политических решений, поскольку цифровую демократию можно использовать для сохранения и усиления неравенства между теми, кто обладает доступом в интернет и теми, кто его лишен.

Цифровое правительство может стать новой системой тотальной слежки за гражданами на основе анализа их интернет-активностей. Особая опасность этой системы контроля заключается в ее завуалированном характере: доступ к алгоритмам, что обеспечивают функционирование столь необходимых рекреационных и коммуникативных сервисов, систем онлайн-банкинга, позволяет государству, бизнес-структурам и хакерам свободно нарушать, например, право на неприкосновенность частной жизни.

Надлежащий надзор за деятельностью цифрового правительства будет иметь решающее значение для того, чтобы граждане были уверены в позитивных результатах использования властью цифрового управления. Гражданский контроль за работой цифрового правительства должен быть тщательно продуман, с тем чтобы не только ограничивать использование властью персональных данных физических лиц и искусственного интеллекта, но и позволять органам государственной власти внедрять инновации в повседневную жизнь общества. Введение в действие правил и механизмов подотчетности убедит граждан в том, что цифровое правительство ответственно и этично.

Тезисы подготовлены в рамках проекта РФФИ № 20-011-31118\20

Кошкин А.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

РОЛЬ ПАРЛАМЕНТСКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ VII СОЗЫВА В ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

Актуальность исследования выбранной темы обоснована трансформацией роли парламента в современной России. Седьмой созыв Государственной Думы стал рекордным для партии власти, которая смогла сформировать там конституционное большинство. Формальная роль оппозиционных фракций упала как никогда прежде. Сам созыв отметился рядом принятых законов, вызвавших активную

дискуссию как в самом парламенте, так и за его пределами. Это и повышение НДС, и пенсионная реформа, и закон об ответственности за оскорбление власти, и закон об ответственности за распространение «фейковых» новостей и т.д. Однако в ряде случаев, оппозиция смогла убедить партию власти в необходимости внесения определенных поправок. В других же ситуациях, удалось ввести парламентское обсуждение в повестку дня с ярко выраженной негативной коннотацией. Подобная проблематизация повестки дня связана с риторическими стратегиями оппозиции и контрриторическими стратегиями власти.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых. В определении сферы публичного особое внимание уделяется Ю. Хабермасу и опирающихся на него отечественных исследователей. В качестве методологической основы выступают конструкционистский подход М. Спектора и Дж. Китсьюза и модель публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска. В свою очередь, исследование дискурса оппозиции в Государственной Думе РФ фигурирует в трудах отечественных исследователей Митрохиной Т.Н., Горбачева М.В. и Соколова А.Г. Вместе с этим необходимо отдельно отметить труды Митрохиной Т.Н. в сфере изучения концепции «повестки дня». В рамках социального конструкционизма был выделен ряд риторических идиом, определяющих риторическую стратегию: утраты, наделения, опасности, неразумности и бедствия. Было сделано предположение, оппозиционные парламентские партии имеют две возможности повлиять на решения Государственной Думы: это проблематизация рассматриваемых вопросов и актуализация собственных внесенных поправок в проект решения парламента. Это, как и то, что от политических взглядов партии будут зависеть и частота использования тех или иных риторических идиом, подтвердилось.

Были проанализированы законопроекты, вызвавшие у парламентариев наиболее острую реакцию. Сводная таблица использованных риторических идиом:

Таблица 1

	Утраты	Наделения	Опасности	Неразумности	Бедствия
КПРФ		1	1	3	
ЛДПР	4		1	1	
СР	1	1	2	4	1

КПРФ продемонстрировала ряд характерных риторических идиом. Излюбленным приемом её парламентариев является предложение альтернативного законопроекта, полностью или частично взаимоисключающего законопроект обсуждаемый. Вместе с этим риторика базируется на общем недоверии к институтам власти. Если нужно проблематизировать дискуссию вокруг законопроекта – депутат может привести пример, согласно которому будет очевидно, как закон может быть использован против народа (в дополнении с классовым подходом, мелькающим в риторике депутатов, использование такого закона против народа может быть показано как неизбежность). Таким образом, прежде всего фракция КПРФ использует риторике неразумности и опасности.

Преобладающей риторической идиомой ЛДПР без сомнений является риторика утраты. Риторика отличается особой категоричностью, а предложения зеркальный по отношению к обсуждаемым мерам характер. Наряду с этим парламентарии этой фракции пользуются риторикой опасности и ссылаются на несистемных лидеров общественного мнения. Несмотря на то, что тон риторике задает лидер партии, случаются моменты, когда депутаты могут транслировать противоположную точку зрения в рамках одного и того же заседания нижней палаты парламента.

Справедливая Россия, несмотря на высокий показатель применения риторике неразумности, не концентрировалась надолго на конкретной риторической стратегии, а использовала хотя бы по одной каждую из пяти исследуемых за выбранный период.

Со стороны СМИ наибольший интерес был проявлен к долгоиграющим проектам проблематизации, выходящим за рамки рядового обсуждения в стенах парламента, как это было с несостоявшимся референдумом по пенсионной реформе или актуализации вопроса чрезмерно высоких зарплат депутатов самими парламентариями.

В целом, парламентская оппозиция нашла способ влиять на решения Государственной Думы, имея даже в условиях консолидированных действий формальной возможности помешать голосованию депутатов Единой России. Депутаты нашли свою роль в проблематизации общественной повестки при помощи конкретных риторических идиом, которые позволяют им апеллировать к базовым человеческим ценностям и привлекать тем самым внимание СМИ. Партии власти не остается ничего кроме как из раза в раз игнорировать предложения оппозиции (тем самым выставляя себя не в лучшем свете в публичном пространстве), либо соглашаться с частью вносимых оппозицией поправок и законопроектов.

Крайнова К.А. (Ярославль, Правительство Ярославской области)

ВЛИЯНИЕ СЕТЕВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Процессы демократизации, развитие информационных технологий, виртуализация политики обуславливают изменения политического пространства. За последние три десятилетия в России произошли коренные перемены во всех сферах жизни общества. Изменились экономическая система и социальная структура, началось строительство демократической государственности. Становление государства пошло по пути демократизации управления и одновременно укрепления исполнительной властной вертикали. Таким образом, сформировалась специфическая политико-коммуникативная среда, где органы власти являются основным политическим субъектом, обладающим значительными ресурсами и оказывающим воздействие на остальных участников политического процесса.

В последние годы качественные перемены в пространство политики привнес технический прогресс, усложнив структуру общественно-политической жизни и увеличив ее динамику. В этих условиях возрастает роль политических коммуникаций, меняется их природа. С развитием Интернета и сетевых отношений утрачивает эффективность бюрократическая модель взаимоотношений власти и общества, основанная на принципах субъект-объектного подхода. Кроме того, несовершенство политического и государственно-административного управления влечет распространение латентных отношений, формирование полутеневых клиентел, что фактически нивелирует основы самоорганизации гражданского общества и приводит к разрушению публичной сферы. В ситуации, когда социально-политическая среда развивается быстро и динамично, а система коммуникаций власти с обществом слабо реагирует на поступающие от общества вызовы и остается однонаправленной, наблюдается деполитизация населения, возрастает уровень конфликтности политического процесса и отношений, растет недоверие к государственным институтам.

Можно говорить о том, что сегодня происходит качественное изменение общественной среды и формируется общественный запрос на преобразование политико-коммуникативного взаимодействия власти и общества. С другой стороны, со стороны государства отмечается потребность изменить иерархическое администрирование на новые формы коммуникативного взаимодействия.

По сравнению с традиционными политическими коммуникациями их сетевое продолжение приобретает новые характеристики, и связаны они с появлением сетевого общества, менеджмента знания, с выстраиванием отношений между государством и обществом на принципах публичности, партнерства, автономности и совместного решения проблем. Согласно сетевому подходу, государство передает часть своих функций другим субъектам политики (институтам гражданского общества, бизнес-структурам, СМИ, НКО), при этом оставаясь координатором и формируя политическую «повестку дня». С этой точки зрения Интернет рассматривается государством в качестве новой сетевой коммуникации, а населением – как фактор формирования электронного гражданского общества. Благодаря этому происходит оцифровывание политико-административного процесса, реализуются формы электронной демократии, приобретает особую важность такая форма электронной демократии как «электронное правительство» и «электронное голосование». Активно влияют на политическое пространство интернет-блоги, социальные сети, «медиа-комьюнити», платформы общественной

экспертизы. Так, в практику последних месяцев прочно вошло явление дистанционных приемов граждан представителями власти.

В формируемом в результате нового взаимодействия власти и общества политико-коммуникативном пространстве происходит выявление «точек роста», артикуляция и агрегирование общественных интересов, ресурсов и ценностей, управление которыми позволяет обеспечить устойчивое развитие всего общества. Благодаря сетевым политическим коммуникациям восполняется баланс участия всех акторов публичной политики, решает проблема публичности и открытости политической сферы для всех субъектов политики, наконец, повышается доверие структурам государственной власти.

Краснощёров А.Ю. (Томск, НИ ТГУ)

ИМИДЖ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА В ВИРТУАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОМСКА)

«Университетский город» представляет собой, по нашему мнению, одну из конфигураций концепта «умный город», являясь при этом более ранней теоретической и практической конструкцией. Однако университетский город не приравнивается по смыслу к городу, в котором есть университет. Со ссылкой на Г. Ицковица можно говорить о том, что в городе-университете одним из ключевых ресурсов выступают знания, которые городом производятся, а затем распространяются; в городе наблюдается консенсус между ключевыми акторами вокруг ключевой идеи о характере города, выраженной в его внутреннем и внешнем имидже; и главное, город способен порождать инновации, являющиеся результатом использования имеющихся ресурсов. Метафорически выражаясь, университетский город – это способ существования, а не описательный набор характеристик, имеющих отношение к высшему образованию.

Сегодня в мире несколько сотен городов позиционируют себя как университетские. Среди них ряд российских городов, в том числе Томск. В этом городе, население которого едва превышает пятьсот тысяч человек, располагается шесть государственных университетов, два из которых обладают статусом научно-исследовательских, несколько НИИ. Средний возраст горожан составляет 36 лет. В Уставе города научно-образовательный комплекс закреплен в статусе градообразующего, а сам город в 2015 году стал обладателем зарегистрированного товарного знака «студенческая столица России». При этом в городе проводится множество научно-образовательных мероприятий. Горожане, не являющиеся студентами или профессорско-преподавательским составом, имеют доступ в стены университетов, процессу обучения и мероприятиям. Городские власти и университеты активно работают над созданием бренда «университетский», а в народе давно закрепились прозвища «Сибирские Афины», «Умный город», «Город молодежи», «Город студентов».

Исследования, проведенные в 2019 и 2020 годах проектной группой кафедры политологии НИ ТГУ, демонстрируют, что российские и иностранные студенты разделяют представления об университетском характере города Томска и формируют запрос на качественное образование. Эти же исследования дают представление о том, что основным источником информации о городе является интернет. В связи с этим возникает необходимость изучить вопрос о том, как в виртуальной среде отражается концепт университетского города.

Поиск по названиям, ключевым словам и постам в социальной сети «ВКонтакте», включающий аналитику контента по эмоциональной окраске употребления словосочетаний «университетский город», «умный город», «Сибирские Афины», показывает, что восприятие города самими горожанами является неоднозначным. Ряд сообществ и не менее 30 % комментариев несут негативную (зачастую саркастическую) эмоциональную окраску, а смысловое содержание текста отражает недовольство жизнью в городе, действиями властей или иных субъектов. Один из пиков негативных комментариев связывается с посещением города в 2020 году Ильей Варламовым, сооснователем фонда «Городские проекты». Критика Томска публичной личностью и оценка города как «глупого» раскололи общественное мнение

и вызвали широкий общественный резонанс. Данный инфоповод обнажил неоднозначное восприятие концепта «университетский» и «умный» внутри городского сообщества, несмотря на приведенные выше характеристики Томска.

При этом, виртуальные сообщества Томска достаточно активны и многочисленны, чтобы выступать важными ньюсмейкерами в информационном пространстве. Позиция администрации таких сообществ способна серьезно влиять на восприятие города, учитывая в то же время, что она плохо поддается контролю. Одно из решений, которое реализуется для поддержания благоприятно имиджа города в сети, – это создание определенных информационных площадок с позитивной новостной тематикой. Принимая во внимание фрагментированный характер коммуникации в интернете, мы можем заключить, что такой подход не ведет к выравниванию повестки дня к среднему арифметическому по шкале «позитивное-негативное» восприятие, но обостряет конкуренцию между информационными потоками и группами мнений. Создание таких каналов ведет к формированию вокруг них собственных аудиторий.

Таким образом в эпоху интернет-сообществ возникает необходимость разработки новых подходов к информационной политике в сети, направленной не просто на трансляцию в сеть определенных посылов, а на достижение консенсуса между горожанами-пользователями, принадлежащими к разным сетевым публикам, где во многом также происходит их знакомство с городской средой. Это мы рассматриваем как необходимое условие целостности имиджа города.

Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФИ № 20-011-31664 «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России».

Краэмер П. (Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ

Современная трансформация мирового политического процесса оказывает значительное влияние на взаимосвязь политики и экономики, во многом обуславливает ее специфику. Это подтверждают, в том числе, и слова Президента РФ В.В. Путина, который в своем выступлении на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН отметил, что сегодня чуть ли не нормой стали односторонние санкции в обход Устава ООН, преследующие не только политические цели, но и служащие способом устранения конкурентов на рынке.

Очевидно, что санкционное давление ведет к обострению в международных отношениях, приводит к существенным изменениям в сфере взаимосвязи политики и экономики. Многие эксперты заявляют, что санкции уже дали отрицательный эффект, что по мировой экономике, по социально-экономическому и политическому развитию многих стран они нанесли серьезный удар. Важно отметить, что реализуемая сегодня Соединенными Штатами Америки и ЕС антироссийская санкционная политика является одним из ярких примеров использования ими геэкономии в современных условиях, которая определяется, как политика, нацеленная на достижение успехов государства в экономическом противоборстве, а также на рост его конкурентоспособности на глобальном рынке. К примеру, санкции Соединенных Штатов Америки против строительства газопровода «Северный поток – 2» является политической мерой, нарушением международного права, образцом недобросовестной конкуренции в интересах организации сбыта неконкурентоспособного на соответствующем рынке американского продукта – сжиженного газа. Евросоюз, вводя по инициативе Германии санкции против российской компании «Технопромэкспорт», связанных с поставкой в Республику Крым турбин немецкой компании «Siemens», безусловно, также реализовывал геэкономическую стратегию, посредством которой он добивается дезинтеграции внутренних территорий России и подрыва авторитета государственной власти в РФ с целью получения экономических выгод.

Санкции в совокупности с начатыми США торговыми войнами, которые в данном случае являются инструментом государственного регулирования, характерным для командно-административной экономической системы, оказывают негативное воздействие на мировую экономику, значительно подрывают основы мирохозяйственных связей, веру экономистов в эффективность рыночной экономической системы. По мнению, к примеру, экспертов Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), если США, ЕС и КНР в рамках санкций и торговых войн будут повышать свои средние тарифы на импорт, то это повлечет за собой существенное сокращение мирового ВВП и объема мировой торговли, что, в свою очередь, негативно повлияет на социально-экономическое развитие большей части стран мира.

Можно утверждать, что, по сути, формирование международных экономических отношений вышло за пределы правового поля и рыночного механизма. США и ЕС взяли на вооружение геоэкономическую стратегию решения своих экономических задач и продвижения собственных экономических интересов, предполагающая использование политических инструментов, таких как протекционизм, «агрессивное продавливание», шантаж других государств и др.

Взаимосвязь политики и экономики наиболее ярко проявляется в области внешнеэкономической деятельности стран. В начале 2020 года в международном деловом издании «Financial Times» была опубликована статья «Россия: адаптация к санкциям оставляет экономику в крепком здравии», в которой отмечено: «Пять лет назад российская экономика балансировала на грани краха. После вторжения Москвы и аннексии Крыма в марте 2014 года западные страны ввели в отношении России мощные экономические санкции, которые в сочетании с резким снижением цен на нефть могли бы поставить Кремль на колени. Но угрозы экономического коллапса так и не произошло, и Кремль, судя по всему, публично не испугался последствий этих мер. Вместо этого она ищет новых друзей в Азии и Африке, чтобы частично компенсировать падение Западной торговли и инвестиций».

Сегодня совершенно очевидно, что политика санкций, которые являются политически мотивированными ограничениями в экономике, торговые войны, информационное противоборство и другие дестабилизирующие действия наносят существенный вред международным, в том числе и внешнеэкономическим, связям и не позволяют реализовать огромный потенциал партнерских отношений между странами мира в интересах прогресса человеческой цивилизации.

В настоящее время характер развития ситуации на мировой арене во многом определяют отношения Российской Федерации и Европейского союза, России и Германии в частности. Развитие партнерских отношений РФ и Европы будет обуславливать уменьшение количества проблем в отношениях других стран, рост востребованности экспортных товаров многих государств мира, мировой экономики и международной торговли и т.д.

Как утверждает, к примеру, российский дипломат А. Адамишин: «Европа - наша прародительница, и с ней требуется сотрудничать везде, где только можно, но смотреть при этом надо во все стороны».

В Российско-Германской внешнеторговой палате (РГ ВТП), представляющей интересы немецких компаний в России и российских компаний в Германии, отмечают, что «Россия – это скрытый чемпион», что несмотря на кризис, обусловленный COVID-19, немецкие компании активно инвестируют в Россию и выступают за ответные санкции в случае введения новых ограничительных мер со стороны США против «Северного потока-2».

Кротков В.О. (Москва, ГАУГН)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ НА ФОНЕ КРИЗИСА РЕЖИМНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Рассматривая Россию 2020 г. в контексте социально-политических и экономических метаморфоз, можно отметить главную особенность, которая принципиально отличается от предыдущих лет, - динамика изменений увеличивается на фоне усиливающегося системного кризиса. Кризисные процессы в обозначенных сферах детерминированы как внешними (глобальная экономическая конъюнктура,

эскалация насилия во многих частях мира, в т.ч. на границе, санкционный режим, эпидемия, усиление мировой политической конкуренции и т.д.), так и внутренними факторами (экономический спад или стагнация, сжимание ресурсной базы, интенсификация внутриэлитной борьбы, нарастание противоречий по различным осям, отсутствие эффективного национального плана развития и др.). За многие годы функционирования российского политического режима правящим политическим классом целенаправленно проводилась политика по упорядочиванию политического пространства, что не могло не привести к кризису субъектности, который, в свою очередь, привел к кризису участия, так как перестала существовать конкурентная политическая сфера как на федеральном, так и на региональном уровнях. За два десятилетия социально-политическая ситуация не приводила к каким-либо существенным колебаниям, так как отсутствовали как альтернативные (оппозиционные) политические институты, реально способные взять власть, так и институты гражданского общества (массовые альтернативные профсоюзы, движения, партии и т.д.). Но 2020 г. стал поворотным не с точки зрения изменения авторитарного политического режима в целом, а с точки зрения невозможности двигаться дальше в условиях серьезного кризиса легитимности, который в первую очередь отразился на национальном лидере и институтах политической системы. Различными социологическими службами фиксируется устойчивый тренд на делегитимизацию, что неизбежно ведет к деперсонификации самого персоналистского авторитаризма. К примеру, данные репрезентативного опроса Левада-центра за февраль 2020 г. (до начала пандемии) эксплицитно показывали, что «уровень доверия к президенту России Владимиру Путину с сентября 2019 года снизился на 4 процентных пункта - до 35%». А «бывшему премьеру Дмитрию Медведеву доверяют 5% респондентов, 3% - новому председателю правительства Михаилу Мишустину», что практически в диапазоне статистической погрешности.

Характер (практически антагонистический) сложившихся противоречий социально-политического свойства и их усиливающейся динамики не мог не привести к конституционной реформе, которая после общероссийского голосования с формально грандиозным результатом девальвирует полномочия президента и создает новый властно-институциональный дизайн. Тем самым можно констатировать, что старая политическая система уже перестала быть адекватной новым запросам и была «сверху» подвержена реформированию, что не могло не дезориентировать различные властные группы и заставить их думать о механизмах и сценариях транзита политической власти. Все эти метаморфозы происходят на фоне явного появления и усиления протестного потенциала различных социальных групп с достаточно широкой географией. Триггерами социальных возмущений стали различные поводы, от экологической проблематики (Татарстан со строительством трансконтинентальной автодороги, Башкортостан с промышленным освоением шихана Куштау, Архангельская область со строительством мусорного полигона, Кемеровская область с освоением угольного разреза), до сугубо политической тематики (Хабаровский край, смена избранного главы субъекта федерации, Москва, Санкт-Петербург, иные крупные города, в период агитации за поправки к Конституции).

В результате можно констатировать, что протесты, несмотря на поводы, носят сугубо политический характер с требованиями отставки глав регионов и президента. Анатомия протеста перестала быть маргинальной, т.е. становится массовой и общезначимой, а также не имеет четкой субъектности, носит ненасильственный характер и не связана с лидерами (явными организаторами). Это новое явление в российской политике, которое говорит о формировании гражданского общества в неинституциональном формате.

Чтобы купировать протестные настроения и действия политический класс начинает применять иную тактику: воздействие на активных лидеров общественного мнения. Дальнейшая общественно-политическая динамика будет обусловлена электоральными циклами сентября 2020 и 2021 гг.

Сложившаяся ситуация является вызовом для элиты, которая находится в точке бифуркации: начать применять насилие, замалчивать, дискредитировать протесты или перезагружать партийно-политическую систему, рекрутировать во власть конструктивные оппозиционные силы, тем самым частично преодолевать кризис субъектности и легитимности.

Кругляков Д.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ СТРУКТУР

В мировой исторической практике наиболее востребованной формой участия граждан в политической публичной сфере стал институт парламентаризма, будучи ключевым связующим звеном между государством и обществом. В данной работе рассмотрим институт парламентаризма как основополагающую структуру власти, представляющей интересы общества в публичной сфере, а также его роль в обеспечении диалога государственных и гражданских структур.

Известный теоретик Карл Шмидт (Шмидт, 2009) полагал, что именно институт парламентаризма является выразителем либеральной традиции и проводником демократических ценностей в обществе. Именно через него осуществляется основополагающая функция обсуждения общественно важных вопросов, последовательно рассматривающая многообразие различных мнений, точек зрения, аргументов в рамках своей основной деятельности.

В последние несколько лет во многих парламентах были предприняты многочисленные усилия по совершенствованию их работы и налаживанию более эффективного взаимодействия с общественностью. Поэтому актуальным становится вопрос о том, какой вклад парламенты вносят в укрепление демократии и развитие публичной сферы. Для этого необходимо сформировать представление о том, что представляет собой современный демократический парламент.

В рамках традиционного разделения властей между исполнительной, законодательной и судебной парламент как свободно избираемый орган гражданского представительства занимает центральное место в политической системе. Это институт, через который выражается воля народа, и посредством которого народное самоуправление реализуется на практике. Как «народные агенты» парламенты представляют граждан в отношениях с другими ветвями власти, а также с различными международными и субнациональными органами. Насколько хорошо они выполняют эту посредническую роль и в какой степени выполняют свою представительную функцию, является важным фактором для демократического парламента.

Несмотря на все свойственные парламенту как основному публичному институту нормативные свойства и те формальные институции, которые ему предписаны законодательством той или иной страны, среди ученых высказывается предположение о кризисе легитимности и постепенной дисфункции институтов представительной власти (Соловьев, 2004).

Среди факторов утраты парламентом своей роли в политической системе современного государства отмечается усиление позиций исполнительной власти над представительной (законодательной) и воздействие каких-либо латентных сетевых образований, групп давления и иных ассоциаций, способных оказывать влияние как на принятие важных политических решений, так и на деятельность парламента в целом.

Другим дисфункциональным фактором ученые называют существенную формализацию деятельности парламентов. Практика парламентаризма в разных странах, в том числе и в России, демонстрирует, что основная текущая политическая деятельность осуществляется в небольших структурах – комитетах, кабинетах, комиссиях и др., где нивелируется всякая ответственность за принимаемые решения.

Существенную роль в ослаблении функций представительных органов играет также корпоративно-клановый характер взаимоотношений между парламентариями и связанными с ними представителями крупного бизнес-сообщества, способных через имеющиеся у них ресурсоориентированные механизмы оказывать воздействие на «проталкивание» и поддержку своих корпоративных интересов, в ущерб общественным.

Вышеназванные дисфункциональные особенности деятельности парламента сводятся к тому, что во многих государствах парламент все больше уходит от своей основной функции представительства интересов граждан, выдвигая на первый план в большей степени законодательную прерогативу со строим соблюдением всех формальных процедур и поддержанием неформальных практик для усложнения разного рода барьеров общественного участия в принятии законов и продвижения каких-либо корпоративных или личных интересов. Другими словами, институт парламентаризма минимизирует непосредственную связь с основным своим источником власти – с избирателями и с выражающими их мнение гражданскими структурами.

Таким образом, не смотря на «отдаление» парламента его деятельность как современного демократического представительного органа населения должна быть основана на вовлечении общественности в законотворческий процесс и обеспечении того, чтобы принятые решения в форме законов, проводимая политика и общий дискурс были неразрывно связаны с общественными интересами и потребностями.

Список литературы:

1. Соловьев А.И. Институциональный дизайн российской власти: исторический римейк или матрица развития // *Общественные науки и современность*. — 2004. — № 1.
2. Шмидт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) // *Социологическое обозрение*. — 2009. — Т. 8. — № 2.

Крылова М.А. (Санкт-Петербург, СПбГУП)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ПАНДЕМИИ

Исследование процессов коммуникационного воздействия на общество является важной задачей политической науки, приобретающей особую актуальность в период антикризисного управления государством. Принятие конституционных изменений, совпавшее с пиком первой волны пандемии «коронавируса», поставило перед руководством страны ряд сложных и порой практически невыполнимых задач: перераспределение бюджетных средств, борьба с безработицей, поддержка бизнеса, развитие волонтерских движений, сохранение иностранных активов, предотвращение спекулятивной деятельности, развитие системы здравоохранения и т. д. основополагающей целью при решении всех задач оставалось сохранение доверия населения к действующей власти. В рамках реализации данной цели был задействован весь коммуникационный инструментарий, включая мобилизационные и маркетинговые политические технологии.

В рамках политического процесса были рассмотрены задействованные антикризисные коммуникации в период с 15 января по 1 июля 2020 г., осуществлен анализ PR-стратегии государственного управления, выявлен ряд конструктивных технологических особенностей коммуникационного инструментария, определены внешние и внутренние коммуникации, дана оценка деятельности органам государственной власти, некоммерческому сектору организаций, задействованных при решении обозначенных задач, рассмотрена степень использования механизмов цифровой трансформации системы государственного управления, сыгравших значимую роль при преодолении ряда кризисных ситуаций. Особое внимание в исследовании уделено анализу степени мобильности ведущей коммуникационной стратегии и влияния результатов мониторинга общественного мнения получившие свое отражение в рамках выбранного государственного курса выхода из кризиса. Для осуществления более показательного анализа антикризисного государственного управления (АГУ) в основу был положен метод ивент-анализа, давший

возможность структурировать анализируемую информацию и разделить коммуникационный инструментарий в рамках политического процесса по направлениям деятельности, имеющей превентивный, поддерживающий, персональный, продвигающий и оборонительный характер.

Основные результаты исследования отражены в следующем выводе. Анализ событийного ряда продемонстрировал количественное преимущество коммуникационных технологий превентивного ряда, направленных на формирование позитивного смыслового поля, воздействие на формирование общественного мнения, при этом сохраняющих тенденцию массовой направленности и имеющих предупредительный характер. К таким технологиям в рамках политического процесса были отнесены:

- технологии введения «новых целей»;
- технологии «формального участия»;
- информационно-повествовательные технологии;
- технологии «формирования компетенций»;
- технологии «референтности»;
- технологии «нейтрализации меньшинства»;
- технологии персонализации;
- технологии ролевой трансформации.

Приведенные технологии были основополагающим инструментарием, задействованным в рамках реализации ведущей цели сохранения доверия населения к действующей власти, которые позволили сформировать стабильное эмоционально-позитивное информационное поле, снять основные очаги напряженности и предотвратить общественные волнения.

Кудряшова И.В. (Москва, МГИМО МИД России)

СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РАЗНОРОДНОСТЬЮ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

«Арабская весна» и выявленные ею процессы во многих случаях вызвали деградацию формальных политических институтов и падение легитимности государственной власти. Ряд многосоставных обществ (Ливия, Сирия, Йемен) не могут вернуться к «государственной форме» жизни, воспроизводя вооруженное насилие. Низким остается уровень государственной состоятельности (понимаемой вслед за С. Бартолини как создание организации для мобилизации ресурсов, внешняя консолидация территории, поддержание внутреннего порядка и активное участие государства в регулировании экономической и социальной сфер) во многих других арабских политиях.

Исходя из связанности протекающих процессов, обусловленной как историческим наследием, так и общностью форм социально-экономической и религиозно-культурной жизни, а также непрерывностью территории, можно констатировать текущий кризис арабской государственности. Его истоки видятся в том, что создание новых государств было результатом культурной диффузии и/или имитации: в регионе появлялись и обретали внешний суверенитет не государства в веберовском смысле, а территориально демаркированные социальные пространства, где разворачивалась борьба за установление властных иерархий – основы новых политических режимов. В результате возникающих в ходе политического развития дисбалансов они постоянно встречались с вызовами двух типов:

– включение в политический процесс оппозиционных центру этнокультурных сегментов (этнических, конфессиональных, племенных сообществ) способствовало консолидации центра и границ, но сокращало властные полномочия правящей элиты;

– исключение этих сегментов консолидировало политический режим, но усиливало территориальную фрагментацию и внешние угрозы.

Создание новых государств было легитимировано принципом национального самоопределения, и в течение длительного времени арабские элиты продолжали освоение этой идейно-политической

рамки: дискурс строительства национального государства, даже в форме панарабизма, стал тождественен дискурсу развития. Недавние (имперские) формы политической жизни определялись в нем как устаревшие или замалчивались. Таким образом, политика «национальной гомогенизации» была противопоставлена имперскому многообразию.

В исследовании выдвинуто и обосновано предположение о том, что поиск новых стратегий территориально-политической консолидации арабских государств может быть плодотворен при учете опыта управления этим региональным пространством в Османской империи и частично в период мандатной системы: хотя имперские институты непосредственно не трансформируются в институты современного государства, они остаются фактором их формирования и развития, делая возможным появление новых политических опций. Такой подход предполагает критическое переосмысление траекторий национально-государственного строительства с точки зрения сохранения / нарушения структур взаимодействия между центрами и перифериями и ориентированными на них этнокультурными сегментами. Если локальная власть в Европе чаще всего разрушалась, то в Османской империи она «успокаивалась», обеспечивая сосуществование центра с различными политическими образованиями периферии.

Анализ исторических стратегий управления периферией проведен на основе:

- выделения таких элементов имперского пространства, как ядро (военно-политический центр), полуядро (крупные города, которым делегировалось управление «негородскими» локальными сообществами в пределах административной единицы), промежуточная периферия (территории, преимущественно контролируемые полуядрами и организованные в административные единицы), глубокая периферия (территории, управление которыми в силу различных причин строилось на основе прямых неформальных соглашений с ядром);
- определения форм распределения полномочий между ядром и полуядром и типов коммуникаций между полуядром и полупериферией.

В этой логике современные этнокультурные конфликты интерпретированы как насильственная борьба, обусловленная нарушением сложившихся режимов управления и структуры пространственных связей. При этом только государство (и/или международные акторы, готовые выполнить роль политического центра) способно обеспечить имплементацию новых стратегий управления этнокультурной разнородностью. Среди них можно назвать системы распределения власти (консоциации), институт автономии (территориальной и нетерриториальной), предоставление особого статуса отдельным административным и транснациональным единицам, расширение прав местного самоуправления, закрепление новых форм представительства этнокультурных групп на региональном и национальном уровне. Следует также подчеркнуть важность развития дискурсов, способных легитимировать предполагаемые реформы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922.

*Кузина С.И. (Ростов-на-Дону,
ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, ДГТУ)*

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ФОРМАТЕ «ФОРМУЛЫ АРРИИ»

Термин «народная дипломатия» получил вторичное значение с точки зрения официальной дипломатии как «дипломатия второго уровня», но как механизм предотвращения и разрешения международных и межнациональных конфликтов он приобретает все большую популярность. «Народная дипломатия» как термин имеет также синонимы – «гражданская дипломатия», «неофициальная дипломатия», «конференционная дипломатия», но наибольшую популярность приобрел первый термин.

В современной истории известны ситуации, когда культурная и научная общественность двух народов – грузинского и абхазского, попытались с помощью встреч с людьми на митингах, переговоров

предотвратить войну. К сожалению, власти не прислушались к своей научной и культурной элите, и в 1992 году началась война между Грузией и Абхазией.

Еще одним способом разрешения вооруженного конфликта является проведение «мирной конференции», желательно, на нейтральной территории, с участием посреднической стороны. Примером такой «конференционной дипломатии» является состоявшаяся в 1999 году в г. Сочи грузино-абхазская конференция «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе» при участии ученых Университета Калифорнии, Ирвин (University of California, Irvine), США.

Механизмы народной дипломатии получили свое развитие в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) как встречи «по формуле Аррии». Формат неофициальных встреч, не предусмотренных Уставом ООН и организуемых членами Совета Безопасности ООН (СБ ООН), был предложен представителем Венесуэлы в СБ ООН (1992-1993 гг.) Диего Аррией. Такие встречи проводятся с использованием гибких процедурных рамок, чтобы услышать в неофициальном порядке откровенное мнение гражданских активистов, очевидцев обсуждаемого события, лидеров общественного мнения. Организатор-представитель СБ ООН приглашает от своего имени, а не от Совета Безопасности ООН, участников встречи. Приглашенные на встречу по «формуле Аррии» государства сами решают, участвовать во встрече или нет.

6 марта 2020 года состоялось заседание «по формуле Аррии», инициированное представительствами в СБ ООН Бельгии, Франции, Германии, Польши, Великобритании и США в сотрудничестве с миссией Украины при ООН по ситуации с присоединением Крыма к России. На встрече заслушали представителей Меджлиса крымско-татарского народа и других организаций, представляющих крымских татар за рубежом, которые говорили о притеснениях крымских татар в Крыму, о тысячах татар, вынужденных эмигрировать с полуострова. На что представитель России, первый заместитель Постпреда России при ООН Дмитрий Полянский ответил, что не надо ориентироваться на такие свидетельства, а посетить Крым, чтобы убедиться, что регион активно развивается, а референдум о присоединении Крыма к России прошел в соответствии с международным правом. Необходимо отметить, что крымчан на встречу не пригласили.

Чтобы мир услышал мнение крымчан по спорному вопросу, 21 мая 2020 года в том же формате «формулы Аррии» по инициативе России состоялась встреча представителей приглашенных государств с жителями Крыма (в дистанционной форме). От участия в разговоре отказались Великобритания, США, Украина и Эстония. Перед представителями других западных стран выступили бывший директор крымско-татарского телеканала «Миллер», журналист Э. Мусаев и глава Украинской общины Крыма А. Гридчина, которые опровергли слова зарубежных крымско-татарских активистов о массовой эмиграции соотечественников с полуострова и заявили о водной и энергетической блокаде Крыма со стороны Украины.

К сожалению, как прокомментировал реакцию западных коллег Постпред РФ при ООН В. Небензя, их мнение не изменилось, знать о реальной обстановке в Крыму они не хотят. Но то, что крымчан впервые выслушали в Совбезе ООН, – положительный результат, который надо развивать.

Примечательный момент: встречи по «формуле Аррии» всегда записывались в видеоформате и хранились в архиве ООН. США впервые потребовали, чтобы встречу с представителями Крыма удалили из архива, на что российские дипломаты ответили, что будут настаивать, чтобы такую практику удаления записи из архива применили и ко всем последующим встречам.

В настоящее время идет подготовка встречи по «формуле Аррии» по инициативе непостоянного члена СБ ООН Эстонии по вопросу соблюдения прав человека в Белоруссии.

Обращение к диалогу народов как «народной дипломатии», в том числе с использованием «формулы Аррии», говорит об актуальной необходимости развития международных отношений не только на уровне официальной дипломатии, а с применением механизмов общественной коммуникации. Формат народной дипломатии, когда разговаривают очевидцы, непосредственные свидетели обсуждаемого события, позволяет настраиваться на плодотворное взаимодействие. Объективный анализ политических конфликтов с применением механизмов народной дипломатии может стать мощным фактором поддержки межгосударственной деятельности по поддержанию мира на планете.

Кузнецов А.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Политические коммуникации в XXI в. играют в мире все большую роль. Легитимность политической власти и ее курса, поддержка политических лидеров и партий электоратом, формирование общественного мнения и т.д. зависят от содержания и качества коммуникации между властью и обществом. На фоне постепенного снижения роли традиционных инструментов и, в частности, телевизионных, печатных СМИ, Интернет-коммуникации постепенно становятся главным средством политической коммуникации, а также открывают значительные возможности участия широкой общественности в государственном управлении. По данным Всероссийского опроса GfK, к началу 2019 года аудитория Интернет-пользователей в России среди населения 16+ составила 90 миллионов человек (+3 миллиона человек к прошлому году) и достигла отметки 75,4% взрослого населения страны, что говорит о высоком потенциале Интернета как мобилизационной и информационной силах.

Действительно, Интернет всё больше приобретает характер средства личной включенности в политику. Возможности информационно-коммуникационных технологий в политике широко используются политическими акторами и гражданами для реализации разнообразных проектов и стратегий политического участия. Интернет обеспечивает постоянный общественно-политический диспут в реальном времени между властью и гражданами, позволяя в некоторой степени преодолеть иерархизм властных структур. Благодаря этому снижается зависимость граждан от институциональных посредников, партийных организаций и групп интересов, а сами жители государства могут инициировать какие-либо политические проекты, влияющие на работу властей.

В настоящий момент многие российские политические и бизнес-структуры, общественные организации, а также большая часть общества реализуют свои коммуникативные стратегии в пространстве Интернета, используя новые способы презентации и распространения информации, новые каналы и модели коммуникации. Политические партии переносят значительную часть электоральных технологий в Интернет (ЛДПР, Яблоко, Единая Россия), в то время как не системная оппозиция использует интернет-коммуникации как средство для борьбы с правящим режимом. Трендом последних лет стала гражданская консолидация на основе значимых для общества проблем (выборы в Государственную Думу; вопросы экологии, ЖКХ, коррупции, современного образования, медицинского обслуживания и др.)

В связи с этим возникает важность анализа интернет-коммуникаций как инструмента, которые используют политические силы, стремясь повлиять на те или иные политические процессы, происходящие в России. Как замечает Балашов А.Н., «политический интернет» можно определить как «разновидность средства массовой коммуникации в сфере политико-властных отношений, созданную на основе принципа обратной связи и являющуюся как виртуальным пространством для быстрых и разнонаправленных потоков политической информации и коммуникации, так и современным средством и технологией политического влияния, завоевания доверия и поддержки общественности, политического участия и политической борьбы» (Балашов, 2014). В этом ключе возможности интернета для партий и других общественных организаций следует рассматривать с двух позиций: в качестве средства влияния на общественное мнение и средства обратной связи и коммуникации с обществом. Последнее обстоятельство обусловлено уникальными сетевыми характеристиками интернета и наиболее важно для нашего исследования. Одной из гипотез исследования может являться предположение о том, что в условиях современного политического процесса, Интернет-коммуникации усиливают свое значение в качестве регулятора политических отношений разного уровня.

Список литературы:

1. Балашов А.Н. Интернет-активность российских политических партий: политологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. №3.

Кузнецов Д.А. (Москва, МГИМО МИД России)

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для всего мирового сообщества. Расширение и углубление транснациональных потоков, приведших к новому качеству глобализации, сформировали беспрецедентно «глобальный» мир, усиливая, вместе с тем, и его уязвимость пред лицом транснациональных вызовов и угроз, в том числе биогенного характера.

Центральную роль в формировании системы глобального управления в области здравоохранения исторически играет Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), как наиболее представительная и универсальная по охвату государств-членов организация.

Несомненно, на протяжении всей истории своего существования ВОЗ внесла неоценимый вклад в модернизацию систем здравоохранения, борьбу с различного рода эпидемиями и, несмотря на ряд институциональных сбоев и ошибок, допущенных в отдельные периоды ее истории, ВОЗ постоянно ведет работу по улучшению качества здоровья людей по всему миру.

Однако первая в современной истории пандемия, носящая столь масштабный и острый характер, обнажила множество функциональных и институциональных сбоев в осуществлении глобального управления пандемиями. Речь идет об отсутствии действующих международных механизмов по экстренному реагированию и купированию распространения эпидемий, нехватка знаний и ресурсов по проведению масштабных скоординированных международных исследований, провалы в реализации главнейших закрепленных за организацией функций – своевременном информировании и осуществлении руководящей роли ВОЗ, а также слабость прогностических практик, что привело к недооцененной серьезности угрозы распространяющегося вируса.

Неспособность ввиду перечисленных «сбоев» реализовать оперативную деятельность по предотвращению «глобализации» пандемии привела к резкому обострению международной критики, направленной против ВОЗ, обвинениям организации со стороны крупнейших мировых держав (в частности, США) в забюрократизированности, коррумпированности, неэффективности и «прокитайской» активности. В настоящее время взаимоотношения функционеров организации с государствами-членами, отсутствие информации о возможностях национальных комплексов здравоохранения, проблемы финансирования, ответственности и неэффективность координирующей функции приводит к эрозии центральной роли ВОЗ. Все это, в свою очередь, наряду с другими факторами продолжает способствовать ренессансу «государства» в мировой политике, усилению роли суверенных национальных границ и ослаблению кооперационных практик, усилению изоляционизма и деглобализации.

Такое положение вещей говорит о необходимости реформирования не только ВОЗ в направлении консолидации нормативной роли ВОЗ, делегирования организации больших функций со стороны государств-членов, создания аналитических сетей, способных реализовывать международные исследовательские проекты, в том числе оперативного характера, переверстка бюджетной политики и реализации масштабных международных программ по информированию населения о глобальной роли ВОЗ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109 «Воздействие глобальных биогенных угроз на мировую политику».

Кузнецов Д.А. (Москва, МГИМО МИД России)

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ В РАЗВИТИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ: НОВАЯ СТУПЕНЬ ИЛИ НОВЫЕ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ?

В современной мировой политике феномен трансрегионализма стал объективной реальностью: государства и региональные объединения активно включаются в межрегиональные связи, реализуя собственные национальные и/или коллективные интересы и объединяя ресурсы. Трансрегионализм позволяет не только участвовать в глобализации в щадящем варианте, но и представляет собой новую связку в рамках многоуровневой системы международных отношений, в результате которых происходит усложнение функциональной дифференциации мира.

При этом важнейшее значение имеет то, что трансрегионализм может принимать не только кооперационный, но и конкурентный характер. Кооперационный трансрегионализм подразумевает потенциальное или реальное сотрудничество между трансрегиональными объединениями (например, БРИКС и ИБСА) как в областях их совпадающих интересов, так и в контексте глобального управления. Конкурентный трансрегионализм может одновременно означать как наличие потенциально сталкивающихся интересов между трансрегиональными объединениями, способных вызвать конфликты и сформировать новые разделительные линии на масштабных пространствах мировой политики (например, Транстихоокеанское партнерство – «Пояс и путь»); так и столкновение альтернативных, неспособных к конвергенции трансрегиональных моделей (политических, экономических и других) в контексте конкуренции за главенствующую модель глобального управления («Индо-Пасифика» – «Пояс и путь»).

Трансрегионализм развивается и по пути формирования «перекрестных», взаимонакладывающихся объединений. Не малую роль играет и «эффект домино», который запускается тогда, когда потенциальный геоэкономический соперник или политический противник формирует собственную (транс)региональную систему (чем, например, обуславливается противостояние структурообразующих государств Азиатско-Тихоокеанского региона – США, Китая, Индии и Японии) в продвигаемых ими трансрегиональных проектах.

Вместе с тем, трансрегионализм оказывает трансформирующее влияние на эволюцию системы международных отношений, способствуя формированию полицентричности: мира множества центров силы и влияния, многоакторности, сложной взаимозависимости, многоуровневого управления, в котором сосуществуют разные типы «современности» и конкурирующие модели будущего мироустройства. Концепция трансрегионализма также укладывается в такое понимание современного полицентричного миропорядка, представляя собой и отдельный уровень связей, и новые центры влияния, и конкуренцию моделей глобального управления.

Таким образом, в исследовании соотношения мегатренда глобализации и его контртренда «деглобализации»/изоляциялизма проблематика трансрегионализма приобретает ключевое значение: является ли трансрегионализм новым этапом и формой глобализации или же данное явление действует на «разрыв» мира между различными моделями глобализации, продвигаемыми группами государств – «группами интересов», объединенных на основании разделяемых ими идеологических и ценностных характеристик относительно будущих трансформаций мировой политики и мировой экономики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31168

Кузнецова А.В. (Казань, КНИТУ)

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ЛЕВЫХ РАДИКАЛОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА (СИРИЗА И «ПОДЕМОС»)

Пережив глубокий внутренний идейный и организационный кризис в 1990-е гг., леворадикальные партии стран Западной Европы к началу XXI века обрели новую идентичность. Несмотря на их кратковременный подъём в целом ряде западноевропейских стран, включая Францию и Португалию, наибольших успехов леворадикальные партии и движения достигли в Греции и Испании, где, в отличие от других европейских государств, партии СИРИЗА (Греция) и «Подemos» (Испания) смогли добиться выдающихся успехов на выборах. Каким образом произошла подобная трансформация леворадикальных социальных движений в политические партии и почему она стала возможной именно в Греции и Испании?

Первоначальные успехи СИРИЗЫ и «Подemos» были спровоцированы мировым финансовым кризисом 2008 г. и последовавшими за ним мерами «жесткой экономии». В то же время, экономический кризис стал не столько причиной, сколько катализатором электоральных успехов этих партий, продемонстрировав кризис европейских социал-демократов и безоговорочное принятие ими неолиберальных правил игры, что впоследствии подтолкнуло значительное число их избирателей к леворадикальным партиям.

Электоральные успехи СИРИЗЫ и «Подemos» также объясняются усилиями левых радикалов по формированию новой левой идентичности, отличной от социал-демократии. Обе партии сделали ставку на включение в свой дискурс таких вопросов, как охрана окружающей среды, этническое и гендерное разнообразие, в дополнение к традиционным левым требованиям экономической справедливости. С одной стороны, они опирались на группы населения, ранее лишь частично затронутые леворадикальным дискурсом, например, ЛГБТ сообщество, иммигранты, этнические меньшинства; с другой стороны, СИРИЗА и «Подemos» смогли мобилизовать широкие слои населения, противопоставляя в своей предвыборной риторике «народ» и «режим».

Существует тесная взаимосвязь между массовыми протестами и усилением позиций СИРИЗЫ и «Подemos». Массовые протесты против мер «жесткой экономии» подтолкнули партийную мобилизацию, но и сами левые радикалы смогли обеспечить необходимую парламентскую платформу для выражения требований участников протестов и, тем самым, привлечь голоса большего числа избирателей. Так, СИРИЗА преуспела в том, что сотрудничала с общественными движениями с момента своего зарождения и на протяжении массовых протестов 2010-2012 гг. В свою очередь, «Подemos» предприняла попытку задействовать не только традиционные методы политической борьбы, но и использовать мобилизацию социальных движений. Подобное «горизонтальное» взаимодействие оказалось эффективным в мобилизации поддержки на раннем этапе и позволило левым радикалам привлечь голоса широких слоев населения за пределами их традиционной электоральной базы.

Несмотря на предвыборные обещания, левые радикалы оказались неспособны коренным образом изменить экономическую систему. Они предпочли сохранить завоеванные позиции в существующей системе государственной власти, а не противостоять ей извне. Политические успехи СИРИЗЫ и «Подemos» привели к формированию ими более умеренного политического дискурса и дерадикализации методов борьбы. В настоящий момент, леворадикальные партии продолжают предлагать альтернативу как либерально-консервативным партиям, так и социал-демократам, однако становится очевидным, что, одержав успехи на выборах, леворадикальные партии стремятся занять свое место в системе политических институтов, а не радикально их перестроить. Таким образом, демократическая трансформация общества, вдохновленная массовыми движениями и содержащая обещание радикального демократического процесса, оказалась пока нереализованной.

Проект № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007 – 2018 гг.: сравнительный анализ».

Кузьмина А.М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В условиях глобализации и перехода мирового сообщества к устойчивому развитию, особенно в кризисной ситуации распространения новой коронавирусной инфекции Covid-2019, роль государства в обеспечении контроля процессов социально-экономического и политического характера, их сбалансированности, многократно возрастает. В современный период времени перед национальной системой публичного управления встают задачи динамичного развития государства. Динамика процессов в системе публичного управления Российской Федерации обусловлена насущными внутренними проблемами экономического, социального, экологического характера, которые требуют оперативности решений для достижения в стратегическом плане нового качества жизни сегодняшних и будущих поколений.

Следуя закону необходимого разнообразия У.Р.Эшби, считаем, что только разнообразие может «уничтожить» разнообразие, а, следовательно, для решения сложных и разнонаправленных задач государству необходимо иметь определенное разнообразие видов управления, управленческого инструментария и методов. К такому варианту разнообразия можно отнести инструментарий и возможности публичного управления. Эффективность публичного управления детерминирована, с одной стороны, тем, что публичные цели отражают ценности, потребности, социальные запросы граждан, а, с другой стороны, тем, что государственные органы надлежащим образом реагируют на артикулирование и агрегацию общественных нужд, а также их легитимизацию в процессе своей деятельности.

Считаем, что потенциал публичного управления в прикладной плоскости в России еще не раскрыт, также, как и в теоретическом плане данный феномен в полной мере не изучен. Ключевыми факторами, которые сдерживают развитие публичного управления в России, являются, на наш взгляд: растущая атомизация общества, повсеместная гражданская аномия, индивидуалистский (партикулярный) подход граждан в принятии повседневных решений. В связи с чем, необходимы институциональные конструкции, которые бы активизировали гражданский интерес и гражданское участие в процессах публичного управления, подкрепляли принятие административных решений обратной связью гражданского контроля и являлись, таким образом, вектором формирования и реализации в государстве публичной политики и публичного управления. В данном случае среди таких факторов нами определяется категория гражданственности, в своем сущностном плане непосредственно и опосредованно влияющая не только на качество политики, управления, демократии, но и на качественную динамику социально-экономических, духовных и нравственных процессов общества. В компаративном плане важно выделить идентичность гражданственности в системе иных идентичностей, детерминирующих индивида (национальных, религиозных, политических, проч.).

Многие отечественные и зарубежные исследователи, стараясь в научном плане операционализировать понятие гражданственности, обращаются именно к оценке свойств личности (в социальном, культурном, философском плане), которые мотивируют проявление у индивида гражданственности, считая что гражданственность в таком случае должна формироваться либо со стороны государства (нормативное закрепление индивидуальной социальной роли гражданина), либо со стороны гражданского общества, его отдельных институциональных образований (воспитание гражданственности в семье, школе, традициях, обычаях). Считаем, что гражданственность может формироваться посредством роли организаций «третьего» сектора в публичном управлении, их коммуникаций и действий в публичной сфере, направленных на активизацию гражданского участия. Так, например, в рамках проведенного нами исследования уровня гражданской активности в субъектах Российской Федерации было выявлено, что там, где динамика роста количества активных НКО высокая, уровень гражданской активности выше. Уровни гражданской активности нами определяются как высокий, умеренно средний, умеренно низкий, и их разница определяется степенью заинтересованности граждан региона в волонтерстве,

добровольчестве, готовности состоять в инициативных группах, решать вопросы жизнеобеспечения и социального значения собственными силами или силами социально ориентированных некоммерческих организаций.

Таким образом, повышение эффективности публичного управления и активизация участия общества в процессе принятия политических и административных решений требует соответствующих институциональных преобразований в публичной сфере, а, соответственно, формирования института гражданственности. Поэтому важно, не только составить представление об институциональных границах гражданственности (позиционирование ее идентичности, «норма» гражданственности), но и важно исследовать инструменты контроля и регуляции для акторов публичной сферы действовать в указанных границах.

Куква Е.С. (Майкоп, АГУ)

ИНДИКАТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Стремительно развивающаяся непосредственная глобальная угроза - пандемия - поставила коллективный глобальный субъект – «все человечество», и каждого конкретного актора – государство, регион, город, семью, человека – в ситуацию высочайшей степени неопределенности. Термин «непосредственный» применительно к глобальной угрозе мы применяем исходя из того, что данный вызов за кратчайшее время перестал быть потенциальным, расцениваться с позиции предстоящей угрозы. Так, каждый индивид оказался под непосредственной угрозой заражения, все оказались под непосредственной угрозой распространения вируса. Власть оказалась под угрозой принятия неэффективных решений, все - под угрозой высокой степени неопределенности, отсутствия понимания, каким будет следующий шаг. Все социальные системы и институты начали перенастраиваться на новые формы и условия функционирования и взаимодействия. Значительно вырос уровень депривации у части населения, ставший следствием изоляции, отсутствия заработка, изменения привычных повседневных практик. Таким образом, угроза охватила все сферы и уровни социальной ткани: на индивидуальном уровне это была непосредственная витальная угроза, на социальном - экстремальная ситуация с неопределенной перспективой. Глобальная пандемия вызвала огромное число очевидных последствий экономического, культурного, медицинского порядка, а также несколько менее очевидных, но потенциально весьма деструктивных духовных, социетальных и политических следствий. За короткое время система взаимоотношений власти и общества подверглась переструктурированию. Уровень ожиданий, адресованных власти, многократно увеличился. Ожидания, будучи оправданными, обеспечивают высокий уровень доверия, в свою очередь детерминирующий интеграционные (вертикальные) процессы в обществе. Это процессы, которые обеспечивают единство власти и общества, в том числе на региональном уровне. Нами предложены индикаторы взаимодействия региональной власти и общества в указанных условиях в размерности «интеграции-дезинтеграции».

Они отражают основные блоки (дез)интеграционных процессов, формирующие их течение в условиях непосредственной угрозы: 1) «Информационно-коммуникативный» блок предполагает измерение степени информационной и функциональной открытости власти; 2) блок «Компетентность» отражает степень адекватности (решительности, жесткости) принимаемых решений; 3) блок «Публичность региональной политики» дает возможность измерить вовлеченность различных групп общественности; 4) блок «Доверие» фокусируется на измерении институционального доверия, а также выполнения обещаний; 5) индикаторы блока «Этичность» отражают общественные оценки справедливости, гуманности, честности власти.

В России сложилась ситуация синхронной реализации мер в столице и регионах при асинхронном распространении пандемии: при общем понимании и декларации того, что «Россия - страна огромная»,

пандемия и все решения власти «жили по московскому времени». Введение, усиление ограничений, дальнейшее их ослабление и снятие вводились с оглядкой на эпидемиологическую ситуацию в Москве. Когда же в регионах стали фиксироваться свои волны и «вспышки», во многих из них уже давно реализовывался план по постепенному снятию ограничений (Коронавирус: статистика. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat>). Это привело к тому, что около четверти населения считают действия властей неправильными (Проект Корона-ФОМ, К-зонд, Динамика индикаторов. URL: <https://datastudio.google.com/u/0/reporting/1SYQ4joKXQn1LocUmuSbdvdVFud1ouyJj/page/S4fNB>), что несомненно усиливает существующую неопределенность. Измерение взаимодействия региональной власти и общества посредством системы предложенных индикаторов позволит дать комплексную оценку такого взаимодействия в условиях непосредственной глобальной угрозы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31523

Кулакова Н.Н. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

РОЛЬ АРМИИ В ПЕРИОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ

Функционирование любой политической системы детерминировано широчайшем спектром компонентов, алгоритмы взаимодействия которых определяют её индивидуальные характеристики и вектор истории. При этом компоненты политической системы, меняясь под воздействием объективных факторов, одновременно сами становятся способны влиять на действительность.

Непреложным инструментом, ресурсом системы государственной власти и значимым фактором, определяющим отношения и исход конфликта между властью и обществом в бифуркационные периоды, являются вооружённые силы.

Властные структуры, в частности, исполнительная власть, регламентирует процесс создания, функционирования и применения военных сил для решения задач стоящих перед государством. Положение военных сил в системе государственной власти имеет конституционное закрепление и, в соответствии с законами, определяет их статус как объекта управления.

Современные реалии международных отношений стимулируют существование и укрепление военных сил как инструмента государственной власти. Внутригосударственные вызовы и события, в целом ряде стран мира, активно заявившие о себе в 2020 году, вынуждают обратиться к переосмыслению возможности применения вооружённых сил в решении внутривнутриполитических конфликтах, а также необходимости проведения аналитической оценки возможных вариантов действия личного состава вооружённых сил, связанная с применением военного насилия в периоды интенсивной политической турбулентности внутри государств.

Дихотомия реального положения вооружённых сил государства состоит в их неотъемлемой принадлежности обществу и одновременной непреложной обязанности подчинения государственной власти, и выполнению поставленных государством задач. Необходимо осознавать и принимать в качестве руководства к действию тот факт, что основы государственной власти, стабильность общественно-политического режима зиждется на подчинении вооружённых сил распоряжениям властного руководства. Властное руководство армией не может быть сведено к обеспечению их функционированию и жизнедеятельности. Верховенство государственной власти устанавливается и распространяется, прежде всего над вооружёнными силами, армия выступает инструментом государственной власти.

Вооружённые силы, как организация всецело созданная, починающаяся государственной власти и функционирующая на основе законодательства страны в свою очередь влияет на систему государственной власти в форме обратной связи посредством выражения отношения людей в погонах к законопроектам и законодательным актам, реагировании на принятие решений, а также через практическую профессиональную деятельность военнослужащих по выполнению властных приказов, в том числе в неоднозначных военно-политических ситуациях.

Эволюция российского политического процесса обусловлена столь широким спектром особенностей, представленных, в том числе малоизмененным фактором географических пространственных реалий и исторической данности, что дополнительно затрудняет выстраивание аналогий и проведение параллелей с политической практикой других государств. Однако и мировая, и отечественная история свидетельствуют, что развитие и перспективы исхода форматирования и формирования нового мирового порядка достаточно часто определяются позицией и ролью вооруженных сил в турбулентном процессе.

В российской истории военной силе традиционно принадлежит важное место, что обусловлено геополитическим положением государства, часто становившимся объектом нападения. Властное внимание и обращение к человеку с оружием, прежде всего, как опоре и защитнику, в периоды лихолетий традиционно сменяется на остаточный принцип финансирования и поддержки в мирные периоды. Отражение подобной ситуации поэтически метко выразил американский бригадный генерал армии Конфедерации Томас Джордан:

Солдат и Бог нам всех дороже

В тот час, когда беда грозит.

А стоит ей минут, и что же?

Солдат отвержен, бог забыт.¹⁰⁵

Несмотря на то что российская армия довольно редко уклонялась от выполнения властной воли и проявляла себя в качестве субъекта политики, отсутствие должного внимания к процессам, протекающим в военной сфере, чревато политизацией армии, что имело место в периоды Первой и Второй русских революций.

В настоящее время, продолжая оставаться специфическим средством властного политического института, армия не может быть полностью деполитизирована и оторвана от политической жизни государства. Рассматривать вооруженные силы только как орудие реализации властных политических интересов было бы близорукой позицией. Политический характер возлагаемых на вооруженные силы задач (пресечение общественных беспорядков, разоружение незаконных вооруженных формирований) стимулирует не только необходимость оценки политической сущности армии, но и трансформацию менталитета военнослужащих. В случае если армия свергает гражданское управление или примет сторону оппозиции, то именно она определит дальнейший ход политических событий в государстве, а соответственно станет субъектом, оказывающим решающее влияние на политический процесс.

Характер взаимодействия структур государственной власти и армии является одной из сложных и актуальных проблем современной политики, от результата которого зависит развитие общества и стабильность государства.

Кулакова Т.А., Волкова А.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

«ВЫНУЖДЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ 2020»: ВЫЗОВЫ И УРОКИ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Цифровизация общества порождает исключительные возможности, но в центре внимания оказывается крайне принципиальный вопрос, об исследовании управления в управлении Интернетом¹⁰⁶. Ряд современных немецких исследователей, объединив два связанных, но все еще разрозненных направления исследований - одно по управлению, а другое по управлению Интернетом¹⁰⁷, справедливо полагают, что «понимание управления как регулирования снижает его аналитическую ценность, в то время как приравнение его к социальной координации поднимает вопрос о масштабах: что не является

105. Томас Джордан <https://www.inpearls.ru/author/3479>

106. Ziewitz M., Pentzold C. In search of internet governance: performing order in digitally networked environments. *New Media & Society*, 2014, Vol. 16(2), p. 306–322;

107. Hofmann J., Katzenbach C., Gollatz K. Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance // *New media* 2017, Vol. 19 (9) p.1406-1423 <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444816639975>

управлением Интернетом, если мы включим все виды непредвиденных побочных эффектов?» Возникает предложение воспринимать управление как *режим*, как способ функционирования конкретных институциональных структур.

Процессы политики цифровизации не вписываются в традиционные рамки представлений о публичной политике как об отношениях, основанных на договоре, согласии. Цифровизация, скорее, основывается на таких принципах как разнообразие, полемика, конфликт. В условиях лавинного нарастания информации основная идейная борьба разворачивается вокруг «правильного» и «неправильного» пониманий фактов, явлений, процессов. В полной мере это проявилось в условиях пандемии.

Обращение глав государств (Германия, Россия, Франция, США) в начале пандемии содержало общие установки, среди которых главная идея – просьба о доверии национальному правительству, идея солидарности и сплоченности перед лицом трудностей. Но если для А. Меркель идея сохранения демократии была центром обращения, то в России вирус не позиционировался как политический вызов, как угроза демократии.

И в Германии, и в России кризис показал, насколько отстали отдельные отрасли. Так к примеру, в Германии общественный резонанс вызвала информация о том, что органы здравоохранения по-прежнему передают большую часть своих данных о коронных инфекциях по факсу в Институт Р. Коха, где они вводились вручную. Оцифровка системы здравоохранения, но также и школьной системы оказались общим болевым моментом.

Но во многих местах спонтанно искали и находили новые решения - неизбежно, поскольку в противном случае из-за комендантского часа и запрета контактов работа стала бы невозможной. Среди примеров – низовая организация сетей взаимопомощи (студенты, педагоги, врачи...), актуализация персональной ответственности. С головокружительной скоростью принимались новые правила (акционерные общества теперь могут проводить свои общие собрания виртуально, больницы были обязаны сообщать о своих свободных койках интенсивной терапии и распределять места посредством онлайн-записи, пособия по кратковременной занятости и другие субсидии начали запрашивать онлайн). Трудности «вынужденной цифровизации» в Германии стали точками роста, общественная координация – важной идеологической установкой, а запуск в рамках европейской кампании немецкого приложения для отслеживания цепочек заражения вирусом SARS-CoV-2 вызвал новый виток дискуссии о защите персональных данных, которая является важнейшим элементом процесса внедрения цифровых технологий.

В России в кризис возобладали, с одной стороны, патерналистские настроения и традиционное упование на государство, а с другой – протестное поведение (отрицание вируса). Проявили себя и активно развивавшиеся новые формы сетевой гражданской активности (формы «общественного порицания»/наказания или общественной поддержки) в условиях сетевого, цифрового общества перехватывающие у государственных органов инициативу по «возмездю». Статистика обращений на горячие линии в России свидетельствует об активизации «бдительных граждан» и об инициативном выполнении ими полицейских функций (контроль соседей, торговых точек и т.д.). Таким образом, «эра цифровизации» не снимает базовых противоречий в системе публичного управления, а лишь видоизменяет их.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

Кулинченко А.В. (Москва, МГИМО МИД России)

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭЛИТЫ КАК УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ВЛАСТИ

Масштабный кризис на международном и национальном уровнях, усиленный пандемией COVID-19, поразил не только основные сферы общественной жизни, но и политическую власть, которая часто оказывалась не способной обеспечить единство, целостность, организованность общества и дать адекватный ответ на внутренние и внешние вызовы. Пандемия и угроза жесточайшего социально-

экономического кризиса заставляет обратиться к фундаментальным вопросам о природе, сущности и назначении власти в обществе. Прежде всего, – к пониманию власти как силы внутреннего единства, которая противостоит воздействию внешней силы хаоса и разрушения, власти как силы объединения людей для решения общих задач. Увлекательные вопросы – кто властвует, над кем, как и зачем – не должны целиком поглощать всё внимание исследователей, заслоняя собой более глубокие смыслы. Важное общественное предназначение власти не позволяет ограничиваться анализом её процедурных моментов, а тем самым – ставить их во главу угла. Идеал выборной демократической власти, как достояние учебников, всё сильнее расходится с реальной практикой. Значительное число наивных и ограниченных в понимании общественно-политических процессов людей верят в право выбирать, отдавая свой голос. Далеко не все способны сознавать, что сам их выбор обусловлен массивным воздействием современных технологий манипуляции сознанием и поведением людей. В подобных условиях трудно серьёзно рассуждать о представительстве интересов. Власть в руках элиты, которая, согласно выводам основоположников элитизма, не избирается массой. Властвующая и управляющая обществом элита никого не представляет, кроме самой себя. Основополагающее положение демократических конституций о народе как источнике власти надлежит осуществить на практике. Но у элиты имеются все возможности для убеждения людей в том, что выборная власть выражает их интересы вне зависимости от реального положения дел.

В современном мире демократическая организация власти, основанная на выборах и политическом представительстве интересов, подвергается разрушительному воздействию со многих направлений. Это и эгоистическое умонастроение и деятельность значительной части элиты, игнорирующей общественные проблемы и чаяния людей, не способной ограничить своё безудержное потребление в условиях массового обнищания, что ведёт к разрыву связи между властью и народом. Это процессы атомизации общества, порождённые массовой культурой и культом потребления, невиданно усиленные мощностью современных коммуникативных технологий. Возникает новая реальность роботизированных производств, сотрудников, работающих индивидуально и удалённо друг от друга, связанных лишь в виртуальном пространстве. Угрозе подвергается личность, индивидуальность человека: нивелирование и стандартизация во всём. Массы людей становятся неотличимы друг от друга в своём стремлении получать больше «хлеба и зрелищ» на современных цифровых платформах. Виртуальные связи замещают подлинные социальные связи. Индивиды, внешне различные, внутренне хотят одного, становятся сходными, одинаковыми по своему положению в обществе. Общество из системы социальных связей субъектов деятельности превращается в агрегат атомизированных индивидов, соединённых не их собственными усилиями, а внешним по отношению к ним воздействием. Демократическое политическое представительство основано на выражении и агрегировании разнообразных интересов граждан, которое осуществляется через партии. Но у нас на глазах возникает ситуация, когда выражение интересов уже не требуется, ибо они формируются внешними по отношению к людям силами. Потребности, ценности, интересы стандартизированы и навязаны людям. Задача по их агрегированию уже не стоит. Деятельность партий сужается, они всё более превращаются в механизм продвижения представителей элиты к власти. Налицо кризис власти, утверждающей, что её источником является народ, а механизмом – политическое представительство интересов. Последнее подменяется их навязыванием с использованием политических технологий. Полученный в результате агрегат атомизированных индивидов трудно считать народом.

Выход из кризиса власти можно видеть в двух обнадёживающих обстоятельствах. Во-первых, невозможно манипулировать всеми, нельзя всех и каждого редуцировать в ничто. Всегда останутся люди с самостоятельным взглядом на жизнь, существующие проблемы, с сильным и самобытным духовным устремлением к высшим ценностям. Во-вторых, если общество не разложилось окончательно, это говорит о том, что существенная часть элиты вопреки разрушительным тенденциям стоически выполняет свою общественную функцию по управлению делами общества и решению стоящих перед ним проблем. Объединение усилий «сверху» и «снизу»: здоровой части элиты и не потерявших себя людей, способных к самодеятельности, способно сформировать новую элиту, элиту служения. Если политика и государственная служба станут для всё большего числа людей служением Отечеству и своим согражданам, это будет поощрять продуктивную духовную работу во многих других.

Активизация в каждом человеке механизма восхождения от индивидуальных интересов – к коллективным и общим способна в конечном счёте восстанавливать замещённые суррогатами социальные связи. Если граждане обретаю способность выдвигать многочисленные собственные инициативы по решению общественных проблем, предлагают всеобщему вниманию личные формы выражения общественного интереса, тем самым воссоздаётся основа для агрегирования интересов. Последнее способно вдохнуть жизнь в деятельность партий и создать на новой основе систему политического представительства как формирования, выражения и отбора конкурирующих общественно-политических воззрений и проектов развития общества.

Курков В.Н. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРОТЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГРУПП СТОРОННИКОВ А. НАВАЛЬНОГО В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

В докладе приводится анализ текущего состояния и особенностей протестной деятельности сообществ в виртуальных социальных сетях русскоязычного сегмента сети Интернет на примере групп сторонников оппозиционера А. Навального в виртуальной социальной сети «ВКонтакте».

В частности, на основании проведённого мониторинга рассматривается перечень освещаемых проблемных тем, анализируется частота и специфика размещаемых ими публикаций.

Оппозиционная деятельность сторонников А. Навального в настоящее время является наиболее активной и заметной. Необходимо обратить внимание на существенную представленность данных участников несистемной оппозиции в интернет-пространстве. Так, согласно данным мониторинга и выявления сообществ региональных сторонников А. Навального, в виртуальных социальных сетях на данный момент насчитывается более 190 групп в различных сервисах («ВКонтакте», Facebook, Twitter и др.), поддерживающих деятельность оппозиционера (мониторинг и выборка групп сторонников осуществлялись посредством ручного поиска в браузере; обращалось внимание на позиционирование сообщества как официальной ячейки А. Навального и его типовую стилизацию).

В рамках исследования было решено провести анализ сообществ сторонников в социальной сети «ВКонтакте» с учётом наибольшего числа пользователей в ней и наиболее частой наполняемости контентом новостной ленты. Мониторинг публикационной активности сообществ «ВКонтакте» осуществлялся на протяжении 3-х месяцев с июня по сентябрь 2020 года.

На основе проведённого анализа был сделан вывод о том, что основные темы и сюжеты, которые затрагивают сторонники оппозиционного политика, это антикоррупционные расследования, осуществляемые как на федеральном уровне учреждённой оппозиционером некоммерческой организацией «Фонд борьбы с коррупцией» в отношении представителей федеральной власти, так и сетью самих региональных «штабов» в отношении местных чиновников. Помимо этого, данными оппозиционными силами обращается внимание на проблемы в сфере ЖКХ, здравоохранения, образования и иные темы, которые в критическом свете показывают сложившуюся социально-политическую обстановку, а также нежелание местных властей проявлять какие-либо действия, направленные на решение накопившихся проблем.

Следует обратить внимание на различную степень активности оппозиционеров в регионах. Так, самыми активными и многочисленными являются онлайн-сообщества крупных городов, прежде всего, Санкт-Петербурга, Москвы и прочих городов, население которых превышает 1 млн человек.

В свою очередь, наименее активными являются онлайн-группы Северо-Кавказского федерального округа. В регионах данного округа сообщества сторонников А. Навального как правило отсутствуют. При этом единичные группы, которые активисты пытались создать в г. Грозном и г. Махачкала, набрали лишь несколько десятков подписчиков и являются неактивными с середины 2017 г.

Согласно позиции профессора МГУ С.В. Володенкова, виртуальные сообщества содержат в себе значительный потенциал информационно-пропагандистского влияния на пользователей Интернета, что может сказаться непосредственным образом на функционировании политического режима¹⁰⁸. В связи с этим представляется, что органам власти необходимо учитывать в своей деятельности информацию, освещаемую региональными активистами в онлайн-пространстве. В противном случае дальнейшее системное отсутствие обратной связи, а следовательно, накопление нерешаемых проблем способно подтолкнуть население к активизации протестной активности.

Курюкин А.Н. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ПАНДЕМИИ COVID-19

Пандемия Covid-19 разворачивается в то время, когда политическая система, свойственная последней четверти XX – первым десятилетиям XXI века, узловым компонентом которой выступает демократия, находится в упадке. Согласно данным, собранным Freedom House, демократия находится в рецессии более десяти лет, и все больше граждан в разных странах, включая и признанных лидеров демократии, каждый год теряют, а не получают гражданские и политические права. Ключевой проблемой является то, что Covid-19 может превратить демократическую рецессию в депрессию, что грозит поворотом политических систем к авторитаризму, скорость распространения чего по всему миру может быть сравнима с современной пандемией. Как отмечает С. Шмемман (New York Times), «Китай и некоторые из его союзников указывают на успех Пекина в борьбе с пандемией коронавируса в качестве веского основания для авторитаризации правления». Даже Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) назвала систему насильственных запретов, введенных в КНР: «возможно, самым амбициозным, своевременным и результативным политическим средством сдерживания болезней в истории». Возникает вопрос: является ли Китай исключением, или авторитарные режимы в целом смогли принять более жесткие политические меры, чтобы сдержать распространение вируса? И если так, были ли они более эффективными?

Чтобы исследовать поставленные выше вопросы, целесообразно рассмотреть институциональные и культурные основы ответных мер правительств на пандемию Covid-19. Полученные результаты показывают, что более эффективной выступила мера принудительного ограничения трансграничной мобильности, которая позволила исключить или снизить доставку вируса в не пораженные или не значительно пораженные регионы и, в большей степени, воспрепятствовать формированию так называемых трансграничных или, более того, континентального масштаба, очагов вируса. Такие меры как самоизоляция, перевод национальной образовательной системы в он-лайн режим и прочие меры имели непосредственное отношение к сдерживанию эпидемии на национальном уровне. Генеральными политическими мерами по сдерживанию распространения COVID-19 объективно стали именно ограничительные, прежде всего в отношении либеральных прав и свобод гражданина, где, на передний план, вышло ограничение свободы передвижений, собраний и т.п., которые составляют основу демократии как таковой в современном её понимании.

Отсюда на передний план выходит вопрос – станет ли авторитарный поворот закономерной тенденцией дальнейшего, пост-Covid, развития политических и правовых систем в государствах мира? Примеры движения в этом направлении уже существуют. Так, на Филиппинах президент Родриго Дутерте захватил еще большую власть и пригрозил введением режима военного положения в виде месячной блокировки страны. А 30 марта 2020 года венгерский парламент принял «Закон о коронавирусе», который наделяет правительство Виктора Орбана беспрецедентными чрезвычайными полномочиями на неопределенный период времени.

108. Володенков С.В. Интернет-технологии как инструмент воздействия на современные национальные политические режимы // Дискурс-Пи. 2017. № 3-4 (28-29).

Однако, судя по тому, как существующие автократические режимы отреагировали на кризис, не следует ожидать ни ускорения демократической рецессии, ни близкого авторитарного разворота. К этому утверждению есть несколько оснований. Во-первых, отсутствие прозрачности в автократических режимах, что стало крупнейшим негативным фактором в борьбе с пандемией. Ярчайшим примером здесь является Китай, где замалчивание проблемы вспышки коронавируса, не смогла исчерпать даже последующая успешная общенациональная мобилизация, после того, как председатель Си Цзиньпин дал «зеленый свет», распространению информации о происходящем и введению жестких ограничительных мер, первоначальное отсутствие прозрачности задержало решительные меры по обузданию вируса до его распространения в Китае и по всему миру. В свою очередь, в Туркменистане пошли ещё дальше - граждан арестовывали исключительно за то, что они публично обсуждали вспышку болезни, а врачам запрещено ставить диагноз Covid-19. Во-вторых, исследования автора показывают, что, хотя в авторитарных политических системах вводят декларативно более жесткие ограничения, демократические политические системы более эффективны в практической реализации политических мер ограничительного характера, как в отношении трансграничной мобильности, так и в отношении самоизоляции. В то время как автократии часто стремятся извлечь выгоду из предполагаемых угроз, их политический *modus operandi*, в борьбе с пандемией или другими вызовами, в этих условиях, скорее, маловероятно приобретет распространение для всего остального мира.

Кутырев Г.И. (Москва, НИУ ВШЭ)

«БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пандемия коронавируса (он же SARS-CoV-2 или COVID-19, 2019-nCoV), которая согласно китайскому офису Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) начала своё распространение из Уханя не позднее декабря 2019 г., теперь прочно заняла своё место в плеяде вызовов глобальной безопасности и соответственно получила научную рефлексию со стороны как западных, так и отечественных учёных. На момент написания данной статьи (2020 г.) «ученые пытаются разработать вакцину против вируса 2019-nCoV, и ВОЗ оказывает им помощь»¹⁰⁹. В некоторых странах наметился существенный прогресс в борьбе с эпидемией (страны Евросоюза), в то время как в других (страны Латинской Америки) эпидемия достигает чудовищных масштабов. В настоящий момент еще рано делать какие-либо окончательные выводы о том, как перестроится мир в конце 2020 г., однако можно очертить некоторые тенденции развития.

Безусловно, традиционные вызовы в виде возможной ядерной войны или нового военного конфликта, международного терроризма, растущей миграции, экономических неурядиц и социального неравенства никуда не исчезли, но слегка отошли на второй план из фокуса международного сообщества в 2020 г. Однако, это не означает, что кумулятивный эффект от их комплекса, наложенный на пандемию, которая рано или поздно пройдет, не даст новый, неожиданный результат для политики различных государств и всего мирового порядка в целом. Гипотезы о судьбе миропорядка после пандемии и в условиях нового экономического кризиса различны: от «нового биполярного мира»¹¹⁰ до сохранения ранее созданной многополярности, но в обновлённом виде¹¹¹. Кроме того пандемия вновь активизировала давний спор в рамках политической науке о процессе ослабления международных институтов¹¹².

109. Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса // Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) [Электронный ресурс]; – Режим доступа: (2019-nCoV): мифы и ложные представления // Всемирная организация здравоохранения <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters>

110. Бордачев Т. Биполярное расстройство // Профиль. Еженедельный журнал. [Электронный ресурс]; – Режим доступа: https://profile.ru/columnist/bipolyarnoe-rasstrojstvo-271423/?fbclid=IwAR1aCyqHENwzDYuT38gv6CmpeegEVxE5gzt1_7SI2a-4uhfZUZI8qncp8; Тренин Д. Как России удержать равновесие в посткризисном биполярном мире // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]; – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81541>

111. Пареньков Д. После пандемии коронавируса установится новый миропорядок // Актуальные комментарии [Электронный ресурс]; – Режим доступа: <http://actualcomment.ru/posle-pandemii-koronavirusa-ustanovitsya-novyy-miroporyadok-2003251317.html>

112. Бордачев Т. Евразийская интеграция: есть ли повод для беспокойства? // Валдай. Международный дискуссионный клуб [Электронный ресурс]; – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-besпокойstvo/?fbclid=IwAR1EvVtZPyYTuA-hhEAU5XKXhfbQY7xRm0fZ2OFiBjklukbjcINMUjShbg>

Для концепции «Большой Евразии»¹¹³ как впрочем, и для других международных проектов и институтов вся описанная выше сумма вызов является настоящим стресс тестом на прочность и приспособляемость к меняющимся условиям. В условиях пандемии COVID-19 под сомнение ставится способность и своевременность системного межгосударственного сотрудничества как такового.

Для того чтобы если не сформулировать, но наметить несколько сценариев дальнейшего развития данного регионального международного сообщества необходимо проанализировать его по сферам интеграции, которые сейчас получают наибольшее давление со стороны неблагоприятной среды: в сфере обороны и безопасности.

Пандемия «Covid-19» выявила несколько важных моментов, которые будут оказывать влияние на сферу военно-технического и контроля над биологическими угрозами «Большой Евразии»:

- российская стратегия (вестфальского мира), заключающаяся в самоусилении – преимущественно через развитие собственного потенциала в условиях пандемии получила новый импульс. «Одновременно поведение Пекина на внешней арене становится все более самоуверенным и напористым, отражая и взгляды Си Цзиньпина как верховного лидера в условиях нарастающего противоречия с США»¹¹⁴. Для формирования продвинутой стадии военного сотрудничества такие условия могут стать непреодолимым препятствием;
- спад торговли и нарушение производственных и логистических цепочек в результате закрытия границ может заметно снизить уровень военно-технического сотрудничества членов «Большой Евразии» и прежде всего Китая и России. До конца не прояснен момент как Россия и Китай собираются гарантировать безопасность своих проектов в сфере военно-экономического сотрудничества;
- недостаточное внимание и оценка степени угрозы вспышке нового заболевания как членов мирового сообщества, в том числе и членов «Большой Евразии», так и международных организаций (СБ ООН, ВОЗ). Быстрое распространение нового коронавируса - это результат «бездействия пугающих масштабов»¹¹⁵. Такой удар, безусловно, усиливает изоляционистские настроения стран-членов «Большой Евразии» и снижает общий уровень сплочённости;
- биозащита и биобезопасность относятся не только к работам, проводимым в лаборатории, но и к тому, на что влияют эти работы вне лаборатории (случайные вспышки заболеваний среди людей, животных или растений). До недавнего времени считалось, что угроза преднамеренной биологической атаки незначительна в рамках более широкого спектра возможных угроз (международный терроризм, военные конфликты, ядерное разоружение)¹¹⁶;
- как заметил в своём докладе К. ван дер Бругген «обсуждения, проводившиеся последние несколько лет, показали, что существует своего рода недоверие между учеными биологами и специалистами по вопросам безопасности, которые неожиданно появились на научной сцене»¹¹⁷. Следствие недоверия – недооценка степени угроз пандемии «Covid-19»;
- эффективность международного регулирования зависит от существования эффективной национальной системы биобезопасности, т.е. напрямую зависит от состояния системы здравоохранения каждого члена пространства «Большой Евразии»;

Режим КБТО, к которому относятся члены пространства «Большой Евразии» как было сказано выше, имеет достаточно много недостатков и требует радикального обновления и пересмотра в условиях современных реалий. Правительства должны разработать четкие нормы и законы, которые не могут иметь двоякого толкования.

113. Подробнее о концепции См. Сулов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. «Россия в формирующейся большой Евразии» М: «Издательский дом Кодекс», 2019 С. 16-17

114. Умаров Т., Габуев А. Политика волков и масок: как Китай защищает свою репутацию в кризис // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2020/04/30/ru-pub-81701>

115. Блокманс С. Коронавирус и Евросоюз. Убивает или делает сильнее? // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81401>

116. Ван дер Бругген К. Проблемы биобезопасности 21 века: эксперименты с приобретением функции // Предотвращение биологических угроз: Что можно сделать. Руководство по вопросам биобезопасности и способам их решения [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/A20909F15B8F038BC125823C00347EF5/\\$file/Biological+Security+Guide_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85+%D1%83%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B7-%D0%A7%D1%82%D0%BE+%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE+%D1%81%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8C.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/A20909F15B8F038BC125823C00347EF5/$file/Biological+Security+Guide_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85+%D1%83%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B7-%D0%A7%D1%82%D0%BE+%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE+%D1%81%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8C.pdf)

117. Там же.

Кучинов А.М. (Москва, НИУ МЭИ)

КРИЗИС ОБЩЕГО БЛАГА И КРИЗИС ВОВЛЕЧЁННОСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Принцип общего блага выступает основополагающим фактором политики современного типа, однако изучен недостаточно. Политика современного типа нами понимается как институционализируемая, основанная на правилах, а не на насилии, конкуренция проектов и решений, ориентированных на общее благо, среди неограниченного круга свободных граждан. При отсутствии каких-либо обозначенных признаков имеют место явления недо-, до- и антиполитики (См. Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / Отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.).

Такие признаки, как институционализованность, ненасилие, неограниченность, свобода, на проверку оказываются возможными лишь при работоспособности принципа общего блага.

Общее благо (*res publica*) — это принцип, при котором граждане чувствуют принадлежность к обществу (не просто общности), являющемуся объединением граждан через институты и регулируемое государством (*state*). При работоспособном общем благе реализуется общая идентичность и солидарность на социетальном уровне. Именно на социетальном, т. е. на уровне объединений институтов (механизмов распределения нормативно-ролевых ожиданий, предполагающих ожидаемые нормативно-ролевые действия акторов в их рамках), а не просто индивидов, как на социальном уровне. Без развитого социетального уровня (в России с ним имеются проблемы) реализация принципа общего блага невозможна. От реализации этого принципа зависят многие социальные и политические явления, основополагающие конфигурации социальности. Общее благо предполагает чувство принадлежности членов общества к нему, в результате чего помимо эгоистических и групповых интересов, свойственных даже дополитическим общностям, возникают общественные интересы и смыслы. Только в этих условиях возможны ответственность, общество, государство, политика, право, мораль и другие явления в их европейском понимании, восходящим к Античности.

Политическая вовлечённость взаимосвязана с принципом общего блага, будучи реализуемой только при нём. Без общего блага невозможна политика. Чтобы гражданин имел мотивацию в неё вовлекаться, он должен чувствовать своё единение с тем обществом, в политику которого может включиться.

Для российской истории характерны проблемы с реализацией принципа общего блага, отсюда — проблемы с политической вовлечённостью. Эти проблемы связаны с «тропой зависимости» от давних институтов, упразднённых обществом, государством, политикой, правом, моралью в их античном европейском понимании. Данные взаимозависимости нами пока не исследовались, однако, видимо, следует учесть как т.н. монгольское иго, эпоху крепостного права, самодержавия, так и синкретизм религиозной и политической сфер.

История не оставляет сегодняшние дни без последствий. «Тропой зависимости» в неинституционализме называются случаи, при которых изменение неэффективных правил оказывается более сложным, чем их сохранение, что приводит к «институциональным ловушкам». В российской действительности часто «тропа зависимости» связана не столько с формализованными правилами, сколько с неформализованными принципами. Поэтому проблемы, связанные с коррупцией, трудностями модернизации, построением демократии и т. д., на самом деле являются следствиями более сложных проблем, затрагивающих основополагающие сложные проблемы, затрагивающих основополагающие элементы социальности.

При поддержке гранта РФФИ 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлечённость как основания формирования и институционализации политических практик в России».

Лавров И.Р. (Москва, МГИМО МИД России)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СЕГМЕНТОВ МНОГОСОСТАВНОГО ОБЩЕСТВА. СЛУЧАЙ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА СИНГАПУР

Сингапур — разделенное общество с китайским большинством и признанными, но не политизированными, малайским и индийским сегментами. Этнические и религиозные различия могли бы привести к политической и социальной напряженности в городе-государстве, но противоречия были сглажены с помощью воплощения в жизнь концепта «культурно-нейтрального гражданства» и светского государства. Как институциональный дизайн и политическое представительство сегментов многосоставного общества сглаживают существующие между этническими и религиозными группами противоречия?

Классическими теоретическими подходами к институциональному управлению этнорелигиозной разнородностью являются сообщественность и центростремительный подход.

Сингапур — полиэтничное общество с доминирующей ролью китайского этноса, который на данный момент составляет 74,3% населения страны. Вторая и третья крупные этнические группы — малайцы и индийцы — составляют 13,4% и 9,1% жителей страны соответственно.

После создания суверенного государства китайский этнос получил доминирующую роль не только в социально-экономической и культурной сфере, но и в политической. Тогда и появляется курс руководства страны, направленный на недопущение превращения Сингапура в «третий Китай», заключающийся в утверждении новой надэтнической общности, в том числе и с помощью дизайна избирательной системы.

Сингапур — премьер-президентская республика с всенародно избранным президентом и премьер-министром, обладающим поддержкой большинства в парламенте. Действующий премьер-министр Ли Сян Лун, находится у власти с 2004 г. Премьер-президентская система с церемониальными полномочиями президента способствует принятию коллегиальных исполнительных решений.

Соревновательный авторитарный режим Сингапура ограничивает участие иных партий, кроме Партии Народного Действия (далее ПНД), что препятствует представительству сегментов.

Согласно центростремительному подходу, для разделенных обществ наиболее подходят системы с всенародно избранными президентами, имеющими значительные полномочия. Именно кандидаты, целью которых является получение поддержки всех сегментов, участвующие в полиэтничных предвыборных коалициях, способны объединить разделенное общество.

Президент, выполняющий церемониальные функции, избирается всенародным (после 1991 г.) голосованием на шестилетний срок по системе «победитель получает всё». Кандидат не должен состоять в партии на момент подачи заявки. Конституционные поправки в 2016 г. ужесточили условия для отбора кандидатов: представитель каждой из трёх крупных этнических групп — малайцев, китайцев и индийцев — должен стать президентом как минимум раз в 5 сроков. Эта поправка закрепила за президентом статус символа полиэтничной нации, что соответствует идеям центрипеталистов.

Для обеспечения участия всех сегментов в процессе принятия решений консоционалисты рекомендуют проводить парламентские выборы по пропорциональной системе. Согласно центрипеталистам, правила президентских, а не парламентских выборов, имеют большее значение. Президентские выборы по системе большинства могут институционализировать неравновесность сегментов.

В стране действует многопартийная система с доминирующей партией, и хотя девять партий принимали участие в парламентских выборах 2015 г., доминирование ПНД (83 из 89 мест) сохранилось, благодаря избирательной системе, которая благоприятствует нынешней власти. Партийно-блоковая система может обеспечить сбалансированное этническое представительство, так как партии могут формировать этнически разнородные списки представителей. Это будет соответствовать центростремительному, а не консоциативному подходу.

Сконструированный ПНД соревновательный авторитаризм формально допускает политический плюрализм и участие, но не победу оппозиционных партий. В стране отсутствуют партии, созданные по этническому и религиозному критериям, и ПНД остается ключевым «надэтническим» политическим актором.

В сложившейся институциональной структуре, у сегментов не остается возможности высказывать идеи, не совпадающие с линией правящей партии: отсутствует свобода собраний, ограничена свобода слова, ПНД доминирует практически в каждом аспекте политической жизни.

Несмотря на существования условий для возникновения консоциации в городе-государстве, в том числе, из-за выбранного дизайна избирательной системы, Сингапур является воплощением центростремительного подхода, предполагающего широкое участие трех сегментов в процессе принятия решений при наличии централизованной власти беспартийного президента и партии, которая обеспечивает государственное единство через принятие решений умеренными центристами, объединяющими интересы всех этнорелигиозных групп.

Роль объединяющей партии играет ПНД, которая со дня своего основания позиционирует себя в качестве общенациональной партии, представляющей все этносы и религии.

Лагутин О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Динамика политических протестов, имеющих массовый публичный характер с активным участием представителей молодого поколения стала мировым явлением последних нескольких лет, вызванным экономическим кризисом и катализированным пандемией. Россия не стала исключением из данного процесса, который, как и во многих странах, выразился в различных формах политической активности. В особенности это проявляется в протестных акциях, проходящих в ряде регионов страны, где молодежь стала играть роль движущей силы этих процессов.

Поведение молодежи в политическом поле требует не только научного объяснения его причин и форм, но и изучения характерных особенностей различных молодежных сегментов, образованных влиянием социально-политической среды. Наибольшую результативность представляют эмпирические исследования молодежных групп с разным потенциалом политической активности в качественном и количественном аспекте, что позволяет скорректировать молодежную политику государства, направленную на повышения уровня политической стабильности в стране и задействование молодежного потенциала на созидательную деятельность. Нами предполагается использование многомерных методов анализа для выявления различных социальных сегментов молодежи с комбинациями факторного и классификационных методов обработки данных, позволяющих стратифицировать современную молодежь на несколько групп по разной степени политической активности.

На основе предшествующего этапа эмпирического исследования молодежи в рамках упомянутого гранта, проведенного осенью 2019 года в четырех субъектах Российской Федерации — Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и г. Санкт-Петербурге (методом исследования выступало личное стандартизированное интервью, объем выборки составил 1000 респондентов; молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающая на территории исследуемых субъектов Федерации), были выявлены факторы их политического участия (Лагутин О.В., Негров Е.О. Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций: на примере основных регионов Северо-Запада и Южной Сибири. Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21 № 2. С. 165). На основе полученной факторной матрицы был проведен кластерный анализ методом К-средних, результатом которого было выявление трех групп молодежи с различным потенциалом политической активности. Первая группа самая многочисленная – 72,7%, для которой характерен «опосредованно-

фрагментарный» тип активности. Данная группа молодежи политически пассивна, редко принимает участие в политических процессах, за исключением электорального участия, имеет слабо выраженные политические предпочтения. Для защиты своих интересов эта молодежная группа может изредка обращаться в государственные органы власти, использовать личные связи и вознаграждения. Изредка принимает участие в работе общественных организаций. Категорически не приемлет участие в забастовках, митингах и других протестных формах. Время от времени обсуждает политику в социальных сетях. Группа относится к «социальным скептикам» в плане ориентации к социальным перспективам, жизнь которых либо ухудшилась, либо не изменилась за последнее время, и которые не ждут изменений к лучшему в будущем.

Вторая группа – 15,3% респондентов с «прямым активным» типом политической активности. Это «социальные оптимисты», готовые изменить свою жизнь в лучшую сторону, даже несмотря на текущие проблемы. Эта группа активно участвует в работе политических партий и общественных движений, с четко выраженной идеологической идентификацией коммунистического и либерального толка.

Третья группа – 12% респондентов с «радикальным» типом политической активности. Ориентация к социальным перспективам более выражена как «социально скептическая», чем «социально оптимистическая». Для данной группы характерна высокая степень готовности и большая практика политического протеста, участие в работе политических партий, а также материальная поддержка политиков и их проектов. Высокая степень обсуждения политики в социальных сетях. У этой группы выявлены признаки идеологической идентификации коммунистического, социал-демократического и националистического характера.

У всех трех групп выявлен предпочтительный тип государства для постоянного проживания как социал-демократический «скандинавского» свойства.

Этот инструментальный подход позволит исследовать политико-поведенческий потенциал молодежи любого региона России для дальнейшей коррекции молодежной политики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

Латин А.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В РАКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И ПРИОРИТЕТОВ

Для лучшего понимания причинно-следственных связей внутрирегиональных политических процессов, влияющих на региональную социально-политическую стабильность, был проведен углубленный политический анализ региональных целей и приоритетов, а также изучены мотивы и ограничения действий региональных элит в системе регионального публичного управления после принятия Указа Президента России №204.

Системно-сравнительный анализ региональных стратегических документов 35 из 85 регионов Российской Федерации показал, что по состоянию на конец 2019 года национальным приоритетам в целом соответствует только 41,63% показателей и задач, установленных региональными директивными документами; не соответствует 38,04% региональных показателей и задач; 20,33% региональных показателей и задач соответствует национальным приоритетам лишь частично.

Анализ полученных региональных SWOT-матриц показал большой разброс подходов к форме и содержанию внутренних и внешних по отношению к региональной власти факторов, отображаемых в основном в декларативной форме: в группе «Сильных сторон региона», перечисляются внутренние факторы, действующие на текущем этапе развития, но нет уверенности, что эти же факторы будут действовать на обозримую перспективу; в группе «Слабые стороны региона» отмечается неконкретный характер представленных факторов; группа «Возможности» должна демонстрировать потенциальные

факторы, которые могут стать точками роста, однако в своем большинстве в регионах в этом разделе излагаются «хотелки»; в группу «Угрозы и вызовы» вошли такие основания, которые не раскрывают внутренней сущности этих угроз.

Ивент- и ситуационный анализы регионов показали явную недооценку региональными властями протестной активности населения по различным вопросам региональной общественной повестки, при этом особо подчеркивается низкий уровень коммуникации между властью и населением, и, как результат, низкий уровень доверия населения к политическим институтам.

По результатам исследования отчетливо выявлена ключевая проблема слабого владения региональной властью механизмами поиска и закрепления разумного компромисса властных интересов с интересами групп бизнеса и общества. Во многом это объясняется тем, что региональная власть ощущает себя федеральным наместником, призванным поднять экономику региона на новый качественный уровень, подчиняя при этом ментальные и духовно-нравственные настроения граждан сухому и конкретному социально-экономическому нарративу. Фактически региональная власть делегировала полномочия по формированию своего перспективного целеполагания федеральному центру как по социально-политическому, так и по финансово-экономическому дизайну своего регионального будущего. В отсутствие понимания образа будущего региона в долгосрочной перспективе как объединяющей цели для всех региональных акторов, текущая деятельность региональных руководителей в основном направлена на реализацию отраслевых государственных программ и региональных проектов, находящихся под пристальным наблюдением со стороны исполнительных органов федеральной власти, что приводит к разрыву единого регионального экономического пространства, снижению самостоятельности регионов, повышает зависимость регионов от получения федеральных трансфертов. Поощрение региональной пассивности отбивает желание у активных граждан проявлять свои лидерские качества и направлять все силы на созидательную эффективную работу.

В реальности же стратегические направления развития региона определяются уже не только региональной властью, неоднородной внутри себя и испытывающей воздействие извне, в этом процессе принимают участие все возрастающее число ресурсообеспеченных акторов и групп влияния, которые в свою очередь имеют объективные противоречия во взаимоотношениях как с властью, так и с гражданами. Сетевое взаимодействие разнохарактерных сторон, многие из которых заинтересованы в альтернативных региональной власти сценариях развития, становится доминирующей парадигмой государственного управления, и отсутствие у региональной власти навыков работы в сетевом пространстве существенно снижает ее результативность, а в некоторых случаях даже парализует ее. Поэтому тенденция перехода регионального государственного управления от иерархического администрирования к системе управления по типу политических сетей на основе коммуникативных процессов вызвана объективной потребностью общества в повышении эффективности государственных управленческих процессов, направленных на укрепление региональной социально-политической стабильности, несмотря на существенное усложнение при этом конструкции управляющей системы.

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ «Технологии управления доверием к власти, упреждения угроз и вызовов региональной социально-политической стабильности».

Лапшаков Г.С. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ СПб)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

За время существования института местного самоуправления в его современном виде сложился целый ряд подходов к его определению. Однако со второй половины XX века преобладание над прочими получил подход, сформировавшийся в рамках англо-американской политической традиции. Согласно ему, местное самоуправление – это организованная деятельность населения, направленная на самостоятельное решение сообществом местных проблем. Важная особенность этого подхода состоит в том,

что он считает местное самоуправление элементом гражданского общества, а не частью государственного аппарата. Именно такая трактовка, например, была закреплена в Европейской хартии местного самоуправления 1985 года, участниками которой стали страны, некогда бывшие образцовыми примерами континентального подхода, отводящего местным органам власти роль нижней ступени государственного аппарата: Франция, Германия и Россия.

После Второй Мировой войны в число стран, воспринявших этот подход к местному самоуправлению, вошла и Япония. К тому времени эта страна, уже прошедшая через реформы эпохи Мэйдзи, обладала модернизированной по западным образцам политической системой, разительно отличавшейся от её традиционных образцов. Но ориентиром при её создании послужила Пруссия, страна крайне централизованная и целиком находившаяся в русле континентальной традиции. Определённая либерализация местного самоуправления, имевшая место в годы Демократии Тайсё, сменилась централизацией и милитаризацией японского общества в 30-е годы. Поэтому когда в 1947 году послевоенная Япония приняла новую Конституцию, посвятившую местному самоуправлению отдельную статью и провозгласившую его самостоятельным, это стало началом формирования совершенно нового института.

Института, который возник в чуждых японской политической традиции условиях. Для коллективистского японского общества традиционно был важен принцип социальной гармонии, которая возможна лишь при наличии чёткой и не подвергаемой сомнению иерархии. Такой подход делает невозможным поощрение частной инициативы в политической сфере и, соответственно, возникновение института местного самоуправления. Отсюда закономерно возникает вопрос: как этому институту, не имевшему предпосылок для возникновения в японском обществе и привнесённому в него извне, удалось к нему адаптироваться?

Одним из ключевых источников, позволяющих проследить развитие местного самоуправления в Японии, является Закон о местном самоуправлении 1947 года. Согласно Индексу японского права (日本法令索引, URL: <https://hourei.ndl.go.jp>), в период с 1947 до конца 2019 года в него было внесено 505 правок. Эта база данных также хранит протоколы обсуждений занесённых в неё поправок. Анализ их частоты и содержания в общем общественно-политическом контексте позволяет выделить четыре этапа в развитии института местного самоуправления: 1947-1952 гг. (период первичной институционализации), 1952-1970-е годы (период слабого местного самоуправления), 1970-е-1990-е годы (период уступок местному самоуправлению), 1990-е годы (период настоящего усиления местного самоуправления).

При анализе этих изменений становится заметна ведущая роль государства. Сначала местное самоуправление фактически подавлялось им из-за централизованных мер по поощрению экономического роста в годы Японского экономического чуда. Но и последовавший затем процесс децентрализации оказался результатом государственной политики, а не общественного запроса на сильное местное самоуправление. Государство начало проводить политику децентрализации с целью возрождения национальной экономики в постиндустриальный период. Следовательно, заимствуя демократический институт местного самоуправления, Япония не заимствовала его восприятие и лежащие в его основе ценности.

Главной проблемой местного самоуправления оказалось то, что при формальной автономии оно зависело от центра экономически. Поэтому ключевым шагом в политике децентрализации стало укрупнение административных единиц нижнего уровня при расширении их полномочий. Это должно было позволить им получить экономическую самостоятельность, необходимую для реальной автономии. Примером усиления местного самоуправления служит учреждённая в 2010 году губернаторами ряда префектур Экономической федерации региона Кансай, объявившей своей целью замену местных представительств центральных министерств в регионе (Сапрыкин Д.А. Децентрализация составная часть «Абэномики» // Ежегодник Японии. 2013. №42).

Укрепление местного самоуправления привело к примечательному результату: возникло восприятие, проводившее ассоциацию между институтом местного самоуправления и переосмысленным историческим опытом Японии. Местное самоуправление стало символом возрождения старого опыта в качественно новой форме. Этот подход, в целом очень характерный для японской политической традиции, окончательно превратил местное самоуправление в органичную часть политической системы Японии.

Лебедева Е.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Политическое лидерство Д. Трампа является особым типом лидерства, что обусловлено его личностными качествами, спецификой национальной политической культуры США и своеобразием ее современной динамики.

Потенциал политико-психологических качеств президента Д. Трампа, реализуемый им в политической деятельности придал значительный импульс трансформациям как внутри США, так и в системе международных отношений. Д. Трамп стал воплощением назревших с конца XX - начала XXI в. политических тенденций по переформатированию идеологизированной либерально-интервенционистской политики США в русло национально ориентированного прагматического курса по реиндустриализации экономики США, торгового протекционизма и умеренного изоляционизма.

Политико-психологические особенности политического лидерства Д. Трампа находят свое выражение в проектной деятельности по разработке и осуществлению новой политической стратегии как внутри страны, так и на международном уровне. В этом контексте представляется возможным выделить те качества президента, которые способствуют его политическому успеху.

Д. Трамп обладает стратегическим мышлением и прагматическим пониманием того, что он должен делать как политический лидер. Он формирует нестандартные подходы к пониманию преобразования существующей модели страны, нацелен на разработку многовариантных решений, последователен в реализации своих намерений, отличается практичностью и методичностью, высокой работоспособностью, стрессоустойчивостью.

С первого года вступления в должность Д. Трамп организовывал работу администрации по решению проблем, которыми на протяжении многих десятилетий пренебрегали его предшественники. Он диктует волю своему окружению и имеет немало преимуществ в отношении своих оппонентов как внутри республиканской партии, так и противников — представителей демократической партии.

При том, что Д. Трамп является одним из самых проблемных мировых лидеров современности, он легко осваивает инновации и оперативно реагирует на меняющиеся обстоятельства. Так, он активно и широко использует технологии современных массовых коммуникаций, публично напрямую обращается к согражданам и мировому сообществу через Twitter, информируя их о своей позиции по наиболее острым проблемам.

Вместе с тем, существуют политико-психологические особенности лидерства президента США, которые оказывают негативное воздействие на его деятельность и ее результаты, а также на восприятие его самого.

Так, Д. Трамп проецирует свой опыт, полученный в бизнесе на многомерную и масштабную сферу внешней, внутренней, военной политики и дипломатической деятельности, что свидетельствует о недостаточном уровне не только его политической компетентности, но и о проблемах личностной и политической рефлексии, а также одномерном понимании своей роли президента.

Это осложняется такими его политико-психологическими качествами как грандиозное восприятие самого себя, импульсивностью, склонностью к скандальным импровизациям и агрессивной риторике, прямолинейностью, властностью, амбициозностью и манифестированной демонстративностью.

Лебедева М.М. (Москва, МГИМО МИД России)

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕ-ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Бурное развитие исследований проблем глобализации в 90-х годах прошлого столетия сменилось спадом интереса к ним в начале XXI века, а в 2010-х годах ряд исследователей начали говорить о прекращении развития данного мегатренда. С появлением пандемии COVID-19, когда государства стали перекрывать свои национальные границы, уверенность в том, что мир идёт по пути де-глобализации, во многих работах усилилась.

Исследовательский вопрос работы заключается в следующем: каковы тенденции в развитии процессов глобализации и де-глобализации? Необходимо подчеркнуть, что глобализация понимается по-разному различными авторами. В данном случае глобализация определяется как транснационализация мира или транспарентность национальных границ. Глобализация во многом спонтанный процесс, влияющий на различные стороны жизни, как позитивно, так и негативно. В частности, среди негативных проявлений глобализации следует назвать то, что она способствовала распространению пандемии COVID-19. Для снижения негативных явлений глобализации государства прибегают к политике изоляционизма, закрывая границы. Этот процесс является целенаправленным, а не спонтанным. Политика изоляционизма, в свою очередь, ведет к де-глобализации.

Очевидно, что вектор де-глобализации начал действовать до развития пандемии COVID-19. Свидетельствами тому являются политика изоляционизма Д. Трампа, выраженная в действиях по выходу из целого ряда международных соглашений, в том числе в области безопасности, а также политика правых партий в Европе, направленная на закрытие национальных границ в связи с потоком мигрантов из стран Ближнего Востока. В результате пандемия COVID-19 лишь усилила и обострила процесс де-глобализации в мире.

Тем не менее, представляется, что де-глобализация носит относительно временный характер, и она не сменит основной вектор глобализационного развития мира, поскольку последний определяется экономическими и научно-техническими факторами. По всей вероятности, политика изоляционизма большинства государств будет продолжаться в период пандемии. Однако даже в этих условиях разные сегменты экономики и социальных отношений будут испытывать эффекты глобализации. Например, в 2020 году в ситуации карантина значительно возрос интерес к дистанционному образованию, в том числе дополнительному, на международных образовательных платформах. Данный факт, разумеется, не означает замену очного образования дистанционным. Более того, после окончания пандемии сфера дистанционного образования, скорее всего, сузится по сравнению с нынешним уровнем, но совокупность международных очных и дистанционных образовательных контактов в мире будет расти, что обусловлено, прежде всего экономическими причинами.

Следует также предположить, что процессы глобализации и де-глобализации будут протекать неравномерно не только по различным секторам экономики, но и по различным странам и регионам, что связано с принятием или отклонением в них политики изоляционизма.

Таким образом, выделяются сегменты по различным параметрам развития процессов глобализации и де-глобализации. Их выявление и анализ позволят более четко сформулировать внешнюю политику России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31168

Лебедева М.М. (Москва, МГИМО МИД России)

ВЛИЯНИЕ БИОГЕННЫХ УГРОЗ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ

Проблема биогенных угроз встала очень остро в 2020 году в связи с пандемией SARS-CoV-2. Пандемия стала вызовом не только медицинского, экономического и социального характера, но и, в том числе, вызовом международной безопасности и международному сотрудничеству. В настоящее время проблема пандемии находится в центре внимания специалистов многих областей науки. Опубликованы первые политологические исследования по вопросам пандемии. Они, главным образом, затрагивают проблемы экономической и социальной политики различных государств в условиях пандемии. В основном исследования сводятся к обсуждению дихотомии сохранения экономического развития и социально-медицинских последствий экономической активности. Что касается проблем пандемии, возникающих на международном уровне, то исследования также в основном посвящены проблемам мировой экономики и социальным вопросам.

Меньшее количество исследований связано с вопросами влияния пандемии SARS-CoV-2 на мировую политику, хотя существуют исследования по истории пандемий и их влияния на политические процессы, а также изучения пандемий в эпоху глобализации с акцентом на социальные, а не политические аспекты. Лишь в исследованиях немногих авторов затрагивались еще до начала пандемии SARS-CoV-2 вопросы глобального управления и международного сотрудничества. Однако буквально сразу после возникновения пандемии SARS-CoV-2 появились первые аналитические работы по ее влиянию на мировую политику (напр., Громыко А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С.3-13). Вместе с тем, возникают мирополитические проблемы, которые пока не получили должного освещения в литературе.

Основной исследовательский вопрос в данном случае заключается в выяснении того, как биогенные угрозы, и, прежде всего, пандемия COVID-19, влияют на все уровни политической организации мира и какие последствия они оказывают на мировую политику. В частности, выявляется следующее: 1) Как пандемия влияет на активность негосударственных акторов на мировой арене? 2) Как пандемия влияет на межгосударственные отношения, в том числе и проблемы «мягкой безопасности»? 3) Каковы роль и возможности международных организаций в противодействии пандемиям. Ответы на эти вопросы важны не только в рамках современных условий пандемии SARS-CoV-2, но в более широком контексте возможных биогенных угроз человечеству.

Представляется, что ответы на эти вопросы не имеют однозначных ответов. Так, часть негосударственных акторов резко сократили свою транснациональную активность, в то время, как другие, напротив – увеличили. Причем, это может наблюдаться в рамках одной и той же категории акторов. Например, транснациональная активность международного бизнеса, связанного с пассажирскими перевозками, значительно упала, в то время как бизнес-структур, занятых в информационной и коммуникационной сфере – возросла. Развитие межгосударственных связей также оказались неоднозначными. Например, фиксировались случаи, когда на пике пандемии закупленные средства индивидуальной защиты одной страны прямо в аэропорту перекупались другой страной. Причем, оба государства были союзниками, как в экономической, так и военно-политической сферах. Одновременно наблюдались и прямо противоположные эпизоды: предоставление гуманитарной помощи государствам, не являющихся союзниками. Отчасти подобные действия можно объяснить имиджевыми аспектами, но также и тем, что чрезвычайные ситуации, в том числе пандемии, вынуждают государства к более тесному сотрудничеству. Что касается международных организаций (в частности ВОЗ), то их деятельность во ходе пандемии COVID-19 показала, что требуется более четкая регламентация.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109.

Леонтьева О.В. (Тирасполь, ПГУ им. Т. Шевченко)

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПРИДНЕСТРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ОЧЕРЕДНОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА

Несмотря на многочисленные вызовы, связанные с пандемией заболевания COVID-19, политические процессы в различных государствах продолжаются, тем более если это касается электоральных процедур. Серьезную актуальность данная проблематика приобретает в самоопределившихся государствах в силу как внутренней повестки, так и вовлеченности российских представителей в региональные процессы.

Так, Приднестровье вступило в очередной электоральный цикл: выборы в Верховный Совет и местные представительные органы пройдут в Единый день голосования 29 ноября 2020 г., а выборы президента должны состояться в декабре 2021 г.

Как и в иных государствах, политическая элита Приднестровья стремится сохранить свои лидирующие позиции, в связи с чем принимает соответствующие решения. В частности, в Конституцию и избирательное законодательство внесен ряд изменений, согласно которым в Приднестровье более не существует минимального порога явки на любых выборах, сокращена примерно на треть численность депутатов Верховного Совета и местных представительных органов и т.д. В качестве обоснования указывается на необходимость гармонизации приднестровского законодательства с российским, а также оптимизации бюджетных расходов.

Таким образом, формально политическая элита Приднестровья обеспечила юридическую легитимность выборов: они будут считаться состоявшимися вне зависимости от числа избирателей, принявших участие в голосовании. В то же время принимаемые решения, в сочетании с управленческими методами приднестровской политэлиты, могут привести к снижению явки и некоторым другим проявлениям политической пассивности населения, что, в свою очередь, может создать вопросы к уровню репрезентативности политэлиты Приднестровья.

Для политэлит самоопределившихся государств вопросы политической и юридической легитимности, а также репрезентативности чрезвычайно значимы: от этих факторов зависит не только право и способность политэлиты выступать полномочным выразителем интересов большинства населения во взаимоотношениях власть – общество, но и в межэлитной коммуникации. В частности, в ситуации с Приднестровьем и Россией, и другие участники различных международных форматов признают субъектность приднестровской политической элиты и ее полномочия выступать от имени приднестровского населения (это формализуется в признании Приднестровья, наряду с Молдовой, равноправной стороной переговорного процесса, участвующей в подписании различных многосторонних юридически и политически обязывающих документов). В связи с этим, с учетом региональных политических процессов, российские представители заинтересованы в сохранении репрезентативности приднестровской политэлиты, независимо от итогов электорального цикла.

Еще одним вызовом является пандемия вируса SARS-CoV-2. В силу правовых установлений Приднестровье не может пока пойти по пути Российской Федерации и провести голосование в течение трех дней: в приднестровской Конституции установлены фиксированные даты выборов, а процедура внесения изменений в местную Конституцию – весьма длительный и формализованный процесс. Поэтому в рамках предвыборной кампании приднестровским властям приходится решать многочисленные организационные, правовые, технические и иные вопросы, связанные с обеспечением электорального цикла.

Приднестровская политическая элита, понимая ответственность за сохранение уровня репрезентативности и права выступать от имени приднестровской идентичности (приднестровского народа), стремится предпринять необходимые усилия для обеспечения преемственности и поддержания

политической легитимности. В частности, разработан комплекс мер, направленных на повышение явки избирателей, вырабатываются решения по обеспечению санитарных требований во время голосования как для избирателей, так и для членов избирательных комиссий, наблюдателей и др.

Проблема обеспечения репрезентативности политэлиты вновь подчеркивает актуальность проблемы ответственности как политической элиты, так и общества. С одной стороны, политэлита несет ответственность за обеспечение условий для выражения гражданами своей политической воли, за возможность и в дальнейшем выступать выразителем интересов населения. С другой стороны, и граждане несут свою часть ответственности за уровень репрезентативности политэлиты и за ее готовность действовать в интересах населения: политическая пассивность граждан вряд ли обеспечит должное представительство в составе политэлиты новых лиц и вряд ли будет стимулировать политическую элиту к активным действиям в интересах граждан.

Безусловно, проблема репрезентативности политэлиты не может сводиться только к вопросам явки избирателей: существуют целый ряд других факторов, влияющих на данную проблему (внешнее воздействие, доверие населения, юридическая «чистота» выборов и др.). Все эти факторы требуют комплексного анализа и учета в рамках политических процессов.

Линде А.Н. (Москва, МГИМО МИД России)

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Основной исследовательский вопрос данной работы – выявить, какие политико-коммуникативные проблемы приводят к кризису демократии в современных государствах, и установить пути их преодоления.

В мировой политической науке часто озвучивается тезис, что демократия переживает серьёзный кризис (см. например [1, 2, 3, 4]). Несмотря на то, что все авторы формируют различные подходы к кризису демократии, все они согласны в том, что кризис демократии - это «кризис коммуникации» (см. [4, р. 1445, 1, с. 252-301]), усиливающий давление государственной власти на общество и затрудняющий исполнение своей роли демократической общественностью.

Если обобщить основные составляющие этих проблем политической коммуникации, то выявляются следующие положения:

Государственный аппарат отчуждается от общества и использует политическую коммуникацию, служащую сохранению своей власти и легитимации принимаемых политических решений.

Становление в современных государствах «медиакратии». Концепция медиакратии предполагает, что существуют крупные медиа-корпорации, часто сросшиеся с властью, оказывающие однонаправленное влияние на граждан. Медиакратия влияет на сознание людей, используя однонаправленную, субъект-объектную коммуникацию, создавая свою, искусственно сконструированную повестку дня. Происходит отчуждение гражданина от влияния на демократию при помощи общественного мнения, когда искусственное «общественное мнение» механически конструируется СМИ.

Следовательно, в таком потоке коммуникации индивид не способен к независимым, рациональным суждениям, так как его сознание и свободная воля находятся под влиянием медиакратии, нарушены основания рационального выбора в политике.

4. Так как политическая коммуникация, формирование общественного мнения являются основаниями демократии, их нарушение «медиакорпорациями» угрожает переходом к «постдемократии», технократическому правлению элиты.

На эти кризисные явления необходимо дать ответы. С нашей точки зрения, для преодоления политико-коммуникативного кризиса демократии необходимо применить на практике следующие положения:

1. Осуществление в реальности принципов делиберативной демократии: усиления роли гражданского общества за счёт введения новых институтов политической коммуникации. В качестве

научных экспериментов уже были успешно осуществлены на практике такие институты делиберативной демократии, как гражданские присяжные, делиберативные опросы, делиберативные форумы и др.

2. Формирование действительно независимой «публичной сферы» в обществе. Она реализуется как на общегосударственном, так и на локальном уровне: от общественного, а не государственного, телевидения на федеральном уровне до влияющих на администрацию публичных слушаний на муниципальном уровне.
3. При развитии таких институтов формируется действительно независимое общественное мнение, способное влиять на государственную власть. Граждане самостоятельно формируют реальную повестку дня, выявляющую их подлинные, а не сконструированные извне интересы.
4. При осуществлении таких условий, как усиление влияния гражданского общества и формирование независимого общественного мнения, возможно и сохранение и развитие подлинного, неотчуждённого от общества демократического режима.

Список использованной литературы:

1. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Издательский дом Государственного Университета – Высшей Школы Экономики, 2010, 320 с.
2. Крауч К. Постдемократия. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010, 192 с.
3. Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The crisis of democracy. N.Y.: New York University Press, 1975, 221 p.
4. Dryzek J. et al. The crisis of democracy and the science of deliberation // Science, № 363 (6432), pp. 1144-1146.

Лундерс А.М.Р. (Москва, МГИМО МИД России)

ИНСТИТУТЫ ЦИФРОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ПРИМЕР НОВЫЙ ОТРАСЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЦИФРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Существует теоретическая необходимость определить новые институты и участников международного цифрового сотрудничества, поскольку это необходимо для определения того, как Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) трансформируют структуру международных отношений. Есть несколько способов наименования новых организационных форм, возникших в результате информационных коммуникационных технологий: а) цифровые институты сотрудничества; б) институты пространства-времени; в) цифровой международный актор; г) сетевой актор.

Сеть сотрудничества в области ИКТ образуют интересубъективное взаимодействие между людьми и передача идей. Содержимое сети ИКТ — это интересубъективная передача идей для создания определенного международного режима. Этот процесс создает цифровые институты сотрудничества.

Путем переопределения политических субъектов как сетевых участников можно добиться более точного объяснения и понимания эмпирических преобразований политического ландшафта на международном, национальном, субнациональном, наднациональном и транснациональном уровнях. Сетевые участники — это термин, который включает государства и просто переопределяет их как модульные единицы, состоящие из уровней сетей, которые действуют в соответствии с установлением границ суверенитета и власти. Это определение позволяет более точно понять, как власть и политика действуют через сети по линиям этих коммуникаций, что стало возможным благодаря новым коммуникационным технологиям.

Предлагается определение концепции «международных цифровых отношений» как составляющих новое более глубокое взаимодействие между участниками международной системы, а также рождение

новых международных институциональных форм в результате цифровизации. Новых форм науки о международных отношениях является результатом изменений в мышлении и практике международных отношений, вызванных цифровизацией структуры знаний в математике, информатике и социальных науках, включая политологию.

Определение концепции «цифрового института сотрудничества» является основной задачей данной работы и выводится из эмпирического анализа рамок цифрового сотрудничества ООН (пункт 8 Дорожной карты Генерального секретаря ООН по цифровым технологиям) в глобальном масштабе. Идея института цифрового сотрудничества возникла на стыке таких теорий международных отношений, как неоинституционализм, транснационализм, конструктивизм. Этот новый концепт в политической науке делает возможной конструктивистскую трансформацию международной системы и реформу ООН.

Рассмотренные новые институты цифрового сотрудничества могут более равномерно и мирно распространять преимущества информационно-коммуникационных технологий по всему миру. Новые институциональные формы изменяют процесс публичного регулирования сферы информационных технологий и способствуют отраслевой конвергенции международных отношений и информационно-коммуникационных технологий. Рассмотренные институты цифрового сотрудничества относятся к развивающейся области исследований международных цифровых отношений. Международные цифровые отношения способствуют углублению взаимосвязи и взаимозависимости между участниками международной системы и появлению новых институциональных форм сотрудничества в результате цифровизации. Соответствующие новые формы знаний о международных отношениях являются результатом изменений в теории и практике международных отношений, вызванных цифровизацией структуры знаний в математике, информатике и социальных науках. Концепт «международных цифровых отношений» становится частью широкого нового определения международных технологических отношений и международного трансфера знания.

Литвинова Т.И. (Тверь, ТвГТУ)

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Важной задачей государственной молодежной политики в нашей стране является развитие социальной, гражданской, общественно-политической активности молодежи. Студенческое самоуправление способствует наиболее полному использованию творческого, образовательного, социально-экономического потенциала современного студенчества в решении этой задачи. Под самоуправлением понимается автономное функционирование какой-либо организованной системы, адекватно решающей свои внутренние проблемы и отдельные вопросы, а также включающей исполнителей в процесс выработки решений.

Одной из задач внеучебной деятельности в современных вузах является создание системы обучения студенческого актива. Для достижения наиболее высоких результатов в данном направлении необходимо говорить именно о системной работе, т.е. обучение актива должно осуществляться не хаотичными разовыми мероприятиями, а иметь целенаправленный и планомерный характер. Студенческое самоуправление направлено на воспитание ответственности студенческих коллективов, утверждение идейно-нравственных позиций личности и коллектива, развитие и углубление инициативы коллективов в организации гражданского воспитания.

Для развития системы студенческого самоуправления, как важного механизма реализации государственной молодежной политики в вузах, в Тверском государственном техническом университете более пяти лет действует стационарная школа обучения кадрового студенческого резерва, руководителей студенческих объединений дополнительного образования. С 2018 года школа носит название «Взлетная полоса» Школа лидеров ТвГТУ».

Основной целью Школы является формирование и обучение студенческого актива, создание условий, способствующих самореализации студентов в творческой и профессиональной сфере. В задачи Школы входит: предоставление студентам реальной возможности участвовать в прогнозировании, организации, исполнении и анализе воспитательного процесса в вузе; развитие творческой активности и инициативы студентов; создание условий для развития способностей и интересов членов студенчества, развитие самостоятельного мышления и самосознания; формирование умения самостоятельно найти социально-значимое дело; формирование умения самостоятельно планировать, организовывать, реализовывать и координировать деятельность по различным направлениям.

Школа лидеров «Взлетная полоса» в ТвГТУ — это многоступенчатая система подготовки, которая включает в себя комплекс мероприятий, тренингов, мастер-классов, лекций, практик. Проект направлен на подготовку руководящего состава, потенциальных кандидатов в руководители студенческих объединений и старост. Недостаток опыта в сфере управления, лидерских качеств, стратегического мышления, компетенций для работы в команде влияет на результативность воспитательной деятельности образовательных учреждений. «Взлетная полоса» позволяет решить эту проблему путем проведения ряда теоретических и практических мероприятий, работы участников с высококвалифицированными экспертами, обмена опытом с предыдущими руководителями студенческих объединений.

Грамотная организация студенческого самоуправления в вузах позволяет сделать следующее: содействовать воспитанию профессионально-трудовой и гражданской культуры студентов университета, способствовать развитию творческой и социальной активности студентов, содействовать становлению их гражданской позиции и самостоятельности.

Лопез Яньес Р.А. (Москва, РУДН)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЛЕВЫХ СИЛ В ИСПАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Пандемия коронавируса застала всех мировых руководителей врасплох. Любой план на год, любая инициатива были подвергнуты корректировкам в связи с чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения, которая обнажила все недостатки общества. Но в то же время эпидемия дала правительству легитимность и всю полноту государственной власти для внесения значительных изменений. Например, в Испании, столкнувшись с такими тяжелыми последствиями пандемии и неутешительными экономическими прогнозами¹¹⁸, испанская исполнительная власть была обязана даже морально вводить различные меры, направленные на улучшение ситуации на всех уровнях. Кроме того, в недавнем споре о выделении и распределении финансовой помощи Евросоюзом для смягчения последствий коронавируса страны, наиболее неохотно предоставляющие помощь Южной Европе, потребовали, чтобы такие страны, как Испания или Италия, внесли существенные изменения во все области, для того, чтобы избежать экономической и социальной нестабильности.

Примечательно, что Испания впервые в своей истории имеет коалиционное правительство, получившее определение как левое. И согласно самому определению «левых» исполнительная власть должна принимать законы в интересах наиболее обездоленных и бороться за устранение любого неравенства между социальными группами. Кроме того, учитывая, что Испания, по прогнозам Международного Валютного Фонда¹¹⁹, переживет наибольшее падение валового внутреннего продукта среди развитых стран и, будучи четвертой экономикой Европейского Союза, представляется приоритетной задачей провести глубокую экономическую реформу. И кроме того, правительство, имеющее в своём распоряжении более чем три месяца чрезвычайного положения, что позволило ему принимать законы практически без контроля и практически в любой области.

118. Edit. Action Forex. (2020). Eurozone Q2 GDP finalized at -11.8%, worst contraction in Spain. Action Forex. [онлайн]. Доступно на сайте: www.actionforex.com/live-comments/324869-eurozone-q2-gdp-finalized-at-11-8-worst-contraction-in-spain/

119. Международный валютный фонд. World Economic Outlook (April 2020). [онлайн]. Доступно на сайте: www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020

Одной из первых мер стало выделение около 200 млрд. евро государственным и частным секторам, что составляет 20% ВВП. Из этих инвестиций половина будет направлена исключительно на линию поручительств для компаний, чтобы попытаться обеспечить ликвидность компаний и, таким образом, избежать цепи дефолтов, которые приведут к банкротству как испанской экономики, так и, возможно, государства. Еще одной инициативой стало создание временных регламентов занятости, которые позволяли предпринимателям не увольнять сотрудников, а оплачивать их заработную плату в течение определенного срока за счет государства. Таким образом, многие компании применяли эти меры, заявляя о снижении темпов или вовсе остановке производства, несмотря на миллионную прибыль. Кроме того, эта мера была направлена на то, чтобы предотвратить массовые увольнения, а с другой стороны, позволить многим людям оставаться дома во избежание распространения вируса. Но профсоюзы заявили, что чуть более месяца после введения карантина 95% промышленных и строительных предприятий все еще активны¹²⁰.

Правительство одобрило пакет мер, призванных смягчить ситуацию в социальной сфере. В это связи был введен мораторий на выплату ипотечных кредитов, правило, позволяющее муниципалитетам направлять свой профицит на социальную помощь или запрет на отключение воды, света и газа уязвимым группам населения во время кризиса. Плюс ряд мер по облегчению жилищной ситуации: приостановка выселений для уязвимых семей или замораживание цены за аренду на полгода. Эти меры привели к тому, что, несмотря на то, что людям не нужно было платить арендатору, плата всё равно будет накапливаться в будущем, и только доказательство нахождения в сложной жизненной ситуации может освободить от выплаты. Кроме того, большое значение имеет то, какое количество недвижимости имеет владелец дома. Дело в том, что крупным держателем недвижимости считаются те, кто владеет 10 домами или инвестиционными фондами, что исключает более 85% всех арендодателей.

С учетом этого следует иметь в виду, что для государства это не кризисная ситуация, когда оно борется за выживание или пытается любыми способами преодолеть проблему: эта ситуация дает государству наилучший сценарий для того, чтобы взять под полный ежедневный контроль капитализм, поскольку практически все общество из-за сложной эпидемиологической обстановки желает видеть решительные действия, направленные на ограничение движений и наказание тех, кто не соблюдает введенные ограничения.

Лукьянова Г.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ВИНА ИЛИ СТЫД: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКОВ В ПЕРИОД КРИЗИСА

Пандемия COVID-19 является вызовом для любого правительства, компании или общества. Сталкиваясь впервые с таким кризисом, возможно совершение ошибок потенциально опасных как для имиджа отдельных политиков, так и для устойчивости политических режимов в целом. В этих условиях репутация и доверие становятся все более ценными политическими ресурсами.

Одной из самых известных в теории антикризисных коммуникаций является разработанная У. Бенуа (W. Benoit) теория восстановления имиджа, которая включает в себя несколько стратегий поведения: отрицание (простое отрицание, перенос вины), уклонение от ответственности (провокация, представление невыгодного положения/невыполнимость, случайность, благие намерения), уменьшение вины (апелляция к заслугам, минимизация, дифференциация, трансцендентность, атака в ответ, компенсация, корректирующие действия, раскаяние). Для противодействия публичным обвинениям, политик может действовать в одном из двух направлений: отрицать вину, чтобы поставить под сомнение сам факт ошибки, или признать ответственность и скорректировать вопрос таким образом, чтобы

120. Гарсия, П. (2020). Успех строительства и промышленности от ЭРТЕ: 95% компаний являются активными. La Información. [онлайн]. Доступно на сайте: www.lainformacion.com/empresas/construccion-industria-pasan-erte-95-de-las-empresas-sigue-funcionando/6553381/

уменьшить нарушение групповых ценностей. Существенным дополнением может считаться обозначенная К. Хирит (K. Hearit) стратегия «юридического ответа»: политик не делает публичных заявлений и предпочитает действовать посредством юридических процедур.

Многие англоязычные исследователи признают, что наиболее эффективными и часто используемыми стратегиями политика являются 1) корректирующие действия, когда политик либо обещает восстановить нарушенный его действиями баланс, либо гарантирует то, что ситуация не повторится, либо 2) публичное раскаяние: политик делится искренними переживаниями с аудиторией, просит прощения и вверяет аудитории свою судьбу. Тем не менее российская практика демонстрирует, что ключевым механизмом сопротивления обвинениям в России является простое отрицание, позволяющее некоторым политическим акторам действительно избежать серьезных последствий. Почему же отрицание и игнорирование считаются неэффективными стратегиями в западных странах и являются эффективными в России?

В определении причин, по которым в условиях кризисных ситуаций одни модели поведения политиков работают в определенных странах и не работают в других, могут помочь кросс-культурные исследования и теория межкультурной коммуникации. К примеру, антрополог и этнопсихолог Р. Бенедикт (R. Benedict) утверждает, что во всем мире разные культуры регулируют социальное поведение их членов, опираясь прежде всего на чувство вины (guilt) или стыда (shame). Западные индивидуалистические культуры считаются культурами, основанными на чувстве вины: все совершаемые человеком ошибки проходят прежде всего «внутреннего» цензора или моральную инстанцию – совесть человека. Если политик допускает ошибку или нарушает какие-либо общественные нормы, то ожидаемым обществом от него поведением будет признание вины и реализация некоторых действий по исправлению ситуации. Более того, политик после этого имеет право на символическое прощение.

Напротив, восточные коллективистские культуры, в которых принадлежность к определенной социальной группе ценнее, чем индивидуальность, основаны на переживании «стыда». Совершая тот или иной поступок, человек соотносит свои действия, в первую очередь, с оценками окружающих. Только окружение может вынести суждение «виновен/невиновен». Именно поэтому в восприятии представителей культуры «стыда» признание политиком совершенных ошибок становится равносильно признанию, что политик – сам по себе «ошибка».

В настоящее время большинство исследователей согласны, что принадлежность стран к культуре только вины или только стыда носит весьма условный характер, поскольку данные нравственные нормы, регулирующие поведение, сосуществуют в каждой из культур. Например, действия активистов движения #MeToo, зародившегося в США, стране-представителе культуры вины, скорее можно отнести к культуре стыда: стратегии корректирующих действий и публичного раскаяния были недостаточны для прощения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

Луцина Т.Ю. (Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Защита социально-экономических интересов граждан, поддержка нуждающихся, достойный уровень жизни для каждого – эти принципы традиционно используются для описания социального государства. Идеи социальной справедливости, ответственности, защищенности обладают несомненно привлекательностью и востребованы идеологами социального государства. Сегодня в этом контексте все чаще прибегают к категории безусловного базового дохода, на пути к введению которого в условиях пандемии коронавируса оказались многие европейские страны и США, вводя чрезвычайные

выплаты или серьезно рассматривая возможность их введения. В условиях самоизоляции и наступающего экономического кризиса наблюдается рост ожиданий и даже требований к государству со стороны экономических активных граждан. Введение мер государственного контроля поведения людей несет угрозу нивелирования многих гражданских прав (на свободу передвижения, выбора рода деятельности, исполнения религиозных обрядов и т.д.) и делают индивидов чувствительными к проблеме ответственности за их уровень жизни. Как следствие встанет вопрос о том, на чем будет основываться легитимация власти и будет ли востребована идея ввода ограничений и применения насилия во имя спасения человеческих жизней и сохранения минимальных доходов населения.

При всех обстоятельствах ценности, которые положительно воспринимаются гражданами, восходят к идеям социально ответственного государства. В связи с этим важно понимать, какие основания легитимации власти заложены в теории социального государства, основоположником которой по праву считается Лоренц фон Штейн.

Прежде всего, Лоренц фон Штейн связывал развитие человеческого общества с капиталистической системой и ее эволюцией. Разрешение противоречий капитализма виделось ученому через призму конфликта между государством, представляющим всеобщий интерес, и обществом, отражающим отдельные классовые интересы. Государство, защищающее позиции одного класса, не выполняет своего предназначения, которое состоит в том, что обеспечить свободу и личное развитие граждан. Перспективы развития государства как института связаны с его надклассовой природой, которая достигается реформами сверху, направленных на создание условий для расширения числа собственников.

Государство, в представлении немецкого мыслителя, является выражением волей и действий своих граждан. От личностного развития каждого гражданина зависит то, как государство будет исполнять свое предназначение. В связи с этим понимание прогресса связывается в первую очередь с личностным индивидуальным развитием человека. Отсюда и задача государства создать условия для этого развития, а точнее устранить социальные барьеры, стоящие на пути к приобщению к классу собственников. При этом подразумевается, что индивид мотивирован стать собственником и, как следствие, принять участие в управлении государственными делами.

Не смотря на явное предпочтение государства перед обществом, Лоренц фон Штейн видит в последнем союзника при создании условий, благоприятствующих приобщению неимущих классов к капиталу. Социальное государство, используя свои ресурсы в области социального управления, не подменяет деятельность общественных организаций в лице профсоюзов, сберегательных касс и т.п.

Разрешая противоречия капитализма, государство обеспечивает стабильность и устойчивость общественного развития, устраняя причины социальных потрясений.

На фоне явно выраженного этатизма взглядов Лоренца фон Штейна представление о человеке раскрывается через его социальную и политическую активность. Речь идет о свободной личности, заинтересованной в своем развитии и готовой принять ответственность за свою собственную судьбу и судьбу государства.

Либеральные ценности индивидуальной свободы, приоритета рыночной экономики сочетаются с идеей гранта сохранения этих ценностей в лице государства. Это ни в коей мере не патерналистское государство, с отеческой заботой поддерживающее своих граждан в трудных жизненных ситуациях. Это государство, которое ориентировано на формирование личности, способное самостоятельно сориентироваться и обрести себя в качестве полноправного члена общества (стать собственником), суметь представить свою волю и интересы на государственном уровне.

Таким образом, идея социального государства, восходящая к философии Лоренца фон Штейна, подчеркивает личную ответственность индивида и ценность его выбора, отводя роль государства к созданию и сохранению условий для свободы личности. Легитимация власти в таком государстве, обращается к понятным для человека приоритетам – образованию, здоровью, благополучию, богатству, признанию значимости его интересов.

Майорова М.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Современная российская политическая элита находится в центре пристального внимания. Это связано с последними событиями 2020 года – эпидемиологической обстановкой, Всенародным голосованием по внесению поправок в Конституцию и пр. От того, кто находится у власти, зависит качество принимаемых решений и дальнейшее развитие общества. Поэтому так важно понимать, что за люди представляют интересы народа в органах государственной власти.

Для изучения состава членов российской политической элиты нами был проведен ее статусно-ролевой анализ. Объектом исследования в рамках проводимой аналитической работы выступают представители государственной власти разных уровней, однако в ограниченных условиях тезисов выступления представлены результаты анализа только депутатского корпуса.

Проведенный анализ показал следующие результаты.

В первую очередь следует отметить значительное преимущество мужчин в Государственной Думе – 84,5 % против 15,5 % женщин. Для нашей страны данная ситуация вполне нормальна, поскольку до сих пор считается, что политика – не женское дело.

Во-вторых, представители депутатского корпуса в большинстве своем являются городскими жителями – они родились и социализировались в городе (52%). Около 10 % тех, кто родился и рос в сельской местности. И всего 5 % тех, кто родился в селе, а затем переехал в город. Данные сведения приблизительные, т.к. у некоторых депутатов не удалось выяснить место первичной социализации.

Важным фактором является возраст депутата, который позволяет понять его жизненный опыт, специфику времени, в которое он жил и которое влияло на его мировоззрение. В рамках исследования были выделены 5 возрастных категорий (поколений) – рожденные в 40-50-х годах, 60-х, 70-х, 80-х и 90-х. Большая часть депутатов родилась в 60-е годы – 35 %, немногим меньше рожденных в 40-50-х – 34 %. В 70-е годы родилось 22 % депутатов и всего 8 % в 80-х.

Во время первого этапа исследования удалось выяснить, что около 64 % человек ранее уже были избраны в предыдущих созывах и занимали должность депутата как минимум один раз.

Образовательный профиль депутатского корпуса можно описать следующим образом. Техническое образование является преобладающим среди депутатов Государственной Думы – 26,8 %. Экономическое образование у 16,6 %, в то время как одинаковое количество депутатов обладают юридическим и гуманитарным образованиями – по 10,4 %. Людей с педагогическим и медицинским образованием чуть меньше – 8,8 % и 7 %, соответственно. Военный профиль образования наблюдается у 6,3 %. Спортивным образованием обладают 4 %.

Второе образование имеет более 60 % представителей депутатского корпуса, однако третье образование можно обнаружить лишь у 15 %. Степенью кандидата наук обладают 136 представителей Государственной Думы – это 30,5 % от общего числа. Более того, степень доктора наук имеют 54 человека (12%).

Таким образом, опираясь на полученные результаты, мы можем составить социально-демографический профиль депутата Государственной Думы – это мужчина, рожденный в 60-х годах в городской местности, с двумя высшими образованиями, первое из которых – техническое, скорее всего, обладающий степенью кандидата наук. В результате дальнейшего исследования предполагается составить подобные и расширенные профили не только представителей депутатского корпуса, но и губернаторов, министров и представителей законодательных собраний в регионах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

Макаренко К.М. (Волгоград, ВолГУ)

ПОЯВИТСЯ ЛИ ФЕНОМЕН «TELEGRAM-РЕВОЛЮЦИИ»?

Социальные революции, совершаемые в результате массовых протестных действий, явления в истории крайне редкие, но исключительно важные. Протестная активность людей детерминируема огромным количеством факторов, наиболее важные из которых определяют характер общественного недовольства и готовность людей мобилизоваться ради выражения протестной позиции. Интерес вызывают технологии коммуникации, определяющие структуру и организационные возможности протеста.

Говард Рейнгольд еще в 2002 году сформулировал обоснование термина «умная толпа» - где к работанному в трудах Г. Лебона, Г. Тарда, Х. Ортеги-и-Гассета понятию «толпы», как эмоционально-ориентированной и неструктурированной массы, добавился современный коммуникативный элемент в виде новых технологических средств связи¹²¹. Рейнгольд, используя примеры революции и массовых протестных акций в Филиппинах и Сиэтле, аргументирует свой тезис о том, что форма коммуникации определяет характер взаимодействия внутри толпы.

Развитие коммуникативных технологий – последовательный процесс эволюции, обусловленный необходимостью в обеспечении более быстрых темпов и увеличенных масштабов передачи информации. На смену SMS как инструменту координации масштабных протестных акций пришли социальные сети, породив феномен «Twitter-революций», наиболее активно проявившийся в ходе «Арабской весны». Достаточно точно инструментальную роль социальных сетей характеризуют слова участника революции в Египте, приведенные в Pacific Standard: «Мы используем Facebook, чтобы планировать протесты, Twitter, чтобы координировать действия и Youtube, чтобы рассказать о себе остальному миру»¹²².

Несмотря на то, что социальные сети зарекомендовали себя в качестве действенного инструмента информирования и консолидации протестных масс, а также организации их коллективных действий, они, все же, не решали ряд значимых проблем, наиболее актуальной из которых оставалась возможность деанонимизации (раскрытия личности). Постепенно конкуренцию социальным сетям в плане осуществления межличностной коммуникации стали составлять мессенджеры (демонстрирующие более активный рост аудитории).

Первые удачные кейсы применения мессенджеров, в качестве основного инструмента организации действий протестных групп, наблюдались в ходе гонконгской «революции зонтиков» 2014 года. В массовых гонконгских протестах 2019 года координаторы протеста продемонстрировали мощный технологический скачек, показав новые возможности мессенджеров (в первую очередь Telegram), начиная от скорости передачи информации, заканчивая возможностью передачи данных при снижении скорости передачи информации в связи с перебоями в работе интернет-соединения. Особой популярностью пользовалась стратегия динамического обновления карты протестов, где участники протестных чатов отмечали места, занятые силами правопорядка, чтобы снизить вероятность насильственных столкновений.

Для жителей стран СНГ-пространства использование такого мессенджера как Telegram в ходе консолидации и организации протестных масс в 2020 году связывается, прежде всего, с событиями в Республике Беларусь, где после подведения итогов выборов президента началась волна протестных выступлений. Основным каналом коммуникации для жителей Беларуси стал именно Telegram, где основную роль организации протестной деятельности взял на себя оппозиционный канал Nexta (Nexta-Live).

У нас нет достаточных оснований утверждать, что в Республике Беларусь свершится социальная революция, а также мы не можем утверждать, что появится феномен «Telegram-революции», однако, есть веские основания полагать, что Telegram будет использоваться для координации коллективных форм протестной деятельности в будущем, так как он является удобным инструментом для протестующих.

121. Рейтнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Говард Рейнгольд. — Пер. с англ. А. Гарькавого. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. — 416 с.

122. Howard, P. (2011), «The Arab Spring's cascading effects», available at: <https://psmag.com/economics/the-cascading-effects-of-the-arab-spring-28575>

Telegram обладает некоторыми конкурентными преимуществами, которые ценятся в протестной деятельности: скорость передачи информации, возможность «расшаривания» (распространения) информации, более совершенный алгоритм анонимизации пользователей, меньшие затраты при передаче пакетов данных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31676

Маковский А.А. (Псков, ПсковГУ)

ТЕХНОЛОГИИ МОНИТОРИНГА И АНАЛИЗА ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Основной задачей государственной национальной политики в Российской Федерации является предупреждение социальных конфликтов, возникающих на этнической и религиозной почве. В частности, речь идет о конфликтных ситуациях между представителями различных национальностей (Пугачевский бунт 2013 г., Саратовская область), представителями различных религиозных организаций, общественностью, государством и этнорелигиозными организациями.

В современной науке стоит исследовательский вопрос о возможности предупреждения конфликтных ситуаций через систему мониторинга и о предмете анализа.

Данная научная статья основана на данных экспертного интервью руководителей органов исполнительной власти Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей, в чью компетенцию входит профилактика межнациональной и межрелигиозной нетерпимости.

Сразу следует отметить, что на региональном уровне в Российской Федерации в Нижнем Поволжье (Саратовская, Волгоградская, Астраханская области) за мониторинг межрассовых, межнациональных, межрелигиозных отношений, социально-политической ситуации отвечают УМВД, УФСБ по субъектам РФ, органы исполнительной власти субъектов РФ.

В Нижнем Поволжье выстроена система личного взаимодействия представителей властных, правоохранительных структур с представителями религиозных организаций, лидерами национальных диаспор, СМИ. В регионах функционируют Советы при главах субъектов РФ по межнациональным и религиозным вопросам. Данные совещательно-коллегиальные органы предоставляют возможность открыто говорить о существующих проблемах и предконфликтных ситуациях.

Для выявления латентных конфликтных ситуаций, конфликтов интересов в регионах, проводится совместная работа представителей органов исполнительной власти субъекта РФ и представителей муниципальной власти: личные встречи, совещания, формирование статистики. В каждом муниципальном образовании ведется статистика населения по этнической принадлежности, анализируются анкеты трудовых мигрантов, переселенцев.

При этом следует отметить, что в Нижнем Поволжье не выстроена система анализа этнического и религиозного бизнеса. В данный момент нет понимания среди представителей органов исполнительной власти о наличии, степени развития этнического и религиозного бизнеса в регионе. Отметим, что зачастую конфликт экономических интересов, бытовая выгода маскируется под национальный конфликт.

Следует выделить систему сбора информации от граждан. В нижнем Поволжье обеспечивается работа телефонной «горячей линии» по сбору информации о предконфликтных, конфликтных ситуациях в сфере межнациональных отношений в ГБУ ПО «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг», также работает приемная глав субъектов РФ, которая аккумулирует жалобы граждан.

В Нижнем Поволжье выстроена система сбора обратной связи. Ежегодно органами государственной власти субъектов РФ осуществляется проведение социологических исследований. Предметом

исследования является: доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений и межконфессиональных отношений, уровень толерантного отношения к представителям другой национальности, доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии, доля граждан, не испытывающих негативного отношения к иностранным гражданам, уровень общероссийской гражданской идентичности.

Именно данные показатели учитываются Федеральным агентством по делам национальностей РФ при анализе эффективности проведения государственной национальной политики на территории субъекта РФ.

Таким образом, в регионах Нижнего Поволжья выстроена координация между органами исполнительной власти области, общественными объединениями, в том числе национальными и религиозными организациями, а также региональными средствами массовой информации по систематическому сбору и анализу информации из диверсифицированных источников, которая может быть использована для принятия оперативных управленческих решений с целью профилактики, предупреждения и пресечения межнациональной (межэтнической) и межконфессиональной напряженности и конфликтов.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации».

Максимович М.К. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАНДИДАТА НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США ДЖ. БАЙДЕНА

Выступление посвящено анализу личности кандидата от демократической партии на пост Президента США Дж. Байдена. Работа подготовлена на материалах существующих исследований.

В условиях сегодняшней действительности, нельзя преуменьшать роль личности в политике, особенно, если это касается фигуры президента страны с одной из ведущих экономик мира. Изучение личности политических лидеров необходимо для эффективного внешнеполитического взаимодействия, преодоления и предотвращения конфликтов, ведения сотрудничества. Именно личностные особенности лидера, его стиль управления и принятия решений, склад ума и биографическая траектория могут предопределить ход событий.

3 ноября 2020 года пройдут выборы на пост Президента США. Кандидатами в текущем электоральном цикле стали действующий Президент Дональд Трамп от республиканской партии и бывший вице-президент в период президентства Барака Обамы Джо Байден — от демократической. Личность Дональда Трампа и проводимая им политика подвергалась многостороннему анализу и оценке, однако личность его оппонента остается не исследованной в полной мере. В связи с нестабильной ситуацией как внутри страны, так и за ее пределами, результаты этих выборов трудно прогнозировать, но эти результаты могут оказать сильное воздействие не только на Соединенные Штаты, но и на нашу страну и на мир в целом.

Актуальность изучения личностных особенностей бывшего вице-президента, сенатора и сегодня — кандидата Джо Байдена заключается в необходимости опережающего прогнозирования его возможных действий на посту Президента США. Необходимо ответить на вопрос — какими окажутся последствия президентства Джо Байдена для самих Соединенных Штатов и не менее важно — для России, учитывая резкость высказываний самого кандидата относительно нашей страны. В случае победы Джо Байден станет самым возрастным Президентом за всю историю США, на момент инаугурации ему исполнится 78 лет. Не сумев обрести достаточной поддержки на праймериз демократической партии в 2008 году, в 2020 он составляет сильную конкуренцию Дональду Трампу.

Джо Байден является нетипичным для США кандидатом в президенты, его поведение во время публичных выступлений провокационно, риторика противоречива, а взгляды неоднозначны, он забывчив, порой бестактен, сонлив, однако он способен получать поддержку избирателей наравне с действующим президентом.

Обусловлено ли это исключительно сложившейся ситуацией на внутривнутриполитической и международной аренах или дело в самой личности лидера? Играет ли структура личности лидера столь важную роль в политике или политика определяется исключительно институциональным дизайном государства?

Для определения возможных результатов выборов, а также политики США в последующем электоральном цикле, важно выявить и проанализировать ключевые личностные особенности Джо Байдена как кандидата в президенты.

Малашенкова А.А. (Москва, МГИМО МИД России)

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ ПОПУЛИСТОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

За последнее десятилетие исследователи могут наблюдать за возрождением латиноамериканского популизма. Свидетельством этого факта выступают события, связанные с приходом к власти лидеров-популистов в странах региона.

Речь идет о четырех неполных сроках президентства Эво Моралеса в Боливии (с выборов 2005 до выборов 2019), бывшем президенте Венесуэлы Николасе Мадуро, Политическом деятеле и бывшем лидере Эквадора Рафаэле Корреа. Помимо перечисленных ранее наиболее выдающихся фигур, осуществляющих политическую деятельность в рамках феномена, получившего название популизм, стоит отметить существующие в странах региона партии, придерживающиеся данного направления. В данном списке присутствуют как партии, придерживающиеся идеологии «левых» (Единая социалистическая партия Венесуэлы, Движение к социализму в Боливии, Фронт за победу в Аргентине), так и праворадикальные популистские партии (Прогрессистская партия Бразилии, Открытый Кабильдо в Уругвае, основанная в 2019 году, правые националистические партии Парагвая Народное движение «Колорадо» и Национальный союз этических граждан).

Институт гражданского общества, уровень развитости которого выступает в работе независимой переменной, занимает особое место в системе взаимоотношений власти и общества в условиях, когда правящая элита придерживается идей популизма.

С учетом всплеска очередной волны популизма в Латинской Америке в начале этого десятилетия и событиями, связанными с активизацией деятельности представителей гражданского общества в период с 2018 по 2019 гг.¹²³, автору данного исследования предстоит ответить на следующий исследовательский вопрос: каковы факторы возрождения популизма в Латинской Америке и что может ему препятствовать?

В целях достижения результата, автором был проведен количественный регрессионный анализ, призванный выявить направление связи между уровнем развитости гражданского общества и успехом популистов в Латинской Америке. На подготовительном этапе автор концептуализировал и операционализировал понятие популизм, оценил уровень развития гражданского общества в странах ЛА и выявил общие тенденции и закономерности, выявил партии и лидеров, придерживающихся идеологии популизма в странах Латинской Америки, проанализировав их историю участия в выборах;

Автор проводит свое исследование в рамках парадигмы неонституционализма, что объясняется анализом формальных и неформальных связей и институтов при оценке влияния гражданского общества на приход к власти представителей популизма.

В результате количественного регрессионного анализа, призванного выявить степень влияния уровня развития гражданского общества на успех популистов в Латинской Америке был сделан важный вывод о направлении связи между переменными, согласно которому удалось скорректировать изначальную гипотезу. Таким образом, автором было доказано, что успех популистских партий и лидеров находится в обратной зависимости от уровня развития гражданского общества.

123. New York Times. A Very Dangerous Game': In Latin America, Embattled Leaders Lean on Generals. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/31/world/americas/latin-america-protest-military.html>

Мальшева О.П. (Краснодар, КубГУ)

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ

Современная политическая коммуникация в online-пространстве претерпела значительные трансформации ввиду когнитивного кризиса последних 10-15 лет, тотальной цифровизации социально-политической сферы и коммуникативно-коммуникационного парадокса – стремлению успеть охватить большее количество информации за максимально сжатые временные промежутки времени (клипы).

Приобретает актуальность подход, в соответствии с которым коммуникация представляет собой взаимодействие пользователей online-пространства, генерирующих, передающих и получающих определенный цифровой контент. Под цифровым контентом мы понимаем любую информацию в цифровом формате, способную распространяться вирально, каскадами посредством электронных устройств; динамично развивающуюся и трансформирующуюся под воздействием поведения пользователей; обладающую потенциалом влияния на поведение пользователей, прямо или опосредованно включенных в сеть, в которой размещена или распространяется данная информация.

Цифровой контент, обладающий семиотической комплексностью и повышенным конструктивным или деструктивным прагматическим потенциалом вызывать социальное действие в online- так и в offline-пространстве, мы будем называть цифровым креолизованным политическим контентом. Такой контент образует непрерывную среду – информационно-новостное поле, состоящее из дискретных сообщений, посредством которых взаимодействуют социально-политические акторы публичной сферы. Он способен обуславливать социально-политические трансформации и продуцировать события, способные изменить расстановки сил или интересов в обществе.

Комплексный анализ кейсов и массивов данных социальной сети Твиттер, включивший сообщения аккаунтов Б. Обамы и Д. Трампа, показал, что векторы трансформации современной политической коммуникации определяются её инновационными характеристиками (фрагментарностью, дигрессивностью, полилинейностью, мультимодальностью и поликанальностью), а также ролью цифрового креолизованного политического контента, который способен функционировать независимо от своего создателя, трансформироваться и инициировать формирование социального действия в online- и в offline-пространстве.

Фрагментарность – это презентация определенного события или явления в усеченном отрывочном формате. Опускание или выделение определенных фрагментов креолизованного контента формирует определенный фокус восприятия, может являться причиной формирования предвзятости и приводить к неверной интерпретации, искажениям, в том числе к формированию и распространению фейкньюс.

Прогрессирующая дигрессивность – это отклонение в теле сообщения от основной темы, приводящее к нарушению релевантности высказывания и снижающее уровень прагматической компетенции участников коммуникации, что способствует манипуляции сознанием.

Фрагментарность и дигрессивность снижают эффективность конструктивной коммуникации за счет предоставления неполной или искаженной информации, исключенной из контекста, что, ввиду недостаточной информированности при обрывочной и неполной подаче информации, препятствуют объективной непредвзятой аналитике.

Полилинейность может проявляться как полилинейность лингводискурсивная, подразумевающая многослойность эксплицитных и имплицитных смыслов, высокий прагматический потенциал сообщения, и полилинейность социально-политическая, то есть поливекторность развития потенциала социального действия. Конструктивный и деструктивный характер развития социального действия обусловлен точками бифуркации, в которых происходит изменение вектора развития, формируемых аттракторами – пользователями, к мнению которых тяготеют другие пользователи online-пространства в момент принятия решений (обоснования своих взглядов, формирования мнений, отношения).

Мультимодальность проявляется в комбинировании каналов (модусов) коммуникации в процессе продвижения цифрового политического контента с целью облегчения восприятия акторами социально-политического процесса определенных когнитивных паттернов, формируемых данным цифровым политическим контентом, и, в конечном счете, социально-политического коммуникативного конструкта, что способствует оптимизации политической коммуникации.

Поликанальность – использование совокупности медиа платформ, составляющих единую сеть (ряд социальных сетей, мессенджеры, таргетированная реклама), а также платформ-партнеров для эффективного продвижения цифрового креолизованного политического контента, оптимизации охвата целевой аудитории и максимального соответствия потребностям пользователей/ акторов социально-политического процесса.

Фрагментарность, дигрессивность, мультимодальность и поликанальность как новые векторы трансформации политической коммуникации в online-пространстве, требуют гибридного аналитического инструментария и методологии ввиду объемов и сложности Big Data, чем является цифровой креолизованный контент, составляющий основу сетевых исследований политической коммуникации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды».

Малькевич А.А. (Санкт-Петербург, ЛГОУ им А.С. Пушкина)

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, РАЗЖИГАНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ И СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО

До недавнего времени основным способом политического переустройства мира оставались вооружённая борьба и вооружённое насилие с многочисленными людскими и экономическими потерями. Однако в последние десятилетия произошел переход к новой технологии смены власти за счёт использования разного рода «невоенных» методов, в том числе внутреннего протестного потенциала.

На смену традиционным, привычным для мирового сообщества инструментам демонтажа приходит новое поколение более тонких инструментов, сочетающих силовые методы воздействия с технологиями манипулятивного управления массовым сознанием и массовым поведением широких масс населения.

Современные социальные технологии манипуляции общественным сознанием позволяют создавать новую реальность, придавая событиям и акторам те смыслы, которые будут полезны для формирования «правильного» общественного мнения, запуска и поддержки массовых акций.

Данная проблематика на протяжении многих лет привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Различные аспекты использования манипулятивных социальных технологий в качестве способа смены политического режима рассмотрены в работах Д. Шарпа («От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения»), Э. Люттвака («Государственный переворот: практическое пособие»), Б. Лиддел Гарта («Стратегия не прямых действий»), С.Г. Кара-Мурзы («Манипуляция сознанием. Век 21-й»), Г.Г. Почепцова (Революция. Соц. Основы протестной инженерии), Е.Г. Пономаревой («Грязные войны буржуинов»), А.В. Манойло («Технологии несилового разрешения современных конфликтов») и других.

Предметом данного исследования является анализ специфических черт современных манипулятивных технологий, применяемых в политических протестах на постсоветском пространстве в настоящее время.

Вокруг Российской Федерации сегодня выстраивается настоящая «дуга нестабильности»: одновременно проходят две «революции» и война на границе России – «горит» в Киргизии, Беларуси, Армении и Азербайджане, перманентно «тлеет» Украина. Подобная ситуация прогнозируется

и в Молдавии: выборы президента здесь назначены на 1 ноября, а 2 октября в стране стартовала предвыборная гонка. 11 октября – выборы президента Таджикистана.

Есть все предпосылки для того, чтобы в условиях нестабильности с помощью соцсетей и социальных технологий заинтересованные лица могли перехватить управление общественными процессами у государства.

Самой перспективной технологией 20-х годов XXI века можно смело признать направленную коммуникацию через социальные сети и мессенджеры.

Протестный телеграм-канал NEXTA, запущенный летом 2020 года в Беларуси – не местное явление, не инициатива для поддержания протестных настроений белорусов. Созданный изначально «как бы в Польше» канал координации протестов NEXTA активно подключился и к освещению киргизских событий. 4 октября в Telegram появился киргизский «**Тажадым NEXTA**».

Общее количество подписчиков этой «сетки» во всех соцсетях – более четырёх миллионов, из которых более 450 тысяч на YouTube и более 2,5 миллионов – в Telegram-каналах с общим названием «NEXTA».

В России специально за год до думских выборов появилась также целая сетка каналов NEXTA – RussiaNEXTA, NEXTARU и т.д., причем она не просто работает, а активно раскручивается в российском сегменте через «каналы-партнёры», то есть размещает открытую рекламу в закрытых чатах с призывами о подписке. Таким образом, собрав на своих каналах в основном протестную часть гражданского общества, NEXTA начинает делиться своими подписчиками с оппозиционными каналами в России.

Технологии, которые использует NEXTA, трудоёмки и разнообразны. Среди них можно назвать плановый постинг (информация вбрасывается пачками с заранее запланированного мероприятия), постпродакшн (к каждому пулу постов присоединяется длинный «хвост» с того же мероприятия из постов сторонних аккаунтов), смещение акцента на видео (больше видеоконтента, чем текстового), работа с социальными группами (противопоставление «провластных пенсионеров» «молодым перспективным протестантам»), навешивание негативных, унижающих ярлыков с оттенком тюремной лексики (силовики именуют не иначе как «слабовики», «каратели»).

Самым жёстким и откровенно противоправным инструментом является публикация личных данных и адресов людей, открыто противостоящих позициям манипуляторов и представляющих для них опасность.

Так поступили в своё время на Украине, создав сайт «Миротворец». В Беларуси данные противников (силовики, чиновников, членов избирательных комиссий) публикует у себя NEXTA и связанные с ней тематикой каналы «Каратели Беларусь», «Чат группы Каратели» и «Все нарушения!».

8 октября Apple потребовала у Telegram заблокировать последние три канала, поскольку: «Apple считает что публикация личной информации сотрудников правоохранительных органов и «пропагандистов» может спровоцировать насилие».

Современные дата-технологии, в том числе неотслеживаемые и неконтролируемые мессенджеры и социальные сети, могут координировать протестные митинги и иные акции, задавать дресс-код, публиковать методические указания по поведению в той или иной ситуации, оказывать юридическую и финансовую поддержку. По сути, они являются распределёнными штабами протеста для сетевого общества, дистанционно контролируя сотни тысяч людей.

Таким образом, на основе анализа информационного сопровождения протестных акций в Беларуси, необходимо отметить, что технологии Интернет-координации протестов активно развиваются, формируются новые формы и методы активизации и агрегирования протестных настроений, консолидации и мобилизации оппозиционно настроенных групп населения.

Мальцева Д.А., Сафонова О.Д., Дедуль А.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ

В процессе интенсификации влияния цифровых технологий на все структурные элементы политико-экономических и социальных процессов особое значение приобретает разработка эффективных сценариев управления человеческим капиталом как фактора повышения конкурентоспособности государства на глобальном уровне.

Интерпретация человеческого капитала на сегодняшний день претерпевает существенные содержательные изменения. Управление человеческим капиталом представляется как деятельность по воздействию (прямому или косвенному) на человеческий капитал или его отдельные структурные элементы с целью актуализации наилучших сценариев по использованию человеческого капитала.

Неизбежная цифровая трансформация актуализировала проблематику государственного управления человеческим капиталом как интенсивным производительным фактором развития экономики, общества и домохозяйств, включающим в себя образованную часть рабочей силы, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду трудовой деятельности и обитания, знания, которые обеспечивают рациональное и эффективное функционирование.

Управление человеческим капиталом в условиях цифровой экономики предполагает две основные задачи: качественное накопление человеческого капитала и его эффективное использование. Основываясь на опыте государств-лидеров в области развития цифровой экономики, можно выделить несколько приоритетных направлений государственной политики по управлению человеческим капиталом на современном этапе: образование, здравоохранение, регулирование доходов и социальная сфера, партнёрство и кооперация сетевых акторов, информационное обеспечение и мотивация, общее качество жизни и экология [2].

Ценность человеческого капитала находится в зависимости от экономической ситуации и уровня развития технологий. Кроме того, большую роль играет влияние государственных институтов, оказывающих воздействие на качество человеческого капитала посредством проведения политики в области образования, здравоохранения и социального обеспечения. Таким образом, именно эффективность государственных мер в той или иной области влияет на ценность имеющихся у населения знаний и навыков.

В своей политике «государства стремятся к комплексному и стратегическому подходу управлению навыками и компетенциями граждан», поскольку именно такой подход обеспечивает наилучшие результаты и конкурентоспособность государства на мировой арене [1].

Государству следует и далее серьезно относиться к управлению человеческим капиталом как средству успешной цифровой трансформации, а сам человеческий капитал признать важнейшим ресурсом страны и, таким образом, повысить свою конкурентоспособность в условиях неизбежности цифровой экономики, которую можно понимать «как результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации, которые влияют на все секторы экономики и социальной деятельности» [3].

В контексте анализа отечественной практики государственного управления человеческим капиталом можно обозначить следующие ключевые особенности: наличие онлайн-сервисов для самостоятельной оценки гражданами своих цифровых компетенций, активное использование грантов, внедрение персональных профилей компетенций и сервисов для выбора гражданами персональной траектории развития.

Таким образом, управление человеческим капиталом представляется одним из наиболее существенных факторов повышения эффективности и конкурентоспособности государственной политики в контексте развития цифровой экономики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00393 «Координационные эффекты стратегического управления политико-административными процессами в условиях цифровизации».

Список литературы:

1. Кастрюлина Ю.М. Развитие человеческого капитала как стратегическая цель формирования инновационной экономики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-chelovecheskogo-kapitala-kak-strategicheskaya-tsel-formirovaniya-innovatsionnoy-ekonomiki>.
2. Ишмухаметов Н.С. Роль государства в формировании условий устойчивого развития человеческого капитала // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2011, №28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17039119>.
3. Сударушкина И.В., Стефанова Н.А. Цифровая экономика // Азимут научных исследований: экономика и управление. – Тольятти, 2017, т. 6, № 1 (18). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29024923>. (Дата обращения: 24.08.2020).

Мамаева Ю.А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПРИМЕНЕНИЕ PR-ТЕХНОЛОГИЙ КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Рассмотрение проблематики применения PR-технологий в ходе непрекращающейся дискуссии вокруг исторических аспектов существования и развития различных стран в настоящее время требует определить основные направления деятельности политических акторов по использованию технологий.

Исследуя вопрос о сохранении исторической памяти в контексте применения PR-технологий, необходимо, заострить внимание на понимании термина «историческая память» в части его оценки со стороны различных политических субъектов. Данный термин в значительной степени сходится с историческим нарративом, принимаемым большинством населения страны и содержание которого может рассматриваться в качестве элемента национальной традиции.

В связи с этим значение исторической памяти и борьба за ее сохранение влечет за собой участие значительного числа основных политических акторов в процессах, так или иначе, с ней связанных. В качестве данных акторов следует рассматривать, прежде всего, государства, а также иных политических акторов, способных оказать влияние на общественное сознание через использование PR-технологий для воздействия на историческую память.

Затрагивая особенности противостояния в сфере борьбы за историческую память, видится допустимым обратиться к действиям политических акторов, в которых прямо или косвенно применялись PR-технологии, и объектом которых являлось общественное восприятие исторических событий.

Наибольший интерес, отводится вопросам, связанным с восприятием истории XX века, а именно событиям, относящимся ко Второй мировой войне и особенно событиям Великой Отечественной войны, являющейся ее неотъемлемой частью, на примере общественной дискуссии о которой возможна наглядная иллюстрация применения PR-технологий.

Вопрос о сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне рассматривается российским руководством как один из основных, что особо подчеркивается вниманием, которое уделяется данному направлению со стороны Президента В.В. Путина. В своем Послании Федеральному Собранию, в 2020 году он заявил о необходимости «защитить правду о Победе», подчеркнув

важность противодействия попыткам распространения лживой информации и «попыткам переиначить историю» путем противопоставления фактов, то есть фактически использования PR-технологий, что в настоящий момент активно реализуется государством через современные информационные технологии, составляющие основу инструментария для организации связей с общественностью (Послание Президента Федеральному Собранию в 2020 году // kremlin.ru URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582#sel=1> 09:23:hha,109:25:ahh (дата обращения: 03.07.2020)).

Широкое внимание общественности привлек Храм Воскресения Христова, который позиционировался его создателями и фигурировал в СМИ как Главный храм Вооружённых сил Российской Федерации, построенный в ознаменование 75-ой годовщины Победы. В рамках вышеназванного кейса возможно отметить противоборство множества политических акторов России, стремившихся использовать новые смыслы, создаваемые при строительстве храма для воздействия на восприятие населением массива исторической памяти, относящегося к Великой Отечественной войне, и последующей реализации своих политических интересов.

С одной стороны, следует отметить позитивные оценки проекта, акцентировавшие внимание на положительной роли Главного храма Вооружённых сил Российской Федерации в деле воспитания молодежи и повышения общего уровня морали населения путем синтеза религии и одного из наиболее почитаемых событий в российской истории (Петрий П.В. Объединяющая идея России // Военный академический журнал. 2019. № 1 (21). С. 153-154).

С другой стороны, значительное число критиков подчеркивает существование множества спорных моментов, которые могут привести к негативным последствиям для позитивного восприятия исторического нарратива о Великой Отечественной войне вследствие отрицательного PR-эффекта от особенностей архитектуры и убранства храма, а также в связи с отрицательным информационным фоном вокруг процесса его постройки (Фашистскую сталь пустили на храм // pobedarf.ru URL: <https://pobedarf.ru/2020/03/14/84764798am/> (дата обращения: 03.07.2020)).

Стоит отметить, что PR-технологии в ходе борьбы за симпатии населения в рамках поддержания исторического нарратива также активно используются и в других странах.

Оценивая описываемые процессы в контексте применения PR-технологий, следует подчеркнуть, что вопросы о необходимости сохранения исторической памяти, которые одновременно находятся как в сфере политического противостояния наиболее влиятельных акторов, так и в сфере национальной безопасности страны в целом, как видится, требуют постоянного участия гражданского общества в их разрешении. В противном случае преобладание политических интересов над долгосрочными задачами по поддержанию общественной стабильности потенциально может привести к дестабилизации государствообразующих институтов.

Маник А.С. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УСПЕХА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

За последние несколько десятилетий региональные правопопулистские партии Западной Европы приобретают всё большее значение в качестве главных акторов, способствующих процессам автономизации и сепаратизации. Помимо общеевропейского кризиса классической модели национального государства, на степень электоральной поддержки региональных партий, выступающих за автономизацию представляемого региона, влияет выбранная партией стратегия символической политики.

Следует отметить, что символическая политика, включающая в себя символические акции, методы репрезентации в медиа и языковую политику, является важнейшей составляющей любого политического движения, в том числе националистического. Активная апелляция к национальным символам,

традициям, коммеморативным практикам и выражениям народной самобытности помогают воздействовать на эмоциональные, а не рациональные ресурсы человека, делая возможным конвертацию осознания собственной этнической уникальности по сравнению с другими регионами в требования автономизации или сепарации, что можно увидеть на примере бельгийской партии «Фламандский интерес».

Необходимо указать, что региональными партиями мы можем назвать те партии, которые организованы на региональном уровне и для него, т.е. для репрезентации и защиты территориальных интересов. Обязательным пунктом в программе должно быть изменение вертикальной модели отношений между центром и периферией (примечательно, что представители таких партий не любят называть свой регион периферией, т.к. согласно логике их нарратива настоящий центр для этноса находится именно в их регионе). В число факторов электоральной поддержки региональных партий включают высокую значимость периферийного положения, самобытность общественной жизни и свободу местных СМИ, особенности избирательной системы, появление в парламенте партий, созданных на волне новых общественных течений или обострения актуальных социальных проблем (экологический вопрос, евроинтеграция, терроризм) (Mazzoleni O., Mueller S. Introduction: Explaining the policy success of regionalist parties in Western Europe // Mazzoleni O., Mueller S. Regionalist Parties in Western Europe: Dimensions of Success. NY: Taylor & Francis Group, 2016. С. 10).

Последний фактор сыграл немаловажную роль в бельгийском случае: если совместное количество мест правого блока в парламенте практически не изменилось (54 в 2014 г. и 55 в 2019 г.), то их распределение между тремя партиями показало стремительный взлёт крайне правой партии «Фламандский интерес» (в ориг. Vlaams Belang, далее VB) – она увеличила количество мандатов с 3 до 18 за один избирательный цикл (Ergebnisse in Zahlen // Föderaler Öffentlicher Dienst Inneres URL: <https://wahlen2019.belgium.be/de/ergebnisse-zahlen?el=CK&id=CKR00000> (дата обращения: 19.06.2020)). Объяснением такого успеха служит сформированный образ «Фламандского интереса» - на официальном сайте VB на первой полосе важных новостей располагаются короткие статьи на остросоциальные темы: жёсткое пресечение дискуссий о языках, в том числе о введении арабского языка в факультативную программу для школ, заявления об охране истории, памятников и культурного наследия, выпуск книги, посвящённой важной битве в истории Фландрии. Для составления программы партия выбрала весьма общепотребительные для популистов тезисы: ужесточение иммиграционной политики, выход из еврозоны, отказ Турции в евроинтеграции, укрепление суверенитета, что включает превращение лингвистической границы между Фландрией и Валлонией в политико-правовую.

Настоящим символом партии стал сам лидер партии: Том ван Грикен не только активно задействует личностную репрезентацию в продвижении партии (пресс-конференции, интервью, обложка книги) – ему удалось сломать «санитарный кордон» и добиться аудиенции с бельгийским монархом, хотя до этого времени королевская семья не нарушала границы символического политического забора, установленного другими партиями для изоляции Vlaams Belang (Belgian far-right leader in landmark audience with the king // The Public's Radio URL: <https://thepublicsradio.org/article/belgian-far-right-leader-in-landmark-audience-with-the-king> (дата обращения: 20.06.2020.)).

Ввиду общеевропейского кризиса модели федерализма, давнего конфликта между двумя культурными областями, полярного расхождения электоральных предпочтений Фландрии и Валлонии, «Фламандский интерес» эффективно использует суггестивный потенциал символических акций протеста, радикальных критических заявлений в прессе и агитационно-патриотических информационных материалов. За счёт преобладания в её содержании эстетической информации, визуальных символов (логотипом партии является голова льва с герба Фландрии) и нарратива о сильном и независимом регионе с богатой историей побед, такая форма репрезентации этнорегиональной партии обеспечивает ей стабильный рост электоральной поддержки.

Мансуров Т.З. (Казань, К(П)ФУ)

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ С РЕСПУБЛИКОЙ АБХАЗИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

Построение Европейским Союзом отношений с самопровозглашенной республикой на практике является достаточно сложным процессом. В подтверждение данного положения можно выделить несколько причин. Во-первых, Европейский Союз выступал и выступает против каких-либо территориальных переделов границ бывших советских республик и сепаратистских действий со стороны их автономий. Во-вторых, преследование европейскими странами собственных национальных, и, в первую очередь, экономических интересов в регионе, которое не могло не препятствовать процессу разрешения конфликта. В-третьих, отсутствие политических и экономических возможностей у ЕС активно влиять на внутригосударственные процессы в Абхазии.

На взгляд автора работы, позиция Европейского Союза по отношению к «непризнанной республике» Абхазия на протяжении 2000-х годов могла бы быть значительно более активной и сбалансированной. Однако страны ЕС выбрали путь поддержки международно признанного государства, каковым являлась Грузия, считая межэтнические конфликты внутренним делом этого государства. Судя с позиции сегодняшнего дня, европейские страны не придавали большого значения тем угрозам, которые могут нести в себе эти противоборства, а инцидент Косова твердо закрепил в сознании абхазской элиты и общества односторонность проводимой по отношению к ним политики. Расширение спектра своего действия в Абхазии, затрагивающего различные сферы взаимодействия в рамках Европейской политики соседства или любого другого формата, могло бы со временем наладить новые каналы коммуникации и сферы взаимодействия, возможно, пока не пересекая «красные линии», связанные с определением политического статуса Абхазии. Выделение равнозначной, но пропорциональной помощи обеим сторонам конфликта явилось бы залогом восстановления доверия, утраченного Грузией в 1990-е годы, и привело бы к изменению понимания в абхазском обществе предвзятости политики ЕС в урегулировании конфликта.

Для продвижения работы по данным направлениям можно было задействовать имеющиеся рычаги воздействия ключевых стран ЕС (Франции, Германии, Великобритании) на внутреннюю политику Грузии, а также фактор поддержки Россией территориальной целостности страны. Разрешению конфликта, а не его трансформации, в котором он находится сейчас, могли бы способствовать отказ грузинского государства от блокового статуса и постепенная выработка общих рамок государственного устройства для Грузии и Абхазии. На сегодняшний день сложно говорить о том, насколько мог быть реализован подобный сценарий, однако представляется очевидным, что проведение Грузией многовекторной политики, в том числе с набирающими силу странами Востока, сделало бы ее очень развитым в экономическом плане государством, а с точки зрения обеспечения безопасности в кавказском регионе отвечало бы интересам как России, так и Европейского Союза.

После признания независимости Абхазии со стороны России и ряда других государств, грузино-абхазское противоборство содержит в себе явные признаки трансформации конфликта. Во многом они были вызваны углублением отношений между Россией и Абхазией, а страны ЕС лишь способствовали интенсификации этого процесса, поддерживая в основном одну сторону в конфликте. Выстраивание ассоциированных отношений с Абхазией (общее гражданство, единая валюта, союзничество в военно-политической сфере, приведение законодательства республики в соответствие с законодательством России в различных областях, 70% финансирование бюджета республики и др.) привело к дальнейшему социально-культурному, экономическому и политическому «разъединению» абхазского и грузинского обществ. Трансформация конфликта из межэтнического в межгосударственное противостояние делает нахождение путей его решения в рамках грузино-абхазского взаимодействия практически невозможным.

Усилия европейских стран по решению конфликта в рамках различных стратегических документов ЕС не получили значительного эффекта, а вялотекущий процесс его политического урегулирования после вооруженной эскалации 2008 года показали слабость реальных институтов конфликтоуправления ЕС и практических механизмов предотвращения таких событий. Решение внутригосударственных проблем Абхазии осталось декларативным заявлением, а отсутствие серьезной мотивации в оказании финансовой помощи республике в связи с ее неопределенным статусом существенно снизили влияние Европейского Союза в регионе.

Перспективным в плане развития отношений региональной организации с уже «частично признанным государством» представляется распространение на него Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли ЕС с целью предоставления бизнесу и потребителям Абхазии выгод от его использования. Реализация этого проекта с достаточным интересом обсуждается как в ЕС, так и в Абхазии. Но на прагматичный подход можно будет рассчитывать лишь в том случае, если представители сторон сумеют увидеть, что выгоды от формализованной торговли перевешивают существующие риски, и окажутся готовы объяснить это своим обществам.

Марков Е.А. (Череповец, Череповецкий государственный университет)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Современные политические процессы, происходящие в международном сообществе, отличаются динамичностью и турбулентностью, сопровождаются появлением все новых вызовов и угроз для участников международных отношений.

Одной из основных причин ускоряющегося темпа политических процессов является глобализация, которая была инициирована развитыми странами в 70-е гг. XX в. с целью закрепления за собой технологического и экономического превосходства.

Но так не могло продолжаться бесконечно, поскольку в нач. XXI в. появились новые центры силы в виде стран, желающих устанавливать между собой равноправные и справедливые отношения. Таким образом, сегодня можно выделить две конкурирующие концепции развития отношений между странами: теорию однополярного мира и теорию многополярного мироустройства.

Первая концепция подразумевает доминирование одной сверхдержавы – США, поддерживаемой в этом стремлении странами, находящимися в орбите американского влияния.

Страны, придерживающиеся второй концепции (Россия, Китай, Индия, Бразилия и ряд других) объявили о намерении выстраивать между собой партнерские отношения, что предполагает более высокий уровень доверия и обеспечения безопасности в отношениях между государствами.

Страны англосаксонского мира включили в свой арсенал средств, позволяющих сохранить доминирование, и такие, которые ранее считались бы недопустимыми. Одним из таких средств является информационное противоборство, которое стало устойчивым явлением современной мировой политической системы. Как отмечают исследователи, «информационные военные средства... с каждым десятилетием приобретают новые черты, выводя возможности информационной войны на всё более высокий уровень, не только не уступая, но и превосходя традиционные типы вооружений по своей эффективности и наступающими в результате их использования разрушительными последствиями»¹²⁴.

В современное понятие информационной войны включается большой и разнообразный набор приемов и способов оказания воздействия на противника, куда входит не только моральное или психологическое давление, но и противоборство в информационных системах, используемых сегодня во всех сферах деятельности человеческого общества. В арсенал таких приемов сегодня уже можно включить и экономические санкции, принимаемые по отношению к некоторым странам (в число которых входит и Россия), предназначение которых – экономически ослабить страну, затормозить ее развитие.

124. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Новая военная стратегия США и поведенческие войны // Мировая политика: Старые проблемы и новые вызовы. - 2015. - № 13. - С.137.

Учитывая широту понятия «информационная война», мы предлагаем следующее, на наш взгляд, более емкое ее определение. *Современная информационная или гибридная война – это агрессивные действия одной страны или целой группы стран по отношению к другим с применением не только военной мощи, но и целого набора других ресурсов (экономических, информационных, идеологических и др.), позволяющих оказывать массированное давление с целью влияния на поведение стран-противников и достижения определенных целей.*

Необходимо выделить ряд особенностей, используемых в современном информационном противоборстве:

А) Полное игнорирование странами, осуществляющими информационную агрессию, норм международного права и морально-этических норм.

Б) Формирование образа страны-изгоя. С помощью односторонне подаваемой информации, усиленной за счет многократного повторения фейков объединенными информационными ресурсами, нападающие страны формируют эмоционально насыщенный образ страны-изгоя, закрепляя его в массовом сознании международного сообщества.

В) Установление контроля над деятельностью СМИ. Англосаксонские страны, убеждавшие весь мир в том, что масс-медиа должны быть независимы от власти, потому что их главная функция - распространение полной и объективной информации, в действительности установили властный контроль над деятельностью национальных СМИ, что позволяет использовать их в качестве мощного инструмента информационного воздействия.

Г) Идеологическое разложение и девальвация традиционных моральных ценностей, позволявших населению страны быть сплоченной нацией. В результате информационной агрессии населению подвергшейся атаке страны навязываются новые идеологические и моральные установки.

Россия, безусловно, должна учитывать все угрозы и вызовы современного мира, чтобы обеспечить свою собственную безопасность и безопасность своих союзников.

*Маркушина Н.Ю. (Санкт-Петербург, СПбГУ),
Межевич Н.М. (Москва, Институт Европы РАН)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН В ПЕРИОД КОРОНОВИРУСА

2020 год наполнил мир новыми угрозами и вызовами. Пандемия, антирасистские мятежи, закрытые границы и еще целый ряд факторов выдвигают новые вопросы, которые необходимо решать мировому сообществу. Характеристики современного периода, такие как «мир в условиях турбулентности», «время нестабильности», очевидно следует заменить на более значимую – «эпоха коронавируса». Определенно, существование человечества, пандемия разделила жирной чертой на «до» и «после», в том числе и жизни Прибалтийских государств.

Рассмотрим Эстонию, Латвию и Литву через призму достаточно популярной в последнее время концепции стрессоустойчивости. Возьмем за основу определение, которое получило распространение в отечественной науке о том, что «стрессоустойчивость – характеристика любого субъекта политической жизни, которая позволяет ему сохранить свой статус-кво, т.е. вернуться к форме, максимально приближенной к первоначальной после внешнего или внутреннего воздействия»¹²⁵.

Выделим несколько моментов, которые до пандемии определяли основу политики Эстонии, Латвии и Литвы. Ключевым элементом безопасности, несомненно, являлась антироссийская риторика.

125. Павлова Е.Б., Гудалов Н.Н., Коцур Г.В. Концепция стрессоустойчивости в политической науке: на примере биополитических практик в Российской Федерации//Политическая наука, 2018. №1. С. 208

В этом контексте формировалась и историческая трактовка. Политическая элита рассчитывала на европейскую и американскую поддержку, что было ярко выражено в попытке следования западным ценностям и формирования ключевых ценностно-ориентированных подходов в социальной жизни общества. Стремление достичь некоторой экономической стабильности.

Начнем с последнего фактора и ответа на вопрос о стабилизации политики в сфере экономики. Brexit и коронавирус привели к тому, что европейская интеграция столкнулась с определенными сложностями. В свое время главной задачей ЕС была активная интеграция Литвы, Латвии и Эстонии в экономическое и политическое пространство, в том числе и за счет дотаций, которые получили новые европейцы. Это, плюс база, заложенная еще Советским Союзом, давала некоторую иллюзию стабильного развития. Формула успеха была направлена на формирование мелкого и среднего бизнеса, который также осуществлялся при поддержке Европы. Содействие было оказано и сельскому хозяйству. А дальше - началась трансформация статуса прибалтийского гражданина. Жители Прибалтики превратились в дешевую рабочую силу, которая к тому же в больших количествах и стала покидать Прибалтику в поисках новой жизни. Антироссийская риторика работала в основном на необходимость вкладываться в военную оборону и НАТО. Но денежный европейский поток потихоньку начали сокращать. Европейский Союз справедливо полагал, что нужно уменьшить поддержку. Потом Великобритания ушла почти «по-английски», оставив Эстонию, Латвию и Литву в 2019 году в ожидании сокращения финансирования из Брюсселя. Математика была простая. Великобритания «была вторым по величине донором европейского бюджета после Германии. Начиная с 2021 года бюджет Евросоюза придется формировать без Великобритании, отчего в нем образуется дыра в 75 миллиардов евро»¹²⁶. За этим последовала пандемия, к которой оказались не готовы европейские державы.

Проблема в том, что страны Прибалтики, не обладая финансовой подушкой, будут по-прежнему зависимы от ЕС. Но помимо экономических проблем, это повлечет за собой невозврат к статус-кво и в социальной жизни граждан этих стран. Поскольку уже очевидно, что после карантина жизнь в прежнее русло не вернется, то вопрос победы западных ценностей в прибалтийском обществе также стоит под вопросом. Несомненно, что обострение социальных проблем только усилит отход стран Прибалтики от либерализации своего народа. Так к дискриминации по отношению к русскоязычному населению, добавляется рост расизма в связи с миграционными потоками, которое прибалтийские исследователи осторожно называют «стереотипностью».

В этом контексте, для возвращения статус-кво, то есть демонстрации стрессоустойчивости Прибалтийским государствам необходимо вернуться хотя бы к части своей традиционной политики. Отсюда и возвращение к риторике «российской угрозы». Так, член комиссии по иностранным делам Рийгикогу Марко Михкельсон объявил, что план Путина представляет опасность для стран Балтии, заявляя, что России сегодня переполнена крайне амбициозными и довольно экспансионистскими планами на будущее. Поэтому также на ближайшее время традиционной деятельностью некоторых политиков Прибалтики, продолжают оставаться попытки выстроить свое видение истории, с уходом в восхваления национал-социализма и пересмотр событий Второй Мировой войны.

Мартьянов В.С. (Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)

COVID-19 КАК КАТАЛИЗАТОР ЦЕННОСТНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Пандемия ковид-19 не поколебала ценностного фундамента современного общества, и тем более не предложила ему полноценных альтернатив. Однако она катализировала разнообразные идеи и процессы, институты и практики, которые уже присутствовали в обществе на его идейных и институциональных перифериях, являя потенциальное окно возможностей. В результате часть из них оказалась востребованной и переместилась ближе к центральному ядру ценностно-институциональной

126. Каким будет бюджет ЕС на следующие семь лет? Рассказывает евродепутат Андрис Америкс//<https://press.lv/post/kakim-budet-byudzhet-es-nasleduyushhie-sem-let-rasskazyvaet-evrodeputat-andris-ameriks/>

организации общества. Другая часть обнаружила пределы своего массового практического применения и завышенные ожидания от благотворности и полезности своих возможных эффектов для развития общества, например, слишком переоцененные онлайн-технологии. И, наконец, критическому пересмотру подверглась часть привычных институтов, идей и коллективных практик, чья долгосрочная нормативность и эффективность в связи с пандемией covid-19 начали вызывать обоснованные сомнения.

Рассмотрим тренды ключевых ценностно-институциональных изменений, проявленных в качестве последствий пандемии ковид-19.

1. Обозначаются пределы глобализации, роста и метафоры *плоского мира*. Проогрессистская метафора бесконечного роста глобальной экономики зашла в тупик. Вместо привычного для рыночного мейнстрима дискурса о факторах роста ВВП обсуждается только глубина глобального падения и длительности рецессии. Экономика услуг и креативные сферы занятости вошли в режим стагнации и перестали быть потенциальным источником новых рабочих мест. Модель *общества без массового труда и экономического роста* становится новой реальностью. Рентные политические раздачи набирают обороты, опираясь на укрепляющийся дискурс популизма. Последний противопоставлен привычным идеологическим вариациям либерального консенсуса, опирающимся на распадающиеся экономические классы.
2. Ослабляется западная гегемония и убедительность системы взаимообъясняющих понятий, составляющих неолиберальный обществоведческий мейнстрим (капитализм, рынок, демократия, конкуренция, рациональный выбор, естественное равновесие и пр.). Глобальный капитализм создал исторические проблемы, противоречия и конфликты, которые уже не могут быть решены исходя из его собственных парадигм. Представляется, что это приведет к критическому переосмыслению фундаментальной метафоры вечно растущего, равновесного и саморегулируемого рынка.
3. Перестает работать модель общества экономического роста, в действительности наблюдаемая в расчете на душу населения лишь последние 200 лет и обусловленная сочетанием технологического прогресса и глобальной экспансии капитализма. Концепция пределов роста становится все более релевантным прогнозом.
4. Изменяются принципы социально-экономической стратификации современных обществ, которые все менее связаны с рыночной дифференциацией, но все больше с аргументацией полезности тех или иных общностей для государства. Рынок на практике замещен многообразными внерыночными или только маскирующимися под рыночные дистрибуциями и механизмами государственной экономической регуляции.
5. Усиливается конкуренция за поддержку государства и рентные доходы со стороны новых социальных групп, идентичностей, меньшинств. Факторы труда и капитала сдают позиции в пользу разнообразной феноменологии ренты как источника жизненных ресурсов для большинства, будь то гражданство, социальный статус, отраслевая и географическая рента (страновая и региональная), принадлежность к привилегированной социальной группе/меньшинству и т.д.¹²⁷
6. Повсеместно в центр публичной повестки выдвинулся базовый безусловный доход (ББД), основанием для выплаты которого становится сам факт существования гражданина, не связанный с его дополнительной полезностью в качестве военнообязанного, налогоплательщика, *человека труда* либо в иных ипостасях. Актуальность ББД *от противного* подтверждается массовыми феноменами мусорных работ (Д. Гребер), фиктивной занятости и бесполезных/лишних людей, без которых, как оказалось, глобальная экономика может обойтись не только в кризисе, но и в долгосрочной перспективе.

Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60337 «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии».

127. Мартыянов В.С., Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.

Матюсова А.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ «СТАРОЖИЛОВ» ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Традиционно проблема изучения личности политика вызывает интерес ученых. Постоянно меняющиеся политические условия в рамках российских реалий выдвигают к представителям региональной элиты новые требования. Исключением не являются и те губернаторы, которые возглавляют субъекты РФ уже более двух электоральных сроков. Таких представителей губернаторского корпуса можно назвать «старожилами». Изучение их личностных особенностей позволяет понять, благодаря чему им удается удерживаться в политике значительный промежуток времени.

Представители современной зарубежной политической психологии (Д. Уинтер, Ф. Гринстайн, М. Херманн, Дж. Андерсон и др.) выделили ряд наиболее влиятельных личностных характеристик в рамках когнитивного, поведенческого и аффективного компонентов структуры личности политиков. Именно эти характеристики легли в основу исследования личностей губернаторов-«старожилов». Так, автором были изучены мотивы, стиль принятия политических решений, стиль межличностных отношений, Я-концепция, самооценка, политические ценности губернаторов.

Для проведения исследования автором были отобраны три кейса – личности губернаторов-«старожилов», которых на данный момент в российской политической системе насчитывается 18. Так, были отобраны следующие политики: губернатор Белгородской области Евгений Савченко, губернатор Ульяновской области Сергей Морозов, экс-губернатор Калужской области Анатолий Артамонов. Экс-губернаторы по-прежнему остаются объектами эмпирического анализа ввиду их незаурядных личностей и наличия определенных качеств, позволивших им возглавлять российские регионы на протяжении длительного периода времени.

В исследовании был использован принцип симбиоза качественных и количественных методов анализа (Е.Б. Шестопад, А.В. Селезнева). С помощью таких методов, как контент-анализ, анализ вторичных и биографических данных, метод экспертных оценок, метод наблюдения, удалось изучить КАП-профили «старожилов» (термин введен И.И. Рогозарь) и прийти к определенным выводам.

Рекордсменом в своей должности является Е.С. Савченко, который возглавляет Белгородскую область 27 лет. Анализ публичных выступлений губернатора позволил заключить, что основным мотивом для него является мотив достижения, вторым по значимости – мотив аффилиации. На основании биографии политика и его публичных выступлений можно сделать вывод о том, что он относится к типу «прагматик» (по Р. Зиллеру) – заниженная самооценка и высокая сложность Я-концепции. Согласно типологии Л. Этериджа, глава региона – экстраверт с достаточно высоким уровнем доминирования. По стилю принятия политических решений он скорее администратор, а согласно типологии М. Херманн, уже превратился в символ региона – «знаменосца». Губернатор четко демонстрирует постматериалистические ценностные ориентации.

Вторым рекордсменом по сроку занимаемой должности является экс-губернатор Калужской области А.Д. Артамонов. Для него основной мотив – это мотив власти, что подтверждается и результатами экспертных интервью, вторым по значимости является мотив достижения. Политик – скорее экстраверт с высоким уровнем доминирования, ему важно показать свою значимость. Он хорошо умеет подключаться к решению кризисных задач, будучи «пожарным», но в то же время умеет выгодно продавать свои идеи, будучи «торговцем». Безусловно, он также и «знаменосец» региона. А.Д. Артамонова можно отнести к типу «прагматик». Для него важны такие ценности, как амбициозность, общественное признание и др.

Проведенный анализ позволил заключить, что для губернатора Ульяновской области С.И. Морозова приоритетным является мотив достижения. Он экстраверт с высоким уровнем доминирования.

К принятию решений подходит стратегически, не боится нести за них ответственность, он символ региона, его «знаменосец». Губернатор умеет отстаивать свою позицию, амбициозен, ценит свободу, внутреннюю гармонию. С.И. Морозова можно отнести к типу «прагматик».

Несмотря на некоторое различие личностных характеристик губернаторов-«старожилов», сквозь призму их публичных выступлений все равно прослеживаются общие черты. Так, все из рассмотренных кандидатов являются экстравертами с высоким уровнем доминирования, у всех присутствует мотив достижения. В силу длительного пребывания у власти эти губернаторы уже превратились в «знаменосцев» своих регионов, при этом их Я-концепция и самооценка больше относятся к прагматическому типу. Схожесть личностных характеристик и большой срок исполнения обязанностей у всех трех персон позволяют предположить, что указанные личностные качества способствуют тому, чтобы губернатор верно выстраивал политику региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ»

Медина Гонзалес Винисио Ксавиер (Москва, РУДН)

КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-2019: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В текущем году мир столкнулся с беспрецедентной ситуацией, обусловленной возникновением и распространением во всех регионах планеты нового коронавируса. Этот вирус, породивший мировую пандемию Covid-2019, отразился на всех сферах жизни общества, в том числе экономической, политической, социальной, культурной и пр. Пандемия нового коронавируса сказалась и на международных отношениях: усилилось соперничество между крупными государствами (преимущественно США и Китая), были спровоцированы международные политические конфликты, росло социальное недовольство, в том числе политикой руководств ряда стран.

В этой связи можно говорить о серьезных изменениях в политических системах многих стран мира, толчком для которых стало распространение в мире пандемии нового коронавируса. Так, ряд политических систем подверглись серьезным испытаниям, при которых политические элиты не всегда смогли справиться с новыми вызовами. Нередко принимались неправомерные решения, которые не соответствовали запросам населения и отразились в том числе и на социальной стабильности в многих странах: была ограничена свобода передвижения, которая сказалась на пропагандирующих демократию обществах; подверглись испытанию процессы глобализации, которые были существенно приостановлены; начала разрушаться архитектура глобальной стабильности; усилилось недоверие общества к правящим элитам.

Трансформация в различных сферах общества произошла и в Латиноамериканском регионе, ряд стран из которых серьезно пострадали от пандемии, в большей степени Бразилия, Мексика, Эквадор, Перу, Чили, Аргентина. Ряд предприятий малого и среднего бизнеса были разорены (а до 99% всех предприятий стран региона относятся именно к этой категории бизнеса), усилилось социальное неравенство, повысилась доля безработных, в том числе среди молодежи, некоторые страны региона оказались на пороге дефолта (Аргентина, Бразилия), увеличился объем внешнего долга, выросло недовольство правительством со стороны латиноамериканцев.

В процессе развития пандемии в странах Латинской Америки наблюдалось отсутствие единой позиции и плана действий у руководств государств региона. Ряд латиноамериканских руководителей, имея возможность выиграть время и подготовить медицинские мощности к разворачивающейся пандемии, предпочел намеренно уменьшить серьезность ситуации, что впоследствии привело к серьезному недовольству со стороны граждан. Обострились противоречия в обществе о ценностях политических

систем, их эффективности, возможности этих систем гарантировать социальные права гражданам и ценность жизни. Особенно это проявилось в Бразилии, где президент страны Жаир Болсонару предпочел уменьшить существующую опасность вируса и сконцентрироваться на экономике. Это привело к серьезной политической конфронтации президента с рядом чиновников и губернаторов страны.

В Эквадоре и Мексике, где также уровень заболеваемости новой коронавирусной инфекцией сегодня высок, эффективность политической системы также дала сбой. Причиной этому, в первую очередь, стало промедление руководства с подготовкой к пандемии, а также низкий уровень цифровизации стран, который не позволил вести открытый и точный учет заболевших.

Серьезные противоречия в латиноамериканском регионе наблюдаются сегодня между населением и правящими элитами. В странах Латинской Америки они имеют давние предпосылки - в регионе давно назревал социальный кризис. Например, во многих странах Латинской Америки в последние годы сворачивались программы в сфере медицины и образования, а также поддержки безработных, что уже не раз приводило к социальной напряженности. Когда в ряде стран региона правительство выступило за жесткие карантинные меры, социальная напряженность только усилилась (особенно в Аргентине и Боливии, где руководство стран ввели для населения ограничительные меры). В Боливии, где с вводом строгих карантинных мероприятий руководство подвергло опасности население отделенных регионов умереть от голода, жители города Кочабамба устроили забастовку и заблокировали доступ на городскую свалку, что ухудшило и без того сложную санитарную обстановку населенного пункта. В Чили в мае 2020 года после ужесточения режима карантина прошла череда столкновений между протестующими и полицией. В Мексике в процессе реализации руководством карантинных мероприятий, по стране прошла «волна убийств», а также произошел рост краж и грабежей, беспрецедентных за последнее десятилетие.

Следует отметить, что пандемия только усугубила структурные проблемы латиноамериканских стран, которые накапливались в регионе десятилетиями. Сегодня страны региона столкнулись с серьезными проблемами, на решение которых потребуются политическая воля руководств этих государств и выверенные стратегии выхода из глубочайшего экономического, политического и социального кризиса.

Мелконян Л.А. (Москва, РУДН)

ТРАДИЦИИ В ОСНОВЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОПЫТ ЯПОНИИ

Понятие «модернизация» применяется в различных смыслах - в целях обозначения трансформационных процессов и перехода от традиционного к модерну или от аграрного общества к индустриальному. В более узком смысле «модернизация» представляет собой понятие, описывающее, всеобъемлющие исторические преобразования, реформы, которые отражаются в процессах индустриализации, урбанизации, демократизации и т.д. Значительное влияние на формирование теории модернизации оказали такие концепции прогрессивного развития как эволюционизм и структурный функционализм (Спенсер, Дюркгейм, Парсонс).

Классическая теория модернизации ориентируется в основном на опыт западной цивилизации, слабо учитывая многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки (Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. Серия «Экономическая история. Документы, исследования, переводы». 240 с.).

Вольфганг Цапф предлагает классификацию трансформирующихся обществ, в качестве примера подчеркивая переход к демократии и рынку в Западной Германии, Японии и Италии после капитуляции в 1945г. под пристальным надзором и при финансовой поддержке стран-победительниц (Zapf W. Modernization theory and the non-western world. 2004. Paper presented to the conference “Comparing Processes of Modernization”, University of Potsdam, December 15-21, 2003).

В широком смысле существуют две модели модернизации, ставящие перед собой разные цели — вестернизация и догоняющее развитие. В случае вестернизации, в общество переносятся западные паттерны и модели модернизации. Относительно догоняющего развития следует подчеркнуть создание (на основе заимствований) новых для определенного общества структур, однако, при сохранении национальной самоидентификации (Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. Модернизация: японский феномен. Восточная аналитика. Экономика и политика стран Востока. М., 2011. С. 7).

Подобная схема модернизации произошла в Японии. Догоняющая модель развития имеет более широкий набор техногенных, социокультурных, демографических, правовых и иных параметров, однако, суть модернизации состоит в индустриализации культуры путем применения человеческого фактора (Цветкова Н.Н. Страны Востока и догоняющее развитие (к вопросу об умеренном оптимизме). Сборник «Что догоняет догоняющее развитие: поиски понятия». ИВ РАН, Москва, 2011. С. 321-348).

Несмотря на то, что Японии удалось сформировать успешный синтез традиции и модерна, существует проблема соотношения социокультурной традиции и современности, обусловленные спецификой национального характера, менталитета японского общества (Чугров С.В. Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии. Москва, 2007), которые представляют собой актуальную тему для исследования.

В исторической ретроспективе японский подход к модернизации позволил государству перейти от модели догоняющего развития к нормальному поступательному развитию, благодаря чему Япония является примером успешной реализации модернизации уже не одно десятилетие.

Японская модель догоняющей модернизации не представляет собой точное копирование или имитацию западной модели. Япония, будучи самой развитой страной АТР, успешно конкурирует в экономической и технологической сферах с Западом и претендует на роль лидера по реализации успешной стратегии модернизации для других азиатских стран.

Мельник О.Н. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ МЕЖФРАКЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Традиционно в массовом сознании политическая коммуникация воспринимается в рамках взаимоотношений власти, СМИ и общества. Однако коммуникативные политические практики образуются, в том числе, между субъектами политики. В случае анализа парламентской деятельности важной частью политических коммуникаций является взаимодействие между депутатскими фракциями в том или ином представительном органе. Такие взаимоотношения могут носить интеграционный и дезинтеграционный характер.

В рамках данной работы хотелось бы рассмотреть интеграционные практики между парламентскими фракциями.

Как правило, при анализе парламентских фракций региональных парламентов можно говорить, как о формальных фракциях, образованных по партийному принципу, так и о неформальных фракциях, которые объединяются вокруг конкретной проблемы. В связи с этим можно выделить следующие модели интеграции.

- Идеологическая интеграция, которая образуется между партиями в традиционной дихотомии «правые» и «левые»;
- «Политическая» интеграция, которая создается за счет взаимодействия по основным государственным вопросам, позиции по которым определены руководством политической партии или фракцией в Государственной Думе. К примеру, поддержка или не поддержка пенсионной

реформы в 2018 году. В большей степени данная интеграция реализуется между формальными фракциями.

- «Событийная» интеграция между различными фракциями создается в основном вокруг разрешения какой-либо городской проблемы, а также вокруг других политических решений. По факту данная интеграция и является основным принципом создания неформальных фракций в региональном парламенте. К примеру, в первом случае можно рассмотреть кейс, появившийся в Санкт-Петербурге в 2017 году. В начале 2017 года Правительством Санкт-Петербурга было сообщено о передаче Исаакиевского собора в собственность РПЦ. Данное политическое решение исполнительной власти города было негативно воспринято многими жителями города и группой депутатов, в которую входили представители фракций «Справедливая Россия», «Яблоко» и Партии Роста. Депутатами данных фракций был направлен ряд запросов к Правительству города, Правительству Российской Федерации, а также были попытки включения вопроса в повестку пленарного заседания Законодательного Собрания Санкт-Петербурга¹²⁸.

Также в рамках данной интеграционной модели можно выделить взаимодействия между отдельными депутатами из различных фракций. К примеру, такая модель, очевидно, реализуется в рамках совместной работы против застройки Охтинского мыса ПАО «ГАЗПРОМ». В частности, в 2020 году депутатом от фракции «Справедливая Россия» Н.Г. Тихоновой и депутатом фракции «Яблоко» Б.Л. Вишневым был подан совместный иск к Комитету по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга по вопросу охранных зон застраиваемого объекта¹²⁹.

- «Конъюнктурная» интеграция наиболее неформальная форма межфракционной интеграции, реализуемая в рамках личных договоренностей в части принятия или непринятия того или иного законопроекта.

Подводя итог, можно сказать, что коммуникативные практики между фракциями, реализуемые в региональных парламентах, в большей степени зависят от социально-политического контекста, как в отдельном регионе, так и в стране в целом. Также важно отметить, что именно контекст той или иной интеграции оказывает непосредственное влияние на создание неформальных межфракционных объединений.

Мещеряков Д.Ю. (Москва, МГИМО МИД России)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВОК ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» ПОД ВЛИЯНИЕМ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ

Миграционный кризис в Европе, наиболее острая фаза которого пришлась на 2015 г., повлиял на политическую ситуацию и электоральные предпочтения в странах ЕС, приведя к росту популярности правопопулистских партий. В ФРГ подобной политической силой стала «Альтернатива для Германии» (АдГ), сумевшая добиться успеха на выборах в бундестаг в 2017 г., набрав 12,6% голосов. Актуальность темы миграции отразилась на эволюции программных установок АдГ, что наиболее заметно на примере сравнения программ партии на выборах в бундестаг в 2013 и 2017 гг.

В предвыборной программе, принятой в апреле 2013 г., акцент делался на вопросы, связанные с будущим Евросоюза и евро: партия выступала за отказ Германии от единой европейской валюты, передачу национальным правительствам и парламентам значительной части полномочий от Брюсселя, а также отход от «политики спасения» охваченных кризисом стран ЕС «за счет налогоплательщиков» (Wahlprogramm Parteitagsbeschluss vom 14.04.2013 // Manifesto Project [Electronic resource]. URL: https://www.dp.ru/a/2017/07/11/Deputati_obzhalovali_v_sud

128. Депутаты обжаловали в суде отказ ЗС проводить референдум по статусу Исаакия // Деловой Петербург // Режим URL: https://www.dp.ru/a/2017/07/11/Deputati_obzhalovali_v_sud

129. Судебное заседание по иску противников застройки Охтинского мыса отложено до июля // ИД Коммерсант // Режим URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4357015>

visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard_dataset/ (date of access: 05.04.2020)). Примечательно, что в тексте документа тема евроскептицизма стояла на первом месте.

В свою очередь, предвыборная программа 2017 г. стала логическим продолжением принятой в 2016 г. Основополагающей программы АдГ. В обоих документах партия значительное внимание уделила проблематике миграции. Так, в программе от 2017 г. АдГ декларирует, что в миграции из стран Ближнего Востока и Африки видит опасность для Германии и Европы (Programm für Deutschland – Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017 // Alternative für Deutschland [Electronic resource]. URL: <https://www.afd.de/wahlprogramm/> (date of access: 25.04.2020)). В целом же, проблем «миграционной угрозы» партия так или иначе касается практически в каждом из 15 основных крупных разделов документа.

Наглядно эволюцию программных установок АдГ можно проиллюстрировать с помощью функционала проекта «Manifesto Project Database», в рамках которого осуществляется контент-анализ программ политических партий (Volkens A., Krause W., Lehmann P., Matthieß T., Merz N., Regel S., Weßels B. The Manifesto Data Collection. Manifesto Project. Version 2019b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB) [Electronic resource]. URL: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard_dataset/ (date of access: 18.04.2020)). Проведенное исследование показывает, что если в 2013 г. основное место в тексте документа занимали темы демократии, негативного отношения к ЕС и экономики, то в 2017 г. наиболее упоминаемыми стали национальный образ жизни, негативное отношение к миграции, а также традиционные ценности. При этом в 2017 г. освещение проблематики ЕС в программе серьезно сократилось, хотя данная тема и осталась одной из важных.

Следует отметить, что подобная эволюция во многом соответствовала ожиданиям электората и отвечала стратегии партии по привлечению дополнительных голосов. Так, согласно опросам, во время избирательной кампании в бундестаг 2017 г. среди сторонников АдГ количество недовольных миграционной политикой правительства А. Меркель приблизилось к 100%, в то время как в среднем по стране этот показатель составил 55% (Umfragen zur Flüchtlingspolitik – Bundestagswahl 2017 // Tagesschau [Electronic resource]. URL: <https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2017-09-24-BT-DE/umfrage-fluechtlingspolitik.shtml> (date of access: 25.04.2020)). Также подавляющее большинство проголосовавших за АдГ опасалось, что массовая миграция приведет к потере немецкой культуры, слишком сильному влиянию ислама на немецкое общество, а также росту преступности. На волне недовольства миграционной политикой был замечен переход избирателей от правящих партий к АдГ по итогам выборов 2017 г.: 980 тыс. перешло от ХДС/ХСС, 470 тыс. – от СДПГ (Wählerwanderung von und zu der AfD bei der Bundestagswahl am 24. September 2017 // Statista [Electronic resource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/753486/umfrage/waehlerwanderung-von-und-zu-der-afd-bei-der-bundestagswahl/> (date of access: 22.04.2020)).

Таким образом, миграционный кризис в Европе в значительной мере повлиял на изменение программных установок «Альтернативы для Германии», сместив акцент с евроскептицизма на тему миграции. Это позволило партии не только консолидировать свой электорат, но и привлечь дополнительные голоса на выборах в бундестаг 2017 г.

Мизулин М.Ю. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ» В УСЛОВИЯХ ПОСТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Уходящий 2020 политический год несомненно является для России годом публичного процесса конституционного нормотворчества, годом изменения действующей конституции и проведением общероссийского голосования по внесенным в ее структуру и содержание конституционных поправок.

Исторический опыт убедительно доказывает, что конституции обычно рождаются в ходе острых политических кризисов и противостояний, являясь своеобразным механизмом для выхода из кризиса и достижения национального согласия. В этом смысле любая конституция является результатом определенного политического компромисса на момент ее принятия, создавая возможности для будущего развития общества и государства.

Конституция Российской Федерации 1993¹³⁰ года принималась не только в условиях распада СССР, начавшегося экономического кризиса, но и на фоне острой политической и идеологической борьбы представителей коммунистической (атеистической) идеологии и либеральной (допускающей свободу вероисповедания) идеологии, противостояния законодательной и исполнительной властей.

Главными целями «Конституции 1993», определившими ее содержание, явились цели недопущения распада России, ее возврата к тоталитарному государству. На это направлены, в частности, положения о прямом действии норм конституции, о неотъемлемости основных прав и свобод личности, о федерализме, о многопартийности, о выборности органов власти, о независимости судебной власти и несменяемости судей, нормы о сдержках и противовесах законодательной и исполнительной властей.

По сути дела «Конституция 1993» представляет собой симбиоз советской (социалистической) идеологии и новых либеральных идей, связанных с правовым государством, разделением властей и приоритетом прав и свобод личности, заимствованных из конституций других стран. Именно этот «политический симбиоз» и позволил обеспечить стабильность государственного и общественного устройства, условия для социально-экономического, политического и общественного развития России за прошедшие годы.

Однако, публичный запрос на общественные перемены, совокупный анализ всех международных и республиканских конференций, состоявшихся в 2018 году и посвященных 25-летию принятия «Конституции 1993», а также многочисленные экспертные суждения по итогам пост крымской ситуации 2014 года показали, что «Конституция 1993» не может служить основой стабильности и будущего развития, ибо не является и не может являться сдерживающим началом в противостоянии элит, власти и народа. Курс на суверенизацию внутренней и внешней политики страны как базовая политическая платформа с необходимостью поставил вопрос о конституционных изменениях.

В этом плане, одно из ключевых положений в новой редакции «Конституции 1993» заложено статьями 71 пункт «г», 131 пункт 3, 132 пункты 2 и 3.

Эти статьи не только вводят в общественный дискурс политическую и юридическую новеллу «публичная власть», но и фиксируют положения о том, что организация публичной власти относится к ведению Российской Федерации; федеральным законом устанавливаются особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях; органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Таким образом получается, что с момента принятия конституционных поправок в России в полном объеме начнет действовать новый конституционный порядок, главной особенностью которого станет процедура юридизации (процедура внесения поправок в действующие конституционные федеральные и федеральные законы) политической платформы публичной власти.

В какой мере и с каким качеством эту задачу решат конституционные и не конституционные субъекты законодательной инициативы сказать сложно.

Гипотетически ясно, что процесс приведения законодательства в соответствие с принятыми поправками в «Конституцию 1993» будет крайне противоречив.

К основаниям предельной противоречивости пост конституционного процесса следует отнести: слабость проектно-политического мышления абсолютного большинства действующих субъектов законодательной инициативы; персональная сверх амбициозность действующих и потенциальных по-

130. Далее «Конституция 1993»

литиков; правовой нигилизм представителей технологической революции 4.0 и бизнеса; отсутствие понимания и единосущного толкования действующего права и законодательства представителями юридической инфраструктуры и общественности; концептуальная неопределенность политической платформы «публичная власть – государственное ведение и управление – местное самоуправление».

Для купирования и снижения конфликтных ситуаций процесса входа в новый общественный и правовой порядок автор предлагает Российской ассоциации политической науки подготовить политический проект «Пост конституционный процесс: концепция публичной власти» и приглашает к участию в нем всех заинтересованных участников конференции.

Минаева Э.Ю. (Пермь, ПГНИУ)

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В РЕГИОНАХ КАК ФАКТОР КРОСС-РЕГИОНАЛЬНОЙ ВАРИАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ «ЕДИНОЙ РОССИИ»

Как известно, «этнические сети» являются одним из механизмов обеспечения мобилизации избирателей в пользу действующей власти в современной России. Исследования показывают, что доля нерусского населения является сильным предиктором явки на парламентских выборах и голосования за «Единую Россию» – как на национальных, так и региональных выборах. Вместе с тем, исследователи по-прежнему не учитывают фактор локализации этнических групп, несмотря на то, что локализация может иметь значение, поскольку сильные социальные сети, благоприятные для электоральной мобилизации, могут возникнуть только в случае, если члены этнической группы проживают близко друг к другу.

Чтобы восполнить этот пробел, с опорой на данные переписи населения 2010 г., Geo-referencing Ethnic Power Relations (GeoEPR) и Geo-referencing of Ethnic Groups (GREG) был создан оригинальный набор геопривязанных данных о локализации этнических меньшинств в каждом регионе России, а также разработан инструментарий для измерения локализации групп по отношению друг к другу. Это позволило включить локализацию этнических групп в качестве независимой переменной наряду с такими предикторами, как доля нерусского и сельского населения региона, бедность, финансовая зависимость региона от межбюджетных трансфертов и доля сельского населения. В качестве зависимой переменной используется взвешенный показатель электоральной поддержки «Единой России», рассчитанный по результатам выборов в Государственную Думу 2007, 2011 и 2016 гг.

Исследование показывает, что, хотя фактор локализации сам по себе не оказывает значимого влияния на голосование за партию власти, обнаруживается эффект взаимодействия переменных. Эффект доли меньшинств на результаты «Единой России» увеличивается по мере того, как титульная группа локализована в более сегрегированном формате. Важными, кроме того, оказываются и другие структурные факторы, в частности, финансовая зависимость региона от центра, которая также способствует увеличению доли голосов, отданных за ЕР. Таким образом, ключевой вклад работы состоит в том, что она устанавливает роль локализации этнических групп в электоральной мобилизации российских избирателей.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ 19-011-00257 «Локализация этнических меньшинств в рамках политико-административных границ как фактор политизации этничности на субнациональном уровне: российские практики в контексте мирового опыта».

Мирзаджанов Т.Э. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ВЫЗОВЫ НОВЫМ ДЕМОКРАТИЯМ: ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ, ПАРТИЙНОЙ ВОЛАТИЛЬНОСТИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ. ПОЛЬСКИЙ КЕЙС

Сопоставление насколько приверженность партии влияет на воззрения избирателей показывает, что в новой польской демократии с сильно волатильной партийной системой (далее ПС) эта корреляция меньше, чем в новой венгерской демократии со слабо волатильной ПС и уж тем более меньше, чем в старой британской демократии (опросы центра CBOS в Польше, Ipsos-Szonda в Венгрии и YouGov в Британии).

В Британии из 7-ми проблемно-политических ситуаций (далее ППС) в 6-ти ярые сторонники, и в 3-х просто электорально поддерживающие, склонны больше разделять ту или иную позицию если её разделяет их партия.

В Венгрии из 7-ми ППС в 4-х ярые сторонники более разделяют позицию если её разделяет их партия, электорально поддерживающие во всех 7-ми ППС не меняют свою позицию.

В Польше из 7-ми ППС лишь в 1-й ярые сторонники более разделяют позицию если её разделяет их партия, в 1-й они склонны менее разделять позицию если её разделяет их партия (!), электорально поддерживающие же в 2-х ППС из 7-ми более разделяют позицию если её разделяет их партия.

Ярые сторонники в Польше не только не склонны следовать программно за своей партией, но и мыслят в разных направлениях, пытаются оспорить её мнение. Электорально поддерживающие оказываются более верными и лояльными последователями своих партий, чем ярые сторонники.

Это демонстрирует известные проблемы польского парламентаризма и, следовательно, демократии – отсутствие минимального консенсуса в среде членов и сторонников партии, и перманентные антагонизмы, усиливающиеся, чем активнее рассматриваемые акторы вовлечены в партийную жизнь.

Недостаточное сочетание избирателями своей позиции с позицией их партии мешает выстраиванию прочных партнёрских отношений между ними. Это приводит к высокой волатильности ПС, так как, не имея единомысленной и последовательной поддержки, политики упраздняют существующие партии и создают новые организации. Волатильность мешает внедрению партийности в политическое поведение, стабильному и основательному парламентскому и демократическому развитию. Волатильность ПС ведёт к электоральной волатильности.

Высокое сочетание позиций электората и партий ещё не гарантирует рост качества демократии, как это заметно по Венгрии. Однако проблемы польской демократии (рост популизма, консервативно-го-национализма, вовлечение экстремистских движений в большую политику, чересчур агрессивный дискурс, и тяга правящей партии ПиС к авторитаризму) - результат неспособности партий по-настоящему завоевывать доверие, спланировать, формировать идентичность, а партийных активистов договариваться.

Так, отсутствие прочных связей с электоратом заставляет партии пытаться завоевать сторонников, заигрывая с радикализмом и популизмом. Отсутствие этих связей ведет к высокой волатильности ПС и, следовательно, слабому и неустойчивому парламентаризму, что влечёт сложности демократизации и принятия демократических норм электоратом, это делает возможным положительный отклик электората на радикализм и популизм партий.

ПС Польши перманентно испытывает сильное вовлечение социальных движений. Хотя большинство соседей по ЦВЕ оставили эту тенденцию в 90-ых.

Плюсы развития гражданского общества и культуры участия, при таком раскладе, во многом нивелируются неспособностью бывших активистов адекватно заниматься публичной, общенациональной политикой, а значит отходить от contentious politics в сторону консенсуса и компромисса, представлять порой всё общество взамен своего комьюнити.

Это приводит к неэффективности партий в социально-экономических вопросах, слабым связям с избирателями. Так, партии не имеют крепкой и постоянной идентичности с избирателями, из-за чего «старые» партии регулярно упраздняются, избиратель теряет доверие к партиям вообще, а взамен им в политику снова приходят движения. Разочарование в традиционных партиях повышает спрос на маргинальные движения. Цикл повторяется.

Большинство новых партий ждал такой же крах, как и предыдущих, так как специфика отношений партия-избиратель не менялась. Большинство партий создавалось не с целью объединить идейно близких людей, а прагматично и конъюнктурно, под очередные выборы, что усугубляло ситуацию.

Даже популярные партии не могут гарантированно рассчитывать хотя бы на один мандат на следующих выборах. Политика приобретает черты стихийности и неопределённости.

Недоверие к партиям приводит к недоверию парламенту, низкой явке.

Польша опровергает утверждение, что снижение количества партий, их укрупнение, всегда ведёт к парламентской консолидации. Количество партий существенно сократилось с 1990-х, однако это едва на что-то повлияло, так как специфика отношений партия-избиратель не поменялась.

ПС Польши не сформировала институциональных закономерностей, сплочённости лагерей, устойчивых отношений и коалиций. Дезертирство среди партийной элиты для создания новой партии или перехода в уже существующую - частое явление. Отсутствие устойчивых и сплочённых партий, предсказуемых отношений между ними, осложняет демократическую консолидацию.

Мирошниченко И.В. (Краснодар, КубГУ)

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИКИ: СУБЪЕКТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РЕСУРСЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ

Современное публичное пространство, интегрированное с онлайн-средой, создает условия для формирования новых субъектов политики, к числу которых принадлежат сетевые сообщества. Социальная морфология сетевого пространства представлена сетевыми онлайн-сообществами. Генезис сетевых онлайн-сообществ связан с появлением в начале 2000-х гг. новых моделей социального поведения в Интернет-пространстве, основу которого составляют технологические платформы сетевых сервисов, построенных на принципах «архитектуры» участия и сотрудничества в организации источников информации и наполнении их соответствующим контентом. Как отмечают Т. Набет и К. Рода виртуальные социальные пространства, создавая новые коммуникационные онлайн-структуры в качестве основы общественных отношений, выполняют не только информационно-коммуникативную функцию, но и функции управления знаниями и общественными отношениями (Найбет Т., Рода К. Виртуальные социальные пространства: подходы, практики, перспективы. Социологический ежегодник: сб. науч. тр. М.: РАН.2009). Исследование институциональных и социокультурных оснований сетевой публичной политики в пространстве Рунета позволило автору выделить три типа сетевых сообществ: формирующихся и функционирующих в политическом пространстве публичной политики;

1) институционализированные политические сообщества представляют собой инициативные или проектируемые сообщества отличающиеся однородностью своими субъектными и деятельностными характеристиками в сфере реальной политики (нацелены на деятельность в онлайн в интересах конкретного политического субъекта);

2) транзитные политические сообщества — отличаются спонтанным (незапрограммированным) цифровым характером возникновения; кратковременную публичную демонстрацию единства в виде символических коммуникативных взаимодействий; характеризуются отсутствием реально скрепляющих социальных связей и комплексов ценностных ориентиров, которые могут создавать парадоксальные конфигурации участников сетевых сообществ, имеющих в традиционной среде конфликтные взаимодействия (действуют преимущественно в онлайн с наличием мобилизационного потенциала для самоорганизации в оффлайне);

3) активно-деятельностные сообщества – основанные на устойчивых традиционных социальных идентичностях, представляющих сети межличностных связей и взаимодействий, основанные на социальной идентичности и обеспечивающие информацию и поддержку. Они реализуют личностные потребности в обществе, опираясь на новые коммуникационные возможности, что, в свою очередь, способствует их встраиванию в глобальное цифровое пространство социальности, созданное Интернетом. Данные сообщества имеют комплекс идентификаций и ценностных ориентиров, позволяющим им сохранять устойчивые взаимодействия, являющимся ресурсным основанием для реальных действий в политике.

Результаты эмпирического исследования, основанного на сборе, анализе и визуализации открытых сетевых данных, показали, что наиболее дифференцированными по своим субъектным характеристикам являются активно-деятельностные сообщества.

Автором были выделены следующие дифференцирующие эмпирические признаки, позволяющие определить практики политической субъектности сетевых сообществ: ценностная устойчивость сообществ, в которой закрепляются разделяемые всеми участниками сообщества смыслы и ценности; дискурсивная активность сообществ (социальная, гражданская, политическая); направленность активности акторов сообществ (онлайн/оффлайн); стратегии деятельности участников сообществ (индивидуальные/коллективные, репрезентация/инкорпорирование).

На основе анализа и интерпретации эмпирических данных выделены следующие виды сетевых сообществ: социально-дискурсивные; гражданско-дискурсивные; коллаборативные, социально проактивные, политически проактивные.

Выделенные авторами классификационные профили и операциональные характеристики активно-деятельностных сетевых сообществ позволили сделать вывод, что наиболее неустойчивыми к внешним коммуникативным воздействиям и управляемыми (в виде формирования новой тематики для обсуждения, трансляции новых ценностей и смыслов, моделей политического поведения) являются социально-дискурсивные и политически проактивные сообщества, которые могут быть использованы для институциональных изменений в сфере политики.

Материалы подготовлены по результатам проведения исследовательского проекта РФФИ № 18-011-00975, при финансовой поддержке РФФИ «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества» (2018-2020).

Мирясова О.А. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

В современной России любая самостоятельная гражданская активность, ориентированная на общее благо, де-факто является политической, поскольку вступает в противоречие с действующими политическими институтами и институциональной средой. Любое независимое действие граждан в общих интересах, оспаривающее монополию власти на принятие решений, является политическим в ситуации, когда гражданам отводится роль статистов и любое их участие в политической жизни власть старается минимизировать. Российская власть ожидает от граждан («населения») подтверждения своей легитимности путем участия в голосовании на выборах и подобных им процедурах (например, голосовании по поправкам в Конституцию).

Гражданская активность формируется и реализуется в определенной институциональной среде – совокупности правовых, политических, социальных и иных правил и структур, институтов и устойчивых практик поведения. Мы наблюдаем в российском обществе нарастание эмпауэрмента, который формирует запрос на инструменты влияния на принятие решений. Те практики и возможности, которые получили распространение последнее время (например, «Активный гражданин» и подробные сервисы для жалоб или голосования по не самым существенным вопросам городской жизни), появились как

реакция власти на запросы граждан. То есть, в ряде вопросов чиновники готовы предоставить возможность выразить свою точку зрения. Важно, что предложенные инструменты позволяют участвовать в демократических процедурах малозатратным для гражданина образом. Эта же тенденция отмечена в стремлении ввести электронное (дистанционное голосование) на выборах, чтобы обеспечить более массовое участие граждан в процедуре.

Выход за рамки отведенной властью гражданину «песочницы» предполагает совершенно иные затраты сил граждан, которые могут быть оценены как сверхмобилизация. Именно в силу нахождения за рамками привычных практик, необходимости преодоления «тропы зависимости» и сопротивления экономически заинтересованных акторов только некоторая незначительная часть граждан может быть мобилизована на участие в конфликтных, «низовых», активистских инициативах. Несмотря на значительно число проигранных гражданских кампаний, именно они формируют политическое поле и заставляют власти принимать во внимание возможную реакцию граждан.

Институциональный контекст, в котором социализируются и действуют российские граждане, характеризуется разрывом между декларируемыми демократическими ценностями (в том числе, значимостью выборов) и «прагматичным» устройством сферы «политического» (политика представляет из себя поле борьбы за власть и ресурсы внутри узкой группы «политиков» - это наиболее распространенная точка зрения среди российских граждан). Опыт участия в независимых гражданских инициативах приводит к политизации российских граждан и появлению запроса на реальную политику.

Среди молодых людей, социализация которых происходила при доминировании дискурса прав человека, которые учились истории и праву по учебникам с декларациями демократических принципов как самоочевидного блага и которые могут сравнивать образ жизни в России и других странах, запрос на участие в политической жизни выше.

Опрос, проведенный ФНИСЦ РАН в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» в 2019 году (700 респондентов, грант РФФИ 17-03-00446а), показал, что на многие вопросы граждане 18-30 лет отвечают иначе, чем более старшие возрастные группы. Молодые люди более оптимистично оценивают потенциал самоорганизации российских граждан для решения общих проблем, чаще считают, что протесты - это проявление гражданской ответственности, больше доверяют протестующим по политическим вопросам. Когда речь заходит о влиянии граждан на принимаемые властью решения, молодые чаще выбирают варианты «необходимо расширение свобод» и «открытость власти к диалогу».

При поддержке гранта РФФИ 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

Митрахович С.П. (Москва, Финансовый университет при правительстве РФ)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «СЕВЕРНОГО ПОТОКА – 2»

Политические события 2020 года в Белоруссии и скандал с отравлением Алексея Навального отражают очередную фазу обвала отношений России с Западом, уже давно напоминающих своего рода американские горки. Как только бизнесмены с обеих сторон и ориентированные на прагматичную кооперацию политики начинают проявлять оптимизм – опять происходят вносящие негатив события и начинается скольжение вниз в отношениях.

При этом ни эксцесс с Навальным, ни даже события в Белоруссии не являются собственно причиной проблем – это скорее удобные предлоги для оправдания действий сторонников конфронтации. Сторонники ужесточения санкций пользуются моментом, когда можно разогнать антироссийскую линию: хотя тот же характер белорусского режима и готовность Москвы хоть и со скрипом, но поддерживать Лукашенко, были известны прежде.

В сложившихся обстоятельствах России все сложнее рассчитывать на своих традиционных лоббистов в Европе, в том числе по стратегически значимым сюжетам вроде «Северного потока 2» (СП-2). Ядро сторонников завершения и последующей эксплуатации этого проекта сохранено – это европейские энергетические компании, особенно германские Wintershall и Uniper, а также лоббистские организации немецких промышленников вроде Восточного комитета германской экономики. Де-факто в пользу проекта звучат заявления региональных и муниципальных властей ФРГ, высказывающихся против потенциальных американских санкций в отношении партнеров СП-2. Стоит учитывать, что сенаторы США уже угрожали санкциями оператору задействованного в СП-2 немецкого порта Мукран, – а он принадлежит не частным лицам, а городу Засниц, где он находится, и земле Мекленбург — Передняя Померания.

Указанные лоббисты находятся под слишком сильным давлением сторонников срыва СП-2. Если сама А. Меркель колеблется, то один из претендентов на ее пост Фридрих Мерц предложил заморозить проект на два года. Комитет по иностранным делам Бундестага в лице своего председателя занял негативистскую позицию в отношении СП-2 и фактически схлестнулся с комитетом все того же Бундестага по энергетике. Точка зрения, что Германия потерпит стратегическое поражение, если признает «изначальную американскую правоту» в вопросе СП-2, сталкивается с точкой зрения тех сил, которые ориентируются на США и значительную часть брюссельской бюрократии.

Новые санкции США весьма вероятны, и степень их жесткости будет зависеть от готовности Европы этим санкциям сопротивляться. Для России же гипотетический провал СП-2 будет не столько иметь краткосрочные энергетические последствия, сколько означать стратегическое и символическое поражение, а также снижение легитимности российского политического режима (избирателям будет не так просто объяснить этот провал). Осложнится борьба за будущий европейский рынок газа, где главным козырем России может стать дешевая себестоимость добычи газа в совокупности с готовой транспортной инфраструктурой. Теоретически на еще не восстановившемся рынке «Газпром» может обойтись украинским, белорусским и турецким маршрутами вместе с работающими двумя нитками «Северного потока». Однако СП-2 — более дешевый вариант транспортировки газа с полуострова Ямал, поэтому использование старого украинского маршрута будет завышать газпромовские издержки. Не говоря уже о политических последствиях для Москвы.

Ситуация все больше напоминает борьбу США с поставками советского газа в 70–80-е годы 20-го века. Тогда у США также были и политические интересы (боязнь, что наличие надежного источника углеводородов сделает Европу более независимой), и коммерческие (США опасались за судьбу экспорта своего угля в Европу). Сейчас политические цели не изменились, а место угля занял американский СПГ. Тогда США также настаивали на отказе европейцев от новых газовых контрактов и вводили санкции, направленные на срыв строительства новых газопроводов, – тогда это был проект «Уренгой — Помары — Ужгород». По иронии судьбы СП-2 должен как раз вывести из работы именно этот газопровод, проходящий через Украину.

Но и отличия довольно очевидны. Резко выросла роль брюссельской бюрократии, которая в целом настроена к России весьма негативно. Восточная Европа была под контролем СССР, а теперь именно страны Балтии и Польша стали одними из наиболее яростных противников РФ. Польша – главный лоббист перехода на американский СПГ. Она ведет работы по расширению СПГ-терминала в Свиноустье, а также заявила о намерении построить плавучий терминал в порту Гданьска (такой уже работает в Литве). Также Польша предложила Германии использовать Baltic Pipe вместо СП-2. Хотя эта труба на 8 млрд кубометров задумывалась Польшей как способ обнулить свои закупки российского газа. Так что в политическом плане ситуация для России выглядит даже тяжелее, чем для СССР.

*Митрофанова А.В. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН,
Финансовый университет при Правительстве РФ)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ В РОССИИ

Разделение российского общества на антагонистические группы по таким параметрам как этничность, религия, благосостояние, отношение к прошлому и т.д. остается глубоким. Россия переживает двусторонний кризис, затрагивающий и национальное единство, и государственную легитимность. В идеальной ситуации консолидированная нация и легитимная государственная система усиливают друг друга; в российской ситуации слабая нация и слабое государство взаимно подрывают друг друга. Разнообразие политических позиций в стране – нормальное явление, но государственные институты могут функционировать только когда большинство граждан уважает их легитимность. Если значительное число людей отрицает легитимность политической системы, данное государство находится в зоне риска. В таких обстоятельствах задача правительства – балансировать между антагонистическими позициями внутригосударственных групп, пытаясь, в то же время, примирить их и выдвинуть проект национального единства. Успешный проект разрешит кризис государственной легитимности – и наоборот.

Согласно классической работе Карла Шмитта о политической теологии, все политические (относящиеся к государству) концепции представляют собой секуляризированные версии богословских понятий. Политические идеи и институты нуждаются в трансцендентной санкции, которая детерминирована их близостью к сакральному. Светские режимы требуют сложных форм религиозной легитимности. Диктатура может добиться ее посредством культа личности: диктаторов представляют как сверхъестественные существа, воплощения национального духа, чья мудрость и сила значительно выше, чем у среднего человека. На таком фоне любая политическая оппозиция становится нелегитимной по определению, поскольку противопоставляет себя всей нации, воплощенной в «отце» и символе.

Демократии изобрели свой путь легитимации с помощью гражданской религии, способной обеспечить трансцендентную санкцию политическим идеям и институтам. В российском контексте функциональная демократия нуждается в собственном методе обеспечения трансцендентной легитимности. Религиозная санкция должна обеспечиваться на равном удалении от существующих религий. Например, эта религия не может быть основана исключительно на православии, потому что это вызвало бы отрицательную реакцию со стороны мусульман, буддистов, агностиков, атеистов и др. Она может включать некоторые элементы православия, как и дохристианских верований, но будет одинаково открытой для заимствований из других религиозных систем и идеологий.

Поиск гражданской религии в России замедлен, так как этот термин официально не используется. Вместо этого применяют более привычный термин «национальная идея». В основополагающей статье будущего Президента «Россия на рубеже тысячелетий», В.В.Путин определяет Россию как «внутренне разобщенное» общество, нуждающееся в социетальном консенсусе относительно целей и ценностей. Он резко возражает против введения идеологии, предлагая вместо этого опереться на «исконные, традиционные ценности россиян» (Независимая газета, 30 декабря 1999). В тот момент эти ценности не были ни полностью национальными, ни «исконными», ни консервативными ни в каком значимом смысле: например, семья вообще не попала в список. Российские ценности постепенно стали менее сосредоточены на государстве и больше – на духовных связях. Их общепринятым обозначением становится «духовно-нравственные ценности». Важным представляется также появление синонимичной метафоры «духовные скрепы», которая, в зависимости от намерений говорящего, может быть использована серьезно или с юмором.

Несмотря на множество упоминаний, официального списка традиционных духовно-нравственных ценностей все еще не существует. Неясно даже, что означает «традиционные»: полузабытые досовременные, к которым надо вернуться, или просто общие, давно устоявшиеся, которые надо

сохранить? Или и то, и другое? Что этим ценностям противостоит: современные ценности или чуждые ценности? С моей точки зрения, ответы на эти вопросы второстепенны. Концепция традиционных ценностей появилась как индикатор социального кризиса. В стабильной ситуации люди просто живут в соответствии со своими ценностями, не оценивая ни ценности, ни практики как традиционные. Потребность в традиционных ценностях появляется, когда эти ценности находятся под угрозой, близки к исчезновению или нуждаются в восстановлении. Независимо от содержания традиционных ценностей, они, с функциональной точки зрения, являются ответом на кризис, который угрожает разрывом социальных связей (отсюда и метафора «скреп»). Таким образом, традиционные ценности в России являются функциональным аналогом гражданской религии.

Митрохина Т.Н. (Саратов, СЭИ СГТУ им. Гагарина Ю.А.)

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Существенные изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни под влиянием процессов цифровизации, затронули и образовательный процесс. Открываются новые направления подготовки, осуществляется цифровая трансформация содержания учебных дисциплин, в образовательные программы включаются дисциплины, формирующие компетенции в сфере цифровых технологий. В систему образования внедряются технологии наблюдения и отслеживания, цифровые портфолио, цифровая идентификация и стратификация обучающихся с целью определения индивидуальных способностей. Образовательный процесс дополняется элементами дистанционности и информационно-образовательными платформами. В целом стремительно формируется цифровая образовательная среда, доступная современному студенту и преподавателю даже с персональных гаджетов.

Цифровизация образовательного процесса сопровождается и переосмыслением значимости социально-гуманитарного знания. С одной стороны, наблюдается стремление сэкономить на социально-гуманитарной составляющей образования с точки зрения отводимых аудиторных часов и присутствия дисциплин в образовательных программах. С другой стороны, развитие информационных технологий увеличивает ценность социально-гуманитарного знания, именно потому, что эта сфера деятельности не может быть полноценно заменена алгоритмами и технологиями. Цель данного исследования заключается в определении функциональности социально-гуманитарного знания в контексте процессов цифровизации. Основу методологии исследования составляет тезаурусный, дискурсивный и сравнительный подходы.

Цифровое общество представляет собой общество, в котором доминирует цифровой формат общения, организации и регулирования всех сфер жизнедеятельности. Помимо создаваемых благ и комфорта, цифровизация сопровождается издержками социокультурной направленности – дефицит человеческого общения, проблема занятости и ценность человеческого труда, который замещается различными формами искусственного интеллекта в производственных функциях, особенности мировосприятия цифрового поколения, родившегося в условиях доминирования on-line форматов и виртуальных коммуникаций.

Следствием становится появление цифровых отшельников, утрата навыков социальной жизни и непосредственного общения, разобщение индивидов в социальных группах и обществе в целом, утрата социальных контактов не только между индивидами одной социальной группы, но и между различными социальными группами и даже поколениями.

Достигнув в результате цифровизации определенных высот, человек ощущает потребность и дефицит человечности, сострадания, гуманности и живого человеческого общения. Исследователи констатируют – внедрение информационных технологий ведет к деградации человеческого потенциала личности, гуманитарной культуры общества, способствует истощению нравственного потенциала человека. Моральные принципы отдельного человека или общества в целом размываются, а их трансформация или отсутствие вовсе становятся причиной глубинных социальных проблем.

В этом контексте социально-гуманитарное знание, ориентированное на изучение человека и общество, в значительной степени приближенное к человеку по объекту и предмету изучения, способствует включению человека в социальные процессы, формированию определенной картины мира, предоставляет возможности познакомиться с различными системами миропонимания с последующей самоидентификацией и адаптацией в этом сложноорганизованном пространстве. Социально-гуманитарное знание формирует аналитические способности, способности критически воспринимать информацию, формирует коммуникативные способности человека, умения и навыки извлекать смысловой компонент информации, ставить перед собой цели, формировать собственную жизненную стратегию в условиях альтернативности. Социально-гуманитарное знание функционально с точки зрения сохранения культурных традиций, поскольку предмет изучения составляют ценности, традиции, история, социальные процессы, культура – все, что характеризуется национальной спецификой и самобытностью, формирует гражданские качества личности, способствует нравственному совершенствованию и самосохранению личности и общества.

Согласно прогнозам, не утратят своей актуальности под влиянием цифровизации профессии, которые нельзя заменить различными модификациями искусственного интеллекта, профессии, связанные с состраданием и сопереживанием, участием и сочувствием, наиболее творческие виды деятельности, требующие индивидуального подхода, способности креативно и самостоятельно мыслить. Преподавание социально-гуманитарных дисциплин по функциональности вполне может дополнить список профессий, которые не только сохраняют свою значимость, но и приобретут еще большую ценность в контексте процессов цифровизации.

Михайлова К.И. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЕЙ НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Конституционный суд – один из важнейших демократических институтов, который многие страны перенимали в процессе демократизации. Однако, в результате последующего за ней отката многие из них вернулись к авторитарному строю или находятся в процессе такого перехода. Несмотря на утрату многих демократических элементов конституционные суды никуда не делись, но изменившаяся ситуация заставила их адаптироваться к новым реалиям.

Ряд исследований доказывает, что в недемократичном режиме суд может стать инструментом, помогающим удерживать власть или обезопасить президента, в случае демократизации, другой причиной может стать нужда во внешнем институте, наличие которого упрощает отношения, например, иностранными партнерами, и третье предположение основано на том, что суды выбирают адаптивные стратегии, что позволяет мирно сосуществовать с недемократичным режимом (Григорьев И. С. Политология судов: предмет и исследовательская программа // Политическая наука. 2012. №. 3. С. 269–272). Третий вариант лучше других подходит для стран, в которых суды были созданы на волне демократизации. Стратегии адаптации часто связаны с появлением внешних и внутренних судебных институтов, которые были бы способны регулировать отношения суда с другими акторами.

Целью данного исследования является выявление факторов, влияющих на поведение судей, в частности, на публикации ими особых мнений. В ходе работы были проанализированы НПА регламентирующие деятельность КС РФ, комментарии, которые давали связанные с КС лица в СМИ, также было проведено нескольких слабо формализованных глубинных экспертных интервью. В качестве респондентов выступили двое бывших судей Конституционного Суда и кандидат юридических наук, советник юстиции 1 класса, их комментарии существенно повлияли на выводы.

Рассмотренные изменения в законодательстве, касающиеся работы КС и судей, ясно показали тенденцию к ограничению самостоятельности Суда. Закон о КС РФ был подвержен многочисленным

изменениям с начала работы. Ключевыми для нас была замена выборов назначениями председателя и его заместителя, которые встроили суд в вертикаль власти, а также многочисленные изменения предельного возраста судьи и срока полномочий, которые респондент А назвал манипуляцией. Важной деталью является то, что изменился порядок публикации особых мнений, если в начале работы суда они подлежали публикации вместе с решением суда, то теперь они содержатся только в «Вестнике КС», что уменьшает вероятность широкого распространения мнения, однако, особые мнения по наиболее громким делам часто попадают в СМИ. Также была рассмотрена инициатива президента, который предложил отдать полномочия по отставке судей КС в руки Совета Федерации, что по словам респондента А окончательно поставит суд в зависимость от президента и законодательной власти (Респондент А. (2020) Интервью 12.05.2020).

Далее были проанализированы имеющиеся особые мнения, изменения в их количестве сопоставлены с изменениями в законодательстве и общими внешними тенденциями. Прежде всего кажется логичным разделить все особые мнения на две группы: политические, которые связаны с властными отношениями, и остальные, не затрагивающие политических вопросов. Основной тренд заключается в том, что общее количество особых мнений, публикуемых каждый год, сильно колеблется, однако до 2004 года мы могли наблюдать, что доля политических особых мнений от общего числа была выше, чем в последующие годы. Можно предположить, что раньше судьи испытывали меньше давления, если высказывались на политические вопросы, либо то, что те, кто наиболее часто резко высказывались по политическим вопросам, уже в отставке или столкнулись с критикой со стороны коллег. На основе проведенных интервью и собранных данных было установлено, что общее отношение коллег к судьям, которые часто выступают с мнением, кардинально отличающимся от коллегиального решения, негативное.

Предположение, что особые мнения вызывают негативное отношение со стороны коллег из-за того, что они могут отрицательно сказаться на авторитете суда и повлиять на отношение к судебному решению, таким образом, что оно будет воспринимать лишь как мнение большинства, а не окончательное заключение, не подтверждается, так как наиболее сильной критике подвергаются именно те, кто акцентируют внимание на политических проблемах, хотя респондент А отмечал, что работа КС – принять коллегиальное решение, а для того, чтобы это стало возможным, многим приходится идти на уступки (Респондент А), и «многие считали, что, критикуя решения КС в Ом, обижают и оскорбляют суд в целом и судей» (Респондент Б. (2020) Интервью 11.05.2020).

Таким образом, формально ограничений относительно написании особых мнений нет, но в зависимости от темы, на которую судья хочет высказаться, он может столкнуться с внутренними неформальными ограничениями.

Михалев А.В. (Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)

ТРАНСАЗИАТСКАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ, АКТОРЫ, СЕТИ

Регионализм в Азии имеет исторически сложившееся устойчивые традиции. На современном этапе формируется одна из его форм. В центре внимания – азиатские демократии, выстраивающие взаимоотношения в рамках целого ряда интеграционных проектов в области публичной политики. В современных условиях особое значение приобрели транснациональные акторы, оказывающие значительное влияние на трансграничную политику, прежде всего это неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации (такие как Азиатский банк развития и другие), религиозные деятели, криминальные лидеры, а также диаспоры.

Тестированию подвергается гипотеза о том, что в условиях современной Азии формируются региональные институты, способные формировать и поддерживать трансазиатские политические капиталы. Формат исследования связан с традицией изучения транснационализма в Азии. Термин «транса-

зиатский» в данной ситуации является принципиальным, так как противопоставляется относительно дискредитировавшему себя в середине XX века термину «паназиатский». Понятие «трансазиатский» предполагает региональные политические и экономические взаимодействия в условиях соблюдения принципа границ и суверенитета национальных государств Азии. Исходя из этого формируется основная цель: проанализировать основные институты, способствующие конвертации политических капиталов вне границ национальных государств.

На наш взгляд, вывод политического капитала за пределы государственных границ является одним из способов его защиты от девальвации в условиях нестабильности национальных институтов, регулирующих политическую сферу. Трансазиатский политик – это политик, обладающий популярностью и признанием сразу в нескольких странах Азии и выстраивающий свою карьеру в рамках наднациональных, региональных структур. Политические границы в данной ситуации перестают быть рубежами, очерчивающими пространство политических юрисдикций. С одной стороны, они обеспечивают условия для функционирования национальных политических систем, а с другой – имплицитно способствуют региональной интеграции. Именно существование жестких разделительных рубежей при масштабной экономической интеграции стало причиной возникновения новых сетевых структур, ориентированных на трансазиатскую политику.

Эмпирической базой для исследования послужили доклады о региональной интеграции в Азии. Данные доклады выполнены различными региональными аналитическими структурами (Asian development Bank, ASEAN и др.) и представляют собой источник информации, позволяющий проследить динамику интеграционных процессов в регионе.

Определяя географические рамки исследования необходимо подчеркнуть, что оно ограничивается строго т.н. азиатскими государствами либеральной демократии, создающими благоприятные условия для развития трансазиатских политических институтов. Однако процесс вовлечения в интеграционные политические проекты охватывает весь регион, включая азиатскую часть России. Изучаемые нами институты инклюзии не имеют условий для существования и развития в условиях азиатских автократий, поэтому пространственная локализация в пределах либерально-демократических стран изучаемого региона имеет приоритетное значение.

Михеев В.А. (Москва, РАНХ и ГС при Президенте РФ)

ГРАЖДАНИН И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

В постнеклассической науке политика трактуется как одна из форм деятельности по управлению общественными отношениями и связями, возникающими между людьми в процессе созидания материальных и духовных ценностей. Гражданин как индивид в своей действительности выражает совокупность всех общественных отношений, процессов самоорганизации, сущности и взаимовлияния.

Государственная политика сложное общественное явление, представляющее собой два постоянно действующих измерения субъективное и объективное, простирающихся одновременно на уровень надличностных отношений, поддерживающихся системой разнообразных механизмов, институтов, технологий, предполагающих наличие общей основы, совпадение индивидуальных, коллективных и групповых полей действия.

К тому же в политике действует стихийная сила неродных масс. В этой связи политическая наука включает в политику ряд аспектов: а) способы, посредством которых граждане решают актуальные вопросы; б) принципы, лежащие в основе общественной жизни; в) средства, способствующие отдельным лицам, командам, группам людей получать и результативно использовать контроль над ситуацией. Таким образом, как нельзя лучше необходимо осознавать, что политика антиномична: она представляет

собой позитивную и негативную ценность. При этом заметим, что интересы сами по себе это ещё не политика. Политика начинается с момента, когда интересы граждан превращаются в цели социальных действий.

Государственная политика после весны 2020 года обеспокоена тем, чтобы не раскатать устойчивость государства и общества. В стране вводятся новые регулирующие нормы, правила деятельности граждан, предприятий, учреждений, отдельных сфер, вызванные ситуацией преодоления пандемии. В свою очередь граждане проявляют большую заинтересованность в достижении экономических социальных целей, в обществе проявляются недовольство, нарастает потребность в альтернативах, увеличивается число локальных конфликтов.

Качественно новые вызовы к современному гражданину предъявляет целенаправленное развитие Российской Федерации на период до 2030 года, определенное Указом Президента РФ от 21 июля 2020 года (№474). В данном указе сформулированы пять национальных целей, пять задач: сохранение населения, самореализация и развитие талантов, комфортная среда для жизни, достойный труд, развитие предпринимательства и цифровая трансформация.

Сформулированные национальные цели есть предмет особого внимания государства и граждан. При этом подчеркнем, что люди по разному способны справляться с выдвинутыми задачами, что отчетливо проявляется в аналогии с вопросом компетентности государственных, гражданских институтов, чиновников и граждан.

Приведу пример о цифровой трансформации, предусматривающий улучшение качества взаимодействия государства и гражданина. Эксперимент начался Правительством г.Москвы в 2010 году. Он предусматривал предоставить москвичам более удобные государственные сервисы и повысить эффективность госуправления. «У чиновников эта затея- замечают очевидцы – вызывала «тихий ужас». Первые два-три года 90% департаментов были настроены враждебно. Сначала их заставляли, но потом им понравилось».(Козлова В., Тороп В. Чрезвычайная цифровая трансформация.// Новая газета.2020.4 марта). Или другой пример, выдвинутая национальная цель внедрения в практику производственных и общественных отношений системы достойного труда подменяется чаще всего содержанием качественных критериев наемного труда.

Гражданин, государство и общество нередко оказываются в заложниках у органов государственной власти, структур государственного и муниципального управления. Счетная палата в 2019 году провела стратегический аудит 17 федеральных министерств, семи служб и пришла к неутешительным выводам: у системы государственного управления обнаружены проблемы с целеполаганием. В планы министерств, служб включено чуть больше половины (55%) показателей национальных проектов и лишь около четверти(26%) показателей программ, за которые они отвечают. К тому же нередко информация в отчетах министерств не соответствует действительности. В этой связи счетная палата констатирует: «управление министерствами и ведомствами и оценка их эффективности не связаны с достижением национальных целей» (См.:Мериминская Е. Бесцельная власть//Ведомости.2020.6 февраля).

Банальные парадоксы составляет неотвратимая многозначность общих теоретических систем в отношении процессов взаимовлияния гражданина и государственной политики. Свидетельством этого является ситуация, когда компетентный управленец способен изогнуть любую существующую теорию так, чтобы она подходила всем сторонам разногласий и допускала трансформацию её в сферу государственного управления, исходя из определенных практических, политических и административных соображений.

Распространенность такого типа проявлений, а также суждений о некомпетентности индивида и уповании на эффективность государственного управления – это не только укоренившаяся тенденция, но возможно и вторжение в сферу личной свободы, доказательство тотального отторжения гражданина от результатов труда. Этот процесс требует более пристального изучения. Наука не должна пугать человека заклинаниями, но может обосновать доказательствами необходимость ему преодолеть эти аномалии, сомнения и отклонения.

Морозикова И.В. (Смоленск, СмолГУ)

ОБРАЗ СТРАНЫ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Представления жителей о своей стране, людях, которые в ней живут, особенности их восприятия окружающего мира, социального пространства являются актуальной темой политико-психологических, культурологических, социологических исследований. Они позволяют выявить особенностей существования, организации коллективной общности на данном этапе развития общества и повышать эффективность организации взаимоотношений как внутри страны, так и во внешней политике.

С целью изучения образа своей страны у жителей Смоленской области, было проведено исследование, в котором использовались такие методы как психодиагностические (анкетирование, беседа) и проективные методы. При этом в анкету были включены открытые вопросы, для обработки которых использовалось шкалирование. В качестве респондентов выступали жители Смоленска в количестве 50 человек (23 мужчины и 27 женщин).

Под понятием «образ» часто понимается результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека. При изучении образа России могут оцениваться такие составляющие как образ современной страны (сильные – слабые стороны, отношение к стране, символы); образ власти; образ народа; территориальные образы России; темпоральные основания (прошлое-будущее страны); роль страны на международной арене и др. (Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В., Морозикова И.В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. Т.10. №3. С. 74-94).

Рассмотрим некоторые из них. При изучении территориальных образов России были получены следующие данные. Больше половины респондентов (52,9 %) определяют территорию России границами РФ. 19,6 % испытуемых связывают территориальный образ с конкретными географическими названиями (от Калининграда до Курильских островов, Владивостока, мыса Дежнева и т.п.). В восприятии 15,6 % смолян Россия представляется безграничной (Широка страна моя родная; территория огромная и богатая, поэтому не чувствуется ограничений; нет предела и т.п.).

В рисунках образ России также тесно связан с ее территорией: около 1/4 рисунков (22 %) включают изображение территории (от условного, символического очертания территории до изображения на глобусе). Целостность территории подчеркивается характером изображений и комментариями к ним: «Дружелюбная страна, которая уважает все страны и готова принимать иностранцев; мирная страна и хочет дружить» (изображены люди на территории страны и за ее пределами). Имеется изображение в виде солнечной системы, где Россия – это центр. Территориальные образы России на рациональном и бессознательном уровнях восприятия совпадают. Она представляется большой и территориально целостной.

Кроме того, природные ресурсы респонденты (60 %) считают сильной стороной России. Также сюда они относят людей и историю страны. Большое значение они придают вооруженным силам (40 %) и культуре (34 %). Среди слабых сторон смоляне называют: экономику, финансы, промышленность (92 %). Они отмечают также науку и образование (38 %), государство (34 %), спорт (28 %).

В основном респонденты выражают гордость за свою страну, отмечают ее огромный потенциал («большое культурное наследие, сильный народ, богатая история» и т.п.). Среди проблем смоляне называют: нестабильность экономики, снижение уровня культуры, расслоение в обществе, коррупцию, изменение ценностей, большой разрыв между властью и народом и т.п.

Таким образом, среди смолян доминирует образ страны, в котором на первый план выходят гордость за нее (историю), ее природные ресурсы, людей и т.п. При этом в образе современной страны основную проблему жители Смоленска видят в экономике, финансах, промышленности. Образ страны

влияет на развитие социального, психологического и культурного склада жителей, их идентичность, позволяет прогнозировать как внутреннее, так и внешнее развитие страны и требует дальнейшего научного изучения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31369опн «Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти, политических институтах и лидерах».

Морозов С.И. (Волгоград, ВолГУ)

ЗАКРЫВАЯ ОТКРЫТЫЙ МИР: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНОЙ «НОРМАЛЬНОСТИ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

События начала 2020 года, связанные с масштабным распространением коронавирусной инфекции сказались катастрофическим образом не только на состоянии мировой и национальной экономик. Не меньшие разрушительные последствия ощутимы и в политической сфере социальных отношений. Грандиозные вызовы для устоявшихся традиционных каналов массовой коммуникации не только подтвердили функциональную ограниченность последних, но и ярко продемонстрировали неготовность политических субъектов к поиску и использованию альтернатив. Относительно слабо контролируемые и неуправляемые последствия мировой пандемии COVID-19 ярко высветили ограниченность устоявшихся технологий политической коммуникации как властных институтов с населением, так и внутри элитных групп.

«Обнуление» для населения доступных средств политической активности и фактическая императивная изоляция обусловили не только закрытие ограниченных каналов политической коммуникации населения и институтов власти. В ситуации недостатка политической информации основными источниками ее распространения стали новостные и «квазиновостные» телепередачи на федеральных телеканалах, множество различного рода интернет-блогов, а также традиционные слухи. Естественно, некоторая фрустрация первых месяцев режима самоизоляции и явная неготовность политических элит комментировать происходящие события не могли не сказаться негативно на так называемой «дистанции власти». Большинство публичных политиков общенационального и регионального масштабов, уйдя в «тень» самоизоляции обусловили ряд естественных проблем в понимании населением логики и направленности происходящих событий.

Наиболее наглядно это проявилось в характере общественных дискуссий по поводу принятия поправок в действующую конституцию РФ (их целесообразность, обусловленность и т.д.). Представители («спикеры») правящих элит продемонстрировали большую готовность к участию в разнообразных on-line совещаниях, проведению интернет-мониторингов и сбору статистической отчетности, нежели взаимодействию с населением. Очевидным итогом такой стратегии стало не только явное непонимание населением сути предпринимаемых антикризисных мер, но и снижение общего уровня легитимности правящего режима (например, «эффект Терешковой»).

Кроме того, большинство международных переговорных площадок (G-20, ОПЕС+, Генассамблея ООН и др.), перешедшие в режим «удаленки», демонстрируют, что доминирующий политико-коммуникативный тренд не сугубо отечественный, а наднациональный. Новый способ дистанционных политико-коммуникативных технологий стал «интересен» не только российским, но и зарубежным политическим элитам. Пожалуй наиболее ярким подтверждением тому может служить «дистантная» избирательная кампания кандидата в Президенты США Дж. Байдена, а из наиболее запомнившихся исключений – стратегия А.Г. Лукашенко (очевидно так же обусловленная ограниченностью иных доступных ресурсов в условиях президентской избирательной кампании в Белоруссии). Таким образом, наблюдаемое нами - иллюстрация новых глобальных политических трансформаций. «Самоизоляция» политических элит от ответственности за решение проблем в национальных и мировой экономике

провоцирует не только резкий рост протестной активности граждан и масштабный кризис легитимности, но и глобальную «самоизоляцию» населения из системы публично-коммуникативного взаимодействия. Однако данные тенденции парадоксальным образом совершенно не проявляются в виде резкого роста протестной активности населения или в виде протестного голосования в единый день голосования 13 сентября 2020 года. Не свидетельствует ли это о том, что «дистанция власти» между российскими избирателями (обществом в целом) и представителями федеральных (региональных) политических элит достигла таких величин, за которыми следует масштабный политический абсентеизм и катастрофическое недоверие действующим политикам?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 p_a «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)»

Морозова Е.В. (Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ВЫЗОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Под цифровым неравенством в обществе сегодня понимаются различия не только между имеющими сетевой доступ и исключенными из цифровой среды, но и в кругу практикующих онлайн-взаимодействие. Цифровизация всех сфер общественной жизни становится серьезным вызовом для государства как института публичной власти. Как свидетельствуют итоги научно-исследовательского проекта Digital Planet (Школа им. Флетчера при Университете Тафтса), в сравнительном рейтинге 42 стран по 7 ключевым категориям благоприятности условий ведения цифрового бизнеса список возглавляют США и Великобритания, в то время как Россия и Индонезия его замыкают (Самые цифровые страны мира: рейтинг 2019 года - https://hbr-russia.ru/innovatsii/issledovaniya/818884?utm_source=vedomosti.ru&utm_medium=teaser). Претендующие на лидерство державы демонстрируют свои конкурентные преимущества прежде всего в сфере высоких цифровых технологий, внедряемых в экономику, муниципальное хозяйство, СМИ и т.д. Но если люди, включенные в процессы цифровизации как производители и потребители материальных и духовных благ, не обладают необходимыми цифровыми знаниями и навыками, все масштабные программы и проекты будут обречены на провал. К важнейшим вызовам для системы публичного управления можно отнести: во-первых, возможность кумуляции различных видов социального неравенства и появление новых расколов; во-вторых, существующий разрыв между уровнем цифровой компетентности политико-административной элиты и граждан; в-третьих, необходимость трансформации образовательной инфраструктуры, способствующей непрерывному обучению цифровой грамотности и соответствующей постоянному развитию IT-технологий; в-четвертых, влияние цифрового неравенства на имидж и репутационный капитал государства. В нашем профессиональном сообществе важно понимать, какие цифровые компетенции мы закладываем в образовательные программы профессиональной подготовки политологов.

Первоначальные интерпретации цифрового разрыва фокусировались на доступе индивидов к онлайн-инфраструктуре. Вследствие распространенности широкополосного доступа к Интернету и цифровых технологий исследовательский акцент сместился в сторону цифровых навыков как индикаторов цифрового неравенства второго уровня. Различия в доступе со временем уменьшились, но различия в практиках и результатах использования Интернета становятся все более важными (OECD Skills Outlook 2019: Thriving in a Digital World. Paris, OECD Publishing, 2019. Available at: <https://doi.org/10.1787/df80bc12-en>).

Показатели цифрового неравенства в России более выражены, чем в экономически развитых странах. Прежде всего это касается разрыва между поколениями: уровень использования компьютера и Интернета молодыми людьми в России и ЕС практически не отличается, зато в старших возрастных группах (55+) можно наблюдать более чем двукратные различия доли пользователей ИКТ. По ключевым показателям использования ИКТ и IT-грамотности населения различия между субъектами

РФ, городскими и сельскими территориями выше, чем в Европе, и могут превосходить расхождения между развитыми и развивающимися странами, лишь вступающими в информационную эпоху (Ершова Т.В., Хохлов Ю.Е., Шапошник С.Б. Информационное неравенство в России: измерение и государственная политика, направленная на его преодоление. Available at: www.iis.ru/docs/2014-06-04_10._Ershova_2014-06-04_02.ppt).

Включенность человека в цифровой мир в современной науке чаще всего определяется терминами «цифровая инклюзия» и «цифровая социализация», причем последний доминирует в отечественном научном дискурсе. Унифицированная трактовка моделей цифровых навыков и наличие универсальных методов сбора данных об ИТ-грамотности благоприятствуют грамотной оценке эффективности политики цифровой инклюзии, которая осуществляется согласно следующим ключевым показателям: доступ, навыки, мотивация, взаимодействие (доверие).

Политика цифровой инклюзии носит смешанный характер: с одной стороны, повышается роль государства как ведущего актора цифровой социализации, обязанного предоставить доступ к цифровым технологиям всем гражданам, с другой – активизируется многосубъектное социализирующее воздействие в отношении населения, наиболее отчужденного от цифровых технологий. В конечном счете политика цифровой инклюзии ориентируется не на развитие цифровых инфраструктуры или навыков, а на обеспечение появления социальных «видимых» результатов онлайн-взаимодействия у граждан (приращение экономического, культурного и иных форм капитала) вследствие использования веб-ресурсов, на решение проблем, возникающих в повседневности «онлайн исключенных» групп.

Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»

Морозова О.С. (Рязань, РГУ имени С.А. Есенина)

«КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ ПРИ COVID–19 ДЛЯ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ»: РЕКОМЕНДАЦИИ ANFREL В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Начавшееся зимой 2020 г. стремительное распространение вируса COVID–19 по странам и континентам привело к серьезнейшим проблемам медицинского, экономического, политического и пр. характера. Несомненно, основной удар приняло на себя здравоохранение, однако под угрозой оказались и демократические институты, такие как выборы. Пандемия повсеместно нарушила запланированный ранее ход избирательных процессов.

К середине марта 2020 г. все большее количество государств заявили о переносе выборов, в основном, на неопределенный срок. Исключением стала Южная Корея, где 15 апреля состоялись парламентские выборы. Опираясь на данные медиков и южнокорейский опыт, Азиатская сеть свободных выборов (ANFREL) и шесть региональных групп, занимающихся наблюдением в ходе избирательного процесса, 1 июня 2020 г. выпустили «Кодекс поведения при COVID–19 для наблюдателей на выборах».

Этот документ впервые содержал рекомендации непосредственно для наблюдателей в отличие от появившихся ранее обзорах других международных организаций о ситуации с COVID–19 на выборах в целом.

ANFREL рассматривает отсрочку выборов как разумную меру, если она происходит в четко определенных правовых рамках. Любые решения об изменении календаря выборов также должны быть прозрачными, основанными на мнении медицинских работников и согласованными с государственными органами, гражданским обществом и политическими структурами.

В случае принятия решения о продолжении избирательного процесса ANFREL рекомендует провести тщательную оценку риска и впоследствии предпринять шаги для избегания ситуаций передачи вируса как среди избирателей, так и среди членов избирательных комиссий и наблюдателей.

В случае, если возникают сомнения в достаточности принимаемых мер безопасности в отношении наблюдателей, возможно ограничение их личного участия в избирательном процессе. Например,

в Южной Корее все желающие могли наблюдать за досрочным голосованием и подсчетом голосов в день выборов в прямом эфире YouTube, а от международных наблюдателей было решено отказаться. Весь процесс смог вызвать общественное доверие значительного масштаба, о чем свидетельствует то, что проголосовало 66,2 процента избирателей. Это самый высокий показатель явки избирателей за 28 лет в истории выборов в Южной Корее.

В «Кодексе поведения при COVID–19 для наблюдателей на выборах» предложено, что, помимо соблюдения общепринятых мер профилактики, наблюдатели должны тщательно следить за своим здоровьем, вести мониторинг температуры тела и воздерживаться от пользования общественным транспортом и посещения многолюдных мест.

Смысл рекомендаций ANFREL прежде всего в том, чтобы наблюдатель не стал потенциально опасным для голосующих с точки зрения распространения вируса участником избирательного процесса. На первом месте – здоровье избирателей и попытка дать гарантии безопасного с точки зрения возможного заражения COVID–19 участия в голосовании.

Кодекс изначально готовился как руководство к действию в странах, где планировалось проведение голосования, поэтому уже в июне был передан в Избирательную комиссию Шри-Ланки и другим заинтересованным сторонам для развития сотрудничества и обеспечения безопасной и динамичной работы на предстоящих выборах.

Таким образом, внимание к теме выборов в период пандемии в начале распространения коронавируса затрагивало вопрос участия наблюдателей в избирательном процессе поверхностно, но к началу лета 2020 г. международные организации, прежде всего ANFREL, смогли подготовить рекомендации непосредственно для наблюдателей, уделив им должное внимание.

Доклад подготовлен в рамках реализации гранта РФФИ №19–011–00484 «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса».

Мусина Р.И. (Москва, МПГУ)

ВЕНГЕРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 2012 ГОДА: ТРАДИЦИОННЫЙ ПУТЬ «НОВЫХ» ДЕМОКРАТИЙ?

Принятие поправок в Конституцию Российской Федерации летом текущего года вызвало широкий резонанс как внутри страны, так и за рубежом. Опыт России не уникален. За прошедшие с момента распада Восточного блока годы практически все страны бывшего социалистического лагеря активно занимались конституционным строительством. Однако, освещение этих процессов в мировых СМИ выглядит неоднозначно.

Несмотря на прошедшие восемь лет, принятие новой Конституции Венгрии по-прежнему вызывает ожесточенные споры и внутри страны, и за ее пределами. Если в 2009 году венгерские исследователи оценивали политическую систему Венгрии как «перегруженную демократию» (Петер Тельдеши), а состояние общества как «холодную гражданскую войну» (Акош Силади), то сегодня ситуация осложняется под влиянием внутренних и внешних факторов. Одной из причин роста противостояния стало принятие новой конституции. Это было вызвано не только велением времени, но и конъюнктурными интересами правящей группировки.

Новая редакция Конституции 1991 года декларировала изменение статуса Венгерской республики – теперь правового демократического независимого государства, основанного на многопартийности, разделении властей, приоритете прав человека. Принятие конституции было отнесено к полномочиям Государственного собрания. Именно Государственное собрание 18 апреля 2011 года 262 голосами из 386, против – 44, воздержался – 1, фракция Социал-демократической партии демонстративно покинула парламент, бойкотировав голосование. 25 апреля президент Венгрии Пал Шмитт подписал основной закон, вступивший в силу с 1 января 2012 года.

Принятие Конституции сопровождалось массовыми акциями протеста в стране. Уже на подготовительном этапе манифестанты требовали широкого обсуждения основного закона., указывая на излишне поспешное формирование текста документа – всего несколько недель. Насколько не проработан был

проект, можно судить по тому, что за восемь лет существования было принято семь поправок, причем большая их часть в период до 2014 года. Некоторые из них – под влиянием Венецианской комиссии и Евросоюза (например, вторая и пятая).

Сам текст Конституции вызвал недовольство либеральных кругов целым рядом положений, кардинально расходящихся с системой новых западных ценностей: апелляция к христианским идеалам, семья как союз мужчины и женщины, защита государством детей с момента зачатия, запрет репродуктивного клонирования.

Глубокую озабоченность вызвало изменение названия государства. Венгрия перестала официально именоваться республикой. Хотя пункт 2 статьи V определяет государственный строй Венгрии как республиканский. В целом новая конституция оценивается как легализация установления диктатуры правящей партии – «ФИДЕС».

Предсказуемой оказалась реакция западного сообщества на принятие новой конституции. Евросоюз воспринял основной закон как легитимизацию авторитарного режима. Во многом, именно с 2011 года обостряется противостояние Венгрии и Европейского Союза. Правительство Орбана было вынуждено обратиться к Венецианской комиссии (Европейская комиссия за демократию через право) для оценки документа. Вывод комиссии был жестким: новый основной закон ставит под угрозу политические, экономические и иные достижения венгерской демократии. Поводом для обвинений в авторитарности послужило прежде всего «Национальное кредо», закрепляющее представление о венгерском народе как исторически сложившемся сообществе с единой духовной традицией, языковой культурой, приоритет историко-органической сущности в противовес формально-юридической трактовке, коллективной правосубъектности венгерского народа как особой исторической и духовной общности. В преамбуле конституции усматривают возрождение этнокультурного национализма.

Большую озабоченность новая конституция вызывает и у соседних государств, поскольку провозглашает ответственность государства не только за проживающих в границах венгерского государства, но и в рамках Карпатского бассейна. Особенно, когда имеют место ссылки на историю венгерского государства, существенно превышающего границы современной Венгрии.

Тем не менее, в условиях краха мультикультурализма в Европе, рост националистических настроений имеет место не только в Венгрии. Дилемма между принципами договорной и органической демократией, приоритетом естественных субъективных прав и коллективной правосубъектностью народа, защищенность меньшинств и приоритетом общенациональных интересов в большей или меньшей степени характерна для всех современных государств. Политическая элита Венгрии в лице ФИДЕС предложила достаточно радикальное решение этого вопроса, во многом обусловленное как внутренним состоянием венгерского общества – противостоянием двух «средних классов», угрозой вымирания нации при продвижении европейских либеральных ценностей (например, однополых браков), утраты идентичности в результате новых волн мигрантов с Востока, так и с крахом иллюзий, питавших бывший «самый веселый барак социалистического лагеря» в начале 90-х – на экономический расцвет в рамках единой Европы.

Мутаев У.К. (Иваново, Ивановский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова)

РУССКИЙ МЕДВЕДЬ, СВОЙ ИЛИ ЧУДОЙ В ДАГЕСТАНЕ? (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ)

Серия интервью, проведенная в рамках проекта РФФИ, развернула целый спектр суждений относительно отношения к символу «Русского медведя» в разных регионах России, в т.ч. в Дагестане.

При этом реакция дагестанцев на символ была довольно противоречивой, с одной стороны русский медведь хорошо встраивается в систему многоуровневой идентичности дагестанцев (Мутаев У. К. Монумент «Родина-мать зовет!» в символической политике современной России: взгляд из Дагестана // Лабиринт. 2017. № 1. С. 96-105): уровень страны — медведь, уровень региона — орёл, но при этом мы обратили внимание что фраза «дагестанский символ это Орёл» прозвучала почти в каждом интервью. Характеристики медведя существуют сразу в нескольких плоскостях: с одной стороны, это характеристики самого животного, в котором есть сила и угроза; с другой, в описании «Русского медведя» много

ностальгических отсылок к детству, к мультфильмам и сказкам, у старших людей медведь ассоциируется с советским прошлым, «олимпиадой 80» и т.п. Также значимым выступает восприятие «Русского медведя» как воплощения российского государства, кроме того национальному характеру русских людей приписываются «медвежьи» черты.

Дагестанцы не принимают образ медведя как региональный или этнический «дагестанский» символ, возможно, в определенной части позиций признание его государственным символом может объясняться т.н. эффектом социальной желательности, т.е. желанием соответствовать мнению большинства, которое в свою очередь идентично государственной идеологии (Мутаев У.К. Между «Русским медведем» и «Дагестанским орлом»: символическое политическое пространство республики Дагестан/Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Московский педагогический государственный университет. Москва, 2019). Практически во всех «дагестанских» интервью в большей или меньшей степени чувствуется отторжение символа медведя, таковое продемонстрировали как мужчины, так и женщины. При этом реакция женщин опасливая, реакция мужчин раздражённая прослеживается и в словах, и в эмоциях. Причиной такого отношения, возможно, является боязнь потери собственной идентичности, «под крылом» большого и могущественного народа.

Религиозные, ценностные и культурные различия, существующие между народами, концентрируются в национальных символах. Эти символы в свою очередь потенциально конфликтны по отношению друг другу, в нашем случае логика многоуровневой идентичности, присущая дагестанцам является консенсусным решением, устраивает «обе» стороны, но все противоречия не снимает. В конфликтной ситуации национальные символы, как и их носители, начинают проявлять радикально противоположные свойства и цели. Поэтому с одной стороны мы имеем гармоничную иерархичную систему идентичностей, соответствующую социальным ожиданиям и декларируемым общегосударственным ценностям, с другой легко уловимую напряжённость, борьбу символов, отражающую конкурентные отношения русских и дагестанцев.

Конкуренция эта обусловлена множеством причин основными, из которых являются: во-первых, культурные различия связанные, прежде всего, с различием «города» и «деревни». Преимущественно сельский уклад дагестанских жителей входит в противоречие с «городским» укладом русских людей; во-вторых, религиозные различия дополняют культурные и усиливают их, исламская религиозная традиция и связанные с ней культурные особенности разделяют русских и дагестанцев.

Таким образом, проявляется противоречивость символа Русского медведя для дагестанцев – он одновременно выступает интегрирующим началом, соединяет прошлое с настоящим, замыкает многоуровневую идентичность, встраивая тем самым дагестанцев в общероссийское пространство, в то же время он маркирует инокультурность русского народа, угрожающего этнической и культурной самобытности дагестанцев.

Исследование проведено в рамках проекта РФФИ (грант 19-011-00748).

Мухаметов Р.С. (Екатеринбург, УРФУ)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ГЛАВ РЕГИОНОВ В КОРПУСЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?

Почему в одних регионах партия «Единая Россия» на думских выборах получает больше голосов избирателей, чем в других? Настоящая работа посвящена поиску ответов на этот вопрос.

Необходимо отметить причины, по которым мы остановились на изучении «партии власти». Во-первых, она является самой многочисленной партией в современной России. Численность партии составляет свыше 2 млн. 114 тыс. человек. Во-вторых, Единая Россия является партией парламентского большинства. Так, фракция партии в Госдуме седьмого созыва составляет 341 депутат из 450 или

75,95%. Наконец, «Единую Россию» относят журналисты и политологи к «партии власти». В частности, ее председателем с мая 2008 по май 2012 г. был В.В. Путин, на данный момент является экс-президент РФ, бывший председатель российского правительства, зампред Совета Безопасности РФ Д.А. Медведев.

В научной литературе существуют разные точки зрения на причины электоральных побед партии «Единая Россия» и получения ее статуса партии парламентского большинства. Одним из наиболее часто встречающихся объяснений успеха партии власти на парламентских выборах является зависимость от популярности В.В. Путина. Другим важным фактором является контроль над основными СМИ, потоком новостей и политической информацией. Другие исследователи связывают успех с использованием административного ресурса. Однако в последних публикациях (например, Г. Голосова) говорится о значимой роли региональных политических машин в электоральных победах «Единой России». В данной работе мы решили эмпирическим путем проверить взаимосвязь между результатами «партии власти» на парламентских выборах и представленностью глав регионов, которые стоят во главе политических машин, в руководстве региональных отделений партии. Рабочая гипотеза сформулирована следующим образом: процент голосов избирателей за федеральный список кандидатов от партии «Единая Россия», полученный в регионе, выше, если руководителем областной ячейки является губернатор.

Объектом исследования настоящей работы выступают лидеры региональных отделений партий «Единая Россия». Для настоящего исследования были взяты действующие руководители региональных отделений партии «Единая Россия». С официальной точки зрения, они называются секретарями региональных отделений.

Для начала выясним долю глав регионов в корпусе региональных руководителей партии. Анализ биографий показывает, что подавляющее большинство (87% или 74 человека) руководителей региональных отделений (РО) партии пришли на свои посты из властных кабинетов, из них 54% (46 человек) - из законодательной власти, а 33% (28 человек) - из органов исполнительной власти разных уровней. Большинство руководителей региональных отделений «партии власти», которые вышли из законодательной власти, являются представителями региональных парламентов (34 человек или 73,9 % от всех выходцев из парламентов). Остальные связаны с Советом Федерации (4 человека или 8,7%) и Госдумой (2 человека или 4,4%). Доля муниципальных депутатов среди руководителей 13% (6 человек). Абсолютное большинство секретарей РО из исполнительной власти работают в органах региональной власти (78,57% или 22 из 28 лиц), а остальные (21,43% или 6 человек) – в местной администрации. На втором месте с долей 7,06% (6 человек) из «бассейнов» рекрутирования стоит бизнес-сообщество. Выходцы из этой сферы представляют госкорпорации (РЖД, Газпром и Почта России) и частный бизнес. Из сферы науки на пост регионального руководителя пришли два человека – по одному представителю профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого звена. Если рассматривать в разрезе занимаемых должностей, то на первом месте стоят «выходцы» из регионального депутатского корпуса. Среди руководителей региональных отделений доля депутатов региональных парламентов 28,2% (24 человека). К ним нужно добавить и председателей законодательных собраний субъектов РФ (11,7% или 10 человек). «Выходцы» из региональной исполнительной власти (25,8% или 22 человека) стоят на втором месте, большинство (54,5% или 12 человек) из которых являются главами регионов. Остальные представлены вице-губернаторами и другими высшими региональными чиновниками в ранге министров, заместителей глав областных правительств.

Проверка гипотезы производилась методом бинарной логистической регрессии. Регионам, в которых губернаторы были руководителями региональных отделений, присваивалось значение 1, остальным субъектам РФ – 0. Источником данных по результатам думских выборов 2016 г. стали данные, размещенный на сайте ЦИК РФ. В результате проведенного исследования гипотеза не была подтверждена.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31049

Мэн Юйфэн (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В КИТАИЗИРОВАННОМ МАРКСИЗМЕ

Для построения социалистической цивилизации с китайской спецификой важную роль играет развитие теории политической власти, в особенности, понимание источников и форм политической власти в современном Китае. Коммунистическая партия Китая является марксистской политической партией, а теория политической власти является органической частью марксистской политической философии. Соответственно, в Китае важной проблемой политической науки является развитие концепта власти, отвечающего китаизированной форме марксистской политической философии.

Автор рассматривает эту проблему в контексте трех основных этапов, выделяемых в рамках эволюции политической теории в КНР. Первый этап относится к китайской политической революции и модернизации эпохи Мао Цзэдуна. Второй этап маркирует политическая система социализма, адаптированная к китайской социалистической рыночной экономике (после того, как Дэн Сяопин предложил политику реформ и открытости в 1978 году). Наконец, третий этап составляет новейшая теория китаизации марксизма, напрямую связанная с нынешним руководителем страны Си Цзиньпином.

В качестве лидера первого поколения КПК и главного основателя КНР, Мао Цзэдун объединил основные принципы марксизма с опытом Китая в процессе руководства китайской революцией и строительством социализма с китайской спецификой. Это предполагало и развитие марксистской теории политической власти. Китай создал централизованную систему политической власти под руководством КПК. В то же время, сознавая реалии Китая, Мао Цзэдун разработал идею «децентрализации» с китайской спецификой. Как заметил известный китайский политолог Гань Ян заметил, в эпоху Мао Цзэдуна фактически сформировалось единство «политической централизации» и «административной децентрализации» китайской модели. Это значит, что, с одной стороны, наблюдается высокая концентрация политической власти, которая подчеркивает единое руководство партии; а, с другой стороны, формируется высокая административная децентрализация, особенно местная экономическая децентрализация, которая склоняется к местной экономической структуре и избавляется от советской модели «административной централизации» с центральной плановой экономикой¹³¹.

Очевидно, что формирование и существование системы административно-политической интеграции, гармонизированной с плановой экономической моделью, сыграли решающую роль в первые дни основания КНР. Особенно это было важно в ситуации крупномасштабной стратегии догоняющей модернизации¹³². Однако в более поздний период правления Мао Цзэдуна это привело к ультралевым эксцессам, что в дальнейшем создало предпосылки для политической реформы Дэн Сяопина.

На XIII съезде партии в 1987 году Дэн Сяопин предложил реформу политической системы и сформулировал конкретные направления ее реализации: отделение партии от правительства, передача полномочий нижестоящим структурам, расширение административной прозрачности и совершенствование политических систем социалистической демократии и т.д. Под руководством Дэн Сяопина, а затем под руководством ЦК КПК во главе с Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао, важной чертой реформирования политической власти Китая стала трансформация центральной власти от «всемогущего правительства» к «ограниченному правительству» и правительству, ориентированному на услуги, адаптированному к экономическому развитию и социальным преобразованиям. Эта практика внесла весомый вклад в развитие марксистского концепта политической власти и теории политической власти Мао Цзэдуна.

В последние годы Си Цзиньпин выдвинул ряд новых идей относительно источника и сущности политической власти в социалистическом Китае. Еще раз подтвердив приверженность народовластию как принципу политической власти в КНР, он акцентировал истинность тезиса, выражающего основу этой власти: «Человек превыше всего»¹³³.

131. 甘阳. 中国道路: 三十年与六十年. 北京: 读书, 2007. No. 06. P. 3-13. [Гань Ян. Китайский путь: тридцать лет и шестьдесят лет. Пекин: Журнал чтения 2007. № 06. С. 3-13].

132. 乔贵平. 当代中国政治权力变迁初探. 成都: 中共成都市委党校学报, 2004. No. 01. P. 19-21. [Цяо Гуйпин. Исследование изменения политической власти в современном Китае. Чэнду: Журнал партийной школы Чэндуского городского комитета КПК. 2004. № 01. С. 19-21]

133. 陈石明. 论习近平的政治权力观. 长沙: 湖南行政学院学报, 2018. No. 02. P. 19-26. [Чэнь Шимин. О концепции политической власти Си Цзиньпина.

Резюмируя вышесказанное о развитии теории китайской политической власти на пути от Мао Цзэ-дуна к Си Цзиньпину, можно сказать, что теория политической власти в китаизированном марксизме - это динамический процесс непрерывного развития и инноваций, идущий в ногу со временем.

Мясников С.А. (Москва, НИУ ВШЭ)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОБОСНОВАНИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА И РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В СИРИИ С 2014 ПО 2019 ГГ.

Начиная с 2014 года Россия стала демонстрировать миру новый вектор своей внешней политики. Хотя и существуют научные дискуссии на этот счет – некоторые полагают, что внешнеполитический курс России претерпел изменения после Мюнхенской речи В.В. Путина в 2007 году (Stent, 2008), но именно после 2014 года изменилось российское внешнеполитическое позиционирование и поведение (Барановский, 2016). Изменения зафиксированы во внешнеполитической концепции 2016. Присоединение Крыма в марте 2014 года и вступление России в войну в Сирии осенью 2015 года – два наиболее ярких примера изменений во внешнеполитических приоритетах. РФ присоединила Крым, хотя до этого момента осуждала нарушение принципа прав территориальной целостности (например, в случае с Косово). В случае же Сирии, применение вооруженных сил осуществлялось на территории государства не являющемся пограничным для России, соответственно не было повода для совершения превентивных действий в целях обеспечения непосредственной безопасности границ.

Чтобы легитимировать внешнеполитический курс как на внутренней, так и на внешней аренах, требовалось особое официальное обоснование. Такое обоснование могло осуществляться как *ad hoc*, так и стратегически. Первоначальное обоснование внешней политики осуществляют президент и МИД России (участвует в выработке аргументации и осуществляет обоснование в процессе интеракции на международных заседаниях). Так государственные акторы могут влиять на обретение легитимности как политики, так и существующего порядка. Целью исследования является выявление коммуникативных стратегий обоснования внешнеполитического курса России с 2014 года на примерах Сирии и Крыма.

Исследование основано на теории стратегических нарративов (Roselle, Miskimmon and O'Loughlin, 2014). Теория стратегических нарративов помогает понять, каким образом акторы добиваются поставленной коммуникативной цели, основываясь на чем они формируют свою позицию в международных отношениях, как обретают консенсус сообщества вокруг своей политики. Теория стратегических нарративов во многом опирается на постструктуралистский подход в анализе политического дискурса и исходит из общих с постструктурализмом презумпций о том, что отношение аудитории к политике может конструироваться посредством языка, риторики (см. Hansen, 2006).

Методом исследования является качественный контент анализ, осуществляемый на базе компьютерной программы QDA Miner. Задано 7 категорий кодов, подразумевающих наличие суб-кодов, выделяемых в процессе анализа.

Эмпирической базой исследования служат 46 стенограмм выступлений В.В. Путина с 2014 по 2019 г.; 49 стенограмм выступлений министра иностранных дел С.В. Лаврова; 24 стенограммы выступлений постпреда РФ при ООН В.И. Чуркина; 17 стенограмм выступлений постпреда РФ при ООН В.А. Небензи; 11 стенограмм выступлений заместителей представителя РФ при ООН и специальных представителей МИД. Данные источники были найдены при помощи поисковых систем порталов «Президент России», «МИД РФ», «Постоянное представительство РФ при ООН» согласно тематике и заданным хронологическим рамкам поиска. Для изучения контрдискурсов были проанализированы отчеты заседаний СБ ООН содержащие выступления представителей других государств, посвященных крымскому и сирийскому кейсам.

Результаты

- Власти использовали похожий подход к обоснованию кейсов Крыма и Сирии. Это может говорить о том, обоснование внешней политики РФ после 2014 года было стратегическим. Формировался образ Запада – дестабилизатора международной системы и образ России, стремящейся к кооперации и сохранению многополярности. Ценности и культура России противопоставлялись неправильным ценностям Запада, при этом в случае Сирии ценности России описывались как единые, в том числе, с традиционными мусульманскими ценностями.
- Национальные нарративы использовались преимущественно президентом, в меньшей степени представителями МИД России, чья аргументация больше строилась через обращение к международному праву. Описание проблем и необходимости активных, военных мер для их решения происходило через апелляцию к секьюритизации – региональной в случае Крыма и мировой в случае Сирии.
- После 2015 года, российские акторы стремились опустить крымскую дискуссию в международных коммуникациях, считая, что «решенный вопрос» не подлежит обсуждению, в то время как вопрос Сирии обсуждался достаточно активно, что может говорить о том, что российские акторы в случае обоснования действий в Сирии видели для себя перспективы в обретении политической значимости для России в данном конфликте.
- Осенью 2015 года российские акторы выражали стремление к кооперации с западными странами в сирийской операции, однако это являлось скорее *ad hoc* казусом, чем стратегией, о чем может свидетельствовать краткосрочность подобных вкраплений в официальный российский дискурс, поскольку до осени 2015 года и после декабря 2015 года акторы занимали контрапозицию к действиям Запада.
- Изменение коммуникативной позиции в обосновании политики России в Сирии могло положительно повлиять и на обоснование присоединения Крыма к России на внутренней и внешней аренах.

Назукина М.В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)

РЕГИОНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС В ПОСЛАНИЯХ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РФ

Анализ Посланий Президента давно уже стал неотъемлемой частью исследований политического дискурса. Чего нельзя сказать об изучении региональных «посланий», которые носят единичный характер. Тем не менее, именно обращение к данным источникам может характеризовать регионалистский дискурс, демонстрировать его динамику и основной модус осмысления специфики региона на элитарном уровне.

Регионалистский дискурс понимается одновременно и как смыслы речевой актуализации идеи особости региона, языковые характеристики регионального своеобразия и самостийности, и как активно мотивированная деятельность по достижению целей и амбиций региона, проявляющаяся в языке. Гипотеза исследования исходит из того, что регионалисты более озабочены вопросами своего региона, чем нерегionalисты. Соответственно в стратегических текстах глав регионов, которых можно относить к регионалистам должна фиксироваться общая озабоченность регионом - регион должен находиться на переднем фокусе, должна проявляться региональная специфика и фиксироваться идентичность региона.

Формат посланий в различных территориях различен. Это могут быть послание, доклад, отчет перед законодательным органом, бюджетные и инвестиционные послания. Поэтому формально их можно объединить в ежегодные отчетные выступления глав территорий. Источниками исследования послужили последние выступления глав регионов до событий коронвирусного кризиса (период конца 2018 - начала 2020 годов), доступные в виде стенограмм.

В докладе предложены индикаторы проявления регионалистского дискурса на основе количественно-качественного подхода работы с политическими текстами. Выделены три аспекта, позволяющих фиксировать проявления регионалистского дискурса в текстах отчетных выступлений глав. Первый аспект - осмысление специфики региона. Он позволяет дать ответ на вопрос как в дискурсе посланий представляется регион по отношению к России в целом, существует ли представление о регионе как об уникальном для страны пространстве или оно мыслится в контексте дискурса высшей государственной власти. Привлекательность территорий в использовании характеристик региона оценивается по блокам: историко-культурная уникальность, экономические маркеры, политические особенности, природные и географические маркеры.

Второй аспект анализа «Культурный регионализм и региональная идентичность» фиксируется за счет интерпретации символов особенности места, вербализации представлений о регионе как об уникальном для страны пространстве, номинирования регионального сообщества. Это находит проявление в употреблении смысловых клише о региональном характере, региональном духе, региональной истории и специфике «земли», конкретных брендов региона, имен «культурных героев» и др. В частности, важным оказывается наименование регионального сообщества (это просто жители или «татарстанцы», «уральцы», «куряне» и др.; есть ли отсылка к региональному характеру (сибирскому, уральскому и пр.); апеллирование региональными культурными героями, их цитирование и др.).

Третий аспект – позиционирование региона во взаимодействии с федеральным Центром. В рамках выделенных стратегий позиционирования предложены три: партнерство (регион выступает как равноправный участник, демонстрирует субъектность, например: «Мы работаем вместе», «совместно с федеральным центром находим пути решения проблем»), патернализм (регион ожидает помощи и благодарен за нее, например, в контексте таких фраз: «Благодаря федеральным программам и поддержке Президента»), нейтральный модус (без оценки фиксируются факты вокруг упоминания слова «федеральный», например: «В рамках федеральной программы выделено...»).

На основании анализа данных аспектов будет выделена группа регионов, в которых регионалистский дискурс артикулирован на элитарном уровне.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Настявин И.М. (Казань, КНИТУ-КХТИ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И НЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аристотель утверждал, что «во всяком живом существе, прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую»¹³⁴. Господская власть, по его мнению, это власть рабовладельца над рабом, которая почти ничем не отличается от власти сильного животного над слабым. Раб для него нечто вроде домашнего животного, который в отличие от последнего понимает приказы, и польза от него «мало чем отличается от пользы», доставляемой «домашними животными»¹³⁵. Под политической же властью, властью «государственного мужа» Аристотель понимает «власть над свободными и равными»¹³⁶ людьми. «Власть господина и власть государственного мужа, равно как и все виды власти, не тождественны»¹³⁷. Таким образом, политическую власть Аристотель связывает с понятием «государственный муж», а неполитическую – с властью господина над рабом.

Власть господина над рабом для Аристотеля естественна в том смысле, что раб не признается равным свободному человеку. Сегодня для нас такое отношение между людьми невозможно. Для нас такая

134. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М., 1984. С. 383.

135. Там же. С. 384.

136. Там же. С. 386.

137. Там же.

власть, безусловно, имеет политический характер. Для Аристотеля эта власть неполитическая потому, что раб для него не человек, а понимающее приказы господина «домашнее животное».

Таким образом, не всякая власть становится политической, а только такая, которая касается способа существования людей, общества, которая связана с проблемами борьбы общества и каждого его члена в отдельности за тот или иной образ жизни. Соответственно неполитическая власть с такими проблемами не связана.

Вместе с тем, та или иная неполитическая власть может превращаться в политическую, как только она начинает касаться проблем способа существования человека, общества. Так, С. Жижек церковь и семью называет «неполитическими» организациями в кавычках. «В человеческом обществе, – пишет он, – политическое служит всеобъемлющим структурирующим принципом, так что всякая нейтрализация некоего частичного содержания в качестве «неполитического» является политическим жестом *par excellence*»¹³⁸.

Догадка о возможности превращения неполитической власти в политическую есть и у Г. Гегеля. «Иногда гражданская власть, – писал он, – совершенно теряет свое значение и опирается только на военную власть»¹³⁹.

Дж. Сартори полагает, что «власть является политической в том случае, когда ее ресурсной базой служит политическая инстанция (office), и/или во всех случаях, когда она действует через каналы политики и влияет на решения тех, кто делает политику»¹⁴⁰. Данное определение не очень удачно, поскольку автор не раскрывает содержание понятия «политика». Поэтому его попытка объяснить политическую власть через понятия «политической инстанции» и «каналы политики» не дает четкого и ясного понимания, что же такое «политическая власть». Ясно только то, что там, где нет политики, там нет и политической власти.

Догосударственные формы власти в обществе также могут иметь политический и неполитический характер с той лишь разницей, что здесь властные отношения строятся не на осознании их, а полностью или в основном на инстинктах, которые призваны регулировать эти отношения, сохранять общность и способ её существования. В процессе становления и развития государства, превращения его в особый публичный институт эти отношения достигают вершин искусства организации и управления обществом. Политическая власть теперь базируется не на генетических, подсознательных факторах, а на интересах членов сообщества.

В этот исторический момент зарождается амбивалентность политического сознания и политики. С одной стороны, субъективные интересы людей по поводу власти, с другой – их объективный интерес, отражающий их социальную, «родовую» сущность. То, что раньше проявлялось в форме убийства «чужого», каннибализма в борьбе за выживание, теперь приобретает осознанный характер насилия, убийства, развязывания войн и грабительских походов ради наживы.

Таким образом, к неполитической власти относятся все виды власти в обществе, не связанные с борьбой людей за тот или иной способ существования, несмотря на то, что в неолитической сфере власти существуют те же инструменты, что и в политической.

В то же время неполитическая власть не несет на себе отпечаток политической только до тех пор, пока она не касается проблем способа существования людей, общества. Как только действия людей направляются на достижение (закрепление, ликвидацию) определенного образа жизни, способа своего (чужого) существования, они становятся политическими, а используемая в этих целях власть приобретает характер политической власти.

138. Жижек С. Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 263.

139. Гегель Г.В.Ф.. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 308.

140. Сартори Дж. Пересматривая теорию демократии. URL: <http://read.virmk.ru/s/Sartori.htm>

Небродовская-Мазур Е.Ю. (Москва, НАНО ВО «ИМЦ»)

КАТЕГОРИЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Категория «идентичность» в последнее десятилетие стала чрезвычайно популярной в социально-гуманитарных науках, особенно, в политических. Термин проник в политологию из сферы психологии, социологии и социальной антропологии (Семененко И.С., 2011). В результате интеллектуальных размышлений сложились разные методологические подходы к анализу данной категории.

В психологии исследователей интересовала, прежде всего, природа идентичности, ее сущность, устойчивость и стабильность. Идентичность предстает как социальный феномен, который формируется и развивается посредством самоопределения относительно базовых отношений Я с социальным окружением. Категорию идентичность невозможно рассматривать вне иного понятия - идентификации - длящегося во времени процесса, способа формирования идентичности.

Идентичность – это особое психическое состояние (устойчивое переживание) динамичное и процессуальное, а идентификация и идентифицирование – это процесс его достижения, осознанный или неосознанный поиск индивидом (обществом) оснований для этого состояния. Именно способность человека (общества) к идентификации как механизму, процессу, ведущему к социализации, и проявление идентичности как состояния динамичного и процессуального представляется важным фактором развития общества и человека (Мазур Е.Ю., 2014).

Сегодня в понимании идентичности в границах политологии лидирует конструктивистский подход. В нем активно используются такие понятия как «социальный конструкт», «категоризация», «властные отношения», «переговоры», «стратегия».

Согласно данному подходу, идентичность определяется как категория социально-гуманитарного знания, направленная на выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте самоопределения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам (сообществам) и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям (Миненков Г.Я., 2011).

Идентичность является многосоставным современным атрибутом: активно исследуются социальная идентичность, гражданская, этническая, национальная, политическая и иные виды идентичности, имеющие свое смысловое наполнение, что, выступает мощным результатом концептуализации данного конструкта.

Важное место в научном дискурсе занимает проблема кризиса идентичности. Исследователи Р. Брубейкер и Ф.Купер, проведя анализ генезиса категории «идентичность», показали необходимость и важность отхода и от конъюнктурного, и от чрезмерно политизированного его понимания, по причине амбивалентности (Brubaker, Cooper, 2000, p. 1).

Идентичность в политической науке предстает как самостоятельный и важнейший конструкт, который представляет собой инструментарий, позволяющий «выявить механизмы влияния ценностных ориентаций на эволюцию социальных и, в частности, политических институтов» (Семененко, 2011, с. 8).

Сложность генезиса идентичности объясняется его многозначностью. Проблематика идентичности разносферна: одни исследователи через призму идентичности рассматривают различные и важные черты современности, другие обращаются к ней для определения соотношения универсального и партикулярного, третьи концептуализируют идентичность через анализ коллективных действий, для иных выбор смыслов, борьба за признание выступают как политическая проблема.

Можно говорить, что существует достаточное число объяснительных схем конструкта идентичности в современных социально-гуманитарных науках. Огромное значение имеет включение конструкта идентичности в область политологии, а именно политиков, активистов.

Важная мысль высказана Г.Я. Миненковым, о том, что идентичности не создаются в лабораториях или аудиториях, а конструируются в конкретных социальных практиках, это и делает как сами эти

практики, так и знание о них политическим, поскольку они всегда являются взаимодействием смыслов, которые индивиды вкладывают в социальные действия (Миненков Г.Я., 2011).

Таким образом, несмотря на то, что конструкт «идентичность» относится к сферам психологии, социологии и социальной антропологии, он активно и плодотворно концептуализируется и широко используется в поле политических исследований.

Список литературы:

1. Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // Theory and society. – Amsterdam, 2000. – N 1. – P. 1–47.
2. Мазур Е.Ю. Особенности влияния рефлексивности на профессиональную идентичность молодого специалиста (на материале исследования молодых прокурорских работников). Дис. ... канд. психол. наук: 10.00.05. Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова Ярославль, 2015 г.
3. Миненков Г.Я. Идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2011. – Т. 1. – 208 с.
4. Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева / РАН. ИМЭМО. – М., 2011. – С. 8–12.

Неверов К.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРОПЕРАБЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФЕДЕРАЦИЯХ

Цифровизация государственного управления обостряет задачу обеспечения органами исполнительной власти эффективного взаимопонимания и взаимодействия между различными элементами системы управления. Интероперабельность является одной из составляющих концепции «Индустрия 4.0». Сущность данного процесса состоит в единообразном понимании при совместной работе всеми участниками процесса управления технологии обмена информацией, цели обмена, что выражается в выстраивании единой бесшовной системы, позволяющей без задержек обмениваться информацией и данными (а также использовать совместно информацию и данные) между различными участниками взаимодействия, в классической модели включающих государство, граждан и бизнес. Интероперабельность обеспечивается на пяти уровнях: техническом, семантическом, организационном, правовом и политическом (Липунцов, 2010, с. 63).

В техническом плане решение проблемы обеспечения интероперабельности находится на поверхности – использование единых стандартов и оборудования. В сфере социальной необходимо учитывать две стороны: во-первых, взаимоотношение человека с машиной; во-вторых, взаимоотношения между людьми. В целом, система состоит из трех типов взаимодействия: человек-человек; человек-машина; машина-машина.

Платформенный подход может выступать как решение проблемы обеспечения интероперабельности в условиях цифровизации. Для предоставления всех необходимых общедоступных услуг необходимо развертывать, управлять и поддерживать несколько (множественных) конфигураций платформы (то есть несколько вариантов платформы для разных служб; в противном случае все будет по шаблону и может работать неэффективно). В результате основная платформа модели государство как платформа представляет собой платформу платформ, в которой сосуществуют и взаимодействуют внутренние платформы, платформы цепочки поставок и отраслевые платформы. Правительство как платформа, таким образом, представляет собой стабильное централизованное ядро, интегрированное в периферийные (ввод-вывод; здесь компьютерное значение) компоненты правительства, которые, по сути, являются модулями целостной большой экосистемы, в которой государственные учреждения, а также внешние участники могут совместно производить общественные услуги. Конфигурация платформы

определяет организационные и технологические аспекты, которые определяют организационную конфигурацию и возможности, используемые государственной администрацией для производства и предоставления государственных услуг, и, следовательно, составляют операционные возможности государственной администрации, что является проявлением слияния ИКТ и правительства на симбиотическом уровне. Все это составляет архитектурное платформенное измерение государственного управления как платформы, то есть те материальные и нематериальные компоненты функциональной природы модулей экосистемы, в которых производятся и предоставляются различные типы услуг. Функциональная совместимость обеспечивается интерфейсами, имеющими технические спецификации / стандарты и правила дизайна, которые позволяют модулям обмениваться информацией с другими модулями или с инфраструктурой (Cordella, Paletti, 2019, p. 5–6).

Особенностью обеспечения интероперабельности в федерациях на основе платформенного подхода является создание «платформы платформ», структурированной в виде матрешки: платформы нижнего уровня являются подобием и одновременно составной частью платформы более высокого уровня. Возникающая отсюда проблема масштабируемости решена индийскими учеными. В случае решения проблемы масштабируемости индийские ученые предложили быстрое распространение платформ и связанных с ними экосистем. В основе их концепции лежит модульная архитектура в сочетании с ограниченной функциональностью основных модулей и открытыми стандартами в сочетании с контролируемым доступом и управлением экосистемой, что положительно влияет на масштабируемость (Mukhopadhyaya, Bouwman, Jaiswal, 2020, p. 437).

В реально существующих федерациях проблема обеспечения интероперабельности и масштабируемости стоит остро. Так, в Бразилии Национальная стратегия цифрового управления, реализуемая Министерством Планирования, Развития и Менеджмента, среди основных целей политики цифровой трансформации содержит обеспечение большей согласованности политики, функциональной совместимости систем и содействия различным организациям для анализа своих процессов и оцифровки услуг.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (грант №19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: институциональные основания цифровой государственной управляемости»).

Литература

1. Липунцов Ю.П. Координация инициатив в области информатизации государственного управления // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2010. № 4. С. 63.
2. Cordella, A., Paletti, A.: Government as a platform, orchestration, and public value creation: The Italian case. *Government Information Quarterly* 36(4), 1-15 (2019). P. 5-6.
3. Mukhopadhyaya, S., Bouwman, H., Jaiswal, M.P.: An open platform centric approach for scalable government service delivery to the poor: The Aadhaar case. <http://resolver.tudelft.nl/uuid:f2b8ddc4-5b8f-4e3b-b91f-0fe9d817889e>, последний доступ 2020/06/15, p. 437.

Невзоров М.В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ВЛИЯНИЕ ВМЕШИВАЮЩИХСЯ И КОНКУРИРУЮЩИХ ПРОЕКТОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ НА ИСХОД РЕГИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА¹⁴¹

1. В практике переговоров известно требование о необходимости отделения предмета переговоров от сторон конфликта по принципу «решай проблемы, а не выясняй отношения». Предполагается, что оптимальный политический анализ региональных конфликтов также может использовать данную идею, представляя позиции в качестве объектов независимых от акторов (далее — политические проекты).

141. Тезисы доклада подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект «Политические проекты территориального распределения власти во взаимодействии акторов этнополитического конфликта: балканский и постсоветский регионы» № 16-33-01092.

2. Объяснить «независимое» существование политических проектов могут теория фреймов и акторно-сетевая теория. В обеих теориях рассматривается социальный опыт акторов, который способствует конструированию устойчивых структур (в т. ч. материального характера), направляющих последующее социальное взаимодействие.

В *теории фреймов* «способы, которыми политические акторы собирают (package) свои сообщения оказывают влияние на их способность набирать сторонников, получать благоприятное освещение в СМИ, демобилизовать противников...»¹⁴² Добавим, что фреймы координируют взаимодействие политических акторов. Так для существования «независимого» фрейма требуется только приверженность, но он ничего заранее не сообщает о подчинении одних акторов другим. Это позволяет координировать действия самостоятельных акторов, не ставя вопроса о распределении власти в регионе. Приведем пример: ОАК и ДЛК были национальными движениями, конкурирующими друг с другом за влияние в Косово¹⁴³. Однако имея стойкую приверженность политическому проекту «независимость» ни одна из сил не «присваивала» себе данный фрейм, а значит идеологически не использовала его для оправдания собственного доминирования в регионе.

Акторно-сетевая теория Бруно Латура¹⁴⁴ использует понятие «черный ящик» для обозначения вещей, статус которых для окружающих акторов *со временем* стал очевидным и неоспоримым. В социальном взаимодействии черные ящики называются «нечеловеческими акторами» и вместе с людьми участвуют в создании актор-сетей, где каждый актор балансирует на грани распада (и превращения в сеть), а сеть потенциально может превратиться в единого актора.

3. В каждом конкретном региональной конфликте можно выделить проекты территориального распределения власти из некоторого закрытого списка «черных ящиков» (суверенное государство, национальное государство (по принципу «одна нация — одно государство»), федерализм, автономия). В тоже время их можно классифицировать в зависимости от позиций участников конфликта на две категории:

- конкурирующие проекты, т. е. проекты, которые предлагаются конкурирующими друг с другом национальными движениями внутри этнополитического меньшинства.
- вмешивающийся проект, т. е. проект, который государство предлагает этнополитическому меньшинству в качестве альтернативы, если последнее выдвинуло собственный политический проект;

4. На выборке региональных конфликтов балканского и постсоветского регионов была предпринята попытка выявить путем качественного сравнения (применялись принципы сходства и различия Милля к парам отдельных случаев) устойчивые комбинации политических проектов и их связь с исходами (которыми стали: получение независимости, ее потеря или ирредентизм). В общем виде были получены следующие результаты:

1) наличие конкурирующих политических проектов говорит о неоднородности этнополитического меньшинства, однако, способствует обеспечению независимости территории в тех случаях, где разница между проектами была минимальной (например, независимость, понимаемая одними как создание суверенного, а другими — национального государства);

2) отсутствие конкурирующих политических проектов говорит об однородности национального движения, но способствует ирредентизму или построению национального государства;

3) наличие конкурирующих проектов, обеспечивающих глубокий раскол между национальными движениями (комбинация «национальное государство» и «федерализм») приводит к потере независимости. В этом случае государство, чтобы сохранить собственную территориальную целостность, должно заниматься продвижением федералистского политического проекта в качестве вмешивающегося.

142. Poletta F., Kai Ho M. Frames and Their Consequences // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. New York, 2006. P. 188.

143. Более подробно см.: Невзоров М. В. Этнополитический конфликт на территории частично признанного государства Косово // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 122—126.

144. Латур Б. Пересборка социального. 2-е изд. М., 2020. 384 с.

Негров Е.О. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ ОНЛАЙН-МОБИЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ МЕГАПОЛИСОВ НА ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ В РОССИИ: ИВЕНТ-АНАЛИЗ ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ 2019–2020 ГГ.

Доклад посвящен особенностям онлайн-мобилизации молодежи мегаполисов на протестные акции в современной России. Практической частью доклада является ивент-анализ значимых протестных событий в крупнейших городах Российской Федерации в 2019–2020 гг.

Данная тема представляется весьма актуальной, как ввиду всё возрастающей роли виртуального пространства в организации общественно-политического процесса, так и тех социально-экономических и политических реалий, в которых протест как форма политического поведения имеет тенденцию к своему усилению.

Так как любого рода политические акции являются одной из форм политического поведения, необходимо зафиксировать развитие различных форм политического поведения в целом и политической активности в частности, которые, в свою очередь, обусловлены перманентным развитием функций государства как такового, и, в конечном итоге, формированием субъектности гражданского общества, рационализацией и гуманизацией политического процесса, а также повышением роли механизма легитимации политической системы с помощью политического участия. При этом следует помнить, что вся сумма различных форм политического поведения тесно связана с социокультурным контекстом и конкретными особенностями политического режима в той или иной стране. В этом контексте можно зафиксировать трансформацию более традиционных форм активности к новым формам непосредственного участия, связанных, в том числе, и с самоидентификацией и политическим сознанием. Такого рода участие может принимать самые разные, в том числе, протестные, формы – как конвенциональные, так и неконвенциональные. Именно поэтому в роли объекта исследования в рамках нашего исследования выбраны представители именно молодежи, которая по факту играет едва ли не ключевую роль в изменении общественно-политических процессов как с исторической, так и с аналитической точек зрения. Изучение и анализ устойчивости, а также динамики моделей политического поведения молодежи, а также факторов, влияющих на их формирование, должно предоставить дополнительные возможности для более эффективного прогнозирования степени политической активности и анализа закономерностей политического поведения.

Предваряя практическую часть исследования, нельзя не выделить и еще одну специфическую особенность современного общественно-политического процесса – слабо обнаруживаемую на практике корреляцию между манифестированием собственной политической идентичности и декларацией готовности к разного рода конвенциональным и неконвенциональным действиям, и, собственно, реальными действиями, которые можно зафиксировать в офлайне. Это, на наш взгляд, связано как с рядом исторических и социально-политических причин (определенная культура «двоемыслия» и политического лицемерия (в отличие, к примеру, от социального и бытового лицемерия, намного более развитого в обществах с более сильными демократическими традициями)), так и с конкретными особенностями современного политического процесса, что фиксируется, в том числе, и рядом наших предыдущих исследований (см., к примеру, Лагутин О. В., Негров Е. О. Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций: на примере основных регионов Северо-Запада и Южной Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 157 – 174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174).

Само продолжающееся исследование посвящено ивент-анализу основных протестных акций 2019–2020 гг., проводившихся в городах с населением свыше 1 миллиона человек – как де-юре (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Челябинск, Самара, Омск, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Воронеж, Пермь и Волгоград), так и де-факто (Саратов и Краснодар).

Полученные к настоящему времени результаты позволяют зафиксировать существенные особенности онлайн-мобилизации, как исходя из особенностей функционирования виртуального пространства в крупных городах, так и с точки зрения основного объекта исследования – молодёжи и специфики ее идентичности и алгоритмов политического поведения. Все это позволяет говорить о релевантности выстраиваемых моделей классификации различных механизмов мобилизации, что обуславливает практическую значимость исследования.

Практической демонстрацией изложенных идей и презентацией результатов является обрабатываемая эмпирическая часть доклада, которая должна быть представлена на Конференции.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Недяк И.Л. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ИЗМЕРЕНИЕ ВЛАСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ ГОСПОДСТВА

Оптика современных концепций господства настроена на изучение «изнанки» демократии с любыми ее прилагательными: факторов экстенсивного и интенсивного проникновения отношений господства в социальные порядки, трансформации иерархий и сетей в структуры господства.

Общая посылка концепций - социальные отношения господства изымают политические качества у социальных субъектов и демократических институтов, лишают политического содержания политику и ее процедурные аспекты.

Нормативная теория справедливости составляет сердцевину современного дискурса господства, однако в нем изменены параметры дискуссии о демократии. Последняя видится не (с)только как самоценность, но как необходимое вспомогательное инструментальное благо, чье предназначение - минимизация социальных отношений господства и продуцируемых ими антиблаг несвободы, неравенства, зависимости, социальной эксклюзии, политической бедности.

Не-господство операционализируется как определенный тип политической свободы. Эмансипативные качества власти и политики ставятся во главу угла. Их измерение можно представить на шкале: эмпауэрмент / интересубъектная власть совместного действия с ненулевым результатом ↔ власть как отношения легитимного насилия и рационально осознанного подчинения с ненулевым результатом ↔ анергическая (снижающая способность к активным действиям) власть как отношения с нулевой суммой ↔ отношения господства, уничтожающие политическую власть. Процесс не считается линейным. В целом признается, что власть и господство сосуществуют, их интенсивность и масштаб подвижны (хотя остаются сильными позиции апологетов идеи Х. Аренд о несовместимости власти и господства в их феминистском дискурсе).

Приведем определение господства, которое, как представляется, не конфликтует с его дефинициями в наиболее влиятельных современных концепциях: неороманской республиканской (господство как произвольная власть), «многоликой» власти (господство как нормативно - нежелательная форма «власти над»), ресурсистских (господство как отношения структурной зависимости), феминистских (господство как антитеза власти совместного действия). Итак, под господством понимаются асимметричные и системно воспроизводящиеся субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевым результатом. Это специфическая форма социальных отношений, при которых субъект власти может по своей воле и своекорыстно влиять на интересы/предпочтения/выбор/поведение объекта власти и (или) использовать его в качестве инструмента для достижения своей цели, не встречая ограничений со стороны институциональной среды. Эмпауэрмент – противоположный полюс на шкале измерения власти в концепциях господства – понимается как процесс и результат достижения контроля над своей жизнью и демократического участия в жизни общества, как способность к действиям, направленным на трансформацию властных отношений, на перераспределение ресурсов и изменение социальных структур.

Концепты «эмпауэрмент», «не-господство» применяются одновременно как регулятивные идеалы и как инструменты измерения политических качеств власти, демократических институтов и практик. К общим для большинства концепций господства исходным методологическим позициям можно отнести: нормативное определение отношений господства, полагание упрощением приравнять господство и власть в ее парадигмальном определении «власть над», признание безусловной важности парадигмы «власть для» в теории господства.

Основной вклад в развитие теории господства вносят его субстантивные концепции (structure-based conceptions), в которых господство трактуется как структурная и диспозиционная форма власти. Её положение на шкале «эмпауэрмент - господство» определяет ряд критериев: степень ограниченности власти извне правилом правового условия; предрасположенность институциональной среды поддерживать генерализацию правил и воспроизводство структур в логике структуризации Э. Гидденса, равно как не допускать перерождения власти в форму внешнего контроля (alien control) - способность навязывать нормы и правила социальных отношений, устанавливать статус их участников; институциональная и процедурная возможность контролировать власть, препятствовать структурному принуждению действий, воли и (само)сознания объектов воздействия, ущемляющему их базовые интересы; степень проникновения в моральный порядок общества кодекса сервитута, который формируют социальные отношения господства.

При поддержке гранта РФФИ 20-011-00724 А Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России.

Нестерчук О.А. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, РУДН),

Зогранян Е.В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕТЕВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ В TELEGRAM В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В современных условиях сетевые общности являются значимым инструментом реализации политических интересов определенных групп лиц, формирования политических предпочтений, массовых настроений удовлетворенности и неудовлетворенности с разными уровнями кооперации объединенных политической идеей или целью. Процесс создания сетевой политической общности является комплексным и подразумевает прохождение определенных этапов, задействование интернет-платформы, определение характера и направленности этой общности.

Так в период протестных событий в Республике Беларусь самым важным каналом распространения информации и сбора обратной связи является Telegram. Также были попытки использования YouTube и Instagram, однако результативность последних двух платформ оказалась недостаточно высока. Востребованность Telegram в Беларуси при формировании политических общностей «Взаимопомощь РБ», «Хартия-97», «Беларусь головного мозга», «НЕХТА», «НЕХТА Live», «Революционное действие», «Мая краіна Беларусь», «Усы Лукашенко» заключается в его технической специфике, а именно, в возможности создания групповых чатов без ограничений по количеству участников с увеличенной скоростью передачи информации и ответной реакцией большого количества пользователей. Таким образом, данная специфика позволяет получать быструю обратную связь в режиме реального времени, корректировать способы и содержание публикуемого контента.

Кроме того, приемлемым для формирования вышеуказанных сетевых политических общностей является метод распространения информации в Telegram. В этом случае трафик идет в зашифрованном виде и стороннему наблюдателю практически невозможно получить доступ к тому, какую именно информацию в данный момент просматривает пользователь. При этом пользователь одновременно может состоять в ряде чатов и каналов. Такого рода «широкое» воздействие стало причиной повышения среднестатистического возраста пользователей, примером чего являются массовые выступления в Беларуси с августа по октябрь 2020 года.

Также стоит отметить адаптивность содержания информации для различных типов аудитории. Например, для белорусской аудитории старшего поколения использовались концептуально сходные механизмы воздействия, однако их форма была адаптирована. В частности, мемы по политическим проблемам создаются с учетом возраста аудитории, что делало их достаточно применимыми для одной возрастной группы, но практически бесполезными для других.

Вовлечение старшего поколения в Беларуси в сетевые политические общности в Telegram также можно объяснить широким распространением смартфонов и возросшим временем проведенного в Интернете (Digital Belarus 2019/ Datareportal/ 31 Jan 2019/ URL; <https://datareportal.com/reports/digital-2019-belarus?rq=belarus>).

Таким образом, становится возможным поддерживать эмоциональную вовлеченность как «активной» аудитории - тех, кто принимает непосредственное участие в активной фазе белорусских событий, так и «пассивной» аудитории - тех, кто следит за происходящим со стороны, но чье согласие необходимо для придания легитимности происходящему.

Сетевые политические общности способствуют больше иррациональному восприятию информации пользователями, чем рациональному. Это происходит за счет спекуляции скрытыми координаторами информации на сопоставлении «Мы и Они», использовании адаптивных понятий (справедливость, равенство и т.д.), эмоционально-окрашенной лексики и другое.

Благодаря эмоциональной вовлеченности становится возможной мобилизация большого количества людей в сетевой дискурс. Чем сильнее эмоции, тем менее рационально склонен поступать индивид. Сетевые политические общности в Telegram имеют свой жизненный цикл в зависимости от цели создания, актуальности политической повестки, возможности поддержания интереса пользователей в участии обмена контентом и его просмотра. Поэтому жизненный цикл таких сообществ может быть ситуативным, недолговременным и долговременным. Следует отметить, что в соответствии с моделью «Overlappinggeneration» малые сетевые общности имеют обычный жизненный цикл. Однако относительно больших сетевых общностей модель пересекающихся поколений соблюдается частично, либо не соблюдается вообще. Что может свидетельствовать об искусственном поддержании активности внутри данной политической общности и манипулятивном характере публикуемой информации.

В итоге эффективность сетевых политических общностей в Telegram и их жизненный цикл зависит от ряда условий: технической специфики платформы; возможностей пользователя выйти в приложение Telegram с помощью мобильного устройства; постоянного использования интернета для применения на платформе методов подачи и адаптации информации в соответствии с целевой аудиторией; виртуального поддержания циркуляции эмоций.

Нечаев Д.Н. (Воронеж, Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова)

ПРОБЛЕМАТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГУБЕРНАТОРОВ-ВАРЯГОВ И ГЛАВ РЕГИОНОВ ИЗ «МЕСТНЫХ» В РАКУРСЕ МИМЕТИЧЕСКОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТЕЙ ЦФО)

Не менее актуальным в научном, экспертном, прикладном дискурсах является вопрос об эффективности функционирования института губернаторов (глав субъектов РФ), их персоналистские особенности. В этой связи имеет смысл обратиться к научной дефиниции политической репрезентации, которая при анализе деятельности губернаторов (глав субъектов РФ) становится базовой основой определения их эффективности. Политическая репрезентация проявляется тогда, когда правительства, его состав, принятие политических решений, отражает дух и волю проживающего населения территории¹⁴⁵.

145. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / Ф.Р. Анкерсмит/ Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. И. Борисовой. – М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2014. 432 с. – С. 40.

Кроме того, в нашем исследовании важно принять к операционализации две теории политической репрезентации: миметическую и эстетическую, дающих некую систему координат в оценках деятельности региональных политических акторов.

В рамках миметической теории политической репрезентации федеральный центр в период 2000-х годов рассматривал подход согласно которому репрезентация населения субъекта РФ в образе губернатора должна выражать представляемый народ конкретной территории, близкий к его сущности основных социальных групп (традиции, ценности, символы, предпочтения). Таким образом, вне зависимости от процедуры назначения (2005-2012 гг.) или избрания (2000-2004, 2013-2020 гг.) руководителя территории, глава субъекта РФ мог бы стать неким портретом в миниатюре, думающим, рефлексирующим, действующим как обобщающий образ населения, проживающего в данном субъекте РФ. В этом случае, ставка федерального центра делась на то, что представитель народа будет не только его понимать, но эффективно действовать в его интересах. Такой тип в системе политической репрезентации глав регионов, к примеру, в 17 областях ЦФО, логично представить, как типа губернатора «из местных». Примером такого рода в 2000-х гг. являются губернаторы Калужской области А. Артамонов (2000- февраль 2020 года), В. Шапша (с февраля 2020 года).

Прямой противоположностью миметической теории репрезентации, теорией-антагонистом, является эстетический подход к политической репрезентации. Согласно содержанию концепта эстетической политики, из которого и оформилась теория эстетической репрезентации, различие между губернатором (представляемым лицом) и населением (от которого он представлен) должно быть неизбежным. Как различие между портретом конкретного индивида (идеальный вид) и его реальной сущностью. В данном разрезе, эстетическая репрезентации не только допускает, но и приветствует различие между народом конкретной территории и его представителем в качестве её руководителя. Данный тип кадровой политики в губернаторском корпусе России институционализировался в виде конструкта губернатор-«варяг». К примеру, в областях ЦФО данный тип получил распространение в Орловской области (А. Козлов в 2009-2013 гг., В. Потомский в 2013-2017 гг., А. Клычков с 2017 года по настоящее время)¹⁴⁶.

Однако политические практики деятельности глав субъектов РФ, к примеру, в 17 областях ЦФО, показали разнонаправленные результаты эффективности. Согласно подходу В. Парето эффективность должна быть справедливой и продуктивной¹⁴⁷ в сфере производства, в структуре воспроизводства благ, в справедливом распределении благ.

Например, эффективный губернатор Белгородской области «из местных» Е. Савченко (150 млрд руб. инвестиций по итогам 2019 года, новая индустриализация региона, внедрение концепции солидарного общества) был заменён в сентябре 2020 года на губернатора-«варяга».

Николаев И.В. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУ ГЕОПОЛИТИКОЙ И ДУХОВНОСТЬЮ

В 2015 году в России была принята действующая на данный момент Стратегия национальной безопасности. Этот официальный документ определил вербально-символическую структуру государственного дискурса безопасности. Соответствие официальной позиции семантическим и терминологическим нормам, изложенным в Стратегии, является необходимым условием целостности, непротиворечивости и ясности представлений о безопасности, транслируемых государственными субъектами в общественном пространстве.

146. В период 2000-х годов в областях ЦФО оформился и гибридный формат политической репрезентации: Воронежская область (А. Гордеев, губернатор-«варяг» и А. Гусев, глава региона из «местных»), Липецкая область (О. Королев, глава региона из местных, И. Артамонов, губернатор- «варяг»), Курская область (А. Михайлов, глава региона из областей ЦЧР в «местных», Р. Старовойт, губернатор- «варяг»).

147. Парето В. Трансформация демократии / В. Паретто; пер. с итал. М. Юсима. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 208 с. – С. 34

В излагаемом исследовании предпринята попытка соотнесения вербально-символических структур и внутренних семантических связей ключевого источника официального дискурса в России – посланий Президента Федеральному Собранию 2015-2019 гг., и эталонного текста Стратегии национальной безопасности. Первичная обработка материала производилась машинным методом с выявлением частотности использования лексем и веса их семантических связей.

В результате анализа текста Стратегии было выявлено доминирование вербальных символов, номинирующих государственных субъектов («Российская Федерация», «Россия», «государственная власть», «орган государственной власти», «государство» и т. п.), значимость которых определяется в 98 баллов из 100. Субъектность государства подкрепляется второстепенным значением группы символов гражданского общества, что демонстрирует представление власти о ведущей роли государства в обеспечении безопасности.

Концепт «безопасность» трактуется в Стратегии как комплексное явление, включающее в себя не только геополитический и военный аспекты, но и социально-экономический, культурный и духовный. Так, семантическая значимость концепта «оборона» оказывается предельно низкой, в то время как высокие баллы по весу связей получают «конституция», «духовность», «нравственность», «культура», «ценность», «традиция» (99 баллов). К традиционным российским духовно-нравственным ценностям, по версии стратегии, относятся: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» (Стратегия национальной безопасности РФ до 2030 года).

На фоне выстроенной в Стратегии 2015 года системы семантических связей концепта «безопасность» его конъюнктурное использование в текущих документах официальной позиции не отличается таким многообразием смыслов. Если в послании 2015 года зафиксировано отсутствие статистически значимого использования и интерпретации «безопасности», а в 2016 году крайне низкая частотность употребления никак не коррелирует с социальной, культурной и экономической политикой, то в тексте 2018 года Президент транслирует традиционное военно-стратегическое представление. В списке наиболее значимых семантических связей возникают такие вербальные символы, как «оружие», «ядерное оружие», «гиперзвук», «крылатые и межконтинентальные ракеты», «мощность», «оборона», «ПРО», «подводные лодки», «США». В 2019 году концепт «безопасность» продолжает рассматриваться с точки зрения геополитических угроз. Так, в послании этого года он попал на второе место по уровню значимости семантических связей при столь же низком уровне частотности — 1 использование на 1000 слов. Однако следует отметить качество этих связей — «безопасность России», «международная безопасность», «повышение безопасности», «безопасность» vs. «США», «безопасность» vs. «угрозы».

Таким образом, необходимо констатировать внутреннюю противоречивость официального политического дискурса российской власти по вопросам безопасности. Искомое представление безопасности государства, общества и личности, подкрепленное идеями устойчивого развития, духовности, сохранения идентичности, оказывается невостребованным в текущих текстах, выражающих официальную позицию. Подобная амбивалентность демонстрирует несогласованность государственной политики, отсутствие реальной, а не декларативной стратегии обеспечения комплексной безопасности страны в период международной, социально-экономической и культурной нестабильности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-70001

Николаева М.В. (Краснодар, КубГУ)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ, ВИЗУАЛЬНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье исследуются репрезентации политических субъектов в online -пространстве и анализируются особенности восприятия данных субъектов современной студенческой молодежью. Использование различных online-технологий и самого online-пространства как поля политических практик формирует новую коммуникативную стратегию, выстраиваемую между обществом и властью, гражданами и политическими субъектами. Развитие социальных медиа в первой четверти XXI века изменило качество и уровень политического участия всех субъектов публичной политики. В ходе исследования респондентам было предложено создать аккаунт (VK, Instagram, Twitter, YouTube, Facebook) политического субъекта, который, по их мнению, имеет наивысшую власть в России; наполнить данный аккаунт контентом (текст, изображения, хештег, отзывы и комментарии фоловеров). Таким образом мы выделили и описали коммуникационные, визуальные и лингвистические паттерны восприятия политических субъектов. Результатами исследования стали выявленные характеристики коммуникации в социальных online-аккаунтах: использование визуальных и текстовых интерпретаций политической повестки дня; иронические лексические и текстовые единицы, которые запускают хештеговые флешмобы, в ответ на официальные заявления со стороны политических субъектов.

Кто такой политический субъект? Что есть власть в России? На открытый вопрос о том, какой политический субъект обладает наивысшей властью в стране – результат очевидный. По мнению большинства – абсолютной властью обладает президент.

Практически на каждой полученной нами анкете политический субъект был обозначен визуально, чаще всего респонденты ассоциировали политический субъект с личностью политика. Многие изображения вполне узнаваемы, в большинстве случаев, это В.Путин, С.Шойгу, А.Навальный, Л.Соболь, представители политических партий, известные журналисты, встречались и обезличенные фигуры, которые олицетворяли власть посредством символов. Это характеризует современное состояние политической системы как закрытую или теневую, молодежь не может четко обозначить субъект власти. Хотелось бы также заметить, что существует определенная особенность в восприятии образа власти, российские респонденты напрямую ассоциируют власть с личностью. Указывая должность Президента, респонденты изображают В. Путина; А. Навальный, К. Собчак, Л. Соболь напрямую ассоциируются с оппозиционными настроениями. Многие изображения Путина имеют когнитивно сложную структуру, они составляют определенный политический сценарий, в котором достаточно много детализованных сюжетов и функций. Действия Президента на изображениях копируют новостной политический контент, который мы получаем ежедневно из социальных платформ, Интернета и других СМИ.

Сравнивая исследования образа власти, институт Президентства всегда был на высшем уровне, менялась разве что тональность его изображения. Динамика использования визуальных средств при репрезентации политического субъекта в очередной раз доказывает, что в России должность и личность дополняют друг друга. Граждане осознают определенную разницу между институтом президентства и собственно фигурой, занимающей соответствующий пост.

Тестовой массив информации о политическом субъекте также интересен для нас в виде объекта исследования, причем, подобная форма выражения мыслей респондентов легче в изложении и анализе, потому что напрямую выражает сознательное отношение респондентов к политическим субъектам.

Тестовой массив информации о политическом субъекте также интересен для нас в виде объекта исследования, причем, подобная форма выражения мыслей респондентов легче в изложении и анализе, потому что напрямую выражает сознательное отношение респондентов к политическим субъектам.

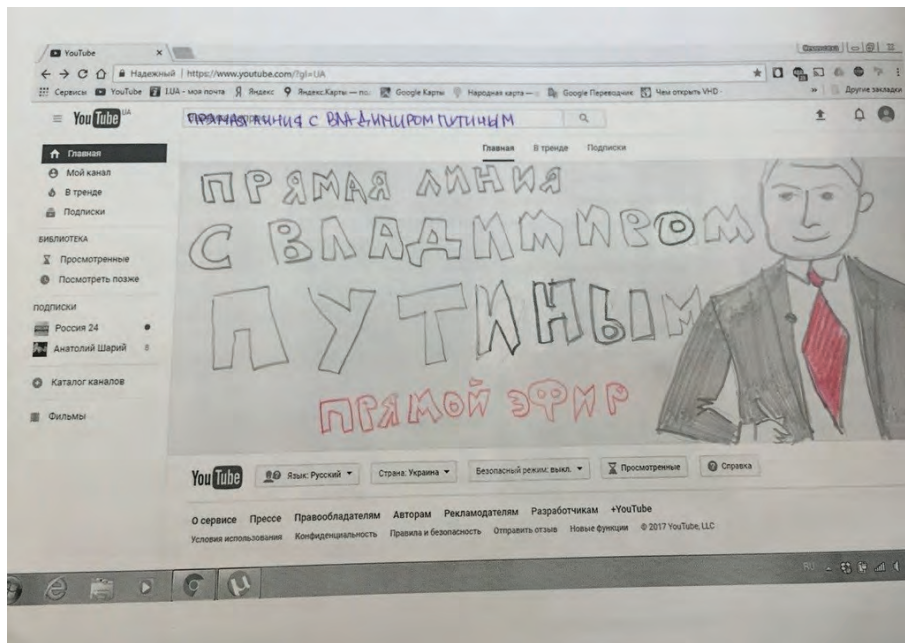

Рис.1 Репрезентация в видеохостинге Youtube

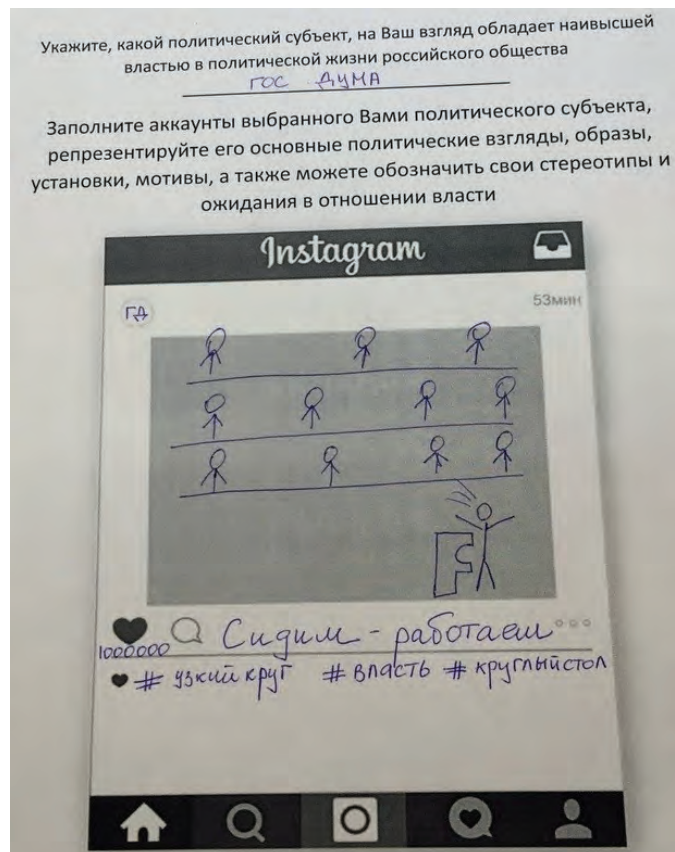

Рис.2. Репрезентация в социальной сети Instagram

Особое внимание на этом слайде хотелось бы уделить на хэштеги, которые интересны для исследования и интерпретации, так как подобная форма обозначения публикации в социальных платформах обладает существенной политической силой, которая позволяет аккумулировать схожие политические интересы и выражать их не только в online – пространстве, но и за его пределами, в реальной жизни. В данном исследовании самыми частыми оказались политическими установки, выраженные в хэштегах – #вечный Президент», #мне не плевать на народ, #пенсионная реформа, #Путин – царь, #Великий вождь, #лучший Президент, #Россия, #патриотизм, #Великая держава, #Парад Победы, #Родина, #Власть, #мои люди всегда со мной, #социальное обеспечение, #льготы.

Никоненко С.А. (Тамбов, ТГУ)

ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА В РОССИИ: ПРОБЛЕМА АГРЕГИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

В единый день голосования в ряде субъектов состоялись выборы губернаторов, в местные и региональные законодательные собрания, а также дополнительные в Государственную Думу по одномандатным округам. В большей части регионов удалось сохранить относительное большинство представителей «Единой России», а также подтвердить легитимность губернаторского корпуса от власти. Данная избирательная кампания проявила явный вектор на обновление и омоложение регионального политического истеблишмента. В частности, на выборах в Тамбовскую городскую Думу, считавшуюся ранее по большей части элитарным собранием заслуженных людей, данный тренд нашел своё выражение.

Выборы в Государственную Думу в 2021 году пройдут непросто для кандидатов от партии власти. Определенно вмешались объективные обстоятельства: пандемия коронавируса, кризисная ситуация с ценами на энергоресурсы, не совсем популярные в российском обществе реформы 2018-2019 гг., а также замедление роста доходов подавляющей части российского электората. Все это в комплексе скорее заставляет электорат задуматься о выражении протеста в форме голосования против кандидатов от власти. Добавляют остроты и события в Белоруссии.

Достаточно вспомнить очень непопулярную пенсионную реформу, что поставило под вопрос дальнейшие электоральные перспективы партии «Единая Россия», которая активно поддержала решение Правительства в необходимости данных преобразований. Поддержка правящей партии постепенно снижается. По данным ВЦИОМ, рейтинг «Единой России» колеблется в районе 33%. В связи с этим, прорабатываются новые проекты, которые должны будут составить партии власти конкуренцию на выборах в Государственную Думу в 2021 году.

С апреля 2019 года Минюст зарегистрировал оргкомитеты 42 новых партий, из которых 8 появились в 2020 году. Бросается в глаза разброс политических взглядов, которые демонстрируют новые партии: «Мы из народа», «Партия Народа», «Благо народу». Большинство ориентированы на левые идеи: «Революционная рабочая партия», «Социалистическая партия народного единства», «Новые левые» и т.д. Доля партий ориентирована на консерватизм – «Социально-консервативная партия России», «Консервативная партия России», «Консервативно-республиканская партия» и др. В списке есть партии, выступающие за узкие потребности граждан – «СтопЖКХ», «Право на оружие». Оказались учтены даже интересы экоактивистов и сторонников Греты Тунберг в России – «Зелёная альтернатива».

Напомним, чтобы получить госрегистрацию и право участвовать в выборах, партии должны в течение года провести учредительный съезд, после чего зарегистрировать отделения минимум в 43 регионах страны в течение полугода. Не сумевшие всё организовать должным образом – не смогут участвовать в избирательном процессе. Конечно, без наличия важной «троицы» успешности многих политических проектов в России достаточно сложно выиграть выборы, а именно: яркого лидера, административного ресурса и финансовой скрепы. Возможно, большинство партий, которые пройдут государственную регистрацию, превратятся в спойлеры. С трудом верится, что новые политические организации смогут преодолеть существующий порог в 5 %, увеличивая в конечном итоге представительство победителей в Государственной Думе.

Очевидным являются шансы у партийного проекта Захара Прилепина «За правду», идеологической основой которого составляет критика либерализма. По сути, данная политическая организация, исповедуя консерватизм, является примером возможной электоральной реакции на кризис представительства парламентских партий и ослабление «Единой России» в условиях трансформации партийной системы России.

По нашему мнению, 2020 год – это начало сложного цикла перестройки партийно-политической и избирательной модели, которая должна завершиться выборами Президента в 2024 году. В диссертационном исследовании автора (Никоненко С.А. Политические партии на федеральных выборах (на примере думской избирательной кампании 2007 г. в Тамбовской области): дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2011) предложена периодизация партийно-политического строительства. Напомним, на этапы становления партий в России влияют как минимум четыре фактора: политико-правовой (изменения в законодательстве); аксиологический (появление определенных, ранее не обозначенных интересов в обществе); электорально-циклический; партийно-элитистский (смена элит в государственном руководстве). Считаем, что электоральный цикл 2020-2024 вбирает в себя все эти параметры.

По нашему мнению, можно с уверенностью говорить о сложном пути трансформации партийно-политической системы. Начало этому процессу положили изменения в Конституции, одобренные подавляющим большинством российских избирателей. На авансцену выходят новые политические акторы, которые, возможно, потеснят традиционные партии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32080.

Овчарова О.Г. (Москва, РГСАИ)

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Согласно Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г.) «государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей». Однако, учитывая основную цель реализуемой семейной политики в настоящее время, а именно, поддержку рождаемости, можно констатировать, что на данном этапе своего развития семейная политика характеризуется, прежде всего, демографической направленностью. Начиная с Послания Президента Федеральному собранию РФ в 2006 году демографическая тематика приобретает особое значение как в риторике политических лидеров, так и в практиках формирования и реализации механизмов государственной социальной поддержки семей с детьми. В Послании Президента Федеральному собранию РФ в 2020 году проблема преодоления демографического кризиса актуализируется с новой силой и в качестве возможности «выбраться из демографической ловушки» предлагается беспрецедентный пакет демографических мер. Квинтэссенцией ценности семьи и демографии в современной России становится текст поправки к Конституции 2020: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России...».

Таким образом, увеличение рождаемости – процесс, являющийся основным критерием эффективности современной семейной политики в России, и в целом – ключевая задача государства. Вместе с тем, обращение к данным Росстата (в первой половине 2020 г. зарегистрировано на 6% меньше новорожденных, чем за аналогичный период прошлого года) свидетельствует о том, что данная задача в настоящее время далека от своего разрешения. Кроме того, фиксируя цифры рождаемости по стране, специалисты выделяют регионы со стабильно высокими показателями рождаемости и регионы-аутсайдеры, рождаемость в которых из года в год уменьшается. Задача настоящего доклада – анализ специфики и эффективности реализации государственных мер по увеличению рождаемости в ряде регионов России.

Возможность решения данной масштабной задачи обуславливается следующей причиной. Большинство российских регионов, помимо федеральной программы, реализуют собственные меры

поддержки семей, имеющих детей. К ним относится, прежде всего, региональный материнский (семейный) капитал (в случае отсутствия такового регионы предлагают иные меры социальной поддержки семей с детьми). В отличие от федерального, региональный материнский капитал финансируется за счет бюджета субъектов Российской Федерации, а условия его получения зависят от решения органов власти в каждом конкретном регионе. Как правило, регионы производят выплату за третьего ребенка. Несмотря на то, что размер региональных материнских капиталов значительно меньше, нежели сумма федерального материнского капитала, данная выплата весьма ощутима и существенна для семей с детьми. Следовательно, исследование разницы в размерах материнского капитала в регионах, критериев его получения и реализации позволит более отчетливо увидеть специфические факторы, влияющие на динамику рождаемости, обнаружить оптимальные механизмы ее увеличения. Поскольку особенности семейной политики в регионах отражают закономерности демографических аспектов российской политики в целом, анализ региональных практик может стать основой для разработки практических рекомендаций повышения ее эффективности с учетом существующих экономических, социальных, культурных различий.

Результаты исследования региональных практик реализации мер по увеличению рождаемости в настоящем докладе будут представлены на материалах изучения регионов Поволжского федерального округа (ПФО). В четырнадцати регионах, входящих в состав ПФО, присутствуют и те, в которых наблюдается стабильный рост численности населения и регионы-аутсайдеры. Регионы ПФО отличны друг от друга по национальному и конфессиональному составу, а также по экономическому потенциалу. Иными словами, социальное, культурное и экономическое разнообразие субъектов Поволжского федерального округа позволит сравнить и оценить причины и факторы, влияющие на положительный результат политики, направленной на повышение рождаемости и укрепление семьи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31701 «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (2020).

Окара А.Н. (Москва, Центр восточноевропейских исследований)

МОЖЕТ ЛИ НЕОСОЛИДАРИЗМ СТАТЬ «ПОЛНОЙ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ

Важнейшей характеристикой той или иной политической философии и идеологии может считаться их «полнота» или «фрагментарность». «Полнота», универсальность, системность, формулирование ответов на большинство актуальных вопросов и вызовов времени традиционно считается признаком «больших» классических идеологий, возникших в XVIII–XIX веках, — либерализма, социализма, социал-демократии, консерватизма и др. Тогда как «фрагментарные», «неполные» идеологии — национализм, фундаментализм, экологизм, феминизм, толерантность, популизм — ориентированы не на цивилизационное строительство, не на создание мир-системы, не на «большие смыслы», а на решение локальных проблем.

Солидаризм, как политическая идеология, политическая философия и политэкономическое учение, возник также в XIX веке, однако в силу различных обстоятельств ему не удалось стать «полной» идеологией — с разработанной философской и политической онтологией, антропологией, политэкономией, социальной этикой, образом желаемого будущего, комплексным взглядом на сложные мировые проблемы.

При этом стоит отметить, что многие важные социально-экономические достижения или концептуальные построения последних ста с небольшим лет, ставшие «всеобщим достоянием» и «общим местом» любого идеологического дискурса, имеют солидаристские корни: фиксированная рабочая неделя и ограничение рабочего времени, развитие профсоюзной активности, кооперативное и артельное движение, распределение части прибыли предприятия среди рабочих, безусловный базовый доход и т.д.

Благодаря солидаристской установке на равновесие индивидуального и всеобщего, на максимально неконфронтационный формат «общего блага», на ценности синергетического взаимодействия, взаимопомощи, доверия, «органической солидарности» (по Дюркгейму) и индивидуальной социальной субъектности, благодаря критике эгоизма и альтруистического коллективизма одновременно солидаризм становится созвучным новой реальности — эпохе Четвертой технологической революции, цифрового общества, сверхмодерна (взамен отживающего постмодерна), кризиса капиталистической системы и усиления алармистских настроений по всему миру.

В современной общественной мысли и политической практике доминирует представление, что в условиях XXI века никакие «большие измы», никакое системное смыслополагание невозможно. Тем не менее в современной российской науке и идеологической практике предпринимаются отдельные спорадические и пока несистемные попытки сформулировать мировоззрение «нового солидаризма» (неосолидаризма) как целостного учения, развивающего исходные концептуальные предпосылки солидаризма рубежа XIX–XX веков и формирующего представление о допустимых политических практиках в условиях постиндустриального общества. (Примечательно, что на окол властном уровне не прекращаются попытки создать «правильное государственническое мировоззрение» и отменить или дезавуировать положение ст. 13 Конституции РФ о запрете общеобязательной идеологии.)

Как представляется, в современной России и иных близких по параметрам политиях невозможно навязывание обществу какой-либо нормативной идеологии либо системы идей. Но само создание в нынешних условиях «большого изма» — «полной» и системной идеологической модели и философско-политической теории — способно подтолкнуть научный поиск и мировоззренческий прорыв. Но для того, чтобы солидаризм (неосолидаризм) мог бы считаться «полной» идеологией, необходимо развитие следующих составляющих солидаристского учения:

1. Философская и политическая онтология: представление об усложненной социальной реальности, о нелинейном развитии, о «виртуальной реальности», о кризисе постмодерна и появлении сверхмодерна, о постнеклассическом типе рациональности, о новом целеполагании современного человека, о новом философском и теологическом понимании ценности человеческой жизни и ее концептуального наполнения, учение о «ноосфере» и «теосфере».

2. Философская антропология: представления о социальной субъектности индивида, о совместной деятельности, о соотношении человека и искусственного интеллекта.

3. Социальная этика: представление о солидаристском понимании «общего блага», о новой этике труда в условиях неполной занятости и появления «лишних людей», о факторе доверия, который уменьшает трансакции в хозяйственном обороте, новая теория «справедливой войны», новые критерии политической свободы.

4. Философия права: представление о «государстве-партнере» и «государстве развития» нового типа, обновленная теория естественного права, новые критерии легитимности власти и политического режима, общественный договор, цифровизация госуправления.

5. Политэкономика: концепция солидарной собственности, концепция «солидарных финансов» («свободные деньги» с демерреджем), изменение функции коммерческих банков (не банковский процент, а доля от реализации проекта), различные теории безусловного базового дохода.

Онищенко А.Д. (Москва, НИУ ВШЭ)

ИДЕАЦИОННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК СПОСОБ ОБЪЯСНЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРИОД КРИЗИСА

В моменты кризиса институционального порядка, институциональные системы оказываются в своего рода системном вакууме: прежние институты утрачивают способность самовоспроизводиться и поддерживать сами себя, теряют свою значимость и в значительно меньшей степени влияют на поведение акторов, а логика последовательного исторического развития системы оказывается

скомпрометирована нестабильностью контекста и фрустрацией агентов, не способных предсказать дальнейшее направление развития системы. Объяснительная сила «традиционных» институциональных теорий – исторического институционализма и институционализма рационального выбора – снижаются в периоды системного кризиса.

Для преодоления данной проблемы был разработан идеационный институционализм (Hay, 2008, p. 56-74; Schmidt 2008, p. 303-326), который учитывает при анализе дополнительные факторы, традиционно игнорируемые или, по крайней мере, в меньшей степени принимаемые во внимание сторонниками других институциональных подходов: в частности, он фокусируется на анализе идей, носителями которых выступают лица, принимающие решения (агенты, акторы) и постулирует, что как идеи, так и институты постоянно влияют друг на друга и, таким образом, постоянно трансформируются (Hay, 2011, p. 167-182; Schmidt, p. 1–25). Новая система соответствует идеям агентов, а непрекращающееся взаимовлияние идей и институтов ведет к дальнейшей консолидации и эволюции системы как во время кризиса, так и после. Аналитический фокус на идеях (представлениях, убеждениях, верованиях и т.д.) агентов позволяет не только понять, как и почему институциональная система трансформировалась и почему ее дизайн приобрел именно такой вид, но и проследить последующую эволюцию институтов.

Идеационный институционализм продолжает сталкиваться с вызовами: (1) отсутствие конвенционального понимания «субъективного» (Hay, 2017, p. 235-247); (2) противоречия относительно того, какой именно эффект оказывают идеи – конституирующий или каузальный (Малинова, 2010, с 90-99); (3) проблема идеационного детерминизма; (4) неясность относительной значимости материальных и идеационных факторов (Gofas, Hay, 2010).

Идеационный институционализм активно обсуждается в англоязычной литературе на протяжении последних двадцати лет. Однако значительно меньшее внимание ему уделяют политологи России: сегодня предпринимаются попытки призвать к дискуссии и даже начать широко применять предлагаемый идеационный подход, но на данный момент они не получили широко отклика от академической аудитории.

В данном исследовании в качестве иллюстрирующего примера рассмотрены институциональные изменения в Республике Беларусь после распада Советского Союза: конкуренция нескольких конституционных проектов и, соответственно, политических идей и дискурсов привела к формированию конкретно-го дизайна.

Несмотря на имеющиеся проблемы, идеационный институционализм – это удобная аналитическая линза для выявления того, как убеждения акторов влияют на формирование и последующее развитие институтов, и наоборот. Внедрение и более широкое применение этой теории кажется многообещающим, особенно когда речь идет об исследовании процессов на постсоветском пространстве. Также идеационный конструктивизм способен обогатить наше понимание процессов институциональных трансформаций и выбора в пользу того или иного институционального дизайна, который делали политические акторы в моменты системной нестабильности (распад СССР, Брексит и т.д.).

Литература:

1. Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. Политические исследования, 2010. N3. С. 90-99.
2. Gofas A., Hay C. (eds.) *The Role of Ideas in Political Analysis*. London: Routledge, 2010.
3. Hay C. *Constructivist Institutionalism* / Bender, S., Rhodes R.A.W. and Rockman B. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 56-74.
4. Hay C. *Interpreting Interpretivism Interpreting Interpretations: The New Hermeneutics of Public Administration*// *Public Administration*, 2011, 89(1). P.167-182.
5. Hay C. *The Interdependence of Intra- and Inter-Subjectivity in Constructivist Institutionalism* // *Critical Review*, 2017, 29(2). P. 235-247.
6. Schmidt V. 'Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse' // *Annual Review of Political Science*, 2008, 11, P. 303-326.
7. Schmidt V. *Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism'*// *European Political Science Review*, 2(1). P. 1–25.

Онопко О.В. (Донецк, Украина, ДонНУ)

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭКСПЕРТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УКРАИНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДОКЛАДОВ К ПОСЛАНИЯМ ПРЕЗИДЕНТА ВЕРХОВНОЙ РАДЕ)

С 2014 г. внешняя политика Украины направлена на системное противодействие реализации национальных интересов России в Европе и на постсоветском пространстве. В частности, украинская сторона последовательно предпринимает меры по усилению военно-политической напряжённости в Черноморском регионе. В связи с этим актуальным для российской политической науки и практики является понимание представлений о данном геополитическом пространстве, существующих в политической картине мира¹⁴⁸ экспертов ведущей государственной организации, осуществляющей аналитическое сопровождение работы высших органов государственной власти Украины, – Национального института стратегических исследований (НИСИ).

Для решения данной проблемы автором было проведено политико-семантическое исследование текстов ключевых аналитических продуктов НИСИ – докладов, которые готовит институт к посланиям президента Верховной Раде «О внутреннем и внешнем состоянии Украины». Объектами изучения были доклады 2014–2018 гг., т.е. подготовленные к президентским посланиям П. Порошенко¹⁴⁹. Исходя из конструктивистской теории, данные материалы рассматривались как каналы, посредством которых НИСИ влияет на формирование контекста принятия внешнеполитических решений президентом и Советом национальной безопасности и обороны (СНБО) Украины.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

- Мировая политика в целом и российско-украинские отношения в частности рассматриваются экспертами НИСИ исключительно сквозь призму политического мифа «о мировой гибридной войне», одним из «фронтов» которой является Украина. При этом в институте убеждены, что Россией в этой «войне» движет стремление к «восстановлению Советского Союза» и «имперская политика».
- Черноморский регион занимает центральное место в политической картине мира украинских экспертов – с ним так или иначе связан основной массив вопросов внешней политики, обороны и безопасности, поднимаемых в докладах.
- Эксперты НИСИ твёрдо убеждены в неспособности Украины обеспечить собственную безопасность в Черноморском регионе.
- Крым значим для экспертов института исключительно в геостратегическом отношении: полуостров рассматривается как «российский плацдарм», из которого исходит системная «угроза» безопасности Украины и других стран Черноморского региона. Жители Крыма в докладах НИСИ представлены как «де-юре граждане Украины», которые, вместе с тем, лояльны России и «оторваны» от украинской нации, её ценностей и культуры, а потому в политическом плане не имеют особого значения. Исключение – крымские татары, обладающие устойчивой национальной идентичностью, политической организацией, международными связями и силовым ресурсом. «Возвращение» Крыма не рассматривается экспертами института как реалистичная политическая задача.
- Значение стран Черноморского региона для внешней политики и национальных интересов Украины в докладах института прямо связано с их стремлением, способностью и готовностью оказывать противодействие России. Отсюда – максимальное внимание уделяется Турции и

148. Самаркина И. В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации / И. В. Самаркина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 3 (23). – С.117–127.

149. Состоянием на 10 сентября 2020 г. президент Украины В. Зеленский так ни разу и не выступил с посланием «О внутреннем и внешнем состоянии Украины» к Верховной Раде.

Румынии, которые рассматриваются как стратегические партнёры: первая – по вопросам Крыма и крымских татар, а также военнопромышленного сотрудничества; вторая по вопросам обороны и безопасности в Приднестровье и Западном Причерноморье. Примечательно, что украинские эксперты последовательно настаивают на необходимости прекращения региональной конкуренции между Украиной и Румынией ради совместных действий против России.

- Украина стремится к созданию новой системы региональной безопасности в Черноморье, которая де-факто должна стать антироссийской коалицией, основанной не столько на ценностях евроатлантизма, сколько на идее противодействия общей «российской угрозе», с которой сталкиваются государства региона. Украинскими экспертами такая система задумывается как параллельная НАТО и готовая действовать относительно самостоятельно.
- Собственного концептуального подхода к созданию региональной системы безопасности у Украины нет: в докладах НИСИ фигурирует множество альтернативных вариантов, при этом ключевой из них – это польская геополитическая концепция «Междуморья» – Балто-Черноморского военно-политического альянса. Его воплощение в практическом поле эксперты института видят в укреплении связей между государствами «Бухарестской девятки».

Орлова И.В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

РЕСУРСЫ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Концепция «мягкой силы» получила широкое распространение в кругах западноевропейских и американских неоконсерваторов во второй половине 1980-х годов, заложив теоретическую основу *неолиберального институционализма*. Сам термин был введен в научный дискурс Дж. Найем. По его мнению, «мягкая сила» – это способность государства влиять на других людей, чтобы сделать то, что он хочет без силы или принуждения. И хотя подобные методы использовались властью еще с времен Макиавели, главное достоинство концепции Дж. Ная состояло в том, что он представил «мягкую силу» не как теоретический идеал, к которому государства должны стремиться, а как реально существующую политическую технологию, использующую как государственные, так и гражданские институты.

В условиях сужения для Российской Федерации возможностей использовать инструменты публичной дипломатии, ограничений, накладываемых на российские СМИ за рубежом (например, на RT), возрастания в кругах лиц, принимающих решения по вопросам российской политики, интереса к экспертной дипломатии появляется необходимость использовать инструменты «мягкой силы», связанные с образованием и научной деятельностью. Реализация государственными и негосударственными акторами образовательной и научной политики обеспечивает достижение конкретных внешнеполитических интересов государства.

Так, в концепции Внешней политики РФ 2016 года одним из направлений развития общественной дипломатии указывается расширение участия представителей научного и экспертного сообщества России в диалоге с иностранными специалистами по вопросам мировой политики и международной безопасности.

Общественная дипломатия не только содействует укреплению симпатий к нашей стране, но и способствует продвижению на общественном и межличностном уровнях продвижению конкретных внешнеполитических интересов государства.

Преимущество таких ресурсов по сравнению с другими заключается, во-первых, в восприятии науки как деидеологизированной сферы, функционирующей на основе ценностей транспарентности, универсальности и рациональности, в отличие от СМИ, культуры, спорта и пр., во-вторых, сохранения у российской фундаментальной науки имиджа креативной и значимой для мировой науки в целом (сформированного на основе научных открытий и разработок, сделанных в СССР), в-третьих, в воздействии «мягкой силы» науки и образования на широкую целевую аудиторию за счёт транслирования положительного образа страны теми, кто получил в ней образование.

Говоря об образовании как о мягкой силе, следует выделить ее роль не только как фактора воздействия, но и как взаимодействия.

После присоединения России к Болонскому процессу одним из определяющих критериев оценки эффективности деятельности российских вузов становится академическая мобильность. Это касалось даже не столько «исходящей», сколько «входящей» мобильности, предусматривающей привлечение в отечественные университеты иностранных студентов и преподавателей.

При этом на первом этапе работы российских вузов с внешним контингентом во главу угла ставились следующие задачи:

- увеличить валовые показатели числа иностранных обучающихся и привлеченных иностранных специалистов;
- добиться притока средств в российскую систему образования от «входящей» академической мобильности;
- улучшить имидж России в целом и российского образования в частности за рубежом. Особенно важно это стало после 2014 г. на фоне развернувшейся «войны санкций» и попыток Запада изолировать Российскую Федерацию, в т.ч. в академической сфере.

Интерес иностранных граждан к получению образования в Российской Федерации сохраняется на стабильно высоком уровне. Основной спрос на обучение в Российской Федерации наблюдается в странах СНГ, Азии и Африки. Положительной динамике продвижения российского образования способствовало развитие интернет-сайта дистанционной подачи заявок на обучение в России RUSSIA. STUDY, а также площадок дистанционного обучения «Образование на русском» (pushkininstitute.ru), «Русский как государственный» (rus-gos.spbu.ru), «Универсариум» (universarium.org). Одними из ключевых инструментов, способствующими увеличению «мягкой силы» науки и образования, являются академический обмен (студенческая и академическая мобильность), научная инфраструктура и международные университетские рейтинги.

В то же время в экспертном сообществе указывается на фрагментарность и отсутствие комплекса мер (концепции, программы) по использованию ресурсного потенциала образования в качестве мягкой силы, а также стратегических интеракций в отношении продвижения национального бренда российского образования Study in Russia. Россия не в полной мере использует преимущество, которое должен был бы обеспечить ей высочайший уровень образования населения.

Осипов В.А. (Москва, РУДН)

ВИРТУАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СУВЕРЕНИТЕТА

Исследования новых явлений, векторов развития, публичных и латентных процессов в социально-политической сфере обоснованно привлекают внимание научного сообщества. Актуальность подобных исследований для современной политической науки связана в первую очередь с необходимостью постоянного обновления её понятийного и методологического аппарата, теорий и подходов для сохранения объяснительных возможностей и прогнозирования. Для экспертного сообщества, практиков в области политики и управления связана с необходимостью своевременного получения систематизированных знаний и технологий для эффективного управления, поддержания необходимого уровня стабильности и безопасности, выстраивания стратегий и превентивных мер в условиях кризисов.

В рамках этого проблемного поля в 2020 нами было начато исследование феномена виртуального государства и научных подходов к его осмыслению. В результате проведённого обзора предметного поля, с результатами которого можно будет ознакомиться в публикуемом авторском исследовании (См.: Osipov V.A. Virtual state: Scoping Review of Russian Political and Interdisciplinary Science. RUDN Journal of Public Administration. 2020; 7 (4), помимо сформированности соответствующего сегмента политической науки и проблем, с которыми сталкиваются современные исследователи данного направления, было охарактеризовано соответствующее проблемное поле и поставлен ряд исследовательских вопросов. Попыткой ответа на некоторые из них и является данный доклад.

В связи с несформированностью научного направления, всесторонне изучающего феномен виртуального государства в целом и сравнительно недавним проникновением данной проблематики в отечественный политологический дискурс, понятно желание исследователей формировать теоретико-методологическую основу для дальнейших исследований, работать с основными понятиями и типологией. Первичной же задачей, на наш взгляд, является достижение некоторой договорённости и согласованности среди исследователей в отношении используемых понятий и понимания изучаемого феномена и рассматриваемых проблем. Так, например, существует целый ряд используемых для описания рассматриваемого феномена понятий: виртуальное государство, микрогосударство, кибер-государство, фэнтезийное государство. Такое многообразие связано, во-первых, с разницей применения в разных языковых традициях и странах, а во-вторых, с попыткой исследователей ухватить существенные особенности и характеристики разных виртуальных государств и их последующей типологизации.

Чаще всего можно встретить описание рассматриваемого феномена как некоторого социально-политического образования, имитирующего некоторые признаки государства, к чему добавляется фактор непризнания данных образований реальными суверенными государствами или наднациональными организациями. В отношении мимикрии или попыток виртуальных государств выстраивать свою структуру в традиционных рамках, в некоторых случаях можно встретить виртуальные государства со своей территорией, правительством, иметь постоянное население, собственную паспортную систему и др. (Силенд, Фриленд). Однако главным камнем преткновения для виртуальных государств всегда становилась возможность вступать в международные отношения с суверенными государствами, что связано в первую очередь с их непризнанием. Последнее заслуженно привлекает к себе внимание научного сообщества, так как фактически пересекается с проблемами современного сепаратизма и анархизма, легитимации власти, стабильности политических систем и безопасности и т.д. Фактически речь идёт о возможности перехода исследуемых социально-политических образований из ряда виртуальных в разряд реальных и соответствующие проблемы для последних. Реальность такого сценария подкрепляется возможностью концентрации у современных политических акторов больших ресурсов и доступа к быстро развивающимся информационно-коммуникационным технологиям, в результате чего они начинают оказывать серьёзное влияние на социально-политические процессы и быть в определённой степени независимыми.

Крайне интересным, на наш взгляд, в данном случае, является возрастающая важность признания виртуального социально-политического образования не только внутри страны, но, скорее, во внешней среде (другими суверенными государствами и наднациональными организациями). Учёт данного аспекта становится особенно актуальным в условиях кризиса легитимности и суверенитета существующей государственной власти. На примерах политических кризисов в Венесуэле (2019) и Белоруссии (2020), в докладе будет выдвинуто предположение о возможности появления виртуальных государств, их преобразование в реальные государства через внешнее и внутреннее признание. Также будут рассмотрены проблемы и последствия такого развития событий, как для виртуальных, так и для реальных традиционных государств.

Осиповская Е.А., Загребина В.В. (Москва, РУДН)

ЭКОАКТИВИЗМ В АСПЕКТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ: МЕДИАОБРАЗ ГРЕТЫ ТУНБЕРГ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Политизация экологического активизма начала приобретать глобальный характер к концу 1980-х годов, когда независимые организации «Гринпис», «Друзья Земли» и Всемирный фонд дикой природы стали открывать офисы по всему миру для координации лоббистских кампаний. При изучении понятия «экоактивизм» исследователи предлагают рассматривать его с нескольких позиций. Так, ведущий теоретик мировой экосоциологии Р. Данлэп выделяет три формы гражданского действия:

научно-ориентированную, реформистскую и протестную. Западные авторы добавляют ещё и экологическую дипломатию (*environmental diplomacy*), антиподом которой является радикальная экология, то есть активизм, направленный на коренное переустройство общества с помощью самоорганизации местных сообществ без диктата государства. Английские авторы больше внимания уделяют низовой (*grassroots*) политически активной про-экологической деятельности в виде зеленых партий и политических движений. С точки зрения данной типологии, действия шведской экоактивистки Греты Тунберг, которая выбрана нами в качестве предмета исследования, можно охарактеризовать как протестные.

В своем исследовании мы проанализировали тему выступления Греты Тунберг на саммите ООН 4 сентября 2019 года на основе материалов российских Интернет-СМИ. В эмпирическую базу исследования вошли тексты статей, заметок и репортажей за период с 23 сентября 2019 года по 24 октября 2019 года. Корпус выборки составил 200 онлайн-публикаций в различных Интернет-СМИ: «РИА Новости» — 31, «Известия» — 25, «ТАСС» — 44, «Коммерсант» — 26, в «Российская газета» — 20, «Ведомости» — 4, «Esquire» — 18, «Lenta.ru» — 13, «Meduza» — 7, «Сноб» — 12.

На основе анализа макро- и микроструктур текста мы рассмотрели проблему понятийно-смысловой организации публикаций, обращая внимание, в частности, на то, в каком контексте подавалась тема выступления Тунберг; какие темы были основными, а какие — второстепенными; лексика, используемая журналистами при описании экоактивистки в переносном смысле, и её тональность. Таким образом, при анализе статей уделялось внимание, с одной стороны, их содержанию, с другой — языковым средствам.

По итогам макроанализа мы создали следующий тематический спектр публикаций: синдром Аспергера, юный возраст Греты Тунберг, встречи с медийными персонами (Арнольд Шварценеггер подарил Грете автомобиль Tesla; премьер-министр Канады Джастин Трюдо встретился с шведской экоактивисткой), конспирологические теории, связанные с популярностью девушки (шведский PR-специалист Ингмар Рентцхог раскручивает Грету Тунберг; инвестор Джордж Сорс — кукловод Греты Тунберг; Россия финансирует Грету Тунберг), экологические движения (сторонники Греты Тунберг выходят на массовые акции по всему миру; меняются идеологии и бизнес-модели компаний под влиянием экологических тенденций), награждения (Грета Тунберг номинант на Нобелевскую премию; Грета Тунберг в списке «100 самых влиятельных женщин в мире»; «Человек года» по версии журнала Time).

Микроанализ же текстов показал, что в освещении широко используются средства стилистической выразительности, в том числе метафоры. Источниками для метафор стали следующие семантические поля: личность Греты Тунберг (пророк, яркий символ, мессия экодвижения, шведский вундеркинд, экологически обеспокоенная шведка, несистемная сила, молодая защитница, школьница-активистка), выступление Тунберг в ООН (политическая акция, прогуливание уроков, шоу, буря эмоций, резонансное/эмоциональное выступление, обвинение политиков), борьба за экологию (экологические акции, террор, лево-зеленая пропаганда, нежный протест мирных граждан, эффект Греты Тунберг, «зеленая» тема, зеленый популизм, климатический конфликт), психическое состояние (синдром Аспергера, нездоровье, аутичные черты, особенности поведения, тики, психическое нарушение, не вполне здоровая).

Подводя итог, можно сказать, что «строгий» новостной характер большинства публикаций не исключает активного использования публицистического стиля (языковых средств), связанных с определенной оценкой действительности. И это неудивительно, так как средства речевой выразительности позволяют заинтересовать аудиторию, воздействовать на её чувства и эмоции. Кроме того, следует отметить, что хотя большинство публикаций были опубликованы в разделе «экономика» и посвящены проблемам экономической экологии, освещение выступления Тунберг сильно политизировано и описывалось преимущественно в контексте политической повестки.

Остапенко Г.И. (Москва, МГИМО МИД России)

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ФРАГМЕНТИРОВАННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В МОНГОЛИИ

Для современной монгольской политики характерны существенная фрагментированность политического пространства и договороспособность политических сил. Проиллюстрировать эти два явления можно на примере последних четырех избирательных циклов. В каждой парламентской кампании участвует блок/альянс нескольких мелких политических партий, который не набирает необходимого числа голосов, чтобы провести своего кандидата в Великий Государственный Хурал, вне зависимости конкретного механизма мажоритарной избирательной системы. Единичное применение смешанной системы значительно повлияло на представительность «третьих» сил в парламенте.

На фоне постоянных изменений «правил игры» множество партий появляются и исчезают с политической арены, не имея возможности исполнить свою ключевую задачу. Существуют и не крупные партии с продолжительной историей, которые придерживаются собственной идеологической линии (например, «Гражданская воля – Зелёные»).

Под фрагментированностью здесь понимается ситуация, когда большое количество политических сил (в том числе и партий-спойлеров) неспособны оказать «сопротивление» доминирующей МНП (Монгольская народная партия, до 2010 года - Монгольская народно-революционная партия), что подразумевает сверхцентрализованность реализации политического курса. Фрагментированность обуславливается несколькими аспектами:

- Выборы последних циклов проводились в контексте формирования «новой» партийной системы после раскола 2010 года внутри «посткоммунистического лагеря» (П.Машкаринец).
- Наличие у МНП административного ресурса.
- Даже выступив в формате блока (исключение: парламентские выборы 2012 года), партиям / объединениям недостаточно электоральной поддержки для прохождения формальных порогов (стоит уточнить, что это касается и мажоритарной системы: в 2012 году несколько кандидатов, выдвинувшихся в мажоритарных округах, были лишены мандатов по причине недостатка поддержки - П.Машкаринец).
- «Подвижность» партий: монгольским политическим партиям свойственно часто менять названия, некоторые партии претендуют на преемственность других (самый яркий пример: современная Демократическая партия и её «предок» Демократическая партия начала 1990-х годов, а также Монгольская народно-революционная партия).
- Небольшая продолжительность жизни вновь создаваемых политических партий (может быть меньше электорального цикла).

Политическое пространство Монголии в отличии от упомянутого выше смысле однородно: в отсутствии этнического характера образования и поддержки партий, по сути, сохраняется только политический характер их организации; ядерный электорат этнических партий в этом смысле более активен с точки зрения политического участия в жизни своего сообщества.

Мы предлагаем рассмотреть электоральное поведение на примере парламентских выборов в Монголии (четыре последних цикла) в перспективе социального подхода к интерпретации данного явления в сравнении с трактовкой электорального поведения теорией рационального выбора.

С позиций социальной теории электорального поведения мы будем рассматривать электоральное поведение как комплекс укорененных практик восприятия политической реальности и машинерию их модификации в электоральное действие.

В условиях нынешней трансформации монгольской партийной системы как последствия раскола в исторически сильнейшей монгольской партии (МНП) в 2012 году ожидаемо имеются отличительные

особенности электорального поведения избирателей. Возникает субъективное ограничение рациональности избирателей, что затрудняет принятие стратегических решений в том случае, если избиратель должен отказаться от «непроходных», бесперспективных кандидатов. Партийные предпочтения известные на общенациональном уровне также снижают рациональность выбора и приводят к тому, что во многих округах баллотировались заведомо слабые кандидатуры, не способные выиграть на выборах, но обеспечившие привлечение внимания к партийному списку.

К особенностям электорального поведения следует также отнести влияние свойственного Монголии размежевания по принципу «город-не-город» нежели любого другого разграничения. Городское голосование на выборах в 2012 году заметно более оппозиционное, так как провинциальные районы, более длительный период оставались «посткоммунистическими оплотами» (П.Машкаринец).

Институциональный фактор также повлиял на ограничение готовности избирателей голосовать стратегически, сориентировав избирателей в сторону тех кандидатов, которые имели шанс на успех. Однако электоральное поведение на последних парламентских выборах в Монголии 2020 года в целом подтверждает логику «закона Дюверже» о приведении со временем к двухпартийной системе в случае однотуровых мажоритарных избирательных систем. Принципиальным остаётся вопрос: действительно ли волатильность в электоральных результатах МНП (объясняемая в том числе и внутренней повесткой) позволит Демократической партии преодолеть доминирование своего основного конкурента.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ»).

Островская Ю.Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)

КРИЗИС ПРИЗНАНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАБАСТОВКУ В КАЧЕСТВЕ СПОСОБА УЧАСТИЯ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ

Трудовые отношения в современном российском обществе являются проблемной во многих аспектах сферой, и, представляясь, на первый взгляд, далекими от коллизии властного господства и политики, тем не менее могут быть рассмотрены в качестве примера существования разрыва между декларируемыми демократическими ценностями и реальным устройством сферы «политического», или конфликта «должного» и «сущего». А также в качестве иллюстрации того положения, когда наряду с «нормальным» социально-экономическим конфликтом обнаруживается конфликт институциональный – политико-правовой¹⁵⁰.

Антагонизм интересов работников и работодателей временами порождает конфликты, которые способны распространяться на разные уровни социальных взаимодействий и затрагивать различные сферы общественной жизни. Масштабные трудовые конфликты способны переопределять сложившуюся систему властных отношений и согласования интересов по более широкому кругу вопросов жизни общества. Забастовки относятся к числу самых значимых трудовых конфликтов, которые могут оказывать серьезное влияние на систему сложившихся отношений в социально-трудовой сфере. Забастовки могут рассматриваться как провал социального диалога, но они также свидетельствуют о том, что работники и работодатели имеют возможность выражать свои требования.

Регулирование процедуры проведения забастовок, как часть более широкого контекста регламентированности протестов в сфере труда, рассматривается как институциональное обеспечение условий, которые не допускали бы произвольного вмешательства и/или вероятности произвольного вмешательства любого из акторов в свободный выбор своего визави и вместе с тем определяли границы допустимых форм отстаивания собственных интересов. При этом наиболее значимая функция

150. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / [С. Г. Айвазова и др.]; отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 192.

государства заключается в том, что оно становится арбитром, который наблюдает за тем, чтобы участники выполняли установленные законом правила, и препятствует их нарушению¹⁵¹.

Противостояние во время забастовок как со стороны работников и работодателей, так и со стороны государства ставит вопрос о том, каким образом забастовка в качестве инструмента используется работниками, как работодатели и государство реагируют на требования, выдвигаемые бастующими. Намерение же от имени всех сторон улучшить существующую систему в пользу мирного разрешения конфликтов является ключевым фактором в демократическом развитии.

В то же время анализ проблем, с которыми сталкиваются работники в попытках воспользоваться правом на забастовку в России, показывает, что сложившаяся институциональная система приводит и способствует тому, чтобы работники обращались к неправовым механизмам разрешения споров, а не использовали законные процедуры ввиду их малоэффективности. Кроме того, значительное число российских работников оказываются исключенными из круга субъектов права на забастовку на законодательном уровне. Таким образом, возникновение проблемных ситуаций у значительного числа индивидов (в данном случае у работников и их объединений, что подтверждает высокий уровень протестности в трудовой сфере), которые не могут быть решены в рамках существующих институтов, и расширение практик и способов решения возникающих проблем, которые не связаны с формализованными процедурами разрешения трудовых споров, т. к. соблюдение формальных процедур, предусмотренных законодательством, зачастую не позволяет решать проблемы и разрешать противоречия, приводит к необходимости институциональных изменений. Трудовые протесты, происходящие в России, вследствие недостатка возможностей для мирного разрешения подобных конфликтов приводят к дальнейшему обострению социальной напряженности, вместо того чтобы внести свой вклад в социальную среду диалога и переговоров.

Отюцкий Г.П. (Москва, РГСУ)

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

Область пересечения философского и политологического знания одни исследователи называют политической философией, другие – философией политики, третьи – философскими проблемами политики или политическим философствованием, четвертые пытаются противопоставить политическую философию и философию политики. В какой же форме конституируется это знание? Прибегнем к аналогии.

Для философского осмысления культуры термин «философия культуры» представляется исчерпывающим, и никто не использует понятия «культурная философия», поскольку можно прийти к абсурду относительно существования «философии некультурной». Можно возразить: наряду с понятием «философия религии» существует термин «религиозная философия». Однако оба этих термина семантически прозрачны: философия религии выступает особым типом философии с конкретным объектом – религией. Но для религиозной философии этот объект не выступает в качестве отличительного признака: и «философия вообще», и «религиозная философия», будучи мировоззренческим знанием, имеют один и тот же объект осмысления – весь окружающий мир. Отличие заключается в особом – религиозном – типе мировоззрения.

Эта аналогия не может быть буквальной применительно к «политической философии»: сколь радикальными не были бы позиции ее адептов, они все же не осмеливаются в качестве объекта такой философии определить весь мир и сходятся в том, что ее содержанием выступает философское осмысление политического.

Термин «философия политики» является теоретически и методологически недвусмысленным: он ясно указывает на конкретный предмет исследования этой сферы знаний – политику; четко указан и

151. Социальное пространство большого города: [монография] / под ред. Г. В. Еремичевой; Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН. СПб.: СИ РАН - филиал ФНИСЦ РАН, 2018.

способ научного анализа – философско-мировоззренческие размышления. Важно, что такая трактовка понятия «философия политики» не вступает в противоречие со смыслами той терминосистемы, в которой бытийствует этот термин. Один из основных вопросов философии политики – вопрос о том, что такое политика и политическая власть и как они становятся возможными? Именно философия политики выступает в качестве той интеллектуальной сферы, в которой пересекаются познавательные интересы философии и политики.

Напротив, термин «политическая философия» вступает в противоречия со сложившимися смыслами терминосистемы, в рамках которой этот термин стремится существовать. В нем нет конкретного указания на объект анализа, поэтому остается отождествлять объект понимания «философии в целом» и «политической философии», полагая таким объектом весь окружающий мир: природу, общество, мышление. С другой стороны, прилагательное «политический» должно указать на способ мировоззренческого анализа, на специфический тип философствования. Мы можем уверенно указывать на такие типы мировоззрения, как материалистическое или идеалистическое, религиозное или атеистическое, обыденное или научное. Но говорить о политическом мировоззрении можно с большой натяжкой; по крайней мере, это будет половинчатое мировоззрение, ибо в политическом аспекте осмысливается в первую очередь, социальное бытие, для осмысления бытия природного политический угол зрения является скорее исключением, чем правилом.

Таким образом, философия политики – это специальная философия, предметом которой является не все сущее как таковое, а его специфическая часть – политика. Однако, поскольку это философия, хотя и специфическая, поэтому ей присущи все черты общей философии, прежде всего, – стремление выявить место политики в Универсуме, проанализировать влияние универсальных законов на бытие политического, показать взаимосвязь и взаимовлияние политики и иных сфер социальной жизни.

Другое дело, что существуют две группы субъектов философии политики. В одном случае исследованием политики занимаются философы, направляющие весь спектр философских методологических средств на изучение этого объекта. Для них естественным является термин «философия политики». В другом случае в философскую сферу анализа политики выходят политологи, в полной мере реализующие тезис Гегеля о том, что сова Минервы (философия) вылетает в сумерки. Когда для политолога неясен дальнейший путь исследования (наступают «гносеологические сумерки») он стремится к саморефлексии политики и политического знания, и реализоваться такая рефлексия может только посредством философских размышлений. Результат таких размышлений политологи зачастую называют политической философией (не отрицая при этом существования философии политики), что не является методологически корректным и приводит к ненужному удвоению институционального бытия философско-политической мысли.

Таким образом, целесообразно философию политики рассматривать как такое направление исследований, в котором весь методологический аппарат философского знания направляется на постижение специфического социального феномена – политики. Остается вопрос, на основе методологического аппарата какой философии формируются исследовательские возможности философии политики? Но это проблема другого исследования.

Ошевнева Е.С. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ, ВОСТРЕБОВАННЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США

Политические символы обладают рядом специфических признаков: знаковая природа; сжатое, концентрированное выражение социально-политической реальности; способность выражать идеи и вызывать эмоциональные ассоциации. Принцип работы символической политики построен на ценностно-эмоциональном воздействии, посредством которого у реципиентов формируется модель восприятия социально-политической реальности и модель политического поведения. Так как эмоциональные

переживания – это наиболее сильный фактор, влияющий на убеждения и поведение людей, символическая политика является действенным и, благодаря многообразию возможных форм и содержания, универсальным инструментом управления поведением и сознанием больших групп людей.

Для классификации политических символов есть несколько оснований: по форме, по ценностному содержанию, по особенностям структуры (по Р. Коббу и Ч. Элдеру) и по смысловому содержанию по Г. Лассуэллу.

Пропаганда Конфедеративных Штатов Америки (КША) насыщена яркими примерами применения символической политики. Несмотря на тяжелое положение армии и тыла Конфедерации и мощную контрпропаганду, южане демонстрировали стойкость в борьбе за независимость, что может говорить об эффективности пропаганды посредством данных политических символов, она справлялась со своей основной целью – мобилизацией и консолидацией населения. Поэтому рассмотрение данного кейса представляется наиболее подходящим для изучения вопроса о том, какие виды политических символов, востребованы и эффективны в политическом конфликте.

Для наиболее полного анализа были рассмотрены примеры вербальной и невербальной политической коммуникации КША: речь Дж. Дэвиса 22 февраля 1862 г., государственная символика, изображения на банкнотах и монетах и специфические ритуалы.

Удалось установить, что использование символов в политическом конфликте отличается многообразием форм. В пропаганде КША были выделены такие виды символов как: политический язык, национально-государственная символика, политико-музыкальная символика, исторические фигуры, наглядно-агитационная символика и наконец, ритуально-процессуальная символика.

По ценностному содержанию большинство символов транслировали самое актуальное – ценности независимости и чести. Они являлись отсылкой к чтимой всеми американцами Войне за независимость США. Это обеспечивало отчетливое целеполагание, мощную мотивацию и консолидацию, что было важно в условиях мощной контрпропаганды со стороны северных штатов. Непосредственно борьба против северных штатов облекалась в символы, отсылающие к рыцарским идеалам и Божественному покровительству, что также было призвано мотивировать южан на борьбу.

В структуре большинства символов доминировало аффективное содержание. Это символы класса «политическое сообщество» по Р. Коббу и Ч. Элдеру. Они представляют собой наиболее абстрактные, но отражающие фундаментальные ценности символы. К таким относятся, например, девиз «Deo Vindice», изображения фригийского колпака и белоголового орлана. Они способны консолидировать большие группы людей, а воздействие их наиболее длительно. Также одними из популярных политических символов были символы класса «ситуативное окружение» - наименее эмоциональные, но отсылающие к текущей проблеме и лицам, связанным с ней: изображения генералов армии КША на банкнотах, изображения Дж. Вашингтона. Таким образом, по данной классификации, КША использовали сочетание наиболее эмоциональных и актуальных отсылок.

Г. Лассуэлл, делил все политические символы на символы идентификации, символы требований и символы ожиданий. Выяснилось, что намного чаще, чем другие типы, применялись символы идентификации. К примеру, песня «Dixie», первый государственный флаг КША, изображения сцен из быта южан, первых лиц КША и т. п. Достаточно часто встречались также символы требований: фригийский колпак и белоголовый орлан как символы независимости.

По типологии С. П. Поцелуева пропаганду КША можно определить как символическую политику «сверху и снизу». Этот тип характеризуется выработкой властью мифов, ритуалов и культов, которые впоследствии поддерживаются и распространяются обществом. Через политические символы транслировались мифы независимого государства, свободной личности, великого противостояния и т. д. Они связывались с демократическими ритуалами и ритуалом революции. А комплекс этих мифов и ритуалов создавал культ свободы в сознании южан. Такой эффект был достигнут преимущественно за счет экстраполяции образа Войны за независимость США на образ борьбы Конфедерации против Союза. Это обеспечивало не только высокую мотивацию населения КША в Гражданской войне, но и их консолидацию, а также зачатки национально-государственной идентичности, т. к. культ свободы – это общая ценность и отсылка к общей истории.

Таким образом, наиболее востребованными в политическом конфликте являются политические символы, в структуре которых преобладает эмоциональная составляющая, а смысл которых отсылает к общим ценностям, общей идентичности. Именно они обеспечивают устойчивую мотивацию и консолидацию общества, к чему в первую очередь стремится пропаганда каждой из сторон в любом политическом конфликте.

Павлова Т.В. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАКТИК СОУЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ В ЗАПАДНОМ И РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТАХ

В последние десятилетия во многих странах Запада достаточно активно развиваются практики сотрудничества государства и граждан, соучастия граждан в государственном управлении (empowered participatory governance (Fung, Wright, 2003), deliberative governance (Dryzek, 2010)): партисипаторное бюджетирование, участие граждан в планировании социально-экономического развития городов, гражданские ассамблеи, гражданские жюри и др. В основе этих практик – модель взаимодействия между гражданами, гражданским обществом и государством, альтернативная по отношению к модели политики и власти, реализуемой в парадигме господства, доминирования. В такой модели отношения выстраиваются «снизу вверх», отношения между гражданским обществом и государством основываются на сотрудничестве и взаимодействии. Ответственные и компетентные граждане в стремлении преодолеть существующий разрыв между ними и государством, его представительными институтами, в политических и гражданских практиках реализуют свое демократическое право на самоорганизацию и самоуправление и на участие в государственном управлении.

В отличие от западной, российская модель взаимоотношений между государством и обществом, в соответствии с традициями российской политической культуры, всегда выстраивалась в логике вертикали и основывалась на господстве и подчинении. Возможно ли изменение данной логики и каковы условия такого изменения?

Опыт последних десятилетий показывает, что выйти за рамки социокультурных традиций и присущих российской политической культуре архетипов сознания и практиковать новые, основанные на ценностях эпохи модерна нормы поведения чрезвычайно сложно. За последние годы в России были созданы многочисленные институты сотрудничества, взаимодействия государства с гражданами: региональные Общественные палаты, государственно-общественные советы при различных органах власти, законодательно принято положение об обязательном общественном обсуждении проектов документов стратегического планирования всех уровней, в процессы коммуникации граждан и государства активно внедряются современные технологии. Однако на практике формальные институты сотрудничества во многих случаях не работают либо выполняют не те функции, для которых они изначально создавались. отсутствуют реальные механизмы их функционирования. А главное – в сознании наших граждан не произошло пока кардинальных изменений – многие (как показывают результаты проводимых нашим коллективом социологических обследований) продолжают руководствоваться стереотипами: «политика – дело немногих», «политика – сфера, где действует власть».

Данные наших обследований показывают вместе с тем и наличие определенных групп граждан, наиболее компетентных, образованных, осознающих свои права, которые более оптимистично, чем большинство респондентов, оценивают возможности простых людей влиять на власть и готовы к освоению норм участия в процессе принятия политических решений и к диалогу с властью (Господство против..., 2019, с. 222-223).

В докладе анализируются как западные практики совместного производства политики государством и гражданами, так и предпосылки, факторы и основания институционализации практик соучастия

в управлении, сотрудничества государства и граждан в современной России, выявляется потенциал такого сотрудничества, что в значительной мере позволяет оценить перспективы существующего политического порядка и роль граждан в его возможной трансформации либо консолидации.

При поддержке гранта РФФИ 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

Литература:

1. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений. Отв. ред. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.. М.: РОССПЭН, 2019. С. 222-223.
2. Dryzek J. S. Foundations and Frontiers of Deliberative Governance. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
3. Fung A., Wright E.O. Deepening Democracy. Institutional Innovations in Empowered Participatory Governance. London-New York: Verso, 2003.

Палагичева А.В., Соколов А.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ТЕХНОЛОГИИ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Демобилизация в политическом протесте осуществляется в процессе последовательных взаимодействий власти и общества с использованием соответствующих механизмов. Сущность состязательных процессов отражается в противостоянии мобилизации и демобилизации граждан. Реляционные механизмы воздействуют на отношения между акторами и дальнейшую их перспективу. Направленная демобилизация реализуется посредством соответствующих технологий и инструментов, от суммы действия которых складываются результат и последствия.

Политические технологии — это совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта в определенное время и в определенном месте. Следуя данной логике, технологии демобилизации определяются через набор приемов, механизмов и инструментов, действие которых направлено на достижение отстраненности граждан от политического действия наиболее оптимальным и результативным образом. Для достижения своих целей, будь то стабилизация общества или сохранение легитимности власти, субъект демобилизации использует разные группы инструментов: политические, экономические, силовые, культурные и т.д.

В рамках исследования рассмотрены следующие практики демобилизации в протестных кампаниях в период с 2016 по 2020 г.: против реновации Москвы, против фан-зоны Чемпионата мира по футболу 2018, протест молодых семьи Югры против невыплат жилищных субсидий программы «Доступное жильё — молодым» 2018 г., против блокировки мессенджера Telegram 2018г., против повышения пенсионного возраста (2019 г.), «мусорные подмосковные протесты» (2019 г.), против застройки сквера в Екатеринбурге (2019 г.), протесты против режима самоизоляции во Владикавказе (2020 г.), а также против ареста С.И. Фургала в Хабаровском крае (2020 г.).

Протесты в современном российском обществе, а также неуклонный рост значимости цифровой среды на политическое участие, продемонстрировали необходимость выявления технологий демобилизации - онлайн и оффлайн. Можно говорить об их равнозначной силе влияния на политическое участие, что особенно демонстрируют протесты периода режима самоизоляции и запрета проведения массовых мероприятий. Регулирование Интернет пространства органами власти трансформирует его понимание как о безбарьерном, признавая реальную значимость Интернет активности и её возможную опасность для стабильности.

В поисках более развернутого и подробного описания технологий демобилизации сформулирована следующая классификация:

1. Коммуникативные технологии представляют собой спектр приемов, способов и инструментов, применяемых в процессе коммуникации и по поводу коммуникации. Они оказывают влияние на индивидуальном и массовом уровнях. Коммуникативные инструменты представлены в качестве:

- лингвистических и речевых приемов в актах коммуникации, формирующие образы, символы, отношение;
- инструментов регулирования контента/информации и регулирования политическим дискурсом;
- цифровых технологизированных инструментов.

2. Культурные технологии связаны с формированием культуры политического участия. Например, от мобилизации может удерживать обращение к неблагоприятным воспоминаниям и опыту народа; поддержание системы паттерналистских отношений и образа лидера в них; восприятие населением митингов как мероприятий, сопровождающихся полицейской операцией; использование приема противопоставления «свой-чужой».

3. Силовые технологии демобилизации представляются как набор инструментов оказания давления, преследования участников протестов и лидеров оппозиции, а также разгон протестных акций с применением мер разного уровня силового воздействия, последующим задержанием участников и провокаторов.

4. Политические технологии связаны с рядом заимствований из электорального процесса. Например, мобилизация патронажных сетей или проведение провластных митингов.

5. Регламентирующие технологии предполагают выстраивание административных барьеров к осуществлению протестных действий, а также установление регулирующей активности нормативно-правовой рамки.

Каждая из представленных технологий имеет свой набор инструментов и специфику воздействия, а их сочетание выстраивается в стратегию. В конечном счете они оказывают влияние на индивидуальном и массовом уровне, выполняя роль инструмента отстранения от политического действия. В результате трансформации общественных процессов, их цифровизации, сетевизации, прозрачности и публичности расширяется спектр технологий объединения и разобщения граждан в России. Мобилизации и демобилизация демонстрируют противоречия и соперничество за ресурсы, статусы, легитимность. При этом каждая из сторон конфликта обладает собственным потенциалом и репертуаром действий. Результаты демобилизации проявляются в динамике и отражаются на две важные сферы последствий: государственная устойчивость и гражданская активность.

Доклад подготовлен в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

Палачева Ю.А. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ

В 2019 году в российском сегменте Интернета реализовано множество информационных общественных кампаний. С помощью них было не только привлечено внимание к общественным вопросам или судьбе отдельно взятого человека, но и решены социальные проблемы, которые касались значительных групп людей.

Необходимо отметить, что общественные информационные кампании 2019 года показали активное использования социальных сетей. При этом при анализе кампаний было выявлено несколько особенностей.

Первая особенность заключается в использовании профессионального сообщества для проведения информационной кампании. Кампания #ямыиванголунов стартовала с ресурсов издания «Meduza.io». Также большую роль в этой информационной общественной кампании сыграло «единство» журналистского сообщества. Многочисленные издания выпустили на своих ресурсах материалы в поддержку Ивана Голунова. В информационной кампании Павла Устинова сыграли большую роль актерское и журналистское сообщества, которые записывало видеообращения в его поддержку. Это стало информационным поводом в СМИ, которые невозможно было проигнорировать.

Вторая особенность заключается в том, что информационные общественные кампании продвигались с помощью вирусного, яркого контента, так как у их создателей был довольно ограниченный информационный ресурс. В июле 2019 года Александрой Митрошиной бы запущен флешмоб #янехотелаумирать. Его целью была поддержка закона о домашнем насилии. Организаторы призывали делать фотографии с гримом в виде побоев, а также надписи на теле #янехотелаумирать. В нем приняли участие другие крупные блогеры в Instagram, например, Евдокия (@evdklar), Ольга Кравцова (@kkkrem), Таня Минт (@tanyamint), Настя Ли (@anastasi_li). Особенностью флешмоба можно назвать то, что фотографии с побоями и надписи на теле вызывали большую дискуссию у аудитории. Здесь общественный резонанс создавался именно с помощью неоднозначных фотографий. Фотографии с гримом в виде боев и надписями на теле не могут вызывать сильных эмоций (страх, сочувствие и т.п.), но заставляют пользователей дать либо положительную оценку такому вызову обществу, либо отрицательную. В любом случае это вызывало у пользователей обсуждение, а значит и создавало общественный резонанс.

Похожая стратегия продвижения использовалась в информационной кампании #вернитемвлекарства. В ноябре 2019 года Таисия Шеремет выкладывает в своем аккаунте в Instagram пост, в котором красочно описывает симптомы муковисцидоза, а также выкладывает фотографии своего худого тела из-за заболевания и мокроту на зеркале. Здесь же ведущей эмоцией, которая используется в продвижении контента, является чувство страха перед смертью и сочувствие. Уточним, что большинство больных муковисцидозом в России – это дети и молодые люди до 30 лет. Это также активно использовалось в продвижении. Пользователи социальных сетей сочувствовали больным и помогали в распространении информации о данной проблеме.

В кампании против пожаров на территории Сибири вирусным оказался видеоролик канал «ТОК». Он вызывал эмоции у пользователей социальных сетей, и они активно им делились в своих личных аккаунтах.

В рамках настоящего исследования также был выполнен контент-анализ постов в социальных сетях, которые стали «вирусными» в продвижении информационных кампаний. Были выявлены как общие фразы, которые использовались в каждой из информационных кампаний, так и сделана классификация по эмоциям, которые могут вызывать данные публикации пользователей. В качестве общего результата работы были выделены топ-10 слов, которые употреблялись в «вирусных» постах каждой из информационных общественных кампаний.

Данные кампании преследовали в социальных сетях две схожие цели: распространение информации через пользователей (репосты на личные аккаунты пользователей) и вовлечение людей в обсуждение проблемы. Отдельно стоит отметить, что кампании #янехотелаумирать и #вернитемвлекарства вызывали у пользователей, в том числе, и негативные эмоции в сторону организаторов, не поддерживающие идею активно комментировали ее под данными постами в социальных сетях, что также увеличивало шансы организаторов попасть в рекомендации новых пользователей. При этом активное обсуждение какого-либо поста в социальной сети, большой отклик пользователя на него создают информационный повод для Интернет-изданий, что помогает организаторам в распространении информации о проблеме.

Таким образом, с помощью Интернета и социальных сетей в современном мире практически любой человек может создать общественный резонанс вокруг актуальной проблемы и привлечь к ней внимание. Подобные кейсы активно реализовывались в 2019 году на территории рунета, но практически отсутствовали в таких же масштабах в 2020 году.

Палитай И.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Начало 2020 года ознаменовалось большими изменениями в составе правящих политических элит. При этом нужно говорить не столько об изменении кадрового состава, сколько о смене политических ролей и сфер деятельности многих действующих политиков. Еще один тренд последнего времени – омоложение элиты, которое проявилось в появлении целой плеяды молодых губернаторов, министров, депутатов, членов законодательных собраний. Эффективность деятельности всех этих представителей политической элиты во многом зависит не только от их опыта и знаний, но и от соответствия их личностно-профессиональных качеств как своей политической роли, так и тому сценарию, по которому будет идти развитие системы.

На первом этапе нашего исследования был проведен анализ молодого поколения политиков. Для этого были собраны сведения о 292 молодых политиках (в возрасте до 40 лет) из 28 субъектов РФ, взятых из всех федеральных округов, в которую вошли: 74 человека на федеральном уровне (38 депутатов Государственной Думы, 36 высокопоставленных сотрудников министерств и 4 члена Совета Федерации), а также 205 человек на региональном уровне (члены законодательных собраний). Отдельно рассматривался пул молодых губернаторов (8 человек).

В ходе анализа биографических сведений, а также личностных характеристик отдельных представителей молодого поколения политиков мы пришли к следующим заключениям относительно личностного и профессионального потенциала этой части российской политической элиты.

1. Система рекрутинга молодых политиков, которая существует сегодня, несмотря на значительные продвижения в своем качестве, требует доработок и корректировок. В первую очередь связано это с тем, что существующие критерии отбора не всегда учитывают специфику политических процессов. Необходима более детальная проработка и исследование ролевых аспектов политической деятельности, на основании которых были бы скорректированы и уточнены критерии отбора, а затем «перевзвешены» личностные параметры для каждой из ролей.

Помимо этого, необходимо понимать, что лежащие в основе отбора параметры, являются необходимым, но недостаточным условием проявления доверия к политику со стороны населения. Именно поэтому необходимо на основе изучения состояния массового сознания разработать систему личностных параметров, которая отвечала бы вопросам развития страны и согласовывалась с запросом людей.

2. Требуется проводить ежегодные мониторинги форм и уровней рекрутирования молодой политической элиты и лидеров на основе данных социологических, политико-психологических исследований, а также статистических данных. Помимо этого, у молодой политической элиты должны быть сформированы система национальных ценностей и символов, а также идеологический фундамент (которые необходимо разработать и предложить для обсуждения научному и профессиональному сообществу). Добиться этого можно, в том числе, через создание единой системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации для молодых политиков с разноуровневой системой стажировок и наставничества.

3. И действующие молодые политики, и потенциальные лидеры, проходящие через «жернова» системы отбора, требуют значительной работы с ними в силу ограниченности их опыта. При этом действующие политики высокого ранга не всегда могут быть теми наставниками, которые в состоянии развить в молодых людях необходимые качества и умения. Связано это не только с ограниченными временными ресурсами, которыми располагают «старшие товарищи», но и с тем, что процесс обучения требует специальных умений, навыков и методик, которые не всегда являются неотъемлемой составляющей опыта работы в политической сфере. Другими словами, в обучении молодых лидеров

наряду со старшими коллегами, в гораздо большей степени, требуются специалисты, которые могут помочь профессиональному становлению через правильное соотнесение «личностного» и «профессионального», что в дальнейшем и позволит развить лидерский потенциал. Такими специалистами могут являться коучи и политические психологи, работающие совместно.

4. Наконец, определить направления наиболее эффективной работы по отбору и подготовке молодых политических лидеров может позволить всестороннее изучение всей действующей политической элиты с последующим выявлением слабых и сильных ее сторон. Это требует выработки новых параметров анализа, соответствующих современному состоянию общества, а также тем вызовам и угрозам, которые имеются как на внутривнутриполитической, так и на международной арене.

Полученные сведения в сопоставлении с данными относительно старшего поколения политиков могут позволить нам понять тенденции изменений, происходящих в внутри элиты, а также высказать гипотезы о ее готовности к вызовам в рамках различных сценариев политического развития.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ»

Панин В.Н., Шидуков А.Х. (Пятигорск, ПГУ)

БУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

На протяжении последних десятилетий будущее Европейского Союза является предметом анализа как западных, так и российских ученых. Актуализация исследований данной проблемы произошла в 2016 году в связи с проведением референдума и последующим выходом Великобритании из ЕС.

Современная Европа представляет собой экономически интегрированное, но политически разделенное сообщество: создать с помощью единого рынка политическое объединение не получилось. Движущей силой Европейского Союза преимущественно является экономическая интеграция. Даже после глубокого экономического кризиса 2008 года экономика ЕС по-прежнему является второй по величине экономикой в мире в номинальном выражении и в соответствии с паритетом покупательной способности.

Деструктивные процессы в большей степени наблюдаются в политической области. В рамках Европейского Союза продолжается борьба двух антагонистических тенденций, одна из которых заключается в стремлении сконцентрировать большую часть политической власти у наднациональных структур ЕС, а другая, напротив, сохранить ее у государств-членов.

Тенденции, наметившиеся в странах Центральной и Восточной Европы в последние несколько лет, свидетельствуют о популяризации запроса на перераспределение полномочий с Брюсселем в сторону большей независимости государств – членов ЕС в принятии решений, касающихся политической сферы и определения угроз своей национальной безопасности. Процесс адаптации балтийских стран и стран-членов Вышеградской группы к Европейскому Союзу достиг определенной черты, за которой национальные элиты увидели угрозу своим национально-государственным интересам.

Таким образом, ЕС сегодня переживает серьезный кризис, состоящий из нескольких взаимосвязанных внешних и внутренних кризисов, непосредственно влияющих на будущее европейской интеграции. Представляется возможным выделить четыре основных внешних и внутренних вызова, которые наложились на системный кризис Европейского Союза в целом.

Первый внутренний вызов – миграционный кризис и повышенная угроза терроризма. Лавинообразное, во многом хаотичное вторжение в ЕС с юго-востока многих сотен тысяч соискателей статуса беженца, дальнейшее их перемещение из одной европейской страны в другую, споры и разногласия при распределении ответственности за их обустройство и оформление их статуса среди государств – членов ЕС, рост анти иммигрантских настроений и усиление на этом фоне партий и движений

правого и националистического толка в некоторых европейских странах, вкупе с явной неспособностью правящих структур оперативно и адекватно решать многие из вдруг возникших или усугубившихся проблем, – все это способствовало обострению социально-политической и экономической ситуации в странах Европейского Союза.

Стоит отметить, что миграционный кризис продемонстрировал неспособность ЕС к принятию оперативных решений в чрезвычайной ситуации: руководство Союза не смогло представить четкого плана по его урегулированию. К тому же попытка ввести квоты на распределение беженцев выявила серьезные разногласия между государствами-членами ЕС. Каждая страна стремилась уменьшить выделенную ей квоту, а Польша, Венгрия, Чехия и Словакия полностью отказались от принятия мусульманских беженцев. Это демонстрирует то, что сегодня Европа расколота по многим азимутам: политическому, территориальному, социокультурному.

Второй внутренний вызов – выход Великобритании из Европейского Союза. Брексит доказал, что интеграция принесла европейцам не только длительное благополучие, мир и безопасность, но и трудности, с которыми сегодня ЕС не справляется: безработица, миграционный кризис, забюрократизированное правление Брюсселя, рост популистских и националистических настроений. Все это грозит ЕС самыми катастрофическими последними, избежать которые возможно только путем проведения серьезных экономических и политических реформ. Брексит – это кризис единой Европы, сигнал к демонтажу недостроенного здания «общеевропейского дома».

Третий вызов – кризис евро-атлантических отношений. Резкая смена политики Дональда Трампа в отношении Европейского Союза – открытое пренебрежение его интересами, острая критика в адрес ЕС, протекционистские меры в торговле и прочее – основательно пошатнули трансатлантическое партнерство, сложившееся за послевоенные десятилетия и казавшееся незыблемым. Европейским лидерам пришлось всерьез не только задуматься, но и предпринять конкретные шаги для того, чтобы больше не уповать на защиту и помощь “старшего брата” по другую сторону Атлантики.

С момента образования НАТО оборонная политика европейских государств держалась на полной уверенности в том, что кого бы ни избрали в Белый дом, США придут на помощь другому члену Североатлантического альянса. С приходом Д. Трампа и выходом Великобритании из ЕС прежние догматичные представления о роли НАТО в европейской безопасности могут подвергнуться существенной ревизии (Lamy P., Gnesotto N. *Où va le monde?* – Paris: Odile Jacob, 2018. – P. 75).

С еще одним внешним вызовом страны ЕС столкнулись в 2020 году в период пандемии. Вместо выработки и реализации коллективных мер по борьбе с COVID 19, каждая европейская страна предпочитает действовать самостоятельно, по принципу «выплыть легче в одиночку». Исходя из этого, вторая, вполне возможная волна коронавируса еще больше пошатнет «общий европейский дом».

Совокупный анализ современных внешних и внутренних вызовов ЕС, позволяет выделить два возможных сценария дальнейшего развития Европейского Союза.

Первый – распад Европейского Союза. Очевидно, что распад уже начался, и он хорошо заметен. Брексит – первый шаг к этому: выход одного государства из Союза доказывает, что европейская интеграция не является бесповоротной. Запрос на перераспределение полномочий с Брюсселем, отмена Шенгенской зоны и возвращение контроля над границами являются постоянными требованиями всех популистских партий и правительств. Возвращение к форме свободной зоны торговли и суверенному сотрудничеству между независимыми странами может стать новой реальностью Европейского Союза в ближайшем будущем в связи с невозможностью и нежеланием сообща решать общие проблемы.

Второй сценарий – укрепление Европейского Союза. Представляется ли возможным реализация данного сценария? Несомненно, так как нынешний ЕС родился именно из послевоенного хаоса. Стоит, однако, отметить, что реализация данного сценария возможна только путем проведения серьезных реформ современной европейской интеграционной модели. Стоит, однако, отметить, что развитие Европейского Союза возможно лишь при реформировании ЕС в «Европу многих скоростей». Во-первых, «многоскоростная» Европа является эффективным средством защиты национальных интересов стран-участниц союза. Во-вторых, эта концепция даст последующий импульс развитию Европейского Союза, позволит достичь общих целей в конкретных областях, направленных на реальное сотрудничество, а не на усиление бюрократизации.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что европейский проект не является бесповоротным. К сожалению, девиз «Согласие в многообразии» и гимн ЕС «Ода к радости» не оправдали себя в полной мере на деле. Современная динамика мирового политического процесса требует внесения серьезных коррективов в европейскую интеграционную модель, в противном случае ее ожидает печальное будущее.

Панкевич Н.В. (Екатеринбург, ИФиП УРО РАН)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЮСТИЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР: СУДЕБНЫЙ АКТИВИЗМ, НОВЫЕ ФОРМАТЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ

Традиционно дискуссии о балансе между ветвями власти фокусировались на обсуждении, во-первых, проблемы оптимизации системы внутривластного управления, и, во-вторых, взаимоотношений между законодательной и исполнительной системами. В рамках данной дискуссии обсуждение позиции судебной ветви сводилось к признанию за этой подсистемой функции тонкой настройки общественной системы, которая подразумевает специализацию на разрешении ситуативных конфликтов и восстановлении социальных балансов.

Такая специализация неизбежно порождает нормативное ожидание независимости, незаинтересованности и беспристрастности судебных инстанций, и, следовательно, придает данной ветви власти принципиально аполитический характер и предполагает отсутствие в ее рамках импульсов к возникновению собственных статусных устремлений или политического активизма. Это преимущественно охранительный консервативный институт, призванный для защиты согласованных ценностей, должным образом закрепленных в национальном законодательстве. И в этом смысле судебная власть является одним из механизмов не только разрешения частных споров, но и гарантии общественного согласия в широком смысле.

Современные процессы, связанные с укреплением охватывающих правовых режимов в международных интеграционных образованиях позволяют вновь открыть для обсуждения вопрос о собственном политическом статусе судебной власти и ее способностях к ревизии сложившегося формата разделения властей в сразу в двух измерениях. А именно в международном – как изменение баланса между государственными/национальными и надгосударственными нормативными системами, основанными на принципиально различных социальных и ценностных началах, и функциональном – как пересмотр распределения ключевых властных компетенций между органами государственной власти на уровне отдельных государств.

Сегодня сфера международной юстиции создает институты с прямой амбицией определяющим образом трансформировать внутренние правовые, административные и политические установления государственного уровня, становясь тем самым одним из механизмов, потенциально способных к разбалансировке общественной системы. Политическая эволюция транснациональной юстиции связана прежде всего с вовлечением в орбиту деятельности международных судебных инстанций индивидов и частных субъектов в качестве инициаторов слушаний против государств, что позволяет данным институтам успешно становиться на путь эмансипации и повышения своего системного статуса как инстанция, превосходящая своих учредителей.

В данной перспективе повышению политического статуса судебной власти способствуют следующие эволюционные направления.

Во-первых, происходит постепенное замещение функции интерпретации правовых норм функцией их формулирования в виде общих стандартов и продвижения их за счет принятия соответствующих судебных решений. Развитие в данном ключе, в частности, привело Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) к фактическому обретению статуса «конституционного суда Европы». А учитывая распространение политического влияния Европейского союза на обширную периферию, данное влияние

становится определяющим фактором правового развития для целого ряда стран Средиземноморья и Восточной Европы. В этой динамике европейская судебная система становится одним из двигателей отчетливо имперского проекта развития.

Во-вторых, задействуя политический ресурс частной сферы, международная судебная отрасль вносит существенный вклад в переформатирование архитектуры политического пространства, укрепляя иные институты надгосударственного управления. Данное развитие представлено, например, опытом активизма Европейского суда в принятии решений по вопросам применения Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г., которые существенно расширили внешнеполитические компетенции ЕС в ущерб государствам-членам.

В-третьих, решения органов международной юстиции могут прямо влиять на перераспределение полномочий между органами власти на государственном уровне в пользу судебной ветви, которая в ряде случаев превосходит и законодателя, и исполнителя. В 2020 г. решение ЕСПЧ поставило вопрос о неконституционности ряда положений французского Уголовно-процессуального кодекса. В ожидании результата правового процесса на национальном уровне, Кассационный суд страны принял на себя ответственность сообщить, что любой национальный судья должен принимать во внимание решения Европейского суда по правам человека, не дожидаясь внесения каких-либо поправок в законодательство. (La Cour de cassation. Communiqué de presse. 08/07/2020)

Таким образом, сегодня возникает возможность по-новому оценить деятельность транснациональной судебной власти ее как одного из восходящих политических субъектов, ориентированного на собственную логику функционирования, набор ценностей, отличный от зафиксированных национальным законодательством, формирующего отличное от государственного представление о социальном субъекте, интересы и потребности которого должны быть должным образом представлены. Совокупный эффект подобных действий может выражаться в привнесении в национальные правовые порядки норм и регуляторов внешнего генезиса, включая также и малопривлекательные для конкретных обществ, что может прямо увеличивать конфликтный потенциал в общественных системах, создавая препятствия на пути обеспечения общественного согласия.

Подготовлено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения»).

Панкратов С.А. (Волгоград, ВолГУ)

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ РФ

Содержательные и структурные характеристики публичного пространства Волгоградской области определяются целым рядом факторов, в том числе: доминирующим типом регионального политического режима; уровнем активности институциональных / неинституциональных акторов политического процесса; сложившимися коммуникативными связями между жителями, общественными организациями и органами власти различного уровня, их плотностью и интенсивностью; динамично воспроизводящимся историко-культурным ландшафтом; используемыми технологиями конструирования в офлайн и онлайн- сферах проектного целеполагания при решении наиболее актуальных проблем как областного центра (города Волгограда), так и сельских территориальных образований и др.

При этом, в условиях стремительного распространения COVID – 19 и принимаемых мер по минимизации последствий, демонстративно «выпятились» этно-конфессиональные и регионально-территориальные составляющие конституционно закрепленной современной системы федеративных отношений российского государства, маркирующие векторы реализации публичной политики в субъектах РФ. Федеральный центр, в первую очередь в лице Президента и Правительства России, оставляя за собой

координирующую и контролирующую функции, четко обозначил обязанности и ответственность регионов в лице их руководителей за проведение оперативных мероприятий по борьбе с распространением пандемии на вверенных территориях, дополняя и расширяя полномочия региональных органов власти и «поощрения» их коммуникации с институтами гражданского общества, развитие гражданской ответственности и солидарности. Как заявил в своем выступлении Президент РФ В.В. Путин «предоставляя дополнительные полномочия главам регионов, исходил из того, что сейчас действовать по какому-то единому шаблону не только неэффективно, но подчас и вредно. У вас есть все возможности работать адресно и выверенно, учитывать ситуацию в каждом населённом пункте, на конкретных предприятиях, в субъекте Федерации в целом, принимать адекватные, хорошо просчитанные профилактические меры, главная цель которых – защита жизни и здоровья людей»¹⁵².

Несмотря на введенный «режим самоизоляции» населения на территории Волгоградской области, губернатор А.И. Бочаров построил работу Администрации региона и оперативного штаба по борьбе с COVID – 19 на основе широкого диалога с жителями Волгоградской области и представителями общественно-политических организаций, национальных диаспор, расширяя использование ресурсов сетевого ландшафта публичного пространства. Были задействованы технологии гражданской мобилизации и партнерства как внутри региональных взаимосвязей, так и на меж субъектном уровне, преодолевая территориальную замкнутость. Важней составляющей в преодолении глобальной угрозы выступила актуализация в публичном пространстве Волгоградской области доминирующих элементов и базовых характеристик региональной идентичности, включенность гражданских структур в процесс принятия управленческих решений.

Импульсы «реанимации» отдельных секторов реальных федеративных взаимодействий между субъектами РФ, проявившиеся в настоящий период, дают основание полагать о необходимости более глубокого и разностороннего использования потенциала принципов федерализма не только в кризисных ситуациях, но и повседневных практиках.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 р_а «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

Панов П.В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И ОТНОШЕНИЕ К РЕГИОНАЛЬНЫМ ОРГАНАМ ВЛАСТИ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Регионализм как политический феномен современной эпохи проявляется на разных уровнях, соответственно выделяются наднациональный, субнациональный и транснациональный регионализм. Данная работа ограничивается субнациональным регионализмом, но, как и другие разновидности, он является комплексным феноменом и включает в себя по меньшей мере три коннотации. Во-первых, достаточно интенсивная региональная идентичность, основанная на гетерогенности регионов в коллективном восприятии; во-вторых, регионализм как политическое движение, которое стремится к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности; в-третьих, такая модель (практики) взаимоотношений между центром и регионами, когда последние уже обладают политической субъектностью. Очевидно, все три коннотации связаны между собой, и в некоторых случаях могут представлять собой последовательные стадии: региональная идентичность перерастает в регионализм как движение, а в случае успеха этого движения возникает регионализм как реальное состояние субъектности во взаимоотношениях между центром и регионами. Однако так бывает далеко не всегда, в частности, региональная идентичность может ограничиваться интенсивным «переживанием» своей особенности, но не политизироваться и не отливаться в требования субъектности региона.

152. Выступление Президента РФ В.В. Путина на совещании с главами регионов по борьбе с распространением коронавируса в России 08.04.2020 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63176> (дата обращения: 10.09.2020 г.).

С другой стороны, достижение «регионалистского состояния» в отношениях между центром и регионами совсем не обязательно означает прекращения регионалистского движения.

Институционализированной формой регионализма как политического движения являются регионалистские политические партии, то есть такие партии, которые а) в отличие от общенациональных партий (state-wide parties) ведут свою деятельность в одном регионе страны (иногда в нескольких); б) выдвигают регионалистские требования: расширение прав и полномочий региона (в том числе в какой-то отдельной сфере, особенно чувствительной для данного региона), обретение особого автономного статуса и т.п. Такого рода партии обнаруживаются в нескольких десятках регионов стран Европейского союза, однако их «сила» существенно различается – в электоральном, парламентском и правительственном измерениях. Поскольку регионалистские партии апеллируют к региональной идентичности, можно предположить, что более значимая их роль в региональной политике позитивно влияет на оценки жителями региона деятельности региональных властей.

Эмпирической базой для проверки данной гипотезы стали материалы European Quality of Government Index (EQI) за 2017 г., а именно результаты опросов по поводу уровня доверия региональной власти («how much do you personally trust your regional/local parliament?») и оценки качества государственного управления в стране в целом (суммарный индекс качества управления EQI-score). Единица наблюдения – «административный регион» (административно-территориальная единица первого субнационального уровня). Значимость регионалистских партий в регионе измерялась дихотомически, позитивное значение «1» присваивалось региону в том случае, если регионалистская партия как минимум один раз в течение последнего десятилетия участвовала в региональном правительстве. Наряду с этим в анализ были включены различные контрольные переменные - социально-экономические характеристики региона (размер населения, ВРП на душу населения и др.), а также показатели интенсивности региональной идентичности (на основе опросов, проводимых в рамках проекта Евробарометра).

В результате анализа, который проводился методом многоуровневой регрессии, основная гипотеза исследования была подтверждена. Участие регионалистской партии в региональном правительстве существенно повышает уровень доверия населения региона в региональной власти. Позитивное влияние также оказывает интенсивность региональной идентичности, тогда как влияние социально-экономических характеристик региона оказывается статистически незначимым. Наряду с этим обнаружена тенденция негативного влияния интенсивной региональной идентичности и силы регионалистских партий на оценку качества государственного управления. В принципе, это также согласуется с теоретическими ожиданиями. Далекое не во всех регионах, где есть сильное регионалистское движение, практики взаимоотношений между центром и регионами соответствуют третьей коннотации регионализма. Соответственно, в целом «регионалистски» настроенные регионы в большей мере не удовлетворены качеством государственного управления, чем те регионы, где сильный институционализированный регионализм отсутствует.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Папашвили Г.З. (Барнаул, АлтГУ)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОНКОНГА И КНР В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ «ОДНА СТРАНА – ДВЕ СИСТЕМЫ»

Между правовой и политической системами любого государства существует неразрывная связь, т.к. обе системы являются частями совокупной общественной системы и взаимодействуют друг с другом. Гонконг (Сянган), как специальный административный район КНР, обладает широкой автономией, в том числе в области правотворчества, в рамках функционирующей политико-правовой концепции

«одна страна – две системы». Правовая система Гонконга, являясь составным элементом правовой системы КНР, существенно отличается от нее, поэтому анализ структуры обеих систем необходим для определения особенностей их взаимодействия.

Цель работы – выявить особенности взаимодействия правовых систем Гонконга и КНР. Для реализации цели исследования были поставлены следующие задачи: дать характеристику правовых систем Гонконга и КНР; обозначить отличия их Конституций; определить сущность и формы их правового взаимодействия.

Основной закон Гонконга подразумевает наличие отдельного свода законов и независимую правовую систему, по статусу эквивалентную аналогичным в материковом Китае, Макао и Тайване. Основным законом Гонконга содержит ряд положений, предусматривающих применение норм общего права и продолжение использования «дотранзитной» правовой и судебной систем. Например, суды имеют право ссылаться на прецеденты, имевшие место в других юрисдикциях общего права. Анализ Основного закона Гонконга и КНР обнаруживает противоречивые положения, содержащиеся в них, что не позволяет точно определить характер взаимосвязи между конституциями. Кроме того, в Основном Законе Гонконга отсутствуют четкие указания по поводу того, как следует решать вопросы, относящиеся к трансграничной правовой взаимопомощи. Основой и предварительным условием для формирования отношений правовой взаимопомощи служит сосуществование двух в равной степени автономных правовых режимов, не претендующих на превосходство друг над другом, поэтому важным фактором взаимодействия становится юрисдикция, а не государственный суверенитет. Взаимодействие правовых систем происходит по следующим направлениям: 1) по вопросам применения законов материкового Китая на территории Гонконга; 2) по вопросам соотношения Основного Закона и Конституции КНР; 3) оценка ПК ВСНП законов, изданных властями специального административного района в сферах, относящихся к ответственности пекинских властей или касающихся их отношений с Гонконгом с целью установления обоснованности этих законов; 4) в сфере правовой взаимопомощи – взаимное признание судебных и арбитражных решений, вручение документов, передача скрывающихся от правосудия правонарушителей. Представляется, что есть несколько возможных форм правового взаимодействия САР Гонконг и КНР: 1) введение в действие пекинскими властями национального законодательства с целью управления делами, касающимися правовой взаимопомощи; 2) добровольное согласие гонконгских властей заключить соответствующие договоры о правовой взаимопомощи; 3) формирование общей законодательной базы в Гонконге и других регионах на материке. Наличие «двух систем» изначально послужило ключом к функционированию концепции «одна страна – две системы», однако реальное взаимодействие правовых систем САР Гонконг и КНР возможно только при создании любого рода «федеральной» юрисдикции.

Выявление особенностей правового взаимодействия Гонконга и материкового Китая является неотъемлемым элементом исследования эволюции политической системы Гонконга и ее специфики на современном этапе.

Пасс П.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Трансформационные процессы, проистекающие в постсоветской России, неизбежно поднимают вопрос об отношении к историческому прошлому страны. В данном контексте наибольшую актуальность сохраняет образ советской власти, которая с одной стороны может расцениваться, как антипод современной российской власти, а с другой – как её прямая предшественница.

При этом имеют место колебания в отношениях граждан к данному историческому периоду. Так, исследования показывают, что с 2010-х гг. советское прошлое вновь стало актуализироваться в общественно-политическом дискурсе, являясь одним из источников формирования национально-

государственной идентичности (Евгеньева, Селезнева, 2017, с. 48-64). Нужно также отметить, что динамику демонстрируют оценки отдельных фигур советского периода, в частности — И.В. Сталина (Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд [Электронный ресурс] // Левада-Центр URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/uroven-odobreniya-stalina-rossiyanami-pobil-istoricheskij-rekord/> (дата обращения: 20.07.2020)). При этом причины изменения оценок могут быть различны. Исследователями высказан целый ряд предположений, которые можно сгруппировать в две основных объяснительных концепции.

Ряд исследователей высказывает предположение, что важным источником позитивных оценок советского прошлого является реакция на текущее положение дел. В рамках данной концепции граждане, будучи неудовлетворенными настоящим, склонны идеализировать прошлое. Соответственно, улучшение ситуации в настоящем должно приводить к более критичному взгляду на прошлое (Зборовский, Широкова, 2001, с. 31-34; Латов, 2018, с. 116-133).

Другим объяснением является гипотеза о влиянии социализации и жизненного опыта. Согласно этой концепции, представители более старших поколений, проходивших социализацию в Советском Союзе, склонны позитивно оценивать советскую власть (Ekman, Linde, 2005, p. 354–374). Кроме того, влияние могут оказывать и некоторые другие индивидуальные особенности социализации, в частности – уровень и качество образования (Касамара, Сорокина, 2011, с. 18-31).

При этом оба объяснения имеют свои сильные и слабые стороны и должны рассматриваться в совокупности.

Кроме того, необходимо учитывать такие параметры, как давность событий (в частности – время, прошедшее с распада Советского Союза) и политический контекст.

Так, учёными было зафиксировано, что события на Украине, начавшиеся на рубеже 2013-2014 гг. и последовавшее за ними присоединение Крыма, привели к реактуализации в массовом сознании образов советского прошлого (Евгеньева, Селезнева, 2016, с. 25-39).

Исследование, основанное на материалах, собранных в рамках проекта кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, продемонстрировало, что наибольшее влияние на образ советской власти оказывают особенности социализации индивидов. В частности, граждане, чья политическая социализация прошла в советский период более позитивно оценивают советскую власть. Вместе с тем, люди с высшим образованием склонны к более критичным оценкам.

Тем не менее, представляется некорректным отбрасывать влияние текущего положения дел в стране. Именно текущий контекст является наилучшим объяснением для наличия колебаний в оценках советской власти.

В целом образ советской власти представляет собой достаточно сложное явление; изучение особенностей его формирования и трансформации остается актуальным вопросом и требует дальнейшего совершенствования методологического аппарата.

Литература:

1. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25-39.
2. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития. 2017. № 4. С. 48-64.
3. Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социс. Социологические исследования. 2001. №8. С. 31-34.
4. Касамара В. А., Сорокина А. А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 18-31.
5. Латов Ю.В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 116-133.
6. Ekman J., Linde J. Communist nostalgia and the consolidation of democracy in Central and Eastern Europe // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2005. Vol. 21, No. 3. P. 354–374.

Патрушев С.В. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Под практикой обычно понимают деятельность (греч. *praxis*, или *energeia*), направленную на преобразование чего-то или кого-то, либо производящую нечто внешнее по отношению к себе (*poiesis*, по Аристотелю), либо не производящую ничего, кроме самой этой деятельности (*praxis* в собственном смысле) (Конт-Спонвиль, 2001, с. 430-431). Начиная с Платона, цель практики — достижение блага, понимаемого преимущественно как добро, нравственное поведение, равно как управление государством и удовлетворение жизненных потребностей жителей полиса. В Новое время практика трактуется как волевой акт, стремящийся к достижению нравственной цели: у Канта стержень разумной воли — нравственный закон, у Гегеля возвышенная деятельность человека — источник мира человеческих воззрений, знаний, благ, прав и поступков. Позднее, у Маркса, практика — «человеческая чувственная деятельность» (Маркс, с. 2).

Парадоксальным образом, концептуализации практики оказывается сопряжена — по основанию общего блага — с попытками определения политики.

Еще Аристотель определил политику как вид общения, которое имеет в виду некое благо, причем на высшее благо ориентировано государственное, или политическое общение, объемлющее все прочие виды общения.

Политика появляется, когда общность людей осознает свою способность к совместным действиям и начинает ее реализовывать. Правовая интеграция социальных сообществ создает социетальную политическую общность (гражданское общество/нация-государство) (в России незавершенную форму социума клик и кликокрации). Современный феномен микрополитической революции можно рассматривать как своего рода социетальную регрессию в деиерархизированные микрогруппы — почву для глобальных изменений, конституирования сбалансированного общества. Например, в России уход из уличного протеста в группы активистов вокруг проблем района предполагает перспективу включенности этих сообществ в публичную сферу, их трансформацию в общество, занятое политикой в глобальном смысле.

Черты последней - конфликтность, универсализм норм, наличие выбора и целеполагание (Господство против..., 2019, с. 7-8). Соответственно совокупность практик по реализации проектов общественного развития и решению проблем общественного значения образует политику.

Политические практики предполагают ряд предпосылок и условий: наделенные государством статусом и публичной ролью граждане, связанные коллективными обязательствами с другими людьми и взаимодействующие на основе норм доверия, уважения к другому, равенства, справедливости, понимающие свои гражданские и политические права, готовые к реализации права представительства, к участию и действию; а также поле с набором соответствующих институтов.

Ключевое значение имеют процесс институционализации — формирование институциональной среды и институционального порядка, а также процесс политизации — обретение политических качеств акторами, полагающими человека высшей целью и ценностью как свободной личности, реализующейся в общении, благодаря качествам гражданской ответственности — политической в рамках совместной жизни граждан, а также эмпауэрмента и вовлечённости.

Эмпауэрмент — расширение полномочий и возможностей человека на уровне субъективного восприятия и реальных прав, переход человека от пассивного к активному состоянию — принятие себя как гражданина, уверенного в себе и своей компетентности, эффективности и самоконтроле; понимание проблем своего сообщества и других людей; способность к результативным действиям и к участию в принятии коллективных решений, доступ к ресурсам и контроль над ними; развитие потенциала совместного изменения социальных структур и влияния на окружающий мир.

Вовлеченность предполагает привнесение своего Я и вложения энергии индивида в общую деятельность, устойчивое мотивирующее состояние удовлетворенности, высокие уровни активации и удовольствия, склонность или ориентация к определенному взгляду на мир. Она имеет когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты количественного и качественного характера, предполагает освоение материалов, связанных с политическим участием, заинтересованность и восприимчивость к тому, что происходит в настоящем. Рационально-эмоциональная приверженность политической практике вдохновляет индивида действовать во имя общественного блага и тем самым производить политику.

При поддержке гранта РФФИ 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

Литература:

1. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 7-8.
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. - М.: Этерна, 2001. С. 430-431.
3. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 2.

Пашковский Е.А. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)

БОРЬБА ЗА МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПРАВОЙ ПРЕССЫ

Исследование посвящено проблеме борьбы за молодежную аудиторию, которая отображается во всех сферах общественной жизни, в том числе и СМИ. Целью исследования является выявление особенностей отношения к власти, поиска актуальных тем для молодежи в российских и польских правых СМИ.

Для исследования были взяты по три польских и российских право-консервативных интернет-СМИ. Польские СМИ – это три интернет-издания (Rzeczpospolita, Nasz Dziennik, Do Rzeczy), которые относятся к правоконсервативным и католическим СМИ, поддерживающих или сходных по убеждениям с консервативной партией PiS (Право и Справедливость). Среди российских СМИ – три интернет-издания: правоконсервативные Русская Народная Линия и Царьград-ТВ, а также националистическое Агентство Политических Новостей. Необходимо отметить, что в России «правые» СМИ можно разделить на классических консерваторов (тесно связанных с РПЦ) и националистов (светских).

Временной интервал исследования: 2020 год. В Польше завершились президентские выборы. В России наиболее важным политическим событием было общероссийское голосование по поправкам в Конституцию. Для СМИ обоих государств важным событием в информационной повестке была государственная политика по противодействию эпидемии Covid-19.

В польских правых СМИ обсуждались инициативы правящей и оппозиционных партий по борьбе за голоса молодежи. Молодежная организация PiS инициировала обсуждение закона о защите животных. Оппозиционная партия PO (Гражданская платформа) приняла программу «Образование для будущего» с разработкой новых курсов по экологии, климату и психологической поддержки молодежи. Правая партия «Конфедерация» привлекает молодежь в дискуссионные клубы. Политические партии борются за молодежь как за будущих избирателей, считая что к 2023 году в стране будет несколько миллионов новых избирателей. («Боритесь за молодых», Rzeczpospolita, 10.09.2020). Популярными темами для польских правых СМИ стали борьба за полный запрет аборт и сохранение существующей системы образования.

Все три российских интернет-издания одобряли и предлагали поправки в Конституцию, направленные на поддержку статуса государствообразующего русского народа, обращали внимание на важность семьи и традиционных ценностей и защиту исторического наследия. Они отмечали, что конституционное закрепление данных инициатив позволит усилить элемент традиционных ценностей в социализации школьников.

Во всех трех изданиях, особенно АПН, отмечается неприятие СССР и важность восстановления исторической преемственности к Российской империи. При этом в числе публицистов Русской народной линии можно найти и просоветских авторов. Все три издания занимаются активным просвещением молодежной аудитории. Авторы обращают внимание на то, что российская молодежь патриотична и в определенной мере консервативна («Не спешите приговаривать нашу молодёжь: Неудобный вопрос Левада-центру»). Царьград ТВ, 07.05.2020)

В целом можно отметить общность рассмотрения проблемы конфликта поколений в России и Польше. Нужно отметить, что польские правые СМИ занимают откровенно провластную позицию, а российские правые СМИ – скорее оппозиционную. СМИ в обоих государствах обращают внимание на молодежь и стремятся повлиять на социализацию детей и подростков, прежде всего в школе. Одновременно с этим, аудитория этих интернет-СМИ – люди среднего возраста, пользующиеся интернетом. Таким образом, можно сделать вывод, что правоконсервативные СМИ стремятся повлиять на молодежь, нивелируя конфликт поколений в обществе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта 20-011-31716 «“Поколенческий разрыв” в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение».

Пеньков В.Ф. (Тамбов, ТГТУ)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Политический процесс в России представляется межстадиальным, переходным от одной модели ценностей к другой. В идеальной аксиологической иерархии высшую ступень занимают абсолютные онтологически-предметные ценности, то есть ценности, имеющие значение для всех и признаваемые ими в качестве условий существования.

«Общечеловеческие ценности» не предполагают включение в их число аксиологических компонентов политики, поскольку «сердцевину» политических ценностей составляет власть, которая ассоциируется с принуждением и насилием. Власть, реализуемая не только через принуждение, несет стимулирующую функцию, стремится к использованию методов убеждения, зиждется на интересах и потребностях людей.

Политические ценности — часть политической культуры, тот ее компонент, который материализуется в политическом процессе. Поскольку политический процесс (как социальное явление) неотделим от человека, социальных групп, то утверждение политических ценностей становится фактором политики.

Заметим, что политическая ценность есть ценность нематериальная и представляет собой социальный идеал. Согласимся с утверждением о том, что «личные ценности, как и ценности социальные, существуют в виде идеалов, т.е. моделей должного. Но, в отличие от социальных ценностей, они «задают» индивиду конечные ориентиры его деятельности. Поведенческий характер личных ценностей является их особенностью. Для общественных ценностей характерны строгая иерархичность, несинхронность их усвоения различными группами людей и поколениями, их конфликтность, необязательность совпадения социальных ценностей государства и гражданского общества.

Аксиологические параметры общества и государства формируются под воздействием факторов политического, экономического, психологического, религиозного характера. Важны востребованность тех или иных ценностей в конкретной ситуации, историческая память и массовые настроения, геополитические и национальные особенности этноса, его традиции, устойчивость аксиологических предпочтений, уровень манипулирования ценностными приоритетами со стороны СМИ, политических партий, групп давления, власти. В переходные периоды на одно из приоритетных мест в селекции ценностей выходит «символическое сознание», т.е. рефлексивно-оценочный подход к отбору

ценностей, эмоционально-знаковое восприятие аксиологических компонентов. Социально обусловленные символы не только выражают ощущения и эмоции, но и формируют социальную сплоченность, систему ценностей в обществе.

Отметим значимый фактор, вносящий диссонанс в процесс кристаллизации системы ценностей. По нашим оценкам, утрачивается толкуемый в широком смысле «феномен культуры», который был ареалом аксиологических смыслов и ценностей. Утрачивается тот тип русской культуры, который П.А. Сорокин определял как «интегральный» (Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени: Пер. с англ. М., 1997. С. 26), где доминантой было гуманистическое отношение к бытию. Ценности, доминирующие в политической культуре России, эклектичны, противоречивы, разновекторны, что обуславливает «аксиологическую многоукладность» общества. При этом наметился переход от гомогенной модели политической культуры к гетерогенной, которая не носит целостного характера. Доминирование на протяжении ряда лет транзитарного типа политической культуры есть негативный фактор. В обществе сохраняется ожидание очередной волны перемен, что порождает разного рода субкультуры, негативно влияющие на ситуацию в государстве и обществе. Учитывая политические традиции России, в этих условиях важным элементом обеспечения политической стабильности остаётся государство.

В России процесс становления гетерогенной модели находится в сложной стадии. Декларирование политического плюрализма пока что позволило проявиться достаточного широкому политико-аксиологическому спектру, при этом ценности различных социальных групп зачастую ориентированы на размежевание, а не на поиск компромиссов. В идеале, гетерогенная модель политической культуры должна стать не только отражением диверсификации её элементов, но и нести интегрирующее начало, обеспечивающее развитие политического процесса. Столкновение флангов политического спектра не обеспечивает консолидации конструктивных сил общества. Агрессивные модели политических субкультур и их носители, приходя в столкновение, повышают конфликтность политического процесса.

Петрова Е.В. (Москва, НИУ ВШЭ)

«СОВЕТСКИЙ ТЕЛЕЗРИТЕЛЬ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ СРЕДЕ: РАКУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Во второй половине XX в. телевидение стало самым доступным и влиятельным СМИ и заняло значимые позиции в сфере медиатизированных политических коммуникаций. В начале XXI века эксперты характеризовали российское общество как «общество телезрителей» (Гудков, Дубин, 2001). Сегодня телевидение конкурирует за время и внимание аудитории с Интернет-источниками. Снижение времени просмотра телепередач, растущая популярность Интернета свидетельствуют об утрате телевидением лидирующих позиций. Однако по данным наших экспедиций, остается группа телезрителей, для которых ТВ по-прежнему основное медиа. Изучив этот вопрос подробнее, мы обратили внимание на довольно четкие поколенческие границы, которые свойственны этой группе, и определили ее как «последнее поколение советских телезрителей».

К последнему советскому поколению относятся все те, «кто был достаточно зрел, чтобы полностью сформироваться еще в советский период» (Юрчак, 2019). Согласно этому подходу, последнее советское поколение включает в себя людей, родившихся между серединой 1950-х и началом 1970-х годов, которые в годы перестройки были в возрасте от выпускников школ до тридцатилетних.

В нашей эмпирической базе, собранной в сельских экспедициях, интервью с 251 респондентом - разного пола, возраста, социального статуса, типа занятости, из разных населенных пунктов. В 2019 году в рамках проекта научно-учебной группы мы закодировали интервью в программе Atlas.ti. Это помогло нам увидеть некоторые объединяющие элементы базы. Выяснилось, что есть группа респондентов, которые очень похожи и в практиках использования медиа и в представлениях о сфере политики. Оказалось, что эта «похожесть» практически не имеет географической привязки, но довольно четко связана с возрастом респондентов.

Опираясь на это наблюдение, мы выделили группу респондентов старше 50 лет (N 97). Период взросления этих людей приходился на годы активного развития телевидения. Тогда оно было, как бы мы сейчас сказали, «новым медиа» и интересовало, прежде всего, молодых людей. В рамках заявки у нас нет возможности подробно охарактеризовать специфику взаимодействия с медиа поколения последних «советских телезрителей». Мы планируем это сделать в рамках доклада. Отметим некоторые характеристики. Телевидение остается для этого поколения основным медиа. У него по-прежнему доминирующая роль в формировании суждений о событиях политической повестки. К Интернет-источникам обращаются, чтобы узнать новости, к телевидению – «чтобы понять, что об этом думать» (цитата из интервью респондента). Респонденты этой группы не ждут от телевидения объективности, исчерпывающего и всестороннего освещения событий, довольно терпимы к различиям реальной картины и увиденного в телепередачах («Зачем нам эта правда? У людей давление, сердце. А телевизор-то работает» (цитата из интервью респондента). В домах респондентов часто несколько телевизоров. В гостиной стоит «главный» телевизор в доме. Его роль как бы напоминает нам время, когда телевизор был важной частью социальных отношений (Morley, 1986). Но есть и телевизор(ы) - как правило в спальне - для индивидуального просмотра. Такая индивидуализация использования медиа отмечалась и ранее (например, Livingston, 2002). На наш взгляд, это подготовило индивидуализацию отношений, характерную для следующих поколений.

В докладе на конференции мы бы хотели более полно охарактеризовать практики телесмотрения рассматриваемой группы в контексте политических представлений. Сфокусировавшись на выбранном поколении, мы имеем возможность увидеть, как трансформируется роль главного медиа (от его расцвета до постепенной потери лидирующих позиций) в меняющейся системе политических коммуникаций.

*Петрова Р.И. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН),
Филиппова Е.Ю. (Санкт-Петербург, Европейский Университет)*

ЭТНИЧНОСТЬ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК

Российские «национальные республики» представляют собой особые регионы, в которых этничность политизируется, приобретая значение в политических взаимодействиях (Panov, 2016), (Шабаев & Садохин & Шилов, 2015), (Панов & Филиппова, 2015), (Шкель, 2019), (Тишков & Степанов, 2018). Такое значение реализуется в разных аспектах политики, включая электоральное измерение: «этническая карта» актуализируется в контекстах предвыборных кампаний в республиках наряду с другими, неэтническими «картами» (Дробужева, 2018), (Petrova & Biltrikova & Dashibalova, 2020). На уровне дискурса такая актуализация этничности встраивается в политику идентичности российских республик, что «проявляется в укоренении этнических категорий в политическом процессе республик и выполнении ими роли поддержания, изменения региональных институциональных порядков», то есть в т.н. институционализации этничности (Назукина, 2020: 78). При этом очевидно, что в разных республиках институционализация этничности в электоральном измерении политики идентичности проявляется в разной степени. Можно предположить, что степень институционализации этничности зависит прежде всего от этнической структуры населения того или иного региона: там, где титульная этническая группа является значимой частью населения, роль «этнической карты» в электоральных практиках может иметь большее значение, чем там, где она таковой количественно не является.

В исследовании концептуализируется электоральное измерение политики идентичности и на эмпирическом материале демонстрируется, как этничность встраивается в него через дискурс кандидатов в региональные губернаторы, сопрягаясь или не сопрягаясь с композицией населения той или иной республики. С одной стороны, можно предположить, что предвыборный дискурс кандидатов в региональные губернаторы должен стремиться к универсальности с целью привлечения необходимого и достаточного объема электората. С другой стороны, статус «национальной республики» и политизированная этничность логически предопределяют включенность в этот предвыборный дискурс

партикулярного компонента, связанного с этничностью, но в разной степени для республик с разной композицией населения. Целью данной работы выступает определение форм институционализации этничности в электоральном измерении политики идентичности российских «национальных республик», реализуемом в контексте предвыборных губернаторских кампаний, с учётом этнической структуры населения этих республик.

В методологическом аспекте исследование базируется на сравнительном дискурс-анализе, где единица сравнения – предвыборный дискурс кандидата в губернаторы в «национальной республике» в последнем электоральном цикле (в тех 15 республиках, где состоялись прямые выборы главы региона. Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания и Крым остались за пределами анализа, поскольку последние к июлю 2020 г. губернаторские выборы там носили непрямой характер.). Эмпирическими данными для анализа предвыборного дискурса кандидатов в губернаторы выступают материалы СМИ, предвыборные программы кандидатов, а также агитационные материалы из их аккаунтов в социальных сетях.

Теоретически можно сконструировать спектр следующих возможных форм:

- 1) этничность как символ особенности республики, специфицирующий регион среди прочих регионов федерации («символическая модель» институционализации этничности);
- 2) этничность как политическая проблема, присутствующая в республике в том или ином аспекте, для решения которой необходимо выработать соответствующий политический курс («проблематизированная модель» институционализации этничности);
- 3) предвыборный дискурс «преимущественно без этничности».

Выявлено, что доминирующей формой институционализации этничности выступает «символическая модель» (Алтай, Бурятия, Коми, Удмуртия, Калмыкия, Якутия, Татарстан, Чувашия, Башкортостан). Сопряженность выбора формы такой институционализации в предвыборном дискурсе со спецификой композиции национального состава населения республик при этом прослеживается не во всех случаях. Также показано, что ещё одной распространённой среди кандидатов в республиканские губернаторы формой институционализации этничности выступает модель предвыборного дискурса «преимущественно без этничности» (Республики Мордовия и Марий Эл), однако врио губернаторов эту модель выбирать не склонны.

Республики с преобладанием титульного населения, и республики с преобладанием русского населения в контексте предвыборных дискурсов врио губернаторов демонстрируют фактическую похожесть в выборе формы институционализации этничности: эта форма, с одной стороны, подчеркивает символическую значимость этничности применительно к титульной этнической группе, а с другой стороны – значимость сохранения баланса в межнациональных отношениях. Кандидаты в губернаторы республик с моноэтническим титульным составом населения выбирают аналогичную дискурсивную форму институционализации этничности, тогда в республиках с моноэтническим русским составом населения этнический компонент ожидаемо не артикулируется вообще.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 19-011-00810 А «Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: комплексный сравнительный анализ») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Пилкина М.В. (Москва, НИУ ВШЭ)

РЕФОРМА ПО ОБРАЩЕНИЮ С ОТХОДАМИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ СТОРОН НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ

В настоящее время проблема утилизации бытовых отходов является актуальной для большинства российских регионов, включая Москву и Подмосковье. Данные проблемы стали причиной резкого недовольства среди жителей в ряде регионов и городов. Протестные акции против мусорных полигонов в Подмосковье и Архангельской области 2018-2019 стали отправной точкой к дальнейшему

распространению экологических протестов по всей России¹⁵³. Подобные акции несогласия привлекли внимание представителей разных групп общества: политических акторов, экспертов, НКО, эко-активистов и граждан. На примере Москвы, где попытки реформ пока не дали четких результатов и стали предметом острых политических и социальных дебатов, мы поднимаем вопрос о применимости нарративов и нарративных стратегий для анализа существующих дебатов.

Основным методом исследования является анализ политического повествования (Narrative Policy Framework - NPF)¹⁵⁴. Данный систематический подход применяется для эмпирического изучения роли нарративов в политическом процессе. Предполагается, что нарративы имеют обобщенные структурные элементы: ключевые персонажи, сюжет, бенефициаров и подходы к решению проблем. Согласно анализу политического повествования, нарратив должен состоять, как минимум, из одного персонажа и отсылки к рассматриваемой теме/проблеме.

Эмпирической базой исследования послужили 247 текстов с официальных веб-сайтов мэра Москвы, Департамента жилищно-коммунального хозяйства и Департамента природопользования и охраны окружающей среды Москвы, правительственных СМИ, экологических НКО, официальных аккаунтов в социальных сетях экспертов, оппозиционных и государственных деятелей. Полученные тексты были проанализированы с использованием схемы кодирования, разработанной на основе типовых подходов, предлагаемых нашей теоретической рамкой – NPF¹⁵⁵. Инструментами анализа полученных данных стали тесты Хи-квадрат, post-hoc t-тесты, а (Альфа) Криппендорфа, дисперсионный анализ ANOVA и критерий V Крамера.

Анализ эмпирических данных показал, как формулировка проблемы может быть связано с предлагаемыми решениями и персонажами, использующимися в нарративах о “мусорной реформе” в Москве. Повестка государственных акторов описывает проблему лишь с несколькими причинами и, таким образом, низкой программной сложностью. Более того, они не включают в свое повествование никаких ссылок на политическую сложность: нет сведений о распределении власти или сотрудничестве между заинтересованными сторонами.

Экспертные нарративы представляют более сложную картину проблемы обращения с отходами. НКО и эксперты выделяют различные причины возникновения и развития ситуации с проблемой отходов, тем самым определяя ее как более программно и политически сложную. Повествование оппозиционных политиков в основном фокусируется на политической сложности проблемы с указанием большого количества заинтересованных сторон, непосредственно вовлеченных в эту тему.

Выводы:

- Различные участники политических дебатов определяют проблемы как более или менее сложные в своих нарративах в зависимости от преследуемых ими интересов.
- Определение проблемы в нарративах не является независимым от других элементов нарратива: более сложное определение проблемы приводит к более сложному нарративу с точки зрения персонажей и предлагаемых решений.

Пилюгина К.П. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

РОЛЬ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Трансформация советского идеологического режима в демократический, начавшаяся в начале 90-х гг., вызвала кризис не только фундаментальных ценностей коммунистической идеологии, но и государствообразующей матрицы российского общества. Данные процессы связаны с ценностной дизмодерализацией общества, отношением к прошлому и кризисом коллективной идентичности, – все это

153. Чмель, К. Ш., Климова, А. М., & Митрохина, Е. М. (2020). Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес. Журнал исследований социальной политики, 18(1).

154. Jones, M., Shanahan, E., & McBeth, M. (Eds.). (2014). The science of stories: Applications of the narrative policy framework in public policy analysis. Springer.

155. Shanahan, E. A., Jones, M. D., McBeth, M. K., & Radaelli, C. M. (2018). The narrative policy framework. In Theories of the policy process (pp. 173-213). Routledge.

является характеристиками деидеологизации, ставшей лейтмотивом мирового общественно-политического дискурса послевоенного времени для стран с тоталитарным прошлым. Классические теоретики данного процесса Р. Арон и Д. Белл развивали тезис о «конце идеологии», согласно которому идеология отождествлялась тоталитаризму и имела негативную коннотацию, а также отвергалась как социально-классовый рудимент в пользу научно-рационалистического подхода в качестве основы для благосостояния общества и повышения его уровня жизни.

Принцип вытеснения идеологического влияния из всех сфер общественной жизни стал центральным в постсоветской политической деятельности российских политиков либерального толка 90-х годов. Так как одной из функций идеологии является формирование и сохранение индивидуальной и коллективной идентичности, деидеологизация вызвала морально-ценностное опустошение, отсутствие единой идейной основы, обеспечивающей стабильное функционирование государства, и, как следствие, кризис принадлежности к нему и неопределенность самоидентификации.

Вместе с тем процесс конструирования коллективной идентичности осложняется вследствие актуализации вопроса об отношении к тоталитарному прошлому, его интерпретации. Доминирующим образом в рамках реализации государственной исторической политики является «страна-победительница», практически наравне конкурирующая с требованием о включении в официальный дискурс памяти о жертвах советского режима. Неопределенность оценок тоталитарного прошлого вызывает дуализм идентичности – с одной стороны, гордость за свое историческое прошлое, победа во Второй мировой войне и с другой – виновника за преступления, совершенные под эгидой сталинизма. В настоящее время в студенческой среде превалирует положительная оценка роли СССР в событиях Великой Отечественной войны¹⁵⁶.

Согласно конструктивистскому подходу, теоретиками которого являются Б. Андерсон, Э. Геллнер, В.А. Тишков и др., идентичность формируется элитой посредством институциональных и коммуникативных практик. К числу последних относится историческая политика, не имеющая формального закрепления в нормативно-правовых актах, но активно реализуемая государством в различных формах: художественных (кино, театр, литература), информационных (СМИ), институциональных (мемориальные комплексы, музеи, военно-патриотические организации, форумы, слеты) и иных коммеморативных практиках (акции, праздники, реконструкции). Историческая политика направлена на легитимацию политических решений, принимаемых властью, обоснование существующего политического порядка, а также на мобилизацию и консолидацию граждан. В рамках ее реализации особое внимание уделяется воспитанию подрастающего поколения, реализации молодежной политики, являющейся одной из форм воздействия государства на конструирование позитивного образа исторического прошлого. В связи с этим приоритетным направлением государственной политики является патриотическое воспитание молодежи, ставящее своими целями сохранение памяти о Великой Отечественной войне, приобщение к культурно-историческим ценностям, формирование общественно-исторических и трудовых организаций.

Пинкевич А.Г., Алейников А.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГЕНДЕРНЫЕ ЛИНЗЫ «ПОЛИТИЧЕСКИ ОТРЕФЛЕКСИРОВАННЫХ» РИСКОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В большинстве исследовательских стратегий «общества всеобщего риска» преобладают установки «рискологического унисекса», то есть нивелирования различий феминных и маскулинных черт поведения в ситуации риска, особенностей его восприятия. Используя методологию П. Бурдьё, «подпространство риска» можно определить как асимметричную структуру производства, воспроизводства,

156. Студенческая молодежь России: гражданская позиция и социокультурные предпочтения (по материалам межрегиональных студенческих исследований): монография / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018. С. 149.

ранжирования и распределения угроз и рисков, функционирующую «одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» (Бурдые, 1993, с. 40). Можно утверждать, что гендер является одним из измерений механизмов восприятия рисков и их идентификации.

«Гендерный дисплей» (И. Гофман) иерархии повседневных рисков и «риск-катастроф», взаимодействия производителей, потребителей и носителей риска, нарушения гендерных норм в ситуациях угрозы/опасности, реализации политики распределения и компенсации риска выступают, в лучшем случае, вторичными переменными. Утверждения о более консервативном поведении женщин в ситуации риска не проясняют гендерно специфичную связь восприятия и оценивания, «рефлексивного отслеживания риска» (Э. Гидденс) с реальным поведением в рискованной ситуации, не артикулируют гендерные стратегии и гендерные проявления реакций на осознание риска.

Гендерные различия и «гендерные асимметрии» (Айвазова, 2011) детерминируют реализацию рискованного поведения, влияют на выбор стратегий адаптации к риску, усиливают «риск-асимметрию», то есть доминирующую роль асимметричных ответов на вызовы и угрозы, при которой риск становится некоммуникабельным и связывается только с решениями и действиями власти. Являясь частью политического дискурса, риск «разыгрывается на поле гендера», во многом определяя гендерные ожидания от политических институтов по управлению угрозами и их нейтрализации.

Гендерные особенности влияния «политически отрефлексированных» рисков на характер проявлений политического участия, гендерная специфика социальных механизмов взаимосвязи между идентификацией угроз и различными способами участия (неучастия) в политике являются базовым структурным элементом социальной активности и политического действия. Данные проведенного нами социологического исследования демонстрируют, что женщины более склонны считать риски неизбежным спутником человеческого существования, и значительно меньше ощущают себя в полной безопасности. Они чаще, чем мужчины ощущают опасность неопределенности будущего и потери контроля над социальным и экономическим положением.

Гендерные различия определяют специфику суждений о значимости риска, его принятии или избегании. Данные исследования показывают, что мужчины более склонны к производству риска, чаще реализуют рискованное поведение, рассматривая риск как стратегию выигрыша, как способ жизненной адаптации. Женщины в большей степени склонны полагать, что при возникновении угрозы власти стараются ее «замалчивать», мужчины же считают, что власти перекладывают ответственность за решение «рисковых ситуаций» на население и склонны выбирать более мягкие формы политических действий.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115)

Исследование проводилось в ноябре 2019 г. с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет исследования». Сбор данных осуществлялся методом телефонного опроса. Размер выборки составил 1620 человек, проживающих во всех регионах России.

Литература:

1. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
2. Айвазова С.Г. Гендерные разрывы / гендерная асимметрия // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / под ред. С. В. Патрушева. М.: РАПН: РОССПЭН, 2011.

Пинюгина Е.В. (Москва, ИНИОН РАН)

РЕЧЬ ТРАМПА КАК МАНИФЕСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ «BLACK LIVES MATTER»

В 2020 г. незадолго до президентских выборов американское общество потрясло резонансное убийство афроамериканца белым полицейским. Первой реакцией на событие стали протесты, переросшие в уличные погромы и мародерство. Идеиную платформу протестов формировала группа активистов из движения «Black lives matter» (BLM) - «Жизни черных важны», созданного после схожей гибели

афроамериканца от рук полицейского в 2013 г. Поскольку основатели движения – приверженцы марксистской идеологии, в риторике протеста преобладает формат приравнивания расовой принадлежности к классовой. Декларировалось, что послуживший основой американского экономического роста афроамериканский народ, пострадавший от эксплуатации, во-первых, не получил эквивалентной своему вкладу доли в общем богатстве, а, во-вторых, остался заложником институционального расизма. Смерть Дж. Флойда в этом контексте интерпретировалась как последняя капля, переполнившая чашу терпения и обусловившая необходимость политических действий для компенсации ущерба и устранения социальной несправедливости и дискриминации из всех социальных институтов и практик. Часть общества, разделяющая дискурс BLM, поддержала тему ревизии основополагающих концептов американской политической идентичности. Среди них – статус Америки как демократического и прогрессивного государства, а также отношение к своей истории. Оспаривается моральный облик выдающихся политиков – основателей и защитников независимости США и создателей американской Конституции. Через призму левого дискурса все достижения и вехи американской истории и культуры обесцениваются по сравнению с преступлениями колониализма, экспансионизма, работорговли и рабовладения.

Протестующим удалось легитимировать в публичном пространстве эти темы как маркеры новой американской идентичности, единственный вариант которой приемлем через призму этики коллективной вины перед жертвами в прошлом и настоящем. Политики из Демократической партии поддержали протестующих.

Д. Трамп, в свою очередь, не только осудил протесты, но и, выступая в День независимости США, сформулировал манифест той части населения, которая поддерживает традиционное прочтение американской политической идентичности. На фоне статуй выдающихся президентов США он подчеркнул преемственность своей политической идентичности от Дж. Вашингтона, А. Линкольна, Т. Джефферсона и Т. Рузвельта, чью прогрессивную роль в истории сторонники BLM оспаривают. Декларируемая Трампом идентичность выстроена как полемика с критикой истории США и современного состояния страны.

Речь призывает американцев идентифицировать себя с теми историческими личностями – с первооткрывателями и выдающимися президентами, чьи памятники начали сносить в ходе протестов. Трамп акцентирует, что частью идентичности его сторонников является защита культурного наследия США, в том числе всех памятников. Важность этой составляющей идентичности, по его мнению, первостепенна: он обещает защищать памятники и наказывать тех, кто занимается вандализмом, независимо от попыток легитимации таких действий левыми политическими взглядами. Лейтмотивом развернутой в речи Трампа концепции американской политической идентичности становится ведущая роль и вклад США в развитие человечества, освоение космоса, разработку передовых технологий, победу над «злом» – фашизмом, коммунизмом и терроризмом. Это прочтение идентичности исключает признание несовершенства и несправедливости как изначальных пороков американской общественно-политической системы. В отличие от оппонентов, Трамп предлагает идентифицировать себя с полицейскими, которые стоят на страже закона, поддерживать их, а не преследовать за неизбежные в работе ошибки, которые нельзя приравнивать к институциональному расизму.

Трамп выстраивает идентичность на идее свободы как высшей ценности американского мировоззрения. Тогда как идентичность своих оппонентов он связывает с левой идеей и присущими ей деструктивными целями – уничтожить существующую (лучшую в мире, по его мнению) общественно-политическую систему, навязать несогласным идеологизированную диктатуру коллективной вины перед всеми угнетенными, переформатировать в этом направлении образовательные программы и умы молодежи. Трамп обвиняет оппонентов, внедряющих «культуру отмены» любого высказывания или действия, травмирующего угнетенных, в наступлении на права и свободы, противопоставляя их практики идентичности американцев. Это противопоставление позволило легитимировать политическую идентичность сторонников Трампа, несогласных с протестами и дискурсом BLM, представляя их защитниками главной американской ценности – свободы, в том числе свободы слова и убеждений.

Пищева Т.Н. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

СИМВОЛЫ И АРХЕТИПЫ В ОБРАЗАХ СТРАНЫ

За последние годы мы наблюдаем стремительные изменения в социальной, экономической и политической сферах, как у нас в стране, так и за рубежом. Эти изменения не могли не повлиять на представления граждан о своей стране. А изменения в представлениях естественным образом влекут и изменения в поведении граждан – рост протестных настроений, негативизм по отношению к власти, недоверие власти, акции протеста. В то же время мы хорошо видим, что далеко не везде и не всегда реакция на одни и те же события и информацию одинакова в разных местах и у разных групп населения. Можно предположить, есть базовые установки, которые с течением времени меняются мало и создают фундамент для стабильности и определяют то, как будет протекать те или иные процессы. Понимание того, какие из этих элементов одержат верх в массовом сознании на тот или иной момент времени, как происходит процесс усвоения новых идей и символов и почему одни становятся значимыми, а другие отходят на второй план, является важной как исследовательской, так и практической задачей.

В нашем докладе мы хотели бы остановиться на двух важных элементах образа страны – символах и архетипах. По сути, символы являются условными знаками и маркерами каких-либо понятий, идей, смыслов и явлений. Важным является то, что сам по себе символ имеет две составляющих: с одной стороны он имеет собственное содержание, а с другой – в неявной и часто неразвернутой форме содержит иное содержание. Благодаря своей двойственной природе символ может существовать как на рациональном уровне восприятия, закрепляясь, например, в символике государства, так и на бессознательном, концентрируя в себе скрытые смыслы, содержащиеся глубоко в бессознательном, и часто неосознаваемые самим индивидом. Таким образом, символы влияют на когнитивную составляющую образа страны.

В отличие от символов архетипы – это устойчивые образы, которые находятся в бессознательном человека, они напрямую влияют на эмоциональную сферу человека, а значит, определяют эмоциональное измерение образа страны. Они обладают сильной энергетической заряженностью и поэтому практически всегда вызывают определенную реакцию индивида.

С 2009 по 2020 года на кафедре социологии и психологии политики факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проводилось исследование, посвященное изучению представлений граждан о стране. В ходе была разработана авторская методология и проведены эмпирические исследования, в ходе которых были использованы различные методы, в том числе глубинные интервью и проективные методики – ассоциативные техники и проективные рисунки. В результате был собран большой массив данных качественного характера, которые позволяют не только проанализировать существующие в современном обществе представления о стране, но и выявить содержащиеся в глубинных слоях восприятия символы и архетипы, которые помогают глубже понять механизмы, влияющие на конечные мнения и поведения граждан.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-01138А «Образ страны в Российском обществе: политико-психологический анализ».

Плетнев А.В. (Санкт-Петербург, СПб университет МВД России)

ЛОКАЛЬНОЕ ПРОТИВ ГЛОБАЛЬНОГО: ПОПУЛИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОРЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИКОВ

Процессы глобализации и виртуализации привели к существенным политическим изменениям в странах Запада начала XXI века. Развитые страны ощущают давление развивающихся стран, которые стремятся не только нарастить ВВП, но и захватить высокотехнологичные и наукоемкие отрасли международной торговли. Наиболее очевидно это на примере США, где с 2016 года действующим президентом объявлен четкий курс на поддержку национальной экономики [2, с. 349-366]. Зачастую этот курс проводится в ущерб военным и геополитическим интересам государства [1].

Обострение глобальной экономической конкуренции и экономические трудности в самих государствах Запада переводят политическую борьбу в иную плоскость. Все отчётливее ощущается противостояние элит, заинтересованных в глобальных экономических связях, и больших групп населения, заинтересованных в патерналистической поддержке экономики со стороны государства. Популисты и неоконсерваторы предлагают ответы на эти вызовы и привлекают массы избирателей. В Европейском союзе популистские и националистические партии предлагают защиту государства и экономики путем все большей изоляции от внешнего мира. В США Трамп следует путем торговых сделок и пытается защитить национальную экономику, наращивая положительное сальдо торгового баланса за счет переговоров с каждым государством. Либералы и глобалисты, которые заинтересованы в развитии международной торговли независимо от экономических интересов населения, обвиняют Трампа в популизме [3, с. 110-131]. Они пытаются дискредитировать Трампа, а также европейских неоконсерваторов за счет упора на идеологическую составляющую и международную политику. К примеру Трампу ставят в вину неспособность устранить Асада, которого стигматизируют как диктатора, у которого «все еще есть химическое оружие» [4, с.181]. Однако нелюбовь глобалистов к Трампу вызваны интересами банковского капитала, а также ряда транснациональных корпораций.

Однако подлинная суть возникающих между элитами и группами населения противоречий заключается в свойствах сверхновой экономики, которые остаются незамеченными исследователями. Эти свойства и приводят к новому формату политики. Сверхновая экономика отличается от периода классического капитализма своей ориентации на статусное потребление дорогих и престижных вещей. Это порождает феномен сверхновой бедности, когда при повышении доходов жители развитых стран не ощущают себя обеспеченными. Субъекты экономики и медийного пространства ориентируют индивидов на всё большее потребление престижных вещей. Однако это подрывает социальную стабильность и ощущение благополучия в обществе. Это главная фундаментальная причина социальных конфликтов, которая подогревает ощущение неравенства. Люди, ощущающие себя экономически ущемлёнными, склонны винить в этом мигрантов, а также другие государства. Популисты зачастую используют это настроение избирателей, поскольку хотят направить протестную энергию вне пределов национального государства. Либералы и глобалисты же ориентированы на сферу идеологии и также глухи к реальным экономическим интересам населения. Описанные процессы в дальнейшем будут способствовать большему экономическому неравенству, социально-психологическому ощущению депрессии среди населения. В итоге противостояние локального и глобального дискурсов в политике зачастую вызвано не конструктивными соображениями, а желанием всех субъектов политики переложить ответственность за происходящее в пределах государства на внешние силы. Научному сообществу необходимо концептуализировать сверхновую экономику и сверхновую политику.

Литература

1. Bolton J. The Room Where It Happened: A White House Memoir. Simon & Schuster. 2020. – 528 p.
2. Kranish M. Trump Revealed: The Definitive Biography of the 45th President. Simon & Schuster India. – 451 p.
3. Weyland K., Madrid R. L. When Democracy Trumps Populism: European and Latin American Lessons for the United States. Cambridge University Press. – 238 p.
4. Wolff M. Fire and Fury: Inside the Trump White House. Henry Holt and Co. 2018. - 321 p.

Плотников Д.И. (Москва, РУДН)

РОЛЬ РЕЛИГИИ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В условиях глобальных политических процессов, результатом которых становятся стихийные беспорядки и акции гражданского неповиновения, крайне важным является изучение политических акторов, организующих противодействие данным процессам и обеспечивающих гармоничные отношения государства и общества. В таких условиях религиозные институты становятся важным участником процесса принятия политических решений и влияния на общественные процессы.

В конце XX века в рамках модернизационной парадигмы исследования взаимодействия религии и политики, доминировал взгляд о том, что религиозные институты утрачивают свое значение (Wilson, 1966). В рамках данной теоретической парадигмы религия представлялась как совокупность институтов, переставших удовлетворять запросам современности.

Однако в наши дни четко прослеживается переоценка социальной значимости религии, а на смену секуляризации приходит тренд десекуляризации (Berger, 2001), который будет доминировать достаточно долго и во многом определит взаимоотношения государств и религиозных институтов в ближайшем будущем.

Исходя из всего выше изложенного, можно сделать вывод, о том, что религия является социальным институтом, который посредством «мягкой силы» стремительно укрепляет свое положение в политических системах разных стран. Более того религиозный вопрос так или иначе прослеживается во многих актуальных политических процессах современности, например, в недавней борьбе с ИГИЛ, или в вопросе автокефалии православной церкви Украины, а также в вопросе статуса Собора Святой Софии в Стамбуле. Все приведенные примеры демонстрируют, как в условиях определенной флуктуации политической системы религиозный вопрос становится одним из первых в политической повестке разных стран.

Во многом это связано с тем, что религиозные концепции в условиях кризиса современности способны дополнить и актуализировать неэффективные концепции развития общества (Лебедев, 2007, с. 24–36), что обеспечит их устойчивую эволюцию с опорой на метасоциальный порядок.

В условиях кризиса политической системы религиозный фактор стремительно начинает доминировать в политической жизни людей. Так во многих странах верующие представляют собой стабильные социальные группы, со схожими типами политической культуры, которые обладают достаточно высоким уровнем мобильности. Однако такие группы в условиях политического кризиса способны к радикализации и экстремизации, когда на данные группы оказывается влияние заинтересованных сил.

Религиозные институты и организации в условиях вооруженных конфликтов часто выступают в качестве посредников для нормализации ситуации. Однако, когда мы говорим о конфликтах, в которых заложено столкновение интересов различных конфессий, религиозные организации выступают катализатором конфликтогенности.

Исходя из всего выше изложенного, можно сделать вывод о том, что в условиях острого кризиса политической системы конфессиональная идентичность может выступать условием ее гармонизации, но и условием дестабилизации.

Обращаясь к историческому опыту нашей страны, можно проследить данный процесс на примере Гражданской войны в России, когда РПЦ, с одной стороны, выступала за скорейшее прекращение братоубийственной войны в России, но, с другой стороны, многие священнослужители благословляли солдат Белого движения на борьбу с большевиками-безбожниками. При этом Церковь продолжала проводить активную социальную деятельность по оказанию помощи нуждающимся, вопреки тому, что одним из декретов большевиков она была лишена большей части имущества и статуса юридического лица.

Все выше изложенное позволяет говорить, о том, что в условиях кризисов политической системы религиозные вопросы становятся крайне актуальными, что наделяет религиозные организации решающим влиянием как на развитие политических процессов, так и на течение всего кризиса в целом.

Литература:

1. Wilson B. Religion in secular society: A sociological comment. L.: Watts, 1966. 252 p.
2. Berger P.L. Le réenchantement du monde. Paris: Fayard, 2001. 149 p.
3. Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия // Социологический журнал. М., 2007. № 2. С. 24–36.

Подшибякина Т.А. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

КРИЗИС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ: ИЗМЕНЕНИЕ ДИФFUЗНЫХ УСТАНОВОК В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ

Публичная власть в России в своей деятельности должна обязательно учитывать общественные настроения, чтобы быть эффективной и соответствовать статусу социального государства. Молодежная среда несет потенциальную опасность роста протестных настроений, причины которых не всегда очевидны и требуют специальных исследований. По итогам выполненного в 2019-2020 году проекта «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов» было установлено, что большинство респондентов ощущает текущую социально-политическую и экономическую ситуацию как начало кризиса и опасается его последствий. Целью проекта была оценка влияния, которое могут оказать кризисные факторы на изменение идеологических установок в молодежном сознании. Теоретическим основанием данного исследования стала концепция «когнитивно-идеологических матриц», предложенная С.П. Поцелуевым и М.С. Константиновым, и концепция «диффузных установок» Д.Н. Узнадзе, позволившие проанализировать начальный этап формирования аттитудов как совокупности когнитивных контекстов и протоидеологических элементов, соединяющих знания и ценности, сочетающих открытые и скрытые мыслительные процессы, и ответить на вопрос, повлечет ли это за собой активные действия.

Одним из самых разрушительных по своим последствиям для социально-политической системы общества является кризис в различных его проявлениях от экономического спада до радикальной смены настроений в общественном сознании. Современный мировой кризис, как известно, был спровоцирован пандемией мирового масштаба, запустившей деструктивные процессы вследствие остановки производства. Оказывается, в обществе уже за несколько месяцев до его начала было ощущение, что волна экономического кризиса надвигается, ожидание кризиса было зафиксировано в ходе эмпирического исследования группового сознания студентов Юга методом опроса 2500 студентов осенью 2019 года.

На прямой вопрос анкеты: «Как Вы думаете, есть ли у нас сейчас в стране экономический кризис?» были получены следующие ответы. «Экономический кризис у нас наблюдается, причем уже давно» ответили 45,6% опрошенных; 29,8% респондентов считают, что «у нас в стране не столько кризис, сколько застой в экономике из-за неэффективной политики властей»; 7,5% уверены, что «пока нет такого кризиса, но в недалеком будущем экономический кризис в России запрограммирован»; «но когда он наступит, мы к нему как-нибудь приспособимся - нам ведь не привыкать из-за санкций» - мнение еще 7% оптимистов. Только 2,6% уверены, что «Экономического кризиса в России нет, правительство, в целом, с экономическими вызовами справляется»; 7,5% не смогли определить свое отношение к ситуации.

Экономический кризис в нашем исследовании рассматривался лишь как один из внешних социальных факторов, наряду с коррупцией, участием России в геополитических конфликтах, способных повлиять не только на идеологические установки студентов (аттитуды), но и на их политическое поведение. Важно было получить ответ на самый острый вопрос: возможны ли активные протестные действия студенческой молодежи в ближайшее время? Общий ответ – нет, не возможны (в ближайшем будущем и при сохранении существующего набора факторов влияния), рефреном в ответах молодых людей повторяется намерение действовать только в рамках закона. Пока мы имеем дело с неустойчивыми диффузными установками, то есть не способными направлять деятельность, но при систематическом воздействии указанных факторов на групповое сознание, они могут стать устойчивыми и повлечь за собой активные действия вплоть до радикальных.

Однако ощущение приближения экономического кризиса все же не могло не сказаться на политических умонастроениях, в самопрезентации идеологических взглядов студентов был зафиксирован леволиберальный тренд: 20,3% — либеральные установки, 10,2% — социал-демократические, 9,3% —

коммунистические, резко сократилось число сторонников консервативных идей (с 23,0% в 2015 году до 7,5% в 2019 году) и национально-патриотических идей (с 16,9% в 2015 году до 2,3% в 2019 году). Проверочные вопросы, заложенные в анкете, правда, полностью этого факта не подтвердили, весьма значимыми по-прежнему оказались ценности семьи и религии, либерализм сохранил свой социальный характер, но, действительно, усилилась критика власти, что отразилось на сокращении сторонников национально-патриотических взглядов.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-00906 А

Полещук Ю.А. (Минск, Беларусь, БГПУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В условиях современной экономической, социальной и политической ситуации молодому специалисту для успешной конкуренции на рынке труда недостаточно владеть только профессиональными компетенциями, необходимо также уметь строить собственный профессиональный путь, четко идентифицировать себя в профессии.

Поэтому проблема изучения профессиональной идентичности личности приобретает особую актуальность. В психологии профессиональная идентичность рассматривается как ведущая характеристика профессионального развития человека, когда происходит принятие осуществляемой человеком профессиональной деятельности как средства развития и самореализации. В то же время профессиональная идентичность студента – это «единство представлений о самом себе, эмоциональных переживаний и осознанной активности, связанных с приобретением профессии, на основе которого появляется чувство тождественности с самим собой как будущим специалистом» (Родыгина У. С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование – 2007. – Том 12. – № 4. – С. 39-51). В данном контексте профессиональная идентичность связана с активностью личности и подразумевает отношение к профессии как средству удовлетворения своих потребностей.

Эмпирическая база данного исследования включает в себя информацию о профессиональной идентичности 72 студентов – будущих специалистов в сфере управления, обучающихся на 1 и 3 курсах. Исследование проводилось методом поперечных срезов. Для диагностики использовался опросник профессиональной идентичности студентов У.С. Родыгиной. Данная методика позволяет определить зрелость профессиональной идентичности через оценку двух основных характеристик: эмоционального отношения к профессии (шкала «Эмоциональное отношение») и степени вовлеченности в процесс профессионального развития (шкала «Осознанная активность»).

Средний балл эмоционального отношения студентов первого курса составляет 6.97, при этом стандартное отклонение равно 6.06, у студентов третьего курса эти показатели составляют 3.25 ± 7.42 соответственно, что позволяет констатировать преобладание положительных эмоций, связанных с удовлетворением потребностей в данной профессии.

Позиция активного отношения студентов к приобретаемой профессии составляет 7.94 ± 5.48 на первом курсе и 6.11 ± 6.01 на третьем. Эти данные сопоставимы с результатами, полученными автором методики. Количественная характеристика эмпирических данных позволяет констатировать снижение показателей от первого к третьему курсу. Более детальная интерпретация полученных данных (при помощи содержания шкал методики) позволяет составить качественную характеристику студентов каждого курса. Так, первокурсники отличаются активной позицией, сопровождающейся положительными эмоциями относительно будущей профессии. В этом случае профессиональная идентичность студента является выраженной и активной. Студенты считают, что профессия «удовлетворяет их потребностям и запросам, в ней они видят свое призвание и способ самореализации. При любой возможности

пытаются приобрести опыт практической деятельности, читают дополнительную литературу» (Родыгина У.С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование – 2007. – Том 12. – № 4. – С. 39-51).

Студенты третьего курса характеризуется средне-выраженной активной позицией, сопровождающейся положительными эмоциями относительно будущей профессии. Их профессиональная идентичность по преимуществу активная и выраженная. Данные студенты считают профессию «своим призванием, одним из способов самореализации в жизни. Мысли о том, что они будут работать по специальности, вызывают у них радость; есть желание большую часть времени проводить, занимаясь тем, что связано с профессией. Осознанная активность по отношению к будущей профессии находится на среднем уровне» (там же).

Таким образом, можно констатировать определенное снижение выраженности профессиональной идентичности студентов от первого к третьему курсу. Это может быть связано с профессиональным кризисом середины обучения, а также личностными характеристиками испытуемых. В целом по выборке можно отметить средний уровень проявления профессиональной идентичности, поскольку здесь преобладают позитивные эмоции и осознанная активность по отношению к будущей профессии. Для развития профессиональной идентичности студентов можно предложить психологическое сопровождение в процессе обучения профессии.

Полученные результаты отражают только часть вопросов, связанных с профессиональным развитием студентов. В дальнейшем интересно проследить динамику профессиональной идентичности одних и тех же студентов на разных этапах обучения.

Поливаева Н.П. (Воронеж, ВИ ФСИН России)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОЗАЩИТНЫХ СТРУКТУР ПО СОБЛЮДЕНИЮ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Реализация Концепции развития уголовно-исполнительной системы (УИС) РФ до 2020 года продолжает вызывать серьезную тревогу правозащитников, экспертов и гражданского общества в целом. На фоне определенных успехов и достижений в УИС сохраняется недопустимо высокий уровень коррупции, насилия и жестокости.

В России действует свыше двух десятков правозащитных организаций, которые, в том числе, занимаются вопросами защиты прав заключенных.

Фонд «В защиту прав заключенных» рассматривает жалобы, которые касаются соответствующих нарушений. Среди дел Фонда — сбор пожертвований на юридическую литературу заключенным, общественные расследования нарушений прав заключенных и тех, кто находится в СИЗО (ненадлежащее содержание, пытки, избиения и др.), трудоустройство бывших заключенных. (1)

Общероссийское общественное движение «За права человека» («ЗПЧ») имеет отделения в более сорока субъектах федерации. Правозащитниками был подготовлен ряд докладов о пытках в следственных изоляторах и местах исполнения наказаний в Башкортостане, Тверской области, Дагестане и других местах. Тексты докладов распространяются среди журналистов, членов общественных организаций, направляются в соответствующие инстанции. «Комитет за гражданские права» - межрегиональная общественная благотворительная правозащитная организация. Его сотрудники участвуют в инспектировании тюрем, особенно после обращения заключенных, на сайт организации выкладываются большие материалы о пытках заключенных. (2)

«Комитет против пыток» (КПП) в настоящее время имеет официальный статус межрегиональной общественной организации. За время работы специалисты КПП проверили более полутора тысяч заявлений о нарушении прав человека, провели сотни расследований, добились от государства и его представителей выплаты компенсаций гражданам, пострадавшим от незаконных действий сотрудников

правоохранительных органов и др. Московская Хельсинская группа (МХГ) - старейшая из ныне действующих в России правозащитных организаций, создана в 1976 году. У неё множество направлений деятельности и одним из них является контроль и защита нарушенных прав заключенных. Важной сферой своей деятельности МХГ считает подготовку представителей Общественных наблюдательных комиссий (ОНК).

1. Фонд в защиту прав заключенных [электронный ресурс]. URL: <http://www.zashita-zk.org/about> (дата обращения: 22.08.2018).
2. Комитет за гражданские права [электронный ресурс]. URL: <http://zagr.org/439.html#comments> (дата обращения: 20.06.2018).

Фонд «Общественный вердикт» создан в феврале 2004 года, оказывает правовую помощь гражданам, пострадавшим от неправомерных действий российских правоохранительных органов. Необходимо отметить, что фонд признан иностранным агентом. Проект общественного контроля «Россия без пыток» - совместный проект Уполномоченного по правам человека в РФ и Директората по защите прав человека Совета Европы, который реализуется при содействии Общественной палаты Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Центр содействия реформе уголовного правосудия «Тюрьма и воля» - еще одна старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания. Центр создан в 1988 году Валерием Абрамкиным при поддержке академика Андрея Сахарова.

Один из наиболее ярких примеров работы правозащитных организаций связан с «Делом Магнитского». К сожалению, дело Сергея Леонидовича Магнитского получило широкий общественный резонанс лишь после смерти подозреваемого в изоляторе тюрьмы «Матросская тишина». По требованию семьи и правозащитников было проведено расследование (по поручению президента Дмитрия Медведева): в ноябре 2009 несколько чиновников, в том числе заместитель главы ФСИН России, были уволены. Его смерть побудила правозащитников составить т. н. список Магнитского, в который вошло около 60 должностных лиц, в том числе, служащие МВД, полиции и налоговых органов, которых сотрудник Hermitage Fund обвинял в причастности к коррупционным преступлениям.

Кроме указанных проблем, связанных с нарушением прав заключенных, которые правозащитные организации пытаются решить, существует также проблема, связанная с составом Общественной наблюдательной комиссии. О ней открыто заговорили в 2014 году. (3) Еще одна серьезная проблема, которая обострилась в 2000-х годах, — это проблема финансирования российских правозащитных организаций. Из-за изменений в законодательстве, в первую очередь, по вопросам финансирования общественных организаций зарубежными фондами, а также изменений относительно статуса НКО — правозащитникам становится сложнее привлекать средства для своей деятельности. В некоторой степени данная проблема решается с помощью созданной в 2005 г. Общественной палаты РФ, которая имеет свой грантовый фонд; его средства идут, в том числе, на поддержку правозащитной активности.

Многие правозащитные организации входят в общественные советы при исполнительных органах власти, таких как МВД, ФСИН. Однако сложно определить эффективность их деятельности, поскольку «действующие лица» зачастую только критикуют друг друга, выдвигают взаимные обвинения в необъективности высказываемых оценок и суждений и т.п. Вместе с тем возможности участия правозащитников в обсуждении и принятии государственных решений так или иначе возрастают. Очень важной стороной взаимодействия ФСИН и правозащитных организаций, а также ОНК является адекватное использование информации, которая исходит от общественников после посещения ИУ. Результаты таких посещений внимательно рассматриваются территориальными органами ФСИН России и нередко центральным аппаратом ведомства с принятием конкретных мер реагирования. (4) В тоже время нередко имеют место случаи, когда рассматриваемые структуры критикуют УИС не за реальные проблемы или недостатки в ее работе, а в связи с тем, что опубликованные в СМИ жалобы «выгодны» правозащитным активистам, нужны им для собственного пиара и т.п. (4) Одновременно 2000-е гг. характеризуются постоянными попытками дискредитации ряда этих организаций в связи с их

финансированием за счет зарубежных грантов. Действительно, некоторые НПО, вопреки общепринятым правозащитным принципам, излишне политизируют свою деятельность и высказывания, идут на сознательную конфронтацию с властями. Государство предлагает альтернативу в виде государственных правозащитных структур (Уполномоченные по правам человека, ОНК и др.), которые, по сути, просто дополняют или дублируют государственные органы.

Таким образом, сегодня Российское государство еще не до конца выработало систему принципов и методов взаимодействия с неправительственными правозащитными организациями, поэтому приходится сталкиваться с настороженным, либо откровенно негативным отношением представителей органов власти к правозащитным НКО, стремлением видеть в них разрушителей основ государственности.

Полякова Н.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

К ВОПРОСУ О РОЛИ «КОВИДНОГО» ФАКТОРА В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ-2020 В БЕЛОРУССИИ

9 августа 2020 г. в Республике Беларусь прошли очередные, шестые по счету, президентские выборы. Сама президентская кампания стартовала в самый разгар пандемии COVID-19 на территории Белоруссии, и «ковидный» фактор сыграл значительную роль в социально-политической мобилизации белорусского общества и усилении протестных настроений в рамках данной кампании.

Публичное отношение к пандемии в официальном и оппозиционном белорусском дискурсах было изначально противоположным. Президент РБ А.Г. Лукашенко не признал в первые месяцы сам факт эпидемии, обозначив свое отношение к ней формулой «коронавирусный психоз», и отказался от введения локдауна на территории страны. Выбор государственной стратегии «неборьбы» с коронавирусом, в противовес «антикоронавирусным» стратегиям соседних государств, в т.ч. и России, а также призывы не политизировать эту тему стали отправными точками для его вхождения в предвыборную кампанию. Парад 9 мая в Минске, как и другие массовые мероприятия, которые рассматривались как часть предвыборной кампании А.Г. Лукашенко, не были отменены и проводились на фоне резкой критики как извне, так и изнутри самого белорусского общества.

В свою очередь оппозиционные силы с самого начала пандемии активно критиковали официальные белорусские власти за отказ от строгого карантина, выдвинув обвинения в создании опасной для жизни населения страны ситуации. Апогеем протестного движения в этом направлении стало коллективное обращение лидеров белорусской оппозиции и общественных деятелей к гражданам, в котором прозвучал призыв к «народной мобилизации» и к введению «народного карантина» с целью заставить власти ввести общегосударственный карантин по примеру других стран: «Во время глобальной вспышки коронавируса (COVID-19), самой опасной пандемии 21 века, власти делают все, чтобы в Беларуси распространение этой болезни приняло неконтролируемый характер, подвергая смертельной опасности жизни всех без исключения жителей нашей страны. Правительство продемонстрировало свою полную неспособность принять адекватные меры для того, чтобы противостоять стремительному распространению пандемии в Беларуси».¹⁵⁷ Ношение защитных масок приобрело в определенных кругах демонстративно-символический характер: маска из средства защиты превратилась в еще один символ белорусской оппозиции. Особенно заметным символический характер этого атрибута стал в ходе первых протестных акций в предвыборный период в рамках начавшейся в стране президентской кампании. В свою очередь после выборов, в ходе начавшихся массовых протестных выступлений, «ковидный» фактор был полностью изъят из оппозиционной повестки дня, а массовые публичные акции протеста проходили без соблюдения необходимых мер защиты (в протестной среде отсутствовали не только социальная дистанция, но и любые средства индивидуальной защиты). В этих условиях

157. Народный карантин: обращение к гражданам Беларуси // «Хартия'97» / <https://charter97.link/ru/news/2020/3/20/370128/> (Дата доступа: 05.09.2020)

«ковидная» тема была перехвачена действующими властями Республики Беларусь и стала использоваться в официальной политической риторике в качестве аргумента против массовых протестных акций: А.Г. Лукашенко в одном из своих поствыборных выступлений обвинил протестующих в несоблюдении «антикоронавирусных» правил и призвал подумать о последствиях с точки зрения опасности для здоровья граждан страны.

Пандемия резко поляризовало белорусское общество, рельефно обозначив, подобно выделительному маркеру, и другие его «болевы точки» в преддверии и в ходе самой президентской кампании - 2020 г. Социально-экономические и политические проблемы, существующие в стране на тот период, резко обострились на фоне пандемии, а сама «коронавирусная» тема была использована на определенном этапе оппозиционными силами в качестве важного политического инструмента по усилению протестных настроений в белорусском обществе.

При поддержке гранта РФФИ № 20-011-31077опн «Этнополитические конфликты в современном мире: постсоветский контекст».

*Помигуев И.А. (Москва, НИУ ВШЭ,
Финансовый университет при Правительстве РФ, ИНИОН РАН)*

СКОРОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ «ЭФФЕКТИВНОСТИ» ПАРЛАМЕНТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСДУМЫ II-VII СОЗЫВОВ

Современные исследования законодательного процесса большое внимание уделяют именно вопросам установки повестки дня, акторам, оказывающим на нее влияние, а также роли правительственных структур, которые чаще других выступают главным инициатором изменений законодательного статус-кво.

Парламентская повестка дня представляет собой набор предложений по изменению законодательного статус-кво с целью решения актуальных публичных государственных и общественных проблем. В этом процессе акторы могут выполнять две противоположные функции: способствовать или задерживать принятие решений. Именно поэтому политическая эффективность акторов в законодательной деятельности в принципе не может быть оценена ни количественно, ни качественно, поскольку каждый участник процесса преследует свои интересы. Однако в целом мы можем делать выводы относительно скорости работы законодателей по количеству законов, принимаемых за определенный период. Однако отметим, что некоторые исследователи отмечают: цифры не могут ответить в скорости прохождения законопроектов и не в их качестве, а в возможности согласования всеми участникам законодательного процесса своих позиций (Weill R. Resurrecting legislation // International Journal of Constitutional Law. 2016. Vol. 14, No. 2. P. 518–531. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mow032>).

В России сложилась ситуация, когда самым активным инициатором внесения законопроектов на рассмотрение является Правительство, которое при этом не может прямо влиять на принятие законов — в дальнейшем только палаты парламента, конституционный суд и президент могут принять публичные политические решения по законопроекту. В этой связи особый интерес представляет скорость прохождения правительственных инициатив в Государственной думе как основной площадке обсуждения и принятия законов.

Правительство является одним из наиболее активных субъектов права законодательной инициативы (Далее по тексту и в таблицах — СПЗИ). К шестому созыву пятая часть, а к седьмому уже треть всех законопроектов вносится кабинетом (Таблица).

* количество законопроектов с перспективой до конца созыва, если темп внесения будет сохраняться / количество законопроектов по состоянию на 22.09.2020 г.; СПЗИ – субъект права законодательной инициативы, все установлен Конституцией РФ.

Рис. 1. Количество внесенных законопроектов за созыв.

Роль Правительства как инициатора законопроекта возрастает, о чем говорит и относительные показатели количества законопроектов, которые в итоге оказались опубликованы (Таблица). Учитывая, что количество внесенных инициатив растет быстрее, чем в прошлых созывах, «стахановские темпы» рассмотрения их Госдумой и правда поражают.

Таблица. Доля опубликованных инициатив от общего числа внесенных Правительством за созыв, %.

2 созыв	3 созыв	4 созыв	5 созыв	6 созыв	7 созыв*
42,03	82,74	79,30	82,69	80,32	78,48

По состоянию на 22.09.2020 г. Судя по количеству внесенных законопроектов Правительства, Госдума побьет рекорд других созывов.

Данные показывают, что, несмотря на высказывание публичных претензий в адрес исполнительной власти, парламентарии рассматривают и принимают даже больше законопроектов, чем раньше. И это несмотря на то, что журналистским штампом «бешенный принтер» Думу уже никто не называет.

Таким образом, можно отметить, что если «эффективностью» считать количество принятых Госдумой законопроектов, то в отношении с Правительством в текущем созыве явно наметилась тенденция к эффективному «штампованию» законов. Такая ситуация приводит к нестабильности законодательства и нивелированию роли Госдумы как значимого участника законодательного процесса.

Попова О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ С ВЫСОКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ПОТЕНЦИАЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Вне зависимости от готовности политической элиты допускать в свои ряды представителей поколений Y и Z, анализ политических взглядов молодежи с высоким лидерским потенциалом имеет высокую научную политико-практическую значимость.

Опрос проведен в конце первого года реализации гранта (личное стандартизованное интервью; объем выборки — 1000 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет; выборка квотная с контролем параметров возраста, пола, региона проживания и типа поселения). При обработке данных смоделирована

переменная «уровень потенциального политического лидерства молодежи» на основе готовности респондентов быть лидером или активистом в молодежной организации, участвовать в выборах в качестве кандидата, создать молодежную общественно-политическую организацию, стать лидером в молодежной среде, а также их представлений о стремлении к политической карьере и о самореализации личности как мотивах вступления в молодежную политическую организацию. Потенциал политического лидерства полностью отсутствует у 26,2% молодежи; у 32,3% его уровень можно оценить как низкий; средним показателем обладают 29,2%, высоким — только 12,2% представителей молодежи.

Среди молодежи с высокими показателями потенциала политического лидерства 23,4% оценили свои взгляды как социал-демократические, 8,9% — как либеральные, 6,5% считают их коммунистическими. 4,8% представителей этой группы определили их как националистические; по 2,4% считают их консервативными и анархистскими. Почти треть респондентов — 31,5% — обозначили их как смешанные, 2,4% — как другие. Затруднились обозначить их 8,1%. 9,7% представителей группы полагают, что не имеют идеологических убеждений. В сравнении с общими показателями по выборке, эти люди менее склонны считать себя свободными от политических убеждений, называть себя либералами или затрудняться с самооценкой взглядов, но в их среде заметно больше персон, оценивающих свои взгляды как социал-демократические и националистические.

Анализ стандартизованных остатков в Табл. 1 свидетельствует, что потенциальные политические лидеры из числа молодежи в большей степени, чем другие представители этой возрастной группы, ценят свободу и позитивно относятся к проведению реформ. При этом они активнее проявляют готовность считать интересы государства более значимыми, чем интересы отдельных граждан. Первая закономерность связана с общей ориентацией молодежи на либеральные идеи, вторая свидетельствует о предрасположенности к ответственной деятельности при реализации управленческих функций.

Таблица 1. Значимость для молодежи идеологических ценностей (%)

Индикаторы	Группа с высоким потенциалом политического лидерства	Всего по выборке
права человека	19,4	14,9
справедливость	32,3	32,1
свобода	33,1 +1,7	25,5
порядок	21,0	23,7
интересы государства	19,4 +1,6	14,0
интересы отдельных граждан	32,3	34,7
проведение реформ	47,6 +1,9	37,3
сохранение традиций	14,5	16,4
главное — уважение к традициям и обычаям	54,8	47,9
человек должен помогать бедным и слабым даже в ущерб своему комфорту	57,3	49,3

* Вторая цифра в ячейке — показатель статистически значимого стандартизованного остатка.

Полученные сравнительные результаты (Табл. 2) показывают, что идеологические ценности воспринимаются молодежью как нечто абстрактное; они реагируют на «лейбл», вкладывая в понятия смысл подчас совершенно произвольно. Выявление идеологической идентичности через фиксацию реакции респондентов на конкретные примеры политической практики также содержит определенные ошибки, но дает более надежные результаты.

Таблица 2. Сравнительный анализ идеологической самоидентификации молодежи с высоким потенциалом политического лидерства, ее ориентации на идеологические ценности и приоритетного типа государства для проживания (% от группы)

Идеологии	Самоидентификация политических взглядов российской молодежью	Присутствие в сознании группы ценностей определенной идеологии*	Предпочтительный тип идеологии государства
Коммунистическая	6,5	23,4	4,8
Консервативная	2,4	14,5	5,6
Либеральная	8,9	45,2	25,8
Националистическая	4,8	15,7	4,8
Социал-демократическая	23,4	32,3	17,7

* Сумма превышает 100%, поскольку зафиксированы реальные взгляды людей, в политическом сознании которых сочетаются ценности разных идеологий.

Анализ комбинированных таблиц на основе индикатора «политическая самоидентификация» и смоделированной переменной «идеологические ценности» позволил выявить размеры подгрупп молодежи с высоким уровнем потенциала политического лидерства, корректно оценивающей свою идеологическую идентичность: социал-демократическая — 9,7%, либеральная — 5,6%, националистическая — 4,8%, коммунистическая — 3,2%, консервативная — 1%.

Доклад подготовлен в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)» (2018–2020).

Попова О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-МОБИЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Политическая онлайн-мобилизация — интернет-деятельность политических акторов, направленная на форсированное достижение поставленных политических целей посредством активизации политического участия масс. Для описания этого феномена используются теории политической онлайн-коммуникации, коллективного онлайн-действия или «выборочного уклонения». Изучение политической онлайн-мобилизации особенно актуально для государств с гибридным политическим режимом, сочетающих существование номинально демократических институтов и процедур с заметным ограничением возможностей гражданского общества и безусловным ростом мощи бюрократической системы.

В России протестная онлайн-мобилизация доминировала в 2011–2012 гг.; органы власти активно используют социальные сети как средство мобилизации населения для поддержки своих программ и акций и дискредитации политической оппозиции (например, с помощью «фабрик ботов») с 2016 г. Применяемые в онлайн-мобилизации провластными и оппозиционными политическими акторами манипулятивные дискурсивные приемы: практики так называемого мощного информационного целенаправленного потока, мемификация текстов, таргетированная политическая агитация, целенаправленная дискредитация персон, проектов и действий, троллинг, предоставление недостоверных данных, персонализация сообщений, драматизация информации, фрагментарность публикуемых данных, фреймирование.

В протестных акциях все чаще выступает существенной политической силой молодежь мегаполисов. Своеобразным катализатором протестных настроений являются присущие этой возрастной группе склонность к неоправданному риску, нонконформизм, максимализм, повышенная эмоциональность. Наиболее значимые факторы роста вовлеченности молодежи в политический протест, в том числе радикального характера: ограниченность социального опыта молодых людей, влияние пропаганды престижного потребления, рост запроса на справедливость, отсутствие прочной символической базы национально-государственной идентичности, позитивного устойчивого образа будущего страны и «своей» социальной группы, влияние политической мифологии. Имеет значение доминирование в пространстве социальных медиа неконвенциональной несистемной оппозиции и неоправданно жесткая реакция региональных и местных властей на участие молодежи в несанкционированных акциях протеста.

Проведенные в 2018 и 2019 годах опросы российской молодежи (личное интервью, объем выборки — по 1000 человек с контролем пола, возраста, региона и типа населенного пункта) показали, что основные источники политической информации людей в возрасте 14–30 лет — социальные сети, мессенджеры (70,7%) и информационные Интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т.д. (65,9%). Друзей и знакомых в качестве источников этих сведений назвали 45,2% респондентов, родственников — 33,6%, центральное телевидение — 39,6%. При этом уровень реального вовлечения молодежи в политику невысок: участвовали в выборах 38,3% молодежи, обсуждали политику в социальных сетях, делали репосты политической информации 22,1%, обращались в государственные органы 17,7%, участвовали в работе общественных организаций 11,7%, обращались в общественные организации 6,7%, участвовали в санкционированных забастовках, митингах, демонстрациях 6,7%, в работе политических партий — 4,8%, в несанкционированных акциях протеста — 3,2%, материально поддерживали политиков и их проекты 2,0%.

Молодежь своими действиями демонстрирует острое неприязненное отношение к несовершенству социальных и политических отношений, завышенные притязания к окружающим, осознание собственной субъектности в системе социально-политических отношений при невозможности реализовать этот потенциал в полной мере. Эта социальная группа воспроизводит спектр типичных политических ориентаций и установок российского общества, но привносит в политическую среду новые запросы, ожидания, мотивацию, модели политической коммуникации и практики политического поведения.

Наличие в массовом сознании молодежи представлений о высокой результативности протестных акций при одновременном непонимании рисков и последствий неконвенционального политического поведения для решения проблем этой группы обеспечивают более высокие показатели ее политической мобилизации. Молодежь мегаполисов хорошо политически информирована, политическое сознание определенной ее части более сформировано. Активно применяемая стратегия протестного политического поведения приводит к значительным издержкам, противостоянию с властными структурами, ухудшению отношений с окружающими.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-70001; грант № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Попова С.Ю. (Москва, МГППУ)

СИСТЕМА ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ

Политическая деятельность все чаще становится объектом пристального внимания общества. Политические институты, имея специфические цели, представляют собой систему, организующую процесс осуществления политической власти, характеризуются наличием общественно-необходимых форм практической деятельности, образцов и норм поведения участников этой деятельности, связанных прямо или косвенно с властными отношениями¹⁵⁸.

158. Гражданин. Общество. Государство: Россия в XXI в. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. С.212

Политическая деятельность предполагает участие субъектов политики в выработке решений, связанных с реализацией соответствующих политических интересов; функционирование общественно-политических организаций, политических партий, их участие в деятельности органов государственной власти; участие политических акторов в различных политических акциях, направленных на достижение целей формирования, распределения и использования власти¹⁵⁹.

В этой системе важное место занимают конкретные люди - политики, те, кто профессионально занимаются политической деятельностью. Из политики сделать профессию можно двумя способами по утверждению Макса Вебера: «Либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики и «политикой»¹⁶⁰.

Рассматривая вовлеченность политических деятелей в систему власти, мы будем иметь ввиду ее *инструментальный* («службистский» тип социально-политической вовлеченности) и *ценностно-ориентированный характер*¹⁶¹.

В настоящий момент существует проблема оценки эффективности государственных и политических деятелей. Необходимо определить критерии профессионализма, эффективности политической деятельности, разработать инструменты оценки необходимых политических компетенций.

На научно-теоретическом уровне это требует анализа политической деятельности как профессии, раскрытия психологических особенностей политиков, определения критериев и факторов повышения ее эффективности.

Исследование данной проблемы в отечественной науке осуществлялось в нескольких направлениях: развитие профессиональной компетентности в рамках акмеологического подхода, разработка технологий личностно-профессионального развития (А.А. Деркач, А.С. Гусева, А.В. Кириченко, А.С. Огнев и др.), с позиции личностно-ориентированного подхода (Ю.В. Синягин¹⁶²), исследования технологий развития различных видов компетентности: когнитивной, эмоционально-волевой, аутопсихологической; исследования психологических особенностей личности политических деятелей, построение их психологических профилей и портретов (Е.В. Егорова-Гантман, Е.Б. Шестопап, Н.М. Ракитянский, А.В. Селезнева и др.¹⁶³).

С практической точки зрения необходимо определить системы нормативных (идеальных) профессионально-личностных показателей для политиков, выполняющих в политической системе разные роли, с целью развития их потенциала и компетентности.

В качестве инструмента для решения этой задачи может быть применен *метод экспертного опроса*. В рамках указанного проекта будут взяты экспертные интервью у политологов, политических психологов, специалистов в области политического ассессмента и формирования компетентностных профилей личности. На основании полученных данных будут разработаны нормативные профили, т.е. системы нормативных (идеальных) профессионально-личностных показателей для исполнителей каждой из исследуемых политических ролей (депутат Государственной думы, министр, губернатор, председатель регионального законодательного собрания). При этом необходимо учитывать, что исполнители этих ролей одновременно являются и государственными служащими – чиновниками самого высшего ранга, и публичными политиками, что придает их деятельности комплексный характер и существенно повышает требования к ним. В докладе на конференции будут представлены первичные результаты проделанной автором работы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

159. Болховитина Т.С. Политика, политическая деятельность, политическое участие: теоретические интерпретации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика, Информатика. - 2011. - №7 (102). - С. 231-236.

160. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 653.

161. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология: учеб. пособие для студ. вузов / Г. Г. Дилигенский. - 2-е изд., испр., доп. - М.: Новая шк., 1996. С. 260.

162. Чирковская Е.Г., Мударисов А.А. Дайджест научных исследований лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» РАНХИГС при Президенте РФ за 2018 год // Образование личности. – 2019. - №1. – С. 64-71.

163. Современная элита России: политико-психологический анализ /под ред. Е.Б. Шестопап, А.В. Селезневой. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 448 с.

Постол В.И. (Томск, НИ ТГУ)

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ АУДИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Ключевой чертой современного российского общества является высокий уровень образования и информационной компетентности граждан. Однако диалог власти и общества имеет весьма ограниченный характер и не предполагает активное вовлечение граждан в обсуждение общественно значимых проблем. В условиях нарастания кризисных явлений в российском социуме тема становления диалога власти и общества приобретает особую актуальность.

Целью доклада является поиск оптимальных форм взаимодействия власти и населения. Теоретическую базу исследования составили научные труды по теме аудиальной демократии. Нормативный идеал аудиальной демократии предполагает «смещение внимания с субъекта публичной речи на нашу способность друг друга слушать и слышать» (Вайзер, 2015). Основоположники и теоретики данного направления обращают внимание на то, что создание слуховых практик могло бы помочь современному обществу стать более инклюзивным и лучше артикулировать различия в публичной сфере.

В первой части доклада рассматривается синдром «публичной немоты» (Гладарев, 2015), проявляющийся при обсуждении общественно значимых вопросов. Хорошо разработанные «официальный» и «приватный» варианты языка, применяемые в публичном дискурсе, препятствуют культуре публичного диалога. Возникает множество коммуникационных тупиков, в которых оказываются участники диалога при обсуждении насущных проблем. Дефицит «публичного» языка не позволяет выработать эффективно действующие механизмы публичного обсуждения общественных проблем.

Вторая часть нашей работы посвящена исследованию роли публичного языка в ситуациях, когда он востребован для цивилизованного участия в общественных обсуждениях. Разумной аппроксимацией того, как построить эффективную систему современного публичного диалога в кризисных ситуациях является неоднократно опробованный на практике подход Моти Кристала. Профессор практики по ведению переговоров рассмотрел три разных процесса: *общественный диалог, переговоры и критический процесс*.

Общественный диалог рассматривается как общий призыв к изменению старого порядка. Он ведется между группами на открытых форумах и не предполагает выдвижения конкретных требований к правительству. В свою очередь, переговоры ведутся между представителями двух определенных групп, которые в ходе переговоров обмениваются уступками. Критический процесс находится посередине между абстрактным общественным диалогом и конкретными переговорами, его цель - добиться позитивных изменений в определенных сферах жизни социума.

Данные формы взаимодействия общественных групп следует учитывать при выработке механизмов публичного диалога власти и общества. Они дают верные ориентиры для выработки взаимопримемлемых решений: «когда наши различия неискоренимы, мы должны попытаться создать среду взаимной слышимости в публичной сфере» (Вайзер, 2015). Существенную роль в этом процессе призваны играть институты власти. Согласно концепции «власти – знания» Мишеля Фуко, власть является не только сдерживающей, но и продуктивной силой. Она отвечает за те конструкции значений, которые делают возможным эволюционный путь изменения общественного порядка. Но если власть утрачивает функцию производства значения, она обрекает себя на самоликвидацию, рано или поздно проигрывая конкуренцию радикальным политизированным группам.

Таким образом, установление диалога гражданского общества и государства не может быть результатом спонтанного развития. Для достижения взаимовыгодных компромиссов нужны энергичные и просвещенные усилия.

Поцелуев С.П. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ОЦЕНКА УГРОЗ ДЛЯ БУДУЩЕГО СТРАНЫ КАК ПРОЕКЦИЯ КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ)

Предложенная тема относится к сюжетам социологического исследования, осуществляемого автором совместно с коллегами из Южного федерального университета и Южного научного центра РАН в рамках научного проекта на тему «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов» в период 2018-2020 гг. Аудитория проведенного в рамках данного проекта опроса включала молодежь Юга России, а именно, студентов Ростова-на-Дону, Нальчика, Пятигорска, Астрахани, Ставрополя и Краснодара. Опрос проводился осенью 2019 г. и охватил 2551 респондента. Анкета на тему «Россия и мир – сегодня и завтра» содержала 43 вопроса, включая 6 паспортных.

В серии исследований молодежного сознания авторам проекта было не совсем понятно, каким образом структурируются идеологические ориентации людей, когда они не могут быть идентифицированы как носители какой-то определенной идеологии, но вместе с тем не могут считаться аполитичными. Отталкиваясь от концептов политической идеологии, предложенной Т. ван Дейком и М. Фриденем, авторы проекта предложили понятие когнитивно-идеологических матриц¹⁶⁴, в действии которых выделили их первичный и вторичный модусы (этапы) реализации. На первом этапе идеологическая матрица работает по принципу физической матрицы, представляя собой инертную среду, в которой находятся изолированные активные частицы, удерживаемые от взаимодействия между собой и с окружающим миром. В роли этих частиц выступают идеологемы, которые понимаются в смысле, близком «зыбким идеологемам» М. Бахтина. По мере повышения интенсивности социальных интеракций (в рамках прогрессирующей социализации индивидов, особенно в условиях социально-политических кризисов), идеологемы связываются в концепты идеологических установок и начинают функционировать в смысле, аналогичном типографской матрице.

В ходе исследования, в частности, предполагалось выяснить, в какой мере сформированы у респондентов когнитивные матрицы, способные к серийному производству идеологических смыслов. Для этого, помимо прочего, отслеживалась последовательность идеологических аттитюдов, включавших проекции в прошлое и будущее. При ответе на вопрос «Что может представлять главные угрозы для России в ближайшие 10-15 лет?», выяснилось, что больше всего респондентов (более 40 % от общего числа) волнуют две угрозы: мировая война с применением оружия массового уничтожения и прогрессирующая коррупция как причина экономической и политической стагнации России. Следующими по значимости идут три проблемы (их назвали около трети опрошенных): массовые протесты в ситуации экономического и политического кризиса, экологические катастрофы и гражданская война на фоне роста имущественной поляризации и нищеты населения. Заметим, что «рост авторитарных тенденций» волнует только каждого пятого, а «демографическая катастрофа» – только каждого десятого. Но в целом оценки актуального настоящего у молодых людей довольно тревожные: две трети опрошенных разделяют мнение, что в российском обществе нарастает недовольство и наблюдается экономический кризис и/или застой. Это, по их мнению, чревато социальным взрывом; в любом случае, Россию ждут перемены в соответствии с глобальными трансформационными процессами.

Признаки действия идеологической матрицы можно фиксировать по оценкам студентами экономического состояния России. Среди тех, кто считает, что в России уже давно наблюдается экономический кризис (а таковых почти половина опрошенных), только 8,3 % разделяют мнение, что «Россия всегда была империей с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и

164. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in 2015–2020). *Revista Genero e Direto*. T. 9. C. 807-826.

белорусов». Напротив, среди тех, кто отрицает наличие в стране экономического кризиса и позитивно оценивает работу правительства, сторонников этой сентенции оказалось почти втрое больше (16,7 %). В целом, среди тех, кто квалифицирует состояние России как кризисное, почти половина – сторонники России как государства с европейской идентичностью. Однако образ России как части европейской цивилизации наши респонденты четко отличают от России как члена Евросоюза и НАТО. Последний концепт – в аутсайдерах во всех группах респондентов (уровень его поддержки не превышает 4 %). Отсюда можно предположить, что в России среди молодежи формируется запрос на политическое движение, которое реализует концепт европейской, но непрозападной России, что можно рассматривать как проекцию идеи «большой Европы от Лиссабона до Владивостока».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00906а «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

Почта Ю.М. (Москва, РУДН)

ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И СИМУЛЯКРОМ

Само по себе широко используемое определение «исламский терроризм» не имеет отношения к реальности, так как оно предполагает, что сущностной чертой одной из мировых монотеистических религий является террористическая направленность. На самом деле, встречаются случаи, когда террористические группировки, опираясь на разработки современных фундаменталистов, используют исламские понятия и концепции для обоснования своей политической деятельности. С таким же успехом террористы могут использовать идеи христианства, буддизма, марксизма, либерализма и феминизма. Реальный терроризм под исламскими лозунгами можно назвать эпифеноменом (фактором или проявлением) современной борьбы за мировое господство, за контроль над территорией и за населением в отдельных мусульманских странах. Это последствие разрушения государственности и социума в третьем мире в процессе реформирования геополитической архитектуры мира после окончания холодной войны. Реализуется задача установления режима биовласти над населением тех стран, которые не вписываются в глобальный порядок, в которых еще сохранились незападные культуры и цивилизации. Часть населения переходит к экстремистским формам сопротивления, когда под предлогом войны с террором глобальная власть, игнорируя ценности и традиции местного населения осуществляет «смену политических режимов» и осуществляет последующий «демократический переход». Так, в частности, реализуется план США по демократизации Большого Ближнего Востока. Однако это провоцирует усиление исламского терроризма, так как агрессивная внешняя политика США создает среду, условия для создания и усиления движений исламского терроризма, как это происходит и происходило в Афганистане, Ираке, Сирии и Ливии. США периодически способствуют созданию, финансируют, вооружают исламские террористические группировки, когда это соответствует их интересам (муджахеды и Талибан в Афганистане). В этих случаях их называют повстанцами, борцами за свободу. Когда же они выходят из подчинения или в их услугах больше не нуждаются, их называют террористами и ведут с ними борьбу. То есть симулякр исламского терроризма относится только к «неправильным» террористам, чья борьба не соответствует интересам западных государств на Ближнем Востоке.

Для достижения и обеспечения глобальной гегемонии Запад во главе с США прибегает к насилию в масштабах всего мира, используя в качестве одного из предлогов борьбу с симулякром терроризма. Исламский экстремизм является радикальным проявлением политического ислама, активно проявляющего себя в политической жизни мусульманских стран. При этом, как полагает американский политолог У. Энгдаль, после 2001 г., «играя роль борца с глобальной угрозой, Вашингтон использовал свое влияние среди множества групп исламских джихадистов в попытке развязать новые войны и

глобальные общественные волнения» (Энгдаль У.Ф. Священные войны Западного мира М.: Селадо, 2016, с.16). Американский журналист-расследователь Джереми Скейхилл убедительно показал, как в начале работы администрации Буша-младшего в 2001 г. «под «терроризмом» понимались в первую очередь угрозы, исходящие от таких государств, как Иран, Сирия, Северная Корея и Ирак, а в качестве метода борьбы предполагалась смена соответствующих режимов. Под предлогом антитеррористической борьбы происходило использование сил специального назначения «для ударов по неудобным Вашингтону режимам или их подрыва». (Скейхилл, Джереми. Грязные войны: Поле битвы – земля. / Пер. с англ. А.Ю.Колгашкина под ред. Е.В.Гориной. – М.: Кучково поле, 2015, с.25, 116)

Наш вывод состоит в том, что в западном политическом дискурсе и в западных СМИ постоянно воспроизводится симулякр исламского терроризма как угрозы для всего человечества. Борьба США и их союзников ведется прежде всего в виртуальном пространстве с симулякром, а не с реальным терроризмом. Реально существующий терроризм под исламскими лозунгами не получает адекватного освещения и объяснения. Создана и активно используется виртуальная модель ислама, которому якобы изначально присуща воинственность и террористические наклонности. Мусульманская цивилизация, как и прочие незападные цивилизации, трактуется как историческая аномалия, которую необходимо устранить и в духе биовласти все человечество следует переформатировать на основе либерально-демократических ценностей.

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Прокопенко Л.Я. (Москва, Институт Африки РАН)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА «ПЕРВОЙ ЛЕДИ» В СТРАНАХ АФРИКИ

Во многих странах мира институт «первой леди» стал одним из политических ресурсов, который способствует обеспечению стабильности власти, гармонизации ее отношений с гражданским обществом, а имидж супруги главы государства становится важным элементом, как его имиджа, так и имиджа страны.

Большинство африканских лидеров, в отличие от западных, долгое время оберегали сферу своей частной жизни. По мере проникновения в местную политическую культуру элементов западной культуры ситуация изменилась. В странах континента институт «первой леди» принадлежит к неформальным институтам, но это отнюдь не африканская специфика.

За 60-летнюю историю независимого развития в более 50-ти странах Африканского континента сменились десятки глав государств, поэтому галерея портретов первых леди обширна и разнообразна, в их числе много ярких индивидуальностей. Некоторые африканки были/остаются первыми леди длительный период (К. де Обианг (Экваториальная Гвинея), Дж. Мусевени (Уганда), С. Мубарак (Египет)), а некоторые были ими всего несколько месяцев (В. Агийи-Иронси и М. Шонекан (Нигерия), Ш. Харланд-Скотт (Замбия)). А Г. Машел стала единственной в мировой истории женщиной, которая была первой леди двух стран – Мозамбика и ЮАР.

Участие супругов президентов в общественно-политической жизни принимало различные формы в зависимости от требований исторического периода и особенностей их характера. Диапазон активности африканок широк: от пассивного пребывания в тени супруга до превращения в фактического соуправителя государства, как это, например, происходило в разные исторические периоды в Нигере, Кот-д'Ивуаре, Нигерии, Египте и Тунисе.

Залогом успеха многих африканских первых леди была и остается их профессиональная деятельность. Она дает им, в том числе, опыт социальных коммуникаций, которые жизненно необходимы для выполнения функций жены главы государства. Возможности африканских первых леди участвовать в общественной и политической жизни во многом определяется рамками традиционного общества,

в котором существует стойкая система этнических, родственных и клановых связей. Степень их активности варьируется в зависимости от их возраста, образования, ценностных ориентиров, полученных в родительской семье, партийности, религиозных воззрений, формы отношений с супругом, а также от их личных качеств. Наблюдаются особенности в странах, где преобладает мусульманское население, их спецификой часто является полигамия президента.

Основная сфера деятельности первых леди, выбравших активную позицию, – социальная, где насчитывается много проблем, решение которых требует их участия, например, борьба с ВИЧ/СПИДом, образование, здравоохранение, насилие в отношении женщин и детей. Основным направлением деятельности первых дам является благотворительность.

Главная сфера, где проявляется политическое влияние первой леди – участие в кампаниях по избранию или переизбранию супруга на пост главы государства. Рост политической активности африканок выражается также в притязаниях некоторых на главный пост страны после ухода супругов в отставку. Дополнительным фактором служит их частая принадлежность к правящей партии и авторитет среди однопартийцев. Президентские амбиции были у целого ряда первых леди (например, в Замбии, Зимбабве, Египте, Тунисе, Гане), но реализованы они пока не были.

Влияние первых леди зеркально отражает положение женщин в обществе. За последние десятилетия многие страны Африки (Руанда, ряд стран Юга Африки) достигли значительных успехов в области гендерного равенства в политике, определенная заслуга в этом принадлежит и первым леди¹⁶⁵. Говоря об их роли в политической жизни, необходимо отметить определенный дуализм: участвуя в общественной жизни, в ряде случаев первые леди становятся доминирующими игроками, оттесняя на периферию женские движения.

В африканском обществе ведутся споры по поводу формализации статуса первой леди. Юридическое закрепление их статуса вопрос дискуссионный, его решение потребует времени.

В условиях политического плюрализма роль супруги главы государства в Африке значительно возросла, а сам институт «первой леди» постепенно становится реальностью политической жизни. Африканки стали более открытыми, а их деятельность все более значима, она широко освещается в СМИ и обсуждается общественностью. Первые леди выступают как неофициальные послы своих стран и фактически становятся элементом «мягкой силы» (soft power). Формирование института «первых леди» при явной динамике сопряжено с рядом проблем. Проявляются также тесная связь и взаимообусловленность этого процесса с повышением роли женщин в обществе.

Первые леди многих африканских стран посещали нашу страну. Например, супруги лидеров Кот-д’Ивуара, Экваториальной Гвинеи, Маврикия, Мали, Габона, Анголы, Ливии, Нигера и Коморских островов сопровождали их на первом саммите и экономическом форуме «Россия – Африка», который проходил 23–24 октября 2019 г. в г. Сочи.

Пронина Е.В., Антипина Е.А. (Владимир, ВлГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Интерес к разным аспектам жизни молодежи устойчиво демонстрируют в современной России ученые, общественные деятели, государственные структуры (Селезнева, 2019, с. 371-375).

Изучая проблемы социальной и политической активности молодого поколения, необходимо проанализировать не только условия жизнедеятельности молодежи, но и исследовать побудительные мотивы, цели, формы и технологии вовлечения молодых граждан в социально полезную деятельность (Государственная молодежная..., 2019).

Под социальной и политической активностью личности мы понимаем осознанную и целенаправленную деятельность человека по преобразованию различных сфер жизни общества, соотношенную с

¹⁶⁵ Прокопенко Л.Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки) // М.: ИАФр. РАН. 2018.

личностными интересами и общечеловеческими ценностями, обусловленную внутренними психологическими и внешними социальными факторами.

Социальную и политическую активность личности таким образом можно проследить на основе субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействиях. Современные отечественные исследователи так же выделяют несколько компонентов социальной активности. Это такие компоненты как когнитивный, мотивационный и деятельностный, то есть, поведенческий.

В настоящее время механизмы формирования гражданственности как компонента политических ценностей школьников и молодежи являются эффективными в своей сущности, но практика их реализации в современной России показывает наличие множества проблем и противоречий. Их решение – комплексная задача, которая требует совместной работы власти и общества.

Однако, для решения проблемы слабой сформированности социальной и политической активности современной молодежи необходимо, на наш взгляд, в первую очередь, диагностировать их политические ценности и установки (Селезнева, Дождилов, 2012).

Политические ценности молодежи Владимирской области были исследованы нами с помощью методики «Ценностные ориентации» Милтона Рокича. В исследовании было задействовано около двухсот молодых людей из Владимирской области в возрасте от 18 до 25 лет.

При обработке результатов эмпирического исследования особое внимание было уделено иерархии инструментальных ценностей. Поскольку именно инструментальными ценностями молодой человек руководствуется в любой ситуации в процессе достижения той или иной цели.

На основе полученных результатов нами были проранжированы терминальные ценности современной владимирской молодежи. Иерархия имеет следующий порядок: на первом месте – воспитанность, на втором - честность, на третьем – образованность, и так далее – ответственность, широта взглядов, жизнерадостность, активность, терпимость, чуткость, исполнительность, твердая воля, рационализм, независимость, самоконтроль, смелость, эффективность в делах, высокие запросы, нетерпимость к недостаткам других (см. рис.).

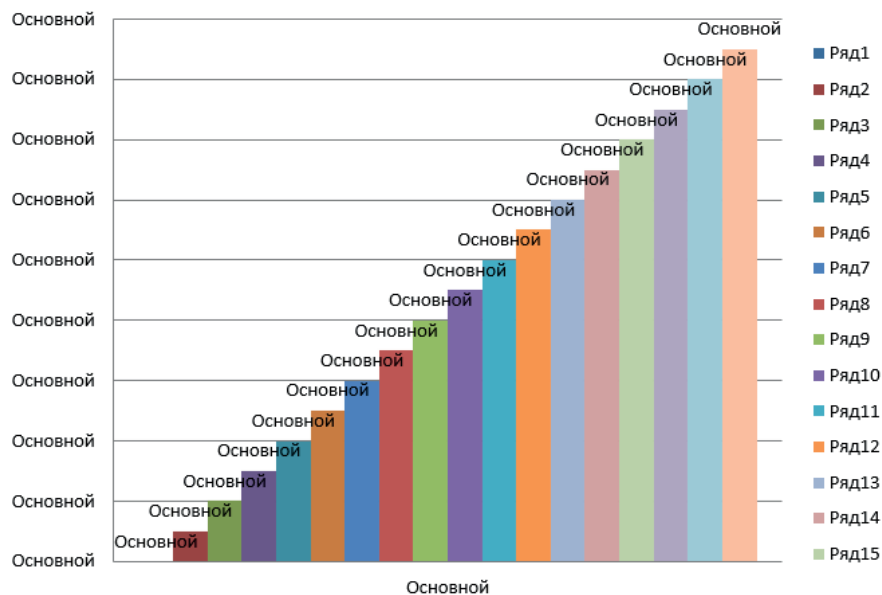

Рисунок. Иерархия терминальных ценностей молодежи Владимирского региона.

Таким образом, нами были выявлены приоритетные ценности современной молодежи. В большей степени они ценят: воспитанность, честность, образованность и ответственность.

Такие качества как честность, образованность, ответственность благоприятствуют развитию потребности быть членом общества, изменять окружение к лучшему, решать социальные и политические задачи местного и регионального уровней. Однако, низкая оценка значимости таких инструментальных ценностей как смелость, эффективность в делах и высокие запросы могут стать препятствующим фактором в формировании активной социальной, политической и гражданской позиции у современной молодежи владимирского региона.

На основе проанализированных статистических данных можно наметить перспективы развития социальной и политической активности современной молодежи Владимирского региона. Для данных целей в настоящее время существуют широко известные и эффективные способы: гражданское образование, политическое просвещение, патриотическое воспитание.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31558опн «Политическая культура студенческой молодежи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики».

Литература

1. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Под общей редакцией С.Ю. Поповой. – М.: Аквилон, 2019. 448с.
2. Селезнева А.В. Механизмы формирования гражданственности старшеклассников в процессе политической социализации // Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции по психологии с международным участием/Под общей ред. Е.В. Прониной; Владим.гос.ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир: Изд-во ТранзитИКС, 2019. С. 371-375.
3. Селезнева А.В., Дождиков А.В. Политическое сознание современной российской молодежи: политико-психологический анализ // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2.

Пустовойт Ю.А. (Новосибирск, СИУ-филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ (ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ)

Ядром нашего исследования выступают три концепта: поколение, мобилизационная повестка и политическая идентичность. Поколения выделены как группы общих условий юношеской социализации: «бумеры», дети «застоя» (период взросления 1964-1984 гг.) и миллениалы (период взросления 2000-2016 гг.). Мобилизационная повестка (наборы утверждений об актуальных проблемах и соответствующие им комплексы ценностей, целей, способов обсуждений, формальных и неформальных норм взаимодействия) как разновидность политической повестки - основы городской властной коалиции (К. Стоун). Политическая идентичность – степень преданности индивида группе, основанная на разделяемых эмоциях, ожиданиях благ и образе общего врага (Дж. Голдстоун).

Выборы в Новосибирске в Городской совет 13 сентября 2020 г. с одной стороны подтверждают высказанные нами ранее предположения о росте эффективной протестной активности в наиболее благополучных и демократичных городах Сибири (Ю. Пустовойт), с другой показывают, как вероятнее всего будет происходить смена политических поколений на широкой электоральной арене, какие альтернативные мобилизационные повестки появятся, какие каналы коммуникации будут определяющими и какие способы организации различных оппозиционных групп будут наиболее эффективными. В результате голосования «Единая Россия» провела 23 кандидатуры в Совет (из 47 выдвинутых), КПРФ – 8 (из 35), ЛДПР – 5 (из 47), «Коалиция 2020» – 4 депутата (из 31). Поддержка коалиции через проект «Умное голосование» обеспечил победу 14 кандидатам. В среднем явка была невысокой, около 20 процентов.

Рассматривая итоги выборов в разрезе поколений, отметим, что последнее советское поколение исчезает из городской политики. Из победителей 5 «бумеров» (выдвинуто всего 40), из них 4 – «ЕР», 1 – «Родина». Поколение реформ, первое российское поколение – 106 кандидатов, прошло 25 человек, из них 16 – «ЕР», 4 – ЛДПР, 2 – КПРФ, 3 – «Коалиция 2020» и ее союзники. Поколение миллениалов,

выдвинувшее сопоставимое число кандидатов (109), представлена в горсовете 20 депутатами («ЕР» – 7, КПРФ – 6, ЛДПР – 1, коалиция – 5). Таким образом, старшее поколение скорее пока удерживает свои позиции и теряет поддержку избирателей, что удивительно, так как большинство пришедших на выборы, по нашим наблюдениям, в большинстве их ровесники.

Мобилизационная повестка этих выборов представляла собой сочетание общефедеральных и местных проблем. В этих условиях «ЕР» делала акцент не столько на программные заявления, сколько подчёркивала вклад своих кандидатов как людей дела, имеющих ресурсы для помощи всем группам избирателей. Оппозиции, представленной «Коалицией 2020» и ее союзниками, удалось связать общефедеральную антиэлитарную повестку (коррупция, несправедливость и как их последствия, бедность населения) и специфические городские проблемы: транспорт, пыль и грязь. В самых худших условиях оказалась КПРФ, так как с одной стороны программные документы партии требовали оппозиционности, с другой, ответственность за состояние города ложилась уже на нее. При наличии мэра коммуниста сложно отрицать договоренности с ключевыми политическими и экономическими субъектами – политическими оппонентами. Хотя на этом фоне молодые коммунисты (миллениалы) сумели удержать свои позиции.

Содержательно тема «несправедливости» вытесняла тему «патриотизма». Все традиционные способы коммуникации с избирателями были использованы, но успех в их сочетании был скорее на стороне более молодых оппозиционных кандидатов: репрезентация в социальных сетях дополнялась встречами с избирателями, хорошей символической визуализацией и поддержкой лидеров федерального уровня. Показательна победа независимых кандидатов (как правило, более молодых по возрасту) в самых сложных округах, где долгое время избиратели традиционно отдавали свои голоса за представителей «ЕР» или КПРФ.

В рамках теории городских режимов можно отметить определенный переход от власти держателей ресурсов (концепции Ф. Хантера, Дж. Логан, Х.Молоч) к власти политиков (Р. Даль). Если до этих выборов городской совет отражал интересы преимущественно представителей строительных и дорожных компаний, разбавленных бывшими спортсменами, бюджетниками и активистами политических партий, то сейчас стала намечается тенденция к занятию ключевых позиций людьми, способными «производить» политическую идентичность – организовывать электоральное поведение на основе коммуникации, конструируя высказывания, актуализирующие сильные чувства, рациональные интересы и «образы врагов». В принципе, популизм (слово не содержит в данном случае негативной коннотации) – явление не новое, но сетевые технологии позволяют антиэлитарным лидерам как расширять свою аудиторию, так и снижать эффективность оппонентов за счет контроля и создания новых языков обращений и каналов коммуникации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31355 опп

Пушкарева Г.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ОТ НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ КОНСТРУКТУ

В последнее время актуализируется тема общественной солидарности. Это связано, с одной стороны, с новыми вызовами, с которыми столкнулись современные общества, как политико-территориальные объединения, в условиях глобализации и цифровой революции. А с другой – с процессами внутренней дифференциации, развитием локальных субкультур и ценностных размежеваний, нарастанием ощущения политической нестабильности и неопределенности.

В настоящее время сложились два основных подхода к пониманию общественной солидарности. Первый является продолжением социологической традиции, заложенной Э.Дюркгеймом, когда

солидарность рассматривается как особое социальное свойство, как социальный механизм, обеспечивающий поддержание целостности дифференцирующегося общества. Второй подход сложился под влиянием идей Л.Буржуа, когда в понятие солидарности закладывались определенные нормативные требования, ориентирующие людей на отношения взаимопомощи, взаимной поддержки, на совместные действия во имя «долга человека перед другими людьми». Если в первом случае акцент делается на объективно складывающиеся социальные отношения, выполняющие роль скреп, сдерживающих развитие разрушающей общество аномии, то во втором акцент переносится на ценностно значимые практики, в которых должны проявляться такие моральные качества, как: стремление прийти на помощь, доброта, отзывчивость, сочувствие, уважение. При всей значимости нормативной модели считаем важным рассмотрение общественной солидарности как механизма интеграции индивидов и разнородных социальных групп в единое политико-территориальное образование.

На когнитивном уровне общественная солидарность проявляется в формировании однотипных представлений, позволяющих гражданам идентифицировать «свое» общество, видеть его отличие от других, понимать особенности его исторического развития. На ценностном уровне происходит осознание общества как значимого объекта в судьбе человека, как жизненно важной среды обитания, где удовлетворятся основные потребности и реализуются индивидуальные цели. На эмоциональном уровне рождается чувственное отношение к обществу, выражающееся в сопереживании его успехам и неудачам, в доверии к его институтам, в ненависти к его врагам и вере в его особый путь развития. На мотивационном уровне в результате ценностно-эмоционального подкрепления когнитивных структур происходит формирование установок, предрасположенностей к моделям поведения, в которых потенциально возможным становится проявление готовности действовать в поддержку общества, в защиту его интересов.

Среди духовных скреп, формирующих общественную солидарность, можно выделить национальную идентичность, в которой проявляется эмоциональная связь гражданина со своей страной, межличностное и институциональное доверие, помогающее гражданам находить точки опоры в различных видах социальных и политических взаимодействий, общие ценности, формирующие совместно разделяемые представления о значимом в этом мире, о желаемых путях развития общества, толерантное отношение к представителям иной этнической группы, другой субкультуры и политических взглядов. Специфика солидарных связей состоит в том, что они далеко не всегда рефлексированы сознанием и чаще проявляются как ощущение социального комфорта, чувство общности, психологическое тяготение, переживание за судьбу отечества и т.п.

Солидарные связи являются продуктом социализации. Они возникают по мере усвоения индивидом коллективных представлений, культурных норм, ценностных воззрений, мифов, символических конструкций, элементов научного знания и обыденных суждений. Однако наряду с общественной солидарностью в пространствах этнических, социо-профессиональных, территориальных и политических субкультур формируются локальные солидарности, представляющие собой устойчивые комплексы связей, соединяющих людей на основе групповой самоидентификации, характерных для данной общности ценностей, культурных норм. Локальные солидарности генерируют серьезные риски для общественной солидарности, поскольку ориентируют людей на групповые интересы и ценности и могут оказываться более ярко выраженными в связи с тем, что возникающие в них духовные скрепы подкрепляются практикой реальных взаимодействий, более сильным социальным контролем и межличностной коммуникацией. В этой связи формирование общественной солидарности требует активной позиции государства, обладающего определенными ресурсами, позволяющими поддерживать должный уровень общественных солидарных связей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31040.

Пиштий А.М. (Краснодар, КубГУ)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЁЖИ СОЧИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ)

Изучение идентичности в соотнесении с пространством является междисциплинарной проблемой. Одним из основных теоретических конструктов этой предметной области является понятие геоконцепта, который является центром изучения гуманитарной географии и представляет собой любое значимое для определенного сообщества или индивида место, обладающее устойчивым образом¹⁶⁶. В этой связи большую роль играют возникающие в обыденном представлении образы и смыслы о пространстве.

Пространственная идентичность представляет собой динамичное явление. Она может меняться с возрастом или со сменой места жительства, поэтому определение особенностей идентичности у определенной городской группы является одной из задач нашего исследования.

Объектом нашего исследования выступают представители молодёжи города Сочи. На основе материалов визуальной репрезентации фокус-групп молодёжи Сочи, выделены две формы восприятия «своего» места. Первую группу составили эмоционально значимые места, локации, связанные с реальной жизнью человека, его жизненным пространством, жизненным опытом. Объектом идентификации выступают либо родительский дом, место нынешнего проживания, либо место значимой деятельности – работы или хобби. Особенностью молодежи Сочи является ее тесная связь с городским пространством (на 33% рисунках участников изображен город). Изображение городских символов свидетельствует о высокой степени любви и привязанности к городу.

По результатам фокус-групп можно определить значимые места городов, которые наделены определенным символическим смыслом в глазах местного сообщества. Большинство сочинцев изображают пляж Маяк и микрорайон Мацесту. Поводом для гордости участников из города Сочи является природный ландшафт. Изображение море (15 рисунков из 24), пальм (9 рисунков), гор (7 рисунков), солнце (8 рисунков) свидетельствуют о благоприятных природных условиях и санаторно-курортной инфраструктуры города («Наш Сочи красивый со своими деревьями, лесами, горами», «Идеальный закат», «У нас на берегу моря очень много пальм растет»).

Вторую группу составили локации, которые еще не составляют часть жизненного пространства человека (он там не был), являются объектом мечтаний либо в принципе являются очень общей абстракцией, по каким-то причинам привлекательной для человека («Я хочу уехать в Германию, «Бали является моей мечтой»).

Масштабность рисунков фокус-групп города Сочи колеблется от изображения конкретных мест проживания локального уровня, до государственного и глобального.

Темпоральная ориентация пространственной идентичности возрастных групп различна. Если на рисунках школьников изображены пространства, отражающие настоящее (место обучения, место нынешнего проживания) и будущее (место дальнейшей работы – больница, мэрия) время, то темпоральная направленность части рисунков студентов и работающей молодежи включает и прошлое.

Таким образом, пространственная идентичность представляет собой эмоциональную привязанность к определенному месту. Проведенное исследование позволило отразить принадлежность городской молодежи Сочи к трем типам восприятия пространства: «Дом», «Деятельность», «Мечта». Особенностью пространственной идентичности сочинцев является сильное влияние места проживания на элементы, отраженные на визуальной картине идентичности.

166. Калущков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №1. С. 27-36.

Пырма Р.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Современные технологические изменения привели к созданию цифрового пространства политических коммуникаций. Исследователи изначально расходились во мнениях относительно влияния цифровых коммуникаций на гражданское и политическое участие. Р. Патнэм пришел к заключению о происходящем со сменой поколений «увядании» институтов демократии, так как при расширении использования Интернета наблюдается девальвация социального капитала (Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. – New York: Simon & Schuster. 2000. 357 p.). Р. Далтон сделал противоположный вывод о возрождении демократического участия, видя в интернете возможности для расширения новых норм и моделей гражданской и политической активности (Dalton R.J. *The Good Citizen: How a Younger Generation Is Reshaping American Politics* // CQ Press. 2015. 240 p.). Тема приобрела острый дискуссионный характер в различных вопросах. Одни исследователи утверждали, что цифровое участие слабо отличается от традиционных гражданских и политических действий. Другие полагали, что широкое распространение информации в Интернете не меняет политические отношения, а лишь отражает и укрепляет установленный порядок. Третьи выражали сомнение в ценности политической информации в социальных медиа. Только более поздние исследования показали, что цифровое участие существенно отличается от традиционного.

В настоящее время утвердилась позиция, согласно которой коммуникации в социальных медиа являются эффективными инструментами вовлечения граждан в общественные движения и политические кампании. Цифровые интерактивные коммуникации стали вторым пространством гражданской и политической активности, опосредуя и преобразуя коллективные действия в офлайн (Bennett W., Segerberg A. *The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics*. –New York: Cambridge University Press. 2013. 256 p.). Создание цифровых инфраструктур и управление информационными потоками в социальных медиа обуславливают масштаб и интенсивность политических действий. Цифровые коммуникации радикально изменили контекст и процессы, связанные с коллективными действиями. Интернет предоставил людям альтернативную площадку для создания информационных ресурсов и генерации информационных потоков. В свою очередь мобильные технологии связи обеспечили возможность быстрого обмена информацией, оперативной координации гражданских и политических действий. Цифровая среда стала главным фактором развития гражданской активности.

Под влиянием цифровых коммуникаций формы гражданской и политической активности в современном мире претерпевают метаморфозы. Цифровые коммуникации посредством «слабых сетей» вовлекают граждан в общественную деятельность, подталкивают к участию публичной политики. Расширение гражданского и политического участия под влиянием цифровых коммуникаций проявляется в распространении индивидуализированных и творческих форм активности. Причем гражданские акции все чаще используются для решения политических задач. Распространение экспрессивных форм активности требует включения целей участников для характеристики политического участия. Репертуар политического участия в демократических обществах быстро расширяется и охватывает различные виды деятельности (Van Deth J. *A conceptual map of political participation* // Acta Politica. 2014. Vol.49. P. 349-367).

Расширение использования цифровых коммуникаций приводит к размыванию границ между офлайн- и онлайн-активностью граждан. Интеграция традиционных и новых форм активности порождает новые политические технологии сетевой организации общественных движений и коллективных действий. С одной стороны, информационно-коммуникационная инфраструктура стимулирует перенос политической активности из реального в цифровое пространство. С другой стороны, политические акторы стремятся управлять информационными потоками, генерируя и распространяя цифровой контент, для контроля над реальным пространством. Под влиянием обозначенных процессов происходит конверсия онлайн-активности сообществ в политические офлайн-действия.

Социальные медиа способствуют созданию сетевых структур для формирования коллективных целей и идентичностей, которые могут аккумулировать и концентрировать протестный потенциал для последующих уличных действий (Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. №2. С. 87). Цифровые коммуникации существенно преобразуют политические институты, процессы, нормы и практики. Расширение влияния социальных медиа имеет важные последствия для отношений между государством и гражданским обществом, а также для обеспечения устойчивого развития страны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31484.

Ракитянский Н.М. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОГМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Политические догмы, существующие в современном глобальном контексте, имеют под собой многовековые исторические, культурно-цивилизационные, философские, религиозные и психологические основания. Они детерминируют политическую деятельность, а также гносеологические установки, принципы, нормы, средства и приемы политологической практики. При этом политологическое сообщество России демонстрирует в целом прохладное отношение к этой теме. Понятия догматического мышления, политической догмы не представлены в научной и учебной литературе, не включены в концептуальный состав и категориальный строй политических наук, в том числе и политической психологии, что вызывает необходимость их разработки в политических науках.

Догматический принцип имеет прикладное методологическое значение в качестве инструмента по выявлению особенностей, механизмов, закономерностей и результатов догматически обусловленного мышления, которое непреложно подчиняется объективным законам субъективного мира. Догматическое мышление рассматривается как имманентно заданная референция политического субъекта и способ его бытия. Догмы, будучи доминантной контекстуальной системой, представляют собой основу парадигм непререкаемого политического мышления, религиозной или секулярной веры, воли, сверхсознания и подсознания. Догмы являются фактором социализации, интеграции и ментализации, формируют унифицированные идеологемы и системы ценностей, устойчивые модели мира и стереотипные политические представления в сознании правящих элит и политических масс. Догматы как утвержденность вечных истин, противостоящих всякому вещественному, временному и историческому протеканию явлений составляют основу всех монотеистических менталитетов.

Политическая субъектность государств, союзов и блоков опирается на глубинные догматические основания, которые складывались в течение длительного исторического времени под влиянием монотеистических религиозных систем. В современном глобальном пространстве при всем многообразии государств действует весьма ограниченное количество ментально единых политических субъектов, представленных как отдельными государствами, так и блоками стран, которые образуют субъектный полюс глобальных политических миров. Так, восточное христианство и западное христианство в лице католичества и протестантизма, а также основных направлений последнего, как монотеистические системы определяют типы политической субъектности доминантных политических миров. Внутри каждого из этих миров относительно автономно в течение тысячелетий существует первый в истории человечества субъектный мир иудаизма. При этом в ряду монотеистических менталитетов исламский политический менталитет субъектным не является. Важно также заметить, что в государствах Запада в последние десятилетия набирает силу тенденция антропоцентрической, либерально-догматической секулярной активности, которая исторически произрастает из протестантизма.

На другом полюсе глобального мира находятся адогматические миры Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Южной Азии и значительной части Африканского континента, которые в течение тысячелетий формировались на основе автохтонных политеистических верований, преданий и обычаев. Их политическая деятельность зиждется на древних языческих национальных традициях и определяется адаптивно-подражательным модусом политического мышления и поведения в силу чего эти культурно-цивилизационные образования представляют собой бессубъектные политические миры.

Догмы обладают интегративным свойством, являются фактором социализации и ментализации, формируют устойчивые модели мира и стереотипные представления в сознании политических масс. Преодоление догматической генерализации сознания и возможность перехода политических субъектов к инновационному, проектному мышлению осуществляется посредством рефлексии как надситуативного, метасистемного уровня организации деятельности. В психологических исследованиях глобальных политических миров методологический потенциал и эвристический ресурс концепта догмы / догмата позволяет осуществлять исследования глубинных основ как национальных менталитетов, так и менталитетов культурно-цивилизационных систем.

Современная политика, как и прежде, осуществляется в контексте тысячелетней религиозно-догматической, а также секулярно-догматической практики и является их следствием и результатом.

Догматический принцип, кроме своего непосредственного значения, имеет более широкий, собственно методологический смысл – он предполагает изучение закономерностей и механизмов догматического мышления. Догматическое мышление непреложно подчиняется объективным законам субъективного мира, которые еще ждут своих исследователей.

Рандах Мадинге (Москва, РУДН)

НЕОДНОРОДНОСТЬ СОЦИУМА КАК ФАКТОР РОСТА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Рассматривая страны центральноафриканского региона как партисипантов единого пространства в рамках франкофонии, возникают проблемы коммуникационного характера.

Специфика центральноафриканского региона заключается в столкновении непаритетных, не идентичных с точки зрения политической культуры, представителей дифферентных этнических групп, чьи поведенческие особенности не позволяют действовать в рамках гомогенного социума. Необходимость сосуществования такого множества представителей различных групп связана с вынужденным коммуникационным аспектом, который лоббируют как представители центральноафриканских элит, так и представители бывшей, а иногда и действующей французской метрополии. Таким образом, члены франкофонии вынуждены идти на диалог, имея различия лингвистического, религиозного и идеологического порядка, однако обязанность диалога не гарантирует отсутствие возникающих конфликтов¹⁶⁷. Важно отметить, что ситуацию усугубляет наличие гражданских масс внутри стран - членов франкофонии не владеющих французским языком, что усложняет и без того натянутые переговоры экономического, гуманитарного или военного сотрудничества. Если принимать во внимание, что для разных религиозных групп, осуществление коммуникации между секулярным и религиозным возможны лишь при наличии общего лингвистического фона. Невозможность бытового контакта между гражданами ввиду отсутствия единой языковой нормы увеличивает риск сепаратизма внутри стран центральноафриканского региона.

Иллюстрацией негативных сепаратистских внутрисистемных процессов может служить ситуация в республике Камерун. Движение Анбазони¹⁶⁸, представители англоязычных граждан, находящиеся на юге страны не удовлетворены своим положением как в стране, так и отсутствием внятной репрезентации на уровне центральноафриканских отношений.

167. Fafore, O. (2016). The African Union and Peace and Security in Central Africa. *Journal of African Union Studies*, 5(2/3), 51-66. doi:10.2307/26893814

168. Mouiche, I. (1996). Mutations Socio-Politiques et Replis Identitaires en Afrique: Le Cas Du Cameroun. *African Journal of Political Science / Revue Africaine De Science Politique*, 1(2), 176-201.

Дополнительным фактором дестабилизации центральноафриканских отношений становится невозможность диалога между представителями радикализированных исламистских объединений и светскими властями государств.

Усугубляют ситуацию с коммуникацией отсутствие разделения властей внутри стран партисипантов, сращивание судебных и законодательных институтов.

В качестве способов поиска решения возникающих конфликтных ситуаций, видится:

- Консенсусный подход в урегулировании племенных конфликтов, исключение трайбалистического воздействия или доминанции одной группы над другой
- Популяризация секулярного мировоззрения, светского образа жизни
- Разделение власти между этническими группами, децентрализация органов местного самоуправления. Рассмотрение опыта разрешения этнического противостояния на примере опыта Руанды периода постгеноцида .

Расторгуев С.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА БИЗНЕСА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На первом этапе целесообразно проанализировать распределение депутатских мандатов между носителями разных типов капитала: профессиональными политиками, бизнесменами и представителями социальной сферы (Расторгуев С.В. Партнерство и соперничество во власти и в бизнесе в современной России, М.: РОССПЭН, 2014. С. 63). На основе полученных данных делаются следующие классификации и обобщения: определяются регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по представительству трех типов капитала, определяется среднее значение по выборке регионов и дается объяснение отклонений в большую и меньшую сторону, выявляется динамика изменений представительства носителей разных типов капитала в выбранный интервал времени.

Анализ представительства бизнеса в законодательных органах с позиций отраслевой классификации позволяет исследовать активность и влияние бизнесменов разных отраслей, их способность объединяться для лоббирования общих интересов. Также прослеживается значимость тех или иных отраслей для избирателей, которые одновременно являются работниками компаний и потребителями товаров/услуг фирм. Анализ возможен как на основе подробной классификации отраслей, так и на основе объединения компаний в кластеры. На основе полученных данных можно сделать следующие выводы: выявляются доминирующие региональные кластеры, представленные в парламентах различных регионов; прослеживается динамика изменений кластерного представительства в парламентах разных созывов.

По масштабам деятельности депутатские бизнесы целесообразно классифицировать на региональные, национальные, транснациональные в зависимости от территориальной локализации клиентов, финансовых показателей, места в цепочке создания стоимости и системе разделения труда. Это позволяет выявить динамику представительства в региональных парламентах разных созывов национальных, региональных, транснациональных корпораций, провести межрегиональное сравнение представительства указанных категорий фирм.

Расчет количества фирм в собственности и под управлением депутатов региональных парламентов, величина их активов и прибылей позволяет проанализировать представительство крупного и среднего бизнеса в разных регионах. Сравняется рентабельность компаний депутата со среднероссийскими показателями рентабельности активов и операций. Устанавливается процент компаний, который имеет лучшие/худшие показатели по сравнению с показателями других регионов. На основе полученных

данных выявляется эффективность фирм, связанных с депутатами региональных парламентов, по сравнению со среднероссийским уровнем; наличие убыточных фирм или фирм с минимальной рентабельностью. Проводится межрегиональное сравнение средних показателей эффективности бизнесов депутатов.

Для анализа исполнительной власти региона необходимо изучить на основе информации системы «СПАРК» наличие руководящего опыта в компаниях и доли владения фирмами представителей областных администраций во главе с губернатором. Также целесообразно определить каналы социальной мобильности ведущих персон регионального правительства. На основе полученных данных определяются регионы, где губернаторы имели опыт управления (владения) бизнесом, производится сравнение регионов по количеству членов правительства с опытом управления (владения) фирмами. Определяются доминирующие каналы социальной мобильности губернаторов и членов региональных правительств, кластерное представительство бизнеса в исполнительных органах власти.

Расходчиков А.Н. (Москва, Фонд «Московский центр урбанистики «Город»)

ГОРОДСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ С ГОРОДСКИМИ СООБЩЕСТВАМИ

Занимая все более значимое место в мировой экономике и международной политике города между тем остаются средой наполненной всевозможными конфликтами. Разные, порой противоположные интересы различных групп и сообществ делают городскую среду конфликтной по определению. По меткому замечанию Ги Дебора, «автомобильный спектакль требует для себя идеального дорожного движения, уничтожающего старые города, тогда как зрелище самого города нуждается в кварталах-музеех». Эта перманентная конфликтность городской среды не всегда оборачивается лишь недовольством отдельных сообществ или социальных групп, перепалками в социальных сетях и ростом уровня социального напряжения. К сожалению, в последние годы участились случаи, когда городские конфликты сопровождаются случаями насилия, перетекают в силовые противостояния и вооруженные столкновения. Университет Организации Объединенных Наций в своих исследованиях обращает внимание на то, что современные конфликты, уносящие до полумиллиона жизней людей ежегодно, происходят не в ходе войн или террористических актов, а в результате негосударственных локальных конфликтов и насилия в городах. Авторы доклада ставят под сомнение достижение целей устойчивого развития по снижению числа всех форм насилия в мире при отсутствии прогресса в урегулировании местных конфликтов.

Наиболее значимыми методами предотвращения или урегулирования конфликтных ситуаций выступают различные формы дипломатии, посредничества и взаимодействия с городскими сообществами. Хотя в большинстве случаев понятие «дипломатия» определяется как часть внешнеполитической деятельности государств, в данной работе мы исходим из более общего понимания термина как мирного способа разрешения противоречий. Утверждение в научном дискурсе таких понятий как «общественная дипломатия», «народная дипломатия», «дипломатия городов» указывают на возможность более широкого понимания данного понятия. Наиболее лаконично суть которого выразил Генри Киссинджер определением «Дипломатия есть искусство обузывать силу».

До сих пор исследованию форм и методов осуществления дипломатии в системе городского управления уделялось очень мало внимания, как в научной литературе, так и в практической деятельности органов власти городов. В тоже время такие фундаментальные научные концепции как сочетание субъект-объектных и субъект-субъектных методов в управлении Александра Тихонова и методика прогнозного социального проектирования Тамары Дридзе подразумевают организацию взаимодействия и формирование переговорных площадок. В концепции управления Тихонова участие заинтересованных групп населения и процессе согласования интересов являются ключевыми факторами реализации любых городских программ и проектов. В эокантропоцентрической парадигме Дридзе инициативные

группы жителей выступают как основная движущая сила поступательного развития городских пространств. Схожего мнения придерживался и Лев Коган, утверждая, что ключ к управлению городом - во взаимодействии с городскими сообществами.

Однако эти общетеоретические выводы пока не получили необходимого инструментального обеспечения в виде практически значимых методов и практик организации взаимодействия и урегулирования конфликтов в городской среде. По мнению А. Веннманна, действенными способами урегулирования городских конфликтов выступают взаимодействие с лидерами мнений и использование общественных пространств – нейтральных территорий где могут вестись переговоры. В своих предыдущих работах я обращал внимание на возможности использования диагностических социологических исследований, мониторинга активностей групп в социальных онлайн сетях и создания диалоговых интернет площадок для предотвращения и урегулирования градостроительных конфликтов.

Городская дипломатия, как способ урегулирования противоречий в многоакторной социальной среде городов является важной составляющей городского управления. Основные элементы системы городской дипломатии могут включать методы информационного и социологического мониторинга социальной напряженности, механизмы социального участия и вовлечения лидеров общественного мнения, общественные пространства и интерактивные способы взаимодействия городских сообществ.

Рахманов С.П. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

УСТАНОВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПОСТКАРАНТИННЫЙ ПЕРИОД

События 2020 года, связанные с пандемией, стали неожиданными для большинства стран, а в экономическом плане обернулись для национальных правительств новым кризисом, во многом превосходящим экономический спад 2008-2009 годов (МВФ предсказал наихудший спад мирового ВВП после Великой депрессии// РБК – URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/04/2020/5e95b6fa9a794742620aeabc>).

В российской Федерации ситуация осложняется еще и тем, что отсутствует эффективное взаимодействие между бизнес-сообществом, организациями гражданского общества и государством, обладающим монополией на применение силы и выполняющим функцию распределения ресурсов. Слабая коммуникация выражается главным образом в объективном недоверии органам государственной власти со стороны граждан (Динамика основных страхов// Левада-Центр – URL: <https://www.levada.ru/2020/04/09/dinamika-osnovnyh-strahov/>), а также их взаимному недоверию (Россияне перестали доверять даже близким родственникам// Российская газета – URL: <https://rg.ru/2019/08/09/rossiiane-perestali-doveriat-dazhe-blizkim-rodstvennikam.html>). Социальная атомизация и экономический кризис в посткарантинный период, несомненно, потребуют поиска новых ресурсов как государством, так и гражданским обществом, в связи с чем необходимо усиливать горизонтальные, гражданские связи социума, способствующие укреплению доверия при социальном взаимодействии, поиску консенсуса при принятии управленческих решений и, как следствие, обеспечению экономического роста.

По-нашему мнению, предпринимательская деятельность является основой для стимулирования и повышения темпов экономического развития, при этом бизнес имеет сеть взаимодействий как с государственными институтами, так и с потребителями собственных коммерческих услуг и продукции, то есть гражданами и/или их группами. Важно подчеркнуть, что бизнес-структуры имеют эффективный инструмент коммуникации не только в плане продвижения своих интересов в органах гос. власти, но и в плане создания доверия со стороны граждан – Government relations или связи с органами государственной власти. GR подразумевает создание и развитие устойчивых, долговременных и лояльных отношений компании с органами государственной власти для успешного развития ее деятельности.

Главное отличие и эффективность связей с органами государственной власти от смежных, научных и прикладных направлений заключается в стратегическом пути развития организации, то есть, на наш взгляд, в использовании и применении на практике концепции стейкхолдеров, корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития.

В условиях социального напряжения, экономического дисбаланса перед органами государственной власти неизбежно будет возникать вопрос об оптимизации расходов и поиске дополнительных источников финансирования, прежде всего путем введения новых налогов, что является тяжелым бременем для всех сфер российского общества. Поиск и внедрение лучших практик GR-менеджмента в структурах российского бизнеса поспособствует решению проблем национальной экономики в условиях нового кризиса.

Римский В.Л. (Москва, МПСУ)

ПУБЛИЧНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ В РОССИИ

В исследованиях справедливости, осуществляемых с 2013 года, установлено, что критерии справедливости, используемые российскими гражданами для оценивания социального поведения и социальных практик, существенно различаются в зависимости от ситуаций и от социокультурных особенностей различных социальных групп.

В исследованиях 2019 и 2020 годов эти закономерности подтверждены, выявлены и описаны некоторые их последствия для социальных практик и политического процесса. Методология этих исследований основывалась на типах обоснований справедливости в соответствии с её мирами, предложенными Болтански и Тевено. А способы и методы обоснований справедливости типологизировались в соответствии с режимами вовлечённости Тевено. Конкретными методиками исследований были настольные исследования, фокус-группы, полужформализованные интервью, а также анкетные опросы граждан.

Граждане хорошо понимают, что невозможна справедливость, общая для разных ситуаций и для разных социальных групп. Но большинству граждан представляется совершенно необходимым обеспечение справедливости для себя самих и своих семей, а также в российском обществе и государстве в целом. Исследования показывают при этом, что российские граждане редко оказываются способными обеспечивать справедливость для себя и своих семей, ещё реже они имеют возможности влиять на обеспечение справедливости в обществе и в государстве.

По этим причинам большинство российских граждан отмечают доминирование несправедливости в своей жизни, в обществе и государстве. Убедить граждан в возможностях достижения справедливости могли бы публичные обсуждения справедливости для конкретных ситуаций, проблем и конфликтов. Для этого в публичных обсуждениях по ним гражданам необходимо договариваться об общих критериях справедливости с представителями разных социальных групп и органов власти. Но им тогда приходится искать общие составляющие в своих и чужих позициях по справедливости, что российские граждане не умеют и потому не хотят делать. Поэтому при осуществляемых публичных обсуждениях общественно значимых проблем и конфликтов аспекты справедливости либо вообще не учитываются, либо не приводят к согласиям по критериям справедливости. Как правило, предлагаемые по результатам публичных обсуждений справедливости решения проблем и конфликтов являются компромиссами, в которых их участники вынуждены соглашаться на ущемления своих прав и интересов, на необходимость терпеть определённую несправедливость в отношении себя. А такие вынужденные согласия при ощущениях несправедливости компромиссных решений приводят впоследствии к обострениям проблем и конфликтов, потому что желания справедливости их решений оказываются сильнее рационально понимаемых необходимостей отказа от неё для достижений компромиссов.

Критерии справедливости разных социальных групп не совпадают по причинам различий их положений в обществе, экономике и государстве, их интересов, ценностей, практик социализации, воспитания, образования и многих других факторов. Поэтому рациональные обоснования справедливости в

разных ситуациях у разных социальных групп разные, трудно согласуемые. Но в российском обществе есть и консолидирующие факторы, из которых для достижения согласий по справедливости важны, в первую очередь, некоторые ценности и представления об общих благах, которые могли бы приводить к согласиям, к консенсусам по справедливости в тех или иных ситуациях и конфликтах. Для достижений согласий по таким ценностям и общим благам участникам публичных обсуждений проблем необходимо искать общие для всех составляющие в позициях по справедливости, что российские граждане не умеют делать и потому не хотят. А ведь иначе в публичных обсуждениях при различиях критериев справедливости приходиться к общим её критериям просто невозможно.

В результате российские граждане в большинстве своём сомневаются в существовании ценностей и общих благ, позволяющих в публичных обсуждениях приходиться не к компромиссам, а к консенсусам по справедливым решениям проблем. Поэтому при обсуждениях общественно значимых проблем аспекты справедливости либо вообще не обсуждаются, либо приводят к компромиссам, а не к согласиям по критериям справедливости. И сами российские граждане сравнительно редко пытаются найти и осуществить договорённости по справедливым решениям проблем и конфликтов. Последствием таких социальных практик является постоянное получение гражданами подтверждений несправедливости общества и государства. И одновременно российские граждане ждут именно от государства обеспечения справедливости, ведь в договорённостях с другими субъектами добиться её у них не получается почти никогда.

Исследование выполнено в рамках исследовательских проектов № 19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства» и № 20-011-31240 «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества» при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

Рогач Н.Н. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Проблема политического восприятия является одной из магистральных в отечественной и зарубежной политической психологии: уже более 30 лет научный коллектив кафедры социологии и психологии политики МГУ имени М.В. Ломоносова проводит исследования образов разных политических объектов – власти, лидеров, политических институтов в сознании граждан¹⁶⁹. Однако есть такие аспекты данной темы, которые не получили научного обоснования и осмысления в теории и практике политического восприятия. К ним относится, в частности, проблема изучения нормативных представлений и идеальных образов и их влияния на восприятие реальных политических институтов и лидеров.

С конца 2019 – начала 2020 года сотрудники кафедры социологии и психологии политики проводит политико-психологическое исследование нормативных представлений российских граждан об идеальной власти, политических лидерах и институтах¹⁷⁰. Одним из объектов исследования является образ идеального депутата Государственной Думы. Основными задачами данного исследования являются: выявление структурно-содержательных характеристик образа (личностных и функционально-ролевых), места в нем представлений граждан о направлениях профессиональной деятельности парламентария, изучение взаимовлияния образа идеального депутата и представлений о реальных политиках.

Для решения поставленных задач было проведено исследование образа идеального депутата Государственной Думы в массовом сознании российских граждан. Исследование носило качественный характер и не было репрезентативным для России в целом. Выборка была сбалансирована по параметрам пола, возраста и образования. Общее число опрошенных: 350 человек. В исследовании использовались методы глубинного интервью, семантического дифференциала и метод неоконченных предложений.

169. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018). Отв. Редактор Е.Б. Шестопап. 2019. М.: Весь Мир. 656 с.
170. Шестопап Е.Б., Рогач Н.Н. Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 166-180.

Обработка количественных данных проводилась с помощью пакета программного обеспечения для анализа статистических данных IBM SPSS Statistics и MS Excel.

Образ идеального депутата рассматривался в двух проекциях: позитивной и негативной. Желательные и неприемлемые характеристики образа были сгруппированы в два кластера: личностный, включающий в себя морально-нравственные характеристики, психологические качества и особенности внешности парламентария, и функционально-ролевые характеристики (политические, профессиональные и деловые качества).

Результаты исследования показали, что образ идеального депутата и образ его «антипода» дополняют друг друга, несмотря на разницу в значимости категорий качеств в обоих образах. Так, описывая идеального депутата, респонденты чаще говорили о профессиональных характеристиках, тогда как моральные и психологические качества оказались на втором месте по значимости. Среди неприемлемых качеств, напротив, большую роль играют именно личностные качества парламентария – его морально-нравственный облик и качества характера. Внешние характеристики идеального депутата фактически не представляют интереса для граждан. Тем не менее, сумма трех категорий личностных качеств (моральные, психологические, внешние) превосходит по значимости функционально-ролевые характеристики и в позитивных, и в негативных представлениях, что свидетельствует о принципиальной важности «человеческого облика» депутата.

Проведенное исследование позволило нам сделать вывод о том, что одним из главных источников представлений об идеальном депутате Государственной Думы являются сведения о реальных депутатах. Профессиональные и личностные характеристики образа, как положительные, так и отрицательные, формируются под влиянием восприятия действующих политиков. Реальные представители нижней палаты парламента обладают низкой узнаваемостью, а их функционал и направления деятельности в представлениях граждан размыты и, в большинстве своем, описываются с помощью абстрактных конструкций. Собираемый образ типичного российского депутата отличается яркой негативной окраской, которая, в свою очередь, проецируется на образ идеального народного избранника.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31369 «Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти, политических институтах и лидерах».

Рогожина К.А. (Москва, МГИМО МИД России)

КЛАНОВЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КЫРГЫЗСТАНА

После обретения Кыргызстаном независимости широкое распространение получили процессы ретрадиционализации общественно-политических отношений. Одной из основополагающих проблем стало резкое возрастание влияния в общественно – политической сфере фактора этнонациональной и субэтнической принадлежности, основанного на усилении традиционных трайбалистских, региональных и клановых размежеваний. Основанные на них партон-клиентные отношения стали доминирующим механизмом рекрутирования политической элиты. Ярким свидетельством этого служит третья за последние пятнадцать лет революция, начавшаяся после оглашения результатов выборов 4 октября 2020 г.

В политической жизни Кыргызстана формирование патрон-клиентных связей определяется сложной системой традиционных и неотрадиционных отношений, которые включают несколько уровней. На общенациональном уровне это имеющий давнюю историю конфликт между северо-кыргызской (Чуйская, Таласская, Иссык-Кульская и Нарынская области) и южно - кыргызской субэтническими общностями (Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области). На севере располагается и Бишкек. На субнациональном уровне кыргызы причисляют себя к одной из трех клановых групп, называемых “крыльями”. Правое крыло - “онг”; левое крыло - “сол”; а также группа Ичкилик, не принадлежащая ни одному из “крыльев”. Каждое крыло объединяет несколько племен: на севере четырнадцать племен

и восемь племен на юге страны. Северяне южане собирательно называют аркалыками. К правому крылу «онг» принадлежит всего один клан – Адыган, имеющий корни в южном Кыргызстане. Представители южных регионов делятся на две группы с самоназванием Ичкилик и Отуз уул.

Размежевание между Севером и Югом Кыргызстана имеет как чисто географический, так и социально-структурный аспект. В то время как северяне располагали сильной племенной организацией, основным институтом южан были и остаются семейно - родовые группы. В советское время северные регионы были более модернизированы. Юг представлял преимущественно аграрные районы, исторически находившиеся в сфере влияния узбекской культуры, где ислам сохранил более прочные позиции¹⁷¹. Из северного клана бугу вышли первые руководители Кыргызской республики в период становления советской власти. После сталинских чисток 1930-х годов влияние бугу ослабло, и доминирующие позиции занял другой северный клан – сарыбагыш. Начиная с 1950 г. выходцы с юга и севера сменяли друг друга во главе республики. В 1990 г. президентом был избран Аскар Акаев, уроженец северного Кеминского района, принадлежащий к сарыбагышскому клану. О режиме А. Акаева стало принято говорить: «Раньше мы строили коммунизм, теперь мы строим кемизм».

«Революция тюльпанов» в 2005 г. привела к власти южной крыло политической элиты во главе с Курманбеком Бакиевым. Тогда же начался процесс «возвеличивания» бывшего Первого секретаря ЦК КП киргизской ССР в 1985-1991гг., уроженца южной Ошской области А. Масалиева. В результате переворота 2010г., когда президент и члены его многочисленной семьи вынуждены были покинуть страну, Кыргызстан после выборов 2011г. снова возглавил северянин Алмазбек Атамбаев. Он не только провел конституционную реформу, в результате которой были ограничены полномочия президента, но стал первым и пока последним президентом страны, который добровольно и бескровно покинул свой пост.

На президентских выборах, состоявшихся в 2017г., победил уроженец южной Ошской области Сооронбай Жээнбеков. Следствием этого стал разгром группы А. Атамбаева и последовавший за этим его арест в августе 2019г. Этому не помешало и то, что С. Жээнбеков был ставленником самого А. Атамбаева. Однако став президентом, С. Жээнбеков предпринял попытки монополизировать власть. Это служит ярким примером соседства традиционалистских клановых структур с инструментальными формами клиентарных связей на основе взаимной выгоды, патронажа и лояльности, которые могут меняться.

На выборах 4 октября 2020г. победу одержали партии, представлявшие южные кланы, что вызвало недовольство представителей северных регионов страны и спровоцировало начало третьей революции. Утвержденный спустя несколько дней в должности премьер-министра С. Жапаров является уроженцем северо-восточной Иссык-кульской области. Вместе тем, он немедленно санкционировал повторный арест А. Атамбаева, также представляющего северную элиту. Эта акция служит еще одним ярким подтверждением двойственного характера существующих клиентелистских связей, гипертрофия которых определяет недемократический и рентный характер общественно - политического устройства Кыргызстана.

Рожнева С.С. (Петрозаводск, ПетрГУ)

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ЭПОХУ КРИЗИСОВ

2020 год напомнил миру об угрозах, с которыми сталкивается человечество. На сегодняшний день дискуссии «COVID-19», «пандемия» известны всем. Подобного рода кризисы показывают, насколько велика их сила воздействия на массовое сознание. В корне они способны поменять сложившийся образ жизни и мыслей людей, влияют, как на ценностные, так и мотивационные установки каждого человека. Такие кризисы глубоко укореняются в памяти людей и занимают свою нишу в коммуникативном

171. Рогожина К.А. Субэтнические размежевания как основной фактор формирования политических элит стран центральноазиатского региона // Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира: Материалы III Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 2019. Издательство: ЮРИУФ РАНХиГС (Ростов-на-Дону). Стр. 362-374. С. 368.

комплексе общественных практик. Все это способствует тому, что кризис мотивирует власть на проведение такой политики, которая направлена на его разрешение и минимизацию негативных последствий. Немаловажным в данном контексте становятся и вопросы структурирования исторической памяти, той роли, которую она играет в политической системе.

Следует отметить, что политика памяти органично вписывается в политическую систему, отчего она подчиняется тем же законам и импульсам воздействия, которые влияют на функционирование политической системы, следуя классическому пониманию Д. Истона ее сущности (Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : В 5т. – Т.2. Зарубежная политическая мысль, 20 в. – М.: Мысль, 1997. – С. 592-610). Историческая память органично вплетается во все компоненты системы и может идентифицироваться как самостоятельное институциональное образование со своими ролями и функциями; как мощнейший коммуникативный комплекс, выполняющий роль передачи информации от поколения к поколению; как нормативный компонент со свойственными ему правилами поведения; как культурно-идеологическая составляющая с характерными для нее чертами.

Память динамична, подвергается воздействию, как внутренних, так и внешних факторов, оказывающих влияние на ее трансформацию. С нашей точки зрения, все детерминанты тесно взаимосвязаны. При этом зачастую сложно отделить один фактор от другого, четко отнести к обстоятельствам внутреннего или внешнего воздействия на проводимую политику памяти в стране. В связи с этим, условно, к внешним детерминантам была отнесена международная обстановка, которая складывается на данный момент в мире. Причем этот фактор обширен, поскольку он включает в себя такие политические кризисы, как войны, конфликты, напряженность в отношениях между странами, а также вопросы сотрудничества и дружбы между государствами.

Нельзя не упомянуть и новую, актуализированную внешнюю детерминанту 2020 года, как пандемия коронавируса. Конечно, пока сложно судить о силе ее воздействия на массовое сознание, и как долго она будет сохраняться в памяти людей, но ныне живущие поколения, безусловно, об этом будут помнить. Скорее всего, в будущем появятся исследования, в которых будет проведен анализ, как, допустим, происходила модификация исторической памяти о Второй мировой войне (в России, в том числе, о Великой Отечественной войне в юбилейный год празднования Великой Победы) с точки зрения памятных мероприятий в условиях пандемии.

Наряду с этим, еще одной из важнейших детерминант трансформации политики памяти является имидж главы государства, который выступает весомым фактором интерпретации исторической памяти, влияющим на общественное сознание граждан. Важно отметить, что в период кризисов происходит актуализация политики памяти, проводимой преимущественно властными структурами, в целом, и главой государства, в частности. Причем данный фактор можно отнести, как к внешнему (и здесь мы будем вести речь о восприятии политики лидера государства со стороны других стран), так и к внутреннему, когда говорим о поддержке проводимой главой государства политики со стороны граждан, о легитимности принимаемых решений, в том числе, и в контексте политики памяти.

С нашей точки зрения, внутренними факторами трансформации политики памяти становятся детерминанты сугубо внутр поколенческого характера, среди которых можно выделить демографические и культурно-ценностные аспекты. В первом случае, речь следует вести о появлении нового поколения, об естественном уходе из жизни прежнего поколения, являющегося носителем определенной исторической памяти. Поскольку в каждом государстве имеются свои интегрирующие ценности, сплачивающие нацию, постольку важным в проведении политики памяти становится та связь и те взаимоотношения, в которые вступают представители разных поколений. Так, например, в нашей стране подобной великой памятной датой, обеспечивающей преемственность поколений, становится память об отечественной войне, проявляющейся в различных мероприятиях.

Таким образом, факторы трансформации политики памяти в эпоху кризисов можно условно разделить на внешние и внутренние. Сам характер кризисов определяет актуализацию внимания со стороны власти к их разрешению или адаптации, что неминуемо отражается и сохраняется в памяти населения страны.

Розина В.А. (Москва, МГОУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

Активная роль медиа в политике позволяет выделить отдельную категорию медиафакторов – независимых тенденций, самостоятельно возникающих на рынке СМИ, но при этом обладающих влиянием на политическую жизнь. Чаще всего они появляются в тех областях, где пресса отходит от своих привычных ролей (информационно-коммуникативной, регулирующей, духовно-идеологической). По нашим данным, к медиафакторам можно отнести коммерциализацию (стремление медиа к извлечению материальной прибыли из своей деятельности), популяризацию (смещение акцента с серьезной повестки на упрощенный по форме и содержанию контент), госрегулирование (переход СМИ под начало госорганов), интернетизацию (активное внедрение Интернет-технологий), конвергенцию (слияние различных типов передачи информации) и ряд других.

Медиафакторы обладают постоянным влиянием на политическую жизнь за счет того, что СМИ служат площадкой для общения управляющей и управляемой сторон политического рынка. Медиа могут как оказывать воздействие на этот диалог, так и менять вектор коммуникации.

Медиафактор госуправления приводит к возрастанию зависимости СМИ от органов власти (особенно региональных). В этом случае, освещение идет по одному направлению – положительный пиар заказчика, который приводит к тому, что электорат начинает воспринимать политиков как своего рода рекламные объекты, и ждет от них демонстрации определенных потребительских свойств.

Благодаря популяризации и коммерциализации имидж политиков становится более «рыночным» – т. е. удовлетворяющим интересам большинства избирателей. Эти же медиафакторы приводят к тому, что политический процесс все чаще проявляется и выглядит как шоу. Пытаясь привлечь как можно больше читателей, СМИ приносят на политическое поле законы кинематографа и шоу-бизнеса (Крауч, 2010). К слову, отечественный пример показывает, что это характерно не только для условий постдемократии, но и служит возможным примером начального появления ее тенденций.

Интернетизация и конвергенция приводят к развитию «гражданской журналистики»: благодаря постоянно расширяющемуся медиаполю в него начинают попадать новые люди, формироваться современные жанры – например, блоги. В сфере политической журналистики это сдвигает вектор общественного восприятия с позиций официальной идеологии в сторону субъективизма.

В настоящее время рынок СМИ в РФ находится в тяжелом положении из-за ряда факторов – падение читательского спроса, невысокие объемы господдержки, активная интернетизация и цифровизация (и, как следствие, размытие лояльной целевой аудитории за счет различных медиаформ). Все эти вызовы СМИ встречают в условиях самокупаемости, т. е. фактически во многих случаях это означает борьбу за выживание и удержание позиций.

Из-за пандемии коронавируса отрицательные тенденции на рынке СМИ только усилились. По данным отраслевого доклада ФА по печати и массовым коммуникациям за 2020 год, за несколько месяцев резкое ухудшение ситуации в экономике, вызванное карантином, привело к дальнейшему сокращению как доходной части всех предприятий печатной индустрии, так и числа существующих СМИ. Ожидаемые потери издателей печатных СМИ уже оцениваются в 40–45 %, но к концу года при негативном сценарии развития ситуации они могут достичь 60% или 35–40 млрд рублей.

В создавшейся ситуации СМИ постоянно вынуждены искать источники финансирования, а сокращение доли печатных СМИ приводит к переходу части медиа в онлайн. Это позволяет констатировать усиление всех вышеперечисленных медиафакторов, главным образом – коммерциализации и интернетизации. Соответственно, в сфере политических коммуникаций можно прогнозировать усиление

«рыночных» тенденций, а также доли субъективной составляющей, которая в свою очередь приведет к радикализации настроений. Стимуляция электорального прагматизма, в свою очередь, усиливает тренд политического консьюмеризма, который уже активно развивается на российском политическом поле в течение последних лет и оказывает существенное влияние как на характер политической коммуникации, так и на общественный выбор (Пшизова, 2009, с. 100–117).

Литература:

1. Крауч К. Постдемократия. – М.: Изд. дом Гос. ун-та–Высшей школы экономики, 2010. – 92 с.
2. Пшизова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. – 2009. – № 1. – С.100–117.

Руденкин Д.В. (Екатеринбург, УрФУ)

СТЕРЕОТИПЫ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ И ИХ УЧАСТНИКАХ

Основная задача настоящей работы – разобраться в тех содержательных представлениях о протестных акциях и мотивах их участников, которые в настоящее время могут быть свойственны российской городской молодежи. Идея о том, что городская молодежь является одним из наиболее протестных по своему настрою сегментов общества, стала популярной в России после ряда акций протеста, которые состоялись в ряде российских городов в 2017-2019 гг. И хотя молодежь не была единственной социальной базой ни одной из данных акций, легкость ее вовлечения во многие из них стала важной тенденцией, на которую обратило внимание и общество, и академическая наука (Петухов, 2020, с. 119-138). Собственно, после серии этих акций городская молодежь стала часто описываться как один из тех сегментов российского общества, которые демонстрируют лояльность к протестному движению и подпитывают его существование. И анализ научной литературы показывает, что подобная точка зрения не только нашла отражение на уровне общественного мнения, но и нередко встречается в трудах профессиональных политологов (Волков, 2020, с. 122-130) и исследователей молодежи (Лубский, Вагина, Мамина, 2019, с. 171-187).

Но верно ли такое представление о российской городской молодежи? Действительно ли она превратилась в один из главных драйверов развития протестного движения в современной России? Какое вообще ее отношение к протестным акциям и тем, кто в них участвует? Ниже мы обратимся к данным собственного социологического исследования, одной из задач которого была попытка разобраться в этих запутанных вопросах.

Исследование, о котором мы говорим, было выполнено весной 2020 г. на базе Уральского федерального университета в г. Екатеринбурге. Формой проведения работ стал анкетный опрос представителей молодежи города. В рамках исследования были опрошены 506 представителей молодежи в возрасте от 18 до 29 лет. Респонденты отбирались на основе квотной выборки, включавшей критерии района, пола и возраста.

Анализ собранных данных позволил сделать ряд выводов.

Во-первых, каких-то аномально высоких протестных настроений или установок у молодежи города вероятнее всего нет. Протестных акций в городе на момент исследования ожидали 30,3%, лично участвовать в них готовы оказались 18,7%. Оба этих показателя оказались в пределах тех значений, которые обычно показывают опросы ВЦИОМ в масштабах всего российского общества (Протестный потенциал // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=177> (дата обращения: 15.09.2020)). Чего-то аномального в них не было.

Во-вторых, молодежи оказалось не свойственно отношение к теме протеста как к чему-то табуированному или опасному. Только 1,5% опрошенных отказались отвечать на вопросы о том, ждут ли они акций протеста в городе и готовы ли они в них участвовать. Кроме того, среди опрошенных не оказалось ни одного человека, полностью исключаяющего свое участие в акциях протеста.

В-третьих, эмоциональное отношение молодежи к протестным акциям противоречиво. Доминантами эмоций молодежи после новостей о протестных акциях оказались одновременно беспокойство, чувство солидарности, страх и чувство справедливости (См. Рисунок).

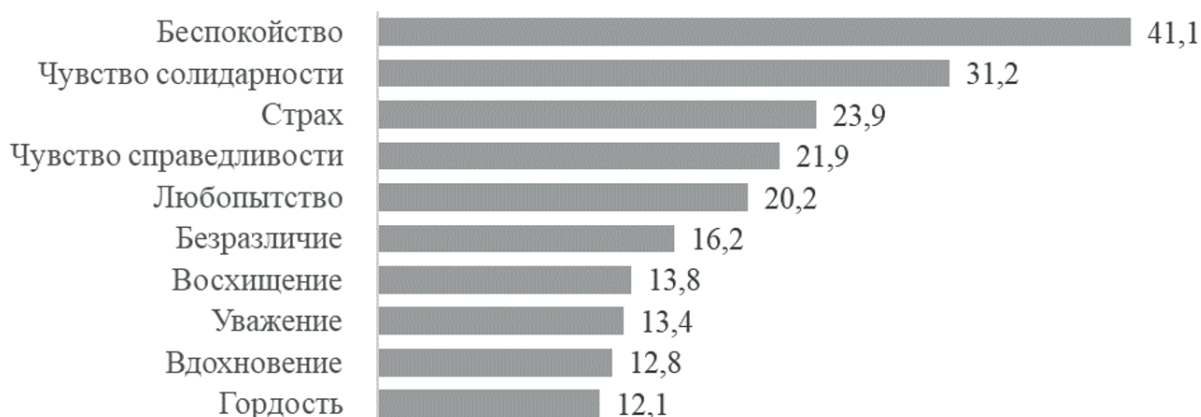

Рисунок. Что Вы чаще всего испытываете, видя новости об акциях протеста? (ТОП-10 ответов, % от числа ответивших)

В-четвертых, участие в акциях протеста молодежью воспринимается в основном как дело, связанное с опасностью, но возможное в ситуации отчаяния. Мотивы людей, участвующих в таких акциях, опрошенные чаще всего ассоциируют с невозможностью решить проблемы (62,3%), желанием решить противоречия в обществе (61,5%) или сделать жизнь общества лучше (51,2%). В то же время, желание людей дистанцироваться от участия в подобных акциях объясняется чаще всего сквозь призму каких-то страхов: проблем на работе (69,4%), насилия (59,3%), тюремного заключения (58,5%).

В целом можно сказать, что уровень актуальной протестной активности городской молодежи не является каким-то повышенным или аномальным. Но свойственные ее представителям стереотипы о протестных акциях и тех, кто в них участвует, говорят о том, что потенциально эта социальная группа может являться довольно лояльной к акциям протеста и склонной к участию в них, если для этого сложатся обстоятельства.

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код «soft power» как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

Литература

1. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения. 2020. № 3 (157). С. 119-138.
2. Волков Д.А. Отличия молодых россиян от представителей старших поколений: результаты социологического мониторинга // Вестник общественного мнения. 2020. № 1-2 (130). С. 122-130.
3. Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А. Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде современной России // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8(40). № 6. С. 171-187.

Рудницкая А.П. (Москва, МУИВ)

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2020 год внес существенные коррективы в нашу привычную динамику деятельности и жизненный уклад. Тема пандемии и многочисленные последствия разразившейся мировой эпидемиологической катастрофы более полугода удерживаются в топе новостей и актуальных научных исследований.

Одной из масштабных акций по оказанию взаимопомощи стала кампания #МыВместе, направленная на поддержку пожилых, маломобильных граждан и медицинских сотрудников во время эпидемии коронавируса в нашей стране.

Простая идея организации колл-центра с горячей линией для обращений за помощью в покупке лекарств, выносе мусора, выгула домашних любимцев, покупке продуктов, стала основой для масштабного развития гражданских инициатив. Мероприятия акции получили широкое распространение. Вскоре сайт акции стал прирастать не только просьбами о помощи, но и различными партнерскими программами, региональными штабами волонтерских отрядов (более подробно см. <https://мывместе2020.рф>).

Волонтерское движение естественным образом стало основой для консолидации всего общества.

Первоначально в историческом ракурсе добровольчество или волонтерство получило распространение в аспекте добровольного изъявления желания гражданского человека служить в армии в периоды вооруженных конфликтов и войн. Сам термин «волонтер» (от фр. *Volontaire* – волонтер) имеет французское происхождение и обозначает в первую очередь деятельность человека, совершаемую добровольно, на благо общества без ожидания какого-либо вознаграждения. В отечественном обиходе в указаниях Владимира Даля можно встретить такой термин как «повольщина». Особое значение волонтерству придает альтруистический смысл деятельности. «Доброволец» - это понятие, которое скорее созвучно и близко по смысловому наполнению со словом «добродушие», а значит, добросердечие, душевное расположение к добру; доброжелательство, готовность сочувствовать, сопереживать и принимать участие в помощи.

О специфике становления добровольчества более подробно можно узнать на страницах учебника «Основы организации и управления добровольческой деятельностью», который, в числе пяти изданий учебно-методического комплекса «Основы добровольческой (волонтерской деятельности) волонтерских центров вузов и взаимодействия с социально-ориентированными некоммерческими организациями», вышел в свет в январе 2020 года в рамках проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на базе Российского государственного социального университета.

Времена менялись, в обществе формировались новые тенденции, широко поддерживались мирные формы оказания помощи людям, имеющим нужды в мирной жизни. Так, изначально касающиеся роли «добровольца на войне» добровольчество стало институционализироваться в нашей повседневной жизнедеятельности.

Одним из сопутствовавших развитию добровольчества явлений стала благотворительность.

Как правило, оказание помощи, сочувствие, сопереживание и безвозмездная поддержка ассоциируются в нашем сознании именно в благим делом, которое в большей степени безвозмездно совершается благотворителем. Но на сегодняшний день благотворительность и добровольчество стали самостоятельными институтами в системе организации общественного взаимодействия. Примерно со второй половины первой декады XXI века мы говорим о добровольчестве как о сфере институционального и профессионального характера продвижения гражданских и общественных инициатив. В связи с этим актуальна к рассмотрению и уникальная образовательная методика «обучения служением» (от англ. *service-learning*), которая базируется на практико-ориентированном подходе организации единого учебно-воспитательного пространства (более подробно см.: Обучение служением: Методическое пособие / Под ред. О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. – М.: АВИЦ, 2020).

Потенциал добровольчества раскрывается через спектр направлений: событийное, социальное и инклюзивное, экологическое, спортивное. Культурное, онлайн и IT волонтерство, поисково-спасательное и волонтерство общественной безопасности, корпоративное, медиаволонтерство, волонтерство в медицине, донорство и патриотическое волонтерство.

Отдельно стоит выделить такие направления как интеллектуальное волонтерство и *Pro Bono Publico*.

Привлечение, удержание, обучение, сопровождение, мотивация и поощрение являются основой для развития механизмов волонтерского менеджмента (более подробно см.: Решетников О.В., Швец И.Ю., Ширшова И.В., Кондранцева К.М. 5 ключей успешной волонтерской программы. – М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018).

Главным фактором утверждения институциональной роли развития добровольчества в России стали положения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в части Федерального проекта «Социальная активность».

Русаков А.П. (Тверь, ТвГУ)

КОНСЕРВАТИВНЫЕ «ФАБРИКИ МЫСЛИ» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕСТКИ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Источником зарождения отечественных фабрик мысли можно назвать академическое сообщество СССР и общественно-политические движения позднесоветского периода, которые в новых социально-политических реалиях предлагали различные проекты построения правового демократического государства и гражданского общества, организовывали прикладную политическую деятельность (консалтинг, проведение предвыборных кампаний и т.д.).

Кроме того, на рубеже XX и XXI вв. в России наметилась тенденция учреждения аналитических центров близких к власти и различным группам политической элиты. Разнообразные фонды, институты и центры, созданные под прямым покровительством и для нужд определенных властных структур, занимались исследовательской деятельностью, разработкой программ по заказу как либерального, так и консервативного крыла политической элиты. Крупнейшей околоправительственной фабрикой мысли является международный клуб «Валдай», прошедший путь от инструмента «мягкой силы», задачей которого было налаживание отношений с зарубежным научным и общественно-политическим сообществом, до международной площадки для альтернативного консервативного политического дискурса.

Аналитические центры, аналогичные клубу «Валдай», позиционируются как одно из средств международно-политической коммуникации и выстраивания государственного имиджа. С точки зрения власти, это инструмент противостояния в информационной войне с Западом и площадка для альтернативной политической дискуссии, потребность в которой возрастает вместе с учащением политических и идеологических кризисов по всему миру. Российское экспертное сообщество, представляющее интересы Кремля, задействовано во множестве «фабрик мысли», проектах и площадках, включающих телевиденье, радиовещание и, что немаловажно в современных условиях, на различных ресурсах в Интернет-пространстве. На сегодняшний день подконтрольные и близкие к власти аналитические центры сформированы и наполнены группами консервативных экспертов «контентмейкеров-государственников», обслуживающих задаваемую правительством политическую повестку и легитимирующих сложившуюся государственную систему.

В 2012–2014 гг. интенсифицировался процесс происходящего в российской политике консервативного поворота. Катализатором этого послужили протесты на Болотной площади и начало украинского политического кризиса, который в 2014–2015 гг. вышел на международный уровень и стал причиной затяжного и открытого противостояния России и западных стран. В качестве идейной опоры в этом информационном противостоянии начал использоваться продукт активности консервативных «фабрик мысли» – сакрализация власти и попытки совмещения СССР и Российской империей как равноправных образов сильного российского государства. Партийные организации, такие как ЦСКП, занимались разработкой концепции российского консерватизма и участвовали в формировании идеологической повестки в Госдуме. Клуб «Валдай» расширил свой функционал как экспертная площадка, на которой дискуссия ведётся в рамках правительственной политической повестки. Фонды ИСЭПИ и ЦСР проводили исследования и публиковали доклады с выводами о верности и естественности курса «суверенной

демократии», а созданный в ответ на активность либеральной оппозиции Изборский клуб взял на себя задачу сконструировать такой тип консерватизма, который мог бы концептуально отвечать на тезисы оппонентов. Отличительной чертой аналогичных Изборскому клубу консервативных аналитических центров, организаций и общественно-политических движений можно назвать одиозность их лидеров, идеологическую эклектичность и нестандартность используемых исследовательских подходов. Таким образом, консервативные «фабрики мысли» в контексте формирования повестки российской публичной политики.

*Русакова О.Ф. (Екатеринбург, ИФиП УрО РАН),
Русаков В.М. (Екатеринбург, УрФУ)*

ИНВЕРСИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Важным фактором повышения эффективности применения «мягких» инструментов внешнеполитического влияния выступает коммуникативная гибкость и мобильность, способность с высокой скоростью генерировать и продвигать новые идеи, контролировать посредством цифровых технологий информационные потоки, продуцировать стратегически важные образы в массовом сознании. При этом возрастает роль информационно-коммуникативных инструментов «мягкой силы», ответственных за формирование заданном в определенном формате общественного мнения, что в итоге приводит к усилению манипулятивного потенциала технологий «мягкой силы».

В условиях нарастания в обществе политической конфронтации между властными структурами и оппозиционными силами происходит усиление манипулятивного начала в применяемых на практике информационно-коммуникативных компонентах «мягкой силы». При этом всё активнее начинает проявляться их инверсионный характер, а именно, «мягкие» формы коммуникативного воздействия на массовое сознание превращаются в свою противоположность, то есть, - в информационные технологии, направленные на разжигание политического противостояние конфликтующих сил, на их «раскачивание», что в итоге приводит к разрушению и насильственному свержению существующего политического режима.

Инверсионные превращения коммуникативных ресурсов «мягкой силы» из инструментов миролюбивого, ненасильственного влияния в «жесткие», агрессивные технологии политического давления и пропаганды особенно характерны для периодов подготовки и развертывания цветных революций. Именно в это время происходит мобилизация всех *превращенных форм* информационно-технологических ресурсов «мягкой силы», к которым можно отнести следующие: производство фейковых новостей, создание политических медиадискурсов в духе постправды (Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. Т. 12. № 1 (161). 2017. С. 53-66), массированное использование социальных сетей для проведения эмоционально-информационной атаки на определенные группы населения в целях демонстрации широты проявлений «всемирного чувства негодования» масс по поводу политики властей. Среди активно применяемых сетевых технологий в качестве превращенных инструментов «мягкого» влияния следует, в первую очередь, выделить сервисы мгновенного мобильного общения (мессенджеры), роевые тактики, технологии «умной толпы» (Русакова О., Грибовод Е. Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы. 2019. Том 17. № 1 (56). 2019. С. 66).

Ярким примером активного использования агрессивных инструментов «мягкого» воздействия на массовое сознание выступает информационно-коммуникативная деятельность ряда зарубежных

государств, направленная на усиление конфронтационного противостояния политических сил в современной Белоруссии, в частности, посредством применения медиатехнологий дискурса постправды.

Ключевыми медиатехнологиями создания и распространения дискурса постправды выступают: эмоционализация политики (акцент на чувственно-эмоциональных компонентах транслируемой информации; приоритет чувственно шокирующей картинки над рациональной логикой); усиление символического наполнения оппозиционной политики (создание новых лидеров-символов политических перемен и образов «светлого» будущего измененного политического режима; использование альтернативной националистической символики). Главным принципом производства дискурса постправды выступает девиз: «впечатление важнее логики» (Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2019. № 2 (35). С. 13).

Разнообразные формы логики эмоций получают своё применение в большинстве соцсетей, действующих в виртуальном пространстве Белоруссии (Политолог Елена Пономарёва – о ситуации в Беларуси: Нас пытаются растащить. Взято с <https://rg.ru/2020/09/08/politolog-elena-ponomareva-o-situacii-v-belarusi-nas-putaiutsia-rastashchit.html>). Технологии усиления символических смыслов применяются, во-первых, путем превращения С.Тихановской из кандидата в президенты в символ победы белорусской революции с приданием её фигуре атрибутики политической легитимации; во-вторых, - в повсеместном использовании протестантами бело-красно-белых флагов и одежд; в-третьих, - в распространении агитационных материалов, эксплуатирующих военную тематику «партизанского прошлого» и антифашистских настроений, характерных для большинства граждан Белоруссии (к примеру, использование в соцсетях термина «партизанские блогеры»).

Русских М.С. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, ИНИЦИАТИВЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА РФ

В данном материале автор обобщает свои наблюдения по вопросу усиления политизации этничности в РФ и попыток ее влияния на государственную политику на примере политизации «черкесского вопроса». Автор имеет основания полагать, что это происходит за счет согласованного действия находящихся под иностранным влиянием общественных объединений, инициатив и информационных ресурсов.

Так, например, по материалам некоммерческого национального черкесского портала «Адыгэ Хэку — Актуальные материалы черкесского мира» и одноименной группы в социальной сети «ВКонтакте» 9 марта 2019 г. в Черкесске был создан Координационный совет черкесских общественников (КСЧО). Одной из главных задач совета была заявлена «поддержка кампании за ликвидацию анахронизма времен советского “национального строительства” — этнической номенклатуры, искусственно разделяющей черкесский народ на четыре, якобы самостоятельные, части: адыгейцев, кабардинцев, шапсугов и собственно черкесов». КСЧО позиционируется при этом в качестве альтернативы действующей Международной черкесской ассоциации (МЧА), которая, как предполагается, на сегодняшний день «превратилась исключительно в придаток российской пропагандистской машины». Практическая ценность деятельности МЧА оценивается как «ничтожная» и не находящая отклика у масс, в связи с чем российским властям, как считается, достаточно легко удалось осуществить «рейдерский захват организации»; при этом отмечается «тщетность надежд на конструктивный диалог с нынешним российским режимом». Строительство черкесской политической нации рассматривается в качестве выхода из существующей ситуации, а его альтернативой — «прогнозируемое, надежное и бесславное исчезновение после беспросветного прозябания». На основе анализа дополнительных материалов автор выделил в

числе задач КСЧО признание геноцида черкесов в России, принятие единого экзоэтнонима «черкесы», сохранение и укрепление статуса черкесских республик и привлечение к сотрудничеству лиц черкесского происхождения из других регионов РФ.

Примечательным в данном случае является то, что указанная информация первоначально появилась не в собственно российском сегменте информационного пространства. Так, информационное сопровождение деятельности указанных черкесских активистов было обеспечено на базе Интернет-проекта openDemocracy, «независимой глобальной медийной платформы», которая «стремится обучать граждан бросать вызов власти и вдохновлять демократические дебаты по всему миру путем освещения и анализа социальных и политических проблем», «помогая обрести агентность тем, кто борется за свои права». Следует отметить, что получающий существенную финансовую поддержку от большого количества западных фондов проект openDemocracy фактически представляет собой платформу-посредник/проводник сторонних интересов. В свою очередь, практически одновременное появление информации о КСЧО на Интернет-ресурсах openDemocracy и «Адыгэ Хэку» свидетельствует, с точки зрения автора, об их хорошо скоординированной и связанной деятельности.

Автор полагает, что отказ от пресечения политизации этничности «низкой интенсивности» связанными друг с другом общественными объединениями, инициативами и информационными ресурсами с иностранным участием как на примере политизации «черкесского вопроса», так и в отношении других этнических общностей, ведет, как минимум, к поддержанию негативного образа РФ в международных отношениях. В частности, несмотря на то, что признание миграции черкесов после покорения Кавказа (мухаджирства) геноцидом затруднительно (см. Статью II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.) и статью «Мухаджиры» // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / редкол.: Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Трёбст; при участии К. Кайзеровой, К. Рухневича; отв. ред. Д. Мешков; [пер. с нем. Л. Ю. Пантиной]. — М., 2013. — С. 294—297), данная тема не перестает последовательно использоваться в целях оказания внешнеполитического давления на РФ и способна выдвигаться на повестку дня столь долго, сколько существуют поддерживающие и развивающие ее актуальность организации и информационная инфраструктура. Кроме того, связанные друг с другом общественные объединения, инициативы и информационные ресурсы такого рода могут быть рассмотрены и в контексте конструирования этнополитических конфликтов на Северном Кавказе, когда распространение представлений об «автохтонности» той или иной этнической общности при наличии ассоциируемой с контрагентом (здесь — с условной «Россией») «коллективной травмы» часто тесно соседствует с формированием конфликтной ситуации.

Рустамова Л.Р. (Москва, МГИМО МИД России)

РОЛЬ СПОРТА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Сегодня спорт приобретает все большее политическое и экономическое значение. Как социально-гуманитарная сфера мировой политики она обладает специфическими чертами, которые делают ее привлекательной для государств с точки зрения использования во внешней политике, несмотря на то, что изначально спорт должен был оставаться вне политики. Спорт используется государствами, прежде всего, как инструмент наращивания «мягкой силы». Миротворческие функции спорта и принцип аполитичности позволяет использовать его в качестве площадки для диалога, для установления контактов и улучшения имиджа страны. С другой стороны, ключевыми акторами в спорте остаются спортивные организации, которые не только планируют мероприятия от локальных турниров до Олимпийских игр, но и с началом этапа коммерциализации спорта стали использовать значительные экономические ресурсы для продвижения своих интересов и участия в формировании правил глобального управления. В этой связи государствам все чаще приходится считаться с позицией и интересами спортивных организаций.

Участие крупных международных спортивных организаций в процессах глобального управления проявляется прежде всего в том, что они способствуют не только популяризации спорта и обсуждения вопросов, относящихся к спорту, но и создают определенные нормы и способствуют распространению ценностей. Международный олимпийский комитет, Международная федерация футбола, Международная федерация баскетбола активно борются с расовой дискриминацией, выступают в защиту прав женщин и гендерного равенства, в защиту прав сексуальных меньшинств. ФИФА применяют жесткие санкционные меры, направленные как на отдельные клубы, так и страны, чьи болельщики признаны виновными в расистских проявлениях во время матчей. Спортивные организации объединяются в целые спортивные сети, для того чтобы объединить свои усилия и привлечь к решению этих проблем наиболее широкую аудиторию. Международная сеть, борющаяся против расизма и ксенофобии в европейском футболе (FARE) ежегодно выпускает доклады о ситуации с расовой дискриминацией в той или иной спортивной национальной федерации и в стране в целом, что в случае попадания в доклады для государства означает имиджевые потери.

Такие организации, как МОК, ФИФА наравне с государствами участвуют в продвижении определенной повестки дня. Спортивные организации занимают активную позицию по многим политическим вопросам и включаются в решение глобальных проблем. Поддерживая проведение крупных международных спортивных мероприятий в странах Юга, спортивные организации содействуют решению экономических проблем развивающихся стран.

В обсуждение вопросов идеологического и ценностного характера также все больше вовлекаются и спортивные ТНК. Они используют этические принципы спорта в рамках маркетинговых технологий по популяризации спорта среди самых разных категорий населения, что непосредственным образом отражается на распространенности их спортивной продукции. Наиболее показательными примерами формирования определенной ценностной повестки дня спортивными ТНК выступают рекламные кампании Reebok, Adidas, Nike, эксплуатирующие лозунги феминизма, равноправия полов.

Рост влияния спортивных организаций и ТНК на мировые политические процессы ведет к тому, что государствам приходится искать точки соприкосновения интересов с ними для использования спорта во внешней политике. С другой стороны, стремление спортивных ТНК участвовать в глобальном управлении и их вовлечение в мировые финансовые потоки также способствует все большей политизации спорта и отхода от многих ключевых принципов спортивного движения, установившихся с возобновлением Олимпийских игр в 1894 году.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00004.

Рыбалко М.Л. (Иркутск, ИГУ)

ВСТРЕЧИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Встречи глав государств привлекают внимание специалистов – журналистов, политиков, экономистов, исследователей. Встречи президентов России (Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева) с зарубежными лидерами хорошо освещаются в российских и зарубежных СМИ. Такие события часто становятся важными вехами в международных отношениях. Во время личных встреч обсуждаются ключевые вопросы, решаются проблемы, устанавливаются партнерские отношения в политической, экономической и социальной сферах.

В современный период политическое и экономическое давление западных государств на Российскую Федерацию привело к сокращению личных встреч на высшем уровне. Это оказывает негативное влияние на экономические взаимоотношения, способствуя поиску новых союзников и деловых

партнеров Москвы. Визиты лидеров государства дают возможность определения ключевых приоритетов и международных проектов Кремля. Также представляется возможность проведения анализа международных и региональных организаций, которые играют большую роль во время охлаждения отношений (ООН, форум АТЭС). Азиатско-тихоокеанский регион очень часто представляется такой альтернативой Западу. В 2019 году был проведен саммит Россия – Африка в г. Сочи, на который приехали 43 лидера африканских государств. Также туда были приглашены около 500 представителей бизнеса и членов делегаций. Ключевой вопрос исследования – способствуют ли такие встречи глав государств росту экономических связей? Есть ли значимые изменения в товарообороте государств? Есть ли неэкономические индикаторы (измерения)?

Основная теория исследования – либерализм / неолиберализм, который придает большое значение международным организациям и дипломатии. Встречи на высшем уровне способствуют разрешению конфликтов, лучшему пониманию и обсуждению ключевых вопросов. В свою очередь, отсутствие прямых контактов может привести к неправильной интерпретации действий другой стороны, асимметрии информации, военным столкновениям и конфликтам. Теоретический фундамент помогает определить гипотезы, которые потребуют статистического анализа.

Для ответа на поставленный научный вопрос, необходимо выделить основные источники базы данных (data set). Информация о президентских визитах Российской Федерации в зарубежные страны, встречах с главами иностранных государств доступна на официальных сайтах Кремля, Министерства иностранных дел Российской Федерации, региональных и международных организациях. Экономические приоритеты России можно установить с помощью данных о товарообороте с зарубежными партнерами на сайтах Росстата, МИДа, международных организаций (ООН, Всемирный банк). Данная исследовательская работа стремится проследить объемы товарооборота и изменения в процентном соотношении каждого международного партнера России на протяжении 20 лет (2000-2020 гг.). В этом заключается отличие от подходов в описании встречи лидеров. Такое дескриптивное «освещение», характерное для представителей прессы, не дает дополнительной информации для научного познания. Следовательно, только статистическая обработка большого объема данных представит более весомые доказательства важности дипломатических контактов, определит ключевые факторы в экономических отношениях России с зарубежными партнерами. Необходимо помнить, что не всегда встречи лидеров преследуют решение экономических задач. Достаточно вспомнить о политических «очках и дивидендах» для Кремля, например, во встречах с лидерами Северной Кореи.

Зависимая переменная – товарооборот России с зарубежными странами. Для лучшего понимания важности той или иной страны представляется необходимым задействовать процентное соотношение (долю) государства, как дополнительную переменную. Основной независимой переменной (фактором) является встреча на высшем уровне, которая передается с помощью дихотомии (0/1). Контрольные переменные отражают классификацию визитов и встреч (двусторонние, региональные, международные форматы). Представляет интерес их процентное соотношение в изучаемый период. Для этого необходимо задействовать статистический анализ (временные серии – time series), который предусматривает влияние фактора в более поздний период. Замедленное воздействие (lagged effect) означает воздействие независимой переменной спустя один-два года. Например, результаты саммита 2019 года в Сочи могут быть видны в отражении статистических показателей только в 2021-2022 гг., что затрудняет анализ самых последних событий.

Количественные исследования доминируют в современной зарубежной политологии. Данная работа значительно отличается от методологического подхода case studies, фокусирования внимания на отдельном событии, стране или персоне. В целом, данное исследование стремится проанализировать большой объем данных с помощью использования всех возможных источников и доступных статистических программ.

Рябов О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ),
Рябова Т.Б. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена),
Мутаев У.К. (Иваново, Ивановский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова)

МЕДВЕДЬ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ: ВЗГЛЯД РОССИЯН (НА МАТЕРИАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА)

Символы играют важную роль в политической борьбе, что определяется их непосредственной связью с отношениями власти. Политические символы могут способствовать приобретению одними идеологиями конкурентных преимуществ над другими, и наоборот, могут быть использованы для того чтобы бросить вызов доминирующей идеологии.¹⁷² Символ обладает свойствами, которые делают его удобным для использования политическими акторами: его связь с мифом и сакральным, что обуславливает его мобилизационный потенциал; его способность служить средством включения / исключения, что определяет его функции в процессах коллективной идентификации; его пластичность и многозначность.¹⁷³ Значимость символического ресурса в формировании коллективной идентичности, в определении «своих» и «чужих», в том числе внутренних, в легитимации власти, в политической мобилизации обуславливает то, что за создание, продвижение и интерпретацию символов идет борьба между различными политическими акторами.

Одним из наиболее заметных символов российской политики – как внутренней, так и внешней – является медведь.¹⁷⁴ В последнее время, особенно после 2014 г., заметной тенденцией становится рост его популярности, позволяющей говорить о превращении его из партийного символа в национальный. На наш взгляд, изучение этой тенденции может внести вклад в исследование таких вопросов, как динамика ценностных ориентаций граждан России, политические предпочтения избирателей, способы легитимации власти и др.

В ноябре 2019 г. был проведен всероссийский опрос (ФОМ, 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов; статпогрешность не превышает 3,6%). На вопрос «как вы считаете, медведь — это правильный, подходящий символ для России или неправильный, неподходящий?» 65% процентов респондентов ответили утвердительно и лишь 18% — отрицательно (еще 17% не определили свое отношение).¹⁷⁵

Отвечая на вопрос, «почему вы считаете, что медведь – это правильный, подходящий символ для России?», респонденты давали следующие ответы – потому что медведь «большой, сильный, могучий, как наша страна» (33%), «спокойный, долго терпит, но потом отвечает» (7%), «грозный, свирепый, внушает страх» (5%), «умеет постоять за себя, защитник» (4%), «смелый, отважный» (1%), «стойкий, напористый» (1%). То есть, медведь приемлем в качестве аллегории России для половины всех респондентов (и для более 80% тех, кому данный символ нравится), потому, что он символизирует силу. Как следует из контекста, данное качество приобретает ценность по причине особенностей нынешней внешнеполитической обстановки. Результаты интервью, проведенных нами в сентябре – декабре 2019 г. в четырех регионах России, подтверждает результаты опроса ФОМ и предлагают новые данные для анализа.

Таким образом, сегодня можно говорить о том, что медведь стал одной из составляющих национальной идентичности жителей России. Цель доклада – анализ данных опроса ФОМ, включающий выявление корреляции между представлениями о медведе как аллегории России с возрастом, уровнем дохода, регионом проживания, гендерными и возрастными характеристиками, а также и объяснение этой корреляции.

Исследование проведено в рамках проекта РФФИ (грант 1901100748).

172. Nieguth T., Raney T. Nation-building and Canada's National Symbolic Order, 1993-2015 // Nations and Nationalism. 2017. Vol. 23. No 1. P. 89–90.

173. Elgenius G. Symbols of Nations and Nationalism: Celebrating Nationhood. Basingstoke, 2011; Phillips DeZalia R.A., Moeschberger S.L. The Function of Symbols that Bind and Divide // Symbols that bind, symbols that divide the semiotics of peace and conflict / Phillips DeZalia R.A., Moeschberger S.L. (eds). New York, 2014. P. 1–12.

174. Рябова Т. Б. Медведь как символ России: социологическое измерение // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М.: НЛЮ, 2012. С. 338–353; Рябов О. В. Медвежья метафора России как фактор международных отношений // Лингвокультурология. 2016. №10. С. 315–333.

175. Медведь как символ России // Фонд Общественное Мнение. 28.11.2019. URL: <https://fom.ru/posts/14297> (дата обращения: 29.08.2020).

*Рябова Т.Б. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена),
Рябов О.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)*

«ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ» В ЛЕГИТИМАЦИИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В современной российской политике фактор возраста приобретает особое значение. Во-первых, это обусловлено остротой «поколенческого разрыва», при котором по причине ускоренного развития технологий ценности различных поколений становятся все более различными. Во-вторых, это определяется активным участием несовершеннолетних в России в протестной деятельности, что интенсифицирует вовлечение в политический дискурс образов, связанных с возрастом.

«Поколенческий разрыв» — это объективная характеристика социальных отношений между поколениями, которая всегда выступает как, прежде всего, дифференцирующий фактор. Однако символические границы между поколениями, понимаемыми нами в демографическом ключе как возрастные группы, могут как укрепляться, так и размываться. Акцентирование фактора возраста, формы которого мы обозначаем как «символическую инфантилизацию» и «символическую сенилизацию», используется с целью получения преимуществ в политической борьбе (например, в сегодняшней российской политике это проявляется в привлечении таких образов, как «геронтократия», «они же дети», в мировой — в феномене популярности Греты Тунберг с ее обвинениями старших поколений и пр.). Кроме того, поколенческий разрыв — это углубление различий не только в компетенциях, но и в ценностях. Поэтому следует принимать во внимание как объективные различия поколений, так и конструируемые в политическом дискурсе, когда «детей» пытаются противопоставить «взрослым» для достижения собственных целей, когда фактор возраста используется в создании образа врага.

Согласно принципу интерсекционализма, дифференцирующие категории класса, расы, гендера, этничности, национальной и цивилизационной принадлежности взаимодействуют друг с другом, создавая при этом систему социальной иерархии (Crenshaw). На наш взгляд, к ним можно добавить и возрастной признак. Оппозиция «ребенок–взрослый» может быть рассмотрена как своеобразная матрица отношений власти и подчинения, отражающая существующие в обществе иерархии и поддерживающая их, точно так же, как и в случае оппозиции «женщина–мужчина». Поколенческий дискурс структурируется такими оппозициями, как опыт–неопытность, мудрость — глупость, дряхлость — энергичность, слабость — сила, власть — подчинение, прошлое–будущее, стабильность — хаос, прогрессивность — консервативность, разум и эмоции и др. Символ детства используется для обозначения отношений власти и подчинения с теми же закономерностями, как используется символ женственности; маркировка индивида или сообщества как ребенка означает демонстрацию их несамостоятельности и обоснование необходимости контроля за ними. Старость также может служить маркером зависимости и неспособности эффективно управлять, и тем самым, фактором, снижающим легитимность политического актора.

Апелляция к возрасту политических акторов и их сторонников нередко становится аргументом в политической риторике (Рябова, Рябов, 2019), который используют с целью легитимации власти или, напротив, для ее делегитимации. Репрезентации возраста протестующих (и оппозиции в целом) влияют на отношение к их политической позиции (Клещенко, 2019). Равным образом важно понимать, как на легитимность власти влияет оценка воображаемого и реального возраста политиков в общественном мнении.

Доклад фокусируется на одном из аспектов проблемы — гендерном, то есть, специфике репрезентаций возраста мужчин и женщин-политиков, а также восприятия возрастного фактора в политике избирателями и избирательницами.

Во-первых, ставится цель исследовать, как с помощью поколенческого дискурса в легитимации и делегитимации власти используется фактор пола: какие политические акторы и в каких формах

используют поколенческий дискурс; как взаимодействуют в репрезентациях маркеры возраста и пола; каковы различия использования возрастных маркеров в репрезентациях политиков мужчин и женщин в зависимости от политических ориентаций использующих эти репрезентации акторов.

Во-вторых, на основании интервью, проведенного осенью 2020 года и трех регионах России, будет проанализировано, как воспринимают легитимность возраста политиков-женщин и политиков-мужчин, принадлежность их к разным поколениям, а также изучены корреляции этих оценок с политическими предпочтениями граждан, их полом, возрастом, регионом проживания / национально-культурной принадлежностью.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта 20-011-31716 «“Поколенческий разрыв” в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение».

Литература

1. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Образы детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2019. Том 15. № 3. С.95-112.
2. Клещенко Л.Л. Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России // Комплексные исследования детства. 2019. Т. 1. № 4. С. 312-319.

Рябцовский Г.В., Лактюшина О.В. (Брянск, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРАВОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Впервые термин «социальная ответственность» открыл американский экономист Г.Р.Боуэн в 1953 году, по мнению которого социальная ответственность бизнесмена виделась в принятии ответственных и желательных для общества решений. Если анализировать данную категорию с позиций правовой ответственности власти, то суть его остаётся актуальной и сегодня.

Несмотря на то, что дефицит регулирует важные признаки сложившихся в обществе обычных, политических, экономических, социальных, культурных и нравственных отношений, он не имеет чётко обоснованную систему критериев для выделения видов юридической ответственности публичной власти.

Между тем, в современной теории дискурса категории и термины с диффузным значением имеют повышенную семантическую связь не с референтным объектом и предметом, а с окружающим контекстом.

Такая повышенная чувствительность к контексту объясняется тем, что недостаток конкретики правовых норм, размытость и многозначность определений, отсутствие чёткой правовой категоризации понятий и терминов характерна на ранних стадиях развития общественных и правовых отношений, когда из фокуса когнитивной прагматики права, в конечном счёте, определённости картины мира вводятся частные признаки этих отношений, заполняя неопределённости «правовых лакун» свободным и необдуманно достраиванием «нормативных пустот».

Такая избыточная нормотворческая активность законодателей различного уровня создаёт референтную правовую диффузность или способность языковых юридических конструкций и терминологий расширять границы норм права, образуя концептуальные, диспозитивные и санкционные «пустоты». Творческое стремление законодателя устранить правовые неопределённости ведут к появлению новых «неопределённостей», новых правовых лексем, новых разновидностей терминов, понятий и наименований, приспособлявая их к общественному дискурсу.

Своеобразной правовой мимикрией можно объяснить возникновение другой проблемы – это реминисценция или стремление законодателя «внести свой вклад» в российскую правовую историю. Чем-то она похожа на американскую правовую систему – например, Поправка Джексона - Вэника или Закон Магнитского. Так появляются законы Яровой, Клишаса и других депутатов Государственной Думы.

Как показывает зарубежная практика, в таких странах как Чехия, Словакия, Словения, Венгрия, Литва динамика законотворческой активности проявлялась на первых этапах смены экономической формации, затем наступила стабильность в законотворческом процессе.

В то время как законотворческая активность российской Госдумы стремительно растёт из года в год, тем не менее анализируя деятельность депутатского корпуса по субъектам права законодательной инициативы можно сделать несколько выводов:

- самую высокую законодательную активность проявляет Государственная Дума и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, но процент реализации этих инициатив крайне низкий, в среднем не более – 12,0%;
- законодательные инициативы Правительства и Президента хотя и уступают инициативам законодательной власти, но процент реализации этих инициатив самый высокий (Президент – 82,8%; Правительство – 73,7%);

Очевидный дисбаланс активности и результативности представителей законодательной власти показывает о непосредственной трансляции через депутатский корпус интересов, прежде всего, исполнительной власти. При этом, если в президентских инициативах в большинстве случаев представляются интересы граждан России, то в случае с Правительством такой прямой связи нет.

Таким образом наблюдается явное искажение трансляции наказов избирателей и воли народа депутатским корпусом в сторону поддержки законопроектов Правительства – 73,7%, а не собственных инициатив – 17,9%.

Крайне низкий процент реализации инициатив субъектов Российской Федерации – 6,6%, также свидетельствует о мощных рычагах влияния исполнительной власти на субъекты, в частности, через бюджетную политику.

Не выполняют важную роль проводника интересов субъектов в Федеральном Собрании и Совет Федерации, фактически отстранённый от этой функции, всего – 2,8%.

Интересная статистика проявляется и среди субъектов права законодательной инициативы за 2018 год 7-го Созыва по данным сайта Госдумы. Так из 1167 законопроектов, внесённых в Госдуму 7-го Созыва принято в 2018 году только 576 или 49,4%. Несмотря на то, что воронка по сравнению с 6-м Созывом расширилась почти на 4,3%, тем не менее, это показатель только за первый год после выборов, фактически калькирующий 2011 год.

Следовательно, можно сделать вывод, что низкая «производительность» депутатского корпуса, обусловлена в основном внесением изменений в существующее законодательство в рамках законодательной инициативы исполнительной власти, а не с непосредственной разработкой законопроектов с самостоятельным предметом регулирования, а это лишний раз свидетельствует о неэффективности работы Госдумы и о низком качестве принимаемых законов.

Рябченко Н.А. (Краснодар, КубГУ)

«ГОВОРЯЩИЙ – СЛУШАЮЩИЙ»: АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В процессе развития цивилизации модели, равно как функции и цели коммуникации, претерпевали значительные трансформации. Суть коммуникации как процесса взаимодействия с целью обмена информацией между субъектами – «говорящим» (коммуникатором) и «слушающим» (реципиентом) - не потеряла актуальности, так как в модели коммуникации данные субъекты являются «жесткими десигнаторами – объектами, сохраняющими свои функции во всех возможных «мирах»/ системах – «чтобы дверь двигалась, петли должны оставаться неподвижными». Наличие этих двух субъектов делает возможным, логичным и обоснованным акт коммуникации. Сохраняется и основная функция коммуникативного акта – управленческая, которая заключается в побуждении реципиента к определенному «мотивированному поведению», осознанному или неосознанному действию¹⁷⁶.

176. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.

Экстраполируя идею Л. Витгенштейна¹⁷⁷ о значимости языка как средства развития и усложнения общества, и способа отражения и концептуализации реальности, а также учитывая мысль о том, что модель коммуникации представляет собой вариации базовой модели «говорящий-слушающий», мы можем сделать вывод о том, что данная модель неоднократно претерпевала трансформации в процессе эволюции общества и усложнения взаимодействий между членами определенного сообщества, а также кросс-культурно.

Так, первичной моделью коммуникации «говорящий-слушающий» нам представляется ситуация сообщения в рамках общения посредством языка тела, жестов, с которого, как полагают антропологи, началось примитивное общение человека. Контент, претерпевая искажения в сознании реципиента, фиксируется лишь участниками коммуникации, количество которых ограничено ввиду особенностей личной коммуникации.

Появление вербального компонента в коммуникативной модели расширило охват аудитории, упростило передачу контента, как получение обратной связи, так и саму модель коммуникации, увеличив степень абстрактности, но не сняло многозначность ввиду того, что пропала необходимость демонстрировать объект-референт при наличии вербального сигнификата. Увеличение степени абстрактности при передаче информации за счёт вербализации образов дало возможность «говорящему»/ коммуниканту применять прием метафоризации реальности для закрепления образов в сознании адресата и создания триггеров, детерминирующих поведение «слушающего»/ реципиента.

Появление письменности и, намного позже, изобретение книгопечатания не сделали генерирование и распространение информации, на тот момент ставшей «контентом», абсолютно массовым, но позволили фиксировать и распространять контент «асинхронно», то есть они позволили внести в модель «говорящий-слушающий» компонент диахроничности. Контент приобрел качество асинхронности, абстрактности, визуальности; имплицитной интертекстуальности за счет аллюзий и цитирования.

С изобретением радио и популяризацией телевидения контент приобретает свойство креолизованности – аудиальность, визуальность, комбинируясь с вербальным и невербальным/ жестовым компонентом, дают возможность «говорящему» усиливать создаваемые образы за счет модально-эмоционального компонента просодических средств, эффективно фиксируя триггеры в сознании «слушающего».

Регламентированность и привилегированность права создания и массового распространения контента потеряли актуальность с появлением Интернета и популяризацией социальных медиа.

В современное время модель коммуникации «говорящий – слушающий» не потеряла актуальности, однако приобрела новые черты. Интернет-платформы, мессенджеры стали средством масштабирования охвата аудитории «слушающих» при увеличении степени персонализированности коммуникации. Анонимность коммуникации в online-пространстве привела к размыванию социальных границ и смешению стилей. Аудиовизуальный компонент дополнился графическими формами выражения просодики и модально-эмоционального компонента высказывания. Характерными особенностями контента как основы политической коммуникации с точки зрения коммуникативной модели «говорящий – слушающий» на данном этапе являются: креолизованность; асинхронность; эксплицитная интертекстуальность, цитирование и аллюзии; нерегламентированность в выборе темы; возможность получения/предоставления непосредственной обратной связи; непривилегированность, открытость и массовость в возможности предоставлять и получать обратную связь; относительная регламентированность; поликанальность и виральность; комплексное воздействие на совокупность каналов восприятия «слушающего».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды».

177. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Наука, 2009.

Рязанова Л.В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В конце XX – начале XXI вв. усилились тенденции виртуализации действительности, что обусловлено развитием новых технологий и сформировавшимся на их основе глобальным коммуникативным пространством. Однако виртуализация политической реальности не является новым явлением, оно существовало со времени зарождения политического. Техническое развитие и появление Интернета лишь усилило возможности виртуализации политических процессов.

Можно выделить четыре основных подхода к пониманию природы виртуальности: психологический, фантазмагорический, технологический и дуалистический.

Психологический подход. Родоначальник виртуалистики и виртуальной психологии, доктор психологических наук Н.А. Носов рассматривал различные виртуальные реальности как психологические феномены (Носов Н.А. Манифест виртуалистики. - М.: Путь, 2001. - 17 с. - (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15). Согласно мнению исследователя, большую часть времени человек находится на одном уровне из множества возможных психологических реальностей, остальные уровни относительно него являются виртуальными. Данный подход также развивают отечественные ученые О.И. Генисаретский, М.А. Пронин, С.А. Борчиков.

Фантазмагорический подход. Виртуальность в данном подходе рассматривается как конструкт коллективного бессознательного, как коллективная деятельность по созданию смыслов. По К.Г. Юнгу она может проявляться во снах, фантазиях, измененных состояниях сознания, а также в культуре в виде повторяющихся идей, образов и символов. Еще в 20-х гг. XX в. А.А. Арто определял театр как особую виртуальную реальность (Арто А. Театр и его двойник: Манифесты. Драматургия. Лекции. Философия театра / Сост. и вст. ст. В. И. Максимова, Комм. В. И. Максимова и А. Ю. Зубкова. СПб.; М.: Симпозиум, 2000. 443 с.). Также как одну из форм существования виртуальной реальности исследователи определяют творчество и фантазии.

Технический подход. В рамках подхода акцентируется внимание на технической составляющей виртуальности. Так, американский ученый-практик Дж. Ланье под виртуальной реальностью понимает пространство, генерируемое с помощью компьютера и специальных технических средств, таких как шлем и перчатки, они помогают сделать виртуальное пространство объемным и интерактивным (Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель, Corpus. 2011. 320 с.). У. Шерман, А. Крэйг и Д. Вилл выделяют четыре ключевых элемента виртуальной реальности: виртуальный мир, погружение, сенсорная обратная связь с пользователем, интерактивность. При этом техническая составляющая является основой их теоретического конструкта (Alan Craig William R. Sherman Jeffrey D. Will Developing Virtual Reality Applications Morgan Kaufmann 2009. 448 с.).

Симулятивный подход. Ж. Бодрийяр сформулировал важное для понимания окружающей нас действительности понятие «гиперреальность» как сконструированное пространство, состоящее из образов и симулякров. В какой-то мере оно противопоставляется реальности и стремится ее заместить. Важное место в гиперреальности принадлежит «симулякрам», это знаки, оторванные от оригинала, они являются новой истиной, которая скрывает что ее нет. Симулякры первого порядка формируются на основе системы ценностей, второго – на основе закона стоимости, симулякры третьего порядка формируются без опоры на реально существующие объекты. Тему симулякров также развивают Ж. Батай, П. Клоссовски, Ж. Делез, Ж. Деррида и Ж.Ф. Лиотар. В.А. Емелин рассматривает процессы виртуализации в обществе и приравнивает виртуальную реальность к пространству симулякров (Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23)).

Виртуализация является многогранным феноменом, ученые описывают природу виртуальности как созданную психической деятельностью человека, фантазией, компьютером, телевидением и т.д.

Данную ситуацию наиболее точно описал М.А. Пронин в статье «Вызовы мировоззрению разработчиков технологий виртуальной реальности (tvr): философские, этические, юридические и другие следствия». По его мнению, в настоящее время происходит борьба смыслов относительно понятия «виртуальный» классического, неоклассического научного мировоззрения и постнеклассического.

В качестве заключения отметим, виртуализация политической реальности формирует особый характер ее объективности, она воспроизводится благодаря обществу, которое конструирует элементы в ежедневных коммуникативных практиках. По этой причине нам ближе фантазмагорический и симулятивный подходы к пониманию виртуальности. При эмпирическом подходе политическая реальность предусматривает отражение событий, существование которых можно доказать на практике, однако виртуализация способствует формированию искусственных симулякров или образов реальности.

Савельев А.А. (Москва, НИУ ВШЭ)

МОДЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В СТРАНАХ БАЛТИИ

Определение факторов, наиболее благоприятствующих развитию демократии, а также условий для формирования и «надлежащей» работы ключевых политических институтов остается актуальным вопросом повестки исследований состояния политических режимов на посткоммунистическом пространстве.

Одним из самых значимых политических институтов для формирования подотчетности политического режима является партийная система, так как именно через этот институт закрепляются устойчивые связи между гражданами и властью, что способствует формированию условий для рационального принятия и поддержки гражданами демократического политического режима.

В настоящий момент в молодых демократиях на посткоммунистическом пространстве можно выделить три характерные модели функционирования партийных систем:

- первая модель сопоставима с моделями партийных систем зрелых демократий, в которых низкая волатильность в поддержке политических партий сочетается с низким уровнем клиентелизма;
- вторая модель связана с наличием в партийной системе высокого уровня клиентелизма и стабильностью участников электорального процесса, она типична для новых демократий стран Азии и Латинской Америки;
- третья модель является характерной для ряда стран на посткоммунистическом пространстве, в партийных системах которых невысокий уровень клиентелизма сочетается с высоким уровнем волатильности поддержки политических партий и нестабильностью состава участников выборов.

Традиционно прибалтийские страны - Латвия, Литва и Эстония, рассматриваются в политической науке в качестве единого региона, так как сопоставимы между собой как по уровню экономического развития, размеру территории и населения, так и ценностям избирателей. В то же время партийные системы прибалтийских стран, начиная с электоральных циклов 2010-ых годов, устойчиво воспроизводят разные модели функционирования партийных систем. Так, эстонская партийная система развивается в соответствии с типичной моделью функционирования партийных систем в устойчивых западных демократиях: на выборах в Рийгигогу более 70% избирателей голосуют за 4 основные политические партии.

В Литве партийная система имеет блоковый и атомизированный характер: при высоком уровне волатильности ни одна из партий не имеет общенациональной поддержки, новые партии легко добиваются значимой поддержки со стороны избирателей.

В Латвии поддержка постоянных участников голосования со стороны избирателей изменяется от выборов к выборам, в том числе за счет появления новых популистских партий. Высокая поляризация в позициях участников электорального процесса приводит к тому, что партия, выигрывающая выборы, стабильно не может сформировать правящую коалицию.

В связи с этим, определенный научный интерес представляет исследование факторов, определяющих разнонаправленность эволюции партийных систем стран Балтии. Для определения указанных факторов в рамках исследования рассмотрен процесс эволюции партийных систем прибалтийских стран с помощью метода структурированного анализа кейсов и методов электорального анализа.

Результаты исследования показывают, что структура социальных размежеваний и конфигурация элит на начальных этапах развития партийной конкуренции являются основными факторами, повлиявшими на разную траекторию эволюции партийных систем стран Балтии. Так, значимое участие прежних элит в деятельности политических партий Литве формирует сначала блоковый, а потом и атомизированный характер конкуренции.

В Латвии отсутствие сильных левоцентристских сил привело к крайней фрагментации партийного пространства. В то же время наличие в латвийском обществе значимых социальных размежеваний позволяет стабилизировать конкуренцию основных политических сил и приводит к тому, что популярной электоральной стратегией новых политических партий для привлечения голосов избирателей становится «крайний популизм».

В Эстонии фрагментация элит и пропорциональная избирательная система позволила сформировать широкий спектр политических партий, устойчиво пользующихся поддержкой избирателей, а также избежать антагонистической конкуренции между правыми или левыми партиями.

Таким образом, структура социальных размежеваний оказывает значимое влияние на характер партийной конкуренции, так при отсутствии значимых для общества конфликтов политические партии вынуждены искать другие основания для конкуренции за голоса избирателей. В случае наличия нескольких социальных размежеваний в обществе, не сводящихся по линии одного противостояния, электоральные стратегии политических партий рано или поздно становятся ориентированными на определенные сегменты электората, что позитивно влияет на стабилизацию партийной поддержки вокруг основных политических сил и консолидацию всей партийной системы. Выбор пропорциональной системы делегирования голосов избирателей на выборах способствует стабилизации партийной поддержки и позволяет сохранять рациональную логику функционирования моделей партийных систем, даже в случае их низкой консолидации.

Савенков Р.В. (Воронеж, ВГУ)

КОНЦЕПТ ПУБЛИЧНОГО ОСПАРИВАНИЯ: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ

Впервые понятие «оспаривание» (contestation) использовал Б. Жувенель, подразумевая постоянную возможность артикулировать в публичном пространстве возражения против политики, проводимой легитимной властью. Оспаривание осуществляется в демократическом политическом режиме, т.е. в системе, чувствительной к критике, обладающей институтами публичного обсуждения недостатков и альтернатив политического курса. Субъектом оспаривания являются обычные граждане «... те стихийно формирующиеся в обществе объединения людей соответственно интересам и склонностям, которые стремятся разрушить авторитарный инстинкт» власти (Жувенель Б. де. Власть: Естественная история её возрастания. М.:ИРИСЭН, Мысль, 2011. С. 385). Институционализированная политическая оппозиция в виде конкурирующей партии является одним из инструментов оспаривания граждан, однако современные возможности последних для оппонирования гораздо шире и не предполагают только замену правящей партии или группы по итогам выборов (Jouvenel B. The means of Contestation // Government and Opposition. 1966. No 1 Jan. P. 164).

В работах Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. МакАдама сформирована концепция «оспаривания» (contention), в которой политическое участие и действие включены в категорию «состязательной (конфликтной) политики» (contentious politics). Концепт «состязательной политики» включает коллективную активность обычных граждан, объединение ресурсов которых позволяет им предъявлять требования к элитам,

власти и другим своим оппонентам. Триггером «состязательной политики» является изменение политических возможностей и ограничений, позволяющих общественным группам, лишенным ресурсов влияния, создавать новые ресурсы для своего действия. Концепт состязательной политики концентрируется на действиях обывателей по использованию имеющихся ресурсов и возможностей, их расширению, а также на действиях по созданию новых ресурсов, культурных символов, обогащению репертуара протестного действия. В категорию «состязательная политика» не входят регулярные политические действия: заседания парламента, принятие законов, выборы, административный процесс и т.п., хотя эти события могут стать её ускорителем.

По наблюдениям С. Тэрроу, состязательные коллективные действия являются фундаментом социальных движений, которые стали результатом формирования организаций у оспаривающих групп. В отличие от концепций социальных движений, «состязательная политика» рассматривает коллективных акторов (предъявителей требований), объединенных общей целью и социальной солидарностью в постоянном взаимодействии с элитами, оппонентами и властью. «Коллективные действия становятся состязательными, – размышляет С. Тэрроу, – когда их практикуют группы, лишенные постоянного доступа к представительным институтам, ограниченные в своих возможностях оспаривать действия власти» (Tarrow S. *Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics*. Cambridge University Press, 2011. P. 7-9).

Развивая широкую трактовку понятию «публичное оспаривание» (public contestation) Р. Даль рассматривал его как один из параметров демократичности политического режима. «Публичное оспаривание», по мнению Р. Даля, означает «опровергать, делать нечто предметом диспута, спора, тяжбы» (Даль Р. *Полиархия: участие и оппозиция*. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 15). Политические режимы различаются между собой по тому, какая часть населения допущена к участию в контроле и оспаривании действий правительства, какие возможности есть для организации институциональной оппозиции. Другими словами, степень участия граждан и политической оппозиции в системе публичного оспаривания становится основным аспектом процесса демократизации, индикатором типа политического режима. Субъектом оспаривания являются как граждане, так и профессиональные политики, политические партии.

Разнообразные виды публичного оспаривания, такие как революции, социальные и националистические движения, индустриальные конфликты, войны, действия групп интересов исследуются в разных социально-политических парадигмах, хотя являются схожими феноменами, имеют единые, не всегда ясно наблюдаемые, корни. Концепция «состязательной политики» объединяет две базовые парадигмы конфликтологического подхода: структуралистскую и функционалистскую. В рамках первой анализу подвергаются социальная структура и институты (динамика политико-правовых возможностей), интересы, субъекты, в рамках второй – специфика взаимодействия субъектов оспаривания, репертуар действий, особенности внутренней организации оспаривающих групп. Концепт «публичное оспаривание» в широкой трактовке Р. Даля создает «зонтичное понятие» – включающее в себя все виды нелояльного действия как граждан, так и политической оппозиции. В отечественной политологии ещё предстоит определить парадигмальную принадлежность концепта «публичное оспаривание» и операционализировать его для практических исследований.

Сакаев В.Т. (Казань, К(П)ФУ)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ РАДИКАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАН В РОССИИ, СТРАНАХ ЕС И США

В настоящее время многие страны, расположенные на всех, без исключения, континентах земного шара, так или иначе, столкнулись с вызовами исламского радикализма. Причем, с подобными вызовами сталкиваются как развитые, так и развивающиеся страны, демократические и авторитарные режимы, капиталистические системы и общества, идущие по особому пути социально-экономического развития. Эта мощная тенденция к распространению радикальной идеологии, конечно же,

обусловлена целым рядом факторов политического, экономического, геополитического, демографического характера и др. Конечно же, глобализация и широкое распространение информационных технологий, несомненно, также повлияли на то, чтобы вызовы исламского радикализма стали столь опасными и широко распространенными в разных странах мира. Поэтому, исследование данной проблемы представляет особый интерес для научной общественности, как в нашей стране, так и за ее пределами.

Важным вопросом, занимающим многих исследователей данной проблемы, является, как известно, вопрос о факторах радикализации личности. Иными словами, требуется дать ответ на вопрос, почему тот или иной индивид попадает под влияние радикальных идей. В этой связи, следует отметить, что часто, причины радикализации исследователи видят в специфической уязвимости тех или иных групп населения перед мощным пропагандистским воздействием исламистов. Ряд исследователей, таким образом, пытаются выявить социально-демографические закономерности в процессе распространения исламского радикализма в своих странах и определить наиболее уязвимые группы по социально-демографическим критериям.

В то же время, сравнение социально-демографических характеристик лиц, приверженных радикальным идеологиям, вовлеченных в радикальные организации исламистского толка и участвовавших в различных действиях радикальных групп, которые мы встречаем в работах авторов из разных стран, часто, демонстрирует присутствие серьезных отличий, применительно к разным обществам и группам населения. Эти отличия касаются, как вопросов возраста, социальной принадлежности, уровня благосостояния и т.д., так и целого ряда других характеристик. Причем, по ряду важных критериев эти показатели не совпадают.

Отсюда, возникает вопрос, а возможно ли вообще выделить универсальные подходы к определению групп населения, наиболее уязвимых к пропаганде радикальных идей, опираясь, при этом, только на социально-демографические характеристики или же это сделать невозможно? Можно ли вообще говорить об особой уязвимости отдельных групп населения (например, молодежи или жителей определенных территорий) к пропаганде радикальной идеологии и их склонности к радикализации?

Проведение сравнительного исследования с опорой на вторичный анализ ранее опубликованных исследований и привлечение доступных данных по криминальной статистике ряда стран, позволит попытаться дать ответы на поставленные вопросы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31642.

Салаватова А.В. (Москва, МГИМО МИД России)

РАМКИ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ: ТРАНЗИТ БЕЗ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОГОРИИ

Парламентские выборы 30 августа 2020 года закончились поражением находившейся у власти с 1991 года Демократической партии социалистов Черногории (ДПСЧ) и уходом с политической сцены ее лидера, премьер-министра М. Джукановича. Парламентское большинство, хоть и с разницей в один мандат, получила коалиция оппозиционных блоков «За будущее Черногории», «Мир – наша нация», «Черное на белом». Главным фактором, объясняющим поражение ДПСЧ в ходе последнего электорального цикла, стало принятие в декабре 2019 года закона о свободе вероисповедания, согласно которому объявлялось изъятие церковной собственности в пользу неканонической Черногорской православной церкви (ее автокефалия от Сербской православной церкви (СПЦ) провозглашена в 1993 году и с тех пор не признана ни одной из канонических церквей). Принятие закона вызвало массовые протесты верующих.

Оппозиция в ходе кампании активно использовала просербскую и пророссийскую риторику, поэтому с победой противников М. Джукановича связывали смену политического курса по ключевым направлениям, а именно – отказ от членства в НАТО, снятие антироссийских санкций, отзыв признания независимости Косова и, возможно, пересмотр курса на вступление в ЕС. В действительности в ходе первых поствыборных выступлений представители оппозиции заявили, что по каждому из этих пунктов планируют придерживаться принципа внешнеполитического континуитета. Формальные причины заключаются во внутренних разногласиях в рамках коалиции, но все в конечном счете ориентируются на базовый консенсус – интеграцию в ЕС, где каждый из трех спорных вопросов является условием. Таким образом, тридцатилетнее правление ДПСЧ завершилось, но для смены политического курса в условиях процесса евроинтеграции предпосылок нет.

В черногорском политическом транзите, начавшемся на фоне дезинтеграции Югославии, принято выделять несколько значимых стадий:

1. Период с 1989 по 1997 гг. отмечен критикой старой республиканской номенклатуры и «революционным» сближением с Белградом, поддержкой курса председателя президиума Сербии С. Милошевича, осуждением сепаратистских тенденций в СФРЮ. Будучи наследницей Союза коммунистов Черногории, пришедшая к власти в 1991 году Демократическая партия социалистов Черногории во главе с президентом М. Булатовичем (правительство возглавил один из лидеров партии М. Джуканович) выступала за сохранение Югославии, а к тому моменту – фактически союза Черногории и Сербии, что было подтверждено на референдуме 1992 года. Параллельно формируется суверенистское крыло партии, выступающее за независимость Черногории при поддержке ЕС. Тогда же формируются оппозиционные этнические партии представителей национальных меньшинств – албанцев и бошняков, а также более радикальные суверенисты или просербские силы, занимающие периферию.
2. Транзит к разводу с Белградом начинается только в 1997 году с расколом ДПСЧ и приходом к власти суверенистов во главе с М. Джукановичем, тогда как бывший президент М. Булатович, сохранив лояльность центру в лице С. Милошевича, создает Социалистическую народную партию Черногории (СНПЧ). Правящая ДПСЧ создает коалицию с другими суверенистскими партиями и выступает против политики С. Милошевича. Активная борьба просербских и суверенистских (что зачастую подразумевало «антисербских») сил в Черногории завершается с политическим поражением С. Милошевича в результате цветной революции 2000 года.
3. В период с 2000 года до объявления окончательной независимости от Югославии в 2006 году форсируется формирование черногорской нации как отличной от сербской (до определенного момента черногорская идентичность считалась субнациональной по отношению к сербской, указывая на определенные региональные различия). Однако специфика черногорского случая заключается в том, что национальная идентификация здесь носит обратимый характер и крайне восприимчива к актуальным партийно-политическим изменениям. Флюидный характер черногорской национальной идентичности стал особенно заметен в период с 1991 по 2003 гг. - доля черногорского населения сократилась с 61,86% до 43,16%, а сербского возросла с 9,34% до 31,99%. На фоне событий дезинтеграции Югославии фактически произошел раскол православного славянского населения Черногории по политическому принципу на сербов и черногорцев.
4. После 2006 года Черногория следует курсу евроатлантическому курсу: признает независимость сербского края Косово и Метохия, получает статус страны-кандидата в члены ЕС, в 2017 году вступает в НАТО.

Наконец, в настоящее время перед оппозицией стоит вызов, с одной стороны, разрыва с наследием прежнего режима, с другой – сохранением всех взятых предыдущей властью обязательств. Иными словами, выбор стоит между реальным политическим транзитом, который подразумевал бы не только смену лидеров, но и переоценку политического курса, и продолжением евроинтеграции, но с определенного момента эти понятия стали взаимоисключающими.

Самарин Я. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КУЛЬТУРНЫЕ ВОЙНЫ В ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ США (НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «ХРАНИТЕЛИ»)

США были родиной графического романа как массового явления. Неудивительно, что в итоге он стал частью политического дискурса США. Выделяют следующие аспекты использования графического романа в политике: обретение политическим деятелем популярности; информирование населения; воздействие на читающую комиксы аудиторию¹⁷⁸. Сегодня появляется все больше графических романов и произведений, созданных на их основе, в центре внимания которых находятся вопросы социальной справедливости, а также они играют важную роль в контексте «культурных войн» в США, получивших развитие в период президентств Обамы и Трампа.

Графический роман А. Мура «Хранители», как и основанные на его сюжете фильм и сериал, создают реальность альтернативную нашей. Эти реальности стали расходиться где-то с 1960-х гг.: США одержали победу во Вьетнаме, Уотергейт не раскрыт и в 1985 г. Никсон все еще президент. Расхождения обусловлены наличием в ней костюмированных героев — людей без сверхспособностей (за единственным исключением), которые выступают не только борцами с преступностью, но и агентами правительства. Если оригинальный роман и фильм описывали 1980-е, то сериал переносит сюжет в наше время.

Главное изменение в сериале по сравнению с оригинальным произведением становится смена нарратива в расовом и гендерном вопросах. Дело не только в том, что большинством протагонистов становятся женщины и афроамериканцы. Полностью переворачивается сама изначальная мифология сюжета о супергероях, а, в свою очередь, и всей комикс-культуры США. По сюжету первым героем был афроамериканец, а ключевым триггером оказался именно расовый вопрос. В соответствии с «Project 1619»¹⁷⁹ вся история США, (включая комиксы про супергероев), рассматривается через расовую проблематику.

Антагонистами в сериале выступают сторонники белого превосходства, схожие с карикатурами на электорат Д. Трампа в реальном мире. В их среде существуют радикальные террористические группы, борющиеся как с полицией, так и с представителями черной расы, и придерживающиеся фашистских взглядов. За этими группами стоят законспирированные представители реакционной элиты: WASP, притворно разделяющие ценности современных США, но стремящиеся вернуть сегрегацию и мир старых социальных иерархий, в котором они господствовали.

В этом сюжете очевидно просматривается отсылка к реальному миру и «южной стратегии» Никсона (который по сюжету и является олицетворением реакционеров США), ставшей основой электоральных успехов республиканцев. Но, фактически, происходит отождествление консерватизма, движения альтрайта, расизма и терроризма. Такая амальгама приводит к торжеству дихотомического мышления. Именно невозможность политической дискуссии обострила поляризацию летом 2020 г. и вылилась в вооруженные столкновения в городах реальных США.

Второй сюжетной линией, связанной с политикой, является критика «старых либералов», которых можно соотнести с истеблишментом демократической партии в нашем мире. Реальность сериала, казалось бы, происходит в условиях торжества американской вариации либерализма. Но этот мир оказывается под повсеместным надзором властей и с возросшим полицейским насилием, интернет и социальные сети отсутствуют. Президент, хотя и либерал, но бессменно занимает свою должность уже 27 лет. Сама продолжительность нахождения у власти для американцев с их принципами ограничения сроков демонстрирует недемократичность политической системы. Один из главных антагонистов является носителем либеральных ценностей, но ради спасения мира от ядерной войны организовал глобальную катастрофу, погубившую миллионы. Он цинично жертвует жизнями ради достижения высших целей.

178. Садуов Р. Т. Графическая литература как составляющая американского политического дискурса // Политическая лингвистика 2009 №3. С. 103.

179. Проект The New York Times Magazine предполагающий переосмысление истории США через анализ рабства и его влияния на политику и культуру.

Тем самым авторы сюжета подвергают ревизии либерализм истеблишмента, ставя, в духе левого популизма, вопрос о порочной сути самих элит. Так же в реальных США левые активисты бросают вызов умеренным демократам, заявляя, что те лишь немногим лучше консерваторов и расистов.

Подводя итог, можно сказать что сериал выдержан в духе левого прогрессизма, не столько выступающего за «возврат к нормальности» после Трампа, сколько за ревизию всего культурно-политического наследия США как зараженного системным расизмом и защищающего права привилегированных порочных элит. А тот факт, что сериал оказался одним из самых успешных в 2019 г. показывает, что подобный взгляд уже не является маргинальным для США, что подтвердили праймериз демократов и волнения лета 2020 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31690 «Символические коды и нарративы патриотизма в национальной памяти современной России и США».

Самаркина И.В. (Краснодар, КубГУ)

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КРУПНОГО ГОРОДА: СОДЕРЖАНИЕ, ТИПЫ И ПОТЕНЦИАЛ КОНВЕРТАЦИИ В КОНСТРУКТИВНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

В современной политической науке созданы теоретические предпосылки для концептуализации понятия локальной идентичности городской молодежи как многосоставного феномена в системе субъективного пространства политики, понимаемого как совокупность символических, идеологических и культурных образований, обуславливающих содержание поведения и деятельности разнообразных политических акторов, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений.

Концептуальная модель исследования строится на основе интеграции нескольких исследовательских парадигм: феноменологического подхода к изучению жизненного мира (Э. Гуссерля); деятельностно-коммуникативного подхода (Х. Арендт); социокультурного подхода, позволяющего интегрировать анализ макрополитических процессов и их проекции на уровень индивида и сообществ, с которыми он себя соотносит; сетевого подхода (М. Кастельса).

Локальная идентичность является низовым уровнем территориально-пространственной идентификации и связана с чувством сопричастности человека с местом его проживания и/или происхождения. Городская идентичность молодежи является инвариантом локальной идентичности, концептуальная модель ее анализа включает: параметры субъекта (молодежи), определяющие специфику этой социально-демографической группы; содержание феномена локальной идентичности; параметры объекта идентификации – города как значимого на данном жизненном этапе личности места; практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность; систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности; механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики.

Исследовательский вопрос состоит в выявлении в семантическом пространстве города компонентов, актуализирующих локальную идентичность его молодых жителей; поиске оснований типологизации локальной идентичности городской молодежи и выявлении моделей конвертации локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи.

Эмпирическим объектом исследования выступила молодежь больших и крупных городов Краснодарского края (Краснодар, Новороссийск, Сочи и Армавир) в возрасте от 14 до 30 лет. Эмпирическую базу исследования составили стенограммы 16 фокус-групп, проведенных в марте-апреле 2020. Верификация концептуальной модели проводилась на основе комплексной методики, в которую были

интегрированы кластические методы сбора эмпирической информации и специальные социально-психологические методики, адаптированные под задачи исследования (тест Куна-Макпартленда, методика семантического дифференциала, проективный рисунок).

По результатам эмпирического исследования выявлены и описаны типы локальной идентичности городской молодежи в соответствии с валентностью: негативная, нейтральная, позитивная и завышенная, показано, что тип идентичности связан с объектом идентичности (характеристиками города) и субъектом восприятия (характеристиками возрастной группы молодежи). В нейтрально-негативном спектре (в зависимости от возрастной группы) находится локальная идентичность молодежи г. Краснодара и г. Новороссийска; в позитивно-завышенном спектре – локальная идентичность молодежи г. Армавира и г. Сочи. Отмечается, что наличие позитивной валентности выступает признаком адаптивного состояния идентичности и связано с ориентацией личности в составе группы на конструктивную активность. Остальные виды валентностей характеризуют неадаптивное состояние идентичности, в котором личность в составе группы открыта для манипулятивного воздействия (вовлечения в неконструктивные практики).

Выявлен диалектический характер взаимосвязи компонентов системы локальной идентичности городской молодежи – ее содержания и практик реализации. Описаны две основные модели конвертации локальной идентичности и социально-политических практик – прямая и обратная. В первом случае (прямая конвертация), актуализированные смыслы, связанные с локальным через механизмы конвертации, трансформируются в социально-политические практики. Во втором случае (обратная модель конвертации) через общественно-политические практики актуализируются смыслы, связанные локальным.

Проведенное исследование позволило конкретизировать представления о механизмах взаимосвязи неинституциональных компонентов политики и конвертации феноменов субъективного пространства политики в реальные общественно-политические практики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)»

Самойлов Н.Ю. (Барнаул, АлтГУ)

ОТРАЖЕНИЕ СТРЕМЛЕНИЙ К ПЕРЕМЕНАМ В СРЕДЕ БРИТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ 1960–70-Х ГГ. В БРИТАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Спустя десятилетие после Второй мировой войны кинематограф оставался одним из популярных развлечений британской молодежи. В конце 1950-х годов феномен критического переосмысления форм, методов, задач кинематографа, обычно именуемый «новой волной», стал набирать популярность в Великобритании. Особенностью британской «новой волны» стало то, что в центре повествования оказывались преимущественно представители низших социальных слоев. Поскольку социальная критика и демонстрация бытовой неустроенности ставилась в этих фильмах во главу угла, ряд фильмов также относят к такому направлению британского искусства 1950–1960-х годов, как «драматургия кухонной мойки» (англ. kitchen sink drama). Многие картины данного направления рассматривали проблемы молодежи: «Путь наверх» (реж. Д. Клейтон, 1959) и «Оглянись во гневе» (реж. Т. Ричардсон, 1959), «Одиночество бегуна на длинные дистанции» (реж. Т. Ричардсон, 1962) и другие. Все перечисленные фильмы являлись экранизациями произведений, созданных представителями литературного направления «рассерженные молодые люди» (англ. Angry young men).

Вне «новой волны» мы также обнаруживаем подъем интереса к теме молодежи. Это фильмы о взрослении, например, «Глубина» (реж. Е. Сколимовский, 1970). Картины о подростковом насилии и

насильственных же методах его «исправления» со стороны государства – «Заводной апельсин» (реж. С. Кубрик, 1971), «Отбросы» (реж. А. Кларк, 1979).

В отдельную категорию можно выделить фильмы, раскрывающие недостатки британской образовательной системы – незащищенность учеников от унижений со стороны сверстников, жестокость учителей, физические наказания. Это картины «Если...» (реж. Л. Андерсон, 1968), «Расцвет мисс Джин Броди» (реж. Р. Ним, 1969), «Кес» (реж. К. Лоуч, 1969).

Отдельно выделим фильмы, которые затрагивали ранее табуированные в обществе темы и демонстрировали девиантное, с точки зрения тогдашнего британского законодательства, поведение молодых экранных героев. Тем самым они влияли на изменение образа мышления молодежи. Это фильмы «Вкус меда» (реж. Т. Ричардсон, 1961), «Дорогая» (реж. Д. Шлезингер, 1965), «Сноровка... и как ее приобрести» (реж. Р. Лестер, 1965). В указанных картинах персонажи проявляли прежде всего противоречащее общественной морали и нормам законодательства поведение в частной, интимной жизни.

Также отметим музыкальные фильмы, целевой аудиторией которых являлось молодое поколение. Такие картины снимались при участии группы «The Beatles» – например, «Вечер трудного дня» (реж. Р. Лестер, 1964). Среди созданных в сотрудничестве с музыкантами выделяется фильм «Квадрофения» (реж. Ф. Роддэм, 1979), созданный при участии рок-группы «The Who». В фильме затрагивались темы идентичности, принадлежности к субкультурам.

Таким образом, кинематограф в 1960–70-х годах стал в большей степени ориентироваться на молодежь. Фильмы, в которых главными героями были «рассерженные молодые люди» (прежде всего, фильмы «новой волны») повышали субъектность молодежи. Они демонстрировали неприятие существующих порядков в быту. Фильмы более позднего времени предвосхищали изменения в образе жизни молодежи, выступали в качестве провозвестников «сексуальной революции» конца 1960-х годов. Впоследствии, многое из продемонстрированного в вышеперечисленных картинах нашло отражение в смягчении общественных нравов и последующей либерализации британского законодательства – например, в принятии Акта о разводах (Divorce Reform Act, 1969)¹⁸⁰.

Сапрыка В.А., Пастюк А.В. (Белгород, НИУ БелГУ)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕАЭС

Форсированная цифровизация общества, обусловленная всемирной пандемией и активизацией дистанционных форм работы и взаимодействия, стала одной из причин повсеместного внедрения современных интернет технологий.

Однако к настоящему времени использование практик цифровых технологий является уже не конкурентным преимуществом, способным в значительной степени повысить эффективность управления, а объективной необходимостью для дальнейшего функционирования управленческого аппарата. Более того, цифровизация является в некотором роде ресурсом, который представляется возможным использовать для создания устойчивых международных связей, в том числе и между органами власти в межгосударственных проектах, без осуществления значительных затрат.

Стоит отметить, что особую ценность цифровые технологии приобретает в контексте развития системы публичного управления. Под последней нами понимается управленческая система, в рамках реализации которой обеспечивается разностороннее сотрудничество органов государственной власти и местного самоуправления, общественного сектора, некоммерческих организаций, ученых и экспертов, для решения значимых социальных проблем и общественного развития.

В настоящее время развитие публичного управления в государствах ЕАЭС, как и на всем постсоветском пространстве, осуществлялось асинхронно, без учета интеграционных потребностей государств. К примеру, в Российской Федерации понятие «публичное управление» было впервые официально зафиксировано в принятых в 2020 году поправках в Конституцию, тогда как в Республике Армения

180. Divorce Reform Act 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/55/pdfs/ukpga_19690055_en.pdf (дата обращения: 12.09.2020).

уже несколько лет действует соответствующая нормативно-правовая база, закрепляющая основные положения и принципы реализации публичного управления.

По нашему мнению, для дальнейшего развития интеграционных процессов возникает необходимость в глубоком изучении сложившихся предпосылок для формирования систем публичного управления во всех странах ЕАЭС, выявлении и распространении лучших практик его реализации, а на финальном этапе и создания единой модели публичного управления Евразийского союза, которая будет включать в себя наиболее эффективные управленческие инструменты взаимодействия власти и общества.

В этих условиях форсированная цифровизация, произошедшая за последние месяцы, позволит наладить многостороннее взаимодействие между органами власти, общественным сектором и экспертами, а также университетами и научными центрами, ведущими подготовку будущих специалистов в области публичного управления.

Стоит отметить, что за пределами ЕАЭС уже долгие годы действуют различные международные ассоциации, объединяющие экспертов и ученых в области публичного управления. Так, например, свою деятельность осуществляет Сеть школ и институтов публичного управления Центральной и Восточной Европы (NISPAcee), основным направлением работы которой является совершенствование обучения и исследований в области государственного управления и государственной политики (The Network of Institutes and Schools of Public Administration in Central and Eastern Europe URL: <https://www.nispa.org/> (дата обращения: 09.09.2020).

На евразийском пространстве в настоящее время реализуется проект «Межрегиональная сеть школ публичного управления Евразийского экономического союза», который объединяет ряд ведущих вузов ЕАЭС. Распространение и внедрение цифровых технологий станет решающим импульсом для развития данного проекта, что позволит на регулярной основе организовывать видеоконференции и онлайн-дискуссии, дистанционно реализовывать совместные научно-исследовательские проекты, удаленно обмениваться результатами аналитической работы и исследований (Межрегиональная сеть школ публичного управления URL: <http://inpas.net/> (дата обращения: 09.09.2020).

В свою очередь, к числу наиболее перспективных приоритетов работы Межрегиональной сети публичного управления в условиях форсированной цифровизации стоит отнести следующие:

- обеспечение консолидации экспертного сообщества, представителей общественного сектора, НКО и органов власти для реализации совместных международных проектов, формирование базы данных экспертов и организаций, готовых активно включаться в процессы развития публичного управления на пространстве ЕАЭС;
- подготовка рекомендаций по формированию единых образовательных стандартов при подготовке специалистов в области публичного управления;
- реализация совместных научно-исследовательских проектов в области компаративного анализа процессов реформирования систем государственного и муниципального управления в странах ЕАЭС и определение актуальных направлений их комплементации.

Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ № 20-011-31535 (ОПН) «Публичное управление в цифровом обществе: к новому общественному договору».

Саркисян О.Л. (Ереван, Армения, РАУ)

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В ГОСУДАРСТВАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

После развала СССР в государствах, сформировавшихся на постсоветском пространстве, начался интенсивный процесс нациестроительства. Этот процесс в различных странах имел как общие признаки, так и свои специфические черты.

Одним из факторов, влияющих на политику нациестроительства на постсоветском пространстве, является то, что большинство народов здесь либо вообще не имели опыта собственной государственности, либо потеряли свою государственность несколько столетий назад. Поэтому здесь «задача

нациестроительства встает одновременно и параллельно с задачей государственного строительства, а в некотором отношении – и в качестве конкурирующего проекта» (Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. 2017. № 5. С. 56). На наш взгляд, это относится и к государствам Южного Кавказа. Хотя Армения и Грузия и имели достаточно долгий опыт государственности, но проект создания национального государства им не удалось осуществить. В результате они оказались в составе Российской империи, а затем СССР. После провозглашения независимости эти государства встали перед проблемой совмещения узких этнонациональных интересов и амбиций гражданско-государственного строительства. Что касается Азербайджана, то здесь на первый план выдвинулась проблема конструирования общенациональной гражданской идентичности в условиях этнической и конфессиональной разношерстности.

На политику нациестроительства на постсоветском пространстве влияет также то, как народы воспринимают советский период своей истории. Во многих случаях работает феномен «постколониального синдрома». Советская эпоха представляется как период колонизации и соответственно политика идентичности строится на противопоставлении этому периоду. А так как зачастую СССР воспринимается как российский проект, то политика отмежевания от советского прошлого часто превращается в политику дистанцирования от России или даже – противопоставления ей. Наиболее ярким выражением подобной политики на Южном Кавказе является позиция Грузии. Позиция отмежевания от России у многих стран постсоветского пространства проявляется в усилении прозападной политики, что выражается в стремлении «вернуться в Европу». О своей «европейской идентичности» заявляют в Украине, Молдавии, а на Южном Кавказе – в Грузии. В Армении, где осознается важность стратегического партнерства с Россией, особенно в области безопасности, наоборот, большинство населения относятся к советскому прошлому позитивным образом. Азербайджан же занимает более умеренную позицию, демонстративно декларируя свою позицию нейтралитета. Хотя, с другой стороны, это государство интенсивно сотрудничает с Турцией, подчеркивая свою тюркскую идентичность, а также всячески лоббирует свои интересы в организациях исламских государств, в то же время, позиционируя себя как абсолютно светское государство.

Своеобразным проявлением вышеуказанных позиций государств Южного Кавказа является степень их задействованности в интеграционные проекты, развертывающиеся на постсоветском пространстве, основным инициатором которых является Россия: Грузия не участвует в них, Азербайджан входит в СНГ, Армения участвует и в СНГ, и в ОДКБ, и в ЕАЭС.

Амбиции будущего и цели политики нациестроительства заставляют государства региона по-новому конструировать историю, следствием чего становятся так называемые «войны памяти».

Необходимо учесть также, что на процессы, протекающие в регионе, в том числе на процесс нациестроительства, оказывает влияние факт наличия здесь межнациональных конфликтов, непризнанных и полупризнанных государств. Исследование процесса нациестроительства в самих этих непризнанных государствах является отдельной задачей. Но интересно, что межнациональный конфликт также используется как инструмент политики нациестроительства, как мощное средство мобилизации общества. Так, например, важным инструментом политики идентичности Азербайджана является конфликт с Арменией вокруг Нагорного Карабаха, а скорее демонизация армян как образа Другого, на противопоставлении которому пытаются консолидировать азербайджанское общество.

Таким образом, если в Грузии главной тенденцией процесса нациестроительства является отмежевание от советского прошлого и влияния России и вписывание в западный мир, то политика идентичности в Азербайджане, в основном, базируется на усилиях нивелировки религиозных и племенных различий на пути формирования общеазербайджанской идентичности.

Что касается Армении, то здесь практически не используется термин политика нациестроительства. Обосновывается данная позиция тем, что население Республики Армения моноэтнично. Но игнорирование политики нациестроительства, исходя из факта моноэтничности населения Республики Армения, означает, что нация понимается сугубо в этническом смысле. Между тем, развитие государственности, претензии на становление национального государства предполагают, в первую очередь, интенсивное развитие гражданско-государственного пласта национальной идентичности, что и должно быть особой составляющей политики нациестроительства.

Сафина А.Р. (Москва, МГИМО МИД России)

КУРДСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В МНОГОСОСТАВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Политическая карта мира после Второй мировой войны преимущественно состояла из одномерных элементов в виде национальных государств. Однако в ходе интенсивных процессов глобализации координатная сетка государств распалась на множество элементов другого порядка, включая такие политико-территориальные образования как де-факто государства, “несостоявшиеся” государства, квазигосударства и субнациональные территориальные политии. В этой связи многосоставные общества, в которых сегменты стремятся к автономии и собственной государственности на локальном уровне, сталкиваются с нарастанием этнополитических конфликтов. Наиболее релевантным кейсом, представляющим этнополитический конфликт в многосоставном обществе, является курдский вопрос в Республике Ирак. Курды являются самым многочисленным народом в мире, не имеющим собственного государства. После распада Османской империи курдские племена оказались разделены и стали частью сразу нескольких стран — Ирака, Турции, Сирии и Ирана. Политические процессы в Иракском Курдистане приобретают все большее интернациональное значение, так как ситуация с курдскими меньшинствами оказывает огромное влияние на региональную стабильность. Политико-институциональный статус Иракского Курдистана является своего рода формулой урегулирования этнополитических конфликтов на Ближнем Востоке, так как он может являться образцом построения эффективных политико-властных отношений и стабильной политической системы для курдских и других меньшинств.

Субнациональные единицы государства становятся все более независимыми и способны влиять на международные отношения напрямую, обходя стороной решения центральных правительств. В связи с этим особый интерес для исследования представляет концептуализация фактического политико-институционального статуса Иракского Курдистана и анализ внутренних факторов формирования курдской государственности. Новый политологический подход к операционализации «государственной состоятельности» на субнациональном уровне или «субъектности» политии позволяет изучить особенности центр-периферийных отношений в Республике Ирак и выявить механизм разрешения политических конфликтов в многосоставных обществах. «Субъектность» означает наличие автономии в принятии решений и выработке собственных правил, а также влияние на внешнюю среду. В соответствии с данной гипотезой «субъектность» или «акторность» включает в себя пять компонентов: 1) внутренняя идентичность; 2) внешнее признание; 3) международное присутствие; 4) некоторая форма институционализации; 5) инструменты для принятия решений. Перечисленные компоненты наделяют исследователя инструментарием для операционализации особой «субъектности» Иракского Курдистана. Таким образом, особый статус Иракского Курдистана приводит к тому, что в вопросе политической «субъектности» он перерастает рамки национального государства, в то время как его трансформация в государственное образование остается под вопросом.

Особое внимание в контексте курдской проблемы следует уделить уникальной консоциативной системе политико-властных отношений в Республике Ирак, которая смягчает существующие противоречия между различными этноконфессиональными группами и представляет интересы всех сегментов иракского общества. Центробежные тенденции, присущие государствам с многосоставным обществом при консоциативной демократии уравниваются установками на взаимодействие со стороны всех групп значительных сегментов общества. Так, в Ираке существуют определенные договоренности между тремя крупными этноконфессиональными группами - суннитами, шиитами и курдами, согласно которым пост премьер-министра занимает представитель арабо-шиитской общины, спикером парламента является представитель арабо-суннитской общины, а президентом Ирака должен

быть этнический курд. Более того, в этнополитической модели иракской формы правления происходит балансирование между предоставлением ограниченных полномочий курдам на федеральном уровне власти и расширением их полномочий на субнациональном уровне власти. На основании результатов измерений президентских полномочий на всех уровнях государственной власти следует прийти к выводу, что такая исключительная модель децентрализованной федерации с обширной политической автономией Иракского Курдистана является оптимальной моделью для разрешения этнополитических конфликтов в странах, где проживают курдские меньшинства. В связи с большим объемом полномочий регионального правительства у иракских курдов не возникает потребности в сессии и выходе из состава федеративной республики Ирак. Существующая модель политико-территориального устройства могла бы стать образцом для других многосоставных обществ, где угрозу государству представляют сепаратизм и этнополитические конфликты.

Сащенко Н.П. (Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Концептуально мы исходим из того, что российская идентичность динамично формируется в политическом, историко-культурном и геополитическом контекстах. В её конструировании ведущая роль принадлежит государству, политическим акторам, интеллектуальной элите. Позитивное же восприятие своей страны в массовом сознании является основным критерием адекватности сконструированных концептов. Существенное теоретико-методологическое значение для исследования идентификационных образов своей страны имеют теории политической социологии, политической психологии, социальной психологии. Для нас важна интерпретация российской идентичности как государственно-гражданской, включающей ответственность за дела в стране, готовность участвовать в политической жизни во имя интересов граждан страны [Л.М.Дробижева, 2009; 2013]. Важен подход к исследованию российской гражданской идентичности в рамках теоретической модели политического восприятия (Е.Б. Шестопаля, 1993-2020), где глубина содержания национально-государственной идентичности раскрывается через исследование психологической само-ассоциации личности с геополитическим образом определенного национально-государственного конструкта, ценностей и символических репрезентаций (Т.В.Евгеньева, 2010, 2019). Также была выбрана теория социальных представлений С. Московичи для определения смысловых рамок восприятия социальной реальности, формирующихся фреймов и нарративов коллективной памяти, задающих направленность изменений и устойчивость национально-государственной идентичности.

В статье анализируются результаты эмпирического исследования социальных представлений о России, выполненного в рамках Госзадания Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в 2020 году. Цель исследования предполагала изучение в рамках структурного подхода Ж.К.Абрика системы образов и символов, ассоциирующихся в сознании молодежи с понятием «Россия». Опрос проходил в период изоляции в онлайн формате через инструменты социальных сетей. Метод сбора данных – ассоциативный эксперимент. Было получено 2035 ассоциаций, выборка отремонтирована и приведена в соответствие со статистическими показателями. В логике теории «ядра и периферии» полученные по каждой из групп участников исследования ассоциации были подвергнуты прототипическому анализу (по П. Вержесу). Проверялась гипотеза о различии социальных представлений о России в разных поло-возрастных группах, об устойчивости «ядра» и границ поля «периферии». В целом для сознания «цифровой» молодежи характерны противоречивость, определенная размытость и неустойчивость. Выявлены различия в социальных представлениях молодежи разных статусных и возрастных категорий, а также обнаружены различия в значимости и валентности элементов зоны «ядра».

В структуре полученных социальных представлений, «ядро», составляют те идеи, которые отражают коллективную память молодежной группы, устойчивы и разделяются большинством группы. В этой зоне представлены ассоциации России с домом, родиной, любимой страной, богатой и красивой страной. При этом ассоциации «Россия-страна» и «Россия-государство» представлены в равной мере, к тому же с позитивной и негативной коннотациями соответственно. Здесь находим корреляцию с выводами ученых из МГУ (Евгеньева Т.В., 2019) об особенности ценностно-символического пространства идентичности российской молодежи, которое характеризуется одновременно и расширением, и поляризацией содержания идентификационных образов.

В «периферическую зону», отражающую не единство группы, а, напротив, ее гетерогенность, многообразие идей и представлений ее членов вошли ассоциации с чувственными категориями. В данном блоке эмоциональный тон снижен – появляются тревоги, разочарования, страх, гнев, бессилие, равнодушие, безысходность. Потенциальная зона изменений, в так называемом в буферном поле периферийной зоны, представлена радикально негативными элементами. Однако, эта зона изменчива, противоречива, чувствительна к актуальному контексту ее существования, выполняя тем самым функции адаптации к реальностям сегодняшней жизни и защиты «ядра».

Севостьянов А.В. (Томск, НИ ТГУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД

Политическое конструирование университетского Томска на современном этапе насчитывает от силы десятилетие. На момент начала в томских вузах обучались граждане 40 стран ближнего и дальнего зарубежья. Негативной тенденцией было плавное снижение количества студентов за счет конкурирующих столичных и региональных университетов, переориентацией молодежи соседних стран. В этих условиях необходимо было политическое решение, поддержанное медийно. Наш проект «Учись в Томске» создавался как комплекс мероприятий по привлечению в Томск студенческой и научной молодежи, основанный на позиционировании Томска, его инфраструктуры и, конечно, вузов для продвижения в среде иногородних и иностранных абитуриентов. Реализация началась в 2013 году, наиболее активный этап пришелся на 2014 год. Исходя из потенциала и стоящих перед областью и Томском стратегических задач, привлечение для обучения в университетах Томска студентов, магистрантов и аспирантов из регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Позиционирование Томска как привлекательной территории для получения качественного и доступного высшего образования, построения карьеры, реализации научно-исследовательских проектов, основания и развития технологических стартапов.

В числе задач отметим лишь две, имеющие отношение к теме выступления: укрепление и обновление имиджа Томска как студенческой столицы Сибири, города с уникальной университетской средой и одного из ведущих образовательных центров России и формирование единого бренда «Учись в Томске». Стратегически достижение данной цели строилось вокруг консолидации потенциалов шести томских университетов по продвижению образовательных возможностей университетского Томска. На уровне субъекта проекта – Администрации области, из федеральных ресурсов были подключены Министерство образования и науки РФ, Россотрудничество, Фонд содействия развитию малых предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия), «Российская венчурная компания», другие крупные компании. Адресатом проекта стали, прежде всего, страны и регионы, у которых с Томской областью сложились многолетние устойчивые связи – из российских это ХМАО и Саха-Якутия, кроме того, Казахстан и среднеазиатские государства СНГ, Монголия, Китай и страны Восточной и Юго-Восточной Азии. С целью привлечения студентов из дальнего зарубежья телекорпорация ВВС сняла

ролик и по каналам BBC World News в целевых странах осуществила продвижение Томска как города молодежи, образования и науки, тем самым был обеспечен широкий охват аудитории (Tomsk get inspired URL:<https://www.youtube.com/watch?v=DYKF2RpMjJs>).

Первый прокат видеоролика состоялся в сентябре 2014 года, накануне Пленарной встречи Сети главных городов Азии в Томске, по каналам BBC World News в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и на платформе bbs.com. В дальнейшем видео используется для рекламных, презентационных и других целей. Широко распространен ролик и в социальных сетях, на YouTube. Рекламный ролик такого типа позволяет показать широкой целевой аудитории Томск как город будущего. Следует отметить, что проект «Учись в Томске» стал обладателем Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный лучник» (номинация «Лучший проект развития и продвижения территорий», Москва, 18-19 февраля 2015) и победителем Международного фестиваля территориального маркетинга и брендинга «OPEN» (номинация «Проект, событие, кампания», Минск, июнь 2015). Составной частью проекта «Учись в Томске» и вместе с тем большим самостоятельным направлением в деятельности по позиционированию Томска на протяжении двух десятилетий стало проведение ежегодных инновационных форумов (Инновус и Юновус). Событийный менеджмент ежегодно актуализирует тематику «экономики знаний», влияя на выбор Томска как современного центра науки и образования.

Насколько эффективно сработал комплексный проект «Учись в Томске» (конечно, не только он), можно судить по качественным сдвигам и рейтинговым местам. Сегодня, в 2020 году мы можем проанализировать изменения. *Томск три года подряд по рейтингу QS входит в «100 лучших студенческих городов мира».* Более 8,5 тыс. студентов – иностранные граждане, НИ ТГУ в 2019 г. занял первое место среди российских вузов по количеству иностранных студентов и входит в десятку лучших университетов Европы по этому показателю, а в 2020 занял 250 место в рейтинге QS лучших университетов мира и вошел в сотню лучших университетов по доле иностранных студентов. *Проект создания в*

Томске университетского кампуса, поддержанный Правительством и финансируемый ВЭБ, ставит в повестку дня пересмотр конфигурации университетов и шире – места университетов в городе. Таким образом, политический и медийный конструкты материализуются и влияют на свободный выбор студентов.

Селезнева А.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОБРАЗЦОВЫЙ ГРАЖДАНИН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В настоящее время формирование гражданственности молодежи является актуальной научно-практической задачей. В этом случае речь идет о «комплексном качестве гражданина как субъекта общества, политики и права» (Фан, 2013, с. 147). Важным компонентом в структуре личности при этом является гражданское самосознание как «относительно устойчивое осознание личностью себя гражданином определенного государства» (Браун., Аркузин, 2017, с. 177). С точки зрения политической психологии у личности, осознающей себя гражданином, должны быть сформированы представления о гражданине, в том числе и об образцовых гражданах. Анализу этого аспекта посвящены данные тезисы.

Эмпирическую базу исследования составили 230 глубинных интервью, проведенные весной-летом 2020 года с молодежью в возрасте от 18 до 30 лет из 80 регионов РФ.

Результаты анализа материалов глубинных интервью показали следующее. 34,1% ответов респондентов представляли обобщенный образ идеального гражданина. В 48,6% случаев в качестве образцовых граждан были названы конкретные персоны.

По мнению респондентов, образцовый гражданин знает свои права и уважает права других людей, законопослушен и честен, участвует в жизни общества и не боится открыто выразить свое мнение:

«Это образ высокооплачиваемого юриста, потому что он знает законы и умеет их использовать. Он сможет помочь людям в сложной ситуации и предотвратить давление госорганов на них» (мужчина, 25 лет, Московская область);

«Безусловно, образцовый гражданин участвует в жизни общества — вносит свой вклад, работает, ходит на выборы»;

«Образцовый гражданин – человек, отстаивающий свои взгляды, не ущемляя права других».

Образцовыми гражданами молодые люди считают государственных и политических деятелей, военачальников, деятелей культуры (писателей, поэтов, актеров), журналистов и общественных деятелей. Среди конкретных персон – образцов настоящих граждан – были названы В. Путин, С. Лавров, Ю. Гагарин, С. Ю. Дудь, В. Познер, А. Навальный и другие.

Необходимо отметить, что для многих наших респондентов образцовыми гражданами являются их родственники:

«Моя мама. Везде и всегда ходит, на все выборы, интересуется всей этой общественной работой, даже в депутаты местные избиралась один, или два раза, не помню уже»;

«Мои родители. Всю сознательную жизнь платят налоги, ходят на работу, воспитали троих детей, не обманывали государство и людей, законы соблюдают»;

«Думаю, это мой дедушка. Этот человек никогда не нарушал закон, даже скорость не превышал. Он очень честный и ответственный. Социально и политически активный. Готов был всегда защищать свою родину»;

«Для меня примером во всем является моя семья, а точнее родители. Папа военный, а для меня это значит полное служение и верность родной Отчизне».

Иногда молодые люди называли образцовыми гражданами самих себя: «Я считаю себя образцовым гражданином, Я активен, соблюдаю законы».

17,3% наших респондентов затруднились ответить назвать, кто для них является образцовым гражданином. В качестве объяснения они говорили, что «таких не бывает» и «образцовых граждан у нас нет, так как у нас не образцовое государство».

Таким образом, мы можем заключить, что молодые люди довольно неплохо представляют себе, каким должен быть настоящий гражданин с точки зрения его личностных качеств и поведения в обществе и государстве. Однако, мало кто из современных деятелей или деятелей прошлого они считают образцовыми гражданами. И особенно тревожно, что наблюдается корреляция между возрастом респондентов и содержанием их ответов: чем моложе люди, тем реже они называют конкретные персоны и чаще затрудняются ответить. Особенно ярко это проявляется у школьников, которых мы изучали ранее (Селезнева, Азарнова, 2020, с. 101–113). Поэтому создание образа идеального гражданина и его тиражирование средствами образовательной, информационной и культурной политики представляется крайне важным в деле формирования гражданского самосознания подрастающих поколений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ РФ в рамках научного проекта № МД-1966.2020.6 «Национальное и гражданское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ» (соглашение № 075-15-2020-220)

Литература:

1. Браун О. А., Аркузин М. Г. Подходы к определению и структурно-содержательные характеристики понятия «гражданское самосознание личности» // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 4 (28). С. 177.
2. Селезнева А.В., Азарнова А.А. Рождение гражданина: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 101–113.
3. Фан И.Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // Дискурс-Пи. 2013. № 1-2 (11-12). С. 147.

Сельцер Д.Г., Жуков Д.С. (Тамбов, ТамбГУ)

ЧТО БЫЛО БЫ, ОТКАЖИСЬ М.С. ГОРБАЧЕВ ОТ ПРОВЕДЕНИЯ В СССР ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЬЮТЕРНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ С СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛЬЮ)?

Выборы стали одним из столпов кадровой политики М.С. Горбачева и, шире, всей политической реформы генсека. Они запустили события, существенно меняющие кадровую политику в стране, а следом – и каналы, и механизмы элитного рекрутирования. Множественность таких каналов, где партия уже не была единственным центром принятия политических (кадровых – в том числе) решений, породила явление неуклонной потери партией управляемости кадрами государства. Начало было положено январским 1987 г. пленумом ЦК КПСС по кадровым вопросам и завершилось выборами президента РСФСР 12 июня 1991 г., указом президента РСФСР Б.Н. Ельцина «О департизации» (23 июля 1991 г.) и «партийным исходом» (сразу вслед за указом «О департизации»). Выборы в партии (1987-1990 гг.) и государстве (1989-1990 гг.) молниеносно нарушили стабильные кадровые практики, привели номенклатурную систему в хаотичное состояние. Практика «партийно-государственного дуализма» переносила центр принятия решений из партийных органов в советские. Указ «О департизации» сделал невозможным существование прежней модели кадрового рекрутинга, само существование партии в ее прежнем виде, лишил ее имущества и финансовых средств. Угроза потери КПСС кадрового контроля перешла в фазу ее полной потери и, как следствие, утрату власти и собственности, что в итоге привело к дезорганизации и распаду СССР. Авторы сообщения, используя системно-динамическую модель описанного процесса, поставили вопрос, адресованный к перспективам иного поведения М.С. Горбачева в кадровой политике. Экспериментируя с системно-динамической моделью, авторы изучили гипотетические (альтернативные, контрфактические) возможности кадровой политики М.С. Горбачева. В данном сообщении авторы отвечают на заглавный вопрос статьи: что было бы с кадрами политического управления страной, не проводи генсек выборы.

Модель рекрутирования региональных административно-политических элит России в 1985-2019 гг. презентована авторами (Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Системная динамика российской региональной элиты (1985 – 2019 гг.): альтернативные сценарии // Журнал политических исследований. 2019. №. 4. С. 40-74. URL:<https://naukaru.ru/ru/nauka/article/34262/view>). Модель имитирует в виртуальной среде механизмы, каналы рекрутирования, а также влияние и решения заинтересованных акторов. Это даёт возможность проводить вычислительные эксперименты, изменяя те или иные условия модели (например, поведение акторов или принимаемые решения). Потенциал существующей – реальной – системы может быть исследован в сравнении с нереализованными вариантами.

Модель в формате Powersim Studio, а также серия альтернативных сценариев доступны онлайн: <http://ineternum.ru/sdm1/>.

Альтернативный сценарий, имитирующий отказ М.С. Горбачева от выборной практики, был выстроен в горизонте до 2004 года и дал следующие результаты. Номенклатурная система сохранилась. Но это не остановило иные процессы: капиталистическую трансформацию, прежде всего. Появились бизнес-элиты, криминал и политическая оппозиция, инфилтрирующиеся во власть.

Ситуация в высшем звене элиты на 15-летнем отрезке истории выглядит довольно стабильной. Карьерные номенклатурщики – основа системы – медленно уступают позиции, но к 2004 г. ещё имеют весомые 47% мест. Следует также учитывать, что более 11% мест в элите были заняты к 2004 г. выходцами силовых структур. Однако доля неономенклатуры (бизнесменов, криминалитета и оппозиции), хотя и медленно, но растёт.

Однако более детальный анализ показывает существование проблем, вызванных, очевидно, тем фактом, что система рекрутирования оказалась «заморожена», тогда как вовне её происходили бурные

трансформационные процессы, возникали новые интересы и силы, от которых партия всеми силами пыталась отгородить механизмы рекрутирования. Во-первых, некоторая часть номенклатуры, вошедшая в высший слой из среднего звена, на деле была представителями бизнеса и криминальной среды (в сущности, в то время это были схожие среды). К тому моменту выходцы из этих сред прочно обосновались в низших эшелонах власти. Во-вторых, имеется существенный провал численности элиты в 1990-х гг. Механизмы пополнения элиты недостаточно хорошо работают, чтобы рекрутировать работников, соответствующих требованиям. И в то же время, чтобы более активно пополняться, система ещё недостаточно открыта.

Таким образом, необходимость реформ системы рекрутирования стала очевидна к 2000-м гг. и в реалистичном, и в альтернативном сценариях.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 20-011-00105 и № 20-011-31122 совместно с ЭИСИ).

Семенов И.С. (Москва, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН)

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выделение субъектов и концептуализация направлений и механизмов политики идентичности остаются насущными задачами политической науки. Решение этих задач принципиально важно для понимания перспектив эволюции политического режима, динамики политической культуры национального (территориального, локального) сообщества и политической идентичности его граждан. Особенно для прогнозирования сдвигов в массовом сознании и политическом поведении и перспектив политико-институциональных изменений. Насущными остаются проблемы реификации идентичности и теоретико-методологические возможности их преодоления. Сохраняются лакуны в осмыслении культурных оснований формирования идентичности и их влияния на политический выбор (в рамках произошедшего в социальных науках «культурного» поворота), в изучении влияния идентичности на экономическое развитие (о чем писали Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон в начале нынешнего столетия, ставя вопрос об «экономике идентичности»), в ее интеграции в поле не только социальной философии, но и в философский категориальный аппарат (на что настоятельно обращает внимание наш коллега из философского «цеха» Х.Г. Тхагапсоев). И особенно – в интеграции тематики идентичности в просматривающийся (пока как потенциальная возможность) *этический поворот в социальных науках*.

Политика идентичности является интегральной частью политики развития. В научном и в политическом дискурсе связь политики идентичности и повестки дня развития обходят вниманием, в первую очередь ввиду устоявшейся (заимствованной из трудов американских ученых периода подъема социальных движений за права меньшинств) нормативной трактовки такой политики как борьбы меньшинств за признание. «Право на идентичность», в том числе на «выбор идентичности», по существу стало в последние годы рассматриваться как неотъемлемое право человека. «Борьба за идентичность» структурирует поле современной политики, зачастую целенаправленно облекая в «упаковку» идентичности групповые интересы и политический выбор. Под флагом «права на идентичность» продвигаются политико-правовые требования сообществ, за которыми стоят узкопартийные и групповые интересы. Анализ реальных приоритетов и субъектов политики идентичности во многом объясняет динамику социальных и политических размежеваний в современных разделенных обществах.

Центр тяжести в политике идентичности в ее нормативной трактовке сместился сегодня в сферу символической политики. Неслучайно «войны памяти» сегодня превратились в «войны памятников». Нынешнее движение “Black lives matter” и развернувшиеся вокруг него политические коллизии выводят политику идентичности на передний край избирательной кампании в США. Очевидно, что политика идентичности успешно используется как инструмент негативной политической мобилизации,

но отнюдь не как инструмент политики развития. Оценка возможностей и ограничений интеграции политики идентичности в контекст политики развития остается актуальной научной задачей. Большой потенциал заложен, в частности, в изучении потенциала политики идентичности на локальном уровне как ресурса развития территориальных (городских и сельских) сообществ, а также в ее качестве инструмента формирования политической идентичности поколенческих когорт и отдельных социальных групп.

Изучение приоритетов, механизмов и инструментов политики идентичности в национальных контекстах остается актуальным направлением политического анализа. В этом поле активно ведутся исследования различных направлений образовательной, а также языковой политики, важнейшим остается сравнительный контекст таких исследований, анализ лучших практик. Интересные результаты дает изучение культурных практик (организация музейных экспозиций, городских публичных пространств, различных направлений визуальной культуры), роли и возможностей креативной экономики в реализации ориентированной на развитие и социальную консолидацию политики идентичности.

Семёнов А.В. (Пермь, ПГНИУ)

МАССОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОДОТЧЕТНОСТЬ В АВТОКРАТИЯХ

Конвенциональное представление об авторитарных режимах заключается в том, что наиболее естественной формой реакции последних на массовые вызовы со стороны общества является подавление и репрессии. В то же время, принуждение — это не единственно возможный ответ авторитарных правительств на массовую мобилизацию: к примеру, массовые выступления против монетизации льгот в России в 2005 году привели к значительным уступкам и изменениям в первоначальном плане реформы, а кампания «За честные выборы!» на начальном этапе сопровождалась существенной либерализацией избирательного законодательства в области регистрации политических партий и выборов глав исполнительной власти региона.

В каких случаях и на какие уступки идут автократии в ответ на массовую мобилизацию? В рамках институциональной теории, вероятность и размер уступок связаны со степенью институционализации (наличием легислатур и многопартийных выборов), а также особенностями институционального дизайна режима. Институционализированные автократии отличаются наличием площадок для переговоров между элитами и диктатором, которые решают проблему «достоверных обязательств» (credible commitments) между сторонами. В отсутствие таких площадок, диктатор в любой момент может пренебречь интересами правящей коалиции, равно как и последняя может восстать против инкумбента. Одним из побочных эффектов наличия институтов «совместного осуществления власти» (power-sharing institutions) может быть большая уступчивость со стороны инкумбента требованиям массовой мобилизации. Я тестирую такую возможность на глобальной выборке автократий с 1945 по 2006 г. и показываю, что вопреки теоретическим ожиданиям существенных различий с точки зрения уступок требованиям массовых кампаний между различными типами автократий не наблюдается.

Данные о ненасильственных кампаниях содержатся в базе NAVCOб, разработанной Эрикой Ченовец и Кристофером Шай. Последняя версия (2.1) содержит информацию о 384 кампаниях с периодом покрытия 1945-2013 гг. (2717 наблюдений в формате «кампания-год»). Кампании определяются как «серия наблюдаемых, связанных, целенаправленных массовых действий или событий с политическими задачами» (Chenoweth E., Shay C. Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) Data Project. Version 2.1. Country-Year Data. 2019. P. 3). При этом действия должны носить внеинституциональный характер (тем самым исключаются избирательные кампании), количество участников должно быть не меньше 1000 человек, а цели — «максималистскими», то есть, связанными со свержением режима, борьбой с иностранной оккупацией или самоопределением.

С точки зрения уступок, последняя версия NAVCO содержит информацию о шести возможных исходах («прогрессе») в каждый год кампании: статус-кво (без значимых достижений); видимые достижения, но без уступок; ограниченные уступки; значительные уступки; успех и провал кампании. Общее распределение выглядит следующим образом: в подавляющем большинстве случаев (1818 или 67%) наблюдается статус-кво в отношениях между режимом и мобилизованными гражданами; в 8% случаев – видимые достижения без уступок; в 8% — значительные уступки; по 5% приходится на ограниченные уступки и полный успех. Провал кампании наблюдался в 7% наблюдений. Таким образом, совокупно на те или иные виды уступок приходится порядка 18% наблюдений.

Таблица. Распределение исходов мостовых кампаний в зависимости от типа режима (в абсолютных цифрах и процентах от общего числа). Данные: NAVCO 2.1, GWF.

Тип режима	Статус-кво	Достижения	Ограниченные уступки	Значительные уступки	Успех кампании	Провал кампании	Всего
Военный	163	23	12	25	19	15	257
% от общего	14,98 %	2,11 %	1,10 %	2,30 %	1,75 %	1,38 %	23,62 %
% от своего типа	63,42 %	8,95 %	4,67 %	9,73 %	7,39 %	5,84 %	
Монархия	36	4	2	2	5	5	54
% от общего	3,31 %	0,37 %	0,18 %	0,18 %	0,46 %	0,46 %	4,96 %
% от своего типа	66,67 %	7,41 %	3,70 %	3,70 %	9,26 %	9,26 %	
Олигархия	18	0	2	5	1	1	27
% от общего	1,65 %	0,00 %	0,18 %	0,46 %	0,09 %	0,09 %	2,48 %
% от своего типа	66,67 %	0,00 %	7,41 %	18,52 %	3,70 %	3,70 %	
Партийный	248	39	25	21	21	33	387
% от общего	22,79 %	3,58 %	2,30 %	1,93 %	1,93 %	3,03 %	35,57 %
% от своего типа	64,08 %	10,08 %	6,46 %	5,43 %	5,43 %	8,53 %	
Персоналистский	239	26	18	24	24	32	363
% от общего	21,97 %	2,39 %	1,65 %	2,21 %	2,21 %	2,94 %	33,36 %
% от своего типа	65,84 %	7,16 %	4,96 %	6,61 %	6,61 %	8,82 %	
Всего	704	92	59	77	70	86	1088
	65 %	8 %	5 %	7 %	6 %	8 %	100 %

Каким образом эти исходы соотносятся с институциональными особенностями авторитарных режимов? Для этого я объединил данные о массовых кампаниях с типологией режимов, разработанный Барбарой Геддес, Джозефом Райтом и Эрикой Франц (GWF), которая включает 11 категорий: помимо монархии, олигархии и персоналистского режима, она имеет по четыре субкатегории для военных и партийных автократий. После исключения демократий из анализа, итоговая совокупность составила 1088 наблюдений в формате «кампания-год». Общее распределение исходов кампаний в каждый наблюдаемый год с агрегацией военных и партийных субкатегорий представлено в Таблице 1. Частотный анализ демонстрирует, что, во-первых, общее распределение исходов практически идентично распределению по всей совокупности (включая демократии). Во-вторых, в общем массиве каких-либо значимых связей между типом режима: с поправкой на малое количество наблюдений для отдельных категорий (олигархии и монархии в первую очередь), существенных выбросов по частотности исходов

не наблюдается. В-третьих, доля исходов по каждому из типов режима свидетельствует, скорее, против моей ключевой гипотезы: имея примерно одинаковый процент провалов с партийными, кампании в персоналистских режимах имеют несколько большую вероятность значительных уступок и полного успеха, но меньшую вероятность ограниченных уступок и видимых достижений. Более того, кампании в монархиях и военных режимах имеют большую вероятность полного успеха, чем в партийных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-011-00430 А «Экономическое неблагополучие и политическая подотчётность в электоральных автократиях».

Сергеев С.А. (Казань, К(П)ФУ)

НОВЫЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ЛЕВЫЕ ПАРТИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ РАДИКАЛИЗМА И ЛЕВИЗНЫ?

В течение последних двух десятилетий в Западной Европе сформировалась семья новых радикальных левых партий, позиционирующих себя как партии слева от социал-демократии. Эта партийная семья достаточно разнородна по своему составу: в нее включаются как традиционные коммунистические партии (Компартия Греции или Португальская компартия), так и партии, появившиеся в результате глубокого реформирования существовавших коммунистических партий и слияния их с экологическими партиями, а также создания новых левых партий на основе различных групп и течений, возникших в ходе расколов коммунистического движения (троцкизм, маоизм, еврокоммунизм), в ряде случаев при участии массовых движений социального протеста. Последняя разновидность леворадикальных партий, представленная такими организациями, как Левый блок (Португалия), СИРИЗА (Греция), «Подemos» (Испания), «Непокоренная Франция», привлекает наибольшее внимание исследователей. Примечательно, что все они сосуществуют с традиционными левыми радикалами – компартиями, отношения с которыми могут варьироваться от откровенно враждебных (Греция) до союзнических (Испания).

В своих программных заявлениях новые левые радикальные партии, в отличие от традиционных коммунистических партий, уделяют большее внимание проблемам, связанным с постматериалистическими ценностями (охрана окружающей среды, возможности «нулевого» роста экономики при сохранении и улучшении качества жизни, гендерное равенство и поощрение разнообразия). Впрочем, традиционные материалистические левые ценности, такие, как экономическое равенство, также сохраняются. Дискурс новых радикальных левых партий осуждает лежащую в основе современного капитализма социально-экономическую структуру и предлагает расширение экономической и политической демократии.

Кризис 2008 – 2009 гг. способствовал значительному росту влияния левых радикалов, так что в 2010-е гг. некоторые из этих партий обрели возможность участвовать в правительстве, даже формировать его на правах старшего партнера, как СИРИЗА (Греция) в 2015 – 2019 гг., младшего партнера («Подemos» в Испании с 2020 г.) или, по меньшей мере, приобрести «шантажный потенциал». Но, используя кризис как политический шанс, новые левые радикалы стали проводить отнюдь не радикальную политику, а скорее политику «исторического компромисса» (термин, предложенный Итальянской компартией в 1970-е гг.). Придя к власти, СИРИЗА столкнулась со структурными ограничениями европейской институционально-политической структуры и предпочла прагматический поиск компромиссов «романтическому разрыву» с существующей системой. Партия «Подemos» также достаточно быстро перешла от радикальной критики политических институтов к критике «касты» – политической элиты – захватившей институты, которые сами по себе, видимо, стали считаться не такими уже плохими¹⁸¹. В программе Ж.-Л. Меланшона «Общее будущее» инвективы в адрес «президентской монархии»¹⁸² соседствуют с достаточно умеренными социально-экономическими реформами. По-видимому,

181. Franze J. The Podemos Discourse: A Journey from Antagonism to Agonism / Podemos and the New Political Cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics. Eds. by O. G. Agustín, M. Briziarelli. Cham: Palgrave Macmillan, 2018, P.61-63.

182. *L'Avenir en commun*, de la programme de la France Insoumise. URL: <https://laec.fr/section/4/abolir-la-monarchie-presidentielle>.

это свидетельствует о частичной или полной интеграции новых левых радикалов в политические системы соответствующих стран. Сегодняшние западноевропейские радикальные левые, каковы бы ни была их генеалогия – это скорее наследники еврокоммунизма, а не марксизма-ленинизма в его советской, маоистской или троцкистской интерпретациях¹⁸³. Они претендуют на политическое и социальное пространство, освобождаемое социал-демократией, которая, проводя политику «жесткой экономии», теряет собственную политическую идентичность, что для некоторых партий – наиболее яркий пример здесь судьба ПАСОК в Греции – обернулось катастрофическим коллапсом. Но завоевание этого пространства предполагает, что новые левые радикалы заставят вспомнить такую проблематику классической социал-демократии, как вмешательство государства, направленное на обеспечение полной занятости, защиты труда и перераспределение богатства, кейнсианскую экономическую политику, а также партисипаторную и производственную демократию.

Серебряков К.Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СЕТЕВАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: КТО И КАК ВЛИЯЕТ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ?

В коммунистическом Китае конфигурация групп влияния имеет свой специфический оттенок. Будучи страной с преимущественно авторитарным режимом, по мнению А. Натана, КНР не вписывается в утвердившиеся теоретические рамки фракционных и коалиционных подходов парламентарных систем (Nathan A. Authoritarian Impermanence // Journal of Democracy. 2009. Vol. 20. No. 3. P. 37). Тем не менее, это не отрицает богатства форм групповой борьбы за ресурсы и определение политической повестки как формализованными средствами, так и неформальными.

Политическая система коммунистического Китая сформирована таким образом, что доминирующим актором выступает КПК, являясь руководящим органом страны в вопросе определения политической повестки и распределения ресурсов. Всё это создаёт предпосылки для появления и развития групп влияния внутри данной организации, что находит подтверждение в сетевых конфигурациях прошлых и современных членов партии, которых принято делить на кланы: как региональные (Гуандун, Чунцин), так и по социально-профессиональному составу (тайцзыдан, туанпай и др.). Устойчивость китайской модели управления по данному направлению обеспечивается также мощным интеграционным институциональным костяком, кооптирующим в закрытом режиме новые элиты (НОАК, комсомол и др.).

Однако политическое поле Китая, в рамках которого могут развернуть свою деятельность различные формы групп влияния, КПК и интегрированными в неё институтами не ограничено. Несмотря на колоссальную роль одной партии, в КНР официально установлена многопартийность при условии, что оппозиция запрещена, а существующие игроки признают правящую роль Компартии, в свою очередь, называя себя участвующими в политической жизни. Эта институциональная особенность закреплена регламентами Единого народно-демократического фронта.

Стоит отдельно уделить внимание, что административные органы в целом в последние годы начинают плотнее взаимодействовать с членами «демократических партий». Так, например, в марте 2018 года вступило в силу следующее постановление: Государственная комиссия по делам религий и Государственная комиссия по этническим вопросам будут отчитываться перед членами Единого фронта раз в год (Chinese Leadership Chart // Chinese Leaders. URL: <https://chinese-leaders.org/chinese-leadership-chart/> (дата обращения: 16.05.2020)). Данные структуры, фактически выключенные из политической борьбы, в обмен на свою лояльность получают дивиденды в виде представительства в китайском парламенте – ВСНП – а также в ряде менее формальных, но набирающих влияние институтов выработки и продвижения политической повестки, как малые рабочие группы и НПКСК.

183. Balampanidis I. Eurocommunism. From the communist to the radical European Left. L. & N.Y.: Routledge, 2019, P. 232.

Проводя типологизацию групп влияния на основе вышеизложенной информации в политико-административных институтах КНР, можно выделить следующие: 1) полноценные клики и 2) квазигруппы влияния, последние из которых представлены иными политическими игроками, не являющимися Компартией или не включёнными в её интегрированную структуру. Среди институциональных форм таких групп можно выделить: собственно фракции (кланы) партии, целые партии, коалиции партий. При этом у рассматриваемых групп будут различные политические поля: фракции КПК реализуют свой потенциал внутри партии и акцентируют внимание на системах распределения ресурсов и ротации новых кадров, а остальные группы борются за специфический интерес (это влияет на специфику политической повестки) на специально организованных площадках как общественных (НПКСК), так и государственных (МРГ).

Отдельно стоит упомянуть китайский парламент. Особенностью последних нескольких десятилетий работы данного органа является бурный процесс обсуждения законопроектов и частые случаи отправки на доработку законов, что не укладывается в рамки формальной природы рассматриваемого института, которая традиционно сложилась со времён Мао Цзэдуна. Объяснение подобного феномена формирования собственной повестки имеет место в контексте того, что для многих партийно-государственных деятелей ВСНП становится местом завершения политической карьеры, а поскольку лояльность своим группировкам сохраняется, то в законодательный процесс и вносятся элементы межгрупповой конкуренции.

Геронтокрализация ВСНП стала следствием дополнительной стабильности для многих нынешних политиков КНР, которые относят себя к институциональным «старым» кликам, поскольку помимо авторитета членов ВСНП складывается структура курируемых ими исследовательских центров, формирующих самый ценный ресурс для Председателя КНР – идеологический, отвечающий запросу на легитимацию власти в условиях экономического упадка. На современном этапе Си Цзиньпин старается снизить влияние формализованных институтов, осуществляя основную законотворческую деятельность в пределах малых рабочих групп. Более того, китайский лидер нацелен на реформирование клановых структур и формирование лично преданных ему кликов, что подтверждают данные проведенного сетевого анализа.

Тем не менее, пока рано говорить о сломе политической системы Китая, при этом публично-представительские структуры сохраняют свои возможности для выработки политической повестки и умножают свой символический капитал, расширяя потенциал ограниченной демократической процедуры. В свою очередь, формируемые среди кликов Компартии тенденции говорят о кардинальной смене неформальных практик, призванных разбалансировать консенсуально-коллективную модель управления образца реформ Дэн Сяопина. Очевидно, что институциональная структура не справится с двумя разнонаправленными тенденциями, а потому можно ожидать дальнейших интенсивных трансформаций политической системы в условиях приближающегося XX съезда КПК.

Сигачёв М.И. (Москва, ИМЭМО РАН)

ИДЕНТАРИЗМ КАК ПАНЪЕВРОПЕЙСКАЯ ВЕРСИЯ НОВОГО ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА

Новый правый популизм, громко заявивший о себе с начала XXI века, представляет собой сложносоставное явление, нуждающееся в уточнении и дифференциации. Условно в его рамках можно выделить, как минимум, три разных вида дискурсов. Первый дискурс отождествляет новых правых популистов с феноменом общенационального популизма, ратующего за укрепление классических национальных государств модерна. В данном случае речь обычно идёт о таких партиях и движениях как «Национальное объединение» во Франции, «Лига» эпохи лидерства Маттео Сальвини в Италии,

«Альтернатива для Германии» в Германии, партии Vox в Испании и т.д. Ко второму течению нового правого популизма могут быть отнесены некоторые региональные националисты, выступающие за автономию или даже полное отделение своих регионов от новоевропейских государств-наций. Здесь ярким примером служат фламандские националисты из партий «Фламандский интерес» и «Новый фламандский альянс». Кроме того, имеет смысл выделить также третью разновидность нового правого национализма, которую можно обозначить в качестве панъевропейской или континентальной. Наиболее ярким примером подобного национал-континентализма является, с нашей точки зрения, появившееся в начале XXI века идентаристское движение в Европе. Особое место в рамках дискурса нового правого популизма занимает так называемый европейский идентаризм. Идентаристское движение можно рассматривать в качестве своеобразной панъевропейской разновидности неонационализма, поскольку оно обладает ячейками во многих европейских странах.

Среди идейно-мировоззренческих истоков идентаризма следует отметить французское движение «новых правых», рожденное в конце 1960-х гг. в качестве реакции на «красный май» 1968 г. «Новые правые» группировались вокруг двух основных центров: ГРЕСЕ во главе с Аленом де Бенуа и клуб «Орлож». Непосредственная история идентаристского движения также начинается во Франции. Прямым родоначальником идентаризма может считаться основанная в 1990-е гг. организация «Радикальное единство» (Unité radicale) (Palladino A. Gli identitari: le radici, la storia, I veri obiettivi // Famiglia Cristiana.it <https://www.famigliacristiana.it/articolo/storia-identitari.aspx>), которая противопоставляла себя традиционным группам старых французских правых. 6 апреля 2003 г. несколькими представителями бывшего «Радикального единства», среди которых следует упомянуть Фабриса Робера, была создана организация «Идентаристский блок» (Bloc identitaire). Фабрис Робер встал во главе движения идентаристов. Среди вдохновителей Идентаристского блока был ещё один новый правый интеллектуал Доминик Веннер. В основу идеологического дискурса организации был положен концепт идентичности, нуждающейся в защите от инокультурной миграции. В 2008 г. Идентаристский блок осуществил ребрендинг: партия получила новое название «Идентаристы» (Les identitaires). В 2012 г. при ней образовалось молодёжное крыло под названием «Поколение идентичности». Оно получило известность благодаря операции «Защита Европы». Впоследствии «Поколение идентичности» откололось от «Идентаристов», превратившись в самостоятельное движение и начав создавать свои отделения практически во всех европейских странах: в Австрии, Германии, Италии, Великобритании, скандинавских государствах.

Примечательно, что, несмотря на свои французские истоки, идентаристское движение получило сильное развитие не только в романских, но и в германоязычных странах. Так, достаточно прочные корни оно пустило в Австрии. Одной из ключевых и наиболее известных фигур среди идентаристов стал лидер австрийского отделения «Поколения идентичности» Мартин Зеллнер. Таким образом, идентаристское движение претендует на то, чтобы перерасти рамки отдельных европейских национальных государств и предложить панъевропейскую альтернативу. Фактически речь идёт во многом об образовании идентаристского интернационала со своими ответвлениями практически во всех европейских странах. По ту сторону Атлантики у идентаристов также имеются определенные связи с американскими «альтернативными правыми» — так называемыми «альт-райтами». Можно отметить, что в программных документах идентаристского движения критике подвергаются не только мейн-стримные системные партии, что характерно и для других правых национал-популистов, но также и национализм, равно как и институт национального государства. Вместе с тем, идентаристы никак не представлены в партийно-парламентской политике Европы, поэтому политическое значение третьей, континентально-панъевропейской разновидности нового правого популизма намного меньше, нежели национал-регионалистской и национал-этатистской.

Сиденко О.А. (Воронеж, ВГУ)

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на специфику российского политического режима идеи governance получают в стране всё большую поддержку. А они в свою очередь сопряжены с проблематикой расширения участия в публичной сфере.

Сотрудниками кафедры социологии и политологии ВГУ в течение 2019-2019 годов проводилось исследование, посвящённое адаптационному потенциалу региональных политий на примере четырёх регионов Центрального Черноземья – Белгородской, Воронежской, Курской и Тамбовской областей. Эмпирическая часть включала формализованный экспертный опрос (по 20 представителей академического сообщества и практиков из каждого региона), а также полуформализованные интервью с представителями целевых групп. Чиновники являлись одной из них. Было опрошено 16 человек (по 4 в каждом регионе).

Несмотря на наличие определённых инструментов участия граждан в публичном управлении, таковое не представляется ни массовым, ни активным. Исключение составляет использование инструментов электронного участия, однако, образно выражаясь, с невысоким коэффициентом полезного действия.

По мнению опрошенных представителей исполнительной власти, депутаты и чиновники далеко не всегда способствуют реализации права на участие в управлении. Хотя *«это вменяется им в обязанность»*, *«они в этом не заинтересованы»*, имеющиеся формальные каналы *«отрежессированны»* и, как следствие, не востребованы в должной мере (Воронеж); *«чиновники очень ревностно относятся к своим полномочиям, возможностям принимать решения и зачастую как бы мнения граждан может уходить на второй план»* (Тамбов). *«По факту понимаем, что система госуправления не так проста и не так открыта, чтобы впускать людей, которые будут мешать выполнять госслужащим свою работу»*; большая часть депутатов *«надеется на использование административных ресурсов»*; *«депутаты и чиновники, принимают политические решение, в первую очередь, с целью обслуживания политических интересов властных и бизнес элит»* (Белгород).

Кроме того, само население весьма пассивно: *«люди, по разным причинам, пока не испытывают интереса. Они не верят, что могут что-то изменить»* (Белгород); избегают ответственности, хотя, *«чтобы это сделал, кто-то другой»* (Курск). *«Объединиться и договориться между собой, вот с этим проблемы»* (Тамбов), к тому же сильна традиция *«лучше не высовываться»*, а иногда это *«даже опасно»* (Тамбов). Таким, образом, «вина» представляется обоюдной – *«с одной стороны, органы власти препятствуют или не способствуют реализации политических прав граждан, с другой стороны – сами граждане не очень то и готовы к тому, чтобы эти права свои реализовывать. Хотя понятно, что последние годы их становится сложно реализовывать, потому что есть большое количество законодательных барьеров, фактически прямых запретов по поводу выражения своего мнения, критика власти или необоснованная клевета на власть, фактические запреты на массовые акции»* (Белгород).

Выход опрошенными видится в вовлечении населения *«в зону ответственности»*, к примеру, посредством *«народного бюджета»* (Курск). Важна также активная, открытая коммуникация со стороны губернатора. В частности, респонденты из Курска отмечали, что *«очень активное общение с жителями началось»*.

Эксперты, однако, весьма скептически оценивают как текущую вовлечённость населения в различные формы публичной активности, так и перспективы таковой. По их мнению, жители в наибольшей степени вовлечены в территориальное общественное самоуправление, общественный контроль и публичные/общественные слушания. Хуже обстоят дела с инициативным бюджетированием и

правотворческой инициативой. Хотя, за исключением Белгородской области по всем формам и Воронежской по ТОС, медианы оценок по десятибалльной шкале, где 1 балл – наименьшее проявление признака, а 10 – наибольшее, не больше 5 баллов. Самые низкие оценки по правотворческой инициативе: в трёх регионах медианы 2-3 балла. Что касается перспектив, медианы выше максимум на 1 балл.

Таким образом, явно обозначились как проблема недоиспользования ресурсов развития, так и ограниченного потенциала адаптации.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-011-00806 на тему «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)».

Силаева З.В. (Казань, К(П)ФУ)

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Политические культы – новый «спорный» феномен, сформировавшийся на стыке политологии и религиоведения, который используется для обозначения особой разновидности общественных организаций и движений в политической жизни человеческого общества. Данный феномен недостаточно изучен в теоретико-методологическом плане, что подтверждает отсутствие единого определения понятия «политический культ» и специализированных исследований в области возникновения и эволюции политических культов.

Отсутствие единого категориально-понятийного аппарата нередко приводит к подмене понятий и сложностям при проведении междисциплинарного анализа и типологизации организаций. В настоящее время существует множество религиозных и псевдорелигиозных объединений, которые предлагают широкий спектр вариантов отношений к политической жизни, способов ее преобразования и предполагаемых результатов такого действия. Среди религиозно-политических объединений существуют разные по своим характеристикам организации.

Наличие политических культов характерно для подавляющего большинства стран и почти для всех политических систем. Их формирование и развитие было обусловлено природой религиозных учений нового типа, сущностью современной культуры, допускающей существование на паритетных началах мифологического, религиозного и светского типов мировоззрения, а также практически все возможные варианты их сочетаний. Предлагаемые в рамках данных систем политические методы и практики нередко являются результатом повсеместного распространения индустриальной культуры со всеми ее неотъемлемыми атрибутами.

С точки зрения политологии появление политических культов – это не закономерный процесс политического развития общества, а изъясн процесса демократизации, политической трансформации и радикальной политизации религии. При благоприятном стечении ряда обстоятельств, при наличии соответствующих социальных и политических предпосылок, национально-религиозная идеология изначально немногочисленных, даже маргинальных групп может захватить умы политических лидеров и широких народных масс и превратиться в господствующую.

Становление и развитие политических культов также можно считать символом и признаком политической модернизации, т.к. их деятельность активизируется в переломные исторические периоды, нередко обусловленные социально-экономическими и политическими кризисами. Таким образом, политические культы могут возникать и как ответ на политику.

Термин «политический культ» нормативно не определен, не закреплён и не имеет однозначного толкования в науке. В рамках религиоведения можно выделить два основных дополняющих друг друга концептуальных подхода к пониманию сущности политических культов, различающиеся между собой по выбору критериев для идентификации их конкретных случаев: мотивационно-идеологический и функциональный.

Первый подход ориентирован на выявление взаимопроникновения идейных конструкций религии и их практических политических вариаций при реализации целей, направленных на трансформацию общественно-политической жизни.

Второй подход ориентирован на изучение функций политических культов, выполняемых ими в обществе, способов действия их в социуме и определение их роли в политической системе. Однако важно понимать, что в различных странах политические культы могут по-разному проявляться, а их функции могут и не совпадать.

Например, D. Tourish и T. Wohlforth определяют политический культ как деструктивную организацию, которая изменяет индивидуальность, подчиняя ее законам и нуждам культа, создавая табу, которые устраняют сомнения и критицизм, и создают определенные умонастроения, посредством чего члены культа видят себя как одинокого миссионера, борющегося изо всех сил с окружающими их вражескими силами, чтобы принести процветание в мир.

Политические культы отличаются средствами достижения поставленных целей и их реализацией, а также отношением к инакомыслящим. Так, например, основной ценностью политических культов является понятие справедливости, которое понимается как неотъемлемое право на мщение обидчику. Таким образом, если в политической партии оппоненты рассматриваются как конкуренты, то в культе все инакомыслящие – это либо враги, которых необходимо ликвидировать, либо потенциальные члены, которых необходимо завербовать.

Однако все ли политические культы деструктивны – это сложный и пока мало изученный в современной отечественной социально-политической мысли вопрос. Для западного религиоведения больше характерна негативистская трактовка культа, проявляющаяся в теологических разногласиях и угрозах деятельности культа для общества. Особенно она проявляется у сторонников антикультового и контркультового движений.

Если анализировать данное явление с точки зрения политологии, то однозначно дать ответ на этот вопрос сложно. Это обусловлено тем, что политические культы используют разные средства для заявления о себе и своей позиции: от политического безразличия до активных радикальных методов.

Симонова С.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ УМНОГО ГОРОДА: КРИЗИС ЦИФРОВИЗАЦИИ ИЛИ «ТОЧКА РОСТА»?

В настоящее время в России активно реализуется ведомственный проект «Умный город», предусматривающий различные направления цифровизации городского хозяйства. Несмотря на неоспоримые преимущества этой программы, все большее число специалистов акцентируют внимание на вызовах, переживаемых органами местной власти и жителями умных городов. Среди наиболее серьезных из них – возможные угрозы ослабления уровня муниципальной демократии и «приватизация» общественных дел.

На первый взгляд тезис о связи концепции умного города с ослаблениями демократических начал публичного управления может показаться странным. Существует мнение, что города даже в большей степени, чем иные территориальные коллективы, способны выдержать испытания демократии в силу своей космополитичности и непосредственной близости к населению. Радуют и традиционные декларации программных документов о направленности умных городов на вовлечение граждан в решение вопросов городского развития. Однако более пристальное изучение таких документов дает основания для весьма неоднозначных выводов.

Прежде всего, преимущества цифровых систем в программных актах зачастую объясняются через призму обеспечения сбора, хранения и обработки данных, а не мнений. Мнения, как явление субъективное, далеко не всегда рассматриваются в качестве драйвера развития умного города.

Примечательно, что в одном из проектов концепции Минстроя по цифровизации городского хозяйства весьма любопытно поясняется принцип «ориентации на человека» как одной из ключевых основ умного города. По мнению разработчиков концепции, указанный принцип означает соотнесение

действий органов власти с уровнем позитивного влияния изменений на жизнь человека в городе. Критерий мнений граждан и их оценок вновь не фигурирует.

Принимая во внимание отмеченные обстоятельства и исходные посылки отдельных программных документов, видится вполне реальной угрозой исключения населения умных городов из процессов решения вопросов относительно их цифровой повестки, содержания и пределов технологизации умного города. При этом жители могут активно вовлекаться в решение «нецифровых решений» на основе разнообразных интернет-платформ в рамках онлайн-опросов, ресурсов для подачи электронных обращений и иных форм обратной связи.

Между тем, опыт отдельных стран показывает, что идея умного города может быть успешно воплощена в жизнь лишь при активном участии населения в решении цифровых вопросов. Что важно, это участие должно выходить за пределы консультативных форм народовластия и способов информирования населения в пользу равноправного партнерства граждан и власти по всем вопросам политики умного города.

Удивительно, но степень вовлеченности населения и органов власти в обсуждение вопросов цифровизации напрямую влияет на качество местного самоуправления. Как показывает практика, в умных городах со слабым уровнем демократических начал высок удельный вес частных корпораций, монополизировавших процесс принятия публичных решений. Напротив, активная включенность гражданского общества и муниципальных политиков в формирование повестки умного города будет стимулировать частные компании согласовывать свои решения с муниципальными образованиями и приспособляться к запросам граждан под угрозой расторжения договорных отношений.

Важнейшим фактором, способствующим активизации общественного участия в решении вопросов умного города, в зарубежной доктрине предлагается считать принцип «открытых данных» как базовый принцип цифровизации муниципалитетов. Например, в Барселоне, которая традиционно рассматривается как яркий пример умного города, ориентированного на широкое гражданское участие, активно разрабатывается концепция коллективных прав населения на данные умных городов. Реализация данного права обеспечивается посредством цифровых платформ открытых данных, которые рассматриваются в качестве механизма «укрепления коллективного интеллекта умных городов». Российская же версия подобных платформ – банк решений умного города – существенно отличается от зарубежных площадок, так как не содержит технического описания внедренных проектов, которые заинтересованный город может лишь приобрести у компаний-разработчиков.

Подводя итог, хочется выразить надежду на то, что развитие проектов умных городов будет оказывать позитивное влияние на укрепление осуществляемого в их границах местного самоуправления. Сбалансированная система управления умными городами возможна исключительно при условии баланса в системе отношений между населением и властью, и именно от этого зависит итоговая модель умного города, которую российские муниципальные образования примут в свою основу.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346

Слатинов В.Б. (Курск, КГУ)

СТАВКА НА «МОЛОДЫХ ТЕХНОКРАТОВ» И «НОВУЮ ИСКРЕННОСТЬ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ КАДРОВОЙ СТРАТЕГИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ И НАРАСТАЮЩИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Существенной характеристикой нынешнего состояния российского федерализма является фактическое право центра определять персональный состав руководителей регионов. Наличие у федеральных властей разных инструментов (административных, финансовых, силовых) давления на глав субъектов РФ делает положение последних «подвешенным», когда по воле Центра отставка возможна в любой момент, а выдвиженец Москвы получает статус временно исполняющего обязанности с последующим избранием на выборах «референдумного» типа (слабоконкурентных или неконкурентных кампаниях).

Соединение практик фактической назначаемости и ограничения конкуренции с необходимостью подтверждать свою легитимность на выборах, а также заявленными в рамках новой кадровой политики центра, опирающейся на так называемых «технократов», ценностями открытости, вовлеченности и отзывчивости («новая искренность»), порождает очевидное противоречие. Следствием его нынешнего углубления является нарастающая имитационность декларируемых принципов, нарастание отчуждения между региональными сообществами и руководителями субъектов РФ, снижение легитимности исполнительной власти территорий. Преодоление указанного противоречия видится в диверсификации кадровой политики Центра, допущении реальной конкурентности на губернаторских избирательных кампаниях, ресурсном укреплении регионального и местного уровней публичного управления.

Что касается меры успешности в реализации Кремлем проекта «технократизации» региональных элит, то его результаты в достаточной степени проявятся уже в среднесрочной перспективе. Оценивая первые эффекты данного процесса, можно отметить, что, реализуя политическую линию на замену региональных руководителей новой «волной» собственных кандидатов, федеральный центр поставил территории в полную зависимость от качества своей кадровой политики. Жесткая ротация губернаторов и замена бывших руководителей на представителей отобранного и подготовленного Администрацией Президента резерва – яркое свидетельство затухания российского федерализма, закрепления «унитарной федерации» как способа территориальной организации российской государственности. Для направляемых в регионы «технократов», большая часть которых работали на федеральных управленческих позициях, важнейшим залогом успешности является способность к быстрому знакомству с регионом и его особенностями, а также освоение компетенций по управлению территориями. Качество управления регионами поставлено в зависимость от этих факторов. Основным источником легитимности власти «технократов» является краткосрочный фактор обновления власти в территории. Выборы, проведенные по «референдумному» сценарию, не способны создать долговременный легитимирующий власть новых губернаторов эффект. Дееспособность политической стратегии и устойчивость позиций внутри территории во многом определяется характером «врастания в почву», то есть особенностями взаимоотношений с местными элитами. Недоверие к последним, по всей видимости, является если не всеобщей, то широко распространенной характеристикой «варягов-технократов», отсюда желание последних расставить на командные высоты в управлении регионами лично близких людей, также являющихся «варягами». При соблюдении известных балансов и общем позитивном взаимодействии с местными элитами, серьезного напряжения это не вызывает, во всяком случае, на первоначальном этапе работы. Игра в позиционировании на «эффекте обновления» и явном контрасте с прежним правлением стимулирует к проявлению «отзывчивости» и формированию новых механизмов участия гражданского общества в определении повестки дня, однако, остаются вопросы о долговременности и устойчивости этих механизмов за пределами избирательной кампании, и по мере того как «эффект обновления» начнет выдыхаться. Политически выигрышной на старте правления является также «инфраструктурная повестка» с акцентом на дорожное строительство и обновление городской среды, однако и она упирается в фактор времени, устойчивости и ресурсной обеспеченности. Будучи ресурсно и институционально зависимыми «операторами» федерального политического курса (нацпроекты) губернаторы-технократы обнаруживают явный дефицит «авторской повестки», что ставит под вопрос их успешность в деле регионального развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Слобожникова В.С. (Саратов, СГЮА)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В постсекулярную эпоху актуализируются проблемы государственного регулирования религиозности и его направлений и форм не только на федеральном, но и на региональном уровне. Основы современной модели государственно-конфессиональных отношений, сформулированные в Конституции РФ 1993 г., детализируются более чем в 100 нормативно-правовых актах только федерального уровня.

Динамично меняющееся в современных условиях вероисповедное и религиозное разнообразие Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей, располагающихся в Нижнем Поволжье, является серьезным вызовом для региональных властей, на который опасно не реагировать своевременно.

При наличии федерального законодательства в каждом из этих субъектов РФ власти регионов вынуждены принимать дополнительные правовые акты для регулирования религиозной сферы. Особое внимание уделяется институциональному обеспечению региональных государственно-конфессиональных отношений.

Региональные законы О Правительствах включают меры и обеспечение межконфессионального согласия, возлагая ответственность за реализацию этого направления управленческой деятельности на определенные структуры и должностные лица.

В структурах региональных и муниципальных властей создана вертикаль общественных совещательных советов по вопросам межрелигиозных отношений, в состав которых входят и представители религиозных организаций, как субъектов государственно-конфессиональных отношений. Так, в Саратовской области в 2014 г. был создан Совет по взаимодействию с национальными и религиозными объединениями при Губернаторе. В Астраханской области они особое внимание уделяются согласованию этнорелигиозных инициатив и возведению культовых зданий и сооружений религиозного назначения.

Деятельность по решению актуальных для субъектов РФ проблем систематизируется через разработку региональных программ. Их особенность заключается, во-первых, в том, что они детализируют применительно к региону общероссийские программы, а во-вторых, - религиозная проблематика включается в основном в программы реализации государственной национальной политики. Так, ныне действующие программы в регионах разработаны на основе Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года. В Астраханской области она названа «Концепцией государственной национальной политики» (2015 г., изменения 2019 г.), на основе которой разработан и реализуется план мероприятий на 2019 – 2025 гг., утвержденный в 2019 распоряжением Правительства области. Аналогичные планы мероприятий приняты и реализовываются и в Волгоградской, и Саратовской областях.

Серьезное внимание региональные власти уделяют обеспечению раннего выявления и предупреждения межконфессиональных конфликтов, проявлений экстремизма и терроризма. С этой целью в регионах разработан ряд программ: «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России на территории Астраханской области» (2015), «Развитие культуры и туризма в Астраханской области» (2014), «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Астраханской области» (2014), «Социальная защита, поддержка и социальное обслуживание населения Астраханской области» (2014). Этноконфессиональные мероприятия включены в ряд культурных и социальных региональных программ. В Саратовской области это, например, областная государственная программа «Культура Саратовской области» (2013 г.).

Функционируют специальные разного уровня нормативно-правовые акты, регулирующие отношения с религиозным миром и верующими. Так, в Волгоградской области в 2001 г. принят специальный Закон «О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области» (с изм. и доп. 2015 г.). В 2017 г. Администрация этой области приняла Постановление по реализации ФЗ 2010 г. «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной собственности».

В регионах Нижнего Поволжья на конкурсной основе предоставляются субсидии религиозным социально ориентированным некоммерческим организациям на реализацию проектов, направленных на духовно-нравственное развитие личности и общества, улучшение морального и психологического состояния граждан.

В целом, в Нижнем Поволжье государственно-конфессиональные отношения развиваются в русле, задаваемом федеральным центром. Межконфессиональные отношения как правило рассматриваются в контексте региональной национальной политики, которая реализуется с учетом специфики субъектов РФ. Государственно-конфессиональные отношения регулируются на региональном и муниципальном уровнях власти. Специальный закон, дополняющий федеральное законодательство, из трех областей Нижнего Поволжья принят только в Волгоградской области.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации».

Смаль С.В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Глобальный мультиказуальный кризис, охвативший планету в начале 2020 года, связанный с наложением экономических и эпидемиологических причин, в том числе COVID-19, заставляет по-новому оценивать совокупность процесса цифровизации социального государства и способности государства, как и других политических институтов, противостоять неизвестным ранее вызовам.

Та техническая интенсификация, которая захлестнула мир в 2020 году, носит и политический характер — в некоторых случаях подобное развитие напрямую вписывается в системообразующие документы, например, в Российской Федерации в 2017 году был принят указ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»¹⁸⁴, а также целый ряд последовавших за этим документов.

Теоретическое изучение вопроса политических аспектов цифровизации в современной России, как и во многих других отраслях науки, имеет, в основном, заимствованный и переводной характер¹⁸⁵, среди отечественных исследователей данной темой занимаются коллективы ученых МГУ, СПбГУ, РЭУ им. Г.В. Плеханова, РАНХиГС, КубГУ и др.¹⁸⁶ В целом же стоит отметить, что эта тема находится только в начале своего пути развития.

Отметим, однако, что процесс глубокого изучения и осмысления цифровизации уже не только запущен, но и дал свои результаты. Так, выделены три модели реализации государственной политики в сфере цифровизации: англо-сансонская, континентальная и азиатская¹⁸⁷, касательно же социальной сферы возникает целый ряд особенностей, некоторые из них имеют философский характер, и их необходимо отметить ниже.

При предоставлении все большего и большего удельного веса цифровым технологиям при принятии и реализации политических решений, происходит неизбежное отчуждение как человека от этого процесса, так и реципиента от источника услуги¹⁸⁸. Это меняет плоскость субъектно-объектных политических отношений, превращая гражданина из субъекта лишь в объект оказания услуг, не всегда учитывающих все его особенности и отвечающих всем его потребностям, затрудняя тот самый процесс, который необходимо было упростить. Также необходимо отметить разнонаправленность горизонтального процесса цифровизации и вертикального процесса принятия политических решений, распространенного сегодня во многих странах мира.

Быстрый технический прогресс и неудержимое развитие постулируют значительное количество вопросов, связанных как с технологической, так и с морально-этической стороной управления. Применимо к переводу функций реализации социального государства в сферу технологии WEB 2.0, которые стали катализатором революционных изменений в способах взаимодействия людей, можно также задать вопросом: способна ли сеть охватить все нюансы субъектно-объектных отношений, возникающих в социальной сфере и требующих индивидуального подхода к решению каждой возникающей ситуации или возможно продуцирование неких общеприменимых шаблонов? Эти, а также многочисленные связанные с поднимаемой темой вопросы, безусловно, требуют гораздо более серьезной проработки, чем та, что возможна в рамках тезисного изложения.

184. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>.

185. The Digital Transformation of the Public Sphere. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/bfm%3A978-1-137-50456-2%2F1.pdf>.

186. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л. В. Сморгунова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. — 384 с.

187. Авцинова Г.И. Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития // PolitBook — 2019 — № 4. С. 9—10.

188. Жулего В.Г., Балякин А.А., Нурбина М.В., Тараненко С.Б. цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 9 (ч. 2) — С. 36—43.

Смирнов Д.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ,
Иваново, Ивановский государственный университет)

МЕДВЕЖЬЯ СЕМИОТИКА В ДИСКУРСЕ НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Образ (Русского) Медведя — один из ключевых образов символической (гео)политики как прошлого, так и настоящего. «Русский медведь» в этом контексте эвристично представляется как символический пограничник, выполняющий в западном дискурсе функцию маркирования «России как чуждой, опасной и отсталой страны, а также ... исключения внутренних Чужих», в российской символической политике апологизирующий ««особый путь» России и ее отличия от Запада», способствующий «укреплению внутреннего единства страны»¹⁸⁹.

Его непреходящий политический потенциал во многом определяется включенностью в семиотическую ситуацию новой Холодной войны — противостояния не столько идеологий, сколько семиотических систем (не только логосных, сколько эйдосных). В условиях «эссенциализации ... противоречий между Россией и Западом, представления их в качестве сущностных и потому неустранимых»¹⁹⁰ функционал метафоры Русского медведя «масштабируется», обретая новые статусы. Учитывая тот факт, что элиты, конструирующие смыслы, сами действуют в рамках социально разделяемых систем смыслов и, участвуя в их производстве и воспроизводстве, подчиняются их логике¹⁹¹, «Русский медведь» вполне может быть рассмотрен как концепт семиосферы современной геополитики, которая содержательно удовлетворяет критериям Холодной войны.

Актуальность такой проблематизации обусловлена как растущим интересом к Медведю(ям) в российском коллективном сознании (разуме)¹⁹², так и «пригодностью» данного символа в деле конструирования устойчивого символического комплекса отечественной символической (гео)политики. Когнитивная динамика медвежьей метафоры определяется ее семиотической спецификой, позволяющей «работать» практически по всех режимах — сигнальном (маркерном), образном (знаковом) и собственно символическом. «Качественный спектр»¹⁹³ значений и смыслов Russian Bear, будучи динамической «суммой» значений и ценностей, также определяет возможность его рассмотрения в качестве образа-концепта (базового кода) не только отечественной символической политики, но семиотики современных международных отношений в целом (символического измерения новой Холодной войны)¹⁹⁴.

«Спектральный анализ» медвежьего портретирования в отечественной и зарубежной традициях позволяет установить корреляцию между символической политикой как инструментом конструирования (международных) отношений и символической картиной мира (ситуацией горячей Холодной войны) как итогом целеполагания деятельности соответствующих акторов. Западный дискурс — моноспектральный — выбирает фокус значений медвежьей метафоры, связанный с агрессией, непредсказуемостью, опасностью, инстинктивностью, нерациональностью. Российский (можно сказать, «домашний») дискурс — полиспектральный — значительно свободнее в когнитивно-семиотическом плане: здесь фокус значений «собирается» в зависимости от состояния геополитической экосистемы и целей сторон.

189. Рябов О. В., Константинова М. А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2011. № 6. С. 121.

190. Рябов О. В. Медвежья метафора России как фактор международных отношений // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 325.

191. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. — М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 13.

192. См. всероссийский опрос ФОМ (24 ноября 2019 г., 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов; статпогрешность не превышает 3,6%), где на вопрос «Россию нередко ассоциируют с медведем, этот образ часто используют в качестве символа нашей страны. А как вы считаете, медведь — это правильный, подходящий символ для России или неправильный, неподходящий?» 65% респондентов ответили, что правильный.

193. Это спектр, на наш взгляд, удачно представлен метафорой «Misha and the Bear» [Riabov O., de Lazari A. Misha and the Bear // Russian Politics and Law. 2009. Т. 47. № 5. С. 26—39.]

194. «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М.: НЛО, 2012. 368 с.

Таким образом, «Русский медведь» из символического пограничника постепенно трансформируется для отечественной политической семиосферы в символического (универсального) солдата, который в дискурсе новой Холодной войны иногда выполняет функции снайпера (или сапера), иногда минометчика, иногда танкиста. Медвежий образ в системе метафор российской политической семиотики выгодно отличается двумя качествами — нечленораздельностью (не путать с непонятностью и непонятливостью) и действенностью (не путать с импульсивностью и агрессивностью). Сочетание этих конкурентных символических преимуществ обеспечивает «боеспособность» Русского медведя в семиотических баталиях.

Публикация выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-011-00748 ««Русский медведь» в современной символической политике: российский и западный контексты».

Смольникова К.А. (Краснодар, КубГУ)

СЕТЕВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фундаментализация термина гражданская активность выступает актуальным предметом интереса политических наук. Особое внимание направлено на концептуализацию институционального аспекта гражданской активности молодежи, наиболее реакционной к общественной трансформации социально-демографической группы.

Методологические подходы для анализа феномена гражданской активности: институциональный, сетевой и интегративный, в совокупности они позволяют всесторонне изучить модели выражения сетевой гражданской активности в современной публичной политике.

Институциональный подход к изучению гражданской активности рассматривает ее как санкционированную государством публичную роль гражданина (Патрушев, 2009). Выделение двух базовых форм гражданской активности – участия, гарантирующего репродукцию ценностей и норм гражданского общества, исторических институциональных практик и действия – преобразования нормативно-ценностных практик институциональных оснований позволяет нам отследить концептуальные основы становления протогражданского действия в том числе и в цифровом пространстве.

Используя сетевой подход, мы концентрируем внимание на нелинейной структуре процесса гражданской активности. Объектом исследования становятся специфические связи между акторами, горизонтальный принцип образования и мобилизационный потенциал (Kahne J, 2014). В сетевом пространстве гражданская активность приобретает такие структурные качества как открытость – утверждение многомерных коммуникативных связей и спонтанность – непрерывную трансформацию путей осуществления волеизъявления.

Интегративный подход к изучению сетевой гражданской активности молодого поколения позволяет нам выделить базовые системные качества современной молодежи, определить ее идентичность и субъектность в поле публичной политики. В рамках исследования нами выдвигается гипотеза о том, что уникальные культурные и антропологические характеристики современной молодежи приводят к формированию гражданского общества нового типа – цифрового.

Медиатизация гражданской активности молодежи выступает движущей силой развития цифровой политики. Характерными особенностями этого процесса выступает изменение направления коммуникационного процесса – от общества к государству и повышение уровня прозрачности принятия политических решений, развитие двусторонней модели коммуникации (Гуреева, 2018) Также стоит отметить, что цифровая гражданская активность молодежи может носить стихийный и нестабильный характер, ввиду отсутствия компетентных лидеров и низкого владения пониманием сути мобилизационных процессов, слактивизма.

Таким образом, изучение форм цифровой гражданской активности молодежи в пространстве публичной политики современной России с позиций вышеуказанных методологических подходов позволит нам сформировать операциональную модель для теоретического и эмпирического описания механизмов гражданского общества.

Литература

1. Гуреева, А. Н. Концептуализация процесса медиатизации в России и за рубежом. МедиаАльманах, 2018. № 5. С. 24–31.
2. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Политические исследования. 2009. № 6. – С. 25-27.
3. Kahne J., Middaugh E., Allen D. 2014. Youth, New Media, and the Rise of Participatory Politics. URL: https://pediatrics.aappublications.org/content/140/Supplement_2/S127

Сморгунов Л.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ И СЕЛЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАЦИЙ НА ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТФОРМАХ

Исследования современных публичных коммуникаций в Интернет-пространстве является магистральным направлением ряда наук. В них раскрываются и описываются важнейшие феномены сетевой коммуникации, связанные с процессами, технологиями, направленностью и управлением коммуникационным взаимодействием в сети. Особое значение приобретает анализ особенностей формирования политических суждений, составляющих основу познания политической реальности и публичной деятельности. Являясь центральным объектом изучения коммуникации в смежных научных областях (политическая когнитивистика, политическая философия, политическая социология, политическая психология), политическое суждение в политической науке исследуется, как правило, в аспекте политической теории рационального процесса политической мобилизации и разработки политических решений. Многие коммуникационные процессы в Интернете анализируются без акцента на особенностях формирования политических суждений и без разделения на научную и обыденную/мирскую гносеологию и эпистемологию (мотивированное познание). Господствующая информационная парадигма организации онлайн коммуникаций обладает такой целевой познавательной ориентацией, которая ограничивает процесс познания публичных процессов селекцией направленных политических суждений путем аутсорсинга. Формирование политических суждений в Интернет-пространстве строится на основе доминирования селективной информационной стратегии коммуникации, определяющей направленность процессов мотивированного познания скорее на догматическую и спекулятивную, чем рефлексивную коммуникацию. В этом отношении коммуникационные процессы в виртуальном мире предстают собой не процессы формирования публичного разума, а превращаются в аутсорсинг политических суждений, когда задача формирования согласованных суждений и решений передается ограниченному кругу агентов, включая специалистов современной интернет-пропаганды или технологические механизмы направленного контроля над коммуникацией. Здесь коммуникационный процесс приобретает характер опосредования, теряя качества открытости, выявленности и предрасположенности к взаимному пониманию (см. табл. 1). Современная коммуникация опосредована платформенной организацией, которая оказывает влияние как на процесс мотивированного познания, так и на содержание политических суждений, порождая селективную коммуникационную стратегию. Селективная стратегия коммуникации – управление процессом коммуникации посредством дизайна платформ, созданных под влиянием «управленческой ментальности», которая оказывает влияние на доминирующие

алгоритмы (ментальные паттерны) организации публичных коммуникаций. При этом мотивированное познание – механизм формирования суждений на основе обыденной эпистемики, включающей в себя три основных процесса: (1) процесс каузальной атрибуции; (2) эпистемическая мотивация; (3) доказательная демонстративность (М.Круглянский). Хотя политическое суждение представляет собой репрезентативное высказывание о предмете обсуждения, основанное на чувстве общности участников коммуникации, тем не менее на основе платформенной организации возникающее чувство общности из внутренне присущей коммуникации формы становится внешним условием простой принадлежности к сформированной сетевой структуре.

Рис. 1. Модель коммуникации.

Политические суждения являются интегративным элементом публичной коммуникации по ряду оснований: 1) в них выражается направленность коммуникационных стратегий; 2) политические суждения содержат все элементы обыденной эпистемики: референции, мотивации и доказательности (знаниевые и информационные парадигмы); 3) они отражают процессуальные характеристики коммуникации – диалог (обмен знаниями), дискурс (обсуждение знаний), нарратив (повествование о знании), монолог (предъявление знаний); 4) политические суждения воплощают идентификацию акторов как участников коммуникационного процесса (психологический характер, тип когнитивной ориентации, личностные позиции).

Опосредованный характер платформенной коммуникации порождает ряд деструкций, которые связаны как с деформациями публичного онлайн пространства, так и самого когнитивного процесса порождения суждений. Последний выражается в том, что элементы обыденной эпистемики если не становятся излишними, то превращаются в простые механизмы обнаружения информационных сигналов, порождающих желание реакции (в виде разделений, из которых наиболее безобидное - лайки/ дизлайки). Отсюда формирование разделенных множеств, приватизация публичного пространства, социальный надзор, конформизм и адаптация к господствующему мнению, политическая корректность, направляемая мобилизация и маркетизация производства политических суждений. Вызовы, порождаемые селективной стратегией коммуникации, требуют ответов, которые преодолевают аутсорсинговый характер коммуникационных запросов путем активизации политической, а не технической онтологии цифровизации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31361 опн.

Смулькина Н.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Исследовательская стратегия изучения психологического состояния общества в современных реалиях не может обойтись без рассмотрения политических образов властных институтов, сформированных на уровне массового политического сознания современных россиян. В восприятии современных реалий российским обществом в структуре общественных ожиданий и требований усиливается проекция на сильное, но справедливое государство. Рассмотрение политических установок на взаимодействие гражданина с государственными институтами становится также немаловажным. Выбор инструментария для изучения политических установок является значимой методологической задачей и требует процедурной триангуляции, опирающейся, как на позитивистский принцип количественной методологии, так и на конструктивистский принцип качественных методов. Рассмотрение политических установок с опорой на принцип прагматизма, при помощи фокусированных полуструктурированных интервью выглядит логичным и обоснованным. При этом, ценным видится включение в гайд интервью процедур завершения (неоконченные предложения, неоконченные рассказы, заданные гипотетические ситуации, требующие завершения респондентом).

Необходимость изучения одновременно и общего отношения респондентов к политике как проявлении повседневности и конкретных образов политических лидеров при рассмотрении особенностей психологического состояния российского общества имеет свои основания. Эта необходимость обусловлена тем, что в случаях сильных эмоциональных позитивных и негативных реакций общества на конкретные ситуации, выступающие стимулами (а ситуация пандемии 2020 года с полным правом можно отнести к таким ситуациям), ожидания могут приобретать преимущественно персонифицированный характер, тогда как эмоциональная реакция общества на текущую ситуацию в целом выражается в размытых формах. Эти не вполне осознаваемые обществом интенции, могут быть изучены при помощи психологических и социологических методов диагностики текущего психоэмоционального состояния общества.

Изучение образа будущего и социально-политических ожиданий в современных реалиях крайне значимо. В ситуации социально-политической нестабильности, социальной неустойчивости, происходит потеря темпоральных ориентиров общества. Возрастает размытость образов будущего. Образ будущего страны подменяется категориями «психологического будущего». В этом случае значительным фактором, определяющим психологическое состояние общества, становятся показатели уровня уверенности в себе и осознание групповой и личной способности «побеждать». При актуализации патерналистических установок российского общества и росте неуверенности в завтрашнем дне, размывании «зон безопасности» у представителей отдельных социальных групп (например, у представителей мелкого и среднего бизнеса, жителей деревни, студенчества, частично занятых) возрастает опасность социальных конфликтов. В рамках исследовательской стратегии важно уделить внимание подготовке инструментария, адаптированного для респондентов различных социальных групп. Требуется адресный подход к респондентам, учитывающий их социальную идентификацию, четко обоснованный еще на стадии составления программы исследования.

Снижение общественной солидарности, склонности помогать друг другу и возрастание страха в отношении друг друга в сочетании с повышением установок на крайности, радикальные формы активности может формировать в обществе «атомарность» с повышенным уровнем неудовлетворенности и

вспышками немотивированного насилия, ростом социальных девиаций, снижением психологической устойчивости общества, гиперчувствительностью отдельных социальных групп. Поэтому перспективной, значимой (и, следует признать, методологически сложной) исследовательской задачей сейчас является и рассмотрение уровня и характера консолидации общества.

Значительные расхождения между уровнем социально-политических притязаний и оценкой возможностей в их достижении (оценкой эффективности текущей политики) могут способствовать нарастанию пассивно-неудовлетворенных настроений, опасных склонностью находить выплеск в эпизодических вспышках протеста, социальной агрессии при накоплении и кристаллизации (рационализации и вербализации) общественных требований. Изучение характера канализирования общественных настроений в данном случае видится достаточно любопытным направлением исследований, так как именно оно зачастую используется как способ «снижения эмоционального градуса». При изучении политических страхов и ожиданий общества следует, обратить внимание и на объект притязаний (то, в отношении кого формируются стержневые/центральные притязания) и тему притязаний. Кроме того, вероятно, важным является рассмотрение сформированных у респондентов на уровне массового сознания нереализованных ожиданий и среднесрочной, и краткосрочной перспективы. Это позволило бы с большей точностью делать некоторые прогнозы о возможностях снижения уровня социально-политического напряжения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук в рамках научного проекта № МК-2081.2020.6 (соглашение №075-15-2020-266) «Психологическое состояние российского общества в условиях внешних вызовов: стратегии политико-психологического исследования» (конкурс МК-2020).

Соловьев А.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

«СИСТЕМНЫЕ» ПОСЛЕДСТВИЯ СЕТЕВОГО ПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Опыт эволюции современных политий наглядно показал принципиальную роль механизмов разработки и реализации ключевых политических решений, влияющих на «ход событий» в государстве, основные траектории развития общества (Zahariadis N. Setting the agenda on agenda setting: definitions, concepts, and controversies In Handbook of Public Policy Agenda Setting Edited by N. Zahariadis, Department of International Studies, Rhodes College, USA, Handbook of research on Public Policy, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2016. p. 1-24). Впрочем, наблюдения за процедурами принятия решений такого рода доказывают уникальность их архитектуры, неизбежность возникновения сложной конфигурации взаимодействия государственных и негосударственных акторов. При этом ключевая роль в таких, как правило, скрытых от общества политико-административных взаимодействиях принадлежит латентным ассоциациям правящего класса, использующих неформальные методы давления на публичные институты и в логическом пределе стремящихся колонизировать их, подчинить собственным интересам.

В государствах демократического типа устойчивость институционального дизайна, различные формы гражданского контроля, определенная зависимость правящих кругов от общественного мнения в известной мере предохраняют институты власти от капитуляции перед неформальными сетевыми коалициями. Однако даже в этих государствах устойчивость институтов является достаточно относительной и эти латентные игроки способны устанавливать контролируемые ими порядки на различных локальных аренах

Возможно, первыми описаниями такого рода властных конструкций, сформированных латентными ассоциациями, были исследования «политических машин» в 30 годы XX в. в США (Banfield E.C., and James A.W. City Politics. Cambridge. Harvard University Press. 1965). Контролируя отдельные электоральные и местные площадки, сетевые группировки, по сути, противопоставляли себя официальным

структурам власти и легитимным политическим порядкам. Однако достигнуть расширения, способного повлиять на весь политический ландшафт государственного управления, они оказались неспособными. Тем не менее, история зафиксировала образование структур власти, не только оппонирующих Центру политического господства, но и претендующих на исполнение принципиальных функций государства по отношению к обществу.

Похожая, но иная по масштабам ситуация сложилась и в современной России, где монополия сетевых коалиций затронула практически все публичные институты, включая высшие структуры власти, и породив «систему» распределения общественных ресурсов, основанную на аффилиции референтных группировок правящего меньшинства с официальными органами правления. Масштабная институциональная коррупция, nepotизм, произвольный характер правоприменения, закрытость распределения крупных трансфертов и госзаказов, судебная защита проштрафившихся чиновников и иные аналогичные факты превратились в типичные маркеры жизнедеятельности такой «системы».

Обретая истоки в подчиненной неформальным ассоциациям зоне принятия государственных решений, такая «система» не только последовательно переориентирует институты власти на корпоративные интересы, но и превращает публичное пространство в придаток межсетевой конкуренции, делая бесполезной конструкцию «общественных благ» (сохраняя лишь их символическую форму), политическую конкуренцию, представительные механизмы, процедуры гражданского контроля. Ее разлагающее влияние превращает государственное управление в «делянки» власти, отданные на откуп корпоративным игрокам, действующим «по понятиям», а административные фигуры в брокеров и «смотрящих», курирующих инвестиционные проекты. Вымывая нормативные и правовые регуляторы из практики управления ключевыми проектами, «система» оказывает развращающее воздействие и на арены местного самоуправления и даже на гражданские сообщества (поощряя в людях угодничество и сервизм, заставляя их лгать ради избрания «правильных» депутатов или оправдания коррумпированных чиновников и т.д.).

Сегодня нет убедительных факторов, говорящих о скорой кончине такой «системы», вырастающей из процесса принятия ключевых государственных решений и распространяющих свои нормы и принципы на все этажи и арены государственного управления. Вспоминая Р.Михельса, утверждавшего, что власть одной олигархии может сменить только власть другой олигархии, невольно задаешься вопросом: сможет ли – и когда – Россия изменить течение этого закона?

Солосина М.И., Гребеникова Ю.А., Завалин В.Г., Андреев А.В. (Воронеж, ВГУ)

ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Проектирование образа будущего – одна из наиболее явных тенденций государственной политики, которая отражается в работе разных экспертных площадок, институтов развития и других субъектов гражданского общества.

Участие разных общественных институтов в мероприятиях, связанных с проектированием будущего, является фундаментом для укрепления гражданского общества, создания условий для формирования проактивной позиции граждан Российской Федерации.

Можно выделить пять основных факторов, которые имеют потенциал, чтобы стать основой для тенденций развития институтов гражданского общества.

1. Выход понятия «гражданское общество» за рамки деятельности некоммерческого сектора.

Понятие «гражданское общество» шире понятий третьего сектора и некоммерческих организаций (НКО). Однако на протяжении ряда лет оно использовалось только в отношении деятельности, связанной с НКО. Сегодня кооперация третьего сектора и других секторов экономики выходит на уровень системной совместной коммуникации.

Корпоративное волонтерство, корпоративная социальная ответственность, благотворительность и филантропия – это те институты гражданского общества, которые можно встретить в других секторах экономики, в частности в бизнес-среде.

Повышение качества жизни населения отражается на запросах общества к бизнесу, к его социальной ответственности.

Поддержание данного фактора и формирование из него тенденции увеличивает потенциал общественного развития.

2. Институционализация гражданских активистов и местных сообществ.

Говоря об инструментах поддержки институтов гражданского общества, нужно сказать не только о НКО, но и об активистах с гражданскими инициативами, которые находятся на стадии перехода к институционализации.

Гражданская инициатива – это инициатива обычного гражданина, который не является экспертом в данной области, который не является лидером/представителем НКО; это инициатива человека, который хочет, чтобы окружающее его пространство было лучше, чем сейчас.

Сейчас в регионах РФ постепенно выстраивается самоорганизующаяся система работы гражданских активистов с НКО, бизнесом, органами власти. Такое взаимодействие выражается в различных формах: от участия активистов в качестве добровольцев в социальных проектах до совместной реализации на базе НКО проектов гражданских активистов.

3. Запрос на эффективную информационную политику некоммерческого сектора.

В настоящее время отдельные сферы жизни общества, связанные с общественной деятельностью, остаются за пределами информационного поля, отсутствуют фундаментальные теоретические разработки, которые исследуют специфику популяризации НКО. Современные тенденции и запросы в этой плоскости слабо изучены.

В связи с этим НКО и социальные проекты зачастую испытывают сложности с освещением и продвижением своих инициатив и мероприятий.

Проблема подачи или «продавания» проекта существует не только на стадии написания пресс-релиза, но и на стадии подготовки заявки проекта на получение гранта.

Основная сложность во взаимодействии СМИ с НКО в том, что НКО не всегда могут сформулировать интересные темы для СМИ, а СМИ в свою очередь не всегда способны детально вникнуть в проблематику работы НКО.

Подобные трудности во взаимодействии с медиасредой должны преодолеваются не только посредством просвещения представителей НКО.

Одной из возможностей реализации объективного и эффективного представления в СМИ картины о деятельности НКО является создание на базе постоянного партнерства медиахолдингов и субъектов гражданского общества площадок, которые через проектные сессии будут создавать новые форматы спецпроектов в СМИ, посвященные некоммерческому сектору в широком его понимании.

4. Укрепление межрегиональных и международных связей НКО с представителями третьего сектора других стран.

Многие регионы Российской Федерации граничат друг с другом и с разными странами, что естественно влияет на развитие межрегионального и международного направлений в деятельности представителей гражданского общества.

Данный фактор оказывает влияние на формирование позитивного имиджа конкретного региона в рамках страны и в других странах, а также поддерживает постоянную коммуникационную площадку для трансляции и передачи лучшего регионального и международного опыта в области развития гражданского общества.

5. Запрос на тиражирование социальных практик.

Успешный региональный опыт развития институтов гражданского общества отдельных субъектов РФ необходимо переводить в работающие технологии, которые можно доступно использовать как в других регионах, так и на территории страны в целом.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ №20-011-32279 «Межпоколенческий аспект вовлечения жителей в социально-политические процессы».

*Сонина Е.О. (Екатеринбург,
Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)*

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ

Современная ситуация характеризуется целым комплексом вызовов. Затруднения в мировой экономике и распространение новой коронавирусной инфекции снова актуализировали вопрос о том, какой тип государства и политической системы является наиболее эффективным в возникших условиях. В политическом дискурсе снова актуализировалось мнение о необходимости возвращения к бюрократической политической системе и авторитарной модели государства. Хотя в таком подходе видятся серьезные риски, поскольку эффективность противодействия возникшим новым вызовам зависит не столько от степени централизации власти, ее способности контролировать общество и все его взаимодействия, сколько от уровня доверия и согласия во взаимодействии общества и власти, их содействия, взаимной поддержки в противостоянии новым типам угроз и диалога.

Для бюрократических (авторитарных) политических систем (по Ч.Ф. Эндрейну) характерно доминирование материальных ценностей, сосредоточение власти в руках достаточно централизованного политического аппарата, закрытые механизмы ее обновления и достаточно высокая степень дистанцированности власти и общества. При этом такой режим функционирования политической системы может вполне согласовываться с потребностями и ожиданиями общества на определенном этапе, позволять достаточно оперативно реализовывать политические решения. Но ключевым моментом, определяющим устойчивость власти в условиях бюрократической политической системы, оказывается именно то, насколько она сможет обеспечить и гарантировать обществу доступность материальных ценностей, ожидаемый обществом уровень материального достатка и безопасность. Если власть эти ожидания не оправдывает, то население перестает видеть в ней ценность.

Другой тип политической системы – согласительная. Она предполагает баланс духовных и материальных ценностей, активное гражданское участие населения в управлении государством, открытость власти и наличие ее постоянного контакта с обществом. Указанная политическая система кажется очень сложной в управлении и достаточно затратной по временным, организационным ресурсам. Она также достаточно требовательная к уровню коммуникативных навыков общества и власти, наличие способности у обеих сторон к выстраиванию диалога. Согласительная политическая система также очень сильно зависима от готовности общества принимать активное, ответственное участие в определении и реализации приоритетов государственного развития. Но именно постоянный диалог, основанный на взаимной ответственности общества и власти, позволяет достичь высокий уровень доверия в их взаимодействии, обеспечивая согласие в установках политических акторов и стабильность политической системы.

Применительно к кризисным ситуациям и их преодолению в преимущество бюрократической политической системе в сравнении с согласительной чаще всего обозначают достаточно высокую степень управляемости. Она достигается за счет жесткой иерархии, позволяющей оперативно мобилизовать различные виды ресурсов, а также строгими требованиями к уровню профессионализма бюрократии в некоторых моделях государственного управления, характерных для данного типа политической системы. Но как только власть перестает обеспечивать требования населения в безопасности и необходимый (или ожидаемый им) уровень материального достатка – это становится поводом для нарастания социального напряжения, а высокая степень дистанцированности общества и власти приводит к тому, что власть не успевает оперативно отреагировать на возникающие точки напряжения, предупреждая конфликты. А поскольку у населения нет иной привязанности к власти кроме материальной, власть вынуждена снижать социальное напряжение за счет реализации, в первую очередь, материальных мер поддержки или эксплуатации ценностей безопасности. В результате, это приводит к существенным издержкам для неё или рискам усилению популистских тенденций.

В свою очередь, согласительная политическая система благодаря высокому уровню доверия, существующему в отношениях общества и власти, обеспечивает высокий уровень принятия транслируемых властью установок общественным сознанием, активное со-участие населения в преодолении новых вызовов.

Успешность выбранных государствами стратегий по преодолению вызовов, связанных с необходимостью противодействия угрозе распространения новой коронавирусной инфекции и одновременно недопущения возникновения глубоких социально-экономических кризисов из-за вводимых вынужденно ограничений, как показывает практика, во многом зависел как раз от уровня согласия в действиях власти и общества, доверия и готовности со стороны общества поддерживать принимаемые властью решения. Признаваемые пока на сегодня успешными стратегии государства по противодействию распространения новой инфекции, принятые в Южной Корее и большинстве скандинавских стран, за счет высокого уровня доверия в отношениях общества и власти, характерного для согласительной политической системы, позволил исключить риски скрытого сопротивления реализуемым властью мерам, провести их в максимальном согласии с действующими установками в общественном сознании и использовать столь важный для обеспечения стабильности государства потенциал ответственного гражданского участия.

Сосунов Д.В. (Воронеж, ВГУ)

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России, как и в мире в целом, происходит усложнение общественно-политической жизни, связанное с повышением свободы распространения информации, активизацией гражданской активности населения и с увеличением числа субъектов политики. Особое значение приобретают не только требования социально-экономического характера, но и вопросы политического устройства, градостроительной политики и экологии. В стране наблюдается рост массовой протестной активности, принимающей самые разнообразные формы: от конвенциональных мирных выступлений граждан до силового противостояния населения с представителями власти.

Летом 2019 г. исследовательской группой Воронежского госуниверситета (руководитель – проф. А.В. Глухова) был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие 54 эксперта из 19 регионов России. 20 участников опроса представляли столичный и 34 - региональный уровень. Представительство по федеральным округам: Центральный – 27; Северо-Западный – 6; Южный – 6; Приволжский – 8; Уральский – 3; Сибирский – 2; Дальневосточный – 2. Экспертами выступили преимущественно работники академической сферы (46), а также консалтинговых структур (5) и органов государственной власти (3).

Исследование диагностировало достаточно высокий уровень конфликтности российского общества, свойственные ему общественно-политические расколы, где первые четыре позиции занимают социальный («богатые - бедные»), социокультурный («индивидуализм - коллективизм», «западничество – третий путь»), политико-территориальный («федеральный Центр-субъекты РФ») и собственно политический («власть - оппозиция») расколы. Игнорирование либо замалчивание этих расколов чревато не только углублением общественных противоречий, но и кумулятивным эффектом умножения их конфликтного потенциала.

Эксперты по десятибалльной шкале оценили перспективу усиления протестных настроений и протестной активности в современной России. Оказалось, что средняя оценка – 5,9. При этом роль триггера могут сыграть самые разнообразные факторы: от «случайных» и относительно малозначительных событий до резкого снижения уровня жизни простых людей. «Протестная активность в обозримой перспективе будет сохранять особенность последних десятилетий – она довольно быстро затухает,

а целостность и устойчивость политической системы сохраняется. По этим причинам в обозримой перспективе вряд ли найдётся какой-то триггер, способный существенно усилить протестную активность, которая приведёт к изменениям в процедурах формирования внутривнутриполитической повестки дня и в политической системе», - отметил один из экспертов.

Действительно, доминирование официальной точки зрения в публичном дискурсе не позволяет появлению взвешенных, альтернативных вариантов для включения в топ-список приоритетных политических вопросов. Выстроенная вертикаль власти, моноцентризм и атмосфера зависимости региональных политических субъектов от Центра задают условия только для транслирования идей федеральной власти без их осмысления, рефлексии и критического анализа.

Однако кейс Хабаровского края, защита Куштау в Башкортостане, протестное голосование Ненецкого автономного округа (НАО) против предлагаемых поправок в Основной закон страны, протесты в Шиесе Архангельской области и т.д. доказывают, что именно протестная активность местного населения может стать важным фактором для формирования актуальной политической повестки дня. В данном случае на первый план выходит проблема взаимодействия власти и общества в процессе трансформации внутривнутриполитической повестки дня и обсуждения стратегии развития страны. Как отмечает А.И. Соловьев, «пытаясь отстоять свои интересы, граждане апеллируют к официальным нормам и институтам, которые зачастую не имеют отношения к фактически принимаемым решениям, инициируемым сетевыми коалициями, использующими формальные институты в качестве официального прикрытия своих действий»¹⁹⁵.

Таким образом, наряду с конвенциональными формами обращения к официальным органам власти, граждане вырабатывают разнообразные приемы привлечения внимания к своей ситуации, посредством использования лидеров общественного мнения, подписания петиций, распространения информации в социальных сетях и т.д. По результатам нашего экспертного опроса выяснилось, что в России наибольшую популярность приобретают самые разнообразные формы интернет-активности, митинги, пикеты и акции гражданского неповиновения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 19-011-31293 «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России»).

Станкович Я.И. (Москва, МГИМО МИД России)

РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГОСКОМПАНИЙ В РФ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА ПРОДВИЖЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТАХ РЖД

В условиях изменения интенсивности и качества внешнеполитического взаимодействия Российской Федерации с государствами Восточной Европы после Крымского кризиса в феврале-марте 2014 года, ужесточения антироссийских торгово-экономических санкций со стороны Европейского союза, США и Украины, а также осуществления мероприятий по диверсификации трансконтинентального транспортного сообщения (строительство трубопровода «Северный поток-2», проектирование железной дороги Варшава–Таллин в обход России, преобразование Минского авиаузла в региональный хаб и др.) отмечается рост значимости исследований в области взаимодействия крупного национального транспортного бизнеса с органами государственной власти (*Government Relations*) и институтами гражданского общества (*Public Affairs*) зарубежных государств (*foreign lobbying*).

За последние десятилетия в публичной политике региона сложилась устойчивая практика гегемонического давления крупных российских инфраструктурных компаний (Газпром, РЖД, Транснефть и др.)

195. Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество. – Полис. Политические исследования. – 2019. - № 4. – С. 8.

на местные власти и общественное мнение посредством использования федерального административного ресурса. Периодические конфликты между Россией и государствами Восточной Европы первого десятилетия XXI века (газовые, нефтяные, «молочные», «фруктовые» и т.п.) способствовали продвижению отечественных госкомпаний к цивилизованному лоббизму (Большаков, Большакова, 2017). Качественное изменение политической активности российского бизнеса обусловило возникновение научного интереса к исследованию процесса выработки субъектами лоббирования релевантных форм и методов представления и продвижения корпоративных интересов в постсоветской части Восточной Европы – Балто-Черноморском регионе (Эстония, Латвия, Литва, Беларусь, Украина и Молдова) (Ильин, 2008).

Концепция «политической активности корпораций» (*Corporate Political Activity*) позволяет расширить методологическую линзу GR-исследований посредством включения в анализ структур гражданского общества и сопоставления воздействия лоббистских усилий как на государственные, так и на иные публичные институты (Schuler et al. 2019).

Компании начинают практиковать в своей работе СРА при наличии финансовых, интеллектуальных и технологических ресурсов, достаточных для лидирующего позиционирования в отрасли или на отдельной территории (города, региона, государства, наднациональной организации и т.п.). Также имеет значение психологическая готовность корпоративного менеджмента к трансакции существующего экономического влияния в политический потенциал.

Осуществление лоббирования корпоративных интересов национальной компанией на зарубежном (*foreign*) уровне функционально ограничено тремя плоскостями регуляторной среды:

- отраслевая и внешнеполитическая позиция органов государственной власти (ОГВ) государства-регистратора;
- отраслевая и внешнеполитическая позиция ОГВ зарубежного государства;
- институциональные ограничения наднациональных организаций, в состав которых входит государство-регистратор и зарубежное государство;
- геополитическая конъюнктура в макрорегионах, к которым привязаны данные политики.

В рамках обозначенной проблематики можно сформулировать три базовых аспекта политической активности российских госкомпаний в регионе (на примере зарубежных проектов «Российских железных дорог»):

- Взаимодействие российского бизнеса с органами власти постсоветских государств Восточной Европы периодически сопровождается публичными конфликтами между национальными правительствами и официальным Кремлём, тем не менее отечественный капитал уверенно присутствует в регионе, несмотря на агрессивную внешнеполитическую риторику.
- Внедрение институтов «открытого правительства» (общественные палаты, советы и комиссии) в государствах региона сохраняет потенциал функционирования непубличных форм (площадок) лоббистской деятельности, имеющих высокую коррупционную составляющую и низкий уровень прозрачности.
- Развитие структур гражданского общества, представляющих интересы делового сообщества (национальные, региональные и отраслевые ассоциации, самоуправляющиеся организации и т.п.), оказало минимальное воздействие на существующие в регионе с середины 1990-х годов практики урегулирования конфликтов между бизнесом и государством на уровне первых лиц (олигархи и крупные чиновники).

Литература:

1. Большаков С.Н., Большакова Ю.М. Лоббизм и GR-практики в странах Восточной Европы и Прибалтики: политико-социологический анализ // Вестник Московского ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2017. Том 23. № 3. С. 174-199.
2. Ильин М.В. Балто-черноморская система как фактор формирования государств в Восточной Европе // Политическая наука. 2008. № 1. С. 101-131.
3. Schuler D., Rehbein K., Green C. Is Corporate Political Activity a Field? // *Business & Society*: 58 (7), 1376–1405, 2019.

Степанов А.И. (Пермь, ПГНИУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФЕМИНИСТИЧЕСКОГО УРБАНИЗМА КАК ТЕОРИИ И ДВИЖЕНИЯ

Наравне с классическими мерами по искоренению гендерного неравенства, аналогичные меры по преобразованию городской среды предполагают ее изменение в пользу более комфортного присутствия в ней женщин. Феминистический урбанизм можно считать закономерным развитием идей феминизма с наложенными поверх урбанистскими практиками. Он направлен на борьбу с половым неравенством в городах, конкретно, в специфичной городской среде во всем ее архитектурном, инфраструктурном, сервисном многообразии. Феминистический урбанизм, как и множество других направлений, может рассматриваться как теория и как вектор (движение), направленный на изучение или преобразование антропогенной среды в плане ее воздействия на женщин. Соответственно, для раскрытия сути данного феномена требуется синтез, сопоставление практик по искоренению гендерного неравенства и элементов городской среды.

Само политическое измерение феминистического урбанизма в теоретическом аспекте можно провести со стратегией максимального охвата. Путем наслоения цельных пониманий политического на совокупную составляющую гендерного неравенства в городах. Помимо этого, можно совершить расщепление объекта на основные слагаемые – феминизм и урбанизм, после чего выявить политическую компоненту каждого из них в отдельности. Для этого были использованы три наиболее популярных понимания политического: классическое государствоцентристское, конфликтное К. Шмитта и коммуникативное Ю. Хабермаса. По итогу анализа феминизм и урбанизм в рамках любого из них могут считаться политическими понятиями, поскольку давно являются объектами интереса со стороны государства, создают почву для конфликтов и условия появления суверенов, входят в иерархию идей от приватного уровня до публичной сферы.

Однако аддитивный результат этих двух явлений не предполагает сохранения их проблематических полей, а в значительной степени сужает каждое из них. Феминистический урбанизм сосредоточен на решении проблем куда более узких, чем его «родительские» понятия. В результате чего он не в состоянии в полной степени перенять их политическую компоненту. Так, в рамках государствоцентристского подхода, он не может быть обозначен за политическое явление, так как его интересы зачастую не пересекаются с оными со стороны государства. Лишь изредка проблемы гендерного неравенства в городах способны переходить в область компетенции формальных политических институтов, но системность подобного отсутствует. Наложение на его проблематику конфликтной концепции также не обошлось без значительных потерь политической составляющей. Беря от феминизма и урбанизма «лучшие» элементы, конфликтную составляющую и потенциальное суверенное управление, феминистический урбанизм в рамках своего проблемного поля значительно преуменьшает их масштаб. Таким образом, в измерении со стороны он, в рамках конфликтной теории, предстает достаточно скромным политическим явлением. Однако внутри него подобная политическая компонента может быть достаточно значимой. Наконец, коммуникативная концепция Ю. Хабермаса в некотором смысле «освобождает» идеи феминистического урбанизма, вводя их в общественную дискуссию, она позволяет каким угодно группам стать их инициаторами, главное – чтобы в процессе реализации они содействовали решению проблем гендерного неравенства в городах. Поднимаясь по коммуникативной иерархии, входя в общественный дискурс или создавая его изнутри публичной сферы, идеи феминистического урбанизма регулярно присутствуют в поле политического, находясь на «невидимой нити» между сферой приватного и публичной политикой. В этом смысле, как и множество других явлений, феминистический урбанизм одновременно может быть замкнут в самом себе и при этом сосуществовать в политической реальности. В последней он представляет из себя комплекс разрозненных идей, имеющих различные источники и по-разному взаимодействуя с общественным дискурсом, однако как единое целое работающие на процесс искоренения гендерного неравенства в городах.

Таким образом, феминистический урбанизм может быть обозначен политическим явлением внутри коммуникативной концепции. Значительно в ее рамках видоизменяясь, он, тем не менее, сохраняет собственную сущность, выраженную в проблемном поле. Подобное измерение во многом демонстрирует обстоятельства, при которых идеи борьбы с гендерным неравенством в городах не обязаны иметь полноценного теоретического обрамления и исходить от специфичных источников (идеологически связанных с феминистическим урбанизмом), содействие в решении проблем полового неравенства в городах способно оказать множество других теорий и движений. Более того, потенциально они способны внести даже больший вклад. В этом случае можно говорить о возможности переориентации движения и его выходе за пределы теории. Данные выводы подтверждаются анализом конкретных действий, предпринятых акторами феминистического урбанизма за последние десятилетия. От них исходило множество инициатив, продвигаемых при помощи инструментов лоббизма, шествий, митингов, выборов и т.д. Однако преимущественно эти действия были точно направлены на решение конкретных проблем в конкретных городах. Комплексные и всеохватные изменения происходят в результате работы других инициатив, в меньшей степени идеологизированных, но обладающих четкими инструкциями. При этом они затрагивают более обширные городские элементы, такие как правила застройки, джентрификацию, структуру транспортного потока или условия обустройства общественных пространств.

Стрелец И.Э. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ РИТОРИКИ ЛИДЕРОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ В ПРЕДВЫБОРНОМ КОНТЕКСТЕ

По итогам сентябрьских выборов 2020 г. в большинстве регионов победу одержала «Единая Россия», что было предсказуемо. Неожиданностью явилось избрание в местные заксобраны представители четырех новых партий: «За правду!», «Новые люди», «Партия прямой демократии», «Зеленая альтернатива»¹⁹⁶. Это свидетельствует об общественном запросе на обновление парламентских лиц.

Интересно проанализировать восприятие избирателями риторики тех парламентских лидеров, которые являются «старожилами» всех выборных кампаний постсоветской России: Г.А. Зюганова и В.В. Жириновского, – оставляя за рамками данного рассмотрения С.М. Миронова и С.И. Неверова, которые уступают им по узнаваемости и значимости заявлений.

Лингвоперсоналогический подход позволяет определять степень влияния личностных особенностей представителей публичной власти на исполнение ими политической роли. Каковы результаты исследования?

Г.А. Зюганов. Как показывают опросы 2016-2020 гг., риторика Зюганова вызывает симпатии у 7-19% респондентов. На рациональном уровне они выделяют такие аспекты языковой личности, как консерватизм, гражданственность, этатизм, коммунистические ценности. Циклические колебания можно объяснить двумя факторами. Рост популярности связан с ослаблением доверия к «Единой России», а снижение – с повышением личного рейтинга Путина. Накануне парламентских выборов лидер коммунистов достигает пика своей популярности, когда критикует правящую партию. В свою очередь, накануне президентской кампании, когда риторика Зюганова приобретает популистский характер, его рейтинг снижается.

Сторонники приписывают ему высокие моральные качества и желание улучшить жизнь «рабочего человека». Скептики считают отступником от принципов «истинного коммуниста» за связь с теневыми структурами, финансирующими предвыборные кампании КПРФ.

На подсознательном уровне риторика Зюганова вызывает доверие и симпатию у трети опрошенных, поскольку соответствует архетипическому дискурсу «выходца из народа», мускулиного, надежного.

196. Мисливская Г. Избирательный подход: В России прошел Единый день голосования // Рос. газета. 2020. 13 сент.

Однако в свои 75-лет он воспринимается недостаточно энергичным, наступательным. За финансирование из федерального бюджета «системная оппозиция» упрекает КПРФ в «прикормленности» властью. Это не оставляет Зюганову шансов существенно изменить ситуацию к выборам 2021 г.

В.В. Жириновский. Эксцентричная риторика Жириновского более четверти века приковывает к себе внимание широкой аудитории. Его дискурс узнаваем, ярок, потому он желанный гость ток-шоу на федеральных каналах. ЛДПР воспринимается как партия одного политика. Большинство респондентов отводило Жириновскому роль руководителя фракции в Госдуме, но никогда не видела его главой государства.

Константой восприятия языковой личности Жириновского является амбивалентность его дискурса. На рациональном уровне сторонники ценят его прямоту, смелость, способность озвучивать то, на что никто не решается. Скептики называют «шутком при короле», провокатором, демагогом, скандалистом. Рейтинг Жириновского от одного электорального цикла к другому остается в пределах 6-12%, отражая пропорции протестных настроений.

На протяжении 30 лет проявлялась тенденция, когда на рациональном уровне респонденты отвергали политические взгляды, эпатажность самопрезентации, вербальную агрессию, но подсознательно симпатизировали Жириновскому, соглашались с его резкими оценками, признавали в нем харизматика. Подобное расхождение достигало прежде 25-30%. В ходе парламентских выборов 2016 г. наблюдалась нивелировка когнитивного и аффективного аспекта восприятия его языковой личности. На фоне грубости и непристойности современного медиапространстве у россиян происходит диффузия представлений о приемлемом и допустимом на публике. Поэтому согражданам больше не кажется предосудительным открыто признаваться в поддержке лидера ЛДПР.

Однако его дискурс архетипически все меньше соответствует риторике «своего парня» и бунтаря. Факт финансирования парламентских партий из госбюджета, связь с криминальными структурами не прибавляет доверия Жириновскому, несмотря на доходчивость, афористичность лозунгов. Иррационально притягательные аспекты его дискурса, такие как энергичность, мужественность, доминантность, заметно проигрывают на фоне Путина.

Между тем, респонденты, отдавая должное Жириновскому, речи которого служат острой приправой к пресноте думской риторики, воспринимают его как дежурного статиста в президентских кампаниях.

Таким образом, отражение языковой личности парламентских лидеров в массовом сознании не является чем-то монументальным. Конкуренцию на левом фланге составляют внепарламентские политики, такие как З. Прилепин, основатель партии «За правду!» с патриотическими, имперскими идеями, а на правом фланге – лидеры «Новых людей» А. Нечаев и А. Даванков, исповедующие прогрессизм, коммуитаризм. Лица политиков, их роли, восприятие их дискурса – все меняется с течением лет, главным образом, под влиянием политического контекста.

Сулимов К.А. (Пермь, ПГНИУ)

СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗА РОССИИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ)

Тематика территориально-политического устройства России в отношении оценки фактического положения дел, а также его желательного и возможного изменения остается актуальным вопросом политической повестки. Потенциально важным сегментом обсуждения является депутатский корпус Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Госдума). Выступления депутатов на открытых пленарных заседаниях по различным поводам дают широкий спектр представлений, в том числе по вопросам территориально-политического характера. Необходимость принятия конкретных решений вместе с представительным и публичным характером законодательной власти дают уникальный материал в содержательно-смысловом отношении. В отличие от правительства и ведомств, в силу

своих институциональных характеристик и регламента работы Госдума более открыта, что обеспечивает большую доступность материалов. Но еще более важно, что она открыта в том смысле, что заседания Госдумы – публичная арена, что влияет на характер обсуждения и презентуемых представлений.

Вопрос заключается в наличии точки равновесия между приоритетами различных политических сил и отдельных депутатов. При этом важно и как она достигается, и где находится, а также какова динамика ее положения. Анализ публичных представлений депутатского корпуса позволяет выявить “ядро” коллективно разделяемого образа России в разных отношениях и его “периферию”. Граница между ними и смысловое пространство их диспозиции, влияет на границы возможного в формулировании и реализации стратегических приоритетов развития. Идея исследования заключается в выявлении комбинации (комбинаций) политических, институциональных и иных факторов, влияющих на степень согласия внутри депутатского корпуса, на локализацию этого согласия в смысловом пространстве (обнаружение точки равновесия – эквилибриума), на диапазон колебаний этой точки в динамике среди депутатского корпуса, а также в кроссфракционном и внутрифракционном измерениях.

В эмпирическом отношении исследование основывается, во-первых, на корпусном подходе к организации данных. Корпус составлен на основе всех опубликованных на сайте Госдумы (<http://duma.gov.ru/>) стенограмм выступлений депутатов Государственной Думы РФ. Доступ к контенту осуществляется с помощью API официального сайта Государственной Думы (<http://api.duma.gov.ru/>). Общий объем текстов (отдельных выступлений за период 1994 - 2019 гг.) составляет свыше 320 тыс. единиц, общий объем словоупотреблений - свыше 52 млн. единиц. На первом этапе исследование сфокусировано на 6 и 7 созывах Госдумы (почти 16 млн. словоупотреблений). Корпус размещен в информационной системе экспертного и машинного анализа «Семограф» (<https://semograph.org/>); вся автоматическая разметка, дополнительная экспертная разметка и корректировка результатов также будет осуществлены в данном веб-приложении. На основе размеченного корпуса будет осуществляться автоматическая генерация таблиц частотности, матриц соответствий в том числе для представления результатов в виде связанных графов и гис-визуализации.

Во-вторых, используются различные методы анализа сформированного текстового корпуса, в том числе, автоматическая разметка корпуса текстов в ИС «Семограф» с помощью кодификатора политико-идеологических концептов, присутствующих в выступлениях депутатов. Кроме того, образ страны требует представлений не только об идеологических смыслах, но и об общей структуре (составе) данного пространства. Предполагается выявить картину, конкретизирующую видение пространства и представлений о частях, из которых состоит страна, создать образно-символический ряд, оценить влияние объективных обстоятельств преимущественно исторического и географического свойства в пространственных аспектах образа будущего России.

В докладе будут представлены результаты первого раунда исследования, нацеленного на разработку кодификатора и описание смыслового пространства образа России в представлениях депутатского корпуса в территориальном измерении (включающее смысловые ряды таких понятий как административное устройство, федерализм, регионализм, границы, федеральные округа, столица, макрорегионы, региональная идентичность, специфика регионов и пр.).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00624.

Сунгуров А.Ю. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

В выступлении на конференции планируется представить анализ развития и эволюции комиссии по правам человека при Президенте РФ, как первого правозащитного института в рамках президентской ветви власти. Эта комиссия с небольшим перерывом действовала с 1993 по 2002 годы, а затем была трансформирована в Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Деятельность этой комиссии можно достаточно четко разделить на два этапа, которые можно достаточно четко разграничить периодами деятельности их председателей – правозащитника и политика С.А. Ковалева и представителя академического сообщества, юриста-международника В.А. Карташкина.

Комиссия по правам человека при Президенте РФ по правам человека стала первой структурой при Президенте РФ непосредственно направленной на защиту прав человека. Создавалась он в горячее время – в сентябре 1993 года, и так как при роспуске Верховного Совета автоматически прекращалась деятельность Комитета по правам человека, председателем которого являлся С.А. Ковалев, то создаваемая комиссия становилась единственной правозащитной государственной структурой.

В соответствии с Положением о комиссии, ее важной функцией являлось рассмотрение обращений граждан о нарушениях их прав и законных интересов, расследование и проверка таких фактов. На заседаниях Комиссии рассматривались проблемы, связанные с серьезными нарушениями прав граждан на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства, нарушения прав военнослужащих, нарушения прав лиц, находящихся в местах изоляции и другие. Вместе с тем подчеркнем, что осенью 1993 года все внимание председателя комиссии С.А. Ковалева привлекала выборная компания партии «Выбор России», в которой благодаря его авторитету ему были даны полномочия изменять решения региональных отделений по выдвижению кандидатов Государственную думу, а весной 1994 года он был избран Уполномоченным по правам человека в РФ (правда, в отсутствие соответствующего федерального закона). В начале 1996 г. С.А. Ковалев и большинство членов комиссии публично объявили о своем выходе из состава комиссии в связи категорическим несогласием с политикой руководства страны по военным действиям в Чечне. На какое-то время комиссия прекратила существование.

Весной 1996 года разворачивалась избирательная кампания по выборам Президента РФ, и, с учетом низкого рейтинга, Б.Н. Ельцину были очень нужны голоса правозащитников. Поэтому уже в мае был подписан Указ президента о новом составе комиссии по правам человека. Председателем комиссии был назначен доктор юридических наук, профессор Владимир Александрович Карташкин, автор многих монографий и учебников по правам человека, длительное время занимавшийся проблемой прав человека в Институте государства и права РАН, а также участвовавший в работе различных комиссий ООН. Сам состав комиссии состоял преимущественно из ученых – в нем было пять докторов наук. При таком составе комиссии вполне естественно, что основным направлением деятельности комиссии В.А. Карташкин считал разъяснение, популяризацию и отстаивание основных прав и свобод человека и гражданина. Именно в это время в ряде ведущих российских вузах появились кафедры прав человека.

Одним из важных направлений работы комиссии в 1998-1999 годах стала разработка и обсуждение Федеральной концепции обеспечения и защиты прав и свобод человека [1], которая готовилась по поручению Президента РФ Б.Н. Ельцина, объявившего 1998 год – год пятидесятилетия принятия Всемирной декларации прав человека – годом прав человека в России. Однако интерес к теме прав человека в Администрации Президента РФ постоянно таял, и уже подготовленная концепция была в итоге «положена под сукно» О слабом интересе к теме прав человека свидетельствует и такой факт, что единственная за шесть лет рабочая встреча главы Комиссии по правам человека с президентом состоялась лишь в 1998 году. К сожалению, интереснейший документ – проект федеральной концепции обеспечения и защиты прав и свобод человека – готовился практически без участия организаций гражданского общества и правозащитников – и в итоге не стал фактом общественной жизни.

Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00573.

Литература:

1. Федеральная концепция обеспечения и защиты прав и свобод человека (проект). (2000) / Комиссия по правам человека при президенте Российской Федерации. - М.: Издательство НОРМА, 2000.

Сулов Е.В. (Йошкар-Ола, МарГУ)

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПСЕВДОПРЕДСТАВИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕЗАРТИКУЛЯЦИИ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

Политический порядок, априори дистанцированный от аутентичного парламентского представительства интересов граждан, казалось бы обречен на бесславное и непродолжительное существование. Однако в современной реальной политике, изобилующей авторитарными практиками, это утверждение далеко неоднозначно. Вполне стало возможным, когда представительная демократия трансформируется в «представительскую», при которой парламентариев уже не занимает вопрос, для чего и с какой целью они пришли в ассамблею. Допуская мысль, что какая-то часть депутатского корпуса пришла в законодательный (представительный) орган, подталкиваемая идеей «послужить народу», мы не исключаем их явной приверженности карьеристским соображениям.

Головокружительная карьера депутата Госдумы РФ от ЛДПР Михаила Дегтерева в качестве временного исполняющего обязанности губернатора Хабаровского края один из ярких примеров в ряду иных прецедентов кадровой политики Кремля, когда не готовый профессионально выполнять обязанности главы субъекта Федерации, становится им. Профнепригодность Дегтерева очевидна и раздражение протестующих от подобной кадровой политики продолжает усиливаться.

Авторитарные политические режимы, обретшие второе дыхание в первые десятилетия XXI века и получившие название «нового авторитаризма» в настоящее время демонстрируют изощренную изворотливость ради сохранения установившегося статус-кво. И для этого принцип – цель оправдывает средства – наиболее востребован. Представляется, что парламентская псевдопредставительность являет собой один из индикаторов «нового авторитаризма», свидетельствующего, что политическая система функционирует вхолостую, не выполняя функции артикулирования интересов граждан. Как показывает политическая практика последнего времени, граждане могут достаточно долго не реагировать на невнимание властей, но в какой-то момент это начинает вызывать гражданские протесты, сигнализируя о наступившем политическом кризисе.

Изучая причины попятного движения, отечественный политолог А.В.Глухова отмечает, что «главным фактором стало сохранение и даже омоложение авторитарных сил и структур во многих демократизирующихся странах... Несмотря на свободные выборы, создание новых конституций, возрастающий интерес гражданского общества к политике и началу реформ государственного управления, политическая повседневность была плюралистической лишь по форме» (1, с. 59).

Причины наступления «нового авторитаризма» имеют природу более глубокого залегания и восходят не только к советской практике голосования за блок коммунистов и беспартийных, но в целом к «эффекту колеи». Проблема заключается в том, что Россия не может стать на путь модернизации и необходимой для этого демократической трансформации в силу сопровождающей ее институциональной инерции. Она не выпускает ее из строго очерченной траектории движения, подчиненной, традиционным ценностям и жизни по принципу «куда кривая выведет».

Другой причиной торжества «нового авторитаризма» является проблема ресентимента, означающая неприятие демократических ценностей, отказ от них тех людей, которые попытались сделать их достоянием своей жизни, но ввиду тщетности этих попыток неудачники ополчились на нее. Многие современные российские политики, среди которых немало в прошлом приверженцев демократии, стали жертвами ресентимента. Не удавшийся демократический опыт обновления страны оттолкнул от ее ценностей и идеалов как часть элиты, так и носителей массового сознания. Поэтому в стране наблюдается отторжение от вектора демократического развития, предпочтение идеалам патриархальности и традиционализма.

Таким образом, в условиях «нового авторитаризма» парламентская псевдопредставительность лишь усиливается, принося в жертву интересы граждан, что приведет к появлению новых очагов напряженности и нестабильности.

Литература:

1. Глухова А.В. Новый авторитаризм в XXI веке: мировые тенденции и российский CASE STUDY / Политика и управление государством: новые вызовы и векторы развития: Сборник статей / Под ред. А.И.Соловьева, Г.В.Пушкаревой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 59.

Сулов И.В. (Саратов, СГЮА)

СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ И УРОВЕНЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТОСТИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В популярной версии теста определения авторитарной личности (F-шкалы) можно обнаружить тезис «Истинно русский образ жизни можно спасти только силой». Согласие может указывать на склонность индивида поддерживать правые режимы и идеи. Высокая доля ответивших утвердительно является неприятным показателем общественного здоровья.

В настоящих тезисах представлен анализ результатов интернет-опроса, проведенного весной 2020 г. исследовательским коллективом под руководством д.п.н., профессора В.С. Слободниковой, в Нижнем Поволжье, в состав которого входят Астраханская, Волгоградская и Саратовская области, характеризующиеся высоким уровнем поликонфессиональности. Объем выборки составил 1100 человек. Один из вопросов авторского исследования предполагал выяснение мнений респондентов о государственной поддержке религии русских как представителей большинства. Какая именно религия близка большинству россиян, не уточнялось, хотя данный секрет не является тайной. Результаты опроса показали, что тезис «Государству следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских» чуть более половины представителей православной конфессии (52,6%). Среди атеистов и мусульман популярность этой идеи не превысила 20%. Ответы христиан, не относящих себя к определенной конфессии, оказались близки к православным показателям.

Результаты авторского исследования демонстрирует наличие запроса на государственную защиту русской культуры и религии, исходящего от этнического большинства, что может рассматриваться как свидетельство наличия страха потерять в будущем цивилизационную идентичность. Подобные фобии могут стать основанием конструирования политической идентичности для этноконфессиональных антрепренеров и других субъектов политики, о которых предупреждает, например, В.А. Шнирельман (Шнирельман В.А. Православные фундаменталисты России в эпоху «культурных войн» // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ИЭА РАН, 2018).

Тезис о скрытой предрасположенности этноконфессионального большинства к отказу от религиозной толерантности следует дополнить несколькими замечаниями и оговорками. Во-первых, в самой формулировке вопроса речь идет о государственной защите не только религии, но еще и культуры. Во-вторых, (в ходе того же самого опроса) согласие с тем, что «Государство должно поддерживать культуру и религии всех народов России», выразило 85,7% православных.

В-третьих, российское общество (и православные в том числе) не разделяют алармистские представления властей о необходимости запрета деятельности целого ряда религиозных групп (в которые попадают нетрадиционные религиозные деноминации, чья склонность к экстремистской деятельности является спорной).

Авторский опрос показал, что тезис «Препятствий для распространения религиозного мировоззрения быть не должно, мировоззренческий выбор – личное дело каждого» поддерживает свыше 85% респондентов. Любопытно, что всероссийский опрос Института социологии РАН (в 2015 году)

зафиксировал лишь 37% респондентов, не поддерживающие запрет прозелитизма. (Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110-108). Кроме того оказалось, что поддержка тезиса о необходимости защиты чувства верующих, не набирая в среднем по выборке (и среди православных) абсолютной поддержки, колеблется в районе 45%. Более того согласие с данным утверждением наиболее высоко (свыше 67%) среди мусульман. Опять же в 2015 году защитников чувств верующих насчитывалось около 85%.

В-четвертых, «мнение религиозных лидеров по общественным и политическим проблемам является значимым» всего лишь для 22,5% православных. Еще меньше (11,3%) тех, кто считает, что создание религиозных партий – это хорошая идея. Для сравнения среди мусульман данные показатели составляют 40% и 16,3% соответственно.

Таким образом, весьма важным показателем для политических процессов в Нижнем Поволжье является наличие предрасположенности прихожан РПЦ и мусульман к этноконфессиональной мобилизации через апелляцию к идеям наведения сильным государством порядка и справедливости.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389.

Сухарев А.В., Сухарева М.В (Москва, ООО НПП ВакЭТО)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Конструктивный диалог между публичной властью и негосударственными секторами экономики способствует нахождению оптимальных решений насущных социально-экономических проблем, внося вклад в улучшение отраслевого регулирования и экономического роста.

Есть достаточно публикаций по вопросам взаимодействия бизнеса и государства в публичной сфере, обобщающих практический уровень исследования в теоретический материал. Опубликован ряд монографий, диссертационных исследований и аналитических научно-аналитических работ в рамках грантовой деятельности¹⁹⁷.

Можно утверждать, что данный этап изучения требует теоретико-методологической проработки отдельных, более конкретных аспектов GR-деятельности. Это вопросы, связанные с особенностями отраслевого лоббизма, организационных форм его правового регулирования и анализом практик лоббистских усилий (на уровне построения стратегий и тактик). При этом, учитывая специфику взаимодействия бизнеса и публичной власти, для верификации теоретических положений обязательное условие – проведение отраслевых исследований с использованием методов политического анализа для накопления эмпирического материала, с одной стороны, и совершенствования непосредственно самого взаимодействия, с другой.

Примером может служить выявленный комплексным исследованием (использовавшим дискурс-, ивент- анализ и семантическую экспертную оценку) феномена того, как поручение Президента РФ создать защищенный бренд отечественной чистой «зеленой» продукции¹⁹⁸ трансформировалось в несоответствующий сути поручения законопроект «Об экологически чистой сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии»¹⁹⁹, сводящий понятие новых «экологически чистых продуктов» лишь к гармонизации российских технических требований на производство минеральных удобрений (по отдельным вредным примесям минеральных фосфатных удобрений) с европейскими, к достижению

197. Предметное поле экономической политологии: монография / Под ред. Л.Е. Ильичёвой, В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2018. С.240; GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / Под ред. Л.В. Сморгунуова, Л.Н. Тимофеевой. М., 2012; GR и лоббизм: теория и технологии / Под ред. В.А. Ачкасовой, И.Е. Минтусова, О.Г. Филатовой. М., 2015

198. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

199. Законопроект «Об экологически чистой сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии». Доступ: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=92979>

их фактической эквивалентности. Это – попытка институционализации образа «экологически чистой продукции» в интересах акторов интенсивного земледелия. По сути, вместо реализации поставленной Президентом РФ задачи «монетизации» на глобальном рынке огромных природных возможностей Российской Федерации законопроект рискует создать базу для «гринвошинга» мирового масштаба. Существующие механизмы воздействия на нормотворческий процесс зачастую остаются вне правового поля. Акторам таких действий выгодны непрозрачность процесса принятия решений и отсутствие четкого правового регулирования. Подобный «теневой» механизм лоббирования противоречит интересам российского общества и задаче укрепления законности, неизбежно подрывая доверие к институтам власти.

Действительно, крупные компании планомерно выстраивают отношения с государственными органами и делают их частью повседневной работы, что со временем обеспечивает существенные преимущества. Если эти отношения развиваются благоприятно, то компании начинают воспринимать государство не как «преграду», а как потенциальный «ресурс» для дальнейшего развития бизнеса.

Совершенствование правовых механизмов, позволяющих субъектам экономической деятельности влиять на развитие нормативно-правовых актов законодательно закрепленными методами лоббирования, лучше всего отвечает интересам и государства, и общества. Как показывает применимый опыт зарубежных стран, бизнес «интегрально» тоже заинтересован не в «теневой», часто коррумпированной работе государственного аппарата, но в его прозрачности, а также в качестве законодательства, вносящего вклад в обеспечение политической стабильности. Это тема злободневна на общетеоретическом и прикладном уровнях, требует совершенствования института лоббизма как одного из важных механизмов принятия управленческих решений и выработки законодательных актов. Сейчас ключевая цель – предоставление достаточных аргументов в пользу необходимости рассмотрения в российской политической повестке дня вопроса о законодательном оформлении лоббизма в РФ. Одним из аргументов мы считаем ситуацию, сложившуюся вокруг законопроекта «Об экологически чистой сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии».

Сухомлинова Т.П. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

**«КРОЛИК ИЗ ШЛЯПЫ» ИЛИ «ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ»:
КТО КОГО?**

Еще в 2014 году, Генри Киссинджер задавался в своей книге «Мировой порядок» вопросом: «Неужели мы вступаем в новый период, когда будущее станут определять силы, не признающие ни ограничений, ни какого-либо порядка вообще?» Он, очевидно, тогда не мог и представить, что в современный мировой порядок вдруг вмешается «черный лебедь» под названием COVID-19, который повлияет на восприятие и оценки многих, казалось бы, устоявшихся реалий.

«Мир уже не будет прежним» - звучало на все лады на пике первой пандемической волны. Но буквально то же самое утверждалось ранее - сразу после 11 сентября 2001 года...

Нынче эта фраза порождает вопрос – «А каким он будет, этот мир?». Однако в попытках найти на него ответы многие эксперты, чье мнение транслируют СМИ, формирующие актуальную повестку дня, обращаются, казалось бы, к темам, уже звучавшим и ранее. Но в новом контексте их звучание становится более отчетливым, явным и ясным.

При этом, каких бы позиций ни придерживались разные авторы – будь то футуролог Сергей Переслегин, политолог Игорь Панарин, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов, или американский философ, экономист и писатель Френсис Фукуяма и многие другие – почти все они в той или иной мере солидарны по нескольким позициям.

«В ближайшем будущем мировая экономика не вернется к состоянию, даже отдаленно напоминающему то, в котором она находилась до пандемии», а политические последствия пандемии, оказавшейся

«глобальным политическим стресс-тестом», по мнению Ф.Фукуямы, могут быть еще более значительными. Настолько значительными, что «демократии, капитализму и Соединенным Штатам», которые «уже доказывали свою способность к трансформации и адаптации», придется «ещё раз вытащить кролика из шляпы»

Происходящее знаменует собой «конец глобализации и конец режимов посттоталитарной демократии» и повлечет за собой «полное переформатирование мира» - позиция Сергея Переслегина.

В контексте международного сотрудничества на фоне констатации, что это сотрудничество «уже не будет опираться на общественные институты, указывающие правила своим участникам», Ф.Лукьяновым актуализируется «гораздо более сложная и вариативная система, чем та, что применялась в период расцвета глобализации, но иного больше не дано». В этой системе более, чем прежде, затребованы сила, устойчивость и эффективность государства и способность выстроить гармоничные отношения с собственным обществом.

Интересно, что COVID-19 внес в тему глобализации и такой аспект, как возобновление глобального «соревнования двух систем» - либеральной и анти-либеральной, как их обозначает политический обозреватель «Эха Москвы» политолог Кирилл Рогов. . Вирусное испытание по поводу их социальной эффективности – «внутренняя пружина объявленной мировой вирусной войны...»

В информационной повестке дня и такие особенности «постпандемической глобальности», как продолжение смещения глобального распределения власти на Восток (Ф. Фукуяма), и - более того - ситуация «беззападности», когда, как отмечает главный редактор журнала «Идеология и политика» Михаил Минаков, западные страны «теряют функции глобального центра». Добавим, что в Мюнхенском отчете по безопасности за 2020 год это явление названо «безвестностью Запада».

Пандемия оказалась тем «черным лебедем», появление которого выявило многие аспекты того нового, которое, возможно, будет называться постпандемической реальностью.

Ташиева В.В. (Москва, РУДН)

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В СОЗНАНИИ ИНОСТРАННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Образование служит эффективным механизмом конструирования мировоззрения и представлений личности об окружающей действительности. Образовательная миграция, в свою очередь, способствует выстраиванию смысло-образных конструкций об обществе и стране приема в сознании иностранных студентов, вовлекая их в уникальную коммуникационную среду, академическую и социальную. Международная образовательная миграция позволяет зарубежным студентам не просто наблюдать со стороны и потреблять информацию из различных источников, но стать частью принимающего общества, погрузиться в социальный уклад и быт, языковую, ценностную и культурную среду страны, в которой проходит обучение.

С целью выявить, как российское высшее образование влияет на формирование образа России, среди иностранной студенческой молодежи было проведено исследование «Россия в мире глазами студенческой молодежи других стран», которое позволило определить общие и частные векторы смыслового изменения образов в умах иностранных студентов, обучающихся в России, в зависимости от продолжительности обучения и страны/региона исхода студентов. В результате проведенного исследования было обозначено, что образовательная миграция оказывает влияние на конструирование смыслов и образов о принимающем обществе в сознании иностранной студенческой молодежи. Однако российское высшее образование в данном контексте не всегда оказывает позитивное влияние на восприятие иностранными студентами России, хотя такое влияние во многом зависит от изначальных ценностных установок студентов.

Говоря о характере влияния обучения в российских вузах на представления о стране можно отметить, что в ходе долгосрочного обучения у студентов начинают превалировать культурно-ценностные, эмоциональные, бытовые характеристики в восприятии окружающей действительности, в то время как изначально доминировали политические и идеологические аспекты. Идеологические и политические конструкты прослеживаются в большинстве ответов иностранных студентов, не обучающихся в России, когда происходит процесс восприятия страны через образы и ассоциации. В то же время основные символы и представления о России в сознании иностранных студентов обучающихся в России носят больше эмоциональные, эстетические и географические характеристики.

Образовательная политика в России в последние десятилетия претерпела серьезные изменения: вектор развития российской системы образования, направленный в 90-х гг. на независимое автономное развитие, был переориентирован в начале XXI века на создание универсальной образовательной модели, соответствующей требованиям и стандартам общего, в первую очередь европейского, образовательного пространства, акцент был сделан на повышении конкурентоспособности российских образовательных программ и университетов на международном рынке образовательных услуг, а также на формировании и продвижении позитивного образа России в мире²⁰⁰.

Тем не менее, концепции и программные документы, направленные на развитие российского высшего образования не содержат определенной стратегии выстраивания у иностранных студентов образа государства, не способствуют конструированию у иностранных обучающихся концептуальных представлений о России и российском обществе. Таким образом, потенциал российского образования как инструмента мягкосилового воздействия не реализуется в полной мере. Напротив, порой обучение в России у иностранных студентов может стать негативным опытом.

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ №19-011-00825 А «Ценностно-политические контексты образовательной миграции».

Тезадова Д.А. (Нальчик, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России)

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА КАК АКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

В докладе будут рассмотрены практики участия сетевых сообществ в репрезентации социальных проблем и участия в их решении. Сетевизация и цифровизация публичного пространства обуславливает появление новых акторов, актуализирующих субъектность на различных уровнях публичной политики: дискурсивном, институциональном и управленческом. К числу новых акторов социальной политики относятся сетевые сообщества, основанные на комплексе идентификаций и ценностных ориентиров, которые позволяют им сохранять устойчивые взаимодействия в онлайн и формировать ресурсный потенциал для реальных действий в офлайн политике.

Доминирующими практиками сетевых сообществ являются дискурсивные практики, репрезентирующие социальные проблемы в обществе и способы их решения через политику повседневности, а также коллаборативные практики, основанные на вовлечении граждан в репрезентируемые способы решения социальных проблем в обществе.

Кейсом, иллюстрирующим репрезентации социальных проблем и способы их решения через политику повседневности, можно назвать городские онлайн-сообщества, созданные в ВКонтакте, например, «Помоги городу Краснодар». Данное сообщество создано для повышения качества жизни в Краснодаре. Сообщество характеризуется высоким уровнем сплоченности и гражданской ответственности,

200. Андриюшина, Е.В., Луценко, Н.О. Влияние современной российской государственной образовательной политики на процессы образовательной миграции [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 66. – С. 210-220. Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk_66_fevral_2018_g/upravlenie_obrazovaniem/andryushina_lutsenko.pdf (дата обращения: 19.08.2020).

налажены конструктивные взаимодействия между различными сообществами и представителями власти. Помимо этого сообщество активно информирует граждан города об инструментах взаимодействия для достижения целей: спасение деревьев, сохранение и реставрация архитектурного, ландшафтного и исторического облика. Деятельность участников сообщества играет активную роль в повышении репутации и привлекательности Краснодара среди других городов и субъектов РФ, а также мигрантов.

Кейсом, иллюстрирующим решение социальных проблем через коллаборативные практики, можно назвать онлайн и офлайн деятельность «Поискового отряда «Лиза Алерт». Региональные онлайн-представительства существуют во всех субъектах РФ, при чем заявки на поиск принимаются только на официальном сайте; мобилизация и коллаборация осуществляется на платформе ВК; сама деятельность по поиску пропавших детей и людей осуществляется офлайн. Принимаются заявки на поиск пропавших людей любого возраста, в любой среде (город, лес), но: криминальные истории, семейные «разборки», поиск должников, давний срок пропажи человека, - в этих случаях участие отряда и волонтеров невозможно. Активное взаимодействие участники отряда осуществляют с полицией, с родственниками, коллегами или друзьями пропавшего человека или ребенка. Неизменной позицией отряда является безвозмездная помощь и безвозмездное участие в поиске людей. Группа в ВК активно занимается привлечением офлайн-волонтеров для осуществления бесплатной работы: фактический выезд на место, распространение информации в Интернете, расклейка ориентировок и опрос прохожих, моральная поддержка добровольцев-поисковиков и т.д.

Данный кейсы иллюстрируют значимость сетевых сообществ как новых акторов публичной социальной политики.

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества» (проект № 18-011-00975, 2018-2020, рук. И.В. Мирошниченко) при финансовой поддержке РФФИ.

Терешина Е.А. (Казань, К(П)ФУ)

КОНСАЛТИНГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В современном обществе все большее значение приобретает продукт интеллектуального труда, который вполне применим при решении производственных проблем, актуальных управленческих задач, обеспечения функционирования организации. Вместе с тем активно разрабатываются техники по качественной экспертизе и оценке общественных явлений, также критерии надлежащего функционирования многообразия институтов общества, что способствует их высокой производительности.

Одним из «проводников» интеллектуальных технологий является консалтинг, который обеспечивает воспроизводство качественно новых услуг и продуктов, а также выступает ядром практических знаний и опыта, которые необходимы как бизнесу, так и государственным структурам.

Вместе с тем, процесс деятельности тех или иных институтов непременно сопровождают различные по своей силе конфликты, которые являются неотъемлемой частью общественного воспроизводства. Необходимо рассматривать конфликт не только как разрушающее и деструктивное явление. Следует учитывать и положительные его аспекты, например, когда конфликт выступает в качестве индикатора, показывающего необходимость дальнейшего развития, внесения структурных изменений или в ситуации, когда конфликтное взаимодействие становится возможностью для сближения его участников. Зачастую именно конфликт становится стимулятором научно-технического прогресса или толчком к развитию общегражданских институтов.

При этом возникает естественная необходимость в грамотном управлении, предупреждении и регулировании конфликтов. На наш взгляд, роль такого «регулятора» может выполнять институт консалтинга, знания и практики которого, являются одним из определяющих факторов обеспечения

продуктивного взаимодействия. В этой связи грамотное управление и разрешение частных противоречий, возникающих в процессе производства, становится основой развития социальных отношений.

Консалтинг уже с начала XX века зарекомендовал себя как самостоятельный вид предпринимательской деятельности, как эффективный инструмент по урегулированию и налаживанию активного взаимодействия между субъектами социально-экономических и политических отношений.

Для полного раскрытия значения понятия «консалтинг» обратимся к его этимологии: консалтинг (англ. consult) означает консультировать, советовать, информировать, представлять знания. Примечательно, что в советской России существовала цензура на употребление данного понятия, однако были широко применяемы «консультирование», «консультации». В условиях глобализации понятия «консультирование» и «консалтинг» стали тождественными. Позднее наряду с консалтингом в научной среде формируются такие понятия как «конфликтологическое консультирование», «конфликтологический аудит».

В силу некоторой «универсальности» консалтинга исследователи приводят разные по своей направленности его определения. Содержательно в понятии раскрываются такие его составляющие, как оказание конкретной помощи, кто является ее источником, кому предоставляются консультационные услуги. Тем не менее, недостаточно четко представлены механизмы и форма организации такого содействия.

На наш взгляд, консалтинговая деятельность нацелена на предоставление профессиональных услуг по диагностике проблем и нахождению путей возможных вариантов их решения в организации.

С одной стороны, консалтинг следует рассматривать как социальный институт, как один из важных компонентов социальной структуры современного общества, глубоко интегрированный в экономическую, политическую и социальные сферы общества. С другой стороны, консалтинг есть вид интеллектуальной деятельности, осуществляемый профессиональными консультантами и направленный как на удовлетворение социально-экономических потребностей общества в целом, так и на оказание специализированной консультативной помощи государственным, коммерческим и некоммерческим структурам. Думается, что данный подход является наиболее емким, раскрывающим сущность и назначение консалтинговой деятельности.

Таким образом, несмотря на отсутствие единства во взглядах исследователей на предмет консалтинга, можно отметить такие характеристически консалтинга, как динамичность развития системы социальных взаимосвязей и взаимоотношений в процессе осуществления деятельности, накопление, сохранение и развитие профессиональных знаний, эффективность рекомендаций и помощь в принятии оптимальных решений. Стоит отметить, что достигается эффективное функционирование субъекта, получающего консультативную поддержку и возможность применения консалтинга в различных плоскостях социально-экономической и политической деятельности.

Консалтинг - это динамично развивающаяся сфера профессиональной деятельности, занимающая значительную нишу на рынке предоставления интеллектуальных услуг и глубоко интегрированная в экономическую, социальную и политическую сферы общества.

Тетерюк А.С. (Москва, МГИМО МИД России)

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ПОЛИТИЧЕСКИХ И НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ ЛОББИСТСКИХ СТРАТЕГИЙ ТНК НА ЗАРУБЕЖНЫХ РЫНКАХ

Транснациональные корпорации (ТНК), действующие на зарубежных рынках, взаимодействуют не только с экономической, но и политико-государственной и неэкономической (non-market) средами²⁰¹. Для извлечения дополнительных дивидендов (политической ренты) подобные корпорации реализуют политические стратегии для воздействия на местные политические системы и процесс принятия отраслевых государственных решений.

201. Baron D.P. Integrated Market and Nonmarket Strategies in Client and Interest Group Politics // Business and Politics. 1999. Vol. 1. No. 1. P. 7-34.

В отличие от национальных частных и даже государственных компаний, глобальная корпорация обладает комплексной организационной структурой и многоуровневой системой корпоративного управления, включающей международный уровень (штаб-квартира, откуда принимаются ключевые решения), макрорегиональный уровень (оперативное управление операциями на рынках региона) и отраслевой уровень (страновые рынки и отрасли).

Получается, с точки зрения лоббистской деятельности, две или даже три корпоративные системы политического GR-менеджмента, аналогично корпоративному управлению, оказываются погруженными друг в друга: страновой GR, региональный GR и Public Affairs и глобальный общекорпоративный политический курс корпорации. Учитывая это, разработка и реализация лоббистских (GR стратегий в ТНК становится достаточно сложной деятельностью, напрямую подверженной влиянию сразу нескольких систем факторов (локальных, организационно-корпоративных и международных). Если специалист по GR-связям попадает в филиал ТНК в России, он должен на первых этапах разобраться в структуре компании, особенностях отчетности руководству, правилах работы со смежными функциями. Вместе с тем, поскольку корпорация есть живой и активно изменяющийся организм, проходящий через стадии «жизненного цикла»²⁰², в ней постоянно что-то происходит: изобретается новый продукт, запускается проект, принимается новый документ. Это достаточно насущные вопросы институционального порядка (поскольку организационная модель ТНК есть следствие укоренившихся правил и принципов ведения бизнеса и принятия решений), которые способны влиять на такие аспекты разработки и реализации политической стратегии, как скорость согласования решений, уровень бюрократизации, конформность. Иными словами, в ТНК GR-деятельность сопряжена с идентификацией и учетом факторов сразу нескольких внешних и внутренних сред.

Факторы, влияющие на политическую деятельность компании в стране присутствия, выделяются в ряде трудов по корпоративной политической активности (corporate political activity). В то же время, они достаточно хаотично разбросаны от исследования к исследованию, что затрудняет их систематизацию. В целом, представляется логичным разделение всей совокупности факторов на количественные и качественные или экономические и неэкономические. Вместе с тем, столь простое деление не представляется очевидным ввиду сложности самой конструкции ТНК, вовлеченной в многочисленные социально-экономические и политические процессы страны присутствия. Другой подход предполагает выделение подгрупп факторов, влияющих на корпоративную политическую деятельность. Первая группа включает факторы, связанные с ресурсами компании: её размер, узнаваемость, возраст, зависимость от государства (доля в уставном капитале или процент продаж через госсектор), диверсификация продукции и наличие в структуре GR-департамента²⁰³.

Вторая группа включает факторы отрасли, такие как уровень конкуренции и степень политизированности отрасли, которая, на примере США, была выявлена через финансирование Комитетов политического действия (PACs)²⁰⁴. Третья группа факторов сопряжена с влиянием самого вопроса (проблемы) в государственной повестке. В этой связи, выделяются исследования, посвященные последствиям принятия или непринятия определенного закона на финансовые показатели корпорации, а также политической конкуренции вокруг дискутируемой проблемы²⁰⁵.

Предварительный анализ позволяет заключить, что некоторые факторы остаются пока незначительно освещенными в исследовательской литературе. Кроме того, немногочисленная литература изучает взаимосвязь между набором факторов и выбором типа политической стратегии транснациональными субъектами лоббирования на уровне отрасли. Наконец, отсутствуют исследования, анализирующие влияние факторов на деятельность ТНК в России. Именно данные аспекты международного GR-менеджмента планируется осветить в докладе.

202. Адизес И.К. Управлением жизненным циклом корпораций. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 512 с.

203. Hansen W., Mitchell N. Disaggregating and Explaining Corporate Political Activity: Domestic and Foreign Corporations in National Politics // American Political Science Review. 2000. Vol. 94. P. 891-903; Zardkoohi A. One the Political Participation of the Firm in the Electoral Process // Southern Economics Journal. 1985. Vol. 51. P. 804-817; Hansen W., Mitchell N. Globalization or National Capitalism: Large Firms, National Strategies and Political Activities // Business and Politics. 2001. Vol. 3. P. 5-19.

204. Bhuyan S. Corporate Political Activities and Oligopoly Welfare Loss // Review of Industrial Organization. 2000. Vol. 17. No. 4. P. 411-426; Hersch P., McDougall G. Determinants of PAC Contributions to House Incumbents: Own Versus Rival Effects // Public Choice. 2000. Vol. 104. No. 3-4. P. 329-343.

205. Schuler D. Corporate Political Action: Rethinking the Economic and Organizational Influences // Business and Politics. 1999. Vol. 1. No. 1. P. 83-97; Vogel D. The Study of Business and Politics // California Management Review. 1996. Vol. 38. No. 3. P. 146-165.

Тимофеева А.П. (Москва, ГУУ)

МЕДИАКРАТИЯ КАК СУБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В XXI веке война как общественно-политическое явление трансформируется, утрачивая прежние и приобретая новые формы.

Известный американский исследователь Мартин Либицки предложил свою классификацию видов информационной войны: 1) война в сфере контроля и управления; 2) разведывательная война; 3) электронная война; 4) психологическая война; 5) экономическая информационная война; 6) кибервойна²⁰⁶

Одним из важных инструментов ведения М. Либицки рассматривает средства массовой информации (СМИ), являющихся, по его мнению, основным «средством поражения в хакерской войне».

Ещё один из известных специалистов в области исследования онтологических оснований войн как социально-политического феномена и их классификации Карл Шмитт, выдвигая концепцию «войны форм» выделяет три важных составляющих, которые помогают определить сущность информационной войны. К ним относятся: 1) допустимые и недопустимые виды вооружений; 2) формализованные акты объявления войны; 3) условия вступления в двусторонний конфликт третьей силы.

Более того, К. Шмитт показывает, каким образом всеобщий пацифизм, активно формируемый, в том числе СМИ, ответственен за то, что война может приобретать массовый и глобальный характер. Это, по К. Шмитту, является следствием вытекающим из безответственного отказа признавать в «фигуре врага» наличие качественного содержания, из его «демонизации» и, фактически, «дегуманизации». Сама война рассматривается К. Шмиттом как явление, лишённое человеческого измерения.

Таким образом, исходя из онтологического понимания К. Шмиттом идеи «войны форм», одним из важных связующих структурных элементов некоторых видов информационных войн, можно выделить их «медийную сферу».

Следует особо отметить, что проблема субъектного медиакратического измерения информационной войны в современных политических условиях, является, весьма актуальной и недостаточно исследованной.

В современной политической динамике медиакратические структуры через «независимые» СМИ осуществляют вбросы информации, которые: *во-первых*, компрометируют их соперников; *во-вторых*, дестабилизируют политическую обстановку в различных странах; *в-третьих*, инициируют массовые протесты в стиле цветных революций.

Контролируемые со стороны медиакратических кругов СМИ выдают непроверенную информацию за достоверную, если в ней содержатся элементы сенсационности, тем самым способствуя её легализации. *Во-первых*, СМИ в рамках информационных войн активно используются для разжигания националистических настроений. *Во-вторых*, управляемые СМИ формируют романтический образ так называемых «цветных революций» в тех странах, где они осуществляются по сценарию государственного переворота. *В-третьих*, «медиакратически контролируемые СМИ» участвуют также в формировании образов «стран-изгоев», провоцируя международные конфликты и столкновения.

Особую роль в информационных войнах играют СМИ, которые служат каналом доведения информационного воздействия до целевой аудитории, в которой выделяются следующие социально активные группы и кластеры: 1) политические элиты; 2) лидеры мнений; 3) политически активная молодежь.

В качестве субъектов информационных атак со стороны ангажированных СМИ привлекаются так называемые «независимые журналисты», выполняющие политический заказ со стороны представителей центров «медиакратического управления» СМИ. Эта «темная сторона» деятельности СМИ обусловлена двумя позициями «медиакратического управления»: *во-первых*, журналисты зависят от главного редактора и редакционной политики, которая для них является корпоративной цензурой;

206. Угрозы информационной безопасности в кризисах и конфликтах XXI века / Под. ред. – А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 151 с. (дата обращения 22.09.2020).

во-вторых, редакторы изданий зависят от владельцев СМИ и от спонсоров, которые диктуют, в каком ракурсе журналисты должны подавать события.

Особого внимания заслуживают медийные технологии, применяемые в информационных войнах и распространяемые по каналам СМИ. Сложными технологическими приёмами среди них, являются: 1) метод «наклеивания ярлыков»; 2) метод «пробных шаров» и ряд других методов, являющихся предметом отдельного исследования.

Вместе с тем, данные медийные технологии активно применяются в политической коммуникативистике в качестве средств распространения пропагандистской информации в отношении определенного государства.

Таким образом, «медиакратическое измерение» информационных войн представляет сегодня значительный научный и практический интерес для понимания природы, сущности феномена медиакратии в реалиях политической коммуникации XXI века, а также динамики и результатов его воздействия на ведение информационной войны в современных противоречивых условиях трансформации миропорядка.

Тимофеева Л.Н. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ

Среди новых тенденций в политической информационной повестке дня последних лет в России необходимо отметить следующее: появляются иные субъекты политических протестов; социальные протесты начинают объединяться с политическими; известные политические партии фактически не интегрированы в них; в качестве активной площадки протестных выступлений становится коллективный интернет. К такому выводу можно прийти, прочитав доклад экспертов Центра социально-трудовых прав (ЦСТП), проанализировавших 429 акций, зафиксированных СМИ с начала года. Самые популярные причины протестов – рост коммунальных и транспортных тарифов, проблемы в сфере экологии, образования и медицины, а также сокращение социальных льгот. В докладе подчеркивается, что в уличных акциях стали принимать участие люди, «которые не занимаются активизмом и политической постоянно». При этом активно привлекаются интернет сети .

Наше исследование показало, что руководящую роль в этих протестах начинает играть новый социальный класс – информатиат и/или когнитариат, который способен производить свободный информационный продукт путем объединения в организацию – Информационал. Как считает Шубин А.В., историк, гл.н.с. Института истории РАН, он единственный может освободиться от роли инструмента в руках манипуляторов, которые используют те же традиционные СМИ. В постиндустриальную и посткапиталистическую эпоху не рабочий класс и не классическая элитарная инеллигенция способны возглавить эту деятельность. Основная продукция нового класса – информация. Люди, которые производят и передают информацию, действуют не по приказу, а на основе добровольности, совета друг с другом, предпочитая неформальные ненасильственные связи формально принудительным. По его мнению, невозможно вернуться к образцам социализма XX века. Проект будущего должен сформироваться в процессе коллективного обсуждения, дискуссии. Если в прошлом пролетариат обращался за помощью к интеллигенции, которая сумела сформулировать программу преобразований и помочь пролетариату превратиться в «класс для себя» через всемирную организацию Интернационал, то сегодня, когда общие интересы нового класса пока не сформировались, ему нужна своя лаборатория – Информационал. Это такая организация, главной целью которой станет обсуждение общих интересов неформальных сетевых структур, автономных производителей информационных продуктов, творцов новых общественных отношений. «В Информационале должен быть услышан голос любого желающего, кто отождествляет себя с этой средой – и тогда новый мир станет реальностью» (Манифест Информационала, 2013).

По мнению другого интеллектуала, доктора философских наук из СПбГУТ В.В.Корнева, «освобождение от бремени старого мира, о котором долго говорили большевики, уже произошло в интернете» (Корнев В. Эгоистичный мем идеологии. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020). Сегодня «мы очнулись в реальности, где социальные сети уничтожили идеологическую монополию СМИ и породили, в числе прочего, новый тип революции. Теперь не нужно захватывать почту-телеграф-телефон. Революция 2.0 осуществляется еще и через сетевые группы, виртуальные мероприятия..., лайки или дизлайки (вспомним историю с новогодним обращением Путина, эффективно заминусованным пользователем You Tube)» (Корнев, 2020, с. 9, 10).

Во главе нового движения стоит когнитариат – думающая, размышляющая часть общества. «Клептократии капитала может быть противопоставлена диктатура когнитариата – широкая прослойка наёмных работников преимущественно умственного труда. Об этом говорили Д.Белл, О.Тоффлер и другие философы и социологи современности. Это асимметричная творческая альтернатива всем статичным конформистским нормам, настоящая политическая аномалия» (Корнев, 2020, с. 263).

Предтечей нынешнего когнитариата, он считает, вольнодумных профессоров 1968 года в университетах Европы, которые читали социологию, политологию, философию по Маркузе, Сартру и Марксу. Именно эта критическая интеллектуальная масса сдетонировала в культурной революции, изменившей XX век и породившей попутно феномен «европейского социализма» Швеции или Дании – предмет зависти многих граждан РФ. Пожив при российском воплощении капитализма общество стало, по его мнению, либерализуясь коммунизироваться. И этому способствуют «Новые медиа» — это термин, характеризующий возникновение цифровой, компьютеризированной или сетевой информации и коммуникационных технологий во второй половине XX века. К «новым» сами же «новые медиа» относят такие виды компьютерной коммуникации, как блоггинг (blogging); подкастинг (podcasting); систему он-лайн энциклопедий типа Википедия (wikis); и, наконец, социальные сети (social networking).

Грант РФФИ 20-011-31626 опн «Управление цифровой социально-политической повесткой дня в online-пространстве: субъекты, технологии и результаты».

Тимошенко В. И. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

1. Процесс становления политических партий в современной России преодолел путь более чем в тридцать лет. Сегодня партии стали в России действующей демократической реальностью. Самые крупные из них достигли общероссийского масштаба, выступают активными субъектами российского парламентаризма, заметными акторами региональной политики.

2. Однако в дальнейшем развитии института политических партий требуются, по нашему мнению, новые импульсы как со стороны партийного актива, так и со стороны ведущих государственных структур. Например, в отношении новых малых партий России следовало бы уже сейчас, когда до очередных выборов в Государственную Думу РФ осталось времени около года, принять закон о праве этих новых образований на создание предвыборных блоков и не только на федеральном, но и на региональном уровнях.

3. Такая законодательная мера наверняка активизирует малые партии через процесс блоковых объединений, и они, во-первых, смогут создать конкуренцию действующим партиям, во-вторых, на основе успешных выборов сохранят блоки, переведя их в плоскость объединенных партийных структур. И в-третьих, вхождение новых объединенных партий в систему законодательных и представительных органов федерального и регионального уровня видоизменит застойный рисунок парламентских партий.

4. Что касается состояния российской партийной системы в целом, то она на сегодня, во-первых, имеет весьма странный вид, такой, какой, кажется, не имеет ни одна партийная система в мире – в ней

более 50 партий. И эта цифра весьма неопределённая. Так что современная партийная система России по меньшей мере двухэтажная. Стало быть, она мало работающая и носит переходный, но длительно застойный характер.

5. Как упорядочить нашу партийную систему? Первый путь, о котором мы говорили выше, – это законодательно обусловленное объединение малых партий и отбор перспективных из них через систему выборов местного регионального и федерального уровней. Второй путь упорядочивания российской партийной системы – это настоятельное прекращение жонглирования с избирательным законодательством. На этот счёт мы просто смешим весь мир. Когда начинаются очередные выборы, у нас происходит дополнительная коррекция законодательства под определённые властные интересы. Это недемократично и губительно для процесса партийного строительства. Стабилизация партийного законодательства обеспечит внутреннее вызревание стабильной партийной системы. Это крайне важно.

6. Что касается оптимального облика политических партий и формата российской партийной системы, то наше мнение таково. Для России в обозримом будущем не подходит формат двухпартийной системы, потому что наша страна, с ее огромным разнообразием культурных, национальных, социальных и идеологических предпочтений, должна выстроить мультипартийную систему, на политической авансцене должны действовать восемь–десять политических партий, представляющих на легальной и легитимной основе бурлящие и противоречивые интересы российских граждан.

7. Что же касается приемлемого облика политических партий, то политически и законодательно российский политический класс на правильном пути – это продолжение обеспечения генезиса и деятельности партий общероссийского масштаба. По своему же типу эти партии остаются и могут быть кадровыми, массовыми, партиями «хватая всех», партиями «новой волны» и другими по своему типу. Сверхзадача партийного строительства в России – это нахождение в ближайшем обозримом будущем приемлемого спектра партийных типов и оптимального формата партийной системы. Без устойчивой партийной системы и активно действующих политических партий демократический транзит России не будет считаться завершённым.

Титова Л.Г. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ЗАПРОС НА ПРАВДУ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Качество политической власти в России в значительной мере определяется не только тем, в какой степени реализуются социально-экономические интересы, но и насколько удовлетворяются потребности нематериального порядка, в число которых входит возрастающий запрос на правду. События и политическая риторика, развернувшиеся вокруг коронавируса, проявили и обострили эту потребность, заставили все большее число людей почувствовать недостаток паттерна правды – идеального образа реальности, создание которого придает смысл и значение существованию каждого, несмотря на национальную, религиозную, территориальную, культурную принадлежность.

Проблемой остается предъявленность нравственных требований к власти, стремление отстаивать их в активных политических действиях.

Нравственная бесплодность российской политической элиты прогрессирует, проявляясь в безответственности, популизме, запугивании населения как способах ухода от реальных действий. Обман ожиданий лишает все большее число россиян надежды на выход из бедности, на более или менее благополучное существование. При этом исследователи отмечают аморфный характер этих ожиданий, размытость представлений и неустойчивость настроений, меняющихся в зависимости от сигналов, идущих от власти.

Пассивность россиян имеет глубокие культурно-исторические корни: заложенный в менталитете народа феномен поиска «кому на Руси жить хорошо», вечное движения к правде, которая осознается как недостижимый идеал; вера в правду и неверие в нее на своей земле, в своем Отечестве.

Традиционно свойственный российской культуре поиск правды как справедливости, в ее нынешнем варианте означает сложно сконструированный нравственный посыл к уважению человеческого достоинства, честности и ответственности в любом действии и отношении, действительному признанию ценности каждого человека и человеческой жизни. Исходя из этого, можно было бы ожидать такой же сложно структурированной политической активности в разнообразных формах в правовом поле – массового участия в выборах, референдумах, в общественно-политических движениях и организациях, членства в партиях и т.д. Однако способность к адаптации снижает уровень активности и требований к нравственному качеству власти, приспособлявая традиционные ценности к новым властным институтам.

Большие возможности для выражения мнений и настроений создает общение в сетевом сообществе, где в сетевых коммуникациях рождается своя правда, индивидуализируется, превращается в прагматические требования к ситуации и самостоятельно произведенные мифы и образы.

Ответом на сетевую свободу поиска является информационная агрессия – важный инструмент в руках политической власти, способ создания «правды» путем интерпретации событий, аккумуляции общественного мнения, придания видимости обратной связи и диалога с обществом через различные словесные конструкции. Поскольку, социальные интересы ограниченно осознаются населением, власть предъявляет ему готовые модели ценностей, придавая им вид идеологически нейтральных и, объективно-независимых.

Тем не менее, в общественном сознании россиян происходя перемены, которые могут иметь двойственное значение для будущего страны, если они не будут должным образом осмыслены властными структурами. Возрастающее недоверие к власти осознание глубоких причин социальных проблем, социальной несправедливости либо повысит нравственные требования общества к властной элите и каждого человека к самому себе, сформирует цивилизованные формы протеста в пределах правовых норм, либо нетерпение масс превысит критический порог, и протест взорвет с таким трудом восставленную стабильность.

Трапезников В.П. (Москва, МГИМО МИД России)

ФЕНОМЕН КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ КЛЮЧЕВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНИЦИАТИВ

Уже несколько десятилетий в научных кругах широко обсуждается проблема социальной ответственности бизнеса, как одного из возможных способов улучшить экономическое положение населения, сгладить последствия социального неравенства, а также остановить процесс стремительной деградации окружающей среды. В иностранном научном дискурсе прочно закрепилось понятие “корпоративной социальной ответственности” (Corporate Social Responsibility, CSR), а в русском – Корпоративная социальная ответственность (КСО). Множество исследований показывают, что КСО может позитивным образом повлиять на экономические показатели фирмы, не только повышая уровень её привлекательности среди покупателей, сотрудников, инвесторов, регуляторов и СМИ, но и позволяя легче справляться с различными формами репутационного ущерба. В современном глобализованном международном пространстве существует множество инициатив, затрагивающих вопросы правильной имплементации корпоративной социальной ответственности в различных сферах, ответственной отчетности, инвестирования и т.д. Корпорации по всему миру всё активнее участвуют в процессе внедрения КСО, а правительства и международные организации, стремясь предать всему процессу должную институциональную основу, пытаются организовать адекватное нормативное сопровождение процесса. Анализ некоторых ключевых международных инициатив (Глобальный договор ООН, Кимберлийский

процесс, Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий) показал, что ни бизнес, ни государственные регуляторы по всей видимости ещё не готовы к жёстким обязывающим стандартам на международном уровне. Зачастую бизнес вовлекается в механизмы регулирования социально ответственного поведения на условиях добровольности, и, тем самым, получает возможность эксплуатировать недоработки нормативных систем без существенного вреда для себя. Так, Глобальный Договор столкнулся с трудностями, проистекающими из механизма и идеологии функционирования инициативы. Добровольность участия, отсутствие адекватных инструментов для контроля за реальной деятельностью членов договора (участники предоставляют специальную отчётность, но ГД ООН не несёт ответственности за её содержание) породили большую волну критики данного проекта. Кимберлийский процесс, в свою очередь, позволил достичь ограниченных успехов в борьбе с продажей “кровавых” алмазов, но ряд уязвимостей процесса сертификации (например, отсутствие системы контроля за деятельностью законных правительств при добыче алмазов) сделали её во многом бесполезной. Вместе с тем в рамках реализации Руководящих принципов ОЭСР для многонациональных предприятий удалось успешно ввести ряд нормативных инноваций, которые позволяют в той или иной мере контролировать деятельность корпораций посредством системы Национальных контактных центров (НКЦ). В целом, продолжающаяся работа по развитию стандартов ответственного ведения бизнеса в рамках ключевых международных инициатив продолжается с высокой интенсивностью и вселяет определённый оптимизм.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00004

Трахтенберг А.Д. (Екатеринбург, Институт философии и права Уро РАН)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ТЕХНООПТИМИЗМА К ТЕХНОПЕССИМИЗМУ

Все усиливающиеся опасения утраты контроля над развитием информационных технологий, ярко проявившиеся во время эпидемии коронавируса, ускоряют переход от глобального технооптимизма, связывающего с массовым внедрением информационных технологий перспективы решения всех актуальных социальных проблем, к столь же глобальному технопессимизму, в рамках которого информационные технологии выступают как главная угроза будущему людей. Об этом, в частности, свидетельствует скачкообразный рост популярности маргинальных конспирологических теорий, связанных с цифровым надзором («жидкие микрочипы», вышки 5G, опасения, связанные с введением цифровых пропусков и др.).

В академической среде технопессимизм способствует разработке теорий «надзорного капитализма» (М. Андриевич, Т. Дэмс, Ш. Зубофф, Д. Лайон, Г. Маркс), включая концепции исследователей-немарксистов (В. Моско, Кр. Фукс). Для теоретиков «надзорного капитализма» государство отходит на задний план, поскольку основные надзорные функции перехватывают транснациональные IT-корпорации, занимающиеся сбором и обработкой больших данных.

С другой стороны, теоретики цифрового правительства продолжают удерживать позицию технооптимизма, на основе которой была в свое время сформулирована неолиберальная модель цифровой трансформации органов государственного управления. В повестке цифрового правительства искусственный интеллект, Интернет вещей, большие данные трактуются исключительно позитивно, как инструменты, обеспечивающие проактивное оказание государственных услуг и «подталкивание» (nudge) цифровых граждан в социально одобряемом направлении, причем и оказание услуг и «подталкивание» существуют принципиально вне сферы политического.

Одновременно в академическом сообществе (за исключением сообщества профессиональных синологов) активно циркулирует дистопическая модель «цифрового тоталитаризма», формирование которого в КНР считается свершившимся фактом (что весьма далеко от реальности). В рамках этой модели искусственный интеллект, Интернет вещей, большие данные превращаются в инструмент тотального политического контроля за поведением. «Цифровому тоталитаризму» пытаются противопоставить «цифровую демократию», где все эти опасные инструменты будут обезврежены, однако вопрос о том, как совмещаются цифровая демократия и цифровое правительство остается открытым. Более того, существуют и постоянно укрепляется тенденция искать в существующих демократиях (прежде всего в США) признаки цифрового тоталитаризма.

Таким образом, современные представления о цифровой трансформации государственного управления носят внутренне противоречивый характер. Однако во всех вариантах, как в оптимистическом, так и в пессимистическом, как в массовом, так и в академическом, для описания процессов трансформации используется риторика разрыва (*rupture talk*) с прошлым, привычным состоянием и перехода к качественно новому состоянию. Соответственно, государство либо сливается с обществом в единую сетевую структуру, либо превращается в тоталитарного монстра, подчиняющего себе пользователей Интернета посредством искусственного интеллекта и больших данных.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что анализ цифровой трансформации государственного управления осуществляется с позиций технологического детерминизма: информационные технологии понимаются как универсальные, деконтекстуализированные и самогенерирующиеся. Несмотря на отдельные попытки применить в данной сфере акторно-сетевую теорию, SCOT и теорию социотехнического воображаемого, детерминистский подход продолжает доминировать. Меняется только знак: оптимизм сменяется пессимизмом, однако трансформация неизменно понимается как кардинальный разрыв с прошлым.

Трекин М.В. (Краснодар, КубГУ)

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ

Одним из факторов, обеспечивающего эффективность информационно-коммуникационного взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального уровня, а также органов местного самоуправления и граждан является механизм его правового регулирования. Информатизация коснулась всех уровней публичной власти и имеет объективные причины. Общество активно использует цифровые технологии в личных и профессиональных целях и ожидает от органов власти удобного и доступного взаимодействия с помощью аналогичных инструментов. Новым вызовом для российской публичной власти стало взаимодействие с гражданином в социальных сетях. В настоящее время в российском законодательстве не предусмотрены правовые основы, регламентирующие присутствие государственных органов власти России и органов местного самоуправления в онлайн социальных сетях. Потребность разработки концепции нормативно-правового регулирования в сфере социально- сетевого взаимодействия органов власти и населения на основе принципов Конституции РФ отмечал Зотов В.В.²⁰⁷

Анализ российского законодательства в сфере электронного взаимодействия «публичная власть-гражданин» и практики его применения позволяет предположить, что наиболее полно урегулировано предоставление государственных и муниципальных услуг. (Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»).

207. Зотов В.В. К необходимости разработки концепции нормативно-правового регулирования социально-сетевого пространства публичных коммуникаций на муниципальном уровне / В.В. Зотов // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. N 1. С. 12 - 14.

Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» регламентирует коммуникацию «публичная власть-гражданин», но только в пределах получения обращения от гражданина по каналам электронная почта или виртуальная приемная.

Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее закон №8-ФЗ) регламентирует порядок размещения государственными органами и органами местного самоуправления информации об их деятельности в Интернете, устанавливает обязанность создания сайтов государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 10) и определяет перечень информации, подлежащей размещению (ст. 13), но не предусматривает онлайн социальные сети и сетевые платформы как канал информирования населения о своей деятельности. Отношения по обеспечению доступа к информации о деятельности публичных органов в онлайн социальных сетях оставляет за пределами правового поля. Попытка дать нормативное определение «онлайн социальная сеть» встречается в «ГОСТ Р 56824-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальная собственность. Использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет».

Отсутствие правового регулирования на федеральном уровне вынуждает государственные органы и органы местного самоуправления принимать локальные правовые акты, зачастую имеющие рекомендательный характер, для легализации создания своих аккаунтов на сетевых платформах. При этом отсутствует юридическое обоснование необходимости принятия подобных актов, так как информирование населения посредством социальных сетей или создание и ведение аккаунтов государственных органов и органов местного самоуправления не относится к их функциям. Необходимость ведения диалога в онлайн социальных сетях остается в сфере персональной ответственности должностных лиц.

Учитывая распространённость аккаунтов различных органов власти в социальных сетях, возникает проблематика их верификации. В правовом поле сдерживающим фактором распространения фейковых аккаунтов публичной власти является статья 13.15 КоАП РФ. В 2019 году были внесены изменения в КоАП РФ, введены статьи предусматривающие административную ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений.

Отсутствие правового регулирования может стать причиной разрыва в публичной коммуникации в сетевом пространстве между государственными органами, органами местного самоуправления и обществом. Одним из путей решения может стать внесение поправок в закон №8-ФЗ, которые бы определили размещение информации в социальных сетях как способ обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Онлайн социальные сети имеют потенциал стать информационно-коммуникационным инструментом взаимодействия публичной власти и общества. Объединив в себе функции информирования населения, в качестве СМИ и коммуникационные функции – вовлечение граждан в принятие управленческих решений. При этом это будет одним из компонентов управления дискурсом в социальных сетях.

Тропинова Е.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПРИОРИТЕТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ

В условиях развертывания процессов цифровизации системы государственного управления российские регионы стоят перед необходимостью оценки потенциала и скорости, а также достижения баланса технических и институциональных параметров в процессе внедрения цифровых технологий в

административные системы. Специфика политического, экономического и социального контекста региона, «качество» систем публичного управления создает предпосылки или ограничения для воплощения избранного дизайна цифровой трансформации. Под «дизайном» в данном случае понимается общая идея использования цифровых технологий для целей публичного управления, соотношение человеческого и технологического компонентов в механизмах прогнозирования неопределенности и конструирования будущего, «публичная рефлексивность» (Aligica, 2014) относительно институциональных последствий цифровых отношений общества и государства. Согласно результатам, представленным в Аналитическом докладе Правительства РФ «Текущее развитие проектов в сфере цифровой экономики в регионах России» (2019), наблюдается существенная дифференциация опыта российских регионов в имплементации принципов цифрового публичного управления, развития соответствующей информационной инфраструктуры и институционального обеспечения (только 34 региона РФ имеют комплексные региональные программы цифровизации). Важной особенностью является рассогласование процессов цифровизации публичного управления и других сфер цифровой экономики, зависимость региональных административных систем от внешних факторов, общественно-политической и социально-экономической турбулентности, наконец, в некоторых регионах стратегии цифровизации остаются интеллектуально-технологическим артефактом и не согласуются с имеющимися административными практиками.

Исследовательский дискурс в области цифровой трансформации региональных систем публичного управления акцентирует внимание на нелинейном характере процесса технологических и институциональных преобразований, на важной роли партисипаторных практик, со-производстве публичных благ и процессе их распределения, а также на необходимости создания условий для организационного научения и накопления знаний. Фундаментальным принципом становится человеко-центричный дизайн, исходящий из предположения о том, что стратегические шаги по цифровизации публичного управления региона не имеют значения до тех пор, пока не станут частью повседневной практики людей, общности. Реализация указанного принципа поддерживается логикой процесса институционализации цифрового публичного управления, предусматривающего институционально-организационное оформление электронного (цифрового) правительства региона, развитие информационного общества (в том числе преодоление или сглаживание цифровых разрывов) и цифровой экономики.

Представляется, что институциональный дизайн внедрения цифрового публичного управления должен поддерживать устойчивое развитие территориальных общественно-политических и социально-экономических систем в аспекте их развития или реформирования и предполагать четкую стратегию достижения данных целей с использованием потенциала цифровых технологий. Изучение региональных кейсов (Ленинградская область, Республика Татарстан и Ростовская область), позволило обозначить несколько управленческих приоритетов, обеспечивающих качественные изменения в процессе внедрения цифрового публичного управления.

- Приоритет открытости процесса принятия решений и наличие диверсифицированной системы стимулов в адаптации цифровых технологий и освоения новых организационных компетенций.
- Приоритет комплементарности институционально-организационных изменений (согласование существующих менеджеральных правил и рутин, а также институциональной среды и ценностей, которые представляют значимость для целевых аудиторий, находящихся как внутри, так и за пределами административной системы). Этот приоритет реализуется посредством активного использования бизнес-методологии к решению публичных задач, определением «точек зрелости» - блоков управленческого процесса, где накоплен опыт применения цифровых технологий, и «точек взаимодействия» с клиентом для увеличения клиентской ценности существующих публичных сервисов.
- Приоритет со-участия стейкхолдеров в разработке ассортимента публичных благ и процессов, связанных с их распределением. Такое участие может быть институционализированным (практика создания Цифрового профиля гражданина/юридического лица, или внедрения Типового автоматизированного рабочего места госслужащего – с целью автоматизации процесса документооборота, с возможностью многократного переиспользования, сокращения транзакционных издержек и обеспечения поддержки единой документарной культуры с распределением ответственности между органом госуправления и гражданином). Или неинституционализированным:

вовлечение экспертного сообщества и общественности на ранних стадиях имплементации принципов цифрового управления с целью достижения прицельной клиентоориентированности административных процессов и продуктов.

В целом, процесс цифровизации публичного управления в российских регионах не должен предполагать практик «выравнивания» и форсирования организационных изменений. Синхронизация цифровизации в регионах РФ возможна на основе единой координации, а также экспертной, организационной и методической поддержки преобразований, осуществляемой в рамках единой методологии из федерального центра.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Трохинова О.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ: ЧТО ПОКАЗАЛИ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРИОД КОРОНАКРИЗИСА

К началу 2020 года у России накопился довольно серьезный опыт, связанный с коммуникационной активностью и внутривластными коммуникациями в кризисные периоды. Пандемия COVID-19 стала не просто проверкой на прочность для политической и социально-экономических сфер, но и настоящей лакмусовой бумажкой для выстроенной системы коммуникационного сопровождения государственной власти.

Анализируя коммуникационную активность политических акторов и публичный дискурс власти в первые месяцы пандемии, стоит отметить определенные успехи, символизирующие собой во многом эффективную работу над ошибками, связанными с неудачными кампаниями последних лет, в том числе вокруг пенсионной и налоговой реформ на федеральном уровне, «мусорных» протестов и проекта реновации – на региональном.

Работа в период пандемии интересна созданием целой системы оперативных штабов, ставших в большинстве случаев субъектами коммуникации. В том числе, запущен федеральный информационный портал [СТОПКРОНАВИРУС.РФ](http://STOPKORONAVIRUS.RF).

Заметим, что кризис формирует и особое медиапотребление, которое характеризуется постоянным спросом на информацию и контент, связанный с ключевыми вопросами повестки дня. При этом нужно учитывать эффект накопления усталости от однотипного контента. Самоизоляция и необходимость продолжения социальной активности, потребность в общении, активизировала и без того мощные информационные потоки, наполнив их слухами и фейковыми новостями. Среди населения возрос спрос на информацию из проверенных источников. Это подтверждают и результаты опросов АНО «Национальные приоритеты», опубликованные на сайте [СТОПКРОНАВИРУС.РФ](http://STOPKORONAVIRUS.RF) 16 марта 2020 г.

Возникает необходимость постоянно формировать контент, инициировать коммуникацию, действовать на опережение, расставлять акценты. Прослеживается важность реактивных коммуникаций, направленных и на снижение паники, и на осознание реальности угрозы, и на соблюдение мер безопасности, и на формирование общественного мнения как о политических лидерах, так и о правильности принимаемых ими решений. В этой связи представляется интересным упомянуть концепцию, предполагающую «рождение новых героев в битве». Так, в период пандемии субъектами коммуникации в публичном пространстве все чаще выступали М. В. Мишустин, С. С. Собянин, А. В. Ракова. При этом очевидным стал и наметившийся в последние годы тренд коммуникационной обособленности главы государства от процесса принятия потенциально непопулярных решений, а необходимость самоизоляции проиллюстрировало реальное дистанцирование. Тем не менее, именно видеообращения главы государства положили начало коммуникационному сопровождению борьбы с пандемией и стали доминантами этой кампании, наряду с обращениями оперштаба.

Довольно быстро были сформированы некие правила коммуникационной программы, основанной на оперативном и регулярном информировании, пресечении распространения слухов, идее персональной ответственности в борьбе с пандемией и взаимопомощи.

Тем не менее, были допущены серьезные ошибки. Так, субъектами коммуникации не учитывалась необходимость смены меседжей: в этом смысле показательна растянувшаяся во времени «публичная порка» жителей Москвы, отправившихся на пикники. Меседж о недопустимости скопления людей транслировался во время затяжного периода плохой погоды, а также и в день скандальной давки в московском метро из-за введения пропусков.

Коммуникации в период коронакризиса вскрыли и важность тщательного анализа бекграунда новых акторов. Так, Александр Мясников, высказывавшийся об отсутствии опасности коронавируса, и ведущий одной из весьма неоднозначных медицинских программ, был назначен руководителем оперштаба.

Видимость прозрачной методики подсчета заболевших и скончавшихся в результате заражения COVID-19 также была разрушена в первые месяцы борьбы с пандемией, что породило недоверие к цифрам.

Проведение референдума и его коммуникационное сопровождение в период коронакризиса заслуживают отдельного анализа. Отметим лишь, что развернутая кампания, вероятно, была направлена на достижение общественного консенсуса, аналогичного «крымскому», но не увенчалась успехом и повлияла на легитимность власти.

Вероятно, самой серьезной ошибкой стала рассинхронизированность реального положения дел в медицине и экономике с его коммуникационным сопровождением. Большинство заболевших не смогли оперативно получить обещанную медицинскую помощь, при появлении симптомов заболевания и отсутствия контактов с зараженными оказалось невозможным оперативно сдать тест и т. д. Резонансные истории появлялись в медиaprостранстве. В большинстве городов оперативные штабы занимались реализации узких программ поддержки и не могли отвечать на часть запросов населения.

Таким образом, весна и лето 2020 года показали необходимость синхронизации и серьезной интеграции публичного дискурса власти и внутренних коммуникаций, и в этом, по мнению автора, заключается одна из ключевых задач отечественного истеблишмента, от эффективности выполнения которой зависит дальнейшее направление развития российского общества.

Трудолюбов А.С. (Москва, НИУ ВШЭ)

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РОЛЕЙ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 2014 ГОДА

- Уже в начале 2010-ых в России назрела необходимость корректировки созданной в 2003 году системы местного самоуправления, которая не соответствовала ни общим трендам развития политического режима, ни объективным способностям муниципалитетов по реализации их полномочий.
- Процесс начался с изъятия из перечня вопросов местного значения содержания системы здравоохранения, а затем продолжился в ходе реформы 2014 года. Субъекты РФ получили возможность по перераспределению полномочий местного самоуправления. Результатом этой реформы стали активные изменения в региональном законодательстве, создавшие разнообразный ландшафт региональных моделей распределения расходных полномочий между уровнями публичной власти.
- Работа посвящена исследованию возникшего разнообразия в разрезе субъектов РФ с акцентом на компетенциях муниципалитетов, а также влиянию региональных подходов перераспределения расходов на эффективность реализации возлагаемых на регионы задач от федерального центра.
- Анализ данных по законодательному регулированию на основании публикаций Министерства юстиции РФ демонстрирует, что в значительной части субъектов РФ после реформы 2014 года идет процесс централизации полномочий.

- Муниципалитеты, отдавая свои полномочия, зачастую сжимают спектр решаемых задач до узкой специализации.
- В докладе сделан фокус на анализе бюджетного обеспечения полномочий. Исследование проведено через изучение расходных статей муниципальных бюджетов разных уровней на основании статистических данных Федерального казначейства РФ.
- В ходе анализа было выявлено статистически значимое различие между субъектами РФ по приоритизации расходов муниципальных бюджетов различных уровней, а также по степени их финансовой обеспеченности.
- Был построен индекс разнообразия расходной политики муниципалитетов.
- Исследование индекса подтвердило первоначальную гипотезу о сжатии спектра полномочий.
- С помощью кластерного анализа регионы в выборке были сгруппированы по приоритизации бюджетных расходов и распределению функциональных ролей между бюджетами разных уровней бюджетной системы субъекта РФ.
- Был выявлен и описан крупнейший типовой кластер, к которому относится большинство субъектов РФ. Так в нем поселенческий уровень в основном сосредоточен на ЖКХ, дорожном строительстве, содержании собственного аппарата и учреждений культуры. Муниципальные районы и городские округа же концентрируют своих расходы в сфере образования, причем если районы, по сути, ею и ограничиваются, то городские округа могут позволить себе более диверсифицированную расходную политику.
- Ключевыми факторами, повлиявшими на формирование малых кластеров стоит считать: специфику территориальной организации МСУ в конкретном регионе, объективные факторы среды (такие, как неблагоприятный климат), степень бюджетной обеспеченности муниципалитетов, общий вектор политики субъекта по отношению к местному самоуправлению.
- Использование регрессионного анализа на данных по результатам выборов Президента РФ 2018 года продемонстрировало положительное влияние степени централизации полномочий на результат инкумбента.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-31200 «Регионально-локальные отношения в условиях формирования единой системы публичной власти в современной России: теория и практика»

Тунаев А.В. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

РОЛЬ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА И ГРАЖДАНСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЦЕССЕ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ

Вопрос формирования общественно-политической повестки, объединяющей большинство граждан России, остаётся открытым для нашего общества. Современное состояние данного вопроса характеризуется расположением проблематики в нескольких плоскостях социальных практик. Во-первых, это проявление противоречий между бюрократическим аппаратом и гражданами; во-вторых, неразвитость институтов социального взаимодействия, что приводит к рассогласованию мотивационных предпосылок политического поведения власти и гражданского общества; в-третьих, практика государственного формализма, которая заключается в несостоянии органов государственной власти реализовать принцип справедливости, приемлемый для большинства граждан; в-четвертых, способствование бюрократии процессу деполитизации граждан с целью минимизации организованного политического участия.

Сложность консолидированного взаимодействия всех заинтересованных групп в процессе формирования общественно-политического вектора развития российского общества обуславливается сохранением традиционной властно-управленческой бюрократической модели, что подтверждается

концепциями В.П. Макаренко²⁰⁸, С.А. Никольского²⁰⁹, Ю.С. Пивоварова²¹⁰, в которых отмечается устойчивость исторически сложившейся модели власти-собственности в условиях преобладания и воспроизводства властно-управленческих групп, традиционных для советского общества. Сложившаяся система предполагает свой ответ на принципиальный вопрос о формах и содержании политического участия: на первый взгляд, декларируется демократическая система, которая предполагает плюрализм мнений и верховенство воли народа. Однако опыт современной России демонстрирует, что разносторонность системы убеждений, на основании которой люди участвуют в политической деятельности, не приводит к нивелированию господства властно-управленческой группы, наоборот, создаются устойчивые механизмы удержания власти вне зависимости от воли народных масс, что показывают примеры Хабаровска, Ингушетии и других мест неинституционализированного политического участия. Практика организации индивидов в стихийные социальные группы не приводит к субъективации их как политических акторов, так как не позволяет эффективно продвинуть реализацию убеждений и реализовать потребность в справедливости дальше, чем участие в стихийных протестах. Можно утверждать, что за последние 20 лет в России сформировалась политическая система, не требующая участия индивида, а если такое участие и организуется, то оно контролируется властью в силу недопущения актуализации реального политического мнения граждан. В такой ситуации постоянно требуется легитимация политического порядка не на основании эффективного функционирования гражданских институтов, способных консолидировать интересы общества и власти, а путем сохранения идеи о ценности властно-управленческих принципов, исторически сложившихся в России, что чаще всего приводит к идеализации советского прошлого. Однако, сделать это не так просто, так как процессы деидеологизации вскрывают основополагающие принципы современной политической системы, демонстрируют неэффективность механизмов управления, которые не были затронуты ни перестройкой, ни демократизацией, а также десакрализируют власть. Деидеологизация как оценка идеологического прошлого, так и процесс проработки последствий доминирования идеологии, становится объектом политического манипулирования. С одной стороны, власть стремится защитить преемственность государственности, отмечая преимущество идеологизированного режима, с другой стороны, массовое гражданско-политическое участие предполагает смену властно-управленческой модели. Таким образом, отношение к деидеологизации в российском обществе определяется, по крайней мере, двумя позициями: первая представлена властно-бюрократическим аппаратом, который заинтересован в воспроизводстве состояния доминирования в политической системе; другая позиция заключается в отношении к деидеологизации как к способу принуждения власти к диалогу и стратегии расширения значимости гражданско-политического участия.

Турков Е.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» АЛЕКСАНДРА ГАУЛАНДА

В условиях существования угрозы появления на западной границе России «кордона» из недружественных государств возрастает значение контактов с Германией как одним из лидеров западного мира. Установление взаимопонимания с Берлином возможно через рейхстаг как центральный немецкий политический институт. В связи с этим возросла актуальность задача поиска союзников в немецких политических партиях. Решение данной проблемы предполагает налаживание личных контактов между государственными деятелями обеих стран, что невозможно без изучения личностных особенностей потенциальных партнеров.

208. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство, часть 1: монография. – Ростов-на-Д.: Март, 2013. – 652 с.

209. Никольский С.А. Об архитектуре российской власти и общества, или игры со Змеем Горынычем // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 135-151.

210. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – 336 с.

Одним из наиболее перспективных для сотрудничества с Россией партийных деятелей может стать Александр Гауланд — лидер оппозиционной партии «Альтернатива для Германии», конкурирующей с традиционными электоральными лидерами — ХДС/ХСС и СДП.

Исследование личности А. Гауланда было выполнено на основании подходов, разработанных Е.В. Егоровой (Егорова, 1988) и Н.М. Ракитянским (Ракитянский, 2011). Его результаты содержат описание потребностно-мотивационной сферы, стиля политического поведения, политических убеждений и психологических особенностей политика.

А. Гауланд ориентирован в первую очередь на получение результата. Мотив достижения преобладает над мотивами власти и аффилиации. Мотив власти актуализируется, если затронуты его интересы или личное пространство. В таких случаях он способен отвечать своим оппонентам довольно жестко.

В политическом поведении А. Гауланда ориентация на качественный результат сопряжена с идеей следования закону, а также высоким уровнем нормативности. Эта особенность выражается в том, что А. Гауланд действует в узких, очерченных законом, рамках, не рискует их переступить без крайней на то необходимости.

Политическая деятельность А. Гауланда отличается оппозиционным по отношению к правящей партии характером. Он жестко критикует А. Меркель и ее сторонников за просчеты и ошибки, однако не предлагает конструктивной альтернативы. Резкие слова также нечасто сопровождаются комплементарными политическими акциями против соперников. Исключения составляют только те случаи, когда он видит выгоду для себя и своей партии или осознает существование угрозы.

Оппозиционный стиль политической деятельности А. Гауланда основывается на его ультраконсервативных политических убеждениях. В его политической картине мира ключевое значение приобрела идея противостояния миграционной политике ФРГ с психологической точки зрения проявляемая как образ «Чужого». Большую часть своих выступлений политик сводит к проблеме прибытия в Германию беженцев из мусульманских стран, а также связанной с ней угрозой культурной эрозии страны.

В сфере внешней политики А. Гауланд придерживается мнения о необходимости установления прочных и доверительных отношений с Россией и Великобританией. Симпатия к столь разным странам может быть обусловлена проживанием политика в начале своей карьеры в Великобритании, а также с чувствами уважения его отца к России.

Своеобразие политической деятельности и политической картины мира А. Гауланда определяются также следующими психологическими качествами: реактивностью как способом взаимодействия с окружающей средой, стремлением защитить свое личное пространство, ориентацией на краткосрочную выгоду.

Итак, центральным мотивом А. Гауланда является стремление одержать победу над своим личным врагом — партией ХДС/ХСС, что обуславливает оппозиционный характер его политической деятельности. Ключевая потребность А. Гауланда заключается в защите личного пространства. В сочетании с доминирующей в его политическом сознании дихотомией «свой — чужой» она способствует категоричному делению его политического мира на союзников и противников. Черно-белые тона политической картины мира А. Гауланда основаны также на его ультраконсервативных убеждениях. Как следствие, содержание его политической деятельности сводится к критике курса А. Меркель и ее сторонников, объяснению возникающих в Германии проблем ошибочной политикой мультикультурализма и акцентированию угрозы массового притока беженцев из мусульманских стран — фрагментарным попыткам изменить сложившуюся ситуацию. Благодаря популистской риторике А. Гауланд популярен среди граждан Германии, в первую очередь в ее восточных землях. Однако свойственная ему реактивность как способ взаимодействия с окружающим миром может привести к постепенному устранению его с политической арены более активными политиками.

Литература

1. Егорова Е.В. Психологические методики исследования личности политических лидеров капиталистических государств. М., 1988.
2. Ракитянский Н.М. Личность политика: теория и методология психологического портретирования. М.: Издательство Московского университета, 2011.

Туровский Р.Ф., Лютикова А.П. (Москва, НИУ ВШЭ)

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТНАЯ ЭЛИТА В РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИФТЫ И КАДРОВЫЙ ВЗАИМООБМЕН

Несмотря на формальное отделение местного самоуправления от государственной власти, процесс формирования муниципальной элиты в России самым тесным образом переплетен с формированием государственной бюрократии. В рамках отдельно взятых субъектов федерации разграничение муниципальной и региональной властной элиты на две принципиально разных и не сообщающихся между собой когорты оказалось невозможным на практике. Напротив, как показывает наше сравнительное исследование биографий российской элиты, в последние несколько лет происходит интенсивное сближение региональных и муниципальных элит, которое выражается в перетоках из одной группы в другую. Активизация этого процесса совпадает с выстраиванием властной вертикали и прогрессирующим процессом отмены прямых выборов глав местного самоуправления, что понизило автономию ранее влиятельных городских элит и упростило взаимодействие между губернаторами и мэрами.

С одной стороны, федеральный центр после снижения уровня конфликтности в отношениях между губернаторами и мэрами стал использовать муниципальную элиту в качестве кадрового резерва для губернаторского корпуса. Эта практика обозначилась в 2010 году и действует до сих пор. Ее особенностью стало назначение губернаторами глав малых и средних городов и муниципальных районов (примеры Калининградской, Оренбургской областей, Ямало-Ненецкого АО). Со временем стала использоваться практика назначения губернаторами глав региональных столиц, что перестало ассоциироваться с рисками нарушения политического баланса (Магаданская, Новосибирская, Пензенская, Тюменская области, Якутия). Более того, возникла практика перемещения муниципальных глав на посты губернаторов в другие субъекты федерации (иные примеры губернаторских назначений в Магаданской и Новосибирской областях). Мэры в этой логике губернаторских назначений воспринимаются в качестве опытных или перспективных управленцев, а не проводников интересов каких-либо городских групп влияния.

С другой стороны, внедрение модели сити-менеджера с формированием конкурсной комиссии, в которой присутствуют представители губернатора, позволило региональным властям задействовать практику внедрения на позиции глав муниципальных администраций выходцев из региональных правительств. Чаще всего это практика применяется в региональных столицах, создавая тесную неформальную связь между региональным правительством и администрацией важнейшего города. Использование таких практик выявлено нами в Пермском крае, Тульской, Тюменской областях, ряде республик Северного Кавказа, Бурятии и др. Нередко циркуляция элиты развивается в обоих направлениях, когда чиновники перемещаются между двумя уровнями власти. Муниципальная элита может становиться кадровым инкубатором для региональных правительств, а бывшие мэры, например, занимают посты региональных премьер-министров (как это было в Адыгее). Тем самым на практике региональная и муниципальная элиты стали неотделимыми друг от друга, что соответствует особенностям функционирования региональных политических режимов в России, где не возникло двух самостоятельных уровней власти.

Конвергенция региональной и муниципальной элиты в условиях муниципальной реформы, стартовавшей с принятием нового федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в 2003 году, взаимосвязана с выросшей потребностью в тесной кооперации региональной и муниципальной власти, что показывает наш анализ бюджетных доходов и расходной политики. За последние 10 лет заметным трендом стал рост зависимости городских округов (включая региональные столицы) от региональных трансфертов: их доля в бюджетных доходах преодолела важную планку в 50% и в самое последнее время превысила 60%. Это логическим образом привязывает считавшиеся «сильными» муниципальные элиты к региональной власти. Тем временем финансовая зависимость муниципальных районов была и остается крайне высокой, составляя около 75%. Фактически муниципальные власти выступают в роли агентов регионального правительства, решающих согласованные с

ним задачи и реализующих делегированные им полномочия, в том числе за счет использования предоставленных им трансфертов.

Исследование бюджетной политики также показало, что региональная и муниципальная власть не имеют и не стремятся иметь четко разграниченных между собой полномочий, что усиливает эффект внутрорегиональной конвергенции. С одной стороны, было принято решение о сосредоточении расходных полномочий в сфере здравоохранения на региональном уровне. С другой стороны, образование, социальная политика, культура, ЖКХ, дорожное хозяйство относятся к числу направлений, которыми регионы и муниципалитеты занимаются совместно и в сопоставимой степени. При этом для городских округов и в еще большей степени для муниципальных районов образование стало основным направлением расходной политики, тогда как для поселений приоритетами являются ЖКХ и дороги. В регионах складывается своя конфигурация расходов региональных и муниципальных бюджетов с различиями в специализации муниципальных образований разного типа и уровня. Эта конфигурация имеет свою динамику (например, с ростом важности дорожного хозяйства) и характеризуется заметными различиями между субъектами федерации. Но во всех случаях она предполагает кооперацию региональной и муниципальной власти и ставит местное самоуправление в зависимое положение.

Таким образом, современная муниципальная реформа создала предпосылки для формирования в России единой системы публичной власти. Муниципальная властная элита в этой системе выступает в роли важного кадрового инкубатора для органов государственной власти. При всех издержках для автономии местного самоуправления конвергенция региональной и муниципальной элиты позволила снизить конфликтность в региональных политических системах, что привело к росту поддержки действующей власти и высоким оценкам ее эффективности в тех регионах, где выявленные нами тенденции наиболее ярко выражены. Тем самым, как показало исследование, фактическое сращивание региональной и муниципальной элиты имело стабилизирующий политический эффект в регионах, сыграв важную роль в укреплении существующего политического режима.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-31200 «Регионально-локальные отношения в условиях формирования единой системы публичной власти в современной России: теория и практика».

Ульянов П.В. (Барнаул, АлтГУ)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИГРОВОМ КИНО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В современном обществе коллективное воспоминание о событиях прошлого зачастую становится актуальным и востребованным, если вписывается в современную структуру групповых интересов и удовлетворяет первостепенные потребности. Коллективная память, в основе которой лежат социальные представления о прошлом и их актуализация в современности, становится главным средством интерпретации прошлого и формирования его образа. За счет нее проводится политика памяти (*politics of memory*), которая, являясь дискуссионной проблемой, привлекает множество исследователей.

С одной стороны, политика памяти понимается как функционирующая система взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого²¹¹. С другой стороны, изучение политики памяти (*memory studies*), связанной с такими понятиями, как «политическое использование прошлого» и «историческая политика», что не одно и то же, затрагивает вопросы проявления символической политики, предполагающей актуализацию разных способов и вариантов интерпретации социальной реальности²¹². Еще ее понимают, как продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа²¹³. Но это

211. Ефименко Д.В. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.-СПб., 2018. С. 110.

212. Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет Political Science и Russian Studies: Исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Political science (RU). 2020. № 2. С. 18.

213. Русакова О.Ф. Политика памяти в контексте современных реалий // XV Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура,

слишком упрощенное определение. В целом понятие обозначает совокупность отношений определенных акторов, заинтересованных в интерпретации прошлого в современных условиях. Поэтому политика памяти опирается на социальный «образ прошлого» и влияет на процесс формирования гражданской идентичности человека с историей своей страны.

Поскольку политика памяти – это продукт западноевропейской интеллектуальной традиции, то Великобритания в этом плане является ярким примером. Это связано с тем, что с середины 1960-х годов развивается образ Первой мировой войны благодаря телевидению, активно меняющему взгляд британцев на ее события. Но это не означает, что государство «заказывает» образ прошлого. Наоборот, в условиях плюрализма мнений, свободы слова и печати кинокомпании обращаются к этому историческому событию и преподносят зрителям разные его интерпретации.

В качестве примера проведения в Великобритании политики памяти можно привести дискуссию о современной репрезентации Первой мировой войны в СМИ 2014 г., вызвавшей широкий резонанс тезисом о войне как о «битве за национальную память». Кроме того, в начале июля 2014 г. вышла статья художественного критика и обозревателя газеты *The Guardian* Дж. Джонса с осуждением государственной концепции инсталляции из керамических маков, развернутой перед лондонским Тауэром в память о погибших в войне (*The Guardian*. October 31. 2014. – URL: theguardian.com/commentisfree/2014/oct/31/world-war-one-poppies-memorial-cameron). Подобные акты свидетельствуют о дискуссионном характере о войне в современной Великобритании. Это связано с отсутствием в обществе устойчивого представления об этом событии, хотя за ним сохраняется образ «Великой войны».

Многие тенденции проводимой политики памяти Первой мировой войны влияют на британский кинематограф. Еще с вопросом о восприятии ее в Великобритании обратился министр образования М. Гоув в статье газеты *The Daily Mail* и подчеркнул, что формирование «правильного» представления о ней необходимо в условиях многочисленных вызовов для страны, среди которых он отметил «соперничество великих держав, экономическую взаимозависимость, масштабные технологические изменения, хрупкость доверия к политическим элитам» (*The Daily Mail*. January 2. 2014. – URL: dailymail.co.uk/news/article-2532923/Michael-Gove-blasts-Blackadder-myths-First-World-War-spread-television-sitcoms-left-wing-academics.html). Похожая связь прослеживается в кинокартине «37 дней до войны» («37 Days») 2014 г. режиссера Дж. Харди.

Более дискуссионные и неоднозначные вопросы для современника о том, чем была Первая мировая война для британцев и Великобритании ставят кинокартины «В июле 1916» («*The Trench*») 1999 г. режиссера У. Бойда, «Пашендаль. Последний бой» («*Passchendaele*») 2008 г. режиссера П. Гросса и «Последний бой» («*Journey's End*») 2017 г. режиссера С. Дибба. Ни одна картина не дает точного ответа, но в них затрагиваются разные аспекты от популяризации долга перед родиной и до отражения тезиса о бездарности британских руководителей военными операциями на Западном фронте.

Еще создатели обращаются к вопросу о человеке на войне, что имеет место в кинокартинах «Птичья песня» («*Birdsong*») 2012 г. Ф. Мартина и «Воспоминания о будущем» («*Testament of Youth*») 2014 г. Дж. Кента.

Усенко Р.С. (Москва, МГИМО МИД России)

РОЛЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО МЕТОДА КЕЙС-СТАДИ В АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ ДЕЛОВЫХ АССОЦИАЦИЙ

В свете курса на импортозамещение, реализуемого правительством России в целом ряде секторов экономики, особую актуальность приобретает систематическая деятельность иностранного отраслевого бизнеса по взаимодействию с российскими органами государственной власти (*Government Relations, GR*) для отстаивания своих стратегических интересов на национальном рынке.

Одним из ключевых форматов такого взаимодействия является GR-менеджмент, осуществляемый отраслевыми деловыми ассоциациями, которые представляют «зарубежные» сегменты соответствующих отраслей. Соответствующим образом наблюдается потребность в дальнейшей разработке теории управления данного рода бизнес-объединений, в рамках которой акцент был бы сделан на GR-направлении.

Решению этой задачи способствует структурированная теоретизация эмпирического опыта, иллюстрирующего примеры эффективного GR-менеджмента отраслевых деловых ассоциаций и позволяющего выработать релевантные рекомендации для бизнес-субъектов по привлечению ресурса деловых ассоциаций для продвижения корпоративных интересов.

В данном контексте уместным видится использование метода кейс-стади, эффективность которого является общепризнанной в политической науке (в том числе российской), но который, в то же время, получил к настоящему моменту пока лишь незначительное применение в изучении проблематики GR-менеджмента деловых ассоциаций.

Показательным примером целесообразности обращения к кейс-стади выступает анализ GR-кампании, проведенной Ассоциацией международных производителей медизделий IMEDA в контексте государственного регулирования допуска продукции зарубежных производителей медицинских изделий к государственным и муниципальным закупкам. Данный кейс иллюстрирует возможность интеграции кампании деловой ассоциации в GR-кампанию, проведенную одним из ключевых игроков российского рынка медизделий.

Дополнительная наглядность кейса обеспечивается тем, что в его рамках анализируется политико-управленческая ситуация, имевшая место в социально значимой сфере (здравоохранении), а значит априори находящаяся под пристальным вниманием общественности – это позволяет проследить реализацию GR-кампании IMEDA в медийном поле, поскольку ресурс общественного мнения мог задействоваться (и по факту задействовался) как сторонниками, так и противниками запретительных мер в отношении допуска зарубежных производителей к закупкам.

Усманова З.Р. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Вопрос о том, какие институты и лидеры олицетворяют власть в сознании российских граждан, ставится политологами (политическими психологами, политическими социологами) на протяжении всей новейшей политической истории. Так, по результатам опросов в 2005 г. российский парламент ассоциировался с властью в представлениях лишь небольшого процента граждан [1], но постепенно указанный орган приобретает все большую значимость. В частности медленными темпами, но все же растет доверие к обеим палатам Федерального Собрания РФ, четче прослеживается одобрение деятельности высшего представительного органа страны [2]. В контексте актуальных политических событий, ситуации перехода публичной политики в сферу электронной коммуникации, ускорения транзита социально-политических смыслов и повестки, актуально исследование проблем становления и трансформации идеальных политических образов в сознании российских граждан. Корреляции между представлениями о политически «значимом должном» и «значимом настоящем» позволяют на качественном уровне пояснить некоторые особенности политического поведения российского электората. В рамках исследования, организованного коллективом ученых под руководством профессора Е.Б. Шестопаля, представлены, в том числе, и результаты интервьюирования молодежной группы респондентов (18-30 лет). Результаты анализа массива качественно-количественных политико-психологических данных позволяют проследить, опираясь на проблемно-центричный подход, и наметить основные векторы развития образа парламента у молодежи в рамках проблематики:

- наибольшей кристаллизации образа нижней палаты парламента и фиксации высокой осведомленности о месте и роли указанного органа власти в законотворческом процессе в основном за счет персональной узнаваемости отдельных депутатов (деятели культуры, искусства, спорта и т.п.) в противовес слабо-очерченному образу верхней палаты ФС РФ;
- протестной активности и ее возрастного, поколенческого, локально-территориального и политико-культурного профилей в привязке к обоснованию респондентами позиции низкой эффективности политического участия в «классических» формах (посещение депутатских приемных, инициативное законотворчество и т.п.);
- рассогласования осознаваемых и неосознаваемых элементов образа по параллелям «функций и задач парламента как института» / «деятельности членов парламента» / «взаимосвязи деятельности членов парламента как института и трансформации правовой сферы в стране» (например, по вопросам конституционной реформы), а также проблем исторической преемственности роли указанного института в политическом процессе;
- персонально-центричного образа депутатов парламента и вычленения элементов образа, не связанных с политической сферой;
- восприятия истории парламентаризма в России сквозь призму восприятия представительной власти молодежью в современный период.

Следует также отметить, что молодежь особая категория, специфика политического восприятия которой корреспондирует с процессами трансформации демократических институтов в современной России. И если более старшие поколения подходят к описанию представлений о парламенте с позиции сравнительных мыслительных процедур (советское-российское), то молодежь оперирует либерально-демократическими идеями как первоосновой государственности, существующей в единственных реалиях, вне ретроспективы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31369 опп «Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти, политических институтах и лидерах»

Литература

1. Задорин И.В., Шубина Л.В., Халкина Е.В., Зайцев Д.Г. Качество и качества власти: восприятие населения. Фрагменты результатов всероссийского опроса населения, презентация которого состоялась в рамках очередного семинара «Полития» // Полития. 2005. №2. С. 96-114.
2. Одобрение деятельности государственных институтов. Материалы всероссийских телефонных опросов «Экспресс» и «Спутник», проводимых ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyh_institutov/ (дата обращения 18.08.2020)

Уткина В.В. (Москва, НИУ ВШЭ)

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ ПО ВОЗРАСТУ (ГЕНДЕРНЫЙ ЭЙДЖИЗМ) НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Как известно, во властных структурах России в значительной степени преобладают женщины (более 70%), однако в основном они сконцентрированы на уровне исполнителей. В то время как мужчины занимают управленческие должности государственной гражданской службы женщины сталкиваются не только с гендерной дискриминацией работая в госорганах, но и с дискриминацией по возрасту, т.е. эйджизмом (англ. ageism, от англ. age — «возраст»).

Гендерная дискриминация на рабочем месте принимает разные формы, но, как правило, это означает, что к сотруднику или соискателю относятся иначе или менее благосклонно из-за половой/гендерной принадлежности, или из-за того, что человек связан с гендерно-окрашенной организацией или группой.

Но часто гендер становится неединственным основанием дискриминации, а в терминах интерсекциональности (теории пересечений) «пересекается» с возрастом. Когда гендерная дискриминация сочетается с возрастной, гендерный эйджизм может принимать различные формы.

Существует огромное количество проявлений гендерного эйджизма, с которым женщины-госслужащие сталкиваются со стороны мужчин, а иногда и других женщин. Гендерный эйджизм может проявляться на разных этапах развития карьеры и включает комментарии о женских ролях, внешности, доступности и возможности забеременеть и проч.

Выявлено, что фактически на всех этапах карьеры женщины в госорганах подвергаются гендерному эйджизму. При приёме на работу молодым претенденткам только что получившим диплом о высшем образовании зачастую отказывают, косвенно или даже прямо указывая на стереотипно активный репродуктивный возраст, потенциальный декретный отпуск с последующим отпуском по уходу за ребёнком (что невыгодно работодателю). «Штраф за материнство» молодые женщины получают еще на этапе поступления на работу в органы власти в условиях «доминирующей маскулинности» (Уткина, Гаспарян 2019).

Те женщины, которым всё же удалось поступить на госслужбу и там закрепиться (чаще всего это уже женщины среднего возраста) испытывают сложности при продвижении по карьерной лестнице, сталкиваясь с невидимыми барьерами. Этот феномен описан в литературе как «стеклянный потолок»/«липкий пол». Женщина на пути своего карьерного роста вынуждена сталкиваться с множеством барьеров: «стеклянный потолок» преграждает ей доступ к руководящим позициям, «стеклянные стены» ограничивают развитие лишь пределами определенной сферы, традиционно считающейся женской, а «липкий пол» удерживает на низшем уровне профессиональной иерархии. Существуют многие невидимые, но сильные барьеры, которые препятствуют женщинам продвигаться по карьерной лестнице на государственной службе.

В зрелом возрасте только некоторым женщинам удаётся в полной мере пользоваться преимуществами опыта и стажа, которые приходят с возрастом, включая признание собственного достоинства, сокращение самодискриминации и мер по расширению эмпауермента (англ. Empowerment) - прав и возможностей женщин. Чаще всего женщины в зрелом возрасте на госслужбе находятся в уязвимом положении, опасаясь сокращений и неизбежно сначала «предпенсионного», а затем и пенсионного возраста.

На всех описанных этапах женщины испытывают сложности с повышением квалификации и/или получением дополнительного образования. Одной из основных причин этого неизменно отмечается «двойная нагрузка»: сочетание домашних, семейных и профессиональных обязанностей. Таким образом, на всех этапах становления и развития карьеры на государственной гражданской службе женщины испытывают не только гендерную, но и возрастную дискриминацию.

Уткина М.Ф. (Москва, МГИМО МИД России)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

За последние десятилетия Великобритания столкнулась с широкомасштабными политическими трансформациями - в начале десятилетия Великобритания приняла участие в военных операциях в Ираке и Афганистане; в 2008 году страна переживала серьезный экономический спад на фоне мирового финансового кризиса, а в 2014 году в Шотландии был проведен референдум по вопросу ее независимости. Однако наиболее ярким политическим событием XXI века, как для Великобритании, так и для Европейского Союза стал референдум 2016 года о выходе Великобритании из ЕС, по итогам которого Великобритания покинула ЕС без какого-либо соглашения.

Исследование политической элиты и ее роли в условиях значительных политических и социально-экономических изменений представляет особый интерес для исследователей политических элит,

включая лиц, ответственных за реализацию внешнеполитической стратегии. Политическая элита независимо от политического режима и формы правления играет ключевую роль в управленческих процессах государства и определении стратегии дальнейшего развития общества. Выявление факторов рекрутирования элиты проливает свет на то, какие процессы формируют политические силы, которые несут ответственность за реализацию внутренней и внешней политики государства. Факторы формирования британской политической элиты представляется возможным разделить на институциональные и социально-экономические.

К группе институциональных факторов формирования политической элиты относится Вестминстерская модель управления государством, а также сложившаяся система элитного образования.

Важной чертой Вестминстерской модели является наличие главы государства, имеющего церемониальные и представительские функции - как правило, им является монарх или генерал-губернатор. В Великобритании сохранился институт монархии, что повлияло на консервацию принципа династичности. Продолжение традиций и сохранение преемственности привели к тому, что в настоящее время королевская семья и британская аристократия играют немаловажную роль в политических процессах и составляют ядро политической элиты государства. Суть Вестминстерской модели также заключается в том, что партия, набравшая на выборах относительное большинство голосов, формирует правительство, а ее лидер, как правило, становится премьер-министром. Проигравшая партия формирует «теневой кабинет» официальной оппозиции. Так, значительная часть политической элиты Великобритании проходит «партийный селекторат», а рекрутирование политических кандидатов является одной из основных функций политических партий.

Еще одним институциональным фактором является исторически сложившаяся система элитного образования. Появление престижных образовательных учреждений, их дальнейшее укоренение в качестве «институтов элиты» стали движущей силой, значимым фактором в определении модели рекрутирования британской элиты.

Социально-экономические условия, сложившиеся в Великобритании после окончания Второй мировой войны также в определенной степени повлияли на современные процессы элитообразования. Постепенное возрастание роли женщин в общественно-политической жизни и меры жесткой экономики, сменившиеся политикой всеобщего благоденствия, придали новый импульс процессу демократизации, что способствовало вовлечению всех слоев населения в политическую жизнь общества.

Значимым социально-экономическим фактором формирования политической элиты становится также высокий уровень иммиграции в Великобританию из заморских территорий, бывших колоний и зон конфликтов. Часть британского общества стала активно продвигать концепцию инклюзивности в политической сфере, суть которой заключается в процессе включения представителей ВAME (лиц африканского, азиатского происхождения, представителей этнических меньшинств) в политическое руководство государства.

Таким образом, институциональный дизайн политической системы Великобритании и социально-экономические явления, имевшие место в XX веке, способствовали формированию британских правящих элит.

Фан И.Б. (Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)

ДИСКУРС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В последние годы в официальной риторике первых лиц российского государства все более настойчиво ставится задача воспитания патриотизма и гражданственности у школьников и молодежи. Действует «Программа патриотического воспитания граждан на 2016-2020 годы», разработаны соответствующие планы мероприятий на федеральном и региональном уровнях. Задача, безусловно, важная. Однако важно и то, какие средства ее реализации предусматриваются органами власти. Употребление

терминов гражданственности и патриотизма в публичном дискурсе таково, что несмотря на торжественный стиль и обращение к высоким ценностям и авторитетам, в этих понятиях акцентируется не столько их естественное формирование в ходе социализации молодежи, не столько ценностное содержание и искренность, сколько необходимость управляющего воздействия государственной политики. Тем самым высвечивается истинное предназначение этих слов и обозначаемых ими феноменов - прагматические мотивы власти, использующей данные конструкции в качестве функциональных механизмов идеологии.

Тесная связь идеологии и понятия гражданственности подтверждается взаимной детерминацией функций и структурных компонентов этих феноменов. Воплощение идеологической функции интеграции государства и общества требует от граждан чувства единства с государством. Идеологическая функция легитимации наличного политического режима посредством многостороннего воздействия на личность гражданина (его гражданственность, его политическую культуру) требует от общества и индивидов идентификации с государством и политическим лидером как символом единства общества, отождествляемым с государством и обществом. Познавательная функция идеологии связана с ориентационной функцией гражданственности. Нормативная функция идеологии реализуется в гражданственности посредством адаптации людей к политической среде путем усвоения стереотипов восприятия, мышления и поведения, формальных и неформальных норм, традиций и обычаев. Мобилизационная функция идеологии осуществляется через функцию предписания в гражданственности, посредством программирования политического поведения с помощью многообразных каналов социализации. Идеологический и иной контроль органов государственной власти над всеми учебными и воспитательными учреждениями обеспечивает нужную господствующему социальному слою направленность социализации как процесса формирования гражданственности.

Идеологии в качестве утопий (К. Мангейм) выстраивают модель гражданственности, которую сторонники этих идей принимают и следуют ей искренне, с энтузиазмом, а зачастую фанатично. Идеологии, оправдывающие господство социального слоя, уже находящегося у власти, конструируют модель квази-всеобщей гражданственности, нацеленную на воплощение интересов данного слоя и потому навязываемую с помощью различных средств государственного принуждения.

Доминирующая модель гражданственности общества и гражданина является ценностным регулятором политического поведения населения. В случае монополии данной модели она выступает в качестве жесткого механизма государственного управления, элемента образовательной, воспитательной, символической и иной политики. В открытых демократических системах этот механизм является более гибким, ориентированным на свободу выбора и относительную правовую, политическую и моральную автономию личности. Такой механизм предполагает разные способы согласования интересов разных групп населения с помощью соответствующих государственных и негосударственных институтов, побуждающим к нормативно приемлемому поведению. В авторитарных или тоталитарных политических системах модель гражданственности направлена на «добровольное» подчинение личности, обладает принудительным характером, отсутствием свободы выбора и самостоятельности индивида. Она не столько побуждает, сколько принуждает население к службе государству и правящей элите, мобилизует граждан к действиям, направляемым и контролируемым политическим классом и бюрократией. Данная модель становится элементом системы механизмов управления. Она действует не с помощью прямого физического насилия и не путем постоянного воспроизводства явной или скрытой угрозы применения насилия, как другие способы управления при авторитарных режимах, но воздействует на массы как риторическая стратегия, подкрепляемая морально-психологическим и информационным насилием, в том числе с помощью пропаганды. Такая модель гражданственности носит преимущественно военно-патриотический, милитаристский характер.

Исследование проводится в рамках проекта «Специфика конструирования гражданственности в 1920-2010-гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-411-660005.

Фартышев А.Н. (Иркутск, ИГУ, ИГ СО РАН)

ПАДЕНИЕ КРАСНОГО РЕГИОНА: РЕЗУЛЬТАТЫ ГУБЕРНАТОРСКИХ ВЫБОРОВ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ 2020 Г.

Сибирь на электоральной карте России в 2010-х гг. отличается растущей оппозиционностью, что связано с ростом централизации и отбиранием Москвой региональных полномочий. Победы оппозиционных кандидатов в Новосибирске, Томске, Владивостоке, Якутске на выборах различных уровней в этот период нередки. В этом году представилось совершенно новое явление – хабаровские «фургаловские» протесты (а Фургал выиграл выборы от партии ЛДПР), которые ещё только предстоит внимательно изучить политическому сообществу. Однако история публичной власти в Иркутской области имеет не менее яркие моменты. Это и победа третьего по значимости кандидата В.И. Кондрашова от КПрФ на выборах мэра г. Иркутска в 2010 г. в результате противоборства двух представителей «Единой России», это и выборы мэра-домохозяйки в Усть-Илимске от «Справедливой России», это выборы мэром поселения 21-летнего студента от ЛДПР, но главное – это избрание в 2015 г. губернатором регионального лидера партии КПрФ С.Г. Левченко и последующие выборы в 2018 г. в Законодательное собрание, где КПрФ также одержала победу с небольшим перевесом. Таким образом, в 2018 г. Иркутская область стала первым и единственным полностью «красным» регионом на карте страны, где и исполнительная и законодательная власть оказалась в руках коммунистической партии.

Несмотря на достижения резкого роста доходной части регионального бюджета (продиктованного скорее ростом нефтедобычи в регионе), активностью губернатора по продвижению экономики в малых городах посредством организации ТОР, губернатор С.Г. Левченко и его семья оказались под прессом уголовных дел. Также в качестве испытания на него выпало наводнение в Тулуне и Нижнеудинске в 2019 г., сравнимое по разрушительности с «ленским» наводнением 2001 г. В результате активной противодействующей кампании в средствах массовой информации, в том числе и федеральных, губернатор досрочно сложил свои полномочия, на смену которому пришёл абсолютный варяг для региона И. Кобзев в качестве врио.

В сентябре 2020 г. прошли новые губернаторские выборы, которые должны были ответить на вопрос – продолжится ли протестность региона после практически 5 лет (а в широком понимании 10 лет с упомянутого момента избрания мэром Иркутска В.И. Кондрашова) коммунистического опыта? Конфигурация выборного пула выглядела как противостояние по типу «свой против чужого», где основными кандидатами были приезжий кандидат И. Кобзев, олицетворяющий кандидата от партии власти, и депутат Госдумы от КПрФ М.В. Щапов, как уроженец Иркутской области (и этот факт особенно подчёркивался в предвыборной агитации). В ходе избирательной кампании в качестве агитационных площадок помимо традиционных дебатов, рекламы на билбордах, телевидения, впервые были активно использованы соцсети и, в частности, рекламные ролики vk.com, instagram.com и youtube.com, что свидетельствует о росте внимания к более молодому поколению, которое в частности сильно перевернуло упомянутые выборы мэра г. Иркутска в 2010 г. и губернатора в 2015 г. (правда, надо заметить и основная аудитория vk.com постарела и перешагнула 30-летний рубеж).

По итогам голосования 13 сентября 2020 г. И. Кобзев победил с результатом 60,4% против 26% у М. Щапова, что даже для штаба победителя оказалось неожиданностью в условиях электоральных традиций Иркутской области. Анализ электоральных карт показывает, что действующего врио поддержали крупные промышленные центры Иркутской области (Братск, Усть-Илимск, Усолье-Сибирское, Черемхово), а также наиболее пострадавший район от наводнения – Тулунский, что связано с личной активностью И. Кобзева за прошедший период в роли губернатора. Коммунистическое доминирование наблюдается в районах бывшего Усть-Ордынского автономного района, более болезненно относящегося к варягам. Примечательно, что на выборах 2015 г. наблюдалась обратное нынешнему политическое

предпочтение жителей Усть-Ордынского автономного района, которые отдали свои голоса преимущественно оппоненту С.Г. Левченко – представителю «Единой России» С.В. Ерощенко. Также наиболее низкие результаты действующий врио получил в северо-восточных районах Бодайбинском и Мамско-Чуйском районе, где сильна позиция мэра г. Бодайбо Е. Юмашева, самостоятельно баллотировавшегося на пост губернатора, но ему было отказано в регистрации.

В целом, по результатам единого дня голосования 13 сентября 2020 г. можно отметить, что практически везде на региональных и муниципальных выборах победу одержали кандидаты, поддерживаемые столицей, и иркутские выборы попадают под эту тенденцию. С одной стороны, это свидетельствует о конце иркутской протестности, как не оправдавшей себя модели электорального поведения в глазах избирателей, а с другой стороны, усиление внимания центра к региональным выборам и совершенствование политтехнологий, направленных на победу «Единой России» в «отколовшихся» регионах.

Федотова Н.Г. (Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СИМВОЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ГОРОДА

В рамках научного дискурса, связанного с анализом публичных структур власти, слабо освещен вопрос о структурировании процесс политики памяти в разрезе города. Данный вопрос приобретает особую актуальность в рамках поиска политических стратегий региональных властей, ставящих своей целью повышение символического капитала города и укрепление городской идентичности, которые в итоге являются одним из латентных способов решения экономических и социальных вопросов развития города.

Исследования политики памяти, оперирующие категориями коллективных представлений, образов коллективного прошлого, нередко опираются на концепт «символическая политика». По мнению Малиновой О.Ю. политика памяти является областью символической политики, где в рамках предметного поля анализируются механизмы трансформации коллективной памяти, обусловленные конкуренцией за интерпретацию прошлого (Малинова О.Ю. «Политика памяти как область символической политики» // Методологические вопросы изучения политики памяти. 2018. с. 27-53). Следовательно, политика памяти города есть не что иное, как совокупность политических действий городских элит, связанных с производством городских смыслов, интерпретирующих городское прошлое в контексте современных тенденций развития города.

Исключительная роль символов в управлении коллективной памятью была продемонстрирована представителями немецкой школы. Согласно Я. Ассману, в культурной памяти прошлое не сохраняется как таковое, а скорее гальванизируется (воскрешается) в символах, которые как бы освещают изменяющееся настоящее (Assmann, J. 2011, *Communicative and Cultural Memory* // Meusburger P., Heffernan M., Wunder E. *Cultural Memories. The Geographical Point of View*. London, New York, p.19). Тогда как А. Ассман подчеркивает, что коллективная память использует в качестве опоры символические медиаторы; она требует постоянного истолкования и интерпретации, а сохранение памяти требует больших усилий, особых институтов, средств, технологий. (Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М., 2014). Опираясь на концепцию Дж. Олика следует заключить, что память города находит свое выражение в символических формах и обнаруживается в соответствующих практиках – в мифах, ритуалах, искусстве, традициях, языке и т.д. (Олик Дж. *Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии* // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11. № 1. С. 43).

Современные технологии символизации городского прошлого, исходя из возможностей коммуникативной парадигмы, могут быть рассмотрены в контексте процессов смыслообразования фрагментов культурной памяти города и символической репрезентации культурных смыслов в городской среде. Среди таковых мы выделяем технологии, которые связаны со спецификой кодирования фрагментов

культурной памяти города (вербальные, визуальные), способами репрезентации культурных смыслов в пространстве города, акторами производства коллективных представлений о прошлом города, сферой их применения (образование, туризм, искусство) и прочими практиками оперирования производством символических форм.

Исходя из этого, современные технологии символизации городского прошлого можно рассматривать как практики городской коммеморации, конструирующие коллективные смыслы путем актуализации фрагментов культурной памяти города. Подобные технологии задают рамку актуальности смыслов городской реальности для горожан, которые выражены в виде знаков, нарративов, образов, а их репертуар транслирует публичный ответ на вопрос «что помнить» и «как помнить». Важно отметить, что в целом символизация городского прошлого не только объясняет процессы настоящего или легитимирует политические действия региональных элит, но и обладает мощным социокультурным эффектом - служит консолидации городского сообщества, формируют репертуар для сопричастности горожан с городом, укрепляет городское самосознание и городскую идентичность.

Следовательно, политика памяти в этом случае может рассматриваться как процесс производства интерпретаций городского прошлого сквозь призму коммуникативных траекторий символического обмена и движения смыслов в городском пространстве. Тогда как технологии символизации городского прошлого являются определенными инструментами реализации политики памяти города, поскольку с их помощью в публичном пространстве осуществляется производство различных интерпретаций городской реальности (в том числе в рамках борьбы за власть).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31690 «Символические коды и нарративы патриотизма в национальной памяти современной России и США».

Филатова О.Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПУБЛИЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РФ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Вопросы управления с помощью информационно-коммуникационных технологий в последнее время стали одними из центральных для органов государственной власти и исследователей, занимающихся проблемами публичной политики. Исследования показывают, что непрерывное развитие интернета, и особенно – социальных сетей – увеличивает возможности государства по включению граждан в процесс принятия решений, а удовлетворение граждан от отзывчивости государства к их электронным запросам положительно коррелирует с воспринимаемой открытостью и прозрачностью правительства и доверием граждан к государственным институтам.

В конце 2019 – начале 2020 года мы провели исследование публичных коммуникаций федеральных органов власти РФ в социальных сетях. Методом сплошной выборки анализировалось содержание всех аккаунтов, ссылки на которые размещены на официальных сайтах ведомств, а также на портале Правительства РФ. Чтобы увидеть динамику изменений, полученные данные мы сравнили с итогами исследования представленности федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях, проведенного в конце 2014 – начале 2015 года проектным центром «Инфометр»²¹⁴. «Инфометр» проводил исследование среди аккаунтов исполнительной власти, поэтому мы отобрали из нашего исследования данные, касающиеся только исполнительной ветви власти федерального уровня.

Основной вывод, как мы и ожидали, приступая к сравнительному исследованию, заключается в том, что количество аккаунтов федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях за пять лет значительно выросло (рис. 1).

214. Представленность федеральных органов исполнительной власти в популярных социальных сетях. // Инфометр. – URL: http://infometer.org/analitika/foiv_smm_2014.

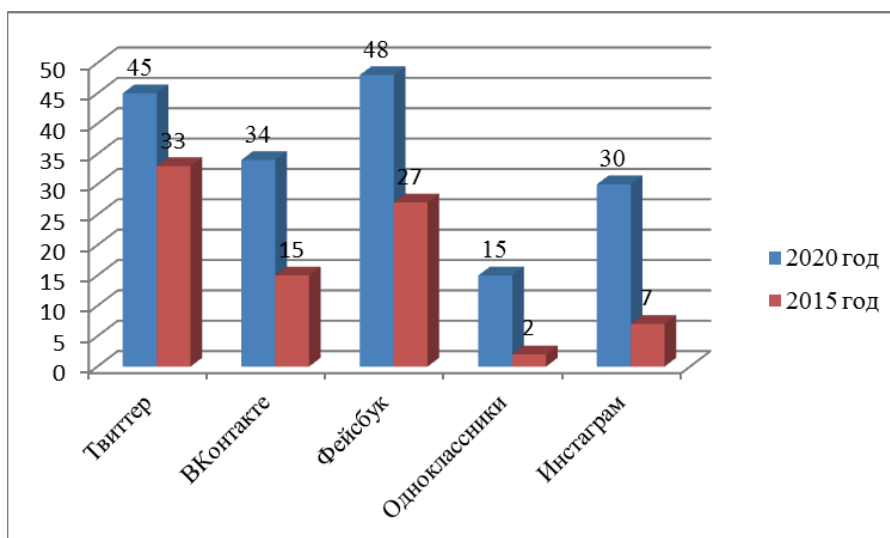

Рисунок 1. Количество аккаунтов органов исполнительной власти РФ в 2015 и 2020 гг.

Наибольшей популярностью у ФОИВ России в 2020 году пользуется Фейсбук – на его долю теперь приходится около 66 % аккаунтов. Наибольший рост продемонстрировали «Одноклассники», хотя при этом данная социальная сеть до сих пор остается наименее популярной среди исполнительной власти – ее используют лишь чуть более 20 % федеральных органов исполнительной власти. Почти в четыре с половиной раза выросло количество аккаунтов в Инстаграме, их доля составила 41 %. Больше, чем в два раза увеличилось число страниц ВКонтакте – этой социальной сетью пользуются около 47 % федеральных органов исполнительной власти. Твиттер уже в 2015 году был популярным и (при росте количества аккаунтов на треть) в 2020 году его в своей работе используют 62% федеральных органов исполнительной власти.

Очень существенно за прошедшие пять лет выросла и аудитория органов исполнительной власти в каждой социальной сети (рис. 2).

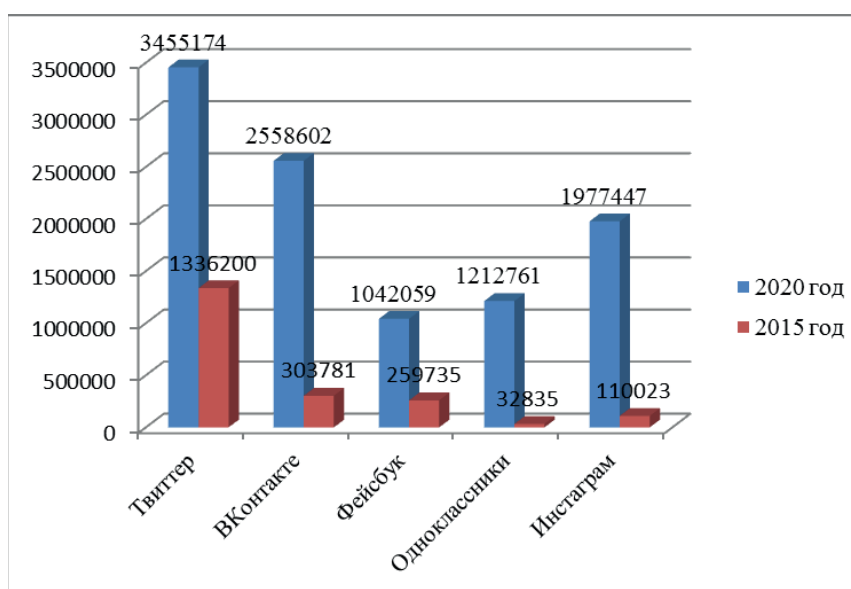

Рисунок 2. Аудитория аккаунтов органов исполнительной власти РФ в 2015 и в 2020 гг.

Эксперты компании «Инфометр» сделали вывод, что, несмотря на то, что часть ФОИВ представлена в социальных сетях, процесс их освоения в 2015 году находился на первоначальном этапе.

Наше исследование спустя 5 лет показало, что федеральные органы власти, конечно, уже вполне освоили социальные сети. Помимо того, что значительно выросло количество зарегистрированных страниц в разных социальных сетях, нельзя отрицать, что российские министерства и ведомства

постепенно совершенствуют информационное наполнение своих аккаунтов. И особенно это касается исполнительной ветви власти. Однако эти изменения носят скорее косметический, нежели содержательный характер, а наличие у государственного органа власти аккаунта в социальной сети еще не говорит об эффективном использовании данного инструмента публичной коммуникации.

Содержательный анализ показал, что на данном этапе ведение аккаунтов в социальных сетях федеральными органами власти является по-прежнему скорее атрибутивным и имиджевым, нежели представляет собой действующий коммуникативный инструмент. Все представительства больше напоминают сокращённые пресс-центры, причем материал размещается практически без учета специфики аудитории разных социальных сетей. В связи с низкой активностью аудитории большая часть ведомств не может эффективно использовать все возможности социальных сетей для коммуникации с общественностью. Отсутствие обратной связи со стороны ведомств в комментариях также сильно тормозит этот процесс.

Таким образом, хотя в 2020 году заметно повышение информационной прозрачности власти и расширение общения государственных институтов с гражданами, тем не менее, существующие возможности современных онлайн-платформ практически не принимаются во внимание органами власти. Необходимо и дальше проводить исследования в данном направлении, они позволяют определить проблемы и выявить направления работы для специалистов по коммуникациям в органах власти.

Исследование осуществляется при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00360.

Филиппов С.И. (Новосибирск, НГУ)

ПРИЧИНЫ ПЕРЕХОДА СОВЕТСКИХ ЭЛИТ В РЯДЫ ОППОЗИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х. – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

Исследование посвящено анализу динамики лояльности национальных элит по отношению к центральной власти в позднем СССР, в частности, условий перехода представителей советского партийно-государственного аппарата в ряды оппозиции. Анализ проводится на материале сопоставления контрастных случаев: советских элит Латвии и Казахстана в их взаимоотношении с союзным центром и местным населением. Данные случаи, не смотря на, казалось бы, очевидные культурные и исторические различия, сходны друг с другом по некоторым существенным социально-демографическим, экономическим, в том числе, культурным параметрам: в обеих республиках была велика доля населения некоренной нации, как в Латвии, так и в Казахстане строились крупные предприятия общесоюзного значения, персонал которых формировался, преимущественно, за счет мигрантов из других республик, получавших разного рода льготы и преференции при переселении. Городская среда в обеих республиках в лингвистическом отношении была (а в независимом Казахстане остается до сих пор) русскоязычной. Самостоятельность партийно-советских элит обеих республик жестко ограничивалась Москвой, националистическое движение к середине 1980-х гг. оставалось крайне неразвитым. Тем не менее, оба случая демонстрируют различный уровень лояльности элит и населения по отношению к центру – относительно низкую в случае Латвии, относительно высокую – в случае Казахстана. В среде национальной советской элиты прибалтийской республики происходит достаточно типичное для того периода явление – раскол; многие ее представители переходят на сторону протеста, поддерживая идеи государственной независимости Латвии: республиканская компартия (КПЛ) в 1990 г. разделяется на «интернационалистов» и «национал-коммунистов». Независимость Латвии (в том числе, и в ходе силового противостояния с ее противниками) поддержало большинство местной милиции и прокуратуры, КГБ. В то же время, Казахстан последовательно выступал за сохранение СССР, и республика вышла из его состава последней – 10 декабря 1991 г. Почему партийные, государственные и «силовые» элиты Латвии последовательно переходили на сторону оппозиции, а сходные с ними советские национальные руководящие кадры Казахстана не поддержали националистическое и сепаратистское движение как шанс избавиться от достаточно жесткой опеки Москвы?

Для объяснения динамики лояльности элит центральной власти используется «государство-центрированная» теория этноса Р. Коллинза, разработанная в контексте широкой веберовской парадигмы. Геополитическое могущество государства на международной арене повышает престиж и притягательность доминирующего этноса, напротив, геополитическая слабость государства снижает престиж господствующей этнической общности²¹⁵. Расширение области применения данной теории на взаимодействие различных социально-политических сил (акторов) внутри государств позволяет предположить, что престиж такого рода акторов (например, сторон гражданского конфликта), в том числе и для потенциальных союзников и колеблющихся обусловлен степенью успеха в конфликте, в особенности, с применением насилия. Явный успех повышает привлекательность победителей для их социального окружения (из-за симпатий к более сильной стороне, или из-за страха перед ней), неуспех, напротив, превращает проигравшую сторону в нежелательного партнера по возможной коалиции.

Динамика лояльности национальных элит Латвии во второй половине 1980–х гг. по отношению к союзному центру (от относительно высокой к низкой), была обусловлена успехами протестного движения, в том числе, и в силовом противостоянии с его противниками («Дни баррикад» в январе 1991 г.). Широкую социальную поддержку протестного движения обеспечила антимиграционная идеологическая альтернатива официальной интернационалистской доктрине, обладающая высокой привлекательностью для самых разных социальных и этнических групп населения Латвии.

Относительно высокая степень лояльности национальных советских элит Казахстана союзному центру вплоть до распада СССР объясняется эффективным подавлением протестных выступлений в декабре 1986 г., что послужило поводом для инициированных Москвой чисток национального партийно-государственного аппарата республики. Относительно низкая поддержка протестного движения, объясняется отсутствием объединяющей идеологической альтернативы, а также восприятием протестных акций, социальной базой которых было, преимущественно, студенческая молодежь, местным населением в логике бытовых территориально-этнических конфликтов.

Филиппова Е.Ю. (Санкт-Петербург, ЕУСПб)

СОДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ МЕНЬШИНСТВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РФ: КРОССРЕГИОНАЛЬНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Языковая политика (language policy), понимаемая как определённый политический курс, «опирающийся на процедуры принятия решений, которые регулируют весь круг связанных с применением языка вопросов» (Мухарьямов, 2017), предполагает формирование корпуса нормативных документов. Среди таких нормативных документов в контексте правовой системы Российской Федерации – государственные программы, содержательно связанные со сферой стратегического планирования. Стратегический характер государственных программ определяет их связанность с вопросами, приоритетными для политики в перспективе того срока, на который принимается программа. Вопросы языковой политики находят отражение в текстах государственных программ по трём направлениям: в сфере образования, в сфере реализации государственной национальной политики и, в ряде случаев, в сфере языковой политики как самостоятельного направления.

Кроссрегиональный сравнительный анализ содержания государственных программ в сфере политики в отношении языковых меньшинств в полиэтнических регионах РФ позволяет определить степень представленности разных языков в текстах программ. Для определения степени представленности был создан специальный тематический закодированный раздел в рамках базы данных «Языковая политика в полиэтнических регионах РФ» (проект РФФИ «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» 18-011-00763 А), что определило возможность проведения кроссрегионального сравнительного анализа содержания этих программ.

215. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. С. 153-159.

Проведённый анализ показал, что упоминание языкового компонента в текстах государственных программ в сфере политики в отношении языковых меньшинств – скорее исключение из правил, чем правило. При этом языки титульных этнических групп, проживающих в российских «национальных республиках», демонстрируют наибольшую степень включённости в тексты государственных программ. Кроме того, наличие в регионах отдельных государственных программ, направленных на сохранение, развитие, изучение языков региона, в кроссрегиональном измерении является редкостью, актуальной для нескольких субъектов РФ.

Кроме этого, анализ динамики государственных программ демонстрирует наличие изменений в кросстемпоральной перспективе. Так, например, в Республике Башкортостан в 2018 году была утверждена государственная программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан», также в 2018 году – региональная языковая программа в Республике Коми. Отдельные кросстемпоральные изменения проявляют себя и в части содержания государственных программ: например, раздел 15 «Развитие системы национального образования», где упоминались практически все региональные языки меньшинств, после 2017 года был исключен из текста государственной программы по образованию, принятой в Республике Татарстан. Обнаружение таких точечных, но тематически значимых изменений, связанных с государственными программами, выступает, по-видимому, индикатором некоторой степени подвижности их содержания.

Исследование реализовано в рамках научного проекта РФФИ «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» 18-011-00763 А (рук. Борисова Н.В.).

Филиппова Л.Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ПОЛИТИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА

Классическое понимание политической активности граждан как «краеугольного камня» демократии неоднократно подвергалось переосмыслению в отечественной и зарубежной политической науке, не утрачивая, однако, своей актуальности. Накоплен значительный массив исследований форм и моделей политической активности в государствах с устоявшимися современными (демократическими) институтами. В последние десятилетия XX в. в фокусе внимания исследователей оказался процесс снижения уровня политической активности в «старых» демократиях. Этот процесс объяснялся как усиливающейся технократизацией и маркетизацией политики, так и обострением экономического неравенства и последующим ростом осуществляющегося вне публичных институтов политического влияния узких кругов экономических элит. Одним из инструментов описания процесса вытеснения из политики «рядовых» граждан стал концепт деполитизации. В XXI в. для анализа новых форм массовой политической активности (а также реактуализации «старых» форм, прежде всего, массовых протестных демонстраций) применяется концепт реполитизации.

Исследований, посвященных политической активности в «новых» демократиях и в т. н. гибридных режимах, также немало, однако значительная их часть остается в рамках традиционных представлений об активности граждан как необходимом условии обеспечения политической стабильности, оставляя без внимания вопрос о функциональности существующей институциональной среды активности. Так, в России, на наш взгляд, сложившаяся институциональная структура и доминирующий дискурс не только не стимулируют политическую активность, но систематически блокируют ее. В результате наблюдается сочетание целенаправленной и спонтанной деполитизации: с одной стороны, власти рассматривают любую активность как потенциальную угрозу стабильности режима и стремятся канализировать ее в некую «общественно-полезную» деятельность, а с другой стороны, сами активисты всячески дистанцируются от политики, предпочитая обозначать свои действия как «общественную» или «гражданскую» активность.

В предлагаемом докладе анализируется значение политизации как фактора формирования современных политических практик, а также рассматриваются возможные критерии оценки уровня политизации и политической вовлеченности российских граждан.

Следуя логике К. Хейя (См.: Hay C. *Why We Hate Politics*. Cambridge: Polity Press, 2007), мы рассматриваем политизацию как процесс расширения возможностей влияния граждан на принятие решений по вопросам, касающимся их социального существования. Необходимым «отправным пунктом» этого процесса является осознание гражданином того, что та или иная социальная проблема не относится к «сфере неизбежного», т. е. принципиально не поддающегося воздействию самого гражданина. Следующим этапом должно стать осознание проблемы как имеющей политический характер — т. е. 1) релевантной не только интересам отдельного человека, но и общественным интересам (другими словами, имеющей отношение к общему благу), 2) являющейся предметом выбора, 3) имеющей потенциал формирования размежеваний. Если эти трансформации в сознании гражданина сопровождаются поиском способов политического решения проблемы, мы можем говорить о формировании политической вовлеченности, которая не сводится к простому участию, но является комбинацией ментальных характеристик (эмоциональная вовлеченность) и деятельностных характеристик (актуальная активность, освоение и воспроизводство политических практик).

Очевидно, что такие показатели, как, например, уровень электоральной активности и численность членов официально зарегистрированных партий, не позволяют делать выводы о том, насколько политизированы (или деполитизированы) российские граждане. Представляется, что анализ ментальных компонентов политизации (в том числе, представлений граждан о состоянии политической сферы и о своем месте в ней, о своих гражданских правах и обязанностях и возможностях их реализации) может быть более информативным с точки зрения оценки актуального уровня политической вовлеченности россиян и прогнозирования ее дальнейшего развития, а следовательно, и формирования новых политических практик.

При поддержке гранта РФФИ 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

Фокин И.А. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОВЫШЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ (ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ)

Важнейшим фактором национального, глобального развития становится установление и устойчивое функционирование систем обратной связи между элитами и обычными гражданами. Главным полем, где такая связь может функционировать является публичная политика. В нашем исследовании под публичной политикой мы будем понимать сферу коллективного решения проблем, в котором особую важность приобретает не обеспечение доминирования, а «вовлечение других акторов» в совместное решение общих проблем (Беляева, 2011, с. 72-87). В этом контексте, любая краудсорсинговая кампания, приводящаяся гражданскими объединениями или политическими силами, может рассматриваться не только как механизм достижения узкокорпоративных целей ее инициаторов, а и как важный механизм вовлечения граждан в решение тех или иных общественных, политических вопросов. По всему миру краудсорсинговые кампании становятся излюбленным механизмом вовлечения значительного числа людей в хозяйственные, политические, социальные процессы, что позволяет значительно повысить субъектность гражданского общества как феномена эмерджентного, то есть возникающего не в строгих организационных структурах, а по случаю. Не является исключением в этом смысле и наша страна, Россия.

В последние годы краудсорсинг становится неотъемлемой частью гражданских и политических кампаний в регионах России. Жители регионов активно заявляют о себе как о субъекте общественно-политической жизни, не желая или не имея возможности требовать ресурсы у государства или органов местного самоуправления. В рамках реализации исследовательского проекта мы обратились к анализу 40 различных феноменов жизни сообществ в различных регионах страны. Феноменами мы такую активность назвали потому, как их сложно классифицировать единым понятием: это и создание социально-культурных пространств в отдельных городах; и проведение благотворительных акций, и «политический убер» для поддержки внесистемных кандидатов на местных выборах. Такие феномены мы разделили на: пространства, события, платформы, движения (Фокин, 2020). Среди громадного числа видов краудсорсинга в среде отечественного гражданского общества чаще всего используется привлечение денег на реализацию проекта, привлечение волонтеров для выполнения тех или иных работ, привлечение идей и иных неденежных ресурсов по развитию проекта.

В целом необходимо отметить, что краудсорсинговые инструменты в значительной мере делают гражданское общество более независимым от воли государственного или местного руководства. В то же время, повышается общая зависимость гражданских инициатив от краудфандинговых платформ, социальных сетей, возрастает зависимость от медиа как традиционных, так и новых. Кроме того, значительным препятствием в развитии гражданских инициатив на основе краудсорсинговых инструментов оказывается недостаточный уровень знаний значительной части населения в этой сфере. Кроме того, необходимо осознавать то, что несмотря на всю кажущуюся привлекательность краудсорсинга как формы кооперации людей, тем не менее, зависимость граждан от различных видов крауд-платформ создает для других субъектов публичной политики широкие возможности управления гражданской и политической активности широких слоев общества. Поэтому, как бы не был привлекателен краудсорсинг на основе интернет-технологий, необходимо не забывать и про традиционные формы гражданской кооперации.

Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-32233\20.

Литература

1. Беляева Н. Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 72-87.
2. Фокин И. Краудсорсинговые кампании в гражданской активности. Регионы России // Academia.edu. – 2020.09.26. – URL: <https://clck.ru/R6hGX>

Фролов А.А., Барский Я.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает значительное влияние на формы и характер взаимодействия людей в общественно-политическом процессе. Результаты исследования ВЦИОМ показывают высокий уровень вхождения сети Интернет в практики россиян – более 82% граждан подключены к Всемирной паутине, а 71% используют Интернет на регулярной основе. Одновременно с этим можно говорить об увеличении количества пользователей мобильного Интернета, а также росте значимости кроссплатформенных мессенджеров в качестве основного средства электронной коммуникации. Отталкиваясь от этой информации можно сделать вывод, что информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью как бытовых, так и общественно-политических практик россиян.

С методологической точки зрения взаимосвязь развития информационно-коммуникационных технологий и роста гражданской активности, в том числе акций гражданского протеста, объясняется с помощью теории коллективного действия, теории коллективной идентичности и теории относительной

депривации. Внедрение интернет-технологий способствует уменьшению транзакционных издержек участников коллективного действия, что является базовым условием активизации гражданской активности. Также стоит отметить, что внутри цифровой среды, в сообществах пользователей в социальных сетях и каналах в кроссплатформенных мессенджерах формируется индивидуальная и коллективная идентичность, на основе которой пользователи идентифицируют себя в качестве гражданских активистов и сторонников общественно-политической кампании, что является другим основополагающим условием активизации гражданской активности. Использование электронных средств коммуникации обеспечивает быстрое распространение информации, которая способствует формированию у интернет-пользователей представлений об общественно-политической действительности, что содействует проявлению феномена относительной депривации и также является условием для активизации гражданской активности.

Web-технологии прошли большой путь развития: от публикации информации в однонаправленной среде на первоначальном этапе к совокупности различных (в том числе, интерактивных) технологий с использованием искусственного интеллекта. На современном этапе развития web-технологии способствуют кооперации ресурсов интернет-пользователей, что формирует необходимые технические условия для проявления гражданской активности в цифровой среде.

Цифровые технологии оказывают существенное влияние на порядок и характер общественных отношений, что позволяет изучать общественные процессы сквозь призму теорий постинформационного и сетевого общества. Также необходимо отметить основные механизмы влияния на общественные отношения постинформационного общества: цифровую стигматизацию – наделения отдельных индивидов или социальных групп чертами девиантного поведения и киберсимуляции – использования виртуальных аккаунтов в целях искажения ключевых общественно значимых характеристик общественно-политического явления.

Интернет-ресурсы активно используются акторами гражданской активности для мобилизации различных групп к коллективным действиям, созданию контента и его распространения среди сторонников гражданских кампаний, контроля и координации действий. Основные инструменты организации гражданской активности в Интернете можно разделить на неинституционализованные (кроссплатформенные мессенджеры, социальные сети) и институционализованные формы (ресурсы для подписания онлайн петиций, краудсорсинговые площадки).

Резюмируя вышесказанное отметим, что информационно-коммуникационные технологии прочно вошли в привычные практики россиян и оказывают существенное влияние на общественные отношения, складывающиеся как в онлайн, так и в офлайн среде. Методология исследования гражданской активности объясняет взаимосвязь между развитием информационно-коммуникационных технологий и ростом гражданской активности. Также изучение общественно-политических процессов сквозь призму теорий постинформационного и сетевого общества объясняет актуальные проявления гражданской активности в современной России.

Доклад подготовлен в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

Фролов А.А., Миронова С.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РЕАЛЬНОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОТЕСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТОВ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В условиях роста количества пользователей Интернета и всё большего проникновения социальных сетей в повседневную жизнь граждан, изменениям подвергается система коммуникации и межличностных взаимодействий. Социальные сети, их интерфейс и возможности способствуют изменениям видов, форм, способов выражения гражданской, в том числе, протестной активности. Переходя

в онлайн-среду, протест приобретает новые, отличные признаки, позволяющие идентифицировать его как виртуальный протест, под которым понимается использование социальных сетей с целью выражения протестного настроения пользователями, посредством написания постов, оставления комментариев, лайков, репостов, просмотров или иных онлайн-реакций. Категорию «виртуальный протест» отличает невозможность его перехода в офлайн-среду и его реализация исключительно с помощью возможностей Интернета и коммуникативных онлайн-площадок.

В то же время, под понятием «реальный протест» авторы понимают выражение протестных настроений в традиционной форме, то есть в офлайн-среде через традиционные публичные акции: митинги, демонстрации, пикеты, шествия, и иные нестандартные формы: флешмобы, хепенинги и др.

Основное отличие реального и виртуального видов протестов состоит в роли социальных сетей и мессенджеров в их реализации. В первом случае – социальная сеть является вспомогательным инструментом и обычно используется в качестве одного из каналов получения и обмена информацией. Во втором – социальная сеть и иные онлайн сервисы являются исключительным средством выражения протестных настроений.

Выработка и установление характеристик виртуального протеста, роли и функций социальных сетей и мессенджеров в его реализации, в дальнейшем будет способствовать разработке алгоритма действий для быстрого привлечения внимания к проблеме и обеспечения оптимального взаимодействия между заинтересованными сторонами.

В рамках изучения темы и с целью определения особенностей виртуального протеста, авторами проведено исследование с применением политологического инструментария, в частности, методов сетевого анализа, event-анализа и case-study. Сбор данных производился в социальной сети «ВКонтакте» по реальным и виртуальным протестам, прошедшим в Ярославской области в период 2019 – 2020 годов. В результате были определены ряд следующих тенденций.

Виртуальный протест имеет более обширную сеть распространения информации, охватывая, в основном публичные сообщества, т.е. группы «ВКонтакте», не фиксирующиеся на одной теме/проблеме, идентифицирующие пользователя, в основном, по территориальному, демографическому или иному признаку, свойственному широкой социальной группе.

Публикации о реальном протесте также присутствуют в публичных сообществах, но интенсивность их размещения значительно ниже, а зачастую такие посты являются лишь репостом на основную – тематическую группу по проблеме. Если говорить о комментариях, то в виртуальном протесте значительно больше отмечается критики действий власти, популистских высказываний и выражений, направленных на неконструктивное обсуждение вопросов и проблем. Обсуждение сторонних вопросов, никак не связанных с понимаемой проблемой в посте, наиболее характерно при обсуждении проблемы в публичных/открытых сообществах, нежели в закрытых/тематических группах, что объясняется модерированием закрытых сообществ активистами/организаторами протеста и целенаправленностью существования группы в социальной сети.

Продолжая рассмотрение протестов методами case-study и event-анализ, предлагается классифицировать размещаемые посты в зависимости от темы главной мысли и выявить динамику их публикации в реальном и виртуальном протесте. Так, виртуальному протесту наиболее характерны записи, критикующие власть и информационные посты, а реальному протесту свойственны публикации, мобилизующие на реальный протест и представляющие результаты протестных акций. Публикации размещаются с высокой интенсивностью, но, обычно, непродолжительный период в онлайн – протесте. В то время как реальный протест – продолжительный по времени и менее динамичный по количеству публикаций, что объясняется характером постов, инфоповодами для которых, чаще всего, служат призывы на участие в реальных формах протестах, либо обсуждение уже прошедших реальных протестов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346 «Специфика формирования и динамика трансформации повесток сетевых протестных сообществах в современной России»

Фролова Ю.Н. (Санкт-Петербург, РГПУ им.А.И.Герцена)

ОБРАЗЫ МОЛОДОСТИ И СТАРОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ИСПАНСКИХ ПАРТИЙ

Проблема «отцов» и «детей», противопоставление понятий «молодости» и «старости» широко обсуждается в ряде социальных наук, и в том числе становится предметом исследования в политологии. Фактор возраста политических акторов может служить в качестве аргумента в политической борьбе, когда условные «дети» и «стариками» используются как для создания образа врага, так и для создания образа друга. В таком контексте возрастная составляющая представляет собой не некий объективный критерий, а набор определенных возрастных стереотипов, зачастую сформированных под конкретную задачу и обладающих характеристиками упрощенности и эмоциональной окрашенности. Дискурс возраста является одним из инструментов проведения электоральных кампаний, однако то, как именно возраст кандидата влияет на возможный успех выборов зависит от политического контекста, индивидуальных особенностей электората и конкретной политической партии²¹⁶.

Одним из показательных примеров использования дискурса возраста стал период внеочередных парламентских выборов в Испании в 2019 году. Этот год принес в политическую жизнь Испании значительное количество изменений, которые продемонстрировали кризис сложившейся двухпартийной системы. На протяжении последних избирательных циклов ни одна партия не смогла получить абсолютное большинство в Конгрессе депутатов, что привело к невозможности сформировать коалиционное правительство.

Ключевые политические лидеры Испании моложе, чем в других странах ЕС (средний возраст примерно 40 лет, при этом средний возраст лидеров Евросоюза составляет около 50 лет). Подобная поддержка молодых политиков стала одним из результатов запроса на изменения, который сформировался в испанском обществе из-за невозможности прежних лидеров решить накопившиеся проблемы. Таким образом, «молодость» кандидата становится дополнительной положительной характеристикой, тогда как «старый» кандидат представляется как «застрявший в прошлом».

Были изучены выступления представителей основных парламентских партий (Partido Popular, PSOE, Ciudadanos) в период внеочередных выборов и выявлен ряд сходств и различий в использовании риторики возраста. Основным сходством является четкое разделение: «старый» противник против «молодого» кандидата от партии. Несколько выделяются здесь Ciudadanos, которые описывают своего оппонента от Partido Popular (самого молодого среди указанных) как «молодого старика», противопоставляя факт биологического возраста его политическим взглядам (привязан к прошлым идеям).

Социалистическая PSOE говорит о своих основных противниках – Partido Popular – как о стариках, представляющих собой лишь откат в прошлое. Молодежь (*emancipacion juvenes*²¹⁷) – один из ключевых пунктов программы социалистов. Через термины возраста формируется образ социалистической партии: прогрессивная и самая молодая в Европе несмотря на свою длительную историю. Здесь опять мы видим противопоставление фактического возраста партии ее идейной молодости.

Ciudadanos к характеристике «молодости» добавляют также характеристику «опыта»: «молодой, талантливый и подготовленный» или «группа молодых, но опытных».

Дискурс возраста применяется не только по отношению к оппонентам/союзникам, но и к самой политической системе Испании: старая двухпартийная система, нуждающаяся в изменениях, старый автономизм, старый социализм. Европа в целом характеризуется как старый континент (и здесь речь именно не о существующем устойчивом словосочетании, а о «старости» как политической характеристике).

Таким образом, тема возраста и поколений представляет собой политический конструкт, не имеющий ничего общего с биологическими или историческими характеристиками возраста кандидата или партии.

216. Webster, S.W., Pierce, A.W. Older, Younger, or More Similar? The Use of Age as a Voting Heuristic Social Science Quarterly 2019. 100(3), pp. 635-652

217. Programa electoral PSOE. Elecciones generales 2019. URL: <https://www.psoe.es/media-content/2019/04/PSOE-programa-electoral-elecciones-generales-28-de-abril-de-2019.pdf>

Харитоновна О.Г. (Москва, МГИМО МИД России)

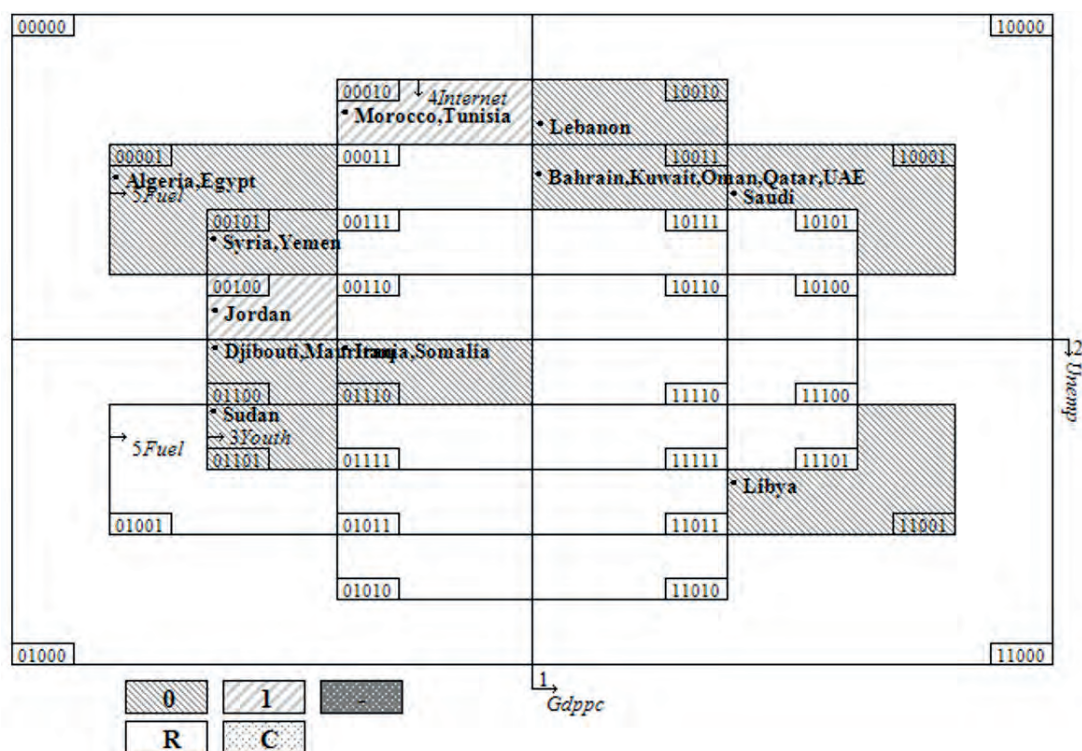
«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В СВЕТЕ ТЕОРИЙ РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КСА

В арабском мире сокращается число успешных попыток переворотов, все меньше становится военных режимов, и все большее число диктатур распадаются вследствие оппозиционных движений «снизу», получающих легитимацию благодаря широкой поддержке населения. Однако не все подобные свержения режимов являются революциями в классическом понимании, поэтому исследователи говорят о «революциях с прилагательными» как подтипах революций. Революции являются редкими событиями, поэтому при проведении количественных исследований на выборке всех стран мира бинарная зависимая переменная «революция» будет иметь несбалансированные категории. Это вынуждает исследователей усекать концепт революции и объединять их с другими событиями, например с распадами авторитаризма или демократизацией. Анализируя события «арабской весны», некоторые авторы говорят об очередной волне демократизации, концептуализируя волну отлично от классического определения С.Хантингтона.

Региональные исследования протестных действий на уровне стран будут иметь малое число наблюдений, поэтому для преодоления проблем количественных исследований на небольшой выборке некоторые авторы используют смешанный метод — качественный (конфигурационный) сравнительный анализ (КСА), который не является количественным, хотя и оперирует количественными данными. Цель данного метода — выделить сочетания необходимых и достаточных условий изучаемого результата для выявления сходств и различий между кейсами.

Многие авторы используют метод КСА нечетких множеств для анализа событий «арабской весны». Так, Ф. Говард и М. Гуссейн выделили четыре конфигурации необходимых и достаточных условий (Hussain M.M., Howard P.N. What Best Explains Successful Protest Cascades? ICTs and the Fuzzy Causes of the Arab Spring // *International Studies Review*. 2013. Vol. 15. N.1. P. 48–66). Половина результатов в выборке объяснялась сочетанием 4 факторов: относительно слабого авторитаризма, несырьевой экономики, высоким уровнем безработицы и развитием мобильной связи. Три сочетания включали один признак – несырьевую экономику – в сочетании с социально-экономическими факторами, в том числе безработицей или неравенством. Авторы пришли к выводу, что главным объясняющим фактором провала протестов стала ресурсная экономика. Другие социально-экономические факторы также были ранее выделены для объяснения нестабильности, вооруженных конфликтов и распада авторитарных режимов, поэтому новизна использования метода КСА заключается лишь в выделении нескольких конфигураций переменных на основе коэффициента соответствия. И если в количественном анализе взаимодействие между переменными можно представить в виде дополнительной переменной со своим значимым или незначимым коэффициентом, в КСА статистическая значимость отсутствует, и исследователь не может исключить вероятность случайного результата.

При использовании КСА наиболее отчетливо проявляется проблема субъективного выбора исследователя. В целях наглядности проанализируем данные Гуссена-Говарда с помощью КСА четких множеств. Возьмем 5 дихотомических условий успеха «арабской весны» из рассмотренных выше моделей (нефть, безработица, ВВП, интернет и молодежный бугор), успешными будем считать Иорданию, Марокко и Тунис. Пять выбранных условий дают 32 возможных сочетания переменных, однако в реальности большинство из них либо невозможны, либо не наблюдаются, хотя возможны с теоретической точки зрения — так называемые логически возможные сочетания. В результате анализа (рисунок) можно выделить две конфигурации для успеха, девять конфигураций для провала и двадцать одну логически возможную, но нереальную конфигурацию, причем пять реальных конфигураций представлены одним примером каждая.

Источник: составлено автором на основе перекодирования данных Говарда-Гуссейна [Hussain and Howard].

Рисунок. Диаграмма Венна (успех «арабской весны» как зависимая переменная)

Анализ демонстрирует, что главной проблемой КСА является получение ложных положительных результатов, так как исследователи рассматривают множество возможных сочетаний переменных, исключая наиболее противоречивые. Процедуры КСА, связанные с перекодированием переменных, изменением критериев результата и незначительным расширением выборки, могут привести к диаметрально противоположным результатам.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922А «Арабское государство после «арабской весны»: траектории и динамика политических трансформаций».

Харкевич М.В. (Москва, МГИМО МИД России)

АПРОПРИАЦИЯ КОРОНАВИРУСА КОНКУРИРУЮЩИМИ ДИСКУРСАМИ МАКРОСЕКЬЮРИТИЗАЦИИ: «КОНКУРЕНЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» ИЛИ «ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА»?

Копенгагенская школа секьюритизации получила дальнейшее развитие в статье 2009 г., в которой Бузан и Уэвер (Buzan, B., & Wæver, O. (2009). Macrosecuritisation and security constellations: reconsidering scale in securitisation theory. *Review of international studies*, 253-276) утверждали, что угрозы международной безопасности не существуют изолированно друг от друга, они формируют констелляции, между угрозами существует иерархия с точки зрения широты аудитории и универсальности проблематики. Существуют нишевые угрозы на разных уровнях мировой политики, которые волнуют соответствующую им аудиторию, но возникают и универсальные по проблеме и охвату аудитории угрозы, которые формируются и поддерживаются дискурсами макросекьюритизации (новый термин, предложенный

Бузаном и Уэвером). Они иерархически выше остальных дискурсов и оказывают формирующее влияние на них в том смысле, что нижестоящие по уровню или универсальности дискурсы выражаются в терминах дискурсов макросекьюритизации. Например, в Средние века в Европе роль макросекьюритизации играли крестовые походы, в период холодной войны – противостояние СССР и США, в начале 2000х гг. – война против терроризма. Бузан и Уэвер предположили, что в 2009 г. роль макросекьюритизации начинает играть изменение климата. Однако, документы ведущих стран мира, связанные с национальной и международной безопасностью, фиксируют сегодня альтернативный макросекьюритизирующий дискурс – возвращение конкуренции между великими державами (National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. 2018. <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>; Военная доктрина Российской Федерации (в редакции от 2015 г.) https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/976907).

Возникает вопрос – каким из этих двух конкурирующих дискурсов макросекьюритизации формируется пандемия covid-19, великодержавным или зелёным? Какая великая держава станет победителем коронавируса и в результате усилится относительно своих конкурентов или как использовать ситуацию пандемии, чтобы ускорить экономические реформы, внедрение новых зелёных технологий и жизненных стилей, чтобы снизить темпы изменения климата и уменьшить негативные последствия этого процесса? От результатов этой конкуренции зависят и выбор подходов к борьбе с пандемией и её результаты. Зелёные ратуют за новую нормальность – больше удалённой работы, меньше потребления, «экономика счастья» (Banerjee, A., Duflo, E., & Pulpaka, S. (2019). Good Economics for Hard Times. PublicAffairs.) в противовес экономике потребления. Такая нормальность, вызванная к жизни пандемией, полезна с точки зрения снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду. Великодержавники ратуют за возвращение к прежней жизни, но с новым раскладом сил между великими державами. Ключевое значение для великодержавников приобретает война за вакцину. Ключевое значение для зелёных приобретает распространение и глубокое внедрение ценности личного ответственного поведения, заботы об окружающих.

Представляется, что с точки зрения борьбы с коронавирусом и повышения готовности к неизбежным будущим пандемиям подход зелёных выглядит более эффективным. С другой стороны, стремление большей части населения мира вернуться к прежней нормальности делает позицию великодержавников более привлекательной и с электоральной, и с психологической точки зрения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109»

Харкевич М.В. (Москва, МГИМО МИД России)

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СТИМУЛИРУЕТ, НО НЕ ДЕМОКРАТИЗИРУЕТ ГЛОБАЛИЗАЦИЮ

Согласившись с тем, что история мировой политики – это история волнообразного развития трёх мегатрендов – глобализации, интеграции и демократизации – настало время задуматься о взаимосвязи между ними. В частности, наблюдая текущий откат третьей волны демократизации, возникает вопрос, влияет ли она на глобализацию и если да, то положительно или отрицательно? В этом вопросе можно выделить два аспекта, связанные с различными сторонами демократизации – демократизация как увеличение количества демократий и демократизация как усиление демократической подотчётности.

Современные исследования показывают, что демократизация как увеличение демократий оказывает положительное влияние на глобализацию²¹⁸. Капитал положительно реагирует на укрепление безопасности права собственности, которое, как правило, лучше обеспечивается в демократиях. При

218. Milner, H. V., & Mukherjee, B. (2009). Democratization and economic globalization. *Annual Review of Political Science*, 12, 163-181.

этом глобализация, понимаемая как увеличение открытости национальных рынков, оказывает скорее негативное влияние на демократизацию, увеличивая социально-экономическое неравенство внутри государств²¹⁹. С другой стороны, исследования показывают, что демократизация скорее приводит к либерализации национальных рынков, особенно под давлением образованного среднего класса, доходы которого скорее вырастают от экономической либерализации. Исследования показывают также, что демократизация, понимаемая как демократическая подотчётность, практически невозможна на региональном и глобальном уровнях, поэтому регионализация и глобализация развиваются без демократического контроля²²⁰. Существуют даже исследования, в которых утверждается, что ослабление демократического контроля над рынком и есть основная цель так называемых глобалистов²²¹. Статистика в свою очередь показывает, что волны демократизации практически не совпадают с волнами глобализации, за исключением третьей волны демократизации и третьей волны глобализации, которые совпали.

В целом, из представленных рассуждений можно сделать три вывода. Первый – глобализация привлекает пользу от увеличения числа демократий в мире, при этом избегает демократический контроль. Второй – волны демократизации никак не влияют на усиление или снижение демократического контроля над глобализацией и регионализацией. Третий – волны демократизации влияют на увеличение открытости или закрытости национальных рынков перед глобальным рынком.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31168

Хахалкина Е.В. (Томск, НИ ТГУ)

«УНИВЕРСИТЕТСКИЙ» VERSUS «УМНЫЙ» ГОРОД В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА И ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Пандемия коронавируса на неопределенное время затмила другие насущные вопросы из внутри- и внешнеполитической повестки стран ключевых мира. К таковым относится долгое время занимавший лидирующие строчки в топ-пятерке актуальных международных проблем Брекзит или выход Великобритании из состава Европейского союза, состоявшийся 31 января 2020 г., незадолго до введения ВОЗ 11 марта пандемии нового типа инфекции.

Примечательным выглядит тот факт, что два этих события оказались тесно связаны между собой: и то, и другое явления связаны с ограничениями на свободу передвижения людей. Первое угрожает в перспективе восстановлением границ между Соединенным Королевством и странами ЕС, второе уже резко снизило мобильность людей по всему миру. В особо сложной ситуации оказались мировые системы образования, формат обучения во всех звеньях которых был переведен на дистанционный режим. Нормализация обстановки и постепенное смягчение введенных запретов на мобильность ставит вопросы о том, как справились университеты с возникшим вызовом, как изменилась их философия в отношении форм обучения и развития кампусной логистики.

Эти вопросы тесно связаны с вопросами о будущем городов. Университеты играют заметную роль в жизни города, создавая вокруг себя развитую инфраструктуру, обеспечивая подготовку высококвалифицированных кадров и усиливая взаимодействие между бизнесом и властью. В последние годы большой популярностью пользуется концепция университетских городов, их влияния на экономику и общее развитие окружающего пространства. Хотя наличие университета или университетов еще не делает город «университетским»; среди его критериев называют соотношение студентов и общей численности населения, реальный вклад университетов в развитие города и другие характеристики.

219. Acemoglu D, Robinson JA. (2006). Economic Origins of Dictatorship and Democracy. New York: Cambridge University Press

220. Grant, R. W., & Keohane, R. O. (2005). Accountability and abuses of power in world politics. American political science review, 29-43.

221. Slobodian, Q. (2020). Globalists: The end of empire and the birth of neoliberalism. Harvard University Press.

Концепция университетского города идет рука об руку с теориями об «умном городе» (smart city), возникшим как реакция на процессы цифровизации повседневной жизни, появление «больших данных» и развитие искусственного интеллекта (ИИ). Согласно одному из исследований, к 2040 г. города Британии станут «умнее», и не потому, что они будут использовать более сложные технологии, а потому, что они улучшат человеческий опыт городской жизни²²².

Эксперты видят прямую связь между «университетским» и «умным» городом. Университетский городок или кампус, как правило, имеет собственные дороги, магазины, жилые районы, банки и транспортное сообщение. Ежедневно его могут посещать десятки тысяч человек. По сути, это крошечный город, который в ряде стран все больше и больше выбирает быть «умным городом». Например, Университет Глазго, Шотландия, с 2016 г. работает над стратегией внедрения умных технологий в кампус по мере его расширения. Концепция включает в себя технологии ИИ в кампусе, автобусную службу и центр обработки данных, работающий на возобновляемых источниках энергии²²³. Цифровизация и «большие данные» выступают движущей силой и в Ноттингемском университете, Англия. Большие данные помогают руководству университета понять, как используется физическое пространство кампуса, и соответствующим образом скорректировать планирование²²⁴.

«Большие данные» вызывают все больший интерес у политиков: например, в недавнем выступлении канцлера Великобритании Дж. Осборна они были выделены как одно из основных средств повышения эффективности предоставления государственных услуг²²⁵. Инновации дают большой маневр для деятельности местных органов власти, которые обладают большей гибкостью и возможностями для экспериментов с целью улучшения предоставления услуг без увеличения бюджетов.

Внедрение умных технологий в инфраструктуру городов и университетских кампусов – это одна сторона вопроса. Другая – на фоне Брексита и пандемии – связана с динамикой приема абитуриентов в британские ВУЗы из стран ЕС. После референдума о Брексите существовало опасение, что произойдет резкое падение заявлений из других стран Евросоюза, однако прогнозы не оправдались²²⁶. Не исключено, что такая угроза станет реальностью после окончания переходного периода – 31 декабря 2020 г.

Таким образом, два процесса, наложившиеся друг на друга, Brexit и коронавирус, создали как риски, так и новые возможности для трансформации университетских городов, подстегнув в них процессы более активного внедрения ИИ и более крепкой связки «университет-город» для решения взаимных задач и преодоления существующих проблем.

Выполнено в рамках работ по гранту РФФИ «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России»

Храмова Е.В. (Казань, К(П)ФУ)

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: СОДЕРЖАНИЕ, ЭФФЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ

Современная социально-политическая ситуация в России обуславливает актуальность исследования региональных процессов, ведущих к формированию общественной напряженности. Основной целью таких исследований, как правило, ставится прогнозирование развития ситуации напряженности в контексте перерастания ее в социальные конфликты различных типов и форм.

Инструментарий исследований в этом тематическом поле весьма разнообразен и достаточно сложно поддается унификации, требуемой для сопоставления и анализа материалов по различным регионам.

222. Smart cities – UK city official survey. URL: <https://www.cbre.co.uk/research-and-reports/our-cities/smart-cities-uk-city-officials-survey>

223. Are university campuses turning into mini smart cities? URL: <https://www.theguardian.com/education/2019/feb/22/are-university-campuses-turning-into-mini-smart-cities>

224. Ibidem

225. How big data is breathing new life into smart cities concept. URL: <http://smartcities.oii.ox.ac.uk/2016/01/06/how-big-data-is-breathing-new-life-into-the-smart-cities-concept/>

226. Bolton P. Higher Education Student Number. Briefing Paper. 14 July 2020. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwi70Ku1kbyrAhWIAxAIHWkSAKYQFjAAegQIAhAB&url=http%3A%2F%2Fresearchbriefings.files.parliament.uk%2Fdocuments%2FCBP-7857%2FCBP-7857.pdf&usq=AOvVaw0ob7uP1fZLkUNq9RnmaeU>

В этом контексте интерес представляет методология конфликтологического аудита, объединяющая в себе мониторинговые методы анализа региональных ситуаций, а также совокупность качественных методов исследования.

Конфликтологический аудит при исследовании и анализе региональных ситуаций нацелен на выявление всей совокупности конфликтогенных факторов, ведущих к росту социально-политической напряженности. Практическая значимость конфликтологического аудита заключается в поиске технологий прогнозирования ситуаций нестабильности и предотвращения (сглаживания, снижения) социально-политической напряженности в регионе.

Методология конфликтологического аудита разрабатывалась на кафедре конфликтологии Казанского федерального университета в прикладных целях исследования региональной ситуации в Республике Татарстан. Совместно с рядом органов государственного управления республики, исследовательских и общественных организаций с 2014 года по настоящее время проводятся исследования с означенными выше целевыми установками в развитие потенциала методологии конфликтологического аудита.

Методология показывает высокий уровень результативности и аналитической обоснованности материалов исследований в сфере социально-экономических и политических отношений во взаимодействии общества и органов власти республики. На основании этого группа исследователей Казанского федерального университета во взаимодействии с коллегами из Санкт-Петербургского университета реализовала исследование в рамках грантового проекта «Конфликтологический аудит как система технологий воздействия на идеологический молодежный экстремизм в современной России».

Предметом анализа петербургско-казанской исследовательской группы стал поиск путей выявления и работы с молодежным идеологическим экстремизмом. Исследовательская группа создала теоретико-методологическую базу под анализ данного концепта, осуществила масштабные полевые исследования в ряде регионов России. В качестве основной технологии в реализации исследовательской цели выступил конфликтологический аудит.

Совместная работа исследователей К(П)ФУ и СПбГУ показала состоятельность методологии конфликтологического аудита как междисциплинарной в исследовании социально-политической напряженности и конфликтности различных регионов Российской Федерации. Сопоставимость данных позволяет говорить о возможности распространения методологии конфликтологического аудита для масштабного анализа регионов страны и возможности дискурса среди исследователей по этому направлению.

В настоящий момент в рамках коллективной работы над проектом по изучению конфликтогенных факторов в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья, осуществляемой учеными-политологами, конфликтологами и социологами Казанского федерального университета, продолжается совершенствование методологии конфликтологического аудита. Полевые исследования проходят в шести республиках означенного региона. Ведется мониторинг и анализ языковой ситуации в каждой республике. В качестве целевого направления исследования выступает поиск и научное объяснение специфики конфликтогенных факторов в регионе, инициирующих социально-политическую напряженность, связанную с изменениями в языковой политике страны и отдельно взятой республики.

Коллектив авторов исследования исходит из объективных политических факторов 2017 года, инициировавших ряд изменений в национальных языковых политиках регионов. Исследование направлено на глубокий анализ дифференциации предпринимаемых мер по регулированию языковой ситуации в различных республиках и степени влияния общественного мнения на принимаемые в сфере языковой политики решения. Основу методологии исследования составляет разработанный казанскими конфликтологами и апробированный в совместной работе с петербургскими коллегами конфликтологический аудит, как технология анализа сложносоставных объектов.

Публикация выполнена в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по проблематике «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020-2022 гг. по государственному заданию на тему «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов».

Царенко А.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ ГИБРИДНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ГОСУДАРСТВО — ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО — ГРАЖДАНЕ»

Фундаментальной задачей проведённого исследования явилось уточнение методологических основ совершенствования качества управления в гражданском секторе, попытка выявления возможностей и условий достижения положительного синергетического эффекта от реализации комплексной гибридизированной концепции совершенствования — во взаимосвязи и взаимодополнении актуализированного инструментария существующих моделей Бережливого правительства (Lean Government [в основе адаптация Лин 6 Сигм]), Умного правительства (Smart government); Электронного правительства (E-Government), Реинжиниринга административных процессов (GPR), Самообучающейся организации (Learning Organization) и др.

Работ, посвящённых рассмотрению предлагаемого выше комплементарного подхода — при совмещении разных методологий не выявлено, таким образом полученные результаты закладывают основы для оригинальной прикладной модели, обладающей практической значимостью.

Разработка гармонизирующей в единой системе инструменты модели оправдана тем, что, по сути, большинство современных концепций совершенствования являются своего рода «компоновками», «сборками» инструментария менеджмента качества, разрабатываемого в течение всего XX века. В этой связи, например, в Лин (и адаптированной версии Бережливого правительства можно найти отголоски и конкретные инструменты концепций Ф.У.Тейлора, А.К. Гастева, У.Э. Деминга и др.) Положительный опыт гибридизации модели можно было наблюдать в 2000-х при создании концепции «Бережливые 6 Сигм (Бережливое производство + 6 Сигм)», которая была унаследована при разработке Бережливого правительства (БП) США и Великобритании, в РФ же на начальном этапе в формате БП используется базовая модель (см.: Царенко А. С. «Бережливое государство»: перспективы применения бережливых технологий в государственном управлении в России и за рубежом // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 74–109)).

При этом важным является переосмысление содержания текущих инструментов улучшения с учётом особенностей управления изменениями и развитием в госсекторе (см., например: Boyne G.A. Sources of public service improvement: a critical review and research agenda // Journal of public administration research and theory. 2003. Vol. 13. N 3. P. 368–394., Carol Rusaw A. Changing public organizations: four approaches // International journal of public administration. 2007. N 30. Pp. 347–361.; Ostroff F. Change Management in Government // Harvard business review. May 2006. Pp. 141–147.; Царенко А. С. Менеджмент изменений в сфере государственного управления: вопросы, ограничения и возможности // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. Новосибирск: ЦРНС, 2016. С. 57–64).

В частности, целесообразно соотнесение реинжиниринга административных процессов GRP с подходом кайрио в рамках методологии Лин 6 Сигм — адаптированной моделью «Бережливого правительства» в США и Великобритании, а статистически ориентированной подсистемы 6 Сигм с решениями «Умного правительства» (Smart government), рассмотрение умного и электронного правительства не как самоцели, но средства создания технологической инфраструктуры, каналов коммуникации, обратной связи участников системы «государство — гражданский сектор», разумной автоматизации предварительной оптимизированных процессов и процедур, противодействие бездумному применению электронных технологий: «цифровизации ради цифровизации», включение их как инфраструктуры в общую модель развития государственного управления, в т.ч. сферу гражданского сектора. Соотнесение их инструментария и с технологическими решениями построения самообучающихся организаций

и управления знаниями (сравни «самобучающийся парламент Финляндии»), в свою очередь, с решениями корпоративных систем вовлечения стейкхолдеров и сбора предложений Лин 6 Сигм.

При разработке концепта гибридной модели предложено распределение решений цифровой экономики и управления (в частности, решения для вовлечения граждан, формальных и неформальных структур гражданского общества, включая экспертные сообщества, НКО и др.) и моделей совершенствования в парадигме менеджмента качества в рамках цикла управления и совершенствования DMAIC (ОИАСК) (эволюционировавшего в методологии Бережливых 6 Сигм цикла Шухарта Деминга PDCA)

В частности, инструменты этапа «Определение» потребности в улучшении системы «VoC — голос потребителя», СФК (QFD), формы обратной связи корпоративных сайтов должны быть переосмыслены с позиций макросистемы, госуправления, изменения состава и характера участников взаимодействия, на замену им могут прийти как частные решения — порталы типа Change.org, так и формальные решения по вовлечению на базе технологической инфраструктуры ГАИС «Управление», например: <http://gasu.gov.ru/strategy-2035/> (на данный момент не функционирует) и проч.

Таким образом, необходимостью является «наведение методологического порядка», переход от параллельного к холистичному системному применению инструментария улучшений, сокращение практики некорректного применения из-за дублирования инструментария, подмены понятий, неверной интерпретации условий, последовательности внедрения и проч. — в рамках гибридизации модели совершенствования государственного управления при участии институтов гражданского общества.

Исследование выполняется в рамках гранта РФФИ 19-011-31408/19 в 2019 году.

Цыганков П.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТМО

Наблюдаемый в последние годы в разных странах очевидный поворот политиков – далеко не только «популистов» – к вопросу национальных интересов актуализировал внешнеполитические исследования. В настоящее время в институциональном плане они в значительной мере сосредоточены в «мозговых центрах», специализирующихся на экспертных оценках, эмпирическом анализе и аргументированных прогнозах, формирующих образ желаемого будущего. Внешнеполитическая экспертиза способствует получению новых знаний и их дальнейшей генерализации, внося тем самым вклад в фундаментальную науку, способствуя ее обогащению за счет пополняемого эмпирического опыта и новых выводов. Имея основания утверждать, что в данном случае роль фундаментальной науки играет теория международных отношений (ТМО), не стоит забывать и то, что она представляет собой разнородную совокупность конкурирующих подходов и исследовательских течений. За редкими исключениями, она не ставит своей целью выработку нормативного знания о внешней политике, которое могло бы составить своего рода «каркас» теории среднего уровня. Можно сказать, что ТМО слишком широка и абстрактна для прикладных внешнеполитических исследований, но в то же время и недостаточна для них. Отсюда непрекращающиеся попытки создания автономной теории внешней политики.

Конечно, в рамках самой ТМО наступательный и неоклассический реализм позиционируют себя как теории внешней политики (ВП). Это касается также неолиберальной теории демократического мира и институализма. Конструктивизм, в свою очередь, стремится объяснить ВП через агентно-структурное взаимодействие и понятия секьюритизации/десекуритизации и дискурсивной силы. Вместе с тем неореалисты преувеличивают роль структур в международном распределении способностей и мало интересуются внутренними атрибутами государств. Неоклассические реалисты, указывая на необходимость уделять фундаментальное внимание в объяснении ВП внутренним факторам, в основном ограничиваются двумя такими переменными, как государственная мощь, основа которой состоит в способности правительства получения доступа к общественным ресурсам, и особенности восприятия лидерами сигналов из внешней среды относительно распределения силовых возможностей

государств. Неолибералы концентрируются на вопросах сотрудничества, международных организациях и преимуществах абсолютных выгод. Что касается конструктивизма, то его крен в сторону идеальных структур заслоняет ту роль, которую продолжают играть во ВП материальные факторы жесткой силы. Но главное не в недостатках теорий ВП, вырабатываемых в рамках ТМО, а в том, что они остаются достаточно разрозненными и малооперациональными. Они плохо совмещаются друг с другом из-за «войны парадигм» и не формируют более-менее стройного единства. Кроме того, они отражают главный недостаток, присущий ТМО – ее американо- и западоцентричность.

С другой стороны, попытки полного отказа от ТМО и создания сугубо автономной и строго научной теории ВП не имели большого успеха. По признанию Дж. Розенау, одного из основателей школы сравнительного анализа ВП, она зашла в тупик ввиду «неизмеряемости» влияющих на нее многообразных внутренних и внешних факторов. По существу, та же участь постигла и школу внешнеполитического анализа (ФРА), несмотря на ее отдельные достижения. Подход, при котором государство трактуется как не более, чем абстракция, а его ВП сводится к сумме решений, принимаемых в контексте ограниченной рациональности, оказался редуктивным, оставив без необходимого внимания существенную часть ВП, касающуюся ее функционирования. Получающаяся сегодня развитие в России школа внешнеполитического процесса (ВПП) выглядит более плодотворной и перспективной, поскольку существенно расширяет исследовательское поле. При этом, следует иметь ввиду, что даже самом расширительном понимании процесса принятия решения, как и факторов, влияющих на субъектов, которые дают ему окончательную «жизнь», его явно недостаточно для понимания и объяснения феномена ВП. Сосредоточенность на принятии решения концентрируется главным образом (хотя не только) на внутренней обстановке: соотношение исполнительной и законодательной власти, перипетии бюрократического торга, ведомственные противоречия... Иначе говоря, ВП рассматривается как один из видов т.н. публичной политики, в основе которой лежит легитимное принуждение. Однако в области ВП оно ограничено государственными границами, что, возможно, представляет собой самую важную ее особенность.

В свете вышесказанного стоит подчеркнуть не только необходимость признания существования и особой онтологической природы феномена ВП, но и его сложности как исследовательского объекта, включающего в себя соответствующие установки, решения и практические действия. Опираясь на ТМО, внешнеполитические исследования формируют относительно автономное дисциплинарное поле прикладной теории ВП.

Цымбал И.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОБРАЗЫ НАРОДА И ВЛАСТИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ ТУРЦИИ И КИТАЯ)

В данной статье представлен анализ двух важных компонентов образа зарубежной страны в сознании россиян: образа власти и образа народа. В их восприятии выявляются интересные закономерности. В подавляющем большинстве случаев отношение граждан к власти и народу существенно различается. Если на образ власти зарубежной страны, по большей части, влияет как раз образ государства на международной арене, то на образ народа могут существенно повлиять внутривнутриполитические и социокультурные факторы – туризм, личные контакты между гражданами, исторические события, культурные традиции и т.д.

Перейдем к конкретным примерам.

Наиболее сложным можно назвать восприятие власти и народа Турции. Представления российских граждан о турецкой власти очень противоречивы. Каждый второй респондент называет ее авторитарной. При этом отмечается и ее некоторая гуманистическая направленность: «Авторитарная власть с

большой поддержкой населения и заботой о своем народе». Несомненно, на образ власти накладывают свой отпечаток российско-турецкие отношения (войны, подъем экономических отношений вскоре после распада СССР, экономическое сотрудничество, сбитый турецкими военными российский истребитель, взаимоотношения по сирийскому вопросу).

Турецкий народ вызывает амбивалентные чувства у участников нашего исследования. С одной стороны, гостеприимные, дружелюбные представители туристического бизнеса на популярных турах «Все включено»; с другой, россияне отмечают хитрость (21%), чрезмерную крикливость и шумное поведение (11%), наглость (8%).

Перейдем к рассмотрению особенностей восприятия власти и народа Китая. Важно отметить, что китайская власть вызывает интерес у россиян. Она видится авторитарной, но, в отличие от турецкой, гораздо менее гуманной. Отмечаются эффективность, профессионализм и ощутимые результаты ее деятельности: «Судя по успехам Китая, руководители вполне компетентные и разумные люди». И совсем небольшое количество респондентов находят в китайской политической системе элементы демократии: «...нельзя назвать тоталитарной, т.к. в управлении используются демократические методы управления...».

Интересно отметить, что, несмотря на внешний доброжелательный настрой Китая по отношению к России, у респондентов присутствуют сомнения по поводу его честности в российско-китайских отношениях. Поведение китайских властей вызывает настороженность и недоверие: «Опасный сосед, с которым нужно держать ухо востро».

Что касается восприятия китайцев в целом, они характеризуются россиянами положительно. Респонденты отмечают такие качества китайского народа, как трудолюбие, дисциплинированность и упорство. Также, российские граждане проявляют эмпатию к населению Поднебесной в связи с ограничениями по количеству детей в семьях: «Надеюсь, китайский народ станет счастливее, и ему наконец разрешат рожать детей». Отмечается дружелюбие и расположенность китайцев к россиянам, открытость, любовь к своим национальным традициям. При этом, были указаны и негативные качества, такие как хитрость и наглость. Но это не существенно повлияло на общую картину восприятия китайского народа, поскольку таких оценок было небольшое количество.

Таким образом, образы турецкой власти и народа, как и образ Турции в целом²²⁷, очень многогранен и противоречив. В восприятии Китая мы видим различное отношение к власти и к народу, последний компонент образа страны вызывает намного больше симпатий.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-011-01138А «Образ страны в Российском обществе: политико-психологический анализ».

Чадаева З.Т. (Краснодар, КубГУ)

ТИПЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Долгое время не только в массовом сознании, но и в научных исследованиях доминировало осмысление Северного Кавказа как региона, в котором конфликты, преимущественно этнополитического характера, составляют основное содержание политического процесса. Для этого, безусловно, были определены основания, поскольку существование сложных, взаимосвязанных противоречий во многих случаях находило выход в открытых столкновениях различного масштаба (наиболее крупный из конфликтов был связан с сепаратистским движением на территории Чеченской Республики), что накладывало свой отпечаток на все стороны жизни общества, в том числе и на повседневность. К концу 2000-х ситуация существенно изменилась: совместными действиями федеральных и региональных органов власти, а также общественных структур удалось снизить политическую напряженность,

227. Смутькина Н., Савельева М., Цымбал И. Особенности политического восприятия российскими гражданами стран ближнего и дальнего зарубежья // Вестник Российской нации. 2019. № 6. С. 86–99.

в первую очередь за счёт купирования открытых этнополитических столкновений, имеющих в основном деструктивную направленность, и прекращения эскалации конфликтов. За счёт этого конфликты перестали быть безусловной доминантой политического процесса в регионе, что позволило органам власти северо-кавказских субъектов РФ сосредоточить внимание на вопросах развития, а исследователям - обратиться к более широкой палитре явлений, характеризующих институциональные и процессуальные составляющие региональной политики. В целом это можно рассматривать как позитивное изменение и с точки зрения практической политики, и с точки зрения развития научных исследований. Однако многие из противоречий, существующих на территории Северного Кавказа, не разрешены в полной мере и находят своё отражение в современном политическом процессе, хотя формы и методы конфликтования в значительной степени изменились, в первую очередь под влиянием трансформации режимных характеристик политической системы РФ.

Проблема выявления основных типов конфликтов, оказывающих влияние на политический процесс в регионе, является важной, т.к. в рамках существующего многообразия классификаций конфликтных взаимодействий в некоторых случаях от внимания исследователей ускользают существенные аспекты их характеристик. В то же время закрепление определённых стереотипов относительно конфликтов в регионе побуждает периодически проводить «ревизию» научных представлений по данной проблеме.

Одним из наиболее значимых является вопрос о содержательной составляющей региональных конфликтов, который связан с определением влияния этнического фактора на их развитие и протекание. Достаточно глубоко укоренилось (в том числе в научной среде) мнение о том, что любая проблемная ситуация в северо-кавказском регионе так или иначе может рассматриваться в контексте этнополитических отношений. Однако детальное изучение массива информации, содержащейся в открытых источниках (СМИ, социальные медиа, эмпирические научные исследования и др.) позволяет утверждать, что в большинстве конфликтов на первый план выходят территориальные, хозяйственные, социально-бытовые аспекты, вопросы исторической памяти, символической политики и др. Они в некоторых случаях могут фреймироваться как этнические в публичном дискурсе (как правило, если это соответствует интересам каких-либо акторов конфликта), но при этом природа конфликтов не может быть однозначно интерпретирована. Блокирование конфликта по линии этнополитической составляющей также не является обязательным сценарием развития. Поэтому, на наш взгляд, важно рассматривать этнополитические конфликты как один из типов столкновений, характерных для региона. Это, помимо решения собственно научных задач, будет способствовать корректировке представлений о Северном Кавказе в массовом сознании.

Для определения степени влияния конфликта на политический процесс важно представлять его масштабность. По сравнению с предшествующими десятилетиями, в 2010-х гг. в рамках региона реже стали возникать конфликты национального масштаба (например, сепаратистского характера), попадающие в федеральную повестку. Можно выделить межрегиональные конфликты (взаимодействие на уровне двух субъектов РФ) относительно проблем территориального характера, трактовки тех или иных исторических событий и т.д. В основном представлены внутрирегиональные и локальные конфликты.

С точки зрения методов конфликтования необходимо отметить снижение числа конфликтов с насильственной составляющей (тип «сражение» в классификации А. Раппопорта). В то же время актуальные протестные формы конфликтности, в некоторых случаях приводящие к мобилизации значительного числа граждан. Протесты в большинстве случаев связаны с региональными проблемами и могут иметь как конвенциональный (участие в официально санкционированных мероприятиях), так и неконвенциональный характер.

Такой критерий, как уровень публичности, доступности для наблюдения позволяет выделить латентные (скрытые) и открытые конфликты. Доля первых достаточно велика, особенно во взаимодействия «федеральный центр - регионы», а также во внутриэлитных процессах на уровне субъектов РФ. В то же время латентные конфликты могут находить публичное проявление в каких-либо конкретных ситуациях, заставляющих предполагать наличие скрытого пространства противоречий.

Черникова В.В. (Воронеж, ВГУ)

ПЕРВЫЕ ТРЕНДЫ КОРОНАКРИЗИСА

Глобальная пандемия захватила умы населения всего мира. А также страницы изданий, аналитические доклады, обнажила застарелые проблемы в экономике, социальной сфере. И заставляет нас переосмыслить будущее. Объявленная ВОЗ пандемия оказывает серьезное воздействие на экономическую, социальную и политическую обстановку в каждой стране. Мир попал в ситуацию идеального шторма, когда падение цен на нефть осложнилось пандемией и введением ограничений на экономическую деятельность различных отраслей экономики. Неблагоприятные факторы сложились таким образом, что негативный эффект существенно возрастает.

Государства стремились минимизировать взаимодействие, сократить транспортные потоки, усилить контроль над границей ради безопасности. Это привело к изменениям сложившихся в начале 2000-х глобальных рынков. По июньскому прогнозу МВФ мир в 2020 г. ожидает рецессия и падение ВВП на 4,9% (Литвиненко Ю. МВФ ухудшил прогноз развития экономики России и мира // Ведомости. 24 июня 2020 // Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/06/24/833285-mvf>). В России ожидают двухгодичную рецессию. Пандемия оказала негативное влияние на экономику Китая, что рикошетом влияет на Россию, поскольку определяет падение спроса на энергоресурсы. Аналогичная ситуация и в других странах. По прогнозу МВФ (World Economic Outlook Reports. 2020) глубокий экономический спад в 2020 г. ожидается в США (падение ВВП на 8%), России (6,6%), Великобритании (10,2%), Франции (12,5%), Италии и Испании (по 12,8%).

Мир, осознав уязвимость перед глобальными угрозами, ищет механизм защиты от них.

Первым ответом стал ренессанс национальных государств и усиление межгосударственных барьеров.

Распространение в мире гуманистических ценностей привело к осознанию ценности человеческой жизни. Пандемия поставила правительства перед выбором между защитой населения путем изоляции, остановки предприятий и сокращения деловой активности, и защитой экономики, когда остановка производства - риск глубокого кризиса.

За защитой населения стоят не только гуманистические принципы. Согласно докладу Всемирного банка «Насколько богата Россия?» совокупное богатство страны состоит из человеческого капитала - 46% (в России в 2017 г.), производственного капитала - 33% природного капитала - 15 %, чистых иностранных активов - 1%. Забота о людях - забота и об экономике.

Уже сейчас коронакризис привел к появлению новых трендов.

Сокращение и трансформация сектора услуг. Потери малого бизнеса в этой сфере будут существенны. Очевидно, что разорится значительное число туристических компаний, салонов красоты, ивент-агентств, организаций, занимающихся перевозками.

Сокращение мирового туризма. В мире около 10% населения заняты в туристической сфере. Закрывание границ и ужесточение правил посещения государств приведет к разорению многих компаний в этой сфере.

Падение реальных доходов населения, рост безработицы может зависеть от продолжительности кризиса и от готовности населения переквалифицироваться.

Снижение уровня доверия в обществе. Проблема доверия и до COVID-19 была актуальна. Особенно низкий уровень доверия наблюдается по отношению к партиям. Результаты фокус-групп (в Воронежской области) показали, что уровень доверия партиям более чем в два раза ниже, чем региональной и федеральной власти (Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья) / под ред. А.В. Глуховой. Воронеж: «Научная книга», 2020. С. 153). В период пандемии доверие продолжало снижаться (Edelman R. Trust Imperative // FINANCE & DEVELOPMENT, JUNE 2020, VOL. 57, № 2).

Это некоторые из негативных последствий. Но любой кризис - это всегда новые возможности.

Коронакризис показал востребованность реального сектора экономики. Основной экономический рост обеспечивали отрасли реального сектора экономики. Например, в Воронежской области сельское хозяйство за 2019 г. дало рост на 13,4%, а индекс промышленного производства составил 102,3%, что выше среднероссийского (Воронежстат).

Ещё один тренд, который стал реальностью из-за закрытия пространств – частичный возврат к естественной экономике, что предполагает навыки самообеспечения – от приготовления пищи до пошива одежды.

Возвращаясь к человеческому капиталу. По докризисным прогнозам МВФ Россия догонит страны ОЭСР по индексу человеческого капитала через 50 - 100 лет. Сейчас уникальный момент улучшить показатели. Повышение уровня образования и развитие навыков soft skills зависит от людей. Освоение новых технологий цифрового общества, гибкость в ведении бизнеса поможет не только выжить отдельным предпринимателям, но и повлияет на формирование нового уклада экономики.

Ростки недоверия и раздражения ситуацией могут стать триггером расколов в обществе. Основная задача власти – адаптировать систему таким образом, чтобы гибко реагировать на новые вызовы, используя их для развития.

Чернышов Ю.Г. (Барнаул, АлтГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Произошедшее в течение полугода распространение по всему миру коронавируса COVID-19 серьезно изменило ситуацию в самых разных сферах – от экономики и политики до образования и культуры. Резко замедлились интеграционные процессы, сократились трансграничные связи, во многих странах изменились приоритеты в проводимом курсе, усилился контроль власти над обществом и т.д. Разумеется, все это не могло не найти отражения в ментальной сфере, в самоидентификациях, в интерпретациях исторического опыта и т.д. Осмысление этих сложных процессов уже идет в научном сообществе – они рассматривались, в частности, в выступлениях экспертов на интернет-конференциях «State Responses to COVID-19 in Eurasia: What Have We Learned?» (URL: <https://gwu.webex.com/gwu/onstage/g.php?MTID=e356e3e2c3125fc89f673244e2684777e>), «Глобальные исторические события XX века и национальные варианты политики памяти» (URL: <https://rapn.ru/in.php?part=5&gr=1535&d=5951>) и др. В данном докладе предпринята попытка обобщить некоторые уже проявившиеся тенденции, связанные с трансформациями политической идентичности.

Прежде всего, стоит отметить те интерпретации причин распространения пандемии, которые сразу получили распространение в СМИ. Поскольку эпидемия проявилась в китайском городе Ухань, естественно, что в странах, где в отношениях с КНР уже накопились проблемы (например, в США), довольно часто звучали обвинения не только в «халатности» и «скрытии информации», но даже и в целенаправленном выведении нового вируса. При этом упоминались действительно имевшие место эксперименты с вирусами летучих мышей в Уханьском институте вирусологии Академии наук Китая. Однако эта версия не получила официальной поддержки ни в КНР, ни в тех странах, где Китай рассматривается скорее как «союзник», чем как «потенциальный противник». По уже давно выработанным шаблонам здесь стали искать происки «из-за океана». Реальные причины появления пандемии так и остались не до конца расследованными, но это оказалось и не нужным для тех политиков, которые заранее готовы сказать, «кто во всем виноват».

Пандемия настолько «встряхнула» весь мир, что сразу же стали востребованы обращения к предыдущему опыту глобальных угроз – в частности, масштабных эпидемий прошлого. Так, например, в России активно обсуждался опыт борьбы с эпидемией холеры в СССР. И здесь тоже проявились уже сложившиеся политические идентичности. Как показала в своем докладе В.А. Смирнова (РНИМУ им. Н.И. Пирогова), сторонники «сильной руки» пропагандируют нарратив эффективного преодоления

эпидемий благодаря применявшимся системным и жестким мерам, а их оппоненты, напротив, делают акцент на проявившихся изъянах бюрократической системы – формализме, закрытости информации и порожденной этим нервозности, вызвавшей панические слухи. То есть, и здесь тоже многие остались «при своих позициях».

Распространение конспирологических слухов оказалось характерным и для нынешней ситуации – в особенности там, где власть не пользуется большим доверием в обществе. Можно отметить целый ряд обвинений и упреков, высказываемых гражданами во многих странах. Это утверждения о неготовности властей к борьбе с эпидемией и о сокрытии (или преувеличении) реальных масштабов смертности. Более того – набирают популярность версии о некоем всемирном заговоре, цель которого – под предлогом борьбы с пандемией максимально разобщить граждан, ограничить их права и свободы, а затем при проведении всеобщей вакцинации ввести чипы, которые сделают людей абсолютно управляемыми. Идентичность «жертв заговора» подпитывается и действиями некоторых политиков, которые манипулируют статистикой, пытаются максимально «секьюритизировать» пандемию и использовать ее как повод для установления тотального контроля над обществом. На примере некоторых стран Центральной Азии эту тенденцию проанализировал, например, Лоуренс Марковиц (Lawrence Markowitz, Rowan University).

Среди ряда других тенденций стоит отметить то, что пандемия принесла серьезное испытание для Европейского Союза, причем проверке на прочность подверглась сама концепция интеграции на базе общеевропейской идентичности: произошло разобщение отдельных стран, пытающихся спасти ситуацию за счет закрытия своих границ, ограничения контактов и т.д. Как справедливо отметила в своем докладе И.С. Семененко (ИМЭМО РАН), не случайно в ЕС сейчас активно поддерживаются проекты, направленные на «общую память»: школьные исследовательские проекты, посвященные местной истории как части общеевропейской истории, Дом европейской истории (House of European History) и т.д.

В целом можно отметить, что пандемия оказала весьма противоречивое влияние на многие существовавшие на международном уровне политические идентичности: где-то она ослабила одни из них, а где-то была использована как повод для укрепления других. Все эти сложные процессы находятся сейчас в развитии и, несомненно, заслуживают дальнейшего самого глубокого изучения.

*Чмирис Е.С. (Москва, ИРИП ВАВТ,
Финансовый университет при Правительстве РФ)*

ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

Легитимность власти – это постоянная категория, которая появилась вместе с зарождением властных отношений и обострилась в связи отходом от прямых методов управления в сторону сложной представительной власти. В контексте текущих глобальных угроз, расширением зон киберпространства, дальнейшим отрывом властных институтов от прямой коммуникации с населением, увеличением количества промежуточных инстанций и инструментов, вопрос поддержки власти со стороны населения становится все более актуальным. Легитимность – фактор, который делает отправление властных полномочий эффективным и снижает издержки на применение насилия. Но феномен с трудом поддается измерению.

Кризис легитимности затрагивает многие сферы общества, препятствует осуществлению политической власти, внедрению инноваций, экономическому прогрессу и т.п. Поиск путей преодоления кризиса легитимности и создания устойчивой и стабильно развивающейся политической системы – одна из центральных проблем современной политической науки.

В рамках данного доклада автор хотел бы предложить собственную модель описания и оценки легитимности власти на основе дискурсивных методов анализа текста.

Предложенная модель базируется на предположении о том, что в своем базовом виде процесс легитимации власти предполагает формирование объяснительной модели (или знаний о системе), которая непротиворечиво определяет существующий порядок вещей. Иными словами, мы можем говорить о модели легитимации власти, которая имеет ряд составляющих:

1. *Институциональный порядок*, то есть честные и справедливые институты, которые занимаются осуществлением политики и распределением ресурсов.
2. *Лидер*, который благодаря своему статусу и идеям вызывает доверие у людей и побуждает их следовать установленным правилам.
3. *Традиции* (историческая память, культурные ценности и нормы) рассказывают гражданам, как сформировался текущий социальный и политический порядок, и почему он правильный.

Легитимация – это не только вопрос ценностей, но и формирование системы знания о социальной системе. Знание о социальных ролях, о правильном и неправильном, в свою очередь, формирует ценностную картину мира. Знания и ценности отображены в категориях языка, в связи с этим представляется важным обратить внимание на дискурсивные аспекты отображения социального знания и понимания²²⁸.

В дискурсивном плане исследование для описания моделей легитимации автор предлагает использовать идеализированные когнитивные модели (ИКМ), разработанные Дж. Лакоффом²²⁹. Каждая ИКМ состоит из четырех элементов: фреймы, метафоры, образно-схематические структуры и метонимии.

Подробнее со способами выявления и анализа этих элементов в тексте можно ознакомиться в указанной литературе по когнитивному и дискурсивному анализу. Мы же отметим, что факт совпадения дискурсивных практик отражения и объяснения текущей политической и социальной реальности на официальном уровне и на уровне бытового общения. Напротив, появление значительных расхождений в способах говорить о реальности у элит и общества будет поводом обратить внимание на рост протестных настроений и кризиса легитимности.

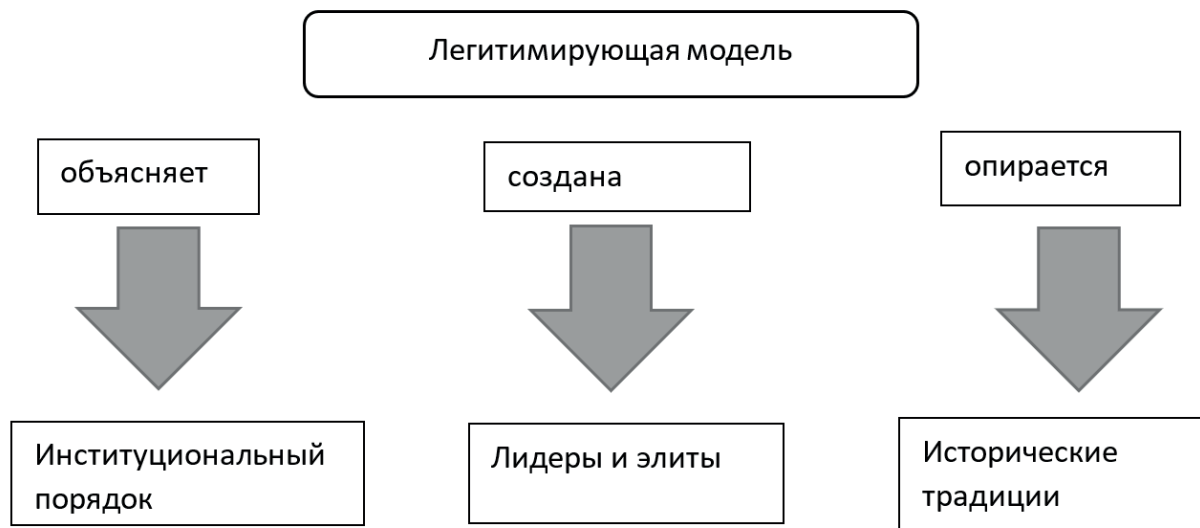

Рис. 1. Легитимирующая модель

Легитимирующая модель (рис. 1) содержит ряд важных знаний и представлений, которые объясняют социальные институты, принципы их функционирования. Это могут быть знания исторического, геополитического, культурного характера. Также эти знания могут содержать элементы идентичности, определяющие границы сообщества, принадлежность к нему, роли индивида в этом сообществе. Создание новых легитимирующих моделей – это, в первую очередь, прерогатива лидеров и элит. В свою очередь, вновь созданные метафоры легитимирующей модели должны опираться на уже существующую традицию легитимности. Создание слишком большого количества новых метафор, не подкрепленных традицией, может привести к нарушению коммуникации между населением и властью,

228. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: издательство; 1995.

229. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: издательство; 2004

а также способствовать к кризису легитимности. Источник новых смыслов и правил может оказаться в изоляции, и его модель не будет воспринята должным образом.

При помощи языковых средств власть задает необходимый тон коммуникации, определяет терминологию. Формирование легитимности посредством дискурса – это сложный механизм, основанный не только на личных предпочтениях политической элиты, но и на исторических традициях и культурных ценностях. Внедрение новых институтов, приход нового лидера часто сопровождается формированием нового дискурсного поля легитимации, принятии новых легитимирующих моделей.

Во время кризиса легитимирующая модель утрачивает свойства объяснять институциональный порядок. Часто кризис легитимности сопровождается формированием новой легитимирующей модели, которая предлагает свое объяснение необходимости институциональных перемен или смены лидера.

Чирикова А.Е. (ФНИСЦ РАН), Ледяев В.Г. (НИУ ВШЭ)

ВЛАСТЬ В МОНОГОРОДЕ: ДИНАМИКА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В докладе представлены результаты эмпирического исследования власти и лидерства в 2-х моногородах Пермского края. Основной материал был получен на основе 45 глубинных интервью с представителями локальной элиты и руководителями региона, курирующими деятельность городских администраций. Исследование проводилось в два этапа: 2012-2015 гг. и 2019-2020 гг. Оно фокусировалось на двух темах: (1) динамике и факторах изменений, произошедших в структуре и характере властных отношений в городе в период между первым и вторым этапами исследования (город Y) и (2) эффективности управления моногородом (город G).

В городе Y на первом этапе исследования нами было обнаружено, что конфигурация наиболее влиятельных акторов в моногороде заметно отличалась от тех, которые имели место в других городах. По оценкам респондентов в моногороде было три примерно равных центра силы: руководство города, района и градообразующего предприятия. В этом «треугольнике власти» лидерство смещалось от одной вершины к другой. Включенность завода в локальный политический процесс была весьма высокой, а наиболее влиятельным актором в моногороде являлся директор градообразующего предприятия, доминирующего в экономической и социальной жизни города. Сложившиеся коалиционные отношения между городской администрацией и руководством завода можно было, с определенными оговорками, квалифицировать как городской режим в его классической стоуновской интерпретации. Они играли важную роль в политико-управленческой жизни города и во многом определяли повестку, приоритеты и перспективы развития локального сообщества; к этому «тандему» примыкал местный бизнес, заинтересованный в кооперации с обоими главными субъектами.

Спустя восемь лет на втором этапе исследования нами были обнаружены значительные изменения во властной иерархии и взаимоотношениях между основными акторами. Уменьшилась роль градообразующего предприятия в политическом процессе в результате снижения экономического потенциала завода и отказа владельцев предприятия от активного участия в городской политике. В процессе слияния городской и районной структур муниципальной власти исчезли имевшие место серьезные трения между отдельными группами внутри городской элиты. В настоящее время в городе нет серьезной политической конкуренции; сформировалась сравнительно однородная локальная элита, ядро которой фактически образует единую команду. Новый расклад сил и характер взаимоотношений в локальной элите не позволяют, даже с оговорками, говорить о городском режиме в его классической стоуновской интерпретации.

В этих условиях эффективность управления городом еще более зависит от персонального ресурса руководителей города, их связей на региональном уровне и взаимоотношений между собой. В настоящее время городом фактически управляет тандем наиболее влиятельных акторов – руководители городского округа и городской Думы.

Второй моногород (G), в целом успешно развивающийся, был выбран для изучения факторов эффективности власти. Исследование, проводившееся в 2020 г. показало, что власть полностью

контролируют ситуацию в городе, нацелена на его развитие и сумела добиться поставленных перед собой целей по улучшению жизни населения. В городе не наблюдалось острого дефицита кадров, не было даже скрытого конфликта элит, которые, как и население, отнеслись с доверием к будущим перспективным проектам. В этом отношении данный кейс существенно отличается от ситуации в других изученных нами городах.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что эффективность управления в моногороде обусловлена наличием адекватного лидера, бесконфликтностью элит, их договороспособностью, доверием населения, помощью со стороны региона. Все это имеет место в городе G. Но этого недостаточно для успешного развития города: городу нужны ресурсы, которые бюджет не в состоянии обеспечить. Источником дополнительных ресурсов в данном случае стала крупная корпорация химической направленности, в которой работает в настоящее время около 2,5 тысяч человек. Ее продукция экспортируется за рубеж. В известном смысле она является уникальной корпорацией, которой как никакой другой нужна социальная стабильность и кадровые ресурсы. Корпорация добровольно принимает участие в развитии города для улучшения условий проживания населения. Это является стратегической целью, которую она реализует на протяжении последних пяти лет. Реализация социальных программ для корпорации – это не благотворительность, как считает председатель совета директоров компании, а попытка сохранить и развить кадровый ресурс, благодаря которому компания может успешно развиваться. Определенную роль играет и то обстоятельство, что председатель совета директоров компании одновременно является депутатом ЗС Края, что делает его не только экономическим, но и политическим игроком в региональной столице и в самом городе.

Исследование показало, что само по себе заинтересованное участие корпорации в реализации социальных и других стратегических для города проектов не гарантирует позитивных изменений. Это подтверждает тот факт, что еще десять лет назад ситуация в этом городе была совсем другой. Муниципальная команда находилась в постоянных конфликтах с корпорацией, ее члены не могли договориться между собой, а бывший глава города явно не справлялся с ситуацией. Кардинальные изменения произошли с приходом нового главы города. Подбранная им команда постепенно выстроила отношения с корпорацией, доказав, что совместные усилия могут существенным образом изменить ситуацию в городе. Сегодня руководство городом считается элитой местного самоуправления в Крае. Город является победителем во многих краевых номинациях и не только в них. Мотивация команды от этого только повышается.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, исследовательский проект № 20-011-31192 опп.

Чистякова Н.Г. (Москва, МГИМО МИД России)

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА

Ситуация в современном мире характеризуется высокой социальной напряженностью и многочисленными уличными протестами как в странах Евросоюза, так и за его пределами. Вспомним события в Каталонии, Франции, Чили, Ливане, Алжире, Багдаде, Порт-о-Пренсе, Джакарте и других местах. В своих обращениях секретарь ООН Антонио Гутеррес связывает эти события с чрезмерным финансовым давлением, неравенством и другими структурными проблемами. Кризис, вызванный пандемией, и меры, призванные предотвратить распространение инфекции, также дают возможность взять под контроль (временно!) уличные протесты и попытаться решить вызвавшие их проблемы.

Несмотря на обращения всемирных организаций и даже публичную риторику многих национальных лидеров, призывающих сплотиться в совместной борьбе с коронавирусом в глобальном масштабе, на практике пандемия привела скорее к разобщению, нежели к сплочению. Не только всемирные организации не смогли возглавить глобальную борьбу с пандемией, но даже политически и экономически

оформленные, структурно подготовленные и финансово обеспеченные надгосударственные структуры Евросоюза ушли в тень в разгар кризиса. «Интегрированные» страны Евросоюза в одночасье позакрывали свои границы, и на пике кризиса борьба велась почти исключительно на национальных уровнях. Ни общей стратегии борьбы с коронавирусом, ни общего бюджета, ни даже какой-то существенной взаимопомощи между странами Евросоюза не наблюдалось.

Лидеры Германии и Франции предложили учредить так называемый фонд восстановления в размере 500 млрд евро с целью поддержки «наиболее пострадавших секторов и регионов». Эти средства будут получены в виде займов на мировых финансовых рынках под гарантии Евросоюза и выплачиваться пострадавшим странам ЕС в виде не требующих возврата траншей. Возместить эти траты планируется в течение 20 лет из бюджета Евросоюза, главным донором которого является Германия.

Против этого предложения уже выступила четверка «жадин», как их называют сами европейцы – это Дания, Швеция, Нидерланды и Австрия. Эти страны готовы давать деньги только в кредит и никаких подачек (как они называют не требующие возврата субсидии). Но даже не они являются главным препятствием принятию предложения Франции и Германии, а наши бывшие союзники по Варшавскому договору, а ныне основные реципиенты субсидий от Евросоюза – страны так называемой Вышеградской группы – Венгрия, Польша, Словакия и Чехия. Эти страны, на удивление мало пострадавшие от коронавируса, обеспокоены, что помощь сильно пострадавшим будет производиться за счет сокращения их субсидий.

Коронавирус может послужить лакмусовой бумажкой, которая поможет выявить реальные драйверы европейского интеграционного проекта. Ради чего и в чьих интересах осуществляется этот проект? Происходящее в настоящий момент свидетельствует скорее о том, что Евроинтеграция теряет свой демократический, социальный и миротворческий имидж и осуществляется прежде всего в интересах капитала.

Можем ли мы вынести какой-то позитивный опыт, рассматривая политику стран Евросоюза по борьбе с коронавирусом? Разумеется, здесь хотелось бы упомянуть о нескольких примерах “successstories” в борьбе с COVID-19. Греция и Швеция, две очень разные страны и по культуре, и по темпераменту местных жителей, и по уровню жизни и качеству медицинского обслуживания, довольно успешно прошли испытание коронавирусом.

Обе страны продемонстрировали тесное сотрудничество и взаимоподдержку гражданского общества (граждан страны) и руководства (политических элит).

Какие же условия оказались необходимыми для успешного преодоления эпидемии:

1. Финансовая поддержка государственной медицины, именно она приняла на себя основную нагрузку по борьбе с вирусом.
2. Взаимная поддержка и доверие между гражданским обществом и государственными элитами.
3. Главенствующая роль специалистов-медиков, представителей гражданского общества в разработке стратегии борьбы с пандемией.
4. Своевременное государственное финансирование малого и среднего бизнеса.
5. Поддержка незащищенных слоев населения.

Чугров С.В. (Москва, МГИМО МИД России)

75 ЛЕТ СПУСТЯ: «НОВЫЙ ВЗГЛЯД» ЯПОНСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Минуло 75 лет с тех пор, как на Тихом океане завершилась Вторая мировая война. Подошел тот рубеж, за которым почти не осталось ветеранов, хранящих опыт переживания войны. Им на смену пришло уже «поколение внуков», знающих о войне лишь из учебников и фильмов. На размывание «последовоемного сознания наложилась глубокий системный кризис Ялтинско-Потсдамской модели международных отношений. По сути эти два фактора тесно переплетены. Трансформация исторической

памяти и переживания военного прошлого поставили вопрос о том, как можно приблизить конец «послевоенного периода» и вступления в новый миропорядок. Исследование опирается на комплексный анализ складывания новой политической реальности в бассейне Тихого океана, прежде всего в контексте российско-японских отношений после внесения поправки в Конституцию России, запрещающей нарушать территориальную целостность страны.

В условиях, когда в Североатлантическом регионе изменение интерпретации военного прошлого привело к попыткам фальсификации истории, обнажающих антироссийский курс, в Токио склонны настаивать на том, что именно сейчас пришла пора исправить допущенную в ее отношении ошибку в виде «закулисного сговора» союзников по антигитлеровской коалиции. Курс официального Токио на «подведение черты под послевоенным периодом» сопровождается призывом избавиться от «клейма вражеской страны», пересмотреть мирную 9-ю статью конституции и стать «нормальной», то есть вооруженной, страной.

Анализ построен на результатах анонимного опроса 146 студентов Университета Сока (префектура Токио), проведенного автором в мае-июле 2020 г. На вопрос в сети интранет специально подготовленной исследователем анкеты о том, завершился ли в Японии послевоенный период, 79% респондентов ответили, что он «продолжается», и лишь 21%, что он закончился. Но на уточняющий вопрос к респондентам, заявившим, что он «продолжается», почему они так считают, 58% указали в качестве причины нерешенные территориальные споры, 36% – наличие военных баз США на японской территории, а 53% ответили: «Потому что память о войне остается».

Еще более красноречивыми оказались эссе, написанные в июле 2020 г. по военным нарративам 20-ю студентами, из которых следует, что японская молодежь озабочена преодолением комплекса коллективной вины. Как показали студенческие эссе, Японии необходимо, с одной стороны, преодолеть внешний негативный имидж (в глазах соседних Китая и Республики Корея) страны, совершившей тяжелые преступления, приведшие к поражению в правах, с другой стороны, при этом не уронить достоинства поколения, непричастного к этим деяниям и прекратить цепь извинений перед соседями. Речь идет о переходе к иным ценностно-смысловым кодам, которые национальное сознание применяет для расшифровки нарративов прошлого в поисках достойных ориентиров для обновления идентификационной матрицы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31262 («Современное переосмысление истории Второй мировой войны в Японии в контексте меняющегося политического ландшафта в Восточной Азии и национальных интересов России»).

Чугунов А.В. (Санкт-Петербург, Университет ИТМО)

МОНИТОРИНГ РЕСУРСОВ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ В РОССИИ: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ

В докладе представлены результаты мониторинга ресурсов электронного участия в России, который проводился Центром технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО в декабре 2019 года.

В рамках мониторингового исследования проанализированы 205 ресурсов регионального уровня и 155 – муниципального уровня, которые относятся к одному из шести выявленных каналов электронного участия: (1) «открытый бюджет»; (2) инициативное бюджетирование; (3) электронные петиции; (4) электронные голосования; (5) сообщения о проблемах; (5) краудсорсинг.

Исследование проводилось по специальной методике, основанной на системном подходе. Каналы электронного участия оценивались по пяти критериям: (1) открытость; (2) доступность; (3) принятие решений; (4) качество обратной связи и (5) специальные требования.

Мониторинг продемонстрировал существенные региональные и муниципальные диспропорции в представленности каналов электронного участия и степени их развития. Общая оценка по регионам варьируется от 0 до 83 баллов, на муниципальном уровне – от 0 до 62 баллов.

Наиболее широко распространенным каналом электронного участия является «открытый бюджет», наименее распространены краудсорсинговые ресурсы. Это свидетельствует о доминировании информационной модели электронного участия над более активным вовлечением граждан в процессы публичной политики. Слабым местом многих ресурсов электронного участия является качество «обратной связи», которая в большинстве случаев ограничивается наличием контактных данных органов власти и не предполагает возможности оставить обратную связь напрямую через портал или не соглашаться с результатом обращения.

В результате исследования выявлена позитивная тенденция создания платформенных решений и комплексных ресурсов, объединяющих различные каналы электронного участия, что позволяет гражданам не только фиксировать нарушения или недостатки, но и предлагать пути решения проблем, а также вступать в прямой диалог с представителями органов власти по этим вопросам.

Ключевыми направлениями развития электронного участия в России могут стать: (1) расширение разнообразия региональных и муниципальных каналов электронного участия; (2) повышение прозрачности системы учета мнений граждан при принятии управленческих решений; (3) развитие механизмов «обратной связи», что позволит соотносить вклад граждан в подготовку и принятие решений с реализацией и результативностью этих решений.

Коллектив исследователей планирует продолжение ежегодного мониторинга и совершенствование методики оценки каналов электронного участия в регионах Российской Федерации.

Важной научной задачей представляется проведение вторичных сравнительных исследований, предполагающих выявление корреляций данных нашего рейтинга с данными других исследований, измеряющих уровень цифрового и экономического развития регионов Российской Федерации.

Разработка методики мониторинга и проведение исследования осуществлялись при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00360 «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений».

Чумиков А.Н. (Москва, МГЛУ)

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЗАХВАТЕ И УДЕРЖАНИИ ВЛАСТИ: ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

В теоретическом наследии В.И. Ленина анализируется роль средств массовой информации (СМИ) в ситуации захвата, а затем удержания власти субъектами политических отношений. Рассматриваются такие понятия, как «свобода», «экономические обличения», «политическое воспитание (агитация)», «партийная печать/литература (у В.И. Ленина это эквивалент СМИ)» и др.

Констатируя, что «свобода слова и печати должна быть полная» и что «каждый волен писать и говорить всё, что ему угодно, без малейших ограничений», В.И. Ленин, казалось, бы недвусмысленно выступает за свободу печати. Однако далее он заявляет, что в обществе, основанном на власти денег, речи об абсолютной свободе – «одно лицемерие», поскольку свобода буржуазного писателя есть лишь «замаскированная зависимость от денежного мешка». Другое дело - пролетарская литература, свобода которой заключается в открытом служении десяткам миллионов трудящихся. Но и здесь никакой абстрактной свободы нет: она должна соответствовать принципу партийности, когда литературное дело становится «подотчётной» составной частью партийной работы. То есть «я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне (партии – авт.), во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то» (Ленин, Т. 12, с. 99-105).

Интересна динамика представлений В.И. Ленина об эффективных СМИ. Сначала это «листки», которые своими разоблачениями фабричных порядков «вызывали со стороны рабочих общее требование устранить... безобразия и готовность поддержать эти требования стачками» (Ленин, Т. 6, с. 465-505). Но в ходе развития большевистского движения раздробленная агитация посредством листов и брошюр становится недостаточной, и на повестку дня выдвигается вопрос создания периодической прессы, общерусской политической газеты — коллективного пропагандиста и агитатора (Ленин, Т. 5, с. 5-13). Этого также мало. Вокруг газеты должна возникнуть сеть агентов, которые вырастут в искусных организаторов, талантливых политических вождей и станут остоном партии. В написанной в 1922 г. статье «К десятилетнему юбилею «Правды» В.И. Ленин связывает её успех с тем, что за газетой стояли «сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победивших и гнёт царизма, и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма» (Ленин, Т. 45, с. 173-177).

Что должно стать содержанием партийной прессы? Сначала – экономические обличения порядков на отдельных предприятиях, а затем - всесторонние политические обличения самодержавия в целом. И всё это – в то время, когда партия большевиков находится в оппозиции. Когда же она приходит к власти, политическая агитация «на старые темы» теряет актуальность. Разоблачения по-прежнему нужны, но теперь они должны касаться таких явлений, как «подлое предательство лакеев буржуазии», «лязганье зубами американских миллиардеров» и т.п. А главное – показ фактов строительства новой жизни: есть ли успехи крупных фабрик, земледельческих коммун? Как сделать их более широкими?» (Ленин, Т. 37, с. 89-91).

Какие методы работы СМИ приемлемы? В сентябре 1917 г. В.И. Ленин критикует царистскую, а потом и буржуазную республиканскую печать за применение метода политического шантажа в виде «угрозы разоблачением или разоблачения фактических, а чаще вымышленных «историй». Цель шантажа – «запачкать ненавистного ей (власти – авт.) пролетарского революционера клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами» (Ленин, Т. 34, с. 90-94).

Однако уже в следующем году, после победы Революции, её вождь в уже упомянутой статье «О характере наших газет» сожалеет, что «мы не умеем вести классовую борьбу в газетах так, как её вела буржуазия. Припомните, как великолепно травила она в прессе её классовых врагов». А мы? Скольких «мы поймали, скольких изобличили, скольких пригвоздили к позорному столбу?»

Практика советского и постсоветского периодов продемонстрировала сохранение практически всех обоснованных В.И. Лениным положений о работе со СМИ. Так, всякая оппозиция, в целях накопления и сохранения своего влияния, активно критикует в медиа как отдельные порядки на предприятиях, так и власть в целом; а после прихода к власти продвигает и защищает «факты строительства новой жизни». Неприемлемые ранее методы политической агитации и шантажа становятся допустимыми и наоборот. Понимание свободы как возможности критиковать трансформируется в свободу защищать государственные интересы.

Что касается эффективности СМИ, то и здесь, несмотря на их колоссальное развитие, ленинские принципы сохраняются: множество индивидуальных и групповых информационных каналов недостаточно - нужны доминирующие СМИ с охватом определяющей части населения страны; чтобы удержать потребительский рейтинг, эти СМИ должны создавать вокруг себя сообщества.

Литература

1. Ленин В.И. К десятилетнему юбилею «Правды». ПСС. 5-е изд. Т. 45. С. 173-177.
2. Ленин В.И. О характере наших газет. ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 89-91.
3. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература. ПСС. 5-е изд. Т. 12. С. 99-105.
4. Ленин В.И. Политический шантаж. ПСС. 5-е изд. Т. 34. С. 90-94.
5. Ленин В.И. С чего начать? ПСС. 5-е изд. Т. 5. С. 5-13.
6. Ленин В.И. Что делать? ПСС. 5-е изд. Т. 6 С. 465-505.

Шабров О.Ф (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ЛЕНИНСКОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Становится всё более очевидным, что человечество вступило в эпоху глобальной нестабильности, вызванной непримиримым противоречием между пределом антропогенной нагрузки на природу и ориентацией сложившихся производственных отношений на стимулирование бесконечного роста материального потребления. Конечно, ни в трудах В.И. Ленина, ни тем более в работах К.Маркс и Ф.Энгельс мы не найдём прямого ответа на связанные с этим вопросы. Но самые общие подходы к пониманию возможности изменения этих отношений в их наследии содержится.

Основной из этих вопросов – это общественный строй, способный, придя на смену существующему, решить возникшее противоречие. Иными словами, необходимо вернуться к их пониманию социализма. В частности, можно ли строй, возникший в СССР, называть социалистическим. Для этого нужно вернуться к философским построения К.Маркса, положенным им в основу своего социально-экономического учения. Центральное место среди них занимает проблема отчуждения наёмного работника, вынужденного работать на собственника средств производства. Будучи отправной точкой в цепочке «частная собственность – отчуждение продукта труда – отчуждение процесса труда – самоотчуждение – отчуждение от других людей – частная собственность», последняя таким образом самовоспроизводится, и отчуждение, а значит, и несвобода, преодолевается не внутри экономических отношений, а в результате политической эмансипации работников (Маркс, Т. 42). Эта мысль воспроизводится им и его последователями в различных контекстах по-разному, но суть остаётся неизменной: социализм преодолевает наёмный труд, поскольку работник становится собственником, а для этого надо «...превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчинённый» (Маркс, Т. 19, с. 26). Средства производства должны перейти в общественное владение, и государство становится социалистическим, лишь заняв место распорядителя от имени народа.

Октябрьская революция 1917 года не привела и не могла привести Россию к социализму. Ликвидация частной собственности субъективно оправдана и объективно обусловлена лишь в той мере, в которой это связано с преодолением отчуждения человека. Более того, в отсутствии этой связи ликвидация частной собственности невозможна. Подтверждением этого вывода служит история нашего общества, в котором на смену традиционной капиталистической собственности закономерно пришла её превращённая форма – частная собственность государства, утвердившегося в качестве совокупного предпринимателя.

Сам В.И. Ленин это прекрасно понимал и неоднократно на это указывал. В частности, в 1922 году, в статье, посвящённой четырёхлетию революции, он написал: «Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто другой. Мы вполне сознательно, твёрдо и неуклонно продвигаемся вперёд, к революции социалистической...» (Ленин, Т.44, с.144-145). И он последовательно выстраивал механизмы, с помощью которых работники могли осуществлять эффективный контроль за деятельностью государственных органов. Одним из таких механизмов стала созданная в 1920 году по его инициативе Рабоче-Крестьянская инспекция, представлявшая собой институт контроля снизу (Шабров, 1990). С ликвидацией Наркомата РКИ 1934 году власть окончательно вышла из-под контроля трудящихся. В 1965 году Верховный Совет СССР принял решение о создании органов народного контроля, частично восстановив в стране контроль снизу за органами государственной власти. Однако в мае 1991 года и эти органы контроля снизу были упразднены.

Кризис сложившихся форм организации общественных систем налицо. Общество потребления реагирует на него упрощением индивидуального и общественного сознания, формированием примитивных потребностей и использованием современных технологий управления поведением простых

граждан. Возможности подобного рода ресурсов ограничены и ведут к усилению напряжённости в отношениях между людьми и между человеком и природой. Для решения этих противоречий полезно обратиться к теоретическому наследию марксизма, в том числе В.И. Ленина, их пониманию сути социализма, которая принципиально отличается от реализованных в XX веке форм государственного устройства, считающихся социалистическими.

Литература

1. Ленин В.И. К четырёхлетней годовщине Октябрьской революции. ПСС. Т. 44. С.144-145.
2. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., Т. 19.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42.
4. Шабров О.Ф. Ленинская идея рабкрина: теория, история, современность. М., 1990.

Шадже А.Ю. (Майкоп, АГУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

В условиях новых глобальных рисков исключительную научную и политическую актуальность приобретает такой феномен, как управление. На этапах классической и неклассической науки оценивалась эффективность управления, исходя из силы управляющего воздействия или применяемых средств и методов. В условиях современности заметна ограниченность классических и неклассических принципов управления, основанных на линейном мышлении.

Осмысливая мир, охваченный непредсказуемыми рисками, и современные политические процессы, следует отметить, что принципиально важной является понимание необходимости преодоления сложившихся парадигм мышления и разработки новой модели управления. Это связано с тем, что политическая система относится к сложным саморазвивающимся системам, включающим человека в качестве своей части. Определить поведение таких систем и прогнозировать их будущее сложно, поскольку усложняются уровневые организации по мере их развития.

А это выдвигает на первый план теоретически и практически важный вопрос: как совместить процессы самоорганизации сложных политических систем с управлением сложностью? Ключевой вопрос – анализ современного политического управления сложными системами, основанного на принципах нелинейного мышления. Нелинейное мышление с синергетической точки зрения (в мировоззренческом смысле) означает: видение многовариантности путей эволюции; наличие выбора из альтернативных путей и определенного темпа эволюции; необратимость эволюционных процессов; влияние человека на саморазвивающуюся систему; эволюционность и целостность мира; недопустимость навязывания сложным системам путей развития; протекание процессов в сложных системах в условиях неопределенности и нестабильности²³⁰.

Нелинейное мышление предполагает «мягкое управление», исключающее насилие, волюнтаризм, «макиавеллизм» и т.д., а также контекстуальный подход и принятие решений на основе взаимосоглашанного развития различных структур как в мире, так и в регионе.

Новые методы управления открывают новые смыслы взаимодействия целого и части – страны и региона. Это наполняет управление сложным обществом новым видением взаимосвязи настоящего и будущего, новым содержанием активности человека, согласованностью внутренних и внешних факторов, что означает несиловое взаимодействие на процессы самоорганизации. Из этого следует вывод, что «мягкое управление» позволяет увидеть новые конструктивные силы в обществе, а также определить прогностический потенциал в принятии политических решений.

230. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002. С.36, 150.

Исследование управления представляется эффективным в условиях современной науки и политики на основе полипарадигмального и междисциплинарного подходов. Применение нового /совмещенного подхода – современной научной парадигмы в гармоничном сочетании с теорией «мягкой силы» (Дж. Най) – к такой сложной открытой эволюционирующей системе, как «управление» позволит выявить механизм его функционирования и особенности мягкого / несилового управления политическим управлением. Важность и значимость руководства предлагаемой методологией, ориентированной на изменяющиеся явления / инновационное управление, состоит в том, что она позволит выявить «параметры порядка» в управлении, на которые можно воздействовать в целях достижения инновационного развития стран и регионов, гармонично совмещая процессы самоорганизации и управления сложными социально-политическими системами / странами в условиях современных вызовов и угроз.

Такой методологический подход позволит определить пути формирования «нелинейного мышления» у управленцев и показать на разных уровнях, что «управляющее воздействие может быть связано с руководителями, конкретными людьми, органами государства, так и дискурсом/дискурсивными идеологическими практиками»²³¹.

Итак, человек, являясь частью сложной политической системы, осуществляет управление, проявляет конструктивную или деструктивную деятельность. Его мышление, ценностно-мировоззренческие ориентации, целевые установки, отношение к Другому определяют принятие им управленческих решений, от которых зависит поведение сложной системы – характер и динамика направления ее развития.

Работа выполнена при поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31523.

Шапиро Н.И. (Москва, ИМЭМО РАН)

ДЕГРАДАЦИЯ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

В 2010-е гг. в условиях кризиса в отношениях между Россией и Западом, который является наиболее глубоким и масштабным с момента окончания холодной войны, в межгосударственных отношениях усиливаются элементы взаимного сдерживания. Трансформируется ядерная картина мира. Растущие ракетно-ядерные амбиции отдельных государств оказывают дестабилизирующее воздействие на региональную и международную безопасность. Процесс насыщения конвенциональных вооружений передовыми технологиями приобретает новую динамику. Появляются новые виды вооружений, на которые не распространяются методы контроля. Продолжается размывание грани между ядерными и конвенциональными вооружениями, глобальными и региональными системами, оборонительным и наступательным оружием.

В контексте поддержания стратегической стабильности особенно деструктивное воздействие на современную военно-политическую ситуацию оказывает стремление США к понижению порога применения ядерного оружия. Оно зафиксировано на доктринальном уровне и реализуется в программах разработки новых ядерных боезарядов. В период правления республиканской администрации Д. Трампа во внешней политике США усилилось стремление освободиться от международных обязательств, ограничивающих свободу их действий. Этот тренд обозначился задолго до прихода Трампа к власти. Яркой иллюстрацией служит выход США из Договора по ПРО в 2002 г. В 2019 г. США начали процедуру денонсации Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Поводом послужили инсинуации о «многолетних нарушениях» со стороны России и неучастие в договоре Китая. В августе 2019 г. ДРСМД прекратил действие. В ядерной доктрине США 2018 г. зафиксировано отсутствие намерения ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, что ставит под угрозу его эвентуальное вступление в силу. Сохраняется неопределенность вокруг продления российско-американского договора о СНВ 2010 г. (срок действия истекает в феврале 2021 г.).

231. Хунагов Р.Д., Шадже А.Ю., Куква Е.С. Инновационное управление регионом в контексте укрепления российской идентичности. Социс. – М., 2015, № 3. С.131.

Происходит существенное наращивание военной активности отдельных государств и военно-политических альянсов. Особую озабоченность Москвы вызывает активизация НАТО у российских границ с 2014 г. В частности, размещение дополнительных сил в Прибалтике и Польше; интенсификация, изменение характера и масштабов учений; рост числа заходов кораблей альянса в Балтийское и Черное моря. Ситуация усугубляется линией США и их европейских союзников на введение элемента непредсказуемости в деятельность ВС, а также повышение темпов их развертывания. Эта тенденция проявляется в применении Вашингтоном концепции динамического использования сил и инициативе «военного Шенгена», выдвинутой в рамках ЕС.

В условиях обострения напряженности в военно-политической сфере и общей деградации отношений России и Запада повышается востребованность договорных механизмов глобального и регионального контроля над вооружениями. Однако на практике происходит деконструкция системы юридически обязывающих соглашений, сформировавшейся в период холодной войны и 1990-е гг. Комплекс договорных механизмов, позволяющих обеспечить стабильность на глобальном и региональном уровнях, заменяется менее надежными механизмами «мягкой» координации²³².

Новые диалоговые форматы позволяют ослаблять вызовы региональной стабильности. В частности, в 2015 г. налажен канал связи между военными России и США в целях предотвращения столкновений в Сирии. С 2015 г. функционирует горячая линия между Министерством обороны РФ и командованием НАТО в Европе. В 2016 г. германская дипломатия выступила с инициативой организации структурированного диалога по безопасности в рамках ОБСЕ. Новые каналы координации действий и юридически необязывающие договоренности оказывают определенное стабилизирующее влияние на военно-политические отношения между Россией и Западом. Но в отличие от договорных механизмов они не обеспечивают сопоставимого уровня предсказуемости и транспарентности. В условиях существенного усложнения повестки дня международной безопасности, а также трансформирующего воздействия новых видов вооружений, способных изменить облик ВС, новые механизмы являются недостаточными.

Деградация системы контроля над вооружениями, начавшаяся до кризиса отношений России и Запада в 2010-х гг., стимулирует стороны к поиску новых механизмов обеспечения военно-политической сдержанности. Растущие риски непреднамеренных инцидентов, спровоцированных неверной интерпретацией намерений или действий сторон, поощряют Россию и Запад к диалогу. Однако кризис доверия и накопленные противоречия, отягощенные новыми взаимными подозрениями и обвинениями, служат существенным препятствием для реанимирования диалога по вопросам правового оформления ограничения или сокращения вооружений.

Шаповалов В.Л., Тюков Н.А. (Москва, МПГУ)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: МЕХАНИЗМЫ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССАХ

Фундаментальной научной задачей является изучение особенностей влияния ценностных установок, внутренней и внешней мотивации на социальную коммуникацию и механизмы ее осуществления.

Объектом исследования являются педагогические сообщества российских городов.

Предметом исследования – механизмы и мотивация участия представителей педагогического сообщества в политических и гражданских процессах.

232. Истомин И.А. Военно-политическое балансирование России и Запада: эволюция и перспективы // Россия и США в XXI веке. Особенности отношений / Под ред. Т.А. Шаклеиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – С. 111.

Педагогическое сообщество является одной из ключевых профессиональных групп, вовлеченных в процессы гражданской и политической деятельности. Учителя осуществляют в рамках своей профессиональной деятельности формирование системы ценностных ориентаций детей и молодежи, организуют и обеспечивают их вовлечение в общественно-значимые активности. Школа, несмотря на значительную эволюцию общественных отношений в условиях развития информационного общества, по-прежнему остается главным инструментом политической социализации, трансляции ценностных ориентаций подрастающему поколению. Именно педагог выполняет ключевую функцию в формировании представлений о фундаментальных политических ценностях общества, принципах функционирования политической системы, политических институтах, отношении государства и личности, комплексе гражданских и политических прав и свобод человека, роли гражданина в принятии политических решений и его возможном участии в политической деятельности. Следовательно, гражданская и мировоззренческая позиция педагога, выступающего транслятором смыслов и ценностей будущим поколениям, является фундаментом устойчивого и осознанного воспроизводства и развития политической идентичности общества.

Кроме того, педагоги являются наиболее массовой профессиональной группой, вовлеченной в электоральный процесс. Именно учителя составляют основную массу членов участковых избирательных комиссий, как правило, территориально расположенных в зданиях средних общеобразовательных школ. Таким образом, учитель не только выступает транслятором политических идей и ценностей в рамках учебной и воспитательной деятельности, но также играет ключевую роль в процедурах легитимации власти посредством голосования, являясь важным элементом формирования коммуникации между гражданином и государством в рамках электорального процесса и реализации политического участия граждан.

В то же время социальная и политическая роль педагога обладает ярко выраженным дуализмом, где наряду с общественной функцией серьезное значение играют личные установки, ценности и мотивация гражданина. Участие педагога в политической и гражданской деятельности в значительной степени зависят от его политической позиции, которая может варьироваться от его убеждений и ценностей от лоялистской до оппозиционной, от активистской до абсентеистской.

Дополнительным фактором влияния является социальный статус педагога, позволяющий ему воздействовать не только на учащихся, но и на других граждан, прямо или косвенно вовлеченных в образовательный процесс, создающий выгодные условия для трансформации в лидера общественного мнения. Особое значение этот фактор имеет в сельской местности и небольших городских населенных пунктах.

Необходимо отметить, что в относительно небольших городах с численностью населения от 100 тысяч до 500 тысяч человек педагоги являются/ могут являться общегородскими лидерами общественного мнения; в более крупных по численности населения городах, являющихся областными центрами, такая тенденция существенно менее выражена.

Таким образом, педагогическое сообщество в целом и педагог в частности имеют гораздо больше возможностей, механизмов и практик участия в политической и гражданской сфере.

Выявленный дуализм ценностной системы педагога (как гражданина и как транслятора общественно значимых ценностей), трансформация его социальной роли в современном российском обществе дает основания полагать, что роль и позиция педагога в восприятии общества подвергается серьезным изменениям.

Участие педагогов в различных по своей направленности политических акциях (от лоялистских до протестных) требует четкого понимания мотивации этих действий, соотнесения ее с ценностными ориентирами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31630 «Педагогическое сообщество: механизмы и мотивация участия социально значимой профессиональной группы в политических и гражданских процессах».

Шарахина Л. В. (Санкт-Петербург, СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ ВЕСНОЙ 2020 Г.

Развитие информационно-коммуникативных технологий, информационная революция, повлекли за собой трансформацию социально-экономического уклада общества, в том числе политических коммуникаций.

Пандемия COVID-19 катализировала процессы в системе разделения труда, которые ранее предсказывались аналитиками, изучающими влияние компьютеризации на будущие профессии. Стало очевидным, что рутинные операции, в том числе и мыслительные, не требующие творческого подхода, а также индивидуальной или коллективной ответственности при принятии решений, будут переданы техническим помощникам. К ним относятся рядовые офисные клерки, секретари, кассиры, продавцы и проч.

Какое влияние оказали данные процессы на стратегии политических коммуникаций? Медиаповестку весны 2020 года нередко называли «идеальным информационным штормом», в котором информация, не связанная с COVID-19, оставалась вне внимания населения. В этой связи наиболее заметными стали политические события и лидеры, демонстрировавшие свою непосредственную связь с урегулированием негативной ситуации, связанной с пандемией коронавируса, или носили сенсационный, скандальный характер.

Тем, кто остался без работы (рядовые менеджеры по туризму, экскурсоводы, официанты, работники фитнес-центров и проч.), важно было транслировать сообщения о социальной поддержке и её механизмах, значении её в преодолении сложившейся ситуации (обращения В. В. Путина к россиянам, его посещение больницы в Коммунарке, заявления и комментарии М. Мишустина, Т. Голиковой, С. Собянина создают образ вовлечённых руководителей, способных принимать решения, нередко непопулярные, и нести за них ответственность перед населением). В данном случае важна персонализация власти и активное информирование.

Те, кто был отправлен в оплачиваемые или неоплачиваемые отпуска (официально трудоустроенные сотрудники компаний, имеющих потенциал восстановиться при снижении коронавирусных ограничений), нуждались в той же информации, что и первая группа, но для них приобретала особое значение коммуникация с представителем работодателя. Во многих сферах наблюдалась отраслевая интеграция: компании объединялись в союзы и начинали консолидированный диалог с властью в профильной сфере. Политическим лидерам и представителям отраслей важно было транслировать сообщения о нацеленности на совместную деятельность по решению сложившейся ситуации, гибкости при принятии решений, принадлежности к отрасли, компании, инициативной группе и проч. (например, «Правительство решило отказаться от единого перечня системообразующих предприятий: вместо этого профильные министерства формируют динамичные отраслевые списки, которые утверждает Правительственная комиссия по повышению устойчивости развития российской экономики, которую возглавляет первый вице-премьер Андрей Белоусов» (https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/what-to-do/business/systemoobraz_predpriyatiya.html)).

В данном случае работодатель выступает корпоративным гражданином, то есть актором, готовым к разделению ответственности перед сотрудниками за происходящее, участию в решении политических, экономических и социокультурных последствий пандемии, реализуется стратегия диалога политических структур и корпоративных граждан.

Специалисты, применяющие сложные эвристические методы для решения стоящих перед ними задач, способные к освоению ИКТ для осуществления своей трудовой функции, продолжили свою деятельность с большей или меньшей эффективностью и нагрузкой (в зависимости от степени готовности

менеджмента перестраивать ежедневные бизнес-процессы с применением ИКТ). С учётом особенностей таких сотрудников и их взаимоотношений с работодателями, заинтересованными в формировании лояльности высококвалифицированных сотрудников в силу их высокого значения для поддержания конкурентоспособности организации, на первый план выходят внутрикорпоративные коммуникации.

Таким образом, компания-работодатель является корпоративным гражданином, способствующим стабилизации экономической ситуации через решения, принимаемые менеджментом в организации эффективных бизнес-процессов, в том числе и через волонтерские проекты. Высококвалифицированные сотрудники также вовлекаются в коммуникативные процессы, часто готовы вносить свой вклад (финансовые и временные ресурсы) для повышения устойчивости и эффективности деятельности организации, демонстрируют свою гражданскую позицию и ответственность. От властей в таком случае ожидается эффективная стратегия информирования о принимаемых решениях в сфере медицинского обеспечения, образования, безопасности и др., то есть в сфере базовых потребностей человека. Иные темы коммуникационного взаимодействия раскрываются в большей степени во внутрикорпоративной повестке. На наш взгляд, здесь мы наблюдаем стратегии децентрализованных политических коммуникаций, когда корпоративный гражданин выступает амбассадором политических ценностей.

Шатилов А.Б. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

НОВЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЕПАРАТИЗМ КАК ВЫЗОВ «ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Традиционно в российской и зарубежной политологической литературе постсоветский сепаратизм в Российской Федерации связывался исключительно с «парадом суверенитетов» и активностью «региональных баронов» в условиях слабости федеральной власти 1990-х гг. Также сложилась устойчивая точка зрения о том, что сепаратистские тенденции в России были преодолены «командой» В.В.Путина в начале 2000-х гг., с одной стороны, в рамках реформы отношений федерального Центра и субъектов (унификация регионального законодательства, ликвидация «особого статуса» Совета Федерации, создание федеральных округов и полпредств, временное приостановление выборности губернаторов), с другой - в ходе показательной силовой зачистки мятежной Ичкерии, являвшейся лидером сепаратистского движения «лихих 90-х». И действительно с начала 2000-х гг. и до недавнего времени не было даже открытых проявлений региональной фронды, не говоря уже о демонстративном неповиновении федеральному Центру.

Тем не менее, в последние годы обозначилось несколько латентных сепаратистских тенденций, которые стали оказывать определенное влияние на региональную и федеральную политику. В частности, можно привести следующую классификацию «нового российского сепаратизма».

1. *Сепаратизм этно-религиозный*, который затрагивает, преимущественно, ряд республик Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия), где местные социально-экономические проблемы вкуче с подрывной деятельностью радикальных исламистских (псевдоисламских) организаций и проповедников активно подпитывали и подпитывают региональный сепаратизм и экстремизм. «Латентно-сепаратистский» характер носит также деятельность пантюркистов и «гюленовцев» в Татарстане и Башкирии.
2. *Сепаратизм культурно-исторический*. Он наблюдается в тех субъектах РФ, которые в различные исторические периоды так или иначе противопоставляли себя Москве и/или российскому государству в целом. Так, например, в Калининградской области с 1990-х гг. местная элита (по крайней мере, ее значительная часть) обыгрывает «Кенигсбергскую» тему, позиционируя регион в качестве «наследника Восточной Пруссии» и «неотъемлемой части Европы». Менее откровенно культурно-исторический сепаратизм выражен в других субъектах РФ, хотя в той же Тверской области до сих пор с подачи местного истеблишмента существует культ великого князя Михаила Тверского, оттертого от «ярлыка на великое княжение» нахрапистыми «москвитянами».

3. Перекликается с двумя выше обозначенными вариантами и современный *казачий сепаратизм*, связанный с требованием определенной части казачества признать их отдельным народом и восстановить казачье самоуправление.
4. *Сепаратизм аппаратно-политический*. Особое распространение получил после 2014 г., когда на волне социально-экономического кризиса местные, «коренные» элиты стали заниматься политическими спекуляциями, стремясь снять с себя ответственность за ухудшение жизни «подведомственного» населения. В частности, они стали откровенно перекаладывать ответственность за имеющиеся объективные и субъективные трудности на федеральный Центр, при этом не стесняясь публично заносить себе в актив различного рода федеральные блага и бонусы (например, введение в школах бесплатного горячего питания для учеников).
5. *Сепаратизм криминальный*. Несмотря на то, что «бандитская вольница» в России была подавлена еще в начале 2000-х гг., корни региональной организованной преступности остались. В целом ряде субъектов РФ до сих пор ощущается влияние криминала на политические и экономические процессы (Хабаровский край, Приморье, Красноярский край и др.).
6. *Сепаратизм регионального обособления*, связанный с фактической автаркией ряда территорий. В частности, можно привести пример Ненецкого автономного округа, где местные жители ощущают себя фактически отдельным сообществом, противостоящим экспансии как Архангельской области, так и «федералов».

Резюмируя, надо отметить, что, невзирая на то, что «неосепаратистские» тенденции еще не стали реальным дестабилизирующим фактором в Российской Федерации, тем не менее, они таят в себе серьезные риски для существующей политической системы.

Шашкова Я.Ю., Асеева Т.А. (Барнаул, АлтГУ)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ СФО И ДФО

Основным трендом развития всех сфер общественной жизни, в том числе политики, последних лет выступает растущая цифровизация, усилившаяся в период пандемии. Современная политическая реальность состоит из таких процессов, как электронное правительство и связанная с ним «мониторная демократия» (в определении Д. Кина), социальные сети как пространство политической коммуникации и мобилизации, создание политиками собственных информационных каналов (сайты, блоги, Instagram, YouTube-каналы и даже TikTok), актуальность которых будет только возрастать в связи с ограничением межличностного общения при проведении агитационных кампаний, и т.д.

В то же время, различные возрастные группы, в силу своей цифровой компетентности и доминирующих политических установок, по-разному реагируют на эти процессы. Наиболее органично вписывается в пространство он-лайн политики молодежь, для которой, начиная с 9 класса школы, социальные сети, мессенджеры и информационные интернет-ресурсы становятся основным источником информации о политике. Это приводит к нескольким особенностям политического сознания данной категории населения.

Во-первых, политический процесс воспринимается молодежью контекстно и недифференцировано по уровням. Как показали опросы, у большинства школьников и студентов отсутствует потребность в целенаправленном поиске информации о политике, ее место занимают новости в лентах мессенджеров и поисковых систем, комментарии в блогах, в связи с чем учащиеся больше осведомлены о событиях в мире и России, чем о локальных политических процессах.

Во-вторых, сформировавшись в условиях информационного общества, одним из главных признаков которого выступает общедоступность разнообразной информации, современная молодежь очень рано вырабатывает навык ее быстрого сканирования и критической оценки на основе собственного мнения

и информационных приоритетов. Кроме того, информационное разнообразие приводит, как отмечал Йен Шапиро, к размыванию «старых» форм идентичности. Молодые люди привыкают к возможности ее менять, словно в игре, где «мы-они» подвижны и не становятся главной демаркационной линией. Образ другого (друга-врага) размягчается (soften). Их (врагов, друзей) становится то больше, то меньше. Поэтому же больше половины респондентов не стремятся соотнести свои ценностные предпочтения с конкретной идеологией, предпочитая самоидентифицироваться как носители «смешанных» политических взглядов.

В условиях цифровизации трансформируется и политическое поведение молодежи. Так, интернет сдвигает возраст начала политической активности, в связи с чем около половины школьников, согласно опросам, уже имеют опыт политического участия. При этом обращает на себя внимание явное преобладание неинституционализированных форм политической активности над институционализированными, а также кризис доверия к традиционным институтам выражения интересов, тем более требующим личных усилий и/или ответственности, таким как участие в выборах, участие в митингах и демонстрациях, в деятельности общественных организаций и партий. Готовность участвовать в митингах и демонстрациях особенно высока у респондентов в возрасте 15, 17-18 и 13 лет.

С другой стороны, обсуждение в социальных сетях и репосты политической информации в большинстве случаев замещают для школьников и студентов традиционные формы политического участия. Особенно значение политических интернет-коммуникаций велико для молодежи, проживающей в малых городах, что обусловлено слабостью развития социальной и культурно-досуговой инфраструктуры при высоком уровне политизации данной группы.

В целом можно констатировать, что именно на молодежь в первую очередь ориентирована растущая цифровизация политики. Однако попытка вписать политическую информацию в потребляемый молодежью развлекательный контекст приводит к снижению эффективности передаваемых сообщений, а также ставит под сомнение их мобилизационные возможности, в частности в период выборов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31061 опн.

Шаяхметов А.М. (Уфа, БАГСУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН РАДИЯ ХАБИРОВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Радий Хабиров вернулся в Республику Башкортостан в качестве врио Главы в октябре 2018 года, после неожиданной отставки прежнего руководителя региона Рустэма Хамитова. Приход нового главы республики сопровождался беспрецедентной поддержкой со стороны местных элит и общества, завышенных ожиданиях и щедрых обещаниях. Причина этого – в усталости от политики и личности Р.Хамитова. При этом, его внутривнутриполитический курс не вызывал острого неприятия со стороны электората (на выборах 2014 года он получил традиционные для республики 81,7% голосов, и его официальный рейтинг с тех пор не опускался ниже 70%), но накопилась существенная усталость от постоянно декларируемых, но нереализуемых целей и задач. На практике же Башкирия жила в режиме существенной экономии, инвестиционный климат ухудшался, а регион из социально-экономической стагнации перешёл к системной деградации. Совокупность этих факторов, в сочетании с тем, что за 8 лет Р.Хамитов не сумел сформировать свою команду, прибегая к постоянной и малопонятной ротации, привела к неприятию политика в среде элит, а в обществе сформировалось представление о тупиковости тогдашнего курса, проявлением которого стал импровизированный салют у памятника Салавату Юлаеву после объявления об отставке.

В ситуации «кто угодно, только не...» Р. Хабиров получил беспрецедентную поддержку и практически неограниченный политический ресурс. Оказавшись в обстановке де-факто отсутствия контрэлит,

новый Глава Башкортостана с первого дня транслировал отличный от Р.Хамитова политический курс, опираясь на традиционные ценности и установки жителей республики. Будучи наследником модели политического управления Первого Президента Республики Башкортостан Муртазы Рахимова, Радий Хабиров изначально умело использовал сформировавшиеся романтически-ностальгические настроения по «рахимовщине».

Он предстал в образе жёсткого автократа с высоким уровнем доминирования, демонстрируя уверенность в себе, решительность и волю к быстрым кардинальным изменениям. В его риторике постоянно циркулировали фразы: «переломим ситуацию», «дожмём вопрос», «с этим я работать не буду», «не потерплю давления», «меня не сломать», при этом политик не скрывал «ручной» характер управления и апеллировал к патриархальным установкам жителей региона. Пиарщики Хабирова формировали образ заботливого, открытого каждому «отца», вернувшегося на родную землю после продолжительной командировки, сопровождая его слоганами и хэштегами: «#дома», «#счастьеработатьдома», «Без якшырак булдырабыз» («мы можем лучше» - отсылка к слогану Татарстана). Особо подчёркивалась необходимость заботы о детях, молодых родителях, пожилых людях, ветеранах, сельских жителях и социально незащищённых гражданах.

По своему поведенческому стилю Р. Хабиров предстал ярко выраженным «агитатором». Он не стеснялся регулярно произносить мотивирующие и ободряющие речи с чувством мессии-реформатора, часто повторять свои принципы и установки, записывать благодушные направляющие ролики перед выходными.

Такая бескомпромиссность и безапелляционность, избирательность в общении и безусловное доверие своей команде, на откуп которой была отдана вся информационная работа, выстроенная по нарабатанным шаблонам в отрыве от реальных внутренних процессов, во многом привели к противостоянию на горе Куштау.

Консолидированному протесту способствовал дисбаланс помпезных и стремительных обещаний, агрессивная и экспансионистская риторика и отсутствие измеримых результатов работы. В этой ситуации, Глава Башкирии был вынужден брать ответственность и весь негатив на себя, поскольку неоднократно и публично подчеркивал, что решение о разработке горы принято им, и он не потерпит любое инакомыслие в этом вопросе. Оказавшись перед необходимостью восстанавливать свой политический капитал, Радий Хабиров в одночасье изменил свою позицию, поступившись декларируемыми принципами и «обнулив» выдаваемые ранее гарантии и обещания.

За минувшие два года главы региона из ситуации отсутствия контр-элит пришёл к необходимости возвращать свой лидерский капитал в глазах всех своих избирателей, Кремля, жителей республики, бизнеса и собственной команды. В активную фазу входит трансформация его публичного имиджа. В частности, сегодня приходится отказываться от силового сценария решения острых вопросов, а выезжать на места и разговаривать с людьми. Подобный поведенческий транзит проходит для Хабирова очевидно сложно – приходится переступать через многолетние сложившиеся ценности и транслируемые установки, входить в резонанс с прежней моделью принятия решений и поведения своей команды.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31369 «Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти, политических институтах и лидерах».

Шведова Н.А. (Москва, ИСКРАН)

О 19-ОЙ ПОПРАВКЕ К КОНСТИТУЦИИ США, ИЗМЕНИВШЕЙ ЛИЦО АМЕРИКАНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА

В 2020 г. в США отмечается 100-летний юбилей 19-ой Поправки к Конституции США (*далее Поправка – прим. автора*), которая была принята высшим законодательным органом страны 4 июня 1919 г., а ратифицирована 18 августа 1920 г. Она предоставляла американским женщинам право голоса на федеральном уровне, законодательно гарантируя им это право.

Американскому обществу и государству пришлось преодолеть долгий путь для достижения этого рубежа: позади трудная борьба, которая требовала немалых усилий демократического движения в стране, и прежде всего, женского. Победа давалась нелегко: «оппоненты хулиганили, сажали в тюрьму, а иногда и физически издевались над ними», т.е. над сторонниками прав женщин²³³. В 1848 году движение «За права женщин» начало организовываться на национальном уровне²³⁴, через 30 лет (1878 г.) *Поправка* впервые внесена в Конгресс.

Чествование по всей стране отмечают 100-летие Поправки в условиях переживаемой страной пандемии. Не смотря на размах торжеств, а может быть именно поэтому, американские СМИ пестрят и сетованиями на то, что «на самом деле 19-я Поправка не давала права голоса всем женщинам». Аргументы сторонников этой позиции сводятся к тому, что, хотя текст Поправки утверждает «право граждан Соединенных Штатов голосовать как неотъемлемое или не подлежащее урезанию Соединенными Штатами или любым штатом по признаку пола»²³⁵, однако у чиновников, которые хотели бы помешать людям голосовать, много других инструментов для этого. Иными словами, после ратификации штатами законодательного документа больше не разрешалось удерживать людей от участия в выборах по половому признаку (*т.е. только потому, что они были женщинами*). Но в арсенале таких штатов по подавлению избирателей находились немало инструментов, которые уже были в «ходу» по всей стране для лишения избирательных прав тех лиц, которые были нежелательными, с точки зрения целесообразности определенных политических сил. Отчасти эта практика не изжита и сегодня, с чем ведется острая борьба.

Пандемия коронавируса изменяет способ голосования 3 ноября 2020, потому что штаты расширяют доступ к голосованию по почте как более безопасной альтернативы личному голосованию. На данный момент почти 180 миллионов американцев, имеющих право голоса, смогут проголосовать по почте, из которых 22 млн. живут в штатах, где в соответствии с законодательством причиной для заочного голосования признается «страх перед коронавирусом» или вообще не требуется никаких объяснений. Иными словами, осенью по меньшей мере 76% американских избирателей смогут проголосовать по почте²³⁶.

На каждом уровне у Республиканской партии есть проблемы с женщинами. Республиканская конференция в Палате представителей насчитывает 197 членов, но только 13 из них-женщины, т.е. 6,5%. Между тем, из 233 демократов Палаты представителей 88-женщины, т.е. 37,7 % - демократок почти в 6 раз больше. Поскольку женщины составляют 51 процент населения США и около 53 процентов голосующей общественности, республиканцы, возможно, захотят рассмотреть вопрос о том, как их судьба может зависеть от того, что они делают для решения проблемы участия женщин на всех уровнях²³⁷. Власть президента Д. Трампа ослабевает среди женщин, угрожая как его перспективам переизбрания, так и усилиям его партии улучшить свое положение среди женщин-избирательниц. В то время как *«мужчины из рабочего класса остаются одними из самых преданных сторонников президента, дезиртирство среди их жен, сестер и дочерей»* является большой частью недавнего падения президента в опросах общественного мнения²³⁸. Это дает демократу Джо Байдену шанс выиграть ряд женщин-избирателей, которые уже давно отдают предпочтение Республиканской партии.

19-я Поправка к Конституции США широко признана в стране «поворотным моментом для избирательных прав женщин». В результате потребовались десятилетия, чтобы достичь цели – включения в основной закон страны, Конституцию, права голоса для американских женщин. Ее значение в том, что она, особенно в современных условиях, безвозвратно изменила лицо американского электората, который существенно определяет судьбу самого высокого уровня власти в стране.

233. 19th Amendment to the U.S. Constitution: Women's Right to Vote (1920) <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=false&doc=63>

234. Why is August 26 known as Women's Equality Day? <https://constitutioncenter.org/interactive-constitution/blog/why-august-26-is-known-as-womans-equality-day>

235. North, Anna. The 19th Amendment didn't give women the right to vote <https://www.vox.com/2020/8/18/21358913/19th-amendment-ratified-anniversary-women-suffrage-vote>

236. Kate Rabinowitz and Brittany Renee Mayes. At least 76% of American voters can cast ballots by mail in the fall https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/politics/vote-by-mail-states/?itid=lb_election-2020-what-to-know_1

237. Sarah Chamberlain. On every level, the GOP has a problem with women https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/07/24/every-level-gop-has-problem-with-women/?utm_medium=email&utm_source=newsletter&wpisrc=nl_opinions&utm_campaign=wp_opinions

238. Janet Hook. Working-class white women are turning on Trump <https://www.latimes.com/politics/story/2020-06-26/behind-trumps-sharp-slump-white-women-who-stuck-with-him-before-are-abandoning-him-now>

Шендик Т.А. (Минск, Беларусь, БИСИ)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Закономерности формирования и развития общественно-политических организаций²³⁹ подразумевают возможность преобразования их организационно-правовой формы, а именно трансформации общественной организации в политическую партию. Вместе с тем такая трансформация обусловлена рядом не только внутренних, но и внешних факторов, которые лишь в своей совокупности могут обеспечить целесообразность (эффективность) подобных преобразований.

Внутриорганизационными предпосылками к смене организационно-правовой формы общественной организации выступают: оформление идеи, послужившей основанием для создания организации в систему ценностей (мировоззренческую платформу); выстраивание четкой иерархии во взаимоотношениях между членами организации и оформление ее структуры; формирование команды профессионалов, их способность выражать интересы социального класса либо группы, бороться за власть. Совершенствование качественной определенности данных компонентов организационного механизма общественной организации является *необходимым* условием ее трансформации в политическую партию, однако *недостаточным*.

Функциональной характеристикой политической партии является ее связующая роль между государственной властью и гражданским обществом, что ставит вопрос трансформации общественной организации в политическую партию в зависимости как от состояния политической системы (природы политической власти), так и принципов социального обустройства общества, их динамики.

Политико-правовые аспекты преобразования общественной организации в политическую партию детерминируются устоявшейся практикой принятия государственных решений, порядком формирования и регламентом работы органов законодательной (представительной) власти; нормами и практикой применения законодательства, регламентирующего деятельность общественных объединений и политических партий; положениями избирательного законодательства, касающимися вопросов участия рассматриваемых субъектов политической системы в избирательном процессе, типом избирательной системы.

Политологические аспекты трансформации общественной организации в политическую партию в Республике Беларусь на современном этапе раскрываются через призму сложившейся модели общенационального политического лидерства²⁴⁰, а также апартийности белорусского общества²⁴¹.

Особенностью белорусской политической системы стало то, что на фоне кризисных явлений в партийном строительстве конкуренцию партиям составляют общественные организации, которые берут на себя роль представительства интересов различных социальных групп в их взаимодействии с властью, способствуют политической социализации, повышению политической и правовой культуры граждан, будучи условием и школой развития гражданской активности населения.

В то же время, усложнение социальной структуры общества, увеличение в нем доли граждан не являющихся носителями советской идентичности, ускорение процессов цифровизации всех сфер жизнедеятельности, а также рост производственного потенциала частного сектора и отказ от ресурсозависимой экономической модели становятся объективными предпосылками к совершенствованию политико-правовых условий для партийного строительства, а также политической модернизации Республики Беларусь в целом.

239. Шендик, Т.А. О жизненном цикле общественно-политических организаций / Т.А. Шендик // Проблемы управления. – 2015. – № 4. – С. 144 – 149.

240. Веруш, А.И. Общенациональное политическое лидерство в условиях системной трансформации общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.И. Веруш; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – 23 с.

241. Главачек, П. Политические партии и общество современной Беларуси / П. Главачек // Полис. – 2010. – № 2. – С. 64 – 74.

Шендякова А.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННЫХ МЕГАПОЛИСОВ (ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ КАРТ ПРОТЕСТНЫХ ЛИДЕРОВ)

Различные формы протестного поведения индивидов или групп представляют собой способ публичного выражения неудовлетворенности и несогласия с ситуацией, сложившейся в каких-либо сферах общественной жизни.

Одной из наиболее активных социальных групп выступает молодежь. За последние десять лет увеличилось число протестных акций в мегаполисах и крупных российских городах. Молодежь все чаще стала выступать в качестве значимого субъекта протестных настроений, в связи с чем в российском научном сообществе стали более активно исследовать политическое поведение этой группы. Протестное поведение свойственно молодежи в силу особенностей процесса усвоения политических ценностей и норм политического поведения, но также более подвержена влиянию информационных потоков в интернете.

Традиционно акцентируются проблемы политической социализации молодого поколения, политической самоидентификации, ее социокультурного и политического поведения, а также особые политические роли и функции в современных государствах. Не смотря на внушительный объем исследований как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе изучение форм и моделей протестной активности, факторов влияющих и обуславливающих интенсивность и уровень конфликтности протестного поведения с позиций различных подходов остается одним из актуальных и востребованных направлений. За последние годы появилось большое количество исследовательских проектов с использованием эмпирических методов сбора и анализа информации, посвященных изучению социально-политических установок и ценностных ориентаций современной российской молодежи.

Молодые люди, проживающие в крупных городах, обладающие определенным уровнем культурного и социального капитала, активно используют интернет площадки для обсуждений и технические возможности мобильной коммуникации для самоорганизации. Развитие моделей онлайн-коммуникации способствовало трансформации многих сообществ в социальных сетях и мессенджерах в площадку борьбы политических акторов и представителей гражданского общества за лояльность и поддержку интернет-аудитории. Наиболее привлекательными в этом плане являются молодые жители именно мегаполисов.

Для изучения факторов, мотивирующих молодых людей к участию в акциях протеста, был выбран качественный анализ когнитивных, ментальных картин протестных лидеров общественного мнения интернет аудитории. Когнитивное картирование предполагает выявление концептуальной структуры, которой пользуется автор для описания и анализа ситуаций и которая является очень жесткой системой. Когнитивная карта представляет собой совокупность утверждений, связанных между собой каузальными связями. С помощью таких связей выстраиваются цепочки категорий, которые и формируют «картину мира» политического актора.

Результаты анализа когнитивных схем позволили выделить ряд приемов, влияющих на аудиторию и повышающих готовность зрителей, слушателей к солидарности с авторами. Структура когнитивных карт, позволила определить наиболее эффективные приемы влияния в интернет-пространстве с целью политической мобилизации молодежи российских мегаполисов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Шестакова А.А. (Краснодар, КубГУ)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ СУБЪЕКТАМИ СЕТЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В сетевом обществе личность человека, как субъекта сетевого общения, подвержена изменениям, которые диктует особенность построения отношений между акторами коммуникации. В связи с этим необходимо изучить поведенческие особенности индивида и его взаимоотношения в контексте сетевого общения, поскольку изучение изменений личности становится все более распространенным в сетевом обществе, где происходит эволюция виртуального информационного пространства.

Трансформация коммуникативных отношений повлияла на неосознанную включенность пользователей в политические процессы. Завуалированный политический контекст в публикуемом материале на видеохостинге «You Tube» можно наблюдать у топового журналиста, блогера Юрия Дудя. Политический подтекст влияет на формирование политических взглядов, казалось бы, у совершенно аполитичных пользователей, импонирующих, как им представляется, развлекательному контенту.

Особенности восприятия социально-политической информации можно проследить в недавнем инциденте, произошедшем с телеведущей с приличным количеством подписчиков в Инстаграм, которая необдуманно и резко негативно выразилась о жертвах домашнего насилия. Высказывание лидера мнений вызвало общественный резонанс и повлияло на репутацию звезды, которая вовлекла своих подписчиков в не желаемые политические споры о непотребных феминистских взглядах.

Нами было проведено эмпирическое исследование, посвященное особенностям восприятия социально-политической информации у «цифровых мигрантов» и «цифровых аборигенов»²⁴². Областью исследования являлись две возрастные группы и их коммуникативные стратегии в online-пространстве. Первая группа - это «цифровые аборигены» - люди, родившиеся после 1996 года (от 18–25 лет), вторая группа - «цифровые мигранты» - люди, родившиеся до 1996 года (от 30-35 лет). Особенность первой группы заключается в том, что эта категория испытуемых взаимодействовала в online-среде с ранних лет, в отличие от второй группы тех, кто пришёл в эту среду в осознанном возрасте, и, что важно, существующий процесс коллаборации между этими акторами, которые представляют собой фактически два вида личности – два разных политических субъекта, с разными мировоззрениями и способами реализации социально-политического действия. Основа эмпирического исследования по выявлению особенностей восприятия социально-политического контекста включала в себя 10 фокус-групп, где был применен метод кейс-стади, позволивший подтвердить теорию о разном восприятии социально-политической информации у «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов».

Процедура проведения фокус-группы была разделена на два этапа. На первом этапе участникам исследования предлагалось ответить на три вопроса, определяющих особенности восприятия и порядок действий в заданной ситуации, которые характеризуют отличия между «цифровыми аборигенами» и «цифровыми мигрантами». На втором этапе предлагалось расформировать 64 карточки с именами медийных личностей в 5 коробок (досуг, политика, самореализация, доход).

В результате исследования мы пришли к констатации того, что «цифровые аборигены» моделируют цифровую среду как пространство, и как технологию для него, «цифровые мигранты» не модифицируют среду, они мигрируют в неё.

Для «цифровых мигрантов» лидеры мнений транслируются из offline-среды, когда для «цифровых аборигенов» - это неожиданные фигуры, внезапно возникающие и не являющиеся лидерами в offline-среде, здесь лидером мнений является человек, который создает контент.

У «цифровых мигрантов» фокус внимания сконцентрирован в одной плоскости, который направлен на конкретные интересы и определён рамками. Количество подписок у «цифровых мигрантов» меньше, чем у «цифровых аборигенов», у которых выше вероятность пропустить значимую информацию.

242. Марк Пренски «Аборигены и иммигранты цифрового мира»: <https://drive.google.com/file/d/0Byd7y7Jom2AIZWtESnZ1VE5DYm8/view>

Подвижность среды обитания вытекает из рассеянного фокуса - нет привычки останавливаться долго на одной платформе коммуникации, как только появится новая раскрученная социальная сеть, все мигрируют в неё. «Цифровые мигранты» не нацелены постоянно мигрировать.

Эти социальные действия являются результатом появления разнообразной коммуникационной стратегии. Необходимо изучить процесс разработки новых стратегий общественно-политических отношений с целью усиления творческой позитивной активности акторов и уменьшения деструктивных действий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды».

Шестакова М.Н. (Москва, МГИМО МИД России)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

После распада СССР в Российской Федерации дважды менялся федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Если первый, 1995 г., был «пробным шаром» и устанавливал общие принципы функционирования, переформатировал «советское» МСУ, в силу поставленных сложных задач по полному реформированию всей системы, то второй, 2003 года стал более упорядоченным и системным.

Как показывают Лексин В.Н. и Швецов А.Н., в государстве уже не первое десятилетие происходит процесс «перманентного муниципального реформирования»²⁴³, характеризующийся феноменом «поступательно-возвратных пульсаций» и идущих по схеме «реформа-контрреформа». При этом «трижды существенно менялись численный состав и пространственная организация муниципальных образований»²⁴⁴. Причем такие изменения в течение всего времени имеют маятниковый и разнонаправленный (на территории отдельных субъектов) характер.

В логике политической географии интересно рассмотрение закона с точки зрения административно-территориального деления, которое с принятием действующего нормативного документа стало более унифицированным и структурированным. При этом закон неоднократно подвергался коррекции с точки зрения поправок, вводящих новые виды муниципальных образований, а само вступление его в силу длилось 5 лет.

Согласно Закону 1995 года полномочия по формированию и определению количества уровней АТД были закреплены за субъектами Федерации, что породило крайнее разнообразие моделей местного самоуправления. В законе 2003 года более четко обозначены различные виды административно-территориальных единиц, появляются их новые типы, а также «был закреплен принцип двухуровневого субрегионального АТД»²⁴⁵.

В 90 годы в ходе преобразований административных единиц РСФСР было выделено 12 тыс. АТЕ, после реформы 2003 года, число их увеличилось в 2 раза. После этого, начиная с 2008 года число муниципальных образований начало сокращаться (в первую очередь за счет поселенческого звена) и на начало 2020 года в России было 20846 муниципальных образований, в том числе 1673 муниципальных района, 635 городских округов и 33 муниципальных округа, 1398 городских и 16821 сельских поселений.

Проанализировав территориальное устройство МСУ в субъектах РФ и предполагаемые изменения на ближайшие 2 года, можно прийти к выводу, что многие регионы идут по консервативному пути и не планируют в ближайшее время административно-территориальных преобразований. К таким относятся

243. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Местное самоуправление и муниципальное развитие как объекты системного анализа и регулирования. Исследования и проекты Института системного анализа РАН. Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017, №2, с.28-32.

244. Швецов А.Н. Структурные преобразования муниципального пространства: обоснование целесообразности и оценка эффективности. Регион: Экономика и Социология, 2018, №4(100), с.228-249.

245. Трудоболов А.С., Эжба М.А. Опыт реформирования административно-территориального деления на поселенческом уровне в современной России. Южно-российский журнал социальных наук. 2018, Т.19, №3, с.177-196.

Республики Адыгея, Калмыкия, Северная Осетия, Тыва, Астраханская, Воронежская, Мурманская область и ряд других. В ряде из них преобразования уже прошли. Наряду с этим можно выделить регионы, где происходит процесс упразднения сельского поселенческого уровня (Республики Коми, Мордовия, Амурская, Астраханская и др.). Также активно идет преобразование городских округов, муниципальных районов в муниципальные округа, а также слияние сельских поселений (Республика Крым, Удмуртия, Магаданская, Новгородская Свердловская, Смоленская области и др.).

В связи с этим встает один из главных вопросов для местного самоуправления: «как муниципальному образованию стать максимально привлекательным... в первую очередь – для людей»²⁴⁶. В этой логике единица низового АТД должна быть компактной и удобной для ее жителей для того, чтобы местное самоуправление было доступным для граждан.

Однако, как показывает практика, в настоящее время происходит ровно обратный процесс – отдаление местного самоуправления от жителей в том числе и путем упразднения/укрупнения поселенческого уровня. Эта тема доступности органов местного самоуправления не может не волновать экспертное сообщество, особенно в условиях происходящих объективных негативных демографических процессов, например, таких как депопуляция, старение населения, обезлюживание некоторых территорий (влекущая за собой целый ряд негативных социально-экономических последствий), хотя в законе и прописаны некоторые параметры: плотности и численности населения, для отдельных видов АТЕ, пешеходной и транспортной доступности административных центров, различного рода инфраструктуры и т.д.

Такое укрупнение муниципальных образований, влияющее на доступность органов власти для населения может влиять на экономическую и политическую ситуацию: проблемы финансирования, возникновение потенциальных протестных настроений и т.д. Выявление этих процессов – дальнейшая исследовательская задача.

Тезисы подготовлены в рамках проекта №20-011-31200\20 «Регионально-локальные отношения в условиях формирования единой системы публичной власти в современной России: теория и практика» при поддержке РФФИ и ЭИСИ.

Шестопал Е.Б (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СВОЕЙ СТРАНЫ СОВРЕМЕННЫМИ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ

Проблема восприятия нашими гражданами своей страны возникла в период Перестройки. В тот период начался пересмотр с всего советского: истории, идеологии, символов, смыслов. В итоге в обществе был создан негативный образ самой России (СССР). В новой России этот комплекс национальной неполноценности только укрепился. Поиск нового понимания самих себя и своего места в мире шел трудно все эти годы, и только в 2014 году появились некоторые признаки формирования новой российской идентичности. Избавление от комплекса неполноценности – процесс не простой и нелинейный. Мы видим, как и сегодня сталкиваются сложившийся в 1980-1990-е годы комплекс самоуничижения – и новый образ самих себя, гордых за свою страну, свою историю и свой народ. Это противоречие пока явно не изжито, и требует своего разрешения.

Отсюда и главный вопрос нашего исследования: какой мы видим свою страну в настоящее время? В данном докладе мы будем обсуждать ту оптику, которая определяет характер этого образа, его психологические измерения.

1. Описание исследования.

Методология, использованная нами в изучении образа России, включала в себя фокусированные интервью, метода «неоконченных предложений» и проективный тест «Рисунок России».

246. Маркварт Э. Российское местное самоуправление перед вызовами современности. Российский экономический журнал. 2016 №6, с.3-17.

Выборка. Основой эмпирической части исследования стали 525 интервью и 475 рисуночных тестов с российскими респондентами в Москве, Челябинской, Смоленской, Самарской, Томской, Саратовской и Брянской областях, в республиках Дагестан, Башкортостан, Тыва и Крым. Выборка была сбалансирована по полу, возрасту и образованию, как это принято для качественных методов.

Анализ неосознаваемых аспектов образа страны проводился посредством выявления метафор в вербальных ответах, а в рисуночных тестах — посредством анализа визуальных символов и сюжетов.

2. Результаты исследования.

Эмоциональные и когнитивные характеристики образа страны. Психологические механизмы, которые определяют образ России в сознании российских граждан, представлены, прежде всего, эмоциональными оценками. При этом, чувства в отношении своей Родины могут быть весьма противоречивыми: человек может одновременно, и любить ее, и стыдиться слабостей своей страны.

Как показало наше исследование, когнитивное измерение образа своей страны у опрошенных, не отличается сложностью и четкостью (когнитивно бедными оказались 68% ответов, а размытыми и неясными – 53.1%).

Образы своей страны у 78% опрошенных лишены субъектности и сильно стереотипированы. Такое состояние когнитивной матрицы образа России у жителей страны свидетельствует о серьезных изъянах их политической оптики.

Привлекательность, сила и активность. Как показал анализ образа страны с помощью метода неоконченных предложений, образ России выглядит скорее привлекательным (39.2%), чем непривлекательным (4.3%). Позитивные оценки преобладают в большинстве параметров образа. Это отличается от ситуации 1990-х-2000-х, когда число тех, кто испытывал стыд за свою страну, был несопоставимо выше.

К сильным сторонам России респонденты отнесли: природные ресурсы, вооруженные силы, историю и сам российский народ. Слабыми сторонами страны респонденты считают экономику, промышленность и финансы. Скорее слабыми, чем сильными они видят российскую науку, образование, спорт и религию. Особенно стоит отметить претензии граждан к государству. Получается, что все те позитивные изменения и достижения, которые объективно наблюдались в стране в последние годы, для опрошенных оказались субъективно малозаметными. Это говорит о несинхронности реальных процессов в политике, экономике и социальной сфере, с одной стороны, и их восприятием гражданами – с другой. Такая амбивалентность оценки говорит о неустойчивости восприятия своей страны, а значит и непрочности тех позитивных перемен в сознании нашего общества, которые намечались после 2014 года.

Рациональные и бессознательные уровни восприятия своей страны. За вполне рациональными высказываниями и мнениями респондентов нередко скрываются неосознаваемые ими самими чувства и эмоции. Выявить их помог анализ сюжетов и символов в проективном тесте.

Для респондентов оказалось значимым само понятие - «моя страна». Ее визуальный образ практически не имеет негативных сюжетов. Однако о противоречивых чувствах в восприятии страны говорят сюжеты, в которых противопоставлены «народ» и «власть», «центр» и «окраины», «богатые» и «бедные», «привилегированные» и «бесправные». Неосознанно респонденты делили рисунок на несколько несвязанных частей, рисовали преграды, расчерчивали лист, что свидетельствует о тревожности, внутреннем напряжении воспринимающих.

На неосознаваемом уровне образам свойственна еще более низкая субъектность, чем на рациональном. В рисунках образ страны менее персонифицирован, чем в вербальных форматах и более статичен. Визуальные символы в образах страны включают традиционные матрешки, балалайки, медведи, березки и церквушки, представляющие Россию архаичной, старомодной и несовременной. Привлекательные виды природы рисуют скорее сельский, чем городской облик страны. Современная, технологически развитая Россия редко возникает среди символических изображений, если не считать нефтяные вышки и военную технику.

И в вербальной, и в визуальной формах образов преобладают государственная символика, символы-клише, символы-личности и символы природы.

Среди важных психологических проблем, выявленных в исследовании образов своей страны, назовем сохраняющееся недоверие граждан в отношении власти и государству, что позволяет говорить о том, что те негативные процессы, которые были запущены еще в 1980-е, до конца не преодолены, а подъем национальной гордости, который произошел в 2014 году, – не закреплен.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-01138А «Образ страны в Российском обществе: политико-психологический анализ».

Шкель С.Н. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

ПОЧЕМУ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАШИНЫ ЛОМАЮТСЯ: АНАЛИЗ СЛУЧАЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН²⁴⁷

Среди большинства политических учёных существует консенсус в определении текущего политического режима в России как электорального авторитаризма. Данная разновидность автократии не является уникальной. Напротив, электоральный авторитаризм сегодня стал наиболее распространённой формой автократии в современном мире. Если говорить о некоторой специфике российского электорального авторитаризма, то скорее она связана с региональными истоками формирования этого режима. В России первоначально автократии сформировались на субнациональном уровне. Уже к середине 1990-х годов в ряде российских регионов губернаторы смогли монополизировать в своих руках административные и экономические ресурсы, что стало основанием установления контроля над избирательным процессом. Возможность электорального контроля на своих территориях служила для глав регионов важным козырем в их торге с федеральным центром. Первый президент России Борис Ельцин был вынужден идти на компромиссы с главами важнейших регионов, расширяя их автономию взамен на политическую лояльность, которая выражалась в конкретной доле голосов по итогам выборов, отданных населением регионов за представителей власти. Лишь к середине 2000-х годов второй президент России Владимир Путин смог инкорпорировать региональные автократии в рамки федеральной вертикали власти, что стало ключевым механизмом трансформации российского режима от электоральной демократии к электоральному авторитаризму.

Исследуя природу электорального контроля в российских регионах, исследователи замечают, что она связана, прежде всего, с возможностями региональных элит монополизировать экономические ресурсы. Это позволяет в период выборов распределять материальные блага на нижние этажи бюрократии и публичный сектор. Эти ресурсы выполняют функцию главного стимула для достижения нормативных электоральных результатов, спускаемых на уровень территориальных избирательных комиссий с верхних этажей региональной администрации. Разумеется, у региональных властей есть в распоряжении и иные механизмы электорального контроля, но создание неопатримониальных сетей для распределения материальных ресурсов в обмен на политическую лояльность и сбор электоральных голосов служит ключевой основой эффективности субнационального авторитаризма.

В политической науке подобного рода политические структуры, основанные на патрон-клиентистской иерархии и использовании материальных стимулов в обмен на электоральную поддержку, стали описывать с помощью концепта политической машины. В отличие от других типов электоральной поддержки, в рамках политической машины электоральный успех достигается не на основе идеологической симпатии избирателей и не с помощью удовлетворения общественных интересов, связанных с публичными благами, а на основе селективного распределения материальных ресурсов тем индивидам, которые непосредственно вовлечены в электоральный процесс и от поведения которых зависит конечный электоральный исход. Важной характеристикой такого рода отношений является персонификация и партикуляризм. Это означает, что материальные блага каждый из участников получает лично, а не как член социальной группы. Материальным стимулом в этом смысле является не общественное благо в виде снижения налогов, улучшения экологии, общей экономической или управленческой

247. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект «Централизация, этнический фактор и электоральные процессы в регионах России», грант № 20-011-00444 А.

эффективности, а удовлетворение сугубо личного (партикуляристского) материального интереса конкретного участника избирательной кампании.

Между тем, политические машины сформировались далеко не во всех российских регионах. Объясняя эту вариацию, исследователи указывают на ряд факторов, которые влияют на эффективность политических машин. В частности, исследователи отмечают важность экономических, социальных, этнокультурных факторов. Не менее важными являются некоторые политические и институциональные аспекты функционирования политических машин. В тоже время, несмотря на наличие довольно многочисленных исследований, посвящённых политическим машинам в российских регионах, большинство из них сфокусированы на вопросах эффективности подобных политических организаций. Значительно меньше исследований, которые анализируют причины снижения эффективности работы политических машин, логику их ослабления, факторы их дисфункций и болезней. Между тем подобный исследовательский фокус может дать лучшее понимание возможных точек ослабления российско-го электорального авторитаризма и логики его трансформации.

В своём докладе на основе эмпирического анализа случая Республики Башкортостан я делаю попытку восполнить указанный пробел и ответить на следующий исследовательский вопрос: чем объясняется нестабильность работы прежде эффективных политических машин и каков конкретный causalный механизм дисфункции в работе политической машины в условиях централизации?

Шпагин С.А. (Томск, НИ ТГУ)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ЦИКЛ И 2017 – 2021 ГГ. И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Выборы в законодательные собрания субъектов Российской Федерации, состоявшиеся в 2017 – 2019 гг., свидетельствуют о постепенной трансформации региональных партийных систем.

В первой половине десятилетия гегемония «Единой России» в региональных представительных органах, а в большинстве случаев – и на выборах, была неоспорима. Лояльность избиркомов, прочное финансовое положение, постоянное присутствие в информационном пространстве, отсутствие реальных конкурентов, а главное, поддержка региональных администраций – все это обеспечивало отделениям «партии власти» лидерство по итогам голосования и более чем достаточное количество мандатов. Даже если кандидаты ЕР по спискам заполняли недостаточное количество мест, их компенсировали почти поголовным избранием их коллег в одномандатных округах.

Второе место чаще всего доставалось КПРФ, хотя в 21 регионе ей пришлось довольствоваться третьим, а в заксобраниях Тывы, Чечни, Кемеровской области, а также Крыма и Севастополя её депутатов не было совсем. Остальные места, если они вообще оставались, как правило, распределялись между ЛДПР, «Справедливой Россией» и формально независимыми депутатами. Несмотря на относительную многочисленность остальных партий, в течение электорального цикла 2012 – 2016 гг. их представители были избраны только в 28 региональных парламентах, причем лишь в Северной Осетии и Иркутской области их фракции были больше, чем 3 депутата.

Но отныне монопольное лидерство «Единой России» под вопросом. Согласно данным ЦИК, с 2017 г. показатели голосования за ЕР в ряде регионов «проседают» ниже 50% или даже 40%, а в Хакасии, Забайкальском и Хабаровском краях, Иркутской области – ниже 30%. Средний по всем регионам уровень голосования за «партию власти» в 2017 г. составил 62,3%, а в 2018 г. рухнул до 41,8%. На этом фоне 51,7% в 2019 г. могут выглядеть почти достижением, но не очень убедительным по сравнению с 66,5% в этих же регионах в 2014 г. Сократилось и количество депутатов от ЕР: если в 2017 г. она суммарно получила на 53 места меньше, в основном, за счет уменьшения общей численности депутатского корпуса законодательных собраний в Удмуртии и Краснодарском крае, то в 2018 г. её потери составили более 160 мест, а в 2019 г. – более 100. В Архангельской, Владимирской, Ивановской, Иркутской областях, Москве и Севастополе численность депутатов ЕР уменьшилась в полтора раза, а в Хакасии – вдвое. В заксобраниях Хакасии, Забайкалья и Москвы ЕР утратила абсолютное большинство мест,

а в Хабаровском крае и Иркутской области – даже относительное. Таким образом, отрыв «партии власти» от оппозиции постепенно сокращается.

Главные бенефициары потерь ЕР – партии парламентской оппозиции. На выборах 2018 г. КПРФ в среднем набрала почти вдвое больше голосов (23,1%), чем на предыдущих выборах в тех же регионах, и получила вдвое больше мандатов в региональных парламентах (160). Хотя средний результат партии в 2019 г. (15,5%) оказался скромнее, но он существенно выше предыдущих показателей и принес ей в общей сложности 32 дополнительных места.

Меняется расстановка сил внутри парламентской оппозиции. Средний уровень голосования за списки ЛДПР растет в течение всего электорального цикла, а в 2019 г. почти догнал показатели КПРФ (14,9%). В Краснодарском и Забайкальском краях, Брянской и Кемеровской областях доли их голосов сравнялись, а в Хабаровском крае, Архангельской области, Крыму, Тыве и Севастополе ЛДПР опережает коммунистов. В 2019 г. средняя доля полученных партией мест в региональных парламентах оказалась больше, чем у КПРФ, и составила 12,5%. Тем самым, ЛДПР все активнее претендует на более высокое место в соответствующих регионах.

Активизируются непарламентские партии: за 3 года их депутаты избраны в 22 заксобрания. Можно отметить достижения «Патриотов России» в Карачаево-Черкесии, Кемеровской области и особенно Северной Осетии, «Российской партии пенсионеров за социальную справедливость» в Волгоградской, Смоленской, Тульской областях и Севастополе, «Коммунистов России» в Хакасии, Ростовской, Тульской, Ульяновской и Ярославской областях, «Родины» в Ненецком АО и Республике Алтай, а также «Яблоко» в Москве. В некоторых регионах непарламентские партии не просто укоренились в заксобраниях, но и вытеснили часть парламентских. Кроме уже привычного примера Северной Осетии, заметим, что в заксобрании Ульяновской области нет «справороссов», а в Мосгордуме – ЛДПР.

Растет уровень фрагментации партийно-политического пространства в регионах. Эффективное число электоральных партий в 2017 г. составило в среднем 1,8, в 2018 г. – 2,8, а в 2019 г. – 2,1. Эффективное число парламентских партий, хоть и медленно, но тоже растет: в 2017 г. – в среднем 1,4, 2018 г. – 2, 2019 г. – 1,5. Все это свидетельствует о том, что уровень конкуренции внутри региональных партийных систем, хоть и медленно, но нарастает.

Шпиро Л.А. (Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий, расширение использования сети Интернет массовой аудиторией, растущая цифровизация всех сфер жизни общества стали основой для формирования цифрового публичного пространства, необходимого для диалога представителей власти и общества.

Согласно М. Кастельсу, главной особенностью Интернет-пространства является его «открытость как с точки зрения технической архитектуры, так и социальной и институциональной организации» (Кастельс, 2004, с. 43). Коммуникативное пространство Интернета становится частью жизненного мира молодежи, в котором происходит демонстрация повседневности, отражаются интересы и ценности, а также появляется возможность построения коммуникаций и получения необходимой информации, взаимодействия с другими людьми и вовлечения в реальные практики публичного пространства.

В современных реалиях в рамках городских сообществ наравне с офлайн публичным пространством сформировано цифровое публичное пространство, в котором позиционируется локальная идентичность жителей. Причем его формирование происходит стихийно и представлено разным набором информационных ресурсов. На основе эмпирического исследования, проведенного в городах Краснодарского края, выделены типы информационных ресурсов цифрового публичного пространства: официальные ресурсы (официальные ресурсы органов государственной власти и учреждений,

информационные сетевые СМИ); неофициальные ресурсы (информационно-рекреационные ресурсы, познавательные ресурсы, досугово-развлекательные ресурсы).

Многообразие информационных ресурсов отражает отличия в практиках цифровой включенности молодежи в цифровое публичное пространство. В зарубежных исследованиях используется термин «цифровая инклюзия» (digital inclusion). В интерпретации российских ученых цифровая инклюзия – это социальная инклюзия в цифровом обществе, направленная на преодоление неравенства, цифровой изоляции граждан (Плотичкина, Морозова, Мирошниченко, 2020, с. 72). Что касается молодежи, цифровой образ жизни, включенность в цифровое пространство предполагает не только получение информации, но и коммуникации с живыми и неживыми элементами онлайн-пространства, онлайн-потребление, культурные, психологические и технические аспекты использования (Солдатова, 2018, с. 71-80).

В рамках эмпирического исследования (в докладе представлена его часть, касающаяся г. Краснодара и г. Сочи) описаны практики цифровой включенности различных групп молодежи (школьников, студентов, работающей молодежи) в цифровое пространство. Наиболее распространенными являются практики использования социальных медиа, интернет-сайтов, форумов для получения необходимой информации и личных социальных коммуникаций. Меньшая часть молодежи описывает практики цифрового участия, которое связано с различными форматами создания информационной повестки, внедрения общественных инициатив, вовлечения других пользователей в конкретные практики, которые в дальнейшем могут быть интерпретированы в реальное публичное пространство.

Именно цифровое участие молодежи выступает основным критерием выделенной нами гибридной модели цифровой включенности «потребитель-преобразователь», примером которой являются представители студенческой и работающей молодежи г. Краснодара, а также школьники г. Сочи. Так, школьники г. Сочи – участники и организаторы общественных мероприятий, входят в Городской Ученический Совет Старшекласников. Их активная жизненная позиция является предпосылкой к цифровому участию, то есть созданию новостной повестки для жителей города. В аккаунте ученического совета в социальных медиа анонсируются различные мероприятия, проводимые активистами. Кроме того, отмечается работа в информационном пространстве управления молодежной политики администрации г. Сочи, направленная на формирование жизненных ценностей, идеалов, отношения к окружающей среде и в целом представления молодежи о своем городе.

Вторая модель – «потребитель» – отражает пассивную деятельность с точки зрения цифрового участия. Пример данной модели демонстрируют школьники г. Краснодара. Они ограничиваются соцсетями и личными коммуникациями, то есть у них формируется приватное цифровое пространство, связанное с их личными коммуникациями. Социальные сети для них в большей степени выступают досугово-развлекательным ресурсом, а познавательная функция отражается в личных коммуникациях в той среде, в которой они находятся и под влиянием которых происходит формирование чувства идентичности с городом.

Таким образом, в рамках цифрового публичного пространства городов формируются разные модели цифровой включенности. Нами определены факторы, влияющие на содержание модели, в числе которых внутренние (субъектная позиция молодежи, мотивация к участию) и внешние (открытость муниципальной власти, личная открытость к взаимодействию с молодежью глав муниципалитетов и их представителей, деятельность общественных организаций).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)».

Литература:

1. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитова. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 43
2. Плотичкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т.64, № 4. С. 72.
3. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71-80.

Шургалин И.А. (Урбино, Италия, Урбинский университет им. К.Бо)

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СТАГНИРУЮЩЕЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В РОССИИ

В нашей работе мы предлагаем модель взаимодействия демократизации и гражданского общества, состоящую из трёх функциональных кластеров: мониторинг государственной власти, генерация и продвижение ценностей и идей, а также адаптивность к изменениям. Базируясь на данных, полученных из экспертных интервью с лидерами и активистами ключевых российских НКО (выборка ограничена московским и нижегородским регионами), модель позволяет продемонстрировать, что даже в условиях сужения правового пространства для функционирования третьего сектора, российское гражданское общество продолжает выступать в роли опоры демократического процесса в России.

Методологическую основу работы составили двадцать интервью с лидерами НКО, общественными активистами, политиками и законодателями. Собеседникам предлагалось в форме беседы ответить на 10-15 вопросов, характеризующих отношения общественных организаций с властью, государством, спонсорами, простыми россиянами, а также между собой. Часть экспертов воспользовались представленной возможностью сохранить анонимность, однако, большинство предоставили нам право раскрыть имя и место работы.

Обзор литературы по обозначенной тематике позволяет заключить, что большинство авторов, как российских, так и зарубежных, оценивают состояние гражданского общества в России как проблематичное и стагнирующее. Избыточное регулирование, недостаток правовой культуры, гибридный политический режим рассматриваются комментаторами российского политического процесса в качестве детерминант развития гражданского общества. Значительная часть исследований посвящена гражданскому протесту, правозащите и образовательному сектору, что в некоторой степени затрудняет оценку гражданского общества как целостного института.

Основываясь на данных, полученных из интервью и исследований общественного мнения, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, хотя мониторинг возможных злоупотреблений властью, по мнению большинства наших собеседников, остаётся ключевой функцией гражданского сектора, поведение НКО не ограничивается одной моделью. Государство рассматривает любое делегирование власти как демонстрацию слабости, систематически минимизируя возможный гражданский контроль своей деятельностью. В то же время, Россия стремится к сохранению имитационного «демократического фасада», в связи с чем государство учредило несколько формальных площадок для медиации, таких как общественная палата и президентский совет по правам человека. Большая часть интервьюированных экспертов подвергла критике эффективность этих институтов, отметив важность самого факта существования относительно свободной трибуны для представителей НКО.

В то же время, недостаток знаний и дефицит ресурсов, особенно на уровне региона, заставляет власти осторожно вовлекать общественные организации в реализацию множества проектов, в частности, в области социальной политики. Гражданские структуры, в отличие от государственных органов, зачастую могут обойтись без сложного бюрократического регулирования, их персонал лучше подготовлен, следовательно, быстрее воплощает идеи в жизнь.

Во-вторых, мы заключаем, что в вопросе строительства гражданского общества, Россия остановилась на полпути. Общественные организации, особенно из социального сектора, греются в лучах народной поддержки, существенная их часть, занимающаяся политическими проблемами, такими как коррупция и выборы, подвергается давлению со стороны государства. С другой стороны, привычка к демократическим процедурам, принятым в общественном секторе, играет благотворную роль для политического процесса в России. По словам наших собеседников, единожды приняв участие в деятельности НКО, около 10% участников начинают делать это на регулярной основе. Согласно опросам, Левада центра, более трети молодых россиян принимало участие в деятельности общественных организаций, что даже выше оценок, приведенных нашими экспертами.

В-третьих, проинтервьюированные эксперты подтвердили высокую адаптивность российского гражданского общества к ограничительным мерам российского правительства. Хотя работа с зарубежными донорами и спонсорами стала практически невозможной, а регистрация и учет деятельности НКО стали более запутанными, российские общественники открыли множество запасных путей в целях нормализации функционирования организаций и движений. Эти альтернативы включают в себя зарубежную «прописку» НКО, регистрацию организации в качестве субъектов предпринимательства — ООО или ИП, а также отказ от официальной регистрации Минюстом.

В качестве основного вывода, мы хотим подтвердить нашу гипотезу, что гражданское общество в России продолжает служить важной переменной, влияющей на политический процесс в России даже после десяти лет систематического сужения правового пространства его функционирования. Хотя в настоящий момент говорить о возобновлении демократического транзита было преждевременно, мы можем осторожно предположить, что российский общественный сектор может выступить как основной агент преобразований.

Щенина О.Г. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН)

СЕТЕВОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Новые реалии сетевого общества предлагают нам иные формы описания, объяснения действительности, измерения явлений и процессов, наряду с этим происходит обновление исследовательских подходов. Сетевой подход наиболее эффективен при характеристике системы политических отношений и ее трансформаций.

Одновременно с изменяющимися социальными институтами (государством, политическими партиями и др.) модернизируется и система представительства. Так, система политического представительства обновляет и видоизменяет формы реализации и трансляции интересов социальных общностей и групп. Исследователи все чаще обращаются к этой проблематике в поисках ответа на вопрос: «Насколько эффективно сетевое политическое представительство в социально-политической жизни современного общества?»

Сетевое политическое представительство позволяет в большей мере учитывать многообразие позиций политических акторов, а также прямых и косвенных факторов, оказывающих влияние на принятие политических решений. Взаимодействия в политических сетях становятся все более изменчивыми и мобильными, они зачастую перегружены информационным контентом, и это расширяет веер возможных альтернатив в спектре принятия политических решений.

В этих условиях происходит переход от иерархического метода управления (структурного) к сетевому политическому управлению, одним из элементов которого является сетевое политическое представительство. Многоуровневая иерархическая организация системы политического управления в нынешнем трансформирующемся обществе постоянно обновляется. То есть, происходит расширение спектра используемых на практике подходов, моделей и методов управления, одним из наиболее эффективных представляется сетевой подход.

Становление сетевого общества сопровождается не только изменениями технологического характера, оно изменяет самого человека и социальную реальность. Одной из важных составляющих сетевого представительства в целом становится сетевая культура современного человека - «нового сетевого человека». Следовательно, сегодня происходят существенные изменения всех сторон жизни человека и общества, которые в свою очередь оказывают влияние в том числе и на социально-политические отношения.

Многообразные связи и отношения политических акторов, реализуемые посредством узлов в политических сетях, актуализируют использование метода множественного анализа, включающего двусторонние связи и отношения.

В жизни современного человека виртуальная и социальная реальность становятся практически равнозначными и это оказывает значительное влияние не только на психику человека, но и весь спектр его социальных взаимодействий.

Кроме того, новая реальность, представляющая своего рода симбиоз двух реальностей (виртуальной и социальной), предлагает иные формы коммуникаций. Их коммуникационная и коммуникативная составляющие подвергаются трансформации, которая появляется, например, в сетевом политическом представительстве как новом формате взаимодействия гражданского общества и государства.

Новой формой политических отношений в сетевом обществе становится сетевое сотрудничество, которое проявляется в активизации деятельности гражданского общества на этапах обсуждения политических решений на местном, региональном, федеральном уровнях. Ведь одной из важнейших функций сетевого политического представительства является согласование интересов граждан, социальных групп, государства. Кроме того, оно значительно расширяет возможности влияния гражданского общества на публичную политику.

Таким образом, в современных условиях поиска новых моделей управления следует учитывать инновационный механизм сетевого представительства.

Щербинин А.И. (Томск, НИ ТГУ)

ГОРОД КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ СМЫСЛА

Меняющаяся эпоха обострила теоретический интерес и политическую прагматику к онтологии современного города, к его потенциалу в условиях глобальной конкуренции, к внутренним ресурсам устойчивого развития, а также возможным рискам и угрозам – в целом к городу как одному из ведущих политических акторов в «ансамбле» политики XXI столетия. Мы находимся на пороге рождения такого исследовательского направления, как политическая урбанистика. Отметим ренессансный интерес к работам А. Лефевра с его теорией производства пространства в условиях капитализма. Ситуационизм Ги Дебора остается важным методологическим ресурсом в оценке левого популизма и современного «общества спектакля». С другой стороны, вынуждены заметить, что многочисленные исследования и упования на «умные города», настоящий феномен XXI века, нередко воплощаются в формальные городские программы и уже подвергаются критике. Все больше работ, связывающих ближайшее развитие мирового сообщества не с государствами, а с городами. И в этой связи в арсенале исследователей оказывается сетевой подход применительно к глобальным городам (С. Сассен, Й. Терборн, П. Ханна. См.: И.А. Вершинина DOI: 10.17223/1998863X/44/15) или к городам как ресурсам научно-образовательного фронта и сетям университетских городов (Д. Рекетти, Д. Позгаи, А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина, А.В. Севостьянов).

В целом мы имеем дело с высказанным или контекстным вопрошанием относительно смысла стихийных или управляемых изменений, крупнейшим из которых является продолжающаяся пандемия COVID-19. Надо еще осмыслить, что оказалось под ударом: то, что мы называем «умным городом», или под этим понимается продолжающаяся фордистская модель города как придатка к индустриальным центрам капитализма. Останавливается производство – исчезает смысл, сакральность и символизм, исчезает город. Изначально политический смысл города строился на сакральности: египетские города, Александрии Македонского, тиражирование Римского порядка на пространствах империи и, напротив, Pax Romana Августа как «политический конструкт единства мира» (Щербинина Н.Г.), политическая идея Константинополя, ставшего моделью православных столиц. Однако со временем политическое становится впереди сакрального, и можно продолжать, приводя в примеры Флоренцию Медичи, папский Рим Леона Баттиста Альберти, Санкт-Петербург Петра Великого, Париже барона Османа, проект Москвы Сталина, Берлин Шпейера и т.д.

Но все это – государственная идея, а политика существует и за пределами «дворцов», нередко не совпадая с первой. Парадокс в том, что власть и сегодня ведет себя примерно так, как вели себя правители иного масштаба и иных времен. Мы можем, опираясь на трехуровневую коммуникативную модель бренда города, предложенную Каварацисом, сказать, что первичная коммуникация это архитектура, а также стиль поведения города; вторичная коммуникация – это формальное общение, организованное городскими властями, или с их согласия, или при их попустительстве (все формы рекламы или связи с общественностью). Первая и вторая коммуникации – протекают во властно-публичной сфере. Третичная коммуникация протекает в сфере повседневной, но она обычно воспринимается как очень достоверное и заслуживающее доверия мнение. А сегодня, когда обыденное становится значимой оппозицией официально-публичному (Лефевр, Рансьер, Ги Дебор) и ареной популистского протеста. Эта «темная сторона» городской идеи выглядит наиболее интересной для теоретических разработок и эмпирических исследований. Но повседневное открывает и позитивный аспект конструирования смысла для властей.

Чтобы управлять событиями, власть должна постоянно коммуницировать с городским сообществом, любые сепаратные действия вызывают негативную реакцию в сетях. Особенно это связано с новационными и дорогостоящими проектами, даже «во благо». Не в меньшей степени негативно воспринимается покушение на право говорить от имени всего города. В качестве знакомой всем ситуации процитирую уже упомянутого Каварациса и его коллег Брауна и Зенкера, которые в статье «Мой город – мой бренд» привели два примера отторжения навязанного смысла в бренде: «... Когда организация, ответственная за маркетинг города Амстердам, представила свой бренд «I Amsterdam», группа жителей ответила встречным предложением «I Amsterdamned». Более известным примером является веб-сайт и блог «Бирмингем: это не дерьмо!» (www.birminghamitsnotshit.co.uk), который в значительной степени противостоит разработанному городом официальному бренду «Bi birmingham. (Braun, E., Kavaratzis, M., & Zenker, S. My City – My Brand: The Different Roles of Residents in Place Branding// Journal of Place Management and Development, 2013. № 6 (1), P. 18-28. <https://doi.org/10.1108/17538331311306087>). Итак, исследования города как политической идеи открывает новые возможности для понимания *Raх urbanica* – реальности XX века.

Доклад подготовлен в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ № 8.1.19.2020.

Щербинина Н.Г. (Томск, НИ ТГУ)

УПРАВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ БРЕНДА ГОРОДА КАК ПОЛИТИКА ЕГО КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Любой бренд служит для идентификации, если знаковое тождество достигается за счет соотнесения характеристик, вызывающих впечатление смысловой уникальности. Совокупность артикулированных особых качеств и создает эффект индивидуальности бренда. На сегодняшний день наиболее известна призма идентификации бренда Ж.Н. Капферера, включающая шесть элементов, составляющих его идентичность. В случае применения данной модели операция идентификации осуществляется за счет сравнения отличительных особенностей брендов, их характерных черт. Концепция Капферера является конструктивистской по своей сути, поскольку особенности задаются разработчиками бренда и целенаправленно с помощью коммуникативных посланий передаются воспринимающей стороне. То есть креативная команда создает бренд как идею, репрезентирующую его уникальность. Идея затем трансформируется в образные конструкции и претворяется в реальность восприятия в виде имиджа бренда.

Конструктивистский подход к генерированию бренда, акцентирующий внимание на искусственном его формировании, сочетается с маркетинговой идеей управления идентичностью бренда, которым занимается бренд-менеджмент. Стратегический бренд-менеджмент представляет собой целенаправленную деятельность по воздействию на бренд. В.Н. Домнин и С.А. Старов выделили четыре этапа развития и соответственно четыре ключевые концепции стратегического бренд-менеджмента. Тем самым они охватили различные виды управления с акцентом на: продвижение маркированного товара, имидж бренда,

идентичность бренда и капитал бренда. Последний период начался с 1990-х годов и продолжается по настоящее время. Управление идентичностью бренда приходится на третий период некоей управленческой «эволюции», т.е. исторически не является последним словом в концептуализации бренд-менеджмента.

В контексте управления капиталом бренда Д. Аакер и Э. Йохимштайлер предложили модель бренд-лидерства. Они полагают, что совершили переход от ситуации рыночного продвижения к долгосрочному прогнозу. Но, по нашему мнению, данную модель невозможно применить к городскому бренд-менеджменту. Дело в том, что бренд города трудно капитализировать и потому невозможно подсчитать стоимость капитала бренда города. Бренд города, скорее, относится к сфере маркетинга, а не к экономической реальности в качестве ее ресурса. Маркетинговый подход подчеркивает ситуацию соперничества, в которой с помощью стратегии позиционирования обеспечивается конкурентоспособность города-товара. Но и «товаром» город является метафорически. Здесь, по нашему мнению, надо учитывать особую роль сетевой коммуникации как основы сегодняшних отношений производства-потребления. И бренд города способен к полноценному существованию как раз в коммуникативной реальности в виде образа/имиджа. Тогда коммуникация представляет собой символический обмен, в котором бренды городов занимают знаковые «позиции» в восприятии их имиджей. Потому у нас речь идет об актуальности управления идентичностью именно бренда города. Более того, отмечаемый маркетинговыми в качестве недостатка управления идентичностью, уклон в коммуникацию, для городского бренд-менеджмента в наше время превалирования сетевой коммуникации служит несомненным достоинством и показателем релевантности.

Итак, идентичность бренда города, четко и понятно выраженная, сущностно связана с коммуникацией бренда, маркетинговой и социальной. Сконструированные командой отличительные особенности бренда города помогают делать выбор среди сопредельных брендов одного сегмента. Здесь управление осуществляется путем формирования самой идентичности, наращивается число приверженцев идентичности и лояльность к ней. Этот подход опирается на маркетинговую имиджевую стратегию и связан с долгосрочным планированием бренда. Бренд города лучше продвигать, основываясь и на его индивидуальности, отождествлении с человеческой личностью. Для этого служит архетипический маркетинг – управление значениями.

Таким образом, управление идентичностью бренда города осуществляется в виде особой политики его коммуникационной поддержки. Власть здесь занимается бренд-политикой, которая входит как основополагающий компонент в имиджевую политику. Под бренд-политикой нами понимается намеренное создание и последовательное продвижение властно сформированного образного конструкта, содержащего характеристику уникальности города. Данная сконструированная характеристика исключительности и ложится в основу феномена идентичности бренда и соотносится с маркетинговой стратегией позиционирования. Все послания в управляемой коммуникации имеют смысл, и потому происходит семиотизация знака город. Здесь угол зрения конструктивно-политический: власть создает стратегию и идею, а потом заботится о понимании и коммуникативной поддержке города-знака.

Подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России», № 20-011-31664.

Юдина А.М., Пронина А.В. (Владимир, ВлГУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Политическая ситуация в глобальном информационном пространстве инициирует необходимость отдельного психолого-педагогического осмысления факторов, влияющих на сформированность политической культуры у студенческой молодежи.

Цифровизация образовательного сегмента, общие механизмы диджитализация формируют пользователя, который имеет неограниченный доступ к самым дифференцированным ресурсам. Таким

образом, создается ситуация, в которой крайне важно умение ориентироваться в информационной среде, понимать, разграничивать достоверные и фейковые информационные ресурсы.

Серьёзной проблемой выступает отсутствие информационно-коммуникативной культуры у студентов, легкомысленное отношение к информационным угрозам киберинформационной среды. Мы постулируем, что информационно-коммуникативная культура в высшей школе является важным психолого-педагогическим фактором, влияющим на процессы активной коммуникации, повышения уровня знаний, эрудиции, изменения способов получения валидной, верифицированной информации, правовой и политической культуры, дифференциации подходов к мировоззренческой аксиологии.

В тоже время, нельзя игнорировать, или недооценивать огромный позитивный эффект, который достигается посредством цифровизации, например, постижение мирового информационного пространства в глобальном формате, но необходимо просчитывать риски, возникающие из-за стихийности, субъективизма и неопределенности этих процессов.

Таким образом, политическая культура в условиях цифровизации нуждается в онтологически едином подходе к поиску единой методологии изучения, анализа политических феноменов. Это будет снижать риски гипостазирования в понимании базовых политико-правовых категорий, повышать уровень информационно-коммуникативной культуры в контексте активной коммуникации в условиях высокой степени неопределенности. В свою очередь, это обуславливает потребности в изменении способов работы у студентов с информацией через замещение письменных заданий креативными заданиями, преобладание дискуссионных занятий, case-study, мозгового штурма, использование VR технологий, которые будут влиять на дифференциацию интерпретационных теорий в контексте политического мировоззрения, а также повышение историко-правовой культуры студенческой молодежи.

Мы постулируем, что на формирование политической культуры студентов, под которой мы понимаем – активную мировоззренческую форму, включающую аксиологическую, историческую, правовую грамотность, гражданскую активность, саногенное мышление и высокий уровень информационно-коммуникативной культуры, оказывает большое позитивное влияние включение в учебный процесс проблемно-поискового метода. Таким образом, происходит усиление активных форм децентрированных коммуникаций, в условиях неопределенности крайне важно включение таких педагогических технологий как, мозговой штурм, дискуссионный аквариум, дебрифинг, blended-learning, форсирующих снижение симулякратизации, фрагментации в понимании явлений политической среды.

Формирование политической культуры в высшей школе в условиях роста цифровизации, инициирует потребность развития коммуникационных навыков, проектного мышления, витальной ответственности, нравственной осознанности, саногенного мышления, социокультурную толерантности к неопределенности и применению эвохологического подхода к реалиям социокультурной среды.

Юрченко В.М. (Краснодар, КубГУ)

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ И УКРЕПЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБСУЖДЕНИЯ ПОПРАВОК В КОНСТИТУЦИЮ РФ

Концепция публичной власти в российской политической науке включает в себя множество аспектов разработки и реализации программных проектов различных структур государственного управления, ориентирующихся на решение важнейших проблем укрепления суверенитета страны и инновационных преобразований в условиях вызовов современной эпохи. В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию России, оглашенном в самом начале 2020 года отмечено, что в нашем обществе четко обозначился запрос на перемены, которые повысили бы качество жизни населения страны, существенно изменили бы уровень решения экономических, социальных, технологических и других проблем. Отсюда, необходимо новое качество государственной власти и управления, которые определяются в Основном Законе страны. Обсуждение поправок в Конституцию РФ показывает,

что эти поправки давно назрели, что они направлены на укрепление суверенитета России, наших традиций и ценностей, расширение социальных гарантий населения, и в целом – создание условий поступательного, эволюционного развития страны на длительную перспективу. Всенародное голосование по разработанным поправкам в Основной Закон страны позволяет определить отношение граждан к мерам совершенствования организации и функционирования публичной власти. Говоря о «ельцинской Конституции 1993 года», которая была принята при полной поддержке либеральных сил и под аплодисменты западных правительств, В. Никонов отмечает, что если с формальной точки зрения с Конституцией было все в порядке, то в реальности считать Основной Закон безукоризненно демократическим вряд ли было можно. В целом, по его мнению, Конституция, как документ, защищающий национальные интересы страны, была явно слабой. Вместе с тем, менять правила игры надо было тщательно продумав каждый шаг, с большой осторожностью (Никонов В. Российская матрица. – М., 2014, с. 730). Представители российского политологического сообщества в последние годы вносили предложения по изменениям в Конституцию. Так, на Всероссийской научно-практической конференции в марте 2017 года было высказано предложение «сформулировать и внести на всенародное обсуждение систему ценностей, консолидирующих российский народ и на этой основе определить национальную идею Российской Федерации, что потребует конституционной реформы. Дальнейшие преобразования экономической и социально-культурной сферы, объединение национальной элиты и разных общественно-политических сил – все последующие стратегические шаги должны быть в контексте соответствующих норм Основного Закона страны» (Юрченко В.М. Национальная идентичность и политическая идеология // Духовно-нравственные основы идеологии Российской государственности на современном этапе. Материалы Всеросс. научн.-практ. конференции 13-15 марта 2017 г. – Краснодар-Сочи, с. 115). Именно поправки 2020 года привнесли целый набор таких ценностей, в числе которых и преемственность истории, и статус русского языка, как языка государствообразующего народа, защита исторической правды, особый статус национальной культуры. Появились такие понятия как «патриотизм», «уважение к страшим», «уважение человека труда» и др. Таким образом, дается ответ на вопрос о нашей национальной идее и целях государства, о защите нашего суверенитета, социальных прав граждан, о приоритете Конституции РФ над международным правом. В нынешнем виде Конституция страны содержит основные ценностные параметры общества, отсюда и ее поддержка на общероссийском голосовании. В целом же, можно сказать: создается единая система государственной власти, включающая и местное самоуправление, что обеспечит эффективное ее функционирование. Это особенно необходимо в нынешней довольно сложной международной обстановке, когда в адрес России звучит целая система фейковых обвинений в нарушении демократических прав и свобод граждан, за которыми следуют очередные санкции со стороны Запада. Кроме этого, экономические и социальные последствия работы в условиях коронавирусной атаки также требуют существенного повышения эффективности и качества деятельности публичной власти.

Юрченко И.В. (Краснодар, КубГУ, Ростов н/Д, ЮНЦ РАН)

ЭТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Одним из важнейших конфликтогенных факторов в сфере современной публичной политики, как показали экспертные опросы, является игнорирование элитами этической составляющей в их деятельности, а возможно и незнание хрестоматийного постулата о том, что государство образуется и эффективно функционирует благодаря моральному общению граждан и совместного стремления их к общему благу. Как известно, классики политической мысли акцентировали внимание на том, что нравственное поведение – это и есть подлинная жизнь среди людей и оно напрямую определяет,

какую власть люди могут иметь друг над другом. В современных сложных условиях, когда нашему обществу остро необходима социальная консолидация, от политических элит требуется понимание нравственных приоритетов в процессе реализации публичной власти. А это значит понимание того, что нравственная жизнь предполагает создание условий, при которых у людей есть не декларативная, а естественная возможность выбора, а также умение взаимодействовать друг с другом в соответствии с теми ценностями, которые одобряются в обществе и способствуют его интеграции, а не распаду. В этой связи особенно важно проанализировать этические аспекты социального и политического доверия в контексте решения политическим классом проблем формирования общероссийской социальной солидарности. В настоящее время мы наблюдаем снижение доверия к государственным СМИ, к отдельным властным институтам, к различным источникам информации, а также некоторых этнических групп друг к другу, особенно опасное в полиэтничной среде южного макрорегиона. Эта проблематика, в частности, рассматривалась нами в исследовательском проекте РФФИ по теме «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов». Социальная напряженность, как показали экспертные опросы, возникает и усиливается в ситуации недоверия и распространения недостоверной информации, разжигания межэтнической и межконфессиональной розни. В этих условиях необходимы механизмы, которые бы поддерживали атмосферу творчества и межэтнического социального согласия на основе нравственных отношений и формирования информационного пространства неискаженной коммуникации. Этическая составляющая в определении природы «человека политического» имеет приоритетное значение, так как ценностные ориентации и предпочтения не противоречат рациональности и не являются препятствием для выявления факторов развития человеческого потенциала в современной кризисной реальности. Этические нормы, как утверждал Э. Фромм в своей работе «Психоанализ и этика», - могут вырабатываться только разумом человека и именно им одним. Сегодня важно определить, какое место занимает этическое мышление в сфере публичной политики и можно ли считать его основным средством оздоровления «больного» общества, а также в чем уникальность и нравственный смысл структурных и функциональных вызовов столкнувшегося с новой реальностью политического класса. Большой интерес в настоящее время вызывают труды отечественных и зарубежных мыслителей, ставящих этически значимые проблемы о человеческой сознательности и ответственности в деле устройства своего политического строя. Они не потеряли своей актуальности, так как дают возможность найти некоторые подлинные социальные инструменты оздоровления современного общества. Фундаментальное политико-психологическое исследование сущности власти в контексте этического мышления предложил, в частности, Л. А. Тихомиров, рассматривая то, что он называет «социальным строем», то есть весь самый сложный комплекс действительных жизненных отношений между гражданами государственного организма. И поскольку государство – это не просто территория, население и власть, но также и явление ментального порядка, значение этического фактора в процессе реформирования управленческих практик является приоритетным. В период кризиса советской системы партийная номенклатура сыграла значительную роль в деградиционной динамике, и страна очень быстро потеряла стратегическую инициативу. Перерождение верхушки советской элиты происходило в результате отказа от этических ориентиров и потери способности повседневного взаимодействия с гражданами в открытом дискурсе по воспроизводству государственности в процессе углубления системного кризиса и внешнего давления, ускоряющего внутренний раскол. В современных условиях совокупность конфликтогенных факторов имеет не менее опасную разрушительную силу. Необходимо задействовать все имеющиеся ресурсы для обеспечения управляемости. Но достичь подлинной продуктивности всех усилий правящего класса по выходу из кризиса возможно благодаря воспроизводству и поддержанию морального порядка, а также реализации принципов гуманистической этики и социальной справедливости. Повышение эффективности публичной власти должно быть основано на поддержании атмосферы творческой конкуренции и взаимного социального доверия в соответствии с нравственными императивами.

Юрченко Н.Н. (Краснодар, КубГУ)

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА» И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Проведение мониторинга на основе ивент-анализа конфликтных взаимодействий в регионах позволяет осуществлять картографирование конфликтных ситуаций, определение зон уязвимости и риска с точки зрения способности или неспособности принять необходимые решения, а также результатов принимаемых решений и их последствий. В настоящее время мы наблюдаем процесс глобализации рисков²⁴⁸, что не противоречит необходимости всестороннего изучения региональной специфики разработки конкретных механизмов политического урегулирования конфликтов, управления рисками и преодоления региональной уязвимости. При этом необходимо учитывать такой феномен как «дихотомия конфликт – интеграция», то есть проявление определенной закономерности: конфликты всегда сопровождаются интеграционными процессами. В проекте РФФИ «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов»²⁴⁹ нами рассматривались проблемы развития человеческого капитала в полиэтничной среде Черноморской зоны России (Краснодарский край, Республика Крым, г. Севастополь). Региональный охват исследования позволил получить сравнительные данные о параметрах развития человеческого капитала в данных регионах, выявить факторы, оказывающие значимое влияние на уровень интеграции и конфликтности человеческого капитала с учетом этнополитической, демографической, политико-идеологической составляющей. На основе полученных результатов опросов в Краснодарском крае и Республике Крым были сделаны некоторые выводы о степени интеграции крымского региона в российское социально-политическое пространство. Развитие человеческого капитала в полиэтничной среде исследуемого региона рассматривается как сложносоставная система, охватывающая не только экономическую составляющую, но и ментальную, связанную с капиталом терпимости и этнокультурной целостности, наличием устойчивых традиций, а также в контексте развития экономики, возможностей степени квалификации рабочей силы, специфики социальной структуры, уровня образования, влияния информационных технологий и общей динамики общественных отношений. Наиболее опасным конфликтогенным фактором является феномен радикализма как вызов кризисного общества в результате обострения, международных, региональных, социально-экономических и этнополитических конфликтов. Тенденция к радикализации политического сознания подтверждается распространением этнонационализма, выдвиганием идей совмещения конфессиональных, этнических и политических границ, расколом мира на экономически развитые страны и отсталую периферию в условиях кризиса глобализации, общей политизацией этничности и этнизацией политики²⁵⁰.

Лучшим способом урегулирования конфликта (политического, этно-территориального, политико-экономического) является его упреждение, профилактика, недопущение острой фазы. А значит необходимо разрабатывать методы диагностики, прогнозирования и сценарийной техники применительно к специфике региона. Вот почему именно регионоведческие исследования являются фундаментальным основанием для разработки всех исследовательских практик по конфликтологическому анализу.

Проблема определения региональных рамок исследования в настоящее время осложняется резкими изменениями в информационном пространстве, которые приводят по сути дела к транспарентности публичного поля политики, а также к тотальной цифровизации общества. Но, в то же время, прагматизация политических исследований ориентирует нас на необходимость выявления региональной специфики, что также проявляется и в переводе конфликтологических исследований с уровня страны - на регионы²⁵¹. При этом регион определяется по конкретным географическим, производственно-

248. Michael C. Williams, Words, Images, Enemies, Securitization and International Politics, International Studies Quarterly 2003: P.512.

249. Yurchenko I, Yurchenko V, Dontsova M, Yurchenko N, POTENTIAL DEVELOPMENT IN SOUTH OF RUSSIA // International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS

250. Юрченко И.В. Радикализация политического сознания в условиях кризиса и технологии противодействия экстремизму // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. – СПб: СПбГУ, Фонд развития конфликтологии, 2015. – С.384-399.

251. Баранец С.Н. К вопросу о методологических основаниях политической регионологии // Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2005; Степанов Е.И. Теоретико-методологические проблемы изучения глобализации и регионализации как конфликтогенных факторов современной трансформации российского общества // Социальные конфликты в контексте процессов

функциональным и социальным признакам, как пространственная целостность, соотносимая и позиционированная по отношению к другим регионам. Сама проблема выделения региона как предмета исследования, обусловлена целями и задачами, которые формулируются автором (авторами), и в качестве региона может рассматриваться как отдельная страна или совокупность стран, так и конкретные внутригосударственные административно-территориальные образования или их совокупность. Регионоведческие аспекты в политической конфликтологии органически сочетаются с экономическими, этническими, психологическими, лингвистическими, дискурсивными, что показывает необходимость применения принципа полипарадигмальности в процессе познания сложного, турбулентного современного социально-политического ландшафта и поиска эффективных механизмов политического регулирования возникающих конфликтов.

Ягодка Н.Н. (Москва, РУДН)

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В СИСТЕМЕ ПРИНЯТИЯ АНТИКРИЗИСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ

Взаимодействие государства и институтов гражданского общества является важнейшим условием выработки и реализации оптимальной социально-экономической политики, направленной на всестороннее развитие экономики, предоставление социальных гарантий населению и повышение благосостояния граждан. Многочисленные гражданские и социальные инициативы «на местах» способны сегодня выступать столь необходимым источником обратной связи между государственными и муниципальными органами власти и населением, а также предлагать инновационные способы решения актуальных общественных проблем, особенно в кризисные периоды.

События начала 2020 года в социально-политической жизни страны – инициированная Президентом РФ В.В. Путиным процедура подготовки и внесения поправок в Конституцию, пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и принятие государственных мер по недопущению ее распространения на территории РФ – в очередной раз продемонстрировали незрелость российского гражданского сектора и нежелание власти учитывать его мнение при принятии государственных решений. Отсутствие доверия и взаимопонимания между властью и представителями гражданского общества особенно четко проявляется в кризисных условиях, с которым столкнулась страна в условиях пандемии вируса. Потенциал гражданских и социальных инициатив при решении кризисных задач и встраивании антикризисной политики зачастую недооценивается или игнорируется представителями власти. В сложившихся условиях не представляется возможным говорить о высоком уровне развития публичной политики в России. С учетом неблагоприятного эффекта от распространения коронавирусной инфекции, введения длительного режима нерабочих дней, значительных экономических потерь государства и бизнеса, представляется обоснованным сделать прогноз о существенном нарастании уровня социальной напряженности в России в течение 2020 года. Новые условия социальной повестки дня потребуют новых подходов к процессу подготовки и принятия государственных решений. Смещение акцентов с реализации политики государственной, на политику публичную (с активным привлечением к выработке решений многочисленных представителей коммерческого и некоммерческих секторов) позволит минимизировать социальные и политические потрясения после окончания кризисных событий, трансформировать протестный потенциал гражданских инициатив в созидательный. Антикризисный государственный менеджмент актуализирует проблему поиска концептуальных оснований государственной политики в области встраивания гражданских инициатив в систему принятия государственных решений, а также ставит вопрос о новых политических конфигурациях, требующих оценки с точки зрения обеспечения стабильности и развития общества.

Сегодня многочисленные гражданские инициативы способны предложить представителям власти свое видение решения наиболее острых вопросов в социальной и экономической сферах. Лишенные бюрократических проволочек и коррупционной составляющей гражданские инициативы также могут помочь властям разных уровней быстрее реагировать на запросы населения и снижать степень

общественного недоверия и неопределённости. В условиях нарастания социальной напряжённости власти необходимо сближаться с гражданами, чтобы оказывать адресную помощь нуждающимся, для этого должны быть созданы новые и эффективные каналы обратной связи для представителей малого и среднего бизнеса, профсоюзов, гражданских активистов, волонтеров, научного сообщества и иных групп граждан.

Такие конвенциональные гражданские институты как Общественная палата, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, общественные советы при органах власти, политические партии, скорее носят «фасадный характер» и действуют в основном строго в соответствии с повесткой, спускаемой «сверху» - со стороны правящей элиты, и не способны встраивать в свою работу повестку «снизу» - через многочисленные гражданские инициативы. Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива», на котором граждане могут публиковать свои предложения по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, за 8 лет работы продемонстрировал низкую эффективность и нуждается в модернизации.

В условиях доминирования этатистской модели российского политического устройства, а также при сравнительно низком уровне политической и гражданской активности, широкое распространение гражданских и социальных инициатив могло бы привлечь граждан к решению проблем на местном, региональном и федеральном уровнях. Инкорпорирование гражданских инициатив в сферу публичной политики имплицитно требует оптимизации управленческих стратегий и технологий для обеспечения ценностного единства и социальной стабильности в России, что определяет потребность в совершенствовании механизмов взаимодействия государства и институтов гражданского общества.

*Якимец В.Н. (Москва, ИППИ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ),
Никовская Л.И. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ)*

О ПОЛНОТЕ ФУНКЦИОНАЛА И РОЛЕВОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АКТОРОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ²⁵²

Последние пять лет нами проводились социологические исследования по оценке деятельности институтов и активности субъектов и акторов муниципальной публичной политики (далее МПП) в разных регионах России. Полевые работы велись на базе созданного инструментария, включающего совокупность количественных и качественных методов исследования, а также расчета значений индексов и критериев. В 2019 г. нами был введен критерий функциональной успешности *субъектов и акторов МПП*. На основе рассчитанных значений функциональности все субъекты разбивались на три группы: *субъекты (акторы) высокой функциональности; субъекты (акторы) средней функциональности; субъекты низкой функциональности*. По данному критерию практически во всех муниципальных образованиях обследуемых регионов наблюдалась одна и та же устойчивая тенденция: три актора - профсоюзы, отделения федеральных политических партий и само население - оказывались в секторе низкой функциональности. Причем хуже всего ситуация обстоит с оценкой реализацией функционала профсоюзов. Большинство респондентов воспринимало их как зависимую и достаточно несамостоятельную структуру. Отделения федеральных политических партий в период электорального «межсезонья» на местном уровне практически себя никак не проявляли, лишняя раз показывая, что они являются легитимным инструментом борьбы за политическую власть во время выборной кампании. Население как субъект МПП представлено диффузно и аморфно. Оно в субъектном смысле осталось диффузным, распыленным, предпочитающим прямые встречи с местным руководством, обращения с жалобами, прямое информирование, т.е. традиционный набор средств и методов взаимодействия

252. Доклад выполнен в рамках исследовательского проекта РФФИ-ЭИСИ №20-011-31191 по теме «Инструментальное исследование деятельности институтов муниципальной публичной политики и оценки функциональной активности субъектов и акторов публичной сферы для поиска приоритетных направлений развития взаимодействия НКО и власти в решении социально-значимых задач на уровне местных сообществ (на примере Республики Крым и Севастополя)»

с местной властью. Гораздо выше активность институционализированных интересов граждан - через организации НКО, Общественные палаты города, ассоциации малого и среднего бизнеса, ТПП и пр. Причины этого явления - в сохранении советских стереотипов, государственного патернализма и иждивенчества. Население в целом неплохо оценивает потенциал всей системы органов МСУ, но реальные стимулы для своего участия оцениваются низко. Интерес к общественной активности население реально проявляет только тогда, когда видит и ощущает результаты своей деятельности. В докладе будут представлены конкретные оценки по критерию полноты функционала субъектов и акторов ряда муниципальных образований. Интересным будет сравнение полученных данных с ситуацией в Республике Крым и Севастополе.

Наши исследования полностью подтвердили вывод, что публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти, что выдвигает на первый план вопросы о характере и качестве взаимоотношений органов государственной /муниципальной власти и гражданского общества в процессе совместной выработки решений по общезначимым социальным проблемам, затрагивающим многие аспекты жизни местного(регионального) сообщества. Стало очевидно, что говорить в общих словах об общественном участии в формате общественной экспертизы, общественного контроля, публичных слушаний и пр. недостаточно. Выявился феномен: там, где при решении разных проблем местного сообщества, гражданин не просто «привлекается» и «участвует в толпе», а выбрал самостоятельно ролевую позицию, в рамках которой он может принести заметный вклад, где созданы условия для максимального проявления его активности, где партнеры из других секторов (бизнес, власть) с ним непросто вступают в диалог, а работают на равных, его потенциал проявляется в наибольшей степени. При этом интересно, что в ходе решения проблемы ролевые позиции активного гражданина могут претерпевать трансформации – от простого *наблюдателя*, до вносящего вклад в поиск и разработку вариантов решений проблемы (*разработчик*), до прямого персонального участия в выполнении отдельных заданий (*исполнитель*), до привлечения дополнительных (в том числе и личных) ресурсов, необходимых для реализации проекта (*фандрайзер*), до оценивания эффективности и качества проведенных работ (*эксперт*), до ревностного и бережливого отношения к содержанию реализованного проекта (*общественный контролер*). Примером такого многомерного развертывания ролевого потенциала активных граждан среди современных социально-экономических технологий является система инициативного бюджетирования, которая уже прошла пилотную апробацию в ряде регионов страны, показав ощутимые позитивные результаты. Принятый в середине 2020 г. Федеральный закон об инициативном бюджетировании N 236-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 20 июля 2020 года вступает в силу с 1 января 2021 года. В нем оговаривается место и роль граждан в процессе выдвижения инициативного проекта, его обсуждении, согласовании с местной администрацией и привлечении средств из местного бюджета на реализацию. Есть уверенность в том, что этот закон обеспечит на уровне МПП развитие институциональных условий для ролевого потенциала активных и ответственных членов местного сообщества в решение проблем местного сообщества.

Яковлева Е.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕАЛЬНЫХ И РЕАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ГУБЕРНАТОРОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Анализу феномена восприятия политических лидеров уделяется в современной научной литературе большое внимание²⁵³. Однако образы региональных политических лидеров, изучены недостаточно. Отдельным исследовательским направлением, не получавшим должной научной проработки ранее, является изучение идеальных образов губернаторов в массовом сознании и последующее сопоставление идеальных образов региональных политических лидеров с их реальными прототипами в сознании граждан.

253. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018). Отв. Редактор Е.Б. Шестопал. 2019. М.: Весь Мир. 656 с.

В начале 2020 года научный коллектив кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова приступил к новому масштабному исследованию, направленному на изучение восприятия политических лидеров, формирования их образов в массовом сознании, а также изучению представлений граждан об идеальных политических лидерах и институтах, и власти в целом. Образы идеальных и реальных губернаторов являются одним из объектов данного исследования. Основные задачи исследования заключались в изучении трансформации образов глав регионов в сознании российских граждан, в сравнении образов идеальных и реальных губернаторов.

Поставленные задачи позволили решить проведенное в 2020 году качественно-количественное эмпирическое исследование в ряде российских регионов: Челябинской, Томской, Сахалинской, Смоленской областях, Башкортостане, Краснодарском крае, Санкт-Петербурге и Москве. Исследование не было репрезентативным для страны в целом, но выборка была сбалансирована по параметрам пола, возраста и образования. Общее количество респондентов составило: 350 человек. В исследовании использовались методы глубинного интервью, неоконченных предложений и семантического дифференциала. Обработка количественных данных проводилась с помощью пакета программного обеспечения для анализа статистических данных IBM SPSS Statistics и MS Excel.

По результатам исследования можно отметить некоторые общие тенденции, характерные для восприятия гражданами идеального и реального губернаторов. Так, *во-первых*, обращает на себя внимание тот факт, что респонденты стали более осторожно высказываться на политические темы, когда речь идет о личностях региональных лидеров и необходимо высказывать мнение о них.

Во-вторых, такая осторожность связана с отсутствием в массовом сознании граждан четкого представления о реальных региональных лидерах. К ним относятся настороженно, не до конца понимая их мотивы нахождения у власти и не признавая в них ярких харизматичных лидеров. Этот феномен фиксировался не только на рациональном, но и на бессознательном уровне, где образы губернаторов выглядят также весьма блекло.

В-третьих, в отличие от реальных губернаторов, об их идеальных «двойниках» респонденты говорят более охотно. В массовом сознании идеальный образ губернатора сформирован, и у опрошенных есть достаточно четкие представления о его позитивных и негативных качествах, его функциях и деятельности. И этими представлениями респонденты делятся охотнее. Яркость и харизма являются теми качествами, которые часто отмечались респондентами в ответах на вопрос о качествах, необходимых идеальному губернатору.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что несмотря на отсутствие четких представлений о действующих главах регионов, в массовом сознании граждан есть достаточно хорошо сформированный образ идеального губернатора. В большинстве случаев этот образ опирается на образы реальных губернаторов из других регионов, действующих или завершивших свою профессиональную деятельность, и его формирование происходит под воздействием социальных медиа и альтернативных каналов информации, таких как, например, YouTube, Instagram и других.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31369 «Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти, политических институтах и лидерах».

Ямалова Э.Н. (Уфа, БашГУ)

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Публичная политика является многозначным понятием, с чем связано многообразие подходов к определению публичной политики: это и особая сфера деятельности; это и выражение некоторых намерений; особые предположения, высказанные в манифестах; правительственные решения и их формальная авторизация в законодательстве; программы, пакеты законов, кадры и ресурсы; совокупность

промежуточных и конечных результатов; то, что реально достигнуто; процесс, а не момент, серия решений, а не одно решение [1].

Публичная политика как ключевая фаза современного политического процесса включает регулирование таких областей, как экономика, международные связи, оборона, государственная безопасность, налоги, здравоохранение, жилищное строительство, социальное страхование, экология, образование, занятость, демография, и др.

Исследователи определяют области изучения публичной политики по результатам правительственной активности и видам правительственной деятельности по достижению поставленных целей. Они классифицируют эти действия и результаты по четырем группам.

Во-первых, публичная политика различных государств может быть представлена в виде выделения ресурсов из национальных и международных источников, т.е. денег, товаров, людей и услуг, для обеспечения потребностей населения.

Во-вторых, публичная политика характеризуется распределительной и перераспределительной активностью правительств. При сравнении государств важно ответить на вопрос, какие блага и почему перераспределяются в данном обществе.

В-третьих, публичная политика регулирует человеческое поведение, т.е. использует принуждение и стимулирование для осуществления согласия относительно выделения ресурсов и их распределения.

В-четвертых, публичная политика может быть охарактеризована символическим действием, политическими речами, праздниками, публичными мероприятиями, используемыми лидерами для социализации молодежи и идентификации населения с режимом, т.е. для вовлечения населения в желаемые формы поведения [3].

По сути, публичная сфера политического пространства является не столько площадкой соприкосновения государства и общества, сколько ареной взаимодействия *институализированных центров власти с гражданскими структурами*. В силу этого не только возможности, но и цели этих сторон достаточно разные. Так, для населения публичная сфера предстает пространством презентации интересов, выражения солидарности или протеста по поводу правительственных позиций и проектов, установления коммуникации с властями и расширения поля дебатов, а равно условием политической идентификации и социализации граждан. Однако элита рассматривает публичное пространство как средство снижения протестных настроений и умиротворения общественности, как инструмент контроля за межгрупповой конкуренцией, как условие усиления сплоченности населения на принципах политической лояльности и стабилизации социального порядка, а также органического вживления интересов граждан в свои тактические и долгосрочные планы. И только частично публичная сфера рассматривается как пространство идей, способных лечь в основание решений [2].

Рядовые граждане обладают лишь возможностью соучастия во власти, во многом ограничивая его электоральным пространством, определением того круга лиц, который получает мандат на непосредственное управление обществом. В то же время между выборами их права ограничиваются действиями ими же выбранных представителей, которые устанавливают многочисленные «согласования», процедуры и иные инструменты управленческой логистики, которые становятся для обывателей непроходимыми «стеклянными стенами». При этом многочисленные «общественные советы» или «рабочие группы» при министерствах и ведомствах, институты гражданской экспертизы проектов и иные аналогичные структуры имеют исключительно вспомогательный статус, и их позиции обладают лишь рекомендательным, а не обязательным к исполнению характером [1].

Таким образом, следует понимать, что публичная политика как составляющая современного политического процесса должна способствовать *решению проблем*, сосредоточиваясь на актуальных жизненных проблемах, а не на неясных, иногда семантических, юридических различиях; должна быть *нормативной*, признавая, что анализ процесса политики не может быть отделен от оценочных суждений, подразумеваемых в выборе политики; в ней должен находиться ответ о том, какова особенность *модели политического процесса*, состоящего из этапов интеллектуальной разведки проблем, продвижения идей, подготовки предложений, принятия решений и их применения. Но не следует излишне

идеализировать публичные коммуникации власти и общества в процессе принятия государственных и политических решений. Гражданский активизм и общественное мнение даже в демократических политических системах обладают весьма ограниченной ролью и в деле организации массового дискурса, и выработки повестки дня, и целевых показателей управленческих стратегий.

Литература:

4. Малинова О. Ю. Символическая политика, 2014. С. 195—196
5. Сморгунюв Л. В. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие, 2018, С. 56-57
6. Almond, Powell, Comparative policy, 1988. P. 120-121

Януш О.Б. (Казань, КГЭУ)

ЯЗЫКИ МЕНЬШИНСТВ В ОТОБРАЖЕНИИ СМИ (НА ПРИМЕРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Современные медиа выполняют функции социального конструирования реальности, освещая те или иные события и переключая внимание аудитории на определенные темы. Благодаря СМИ хорошо различимы голоса множества участников политико-языковых отношений, заполняющих публичное пространство. Основная цель исследования – описать информационную картину миноритарного языка как значимого публичного блага, создаваемую СМИ различных уровней и категорий.

Результаты количественного контент-анализа за 2003-2019 гг., выполненного с помощью информационно-аналитической системы Медиалогия254, позволяют зафиксировать постепенно нарастающее и значимое повышение доли сообщений с упоминанием марийского языка с пиковыми показателями в 2005 г. и 2018 г. и снижением в 2019 г., что в целом свидетельствует о неожиданно актуализировавшейся языковой проблематике. Более 5 тыс. сообщений из 6539 принадлежит региональным СМИ с наибольшими значениями, которые приходятся на газеты, Интернет и информационные агентства; на долю федеральных СМИ – менее 1 тыс. сообщений, в зарубежных – около 100 материалов.

Почти половина сюжетов – 3172 из 6539, или 48,5 % - принадлежит СМИ Республики Марий Эл (газеты «Марийская правда», «Волжская правда», «Йошкар-Ола», ИА МариМедиа и MediaPotok, ГТРК Марий Эл), 12 % сообщений приходится на СМИ Москвы, 8 % (524 сообщения) – СМИ Республики Башкортостан, 6,7 % (438 сообщений) – СМИ Республики Татарстан, 4 % (271 сообщение) – СМИ Республики Коми, 2,4 % (156 сообщений) – Свердловской области и т.д. География новостей о марийском языке отчасти может быть объяснена сильной диаспоризованностью марийцев, как и многих других финно-угорских народов: к примеру, 44 % носителей марийских языков проживают за пределами своей республики. Наиболее крупные марийские диаспоры сосредоточены в Республике Башкортостан – 103 658 чел., Республике Татарстан – 18848, Удмуртской Республике – 8067, Свердловской области – 23801255. Несмотря на разницу в количестве сообщений о марийском языке федеральных и региональных СМИ, показатели заметности, позволяющие определить наиболее яркие сообщения в наиболее влиятельных СМИ, а также охват аудитории – значительно выше у федеральных средств массовой информации.

Анализ новостного дискурса языка меньшинства на примере марийского языка показывает, что конструируемая информационная картина СМИ различных уровней и категорий представляет образ марийского языка, который, с одной стороны, ассоциируется с традициями, идентичностью, уникальностью и самобытностью, с другой – речь идет о реальности языка с инструментальными функциями, ассоциируемого с современностью и инновациями.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31601.

254. Дата запроса: 07 мая 2020 года.

255. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Электронный ресурс gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата посещения: 30.08.2020 г.).

Ярина М.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫМ ОЛИМПИЙСКИМ КОМИТЕТОМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Пандемия коронавируса в 2020 г. внесла свои коррективы в деятельность практически всех международных организаций, в том числе и Международного олимпийского комитета (далее-МОК). Это самым непосредственным образом отразилось на решении МОК по предстоящим Играм XXXII Олимпиады 2020 года в г. Токио, которые должны были пройти с 24 июля по 9 августа.

В начале марта 2020 года уверенная позиция МОК в вопросе проведения Игр Олимпиады в срок с одновременным призывом к спортсменам готовиться к Играм, сменилась выжидающей позицией в немалой степени под давлением ряда западных стран. МОК ждал решений основных акторов олимпийского движения - ведущих национальных олимпийских комитетов (далее-НОК) Запада. При этом появившаяся в СМИ инсайдерская информация от источников в МОК о переносе Игр всячески опровергалась руководством Международного олимпийского комитета. В тот период МОК испытывал давление 2 факторов – финансового, так как были понесены существенные расходы по подготовке к Играм, а также репутационного, поскольку нельзя было рисковать жизнью и здоровьем людей в угоду спонсорским контрактам.

Пытаясь урегулировать ситуацию, МОК в течение марта провел целую серию конференц-коллов с международными федерациями, национальными олимпийскими комитетами, министрами спорта, международной комиссией спортсменов и рядом национальных комиссий спортсменов. 17 марта по результатам телефонной связи с международными спортивными федерациями, МОК выступил с заявлением, что не сомневается в том, что Игры в 2020 году состоятся и что любые спекуляции по отмене соревнований контрпродуктивны.²⁵⁶ В продолжении этой линии на следующий день МОК, подводя итоги видеоконференции с руководством европейских НОКов и со спортсменами всего мира, обратил внимание на постоянно изменяющуюся ситуацию, подтвердив при этом уверенность в проведении Игр летом 2020 года. Однако, как показали дальнейшие события, МОК, затягивая решения (что отражалось на сроках и характере подготовки спортсменов), не вполне справился с задачами защиты прав и интересов спортсменов, ограждения участников будущих Игр от спекуляций и слухов.

К сожалению, похожую позицию занял и Олимпийский комитет России (далее-ОКР), который длительное время сохранял молчание, демонстрируя отсутствие самостоятельной позиции по вопросу участия в Играх. Более того, ОКР только в конце марта сделал заявление, которое тем не менее не содержало никакой конкретной позиции и собственных решений. Причем, это заявление было сделано на фоне предложений ряда национальных олимпийских комитетов перенести игры и не отправлять свои сборные в Токио, чтобы не подвергать их риску. Так, НОК Канады стал первым кто официально заявил, что не отправит свою сборную на Игры в Токио в запланированные даты.²⁵⁷ НОК США также выступил с требованием перенести Игры. Сложившаяся ситуация в очередной раз показала отсутствие собственной четкой позиции у российского НОКа.

И только после всех принятых решений основными западными НОКаи Международный олимпийский комитет 24 марта в результате переговоров с Премьер-Министром Японии опубликовал на своем сайте совместное заявление с руководством Организационного комитета Игр 2020 года о переносе Игр на период не позднее лета 2021 года. Позже стало известно, что Игры планируют провести с 23 июля по 8 августа 2021 года. На сегодняшний момент в прессе периодически появляется информация о возможной отмене Игр, в случае если пандемия коронавируса не отступит.

256. МОК обсудил с международными федерациями Игры в Токио URL: <https://olympic.ru/news/news/mok-obsudil-s-mezhdunarodnymi-federatsiyami-igry-v-tokio/> (дата обращения: 25.08.2020).

257. Canadian athletes will not compete at Tokyo 2020 Games due to COVID-19 risks URL: <https://www.cbc.ca/sports/olympics/canadian-olympic-committee-tokyo-2020-ioc-1.5506> (дата обращения: 28.08.2020).

Существенно в глазах мировой спортивной общественности пострадал имидж МОК, особенно руководства, в действиях которого отсутствовала четкая позиция, наблюдалась заторможенность в принятии принципиальных решений, а также зависимость от позиций ряда западных стран. Как можно представить, МОК в первую очередь думал о финансовых потерях, а не об общечеловеческих ценностях и олимпийских идеалах. Впрочем, Олимпийский комитет России поддержал подход МОК к рассмотрению вопроса о переносе игр в Токио и осудил критику в адрес его руководства о затягивании решений.

Очевидно, что перенос Игр в Токио стал самым заметным событием в спортивном мире в условиях пандемии. Сегодня международное олимпийское движение должно сохранить идеалы Олимпийских Игр, их авторитет и сплоченность спортивного сообщества. Эти задачи требуют снижения политизации спорта и недопущения влияния на траектории его развития геополитических игр и проектов.

Ячменник К.В. (Краснодар, КубГУ)

РАЗВИТИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ БОЛЬШОГО ГОРОДА: ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Социальные изменения, происходящие в современном обществе тесно связаны с различными аспектами функционирования политической системы. Особое влияние на эти процессы оказывает молодежь, социально-политические практики которой принципиально отличаются от других социальных групп общества. Исследование социально-политических практик молодежи позволяет выделить механизмы политики идентичности на локальном уровне в большом городе. Методика эмпирического исследования основывалась на методе фокус-групповой дискуссии, с помощью которого были выявлены и охарактеризованы основные виды социально-политических практик молодежи (школьники, студенты, работающая молодежь) в отобранных городах: Армавир, Новороссийск, Краснодар и Сочи.

Во всех исследуемых городах Краснодарского края молодежь в большей или в меньшей степени включена в следующие виды конструктивных общественных практик: образовательные проекты, добровольческие движения, событийные памятные и символические мероприятия города, экологические акции и проекты, проекты развития города.

Так, в городе Армавир молодежь характеризуется активным участием в конструктивных общественно-политических практиках города. Анализ данных показал, что наиболее вовлеченными в социально-политические практики города Армавир являются школьники, затем идут студенты и наименее включена в общественную жизнь работающая молодежь. Школьники в большей степени вовлечены в событийные памятные и символические мероприятия города, добровольческие движения и экологические акции и проекты. Для студенческой молодежи характерна включенность в волонтерские движения и деятельность органов местного самоуправления и молодежного представительства. Работающая молодежь в силу своего возраста и ориентацию на развитие своих профессиональных траекторий включена в основном событийные памятные и символические мероприятия города.

В городе Сочи мы выявили схожую ситуацию с Армавиром: наиболее вовлеченными в конструктивные общественные практики города являются школьники, затем идут студенты и наименее включена в общественную жизнь работающая молодежь. Однако в Сочи есть и свои особенности: наиболее распространёнными конструктивными общественными практиками для всех групп молодежи является вовлеченность в добровольческие движения. Для школьников характерна включенность в той или иной мере практически во все выделенные нами типы конструктивных социально-политических практик и в большинстве случаев они являются и участниками и организаторами этих мероприятий и

проектов. Для студентов типичными являются практики вовлеченности в волонтерскую деятельность. В меньшей степени студенты включаются в образовательные проекты и событийные символические и памятные мероприятия. Характерными особенностями работающей молодежи является включенность в событийные символические и памятные мероприятия города и образовательные проекты.

Что касается Краснодара, то здесь наиболее вовлеченной в социально-политические практики города является студенческая молодежь, затем идет работающая молодежь и наименее включены в общественную жизнь города школьники. В целом школьники предпочитают принимать участие в досуговых практиках и спортивных мероприятиях и большого интереса к участию в жизни своего города не проявляют. Студенты делают упор на участии в образовательных проектах. Также студенты активно включаются в практики молодежного представительства в органах местного самоуправления. Важное место в иерархии включенности в общественные практики города студенческая молодежь отводит экологическим проектам и проектам, направленным на благоустройство города Краснодара. Работающая молодежь в большей степени включена в участие в деятельности волонтерских и добровольческих движений и проектах развития города, т.к. данные направления связаны еще и с профессиональной деятельностью опрошенных респондентов.

Совершенно противоположную ситуацию мы увидели в Новороссийске. Здесь наблюдается низкий уровень вовлечения молодежи в общественные практики города, хотя респонденты отметили, что в городе проводится и реализуется множество мероприятий и проектов для молодежи на различные тематики. Так, для школьников Новороссийска типичными социально-политическими практиками являются практики участия в событийных массовых и памятных мероприятиях. Студенческая молодежь в целом информированы о мероприятиях и проектах, в которых принимают участие их сверстники. Среди них можно выделить: образовательные проекты, событийные памятные мероприятия и участие в деятельности органов молодежного представительства. Работающая молодежь в отличие от двух других групп молодежи, включена в деятельность органов молодежного представительства, а именно Молодежного парламента Новороссийска. Следует отметить, что в отличие от других городов молодежь Новороссийска характеризуется низким уровнем вовлеченности в общественные практики города.

Таким образом, можно отметить, что эффективными институциональными механизмами формирования локальной идентичности молодежи в больших городах являются: образовательная политика, символическая политика, политика памяти, экологическая политика, стратегии и проекты развития города и городских агломераций, добровольческие движения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)».

Aleksanyan A. S. (Yerevan, Armenia, YSU)

NEW PARLIAMENTARISM IN THE LEGITIMIZATION OF CIVILIARCHIC POWER IN POST-REVOLUTIONARY ARMENIA: VELVET POPULISM AND ILIBERALISM

After the Velvet Revolution in Armenia in 2018, heightened interest in parliamentarism and the legitimacy of political power has prompted a need for research on democratic representation and participation through a new parliamentary system of government. The comparative political science interest in Armenian parliamentarism and the legitimacy of political power is due to changes in the political system of post-revolutionary Armenia under the influence of the transition to a parliamentary republic. The new political power is trying to ensure its legitimacy by populist means, by means of anti-ideological influence, through popular legitimation, as well as coercion and use of force.

The direct relationship between civiliarchic stability and parliamentary institutions in the conditions of post-revolutionary Armenia is ambiguous and contradictory. Moreover, a comparative analysis of the issues of parliamentarism, political stabilization and destabilization as a result of the institutional political transformations of Armenia is impossible without considering the problem of democratic transit in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), which has a certain specificity. The new parliamentary system of government in Armenia can be called civiliarchic stable and legitimate if, under the influence of various external and internal factors, it remains functionally consolidated and functionally effective. Within the framework of this approach, stability can mean: 1) predictability of the most essential parameters of political and other systems, ensuring their evolution; 2) the ability to rationally and effectively respond to external and internal factors influencing the dynamics of development, especially undesirable ones; 3) the innovative potential of political elites, expressed in a conceptual approach to problems, the creation of new technologies, the ability to take risks, the use of non-traditional methods, the constant search for sources of foreign investment, the nomination of new leaders, and the solution of the problem of openness of power.

The political difficulties and contradictions of the modern stage of the Armenian statehood are due to civiliarchic and non-civiliarchic factors, as well as European and Eurasian integration processes. Against this background, the underestimation of the political significance of parliamentary institutions as one of the decisive conditions for sustainable dialogue and partnership among civil society organizations (CSOs), government bodies and local self-government stands out. In this context, civiliarchic stability is relevant as a consequence of the effective development of parliamentary relations and as a condition for ensuring the vital interests of active political parties and CSOs. Acting as a balance between preservation and change, civiliarchic stability characterizes the ability of the Armenian political system to adapt to democratic changes, rather than rejection of these changes. Moreover, the effectiveness of the planned democratic changes is directly proportional to the involvement of all actors in this process in the search for civiliarchic compromise and consensus solutions.

Gabriele De Luca (RUDN University, Moscow, Russia)

WHY IS THE ADOPTION OF SMART GOVERNMENT TECHNOLOGY CONDUCTIVE TO LARGE-SCALE COGNITIVE DISSONANCE IN SOCIETY

Political categories and political concepts are abstractions over observable social phenomena.²⁵⁸ Whenever naive Bayesian humans observe social behaviour, they initially cluster it according to their features and its unknown group affiliation, and then assign to it a preliminary label. When they note further observations, sufficient proximate to the ones previously classified, the humans then increase the Bayesian prior probability that any new observation will correspond to the known class. If the observation is, for example, that a red piece of cloth called “flag” is shown in geographical proximity to a human who identifies himself as a “communist”, then a rational human assigns the class affiliation of that observation according to Bayes’ theorem,²⁵⁹ as:

$$P(\text{communist} | \text{red flag}) = \frac{P(\text{red flag} | \text{communist}) \cdot P(\text{communist})}{P(\text{red flag})}$$

The information related to the Bayesian priors in this process of rational inference is not however contained in the observation itself; but rather, it is shared by the social group by means of communication and socialization.²⁶⁰ As a consequence, at the beginning of the Bayesian reasoning over political matters, a human

258. Selbst, A. D., Boyd, D., Friedler, S. A., Venkatasubramanian, S., & Vertesi, J. (2019, January). Fairness and abstraction in sociotechnical systems. In Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (pp. 59-68).

259. Gill, J. (2012). Bayesian Methods in Political Science: Introduction to the Virtual Issue. *Political Analysis*, 20(V3), 1-9.

260. Atkin, C. K., & Gantz, W. (1978). Television news and political socialization. *Public Opinion Quarterly*, 42(2), 183-194.

receives from the surrounding social system some very large but finite list of labels $S = \{s_1, s_2, \dots, s_n\}$ and prior probabilities $P(s_i)$, $P(s_j)$, $P(s_i|s_j)$, $\forall s_i, s_j \in S$. On them, he then starts to compute the corresponding posterior probabilities, as:

$$p(s_j|s_i) = \frac{p(s_i|s_j) \cdot p(s_j)}{p(s_i)}$$

In the meanwhile, and in a non-linear fashion, he also updates his own prior probabilities as a consequence of the direct observations of phenomena that he classifies with any of the socially approved labels.

In this sense, political knowledge corresponds to the knowledge of the labels for classification that are associated by a social group to social behaviour.²⁶¹ When multiple individuals in a social group share the same labels, these labels become socially accepted, which in turn increases the likelihood that they will be used in the future, and which subsequently reinforces their associated Bayesian priors. This means that political ontologies indicate the list of shared labels that humans adopt in a given social group and that tend to replicate themselves over time.

Some of these labels are particularly poor approximations of reality, but continue nonetheless to persist in the socially-approved political ontologies. Among these, some of the most important ones are the label associated with the two hundred States recognised today.²⁶² The theories of state, like all other theories, are also susceptible of empirical verification. If one assumes that a state is a group of people that speak one language, for example, then one can test this theory by clustering the spoken languages according to their geographical distribution. If, instead, one assumes that a state is a group of people that share the same religion, ethnicity, or who are in close genetic proximity with one another, then this theory, too, can be tested and empirically falsified. In this sense, the state is a theory that links a given label to a presumed, but undemonstrated, best clustering of some human population. Some of the states whose existence is purported in the political maps of the world do not correspond to a good clustering of the human populations. As a consequence, we political analysts should anticipate that a smart government that uses automated systems for knowledge generation²⁶³ and data-based truth maintenance²⁶⁴ will falsify their existence, and should therefore prepare the general population accordingly.

The task of testing the correspondence between socially-accepted political labels and corresponding real-world phenomena can, in fact, be automated by using models for inferential reasoning.²⁶⁵ A smart government is in this context a machine that, together with other secondary administrative tasks, can also perform inferential reasoning over political subjects.²⁶⁶ If the inferential reasoning will find that some of the socially-accepted labels for political ontology are not good approximations of reality; and in particular, if these labels concern the idea of national affiliation, then we should expect a generalised cognitive dissonance among the populations that assign very high prior probabilities to those labels.²⁶⁷ Humans do not like to have their beliefs falsified,²⁶⁸ and we can therefore expect them to react badly when this happens.²⁶⁹

This has implications for the construction of AI systems that perform political management of the human populations, since these systems risk presenting dissonant content to their users. However, this risk can be limited by decreasing through education the prior probabilities associated by the population to political labels. This means that political scientists could start publicly doubt about the validity of those political labels, whenever scientific knowledge or automated reasoning suggests that they do not correspond well to reality.

261. Jarvis, S. E. (2005). *The talk of the party: Political labels, symbolic capital, and American life*. Rowman & Littlefield.

262. Wheatley, S. (2016). The emergence of new states in international law: the insights from complexity theory. *Chinese Journal of International Law*, 15(3), 579-606.

263. Friedman, L., & Markovitch, S. (2017). *Recursive Feature Generation for Knowledge-based Induction* (Doctoral dissertation, Computer Science Department, Technion).

264. Attaluri, P., Iqbal, M., Lawrence, C. D., & Trevathan, M. B. (2019). U.S. Patent Application No. 16/507,215.

265. Kaliszyk, C., Urban, J., & Vyskocil, J. (2015). Efficient semantic features for automated reasoning over large theories.

266. Xiao, Y., Xiao, M., & Zhao, H. (2007, September). An ontology for e-government knowledge modeling and interoperability. In *2007 International Conference on Wireless Communications, Networking and Mobile Computing* (pp. 3605-3608). IEEE.

267. Nam, H. H., Jost, J. T., & Van Bavel, J. J. (2013). "Not for all the tea in China!" Political ideology and the avoidance of dissonance-arousing situations. *PLoS one*, 8(4), e59837.

268. McKinnon, A. (2019). *Falsification and belief* (Vol. 25). Walter de Gruyter GmbH & Co KG.

269. Hollander, P. (Ed.). (2008). *Political violence: belief, behavior, and legitimation*. Springer.

Shahanaz Parven (RUDN University, Moscow)

POLITICAL MANAGEMENT OF MIGRATION THROUGH TECHNOLOGY

Digital technology for e-governance allows the automation of administrative tasks that previously required manual clerical work.²⁷⁰ One of these tasks is the issuing of visas for entry into a country, to citizens of a foreign country with a visa regimen. The positive experience by the Russian government with regards to electronic visas for short stays in some of its regions suggests that this type of policy might be extended to other areas.²⁷¹ The electronic visa is responsible for having increased the access of tourists to Kaliningrad,²⁷² and as a consequence other regions might eventually benefit for it. Other countries do not take a regional criterion in order to decide what areas should be affected by facilitations of travel in the form of electronic visas, but instead give access to all those who hold one. This however leads to perceived risk for security of the administration of the country, which loses de facto control over the foreign citizens in arrival.²⁷³

The specific problem is part of a more general phenomenon that sees the state administration losing its function in the administration of societies. Instead, technologies for e-governance end up replacing the humans that previously performed the function of management over a particular sector of social activity. As a consequence, as it loses its functions in a society, so does the idea of the state authority weakens.

We conclude from this that digital technologies for the management of migration weaken the role that state administrations have in societies for two reasons. The first is that the general promotion of movement across population, by means for example of facilitated granting of visas, decreases the belief in the existence of the state borders,²⁷⁴ as a consequence of the more frequent crossings.

The second is that the market demand for the services of the state administration, if the tasks performed by this administration are replaced for technology, also decreases.²⁷⁵

Both these factors contribute to a predictable decrease in the role that the human administration has in the management of migration. Given the predictable decreased reliance on human management by the system of international migration, the conclusion we can draw is that the system will tend towards forms of self-regulation.²⁷⁶

Mirmohammad Sadeghi, Elham (RUDN University, Moscow)

NEW PUBLIC DIPLOMACY AND NEW INFLUENCES IN AIMED SOCIETIES

Traditional public diplomacy uses international TV channels, promotes exchange of students, researchers, scholars, and artists, holds festivals and exhibitions, establishes cultural centers, provides language teaching and creates business associations which are still ubiquitous. However, new public diplomacy includes the relations of a society in a country with the societies of other countries to affect the governments of those

270. Fang, Z. (2002). E-government in digital era: concept, practice, and development. *International journal of the Computer, the Internet and management*, 10(2), 1-22.

271. Palmowski, T., & Fedorov, G. M. (2020). The potential for development of Russian-Polish cross-border region. *Geography, Environment, Sustainability*, 13(1), 21-28.

272. Vostretsova, A. S., & Petrashevskaya, E. G. (2019). EXPLORE RUSSIA FROM KALININGRAD TO THE FAR EAST: PROSPECTS AND OPPORTUNITIES OF REGIONAL TOURISM. *Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы*, 14(3), 68-73.

273. Pyovov, Y., & Bandar, N. (2020). Effectiveness, Risks and Prospects of Legal Regulation and Practical Functioning of Electronic Visas in Saudi Arabia and Ukraine. *J. Pol. & L.*, 13, 101.

274. Loyal, S. (2017). Bourdieu's theory of the state. In *Bourdieu's Theory of the State* (pp. 67-82). Palgrave Macmillan, New York.

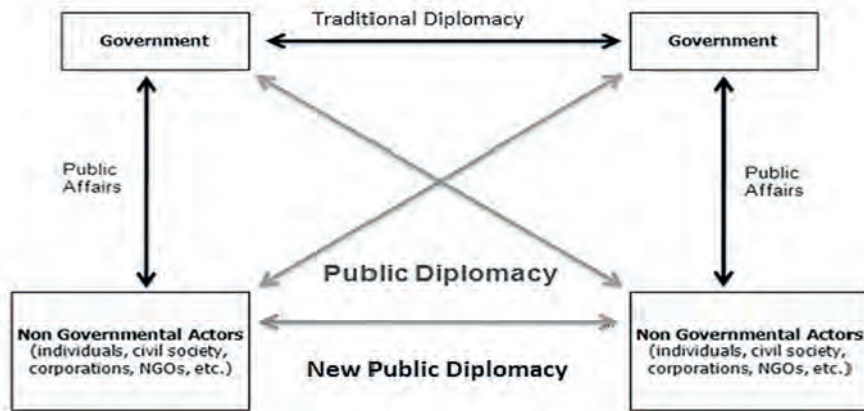
275. Engin, Z., & Treleaven, P. (2019). Algorithmic government: Automating public services and supporting civil servants in using data science technologies. *The Computer Journal*, 62(3), 448-460.

276. Hejl, P. M. (1990). Self-regulation in social systems. In *Selforganization* (pp. 114-127). Springer, Dordrecht.

societies. The distinction between the two types of public diplomacy became apparent in the early years of the XXI century. Some changes in the methods of diplomacy have been observed in recent years in the light of fundamental evolutions occurred in world politics. Deep evolutions in the field of information technologies and communications, wide access to the Internet, globalization and citizen diplomacy have changed the concept of power. Nowadays, not only the economic or military power (hard power), but the reputation of a nation or a leader, the country's values, policies, performance and the ability to control the information influence an image of a country in international relations. Thus, new public diplomacy is applied not only by states but also by non-governmental institutions and individuals, in relations between societies of two or more countries. Such diplomacy relies on soft power and creates mutually strengthening relations.

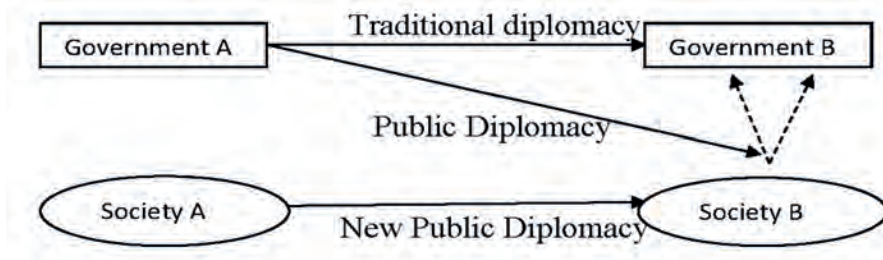
The findings of this research, show that without the use of force and, using a variety of tools and instruments, the new public diplomacy and soft power could influences in the aimed societies to reach transnational goals in the foreign policy.

The comparative diagram of traditional diplomacy, public diplomacy, and new public diplomacy

Diplomacy now exists in three forms: traditional diplomacy, public diplomacy and new public diplomacy. While traditional diplomacy, that has existed for centuries, includes the relations between governments. Public diplomacy implies the ties between a government and society of another country and affects the governments of this society . Image cultivation and propaganda now labeled as public diplomacy are as old as diplomacy itself. The Diagram 1 shows the definition and relationships between three forms of diplomacy. From this perspective, public diplomacy has the best efficiency when all up-arrows are coordinated.

Diplomacy typology

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ:
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции
с международным участием РАПН'2020
г. Москва, Московский педагогический государственный университет
27-28 ноября 2020 г.

Под редакцией Гаман-Голутвиной О. В., Сморгунова Л. В., Тимофеевой Л. Н.

Все тезисы печатаются в авторской редакции

Компьютерная верстка: Ильдарханова Л.-А. Р.

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования (УИД и ИП) МПГУ.

119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 88, оф. 446,

тел. +7 (499) 730-38-61, e-mail: izdat@mpgu.su.

Подписано в печать 26.11.2020. Формат 60 × 90 1/8.

Усл. печ. л. 59. Тираж 350 экз.

Издано в ООО «МЕСОЛ»

Адрес издательства: 127051, г. Москва, Большой Каретный пер., 17 строение 2

ISBN 978-5-6043721-5-9

9 785604 372159

